VE RI
TAS

Годъ VIII-й. № 1-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

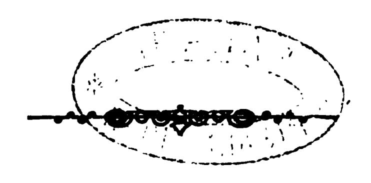
ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

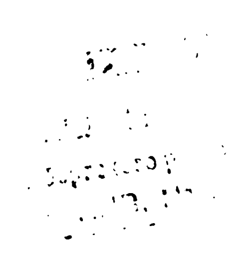
ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ЯНВАРЬ

1899 г.





С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1899.

Дозволено цензурою 29-го декабря 1898 г. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Чарльзъ Парнель.

ЧАРЛЬЗЪ ПАРНЕЛЬ.

(Страница изъ исторіи Англіи и Ирландіи).

Эпоха Парнеля, столь близкая хронологически и столь отдаленная въ моральномъ отношеніи, отошла въ область исторіи. Глубокое затишье, царящее въ англо-ирландскихъ дѣлахъ теперь и обѣщающее продолжиться еще значительное время, наступило не сразу послѣ смерти Парнеля. Когда билль Гладстона объ ирландскомъ самоуправленіи былъ въ 1893 году отвергнутъ палатою лордовъ, весьма многіе (въ томъ числѣ и самъ покойный вождь либераловъ) думали, что возникнутъ серьезнѣйшія осложненія въ парламентской и внѣпарламентской жизни, что на сценѣ явится снова парнелизмъ въ той или иной формѣ. Но эти опасенія не сбылись. Все глуше становились голоса гомрулеровъ, все тише и безцвѣтнѣе дѣлалось аграрное движеніе, все спокойнѣе и увѣреннѣе дѣйствовало англійское правительство и все небрежнѣе и невнимательнѣе стало относиться къ Ирландіи англійское общественное мнѣніе. Билль 1893 года оказался послѣднимъ отголоскомъ дѣятельности Парнеля; какъ только эта попытка была отбита,—на новыя уже никто не отваживался.

Повторятся ли опять въ ирландской исторіи восьмидесятые годы мы не знаемъ; съ увѣренностью можно сказать только, что новое движеніе сможетъ черпать для себя въ исторіи парнелизма цѣлый рядъ самыхъ поучительныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній. И если дѣятельность Парнеля навсегда сохранитъ живѣйшій практическій интересъ въ глазахъ тѣхъ, которые явятся его продолжателями, то не менѣе интересенъ этотъ человѣкъ также для всѣхъ, кого занимаютъ проблемы объ исторической роли индивидуальной личности, объ ея мѣстѣ въ общемъ ходѣ соціальной эволюціи. Глубокое и хроническое разстройство Ирландіи въ экономическомъ отношеніи, расовый антагонизмъ и необыкновенная яркость соціальныхъ контрастовъ въ этой странѣ—вотъ какія силы создали благопріятную почву для дѣятельности Парнеля и дали этой дѣятельности смыслъ и цѣль. Но если мы спросимъ себя, какимъ образомъ представитель интересовъ маленькой обнищалой провинціи могъ пятнадцать лѣтъ бороться съ государствомъ,

у котораго болѣе трехсотъ пятидесяти милліоновъ подданныхъ, то мы должны будемъ приписать Парнелю, и ему одному, честь исполненія этого, повидимому, неосуществимаго предпріятія. Если былъ когда-нибудь дѣятель, который использовалъ для своихъ цѣлей всѣ средства, бывшія въ его распоряженіи, то такимъ дѣятелемъ является Парнель. Все, что только можетъ сдѣлать индивидуальная воля, и все, что только можетъ придумать умъ государственнаго человѣка, было имъ сдѣлано и придумано. Біографія Парнеля представляетъ общій интересъ, потому что она вполнѣ ясно показываетъ, на какой предѣльной чертѣ необходимо останавливаются всѣ усилія разума и порывы чувства, какъ бы ни были они велики и широки, если только реальныя общественныя силы не могутъ доставить имъ достаточной поддержки. Удивительно не то, что парнелизмъ остался безрезультатнымъ, а то, что онъ больше десятилѣтія держалъ въ напряженіи всю Англію, и ключемъ къ нѣкоторому объясненію этой загадки всегда останется біографія ирландскаго лидера—и она одна.

I.

Отецъ Парнеля былъ англичанинъ и протестантъ; его предки выселились изъ Англіи въ Авондэльскій округъ, въ Ирландіи. За свое долговременное пребываніе въ Ирландіи Парнели близко сошлись съ ирландскимъ населеніемъ, которому были чужды и по расѣ, и по крови, и снискали себѣ искреннюю любовь аборигеновъ ихъ округа. Отецъ Парнеля, сэръ Джонъ, путешествую по Соединеннымъ Штатамъ, встрѣтился тамъ съ Миссъ Стюартъ, дочерью американскаго вице-адмирала, и женился на ней. Отъ этого брака и родился въ Авондэлѣ 27-го іюня 1846 года Чарльзъ Парнель. Дѣтство мальчика до 6 лѣтъ протекло въ домѣ родителей въ Авондэлѣ; когда ему исполнилось шесть лѣтъ, его отдали въ школу къ нѣкоему Бартону, въ Англіи. Здѣсь онъ окончилъ свое среднее образованіе и поступилъ въ университетъ. Каковы могли быть въ эту пору его политическія симпатіи, сказать трудно; онъ былъ очень скрытенъ и ни съ кѣмъ не дѣлился своими мыслями. Впослѣдствіи онъ говорилъ, что еще въ раннемъ дѣтствѣ сталъ врагомъ своего народа—англичанъ—и другомъ чуждыхъ ему ирландцевъ по слѣдующему поводу.

Жилъ въ Авондэлѣ старый дворникъ, съ которымъ маленькій Парнель очень подружился и который часто занималъ его своими разсказами. Старикъ помнилъ еще, какъ въ 1798 году ирландцы, выведенные изъ терпѣнія религіозными притѣсненіями и голодомъ, возстали противъ англійскаго владычества; помнилъ онъ также и страшное усмиреніе бунта. Объ одномъ изъ эпизодовъ усмиренія онъ и разсказалъ Парнелю *). Какой-то инсургентъ былъ взятъ въ плѣнъ и при-

*) O'Connor, Parnell movement. (London, 1886). Стр. 258.

говоренъ къ засѣченію до смерти. Распоряжавшійся экзекуціей полковникъ велѣлъ бить привязаннаго къ телѣгѣ плѣнника по животу и тотъ погибъ послѣ страшныхъ мукъ, все время умоляя сжалиться надъ нимъ и покончить разомъ.

Этотъ разсказъ,—по словамъ Парнеля,—и вселилъ въ его сердце ненависть къ англійскому владычеству. Поступивши въ Кэмбриджскій университетъ 18-ти лѣтъ, онъ провелъ тамъ четыре года; онъ не высказывался ни предъ кѣмъ изъ товарищей и намъ неизвѣстно, какой духовной жизнью жилъ онъ въ это время. Послѣ четырехлѣтняго пребыванія въ университетѣ Парнель въ 1869 году оставилъ это заведеніе, не получивши никакой ученой степени. Въ Кэмбриджѣ онъ производилъ на окружающихъ впечатлѣніе посредственнаго, ординарнаго юноши, который интересуется не столько науками, сколько крокетомъ и всякимъ другимъ спортомъ.

Въ 1867 году только произошло событіе, которое оказало громадное вліяніе на всю его жизнь и, по мнѣнію близкихъ, окончательно опредѣлило общій характеръ его политическихъ убѣжденій. Дѣло въ томъ, что въ шестидесятыхъ годахъ въ Ирландіи поднялось феніанское движеніе. Начались политическія убійства. Правительство при борьбѣ съ феніанствомъ соблюдало полную лойяльность: оно ставило посредникомъ между собою и феніями судъприсяжныхъ и заботилось лишь о возбужденіи своевременныхъ процессовъ противъ членовъ феніанскаго общества. Нѣсколько феніевъ сидѣло въ тюрьмѣ въ Манчестерѣ, когда въ началѣ 1867 года было произведено покушеніе со стороны ихъ товарищей освободить заключенныхъ; при этомъ покушеніи одинъ изъ часовыхъ былъ убитъ нападавшими. Виновные были схвачены, преданы суду *) и, послѣ обвинительнаго приговора присяжныхъ, приговорены къ смертной казни. Всѣ они были повѣшены въ Мончестерѣ. Парнель былъ страшно потрясенъ этимъ дѣломъ и сестра его говоритъ **), что съ тѣхъ поръ въ немъ совершился глубокій переворотъ. Узнавши о манчестерскихъ происшествіяхъ, онъ измѣнилъ своему обычному хладнокровію, со слезами бѣшенства говорилъ объ англичанахъ и долго не могъ успокоиться. Но потомъ все вскорѣ вошло въ свою колею.

По окончаніи университетскаго курса съ 1869 г. по 1874 Парнель жилъ въ доставшемся ему отцовскомъ помѣстьѣ около Авондэля и велъ лѣнивую, праздную и скучную жизнь country gentleman'а. Онъ былъ, по отзывамъ знавшихъ его въ то время лицъ, типичнымъ англійскимъ аристократомъ и по манерамъ, и по внѣшнему виду. Чѣмъ онъ занимался съ беззавѣтной энергіей, не щадя своихъ силъ—это спортомъ: онъ плавалъ, удилъ рыбу, охотился, катался верхомъ—и продѣлывалъ все это въ грандіозныхъ, пугающихъ размѣрахъ.

*) См. интересный отчетъ объ этомъ процессѣ въ Annual Register 1867, стр. 196. Изд. London, 1868).

**) Dictionary of national biography. Г. 43. Стр. 323. (London, 1895).

Съ начала 70-хъ годовъ онъ начинаетъ присматриваться къ ирландскимъ дѣламъ и вступаетъ въ первыя сношенія съ людьми, представлявшими тогдашнее движеніе. Прежде всего онъ познакомился съ именемъ Исаака Бьюта, который основалъ въ 1870 году «общество гомруля» и считался самымъ выдающимся и многообѣщающимъ человѣкомъ. Исаакъ Бьютъ былъ дѣятелемъ, въ политической добросовѣстности котораго никто не имѣлъ повода усомниться; что же касается до его убѣжденій, то онъ, засѣдая въ англійскомъ парламентѣ, придерживался того мнѣнія, что это государственное учрежденіе въ свое время дастъ и самоуправленіе Ирландіи и исполнитъ всѣ желанія ирландскихъ патріотовъ, если только его не раздражать и не пугать. Въ эти времена, т.-е. въ срединѣ 70-хъ годовъ, ирландскихъ гомрулеровъ было въ парламентѣ около шестидесяти; это число (и само по себѣ ничтожное) не можетъ быть понято въ томъ смыслѣ, что въ нижней палатѣ было шестьдесятъ человѣкъ убѣжденныхъ защитниковъ ирландскаго дѣла: болѣе половины изъ нихъ принадлежало къ англійскимъ вигамъ, голосовавшимъ обыкновенно противъ репрессивныхъ мѣръ, когда онѣ предлагались правительствомъ въ видахъ обузданія феніанскаго движенія. Эти 30—35 виговъ, примыкавшихъ къ ирландцамъ по частнымъ вопросамъ, позволяли также надѣяться на то, что, когда билль объ ирландскомъ самоуправленіи будетъ, наконецъ, представленъ въ палату, они, можетъ быть, подадутъ голосъ за него. Депутатовъ ирландцевъ, смотрѣвшихъ на свое присутствіе въ британскомъ парламентѣ только и исключительно, какъ на средство добиться home-rule'я, было не больше тридцати человѣкъ. При такихъ обстоятельствахъ Исаакъ Бьютъ не видѣлъ способа бороться съ большинствомъ иначе, какъ напоминаніями, убѣжденіями, просьбами, временными сдѣлками съ отдѣльными парламентскими котеріями. Онъ былъ добрый, мягкій человѣкъ, дѣйствовавшій такъ, какъ если бы имъ вполнѣ владѣла увѣренность, что англичане отказываются дать Ирландіи самоуправленіе по какому-то роковому недоразумѣнію, которое нужно устранить, и тогда все пойдетъ хорошо. Не видя почвы для борьбы въ парламентѣ, не имѣя охоты предпринять слишкомъ ожесточенную кампанію, этотъ человѣкъ придерживался политики au jour le jour и довольствовался тѣмъ, что при всякомъ удобномъ случаѣ напоминалъ нижней палатѣ о своей родинѣ и ея нуждахъ. Слѣдуетъ еще прибавить, что Исаакъ Бьютъ былъ человѣкъ бѣдный, долженъ былъ весь свой вѣкъ бороться съ нищетой, однажды сидѣлъ даже (въ разгарѣ предвыборной агитаціи, когда его присутствіе было особенно необходимо) въ долговой тюрьмѣ *).

---

*) См., напр., O'Connor, Parnell movement (London, 1889). Стр. 140: there used to be terrible stories even in the days, when he was an english member of parliament of *unpaid cabmen* and *appearances of police-courts.*

Маленькая, слабая, сѣренькая кучка ирландскихъ депутатовъ, ютившаяся около Исаака Бьюта, являлась представительницей движенія въ началѣ 70-хъ годовъ. Но если тутъ отсутствовалъ цѣлый рядъ условій, необходимыхъ для процвѣтанія и усиленія партійнаго дѣла, зато на лицо было одно обстоятельство, имѣющее большую важность и въ парламентской, и въ непарламентской жизни: строгая опредѣленность положительнаго идеала. Въ 1798 году въ Ирландіи произошло возстаніе, которое было подавлено и окончилось изданіемъ билля 26-го мая 1800 года о такъ называемой «окончательной уніи». Этотъ билль объявлялъ Ирландію неотдѣлимой частью Британскаго королевства и предоставлялъ странѣ посылать въ англійскій парламентъ 32 (избираемыхъ) перовъ въ палату лордовъ и сто депутатовъ въ палату общинъ. Въ виду того, что изъ этихъ ста человѣкъ всегда попадало въ парламентъ болѣе половины природныхъ англичанъ, живущихъ въ Ирландіи, страна считала себя лишенной дѣйствительнаго представительства и съ самаго начала 19-го вѣка ирландская партія поставила себѣ цѣлью добиться отмѣны (repeal) уніи и установленія особаго ирландскаго парламента, который бы вѣдалъ дѣла острова и лишь по нѣкоторымъ, самымъ общимъ вопросамъ внѣшней политики, былъ бы связанъ съ Англіей.

Вотъ главный базисъ движенія въ пользу гомруля, которое проходитъ черезъ все столѣтіе. Бывали времена, когда ирландская агитація вспыхивала такъ ярко и внезапно, что обращала на себя вниманіе всего міра; такъ было въ эпоху О'Коннеля, въ 30-хъ и 40-хъ годахъ; такъ бывало обыкновенно во времена кульминаціи тѣхъ голодовокъ, которыя періодически посѣщаютъ Ирландію. Соціальные вопросы здѣсь тѣсно переплетались съ политическими; въ самоуправленіи, въ гомрулѣ начинали видѣть панацею отъ всѣхъ экономическихъ золъ; вѣчный антагонизмъ кельтической и англо-саксонской расъ придавалъ движенію раздраженный, страстный характеръ, и вотъ почему борьба изъ-за гомруля принимала иногда такіе грандіозные размѣры. Классовой элементъ, національный антагонизмъ и вполнѣ опредѣленный ближайшій идеалъ—вотъ тѣ черты, которыя сдѣлали борьбу за самоуправленіе одною изъ самыхъ кровавыхъ страницъ въ исторіи Великобританской имперіи. Феніи, дѣйствовавшіе насильственнымъ образомъ противъ англійскихъ лендлордовъ и чиновниковъ, представляли внѣ-парламентскую сторону движенія; какъ было представлено движеніе въ палатѣ общинъ,—мы уже ска-[illegible]. Феніанство было противно Исааку Бьюту, который полагалъ, [illegible] оно только раздражаетъ англичанъ и тормозитъ разрѣшеніе во-[illegible]а о гомрулѣ путемъ положительнаго законодательства.

II.

[illegible]ь 1874 году должны были произойти общіе выборы въ парла-[illegible]: Бьютъ находился съ цѣлями агитаціи въ Дублинѣ, когда къ

нему явился въ одинъ прекрасный день молодой Чарльзъ Парнель и заявилъ, что желаетъ баллотироваться въ качествѣ члена ирландской партіи и намѣренъ поставить свою кандидатуру въ округѣ Уиклоу. Такъ какъ Бьютъ имѣлъ удовольствіе видѣть молодого человѣка въ первый разъ въ жизни, то изумленъ онъ былъ чрезвычайно. Дѣло въ томъ, что вѣдь до сихъ поръ Парнель никому въ мірѣ ни единаго слова о своихъ политическихъ убѣжденіяхъ не говорилъ, политикой совершенно не занимался и, вообще, до этого времени, т. е. до 28-милѣтняго возраста ни къ какому занятію, кромѣ спорта, пристрастія не обнаруживалъ. Далѣе, выглядѣлъ Парнель англійскимъ лендлордомъ чистой воды и говорилъ по-англійски съ тѣмъ акцентомъ, который дается только природнымъ британцамъ, а нужно сказать, что ирландскіе избиратели относятся къ этому достоинству очень двусмысленно. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Бьютъ зналъ, что и отецъ, и дѣдъ Парнеля всегда стояли за Ирландію противъ ея притѣснителей, и что это семейство пользуется въ странѣ большимъ почтеніемъ. Кромѣ того, Парнель былъ состоятеленъ, партія могла и не платить ему жалованья, которое получали отъ нея ирландскіе депутаты, слѣдовательно, для партійной кассы предвидѣлась значительная экономія, если бы Парнель былъ выбранъ.

Итакъ, отказать ему въ содѣйствіи партіи не было причинъ. Исаакъ Бьютъ доложилъ о просьбѣ Парнеля «комитету гомруля», завѣдывавшему предвыборной агитаціей. Комитетъ долго не зналъ, что ему дѣлать съ Парнелемъ, но все-таки рѣшилъ въ концѣ концовъ помочь молодому кандидату. На одномъ изъ митинговъ, предъ самыми выборами, Парнеля отрекомендовали публикѣ, какъ одного изъ желательныхъ членовъ будущей палаты, и предоставили ему произнести рѣчь. Тутъ произошло нѣчто въ высокой мѣрѣ непріятное и неожиданное *). Парнель взошелъ на трибуну и началъ что-то говорить быстро и невразумительно, останавливался, глоталъ слова, бормоталъ ихъ про себя и, наконецъ, измучивъ аудиторію, остановился на полусловѣ и умолкъ. Таковъ былъ ораторскій дебютъ новаго кандидата. Впечатлѣніе онъ произвелъ на слушателей самое странное: они недоумѣвали, какъ могъ комитетъ рекомендовать имъ такую бездарность. Черезъ короткое время послѣ митинга произошли выборы, и Парнель былъ проваленъ огромнымъ большинствомъ голосовъ.

Эти непріятности—скандалъ на митингѣ и неудача на выборахъ—не уменьшили энергіи Парнеля. И то, и другое онъ перенесъ совершенно спокойно и объявилъ, что, какъ только произойдутъ какіе-нибудь частичные, дополнительные выборы, онъ опять поставитъ свою кандидатуру. Случай представился: депутатъ отъ округа Мисъ весною 1875 года умеръ, и надо было выбрать новаго. Парнель баллотиро-

*) См. описаніе эпизода у очевидца Sullivan'a: New-Ireland, стр. 409.

вался и въ апрѣлѣ 1875 года былъ, дѣйствительно, избранъ. Вечеромъ 22 апрѣля 1875 года онъ впервый разъ вошелъ въ парламентъ.

Весенняя сессія 1875 года была для ирландской партіи очень интересна, такъ какъ правительство намѣрено было предложить билль о репрессіи (coercion) противъ феніанцевъ. Этотъ законопроэктъ охотнѣе и чаще назывался «биллемъ о сохраненіи спокойствія въ Ирландіи». Въ 1872 году число аграрныхъ преступленій достигло до 255, въ 1873 году до 254, въ 1874 году до 263 *). На этомъ основаніи членъ кабинета (Биконсфильда) сэръ Михаилъ Гиксъ-Бичъ полагалъ, что слѣдуетъ продолжить и на будущее время исключительные законы для Ирландіи и даже увеличить власть намѣстника. Ирландскіе депутаты протестовали, но слабо, безъ всякой системы, каждый отъ себя, не сговорившись съ товарищами.

Черезъ 4 дня послѣ своего вступленія въ палату, 26 апрѣля, Парнель произнесъ по поводу законопроекта свою первую рѣчь **). Онъ говорилъ въ этотъ вечеръ замѣчательно хорошо, такъ же, какъ въ продолженіе всей остальной своей карьеры; инцидентъ на ирландскомъ митингѣ былъ первымъ и послѣднимъ въ его жизни. Говорилъ онъ спокойно, громко, ясно, увѣренно, безъ малѣйшихъ признаковъ фразерства и какъ-то сразу заставилъ себя слушать. «Я удивляюсь», сказалъ онъ: «что по поводу нѣсколькихъ происшествій въ одномъ ирландскомъ округѣ намъ предлагаютъ установить исключительные законы для всѣхъ жителей острова. Намъ говорятъ, что наши англійскіе лендлорды боятся за свое право собственности. Но мы всегда слышимъ здѣсь о *правахъ* собственности и никогда ничего не слышимъ о ея *обязанностяхъ*»... «Намъ говоритъ г. депутатъ отъ Дерри, что даже ирландскіе арендаторы земли стоятъ за билль о репрессіи. Я не думаю, чтобы ирландскіе арендаторы настолько погрязли въ себялюбіи, что согласны жертвовать интересами своей страны выгодамъ своего класса. Можетъ быть придетъ день, когда ирландскій арендаторъ увидитъ, что я такой же искренній его другъ, какъ, напр., г. депутатъ отъ Дерри; я это прямо говорю, зная, что арендатору важно обезпеченіе его земли, но зная также, что корень всѣхъ ирландскихъ смутъ лежитъ въ томъ пренебреженіи и забвеніи въ которомъ находятся принципы ирландскаго гомруля... ***). Нельзя, смотрѣть на Ирландію, какъ на географическую частицу Англіи. Ирландія не географическая частица, а нація».

Послѣ Парнеля говорили и повторяли раньше сказанныя рѣчи другіе [члены] ирландской партіи. Какъ и слѣдовало ожидать, билль прошелъ въ

*) См. Annual Register 1875 (изд. Lond. 1876), part I, стр. 17.

**) Hansard's Parliamentary Debates, third series, 38 парл. сессія Викторіи, годъ 5 (изд. Lond. 1875), томъ 223-й, стр. 1643.

***) ...Knowing also, that in the neglect... of the principles of selfgovernment lay root of all irish trouble (Parliam. Deb., loco cit., стр. 1645.

первомъ чтеніи съ довольно значительнымъ большинствомъ (155 противъ 69) *); прошелъ онъ и въ остальныхъ чтеніяхъ. Приглядываясь къ своимъ товарищамъ по дѣлу (съ которыми онъ до сихъ поръ не встрѣчался), Парнель могъ замѣтить слѣдующее. То, что Исаакъ Бьютъ называлъ своею партіей, не вполнѣ заслуживало такого громкаго титула. Въ общемъ, людей, именовавшихъ себя «ирландскими патріотами», было отъ тридцати пяти до сорока; иногда къ нимъ присоединялись англійскіе виги, однако, твердо разсчитывать на это, значило бы обнаружить излишнюю довѣрчивость. Но, какъ ни мало было настоящихъ ирландцевъ, ядра партіи,—члены этого ядра уже успѣли между собою перессориться и такъ эффектно съумѣли это сдѣлать, что въ парламентѣ посторонніе люди увѣряли, будто ирландцы другъ съ другомъ совсѣмъ не разговариваютъ, а сносятся между собою, когда нужно, черезъ своихъ враговъ—англичанъ. Кромѣ того, хотя общій идеалъ—гомруль былъ вполнѣ ясенъ, но чуть ли не каждый изъ членовъ партіи въ началѣ 70 гг. имѣлъ свою особую практическую программу дѣйствій; такимъ образомъ, получалось нѣсколько десятковъ программъ. Если мы примемъ къ свѣдѣнію, что въ ежедневной парламентской жизни каждый творецъ программы слѣдовалъ ей, и только ей одной, то легко сможемъ себѣ представить, какъ внушительны должны были быть дѣйствія ирландской группы для британскаго парламента.

Кромѣ всего этого, были еще черты у большинства парламентскихъ товарищей Парнеля, которыя отдаляли его отъ нихъ: Исаакъ Бьютъ и много другихъ ирландскихъ депутатовъ относились къ феніямъ и ихъ дѣятельности не только отрицательно, но и прямо враждебно. Самъ Парнель съ феніями близокъ не былъ, но съ тѣхъ поръ, какъ еще во времена его студенчества въ Манчестерѣ повѣсили нѣсколькихъ феніевъ, онъ, не высказываясь до поры, до времени, прямо относительно ихъ политики, сталъ упорнымъ врагомъ всѣхъ мѣръ, предпринимаемыхъ противъ нихъ и вскорѣ послѣ его вступленія въ парламентъ для всѣхъ стало ясно, что феніанство не въ немъ должно искать своего оппонента. Обусловливалось ли это зарождавшееся сочувствіе фанатическимъ темпераментомъ, который таился въ Парнелѣ, или впечатлѣніемъ манчестерскихъ происшествій **), или соображеніями теоретическаго свойства, или всѣми этими обстоятельствами вмѣстѣ—мы не знаемъ; достаточно сказать, что эта черточка была подмѣчена Бьютомъ и другими ирландскими депутатами—и не произвела на нихъ особенно выгоднаго впечатлѣнія. Феніи, съ своей

---

*) Счетъ голосовъ см. Parliam. Deb., стр. 1662 и 1683.

**) O'Connor прямо говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ (Commission edition, Lond. 1889—parnell-movement, стр. 137): to him, brooding from his early gays over the history of his country, this catastrophe came to crystallize impressions into convictions and to pave the vay from dreams to action. It was the execution of Allen, Larkin and O'Brien that gave M-r Parnell to the service of Ireland.

стороны, къ дѣятельности такихъ людей, какъ Исаакъ Бьютъ, относились рѣзко отрицательно, а къ Парнелю съ первыхъ его шаговъ почувствовали довѣріе *). Когда въ іюнѣ 1876 года Гиксъ-Бичъ называлъ феніевъ убійцами, Парнель громко протестовалъ и произвелъ тогда въ первый разъ сильную сенсацію.

Но ни въ 1875, ни 1876 годахъ онъ не выступалъ серьезно на парламентской аренѣ; онъ все присматривался и готовился къ борьбѣ. Вести дѣло такъ, какъ его вели до сихъ поръ ирландцы, представлялось ему безполезнымъ; ясно было, что никакія просьбы и обращенія къ парламенту относительно гомруля не приведутъ ни къ какимъ результатамъ. Не имѣя надежды упросить кабинетъ Биконсфильда сдѣлать что-нибудь для Ирландіи, партія не могла и пытаться низвергнуть кабинетъ уже вслѣдствіе своей, крайней малочисленности, даже если бы она была хорошо организована. И вотъ, у Парнеля созрѣлъ планъ, которому суждено было осуществиться на глазахъ всей Европы. Онъ рѣшилъ тормозить и останавливать конституціонную жизнь страны, пользуясь для этого всѣми средствами, какія только даетъ законъ каждому депутату, пуская въ ходъ всѣ пружины парламентской формалистики. Намѣреніе было смѣлое; привести его въ исполненіе значило какъ разъ остановиться на той грани, которая отдѣляетъ легальные пріемы борьбы отъ революціонныхъ. Разумѣется, разъ ставилась задача систематически затруднять парламентскую жизнь,—не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы сохранить добрыя отношенія съ либералами; каждый либералъ долженъ былъ такъ же яро возстать противъ этихъ замысловъ, какъ самъ премьеръ Биконсфильдъ.

Исаакъ Бьютъ сразу воспротивился плану Парнеля. Правда, обструкція примѣнялась уже раньше нѣсколько разъ ирландской партіей,—но это были отдѣльные, спорадическіе случаи, имѣвшіе цѣлью отложить обсужденіе непріятнаго законопроэкта и только; о томъ, чтобы бросить перчатку въ лицо всему парламенту, безъ различія партіей, чтобы открыто стараться дискредитировать палату и создать серьезнѣйшія осложненія въ государстненной жизни,—о такомъ шагѣ ирландцы не думали. Въ сущности, примиренія между образомъ дѣйствій Бьюта и новой политикой Парнеля—быть не могло. На вопросъ: можно ли чего-нибудь ожидать отъ парламента, если не вызывать его гнѣва? Бьютъ отвѣчалъ: да, можно, а Парнель отвѣчалъ: нѣтъ, нельзя. Бьютъ ничего такъ не боялся, какъ порвать съ парламентомъ, а Парнель сознательно на это шелъ. Ирландцы колебались, не зная за кѣмъ слѣдовать. Пока, въ 1877 году, большинство стало на сторону Бьюта; изъ меньшинства нѣкоторые остались нейтральными, но высказывались—и

*) См. отзывъ стараго фенія John'a O'Leary (Recollections of Fenians and Fenianism, London 1896, томъ 2-й, стр. 169).

лишь нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ нѣкто Биггаръ, объявили себя на сторонѣ Парнеля. Биггаръ, который имѣлъ полное право называть себя парнелитомъ до Парнеля, практиковалъ уже время отъ времени обструкцію нерѣдко на собственный рискъ и страхъ. Теперь, когда обструкція возводилась въ систему, онъ съ радостью предложилъ Парнелю свои услуги и убѣдилъ еще нѣсколькихъ ирландцевъ въ правильности парнелевскаго метода. Лѣтомъ 1877 года началась кампанія.

7-го іюня обсуждался билль о тюрьмахъ, законопроэктъ частнаго характера, никого особенно не интересовавшій. Парнель придирался буквально къ каждому слову докладчика, дѣлалъ вопросы за вопросами и добился того, что цѣлый день былъ убитъ на всевозможные пустяки, и билль отложенъ. Это было обструкціонистскимъ дебютомъ. Сначала въ парламентѣ выражали мнѣніе, что опять дѣло идетъ о частичной ирландской обструкціи, и только недоумѣвали, почему вдругъ ирландцамъ захотѣлось задерживать билль, не имѣющій къ нимъ никакого касательства. Но вскорѣ палата увидѣла, что она должна считаться не съ частичной, случайной обструкціей, а съ принципіальной. Почти черезъ мѣсяцъ послѣ билля о тюрьмахъ обсуждался проэктъ объ измѣненіи военно-судныхъ законовъ. Парнель опять вмѣшался *), не далъ даже приступить къ разсмотрѣнію законопроэкта въ его цѣломъ, безконечно затягивалъ пренія, и палата, просидѣвши отъ 4 часовъ пополудни 2-го іюля до 7 ч. 15 м. утра 3-го іюля, разошлась, не приступивъ къ голосованію. Это страшно взволновало парламентъ. Парнель говорилъ своимъ поведеніемъ: «или вы дадите Ирландіи гомруль, или не сможете проводить за сессію и четверти тѣхъ законовъ, какіе необходимы».

Но дѣлать было нечего: онъ стоялъ все время на твердой почвѣ закона. Черезъ три недѣли слишкомъ послѣ билля о военныхъ судахъ на очередь сталъ вопросъ о южно-африканскихъ колоніяхъ Англіи, объ отношеніяхъ къ Трансваалю, который Англія хотѣла присоединить къ своимъ владѣніямъ. Напрасно лордъ-канцлеръ старался поскорѣе привести дѣло къ концу; напрасно члены парламента громко разговаривали, когда Парнель произносилъ свои рѣчи; напрасно докладчикъ былъ щепетильно точенъ и ясенъ. Запросы, недоумѣнія, придирки Парнеля и ирландцевъ слѣдовали другъ за другомъ длинной вереницей, и конца имъ не предвидѣлось. Атмосфера достигла той степени напряженности, когда со стороны даже сдержанныхъ людей мыслимы нѣкоторые эксцессы. Парнель говорилъ, повторялся нарочно, утверждая **), что постоянный шумъ не даетъ ему толкомъ высказаться, а время шло. Но вотъ, члены палаты стали слу-

*) Parliamentary Debates, 40 и 41 парл. Викторіи, томъ 235-ый, стр. 656, 659.
**) Parliam. Debates, томъ 235 стр. 1808.

шать его внимательнѣе: онъ говорилъ объ Ирландіи, сравнивалъ ее съ Южной Африкой, о которой шла рѣчь и приходилъ къ неожиданнымъ выводамъ. «Мнѣ кажется», говорилъ онъ: «что британскій парламентъ долженъ раньше привести въ порядокъ свои дѣла съ тѣми націями, которыя уже ему подчинены, а потомъ уже приниматься за вопросы о Южной Африкѣ. Мнѣ кажется, что проэктируемое образованіе конфедераціи южно-африканскихъ земель составляетъ лишь часть своекорыстной британской политики. Англійское правительство знать не хочетъ желаній другихъ и совершенно пренебрегаетъ интересами своихъ колоній. Вы просите теперь, джентльмены, чтобы мы вамъ помогли и дальше осуществлять эту эгоистическую политику. Нѣтъ, я пришелъ изъ Ирландіи, изъ страны, которая наиболѣе полнымъ образомъ испытала результаты англійскаго вмѣшательства въ ея дѣла и послѣдствія англійской тиранніи и жестокости,—и вотъ почему я нахожу совсѣмъ особое, спеціальное удовольствіе въ томъ, чтобы бороться съ намѣреніями правительства относительно Южной Африки». Все это было сказано спокойно и, какъ увѣряютъ слушавшіе рѣчь Парнеля, безконечно презрительно *). Канцлеръ казначейства въ бѣшенствѣ вскочилъ со своего мѣста и потребовалъ, чтобы эти слова были внесены въ протоколъ. Парнель цѣлую сессію мѣшалъ спокойно работать, задерживилъ дѣла, въ лицо смѣялся надъ палатой—и кончаетъ тѣмъ, что осмѣливается оскорблять британскую націю! Канцлеръ былъ внѣ себя. Онъ сейчасъ же предложилъ, чтобы Парнель на три дня былъ исключенъ изъ палаты **).

Парнель, по-прежнему сохраняя ледяное спокойствіе, вмѣсто объясненій по существу нашелъ возможность и изъ этого инцидента создать предлогъ для обструкціи: «на какомъ основаніи»,—спросилъ онъ,—«канцлеръ до того, какъ покончены одинъ билль (о Южной Африкѣ) вноситъ другой—(о томъ, чтобы меня выгнать на три дня)? Это противъ правилъ!»

Тонъ его словъ и его поведенія былъ такъ глубоко оскорбителенъ, что палата, какъ одинъ человѣкъ, возмутилась противъ него. Но что же можно было сдѣлать? Вѣдь самыя слова Парнеля были строго конституціонны: выражать свое мнѣніе никому не возбраняется, и члены парламента за это не отвѣтственны. А за тонъ, за манеру высказывать свои мысли наказаній нѣтъ. Парнель одинъ во всей палатѣ былъ спокоенъ; всѣ были измучены физически, взволнованы, а многіе потрясены безсильнымъ гнѣвомъ. Но Парнель могъ знать, что ни правительство, ни палата: въ Англіи противъ закона не пойдутъ, какъ бы онъ ни былъ не кстати; предложеніе канцлера было отклонено. Тогда герой инцидента снова поднялся, повторилъ свои слова объ англійскомъ своекорыстіи, ничуть

*) Filon, profils anglais, 233, 234, 235 (Paris, 1893).
**) Parliamentary Debates, т. 235 стр. 1811.

ихъ не смягчивъ, и продолжалъ задавать свои безчисленные вопросы и затягивать пренія. Биггаръ и еще пять-шесть ирландцевъ помогали ему. Чѣмъ больше проходило времени, тѣмъ какъ будто бодрѣе и свѣжѣе становился Парнель. Ночь давно наступила, а дѣло не подвинулось впередъ ни на шагъ. Въ 6 часовъ утра палата разошлась, ничего не сдѣлавъ, и билль о Южной Африкѣ отложили на недѣлю.

Но и черезъ недѣлю, 31 іюля, какъ только началось засѣданіе) Парнель и Биггаръ опять стали задерживать обсужденіе вопроса [1], придирками къ каждой фразѣ защитниковъ доклада. Стоитъ прочитать протоколъ засѣданія [2]), чтобы понять, насколько неисчерпаема человѣческая энергія и изобрѣтательна человѣческая голова. Окончился день 31-го іюля, наступила и прошла ночь, и на разсвѣтѣ Парнель съ такимъ же интересомъ и такою же бодростью слушалъ, записывалъ, интерпеллировалъ, говорилъ рѣчи, какъ всегда. Тогда палата раздѣлилась на семнадцать группъ, и было рѣшено, чтобы каждая группа по очереди слушала Парнеля, а остальныя, чтобы пока спали. Мѣра эта была неслыханной въ парламентской исторіи, но Парнель не потерялся: онъ тутъ же объявилъ Биггару, что и они съ нимъ будутъ спать по очереди; бодрствующій долженъ говорить и, вообще, занимать палату. Такъ они и поступили. Собственно Парнель не пользовался своимъ правомъ на отдыхъ; его желѣзная натура выдерживала все. Когда Биггаръ засыпалъ, члены палаты бросали на полъ тяжелыя «синія книги», чтобы разбудить его и не дать отдохнуть [3]). Съ изумленіемъ жители Лондона прочли [4]) утромъ 1-го августа въ газетахъ, что палата еще засѣдаетъ со вчерашняго дня. Наконецъ, послѣ двадцатишестичасового засѣданія, непрерывавшагося ни на минуту, билль прошелъ.

III.

Исаакъ Бьютъ и многіе ирландцы, бывшіе на его сторонѣ, негодовали на Парнеля не хуже англичанъ. Англичане привыкли видѣть въ Бьютѣ человѣка, съ которымъ можно вести дѣло о гомрулѣ спокойно, не торопясь и безъ всякихъ понужденій съ той или другой стороны [5]). Въ свою очередь, Бьютъ понималъ, что ужъ теперь на доброе отношеніе палаты къ ирландцамъ нечего и разсчитывать. Въ Лондонѣ и всей Англіи только и было разговоровъ, что о Парнелѣ и обструкціонизмѣ; результаты законодательнаго періода сводились къ нулю; вопросъ о гомрулѣ сталъ гнетущей злобой дня. Та война, ко-

---

[1]) Parliament. Debates, 40—41 парл. Викторіи, т. 236, стр. 278, 286, 261, 281 и 298.

[2]) Parliam. Debates, 40—41 Викторія т. 236 стр. 271—302.

[3]) Nemours Gogré, Parnell (Paris 1892), стр. 31.

[4]) Iohnston, Parnell and Parnells (Dublin 1888), стр. 25.

[5]) См. характеристическое мѣсто о Бьютѣ въ Annual Register 1877, part I, стр. 46.

торую Парнель началъ противъ парламента, могла привести или къ его побѣдѣ, или къ пріостановкѣ государственной жизни, или къ кореннымъ измѣненіямъ въ парламенскомъ уставѣ, а на такія измѣненія англичане рѣшаются весьма неохотно. Многихъ поддерживала еще та мысль, что Парнель одинокъ или почти одинокъ въ собственномъ лагерѣ. Взрывъ симпатіи и сочувствія къ Бьюту послѣдовалъ даже среди тѣхъ фракцій парламента, которыя полагали, что если Ирландія въ чемъ нуждается, то исключительно въ законахъ объ усмиреніи.

Но недолго пришлось парламенту питать эти надежды. И Парнель, и Бьютъ, и ирландцы-депутаты, всѣ понимали, что на среднемъ терминѣ между политикой Бьюта и политикой Парнеля остановиться нельзя, и что, чѣмъ скорѣе будетъ сдѣланъ окончательный выборъ, тѣмъ лучше. Но если еще между депутатами могъ дебатироваться этотъ вопросъ, то въ Ирландіи онъ уже былъ рѣшенъ. Опять встрепенулась вся страна; опять она переживала старыя воспоминаоія; опять воскресали о'коннелевскія традиціи. Та глубокая, холодная и сознательная ненависть къ англичанамъ, которая никогда не теряетъ въ Ирландіи своей силы и всегда ищетъ выраженія, всѣхъ сдѣлала парнеллитами, какъ только вѣсть о лѣтней обструкціи долетѣла до острова *).

13-го августа кончилась заторможенная Парнелемъ сессія, и онъ тотчасъ же уѣхалъ изъ Лондона въ Ирландію; 21-го въ Дублинѣ былъ устроенъ въ честь его огромный митингъ. Пріемъ былъ проникнутъ такимъ энтузіазмомъ, что никого, разумѣется, не удивило рѣшеніе митинга: выразить горячее сочувствіе новымъ людямъ и новой политикѣ. Въ первый разъ послѣ временъ О'Коннеля Ирландія снова чувствовала себя силой; и, главное, силу эту Парнель пустилъ въ ходъ, не тратя ни капли ирландской крови, сохраняя рессурсы страны для иныхъ способовъ дѣйствія. Но мало того, что обструкція такъ же не дала парламенту спокойнаго существованія, какъ англичане не даютъ его, по мнѣнію ирландцевъ, ихъ странѣ. Кромѣ злораднаго сознанія, что Парнель на парламентѣ вымещаетъ ирландскія обиды, дублинскіе чествователи помнили и повторяли рѣчь Парнеля о Южной Африкѣ и ставили въ заслугу тонъ, которымъ этотъ человѣкъ говорилъ въ палатѣ общинъ. И въ довершеніе торжества—онъ былъ лендлордъ, протестантъ и чистокровный англо-саксъ: ирландскіе націоналисты могли всему міру сказать, что ихъ положеніе возмущаетъ не только тѣхъ, кто отъ него страдаетъ, но и людей, имѣющихъ всѣ основанія стоять на сторонѣ господствующаго класса. Исаакъ Бьютъ и его друзья сознавали, что ихъ время прошло. Когда докторъ, лѣчившій больного Бьюта, старался его ободрить, старикъ отвѣчалъ одно: «Нѣтъ, мой часъ пробилъ, скоро огонь будетъ потушенъ». Извѣстія о парнеллистскихъ митингахъ доходили до него одно за другимъ; всюду сравнивали его политику съ пар-

*) O'Connor, Parnel-movement (1889, Lond.), стр. 161.

нелевской, и всюду Парнель торжествовалъ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ вся Ирландія стояла на сторонѣ молодого депутата и вскорѣ послѣдовавшая смерть Бьюта ничего не измѣнила въ положеніи дѣлъ. Парнелиты заявляли, что они ненавидятъ англійское правительство, не уважаютъ его, будутъ бороться съ нимъ до послѣдней степени и ничего не уступятъ изъ своихъ требованій.

Обструкція въ парламентѣ продолжалась своимъ чередомъ. Въ 1878 году правительство лорда Биконсфильда начало дѣлать первые шаги: былъ изданъ законъ о народномъ образованіи въ Ирландіи, совершенно такой, какого желалъ Парнель. До сихъ поръ «политика кротости» покойнаго Бьюта не мѣшала парламенту и правительству оставаться глухими къ какому бы то ни было желанію ирландцевъ; теперь, въ первый разъ, осязательно обнаружились результаты парнелизма, и восторгъ передъ Парнелемъ сталъ всеобщимъ.

Въ это же время, т. е. въ 1877 и 1879 гг. началось въ Ирландіи новое движеніе, въ которомъ Парнелю также суждено было играть первую роль. Ирландію посѣтилъ голодъ; неурожай картофеля повлекъ за собою такія страшныя бѣдствія, такую массовую смертность, что населеніе пришло въ совершенно отчаяніе. Во главѣ ирландскаго управленія стоялъ сэръ Джемсъ Лоутэръ; сэръ Лоутэръ былъ положительно убѣжденъ, что никогда голода не было бы, еслибы не агитаторы, волнующіе страну и говорящіе о голодѣ. Во всякомъ случаѣ онъ держался того мнѣнія, что безпокоить свое непосредственное начальство, лорда Биконсфильда, извѣстіями объ ирландскихъ дѣлахъ и безполезно, и неловко, и, поэтому, на всѣ запросы съ непоколебимою стойкостью отвѣчалъ, что въ Ирландіи голода нѣтъ, а есть нѣкоторый недочетъ въ сборѣ урожая. Парнель и его друзья открыли глаза англійскому обществу на то, что творится въ Ирландіи, и вызвали сильное движеніе сочувствія среди самыхъ разнообразныхъ соціальныхъ слоевъ. Голодъ лишній разъ напомнилъ, что, если гомруль необходимъ и въ политическомъ отношеніи, и по своимъ вѣроятнымъ послѣдствіямъ для соціальной жизни страны, то, во всякомъ случаѣ, не мѣшаетъ, пока самоуправленія еще нѣтъ, попытаться провести черезъ британскій парламентъ нѣкоторыя мѣры экономическаго характера.

Михаилъ Дэвиттъ *), молодой ирландецъ, участвовавшій еще подросткомъ въ фэніанскомъ движеніи средины шестидесятыхъ годовъ и приговоренный къ каторжнымъ работамъ, вернулся послѣ семилѣтней каторги въ Ирландію и здѣсь, подъ впечатлѣніемъ ужасовъ голода, рѣшился основать «земельную лигу», общество, которое поставило бы себѣ цѣлью добиться закрѣпленія законодательнымъ путемъ за ирландскими фер-

*) Къ сожалѣнію, пока слишкомъ мало и неполно писано о Дэвиттѣ, хотя его дѣятельность заслуживала бы обстоятельной монографіи. На ирландской партіи лежитъ обязанность опубликовать, по крайней мѣрѣ, всѣ матеріалы, нужныя для такого труда.

мерами арендуемыхъ у лендлордовъ земельныхъ участковъ. Это должно было бы осуществиться постепенно, путемъ установленія сначала пожизненныхъ земельныхъ держаній, потомъ наслѣдственныхъ арендъ и пр. Создавши такую программу, Дэвиттъ обратился за поддержкой къ Парнелю.

Если мы спросимъ себя, почему Дэвиттъ пришелъ именно къ Парнелю, почему всякое 'движеніе, возникавшее въ Ирландіи съ конца 70-хъ годовъ, не было увѣрено въ своей долговѣчности, пока Парнель не становился на его сторону, почему сильные, энергичные и честолюбивые люди въ Ирландіи склонялись предъ нимъ и дѣлались рядовыми его арміи, то общій и достаточно неопредѣленный отвѣтъ найдемъ въ личномъ обояніи, которое, по единодушнымъ отзывамъ всѣхъ дѣятелей этого недавняго прошлаго, производилъ Парнель. Мы знаемъ изъ воспоминаній о немъ, что многіе (особенно въ началѣ его карьеры) приходили на митингъ анти-парнелитами и, послушавши его, становились его безусловными приверженцами; мы видимъ также, что тридцати трехъ-четырехъ лѣтъ отъ роду онъ сталъ дѣйствительне «некоронованнымъ королемъ» Ирландіи; что въ томъ возрастѣ, когда большинство политическихъ дѣятелей начинаетъ свою карьеру, онъ уже достигъ подавляюще громаднаго вліянія. Огромный ораторскій талантъ, способность, переживая самыя сильныя и бурныя чувства, глубоко скрывать ихъ, твердость, стойкость и неустрашимость характера, организаторскія способности, наконецъ, даже англичанъ удивлявшее хладнокровіе—быстро поставили его надъ остальными членами ирландской партіи.

Дэвиттъ разсказываетъ *), что въ продолженіе всего времени, пока онъ говорилъ о проектируемой лигѣ, Парнель не перебивалъ его и ни о чемъ не разспрашивалъ, а казался исключительно занятымъ своей сигарой. Когда Дэвиттъ окончилъ, Парнель всталъ, стряхнулъ пепелъ и сказалъ: «я это сдѣлаю. Не знаю, смогу ли я поладить со всѣми вашими товарищами, но все равно. Я это сдѣлаю» **).

Для того, чтобы вести пропаганду идей земельной лиги, нужны были деньги; для того, чтобы помочь голодающему населенію Ирландіи, также нужны были деньги, и Парнель рѣшилъ отправиться въ Соединенные Штаты, чтобы устроить тамъ рядъ митинговъ и прочесть серію публичныхъ лекцій. Еще раньше, въ сентябрѣ 1879 года онъ пожелалъ поставить твердо на ноги новое общество и издалъ воззваніе къ Ирландіи, въ которомъ просилъ ирландцевъ всѣми мѣрами помогать лигѣ. Цѣлая масса филіальныхъ организацій, подчиненныхъ дублинскому комитету «земельной лиги», была открыта въ провинціи. 29-го сентября Парнель говорилъ о феніяхъ, съ живымъ сочувствіемъ отзывался объ ирландцахъ, принужденныхъ по тѣмъ или инымъ причинамъ эмигри-

*) Filon. 247.
**) Ibid.

ровать изъ своей родины въ Америку, изложилъ рядъ мыслей о федераціи и союзѣ всѣхъ ирландцевъ, гдѣ бы они ни жили, для борьбы съ общимъ врагомъ—Англіей. Въ октябрѣ того же 1879 года Парнель былъ избранъ предсѣдателемъ земельной лиги. Нужно сказать, что онъ нѣсколько измѣнилъ программу Дэвитта, внесши туда и политическій элементъ. Онъ заявилъ, что лига будетъ бороться не только, чтобы земля принадлежала, какъ собственность, ирландскому населенію, но чтобы также поскорѣе былъ данъ гомруль. Характеристично, что и здѣсь Парнель настаивалъ на необходимости отбросить въ сторону всякое маскированіе и не оставить англичанамъ даже повода усомниться во враждебности къ нимъ новой лиги. Состояніе открытой войны было любимѣйшимъ терминомъ парнелевской дипломатіи. Феніи, которые съ самаго начала, какъ уже было замѣчено, тепло относились къ Парнелю, не упускали теперь случая оказать свою любовь къ нему и преданность къ новой лигѣ. «Пусть всякій борется противъ Англіи, кто какъ можетъ, всѣ ея враги—наши союзники», много разъ повторялъ Парнель въ 1879 году, и эти слова были слышны и черезъ Атлантическій океанъ и сквозь тюремныя стѣны. Что касается до чисто экономической стороны программы «лиги», то Парнель и здѣсь ставилъ вопросъ рѣзче и опредѣленнѣе: «средняя плата должна заключать въ себѣ погашеніе стоимости земли; въ тридцать лѣтъ всѣ арендуемые земельные участки должны стать собственностью арендаторовъ; лендлордъ не имѣетъ права прогнать арендатора съ его участка».

Правительство лорда Биконсфильда, узнавши, что Парнель принимаетъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ земельной лиги, встревожилось весьма сильно и стало зорко слѣдить за членами новаго общества. Въ началѣ декабря Дэвиттъ и еще два члена лиги (Дэли и Килленъ) были арестованы за революціонныя рѣчи, произнесенныя на митингѣ. Это было сильнымъ ударомъ для неоперившагося общества, но чѣмъ труднѣе становилась борьба, тѣмъ болѣе возрастала энергія Парнеля. Придерживаясь извѣстнаго мнѣнія о томъ, что деньги—нервъ войны, онъ рѣшилъ не откладывать своей поѣздки въ Америку для сбора необходимыхъ суммъ. Уладивши кое-какъ партійныя и частныя дѣла, 21-го декабря 1879 года онъ выѣхалъ изъ Квинстоуна *), а 1-го января 1880 года прибылъ въ Санди-Гукъ, въ Америкѣ.

IV.

Ирландская эмиграція всегда являлась для Соединенныхъ Штатовъ самою значительною по своимъ размѣрамъ. Если мы возьмемъ лучшую описательную энциклопедію **), относящуюся какъ разъ къ

*) «Dictionary of national biography», 326 (т. 43-й).

**) Барона Кольба. Я пользовался дополненнымъ англійскимъ изданіемъ (The conditions of nations social and political with complete comparative tables of universal statistics by G. Fr. Kolb; translated and collated to 1880 by M-rs Brewer (London, 1880).

тому году, когда Парнель поѣхалъ въ Америку, и развернемъ ее на 778 страницѣ, то увидимъ, что, сравнительно съ общей цифрой народонаселенія, Ирландія всегда выбрасывала въ Америку гораздо больше людей, нежели какая-либо другая страна въ мірѣ, такъ что, напр., въ началѣ 70-хъ годовъ земледѣліемъ и промышленностью было занято въ Соединенныхъ Штатахъ всего $12^1/_2$ милліоновъ рабочихъ и изъ нихъ почти милліонъ принадлежалъ къ ирландской націи, а изъ остальныхъ $11^1/_2$ милліоновъ—десять милліоновъ было природныхъ гражданъ Соединенныхъ Штатовъ и всего $1^1/_2$ лицъ остальныхъ національностей (китайской, французской, англійской, германской и пр.). Нужно замѣтить также, что, если, такимъ образомъ, у Парнеля была нѣкоторая почва въ Америкѣ въ видѣ поддержки ирландскихъ эмигрантовъ, то онъ могъ также надѣяться и на сочувствіе американскаго общества. Традиціонный антагонизмъ между Англіей и Штатами, долголѣтняя борьба англичанъ противъ торговли неграми, а потомъ конкурренція капиталовъ обѣихъ странъ,—всѣ эти причины сильно способствовали тому, что американское общественное мнѣніе всегда демонстративно становилось на сторону ирландцевъ противъ ихъ враговъ; правда, отъ этого капиталистическій строй не угнеталъ ирландскихъ эмигрантовъ менѣе, нежели американскихъ аборигеновъ, но сочувствовать Ирландіи было тамъ всегда въ модѣ.

Феніи находили въ Штатахъ безопасное убѣжище и пріютъ; когда Ирландію посѣщалъ голодъ, въ Нью-Іоркѣ и другихъ крупныхъ центрахъ восточнаго побережья устраивались благотворительные базары; американская пресса обыкновенно очень сочувственно отмѣчала выдающіеся факты изъ дѣятельности ирландской оппозиціи. О Парнелѣ въ Америкѣ говорили очень много, какъ только онъ началъ систематическую обструкцію; знали тамъ также о его намѣреніи совершить агитаціонное tournée по Штатамъ и ждали этого съ нетерпѣніемъ какъ ирландцы, такъ и американская публика. Съ такимъ же интересомъ, хотя нѣсколько иначе окрашеннымъ, слѣдила за путешествіемъ Парнеля англійская имперіалистская пресса.

Одинъ лондонскій журналистъ, Филиппъ Бэджналь, въ своемъ довольно любопытномъ памфлетѣ объ американскихъ ирландцахъ *) прослѣдилъ шагъ за шагомъ путешествіе Парнеля и перепечаталъ нѣкоторыя его рѣчи въ своей книгѣ, имѣвшей большой успѣхъ. 26-го января (1880 г.) Парнель произнесъ на митингѣ въ Квивлэндѣ слова, вызвавшія противъ него въ Англіи цѣлую бурю. «Я видѣлъ,—сказалъ онъ,—вооруженныхъ ирландцевъ, служащихъ въ американской милиціи. Мнѣ кажется, что всякій изъ нихъ долженъ былъ думать: о, еслибъ можно было воспользоваться этимъ оружіемъ для

*) «The american Ihrish and their influence on irish politics», by P. Bagenal (London, 1882).

Ирландіи!» *). Тутъ громовые аплодисменты прервали оратора. «Ничего,—продолжалъ онъ,—дѣло дойдетъ до этого теперь или послѣ». 16-го февраля онъ говорилъ въ Питстоунѣ предъ огромной аудиторіей о положеніи Ирландіи въ послѣдніе годы. «Я вамъ даю слово,—сказалъ онъ собравшимся ирландцамъ,—что буду бороться такъ упорно, какъ вы только можете пожелать. Лендлорды и правительство продолжаютъ свое дѣло изгнанія фермеровъ и ихъ семействъ изъ ихъ участковъ, но изъ крови храбрыхъ коннемарскихъ женщинъ, возставшихъ противъ разорителей очага, поднимется сила, которая прочь снесетъ не только всю систему землевладѣнія, но и гнусное правительство, которое ее поддерживаетъ». 23-го февраля онъ говорилъ въ Цинцинати **). «Я увѣренъ, что мы убьемъ систему лендлордовъ. Когда мы возвратимъ ирландскую землю ирландскому народу, мы получимъ основаніе, на которомъ построимъ жизнь націи. Когда мы подорвемъ англійское хозяйничанье, этимъ расчистимъ дорогу къ достиженію того, чтобы Ирландія заняла свое мѣсто между другими народами. И не думайте, пожалуйста, что гомруль—*крайняя* цѣль, къ которой мы стремимся. Никто изъ насъ, гдѣ бы мы ни были—въ Америкѣ или Ирландіи—не будетъ удовлетворенъ, пока не порвется послѣдняя связь, соединяющая Ирландію и Англію».

Ораторскій талантъ Парнеля развернулся въ Америкѣ во всю ширь. Онъ говорилъ спокойно, такъ же, какъ во время парламентскихъ волненій. Но это спокойствіе, полное отсутствіе чего бы то ни было похожаго на искусственную подогрѣтость, искренность убѣжденія, чувствовавшаяся въ каждомъ словѣ,—все это производило громадное дѣйствіе на умы слушателей. Повидимому, онъ былъ такимъ же идеальнымъ ораторомъ англо-саксонскаго типа, какъ Гамбетта—типа французскаго.

Можно сказать, что въ Америку Парнель поѣхалъ извѣстнымъ человѣкомъ, а вернулся оттуда признанною знаменитостью. Оваціи слѣдовали одна за другой: въ Вашингтонѣ его полуоффиціально пригласили говорить въ залѣ конгресса ***); пожертвованія лились рѣкою. За два мѣсяца пребыванія въ Америкѣ онъ собралъ 350.000 долларовъ ****) для кассы «земельной лиги», не считая суммъ, предназваченныхъ въ пользу голодающихъ. Блестящій успѣхъ и матеріальный, и политическій (потому что сочувствіе къ Ирландіи проявлялось въ Штатахъ самымъ рѣшительнымъ образомъ) заставлялъ думать, что путешествіе не такъ скоро окончится, но совершенно неожиданно Парнель получилъ извѣстіе, что Биконсфильдъ распустилъ палату и назначилъ новые выборы. Тогда онъ моментально бросилъ все и, не теряя ни одного дня, отправился въ Ирландію.

*) «The american Irish», стр. 200.
**) «The american», стр. 201.
***) Iohnston, «Parnell and parnells» (Dublin, 1880), стр. 37.
****) Около 700.000 рублей.

Палата была распущена 8-го марта 1880 года, а на другой день въ газетахъ появилось письмо премьера къ герцогу Мальборо. Вотъ что между прочимъ писалъ Биконсфильдъ лорду-намѣстнику Ирландіи: «Опасность, которая въ своихъ конечныхъ результатахъ едва ли менѣе грозна, чѣмъ голодъ и эпидемія, поражаетъ эту страну (Ирландію). Часть ея населенія пытается разорвать конституціонныя узы, связывающія Британію съ Ирландіей». Говоря дальше о тѣхъ людяхъ, которые дерзаютъ сомнѣваться въ желательности такихъ узъ, премьеръ продолжалъ *): «Немедленное распущеніе парламента представитъ націи удобный случай избрать себѣ путь, который сильно повліяетъ, такъ или иначе, на будущее процвѣтаніе Англіи и окажетъ воздѣйствіе на ея судьбы». Въ концѣ письма премьеръ позволялъ себѣ выразить надежду, что новый парламентъ не будетъ недостоинъ англійскаго могущества **) и станетъ рѣшительно отстаивать это могущество. Другими словами, премьеръ надѣялся на то, что выборы придадутъ новый и сильный авторитетъ его политикѣ. Извѣстно, что въ 1880 году англійская нація не оправдала лестнаго довѣрія лорда Биконсфильда и оставила его въ меньшинствѣ. Достаточно взглянуть на цифры, чтобы убѣдиться въ жестокомъ пораженіи, испытанномъ торіями: въ распущенномъ парламентѣ находилось: 351 консерв., 250 либер. и 51 ирланд.; въ парламентѣ, избранномъ въ 1880 г., оказалось: 243 консерв., 349 либер. и 60 ирланд. Биконсфильдъ подалъ въ отставку, и вождю либераловъ, Гладстону, было поручено сформировать кабинетъ.

Выборы 1880 года показали, что вліяніе Парнеля возросло въ необычайной степени. Онъ былъ избранъ въ трехъ округахъ; мало того, были избраны всѣ его кандидаты, т. е. лица, имъ рекомендованныя избирателямъ. Изъ 60 избранныхъ гомрулеровъ—парнеллитами въ точномъ смыслѣ могло назваться около тридцати человѣкъ (остальные еще не знали продолжать ли политику покойнаго Бьюта или идти за Парнелемъ). Вліяніе Парнеля на своихъ приверженцевъ было безгранично; люди, писавшіе о немъ по личнымъ воспоминаніямъ, говорятъ, что онъ оказывалъ на свою партію такое давленіе, которое безпримѣрно въ парламентскихъ лѣтописяхъ ***). Въ частной жизни онъ держался далеко отъ нихъ и никто не осмѣливался брать на себя иниціативу сближенія съ нимъ. Парнель охотно довольствовался собственнымъ обществомъ и не искалъ друзей; онъ напоминалъ этимъ Байрона, съ которымъ, вообще, у него были, кажется, общія черты характера и темперамента.

Если на лицо былъ фактъ сочувствія его дѣятельности съ стороны Ирландіи, если имѣлась партія, во всѣхъ отношеніяхъ далеко оставлявшая за собою прежнюю группу гомрулеровъ, если эта стойкая и

*) Annual Register, 1880, p. I, стр. 32 (изд. London, 1881).

**) Ibid: not unworthy of the power of England.

***) Over his parliamentary supporters he henceforth exerted an iron sway which is unparalleled in parliamentary annals. Dict. of nat. biog. v. 53, p. 327.

дисциплинированная партія безпрекословно повиновалась своему вождю, то, повидимому, ничего не могло помѣшать Парнелю сразу начать борьбу. Но онъ ждалъ. Конечно, такой глубокій и убѣжденный скептикъ не могъ думать, что либеральный кабинетъ удовлетворитъ всѣ требованія ирландцевъ, но ему нужно было сначала показать, что не онъ, Парнель, виноватъ въ новой войнѣ, а Гладстонъ; для этого нужно было исполнить формальность: предъявить свои требованія и поставить новое министерство въ необходимость открыто высказаться. Гладстонъ сдѣлалъ въ свое время для Ирландіи очень много; онъ уничтожилъ подати въ пользу англиканской церкви, облегчилъ своимъ land act'омъ 1870 года положеніе фермеровъ, неоднократно подавалъ свой авторитетный голосъ противъ всякихъ исключительныхъ мѣръ, проэктировавшихся относительно Ирландія. Пожалуй и теперь можно было ожидать палліативныхъ уступокъ и облегченій, но Парнелю нужно было все или ничего.

Кабинетъ Гладстона началъ съ обѣщаній: былъ обѣщанъ законъ о земельныхъ держаніяхъ, который осуществилъ бы кое-какія требованія земельной лиги, но дѣло не пошло дальше обѣщаній. Членъ кабинета Гаррингтонъ прямо заявилъ *), что не въ реформѣ дѣло, а въ малой освѣдомленности парламента относительно ирландскихъ дѣлъ, и что задача правительства по отношенію къ Ирландіи заключается не въ новыхъ законахъ, а въ назначеніи комиссіи, которая разработала бы фактическій матеріалъ. По мнѣнію Парнеля непререкаемый фактическій матеріалъ заключался въ десяткахъ тысячъ труповъ, умершихъ отъ голода ирландцевъ; онъ полагалъ также, что, пока комиссія будетъ заниматься своими изслѣдованіями, этотъ фактическій матеріалъ станетъ до того богатъ, что потребуетъ для разработки и подсчета слишкомъ много труда. Въ виду всего этого Парнель открыто высказалъ свое мнѣніе и въ парламентѣ, и въ Ирландіи (во время осенней поѣздки 1880 г.,) что Гаррингтонъ и Гладстонъ для него такіе же враги, какъ лордъ Биконсфильдъ, и что на новый кабинетъ надѣяться нечего, а нужно продолжать борьбу.

Министерство назначило намѣстникомъ Ирландіи Форстера, человѣка, нѣсколько разъ неопредѣленно выражавшаго расположеніе къ ирландцамъ. Нѣкоторые члены ирландской партіи (не парнеллитской группы), сохранившіе старыя привычки мысли со временъ Исаака Бьюта, привѣтствовали это назначеніе съ восторгомъ **), но Парнель посмотрѣлъ на него, какъ на простое заигрываніе съ ирландцами, нужное кабинету, но безполезное для партіи и страны. Если внимательно прослѣдить карьеру Парнеля, можно замѣтить, что послѣ каждой попытки какого бы то

*) Porliamentary Debates, т. 255, стр. 1416.

**) Mc Carthy, England under Gladstone, стр. 102 (London 1884): The appoitement of mr. Forster's fo the irish secretaryship was regarded bymany irishmen as a marked sign of good intentions of the Government towards Ireland.

ни было кабинета сблизиться съ нимъ путемъ мелкихъ любезностей по адресу Ирландіи, онъ становился еще требовательнѣе, неуступчивѣе и жестче. Такъ было и теперь. Предстояла долгая и упорная борьба съ Гладстономъ, которая должна была оказаться труднѣе, чѣмъ обструкція временъ Биконсфильда, такъ какъ Гладстонъ въ началѣ 80 гг. былъ дѣйствительно представителемъ большинства англійскаго народа, и не только офиціальнымъ премьеромъ, но прежде чѣмъ броситься въ эту борьбу, Парнелю нужно было уладить важныя партійныя дѣла въ своей странѣ.

Среди тѣхъ соціальныхъ силъ, которыя дѣйствовали въ Ирландіи и которыя боролись тамъ съ англійскимъ элементомъ, видное мѣсто во всѣ времена занимало католическое духовенство. Нѣтъ нужды много распространяться о причинахъ того факта, что всегда католическіе клирики въ Ирландіи находились въ оппозиціи. Ирландскіе кельты приняли христіанство гораздо раньше британскихъ англовъ и саксовъ, и, хотя религія была одна, но отношенія между ирландскимъ и англійскимъ духовенствомъ всегда оставались открыто враждебными. Насколько можно судить по отрывочнымъ замѣчаніямъ лѣтописцевъ, немаловажную роль тутъ играли во первыхъ — расовый элементъ и — во вторыхъ — гордость ирландской церкви своимъ старшинствомъ. Когда при Генрихѣ II, въ XII вѣкѣ началось завоеваніе Ирландіи англичанами, духовенство явилось дѣятельнымъ участникомъ національной обороны. Въ XVI вѣкѣ при Тюдорахъ и въ XVII при первыхъ Стюартахъ и при республикѣ ирландскіе клирики боролись уже нетолько за національность, но и за католицизмъ противъ англиканства и пуританизма. Со времени Вильгельма и Маріи (т. е. съ конца XVII вѣка) клирики не прекращали протестовъ противъ обложенія католическаго населенія податями въ пользу господствующей англиканской церкви, противъ тестъ-акта, запрещавшаго принимать католиковъ на государственную службу. Притѣсненіе ирландской національности для духовенства во всѣ времена сливалось и отождествлялось съ преслѣдованіемъ католическаго культа; вотъ почему клирики являлись дѣятельнѣйшими пропагаторами освобожденія отъ англичанъ и каждый фактъ борьбы съ англичанами окружали ореоломъ религіознаго подвижничества. Если ирландское духовенство такъ относилось къ дѣлу освобожденія отъ Англіи, то не всегда оно видѣло себѣ въ этомъ поддержку со стороны Рима *). Правда, оппоненты гомрулеровъ говорили, что ирландцы готовяютъ для себя не home-rule а Rome-rule, но этотъ каламбуръ лѣе ловокъ, чѣмъ согласенъ съ дѣйствительностью. Папа Левъ XIII рицательно отнесся къ дѣятельности земельной лиги и въ 1880 году лась опасность для парнеллизма, что часть духовенства можетъ авить дѣло лиги и гомруля.

*) См. объ отношеніяхъ Рима въ Ирландіи въ наше время монографію Mc-Carthy, Leo XIII (London 1896), стр. 104—112.

Далѣе. Духовенство своею поддержкой много давало, но можно было опасаться, что оно многаго и потребуетъ, и этого боялась масса передовыхъ людей Ирландіи. Въ рядахъ Парнелевской арміи стояли и католическій клиръ, и люди, явившіеся убѣжденными антиклерикалами. Парнель полагалъ, что пока цѣль не достигнута, ссориться нелѣпо, и поэтому рѣшилъ употребить всѣ усилія, чтобы ирландскіе клирики и ирландскіе либръ-пансеры забыли на время о своихъ разногласіяхъ и помнили бы только о гомрулѣ и программѣ земельной лиги. Итакъ, для того, чтобы удержать за собою духовенство, взволнованное отрицательнымъ отношеніемъ папы къ лигѣ, и чтобы примирить разныя фракціи гомрулеровъ, Парнель и предпринялъ лѣтомъ 1880 года путешествіе по Ирландіи. Къ нему относились хорошо всѣ: и католическое духовенство возносило за него горячіе молитвы (несмотря на то, что онъ былъ протестантъ), и передовая фаланга гомрулеровъ вѣрила каждому его слову, такъ что миссія примиренія была для него легка.

Эта же поѣздка должна была лишній разъ показать правительству, какія силы стоятъ за Парнелемъ и увѣрить нерѣшительныхъ людей партіи, что Парнеллизмъ—единственная признанная ирландской націей политика. Весенняя сессія окончилась рѣшительнымъ разрывомъ между Парнелемъ и Гладстономъ. Парнель поговаривалъ, что обструкція очень скоро будетъ пущена въ ходъ; когда эта угроза дошла до премьера, онъ публично заявилъ: «Парнель молодъ, а я старикъ; ноесли эта игра затянется, не мнѣ, а ему придется раскаяться». Както̀лько сессія окончилась, Парнель уѣхалъ въ Ирландію.

V.

Внѣшняя сторона дѣятельности Парнеля невольно приводитъ на память краткую карьеру Лассаля. Одна черта сходства въ особенности бросается въ глаза: внезапный, поражающій своими размѣрами успѣхъ среди народныхъ массъ. То глубокое, ничѣмъ въ началѣ не мотивированное довѣріе, которое въ 1862 году сразу доставило поддержку германскому агитатору, въ 1880 году стало удѣломъ Парнеля. Ни Граттанъ, ни О'Коннель, ни какой бы то ни было изъ предшественниковъ Парнеля никогда не получали такого единодушнаго вотума довѣрія въ самомъ началѣ своей дѣятельности. Устраивались Парнелю оваціи и въ 1878 году, и въ Америкѣ весною 1880 года, но событія лѣтняго путешествія (того же 1880 г.) затмили все. Восторженныя встрѣчи слѣдовали одна за другою; пріемомъ этимъ, какъ говорилъ самъ Парнель, могъ бы остаться доволенъ и государь.

Въ Коркѣ ему устроили настоящій апоѳеозъ. Стотысячныя толпы постоянно окружали его и домъ, гдѣ онъ останавливался; они рукоплескали при его появленіи, прерывали восторженными криками каждое его слово,

съ факелами въ рукахъ бѣжали за его экипажемъ, посылали къ нему разнообразнѣйшія депутаціи съ однимъ и тѣмъ же порученіемъ: передать, какъ Ирландія любитъ его и вѣритъ ему. Но голова этого человѣка была настолько крѣпка, что не закружилась отъ атмосферы обожанія и безусловнаго довѣрія. Все время онъ оставался совершенно спокоенъ, говорилъ твердымъ голосомъ, никогда его не повышая, обращался къ безчисленной толпѣ такъ же увѣренно и просто, какъ къ небольшой кучкѣ пріятелей. Нѣсколько разъ онъ говорилъ своимъ спутникамъ, что эти оваціи—слишкомъ высокая цѣна за немногое, сдѣланное имъ до сихъ поръ. При его появленіи духовенство, антиклерикалы, республиканцы и другія фракціи гомрулеровъ—всѣ оставили свои пререканія.

Между прочимъ, Парнель задался цѣлью удержать на время отъ революціоннымъ выходокъ наиболѣе пылкихъ своихъ приверженцевъ, и даже это ему удалось. Достаточно почитать мемуары англійскаго агента тайной полиціи Томаса Бича *), чтобы убѣдиться, насколько неожиданнымъ тогда казалось для постороннихъ наблюдателей обращеніе людей самаго революціоннаго темперамента въ сдержанныхъ конституціоналистовъ. Феніанское движеніе не замирало, но Парнель и не заботился объ этомъ: онъ хотѣлъ только, чтобы лица легальныя, имѣвшія возможность современемъ попасть въ парламентъ и обѣщавшія быть тамъ полезными, не очень себя компрометировали. Въ концѣ лѣта онъ прибылъ въ Лондонъ и принялъ участіе въ парламентскихъ дѣлахъ. Теперь онъ вошелъ въ палату, какъ признанный представитель интересовъ не того округа, который его избралъ, а всей Ирландіи. Кабинетъ долженъ былъ готовиться къ особенно жестокой борьбѣ.

На 27 августа было назначено обсужденіе министерскаго законопроекта о деньгахъ на содержаніе полицейской силы въ Ирландіи **). Засѣданіе началось въ 4 часа пополудни во вторникъ и окончилось въ 1 ч. пополудни въ среду; двадцать одинъ часъ безъ перерыва Парнель и его партія не давали возможности правительству приступить къ баллотировкѣ. Дѣло дошло до того, что парнеллиты, хотя ихъ было всего 28 человѣкъ, прямо поставили Гладстону, опиравшемуся на большинство, опредѣленныя условія: полиція должна быть уменьшена и ни въ какомъ случаѣ полицейскіе чины въ Ирландіи не должны принимать участія въ изгнаніи фермеровъ съ помѣстій лендлордовъ, даже если, напримѣръ, они отказываются добровольно уйти. Если это будетъ сдѣлано, Парнель позволитъ приступить къ баллотировкѣ, si no—no ***). Дать такія обязательства Гладстонъ не хотѣлъ, и часы шли за часами,

*) Twenty five gears in the secret service. The recollections of a spy by Thomas Beach (alias Major Henri la Caron). 16-e edition, Lond. 1893, стр. 151. О немъ подробнѣе въ слѣд. главахъ.

**) Annual Register 1880 (Lond, 1881), part I, стр. 84.

***) ...a condition of passing the vote that the government shoulol promise to disarm and reduce the strenth of the irish police force etc. (An. Reg., l. c.).

Парнель не уступалъ и засѣданіе продолжалось. Парнеллиты говорили о самыхъ разнообразныхъ вещахъ, читали вслухъ неотносящіяся къ дѣлу страницы разныхъ книгъ и, въ концѣ концовъ, засѣданіе было отложено.

На удовлетвореніе требованій земельной лиги теперь не было ровно никакихъ основаній надѣяться. Парнель поѣхалъ—вскорѣ послѣ засѣданія 27 августа—въ Ирландію, чтобы дать новый mot d'ordre. 19-го сентября онъ произнесъ въ Эннисѣ рѣчь, которая, по справедливому замѣчанію новѣйшаго историка *), составила эпоху въ борьбѣ Ирландіи съ Англіею. Онъ говорилъ о томъ, что все вниманіе ирландскихъ фермеровъ должно быть теперь обращено на отвоеваніе себѣ извѣстныхъ правъ на арендуемые участки; онъ подчеркивалъ то обстоятельство, что единственный способъ достигнуть цѣли заключается въ томъ, чтобы поставить лендлорда, осмѣлившагося прогнать своего фермера, въ безвыходное положеніе. Пусть никто изъ ирландцевъ не арендуетъ никогда участка, съ котораго лендлордъ согналъ фермера, и тогда поневолѣ землевладѣльцы будутъ осторожнѣе. «Если вы», сказалъ онъ: «откажетесь платить слишкомъ высокую арендную плату, если вы откажетесь занимать фермы, съ которыхъ другіе согнаны, тогда земельный вопросъ будетъ рѣшенъ и рѣшенъ въ удовлетворительномъ для васъ смыслѣ. Итакъ, отъ васъ самихъ это зависитъ, а не отъ какой-нибудь коммиссіи или какого-нибудь правительства...» «Но что же дѣлать вамъ съ человѣкомъ, который все-таки займетъ ферму, откуда лендлордъ прогналъ арендатора?» Тутъ масса голосовъ прервала криками: «убить его!» Парнель продолжалъ: «я слышу многіе кричатъ: убить! Но я вамъ укажу другой путь, гораздо лучшій, болѣе христіанскій, который дастъ провинившемуся возможность исправиться. Если кто займетъ ферму, откуда выгнанъ прежній арендаторъ, вы должны избѣгать его на большихъ дорогахъ, на городскихъ улицахъ, въ лавкахъ, въ храмахъ, на рынкахъ; всюду вы должны оставлять его одного, вы должны уединить его отъ остального общества, какъ если бы онъ былъ прокаженнымъ; вы должны показать ему отвращеніе, которое чувствуете къ совершенной имъ низости» **).

Парнелевскія слова упали на благодарную почву. Отъ изгнаній съ арендныхъ участковъ ирландцы страшно страдали: по признанію самого Гладстона за 1880 годъ лендлорды выбросили буквально на улицу пятнадцать тысячъ живыхъ существъ ***). Значитъ, премьеръ расходился съ агитаторомъ не въ признаніи самаго факта, а лишь во мнѣ-

*) ...a speech at Ennis which marken an epoch in the struggle (Dict., XLIV, стр. 327).

**) O'connor, 203.

***) 15.000 individuals wille be ejected from their hom whitout hope, without remedy in the course of present year. Рѣчь Гладстона, Parliament debates, т. 253, стр. 1666.

ніяхъ о способѣ уврачеванія зла: Гладстонъ думалъ, что поможетъ парламентская коммиссія, а Парнель полагалъ, что дѣйствительнѣе будетъ оставленіе лендлордовъ безъ арендаторовъ. Опалѣ и отлученію отъ общества долженъ былъ подвергаться вообще всякій, кто такъ или иначе станетъ на сторону лендлорда противъ фермера.

Послѣдствія рѣчи Парнеля сказались весьма быстро. Въ Лау-Мэскѣ (въ Ирландіи) жилъ одинъ англичанинъ—нѣкто капитанъ Бойкоттъ, арендовавшій ферму на землѣ лорда Ирна *); онъ же былъ агентомъ лорда по дѣламъ того въ этой мѣстности. Къ нему, какъ къ сборщику арендныхъ денегъ, явились однажды всѣ фермеры лорда Ирна и предложили болѣе низкую арендную плату, чѣмъ та, которую они платили до сихъ поръ **). Бойкоттъ не согласился и началъ противъ нихъ процессъ съ цѣлью выселить ихъ. Когда пришли судебные пристава, толпа народа бросилась на нихъ и заставила поспѣшно скрыться въ домѣ Бойкотта. На слѣдующій день Бойкоттъ былъ объявленъ въ опалѣ, слуги и рабочіе отошли отъ него; всякое общеніе съ нимъ было прервано и, такъ какъ ежеминутно онъ могъ ожидать нападенія, то правительство послало войска для его охраны. Бойкоттъ долженъ былъ выселиться въ Англію. Съ тѣхъ поръ опала, рекомендованная Парнелемъ въ его эннисской рѣчи, стала называться «бойкоттированіемъ» или просто «бойкоттомъ». Бойкоттированіе, какъ средство строго легальное, имѣло огромную силу при тогдашнихъ обстоятельствахъ и, какъ бы ни относился Парнель къ феніямъ, онъ видѣлъ, что одна изъ главныхъ задачъ практической политики заключается въ томъ, чтобы осуществители бойкотта всегда удерживались въ рамкахъ законности и не прибѣгали бы къ насиліямъ. Онъ и его товарищи не переставали увѣщевать ирландцевъ быть осторожнѣе ***) и помнить, что бойкоттеры и феніи дѣйствуютъ разными средствами и въ разныхъ плоскостяхъ соціальной жизни и что, поэтому, бойкоттерамъ совершенно лишнее брать примѣръ съ феніевъ.

Но, все равно, правительство не могло смотрѣть спокойно на то, что творилось въ Ирландіи. Агитація Парнеля, становившіеся все чаще случаи бойкотта, оживленіе дѣятельности феніевъ, все это ставилось въ причинную связь. Тревожно настроенное общественное мнѣніе требовало отъ Гладстона какихъ-нибудь мѣръ противъ Парнеля и Ирландіи, и Гладстонъ рѣшилъ, во-первыхъ, начать судебное преслѣдованіе противъ Парнеля и, во-вторыхъ, внести въ палату съ новаго (1881-го) года «билль объ усмиреніи» Ирландіи. Въ октябрѣ былъ арестованъ личный секретарь Парнеля ****) за то, что онъ оправдывалъ въ своей рѣчи покушеніе на убійство, совершенное феніями. Черезъ нѣ-

*) Johnston, Parnell and Parnells, 41.

**) Annual Register, 1880, p. I, стр. 119.

***) England under Gladstone, Mc Carthy (Lond. 1884) p. 112. Рѣчь Дэвитта.

****) Гили.

сколько дней, 2-го ноября (1880-го г.) было начато судебное преслѣдованіе противъ Парнеля, Диллона, Биггара, Сюлливана и Секстона (все это были парламентскіе парнеллиты) по обвиненію въ заговорѣ. Это оказалось большой оплошностью со стороны министерства, потому что такого хладнокровнаго и осторожнаго человѣка, какъ Парнель, обвинить въ чемъ нибудь противозаконномъ было крайне трудно. Его дѣятельность развивалась на той демаркаціонной линіи, которая раздѣляетъ легальную борьбу отъ революціонной, но эта линія не была имъ пройдена. Присяжнымъ оставалось только отвергнуть обвиненіе за недоказанностью, что они и сдѣлали 24 января 1881 года. Оправданные могли теперь съ спокойнымъ сердцемъ вмѣшаться въ обсужденіе билля, имѣвшаго цѣлью усмиреніе неспокойныхъ элементовъ въ Ирландіи. Въ тотъ же день, какъ присяжные освободили Парнеля и его товарищей отъ обвиненія, намѣстникъ Ирландіи Форстеръ (тотъ самый, назначенію котораго такъ обрадовались въ свое время умѣренные члены ирландской партіи) внесъ въ парламентъ предложеніе о рядѣ мѣръ, необходимыхъ, какъ онъ думалъ, для успокоенія волнующейся страны.

Ев. Тарле.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

Zum Lazarus.

1.

Въ тебѣ—мой духъ и мысль моя;
Бѣжать ихъ—было бы напрасно,
Иначе чувствовать, чѣмъ я,
Иначе думать ты не властна.

—

Не всюду-ль духа моего
Ты ощущаешь дуновенье?
Отъ ласкъ и шепота его
Тебѣ и въ грезахъ нѣтъ спасенья.

—

Во тьмѣ лежу я гробовой,
Но онъ живетъ: въ твое сердечко
Забравшись, словно домовой,
Онъ свилъ укромное мѣстечко.

—

Оставь ему его пріютъ:
Повѣрь, среди любого края,
Въ глуши Японіи, Китая—
Съ тобой онъ будетъ тутъ какъ тутъ.

—

Бѣжать не пробуй же напрасно.
Въ тебѣ мой духъ и мысль моя,
Иначе чувствовать, чѣмъ я,
Иначе мыслить ты не властна.

2.

У кого въ груди есть сердце,
Сердце, гдѣ живетъ любовь,
Тотъ—сраженъ на половину
И, какъ я, не встанетъ вновь.

—

Я лежу въ цѣпяхъ и узахъ,
А умру я—въ тотъ же мигъ,
Опасаясь обличеній,
Люди вырвутъ мнѣ языкъ.

—

Молча я сойду въ могилу,
Даже тамъ, въ странѣ иной,
Я не выдамъ злодѣяній,
Совершенныхъ надо мной.

3.

Въ порывѣ гнѣва и тоски
Въ ночи сжималъ я кулаки...
Увы, рука моя слаба,
И не подъ силу мнѣ борьба.

—

Жестоко духъ мой пораженъ
И я умру неотомщенъ,
И кровный другъ, возставъ за честь,
Не совершитъ святую месть.

—

Увы! Не кровнымъ ли друзьямъ
Я гибелью обязанъ самъ!
Ихъ вѣроломство и обманъ—
Виной моихъ смертельныхъ ранъ.

—

Рукою близкихъ, какъ Зигфридъ,
Я былъ предательски убитъ;
Узнать легко бываетъ имъ.
Гдѣ смѣлый витязь уязвимъ.

О. Чюмина

РАВНОДУШНЫЕ.

РОМАНЪ.

Глава первая *).

I.

Василій Николаевичъ Ордынцевъ, худой высокій брюнетъ лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ большой, сильно засѣдѣвшей черной бородой и длинными, зачесанными назадъ сѣдыми волосами, только что собирался уйти изъ желѣзнодорожнаго правленія, въ которомъ занималъ мѣсто начальника одного изъ отдѣловъ, какъ одинъ ударъ электрическаго звонка раздался въ маленькомъ кабинетѣ Ордынцева.

„Что ему нужно? Долженъ, кажется, знать, что занятія кончаются въ четыре и что люди ѣсть хотятъ!“—подумалъ, раздражаясь, Ордынцевъ.

И, захвативъ портфель, недовольный, пошелъ на верхъ въ кабинетъ предсѣдателя правленія, господина Гобзина.

— Мы, кажется, не видались сегодня, Василій Николаевичъ,— любезно проговорилъ мягкимъ теноркомъ и слегка растягивая слова, очень полный молодой человѣкъ хлыщеватаго вида, протягивая черезъ столъ красную пухлую руку съ короткими пальцами. — Покорнѣйше прошу присѣсть на минутку, Василій Николаевичъ. Пожалуйста!—указалъ господинъ Гобзинъ на кресло у стола.

— Что прикажете?—нетерпѣливо спросилъ Ордынцевъ тѣмъ оффиціально-служебнымъ тономъ, недопускающимъ никакой фамильярности въ отношеніяхъ, какимъ онъ всегда говорилъ съ Гобзинымъ, одинъ видъ котораго приводилъ въ раздраженіе Ордынцева.

И эта самодовольная до нахальства улыбка, сіявшая на жирномъ и румяномъ лицѣ съ модной клинообразной бородкой, и

*) Двѣ первыя главы являются незначительной переработкой этюда давно задуманнаго романа «Равнодушные». Этотъ этюдъ, подъ названіемъ «У домашняго очага», былъ напечатанъ въ двухъ фельетонахъ «Рус. Вѣд.» въ 1896 г.

наглый взглядъ стеклянныхъ рачьихъ глазъ, и развязная самоувѣренность сужденій, тона и манеръ вмѣстѣ съ чуть не обритой круглой головой, до смѣшного кургузымъ вестономъ и крупнымъ бриліантомъ на красномъ толстомъ мизинцѣ съ огромнымъ ногтемъ, и пренебрежительная любезность обращенія съ подчиненными, апломбъ и стараніе быть вполнѣ свѣтскимъ джентельменомъ, нисколько не похожимъ на мужика-отца, который изъ мелкихъ рядчиковъ сдѣлался милліонеромъ и крупнымъ финансовымъ тузомъ,—все это до-нельзя было противно въ молодомъ, окончившемъ университетъ Гобзинѣ, и Ордынцевъ старался какъ можно рѣже видаться со своимъ принципаломъ, ограничивая служебныя свиданія самыми короткими разговорами.

И теперь онъ, несмотря на приглашеніе Гобзина, не присѣлъ, а стоялъ.

— Господинъ Андреевъ у васъ занимается?—спросилъ Гобзинъ.

— Да. Въ тарифномъ отдѣлѣ.

— Потрудитесь, Василій Николаевичъ, завтра объявить господину Андрееву, что онъ намъ болѣе не нуженъ. Ну, разумѣется, я велю выдать ему въ видѣ награды жалованье за два мѣсяца!—снисходительно прибавилъ Гобзинъ.

Изумленный такимъ распоряженіемъ относительно трудолюбиваго и дѣльнаго служащаго, Ордынцевъ взволнованно спросилъ:

— За что вамъ угодно уволить Андреева?

Гобзинъ на секунду смутился.

Дѣло въ томъ, что онъ обѣщалъ графинѣ Заруцкой непремѣнно устроить какого-то ея родственника, необыкновенно польщенный, что молодая и хорошенькая аристократка обратилась къ нему съ просьбой на одномъ благотворительномъ базарѣ, гдѣ Гобзинъ былъ ей представленъ.

Мѣстъ не было, и надо было кого-нибудь уволить, чтобы исполнить обѣщаніе, о которомъ графиня только что напоминала письмомъ.

— У меня есть основанія!—значительно проговорилъ Гобзинъ.

И, принявъ видъ начальника, придвинулъ къ себѣ лежавшія на столѣ бумаги и опустилъ на нихъ глаза, какъ бы давая этимъ понять Ордынцеву, что разговоръ оконченъ.

Но Ордынцевъ не намѣренъ былъ кончать.

„Скотина!“—мысленно произнесъ онъ и бросилъ взглядъ, полный презрѣнія, на рыжеволосую голову своего патрона.

Взглядъ этотъ скользнулъ по письменному столу и замѣтилъ на немъ письмо и рядомъ взрѣзанный изящный конвертикъ съ короной.

„Такъ вотъ какія основанія!“—сообразилъ Ордынцевъ, еще болѣе возмущенный.

На такихъ же „основаніяхъ“ уже были уволены двое служащихъ съ тѣхъ поръ, какъ Гобзинъ-отецъ посадилъ на свое мѣсто сынка.

И, видимо осиливая негодованіе и стараясь не волноваться, Ордынцевъ довольно сдержанно проговорилъ:

— Но вѣдь Андреевъ спроситъ меня: за что его лишаютъ куска хлѣба? Что прикажете ему отвѣтить? Онъ четыре года служитъ въ правленіи. У него мать и сестра на рукахъ!—прибавилъ Ордынцевъ, и мягкая, чуть не просительная нотка задрожала въ его голосѣ.

— У насъ не благотворительное учрежденіе, Василій Николаевичъ,—возразилъ усмѣхнувшись Гобзинъ.—У всѣхъ есть или матери, или сестры, или жены, или любовницы, — продолжалъ онъ съ веселой развязностью, оглядывая свои твердые, большіе ногти. — Это не наше дѣло. Намъ нужны хорошіе, исправные служащіе, а господинъ Андреевъ не изъ тѣхъ работниковъ, которыми слѣдуетъ дорожить... Онъ...

— Напротивъ, Андреевъ...

— Я попрошу васъ, Василій Николаевичъ, позволить мнѣ докончить! — съ усиленно подчеркнутой любезностью остановилъ Ордынцева предсѣдатель правленія, недовольный, что его смѣютъ перебивать.

И его жирное круглое лицо залилось багровой краской и большіе рачьи глаза, казалось, еще болѣе выкатились.

— Вашъ господинъ Андреевъ,—продолжалъ Гобзинъ все болѣе и болѣе проникаясь ненавистью къ Андрееву именно оттого, что чувствовалъ свою несправедливость, — вашъ господинъ Андреевъ небрежно относится къ своимъ обязанностямъ. Такъ и потрудитесь ему передать отъ моего имени. Очень небрежно! Нѣсколько дней кряду я видѣлъ его приходящимъ на службу въ двѣнадцать вмѣсто десяти. Это терпимо быть не можетъ, и я удивляюсь, Василій Николаевичъ, какъ вы этого не замѣчали?

— Я это зналъ.

— Знали?

— Еще бы! Андреевъ являлся позже на службу съ моего разрѣшенія.

Молодой человѣкъ опѣшилъ.

— Съ вашего разрѣшенія? — протянулъ онъ безъ обычнаго апломба и видимо недовольный, что попался въ просакъ.—Я этого не зналъ.

— Съ моего. Я далъ ему большую работу на домъ и потому на это время позволилъ приходить позже на службу. И вообще я долженъ сказать, что Андреевъ отличный и добросовѣстный ра-

ботникъ, и увольненіе его было бы не только вопіющей несправедливостью, но и большой потерей для дѣла.

Этотъ горячій тонъ раздражалъ Гобзина. Сбитый съ позиціи, онъ нѣсколько мгновеній молчалъ.

— Противъ господина Андреева есть еще обвиненіе!—живо проговорилъ онъ, точно обрадовавшись.

— Какое-съ?

— До меня дошли слухи, что онъ недавно былъ замѣшанъ въ какой-то исторіи, не рекомендующей его образъ мыслей.

— Сколько мнѣ извѣстно, хоть я, конечно, и не производилъ слѣдствія,—съ ядовитой усмѣшкой вставилъ Ордынцевъ,—было одно недоразумѣніе.

— Недоразумѣніе?

— Да-съ! И ни въ какой исторіи онъ не былъ замѣшанъ. Была бы охота у клеветниковъ! Васъ, очевидно, ввели въ заблужденіе. Вамъ пошло и глупо наврали на Андреева въ надеждѣ, что вы повѣрите...

И Ордынцевъ, взволнованный и взбѣшенный, не обращая вниманія на недовольную физіономію Гобзина, продолжалъ защищать сослуживца, не сдерживая своего негодующаго чувства.

Этотъ рѣзкій, горячій тонъ, совсѣмъ непривычный ушамъ Гобзина, избалованнымъ инымъ тономъ своихъ подчиненныхъ, злилъ и въ тоже время невольно импонировалъ на трусливую натуру молодого человѣка. Онъ понялъ, что сглупилъ, выставивъ какъ обвиненіе слухи, которымъ и самъ не придавалъ значенія, а упомянулъ о нихъ единственно изъ желанія настоять на своемъ. И, очутившись въ глупомъ положеніи, припертымъ къ стѣнѣ, почувствовалъ еще бóльшую ненависть къ Ордынцеву, позволившему себѣ читать нравоученія.

Съ какимъ наслажденіемъ выгналъ бы онъ немедленно со службы этого безпокойнаго человѣка, который относится къ нему, избалованному лестью и почетомъ, съ едва скрываемымъ неуваженіемъ. Но сдѣлать это не такъ-то легко. Ордынцевъ пользовался въ правленіи репутаціей знающаго и превосходнаго работника. Самъ старикъ Гобзинъ, умный и понимавшій людей, рекомендовалъ Ордынцева новому предсѣдателю правленія, какъ служащаго, которымъ надо особенно дорожить. Всѣ члены правленія его цѣнили, а, главное, старикъ Гобзинъ не только не позволилъ бы уволить Ордынцева, но намылилъ бы еще голову сыну.

И онъ принужденъ былъ выслушать до конца своего безпокойнаго подчиненнаго и объявить, что беретъ назадъ свое распоряженіе относительно Андреева.

Но онъ не удержался отъ искушенія пустить шпильку и прибавилъ своимъ обычнымъ развязнымъ тономъ:

— Господинъ Андреевъ не родственникъ ли вамъ, что вы его такъ пылко защищаете?

— А вы, видно, думаете, что пылко можно защищать только родственниковъ?—переспросилъ съ презрительной усмѣшкой Ордынцевъ, взглядывая въ упоръ на предсѣдателя правленія.—Ошибаетесь. Онъ мнѣ не родственникъ и не знакомый.

И, еле кивнувъ головой, Ордынцевъ вышелъ изъ кабинета, оставивъ молодого человѣка въ безсильной ярости.

II.

Ордынцевъ торопливо шелъ домой, и невеселыя мысли лѣзли въ его голову.

Теперь это „животное" навѣрно будетъ ему пакостить. Положимъ, имъ дорожатъ въ правленіи, но Гобзинъ можетъ вызвать его на дерзость и сдѣлать службу невозможной. И безъ того она не сладка. Работы пропасть и такой работы, которая не по душѣ, но, по крайней мѣрѣ, хоть заработокъ хорошій — пять тысячъ. Жить можно. Довольно ужъ на своемъ вѣку маялся и мѣнялъ мѣста послѣ того, какъ убѣдился, что изъ него литераторъ не вышелъ. Вездѣ одно и то же. Та же лямка. Та же скучная работа. Та же неувѣренность въ томъ, что долго просидишь на мѣстѣ. Здѣсь онъ, однако, ухитрился прослужить четыре года, хотя послѣдній годъ, когда выбрали предсѣдателемъ правленія молодого Гобзина, и были непріятности. Онъ ихъ терпѣлъ. Но не могъ же онъ, въ самомъ дѣлѣ, молчать при видѣ вопіющей несправедливости. Не могъ онъ не вступиться за Андреева. Еще на столько жизнь не пригнула его.

И хотя Ордынцевъ сознавалъ, что иначе поступить не могъ и былъ увѣренъ, что и впредь поступитъ точно такъ же, тѣмъ не менѣе мысль о томъ домашнемъ адѣ, который усиливался во время безработицы и неминуемо ждалъ его въ случаѣ потери мѣста, приводила Ордынцева въ ужасъ и озлобленіе.

И чѣмъ ближе подходилъ онъ къ своему „очагу", тѣмъ угрюмѣе и злѣе дѣлалось его лицо, точно онъ шелъ навстрѣчу съ врагами.

Глава вторая.

I.

Вотъ и „домъ".

Ордынцевъ быстро поднялся на четвертый этажъ и, отдышавшись, надавилъ пуговку звонка.

— Обѣдаютъ?—спросилъ онъ горничную, снимая пальто.

— Недавно сѣли.

— Подождать не могли!—раздраженно шепнулъ Ордынцевъ.

Онъ прошелъ въ столовую и, нахмурившись, сѣлъ на свое мѣсто, на концѣ стола, противъ жены, между подросткомъ гимназистомъ и смуглой дѣвочкой лѣтъ двѣнадцати. По бокамъ жены сидѣли старшія дѣти Ордынцевыхъ: студентъ и молодая дѣвушка.

Горничная принесла тарелку щей и вышла.

— А что же папѣ водки? — заботливо проговорила смуглая дѣвочка, оглядывая большими темными глазами столъ. — Забыли поставить?

И, вставши, не смотря на строгій взглядъ матери, изъ-за стола, она достала изъ буфета графинчикъ и рюмку, поставила ихъ передъ отцемъ и спросила:

— Наливать, папочка?

— Наливай, Шурочка!—смягчась проговорилъ Ордынцевъ и ласково потрепалъ щеку дѣвочки.

Онъ выпилъ рюмку водки и принялся за щи.

— Совсѣмъ холодныя!—проворчалъ Ордынцевъ.

Никто изъ членовъ семьи не обратилъ вниманія на эти слова. Одна лишь Шурочка заволновалась.

— Сію минуту разогрѣютъ. Хочешь, папочка? — спросила она, протягивая руку къ отцовской тарелкѣ.

— Спасибо, милая, не надо. Ѣсть хочется.

И Ордынцевъ продолжалъ сердито и жадно глотать щи.

Шурочка, видимо обиженная за отца, съ недоумѣніемъ взглянула на мать.

Это была высокая, довольно полная, сильно моложавая блондинка съ большими черными волоокими глазами, свѣжая и красивая, несмотря на свои сорокъ лѣтъ. Отъ ея классически правильнаго лица, съ прямымъ носомъ, сжатыми губами и нѣсколько выдавшимся подбородкомъ, вѣяло жесткостью и холодомъ и въ то же время въ немъ было что-то чувственное. Вся она, точно сознавая свое великолѣпіе, сіяла холоднымъ блескомъ и, видно было, очень цѣнила и холила свою особу, напоминающую красивое, хорошо откормленное животное.

На ней былъ черный лифъ, обливавшій пышныя формы роскошнаго бюста. У шеи блестѣла красивая брошка; въ ушахъ горѣли маленькіе бриллiанты, а на холеныхъ бѣлыхъ крупноватыхъ рукахъ были кольца. Густые бѣлокурые волосы, собранные сзади, вились у лба колечками. Отъ нея пахло душистой пудрой и тонкимъ ароматомъ ириса.

— Я думала, что ты не придешь обѣдать!—проговорила, наконецъ, Ордынцева, взглядывая на мужа.

Въ тонѣ ея пѣвучаго контральто не звучало ласковой нотки.

Взглядъ, брошенный на мужа, далеко не былъ взглядомъ любящей жены.

— Ты думала? — переспросилъ Ордынцевъ и, въ свою очередь, взглянулъ на жену.

Злое, ироническое выраженіе блеснуло въ его острыхъ и умныхъ, темныхъ, глубоко сидящихъ, глазахъ и отразилось на блѣдномъ, худомъ смугломъ и старообразномъ лицѣ съ тонкими изящными чертами.

Все въ этой красивой, выхоленной, когда-то безгранично любимой женщинѣ, раздражало теперь Ордынцева: и ея самодовольное великолѣпіе, и обтянутый лифъ, и колечки на лбу, и голосъ, и кольца, и остатки пудры на щекѣ, и подведенные глаза, и запахъ духовъ.

„Ишь, рядится!“—со злостью подумалъ онъ, отводя глаза.

И Ордынцева не могла простить мужу ошибки своего замужества по страстной любви и прежняго увлеченія умомъ мужа.

„Не та жизнь предстояла бы ей, такой красавицѣ, еслибъ она не вышла замужъ за этого человѣка!“—не разъ думала она, считая себя страдалицей и жертвой.

Она чуть-чуть пожала плечами и, принимая еще болѣе равнодушно-презрительный видъ, тихо и медленно выговаривая слова, замѣтила:

— Не понимаю, съ чего ты злишься и дѣлаешь сцены. Кажется, и такъ довольно ихъ!

Ордынцевъ молчалъ, занятый, казалось, ѣдой, но каждое слово жены раздражало и злило его, натягивая и безъ того натянутые нервы.

А госпожа Ордынцева, хорошо зная, чѣмъ пробрать мужа, продолжала все тѣмъ же тихимъ, пѣвучимъ тономъ:

— Мы ждали тебя до половины шестого. Ты не приходилъ, и я предположила, что ты, желая избавиться отъ нашего общества, пошелъ съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ друзей-литераторовъ обѣдать въ ресторанъ. Вѣдь это не разъ случалось!—прибавила она съ особеннымъ подчеркиваніемъ, хорошо понятнымъ Ордынцеву.

„Шпильки подпускаетъ... дура!“—мысленно выругалъ Ордынцевъ жену и съ раздраженіемъ сказалъ:

— Вѣдь ты знаешь, что я всегда предупреждаю, когда не обѣдаю дома. Вѣдь ты знаешь?

И, не дождавшись отъ жены признанія, что она это знаетъ, ·должалъ:

— Слѣдовательно, вмѣсто нелѣпыхъ предположеній, было бы аздо проще оставить мнѣ горячій обѣдъ.

— Прикажешь дрова жечь въ ожиданіи, когда ты придешь? безъ того отъ тебя только и слышишь, что выходитъ много ···ъ, хотя кажется, мы и то живемъ...

— Какъ нищіе? — иронически подсказалъ Ордынцевъ. — Ты вѣчно поешь эту пѣсню.

— А по твоему мы хорошо живемъ? — вызывающе кинула жена. — Едва хватаетъ на самое необходимое.

— Особенно ты похожа на нищую, несчастная страдалица! — ядовито замѣтилъ Ордынцевъ, оглядывая злыми глазами свою великолѣпную супругу. — Но ужъ извини... На твои изысканные вкусы у меня средствъ нѣтъ!

И, проговоривъ эти слова, Ордынцевъ принялся за жаркое.

— Экая мерзость! Даже и мяса порядочнаго купить не умѣютъ!

Жена молчала, придумывая, чтобы такое сказать мужу пообиднѣе за его издѣвательства.

— А подкинуть два полѣна, — снова заговорилъ Ордынцевъ, — не Богъ знаетъ, какой расходъ. Кажется, сообразить не трудно... Или затруднительно, а?

Ордынцева полна была злобы. Лицо ея словно бы закаменѣло. Она вся какъ-то подобралась, словно кошка, готовая къ нападенію. Вмѣсто отвѣта она подарила мужа высокомѣрно-презрительнымъ взглядомъ.

— И часто ли я опаздываю? — продолжалъ Ордынцевъ, отодвигая тарелку. — Сегодня у меня была спѣшная работа и, кромѣ того, меня задержалъ этотъ идіотъ.

— Какой именно идіотъ? Вѣдь у тебя всѣ подлецы и идіоты. Одинъ только ты необыкновенный умница... Оттого, вѣроятно, ты и не можешь устроиться такъ, чтобы семья твоя не страдала отъ твоего необыкновеннаго ума! — съ какимъ-то особеннымъ злорадствомъ протянула Ордынцева, видимо, очень довольная придуманной ею ядовитей фразой.

Но, къ удивленію ея, мужъ не вспылилъ, какъ она ждала.

Онъ удержался отъ сильнаго желанія оборвать эту „злую дуру", взглянувъ на умоляющее лицо Шурочки, и заговорилъ съ ней.

Съ самаго начала пикировки дѣвочка взволнованная, съ выраженіемъ тоски и испуга, переводила свои кроткіе большіе глаза то на отца, то на мать, видимо боясь, какъ бы эти обоюдные язвительные укоры не окончились взрывомъ гнѣва выведеннаго изъ терпѣнія отца, котораго дѣвочка очень любила и за котораго стояла горой, понимая чуткимъ, любящимъ сердцемъ, что мать къ отцу невнимательна и что она виновница всѣхъ этихъ сценъ, доводящихъ больного отца до бѣшенаго раздраженія.

Она видѣла, что всѣ какъ-то безмолвно вмѣстѣ съ матерью осуждали его и тѣмъ сильнѣе любила, умѣя своей привѣтливостью и лаской разсѣять подчасъ постоянно угрюмое расположеніе духа отца.

Остальныя дѣти, повидимому, были совсѣмъ безучастны къ обмѣну колкостей, происходившему между родителями.

Алексѣй, удивительно похожій на мать, изящный блондинъ, съ красивыми, точно выточенными чертами лица, чистенькій и свѣженькій, какъ огурчикъ, выстриженный по модному, подъ гребенку, въ опрятной тужуркѣ, необыкновенно солидный по виду, съ невозмутимымъ спокойствіемъ и съ какою-то торжественной серьезностью, точно дѣлалъ необыкновенно важное дѣло, — очищалъ костянымъ ножикомъ кожу съ сочной груши, стараясь не прихватить мясистой части плода. Окончивъ это, онъ разрѣзалъ грушу на куски и сталъ ихъ класть въ ротъ опрятными, съ большими ногтями, пальцами съ противной медлительностью гурмана, желающаго какъ можно болѣе продлить свое удовольствіе. На его лицѣ съ едва пробивающимися усиками и дѣвственной бородкой, на манерахъ, на всей его худощавой, небольшой, стройной фигуркѣ былъ отпечатокъ чего-то самоувѣреннаго, опредѣленнаго и законченнаго, точно передъ вами былъ не двадцати-двухлѣтній молодой человѣкъ, полный жажды жизни и мечтательныхъ плановъ, а трезвенный, умудренный опытомъ мужъ съ выработанными правилами, для котораго всѣ вопросы рѣшены и жизнь не представляется загадкой.

Сестра его Ольга, стройная, высокая, хорошо сложенная брюнетка лѣтъ двадцати, съ красивыми темными глазами, смугловатая въ отца, одѣтая, какъ и мать, съ претензіей на щегольство, отличалась, напротивъ, самымъ беззаботнымъ и легкомысленнымъ видомъ хорошенькой, сознающей свою обворожительность куколки, для которой жизнь представляется лишь однимъ веселымъ времяпрепровожденіемъ.

Взоръ ея разсѣянно перебѣгалъ съ предмета на предметъ, и мысль, очевидно, порхала, ни на чемъ долго не останавливаясь.

Она то равнодушно прислушивалась къ словамъ отца, то взглядывала на мать, завидуя ея брошкѣ и новому красивому кольцу съ рубиномъ, которое, по словамъ мамы, было передѣлано изъ стараго (чему, однако, дочь не вѣрила, а подозрѣвала иное происхожденіе кольца), то въ умѣ повторяла напѣвъ модной цыганской пѣсенки, то отъ скуки благовоспитанно зѣвала, прикрывая маленькій, съ крупными губами ротъ, красивымъ жестомъ руки съ бирюзой на мизинцѣ, который она какъ-то особенно выгибала, отдѣляя отъ другихъ пальцевъ. Давая ему разнообразные, болѣе или менѣе граціозные изгибы, она сама любовалась крошкой мизинцемъ съ розовымъ ноготкомъ.

„Скорѣй бы конецъ этимъ сценамъ!“ говорило, казалось, это подвижное, хорошенькое и легкомысленное личико.

И молодая дѣвушка думала:

„Съ чего они вѣчно грызутся? Папа, въ самомъ дѣлѣ, странный. Могъ бы, кажется, зарабатывать больше, чтобъ не раздражать маму... Когда она выйдетъ замужъ, она не позволитъ мужу стѣснять себя въ расходахъ и говорить дерзости!“

Улыбка озарила лицо Ольги. Мысль остановилась на одномъ господинѣ, который съ недавняго времени ухаживалъ за ней основательнѣе другихъ. Она знала, что сильно ему нравилась и особенно, когда бывала въ бальныхъ платьяхъ. Не даромъ же онъ возитъ конфекты и фрукты, достаетъ ложи въ театръ, какъ-то особенно значительно жметъ руки и, когда остается съ ней наединѣ, глядитъ на нее глупыми глазами и все проситъ цѣловать руку. И мама говоритъ, что онъ подходящій женихъ, но совѣтовала не позволять ему ничего лишняго, а то мужчины нынѣшніе вообще подлецы. Она и безъ мамы это знаетъ, слава Богу! Еще когда кончала курсъ въ гимназіи, то одинъ студентъ на дачѣ цѣловалъ въ губы, обѣщалъ сдѣлать предложеніе и... исчезъ. Вчера вотъ Уздечкинъ непремѣнно хотѣлъ поцѣловать ладонь, такъ она отдернула руку и представилась, что очень разсердилась, и онъ просилъ прощенія.

Чего, глупый, не дѣлаетъ предложенія? Тогда цѣлуй, какъ угодно! Она пойдетъ замужъ, хотя и фамилія „мовежанрная“, и вульгарное лицо, и лысина, и прыщи на щекахъ, и ростъ очень маленькій... Но за то онъ добрый, и у него домъ въ Петербургѣ... Неужели онъ будетъ только цѣловать руки и не сдѣлаетъ предложенія только потому, что она, благодаря отцу, не имѣетъ приданаго. Или онъ узналъ, что она занимается флиртомъ съ другимъ, который ей нравится?

Такъ что же онъ, дуракъ, медлитъ?

Недовольная гримаска смѣняетъ улыбку, и длинные тонкіе пальцы капризно мнутъ хлѣбный катышекъ. Она сердита на отца, который не заботится о дочери. Должно же быть у всякой порядочной дѣвушки приданое. Отецъ просто-таки не любитъ ее... Ничего для нея не дѣлаетъ!

Но черезъ секунду-другую беззаботно-веселое выраженіе снова озаряетъ ея личико. О, она знаетъ, что нужно сдѣлать—она поступитъ на сцену. Всѣ говорятъ, что у нея талантъ. Одинъ папа нарочно не признаетъ... Онъ увидитъ, какой будетъ успѣхъ... А со сцены можно сдѣлать хорошую партію...

Гимназистъ Сережа, съ неуклюже-вытянутой фигурой тринадцатилѣтняго подростка, съ испачканными чернилами пальцами и вихоркомъ, торчавшимъ на головѣ, съѣвши въ два глотка неочищенную грушу и пожалѣвши, что нельзя съѣсть еще, по меньшей мѣрѣ, десятка, тотчасъ же, съ разрѣшенія матери, сорвался съ мѣста и съ озабоченнымъ видомъ вышелъ изъ столовой. Ему было не

до родительской перебранки, къ которой онъ относился съ презрительнымъ недоумѣніемъ, такъ какъ у него было дѣло несравненно важнѣй: надо было готовить уроки.

„Заставили бы ихъ зубрить, небойсь, бросили бы ругаться!“—высокомѣрно подумалъ гимназистъ и, собравши книги и тетрадки, засѣлъ за нихъ въ комнатѣ матери и, заткнувши уши пальцами, сталъ долбить, съ добросовѣстностью перваго ученика въ классѣ, урокъ изъ географіи.

II.

Ордынцевъ собирался было встать изъ-за стола, какъ жена, съ едва слышной тревогой въ голосѣ, но, повидимому, довольно добродушно спросила:

— Вѣрно у тебя опять вышла какая-нибудь исторія съ Гобзинымъ?

„Ужъ струсила!“—подумалъ Ордынцевъ, и самъ вдругъ, при видѣ семьи, струсилъ.

— Никакой особенной исторіи!—умышленно небрежнымъ тономъ отвѣтилъ Ордынцевъ. — Гобзинъ хотѣлъ-было безъ всякой причины уволить одного моего подчиненнаго... Андреева...

— И ты, разумѣется, счелъ долгомъ излить потоки своего благороднаго негодованія?—перебила жена, презрительно усмѣхнувшись.

Этотъ тонъ взорвалъ Ордынцева.

„Такъ, на-же!“

И онъ съ раздраженіемъ крикнулъ, вызывающе и злобно глядя на жену:

— А ты думала какъ? Конечно, заступился за человѣка, котораго эта скотина, Гобзинъ, хотѣлъ вышвырнуть на улицу. Да, заступился и отстоялъ! Тебѣ это непонятно?

— Благородно, очень благородно, какъ не понять! Но подумалъ ли ты, благородный человѣкъ, о семьѣ? Что будетъ, если Гобзинъ выживетъ такого непрошеннаго заступника?—произнесла трагически-мрачнымъ тономъ Ордынцева, и тревога виднѣлась на ея лицѣ.

— Не выживетъ. Не посмѣетъ!

— Не посмѣетъ?—передразнила Ордынцева.—Мало ли тебя ...живали? Видно, какой-нибудь посторонній человѣкъ тебѣ дороже ...ьи,—иначе ты не дѣлалъ бы подобныхъ глупостей... Всѣ у ...бя идіоты... Одинъ ты—необыкновенный человѣкъ. Скажите, ...жалуйста! Всѣ уживаются на мѣстахъ,—одинъ ты не умѣешь... ...ображаешь себя геніемъ... Нечего сказать: геній! Опять хочешь ...съ сдѣлать нищими!

— Не каркай! Еще Гобзинъ не думаетъ выживать. Слышишь?—гнѣвно воскликнулъ Ордынцевъ.

— Забылъ, что ли, каково быть безъ мѣста?—умышленно не слушая мужа, продолжала жена.—Забылъ, какъ все было заложено, и у дѣтей не было башмаковъ? Тебѣ, видно, мало, что мы и такъ живемъ по-свински—не можемъ никакихъ удовольствій доставить дѣтямъ... Ты хочешь, чтобъ мы переселились въ подвалъ и ѣли черный хлѣбъ!—прибавила Ордынцева, съ ненавистью взглядывая на мужа.

Ордынцевъ ужъ раскаивался, что его дернуло сказать объ этой исторіи.

Вѣдь зналъ онъ эту женщину, которая вмѣсто поддержки въ трудныя времена, напротивъ, старалась изводить его, издѣваясь надъ тѣмъ, что онъ считалъ обязательнымъ для порядочнаго человѣка. Зналъ онъ, что уже давно они говорятъ на разныхъ языкахъ и что ея языкъ болѣе, чѣмъ его, понятенъ дѣтямъ. Видѣлъ, хорошо видѣлъ, что онъ чужой въ своей семьѣ и что, кромѣ Шурочки, всѣ безмолвно осуждаютъ его и всегда на сторонѣ матери и смотрятъ на него, какъ на дойную корову.

„Но, быть можетъ, дѣти за него? Молодость чутка!"—подумалъ Ордынцевъ, не терявшій надежды встрѣтить хоть теперь сочувствіе дѣтей.

Онъ взглянулъ на нихъ и увидалъ испуганное, недовольное личико Ольги и невозмутимо спокойное лицо первенца.

Эта невозмутимость ужалила Ордынцева и злобное чувство къ этому „молодому старику", какъ звалъ онъ сына, охватило отца. Давно ужъ этотъ солидный молодой человѣкъ возбуждалъ въ Ордынцевѣ негодованіе. Они ни въ чемъ не сходились. Старикъ-отецъ казался увлекающимся юношей передъ сыномъ. Отношенія ихъ были холодны и безмолвно-непріязненны, и они почти не разговаривали другъ съ другомъ.

Но слабая надежда, что сынъ если не почувствуетъ, то хотя пойметъ правоту отца, заставили Ордынцева обратиться къ Алексѣю съ вопросомъ:

— Ну, а по твоему, Алексѣй, глупо или какъ тамъ у васъ по-нынѣшнему?—раціонально или не раціонально поступилъ я, вступаясь за обиженнаго человѣка?

Алексѣй пожалъ плечами.

„Дескать, къ чему разговаривать!"

— Мы вѣдь не сходимся съ тобой во взглядахъ!—уклончиво проговорилъ молодой человѣкъ.

— Какъ же, знаю! Очень даже не сходимся. Я—человѣкъ шестидесятыхъ годовъ; ты — представитель новѣйшей формаціи.

Гдѣ же намъ сходиться? Но все-таки интересно знать твое мнѣніе по этическому вопросу. Соблаговоли высказать.

— Если ты такъ желаешь...

— Именно, желаю.

— Тогда изволь...

И, слегка приподнявъ свою красиво посаженую голову и, не глядя на отца, а опустивши серьезные голубые глаза на скатерть, студентъ заговорилъ слегка докторальнымъ тономъ, тихо, спокойно, увѣренно и красиво:

— Я полагаю, что Гобзина со всѣми его взглядами и привычками, какъ унаслѣдованными, такъ и пріобрѣтенными, ты не передѣлаешь, что бы и какъ бы ты ему ни говорилъ. Если онъ, съ твоей точки зрѣнія, скотина, то таковой и останется. Это его право. Да и вообще навязывать кому бы то ни было свои мнѣнія—донкихотство и непроизводительная трата времени. Темперамента и характера, зависящихъ отъ физіологическихъ и иныхъ причинъ нельзя измѣнить словами... Человѣкъ поступаетъ, какъ ему выгодно, и для лишенія его этой выгоды нужны стимулы, болѣе дѣйствительные. Это, во-первыхъ...

„Какъ онъ хорошо говоритъ!"—думала мать, не спуская съ сына очарованнаго взора.

„Даръ слова есть, но какая самоувѣренность!" мысленно рѣшилъ отецъ и иронически спросилъ:

— А, во-вторыхъ?

— А, во-вторыхъ, — такъ же спокойно и съ тою же самоувѣренной серьезностью продолжалъ молодой человѣкъ,—та маленькая доля удовольствія, происходящаго отъ удовлетворенія альтруистическаго чувства, какую ты получилъ, защищая обиженнаго, по твоему мнѣнію, человѣка, обращается въ нуль передъ тою суммой непріятностей и страданій, которыя ты можешь испытать впослѣдствіи и, слѣдовательно, ты же останешься въ явномъ проигрышѣ...

— Въ явномъ проигрышѣ!?. Такъ... такъ... Красиво ты говоришь. Ну, а въ третьихъ?—съ нервнымъ нетерпѣніемъ, быстро перебирая тонкими пальцами засѣдѣвшую черную большую бороду, спрашивалъ Ордынцевъ.

— А въ третьихъ, если Гобзинъ имѣетъ намѣреніе, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ удалить служащаго, то, разумѣется, удалитъ. Ты, пожалуй, отстоишь Андреева, но Гобзинъ уволитъ Петрова или Иванова. Такимъ образомъ, явится перестановка именъ, а самый фактъ несправедливости останется. А между тѣмъ ты, защищая справедливость, не достигаешь цѣли и, кромѣ того, ради ощущенія удовольствія, и при томъ кратковременнаго и въ сущности только тѣшащее самолюбіе, рискуешь положеніемъ и

этимъ самымъ невольно рискуешь не исполнить обязанностей относительно семьи. Кажется, очевидно!—заключилъ Алексѣй.

— Еще бы! Совсѣмъ очевидно... необыкновенно очевидно,—началъ, было, Ордынцевъ саркастически-сдержаннымъ тономъ.

Но онъ его не выдержалъ...

Внезапно поблѣднѣвшій, онъ съ ненавистью взглянулъ на сына и, возмущенный, крикнулъ ему:

— Фу, мерзость! Основательная мерзость, достойная оскотинившагося эгоиста! И это въ двадцать два года? Какими же мерзавцами будете вы, молодые старики, въ тридцать!?

Онъ больше не могъ отъ волненія говорить—онъ задыхался.

Бросивъ на сына взглядъ, полный презрѣнія, Ордынцевъ шумно поднялся съ мѣста и ушелъ въ кабинетъ, хлопнувъ дверями.

Вслѣдъ за нимъ ушла и Шурочка. Глаза ея были полны слезъ.

— А ты, Леша, не обращай вниманія на отца!—промолвила нѣжно мать.

Но молодой человѣкъ и безъ совѣта матери не обратилъ вниманія на гнѣвныя слова отца. Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на его лицѣ.

— Вотъ, всегда такъ. Спроситъ мнѣнія и выругается, какъ сапожникъ! — невозмутимо спокойно проговорилъ онъ, какъ бы про себя, ни къ кому не обращаясь и, пожимая, съ видомъ снисходительнаго сожалѣнія, плечами, ушелъ къ себѣ въ комнату заниматься.

Поднялась и Ольга. Но, прежде чѣмъ уйти, спросила мать

— Мы поѣдемъ къ Козельскимъ? У нихъ сегодня фиксъ.

— А ты хочешь?

— А тебѣ развѣ не хочется? — въ свою очередь, спросила Ольга, пристально взглядывая на мать съ самымъ наивнымъ видомъ.

— Мнѣ все равно!—отвѣтила Ордынцева, отводя взглядъ.

„Будто бы?"—подумала Ольга и сказала:

— Такъ, значитъ, не ѣдемъ?

— Отчего жъ... Если ты хочешь...

— Я надѣну свое crême, мама...

— Какъ знаешь...

„И чего мама лукавитъ? — подумала Ольга, направляясь въ въ свою комнату.—„Точно я ничего не понимаю!"

III.

Ордынцеву было не до работы, которую онъ принесъ съ собой изъ правленія, разсчитывая ее прикончить за вечеръ. Нервы его были возбуждены до послѣдней степени и, кромѣ того, онъ ждалъ, что—того и гляди—явится жена.

Онъ зналъ ея манеру приходить съ такъ называемыми „объясненіями“ именно въ то время, когда онъ уже былъ достаточно раздраженъ, и въ эти минуты пилить и упрекать, ожидая взрыва дикаго гнѣва, чтобы потомъ имѣть право разыгрывать роль оскорбленной жертвы и страдалицы, обиженной мужемъ-тираномъ. Онъ зналъ свою несдержанность и мастерское умѣніе жены доводить его до бѣшенаго состоянія и всегда со страхомъ ждалъ ея появленія на порогѣ кабинета послѣ одной изъ сценъ, бывавшихъ за обѣдомъ, когда супруги только и встрѣчались въ послѣдніе годы.

Сколько разъ Василій Николаевичъ давалъ себѣ слово молчать, упорно молчать, какіе бы гадости, облеченные въ приличную форму, жена ни говорила. Обыкновенно, вначалѣ онъ крѣпился, но не выдерживалъ—отвѣчалъ и нерѣдко отвратительныя сцены сопровождали обѣдъ. Супруги, не стѣсняясь, бранились при дѣтяхъ, при прислугѣ, а главное, при бѣдной Шурочкѣ, нервной, болѣзненной, на которую эти сцены дѣйствовали угнетающимъ образомъ.

Блѣдный, съ гнѣвно сверкающими глазами, ходилъ Ордынцевъ по своему небольшому кабинету. По временамъ онъ останавливался у дверей, прислушиваясь, не идетъ ли жена, и, облегченно вздохнувъ, снова нервно и порывисто ходилъ взадъ и впередъ, взволнованный и возмущенный, выкуривая папироску за папироской.

Горе, постоянно нывшее въ немъ, какъ ноетъ больной зубъ, казалось послѣ домашнихъ сценъ сильнѣй и ощущалось съ большей остротой. Дикая, чисто животная злоба, мгновенно охватывала Ордынцева и онъ, весь вздрагивая, невольно сжималъ кулаки и съ искаженнымъ отъ гнѣва лицомъ произносилъ по адресу жены площадныя ругательства и, случалось, ловилъ себя на желаніи ей смерти. То онъ испытывалъ тоску и отчаяніе человѣка, сознающаго свое безсиліе и непоправимость своего несчастія. И тогда болѣзненное, худое лицо Ордынцева принимало жалкій страдальчески-изможденный видъ, косматая голова поникала, и вся его высокая, худощавая фигура производила впечатлѣніе угнетенности и безпомощности.

— Идіотъ, что я на ней женился!—прошепталъ онъ съ какимъ-то бѣсноватымъ озлобленіемъ.—Идіотъ!

И въ головѣ его, словно дразня, мелькалъ образъ какой-то другой, воображаемой женщины, съ которой онъ, навѣрное, былъ бы счастливъ и имѣлъ бы настоящую семью.

Послѣ каждой крупной ссоры Ордынцевъ проклиналъ свою женитьбу, чувствуя безплодность этихъ проклятій и съ ужасомъ сознавалъ, что онъ и жена два каторжника, скованные одной цѣпью.

Обыкновенная исторія!

Увлекающійся и впечатлительный, вѣрующій въ жизнь и въ хорошія книжки, Ордынцевъ, тогда двадцатипятилѣтній молодой человѣкъ, не сомнѣвался, что эта красивая, ослѣпительная блондинка семнадцати лѣтъ, съ большими, черными глазами и есть именно то сокровище, которое, сдѣлавшись его женой, дастъ настоящее счастье и будетъ добрымъ товарищемъ и вѣрнымъ другомъ. По крайней мѣрѣ, онъ не останется одинъ въ битвѣ жизни. Рядомъ съ нимъ пойдетъ любимая женщина и сочувствующая душа.

„Главное: душа!" — восторженно мечталъ Ордынцевъ и, нашептывая дѣвушкѣ нѣжныя рѣчи и, любуясь ея красивымъ тѣломъ, душу-то Анны Павловны и проглядѣлъ! На самую обыкновенную барышню изъ петербургской чиновничьей среды, съ душой далеко не возвышенной, Ордынцевъ смотрѣлъ ослѣпленными глазами страстно-влюбленнаго человѣка, приписывая своему „ангелу" то, что тому и во снѣ не снилось. Она казалась ему непосредственной, нетронутой натурой съ богатыми задатками, „золотымъ сердцемъ", отзывчивымъ на все хорошее. Нужды нѣтъ, что она не всегда понимаетъ то, что онъ ей проповѣдуетъ, и глядитъ на него не то удивленно, не то вопросительно своими большими глазами. Она еще такъ молода. Подъ его вліяніемъ разовьются всѣ ея богатыя задатки. И Ордынцевъ мечталъ, какъ они по вечерамъ будутъ читать вмѣстѣ хорошія книжки и дѣлиться впечатлѣніями. Идиллія выходила трогательная и заманчивая.

Въ то время Ордынцева еще не укатали „крутыя горки". Онъ былъ пригожій, статный брюнетъ, съ черными кудрями и смѣлымъ взоромъ, жизнерадостный, мягкій и остроумный. Анна Павловна влюбилась и сама, позабывши для Ордынцева свое увлеченіе какимъ то офицеромъ. Влюбившись, она съ обычнымъ женскимъ искусствомъ приспособлялась къ любимому человѣку, желая ему понравиться. Она какъ то подтягивалась при немъ, сдѣлалась необыкновенно кротка, получила вдругъ охоту къ чтенію и къ умнымъ разговорамъ, сожалѣя, что она „такая глупенькая", и съ такимъ, повидимому, горячимъ сочувствіемъ слушала молодого человѣка, когда онъ говорилъ ей о задачахъ разумной жизни, объ идеалахъ, о возможности настоящаго счастья въ бракѣ только при общности взглядовъ, что Ордынцевъ приходилъ въ телячій восторгъ, подогрѣваемый чувственными вожделѣніями, писалъ своей „умницѣ" стихотворенія и довольно скоро предложилъ ей „раздѣлить съ нимъ и радости, и невзгоды жизни". Она торжественно обѣщала (хотя про себя и думала объ однихъ только радостяхъ) и въ отвѣтъ на первый поцѣлуй Ордынцева отвѣтила такими жгу-

чими поцѣлуями, что Василій Николаевичъ совсѣмъ ошалѣлъ отъ счастья и тутъ же поклялся отдать всю свою жизнь Нюточкѣ.

Родители Анны Павловны, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ожигинъ, добросовѣстно тянувшій лямку безъ надежды на видную карьеру, и супруга его, дама съ претензіями, сперва-было заупрямились. Нюточка такая красавица. Она можетъ сдѣлать блестящую партію. Время еще терпитъ. Хотя они и не имѣли ничего противъ Ордынцева, считая его порядочнымъ человѣкомъ, но находили, что частныя мѣста не прочны. Положимъ, тысяча пятьсотъ рублей весьма приличный окладъ для молодаго человѣка, но казенная служба вѣрнѣе. А Ордынцевъ ни за что не хотѣлъ быть чиновникомъ. Окончивъ университетъ и потерпѣвъ неудачу въ попыткахъ сдѣлаться литераторомъ, Ордынцевъ поступилъ въ желѣзнодорожное правленіе.

Нюточка объявила, что ни за кого другого не выйдетъ, и родители уступили, сдѣлали приданое и дали три тысячи на черный день.

Годъ, другой прошли въ той иллюзіи счастья, которое, главнымъ образомъ, заключается въ чувственной склонности другъ къ другу влюбленныхъ, полныхъ здоровья и жажды жизни молодыхъ существъ, съ обычными размолвками, оканчивающимися горячими поцѣлуями примиренія, со сценами ревности и слезами, послѣ которыхъ супруги, казалось, еще болѣе любили другъ друга.

Но чтенія вдвоемъ какъ-то не клеились. Нюточка ихъ не особенно одобряла и, закрывая книгу, звала мужа въ театръ или покататься на тройкѣ. Идиллія была, но совсѣмъ не та, о которой мечталъ Ордынцевъ. Онъ все еще разсчитывалъ на „литературные вечера“ вдвоемъ и на „сочувственную душу“, а Нюточка все ждала, что мужъ устроитъ ей жизнь вполнѣ приличную. Она понимала любовь не иначе, какъ съ хорошей обстановкой, довольствомъ и баловствомъ любовника-мужа, готоваго для жены на всякія жертвы, а Василій Николаевичъ могъ ей дать лишь скромное существованіе съ довольно прозаическими заботами. Вдобавокъ, онъ подъ часъ бывалъ раздражителенъ, и у него были правила въ жизни, которыя представлялись теперь молодой женщинѣ „упрямствомъ“ и „эгоизмомъ“, несовмѣстимыми съ истинной любовью.

Равница ихъ взглядовъ, вкусовъ, привычекъ, ихъ нравственныхъ понятій и требованій отъ жизни обнаружилась очень скоро. Ордынцевъ возмущался, убѣждалъ, говорилъ горячіе монологи, хотѣлъ перевоспитать жену, которая такъ нравилась ему, какъ женщина. Нюточка, въ свою очередь, старалась дѣйствовать на мужа обаяніемъ своей красоты, прибѣгая для этого ко всевозможнымъ уловкамъ, дѣйствующимъ на чувственность мужчины.

И въ этомъ была ея сила, которой Ордынцевъ поддавался и понималъ это.

Изъ-за первой же потери мѣста между ними произошло объясненіе, поразившее Ордынцева неожиданнымъ открытіемъ. Вмѣсто „сочувствующей души“ передъ нимъ обнажилась неделикатная душа практической женщины, не желавшей идти съ нимъ рядомъ въ битвѣ жизни. Напротивъ! Указывая на двухъ крошекъ-дѣтей, Анна Павловна совѣтовала мужу образумиться и жить, какъ всѣ порядочные люди.

Мало-по-малу между ними наступило охлажденіе. Подогрѣваемое страстностью супружескихъ ласкъ, оно вновь сказывалось въ сценахъ, упрекахъ, ссорахъ и, въ концѣ концовъ, обратилось въ полное отчужденіе и взаимную ненависть, обострявшуюся съ годами по мѣрѣ того, какъ мужъ терялъ въ глазахъ жены прелесть любовника, а жена являлась въ глазахъ мужа олицетвореніемъ непоправимой ошибки.

И оба были несчастливы, но не разводились. Ордынцевъ боялся дурного вліянія матери на дѣтей и считалъ, что приноситъ себя въ жертву.

Съ какой-то мучительной настойчивостью Ордынцевъ истязалъ себя воспоминаніями объ этой „ошибкѣ“, подробности которой возставали передъ нимъ въ поразительной отчетливости. Мысли его отъ воспоминаній опять перешли къ настоящему и— Боже!—какимъ оно представилось ему отчаяннымъ!

Жена—ненавистна. Дѣти, изъ-за которыхъ онъ не развелся раньше, ему чужды, и онъ долженъ сознаться, что далеко не привязанъ къ нимъ теперь, когда они сдѣлались взрослыми и приняли опредѣленныя физіономіи. А вѣдь какъ онъ горячо любилъ ихъ прежде, когда они были маленькія, какъ страдалъ, когда они болѣли, страшась потерять ихъ! Одна только Шурочка привязываетъ его къ себѣ, а остальные... Нечего сказать, хороши!

Особенно возмущалъ его Алексѣй, на котораго отецъ возлагалъ большія надежды, мечтая имѣть друга въ сынѣ и гордиться имъ. Есть чѣмъ гордиться!

— Скотина!—произнесъ онъ вслухъ, вспоминая рѣчи сына за обѣдомъ.

Ордынцевъ чувствовалъ и обиду и злость.

„Доля удовольствія обращается въ нуль передъ суммой непріятностей“.

И вѣдь съ какимъ апломбомъ говорилъ. А онъ еще надѣялся, что сынъ одобритъ его заступничество. Одобрилъ!! Весь въ мать— такая же холодная, себялюбивая натура. А Ольга? Женихи да цыганскія пѣсни на умѣ! А этотъ Сергѣй? Ужъ и теперь онъ

сухъ и практиченъ... И всѣ они не любятъ отца... Онъ это видитъ.

— Семейка!—вырвалось скорбное восклицаніе у Ордынцева.

„Откуда пошли эти оскотинившіеся молодые люди?“—задалъ себѣ вопросъ Василій Николаевичъ.

Вліяніе матери, учебныя заведенія, духъ времени. А что же онъ дѣлалъ?

Но у него не было возможности изучить ихъ характеры, вліять на нихъ. Онъ цѣлые дни проводилъ внѣ дома, всегда въ работѣ, возвращался домой усталый... И безъ того было много ссоръ изъ-за дѣтей вначалѣ.

Такъ старался оправдать себя отецъ и чувствовалъ фальшь этихъ оправданій. Онъ не исполнилъ долга отца, какъ бы слѣдовало. Онъ все-таки долженъ былъ бороться и противъ вліянія матери и противъ духа времени. Онъ обязанъ былъ стать въ болѣе близкія отношенія съ дѣтьми. Ничего этого онъ не сдѣлалъ.

„Твоя вина, твоя!“—шепталъ внутренній голосъ.

И Ордынцевъ долженъ былъ согласиться, но снова подумалъ въ свое оправданіе, что всему виновата его женитьба на этой женщинѣ—будь она проклята! Не могъ же онъ одинъ быть и работникомъ, и воспитателемъ, и вести вѣчную войну съ женой. Это свыше человѣческихъ силъ!

IV.

Раздался стукъ въ двери.

„Она!“—въ страхѣ подумалъ Ордынцевъ.

И онъ бросился къ столу, сѣлъ въ кресло и, разложивъ передъ собой бумаги, принялъ видъ занимающагося человѣка.

Онъ всегда встрѣчалъ нападеніе жены въ такой позиціи.

Ордынцевъ далъ себѣ слово сдерживаться во время предстоящаго объясненія, что бы жена ни говорила. Только скорѣй кончилось бы оно, и она бы ушла!

Стукъ въ двери повторился.

— Войдите! — произнесъ Ордынцевъ, склоняя голову надъ бумагами.

На порогѣ стояла Анна Павловна.

Ордынцевъ мгновенно ощутилъ присутствіе жены по особенному, свойственному ей душистому запаху, по шелесту юбки и по той злобѣ, которая охватила его.

Не глядя на жену, онъ, тѣмъ не менѣе, видѣлъ передъ собой ее высокую, крупную, полную фигуру, съ большой колыхавшейся грудью, выдавшейся впередъ изъ-подъ туго стянутаго корсета, видѣлъ строгую, презрительную мину, тупой, взглядъ большихъ

глазъ, нервное подергиваніе губъ и бѣлую, пухлую съ ямками руку въ кольцахъ, которая держала дверную ручку.

„Сейчасъ начнетъ!"—подумалъ Ордынцевъ.

И снова далъ себѣ слово сдерживаться.

„Пусть себѣ зудитъ".

— Я пришла объясниться...

О, какъ хорошо зналъ онъ эту, постоянно одну и ту же прелюдію въ длинной супружеской „симфоніи". О, какъ хорошо зналъ онъ ее!

— Что такое?—спросилъ Ордынцевъ самымъ обыкновеннымъ тономъ, удерживаясь отъ раздраженія и словно бы не понимая, въ чемъ дѣло.

И, съ слабой надеждой избѣжать объясненія, прибавилъ, не поднимая головы!

— Нельзя ли въ другой разъ... Я занятъ... Спѣшная работа.

Онъ снова чувствуетъ, хотя не видитъ, усмѣшку жены и слышитъ, какъ она говоритъ пѣвучимъ, полнымъ злости, голосомъ:

— Занятъ!? Ты дома вѣчно занятъ или ругаешься... И я пришла спросить: когда, наконецъ, кончатся оскорбленія, которыми вамъ угодно осыпать меня и дѣтей? Больше я терпѣть не намѣрена. Слышите ли? Вы сдѣлались грубы, какъ дворникъ. Благодаря вамъ, у насъ въ домѣ адъ. Вы наводите страхъ на дѣтей. И безъ того, кажется, жизнь съ такимъ непризнаннымъ геніемъ, какъ вы, не сладка, а вамъ, какъ видно, хочется ее сдѣлать невыносимой. Вамъ этого хочется?—вызывающе прибавила Анна Павловна.

И она притворила двери и прислонилась для большаго своего удобства къ косяку.

Въ эту минуту Ордынцеву больше всего хотѣлось вытолкнуть жену за дверь. Вотъ, что ему хотѣлось.

И онъ пожалѣлъ, что онъ не дворникъ, а интеллигентный человѣкъ, и, въ виду неисполнимости своего желанія, лишь кусалъ губы и ни слова не отвѣчалъ.

„Выболтается и окончитъ!"—подумалъ Ордынцевъ.

Но молчаніе еще болѣе озлило Анну Павловну.

Онъ—виновникъ ея несчастья, онъ—тиранъ, и онъ же смѣетъ молчать?

Такъ погоди же, голубчикъ!

И Анна Павловна продолжала съ дрожью въ голосѣ:

— Вы не любите своихъ дѣтей. Какъ вы къ нимъ относитесь? Вы ихъ игнорируете! Нечего сказать, хорошъ отецъ. Отецъ!? Что видятъ отъ васъ дѣти? Однѣ издѣвательства и брань... Ольгѣ даже не можете помочь... дай ей возможность учиться пѣнію. А у нея чудный голосъ... могла бы сдѣлать карьеру... Алексѣя вы

просто-таки ненавидите... Вы не переносите, что дѣти не раздѣляютъ вашихъ дурацкихъ взглядовъ... Алеша вамъ, кажется, ясно доказалъ, кто вы... И, Слава Богу, что дѣти не такіе самолюбивые фразеры, какъ ихъ отецъ... Слава Богу. Воображаетъ себя какимъ-то умникомъ и всѣхъ оскорбляетъ... Непонятый человѣкъ! Семья его не понимаетъ? Ахъ, какъ трогательно... скажите пожалуйста. Вамъ мало, что вы загубили мою жизнь... Именно: загубили... Не сдѣлай я глупости, не выйди за васъ за мужъ, я знала бы счастье... А тоже стихи писали... Обѣщали жизнь на розахъ!—презрительно усмѣхнулась Анна Павловна.— Хороши розы! Припомните, какъ вы поступали со мной...

И такъ какъ Ордынцевъ опять-таки молчалъ, повидимому, не имѣя намѣренія вдаваться въ воспоминанія при женѣ, то Анна Павловна стала припоминать „все“, съ начала того дня, когда она сдѣлалась жертвой.

Въ этомъ обзорѣ характера и поступковъ мужа были перечислены всѣ его вины и „подлости“, какъ настоящія, такъ и давно прошедшія, и язвительныя слова и упреки сыпались съ расточительностью и злопамятствомъ женщины, знающей какъ доканать врага и, главное, человѣка, который уже нѣсколько лѣтъ назадъ осмѣлился сдѣлать ее, такую красивую женщину, вдовой. Этого она не могла простить.

И съ видомъ гордой страдалицы, несущей тяжкій крестъ, чего только не припоминала Анна Павловна!

Она вспомнила и бывшую двадцать лѣтъ назадъ ссору, въ которой онъ смертельно ее оскорбилъ, и кутежи съ пріятелями въ то время, когда они чуть не нищенствовали, и потери мѣстъ, по его милости, тогда какъ онъ давно могъ бы отлично устроиться, еслибъ любилъ жену и дѣтей, и дружбу его съ литераторами, этими „негодяями“, которые женятся по десяти разъ, и истраченныя три тысячи приданаго, и долги, и особенно знакомства его съ разными умными дамами и дѣвицами, у ногъ которыхъ онъ будто бы изливалъ свое горе непонятаго въ семьѣ страдальца.

Увлекаясь собственной злобной фантазіей и путая правду съ ложью, Анна Павловна даже представляла, какъ мужъ изливалъ свои жалобы передъ умными дамами и при этомъ презрительно усмѣхалась.

— И вѣдь эти умныя вѣрили и утѣшали васъ... Еще бы, страдалецъ!.. Возвышенныя идеи... Красивыя фразы... Потоки остроумія...

Еле удерживаясь отъ желанія схватить свою подругу жизни за горло, Ордынцевъ безпокойно ерзалъ на своемъ плетеномъ креслѣ, поблѣднѣвшій, стиснувъ зубы, съ глазами, горѣвшими недобрымъ огонькомъ.

— Не довольно ли?—глухо проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, не довольно. Вы должны выслушать меня... Довольно я молчала.

„Ты—молчала!?"—подумалъ Ордынцевъ.

И, все еще сдерживая себя, произнесъ:

— Но только скорѣй, скорѣй оканчивайте...

— Я скоро окончу. Будьте покойны.

И отлично видя, насколько покоенъ мужъ, Анна Павловна съ какимъ-то особеннымъ злорадствомъ и какъ будто нарочно затягивая слова, сказала:

— А эту особу... вашу милую Леонтьеву помните?.. Сколько вы оскорбляли меня изъ-за нея и какъ подло обманывали! Разсказывали о какой-то дружбѣ, тогда какъ эта ваша „святая женщина" была вашей любовницей... Menage en trois... Мужъ по любви, а любовникъ по сочувствію... И вы еще смѣете считать себя честнымъ человѣкомъ...

— Лжешь!—вдругъ крикнулъ Ордынцевъ и, какъ ужаленный, вскочилъ съ кресла.

— Я не привыкла лгать. Вы лжете!

— Лжешь, дура! Подло лжешь. Ничего того, что ты говоришь, не было!

— Оскорбляйте жену... кричите на нее—это благородно! Гуманный человѣкъ! Такъ я и повѣрила, что вы бѣгали каждый вечеръ къ своему другу для однихъ возвышенныхъ бесѣдъ... Очень правдоподобно! — съ циничной усмѣшкой прибавила Анна Павловна.—Не лгите хоть теперь. Вѣдь Леонтьева была вашей любовницей?

— Довольно. Уйди! Уйди, говорю! — задыхаясь отъ злобы, проговорилъ Ордынцевъ.

— Что, видно правды не любите, правдивый человѣкъ?

— Не клевещи хоть на женщину, которой ты и мизинца не стоишь.

— Еще бы... „Святая!" Что жъ?.. Идите къ ней... Припадите на грудь... Только едва ли она вамъ будетъ сочувствовать, какъ пять лѣтъ тому назадъ... Вѣдь вы и женились на мнѣ истрепанный, а теперь, что вы такое?.. какой вы мужчина? Что даете вы мнѣ кромѣ горя? Что вы мнѣ даете, неблагодарный и презрѣнный человѣкъ!—возвысила голосъ Анна Павловна и съ брезгливымъ презрѣніемъ сильной, свѣжей и здоровой женщины, смѣрила худощавую болѣзненную фигуру мужа.

Оба, полные ненависти, смотрѣли другъ на друга въ упоръ. Ордынцевъ, блѣдный, какъ полотно, вздрагивалъ точно въ судорогахъ.

— Ну что жъ... теперь ударьте...—съ вызывающимъ злымъ

смѣхомъ продолжала Анна Павловна. — Отъ васъ можно всего ожидать. Не даромъ отецъ вашъ былъ какой-то безродный несчастный чиновникъ... Прибколотите свою жену и идите жаловаться бывшей своей любовницѣ на свое несчастье... Быть можетъ, она...

— Вонъ, подлая тварь! — вдругъ крикнулъ, не помня себя, Ордынцевъ и энергичнымъ движеніемъ распахнулъ двери кабинета.

Это былъ бѣшеный крикъ раненаго звѣря. Лицо Ордынцева исказилось гнѣвомъ и злобой. Анна Павловна такъ и не договорила рѣчи.

— Подлецъ! — кинула она мужу презрительнымъ шепотомъ.

И, слегка поблѣднѣвшая, величественно вышла, нарочно замедляя шагъ, съ чувствомъ злобнаго торжества надъ униженнымъ врагомъ и съ непрощаемой тяжкой обидой невинно оскорбленной жертвы и поруганной женщины.

Она пришла въ спальню и разразилась истерическимъ рыданіемъ.

„Господи! Да что жъ это за каторга!?“ — въ скорбномъ отчаяніи прошепталъ Ордынцевъ нѣсколько минутъ спустя, когда нѣсколько „отошелъ“.

И ему было безконечно стыдно, что онъ обошелся съ женой какъ пьяный мастеровой.

„До чего онъ дошелъ!“

Ордынцеву стало жаль себя и обидно за постыло прожитую жизнь.

„На что она ушла?“ — спрашивалъ онъ.

Глаза его увлажились слезами. Онъ испытывалъ тоску и изнеможеніе разбитаго этой вѣчной борьбой человѣка. Ему хотѣлось забыться, не думать объ этомъ. Но *это* не оставляло его и, несмотря на ненависть къ женѣ, чувство виновности передъ ней мучительно проникало въ его душу.

Да, онъ виноватъ передъ ней. Онъ искалъ утѣшеній внѣ дома, а она была безупречна! — думалъ Ордынцевъ. Но не могъ же онъ безъ любви любить женщину, которую не выносилъ. Не могъ же онъ лгать, расточая ей ласки! Она могла понять это. Могла. И онъ не стѣснялъ ее... Онъ даже хотѣлъ, чтобъ она полюбила кого-нибудь... Онъ предлагалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ разъѣхаться... Она не пожелала. Она не хотѣла скандала.

„Больше жить вмѣстѣ невозможно!“ — пронеслось въ головѣ Ордынцева.

— Невозможно! — прошепталъ онъ.

И эта мысль значительно успокоила Ордынцева. Ему казалось, что жена теперь обрадуется такому исходу... Черезъ нѣ-

сколько дней онъ переговоритъ съ ней или напишетъ. Если она захочетъ, если ей нужно, онъ и на разводъ съ удовольствіемъ пойдетъ... Вину возьметъ на себя, конечно.

„О, еслибъ она только захотѣла!“

Ему не сидѣлось въ этомъ постыломъ кабинетѣ. Какая теперь работа? Его тянуло вонъ изъ дома. Хотѣлось отвлечься, поговорить съ кѣмъ-нибудь, отвести душу.

Въ эту минуту двери тихо отворились, и въ кабинетѣ показалась Шурочка, грустная и испуганная, со стаканомъ чая въ рукахъ.

— Вотъ тебѣ, папочка, чай!—нѣжно проговорила дѣвочка.

Она поставила стаканъ на столъ и хотѣла, было, уйти, но, увидавши слезы на глазахъ у отца, подошла къ нему и, прижавшись, безмолвно цѣловала его руку, обжигая ее слезами.

— Ахъ ты моя бѣдная дѣвочка!—умиленно прошепталъ Ордынцевъ, тронутый лаской.

И съ порывистой страстностью прижалъ къ своей груди дѣвочку и осыпалъ ея лицо поцѣлуями, глотая слезы.

— Милая ты моя! — повторялъ Ордынцевъ, чувствуя какою крѣпкою цѣпью держитъ его это милое дорогое созданіе. — Спасибо за чай... Я не буду пить .. Я ухожу.

Взволнованная, чутко понявшая эти ласки отца, Шурочка проводила его въ переднюю.

Пока Ордынцевъ въ передней одѣвалъ пальто, изъ ближайшихъ комнатъ доносились долбня гимназиста и звонкій голосокъ Ольги, напѣвавшей цыганскій романсъ.

Они слышали, конечно, бѣшеный крикъ отца, знали, что былъ „бенефисъ“, какъ они называли крупныя ссоры между родителями, и не обратили на него особеннаго вниманія.

Только Алексѣй, штудировавшій для реферета, который собирался прочесть, Нитше, брезгливо пожалъ плечами и рѣшилъ, что если онъ женится, то жена не посмѣетъ мѣшать ему заниматься.

— Ну, прощай, Шурочка.

— Прощай, папочка. Развлекись, голубчикъ!—заботливо напутствовала отца дѣвочка и улыбалась заплаканными глазами, запирая за отцомъ двери.

Глава третья.

I.

У Козельскихъ „вторники“.

Къ чему у нихъ „вторники“ и при томъ съ хорошими ужинами и дорогимъ виномъ, этого, пожалуй, не могли бы объяснить

ни его превосходительство, Николай Ивановичъ Козельскій, ни супруга его Антонина Сергѣевна.

Если для „Тины“, незамужней ихъ дочери, пикантной блондинки двадцати-трехъ лѣтъ, то это было совершенно напрасно.

Тина не разъ говорила, что для нея вторники совершенно не нужны. Она и безъ вторниковъ найдетъ себѣ мужа, если захочетъ. Но она не такая дура, чтобы захотѣть и получить какое-нибудь сокровище вродѣ Левы, отъ котораго сестра не знаетъ, какъ отдѣлаться.

Не доставляли особеннаго удовольствія эти вторники и родителямъ.

Николай Ивановиич нерѣдко ворчалъ, что они дорого стоятъ, а постоянно жаловавшаяся на нервы Антонина Сергѣевна находила, что они утомительны и доставляютъ ей много хлопотъ.

И тѣмъ не менѣе вторники продолжались. И Козельскій любезно напоминалъ „добрымъ знакомымъ“ и особенно молодымъ женщинамъ не забывать вторниковъ и старался, чтобы „фиксы“ были и многолюдны, и оживленны и чтобы на нихъ былъ „гвоздь“ въ лицѣ какой-нибудь извѣстности или знаменитости.

Этотъ вторникъ обѣщалъ быть особенно интереснымъ. Дали слово пріѣхать: директоръ департамента Никодимцевъ, восходящая звѣзда на административномъ небосклонѣ, которой опытные астрономы предсказывали большое восхожденіе, модный баритонъ Нэрпи, передѣлавшій на благозвучную фамилію свою ординарную: Нерпинъ, и молодая пьянистка, уже получившая титулъ „извѣстной“.

Въ девять часовъ большая квартира Козельскихъ на Сергіевской была освѣщена „adgiorno“.

„Чертогъ сіялъ“, хотя былъ еще пустъ.

Недавно вставшій послѣ часового сна и только что окончившій туалетъ, Козельскій сидѣлъ въ своемъ большомъ роскошномъ кабинетѣ, у письменнаго стола и подпиливалъ ногти на холеныхъ, изящныхъ рукахъ съ длинными, породистыми пальцами. На мизинцѣ правой руки былъ большой изумрудъ. Обручальнаго кольца его превосходительство не носилъ.

Несмотря на свои пятьдесятъ два года, это былъ еще очень моложавый и красивый, крѣпкій и здоровый мужчина средняго роста, ширококостный и плечистый, но не полный, съ большой, хорошо посаженной головой, покрытой густыми, сильно вьющимися, темнокаштановыми волосами безъ намека на сѣдину. Небольшая, выхоленная, душистая бородка клинышкомъ скрадывала широковатость его умнаго и добродушнаго лица, свѣжаго, совсѣмъ почти безъ морщинъ, съ мягкими, нѣсколько расплывчатыми чертами. Добрые, бархатные, каріе глаза усиливали впечатлѣніе добродушія и съ перваго же раза располагали къ Николаю Ивано-

вичу, не заставляя подозрѣвать въ немъ ни лукавства, ни предательства. Очень ужъ мягко и ласково глядѣли эти глаза.

Онъ былъ очень элегантенъ въ своемъ редингогѣ изъ какой-то необыкновенно нѣжной, слегка пушистой ткани, сидѣвшемъ на немъ съ безукоризненностью, которая свидѣтельствовала и о заботливости Николая Ивановича о своемъ костюмѣ и о мастерствѣ знаменитаго лондонскаго портного Пуля, у котораго Козельскій одѣвался.

Ослѣпительные стоячіе воротнички сорочки были повязаны чернымъ моднымъ галстукомъ. На рукавахъ блестѣли маленькіе брилліанты. Тонкій ароматъ „дикой яблони", любимыхъ духовъ его превосходительства, исходилъ отъ его представительной, барской фигуры. Невольно думалось, что Николай Ивановичъ былъ баловнемъ дамъ и что эти сочныя, чувственныя губы, надъ которыми были пушистые усы, съ поднятыми вверхъ концами,—на своемъ вѣку сорвали не мало поцѣлуевъ и еще ими интересуются. Не даромъ же его превосходительство такъ заботится о своемъ здоровьѣ и боится сдѣлаться старикомъ слишкомъ рано.

Безхарактерный во многихъ отношеніяхъ, онъ обнаруживалъ необыкновенную силу воли въ тренированіи собственнаго тѣла, и вотъ уже десять лѣтъ, что ежедневно дѣлаетъ массажъ и гимнастику, ходитъ пѣшкомъ, блюдетъ діету, не позволяетъ себѣ никакихъ излишествъ и не знаетъ моднаго переутомленія, хотя и работаетъ порядочно, чтобы нахватывать въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ онъ служитъ, тысячъ пятнадцать въ годъ, не считая нѣкоторыхъ экстраординарныхъ „suplements", которыя выдумываетъ изобрѣтательность Николая Ивановича, когда-то—давнымъ-давно—мечтавшаго о болѣе равномѣрномъ распредѣленіи собственности.

Впрочемъ, его превосходительство и теперь „теоретически" признаетъ вообще несовершенство человѣческаго общежитія, надѣясь, однако, что въ концѣ-концовъ условія измѣняются къ лучшему, и въ тѣсномъ кружкѣ пріятелей искренно возмущается подчасъ тѣми порядками, за поддержаніе которыхъ получаетъ изрядное жалованье, хотя по недоразумѣнію и по старой памяти и считается „краснымъ", такъ какъ въ ранней молодости былъ замѣшанъ въ какой-то „исторіи" и прожилъ годъ на родинѣ, въ Симбирской губерніи, въ имѣніи отца.

II.

Ступая легкой, граціозной, слегка плывущей походкой, въ настежъ раскрытыя двери кабинета вошла высокая, стройная и худая женщина съ большими, задумчиво-грустными глазами, осѣненными длинными рѣсницами. Въ ея поблекшемъ, видимо прежде

красивомъ лицѣ, было то выраженіе сдержанной покорной печали, которое встрѣчается у любящихъ, но не любимыхъ женщинъ, съ достоинствомъ несущихъ крестъ свой.

Въ черномъ элегантномъ платьѣ, совсѣмъ сѣдая и казавшаяся старухой въ сорокъ четыре года, она походила своимъ видомъ на изящную монахиню-настоятельницу какого-нибудь аристократическаго французскаго монастыря.

Никакихъ украшеній на ней не было: ни брошки, ни серегъ въ ея маленькихъ, блѣдныхъ ушахъ. Только обручальное кольцо одиноко и, казалось, сиротливо блестѣло на бѣлой, тонкой и длинной, красивой рукѣ.

Она взглянула на своего красиваго, моложаваго и здороваго мужа съ чувствомъ любви, зависти и снисходительнаго презрѣнія къ человѣку, которому она давно перестала вѣрить, не переставая любить.

И ея глаза словно бы помолодѣли, останавливаясь на мужѣ и невольно любуясь имъ. Быть можетъ, онъ и теперь ей казался такимъ же красавцемъ, какимъ былъ много лѣтъ тому назадъ, когда она была счастлива.

— Присаживайся, Тоня. Ну, что твои нервы? Какъ ты себя чувствуешь?

Въ его голосѣ, мягкомъ и вкрадчивомъ, звучала та нотка нѣжной почтительности послѣднихъ десяти лѣтъ супружества, какою иногда мужья дарятъ женъ, которыхъ перестаютъ любить какъ женъ и обманываютъ.

И, вѣроятно, не столько изъ-за кроткаго и терпѣливаго характера жены, сколько изъ-за того, что Николай Ивановичъ обманывалъ ее, онъ иначе не говорилъ о ней, какъ называя „святой женщиной», особенно если „святая“ не дѣлала сценъ ревности.

— Ничего... Немного лучше... Что это ты такой нарядный сегодня, Коля?—спросила Антонина Сергѣевна.

И въ головѣ ея пронеслась мысль: „для кого это онъ такъ нарядился?“

— Нарядный?.. Это оттого, что въ сюртукѣ, Тоня?

— Обыкновенно ты по вторникамъ не надѣваешь его.

— Сегодня обѣщалъ Никодимцевъ быть... Неловко какъ-то быть слишкомъ по домашнему...

— И много народу у насъ сегодня будетъ?

— Я думаю... порядочно... Нэрпи пріѣдетъ... Пьянистка Козецкая.

— Надоѣли эти фиксы, Коля...

— А ты думаешь, мнѣ не надоѣли, Тоня?

— Такъ зачѣмъ же мы ихъ продолжаемъ, и ты зовешь публику?..

— Я не зову... Привыкли къ нашимъ вторникамъ... И, наконецъ, для Тины...

— Тинѣ... ты знаешь... они не нужны... Она говорила...

— Ну, мало ли что она говоритъ... Все же молодые люди бываютъ... Сегодня молодой Гобзинъ пріѣдетъ...

— Гобзинъ? Что это такое Гобзинъ?

— Единственный сынъ милліонера Гобзина... Приличный. Кончилъ университетъ... А за ужиномъ, Тоня, надо Никодимцева около Инны посадить... Инна умѣетъ занимать...

— Я скажу ей... Только захочетъ ли она?.. Никодимцевъ, быть можетъ, неинтересный...

— Напротивъ... Умница... И, наконецъ, что это за разборчивость такая?... Кажется, Инна... не особенно разборчива... Одинъ ея благовѣрный чего стоитъ... и вообще... этотъ хвостъ ея поклонниковъ, которые таскаются за ней всюду: и въ театры, и въ концерты... Я, конечно, не придаю этому значенія, но, всетаки, мой другъ, молодой женщинѣ надо быть осторожнѣе. Мало ли что сплажутъ! — прибавилъ Козельскій, принимая серьезный и нѣсколько огорченный видъ.

„Ты-то хорошъ!“ — не безъ горечи подумала Антонина Сергѣевна.

И, обожавшая своихъ дѣтей, видѣвшая въ нихъ однѣ совершенства и сама слишкомъ правдивая и чистая, чтобы подозрѣвать ихъ въ чемъ-нибудь дурномъ, горячо проговорила:

— Что могутъ сказать объ Инночкѣ? О ней только клеветники могутъ говорить дурное!..

— Конечно, сказать нечего, собственно говоря... Я, Тоня, только говорю, что Инночка любитъ, чтобы за ней ухаживали...

Отецъ хорошо зналъ, что могли сказать и что не безъ основанія говорили про Инну.

Но онъ не хотѣлъ огорчать жену, да и не смѣлъ бы сказать, еслибъ и хотѣлъ, понимая, что не ему обвинять дочь за ту, нѣсколько странную жизнь, которую она вела. Онъ не разъ встрѣчалъ у нея цѣлую стайку довольно пошлыхъ молодыхъ людей, которые слишкомъ безцеремонно цѣловали ея руки. Онъ видѣлъ ее катающеюся на рысакахъ съ однимъ изъ такихъ поклонниковъ. Онъ даже разъ занялъ деньги у господина, котораго заставалъ у Инны въ тѣ часы, когда для визитовъ еще рано, и въ которомъ опытный его глазъ сразу призналъ подозрительнаго друга дома.

И, не далѣе еще какъ третьяго дня, онъ имѣлъ весьма ще-

котливую встрѣчу съ дочерью въ корридорѣ отдѣльныхъ кабинетовъ одного моднаго ресторана.

Въ четвертомъ часу утра онъ выходилъ изъ отдѣльнаго кабинета съ пикантной француженкой, бывшей однимъ изъ его мимолетныхъ увлеченій, которыми онъ изрѣдка разнообразилъ свои регулярныя свиданія съ предметомъ своей болѣе прочной связи. И въ ту же минуту изъ сосѣдняго кабинета выходила Инна, значительно возбужденная и веселая, подъ руку съ какимъ-то господиномъ, котораго Козельскій видѣлъ въ первый разъ.

Отецъ и дочь встрѣтились лицомъ къ лицу, и оба благоразумно не узнали другъ друга.

Но встрѣча эта больно кольнула Николая Ивановича, задѣвши его родительскія чувства и самолюбіе... „Его дочь таскается по кабинетамъ!"

И, кромѣ того, онъ былъ возмущенъ, какъ опытный въ любовныхъ дѣлахъ человѣкъ, неосторожностью дочери.

„Хоть бы вуаль густую надѣла!"—подумалъ отецъ.

Но едва ли еще не сильнѣе было оскорблено его эстетическое чувство джентльмена и умнаго человѣка невзрачнымъ видомъ, неважнымъ пальто и довольно-таки идіотскимъ, некрасивымъ лицомъ молодого спутника Инны.

„Точно лучше не могла найти!"—мысленно обвинилъ онъ дочь, глубоко оскорбленный, что такая красивая и не глупая женщина, какъ Инна, да еще похожая на него, ѣздитъ въ отдѣльные кабинеты съ такимъ плюгавымъ господиномъ.

— Инна, должно быть, несчастлива съ мужемъ, Коля... Оттого она, быть можетъ, и кокетничаетъ немножко!—сказала мать.

— Сама выбрала своего Левушку.

— Ошибиться такъ легко!..

— Она что же... жалуется?

— Инна никогда не станетъ жаловаться, Коля... Но мнѣ, кажется, она не любитъ Леву... А вѣдь жить съ нелюбимымъ мужемъ... Что можетъ быть ужаснѣе для порядочной женщины!

— Но развѣ онъ такая скотина, что самъ не понимаетъ этого?.. Тогда я съ нимъ поговорю.

— Надо прежде съ Инной поговорить... Дастъ Богъ, мои предположенія ошибочны... Чужое семейное счастье такая энигма!—раздумчиво прибавила Антонина Сергѣевна...

Его превосходительство не любилъ разговоровъ съ женой на такія темы и, благоразумно не подавая реплики, взглянулъ на часы и проговорилъ:

— Половина десятаго... Ты не позволишь ли подать самоаръ и не напоишь ли меня чаемъ, Тоня?

— Съ удовольствіемъ.

И Антонина Сергѣевна поднялась съ широкой отоманки.

„Святая женщина!“—умиленно подумалъ Николай Ивановичъ и сказалъ:

— Ты мнѣ сюда пришли чай, Тоня!

— Хорошо!—отвѣтила жена.

И тихо вышла изъ кабинета, полная затаеннаго ревниваго чувства, которое всегда возбуждалось сильнѣе, когда мужъ бывалъ нарядёнъ и, какъ казалось Антонинѣ Сергѣевнѣ, неотразимъ. И къ тому же она не знала, какая женщина владѣетъ теперь имъ, и для кого онъ такъ нарядился.

Разумѣется, она не повѣрила, что для Никодимцева.

„Для кого же, для кого?“

Съ тѣхъ поръ, какъ Николай Ивановичъ разошелся съ послѣдней своей дамой, хорошо извѣстной Антонинѣ Сергѣевнѣ, она въ неизвѣстности. А что новая дама есть, въ томъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Антонина Сергѣевна, слава Богу, хорошо изучила мужа! И непремѣнно изъ общества. Она тоже знала извѣстную щепетильность мужа.

Она испытывала мучительное любопытство непремѣнно знать тѣхъ женщинъ, изъ-за которыхъ она страдала и была отставленной женой, а между тѣмъ, вотъ уже два года, какъ Антонину Сергѣевну безпокоитъ тайна новой связи, словно постоянная гнетущая зубная боль. Она подозрѣвала многихъ, но ни въ одной изъ подозрѣваемыхъ не могла признать ту „подлую женщину“, которая увлекаетъ женатаго человѣка.

На этотъ разъ Николай Ивановичъ, вѣроятно проученный прежнимъ опытомъ, ловко скрывалъ свои амурныя дѣла. Ни одной оброненной записки, ни одного компрометирующаго появленія съ кѣмъ-нибудь въ театрѣ...

„Но она узнаетъ! Быть можетъ, сегодня же узнаетъ, кто эта женщина!“—подумала Антонина Сергѣева, наливая мужу чай по его вкусу.

И—странное дѣло!—мысль о томъ, что она узнаетъ, кто любовница мужа, нѣсколько успокоила Антонину Сергѣевну.

Въ столовой появилась „Тина“, маленькая, рыжеволосая блондинка ослѣпительной бѣлизны, съ бойкими глазами и вздернутымъ носомъ, что придавало ея хорошенькому лицу задорное, вызывающее и даже дерзкое выраженіе.

— Хорошо, мамочка?—бойко проговорила она увѣреннымъ тономъ, вполнѣ убѣжденная, что хорошо, и остановилась передъ матерью веселая, улыбающаяся и нарядная въ новомъ свѣтло-зеленомъ платьѣ.

— Отлично, Тиночка... Отнеси, голубка, папѣ стаканъ... Да смотри не пролей на блюдечко. Папа это не любитъ...

Тиночка осторожно взяла блюдечко и, поставивъ стаканъ на столъ, поцѣловала отца и проговорила:

— Здравствуй, папа! Мы съ тобой не видались сегодня.

— Да, Тина, не видались. Ты вѣдь сегодня не обѣдала дома...

— Не обѣдала!—слегка вызывающимъ тономъ отвѣтила Тина.

— А мама безпокоилась... Ты бы предупредила...

— Я разъ навсегда просила маму не безпокоиться. Ты, надѣюсь, не безпокоился?—не безъ иронической нотки въ своемъ низкомъ, красивомъ голосѣ спросила Тина.

— Не безпокоился. Ты не маленькая. А позволительно отцу спросить, гдѣ ты пропадала?—полушутя спросилъ Николай Ивановичъ.

Верхняя губа Тины капризно вытянулась, и глаза сверкнули, когда она отвѣтила:

— Тебя это интересуетъ? У своихъ знакомыхъ была!

— Опредѣленно!—произнесъ отецъ и усмѣхнулся.

— Но развѣ будетъ опредѣленнѣе, если я скажу, что была у Ивановыхъ? Или ты всегда опредѣленно говоришь намъ, гдѣ бываешь?

Козельскій нѣсколько сконфуженно отвелъ глаза и отхлебнулъ чая.

Тина захотѣла было итти, но отецъ раздраженно спросилъ:

— А твои декаденты сегодня придутъ?

— Придутъ. А развѣ они мѣшаютъ тебѣ?

— Не мѣшаютъ, если не декламируютъ глупостей.

— Ты ничего не понимаешь въ поэзіи и потому сердишься...

— Да... Всякой галиматьи я не понимаю.

— А я не считаю галиматьей то, что они пишутъ, и понимаю... Не безпокойся, они тебѣ не помѣшаютъ. Я уведу ихъ въ свою комнату... Мы тамъ будемъ читать...

— Но Тина...

— И больше они не придутъ!—не слушая отца, взволнованно проговорила Тина и вышла изъ комнаты.

„Экая дерзкая дѣвченка!“—подумалъ въ раздраженіи отецъ и понялъ, что онъ безсиленъ передъ ней.

Понялъ и еще болѣе раздражаясь, мысленно произнесъ:

„Замужъ ей надо... А то дофлиртуется до скандала!“

III.

Въ двѣнадцатомъ часу гости были въ сборѣ.

Не было только Инны и баритона Нерпи.

Хозяинъ, игравшій въ кабинетѣ въ винтъ, въ числѣ партнеровъ

котораго былъ и Никодимцевъ, очень скромный и даже застѣнчивый господинъ лѣтъ около сорока, съ некрасивымъ, умнымъ и энергичнымъ лицомъ,—уже нѣсколько разъ справлялся: не пріѣхала ли дочь. Онъ зналъ, что она обладаетъ способностью очаровывать мужчинъ, и почему-то хотѣлъ, чтобы Никодимцевъ съ ней познакомился.

Цвѣтникъ дамъ и дѣвицъ въ красивыхъ туалетахъ наполнялъ большую гостиную. Было жарко. Пахло духами. Юная піанистка только что кончила играть, и несчастные молодые люди, занимавшіе дамъ, снова должны были придумывать болѣе или менѣе подходящія темы „журъ-фиксныхъ" разговоровъ. Опера, пріѣзжій итальянскій трагикъ, недавнее самоубійство изъ-за несчастной любви уже были исчерпаны, а до ужина еще далеко.

Хотя госпожа Ордынцева и увѣряла мужа, что они живутъ, какъ нищіе, но здѣсь далеко не казалась нищей. Напротивъ! Она была очень красива и эфектна въ черномъ бархатномъ платьѣ, съ бриллiантами въ ушахъ и съ сверкающими кольцами на крупныхъ, бѣлыхъ рукахъ. Она глядѣла очень моложавой и чувствовала, что нравится мужчинамъ. Отъ нея почти не отходили два господина: старенькій адміралъ и совсѣмъ юный инженеръ. И оба говорили ей любезности, и оба таяли.

А Ольга въ платьѣ „creme" кокетничала съ г. Гобзинымъ, котораго ей представили. Молодая, хорошенькая дѣвушка видимо понравилась сыну милліонера.

Тина въ своей хорошенькой комнатѣ слушала стихи, которые декламировалъ ей высокій, худощавый господинъ развинченнаго вида съ рыженькой бородкой и маленькими кроличьими глазами. Читалъ онъ какъ-то таинственно тихо и плавно, и стихъ былъ звучный и мѣстами красивый, но добраться до смысла въ этихъ стихахъ было невозможно. Однако, два студента слушали поэта съ благоговѣніемъ. За то молодой, пригожій артиллеристъ саркастически улыбался, не спуская влюбленныхъ глазъ съ Тины.

И когда поэтъ кончилъ, и Тину позвали пѣть, артиллеристъ подошелъ къ ней и шепнулъ:

— Татьяна Николаевна! Неужели вамъ и стихи, и онъ нравятся?

— А вамъ какое дѣло?

— Мнѣ? Татьяна Николаевна...

— Не приставайте... Надоѣли!.. Вотъ возьму да и выйду замужъ за этого боровка!..—указала она на Гобзина.

— Потому что милліонеръ?

— Именно...

Артиллеристъ отошелъ грустный. А онъ надѣялся и, казалось ему, имѣлъ право надѣяться на иное отношеніе.

И онъ хотѣлъ было уйти и никогда больше не являться къ Тинѣ. Ужъ онъ былъ въ прихожей, но вдругъ вернулся въ гостиную, сѣлъ въ уголкѣ и притихъ, словно обиженный ребенокъ.

Исполняя обязанности хозяйки дома, Антонина Сергѣева присаживалась то къ одной, то къ другой гостьѣ, и если она была недурна, въ ней шевелилось ревнивое чувство: „не она ли?"

Она также незамѣтно слѣдила, когда мужъ, оказываясь свободнымъ пятымъ партнеромъ, входилъ въ гостиную и подходилъ къ дамамъ, чтобъ сказать нѣсколько любезныхъ словъ. Но рѣшительно никому онъ не выказывалъ особеннаго предпочтенія.

И это заставляло бѣдную женщину втайнѣ страдать.

Пока Тина собиралась пѣть цыганскія пѣсни и разбирала ноты, въ гостиную, вся въ бѣломъ, вошла Инна, улыбаясь милой, дѣтской улыбкой и глазами, большими зелеными глазами, въ которыхъ, казалось, свѣтилась чистота самой мадонны.

И тотчасъ же разговоры смолкли, и всѣ взоры обратились на нее.

Дѣйствительно, въ этой женщинѣ было что-то необыкновенно красивое и обворожительное.

К. Станюковичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РЁСКИНЪ И РЕЛИГІЯ КРАСОТЫ.

Роберта Сизеранна.

Переводъ съ французскаго.

ВВЕДЕНІЕ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось быть во Флоренціи 7-го марта, въ день праздника св. Ѳомы Аквинскаго, и у меня явилось желаніе осмотрѣть въ доминиканскомъ монастырѣ Santa Maria Novella фрески Мемми и Гадди, изображающія тріумфъ св. Ѳомы среди ареопага семи небесныхъ и семи земныхъ наукъ. Мнѣ казалось, что именно въ этотъ день можно всего яснѣе почувствовать, чѣмъ былъ этотъ человѣкъ, какъ руководитель мысли. Къ тому же великолѣпное солнце заливало яркимъ свѣтомъ церкви города лилій. Нужно много солнца, чтобы разсмотрѣть всѣ эти фигуры апостоловъ, аллегорическихъ звѣрей, собакъ Господа, кусающихъ волковъ ереси, ученыхъ, начиная отъ Боэтіуса, похожаго на прокаженнаго, и кончая Тубалкаиномъ, похожимъ на орангъутанга. Мнѣ хотѣлось быть тамъ одному, и я пришелъ къ девяти часамъ. Въ монастырѣ не было ни души. Благодаря утренней свѣжести и монастырской тишинѣ, здѣсь было чудно хорошо. Сквозь арки, построенныя въ XIV вѣкѣ, виднѣлись зеленыя лужайки, не такія древнія, но вѣчно вновь зеленѣющія. Заботливый ключарь заперъ ворота на нѣсколько засововъ. Колокола громко звонили, потомъ наступило долгое молчанье. Я шелъ между гробницъ, окружающихъ Зеленый Монастырь, какъ вдругъ, когда я подходилъ къ Испанской капеллѣ, до меня донесся сначала едва слышный, потомъ все болѣе и болѣе явственный звукъ голоса, что-то читавшаго... вродѣ молитвы. Неужели кто-нибудь предупредилъ меня? Уже я различалъ въ прозрачной тѣни силуэты молодыхъ женщинъ въ матросскихъ шляпахъ, въ бѣлыхъ вуаляхъ, съ букетами мимозъ въ рукахъ. Онѣ стояли тѣсной группой передъ тріумфомъ св. Ѳомы Аквинскаго. Одна изъ нихъ читала:

Optavi et datus est mihi sensus,
Invocavi et venit in me spiritus sapientiae
Et praeposui illam regnis et sedibus.

Потомъ тотъ же голосъ продолжалъ по англійски:

«...Я просилъ, и духъ мудрости сошелъ на меня. Сила мудрости или святая Софія, во-имя которой былъ выстроенъ первый христіанскій храмъ, эта высшая мудрость, присутствіе которой направляетъ теченіе всѣхъ земныхъ событій и создаетъ все земное искусство, снизошла на Флоренцію по ея молитвѣ...»

Долго она читала такъ, переходя отъ самыхъ общихъ размышленій о значеніи науки, управляющей мышленіемъ человѣка, къ самымъ мелкимъ замѣчаніямъ по поводу рукъ или волосъ какой-нибудь фигуры на фрескахъ, отмѣчая оттѣнки, изучая выраженія лицъ, складки одежды, противопоставляя спокойную позу реторики размашистымъ жестамъ флорентійской толпы, «превращающей пальцы въ губы и надѣющейся своими криками добиться отъ Бога и людей исполненія своихъ желаній».

Аудиторія слушала съ глубокимъ вниманіемъ, и маневрировала точно взводъ прусскихъ солдатъ, переходя отъ одной фигуры къ другой по указаніямъ тоненькой, красной, съ золотымъ обрѣзомъ книжечки. Иногда голосъ вдругъ повышался. Тихіе звуки органа акомпанировали ему издали. Дуновеніе воздуха, напоеннаго ароматомъ цвѣтовъ, проносилось, какъ фиміамъ. Золотыя тычинки мимозъ въ рукахъ молодыхъ женщинъ вспыхивали подъ лучами солнца, какъ восковыя свѣчи. Я замѣтилъ, что путешественницы стояли на могильной плитѣ испанскихъ пословъ, давшихъ свое имя капеллѣ. То, что онѣ читали, напоминало также пучекъ увядшихъ цвѣтовъ, сохранившійся отъ далекаго прошлаго. Что же это была за книга, что за невѣдомый культъ, кто жрецъ этой религіи красоты? Ключарь, проходя мимо, шепнулъ, мнѣ имя: *Рёскинъ!*

Другой разъ, послѣ конгреса экономистовъ въ Лондонѣ, я отдыхалъ въ одномъ изъ тѣхъ строгихъ готическихъ салоновъ, гдѣ удачно сгармонированы и красота, и комфортъ. Говорили о тѣхъ измѣненіяхъ, какія производятъ машины вездѣ, а особенно въ тканяхъ, въ вышивкахъ, которыя были нѣкогда произведеніями искусства; надъ ними работали мыслящіе люди, и онѣ выходили несравненно прочнѣе въ тѣ времена, когда бѣлье переходило по наслѣдству изъ поколѣнія въ поколѣніе. Теперь же машинная работа существуетъ не долго. «Взять хоть эти салфеточки»,—сказалъ одинъ изъ гостей,—нужно ли упоминать, что разговоръ происходилъ за чайнымъ столомъ?—«Простите,—перебила его хозяйка,—вы забываете, что это *Ландальскій холстъ»!*—«А мой сюртюкъ,—прибавилъ хозяинъ дома,—сшитъ изъ сукна *Гильдіи св. Георга»*. то объясненіе, повидимому, всѣхъ удовлетворило.

Я узналъ тогда, что въ Вестсморландѣ была устроена мастерская въ хорошенькомъ коттэджѣ, гдѣ пряли ленъ на прялкахъ нашихъ прабабушекъ и ткали холстъ на старинныхъ ручныхъ станкахъ. Этотъ ручной холстъ стоитъ отъ двухъ до шести шиллинговъ ярдъ. Суммы, полученныя отъ продажи, кладутся въ банкъ и въ концѣ года прибыль

дѣлится между работниками. Оттуда именно было все бѣлье въ домѣ нашихъ хозяевъ. А сукно получалось съ мельницы св. Георга на островѣ Мэнѣ, гдѣ чешутъ шерсть и ткутъ сукно. Только вода, эта стихійная сила, помогаетъ тамъ рукамъ человѣческимъ. Оттуда многія англійскія дамы выписываютъ себѣ сукно. Матеріи эти очень прочны и выдѣлываются онѣ безъ дыма и копоти, безъ грохота и безобразія машинъ, вопреки всему прогрессу, какъ бы въ насмѣшку надъ всѣмъ промышленнымъ и соціальнымъ движеніемъ нашего времени. И когда я спросилъ, кто же устроитель этой гильдіи, безумецъ или титанъ, желающій преградить путь своему вѣку, мнѣ назвали тоже имя, которое я уже слышалъ разъ подъ сѣнью Зеленаго Монастыря: *Рёскинъ!*

Итакъ, совсѣмъ близко отъ насъ, по ту сторону Ламанша жилъ человѣкъ, овладѣвшій всецѣло умами британцевъ и внушавшій имъ свои безстрашно-ретроградные взгляды на жизнь, на стиль, на экономику, даже на одежду. Этотъ человѣкъ, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ бросилъ обществу книгу-вызовъ и началъ борьбу, давшую ему славу; съ тѣхъ поръ въ троякомъ видѣ—писателя, оратора и директора мануфактуры онъ проповѣдывалъ три ученья—эстетическсе, нравственное и соціологическое или, лучше сказать, онъ бросалъ своему вѣку разныя мысли безъ всякой послѣдовательности, и каждое его слово съ религіознымъ усердіемъ подбиралось его почитателями и почитательницами, какъ капли крови мученика. Его книги, выпускаемыя въ двадцати, тридцати тысячахъ экземпляровъ, несмотря на ихъ дорогія цѣны, распространяли по всей Англіи его идеи о жизни и красотѣ, а контрабандныя изданія заносили сѣмена ихъ и на далекій западъ. Сто тысячъ франковъ составляли ежегодный доходъ автора отъ его эстетическаго предпріятія, и этотъ доходъ долженъ былъ питать то соціальное предпріятіе, о которомъ онъ мечталъ. Чтобы пояснить его, въ Лондонѣ, Манчестерѣ, Гласго и Ливерпулѣ образовались особыя общества для чтенія Рёскина, особый журналъ возникъ, чтобы пропагандировать его, особая библіотета, *Домъ Рескина* въ Лондонѣ, чтобы распространять его идеи. Около него художники гравировали его рисунки, писатели разсказывали его біографію, хотя онъ самъ былъ живъ, излагали его ученіе, хотя онъ самъ писалъ, составляли изъ его произведеній «Рёскиніады», путеводители по музеямъ, книги для раздачи наградъ и т. п. Во время стачекъ бросали въ возбужденную толпу отрывки изъ произведеній великаго эстетика; и еще недавно директоръ женскаго института въ Лондонѣ заявилъ со школьной торжественностью, что XIX вѣкъ будетъ знаменитъ въ исторіи только тѣмъ, что въ немъ жилъ и писалъ Рёскинъ!

Кто же этотъ человѣкъ и въ чемъ состояло его предпріятіе? Кромѣ непосредственнаго интереса, который онъ возбуждаетъ, въ настоящее время нельзя затронуть ни одного вопроса искусства, чтобъ не коснуться его. У меня явилось желаніе изучить его. Мнѣ казалось, что

Джонъ Рёскинъ.

38-ми лѣтъ.

для этого недостаточно прочитать его и тѣхъ, кто лучше всѣхъ зналъ его, прежде всѣхъ, конечно, его любимаго ученика М. Ж. Коллингвуда, надо было пройти тѣмъ же путемъ по Европѣ и въ эстетикѣ, какимъ шелъ самъ учитель. Въ Швейцаріи, во Флоренціи, въ Венеціи, на берегахъ Рейна и Арно, вездѣ, гдѣ онъ работалъ, работалъ и я послѣ него; я воспроизводилъ тѣ эскизы, изъ которыхъ рождались его теоріи и его поученія, я ожидалъ тѣхъ лучей солнца, которые онъ описывалъ, я подстерегалъ на вѣчныхъ памятникахъ неуловимыя тѣни его мыслей. Потомъ, прежде чѣмъ начать писать, я ждалъ нѣсколько лѣтъ, пока его система предстала передо мной не въ своей поражающей сложности, а въ своемъ дивномъ единствѣ, какъ тѣ Альпы, которыя онъ такъ любилъ: вблизи онѣ представляются безпорядочнымъ хаосомъ, но по мѣрѣ того, какъ отъ нихъ удаляешься, онѣ сливаются и, наконецъ, на краю горизонта, превращаются въ тонкую голубую линію, но эта линія—цѣлый міръ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Личность.

Глава I.

Созерцаніе.

Однажды лѣтней ночью 1833 года сторожъ у воротъ Шаффгаузена былъ разбуженъ стукомъ подъѣхавшей почтовой кареты; онъ съ недовольнымъ видомъ пріотворилъ ворота запоздавшимъ путешественникамъ и карета такъ быстро промчалась, что задѣла и разбила одинъ изъ его фонарей. У гостиницы карета остановилась и изъ нея вышелъ курьеръ, потомъ англичанинъ съ женой, маленькая дѣвочка, мальчикъ лѣтъ четырнадцати и лакей. Всѣ путешественники сейчасъ же улеглись спать. Завтра въ воскресенье рано утромъ надо было отправляться въ церковь.

Имена, которыя хозяинъ гостиницы записалъ на другой день въ свою книгу, были ему совершенно неизвѣстны, и свѣдѣнія, которыя онъ могъ получить отъ курьера относительно пріѣзжихъ, не заключали въ себѣ ничего интереснаго. Изъ того, что онъ узналъ про нихъ, ничто не указывало, чтобы исторія искусства должна была интересоваться ими: джентельменъ былъ Джонъ Джемсъ Рѣскинъ, крупный виноторговецъ въ Сити, его имя стояло во главѣ одной изъ крупнѣйшихъ торговыхъ фирмъ — *Рескинъ, Тельфоръ и Домекъ*, онъ занимался, главнымъ образомъ, ввозомъ шерри и считался однимъ изъ добросовѣстнѣйшихъ негоціантовъ своей страны; дама, вышедшая вслѣдъ за нимъ изъ кареты, была его жена, рожденная миссъ Маргарита Коксъ, мальчикъ—ея единственный сынъ Джонъ, а маленькая дѣвочка—сирота-племян-

ница Мэри; всѣ они въ политикѣ были крайніе тори и якобиты, а по религіи—пресвитерьяне. Чтобы сколько-нибудь заинтересовать ими, слѣдовало бы прибавить, что все это семейство отличалось нѣкоторой нелюдимостью, жило только созерцаніемъ природы и искало исключительно эстетическихъ наслажденій.

Негоціанты въ Сити были бы, вѣроятно, крайне удивлены, еслибъ узнали, что м-ръ Джонъ Джемсъ Рескинъ, такой аккуратный въ своей конторѣ, такой точный въ денежныхъ дѣлахъ, такой знатокъ хорошаго шерри, имѣлъ склонности артиста. Возвращаясь къ себѣ домой, онъ превращался въ крайняго энтузіаста. Онъ поспѣшно принимался заканчивать какую-нибудь акварель или, взявъ какое-нибудь новое произведенье Вальтеръ-Скотта или старую драму Шекспира, начиналъ съ страстнымъ увлеченіемъ читать ихъ женѣ и сыну. Очень часто въ прежніе годы ночь заставала его склоненнымъ надъ гравюрами Праута или Тернера или надъ картами Швейцаріи и Италіи; разглядывая ихъ при свѣтѣ лампы, онъ погружался въ неосуществимыя мечты о путешествіи въ тѣ страны, гдѣ высятся снѣжныя горы и плещутъ голубыя волны.

Но тутъ появлялась мисиссъ Рёскинъ и своимъ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ возвращала его къ мыслямъ о томъ, что англичане любятъ называть своимъ долгомъ, т. е. о накопленьи денегъ. М-ссъ Рёскинъ была двоюродной сестрой своего мужа и на четыре года старше его. Зная ее съ дѣтства, онъ мало-по-малу пришелъ къ убѣжденію, что она вполнѣ олицетворяетъ собой идеалъ подходящей для него жены, сказалъ это ей, и они вмѣстѣ рѣшили подождать со свадьбой до тѣхъ поръ, пока всѣ долги семьи будутъ уплачены, его торговое предпріятіе окрѣпнетъ, и всѣ вообще тучи разсѣются. Они ждали девять лѣтъ. Наконецъ, однажды вечеромъ, увидѣвъ по своей приходо-расходной книгѣ, что активъ превышаетъ пассивъ, онъ разрѣшилъ сердцу заявить громче о своихъ правахъ. Послѣ ужина молодыхъ людей обвѣнчали и такъ таинственно, что слуги догадались объ этомъ только на другой день, когда они вмѣстѣ отправились въ Эдинбургъ. Эта странная смѣсь чувствительности и хладнокровія, рыцарской вѣрности и практическаго смысла дѣлали изъ мистера Рёскина совершенно особый типъ, сильно выдѣлявшійся среди остальныхъ виноторговцевъ Сити. Благодаря ей, онъ сумѣлъ не только спасти честь семьи, уплативъ всѣ долги, оставленные ему отцомъ, но, съ своей стороны, оставить сыну капиталъ въ пять милліоновъ, и въ тоже время передать ему свою страстную любовь къ природѣ, составляющую характерную особенность великаго писателя.

Въ началѣ природа лишь изрѣдка, урывками являлась ребенку, какъ королева, которая показывается народу только въ дни празднествъ. Онъ видѣлъ ее, посѣщая своихъ тетокъ въ Кройдонѣ, откуда открывался такой чудный видъ, что маленькій Джонъ, замѣтивъ его пер-

вый разъ, закричалъ своей испуганной матери: «У меня сейчасъ глаза выскочатъ изъ головы!», или въ Перси, прекрасные сады котораго восхищали его дѣтскій взоръ. Надъ этими краткими видѣньями тотчасъ же спускалась темная завѣса лондонскихъ тумановъ. Позднѣе, когда его родители переѣхали изъ столицы въ провинцію и поселились въ Хернъ-Хиллѣ, на склонѣ Сюррейскихъ холмовъ, красота природы стала ему болѣе доступна. Изъ окна отцовскаго дома передъ нимъ разстилались зеленые луга, деревья, разбросанные тамъ и сямъ деревенскіе домики, а за ними, дальше къ югу, волновалось безграничное поле; въ другую сторону вдали виднѣлся Лондонъ, Виндзоръ и Харроу. Вокругъ простого, но удобнаго домика разбитъ былъ садъ съ зелеными лужайками, съ вишнями и другими фруктовыми деревьями, «ихъ вѣтви гнулись подъ тяжестью плодовъ, нѣжно зеленыхъ, съ пурпуровымъ пушкомъ и тонкимъ ароматомъ, и глазъ съ радостью открывалъ подъ широкими листьями жемчужныя и рубиновыя грозди, похожія на виноградъ»; это былъ прелестный садъ, и ребенокъ сравнивалъ его съ раемъ, съ тою только разницей, что тутъ «не было ни одного прирученаго животнаго и *всѣ* плоды были запрещены». Его врожденная любовь къ формамъ и цвѣтамъ не должна была болѣе удовлетворяться исключительно рисунками ковровъ и видомъ каменныхъ домовъ. «Когда небо было ясно,—говоритъ онъ,—я проводилъ время въ саду, изучая растенія. У меня не было ни малѣйшаго желанія выращивать ихъ, ухаживать за ними, какъ не являлось желанія ухаживать за птицами, за небомъ, или за моремъ. Я только смотрѣлъ на нихъ. Побуждаемый не безплоднымъ любопытствомъ, а восторженнымъ изумленіемъ, я разрывалъ на части каждый цвѣтокъ, пока не узнавалъ всего, что было доступно моему дѣтскому взгляду».

Отважный въ дѣлахъ, но застѣнчивый и робкій въ сношеніяхъ съ людьми, мистеръ Рёскинъ жилъ уединенно въ обществѣ легендарныхъ героевъ своихъ любимыхъ авторовъ. Въ тоже время жена его, воспитанная въ болѣе грубой средѣ, чѣмъ ея мужъ, чувствовала себя не на мѣстѣ среди его новыхъ знакомыхъ; слишкомъ умная, чтобы не замѣчать этого и слишкомъ гордая, чтобъ примириться съ этимъ, она предпочла удалиться отъ людей. При томъ же она была настоящая евангелическая мать: на столѣ ея всегда лежало *Сокровище христіанина*, а въ сердцѣ пылала ненависть къ папѣ; она ненавидѣла театръ и любила цвѣты; «соединяя въ себѣ духъ Маѳы и Маріи», неутомимая и строгая, она жила только для мужа и сына; она была способна одами жить въ Оксфордѣ одна, чтобы не покидать сына въ университетѣ, она оберегала его отъ всякаго огорченья, рискуя изнѣжить го, отъ всякой опасности, рискуя сдѣлать его трусомъ; она каждый день читала съ нимъ Библію, постепенно открывая передъ его глами свѣтъ Стараго и Новаго Завѣта, который до конца озарялъ со дѣло его жизни. Ребенокъ не имѣлъ понятія ни о какихъ трево-

гахъ. Не проживая и половины своихъ доходовъ, Рёскины не знали никакихъ матеріальныхъ заботъ; они искали только созерцательныхъ радостей и поэтому муки зависти и честолюбія были также чужды имъ. Они находили, что жить въ скромномъ коттеджѣ и имѣть удовольствіе посѣщать Варвикскій замокъ пріятнѣе, чѣмъ жить въ самомъ Варвикскомъ замкѣ и не находить ничего, чему удивляться. Обладая спокойнымъ характеромъ, они оба увлекались только идеями и картинами природы. «Никогда,—говоритъ ихъ сынъ,—я не слышалъ, чтобы голоса ихъ повышались въ спорѣ, никогда слуга не получалъ строгаго выговора». Подъ мягкой дисциплиной, правившей этимъ домомъ, царили миръ, послушаніе и вѣра.

Артистическія наклонности ребенка, охраняемаго такимъ образомъ отъ всякихъ столкновеній съ внѣшнимъ міромъ, развивались все сильнѣе, и онъ постоянно находился точно въ состояніи художественнаго экстаза. Когда онъ путешествовалъ, это состояніе не прекращалось, напротивъ, новыя впечатлѣнія давали ему новую пищу. Каждый годъ, въ маѣ мѣсяцѣ, м-ръ Рёскинъ отправлялся куда-нибудь по дѣламъ. Жена его, не желая, чтобы онъ одинъ переносилъ дорожную усталость, ѣхала съ нимъ; маленькаго Джона сажали на подушку между собой, няньку на заднюю скамейку, и вся семья отправлялась въ путь. Каждый вечеръ, окончивъ дѣловые визиты, м-ръ Рёскинъ водилъ сына осматривать встрѣчавшіяся на пути развалины, замки, соборы. Потомъ читали стихи или рисовали. Пяти лѣтъ Джонъ побывалъ въ Шотландіи, въ странѣ озеръ; десяти лѣтъ онъ ѣздилъ съ отцомъ во Францію и присутствовалъ въ Парижѣ на празднествахъ при короновавніи Карла X; по дорогѣ они заѣзжали въ Ватерло. Въ Англіи они посѣщали разныя школы и капеллы, слушали музыку въ Оксфордѣ, побывали на могилѣ Шекспира, осматривали булавочную фабрику въ Бирмингамѣ, любовались видами въ Блекгеймѣ и Варвикскомъ замкѣ; мальчикъ знакомился съ міромъ и его многообразной красотой въ томъ возрастѣ, когда маленькіе французы прилежно изучаютъ надписи на мертвыхъ географическихъ картахъ. Восхищенный природой страны озеръ, онъ сравниваетъ Скидавъ съ пирамидами; трудно повѣрить, что слѣдующія строки, принадлежатъ перу десятилѣтняго ребенка: «Все, что въ силахъ создать искусство,—ничто передъ тобой! Рука человѣка воздвигла горы пигмеевъ, но могилы великановъ. Рука природы воздвигла вершины горъ,—но никогда не создавала могилъ».

Въ Хернъ-Хиллѣ онъ проводилъ долгіе зимніе мѣсяцы, мечтая надъ гравюрами Тернера. Онъ собираетъ коллекціи минераловъ въ долинахъ Клифтона, въ Бристолѣ, въ Дербайширѣ, онъ наблюдаетъ свѣтовыя отраженія, онъ вычисляетъ высоты. И все, что онъ постигаетъ своимъ рано созрѣвшимъ умомъ, онъ любитъ своимъ наивнымъ, свободнымъ сердцемъ. Къ семьѣ своей онъ не чувствуетъ нѣжности. «Мать моя,—пишетъ онъ,—больше всего любила цвѣты. Часто она пересаживала и

подрѣзывала ихъ и я былъ съ ней, если хотѣлъ. Но ея присутствіе не доставляло мнѣ ни огорченія, ни радости. Предоставленный по большей части самому себѣ, я создалъ себѣ свой собственный независимый мірокъ». И черезъ шестьдесятъ лѣтъ у него вырывается крикъ отчаянія: «Мнѣ некого было любить. Мои родители были для меня въ нѣкоторомъ родѣ видимыми силами природы. Я любилъ ихъ также, какъ люблю солнце и луну». А кромѣ своей семьи онъ не знаетъ ни одного человѣческаго существа. Даже во время путешествій Рёскины избѣгали сношеній съ людьми. Если у нихъ является желаніе видѣть своего великаго поэта Вордсворта, они не рѣшаются искать знакомства съ нимъ: они довольствуются тѣмъ, что смотрятъ на него, стоя за колонной въ церкви. «Мы путешествовали не для приключеній и не для знакомствъ: мы только смотрѣли и восхищались». Комфортъ, который они позволяютъ себѣ въ дорогѣ, даетъ имъ возможность многое видѣть, а незнаніе иностранныхъ языковъ мѣшаетъ имъ интересоваться людьми иначе чѣмъ съ эстетической точки зрѣнія. Они находятъ своеобразное удовольствіе въ томъ, что не понимаютъ языка окружающей ихъ толпы. Они замѣчаютъ красивые жесты, интонаціи голосовъ, независимо отъ смысла словъ, «какъ въ оперѣ или пантомимѣ».

Въ такихъ необычныхъ условіяхъ впечатлительность ребенка растетъ, обостряется его наблюдательность. Эстетическое чувство развивается въ ущербъ всѣмъ остальнымъ. Онъ не можетъ любить свою двоюродную сестру, потому что она носитъ *локоны по англійски*, а эта прическа оскорбляетъ его эстетическій вкусъ. Если случается, что его берутъ въ гости, онъ обращаетъ вниманіе только на картины на стѣнахъ, а не на людей. Скоро, въ Оксфордѣ онъ будетъ избѣгать тѣхъ товарищей, лица которыхъ покажутся ему недостаточно характерными, «не достаточно хорошо нарисованными», и будетъ слушать только тѣхъ изъ профессоровъ, у которыхъ найдетъ черты сходства съ *Эразмомъ* Гольбейна или съ *Меланхтономъ* Дюрера. Одаренный большими способностями къ геометріи,—этой наукѣ, занимающейся видимыми изображеніями тѣлъ, онъ останавливается передъ алгеброй, занятой только отношеніями чиселъ. Въ вещахъ его интересуетъ только ихъ отношеніе къ красотѣ, пріятное или непріятное впечатлѣніе, производимое ими на глаза. Весь міръ представляется ему созданнымъ для этой цѣли. Въ немъ уже складывается мысль, которую онъ выскажетъ позднѣе въ *Прозерпинѣ*: «Сѣмена и плоды созданы ради цвѣтовъ, а не ѣты ради сѣмянъ и плодовъ». На порогѣ жизни эстетическія впечатлѣнія еобладаютъ въ немъ и это опредѣлитъ всю его послѣдующую жизнь. къ только онъ увидитъ природу не въ ея сѣренькомъ сѣверномъ ранствѣ, а въ ея южной, голубой красотѣ, не подкрашенной—вблизи ъшихъ городовъ, а свободной, дикой и величественной въ своей вобытной наготѣ, онъ тотчасъ отдастъ ей всего себя—и умъ, и ıце, и волю,—ей и тѣмъ, кто, подобно Тернеру, умѣлъ объяснить ему.

Въ такомъ настроеніи находимъ мы четырнадцатилѣтняго Джона Рёскина, когда онъ съ отцомъ, матерью и кузиной Мэри подъѣзжалъ лѣтней ночью къ воротамъ Шаффгаузена. Въ немъ зрѣла безпредметная страсть, бродили неопредѣленныя надежды, въ немъ горѣлъ тотъ огонь, который жжетъ, но не свѣтитъ—мы всѣ знаемъ его въ ту пору, когда рѣшаемъ вопросъ, что мы будемъ дѣлать въ двадцать лѣтъ. Онъ давно мечталъ объ этомъ путешествіи. Въ Страсбургѣ они рѣшали вопросъ, куда ѣхать—въ Базель или въ Шаффгаузенъ. Въ Шаффгаузенъ!—воскликнулъ онъ. «Мои горячія просьбы одержали, наконецъ, верхъ и на другой день раннимъ утромъ мы уже отправлялись на пристань, и когда мы переѣзжали Рейнъ, я видѣлъ въ лучахъ зари уходившій вдаль Шварцвальдъ. Горы открывали передо мной ворота въ новую жизнь, не прекращающуюся до воротъ тѣхъ горъ, съ которыхъ нѣтъ возврата».

Послушаемъ теперь, какъ онъ разсказываетъ о своей первой встрѣчѣ съ предвѣчной красотой. Кажется, что и теперь, послѣ пятидесяти двухъ лѣтъ, голосъ его еще дрожитъ.

«Мы пріѣхали въ городъ ночью и, кажется, никто изъ насъ не воображалъ, что Альпы можно увидѣть, не предпринимая особой экскурсіи, которая явилась бы нарушеніемъ религіозныхъ правилъ о воскресномъ отдыхѣ. Мы пообѣдали по обыкновенію въ четыре часа и, такъ какъ вечеръ былъ прекрасный, пошли погулять,—отецъ, мать, Мэри и я. Мы довольно долго осматривали городъ, такъ какъ солнце уже близилось къ закату, когда мы вошли въ садъ, расположенный въ западной части города, высоко надъ Рейномъ; съ него открывался видъ на всю мѣстность къ юго-западу отъ города. Мы смотрѣли на эту синѣющую вдали волнистую равнину, какъ бы смотрѣли на одинъ изъ пейзажей нашей родины — на Мальвернъ въ Ворчестерширѣ или на Доркингъ въ Кентѣ, какъ вдругъ!.. смотрите!.. что это?

«Ни на одну минуту ни у кого изъ насъ не мелькнула мысль, что это могутъ быть облака. Очертанія, чистыя какъ хрусталь, отчетливо выступали на фонѣ яснаго неба, слегка окрашенныя розовыми лучами заходящаго солнца. Это безконечно превышало все, о чемъ мы думали и мечтали. Стѣны потеряннаго рая — эти священныя стѣны смерти, явившись намъ въ небѣ, не могли бы быть прекраснѣе и величественнѣе. Я былъ тогда полонъ жизни, въ моемъ сердцѣ горѣлъ огонь, я былъ вполнѣ доволенъ своей дѣтской жизнью и не желалъ ничего иного, я испыталъ горе настолько, чтобы смотрѣть серьезно на жизнь, но не настолько, чтобъ порвать свою связь съ ней, къ моимъ впечатлѣніямъ примѣшивалась нѣкоторая доля научныхъ знаній, достаточная для того, чтобы видъ Альпъ казался мнѣ не только воплощеніемъ земной красоты, но и вступленіемъ къ изученію книги жизни, и, когда я спускался въ этотъ вечеръ съ террасы Шаффгаузена, моя судьба была рѣшена во всемъ, что въ ней есть священнаго и полезнаго. Къ этой

террасѣ и къ берегамъ Женевскаго озера до сихъ поръ влечетъ меня мое сердце и мой умъ при всякомъ благородномъ чувствѣ, зарождающемся въ нихъ, при всякой мирной и отрадной мысли».

Съ этихъ поръ созерцаніе природы будетъ наполнять его жизнь, оно станетъ для него не развлеченіемъ, а призваніемъ, стремленіемъ къ идеалу. Исторія его жизни это, въ сущности, исторія его встрѣчъ съ природой, его ежегодныхъ путешествій; сначала, въ теченіе двухъ первыхъ третей его жизни, онъ предпринималъ ихъ вмѣстѣ съ родителями. позднѣе, когда они умерли,—одинъ. Онъ не ищетъ у нея прибѣжища отъ усталости и разочарованій, или развлеченія въ часы праздности,—онъ отдается ей со всей силой юношеской энергіи, какъ Богу, которому радостно поклоняется юность. Она не только утѣшаетъ его въ любви, она сама—его любовь.

«Съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню и лѣтъ до 18—20, я испытывалъ наслажденіе несравненно высшее, чѣмъ всѣ остальныя, наслажденіе, которое можно сравнить по силѣ съ восторгомъ влюбленнаго, находящагося около своей благородной и нѣжной возлюбленной, это наслажденіе также необъяснимо и неопредѣлимо, какъ сама любовь...

«Я никогда не думалъ о природѣ, какъ о созданіи Бога, но какъ объ особомъ явленіи, самостоятельно существующемъ...

«Это чувство по силѣ своей не мирилось ни съ какимъ дурнымъ чувствомъ—досадой, неудовольствіемъ, завистью, отчаяніемъ, и ни съ какой другой злой страстью, но всякое благородное и чистое движеніе души—горе или радость—были тѣсно связаны съ нимъ...

«Хотя это чувство не смѣшивалось ни съ какимъ опредѣленнымъ религіознымъ чувствомъ, но въ то же время природа въ ея цѣломъ, начиная съ самыхъ незначительныхъ до самыхъ крупныхъ своихъ проявленій, вызывала постоянно ощущеніе святости, невольный, священный ужасъ, смѣшанный съ наслажденіемъ, необъяснимый трепетъ, какой мы испытывали бы въ присутствіи безплотнаго духа... Я могъ вполнѣ отдаться этому ощущенію только, когда былъ одинъ; я содрогался съ головы до ногъ, испытывая и страхъ, и радость, когда, не видя долгое время горъ, я выходилъ на берегъ темноводнаго потока, прыгающаго по камнямъ, или когда я видѣлъ первые лучи заката, озаряющіе волнистую даль, или первые поросшіе мхомъ скалистые уступы горъ. Я не могу никакимъ способомъ описать это чувство. Если бы намъ пришлось объяснять чувство голода кому-нибудь, кто никогда его не испыталъ, мы съ трудомъ могли бы подыскать слова я этого, а это наслажденіе при созерцаніи природы происходитъ, какъ нѣ кажется, отъ нѣкотораго рода душевнаго голода, удовлетворяемаго присутствіемъ великаго и святого Духа...

«Никто, испытавшій это чувство, не могъ описать его. Слова рдсворта: «оно охватывало меня, *какъ* страсть»—не могутъ быть изнаны хорошимъ опредѣленіемъ, потому что это и есть *страсть*.

Нужно только опредѣлить, чѣмъ она отличается отъ другихъ страстей. Къ какому роду человѣческихъ, въ высокой степени человѣческихъ чувствъ, можно отнести любовь къ камню ради самого камня, къ облаку ради него самого? Обезьяна можетъ любить обезьяну ради нея самой, а орѣшникъ ради его плода, но не будетъ любить камень самъ по себѣ. Для меня же камни всегда служили хлѣбомъ...»

Чтобы быть ближе къ этимъ камнямъ, онъ проводитъ цѣлые мѣсяцы въ Швейцаріи или Италіи. Онъ пробуетъ поселиться въ Шамуни, но растущій потокъ туристовъ прогоняетъ его оттуда. Тогда онъ предлагаетъ коммунѣ Бонвиль купить у нея вершину Брезонъ; но мѣстные крестьяне, изумленные тѣмъ, что нашелся покупатель на эти голыя скалы и лужайки, на которыхъ едва можно прокормить нѣсколько козъ, подозрѣваютъ, что милордъ знаетъ о какомъ-нибудь кладѣ, зарытомъ здѣсь, и запрашиваютъ съ него невѣроятную цѣну. Онъ ищетъ утѣшенія въ перемѣнѣ климата, но не въ перемѣнѣ предмета любви. «Впечатлѣніе, полученное въ саду розъ Санъ-Миніято и въ кипарисовой аллеѣ въ Порта-Романа во Флоренціи, принадлежатъ въ моихъ воспоминаніяхъ къ числу лучшихъ дней моей молодости».

Долгое время эта страсть предохраняла его отъ другихъ, а когда являлись другія—исцѣляла его отъ нихъ. До семнадцати лѣтъ постоянное стремленіе его ума и сердца къ прекрасному предохраняло его отъ увлеченія тѣмъ, что на обыденномъ языкѣ принято называть красотой. Но это же самое настроеніе развило въ немъ до болѣзненной степени тотъ «озерный» романтизмъ, который такъ свойственъ англичанамъ: въ тотъ день, когда молодой Хернъ-Хилльскій отшельникъ поднялъ голову отъ своихъ книгъ и увидѣлъ передъ собой головку молоденькой француженки, улыбающейся на зарѣ своихъ шестнадцати лѣтъ, онъ безумно влюбился въ нее. Это была одна изъ дочерей м-ра Домека, компаньона его отца. Ее звали Адель, и это имя скоро стало знакомо читателямъ *Friendship's Offering*, такъ какъ молодой человѣкъ печаталъ тамъ стихи, обращаясь ко всѣмъ на свѣтѣ, такъ какъ не смѣлъ обращаться къ единственной читательницѣ, о которой думалъ. Что касается до нея, то, узнавъ о страсти этого неловкаго молодого геолога, этого робкаго трубадура, она только расхохоталась. «Всякій разъ въ благословенные часы свиданій съ моей возлюбленной Аделью, испанкой по рожденью, парижанкой по воспитанью и католичкой въ душѣ, я начиналъ излагать ей мои собственные взгляды на непобѣдимую Армаду, на битву при Ватерло и на догматъ о пресуществленіи», говоритъ Рёскинъ въ своихъ *Praeterita*. Мать Рёскина не могла придти въ себя отъ негодованія, какъ могъ добрый тори, ученый, послѣдователь евангелической церкви и подданный Георга III полюбить француженку и, главное, католичку; оскорбленная въ своихъ лучшихъ чувствахъ и глубочайшихъ убѣжденіяхъ этой чудовищной любовью, она упорно не хотѣла слышать о бракѣ. Эта безнадежная страсть

длилась тѣмъ не менѣе четыре года, въ теченіе которыхъ она произвела страшное потрясеніе въ хрупкомъ организмѣ энтузіаста и мыслителя. Онъ думалъ умереть отъ любви и написалъ патетическое стихотвореніе, озаглавленное *Разбитая цѣпь*. Но отъ любви не умираютъ; всякую цѣпь можно сковать вновь, и самое печальное въ жизни то, что человѣческія горести такъ непродолжительны. Въ одинъ прекрасный день пришло извѣстіе, что Адель вышла замужъ. Молодого человѣка повезли путешествовать по Европѣ, чтобы онъ разсѣялъ по большимъ дорогамъ хоть часть своихъ печальныхъ воспоминаній и того образа, который жилъ въ его сердцѣ. Но онъ носилъ ихъ съ собой по берегамъ Луары, въ Овернскихъ горахъ, въ галлереяхъ Флоренціи и Рима, и не избавлялся отъ нихъ. Всякая мѣстность казалась ему опустошенной, какъ пейзажъ, съ котораго стерли оживлявшую его фигуру. Во всякомъ женскомъ лицѣ, улыбавшемся ему изъ тысячи золотыхъ рамъ, онъ отыскивалъ черты единственнаго лица, о которомъ мечталъ, менѣе прекраснаго, быть можетъ, но любимаго. Наконецъ, онъ увидѣлъ Альпы и, казалось, сталъ возрождаться. «Не только альпійскій воздухъ,—говоритъ м-ръ Каллингвудъ,—но страстное поклоненіе горамъ спасло его». Въ своихъ *Praeterita* онъ разсказываетъ самъ, какъ, годъ спустя, созерцаніе природы излѣчило его. Онъ находился въ Фонтенебло еще больной, въ лихорадкѣ. Онъ съ трудомъ дошелъ до лѣса, улегся на краю дороги подъ молодыми деревьями и попытался заснуть.

«Вѣтви деревьевъ рисовались на фонѣ голубого неба, неподвижныя, какъ вѣтки дерева Іессея на церковномъ окнѣ». Онъ почувствовалъ, что сегодня во всякомъ случаѣ не умреть, и началъ рисовать небольшую осину, росшую по другую сторону дороги. Онъ находилъ вообще, что въ Фонтенебло нѣтъ ничего, на что бы стоило смотрѣть. *Ужасныя* скалы Эвелина не производили на него впечатлѣнія; онъ находилъ, что ихъ можно бы унести въ карманѣ, если бы стоило брать съ собой.

«А сегодня я забылъ и скалы, и дворецъ, и фонтанъ, все, и лежалъ въ пескѣ у дороги, не замѣчая ничего кромѣ этой маленькой осины, рисовавшейся на голубомъ небѣ... Вяло, хотя и не лѣниво, я принялся рисовать, и по мѣрѣ того какъ я рисовалъ, вялость моя проходила. Безъ утомленія я срисовывалъ прекрасныя линіи. Онѣ становились все прекраснѣе по мѣрѣ того, какъ каждая изъ нихъ выдѣлялась и занимала свое мѣсто въ воздухѣ. Съ возрастающимъ изумленіемъ я слѣдилъ за тѣмъ, какъ онѣ слагались по законамъ болѣе совершеннымъ, чѣмъ всѣ извѣстные людямъ законы. Наконецъ, дерево было готово, а все, что я думалъ раньше о деревьяхъ, не существовало болѣе».

Какъ и всѣ страсти, любовь къ природѣ, наполняя его жизнь слажденіями, приносила въ то же время и страданія, неизвѣстныя

другимъ. Если его горизонтъ не покрытъ цвѣтами, къ которымъ онъ привыкъ въ молодости — онъ уже въ отчаяніи. «Всѣ гіацинты и верескъ Брантвуда, — пишетъ онъ въ *Praeterita*,—не могутъ вознаградить меня вполнѣ въ ихъ потерѣ, и когда лѣтній вѣтеръ обрываетъ всѣ лепестки съ нашихъ дикихъ розъ, я съ грустью вспоминаю темный пурпуръ вьюнокъ, которыя поздней осенью цвѣли и вились по яблонямъ...» Больше того, если, возвратившись къ любимому пейзажу, онъ находитъ его измѣненнымъ, обезображеннымъ прогрессомъ культуры—какимъ-нибудь портомъ или желѣзной дорогой, или «украшеннымъ» ради туристовъ отелемъ или кабачкомъ, онъ чувствуетъ себя глубоко обиженнымъ, точно его вѣчной возлюбленной нанесено оскорбленіе.

«Да,—восклицаетъ онъ, обращаясь къ своимъ современникамъ,—вы презираете природу, вы презираете всѣ святыя и глубокія впечатлѣнія, навѣваемыя ею! Французскіе революціонеры превращали въ хлѣва храмы Франціи. А вы, вы превратили въ арены для скачекъ храмы земли: горы, гдѣ всего лучше поклоняться божеству. Для васъ нѣтъ другого наслажденія, какъ кататься по желѣзной дорогѣ подъ сводами этихъ храмовъ и осквернять ихъ алтари! Вы перекинули желѣзнодорожный мостъ черезъ Шаффгаузенъ! Вы провели тоннель сквозь Люцернскія скалы у часовни Телля! Вы уничтожили берегъ Женевскаго озера у Кларанса. Въ Англіи не осталось ни одной мирной долины, которую вы не наполнили бы клокочущимъ паромъ»!

Дѣйствительно, когда несчастный эстетикъ въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ хочетъ возобновить впечатлѣнія дѣтства и отправляется въ Хернъ-Хиллъ, гдѣ его посѣщали первыя грезы, онъ не узнаетъ ничего вокругъ. Ему хочется побродить по уединенной тропинкѣ, гдѣ онъ обдумывалъ своихъ *Современныхъ живописцевъ*, тропинкѣ, пересѣкавшей лугъ, гдѣ паслись коровы, и гдѣ было такъ тепло, что инвалиды искали тамъ убѣжища въ мартѣ, когда всюду еще холодно,—теперь онъ находитъ тамъ улицу.

«Съ тѣхъ поръ какъ я въ послѣдній разъ мечталъ и размышлялъ на этомъ мѣстѣ, тамъ появились всевозможныя «украшенія»; прежде всего окрестнымъ жителямъ понадобилась новая церковь, и они выстроили въ одномъ углу луга церковь—жалкое подобіе готическаго стиля, съ колокольней, которая въ сущности была совершенно ненужна, но требовалась модой. Потомъ рядомъ съ ней построили домъ для священника, и оба зданія загородили наполовину видъ въ одну сторону. Наконецъ появился Хрустальный Дворецъ (Palais de Cristal), окончательно испортившій пейзажъ. Въ дни выставки онъ привлекалъ множество людей, и они проходили по тропинкѣ и портили ее на всѣ остальные дни недѣли, забрасывая окурками сигаръ. А тамъ пошли желѣзныя дороги и каждый дачный поѣздъ привозилъ туда толпы шалопаевъ; они обламывали изгороди, пугали коровъ и обрывали цвѣты,

какіе можно было достать изъ-за заборовъ. Тогда владѣльцы земли выстроили каменныя стѣны, чтобы оградить себя. На тропинкѣ сдѣлалось грязно и невыносимо жарко и мало-по-малу ею завладѣли исключительно шалопаи, а на концѣ появился полисменъ. Наконецъ, въ этомъ году и съ другой стороны построили ограду въ шесть футовъ высоты, такъ что путешественникъ, идя по ней въ ряду другихъ, можетъ составлять себѣ какое угодно представленіе о воздухѣ, о сельскомъ просторѣ и о пейзажѣ, шагая между двухъ стѣнъ и вдыхая запахъ скверныхъ сигаръ, дымящихъ впереди его, позади и въ его собственномъ рту».

Когда природа сама собой начинаетъ измѣняться, онъ жалуется, хотя и менѣе раздраженнымъ тономъ, на такое непостоянство ея.

«Да,—пишетъ онъ изъ Англіи одному другу, живущему въ Альпахъ,—Шамуни—для меня опустошенное жилище. Я думаю, я не вернусь туда. Я могъ бы избѣжать толпы зимой или ранней весной; но мнѣ измѣнили ледники и старыхъ дорогъ болѣе нѣтъ, а это уже слишкомъ! Передайте, пожалуйста, мой привѣтъ большому старому камню подъ Бревеномъ на четверть мили выше деревни, если только они не уничтожили его для своихъ отелей...» Тѣмъ не менѣе онъ возвращается къ Альпамъ въ 1882 году. «Я снова увидѣлъ Монбланъ, котораго не видалъ съ 1877 года, и я былъ очень благодаренъ ему. Это зрѣлище возвращаетъ мнѣ всегда всѣ мои слабыя силы, при видѣ его мои воспоминанія и мои привязанности дѣлаются для меня еще дороже...»

Это созерцаніе, то грустное, то радостное, напоминающее порой мистическую мечтательность, дѣтски наивную и восторженную, является главной характерной чертой физіономіи Рёскина. Когда онъ отдается созерцанію, его ничто не можетъ отвлечь. Событія проходятъ мимо него и онъ не замѣчаетъ ихъ. Иногда онъ по цѣлымъ недѣлямъ не знаетъ, что волнуетъ его страну. Хартумъ сдается, погибаетъ героическій Гордонъ, онъ не знаетъ объ этомъ; а когда при немъ заговариваютъ о Суданѣ, онъ вспоминаетъ только картину Джіото въ Santa Croce противъ Франциска Ассизскаго и съ любопытствомъ спрашиваетъ: «А какой же теперь Суданъ?» Даже событія его личной жизни, повидимому, не могутъ отвлечь его. Онъ узнаетъ въ Альпахъ о смерти кузины Мэри, товарища его первыхъ путешествій, и пытается въ то же время воспроизвести отблескъ утренней зари на вершинѣ Монтанверъ. По настоянію родителей, онъ женится въ 1848 г. на дѣвушкѣ изъ Перта, замѣчательной красавицѣ, но мистическія грезы не покидаютъ его; черезъ шесть лѣтъ жена оставила его и законный союзъ былъ расторгнутъ закономъ. Казалось, будто великій энтузіастъ, ни на минуту не отвратилъ взора отъ лучезарныхъ горизонтовъ, единственнаго предмета его любви, ни на минуту не измѣнилъ вѣчной и безчувственной природѣ.

Глава II.

Дѣятельность.

Этотъ созерцатель въ то же время человѣкъ дѣла. Въ рукахъ у него цвѣтокъ, но онъ держитъ и мечъ, какъ тѣ благочестивые рыцари среднихъ вѣковъ, обожавшіе святую Дѣву, которыхъ старые мастера изображали въ полномъ вооруженіи въ промежутокъ между двумя сраженіями. Эта черта рѣзко отличаетъ его отъ критиковъ и поэтовъ озерной школы; они довольствуются обыкновенно тѣмъ, что поясняютъ выставки картинъ и прославляютъ природу, не задаваясь цѣлью улучшать первыя и защищать послѣднюю. А Рёскинъ ставитъ себѣ именно эту цѣль. Всякій разъ, когда онъ бросаетъ новую идею,— брошюру, книгу, какъ солдатъ, пустившій издали пулю, онъ самъ устремляется въ битву, чтобъ видѣть какая судьба постигла его идею, онъ самъ поддерживаетъ ее, вступая въ борьбу съ жизнью.

Онъ писалъ, что надо распространять въ массахъ вкусъ къ изящнымъ искусствамъ. Его не слушались. Тогда онъ рѣшается самъ давать по вечерамъ уроки рисованія въ школѣ для юношей, и въ теченіе четырехъ лѣтъ съ 1854 по 1858 онъ, вмѣстѣ съ Россети, старается научить неумѣлыя руки рисовать пейзажи и чертить орнаменты, подогрѣвая въ тоже время остывшее рвеніе своихъ товарищей. Въ 1876 году, отчасти на свои средства, отчасти на средства друзей, онъ устраиваетъ близь Шеффильда—города рабочихъ по преимуществу, города желѣза—музей изящныхъ искусствъ; въ этомъ музеѣ, собранномъ съ большимъ умѣньемъ, находится между прочимъ картина Веррочіо, занимавшагося тоже обработкой желѣза. Музей помѣщался въ окрестностяхъ промышленнаго города, въ коттэджѣ расположенномъ на холмѣ посреди зеленѣющихъ луговъ. Изъ оконъ открывалась усѣянная рощами долина Дона, и взглядъ переходилъ отъ раскрашеннаго требника XIII и XIV вѣка къ озаренной золотыми лучами дали, отъ витринъ, гдѣ сіяли разноцвѣтными лучами ониксы, хрустали, аметисты—лучшія украшенія земли,—къ картинамъ, на которыхъ нарисованы были птицы всѣхъ странъ, оживляющія воздухъ своимъ щебетаньемъ. На стѣнахъ висѣли снимки лучшихъ архитектурныхъ произведеній міра, между прочимъ, соборъ Св. Марка въ Венеціи; они переносили посѣтителя въ свѣтлыя страны и заставляли его на минуту забыть о мрачныхъ зданіяхъ и дымныхъ трубахъ Шеффильда. Позже, музей былъ перенесенъ въ городъ и теперь въ паркѣ Мерсбрукъ въ домѣ, предоставленномъ городскимъ управленіемъ, существуетъ *музей Рескина*, открытый для рабочихъ.

Подобнымъ же образомъ, когда въ 1869 году Рёскина приглашаютъ занять каѳедру исторіи искусства, основанную м-ромъ Сладомъ въ Оксфордѣ, онъ находитъ, что нельзя говорить съ пользой о живописи,

не показывая картинъ, или объ архитектурѣ, не показывая наглядно архитектурныхъ линій, безъ этого нѣтъ возможности доказать какое-нибудь положеніе, опровергнуть неправильное мнѣніе. Поэтому, на ряду съ основанной Сладомъ каѳедрой, онъ открываетъ школу живописи и устраиваетъ коллекцію картинъ, начиная съ Тинторето до Бёрнъ Джонса (Burne Jones). Тутъ есть и оригиналы, которые можно копировать, и копіи великихъ мастеровъ, изъ которыхъ семьдесятъ сдѣлано имъ самимъ. Онъ основываетъ этотъ музей въ 1872 году и жертвуетъ Оксфордскому университету 125.000 франковъ на содержаніе школы и преподавателя, который будетъ читать тамъ лекціи. Въ теченіе тринадцати лѣтъ онъ весь отдается этому дѣлу, онъ поддерживаетъ культъ красоты въ умственномъ святилищѣ Великобританіи, и въ тотъ день, когда ученые, несмотря на его протесты, наносятъ смертельный ударъ этому культу, допустивъ въ университетъ вивисекцію, онъ демонстративно подаетъ въ отставку. Онъ не выноситъ этого безобразнаго и жестокаго нововведенія, ненужнаго для науки, такъ какъ столькіе ученые обходились безъ него, и для искусства, такъ какъ греческіе скульпторы не знали анатоміи. Но музей продолжаетъ существовать и послѣ этого. Нѣсколько студентовъ и много молодыхъ женщинъ слушаютъ ежедневно курсъ Рёскиньянскаго преподаванія. Всѣ пособія идеально подобраны для упражненія мысли и зрѣнія; рисунки, уложенные въ ящики изъ краснаго дерева съ надписями на пластинкахъ слоновой кости, находятся въ распоряженіи всѣхъ учениковъ. Оксфордъ становится художественнымъ центромъ, благодаря автору *Современныхъ живописцевъ*.

Но къ чему создавать въ академіяхъ образцы пластической красоты, если весь міръ утрачиваетъ эту красоту, если сельскіе жители, бросаютъ свой трудъ, развивающій мускулы и сохраняющій здоровую окраску кожи, и стекаются въ города, изнуряютъ себя машинной работой, и, наконецъ, сами превращаются въ машины, механически повинуясь мановенію руки хозяина. И къ чему собирать въ музеяхъ слабыя копіи прекрасныхъ пейзажей, если самые прекрасные — оригиналы, созданные природой, исчезаютъ подъ фабриками и заводами, истребляющими траву на землѣ и загрязняющими небо дымомъ своихъ трубъ? Эстетикъ-любитель довольствуется тѣмъ, что покланяется красотѣ въ музеяхъ—этихъ маленькихъ храмахъ, куда, какъ бы то ни было, приходятъ только обращенные; надо бороться съ безобразіемъ самой жизни; уничтоживъ его въ мірѣ фантазіи, изгнать его и изъ ѣйствительности!

«Мы попытаемся,—пишетъ Рёскинъ,—хоть маленькій уголокъ на-ей Англій сдѣлать прекраснымъ, тихимъ и плодоноснымъ. У насъ не цетъ тамъ ни паровыхъ машинъ, ни желѣзныхъ дорогъ; у насъ не етъ человѣческихъ существъ, лишенныхъ мысли и воли; несчаст-ми будутъ тамъ только больные, а праздными—только мертвые. Мы

не будемъ проповѣдывать тамъ свободы, а, напротивъ, постоянное повиновеніе признаннымъ законамъ и избраннымъ людямъ; мы не будемъ провозглашать равенства, наоборотъ, мы будемъ превозносить всякое превосходство и осуждать всякій недостатокъ. Если намъ понадобится пойти куда-нибудь, мы пойдемъ спокойно и увѣренно, не рискуя жизнью, чтобъ сдѣлать шестьдесятъ верстъ въ часъ; если намъ нужно будетъ перевезти что-нибудь, мы повеземъ на спинахъ нашихъ животныхъ, въ телѣжкахъ, въ лодкахъ или понесемъ на собственной спинѣ. Въ нашихъ садахъ будетъ множество цвѣтовъ и овощей, въ поляхъ будетъ родиться много хлѣба и травы, а кирпичей будетъ очень мало. У насъ будетъ немного музыки и поэзіи; въ этомъ уголку земли дѣти будутъ учиться и танцовать, и пѣть, а, можетъ быть, и старики иногда присоединятся къ нимъ. Порой насъ посѣтитъ высокое вдохновеніе, какое нибудь искусство расцвѣтетъ среди насъ или слабый свѣтъ науки озаритъ насъ: или ботаника, хотя мы слишкомъ робки, чтобъ разсуждать о происхожденіи цвѣтовъ, или исторія, хотя мы слишкомъ просты сердцемъ, чтобъ сомнѣваться въ источникѣ жизни человѣка,—какъ знать! быть можетъ, сама мудрость, неподкупная и безкорыстная, какъ мудрость наивныхъ волхвовъ, принесшихъ золото и смирну въ даръ этому источнику жизни».

Такъ мечталъ Рёскинъ въ маѣ 1871 года, въ дни парижской коммуны: нѣсколько времени спустя онъ основалъ *Гильдію св. Георга*, чтобъ осуществить на дѣлѣ эти мечты. На почвѣ чистаго земледѣлія, этого вѣчнаго камня преткновенія для всѣхъ соціалистическихъ ученій, опытъ его оказался неудачнымъ. Пріобрѣсти за 50.000 франковъ участокъ въ 5—6 гектаровъ близъ Миклея было дѣломъ не труднымъ; съ другой стороны, многіе друзья Гильдіи, владѣвшіе разными пустырями, скалами и другими необработанными или неудобными землями, съ радостью ухватились за такой случай избавиться отъ нихъ, облагодѣтельствовавъ человѣчество. Въ скоромъ времени у Гильдіи явились земли въ Бармутѣ, Бьюдлеѣ, Ворчестерширѣ и другихъ мѣстахъ. Но вслѣдъ затѣмъ оказалось, что среди членовъ Гильдіи не было ни одного земледѣльца. Напрасно было знаніе всѣхъ тайнъ *Прозерпины*: основать земледѣльческую колонію было почти невозможно, когда никто изъ участниковъ не притрогивался раньше къ плугу. Тогда Рёскинъ обратился къ коммунистамъ и попросилъ ихъ содѣйствія. Онъ предложилъ имъ испробовать на этихъ участкахъ свои соціальныя идеи, подъ условіемъ, что въ эстетикѣ они будутъ осуществлять его идеи. Для начала онъ не требовалъ даже, чтобы они чеканили свою монету во вкусѣ флорентійскаго флорина и одѣвались, какъ три швейцарца въ долинѣ Рютли. Коммунисты согласились на свиданіе съ нимъ. Рёскинъ отправился въ почтовой каретѣ съ почтальонами въ нарядныхъ костюмахъ, чтобъ не платить ни копѣйки антиэстетичнымъ желѣзнымъ дорогамъ. Въ Шеффильдѣ онъ встрѣтилъ своихъ новыхъ союзниковъ. Ихъ было двад-

цать человѣкъ и не менѣе двадцати различныхъ сектъ. Странное это было свиданіе: съ одной стороны поклонникъ эстетики, съ другой — представители соціологіи; съ одной—тори, убѣжденный сторонникъ всѣхъ аристократій, съ другой—поборники равенства, представители четвертаго сословія; умъ свободный, какъ вѣтеръ, и умы, подчиненные строгой системѣ, какъ колеса машины. Они не только не пришли къ соглашенію, но даже, вѣроятно, не поняли другъ друга. Тѣмъ не менѣе Рёскинъ отдалъ имъ участокъ *Гильдіи св. Георга* и, усѣвшись въ почтовую карету съ великолѣпными почталіонами и со всей старинной живописной обстановкой вельможи XVIII вѣка, онъ, весело улыбаясь, исчезъ въ облакѣ пыли, а всѣ эти деисты, диссиденты, квакеры слѣдили за нимъ удивленными и растерянными глазами. Тогда только они сообразили, что и они тоже не земледѣльцы, и, по примѣру прочихъ землевладѣльцевъ, сдали землю въ аренду. Но такъ какъ и ферма не приносила дохода, то въ концѣ концовъ они устроили вмѣсто земного рая обыкновенную дачу. Такимъ образомъ на почвѣ земледѣлія не были осуществлены ни коммунистическія теоріи, ни идеи Рёскина.

Зато великій эстетикъ вознаградилъ себя въ области промышленности. Онъ узналъ, что въ живописной мѣстности Вестморланда исчезаютъ съ каждымъ днемъ мелкіе кустарные промысла. Крестьяне мало-по-малу перестаютъ заниматься работами изъ дерева, пряжей, тканьемъ прочнаго домашняго холста. Красивыя движенья руки, одушевляемой живымъ дыханьемъ человѣка, замѣнила безсмысленная машина, движимая зловоннымъ паромъ. Передъ нимъ было новое поле битвы, и онъ рѣшилъ дать машинѣ послѣднее сраженье. Одинъ изъ его страстныхъ поклонниковъ, м-ръ Флемингъ, поклялся возстановить ручную пряжу. Долго пришлось искать нужныя для этого приспособленья. Прялка, оказалось, была извѣстна только въ Ковенъ-Гарденѣ, гдѣ Маргарита поетъ: «Кто этотъ видный господинъ?» Обыскали всю Лангдальскую долину, печатали заявленья въ газетахъ. Наконецъ, у одной старухи, которая пряла полъ-столѣтія тому назадъ, отыскалась прялка: она была запрятана, какъ то веретено въ волшебной сказкѣ, которое нашла прекрасная принцесса и, уколовшись имъ, заснула на сто лѣтъ. Долина вдругъ преобразилась: точно по волшебству въ ней воскресъ прошлый вѣкъ. Первую прялку съ торжествомъ понесли по улицамъ, какъ картину Чимабуэ во Флоренціи. Скоро нашелся и станокъ, разобранный на двадцать частей. Но какъ собрать ихъ? По счастью, рисунокъ станка сохранился на колокольнѣ Джіотто, такъ называемой «башнѣ пастуха»; по нему можно возстановить традиціи среднихъ вѣковъ. Такимъ же образомъ впослѣдствіи нѣсколько строкъ изъ Гомера научатъ рёскиньянцевъ бѣлить готовый холстъ. Быть можетъ, скажутъ, что холстъ ихъ не вполнѣ ровенъ. Но съ этимъ можно примириться, прочитавъ слѣдующій отрывокъ изъ *Семи лампъ архитектуры* «Люди могутъ, конечно, превратиться въ машины и свести свою ра-

боту къ уровню машинной; но если они работаютъ какъ *люди*, вкладывая всю душу въ свой трудъ, и стараясь сдѣлать его какъ можно лучше, тогда пусть они будутъ плохими работниками, не бѣда: въ ихъ работѣ во всякомъ случаѣ сохранится нѣчто такое, что поставитъ ее выше всякой оцѣнки; по ней будетъ видно, когда человѣкъ работалъ съ увлеченіемъ, а когда, наоборотъ, съ неохотой; когда онъ останавливался, когда былъ внимателенъ или, напротивъ, тороплвъ и небреженъ... Если сравнить эту работу съ машинной, общее впечатлѣніе будетъ такое же, какъ при сравненіи хорошо прочитанныхъ и глубоко прочувствованныхъ стиховъ съ тѣми же стихами, но сказанными попугаемъ». Скоро этотъ холстъ сталъ давать средства къ существованію и старухамъ, и взрослымъ рабочимъ сначала въ Лангдалѣ, а потомъ въ Кесвикѣ. Мода взяла его подъ свое покровительство: говорятъ, что даже въ свадебныхъ шкатулкахъ попадалось иногда *полотно Рёскина*.

Новыя жалобы раздаются съ острова Мэна. Пряжа шерсти совсѣмъ изчезаетъ тамъ. Женщины бросаютъ прялки, оставляютъ свои коттэджи и идутъ работать въ рудники. Молодыя дѣвушки не учатся прясть. А между тѣмъ черныя овцы продолжаютъ давать шерсть, и спросъ на домашнее сукно не прекращается. Рёскинъ берется и за это дѣло: онъ находитъ средства, строитъ въ Лаксеѣ мельницу и вмѣстѣ съ своимъ помощникомъ, м-ромъ Рейдингсомъ, устраиваетъ машины для чесанья шерсти и для краски сукна. Мы говоримъ машины, но машины, движимыя непосредственно силою природы, а не искуственнымъ двигателемъ; машины эстетическія, которыя Клодъ Лорень обезсмертилъ въ своей «Мельницѣ». «Машина изгоняется изъ *Гильдіи* только въ тѣхъ случаяхъ, когда она замѣняетъ здоровое физическое упражненіе или искусство и вѣрность руки, необходимыя для изящныхъ работъ. Изъ всѣхъ двигателей допускаются только силы природы—вѣтеръ или вода (быть можетъ, въ будущемъ электричество тоже будетъ терпимо), но паръ совершенно изгоняется, такъ какъ онъ требуетъ громадной, ужасающей траты топлива для той работы, какую можетъ произвести любая рѣка и любой вѣтерокъ».

Къ сожалѣнію, художественныхъ монетъ, вродѣ прекраснаго флорентійскаго флорина, больше нѣтъ, поэтому деньги совсѣмъ выводятся изъ употребленія. Фермеры будутъ приносить шерсть на мельницу и получать плату или сукномъ, или бумагой для вязанья на дому, или шерстью, приготовленной къ пряжѣ. Эти смѣло ретроградныя теоріи не помѣшали развитію мэнской шерстяной промышленности. Впрочемъ, онѣ представляются ретроградными только на первый взглядъ. Въ будущемъ онѣ открываютъ даже любопытныя перспективы. Когда Рёскинъ говоритъ намъ, что промышленность должна пользоваться силой рѣкъ и вѣтровъ, мы невольно задаемся вопросомъ, не провидѣлъ-ли этотъ эстетикъ въ своихъ мечтахъ то далекое время, когда электри-

чество, уничтоживъ значеніе разстояній, сдѣлаетъ доступнымъ не только для береговыхъ жителей громадныя и безплодныя силы рѣкъ и вѣтровъ.

Ведя неустанную борьбу съ равнодушной толпой за подчиненіе общественной жизни законамъ эстетики, онъ свою личную жизнь безусловно подчинялъ этимъ законамъ. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ проповѣдниковъ, которые, по его собственному выраженію, «идутъ обѣдать къ богатымъ, а проповѣдывать къ бѣднымъ». У себя въ Брантвудѣ, на берегу Конистонскаго озера онъ предпринялъ очень дорогія работы, чтобы удержать крестьянъ отъ городскихъ работъ, которыя такъ обезображиваютъ ихъ и въ то же время обладаютъ для нихъ какой-то притягательной силой. Онъ самъ показалъ примѣръ физическаго труда: въ промежуткахъ между переводами Ксенофонта онъ устроилъ съ своими учениками маленькую пристань на озерѣ, а въ Оксфордѣ онъ починилъ вмѣстѣ со студентами дорогу въ Хинксей. Насмѣшки не останавливали этихъ оригинальныхъ каменьщиковъ, которые, конечно, сломали гораздо больше заступовъ и потеряли гораздо больше времени, чѣмъ обыкновенные рабочіе. Кромѣ того, учитель бралъ уроки столярнаго и малярнаго ремесла. Нѣкоторыми своими чертами онъ напоминаетъ Толстого, о которомъ онъ сказалъ: «Это будетъ, мой преемникъ»; Толстой же въ свою очередь сказалъ о немъ: «Это одинъ изъ величайшихъ людей нашего вѣка». Въ своей борьбѣ съ машинами онъ не допускалъ компромиссовъ: онъ изгналъ газъ изъ своего дома и рѣшительно возсталъ противъ проведенія желѣзной дороги въ Амблессейдъ, въ живописную страну озеръ, гдѣ онъ жилъ. Ненависть къ пару внушала ему порой самые неожиданные аргументы.

— Вы хотите знать, для чего служатъ желѣзныя дороги?—восклицаетъ онъ, обращаясь къ своимъ согражданамъ.—Такъ слушайте!

«Городъ Ульверстонъ находится въ двѣнадцати миляхъ отъ меня—первыя четыре мили дорога идетъ горнымъ берегомъ озера Конистонъ, потомъ, три мили по зеленѣющей долинѣ и, наконецъ, пять миль по берегу моря. Это одна изъ самыхъ красивыхъ и здоровыхъ прогулокъ. Въ прежнее время, если у конистонскаго крестьянина было какое-нибудь дѣло въ Ульверстонѣ, онъ шелъ пѣшкомъ въ Ульверстонъ, не тратилъ въ дорогѣ ничего кромѣ подошвы своихъ сапогъ, пилъ воду изъ ручьевъ и много, много если издерживалъ, дойдя до Ульверстона, какихъ-нибудь два батца (три копѣйки). А теперь ему и въ голову не придетъ отправиться такимъ же путемъ. Онъ идетъ сначала три мили въ обратномъ направленіи на желѣзнодорожную станцію, потомъ онъ проѣзжаетъ по желѣзной дорогѣ двадцать четыре мили до Ульверстона, платитъ два шиллинга за билетъ. Во время этого переѣзда въ двадцать четыре мили онъ валяется на скамьѣ, весь въ пыли, праздный, безъ мыслей въ головѣ; ему навѣрно или слишкомъ холодно, или чрезчуръ жарко. Въ обоихъ случаяхъ онъ долженъ выпить кружку пива на двухъ-трехъ промежуточныхъ станціяхъ; въ вагонѣ, чтобы убить

время, онъ вступаетъ въ разговоръ о чемъ попало съ кѣмъ-нибудь изъ сосѣдей, а такіе праздные разговоры всегда въ концѣ-концовъ становятся преступными. Въ Ульверстонъ онъ пріѣзжаетъ усталый, полупьяный и въ карманѣ у него не хватаетъ по меньшей мѣрѣ трехъ шиллинговъ...»

И Рёскинъ самъ избѣгаетъ пользоваться желѣзной дорогой, мало того онъ не позволяетъ, пока это отъ него зависитъ, перевозить по ней даже свои книги. Его сочиненія, изъ Орпингтонскаго книжнаго склада, издатель посылаетъ къ нему въ Лондонъ въ телѣжкахъ.

Этотъ книжный складъ является тоже практическимъ осуществленіемъ рёскиньянскихъ идей. Онъ помѣщается не на узкой городской улицѣ, откуда не видно неба; въ немъ нѣтъ ни машинъ, ни служащихъ, похожихъ на машины, лишенныхъ всякихъ эстетическихъ впечатлѣній, всякой личной иниціативы. На двѣнадцатой милѣ по дорогѣ въ Орпингтонъ, у подножія кентскихъ холмовъ расположена мирная, живописная деревушка; тамъ, среди полей капусты и розъ—тѣхъ розъ, которыя изображены на обложкахъ брошюръ Рёскина,—стоитъ между другими домиками коттэджъ м-ра Аллена. Въ этомъ маленькомъ коттэджѣ находится на 700.000 франковъ книгъ въ разнообразныхъ переплетахъ; около склада группируется цѣлая семья,—это все друзья, ученики и почитатели великаго писателя. Они разбираютъ книги и разсылаютъ ихъ тѣмъ, кто выражаетъ желаніе прочитать ихъ. Среди нихъ нѣтъ ни издателя, ни коммиссіонеровъ, ни рабочихъ. Тѣ же руки, которыя запаковываютъ книги, пишутъ статьи о доктринѣ учителя, или гравируютъ его рисунки. Когда, двадцать лѣтъ тому назадъ, авторъ *Сезама и лилій* рѣшилъ самъ издавать свои книги и устроилъ этотъ сельскій книжный магазинъ, всѣ книгопродавцы пророчили ему скорое и неминуемое разореніе. Рёскинъ только смѣялся въ отвѣтъ. «Конечно,—говорилъ онъ,—я могъ бы извлекать нѣкоторый доходъ изъ моихъ книгъ, еслибъ вздумалъ подкупать журнальныхъ критиковъ, платить половину барыша книгопродавцамъ, наклеивать афиши на фонари и не печатать ничего непріятнаго для Петерборосскаго епископа». Теперь же блестящій успѣхъ его коммерческаго предпріятія достаточно говоритъ въ пользу его новыхъ идей. Высчитываютъ, что въ теченіе девяти лѣтъ одинъ только томъ его сочиненій *Семь лампъ архитектуры* принесъ автору 75.000 франковъ дохода. Чистый доходъ съ одного изданія *Современныхъ живописцевъ* равняется 150.000 франковъ. Книги, написанныя болѣе тридцати тѣтъ назадъ, какъ *Сезамъ и лиліи*, расходятся еще теперь въ трехъ тысячахъ экземпляровъ ежегодно, при чемъ каждый экземпляръ стоитъ шесть франковъ. Эстетическій книжный складъ, устроенный среди живописныхъ кентскихъ холмовъ въ видѣ протеста противъ безобразія обыкновенныхъ книжныхъ магазиновъ, служитъ доказательствомъ изумительной дѣловитости этого мечтателя.

Такимъ образомъ у Рёскина дѣло всегда непосредственно слѣдовало за словомъ. Его девизъ To-day (сегодня). Онъ пишетъ, какъ другіе сражаются, чтобы получить немедленно очевидные и рѣшительные результаты. И результаты дѣйствительно получались, быть можетъ, не такіе рѣшительные, какъ бы онъ желалъ, но во всякомъ случаѣ ни одинъ художественный критикъ не достигалъ и половины. Первое, что бросается въ глаза иностранцу, осматривающему Національную Галлерею, это странный блескъ картинъ; присматриваясь, онъ видитъ, что всѣ онѣ подъ стекломъ, какъ акварели. Дымный воздухъ Лондона заставляетъ англичанъ принимать такую предосторожность, но они не дѣлали этого раньше, пока въ 1845 году Рёскинъ не внушилъ имъ эту идею въ письмѣ, напечатанномъ въ «Times». Вслѣдъ затѣмъ невольно обращаешь вниманіе на обиліе картинъ старинныхъ мастеровъ. Пять залъ посвящено исключительно сіенской и флорентійской школѣ,— тамъ мы находимъ и Боттичелли, и Липпи, и Беноццо Гоццоли, и Перуджини, и Гирландайа, и Пинтуриччіо. Даже Лувръ не можетъ въ этомъ отношеніи соперничать съ Лондонской галлереей. А между тѣмъ въ 1845 году въ Національной галлереѣ почти совсѣмъ не было картинъ этихъ художниковъ; упрекъ, брошенный Рёскинымъ по возвращеніи изъ Италіи, быстро подѣйствовалъ. Въ залахъ Тернера успѣхъ предпринятой Рёскинымъ кампаніи въ защиту великаго пейзажиста еще очевиднѣе; въ нижнемъ этажѣ мы находимъ акварели, эскизы и самые незначительные наброски автора *Дидоны въ Карѳагенѣ*, не напрасно, слѣдовательно, были напечатаны *Современные живописцы*. Не напрасно также появились въ печати *Камни Венеціи* и *Семь лампъ архитектуры*, со времени появленія этихъ книгъ и въ значительной степени по совѣтамъ, заключавшимся въ нихъ, измѣнился весь характеръ англійской архитектуры. Изъ псевдо-греческой, какою она была до тѣхъ поръ, она превратилась въ строго готическую и заимствовала отчасти смѣющійся колоритъ голландской архитектуры и ея живописное разнообразіе. Въ частности строители Оксфордскаго музея, сэръ Томасъ Динъ и м-ръ Вудвардъ, вполнѣ слѣдовали при постройкѣ указаніямъ Рёскина. Они предоставляли рабочимъ самимъ изобрѣтать подробности орнамента, украшать по своему вкусу капители и тимпаны, и теперь вмѣсто греческихъ акантъ, вырѣзанныхъ какъ по трафарету, на нихъ красуются англійскіе папоротники, свидѣтельствуя о наивной неумѣлости, и полной свободѣ исполнявшихъ ихъ рабочихъ. Въ Оксфордѣ же группа молодыхъ энтузіастовъ-художниковъ задумала подъ руководствомъ Рёскина, украсить фресками библіотеку клуба *Union Debating*. Съ тѣхъ поръ время уничтожило эти рисунки, сдѣланные при самыхъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, но не напрасно авторъ *Законовъ Фьезоле* зажегъ свой священный огонь въ душахъ такихъ людей, какъ Данте Россети, Моррисъ, Мунро, Миллэ, Гентъ, Вульнеръ, Принсепъ и Бёрнъ-Джонсъ. Нѣкоторые изъ нихъ въ

то время еще не были извѣстны, но потомъ всѣ завоевали себѣ громкое имя, а энтузіазмъ, который въ тѣ дни вдохнулъ въ нихъ Рёскинъ, оказался прочнѣе, чѣмъ краски на стѣнахъ Оксфордской библіотеки.

Ученики его тоже дѣлаютъ ему честь. Одинъ изъ нихъ м-ръ Джіакомо Бони занимался собираніемъ итальянскихъ памятниковъ согласно указаніямъ учителя. Изъ рисовальной школы Рёскина вышло нѣсколько артистовъ—граверовъ, чертежниковъ, рѣзчиковъ по дереву и т. п. М-ры Джоржъ Алленъ, Хуперъ, Артуръ Бургессъ, Боней, Кукъ и Уардъ до сихъ поръ помогаютъ ему своими работами. Средневѣковые прерафаэлиты, которыхъ онъ пропагандировалъ, пріобрѣли широкую извѣстность. Новые прерафаэлиты которыхъ онъ ободрялъ въ началѣ ихъ дѣятельности,—Бернъ Джонсъ, напримѣръ,—въ настоящее время завоевали себѣ прочное положеніе, и могутъ не опасаться колебаній общественнаго мнѣнія: ихъ мѣсто въ исторіи уже обезпечено. Оба пейзажиста, которыхъ онъ особенно восторженно привѣтствовалъ, Кукъ и Бреттъ, считаются одними изъ первыхъ, если не первыми художниками своей страны. Можно смѣло сказать, что современное англійское искусство наполовину обязано Рёскину своимъ величіемъ. Его вліяніе на художниковъ было глубоко, на публику—безгранично. Чтобы создать великое искусство страна нуждается не только въ великихъ художникахъ, но и въ публикѣ, способной оцѣнить ихъ, ободрить, понять, вдохнуть въ нихъ жизнь, если можно такъ выразиться. Рёскинъ увеличилъ въ сто разъ число такихъ цѣнителей. Онъ научилъ своихъ соотечественниковъ видѣть природу, смотрѣть и восхищаться картинами. Этого не отрицаютъ даже его враги. Уже давно миссъ Бронте писала: «Я только что прочла *Современныхъ Живописцевъ*; эта книга доставила мнѣ много новыхъ наслажденій и, я надѣюсь, многому научила меня. Во всякомъ случаѣ она заставила меня почувствовать, насколько я была невѣжественна въ томъ вопросѣ, о которомъ она трактуетъ. До сихъ поръ при оцѣнкѣ художественныхъ произведеній мною руководилъ только инстинктъ,—я чувствую теперь, что я шла, такъ сказать, ощупью. Эта книга открыла мнѣ глаза». Подъ этимъ письмомъ могла бы подписаться не одна миссъ Бронте. Это охотно сдѣлали бы всѣ англичане, для которыхъ за послѣдніе сорокъ лѣтъ *прекрасное стало вѣчнымъ источникомъ наслажденія.*

Конечно, Рёскинъ не воскресилъ красоту въ жизни народа, о чемъ онъ мечталъ; цѣль его была намѣчена слишкомъ высоко, но и достигнутые имъ результаты очень значительны. Такъ, въ 1854 году онъ написалъ страстную статью противъ Хрустальнаго Дворца, «этого парника для огурцовъ, украшеннаго двумя трубами»; онъ нападалъ на новую манеру строить изъ стекла и желѣза и предлагалъ основать общество для охраненія старинныхъ каменныхъ памятниковъ. Хрустальный Дворецъ не былъ, конечно, уничтоженъ, но общество, о которомъ онъ говорилъ, вскорѣ возникло. Точно также, если во всей странѣ

рельсы не были сорваны и локомотивы разбиты, то все-таки населеніе Англіи поняло, что красивый пейзажъ можетъ доставлять наслажденіе взору, быть живописнымъ оазисомъ и даже служить источникомъ богатства. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ комиссія пэровъ призвала на совѣщаніе нѣсколькихъ художниковъ, которые должны были рѣшить вопросъ, не испортитъ ли такую-то долину проведеніе по ней желѣзной дороги. Не всѣ богатые англичане покинули, по его совѣту, свои лондонскіе отели и поѣхали въ Верону реставрировать старинные дворцы и жить въ нихъ, но по крайней мѣрѣ одинъ изъ нихъ, носящій великое имя поэта, осуществилъ въ Венеціи мечту великаго эстетика. Даже пропаганда возвращенія къ художественнымъ костюмамъ и символическимъ празднествамъ добраго стараго времени имѣла больше успѣха, чѣмъ можно было ожидать. Иностранецъ, проходящій перваго мая мимо женскаго Уайтландскаго колледжа, невольно обратитъ вниманіе, что вся капелла при немъ разукрашена цвѣтами; цвѣты эти присланы изъ всѣхъ, уголковъ Англіи прежними ученицами колледжа. Въ этотъ день тамъ празднуютъ праздникъ весны. Полтораста воспитанницъ, собравшись вмѣстѣ, выбираютъ тайной баллотировкой *королеву Мая*. Выбираютъ ее не за красоту, не за знанія, а за то, что она всѣмъ внушила любовь къ себѣ. Вотъ она появляется. Ея подруги становятся въ два ряда и, когда она проходитъ, протягиваютъ надъ головой ея пальмовыя вѣтви. Она увѣнчана цвѣтами, на ней надѣта старинная одежда рисунка Кэтъ Гринвей и золотой крестъ, нарисованный Бёрнъ Джонсомъ. За ней идетъ королева прошлаго года съ вѣнкомъ незабудокъ на головѣ. Королева всходитъ на тронъ и ея подруги проходятъ передъ ней, привѣтствуютъ ее и получаютъ изъ ея рукъ награды—великолѣпныя изданія сочиненій Рёскина. И кажется, что цвѣты, наполняющіе залу, шепчутъ слова, написанныя на страницахъ *Сезама и Лилій*: «Знаете вы или нѣтъ, но на каждой изъ васъ есть невидимая корона и у каждой свой тронъ во многихъ сердцахъ. Королевами вы должны быть всегда. Королевами для вашихъ жениховъ, королевами для вашихъ мужей, для вашихъ сыновей, королевами въ высшемъ и таинственномъ смыслѣ для всего міра, который преклоняется и всегда будетъ преклоняться передъ миртовымъ вѣнкомъ и незапятнаннымъ скипетромъ женщины. Тамъ, гдѣ женщина ступаетъ своей ногой, цвѣты не гибнутъ, мало того,—они оживаютъ! Когда она проходитъ, колокольчики не опускаютъ головки—они расвѣтаютъ»... Никакое испытаніе не предшествуетъ здѣсь раздачѣ на-адъ: учитель ненавидитъ всякое соперничество. Королева раздаетъ ъ вполнѣ произвольно. Одна получаетъ награду за то, «что была рна своимъ друзьямъ», другая за то, «что она понимаетъ музыку», «за то, что она всегда весела», наконецъ, вотъ эта «за то, что коева любитъ ее». Интересно видѣть, разсказываетъ одинъ очеви-ъ, благодарную улыбку королевы, когда ея лучшая подруга цѣ-

луетъ ея руки, получая отъ нея книгу. Утромъ, воспитанницы поютъ въ своей капеллѣ; поклоненіе Царю Вѣчности предшествуетъ поклоненію королевѣ одного дня. А вечеромъ та, которая получила въ награду *Ruskin Birthday Book*, открываетъ ее на страницѣ, посвященной первому мая; тамъ она не найдетъ, какъ въ соціалистическихъ газетахъ, названія которыхъ оглашаютъ въ этотъ моментъ улицы, новостей о всемірной стачкѣ, нападеній на тяжелый законъ труда; она прочитаетъ тамъ эти слова: «Если ты съ твердостью исполняешь свой долгъ, въ концѣ концовъ ты полюбишь его».

Конечно, этотъ скромный протестъ противъ общаго равнодушія и царящаго въ мірѣ безобразія въ затерянномъ среди Лондона маленькомъ пансіонѣ имѣетъ не большое значеніе. Но ученицы этого пансіона будущія учительницы. Многія изъ нихъ уже установили въ своихъ сельскихъ школахъ эстетическій праздникъ Рёскина. Цвѣты вѣнка увяли, но сѣмена идеи даютъ ростки и черезъ десятки лѣтъ, и въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ страны, даже въ Ирландіи.

Т. Богдановичъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ТРУДЪ и ЗДОРОВЬЕ.

I.

Въ жизни и въ литературѣ то и дѣло встрѣчаются типы людей развинченныхъ, апатичныхъ, съ слабой волей, неумѣющихъ ни работать, ни сосредоточиваться на одной идеѣ, на одномъ опредѣленномъ и упорномъ желаніи. Говорятъ, эта невыдержанность есть слѣдствіе плохого воспитанія и вліянія среды, неспособной поддержать слабыхъ и направить сильныхъ, слѣдствіе неизбѣжнаго паденія общественныхъ силъ послѣ могучаго подъема духа эпохи реформъ.

Пусть такъ. Но нельзя ли, вмѣсто того, чтобы въ покорномъ бездѣйствіи складывать руки, признавъ себя скверными продуктами скверныхъ житейскихъ условій, попробовать менѣе фаталистически взглянуть на дѣло и постараться перевоспитать себя, превратиться изъ кающагося лишняго человѣка въ здороваго и полезнаго работника, находящаго удовлетвореніе и счастье въ трудѣ?

Какъ же это сдѣлать? Гдѣ найти силы для борьбы съ собственнымъ безсиліемъ? Кто возьмется передѣлывать взрослаго человѣка, уже вышедшаго изъ подъ опеки педагоговъ? Вѣдь нельзя же идти къ доктору жаловаться на общее, смутное чувство усталости и слабости, на отвращеніе и равнодушіе къ жизни, на бурные переходы отъ бодрости къ унынію, отъ гнѣва къ безразличію.

Мы привыкли обращаться къ врачамъ только тогда, когда нашъ организмъ совсѣмъ отказывается функціонировать. Особенно въ области психической жизни вмѣшательство врача считается нужнымъ только въ случаѣ серьезнаго, рѣзко-выраженнаго разстройства, а не при легкихъ недомоганіяхъ въ настроеніи и умственной дѣятельности. Происходитъ это оттого, что мы все еще смотримъ на отправленія нашего мозга и нервой системы иначе, чѣмъ на отправленія другихъ органовъ.

Вышедшая въ Парижѣ въ прошломъ году четвертымъ изданіемъ книга д-ра М. Флёри «Опытъ врачеванія психики» (Introduction à la medicine de l'esprit) доказываетъ насколько мы не правы. Въ этомъ сочиненіи талантливый авторъ, заслужившій уже извѣстность своими

рудами по различнымъ отраслямъ психіатріи, группируетъ указанные недуги интеллигенціи въ полную картину «модной болѣзни»—неврастеніи, и не только ставитъ діагнозъ, но и указываетъ способы лѣченія.

По его опредѣленію, неврастенія, это—истощеніе мозговыхъ клѣтокъ, общее утомленіе организма, пониженіе вниманія, ослабленіе воли. Происхожденіе же этой болѣзни Флёри приписываетъ, главнымъ образомъ, избытку удовольствій и впечатлѣній, которыми изобрѣтательность человѣка усложнила нашу, слишкомъ утонченную культуру, заставляющую горожанъ жить въ постоянномъ ненормальномъ напряженіи. Насколько вреденъ этотъ излишекъ впечатлѣній, можетъ показать крайне любопытный психо-физическій опытъ.

«Возьмите въ правую руку динамометръ. Въ спокойномъ состояніи вы можете выжать до 55 килограммовъ. Достаточно взглянуть на какой-нибудь ярко окрашенный предметъ или усладить вашъ слухъ музыкой, и тотчасъ же, подъ давленіемъ вашей руки, динамометръ показываетъ 65 килогр. Послѣ этого внезапнаго прилива силъ, наступаетъ реакція и, въ продолженіе часа или двухъ, вы можете получить не болѣе 40 килограммовъ». А сколько такихъ ударовъ хлыста получаетъ нашъ организмъ среди шумной и разнообразной городской жизни, щедро дарящей насъ и слуховыми и зрительными впечатлѣніями и требующей, благодаря постояннымъ передвиженіямъ въ экипажѣ, вагонѣ или пароходѣ, большого расхода физическихъ силъ. Умственныя силы наши также находятся въ постоянномъ напряженіи, такъ какъ современный культурный человѣкъ обязанъ усвоить массу новыхъ идей, чтобы идти наравнѣ съ вѣкомъ. Да и въ области чувства мало кто изъ насъ знаетъ счастливое равновѣсіе.

Какъ видите, трата силъ большая. А приходъ, благодаря тревожному, короткому сну и не гигіеническому питанію, плохо уравновѣшиваетъ эту трату. На сцену является переутомленіе, т.-е. плохо возмѣщенная усталость. И развинченному, слабому душой и тѣломъ, полному безпричинной грусти и отвращенія къ жизни интеллигенту приходится обращаться къ врачу.

Самымъ вѣрнымъ лѣкарствомъ для такихъ больныхъ. Флёри считаетъ разумный и правильный трудъ. Онъ говоритъ, что большинство переутомляется не отъ работы, а отъ бездѣлья или отъ неумѣнія работать. Для такихъ переутомленныхъ бываетъ полезно перемѣнить условія жизни, вызвавшія нервное разстройство и подвергнуть себя спокойному, расписанному по часамъ режиму. Для этой цѣли можно поселиться въ какомъ-нибудь водолѣчебномъ заведеніи, тѣмъ болѣе, что водяной курсъ лѣченія очень полезенъ для неврастениковъ. Но не менѣе дѣйствительными оказываются и нѣсколько мѣсяцевъ, проведенныхъ въ монастырѣ, среди жизни тихой и монотонной. Не даромъ и въ прежнія времена, чѣмъ тяжелѣе и мрачнѣе была эпоха, тѣмъ больше слабыхъ и разбитыхъ жизнью искало пріюта въ обителяхъ Христа.

Люди, съ умомъ сильнымъ и производительнымъ, рѣдко жалуются на усталость. Привычка работать становится такъ велика, что всякій перерывъ въ дѣятельности скорѣе утомляетъ ихъ. Среди субъектовъ, очень занятыхъ, часто встрѣчаются случаи мигрени, повторяющейся каждое воскресенье, очевидно вызванной непривычной праздностью.

II.

Къ той же категоріи невропатическихъ явленій Флёри относитъ также и столь распространенную у насъ лѣнь. Онъ говоритъ не о тѣхъ лѣнивыхъ, которые довольны собой и своимъ бездѣйствіемъ. Ими Флёри не интересуется, предоставляя имъ наслаждаться жизнью по-своему.

Его вниманіе и участіе привлекаютъ субъекты, отъ природы талантливые и способные, но не пользующіеся этими дарами и въ тоже время мучающіеся своей лѣнью и праздностью. Съ полной искренностью они много разъ обѣщаютъ себѣ и другимъ исправиться, приняться, наконецъ, за работу и все-таки продолжаютъ праздно и безцѣльно убивать день за днемъ. Яркій типъ такого лѣнтяя далъ Золя въ героѣ «Радости жизни»—Лазарѣ, который вѣчно полонъ великолѣпныхъ проектовъ, нѣсколько разъ принимается за ихъ осуществленіе и никогда не доводитъ ни одного до конца. Жизнь полна такими неудачниками. Въ юности они подаютъ блестящія надежды, а при первыхъ же стычкахъ съ жизнью оказываются ненужными, нечего недостигающими людьми. Неспособные къ усидчивой, постоянной работѣ, къ продолжительному сосредоточиванію вниманія на одной идеѣ, они ничего не доводятъ до конца и мучаются собственнымъ безсиліемъ.

Бѣда въ томъ, что почти въ каждомъ изъ насъ таится возможность дойти до такого состоянія, такъ какъ лѣнь свойственна почти всякому человѣку. Даже люди, много и упорно работающіе, не свободны отъ этого стремленія къ «недѣланію».

Золя, одинъ изъ самыхъ плодовитыхъ современныхъ романистовъ, признается, что ему всю жизнь приходилось бороться съ своей лѣнью, съ отвращеніемъ къ работѣ. Но силой воли онъ справился съ этимъ прирожденнымъ недостаткомъ, хотя никогда не могъ заставить себя работать больше 3—4 часовъ въ сутки, послѣ которыхъ онъ съ особымъ наслажденіемъ предается бездѣлью.

Великій итальянскій драматургъ Альфіери привязывалъ себя къ столу, такъ какъ иначе онъ не могъ заставить себя писать—передавать въ законченной формѣ богатые вымыслы его пылкой фантазіи. Его умъ легко творилъ, но переложить созданные имъ образы на бумагу стоило ему страшнаго труда.

Всѣмъ извѣстны усилія, съ которыми работалъ Руссо. Онъ могъ думать только лежа, иначе ему трудно было сосредоточиться, и мысли его расплывались.

Даже Дарвинъ, геніальныя произведенія котораго изложены съ такой ясной простотой и легкостью, работалъ очень не легко. Онъ не могъ заниматься больше 2—3 часовъ въ день и то съ перерывомъ.

И публика не права, считая за рисовку признанье многихъ выдающихся писателей, что работа стоитъ имъ большихъ усилій. Большинство изъ нихъ дѣйствительно работаетъ съ трудомъ. Но упорная воля и желанье достигнуть намѣченной цѣли вырабатываетъ въ нихъ умѣнье побѣждать свою лѣнь и управлять своимъ вниманіемъ.

Флёри говоритъ, что изъ среды «лѣнивыхъ неврастениковъ, если только ихъ иногда мучаетъ совѣсть, и выходитъ большинство крупныхъ мыслителей. Надо только, чтобы ими овладѣла какая-нибудь идея и тогда ихъ неопредѣленная, расплывчатая мечтательность обращается въ плодотворную умственную дѣятельность».

Нашъ докторъ находитъ, что «въ сущности великіе умы отличаются отъ безсильныхъ неврастениковъ только величіемъ своей idée-fixe и болѣе хорошими привычками».

Способность къ навязчивой идеѣ вообще свойственна неврастеникамъ, и Флёри совѣтуетъ пользоваться ею, какъ стимуломъ къ работѣ, придавъ, конечно, этой idee-fixe осмысленность.

Онъ считаетъ обязанностью врача подыскать соотвѣтствующую руководящую идею для каждаго отдѣльнаго паціента. Сдѣлавъ это, надо постепенно пріучить субъекта, къ осуществленію ея на практикѣ, пріучить его къ работѣ.

Для этого Флёри прежде всего требуетъ назначенія опредѣленныхъ часовъ для работы и удовольствій, для ѣды и сна. Опять, какъ и въ переутомленіи, правильность жизни является лѣкарствомъ. Эта необходимость опредѣленнаго числа часовъ для занятій объясняется очень просто.

«Съ точки зрѣнія своихъ отправленій, нашъ мозгъ совершенно подобенъ остальнымъ органамъ тѣла. Если мы привыкли каждый день завтракать въ 12 час., то каждый день въ этотъ часъ кровь приливаетъ къ желудку и онъ выдѣляетъ желудочный сокъ. Мѣняя часто время ѣды, мы можемъ растроить свое пищевареніе. Также и съ мозгомъ. Неправильная работа его изнуряетъ. Но, такъ же какъ наше сердце не устанетъ биться всю жизнь, какъ желудокъ не устанетъ варить, если часы ѣды регулированы, такъ и мозгъ нашъ можетъ работать почти безъ конца, если мы будемъ регулировать его усилія. Если вы имѣете обыкновеніе каждое утро въ 8 часовъ начинать занятія, то каждое утро въ этотъ часъ кровь будетъ приливать къ мозгу и онъ, безъ особеннаго напряженія съ вашей стороны, будетъ готовъ работать и выдѣлять мысль. И вамъ не придется дѣлать для этого утомительнаго волеваго усилія».

Каждый изъ насъ знаетъ, какъ иногда бываетъ трудно приняться за какое-нибудь дѣло и отъ этого-то первоначальнаго усилія, отъ

этой «mise en train», насъ, отчасти, можетъ освободить регулярность часовъ занятій. И это даетъ намъ возможность съэкономить много силъ. Затѣмъ, когда мы уже пріучили мозгъ функціонировать въ опредѣленное время, нашъ организмъ такъ свыкается съ этой привычкой, что работа является потребностью, которую можно назвать духовнымъ голодомъ. И это не фантастическая утопія гуманнаго психіатра, такъ какъ мы видимъ ея подтвержденіе на примѣрѣ многихъ писателей, для которыхъ работа была необходима, какъ воздухъ.

Жоржъ Зандъ, напримѣръ, такъ привыкла посвящать опредѣленное количество часовъ писанію, что, окончивъ одинъ романъ раньше положеннаго срока, она дѣлала перерывъ только, чтобы закурить папироску, и немедленно принималась за слѣдующій романъ. Если же какое-нибудь обстоятельство мѣшало ей провести за письменномъ столомъ обычные «рабочіе часы», она чувствовала себя неловко, какъ провинившійся школьникъ.

III.

Вообще, ближайшее знакомство съ манерой крупныхъ художниковъ слова и мыслителей работать можетъ служить лучшимъ доказательствомъ, что занятія, хотя бы и усиленныя, но систематичныя, не только не вызываютъ переутомленія, а напротивъ, часто являются цѣлебнымъ средствомъ.

Мишле до 30 лѣтъ страдалъ невыносимыми головными болями, не поддающимися никакому лѣченію. Приписывая ихъ переутомленію отъ постояннаго чтенія и школьныхъ уроковъ—онъ былъ тогда учителемъ,—Мишле поѣхалъ въ Италію и провелъ тамъ 6 недѣль въ полномъ отдыхѣ. Но это не принесло ему облегченія и выздоровѣлъ онъ только тогда, когда принялся за писаніе своей знаменитой исторіи. Продуктивная работа исцѣлила его мозговой аппаратъ. Онъ сдѣлался неутомимымъ труженикомъ, 6 ч. въ день онъ писалъ. Почти столько же времени тратилъ на собираніе матеріаловъ въ архивахъ и библіотекахъ. Но, по словамъ его жены, такая усиленная работа, укрѣпляюще дѣйствовала на его здоровье. И только закончивъ книгу, онъ чувствовалъ усталость. Тогда онъ уѣзжалъ въ деревню и тамъ быстро возстановлялъ свои силы.

В. Гюго, сочиненія котораго полны энтузіазма и вдохновенія, работалъ съ методичностью канцеляриста.

«Онъ подчинилъ вдохновеніе привычкѣ и каждое утро, отъ 7 до 12 ч., священный огонь обязанъ былъ спускаться на его голову». Такъ говоритъ о немъ Флёри, съ чувствомъ почтенія и восторга преклоняясь передъ этой способностью управлять своей мыслью, способностью, которую В. Гюго не терялъ даже въ самыя тяжелыя минуты жизни. А онъ ихъ пережилъ не мало и какъ гражданинъ, скор-

бѣвшій о позорномъ для Франціи владычествѣ «Маленькаго Наполеона», выдержавшій, въ отместку за нескрываемое негодованіе, всю тяжесть изгнанія, и какъ семьянинъ, потерявшій горячо любимую дочь. Но эти удары судьбы не обезсиливали его, а только придавали большую яркость его творческой мысли и тѣмъ художественнымъ образамъ, въ которыхъ онъ давалъ исходъ своему тяжкому настроенію.

Усидчивѣе всѣхъ работалъ Бальзакъ, хотя онъ самъ сознавался, что, по натурѣ, онъ больше всего любитъ покой и наслажденіе жизнью. Но это не мѣшало ему писать по 16 ч. въ сутки и вести размѣренную, трудолюбивую и воздержную жизнь монаха. Своимъ юнымъ друзьямъ, начинающимъ писателямъ, онъ проповѣдывалъ суровую литературную гигіену. Онъ требовалъ, чтобы они на нѣсколько лѣтъ отказались отъ свѣта, пили одну воду, ложились спать въ 6 ч. вечера, вставали въ 12 ч. ночи и работали до утра. А, главное, они должны были жить въ полномъ воздержаніи.

И эта проповѣдь писательскаго аскетизма произносилась съ такимъ пылкимъ и убѣжденнымъ краснорѣчіемъ, что молодежь уходила съ твердымъ намѣреніемъ выполнить эту программу.

Но, конечно, намѣреніе оставалось намѣреніемъ.

Оказывается, что даже А. Дюма-отецъ, котораго мы привыкли считать легкомысленнымъ и безпечнымъ гулякой, работалъ ежедневно съ правильностью часового механизма. Изо дня въ день, вставъ рано, онъ писалъ до самаго обѣда, съ небольшимъ перерывомъ для завтрака. Но это не утомляло его и не мѣшало ему проводить веселые вечера въ кругу друзей и хорошенькихъ женщинъ и плѣнять ихъ своимъ неистощимымъ, блестящимъ остроуміемъ. Когда же онъ чувствовалъ приступы усталости, онъ отправлялся на охоту, или дѣлалъ небольшое путешествіе, при чемъ осматривалъ старинные города и замки, нужные ему для его же романовъ. Страдая какой-то мучительной внутренней болѣзнью, во время слишкомъ жестокихъ приступовъ боли онъ садился къ столу и забывался за работой.

IV.

По мнѣнію Флёри, трудъ не только разгоняетъ усталость и лѣнь, но и спасаетъ отъ унынія.

«Творческіе умы не могутъ быть грустными по существу. Какимъ бы отчаяніемъ ни вѣяло отъ описываемыхъ ими явленій, въ самой глубинѣ ихъ произведеній всегда слышится неугасимая любовь къ жизни и упорная вѣра въ лучшее будущее».

Нашъ авторъ считаетъ безпричинную, неопредѣленную грусть, необыкновенный пессимизмъ, такъ распространенный среди общества, тоже признакомъ неврастеніи.

«Пессимизмъ,—говоритъ онъ,—т. е. сознаніе, что сумма зла пре-

вышаетъ сумму добра, обыкновенно встрѣчается у культурнаго человѣка въ прямомъ отношеніи къ научнымъ свѣдѣніямъ или художественнымъ впечатлѣніямъ, накопленнымъ въ его мозгу и въ обратномъ отношеніи къ количеству расходуемаго имъ интеллектуальнаго труда».

Этотъ переизбытокъ впечатлѣній вызываетъ ощущеніе тяжести и слабости и связанное съ ними тоскливое настроеніе.

«Сомнѣніе, нерѣшительность, лѣнь, страхъ, грусть,—все это признаки мозгового истощенія». Конечно, иногда эти явленія бываютъ вызваны и какими-нибудь серьезными моральными причинами.

При помощи возбуждающихъ средствъ—лѣкарствъ, массажа, воды или электричества, умѣлый врачъ можетъ мѣнять настроеніе пацiента. Прописавъ ему соотвѣтственный режимъ и постепенно развивая въ немъ способность къ труду, докторъ, какъ это ни кажется странно, можетъ замѣнить меланхолію жизнерадостностью.

Флёри сейчасъ же оговаривается, что онъ отнюдь не имѣетъ нелѣпой самонадѣянности при помощи водолечѣбницъ и гимнастики навсегда избавить человѣчество отъ горя. Да это и не нужно, такъ какъ только страданія заставляютъ людей идти впередъ по пути прогресса и цивилизаціи. Но онъ хочетъ указать намъ способъ избавиться отъ ненужной и безцѣльной тоски. А это возможно, такъ же, какъ возможно излѣчиться отъ вспышекъ дикаго, ничѣмъ невызваннаго гнѣва, который портитъ жизнь, и тому, кто сердится, и его близкимъ. Флёри считаетъ такой гнѣвъ признакомъ избытка силъ, а тоску—признакомъ слабости.

Онъ дѣлитъ нервныхъ людей на слабыхъ, или неврастениковъ, и сильныхъ, или hypersthénique'овъ. Первые обыкновенно очень способны къ умственному труду, если только съумѣютъ себя принудить. Изъ вторыхъ, въ прежнія времена, выходили смѣлые авантюристы и полководцы. Они тратили гнетущій ихъ избытокъ удали въ безумныхъ подвигахъ храбрости и благодарные сограждане воздвигали имъ памятники. Въ наше мирное время, когда войны стали рѣдкостью, такимъ богатырямъ приходится плохо. Они становятся или преступниками, или просто домашними деспотами, мучающими окружающихъ дикими проявленіями ненаходящей исхода силы.

Но ихъ берется обуздать разумнымъ лѣченіемъ д-ръ Флёри. Такъ какъ большинство hypersthénique'овъ не находитъ особеннаго удовлетворенія въ прелестяхъ умственнаго труда, то, кромѣ другихъ цѣлебныхъ средствъ, имъ можно посовѣтовать охоту, какъ законное убійство, дающее исходъ ихъ хищнымъ инстинктамъ. Впрочемъ, въ крайнемъ случаѣ, докторъ непрочь отправить ихъ на Мадагаскаръ, или другія тропическія колоніи, воевать съ дикими народами.

V.

Очевидно есть случаи, когда Флери склоненъ принимать рѣшительныя мѣры. Такъ, напримѣръ, исцѣляя отъ пагубной любвикъ женщинѣ своего друга, талантливаго беллетриста, Флёри поселилъ его въ водолѣчебницѣ, и сначала позволилъ ему изрѣдка видѣть предметъ его страсти. Но затѣмъ, найдя что пора прекратить эти посѣщенія, онъ просто заперъ писателя въ больницѣ, какъ запираютъ сумасшедшихъ. Несчастный влюбленный сначала бѣсновался и грозилъ полиціей; потомъ постепенно смирился, а черезъ пять недѣль вышелъ на свободу совершенно отрезвленный.

Способъ крутой, но Флёри увѣряетъ, что его пріятель, написавъ послѣ этого оригинальнаго лѣченія одинъ изъ лучшихъ своихъ романовъ, горячо благодарилъ его за исцѣленье.

Надо сказать, что Флёри признаетъ два сорта любви: «одна радостная, бодрящая, здоровая, безъ угрызеній и горечи, молодая и сильная любовь, придающая цѣну и прелесть жизни; другая—грустная, жалкая, болѣзненная, развинчивающая, одуряющая, заставляющая страдать».

Такой любовью любятъ обыкновенно неврастеники, и если прибавить къ этой непривлекательной картинѣ еще приступы ничѣмъ невызванной, безумной ревности, то становится понятнымъ, что гуманный врачъ готовъ запереть своего пріятеля въ сумашедшій домъ, чтобы избавить его отъ такой уродливой страсти, которую Флёри сравниваетъ съ морфинизмомъ. Онъ проводитъ подробную паралель между дѣйствіемъ на организмъ яда и любви и увѣряетъ, что какъ признаки, такъ и способы лѣченья, крайне сходны. Особенно вредной, прямо безнравственной, онъ считаетъ любовь, которая прежде называлась платонической, а теперь носитъ модное названье «флёрта», и строго осуждаетъ ее.

Но и ревность не находитъ въ немъ снисхожденья. Онъ такъ опредѣляетъ психологію ревности—«тщеславіе всегда готовое оскорбиться и въ тоже время—болѣзненное самоуниженье». Онъ говоритъ, что большинство ревнивцевъ—неврастеники, и указываетъ на моменты, опредѣляющіе наибольшую интенсивность ревнивыхъ вспышекъ. Онѣ бываютъ чаще всего: въ перемѣнную погоду, въ грозу, послѣ возбуждающей ѣды или питья, послѣ безсонницы или кошмаровъ. Легкій ужинъ или пилюля кофеина сразу разсѣиваютъ мучительныя подозрѣнья современныхъ Отелло.

Опять характерной чертой неврастеника является его способность мѣнять настроенье совершенно независимо отъ внѣшнихъ причинъ. Онъ тоскуетъ, сердится, ревнуетъ не потому, что это вызывается условіями его жизни, а потому, что его нервная система работаетъ лѣниво и неправильно.

И вотъ эту-то неустойчивость воли, эту шаткость мысли и поступковъ, доводящія человѣка до томительнаго бездѣйствія, которое, въ свою очередь, приводитъ къ развинченности и постоянному чувству утомленія, Флёри обѣщаетъ исцѣлить.

VI.

Онъ говоритъ, что, при помощи физическаго воздѣйствія на нашу психику, искусный врачъ можетъ перемѣнить если не качественно, то количественно свойства нашей души и избавить насъ отъ того тяжелаго недуга, который Сенкевичъ назвалъ l'improductivité slave, очевидно не зная, что тѣмъ-же «безплодіемъ» страдаютъ многіе западные интеллигенты.

Работа, работа и работа вотъ панацея отъ всѣхъ золъ и бѣдъ. Счастье только въ дѣятельности, заявляетъ этотъ психіатръ-моралистъ и берется создать намъ возможность найти это счастье, научивъ насъ любить не мучаясь и работать не уставая.

Задача широкая и гуманная и для выполненія ея надо много силъ, умѣнья, таланта, а главное самоотверженной любви къ человѣчеству. Немудрено, что Флери, возлагая на врачей такую трудную обязанность, предъявляетъ къ нимъ большія требованія.

Съ грустью и болью говоритъ онъ о низкомъ нравственномъ уровнѣ молодыхъ докторовъ. Они не задаются никакими идеями, никакими усиліями и стремленьями. Ихъ идеалъ—нажива и карьера. И виноватъ въ этомъ университетъ, не умѣющій развить въ молодежи должныхъ понятій о высокомъ призваніи врача.

Флери предлагаетъ учредить на медицинскомъ факультетѣ каѳедру «Деонтологіи», науки о профессіональныхъ обязанностяхъ. Но врядъ ли эти лекціи будутъ въ состояніи бороться съ общимъ меркантильнымъ духомъ, очевидно царящимъ въ храмѣ врачебной науки.

Нашъ авторъ, обращаясь къ своимъ коллегамъ, проситъ ихъ сознательнѣе и чище отнестись къ своему высокому призванію. Онъ говоритъ, что они могутъ немного ускорить медленное, почти незамѣтное, но непрерывное движеніе человѣчества къ тому minimum'у страданья, уродства и дисгармоніи, къ которому стремится весь міръ.

Бодростью и вѣрой въ лучшее будущее дышитъ отъ этихъ словъ, какъ и отъ всей книги почтеннаго автора съ его девизомъ—трудъ и здоровье—основы жизни и счастья человѣчества.

А. Т.

НА ГОЛОДѢ.

Разсказъ Киплинга.

Переводъ съ англійскаго.

I.

— Развѣ уже было оффиціальное объявленіе о голодѣ?

— Они вынуждены были признать крайнюю мѣстную нужду и въ газетѣ пишутъ, что въ одномъ или двухъ округахъ будетъ оказываться помощь.

— Это значитъ, что голодъ будетъ объявленъ, какъ только наберутъ достаточно людей и запасутся хлѣбомъ. Пожалуй, дѣло разыграется, какъ во время большого голода.

— Не можетъ быть,—сказалъ Скотъ, поворачиваясь немного на длинномъ бамбуковомъ стулѣ.—На сѣверѣ урожай очень хорошъ, и въ Бомбеѣ и въ Бенгаліи уродилось больше, чѣмъ имъ нужно. Есть полная возможность предупредить голодъ и помочь населенію. На этотъ разъ нужда будетъ только мѣстная.

Мартинъ взялъ со стола газету «Піонеръ», еще разъ посмотрѣлъ телеграммы и потянулся. Былъ душный, темный вечеръ, воздухъ былъ полонъ тяжелымъ благоуханіемъ недавно политыхъ аллей. Цвѣты въ клубномъ саду завяли и почернѣли на своихъ стебляхъ, маленькій прудъ съ лотосами высохъ и превратился въ затвердѣвшую грязь, а тамариндовые кусты были совершенно бѣлы отъ пыли. Большинство публики собралось въ общественномъ саду, гдѣ играла музыка,—съ веранды клуба слышно было, какъ оркестръ мѣстной полиціи разыгрывалъ вальсы; или на площадкѣ для игры въ Поло. Время отъ времени кто-нибудь подъѣзжалъ къ клубу и безвучно проходилъ въ бѣлые бараки, расположенные по обѣимъ сторонамъ главнаго зданія. Тамъ помѣщались номера, въ которыхъ жило большинство служащихъ, встрѣчаясь каждый день другъ съ другомъ за обѣдомъ и стараясь, по возможности, затянуть свои служебные часы, чтобы избѣгнуть этого томительнаго общества.

— Что вы намѣрены теперь дѣлать?—спросилъ Мартинъ, зѣвая.— Пойдемъ выкупаться передъ обѣдомъ.

— Вода очень горяча,—отвѣчалъ Скотъ.—Я ужъ купался сегодня.

— Ну, такъ сыграемъ на билльярдѣ.

— Въ билльярдной невыносимая жара. Сидите себѣ спокойно и не будьте такъ страшно энергичны.

Къ верандѣ тяжелыми шагами подошелъ верблюдъ, на спинѣ котораго возсѣдалъ почтальонъ-туземецъ съ кожанной сумкой черезъ плечо. Онъ спустилъ къ сидящимъ на верандѣ новое газетное приложеніе—листокъ, отпечатанный только на одной сторонѣ и еще сырой, только что вышедшій изъ подъ типографскаго станка. Небольшая полоска текста помѣщалась среди объявленій о продающихся пони и пропавшихъ фоксъ-терьерахъ.

Мартинъ лѣниво поднялся, прочиталъ листокъ и свистнулъ.

— Объявлено,—проговорилъ онъ.—Одинъ, два, три—восемь округовъ подпадаютъ дѣйствію законовъ о голодѣ. Джимми Гаукинсъ будетъ завѣдывать всей продовольственной организаціей.

На террасу вошелъ новый гость. Это былъ издатель единственной газеты въ столицѣ провинціи, насчитывающей 25 милліоновъ туземцевъ и нѣсколько сотъ бѣлыхъ; такъ какъ составъ редакціи ограничивался имъ самимъ и его помощникомъ, то рабочій день его колебался между десятью и двадцатью часами.

— А, Рэнсъ, вы должны все знать,—остановилъ его Мартинъ,—что изъ себя представляетъ эта мадрасская «нужда»?

— Никто еще ничего не знаетъ. Въ настоящую минуту по телеграфу идетъ сообщеніе, длиною съ вашу руку. Мадрасъ призналъ, что не можетъ справиться собственными силами, и Джимми получилъ порученіе раздобыть столько людей, сколько понадобится.

— Пожалуй, и до насъ доберутся,—замѣтилъ Мартинъ.

— Ну что жъ, я ничего не имѣю противъ,—проговорилъ Скотъ, поднимаясь съ мѣста и кладя на столъ одинъ изъ романовъ Маріета, который онъ перелистывалъ.—Сегодня здѣсь, а завтра тамъ. Мартинъ, ваша сестра ждетъ васъ.

Большая сѣрая лошадь топталась у перилъ веранды; свѣтъ керосиновой лампы падалъ на коричневое коленкоровое платье наѣздницы и на ея блѣдное лицо подъ сѣрой фетровой шляпкой.

— Я готовъ,—сказалъ Мартинъ.—Пойдемте къ намъ обѣдать, Скотъ, если вамъ не предстоитъ ничего болѣе интереснаго. Вильямъ, есть у насъ дома какой-нибудь обѣдъ? обратился онъ къ сестрѣ.

— Я сначала съѣзжу домой и посмотрю,—отвѣтила наѣздница.—Можешь приводить его къ 8 часамъ, не раньше. Не забудь, пожалуйста.

Скотъ не торопясь отправился къ себѣ въ комнату и переодѣлся въ вечерній туалетъ, соотвѣтствовавшій данному сезону въ данной странѣ—бѣлый полотняный костюмъ, съ широкимъ шелковымъ поясомъ. Обѣдъ у Мартиновъ былъ рѣшительно пріятнѣе, чѣмъ вѣчная баранина и жесткая дичь, подаваемая на жестянной посудѣ на клуб-

ныхъ обѣдахъ. Но все-таки было очень жаль, что Мартинъ не былъ въ состояніи на жаркіе мѣсяцы отправить свою сестру въ горы. Служа въ мѣстной полиціи, Мартинъ получалъ великолѣпное жалованіе въ 600 обезцѣненныхъ серебряныхъ рупій въ мѣсяцъ, это и видно было по его маленькой квартиркѣ: неровный полъ былъ устланъ обычными полосатыми, бѣлыми съ синимъ, рогожками; обычныя индійскія занавѣски висѣли на окнахъ; въ комнатахъ стояла разношерстная дюжина стульевъ, купленная на разныхъ посмертныхъ аукціонахъ. Квартира имѣла такой видъ, какъ будто все было разложено только вчера, съ тѣмъ, чтобы завтра снова быть уложеннымъ. Ни одна дверь въ домѣ не держалась на своихъ петляхъ; маленькія окна затемнялись осиными гнѣздами и ящерицы охотились за мухами надъ выступами деревянной крыши. Но все это было однимъ изъ элементовъ жизни Скота. Такъ жили всѣ, имѣющіе такіе доходы; а въ странѣ, гдѣ возрастъ, жалованіе и званіе каждаго человѣка пропечатаны въ книгѣ, которую всякій можетъ прочесть, нѣтъ никакого смысла притворяться и разыгрывать изъ себя богачей. Скотъ 8 лѣтъ служилъ въ ирригаціонномъ департаментѣ и получалъ 800 рупій въ мѣсяцъ, при чемъ въ будущемъ, если онъ прослужитъ еще 22 года на такихъ же основаніяхъ, его ожидала пенсія въ 400 рупій въ мѣсяцъ. Его служебная дѣятельность, протекавшая въ значительной степени въ палаткахъ и временныхъ убѣжищахъ, гдѣ человѣкъ могъ только спать, ѣсть и писать письма, заключалась въ наблюденіи за открытіемъ и охраной ирригаціонныхъ каналовъ. Весною онъ съ успѣхомъ закончилъ работы по открытію большого Махульскаго канала и теперь былъ прикомандированъ къ департаменту, чтобы заниматься отчетною частью. Онъ былъ очень недоволенъ этой командировкой, потому что ненавидѣлъ канцелярскую работу.

Скотъ, какъ и весь остальной міръ, зналъ, что миссъ Мартинъ пріѣхала въ Индію четыре года тому назадъ, чтобы вести хозяйство въ домѣ брата, который, какъ всѣмъ было извѣстно, занялъ денегъ, чтобы заплатить за ея проѣздъ. По общераспространенному мнѣнію, ей бы уже давно слѣдовало быть замужемъ. Вмѣсто этого, она отказала полдюжинѣ офицеровъ, одному чиновнику, старше ея на двадцать лѣтъ, одному майору и одному доктору. Это тоже было общественнымъ достояніемъ. Она выжила въ городѣ три жаркихъ сезона, потому что братъ ея и безъ того былъ въ долгу и не могъ отправить ее даже и въ дешевенькій пансіонъ въ горахъ. Поэтому лицо ея было блѣдно, какъ кость и посреди лба красовалось круглое серебристое пятнышко, свидѣтельствующее о мѣстной болѣзни, называемой «багдадской». Такія пятна появляются отъ употребленія дурной воды.

Тѣмъ не менѣе, миссъ Вильямъ очень веселилась за эти 4 года. Дважды она чуть было не утонула, переѣзжая на лошади черезъ рѣку; она была свидѣтельницей нападенія шайки воровъ на домъ ея брата,

выучилась говорить на мѣстномъ нарѣчіи съ бѣглостью, возбуждавшею зависть старшихъ, мало-по-малу утратила привычку писать письма своимъ теткамъ въ Англію и разрѣзывать страницы англійскихъ журналовъ, пережила холеру, перенесла тифоидную лихорадку, послѣ которой ей обрили голову, и разсчитывала этой зимою отпраздновать 23-ю годовщину своего рожденія. Понятно, что ея тетки не могли бы отнестись съ одобреніемъ къ молодой дѣвушкѣ, которая ѣздила на танцовальные вечера верхомъ, накинувъ на плечи платокъ; откликалась на имя Вильяма или Биля, усвоила себѣ не особенно изящный мѣстный жаргонъ, участвовала въ любительскихъ спектакляхъ, держала въ повиновеніи 8 человѣкъ прислуги и двухъ лошадей, лѣчила ихъ недуги и спокойно смотрѣла прямо въ глаза мужчинамъ, даже послѣ того, какъ они сдѣлали ей предложеніе и были отвергнуты.

— Я люблю мужчинъ, которые что-нибудь дѣлаютъ,—заявила она одному изъ служащихъ въ департаментѣ просвѣщенія, который разъяснялъ сыновьямъ мѣстныхъ торговцевъ красоты стихотвореній Вордсворта; и когда онъ приходилъ въ поэтическое настроеніе, Вильямъ призналась ему, что она мало понимаетъ въ поэзіи, и что отъ стиховъ у нея голова болитъ. Послѣ этого еще одно разбитое сердце стало искать прибѣжища въ клубѣ. И все это было по винѣ самой Вильямъ: она любила слушать разсказы мужчинъ о ихъ службѣ, такое вниманіе роковымъ образомъ приводило людей къ ея ногамъ.

Скотъ былъ знакомъ съ нею три года; нѣсколько разъ танцовалъ съ нею на рождественскихъ балахъ и чрезвычайно уважалъ ея хозяйственные таланты.

Она болѣе чѣмъ когда-либо походила на мальчика, когда послѣ обѣда сидѣла на кожанномъ диванѣ, поджавъ подъ себя ноги, крутила папироски для своего брата, и перебрасывала ихъ Мартину, сидѣвшему на противоположномъ концѣ комнаты; тотъ ловилъ ихъ одной рукой не прерывая разговора со Скотомъ. Они говорили все о дѣлахъ—о каналахъ и надзорѣ за ними, о преступленіяхъ мѣстныхъ жителей, кравшихъ воду, за которую они не платили, и еще болѣе тяжкихъ преступленіяхъ туземной полиціи, прикрывавшей эти кражи; о переселеніи цѣлыхъ деревень въ только-что орошенныя мѣстности. Вильямъ крутила папироски, ничего не говорила и только улыбалась своему брату.

Въ 10 часовъ лошадь Скота пріѣхала за нимъ и вечеръ окончился. Два освѣщенныхъ окна низенькаго домика, гдѣ печаталась мѣстная ...зета, ярко выдѣлялись на темной дорогѣ. Было еще слишкомъ рано, ...обы ложиться спать, и Скотъ рѣшилъ зайти къ издателю. Рэнсъ ...калъ на диванѣ, въ ожиданіи ночныхъ телеграммъ. У него была ...я теорія насчетъ того, что если человѣкъ не будетъ сидѣть за ра...ой весь день и большую часть ночи, то онъ непремѣнно заболѣетъ ...тной злокачественной лихорадкой; поэтому онъ и ѣлъ и спалъ среди ...ихъ бумагъ.

— Беретесь вы за это?—спросилъ онъ соннымъ голосомъ.—Я не думалъ, что вы сегодня же придете съ отвѣтомъ.

— Въ чемъ дѣло? Какой отвѣтъ? Я обѣдалъ у Мартина и ничего не знаю.

— Голодъ объявленъ и они теперь набираютъ людей. Мартина также требуютъ. Я посылалъ къ вамъ записку въ клубъ. Согласны-ли вы присылать намъ разъ въ недѣлю письма съ Юга, такъ отъ двухъ до трехъ столбцовъ. Ничего сенсаціоннаго, конечно, не нужно, просто одни факты—кто что дѣлаетъ, и такъ далѣе. Нашъ обычный гонораръ—10 рупій за столбецъ.

— Очень жалѣю, но это совсѣмъ не по моей части — отвѣчалъ Скотъ, разсѣянно посматривая на карту Индіи, висѣвшую на стѣнѣ. Трудно будетъ теперь Мартину. Интересно знать, что онъ сдѣлаетъ со своей сестрой. Хотѣлъ бы я знать, куда они меня тянутъ. У меня нѣтъ никакой опытности въ такихъ дѣлахъ. Я, конечно, тоже назначенъ?

— Конечно. Вотъ телеграмма. Вамъ поручаютъ организацію помощи, дадутъ вамъ вамъ въ помощники одного туземнаго аптекаря и полъ-пинты холерной микстуры на 10.000 населенія. Вы сидите теперь безъ опредѣленнаго дѣла, а туда призываютъ всѣхъ, безъ кого можно обойтись на службѣ.

— Во всякомъ случаѣ, я радъ, что зашелъ къ вамъ—проговорилъ Скотъ.—Завтра, вѣроятно, я получу уже оффиціальное увѣдомленіе. Надо сейчасъ идти укладываться. Вы не знаете, кто будетъ замѣнять меня здѣсь?

Ренсъ порылся въ кучѣ телеграмъ.—Макъ-ханъ—сказалъ онъ.— Изъ Мурея.

— Скотъ усмѣхнулся.

— Онъ разсчитывалъ провести все лѣто въ прохладѣ. Воображаю, какъ онъ будетъ огорченъ. Впрочемъ, что объ этомъ говорить.

Покойной ночи.

— Два часа спустя Скотъ со спокойной совѣстью улегся спать на веревочной койкѣ въ пустой комнатѣ. Два поношенныхъ кожаныхъ чемодана, кожаная бутылка для воды, жестяной ящикъ для льда и сѣдло, завязанное въ мѣшокъ, были сложены у дверей, а подъ подушкой у него лежала росписка секретаря клуба въ полученіи денегъ по мѣсячному счету. Его назначеніе, дѣйствительно, пришло на слѣдующее-же утро и вмѣстѣ съ нимъ неофиціальная телеграмма отъ сэра Джемса Гаукинса, предписывающая ему немедленно и съ наивозможною скоростью отправиться въ мѣстность съ какимъ-то невыговариваемымъ названіемъ, расположенную за полторы тысячи верстъ къ югу, гдѣ свирѣпствовалъ голодъ и чувствовалась сильная нужда въ людяхъ.

Днемъ къ нему явился розовый, полный юноша, недовольный судь-

бою и голодомъ, который лишалъ его трехмѣсячнаго отдыха. Это былъ замѣститель Скота—другой зубецъ въ огромномъ правительственномъ колесѣ, который подвинулся впередъ вслѣдъ за своимъ сослуживцемъ, представленнымъ, какъ гласило офиціальное извѣщеніе, «въ распоряженіе Мадрасскаго правительства для работы по голоду впредь до дальнѣйшихъ распоряженій». Скотъ передалъ ему находящіяся на его рукахъ суммы, показалъ ему самый прохладный уголокъ въ канцеляріи, предостерегалъ его отъ излишняго усердія и, когда наступили сумерки, уѣхалъ изъ клуба въ наемномъ экипажѣ со своимъ вѣрнымъ слугою Фецъ-Улахомъ на станцію Южной желѣзной дороги. Жаръ отъ раскаленныхъ кирпичныхъ стѣнъ ударялъ ему въ лицо и онъ съ грустью размышлялъ о томъ, что ему предстоитъ, по крайней мѣрѣ, пять ночей и четыре дня путешествія. На станціи Фецъ-Улахъ, привыкшій къ превратностямъ 'судьбы, немедленно исчезъ въ толпѣ, наполнявшей каменную платформу, а Скотъ, съ сигарою въ зубахъ, ждалъ пока ему приготовятъ отдѣленіе. {Въ это время въ толпу пунджабскихъ фермеровъ, ремесленниковъ и кудрявыхъ торговцевъ-афридіевъ врѣзалась дюжина туземныхъ полицейскихъ, сопровождавшихъ багажъ Мартина.

Когда Фецъ-Улахъ доложилъ своему господину, что все готово, Скотъ расположился въ вагонѣ, снялъ сапоги и куртку и улегся на широкой, обитой кожей скамейкѣ. Жара на крытой желѣзомъ станціи доходила до 100 градусовъ (Фаренгейта). Въ послѣдній моментъ въ тотъ-же вагонъ вошелъ Мартинъ, весь обливаясь потомъ, и къ ужасу своему увидѣлъ отдѣленіе занятымъ.

— Не бранитесь,—лѣниво встрѣтилъ его Скотъ.—Вы опоздали и не успѣете пересѣсть въ другое отдѣленіе. Мы подѣлимся моимъ льдомъ.

— Вы что здѣсь дѣлаете?—спросилъ Мартинъ.

— Препровождаю себя въ распоряженіе Мадрасскаго правительства, такъ же какъ и вы. Боже, что это за ночь! Вы берете съ собой кого-нибудь изъ своихъ людей?

— Дюжину. Должно быть, мнѣ придется наблюдать за раздачей пищи. Я не зналъ, что и вы тоже назначены.

— Я тоже не зналъ, когда уходилъ отъ васъ вчера вечеромъ. Рэнсъ первый получилъ это извѣстіе. Назначеніе пришло сегодня утромъ. Макъ-ханъ пріѣхалъ смѣнить меня въ 4 часа и я сейчасъ-же ...халъ. Этотъ голодъ можетъ розыграться въ прескверную штуку—жалуй, никто изъ насъ и не вернется живымъ.

— Джимми долженъ былъ-бы назначить насъ съ вами куда-нибудь ... одно мѣсто,—проговорилъ Мартинъ, и, немного погодя, прибавилъ:—...я сестра здѣсь.

— Вотъ это хорошо,—сказалъ Скотъ сердечно.

Значитъ, она ѣдетъ въ Симлу. Съ кѣмъ она будетъ тамъ

— Въ томъ-то и дѣло, что она не хочетъ и слышать о Симлѣ. Она ѣдетъ со мною.

Скотъ вскочилъ и сѣлъ прямо подъ лампою.

— Какъ! Вы не хотите сказать, что не могли добыть...

— О нѣтъ! Я бы ужъ какъ-нибудь досталъ денегъ.

— Надѣюсь, вы могли бы прежде всего обратиться ко мнѣ,—проговорилъ Скотъ сухо.—Мы съ вами не совсѣмъ чужіе другъ другу.

— Пожалуйста, не будьте такъ церемонны. Конечно, я могъ бы обратиться къ вамъ, но... вы не знаете моей сестры. Я объяснялъ, и убѣждалъ, и просилъ, и приказывалъ, и все такое въ теченіе цѣлаго дня, начиная съ 7 утра—но ничего не могъ подѣлать.

— Джимми Гаукинсъ не особенно будетъ доволенъ, — сказалъ Скотъ.—Женщинамъ совсѣмъ не мѣсто на голодѣ.

— М-съ Джимъ—я хочу сказать, лэди Джимъ—отправилась вмѣстѣ съ нимъ. Во всякомъ случаѣ, она обѣщала взять сестру подъ свое покровительство. Вильямъ на свой страхъ телеграфировала ей и совершенно сбила меня съ толку, показавши ея отвѣтъ.

Скотъ засмѣялся.

— Если она такая рѣшительная—проговорилъ онъ,—то, очевидно, она сама можетъ о себѣ позаботиться, а м-съ Джимъ не дастъ ей подвергаться опасности. Во всякомъ случаѣ, я думаю не много найдется женщинъ, женъ или сестеръ, которыя бы отправились на голодъ съ открытыми глазами. А она вѣдь пережила холеру прошлаго года и знаетъ, что все это значитъ.

Поѣздъ остановился въ Армитсорѣ и Скотъ прошелъ въ дамское отдѣленіе, находившееся рядомъ съ ихъ отдѣленіемъ. Вильямъ, въ дорожной шапочкѣ, накинутой на кудри, привѣтливо кивнула ему головой.

— Войдите къ намъ, я угощу васъ чаемъ,—сказала она.—Это лучшее предохранительное средство отъ солнечнаго удара.

— Развѣ по моему виду можно заключить, что мнѣ грозитъ солнечный ударъ?

— Никогда нельзя знать,—серьозно отвѣчала Вильямъ.—Всегда лучше заранѣе быть готовымъ.

Она устроилась въ вагонѣ съ опытностью испытаннаго путешественника. У закрытаго ставней окна висѣла покрытая мѣхомъ бутылка съ водой; на скамейкѣ стояла корзинка съ чайнымъ сервизомъ и дорожная спиртовая лампочка.

Вильямъ угостила ихъ горячимъ чаемъ въ большихъ чашкахъ, увѣряя, что чай предохраняетъ отъ распуханія шейныхъ венъ въ такую жаркую ночь. Она, очевидно, считала излишнимъ всякіе разговоры и комментаріи по поводу своего поступка. Жизнь съ мужчинами, у которыхъ всегда было очень много работы и очень мало времени для этой работы, пріучила ее стушевываться и стоять за себя. Она ничего не говорила о томъ, что хочетъ быть полезною во время путешествія.

и спокойно дѣлала свое дѣло: безшумно уложила чашки, когда чай былъ выпитъ и приготовила папироски для своихъ гостей.

— Вчера въ это время,—сказалъ Скотъ,—мы не ожидали... гмъ... того, что случилось. Не правда ли?

— Я привыкла ожидать всего,—отвѣчала Вильямъ.

— Знаете, на нашей службѣ мы живемъ по телеграфу. Но я думаю, это путешествіе будетъ полезно для всѣхъ насъ—конечно, если мы останемся въ живыхъ.

— Это разрушаетъ всѣ мои планы,—отвѣчалъ Скотъ.—Я разсчитывалъ на холодную погоду попасть на постройку Люнійскаго канала, но неизвѣстно, сколько времени затянется голодъ.

— Врядъ ли дальше октября—сказалъ Мартинъ.—Къ этому времени онъ такъ или иначе будетъ конченъ.

Первыя сутки они ѣхали по знакомымъ мѣстамъ; слѣдующія сутки узкоколейная желѣзная дорога везла ихъ вдоль границы великой индійской пустыни и они вспоминали, какъ они впервые ѣхали по этой дорогѣ изъ Бомбея, пріѣзжая на мѣсто своего служенія. Затѣмъ перемѣнился языкъ, на которомъ были написаны названія станцій, и поѣздъ уносилъ ихъ на югъ, въ чужую страну, гдѣ даже запахи имъ были незнакомы.

Передъ ними тянулись длинные, тяжело-нагруженные хлѣбомъ вереницы вагоновъ, и рука Джимми Гаукинса чувствовалась издалека. Имъ часто приходилось ждать на боковыхъ линіяхъ, т. е. путь былъ занятъ возвращавшимися на сѣверъ поѣздами, наполненными пустыми мѣшками. Стояла неистовая жара. Во время остановокъ они прохаживались взадъ и впередъ среди мѣшковъ и слушали завыванья собакъ.

Наконецъ, они очутились въ той Индіи, которая была имъ болѣе чужда, чѣмъ непутешествовавшимъ англичанамъ—это была плоская, красная Индія пальмъ и риса, Индія дѣтскихъ иллюстрированныхъ книжекъ—мертвая и изсушенная палящимъ зноемъ. Непрерывное пассажирское движеніе Сѣвера и Запада осталось далеко, далеко позади. Здѣсь голодные люди толпились у поѣзда съ дѣтьми на рукахъ, имъ давали мѣшки съ хлѣбными зернами и толпа набрасывалась на нихъ, какъ мухи на медъ.

Шесть дней пути казались имъ длиннѣе шести лѣтъ. Наконецъ, въ сухую, душную ночь они пріѣхали въ страну смерти, освѣщенную краснымъ пламенемъ костровъ, на которыхъ сжигали мертвецовъ. Тамъ ихъ встрѣтилъ Джимми Гаукинсъ, завѣдующій продовольственнымъ дѣломъ, небритый, немытый, но бодрый и всецѣло поглощенный работой.

Онъ тотчасъ же распорядился, чтобы Мартинъ остался при желѣзной дорогѣ: онъ долженъ былъ подбирать голодающихъ людей и отвозить ихъ въ продовольственный пунктъ, на границѣ 8-го округа, гдѣ имъ раздавали пищу. Ему было поручено привозить хлѣбъ, а его помощники должны были оберегать хлѣбные запасы. Скотъ—Гаукинсъ

очень радъ былъ снова увидѣться со Скотомъ—долженъ былъ немедленно же отправиться на Югъ, въ другой продовольственный пунктъ, далекій отъ желѣзной дороги, отвезти туда всѣхъ голодающихъ, которые попадутся ему на пути и ждать тамъ дальнѣйшихъ телеграфныхъ распоряженій. Вообще же въ мелочахъ ему предоставлялось поступать по своему усмотрѣнію.

Вильямъ закусила губу. У нея никого не было на свѣтѣ, кромѣ брата, но распоряженія Гаукинса не допускали противорѣчія. Она вышла изъ вагона, съ головы до ногъ покрытая пылью, съ маленькой морщинкой на лбу, явившейся слѣдствіемъ того, что ей пришлось такъ много передумать за послѣднюю недѣлю, но сдержанная и спокойная какъ всегда. М—съ Джимъ, которую въ сущности слѣдовало называть лэди Джимъ, но всѣ постоянно объ этомъ забывали—обняла молодую дѣвушку.

— О, я рада, что вы пріѣхали,—проговорила она, почти рыдая.— Конечно, вы не должны были этого дѣлать, но я все-таки рада. Мы съ вами здѣсь единственныя женщины и должны помогать другъ другу. Здѣсь столько несчастныхъ, и эти маленькія дѣти...

— Я уже видѣла—сказала Вильямъ.

— Неправда ли, что за ужасъ! Мнѣ ихъ подкинули уже двадцать штукъ. Но не хотите ли сперва поѣсть что-нибудь? Здѣсь столько дѣла, что и десяти человѣкъ было бы мало. Я приготовила для васъ лошадь. О, какъ я рада, что вы пріѣхали!

— Потише, Лиззи,—сказалъ Гаукинсъ черезъ ея плечо.

— Мы присмотримъ за вами, миссъ Мартинъ. Сожалѣю, что не могу пригласить васъ къ завтраку, Мартинъ. Вамъ придется поѣсть въ дорогѣ. Нельзя терять ни одной минуты. Оставьте двоихъ вашихъ людей въ помощь Скоту. Скотъ, нагружайте телѣги на буйволахъ и отправляйтесь въ путь, какъ только справитесь. Этотъ субъектъ въ розовой рубашкѣ будетъ вашимъ проводникомъ и переводчикомъ. Аптекарь сидитъ связанный въ телѣгѣ. Онъ уже собирался сбѣжать,—вамъ придется за нимъ присматривать. Лиззи, свези миссъ Мартинъ въ нашу палатку и пришли за мною рыжую лошадь.

Скотъ съ Фецъ-Улахомъ и двумя полицейскими уже хлопотали около телѣгъ, нагружая ихъ мѣшками. Гаукинсъ нѣкоторое время наблюдалъ за нимъ.

— Это славный малый,—проговорилъ онъ.—Если все пойдетъ хорошо, я заставлю его много работать.

По мнѣнію Джими Гаукинса, это была высшая любезность, какую одно человѣческое существо могло оказать другому.

Черезъ часъ Скотъ уже былъ въ пути. Съ нимъ ѣхалъ аптекарь, которой все время грозилъ ему строгимъ наказаньемъ, за то, что его, члена медицинскаго департамента, и свободного англійскаго гражданина осмѣлились связать; два полицейскихъ и Фецъ-Улахъ составляли всю свиту.

Маленькая процессія проѣхала мимо стоянки Гаукинса—трехъ грязныхъ палатокъ, расположенныхъ подъ сѣнью высохшихъ деревъ. За ними, на открытомъ воздухѣ, была устроена кухня, гдѣ кормили голодающихъ.

— Желалъ бы я, чтобы Вильямъ осталась дома,—сказалъ себѣ Скотъ, посматривая на эту картинку.—Вѣрно какъ день, что во время дождей здѣсь начнется холера.

Но Вильямъ, повидимому, уже успѣла освоиться съ новой обстановкой. Скотъ увидѣлъ ее среди толпы плачущихъ женщинъ, въ своей коленкоровой амазонкѣ и сѣрой фетровой шляпѣ на растрепавшихся волосахъ.

— Пожалуйста, дайте мнѣ пятьдесятъ рупій. Я забыла спросить у Джэка, а онъ уже уѣхалъ. Можете вы дать мнѣ взаймы? Нужно купить сгущеннаго молока для дѣтей.

Скотъ вынулъ деньги изъ своего кошелька и молча передалъ ей.— Ради Бога, берегите себя,—проговорилъ онъ немного спустя.

— О, со мной ничего не случится. Мы должны получить молоко черезъ два дня. Кстати, мнѣ поручено передать вамъ, чтобы вы взяли одну изъ лошадей сэра Джима. Здѣсь есть одна сѣрая лошадка, которая, мнѣ кажется, будетъ совсѣмъ въ вашемъ стилѣ; поэтому я сказала, чтобы вамъ ее приготовили. Ничего, что я такъ распорядилась.

— Это ужасно мило съ вашей стороны. Боюсь, что намъ обоимъ теперь не очень придется сообразоваться со «стилемъ».

Скотъ былъ въ поношенной охотничьей курткѣ съ протертыми локтями. Вильямъ внимательно оглядѣла его, съ головы до ногъ.

— Мнѣ кажется, у васъ вполнѣ приличный видъ,—сказала она.— Взяли ли вы съ собой все, что нужно—хину, хлородинъ и пр.?

— Все взялъ,—отвѣчалъ Скотъ, садясь на лошадь, которую ему подвели.

— Прощайте!—крикнулъ онъ ей.

— Прощайте, всего хорошаго!—отвѣчала Вильямъ.—Я вамъ страшно благодарна за деньги.

II.

Трудное время настало для Скота, хотя онъ путешествовалъ ночью и отдыхалъ днемъ; но зато надъ нимъ не было никакого начальства. Онъ былъ свободенъ, какъ Джими Гаукинсъ, даже еще свободнѣе, тому что Джими все-таки былъ соединенъ съ правительствомъ теграфной проволокой.

Послѣ нѣсколькихъ дней пути Скотъ узналъ кое-что о размѣрахъ той ндіи, которой онъ служилъ, и она поразила его. Телѣги его были полнены пшеницей и ячменемъ. Но люди, для которыхъ предназнались эти припасы, ѣли одинъ только рисъ. Они умѣли толочь рисъ своихъ ступкахъ, но ничего не знали о тяжелыхъ каменныхъ мель-

ницахъ Сѣвера и о тѣхъ хлѣбныхъ зернахъ, которыя теперь везли къ нимъ подъ конвоемъ бѣлыхъ людей. Они требовали риса, и, когда убѣдились, что его нѣтъ, съ плачемъ удалялись отъ Скота. Какое употребленіе можно было сдѣлать изъ этихъ странныхъ зеренъ, которыя царапали имъ горло? Имъ оставалось только умереть. И нѣкоторые дѣйствительно такъ и поступали. Другіе брали слѣдуемую имъ порцію и обмѣнивали количество пшеницы, которымъ человѣкъ могъ бы быть сытымъ цѣлую недѣлю, на горсточку рису, сохранившагося у кого-нибудь изъ сосѣдей. Третьи, наконецъ, клали зерна въ ступки для риса, толкли ихъ и приготовляли что-то вродѣ тѣста съ гнилой водой; но такихъ было очень немного. Скотъ имѣлъ смутное представленіе о томъ, что народъ въ южной Индіи питается рисомъ, но онъ служилъ въ сѣверныхъ провинціяхъ, гдѣ почти нѣтъ рисовыхъ полей, и совершенно не могъ понять того факта, чтобы во время страшной нужды люди могли умирать съ голоду, изъ нежеланія попробовать новую пищу, которая предлагалась имъ въ изобиліи. Напрасно переводчики изощрялись въ переводахъ, и полицейскіе энергической пантоминой показывали, что надо было дѣлать. Мѣстные жители уходили обратно, предпочитая питаться корой, листьями и глиной, и оставляя нетронутыми полные мѣшки съ пшеницей. Женщины часто клали къ ногамъ Скота своихъ исхудалыхъ ребятъ.

Фецъ-Улахъ полагалъ, что, очевидно, по волѣ Божьей, эти чужестранцы должны умирать, и поэтому оставалось только распоряжаться насчетъ ихъ похоронъ. Тѣмъ не менѣе, онъ не видѣлъ причины, почему его сагибъ долженъ терпѣть какія-нибудь неудобства, и, какъ опытный путешественникъ, захватилъ съ собою въ пустыню нѣсколькихъ козъ. Онъ кормилъ ихъ по утрамъ зернами, отъ которыхъ отказывались эти глупцы. Скотъ велѣлъ Фецъ-Улаху и двумъ полицейскимъ ловить козъ всюду, гдѣ они только могли поймать ихъ. Этотъ приказъ съ удовольствіемъ былъ исполненъ. Для нихъ ловля козъ была нѣкоторымъ отдыхомъ, и они наловили ихъ въ большомъ количествѣ. Бѣдныя животныя, будучи разъ покормлены, охотно слѣдовали за телѣгами и послѣ нѣсколькихъ дней хорошаго питанья стали давать много молока.

— Но я не намѣренъ быть козопасомъ,—говорилъ Фецъ-Улахъ.— Это противъ моей чести.

— Когда мы вернемся домой, мы поговоримъ съ тобой о чести,— отвѣчалъ Скотъ,—а до тѣхъ поръ ты и оба полицейскихъ будете даже трубочистами, если это понадобится.

— Пусть будетъ по твоему,— согласился Фецъ-Улахъ и покорно принялся доить козъ.

Скотъ стоялъ около и смотрѣлъ на доеніе. У него явилась мысль воспользоваться козьимъ молокомъ для кормленія дѣтей. И дѣйствительно, начиная съ этого времени, всѣхъ дѣтей кормили по три раза

въ день. Утромъ, въ полдень и вечеромъ Скотъ торжественно по очереди вынималъ ихъ изъ постели, устроенной для нихъ въ одной изъ телегъ, и поилъ ихъ молокомъ. Нѣкоторыя крошки еле дышали, и Скотъ осторожно, по капелькамъ вливалъ молоко въ ихъ беззубые ротики. Каждое утро происходило также кормленіе козъ, и такъ какъ онѣ шли не на привязи, а на полицейскихъ нельзя было положиться, то Скотъ долженъ былъ отказаться отъ верховой ѣзды и медленно шелъ пѣшкомъ впереди всего стада, приноравляя свои шаги къ козамъ. Все это было въ высшей степени нелѣпо и онъ самъ прекрасно сознавалъ, какую смѣшную картину онъ представлялъ со стороны, но по крайней мѣрѣ онъ спасалъ человѣческую жизнь, а женщины, видя, что ихъ дѣти не умираютъ, понемногу начинали сдаваться и соглашались пробовать новую пищу.

Шествуя впереди своего стада и глотая пыль, поднимаемую сотней маленькихъ козьихъ ногъ, Скотъ утѣшалъ себя мыслью, что его образъ дѣйствій гораздо практичнѣе выдумки Вильямъ, желавшей кормить дѣтей сгущеннымъ молокомъ, которое еще надо привозить Богъ знаетъ откуда. Козы, по крайней мѣрѣ, всегда подъ рукою.

Онъ очень медленно достигъ мѣста своего назначенія, гдѣ узналъ, что изъ Бирмы прибылъ пароходъ, нагруженный рисомъ; тамъ всѣмъ распоряжался одинъ заработавшійся, измученный англичанинъ. Забравши у него достаточное количество риса, оставивъ ему часть дѣтей, Скотъ поѣхалъ обратно, развозить рисъ нуждающимся. На пути къ нему присоединились новыя козы и новыя дѣти. Но теперь на многихъ дѣтяхъ были надѣты бусы или обмотаны тряпки вокругъ шеи. Какъ переводчикъ пояснилъ Скоту, это дѣлалось потому, что матери надѣялись черезъ нѣкоторое время взять своихъ дѣтей обратно.

— Чѣмъ скорѣе онѣ возьмутъ ихъ, тѣмъ лучше,—сказалъ Скотъ. Но въ тоже время, онъ внимательно наблюдалъ за дѣтьми и съ нѣкоторой гордостью замѣчалъ, что тотъ или другой маленькій Рамахавми начинаетъ толстѣть и поправляться. Когда онъ роздалъ всѣ свои запасы, онъ поѣхалъ въ стоянку Гаукинса, стараясь принаровить свой пріѣздъ къ обѣденному времени, потому что давно уже ему не приходилось обѣдать на столѣ, покрытомъ скатертью. Ему не хотѣлось обставить свой пріѣздъ особенной торжественностью, но случайно вышло такъ, что, подходя къ палаткѣ, онъ снялъ шляпу, чтобы освѣжить голову, и лучи заходящаго солнца упали на его лобъ и ослѣпили его, такъ что онъ не видѣлъ того, что передъ нимъ; а кто-то, стоя у входа въ палатку, новыми глазами посмотрѣлъ на красиваго молодого человѣка, окруженнаго облакомъ золотой пыли, медленно шествующаго впереди цѣлаго стада козъ, между тѣмъ какъ около его ногъ копошились маленькіе, голые купидоны. Вильямъ неудержимо хохотала при видѣ этой картины. Скотъ смущенно представилъ ей своихъ питомцевъ. Это было довольно неприличное зрѣлище, но всякія приличія давно уже были оставлены въ пустынѣ.

— Какія они славныя,—одобрительно замѣтила Вильямъ.—У насъ теперь осталось всего двадцать пять младенцевъ. Женщины начинаютъ брать ихъ назадъ.

— Дѣти, значитъ, находятся на вашемъ попеченіи?

— Да, м-съ Джимъ и я завѣдуемъ этимъ дѣломъ. Намъ, однако, не пришли въ голову козы. Мы пробавлялись сгущеннымъ молокомъ и водой.

— Были у васъ смертные случаи?

— Столько, что не хочется и вспоминать о нихъ, — отвѣчала Вильямъ, содрогнувшись.—А у васъ?

Скотъ ничего не отвѣтилъ. На его пути было тоже много маленькихъ трупиковъ, многія матери рыдали, потерявъ дѣтей, которыхъ онѣ довѣрили заботамъ правительства.

Тутъ пришелъ Гаукинсъ съ бритвою въ рукахъ, на которую Скотъ посматривалъ съ завистью, потому что у него за это время успѣла отрости длинная борода. Они пошли обѣдать, и онъ въ нѣсколькихъ словахъ разсказалъ свою исторію, придавая ей характеръ офиціальнаго донесенія. М-съ Джимъ время отъ времени вздыхала, а Джимъ задумчиво покачивалъ головой; но Вильямъ не сводила своихъ сѣрыхъ глазъ съ гладковыбритаго лица Скота и, казалось, онъ говорилъ только ей одной. Щеки ея ввалились и пятно на лбу выступало яснѣе, чѣмъ когда-либо.

— Все это было страшно нелѣпо, — говорилъ Скотъ. — Дѣло въ томъ, что я не имѣлъ понятія ни о доеніи козъ, ни объ обращеніи съ грудными дѣтьми. Мнѣ просто проходу не будутъ давать, если объ этомъ узнаютъ въ городѣ.

— Пускай себѣ,—отвѣчала Вильямъ пренебрежительно.

— Мы всѣ работали, какъ кули съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхали сюда. Я знаю, что Джэмсъ тоже работалъ.

Это было сказано по адресу Гаукинса, и тотъ улыбнулся въ отвѣтъ.

— Вашъ братъ хорошій работникъ, Вильямъ,—сказалъ онъ,—и я далъ ему ту оцѣнку, которой онъ заслуживаетъ. Не забывайте, что офиціальные отчеты пишутся мною.

— Такъ ты долженъ написать тоже, что сама Вильямъ — настоящее золото,—сказала м-съ Джимъ. — Я просто не знаю, что бы мы безъ нея дѣлали.

Она ласково погладила руку Вильямъ, загрубѣвшую отъ работы. Джимъ съ улыбкою смотрѣлъ на нихъ. По его мнѣнію, дѣла шли довольно хорошо. Двое или трое совершенно ничего не понимающихъ чиновника во время умерли и были замѣнены хорошими работниками. До дождей оставалось уже не долго. Имъ удалось прекратить голодъ въ пяти округахъ, и, принимая въ соображеніе всѣ обстоятельства, смертность была не слишкомъ высока. Онъ внимательно осматривалъ Скота.

— Теперь онъ немного усталъ, — говорилъ онъ самому себѣ,—но онъ все-таки еще можетъ работать за двоихъ.

Тутъ онъ замѣтилъ, что м-съ Джимъ дѣлаетъ ему телеграфическіе знаки, и понялъ, что на условномъ языкѣ телеграмма ея гласитъ: «Дѣло ясно. Взгляни на нихъ».

Онъ взглянулъ и сталъ прислушиваться къ ихъ разговору. Вильямъ говорила: «Что можно ожидать отъ страны, гдѣ водовоза называютъ «тённи-кётчъ?»,—а Скотъ отвѣчалъ: «я все-таки буду очень радъ, когда снова поподу въ клубъ. Обѣщайте мнѣ первый вальсъ на Рождественскомъ балу, хорошо?».

— Отсюда очень далеко до Лауренца,—сказалъ Джимъ.—Я бы совѣтовалъ вамъ сегодня лечь пораньше, Скотъ. Завтра вамъ надо отвозить муку и придется начать грузить въ пять утра.

— Неужели же ты не дашь м-ру Скоту хоть одного дня отдыха?

— Я бы очень хотѣлъ это сдѣлать, Лиззи, но боюсь, что не могу. До тѣхъ поръ, пока онъ можетъ работать, мы должны пользоваться имъ.

— Ну что жъ, по крайней мѣрѣ я хоть одинъ вечеръ провелъ по-европейски,—сказалъ Скотъ.—Боже, я чуть не забылъ. Куда мнѣ теперь дѣвать своихъ ребятъ?

— Оставьте ихъ здѣсь,—сказала Вильямъ.—Мы возьмемъ ихъ на свое попеченіе. И оставьте намъ тоже нѣсколько козъ. Мнѣ нужно только выучиться доить ихъ.

— Если вы захотите встать завтра пораньше, я научу васъ. Мнѣ приходилось каждый день заниматься этимъ. Между прочимъ, у многихъ ребятъ шея обмотана тряпками или на нихъ надѣты бусы. Будьте осторожны и ни за что не снимайте ихъ, на случай, если вернутся матери...

— Вы забываете, что я уже имѣю нѣкоторую опытность.

— Ради Бога, берегите вы себя,—эти слова вырвались у Скота совсѣмъ другимъ голосомъ.

— Я буду беречь ее,—сказала м-съ Джимъ, уходя съ Вильямъ и на прощаніе отправляя мужу телеграмму въ сто словъ. Джимъ давалъ Скоту распоряженія относительно его будущей работы. Было очень поздно—почти девять часовъ.

— Джимъ, ты чудовищно-жестокъ,—говорила его жена въ тотъ же вечеръ, когда они остались наединѣ.

— Нисколько, дорогая. Я помню, какъ я самъ когда-то работалъ въ первомъ поселеніи Яндіяла, думая объ одной молодой дѣвицѣ въ кринолинѣ. Никогда я съ тѣхъ поръ такъ хорошо не работалъ. *Онъ* будетъ теперь работать, какъ чортъ.

— Все равно, ты могъ бы дать ему хоть одинъ день отдыха.

— И дать дѣлу разыграться сейчасъ же? Нѣтъ, дорогая. Теперь они переживаютъ свое лучшее время.

Я думаю, оба они еще и не догадываются, что съ ними проис-

— А она-то встанетъ завтра въ три часа, чтобы выучиться доить козу! Боже, и почему это всѣ люди должны старѣть и толстѣть?

— Она ужасно милая. Она такъ много помогала мнѣ...

— Помогала *тебѣ!* На другой же день, какъ она пріѣхала, она забрала все въ свои руки и ты очутилась у нея помощницей. Она командуетъ тобою почти такъ же, какъ ты командуешь мною.

— Она нисколько не командуетъ и за это-то я и люблю ее. Она очень хорошій человѣкъ,—такая же честная и прямая, какъ ея братъ.

— По моему, она выше своего брата. Тотъ всегда со всякимъ пустякомъ приходитъ за приказаніями. Но онъ тоже славный малый. Признаюсь, я питаю нѣкоторую слабость къ Вильямъ; и если бы у меня была дочь...

На этомъ разговоръ оборвался. Далеко въ Дерожатѣ была могила ребенка, умершаго болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, и ни Джимъ, ни его жена никогда не говорили о своей покойной дѣвочкѣ.

Прежде чѣмъ померкли звѣзды, Скотъ, спавшій въ телѣгѣ, проснулся и молча приступилъ къ доенію козъ. Было еще такъ рано, что ему не хотѣлось будить Фецъ-Уллаха и переводчика. Онъ былъ такъ поглощенъ работой, что не слышалъ приближенія Вильямъ и внезапно увидѣлъ ее возлѣ себя, въ ея старой амазонкѣ, съ заспанными глазами. Она держала въ рукахъ чашку чая и гренки. На землѣ около телѣгъ пищалъ грудной ребенокъ, и маленькій шестилѣтній мальчуганъ выглядывалъ изъ-за плеча Скота.

— Тише ты, пострѣленокъ,—говорилъ Скотъ, обращаясь къ мальчику.—Сейчасъ получишь ѣсть.

Вильямъ умѣлою рукою подняла ребенка и принялась поить его молокомъ.

— Здравствуйте,—привѣтствовалъ ее Скотъ.—Вы не можете себѣ представить, до чего эти пискуны бываютъ несносны.

— О, прекрасно могу.—Она говорила шопотомъ, потому что кругомъ всѣ спали.—Только я кормлю ихъ съ ложки или устраиваю нѣчто въ родѣ соски. Ваши гораздо толще моихъ. И вы продѣлывали это каждый день по два раза?

Голосъ ея почти замеръ.

— Да. Это было страшно нелѣпо. Попробуйте вы теперь,—сказалъ онъ, уступая свое мѣсто молодой дѣвушкѣ.—Начинайте смѣлѣе. Коза вѣдь не корова.

Коза сначала не давалась, почуявъ неопытную руку, но потомъ все обошлось благополучно. Вильямъ успѣла уже покормить троихъ ребятъ.

— Видите, какъ эти маленькіе негодяи славно пьютъ,—съ гордостью говорилъ Скотъ.—Я ихъ вымуштровалъ.

Оба были очень заняты и увлечены своимъ дѣломъ, и не успѣли оглянуться, какъ уже насталъ день; всѣ обитатели увидѣли ихъ на колѣняхъ около козъ, съ раскраснѣвшимися лицами, хотя то, что они говорили между собой, могло-бы быть повторено передъ цѣлымъ свѣтомъ.

— Какая досада, — говорила Вильямъ, поднимая съ земли чашку съ чаемъ и гренки. — Я велѣла приготовить для васъ чай, а онъ теперь сталъ холоднымъ, какъ камень. Я думала, что такъ рано еще нельзя будетъ получить. Лучше не пейте его: онъ совсѣмъ простылъ.

— Вы ужасно добры. Чай очень хорошъ. Право, вы ужасно добры. Я оставлю на ваше попеченіе своихъ ребятъ и козъ, и, конечно, каждая женщина здѣсь можетъ выучить васъ доенью

— Конечно,—сказала Вильямъ. Она сразу порозовѣла и похорошѣла за это утро.

Когда дѣти увидѣли, что Скотъ уѣзжаетъ, они подняли страшный ревъ. Скотъ не зналъ, что ему дѣлать, и краснѣлъ отъ стыда, потому что Гаукинсъ уже началъ обнаруживать нетерпѣнье, поворачиваясь на своемъ сѣдлѣ.

Одинъ маленькій мальчикъ вырвался изъ рукъ м-съ Джимъ, быстро какъ кроликъ, подбѣжалъ къ Скоту и прильнулъ къ его сапогу. Вильямъ бѣжала за нимъ въ догонку.

— Я не уйду, не уйду, — кричалъ мальчикъ, прижимаясь къ Скоту:—они меня здѣсь убьютъ. Я не знаю этихъ людей.

— Слушай меня,—убѣждалъ его Скотъ на ломанномъ тамильскомъ языкѣ,—я тебѣ говорю: она тебѣ не сдѣлаетъ зла. Иди съ ней, она будетъ кормить тебя.

— Пойдемъ со мной,—безпомощно говорила Вильямъ, но мальчикъ и слушать не хотѣлъ.

— Уходите,—быстро сказалъ ей Скотъ.—Я сейчасъ пришлю къ вамъ этого пострѣленка.

Его авторитетный тонъ оказалъ свое дѣйствіе, но довольно неожиданнымъ образомъ. Мальчикъ отпустилъ его ногу и проговорилъ серьезно: «Я не зналъ, что эта женщина—твоя. Я пойду съ ней».

Произошло общее смятеніе. Полицейскіе не могли удержаться отъ смѣха, а Скотъ, весь вспыхнувъ, быстро началъ отдавать приказанія возчикамъ.

Когда черезъ десять дней къ Гаукинсу пріѣхалъ Мартинъ и Вильямъ разсказала ему о подвигахъ Скота, тотъ покатился со смѣха и сказалъ: «Ну, конченное дѣло. Теперь онъ до конца дней своихъ будетъ Бакри-Скотомъ! (Бакри на сѣверномъ индійскомъ нарѣчіи значитъ коза). Я бы отдалъ свое мѣсячное жалованье, чтобы посмотрѣть, какъ онъ нянчился со своими козами. Я поилъ дѣтей рисовой водой, [illegible] меня все шло прекрасно».

— Это просто отвратительно,—сказала его сестра, и глаза ея за[illegible]жали.—Человѣкъ дѣлаетъ нѣчто... нѣчто такое, а вы всѣ думаете [illegible]ко о томъ, чтобы дать ему какое-нибудь глупое прозвище и вы[illegible]ывать его.

— Ужъ кому бы говорить объ этомъ, да не тебѣ, Вильямъ. Ты [illegible] всѣмъ давала прозвища. Какъ же онъ теперь выглядитъ?

— Очень хорошо,—отвѣчала Вильямъ сухо.

Когда Мартинъ вернулся на свою службу по желѣзной дорогѣ, онъ сообщилъ придуманное имъ прозвище сослуживцамъ, и оно распространилось по всей линіи и дошло до Скота, когда онъ пріѣзжалъ со своими телѣгами, нагруженными хлѣбомъ. Туземцы принимали это прозвище за какой нибудь англійскій почетный титулъ и возчики хлѣба въ простотѣ душевной величали такимъ образомъ Скота, до тѣхъ поръ, пока Фецъ-Уллахъ не отколотилъ ихъ за это. Для доенія козъ у Скота теперь оставалось мало времени, но Джимъ примѣнилъ его планъ на всѣхъ продовольственныхъ пунктахъ, гдѣ цѣлыя стада козъ откармливались ненужными хлѣбными зернами. Хлѣба теперь пришло достаточно, чтобы прокормить всѣхъ; нужно было только какъ можно быстрѣе распредѣлять его; а для этой цѣли трудно было сыскать болѣе подходящаго человѣка, чѣмъ Скотъ, который никогда не терялъ самообладанія, никогда не давалъ ненужныхъ приказаній и въ точности исполнялъ приказанія свыше. Не теряя времени, онъ носился отъ одного продовольственнаго пункта къ другому, доставлялъ рисъ и ночью отправлялся дальше, къ слѣдующему продовольственному пункту, гдѣ его ожидала телеграмма отъ Гаукинса съ неизмѣнными словами: «Продолжайте то же самое». И онъ неуклонно продолжалъ разъѣзжать по всѣмъ пунктамъ въ то время, какъ Джимъ за пятьдесятъ верстъ отъ него отмѣчалъ на большой картѣ движеніе его телѣгъ, колесившихъ по голодающимъ селеніямъ.

— Я говорилъ тебѣ, что онъ будетъ работать,—заявлялъ Джимми своей женѣ, по прошествіи шести недѣль.—Посмотри, Лиззи, вотъ сколько онъ надѣлалъ за одну недѣлю: 40 миль, пройденныхъ за два дня съ двѣнадцатью телѣгами; два дня остановки, чтобы построить баракъ для молодого Роджерса (этотъ идіотъ, Роджерсъ, могъ бы и самъ его построить). Потомъ 40 миль обратно, на пути нагрузка шести телѣгъ и раздача хлѣба, которая заняла все воскресеніе. Вечеромъ онъ пишетъ мнѣ оффиціальный отчетъ въ 20 страницъ, въ которомъ сообщаетъ, что мѣстное населеніе съ успѣхомъ могло бы взяться за «общественныя работы», и что онъ уже заставилъ ихъ поправить какой-то старый резервуаръ, чтобы обезпечить снабженіе водой во время дождей. Онъ думаетъ, что за одну недѣлю они смогутъ смастерить плотину. Посмотрите на эти рисунки—неправда ли, какъ они хороши и отчетливы? Я зналъ, что онъ молодецъ, но долженъ сказать, что онъ превзошелъ мои ожиданія.

— Я должна показать это письмо Вильямъ,—сказала м-съ Джимъ.— Дѣвочка совсѣмъ извелась съ этими ребятишками.

— Не болѣе, чѣмъ ты, дорогая. Я очень сожалѣю, что не въ моей власти представить васъ обѣихъ къ ордену.

Эту ночь Вильямъ долго сидѣла въ своей палаткѣ, читая страницу за страницей оффиціальнаго отчета и разглядывая рисунки предполагаемыхъ усовершенствованій въ резервуарѣ.

— И онъ находитъ еще время на все это,—говорила она себѣ.— А я... ну что жъ, я тоже работала, я спасла жизнь одного или двухъ бэби.

Вскорѣ Скотъ былъ переведенъ въ новый округъ, и м-съ Джимъ, говоря объ этомъ съ Вильямъ, замѣтила:

— Когда онъ поѣдетъ въ Канду, онъ будетъ проѣзжать въ пяти миляхъ отъ насъ. Навѣрное, онъ тогда заѣдетъ.

— О нѣтъ, я увѣрена, что онъ этого не сдѣлаетъ,—отвѣчала Вильямъ.

— Почему вы думаете, дорогая?

— Это отвлечетъ его отъ работы. У него не будетъ времени.

— Онъ пріѣдетъ,—сказала м-съ Джимъ, подмигнувъ мужу.

— Это всецѣло зависитъ отъ него,—вставилъ свое слово Джимъ.— Если онъ найдетъ это удобнымъ, то нѣтъ рѣшительно никакой причины, почему бы ему этого не сдѣлать.

— Онъ не пріѣдетъ,—спокойно повторила Вильямъ.

— Это было бы совсѣмъ на него не похоже.

Предсказаніе ея сбылось: Скотъ не заѣхалъ.

Наконецъ, выпали дожди—запоздавшіе, но сильные. Высохшая земля превратилась въ красную грязь; дороги размыло и никто не могъ двинуться съ мѣста, кромѣ самого Гаукинса, который, не взирая на бездорожье, сѣлъ на лошадь и отправился въ путь, радуясь дождямъ. Теперь нужно было раздавать населенію сѣмена для посѣва и деньги для покупки воловъ. Бѣлымъ людямъ приходилось работать вдвойнѣ; Вильямъ, перескакивая съ камня на камень по грязной дорогѣ, ходила лѣчить своихъ питомцевъ, растирала имъ животики и давала согрѣвающее питье. Козы бродили кругомъ и подъѣдали молодую травку. Отъ Скота не было никакихъ извѣстій, кромѣ правильныхъ телеграфическихъ сношеній съ Гаукинсомъ. Первобытныя деревенскія дороги совсѣмъ исчезли; возчики его начинали бунтоваться; одинъ изъ полицейскихъ отряда Мартина умеръ отъ холеры, а Скотъ принималъ по 30 гранъ хины, чтобы предохранить себя отъ лихорадки, которая является вслѣдствіе тяжелой работы во время дождей. Но обо всемъ этомъ онъ не считалъ нужнымъ сообщать Гаукинсу. Онъ попрежнему работалъ надъ развозкой хлѣба отъ желѣзной дороги по округу въ 15 миль радіуса; и такъ какъ перевозить полныя телѣги теперь было немыслимо, онъ перевозилъ ихъ въ четыре раза и, слѣдовательно, работалъ вчетверо больше, потому что боялся эпидеміи и не хотѣлъ допускать скопленія нѣсколькихъ тысячъ людей на одномъ продовольственномъ пунктѣ. Лучше было брать буйволовъ, заставлять ихъ идти до полнаго изнеможенія и затѣмъ оставлять ихъ на дорогѣ на съѣденіе воронамъ

Въ головѣ у Скота стоялъ непрерывный звонъ отъ огромныхъ порцій хины и ему часто казалось, что земля колышется подъ ногами, но онъ не падалъ духомъ. Если Гаукинсъ рѣшилъ сдѣлать изъ него простого возчика хлѣба, то это уже было дѣло Гаукинса. Онъ зналъ,

что на Сѣверѣ найдутся люди, которые скажутъ, что напрасно онъ такъ надрывался, и что, въ сущности, никакой особенной пользы онъ не принесъ; но высоко надъ всѣми ими, въ самомъ пылу борьбы стояла Вильямъ, которая одобряла его, потому что она понимала. Онъ такъ дисциплинировалъ себя, что механически исполнялъ всю ежедневную рутину, хотя его собственный голосъ уже казался ему страннымъ и руки дрожали, когда онъ писалъ свои донесенія Гаукинсу. Наконецъ, съ величайшимъ трудомъ онъ добрался до телеграфа и сталъ телеграфировать Гаукинсу, что, по его мнѣнію, округъ Канда теперь обезпеченъ продовольствіемъ, и что онъ ждетъ его дальнѣйшихъ распоряженій. Написавши телеграмму, онъ къ великому удивленію мадрасскаго телеграфнаго чиновника, упалъ въ обморокъ.

Скотъ уже нѣсколько дней лежалъ въ лихорадкѣ, когда къ нему заглянулъ Гаукинсъ. Больной узналъ его.

— Въ округѣ все обстоитъ благополучно,— заговорилъ онъ слабымъ голосомъ.—Вы получили мою телеграмму? черезъ недѣлю я буду здоровъ. Не понимаю, съ чего это со мной случилось. Черезъ недѣлю все пройдетъ.

— Вы поѣдете теперь къ намъ,—сказалъ Гаукинсъ.

— А какъ-же здѣсь...

— Здѣсь все кончается. Мартинъ вернется домой черезъ недѣлю. Другіе уже вернулись. Долженъ сказать, что Виль... я хочу сказать миссъ Мартинъ, отлично работала.

— Какъ она поживаетъ?—спросилъ Скотъ почти шепотомъ.

— Она была страшно занята, когда я уѣзжалъ. Католическая миссія беретъ на себя покинутыхъ дѣтей и будетъ воспитывать изъ нихъ священниковъ; Базильская миссія тоже беретъ нѣсколькихъ, а большая часть возвращается къ матерямъ. Вы бы слышали, какой вой подняли эти малыши, когда ихъ отбирали отъ Вильямъ. Она немного устала за это время, какъ впрочемъ и всѣ мы. Ну-съ, какъ вы думаете, когда вамъ можно ѣхать?

— Я не могу ѣхать къ вамъ въ такомъ видѣ. Я ни за что не поѣду,—отвѣчалъ Скотъ рѣшительно.

— По правдѣ сказать, видъ у васъ довольно не блестящій, но я имѣю нѣкоторыя основанія думать, что тамъ вамъ будутъ рады во всякомъ видѣ. Если хотите, впрочемъ, то я дня два останусь здѣсь и посмотрю, что вы тутъ сдѣлали, пока вы немного оправитесь.

Черезъ нѣсколько дней они ѣхали обратно по желѣзной дорогѣ, но поѣздъ уже не осаждался болѣе толпами голодныхъ людей, не видно было костровъ, временныя постройки пустовали.

— Съѣздите теперь къ моей женѣ,—сказалъ Джимъ, когда они подъѣхали къ станціи.— Вамъ тамъ приготовили палатку. Обѣдъ будетъ въ семь часовъ Тогда мы съ вами увидимся.

Подъѣзжая къ пункту, Скотъ увидѣлъ Вильямъ въ своей неизмѣнной коричневой коленкоровой амозонкѣ. Она сидѣла около обѣденной.

палатки, блѣдная и худая, съ гладко зачесанными волосами. М-съ Джимъ не было видно, и все, что Вильямъ могла выговорить, было:

— Боже, на что вы стали похожи!

— У меня была лихорадка. Вы тоже тоже не особенно хорошо выглядите.

— О, я совсѣмъ здорова. Мы покончили свои дѣла и пристроили дѣтей. Вы, вѣроятно, знаете?

Скотъ кивнулъ головой.

— Мы всѣ вернемся черезъ нѣсколько недѣль. Гаукинсъ сказалъ мнѣ.

— До Рождества, говоритъ м-съ Джимъ. Неправда ли, какъ хорошо будетъ вернуться домой? Я ужъ отсюда слышу запахъ лѣса,—Вильямъ вздохнула. — Мы пріѣдемъ какъ разъ во время, чтобы сдѣлать всѣ рождественскія приготовленія.

— Какъ все это кажется далеко—домъ, и рождество, и проч. Вы довольны, что пріѣхали сюда?

— Теперь, когда все прошло, да. Но здѣсь было страшно тяжело. Знаете, намъ приходилось смотрѣть на всѣ эти ужасы, и ничего не дѣлать, а сэръ Джимъ почти все время былъ въ разъѣздахъ.

— Ничего не дѣлать! А какъ у васъ шло дѣло съ доеніемъ?

— Я справлялась кое-какъ, послѣ того, какъ вы научили меня.

Разговоръ оборвался. М-съ Джимъ все еще не показывалась.

— Между прочимъ, я только сейчасъ вспомнила, что должна вамъ 50 рупій за сгущенное молоко. Я думала, что, можетъ быть, вы заѣдете сюда по дорогѣ въ Канду и собиралась тогда расплатиться съ вами, но вы не заѣхали.

— Я проѣхалъ почти въ пяти миляхъ отъ вашего пункта. Это было на полъ-пути и телѣги ежеминутно останавливались, я еле справился съ ними къ 10 часамъ вечера. Но мнѣ страшно хотѣлось заѣхать. Вѣдь вы знали, какъ мнѣ этого хотѣлось?

— Знала,—сказала Вильямъ, взглядывая на него изъ подлобья. Блѣдность ея исчезла.

— Вы поняли?

— Почему вы не заѣхали? Конечно, поняла.

— Почему-же?

— Конечно, потому что вы не могли. Я это знала.

— А вамъ было жаль?

— Если бы вы заѣхали—я знала, что вы не заѣдете,—но еслибы вы всетаки заѣхали, я была-бы очень рада. Вѣдь вы тоже знали, что я была бы рада.

— Благодарю Бога, что я этого не зналъ. Но мнѣ такъ хотѣлось заѣхать! Я не могъ оставить телѣги, иначе онѣ бы страшно запоздали.

— Я знала, что вы не оставите своего дѣла,— сказала Вильямъ спокойно.—Вотъ ваши 50 рупій.

Скотъ наклонился и поцѣловалъ руку, передававшую ему засаленные

кредитные билеты. Вильямъ смущенно погладила другой рукой его волосы.

— И вѣдь вы тоже знали, правда?—спросила она новымъ голосомъ.

— Клянусь вамъ честью, я не зналъ. Я не смѣлъ даже подозрѣвать, исключая... скажите мнѣ, вы никуда не ѣздили верхомъ въ тотъ день, когда я ѣхалъ въ Канду?

Вильямъ съ улыбкой кивнула головой.

— Значитъ, я видѣлъ клочокъ вашей амазонки на...

— Въ пальмовой рощѣ на южной дорогѣ? Я видѣла кончикъ вашей шапки, когда вы проѣзжали мимо храма—и убѣдилась, что, значитъ, вы здоровы.

На этотъ разъ Скотъ уже не поцѣловалъ ея руки, а обнялъ ее, и когда она убѣжала въ свою палатку, онъ остался одинъ и на лицѣ его появилась широкая, идіотическая улыбка. Но когда Фецъ-Улахъ принесъ ему напиться, руки его такъ дрожали, что онъ чуть было не расплескалъ всего стакана «виски съ содой». Бываютъ разнаго рода лихорадки.

Но еще гораздо труднѣе было поддерживать натянутый, ежеминутно прерывающійся разговоръ за обѣдомъ до тѣхъ поръ, пока прислуга не удалилась. Тогда м-съ Джимъ, которая готова была расплакаться уже за супомъ, поцѣловала Скота и Вильямъ, и въ честь жениха и невѣсты была выпита бутылка шампанскаго,—теплаго, потому что негдѣ было достать льду, а потомъ они вдвоемъ сидѣли на воздухѣ передъ палаткой и смотрѣли на звѣзды.

Когда м-съ Джимъ поздравляла ее, Вильямъ заявила:

— Быть женихомъ и невѣстой — ужасно несносно, потому что не имѣешь опредѣленнаго положенія. Я очень рада, что намъ еще осталось столько дѣла.

— Столько дѣла!—замѣтилъ Джимъ, когда эти слова были ему переданы.—Теперь оба они уже ни на что больше не годятся. Я не могу добиться отъ Скота пяти часовъ работы въ день. Онъ все время въ облакахъ.

— Но на нихъ такъ пріятно смотрѣть, Джимъ. Я просто не могу подумать о томъ, что придется съ ними разстаться. Неужели ты ничего не можешь для него сдѣлать?

— Я постарался дать понять правительству, что онъ одинъ вынесъ на своихъ плечахъ почти всю работу. Но онъ-то стремится только къ тому, чтобы быть назначеннымъ на Люнійскій каналъ, и Вильямъ мечтаетъ о томъ же. Слышала ты, какъ они разговариваютъ о доковыхъ воротахъ, о выпускныхъ трубахъ и пр. Вѣроятно, это его манера ухаживанья.

— Это только въ промежуткахъ,—сказала м-съ Джимъ, улыбаясь.— Дай имъ Богъ счастія.

Л. Давыдова.

ВЬЮГА.

Стонетъ и мечется вьюга,
Темная ночь холодна.
Сжавъ на груди своей руки,
Молча стою у окна.

Теплится кротко лампада,
Въ комнатѣ сумракъ нѣмой...
Этой угрюмою ночью
Что-то творится со мной.

Слышу я чьи-то рыданья,
Кто-то мнѣ шепчетъ укоръ,
Чей-то горитъ предо мною
Нѣжный и ласковый взоръ.

Эти рыданья я слышалъ
Часто въ отчизнѣ своей
Средь городовъ и селеній,
Средь позабытыхъ полей.

Знаю укоръ этотъ жгучій,—
Много загублено силъ.
Помню я взоръ этотъ нѣжный,—
Долго его я любилъ.

Ночь и зловѣщая вьюга
Душу терзаютъ мою.
Я у окна молчаливо
Съ грустною думой стою.

С. Яхонтовъ.

КАИНЪ И АРТЕМЪ.

Каинъ былъ маленькій, юркій еврей, съ острой головой, съ желтымъ худымъ лицомъ; на скулахъ и подбородкѣ у него росли кустики рыжихъ жесткихъ волосъ и лицо смотрѣло изъ нихъ точно изъ старой, растрепанной плюшевой рамки, верхней частью которой служилъ козырекъ грязнаго картуза.

Изъ-подъ козырька и рыжихъ, точно выщипанныхъ, бровей—сверкали маленькіе сѣрые глазки. Они очень рѣдко останавливались по-долгу на одномъ предметѣ, но всегда быстро бѣгали изъ стороны въ сторону и всюду сѣяли улыбки—робкія, заискивающія, льстивыя.

Каждый, кто видѣлъ эти улыбки,—сразу понималъ, что основное чувство человѣка, который такъ улыбается — боязнь за все и предъ всѣми, боязнь, черезъ секунду готовая повыситься до ужаса. И поэтому каждый, если ему было не лѣнь, усиливалъ злыми насмѣшками и щелчками это всегда напряженное чувство еврея, пропитавшее собою не только его нервы, но, казалось, и складки парусиновой одежды, которая, облекая отъ плечъ до пятъ его костлявое тѣло, тоже вѣчно трепетала.

Имя еврея было Хаимъ Ааронъ Пурвицъ, но его звали Каинъ. Это проще, чѣмъ Хаимъ, это имя болѣе знакомо людямъ и въ немъ есть много оскорбительнаго. Хотя оно и не шло къ маленькой, испуганной и слабосильной фигуркѣ, но всѣмъ казалось, что оно вполнѣ точно рисуетъ тѣло и душу еврея и въ тоже время обижаетъ его.

Онъ жилъ среди людей, обиженныхъ судьбой, а для нихъ всегда пріятно обидѣть ближняго, и они умѣютъ дѣлать это, ибо пока только такъ они могутъ мстить за себя. А обижать Каина было легко; когда надъ нимъ издѣвались, онъ только виновато улыбался, а порой даже самъ помогалъ смѣяться надъ собой, какъ бы платя впередъ своимъ обидчикамъ за право существовать среди нихъ.

Жилъ онъ торговлей, конечно. Онъ ходилъ по улицамъ съ деревяннымъ ящикомъ на груди и сладенькимъ, тонкимъ голосомъ кричалъ:

— Вак—ша! Спичкэ! Булавкэ! Шпилькэ! Голантегейнаго товаг—у. Разный мьелкій товаг—у.

Еще одна характерная черта — уши у него были большія, оттопыренныя и они постоянно прядали, какъ у пугливой лошади.

Торговалъ онъ на Шиханѣ, въ мѣстности, гдѣ отложилась городская голь и рвань—разные „забракованные люди". Шиханъ представляетъ собою узкую улицу, застроенную старыми, угрюмыми, высокими домами; въ нихъ помѣщались ночлежки, трактиры, хлѣбопекарни, лавки съ бакалеей, старымъ желѣзомъ и разной рухлядью — ихъ населяли воры и пріемщики краденаго, мелкіе торгаши и торговки съѣстнымъ. Въ этой улицѣ всегда было много тѣни отъ высокихъ домовъ, много грязи и пьяныхъ; лѣтомъ въ ней всегда стоялъ густой запахъ гніенія и перегорѣлой водки. Солнце, точно боясь осквернить свои лучи ея грязью, только раннимъ утромъ осторожно и не надолго заглядывало въ эту улицу.

Она расположилась по склону горы, недалеко отъ берега большой рѣки, и постоянно была полна судорабочими, матросами съ пароходовъ, крючниками. Они тутъ пьянствовали и наслаждались по своему, и тутъ же, въ укромныхъ уголкахъ, воры дожидались ихъ опьяненія. Около тротуаровъ улицы стояли корчаги торговокъ пельменями, лотки пирожниковъ и торговцевъ печенкой. Толпы рабочаго люда съ рѣки жадно пожирали горячую пищу, пьяные дико пѣли пѣсни и ругались, продавцы звонко зазывали покупателей, хваля свои товары; грохотали телѣги, съ трудомъ пробираясь сквозь группы людей, толпившихся въ улицѣ, покупающихъ или продающихъ, въ ожиданіи работы или удачи. Хаосъ звуковъ вихремъ носился въ узкой, какъ стоячая канава, улицѣ, разбиваясь о грязныя стѣны ея зданій, словно изъязвленныя, потому что штукатурка ихъ выкрошилась, покрытая пятнами плѣсени.

Въ этой канавѣ, полной кипящей грязи, полной оглушающаго шума и циничныхъ рѣчей, всегда шныряли и возились дѣти,— дѣти всѣхъ возрастовъ, но одинаково грязныя, голодныя и развращенныя. Они бѣгали тутъ съ утра до вечера, существуя насчетъ доброты торговокъ и ловкости своихъ маленькихъ рукъ, а ночью спали гдѣ-нибудь въ сторонѣ—подъ воротами, подъ ларемъ пирожника, въ углубленіи подвальнаго окна. Съ разсвѣтомъ эти тощія жертвы рахитизма и скрофулеза уже были на ногахъ, чтобы снова воровать вкусные и цѣнные куски пищи и выпрашивать негодные для продажи. Чьи это были дѣти? Всѣхъ... Вотъ въ этой улицѣ изо дня въ день и бродилъ Каинъ, выкрикивая свои товары и продавая ихъ женщинамъ улицы. Онѣ занимали у него на нѣсколько часовъ двугривенный съ обязательствомъ уплатить двадцать двѣ копѣйки и всегда аккуратно платили.

Вообще, у Каина были въ улицѣ большія дѣла: онъ покупалъ у загулявшихъ рабочихъ рубахи, картузы, сапоги и гармоніи, у женщинъ—юбки, кофты, грошевыя украшенія, потомъ промѣнивалъ эти вещи или продавалъ ихъ съ гривенникомъ барыша. И ежечасно подвергался насмѣшкамъ, побоямъ, а иногда его даже обирали. Онъ не жаловался на все это, а лишь улыбался своими трагически кроткими улыбками.

Бывало, захваченный въ одномъ изъ темныхъ угловъ улицы двумя-тремя молодцами, доведенными голодомъ или похмѣльемъ до готовности хоть на убійство, еврей, сбитый на землю кулакомъ или ужасомъ, сидѣлъ у ногъ своихъ грабителей и, трепещущій, судорожно роясь въ карманахъ, умолялъ ихъ:

— Господа-а! Добрые господа! Не берите всѣхъ... Какъ буду торговать?

И худое лицо его все дрожало отъ безчисленныхъ улыбокъ.

— Ну, не пищи! Давай только тридцать копѣекъ... Эти добрые господа хорошо понимали, что не слѣдуетъ вырывать у коровы все вымя для того, чтобъ достать молока. .

Случалось, онъ вставалъ съ земли и шелъ рядомъ съ ними по улицѣ, балагуря и улыбаясь, они тоже снисходительно разговаривали и посмѣивались надъ нимъ и всѣ держали себя просто и открыто. Каинъ же послѣ такого событія казался еще болѣе худымъ и—только.

Съ кагаломъ, онъ должно, быть жилъ не въ ладу. Очень рѣдко видѣли его рядомъ съ единовѣрцемъ и всегда было замѣтно, что единовѣрецъ относится къ Каину свысока и презрительно. Былъ въ улицѣ слухъ, будто бы на Каина наложенъ „херемъ“ и одно время уличныя торговки называли его проклятымъ...

Едва ли это было вѣрно, хотя за Каиномъ и водились несомнѣнные признаки еретичества—онъ не соблюдалъ субботъ и употреблялъ въ пищу „кошерное“ мясо. Къ нему приставали, прося и требуя объяснить, какъ онъ смѣлъ ѣсть то, что запрещено его вѣрой?—Онъ сжимался въ комокъ, улыбался и отшучивался или убѣгалъ, никогда ничего не разсказывая о вѣрѣ и обычаяхъ евреевъ.

Даже несчастныя дѣтишки этой улицы преслѣдовали его, бросая ему въ ящикъ и спину комья грязи, корки арбузовъ и всякую дрянь. Онъ старался остановить ихъ ласковыми словами, но чаще убѣгалъ отъ нихъ въ толпу, куда они не шли за нимъ, боясь, что тамъ ихъ растопчутъ.

Такъ день за днемъ жилъ Каинъ, всѣмъ знакомый и всѣми гонимый, — онъ торговалъ, дрожалъ отъ страха и улыбался, и вотъ однажды судьба тоже улыбнулась ему...

* * *

Въ каждомъ уголкѣ жизни есть свой деспотъ. На Шиханѣ эту роль игралъ красавецъ Артемъ, колоссальный дѣтина съ правильно-круглой головой въ густой шапкѣ кудрявыхъ черныхъ волосъ. Эти мягкіе волосы причудливыми кольцами сыпались ему на лобъ, спускаясь до прелестныхъ бархатныхъ бровей и огромныхъ карихъ глазъ, продолговатыхъ и всегда подернутыхъ какой-то маслянистой влагой. Носъ у него былъ прямой, антично-правильный, губы красныя, сочныя, прикрытыя большими черными усами,—все его круглое, чистое и смугловатое лицо было на диво правильное и просто красиво, а эти глаза, подернутые туманомъ, очень шли къ нему, какъ бы дополняя и объясняя его красоту. Широкогрудый, высокій и стройный, всегда съ безсознательно довольной улыбкой на губахъ, онъ былъ на Шиханѣ грозой мужчинъ и радостью женщинъ. Большую часть дня онъ проводилъ лежа гдѣ-нибудь на солнечномъ припекѣ, массивный, лѣнивый, впивающій воздухъ и солнечный свѣтъ медленными вздохами, отъ которыхъ его могучая грудь вздымалась высоко и ровно.

Ему было лѣтъ двадцать пять. Года три тому назадъ онъ явился въ городъ съ артелью крючниковъ—промзинцевъ *) и послѣ навигаціи остался зимовать, понявъ, что можетъ и не работая пріятно жить на средства своей силы и красоты. И вотъ съ той поры онъ превратился изъ деревенскаго парня и крючника въ любимца торговокъ пельменями, лавочницъ—и иныхъ женщинъ Шихана. Этотъ родъ занятій позволялъ ему имѣть пищу, водку и табакъ всегда, когда онъ желалъ, больше онъ ничего не умѣлъ желать и такъ жилъ.

Женщины ругались изъ за него, дрались, на замужнихъ сплетничали мужьямъ, мужья и возлюбленные жестоко били ихъ,—Артемъ былъ равнодушенъ ко всему этому, онъ грѣлся на солнцѣ, потягиваясь, какъ котъ, и ждалъ, когда въ немъ зародится одно изъ немногихъ доступныхъ ему желаній.

Обыкновенно онъ лежалъ на горѣ, въ которую упиралась улица. Тутъ прямо предъ собой онъ видѣлъ рѣку, за ней, вплоть до горизонта, широко разстилались луга, кое-гдѣ на ихъ ровномъ зеленомъ коврѣ лежали сѣрыя пятна—это деревни. Тамъ—всегда тихо, ясно, зелено... А повернувъ голову влѣво, онъ видѣлъ свою улицу отъ начала до конца, въ ней кипѣла шумная жизнь; всматриваясь въ ея темную суету, онъ различалъ фигуры знакомыхъ людей, слышалъ голодный ревъ улицы и, можетъ быть, думалъ о чемъ-нибудь. Вокругъ него, по горѣ, росъ густой бурьянъ, торчали одиноко чахлыя березы, обломанные кусты бузины,—тутъ

---

*) Промзино село Симбирской губ., откуда выходятъ на Волгу лучшіе, т. е. льнѣйшіе крючники.

золоторотцы переживали похмѣлье и играли въ карты, чинили платье или отдыхали отъ работы и дракъ.

Среди нихъ Артемъ былъ на дурномъ счету. Онъ былъ неодолимо силенъ и часто озорничалъ, а потомъ очень ужъ легко онъ добывалъ свой хлѣбъ. Это возбуждало зависть; и къ тому же онъ рѣдко дѣлился съ кѣмъ либо своей добычей. Вообще, товарищескія чувства въ немъ были не развиты и онъ не тяготѣлъ къ общенію съ людьми. Если къ нему приходили и начинали говорить съ нимъ, онъ отвѣчалъ охотно, но самъ не начиналъ разговора; если у него просили денегъ на похмѣлье—онъ давалъ, но по собственному почину никогда не угощалъ знакомыхъ. А среди нихъ вошло въ обычай каждую добытую копѣйку пропивать и проѣдать въ компаніи.

Сюда, въ кусты, къ Артему являлись посланники любви—въ видѣ оборванной и чумазой дѣвочки изъ улицы или такого же чумазаго мальчика. Это очень юные люди, лѣтъ семи-восьми, рѣдко десяти, но они всегда проникнуты сознаніемъ глубокой важности возложеннаго на нихъ порученія, говорятъ они въ полголоса и всегда на ихъ рожицахъ мина таинственности...

— Дяденька Артемъ, тетка Марья велѣла тебѣ сказать, что мужъ-то у нея уѣхалъ, такъ чтобы ты сегодня нанялъ лодку, да въ луга бы съ ней поѣхалъ...

— Та-акъ,—лѣниво тянетъ Артемъ и его прекрасные глаза мутно улыбаются.

— Непремѣнно, чтобы...

— Могу... А... вотъ что... это—какая она, тетка-то Марья?

— Лавочница, чай,—укоризненно говоритъ посланецъ.

— Лавошница... н-да? Это—которая рядомъ съ желѣзной лавкой?

— Чай рядомъ-то съ желѣзной лавкой Анисья Николавна.., что ужъ!

— Ну-ну, я, братъ, вѣдь знаю... Я вѣдь это такъ... Для шутки говорю!.. будто позабылъ... а вѣдь я Марью знаю.

Но посланецъ не увѣренъ въ этомъ: онъ хочетъ хорошо исполнить свое порученіе и настоятельно объясняетъ Артему:

— Марья—это которая маленькая, румяная, рядомъ съ рыбой...

— Ну-ну!.. которая рядомъ съ рыбой. Вотъ! Чудашка ты!.. вѣдь я развѣ спутаю? Ладно, скажи ей, Марьѣ—ѣду. Ѣдетъ молъ. Иди!

Тогда посланецъ корчитъ сладчайшую рожу и тянетъ:

— Дяденька Артемъ, дай копѣечку!

— Копѣечку? А коли нѣту ея?—говоритъ Артемъ, засовывая обѣ руки разомъ въ карманы своихъ шароваровъ. И всегда на-

ходитъ какую-нибудь монету. Радостно усмѣхаясь, посланецъ мчится возвѣстить влюбленной печеночницѣ объ исполненномъ порученіи и съ нея тоже получить награду. Онъ знаетъ цѣну денегъ и нуждается въ нихъ не только потому, что голоденъ, но и потому, что онъ куритъ папиросы, пьетъ водку и имѣетъ свои маленькія сердечныя дѣла. На другой день послѣ такой сценки Артемъ еще болѣе чѣмъ всегда недоступенъ впечатлѣніямъ бытія и еще болѣе красивъ своей рѣдкой красотой могучаго, но смирнаго животнаго. Такъ тянулось это сытое, почти безсознательное существованіе, спокойное, несмотря на многое множество ревнивцевъ, ревнивицъ и завистниковъ, спокойное потому, что оно охранялось страшной силой Артемова кулака.

Но иногда, въ карихъ глазахъ красавца сгущалось что-то грозное, темное; его бархатныя брови сурово сдвигались и смуглый лобъ разрѣзывала глубокая морщина. Онъ вставалъ и шелъ изъ своего логовища въ улицу и чѣмъ ближе онъ подходилъ къ ея суетѣ, тѣмъ болѣе округлялись зрачки его глазъ и чаще вздрагивали тонкія ноздри. На лѣвомъ плечѣ у него виситъ желтая куртка изъ крестьянскаго сукна, правое покрыто рубахой и сквозь неё видно, какое это могучее плечо. Сапогъ онъ не любилъ и ходилъ всегда въ лаптяхъ; бѣлыя онучи, красиво перекрещенные оборами, рельефно обрисовывали икры его ногъ. Шелъ онъ медленно, какъ большая грозовая туча...

Улица знаетъ его повадки и уже по лицу видитъ, чего ей можно ждать отъ него. Раздается предупреждающій шепотъ:

— Артемъ идетъ!..

И красавцу торопливо очищаютъ дорогу, отодвигая въ сторону лотки съ товарами, котлы и корчаги съ горячимъ, заискивающе улыбаются ему, кланяются... и всѣ его боятся. Онъ же идетъ среди этихъ знаковъ вниманія къ нему и боязни предъ его силой, идетъ угрюмый, молчаливый и уже дико-прекрасный, какъ большой звѣрь.

Вотъ его нога задѣваетъ за лотокъ съ рубцомъ, печенкой, легкимъ и все это летитъ на грязную мостовую. Торговецъ отчаянно вскрикиваетъ и ругается.

— А ты что стоишь на дорогѣ?—спокойно, но зловѣще спрашиваетъ Артемъ.

— Какая тебѣ, быку, тутъ дорога?—воетъ торговецъ.

— А ежели я тутъ хочу идти?

Подъ скулами Артема вздуваются большіе желваки и глаза у него—какъ раскаленные до красна гвозди. Торговецъ видитъ это и бормочетъ:

— Узка тебѣ улица-то...

Артемъ медленно двигается дальше. Торговецъ идетъ въ трак-

тиръ, беретъ тамъ кипятку, моетъ въ немъ свой товаръ и черезъ пять минутъ снова кричитъ на всю улицу:

— Пиченка, лехко, серце, горяче! Матросъ! Иди на починѣ— языкъ за пятакъ отрѣжу! Тетка! Купи горло! Кому нужно сердце горяче? Пичонка, лехко!

Волнуется гулъ голосовъ и тяжелый запахъ гнили, водки, пота, рыбы, дегтя, луку.

Люди расхаживаютъ по мостовой, мѣшая двигаться лошадямъ, кричатъ, торгуются, смѣются. Высоко надъ ними—голубая лента неба, мутная отъ пыли и грязи, поднятой на воздухъ этой улицей, въ которой даже тѣни отъ домовъ кажутся сырыми и пропитанными грязью...

— Голантерейнаго товаг—у! Ниткэ! Иголкэ!—возглашаетъ Каинъ, слѣдя за Артемомъ, страшнымъ для него болѣе чѣмъ для другихъ.

— Пироги со грушей, покупай, да кушай!—звонко заливается молодая пирожница.

— Луку, зеленаго луку-у!.. вторитъ ей другая.

— Ква-асъ! Ква-асъ! сипло квакаетъ низенькій и толстый старикъ съ краснымъ лицомъ, сидя въ тѣни кадки своего товара.

А человѣкъ, извѣстный въ улицѣ подъ страннымъ прозвищемъ Дранаго Жениха, продаетъ какому-то судорабочему грязную, но крѣпкую рубаху со своего плеча и убѣдительно кричитъ ему:

— Ду-убина! Гдѣ ты купишь за двугривенный такую парадную вещь? Вѣдь въ такой рубахѣ—купчиху сватать можно! Съ милліонами—чо-ортъ!

Вдругъ сквозь общій дикій, но гармоничный ревъ и вой прорѣзывается звенящая нота дѣтскаго голоса:

— Подай-те Хри-ста ра-ди копѣ-ечку... си-ро-тѣ оди-нокому... ни отца нѣту, ни матери...

Странно и чуждо всему звучитъ въ этой улицѣ имя Христа.

— Артюша! Поди-ка сюда!—ласково восклицаетъ бойкая солдатка Дарья Громова, торгующая пельменями:—гдѣ ты пропадаешь? что насъ забываешь?

— Много продала?—спокойно спрашиваетъ Артемъ и легкимъ толчкомъ ноги опрокидываетъ ея товаръ. Пельмени желтые и скользкіе ползутъ по камнямъ мостовой и отъ нихъ идетъ паръ, а Дарья, готовая драться, яростно кричитъ:

— Безстыжіе твои зенки! Гра-абитель! Какъ тебя земля-то носитъ, верблюдъ ты астраханскій!

Надъ ней хохочутъ, всѣ знаютъ, что она проститъ это Артему.

А онъ все такъ же медленно двигается дальше, толкая всѣхъ, налѣзая на людей грудью, наступая имъ на ноги. И впереди него быстро, какъ змѣя, ползетъ предостерегающій шепотъ:

— Артемъ идетъ!

Въ этихъ двухъ словахъ даже тотъ, кто впервые слышитъ ихъ, чувствуетъ угрозу себѣ и уступаетъ Артему дорогу, посматривая на мощную фигуру красавца съ любопытствомъ и осторожностью.

Вотъ Артемъ встрѣчаетъ одного изъ знакомыхъ босяковъ. Они здороваются и Артемъ такъ сжимаетъ своей желѣзной лапой руку знакомаго, что тотъ кричитъ отъ боли и ругается. Тогда Артемъ сжимаетъ ему пальцами плечо или какъ-нибудь иначе причиняетъ ему боль и молча, спокойно наблюдаетъ, какъ человѣкъ стонетъ и охаетъ подъ его рукой, задыхается отъ боли и шепчетъ:

— Пусти, палачъ!.. проклятый!..

Но палачъ неумолимъ, какъ судья.

Каинъ тоже не рѣдко попадалъ въ жестокія руки Артема, который игралъ имъ, какъ любопытный ребенокъ букашкой.

Это своеобразное и непонятное поведеніе силача называлось на Шиханѣ „Артюшкинъ выходъ“. Оно создавало ему массу враговъ, но они не могли сломить его чудовищной силы, хотя и пробовали. Такъ однажды подобрались семеро здоровыхъ молодцовъ, одобренные всей улицей, они рѣшили поучить и усмирить Артема. Двое изъ нихъ очень дорого заплатили за эту попытку, остальные отдѣлались легко. Другой разъ лавочники—оскорбленные мужья—порядили знаменитаго городского силача-мясника, не разъ выходившаго побѣдителемъ изъ борьбы съ атлетами-циркистами. Мясникъ взялся за крупное вознагражденіе избить Артема до полусмерти. Ихъ свели и Артемъ, никогда не отказывавшійся драться „по охотѣ“, вышибъ мяснику руку изъ ключницы и ударомъ „подъ душу“ уложилъ его на мѣстѣ безъ сознанія. Эти факты еще выше подняли престижъ Артемовой силы и, конечно, еще болѣе создали ему враговъ.

А онъ по-прежнему продолжалъ свои „выходы“, сокрушая все и всѣхъ на своемъ пути. Какія чувства выражалъ онъ такъ? Быть можетъ, это была месть городу и порядкамъ его жизни со стороны человѣка полей и лѣсовъ, оторвавшагося отъ своей почвы; быть можетъ, онъ смутно чувствовалъ, какъ городъ губитъ его, заражая своимъ ядомъ его тѣло и душу, и, чувствуя это, онъ такъ боролся съ роковой силой, порабощавшей его. Его „выходы“ заканчивались иногда въ участкѣ, гдѣ полиція относилась къ нему лучше, чѣмъ къ другимъ людямъ изъ Шихана, удивляясь его баснословной силѣ, забавляясь ею и зная, что онъ—не воръ и не способенъ быть воромъ—глупъ для этого. Но чаще послѣ „выхода“ Артемъ шелъ въ какой-нибудь притонъ и тамъ его брала на свое попеченіе одна изъ женщинъ, влюбленныхъ въ него. Послѣ своихъ подвиговъ онъ былъ мраченъ и капризенъ, въ глазахъ у него

сгущалось что-то дикое и неподвижностью своей физіономіи онъ походилъ на идіота. Какая-нибудь промасленная до мозга костей торговка, ядреная баба, бальзаковскаго возраста, ухаживала за нимъ съ видомъ собственницы этого звѣря и съ чувствомъ страха предъ нимъ.

— Можетъ пивка заказать еще пару, Артюша? Али наливочки какой? А покушать ты не желаешь ли чего? И что-й-то ты у меня сегодня такой не удалой...

— Отвяжись!..—глухо говорилъ Артемъ, и она на нѣсколько минутъ переставала суетиться около него, а потомъ снова принималась спаивать красавца, ибо она уже знала, что трезвый Артемъ былъ скупъ на ласки.

И вотъ судьбѣ, часто слишкомъ шутливой, угодно было, чтобы этотъ человѣкъ и Каинъ однажды столкнулись...

* * *

Случилось это такъ.

Однажды послѣ „выхода" и обильной пирушки, сопровождавшей его, Артемъ со своей дамой, пошатываясь, шелъ къ ней въ гости узкимъ и пустыннымъ переулкомъ подгородной слободки. Его ждали тутъ. Нѣсколько человѣкъ бросились на него и тотчасъ же сбили его съ ногъ. Ослабленный виномъ, онъ защищался плохо и тогда эти люди чуть ли не въ продолженіи цѣлаго часа вымещали на немъ безчисленныя обиды, понесенныя отъ него. Спутница Артема убѣжала, ночь была темна, мѣсто пустынно—у нихъ были всѣ удобства для полнаго разсчета съ Артемомъ, и они дѣйствовали, не щадя своихъ силъ. А когда, уставшіе, они кончили, на землѣ лежало два неподвижныхъ тѣла—одно красавца Артема, а другое человѣка, имя которому было Красный Козелъ.

Посовѣтовавшись, что имъ дѣлать съ этими тѣлами, молодцы рѣшили: Артема спрятать подъ старую, разбитую ледоходомъ, бѣляну, лежавшую на берегу рѣки кверху дномъ, а Краснаго Козла, который стоналъ, взять съ собой.

Когда Артема потащили по землѣ къ берегу, онъ очнулся отъ боли, но, догадавшись, что положеніе мертваго теперь для него выгоднѣе, молчалъ, сдерживая боль. Его тащили, ругали и хвастались другъ предъ другомъ ударами, нанесенными силачу. Артемъ слышалъ, какъ Мишка Вавиловъ говорилъ товарищамъ, что онъ все норовилъ бить Артема пинками подъ лѣвую лопатку, чтобы разорвалось сердце. А Сухоплюевъ разсказывалъ, что онъ билъ все по животу, потому что если испортить человѣку кишки, ѣда ему не пойдетъ на пользу, и сколько бы онъ ни ѣлъ—силы у него не будетъ. Ломакинъ тоже заявилъ, что онъ два раза вспрыгивалъ ногами на животъ Артему. Такъ же блистательно отличились и всѣ другіе, о чемъ они, хвастаясь, говорили все время, пока не

пришли къ бѣлянѣ и не засунули подъ нее Артема. Онъ слышалъ всѣ ихъ рѣчи и слышалъ, какъ они, уходя, всѣ единогласно рѣшили, что теперь уже ему, Артему,—не встать на ноги.

Вотъ онъ остался одинъ, во тьмѣ, на кучѣ сырого мусора, набросаннаго подъ бѣляну въ половодье волнами рѣки. Ночь была свѣжая, майская и эта свѣжесть то и дѣло возвращала Артему сознаніе. Но когда онъ пробовалъ сползти къ рѣкѣ, онъ снова падалъ въ обморокъ отъ страшной боли во всемъ тѣлѣ. И снова приходилъ въ себя, терзаемый болью, томимый страшной жаждой. Рѣка какъ бы дразнила его безсиліе, тихо плескаясь о берегъ гдѣ-то тутъ, близко къ нему. Всю ночь онъ провелъ въ этомъ положеніи, боясь стонать и двигаться.

Но однажды, очнувшись, онъ почувствовалъ, что съ нимъ случилось что-то хорошее, очень облегчившее его боли. Онъ съ трудомъ могъ открыть одинъ глазъ и едва шевелилъ разбитыми опухшими губами. Былъ день, потому что чрезъ щели барки проникли подъ нее лучи солнца, они создали вокругъ Артема мглу... Потомъ кое-какъ онъ поднялъ руку къ лицу и ощупалъ на немъ мокрыя тряпки. Тряпки же лежали на груди у него и на животѣ. Онъ былъ совершенно раздѣтъ и холодъ уменьшалъ его муки.

— Пить бы...—выговорилъ онъ, смутно догадываясь, что около него долженъ быть кто-то. Дрожащая рука протянулась черезъ его голову и въ ротъ ему сунули горлышко бутылки. Бутылка плясала въ рукѣ подававшаго ее и била Артема по зубамъ. Выпивъ воды, Артемъ захотѣлъ узнать, кто тутъ около него, но попытка повернуть голову не удалась ему, вызвавъ боль въ шеѣ. Тогда, хрипя и заикаясь, онъ началъ говорить.

— Водки... въ нутро бы стаканъ... И снаружи вытереть... Тогда бы я... всталъ чай...

— Вста-ать? Вы не можете встать. Вы же весь синій и пухлый, какъ утопленникъ... А водка—это можно, водка есть... я имѣю цѣлую бутылку водки...

Говорили тихо, робко и очень быстро. Артемъ зналъ этотъ голосъ, но не помнилъ, кому онъ принадлежитъ, которой изъ женщинъ.

— Давай,—сказалъ онъ.

И опять кто-то, очевидно избѣгавшій его глазъ, протянулъ ему бутылку сзади черезъ голову, Артемъ, съ усиліемъ глотая водку, смотрѣлъ однимъ глазомъ въ сырое и черное днище бѣляны, поросшее грибами.

Когда онъ отпилъ болѣе четверти бутылки, онъ вздохнулъ глубоко и облегченно и съ хрипомъ въ груди заговорилъ слабымъ голосомъ, лишеннымъ оттѣнковъ:

— Чисто меня отдѣлали... Но погоди... встану я. Встану... Тогда—держись...

Ему не отвѣчали, но онъ слышалъ шорохъ — точно кто-то отскочилъ отъ него—и затѣмъ стало тихо, только волны плескали, да гдѣ-то далеко пѣли „дубинушку“ и ухали,—должно быть, тащили тяжелую вещь. Потомъ пронзительно взвизгнулъ свистокъ парохода—взвизгнулъ, оборвался и черезъ нѣсколько секундъ мрачно загудѣлъ, точно навсегда прощался съ землей... Артемъ долго ждалъ отклика на свои слова, но подъ бѣляной было тихо, и ея тяжелое днище, пропитанное зеленоватой гнилью, висѣло и качалось надъ его головой, то поднимаясь вверхъ, то опускаясь внизъ, точно хотѣло съ размаха упасть на него и раздавить его на смерть.

Артему стало жалко себя. Весь онъ вдругъ проникся яснымъ сознаніемъ своей почти дѣтской безпомощности и вмѣстѣ съ тѣмъ ему стало обидно за себя. Его, такого сильнаго, такого красиваго и такъ изувѣчили, обезобразили!.. Слабыми руками онъ началъ ощупывать ссадины и опухоли на лицѣ и груди у себя, а потомъ съ горечью выругался и заплакалъ. Онъ всхлипывалъ, шмыгалъ носомъ, тоскливо ругался и еле двигая вѣками, выжималъ ими слезы, наполнявшія его глаза. Онѣ, крупныя и горячія, лились по его щекамъ, текли ему въ уши... и онъ чувствовалъ, что отъ слезъ внутри его какъ бы что-то прочищается.

— Ладно!.. Погодите!..—бормоталъ онъ сквозь рыданія.

И вдругъ услышалъ, что гдѣ-то близко и точно передразнивая его—тоже раздаются заглушаемыя рыданія и шепотъ.

— Кто это?—грозно спросилъ онъ, хотя ему было страшно чего-то.

Ему не отвѣтили на вопросъ.

Тогда, собравъ всѣ силы, Артемъ повернулся на бокъ, звѣремъ зарычалъ отъ боли, приподнялся на локти и увидалъ во мглѣ маленькую фигурку, сжавшуюся въ комокъ у борта бѣляны. Обнявъ свои колѣна длинными и тонкими руками, этотъ человѣкъ прижалъ къ нимъ голову, а его плечи дрожали. Артему показалось, что это подростокъ—парнишка...

— Иди сюда!—сказалъ онъ.

Но тотъ не послушался, продолжая трястись, какъ въ лихорадкѣ. У Артема отъ боли и страха предъ этой фигурой помутилось въ глазахъ и онъ завылъ.

— Иди-и!

Въ отвѣтъ ему посыпался цѣлый градъ дрожащихъ, торопливыхъ словъ.

— Что же я вамъ сдѣлалъ худого? За что вы на меня кричите? Развѣ я не вымылъ васъ водой и не напоилъ, и не далъ вамъ водки? Не плакалъ я, когда вы плакали, и не было больно

мнѣ, когда вы стонали? О, Богъ мой и Господь мой! Даже и доброе мое только муки несетъ мнѣ! Что я сдѣлалъ худого душѣ вашей или тѣлу вашему? Что могу я сдѣлать вамъ худого—я! я! я!

И оборвавъ свою рѣчь тремя воплями, этотъ человѣкъ замолчалъ, схватился за голову руками и сталъ раскачиваться изъ стороны въ сторону, сидя на землѣ.

— Каинъ? Это... ахъ ты!

— Ну и что? Это я...

— Ты? Ну-у! Все это—ты тутъ? Аяй! Ты поди сюда. Ну... чудакъ ты!

Артемъ растерялся отъ неожиданности и вмѣстѣ съ тѣмъ почувствовалъ, что въ немъ вспыхнула какая-то радость. Онъ засмѣялся даже, когда увидалъ, какъ еврей на четверенькахъ, робко ползетъ къ нему, и какъ учащенно, боязливо мигаютъ маленькіе глазки на смѣшномъ лицѣ, давно знакомомъ Артему.

— Смѣло иди! Ей Богу, не трону!—счелъ онъ нужнымъ ободрить еврея.

Каинъ подползъ къ его ногамъ, остановился и сталъ смотрѣть на нихъ съ такой боязливой и просительной улыбкой, точно ждалъ, что онѣ растопчутъ его истощенное страхомъ тѣло.

— Ну!.. вотъ такъ ты! И все это ты дѣлалъ? Кто тебя прислалъ— Аноиса?—допрашивалъ Артемъ, едва ворочая языкомъ.

— Я самъ пришелъ!

— Са-амъ? Врешь!

— Я не вру, не вру!—быстро зашепталъ Каинъ.—Я самъ пришелъ—пожалуйста повѣрьте мнѣ! Я разскажу, какъ я пришелъ. Вотъ слушайте—я узналъ объ этомъ въ Грабиловкѣ... Я пью чай и слышу: Артема ночью забили до смерти. Я не вѣрю—пхэ! Развѣ можно васъ и забить до смерти? Я посмѣиваюсь себѣ. О, думаю, глупые люди! Этотъ человѣкъ—какъ Сампсонъ, и кто изъ васъ можетъ одолѣть его? Но они все приходятъ и говорятъ· забили, забили! И ругаютъ васъ и смѣются... Всѣ рады... и я повѣрилъ. И узналъ, что вы—тутъ... Уже приходили сюда смотрѣть на васъ и говорили, что мертвый вы... Я пошелъ и пришелъ и увидѣлъ васъ... вы стонали, когда я стоялъ тутъ. Я думалъ, видя васъ—самаго сильнаго человѣка въ свѣтѣ—вотъ убили его!.. такая сила, такая сила. Мнѣ стало, извините меня, жалко васъ! Я подумалъ, что нужно омыть васъ водой... и сдѣлалъ такъ, вы отъ этого стали оживать... Я обрадовался этому... охъ! какъ радъ былъ этому... вы не вѣрите мнѣ, да? Потому что—я жидъ? Но, нѣтъ, вы повѣрьте... я скажу вамъ, почему я обрадовался и что думалъ... я скажу правду... вы не разсердитесь на меня?

— Вотъ-те крестъ!.. убей меня громъ!—съ силой побожился ...ый красавецъ.

Каинъ подвинулся еще ближе къ нему и еще понизилъ свой голосъ.

— Вы знаете, какъ хорошо мнѣ жить? Вы знаете это, да? Развѣ, извините,—я не терпѣлъ отъ васъ побоевъ? И развѣ вы не смѣялись надъ пархатымъ жидомъ? Что? Это правда? а! Вы извините мнѣ мою правду, вы поклялись. Не сердитесь! Я только говорю, что вы, какъ и всѣ прочіе люди, гоняли жида... За что, а? Развѣ жидъ не сынъ Бога вашего и не одинъ Богъ далъ душу вамъ и ему?

Каинъ торопился, бросалъ вопросъ за вопросомъ, не ожидая отвѣтовъ на нихъ; въ немъ вдругъ заклокотали всѣ тѣ слова, которыми онъ отмѣчалъ въ своемъ сердце нанесенныя ему обиды и оскорбленія; ожили въ немъ всѣ они, и вотъ лились изъ его сердца горячимъ каскадомъ. Артему было неловко предъ нимъ.

— Слышь, Каинъ,—глухо сказалъ онъ,—брось это! Я тебя... ежели я тебя пальцемъ теперь трону... или кто другой—разобью въ куски! Понялъ?

— Ага!—торжествуя вскричалъ Каинъ и даже чмокнулъ языкомъ.—Вотъ! Вы предо мной виноваты... извините! Не разсердитесь на меня за то, что знаете, что виноваты предо мной! Я говорю, вы виноваты, но вѣдь я знаю, о! я знаю, вы меньше другихъ виноваты!.. я понимаю это! Всѣ они только на меня плюютъ своей скверной слюной—вы же на меня и на всѣхъ ихъ! Вы многихъ обижали хуже, чѣмъ меня... Я тогда думалъ—вотъ этотъ сильный человѣкъ бьетъ и оскорбляетъ меня не за то, что я жидъ, а за то, что я—какъ всѣ они, не лучше ихъ и среди ихъ несу свою жизнь. И... я всегда со страхомъ любилъ васъ. Я смотрѣлъ на васъ и думалъ, что и вы можете разорвать пасть льва и избить филистимлянъ... Вы били ихъ... и я любилъ смотрѣть, какъ вы дѣлали это... И мнѣ тоже хотѣлось быть сильнымъ... но я, какъ блоха...

Артемъ хрипло засмѣялся.

— Вотъ ужъ вѣрно—какъ блоха!..

То, что говорилъ ему Каинъ, онъ почти не понималъ, но ему было пріятно видѣть около себя маленькую фигурку еврея. И подъ возбужденный полушепотъ Каина въ немъ медленно слагались свои думы:

— Сколько теперь часовъ? Чай, поди-ка, около полуденъ. А ни одна, небось, не идетъ навѣстить мила друга... А вотъ жидъ пришелъ... помогъ, говоритъ—люблю, а я его обижалъ, бывало... силу хвалитъ... Вернется ли она? Господи, кабы вернулась!

Тяжело вздыхая, Артемъ представлялъ себѣ своихъ враговъ, избитыхъ имъ и вотъ такъ же опухшихъ, какъ онъ. И они такъ же

какъ онъ, будутъ валяться безъ силъ гдѣ нибудь... но къ нимъ придутъ свои, товарищи, а не жидъ...

Артемъ взглянулъ на Каина и ему показалось, что отъ думъ у него въ горлѣ и во рту стало горько. Онъ сплюнулъ и тяжко вздохнулъ.

А Каинъ все говорилъ, страшно возбужденный, съ перекошеннымъ отъ волненія лицомъ и вздрагивая всѣмъ тѣломъ.

— И когда вы заплакали—я тоже заплакалъ... Такъ жалко сдѣлалось мнѣ вашу силу...

— А я думаю, кто это дразнится?—угрюмо усмѣхнулся Артемъ.

— Я всегда любилъ вашу силу... И я молилъ Бога—Предвѣчный Богъ нашъ на небѣ и на землѣ и въ выси небесъ отдаленныхъ! Пусть будетъ такъ, что я буду нуженъ этому сильному человѣку! Пусть я заслужу предъ нимъ и да обратится сила его въ защиту мнѣ! Пусть за нее я буду сохраненъ отъ гоненій на меня и гонители мои да погибнутъ отъ силы этой! Такъ я молился... и долго такъ просилъ я Господа моего, пусть Онъ создастъ мнѣ защитника изъ сильнѣйшаго врага моего, какъ Онъ далъ въ защитники Мордохею царя, побѣдившаго всѣ народы... И вотъ вы плакали, и я плакалъ... и вдругъ вы закричали на меня и молитвы мои пропали...

— Да развѣ я зналъ... чудакъ ты,—виновато усмѣхнулся Артемъ.

Но Каинъ едва ли слышалъ его слова. Онъ раскачивался, взмахивалъ руками и все шепталъ страстнымъ шепотомъ, въ которомъ звучали и радость, и надежда, и обожаніе силы этого изувѣченнаго человѣка, и страхъ, и тоска.

— Наступилъ мой день и вотъ я одинъ около васъ... Всѣ бросили васъ, а я пришелъ... Вѣдь вы выздоровѣете, Артемъ? Это не опасно вамъ? И воротится къ вамъ ваша сила?

— Подымусь... не крушись... А тебя за доброту буду беречь, какъ малаго ребенка...

Артемъ чувствовалъ, что понемногу ему становится лучше, тѣло ноетъ меньше и въ головѣ яснѣе. Нужно заступиться за Каина передъ людьми—что въ самомъ дѣлѣ? Вонъ онъ какой добрый и открытый,—прямо все говоритъ, по душѣ. Подумавъ [illegible]ъ, Артемъ вдругъ улыбнулся—давно уже его томило какое-то [illegible]опредѣленное желаніе и вотъ теперь онъ понялъ его.

— А вѣдь это я ѣсть хочу. Ты бы, Каинъ, добылъ чего поѣсть?

Каинъ вскочилъ на ноги такъ быстро, что едва не ударился [illegible]пани бѣляны. Лицо его положительно преобразилось—что-то [illegible]ое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣтски-ясное явилось въ немъ. Артемъ, сказочный силачъ, проситъ ѣсть у него, Каина!

— Я сдѣлаю вамъ все, все! Оно уже есть, вотъ тутъ, въ углу!.. я припасъ... я знаю. Когда кто боленъ, онъ долженъ ѣсть... ну, да! И я, когда шелъ сюда, то истратилъ цѣлый рубль.

— Сосчитаемся! Я те десять отдамъ... Мнѣ вѣдь это можно... не свои у меня. Скажу—дай! И дастъ...

И онъ добродушно засмѣялся, а Каинъ при этомъ смѣхѣ еще болѣе просіялъ и тоже захихикалъ.

— Я знаю... Вы скажите, что вы хотите? Я все сдѣлаю, все!

— А... видишь ты... ужъ коли такъ... то вытри ты меня водкой? Ѣсть не давай, а сначала вытри... можешь ты?

— А почему не могу? Какъ лучшій докторъ сдѣлаю!

— Вали! Потрешь меня, я и встану...

— Вста-анете? Охъ, нѣтъ, не можете вы встать!

— Я те покажу, какъ я не могу! Здѣсь, что ли я ночевать-то буду? Чудило ты... А ты вотъ вытри меня, да и бѣги-ка въ слободу къ пирожницѣ Мокѣвнѣ... И скажи ей, что я къ ней въ сарай переберусь на житье... постлала бы тамъ соломы, что ли. У нея я отлежусь... вотъ! За все про все я тебѣ заплачу... ты не сумлѣвайся!

— Я вѣрю,—говоритъ Каинъ, наливая водки на грудь Артема,—я вѣрю вамъ больше, чѣмъ себѣ... Ахъ, я знаю васъ!

— У-у! Три, три... Ничего, что больно... три знай! А-а-а! Вотъ, вотъ, вотъ...—рычалъ Артемъ.

— Я пойду для васъ и утоплюсь...—объяснялся Каинъ.

— Такъ, такъ, такъ... Плечо-то, плечо валяй... Ахъ, черти! Какъ разутюжили! А все баба виновата. Не будь бабы, былъ бы я трезвъ... а къ трезвому ко мнѣ—сунься-ко!

Каинъ, входя въ роль слуги, объявилъ:

— О женщины! Это—всѣ грѣхи міра... у насъ, евреевъ, есть даже такая утренняя молитва: Благословенъ Ты, Предвѣчный Боже нашъ, Царь вселенной, за то, что не сотворилъ меня женщиной...

— Ну? Неужто?—воскликнулъ Артемъ.—Такъ-таки прямо и молитесь Богу? Ишь вѣдь вы какіе... Что же она, баба? Она только глупая... а безъ нея нельзя... Но чтобы такъ ужъ, даже Богу молиться... это не тово... обидно вѣдь ей, бабѣ-то! Она тоже чувствуетъ...

Онъ лежалъ неподвижный и огромный—еще болѣе увеличенный опухолями, а Каинъ, маленькій и хрупкій, задыхаясь отъ усилій, возился около него, изо всей силы растирая ему бока грудь, животъ,—возился и кашлялъ отъ запаха водки.

По берегу рѣки то и дѣло проходили люди, слышался говоръ и шаги. Бѣляна лежала надъ песчанымъ обрывомъ, болѣе сажени

высотой, и сверху ее было видно только съ самаго края обрыва. Отъ рѣки ес отдѣляла узкая полоса песку, забросанная щепками и разнымъ мусоромъ. Подъ нею было еще грязно. Но сегодня она возбуждала въ людяхъ большой интересъ. Каинъ и Артемъ замѣтили, что около нея то и дѣло проходятъ, садятся на ея дно, стучатъ ногами въ борта... На Каина это дурно подѣйствовало. Онъ пересталъ говорить и, молча ерзая около Артема, пугливо и жалобно улыбался.

— Вы слушаете?..

— Слышу,—довольно усмѣхнулся силачъ.—Понимаю... хотятъ сообразить, скоро ли я буду снова въ силѣ... тоже, вѣдь имъ надо это знать... чтобы ребра припасти свои... Ха, ха! Черти! Обидно имъ, чай, что не издохъ я... Работишка-то ихъ даромъ пропала...

— А знаете что?—зашепталъ ему на ухо Каинъ, съ миной ужаса и предостереженія на своемъ лицѣ.—Знаете? Вотъ я уйду и вы останетесь одинъ... а они тогда придутъ къ вамъ и... и...

Артемъ раскрылъ ротъ и выпустилъ изъ груди цѣлый залпъ хриплаго смѣха.

— Ахъ ты... фигура?! Такъ ты думаешь—это они тебя, что ли боятся? Ахъ ты!..

— А! Но я могу быть свидѣтелемъ.

— Они тебѣ дадутъ тукманку!.. ха, ха, ха! Вотъ ты и свидѣтельствуй!.. на томъ свѣтѣ.

Страхъ Каина былъ разогнанъ смѣхомъ Артема, и мѣсто страха въ узкой, ввалившейся груди еврея заняла твердая и радостная увѣренность. Теперь его, Каинова, жизнь пойдетъ иной чредой, теперь у него есть мощная рука, которая всегда отведетъ отъ него удары и несправедливости людей, безнаказанно истязавшихъ его...

Прошло около мѣсяца времени.

Однажды въ полдень, часъ, когда жизнь на Шиханѣ принимаетъ особенно напряженный характеръ, сгущается и вскипаетъ, когда торговцевъ съѣстнымъ окружаютъ толпы пристанскихъ—и судовыхъ рабочихъ съ пустыми желудками и громкими требованіямъ ѣды, и вся улица наполняется теплымъ запахомъ варенаго юрченнаго мяса,—въ этотъ часъ кто-то въ полголоса крикнулъ:

— Артемъ идетъ!..

Нѣсколько оборванцевъ, праздно толкавшихся въ улицѣ, ожи- случая чѣмъ-нибудь поживиться, быстро исчезли куда-то. -ватели Шихана съ тревогой и любопытствомъ искоса и изъ обья стали смотрѣть въ ту сторону, откуда раздавалось пре- -жденіе.

Артема давно ждали съ глубокимъ интересомъ, горячо обсуждая, каковъ-то онъ появится?

Какъ и раньше, Артемъ шелъ среди улицы, шелъ своей обыкновенной медленной походкой сытаго человѣка, дѣлающаго прогулку. Въ его наружности не было ничего новаго. Какъ всегда, пиджакъ висѣлъ у него на одномъ плечѣ, картузъ былъ надѣтъ на бекрень... и черныя кудри разсыпались по лбу, какъ всегда. Большой палецъ правой руки онъ заткнулъ за поясъ, лѣвая рука была глубоко засунута въ карманъ шароваръ и грудь богатырски выпячивалась впередъ. Только его красивое лицо стало какъ бы осмысленнѣе—это всегда бываетъ послѣ болѣзни. Онъ шелъ и отвѣчалъ на привѣтствія и поклоны лѣнивыми кивками головы.

Вся улица провожала его взглядами и тихимъ шепотомъ изумленія и восхищенія предъ этой несокрушимой силой, выдержавшей такъ легко побои. Много въ улицѣ было людей, говорившихъ объ его выздоровленіи со злобой: они презрительно ругали тѣхъ, что не сумѣли отбить легкія и сломать ребра Артему. Вѣдь не можетъ быть такого человѣка, котораго нельзя было бы изувѣчить до смерти!.. А другіе съ удовольствіемъ строили предположенія о томъ, какъ силачъ расправится съ Краснымъ Козломъ и его товарищами. Но сила обаятельна тѣмъ болѣе, чѣмъ крупнѣе она, и большинство находилось подъ вліяніемъ Артемовой силы.

А Артемъ уже вошелъ въ „Грабиловку"—клубъ Шихана.

Когда его высокая и мощная фигура явилась на порогѣ трактира, въ длинной и низкой комнатѣ съ кирпичнымъ, сводчатымъ потолкомъ, гостей было немного. При видѣ Артема среди нихъ раздались два-три восклицанія, родилось какое-то суетливое движеніе и кто-то шарахнулся въ дальній уголъ этого склепа, сырого, прокопченнаго дымомъ махорки, пропитаннаго грязью и плѣсенью.

Не обращая ни на кого вниманія, Артемъ медленно обвелъ глазами трактиръ и на ласковое привѣтствіе буфетчика Савки Хлѣбникова отвѣтилъ вопросомъ:

— Каинъ не былъ?

— Должонъ скоро быть... Его время близко...

Артемъ подошелъ къ столу у одного изъ оконъ съ желѣзными рѣшетками, спросилъ себѣ чаю и, положивъ на столъ сво громадныя руки, равнодушно осмотрѣлъ публику. Въ трактир было человѣкъ десять, все золоторотцы; они сбились въ кучк около двухъ столовъ и оттуда наблюдали за Артемомъ. Когда ж глаза ихъ встрѣчались съ глазами красавца, наблюдатели см щенно и заискивающе улыбались, очевидно, желая вступить в бесѣду съ Артемомъ, но тотъ смотрѣлъ на нихъ тяжело и угрюм

И всѣ молчали, не рѣшаясь заговорить съ нимъ. Хлѣбниковъ, возясь за буфетомъ, напѣвалъ что-то подъ носъ себѣ и лисьими глазами посматривалъ вокругъ.

Съ улицы въ окна лился гулкій шумъ, влетали рѣзкія ругательства, божба, выкрики торговцевъ. Гдѣ-то близко, съ дребезгомъ свалились бутылки, разбиваясь о камни мостовой. Артему стало скучно сидѣть въ этомъ душномъ погребѣ...

— Ну, вы волки, — вдругъ громко и медленно заговорилъ онъ,—вы чего присмирѣли? Пялятъ зенки и молчатъ...

— Можемъ и говорить, ваша грозность! — сказалъ Драный Женихъ, вставая и идя къ Артему.

Это былъ тощій человѣкъ въ парусиновой курткѣ и солдатскихъ штанахъ, лысый, остробородый, съ маленькими, красными глазами, ехидно прищуренными.

— Хворалъ ты, говорятъ?—спросилъ онъ, усаживаясь противъ Артема.

— Ну?

— Ничего... Не видать было долго... Спросишь—а гдѣ Артемъ? Говорятъ, заболѣть изволилъ...

— Такъ... Ну?

— Еще ну? Поѣдемъ дальше... Что у тебя болѣло-то?

— А ты не знаешь?

— Развѣ я тебя лѣчилъ?

— Все врешь вѣдь, собака,—усмѣхнулся Артемъ.—И зачѣмъ врешь? Вѣдь знаешь правду?

— Знаю...—сказалъ Женихъ, тоже усмѣхаясь.

— Такъ чего же врешь-то?

— Стало быть такъ умнѣе...

— Умнѣе. Эхъ ты!.. огарокъ!

— Да... вѣдь скажи тебѣ правду-то, такъ ты пожалуй и разсердишься...

— Наплевать мнѣ на тебя!

— И на томъ спасибо! А ты съ выздоровленьемъ водкой меня не угостишь?

— Спроси...

Женихъ спросилъ полбутылки водки и оживился.

— Экая у тебя жизнь легкая, Артемъ!.. Всегда есть деньги...

— Ну, такъ что?

— Ничего... Выручаютъ тебя бабы... проклятыя!

— А на тебя и не смотрятъ.

— Намъ гдѣ ужъ. У насъ не такія ноги, чтобы ходить по твоей рогѣ,—вздохнулъ Женихъ.

— Потому, баба любитъ здороваго человѣка. Ты что? А чистый человѣкъ, вотъ что...

Въ такомъ тонѣ Артемъ постоянно бесѣдовалъ съ золоторотцами. Его равнодушный, лѣнивый и густой голосъ придавалъ особую силу и тяжесть его словамъ, и всегда они были грубы и обидны. Быть можетъ, онъ чувствовалъ, что эти люди во многомъ хуже его, но во всемъ и всегда умнѣе.

...Явился Каинъ съ ящикомъ своихъ товаровъ на груди и съ желтымъ ситцевымъ платьемъ, переброшеннымъ черезъ лѣвую руку. Сдавленный обычнымъ ему чувствомъ страха, онъ всталъ въ дверяхъ, вытянулъ шею и съ безпокойной улыбкой оглянулъ внутренность трактира, но, увидавъ Артема, весь просіялъ радостью. Артемъ смотрѣлъ на него и широко улыбался, шевеля губами.

— Айда ко мнѣ!—крикнулъ онъ Каину и, обращаясь къ Жениху, насмѣшливо приказалъ ему:

— А ты пошелъ прочь... Дай человѣку мѣсто...

Рыжая, щетинистая рожа Жениха на моментъ одеревенѣла отъ удивленія и досады; онъ медленно поднялся со стула, посмотрѣлъ на товарищей, изумленныхъ не менѣе его, на Каина, безшумно и осторожно подходившаго къ столу... и вдругъ озлобленно плюнулъ на полъ.

— Тьфу!

Послѣ чего медленно и молча ушелъ за свой столъ, гдѣ тотчасъ же раздался глухой шопотъ, въ которомъ были ясно слышны ноты насмѣшки и злобы. Каинъ все улыбался растерянно, радостно и въ то же время искоса и съ тревогой скашивалъ глаза въ сторону обиженнаго Жениха и его компаніи.

А Артемъ добродушно говорилъ ему:

— Ну, давай чай пить что ли, купецъ... Пирога надо купить— будешь пирогъ ѣсть? Ты чего туда глядишь?.. А ты плюнь на нихъ, не бойся... Ну ка, вотъ я имъ проповѣдь скажу...

Онъ всталъ, движеніемъ плечъ сбросилъ куртку на полъ и подошелъ къ столу недовольныхъ. Высокій и мощный, выпячивая впередъ грудь, разминая плечи и всячески кичась своей силой, онъ стоялъ предъ ними съ усмѣшкой на губахъ, а они, замеревъ въ сторожкихъ позахъ, молчали, готовые бѣжать отъ него.

— Ну...—началъ Артемъ,—что вы урчите?

Ему хотѣлось сказать что нибудь страшно сильное, но словъ не было у него и онъ остановился...

— Глаголь сразу!—махнулъ рукой Драный Женихъ, скрививъ губы. — А то лучше, отстань отъ насъ на всѣ четыре стороны, богова дубина!..

— Молчи! — повелъ бровями Артемъ... — Озлился... зазорно тебѣ, что я съ жидомъ дружбу веду, а тебя прогналъ... Я всѣмъ вамъ говорю —онъ лучше васъ, жидъ-то! Потому въ немъ доброта къ человѣку есть... а у васъ нѣту ея... Онъ только замученный...

а вотъ теперь я беру его подъ свою руку... и ежели какая-нибудь кикимора изъ вашего брата обидитъ его—держись тогда! Прямо говорю—не бить, а мучить буду...

У него дико вспыхнули глаза, жилы на шеѣ вздулись и ноздри задрожали.

— Что побили меня пьянаго — это мнѣ нипочемъ! Силы мнѣ не убавили, только сердце пуще ожесточили... Такъ и знайте! А за Каина, за всякое обидное слово ему, вступлюсь и прямо на смерть буду увѣчить. Такъ всѣмъ и скажите...

Онъ вздохнулъ во всю грудь, точно тяжесть съ себя сбросилъ и, повернувшись къ нимъ спиной, пошелъ прочь...

— Здо́рово пущено!—въ полголоса воскликнулъ Драный Женихъ и скорчилъ унылую рожу, глядя, какъ Артемъ усаживается противъ Каина.

Каинъ сидѣлъ за столомъ, блѣдный отъ волненія, и не отводилъ отъ Артема расширенныхъ глазъ, полныхъ чувства, неизъяснимаго словами.

— Слыхалъ?—строго спросилъ его красавецъ.—Вотъ... Такъ и знай, какъ кто задѣнетъ тебя, бѣги ко мнѣ и говори. Я сейчасъ пойду и развинчу ему кости...

Еврей бормоталъ что-то, молился Богу или благодарилъ человѣка. А Драный Женихъ и его компанія, пошептавшись другъ съ другомъ, одинъ за однимъ стали выходить изъ трактира. Женихъ, проходя мимо стола Артема, напѣвалъ себѣ подъ носъ:

— Кабы къ моему уму
Прибавили денегъ тьму,
Ай, хорошъ бы я былъ,—
Безъ просыпу я бы пилъ...

и, взглянувъ въ лицо Артему, неожиданно докончилъ пѣсню своими словами, скорчивъ рожу и въ тактъ притопывая ногой:

— Дураковъ бы всѣхъ скупилъ,
Да въ Черномъ морѣ утопилъ —
Вотъ какъ! —

и быстро юркнулъ въ дверь.

Артемъ выругался и оглянулся вокругъ. Въ полутемномъ, закопченномъ и пахучемъ склепѣ осталось только трое людей—онъ, Каинъ противъ него и Савка за буфетомъ.

Лисьи глазки Савки встрѣтились съ тяжелымъ взглядомъ Артема и длинное лицо его приняло выраженія сладчайшаго благочестія.

— Превосходно и велелѣпо поступилъ ты, Артемъ Михайлычъ!—говорилъ онъ, поглаживая бороду.—Совсѣмъ по завѣту евангельскому... Какъ въ притчѣ о самарянинѣ милосердномъ... Во гною и струпьяхъ былъ Каинъ-то... А вотъ ты не побрезгалъ.

Артемъ слушалъ не его слова, а эхо ихъ. Оно, отражаемое сводчатымъ потолкомъ трактира, плавало въ его пахучемъ воздухѣ и, густое такое, лѣзло въ уши. Артемъ молчалъ и тихонько трясъ головой, точно желая отогнать отъ себя эти звуки. А они все плавали и вклевывались въ его уши, раздражая его. Было душно и скучно. Какая-то странная тяжесть легла на сердце Артема.

Онъ упорно смотрѣлъ на Каина. Обжигаясь и дуя на блюдечко, еврей, наклонивъ голову, съ жадностью пилъ чай и блюдечко тряслось въ его рукахъ. Иногда Артемъ ловилъ на своемъ лицѣ скользкій взглядъ Каина, и силачу отъ этого взгляда становилось еще скучнѣе. Глухое чувство недовольства чѣмъ-то росло въ его груди, глаза все темнѣли и онъ дико осматривался вокругъ себя. Въ головѣ его, какъ жернова, ворочались думы безъ словъ. Раньше онѣ не посѣщали его, но вотъ во время болѣзни пришли. И не отходятъ...

Окна, какъ у тюрьмы, съ желѣзными рѣшетками, въ нихъ льется съ улицы оглушающій шумъ... Сырыя, тяжелыя массы камня висятъ надъ головой, липкій отъ грязи, покрытый соромъ, кирпичный полъ... И этотъ маленькій, оборванный, запуганный человѣкъ... Сидитъ, дрожитъ, молчитъ... А въ деревняхъ скоро косьба начнется. Уже за рѣкой, противъ города, трава въ лугахъ почти по поясъ. И когда оттуда пахнетъ вѣтеръ, запахи приноситъ онъ такіе разманчивые... такъ бы и взялъ косу, да и пошелъ вдоль по лугу!

— Что же ты молчишь все, Каинъ?—недовольно заговорилъ Артемъ.—Али все еще боишься меня? Эхъ, растерянный ты человѣкъ!..

Каинъ поднялъ голову и странно закачалъ ею, а лицо у него было сконфуженное и жалкое.

— А что мнѣ говорить? И какимъ мнѣ языкомъ говорить съ вами? Этимъ?—еврей высунулъ кончикъ языка, показывая его Артему,—которымъ я со всѣми другими людьми говорю? Развѣ вы думаете, мнѣ не стыдно съ вами этимъ языкомъ говорить? Развѣ вы думаете, я не понимаю, что вамъ тоже стыдно сидѣть рядомъ со мной? Что я и что вы? Вы—Артемъ, великая душа, вы, какъ Іуда Маккавей!.. что бы вы сдѣлали, еслибы знали, зачѣмъ Господь сотворилъ васъ? А! никто не знаетъ великихъ тайнъ Творца и никто не можетъ угадать, зачѣмъ дана ему жизнь. Вы не знаете, сколько дней и ночей моей жизни думалъ я, зачѣмъ мнѣ жизнь? Зачѣмъ духъ мой и умъ мой? Что я людямъ? Плевательница для ядовитой слюны ихъ. А что мнѣ люди? Гады, уязвляющіе меня во всѣ мѣста тѣла моего и въ душу мою... Зачѣмъ я живу на землѣ? И зачѣмъ только несчастія знаю я... и въ солнцѣ нѣтъ луча для меня!

Онъ говорилъ эти слова страстнымъ полушепотомъ, и—какъ всегда въ минуты возбужденія его изстрадавшейся души — все лицо его дрожало.

Артемъ не понималъ его рѣчи, но слышалъ и видѣлъ, что Каинъ жалуется. Отъ этого Артему стало еще тяжелѣе.

— Ну вотъ, опять ты за свое!—съ досадой мотнулъ онъ головой.—Вѣдь я же тебѣ сказалъ—заступлюсь!

Каинъ тихо и горько засмѣялся.

— Какъ вы заступитесь за меня предъ лицомъ Бога моего? Это Онъ гонитъ меня...

— Ну это... конечно! Противъ Бога я не могу,—простодушно согласился Артемъ и съ жалостью посовѣтовалъ еврею:

— Ты ужъ терпи!.. Противъ Бога—ничего не подѣлаешь.

Каинъ посмотрѣлъ на своего заступника и улыбнулся... тоже съ жалостью. Такъ сначала сильный пожалѣлъ умнаго, потомъ умъ пожалѣлъ силу, и между двумя собесѣдниками пронеслось нѣкоторое вѣяніе, немного сблизившее ихъ.

— А ты женатый?—спросилъ Артемъ.

— О, у меня большая семья для моихъ силъ...—тяжко вздохнулъ Каинъ.

— Ишь ты!—сказалъ силачъ. Ему трудно было представить себѣ женщину, которая любила бы еврея, и онъ съ новымъ любопытствомъ посмотрѣлъ на него, такого хилаго, маленькаго, грязнаго, робкаго.

— У меня было пять дѣтей, теперь—четыре. Одна дѣвочка, Хая, все кашляла, кашляла и умерла... Боже мой... Господь мой!.. И моя жена тоже больная... все кашляетъ...

— Трудно тебѣ,—сказалъ Артемъ и задумался.

Каинъ тоже задумался, опустивъ голову.

Въ двери трактира входили старьевщики, подходили къ буфету и тамъ о чемъ-то въ полголоса бесѣдовали съ Савкой. Онъ таинственно разсказывалъ имъ что-то, подмигивая въ сторону Артема и Каина, а его собесѣдники удивленно и насмѣшливо поглядывали на нихъ. Каинъ уже подмѣтилъ эти взгляды и встрепенулся. А Артемъ опять представлялъ себя на лугу съ косой въ рукахъ... Свиститъ коса и съ мягкимъ шумомъ трава къ ногамъ ложится...

— Уходите вы, Артемъ... а если не хотите, я уйду... Вотъ пришли люди—шепталъ Каинъ—и они смѣются надъ вами изъ за-меня...

— Кто смѣется?—очнувшись отъ грезъ, рявкнулъ Артемъ, дико поводя вокругъ себя глазами.

Но всѣ въ трактирѣ были серьезны и поглощены своимъ дѣ-

ломъ. Ни одного взгляда не поймалъ Артемъ. И сурово нахмуривъ брови, онъ сказалъ еврею:

— Врешь ты все... занапрасно жалуешься... Эдакъ то, смотри, не игра! Ты жалуйся тогда, когда есть противъ тебя вина. Али ты, можетъ, пытаешь меня, нарочно сказалъ?

Каинъ болѣзненно улыбался въ лицо ему и не отвѣчалъ. Нѣсколько минутъ оба они сидѣли молча. Потомъ Каинъ всталъ и, надѣвъ на шею свой ящикъ, приготовился идти. Артемъ протянулъ ему руку:

— Идешь? Ну, иди, торгуй... А я посижу еще тутъ...

Обѣими своими рученками Каинъ потрясъ громадную лапу своего защитника и быстро ушелъ.

Выходя на улицу, онъ зашелъ за уголъ, остановился тамъ и сталъ выглядывать изъ за него. Ему было видно дверь трактира и не пришлось долго ждать. Скоро въ этой двери, какъ въ рамѣ, явилась фигура Артема. Брови у него были нахмурены и лицо такое, какъ будто Артемъ боялся увидѣть что-то непріятное ему. Онъ долго и пристально разсматривалъ людей, толпившихся въ улицѣ, а потомъ его лицо приняло обычное, лѣниво-равнодушное выраженіе и онъ пошелъ сквозь толпу, туда, гдѣ улица упиралась въ гору,—очевидно, на свое любимое мѣсто.

Каинъ проводилъ его тоскливымъ взглядомъ и, закрывъ лицо руками, уперся лбомъ въ желѣзную дверь кладовой, около которой онъ стоялъ...

* * *

Вѣская угроза Артема возымѣла свое дѣйствіе — ея испугались и еврея перестали травить.

Каинъ ясно видѣлъ, что въ терніяхъ, сквозь которыя онъ шелъ къ своей могилѣ, шиповъ стало меньше. Люди какъ будто перестали замѣчать его существованіе. По-прежнему онъ юрко шнырялъ между нихъ, возглашая свои товары, но ему уже не наступали на ноги нарочно, какъ это бывало раньше, не толкали его въ сухіе бока, не плевали въ его ящикъ... Хотя прежде не смотрѣли на него такъ холодно и враждебно, какъ стали смотрѣть теперь.

Чуткій ко всему, что его касалось, онъ замѣтилъ и эти новые взгляды, замѣтилъ и спросилъ себя,—что они значатъ и чѣмъ грозятъ ему? Много онъ думалъ по этому поводу и не могъ понять, почему на него стали такъ смотрѣть... И онъ вспоминалъ, что прежде, хотя и рѣдко, съ нимъ заговаривали дружелюбно... порой справлялись о ходѣ его дѣлъ... а иногда даже шутили и совсѣмъ не зло шутили...

Каинъ задумывался. Вѣдь ужъ это всегда бываетъ такъ, что

въ прошломъ человѣкъ склоненъ видѣть даже и маленькое хорошее, раньше незамѣченное имъ...

Онъ задумывался, чутко слушалъ и зорко смотрѣлъ. Однажды его ушей коснулась новая пѣсня, сложенная Дранымъ Женихомъ, трубадуромъ улицы. Этотъ человѣкъ добывалъ свой хлѣбъ музыкой и пѣніемъ; инструментомъ ему служили восемь деревянныхъ столовыхъ ложекъ: онъ бралъ ихъ между пальцевъ и билъ ими себя по надутымъ щекамъ, по животу, перебирая пальцами, ударялъ ложками другъ о друга и получался порядочный аккомпаниментъ речитативу куплетовъ, которые онъ самъ же слагалъ. Если эта музыка была мало пріятна, такъ зато она требовала отъ исполнителя ловкости фокусника; ловкость же во всѣхъ видахъ цѣнилась публикой улицы.

И вотъ какъ то разъ Каинъ наткнулся на группу людей, среди которой Женихъ, вооруженный своими ложками, бойко говорилъ:

— Эй, господа честные, арестанты запасные! Играю свѣжую пѣсню, только что испекъ,—горячій кусокъ! Давай по копѣйкѣ съ рыла, а у кого рожа—съ того дороже! Начинаю!

— Влѣзетъ солнышко въ окно —
Люди ему рады,
А вотъ если влѣзу я...

— Это слыхали!—скептически воскликнулъ кто-то изъ публики.

— Знаемъ, что слыхали! Да я тебѣ пирога прежде хлѣба даромъ-то не дамъ... объявилъ Женихъ, стукая ложками и продолжая напѣвать:

Ой горько мнѣ живется!
Плохо я удался.
Тятьку съ братомъ повѣсили,
А я оборвался!..

— Жаль!—заявила публика.

Но копѣйки Жениху сыпали, ибо знали, что это добросовѣстный человѣкъ и если онъ обѣщалъ новую пѣсню, такъ ужъ дастъ ее.

— Вонъ она новая, дубина еловая!

И ложки затрещали частой задорной дробью.

По-ознакомился быкъ съ паукомъ,
Познакомился жидъ съ дуракомъ,
На хвостѣ носитъ быкъ паука,
Продаетъ бабамъ жидъ дурака,
Эй, вы тетки...

— Стопъ машина! Господину Каину почтеніе коломъ по шеѣ! Изволили слушать пѣсню, купецъ? Не для васъ сложена... проходите вашимъ путемъ!

Каинъ разсыпалъ предъ артистомъ свои улыбки и ушелъ прочь отъ него, вздыхая и предчувствуя что то.

Цѣнилъ онъ эти дни и боялся за нихъ. Каждое утро онъ являлся въ улицу, твердо увѣренный, что сегодня у него никто не посмѣетъ отнять его копѣекъ. И глаза его стали немножко свѣтлѣе и покойнѣе. Артема онъ видѣлъ каждый день, но если силачъ не звалъ его, Каинъ не подходилъ къ нему.

Артемъ же рѣдко подзывалъ его, а, подозвавъ, спрашивалъ:

— Ну что—живешь?

— О, да! Живу... и благодарю васъ,—радостно блестя глазами, говорилъ Каинъ.

— Не трогаютъ?

— Развѣ они могутъ противъ васъ! — со страхомъ восклицалъ еврей.

— Ну... то-то!.. А коли что—скажи.

— Я скажу!

— Вотъ...

Онъ угрюмыми глазами измѣрялъ фигурку еврея и отпускалъ его.

— Иди... торгуй!

И Каинъ быстро отходилъ прочь отъ своего защитника, всегда ловя на себѣ насмѣшливые и злые взгляды публики, взгляды, пугавшіе его.

Такъ продолжалось съ мѣсяцъ.

И вотъ однажды подъ вечеръ, когда Каинъ уже хотѣлъ идти домой, онъ встрѣтилъ Артема. Красавецъ, кивнувъ ему головой, поманилъ его къ себѣ пальцемъ. Каинъ быстро подбѣжалъ къ нему и увидалъ, что Артемъ мраченъ и хмуръ, какъ осенняя туча.

— Кончилъ торговать-то?—спросилъ онъ.

— Уже... хотѣлъ уходить домой...

— Погоди... пойдемъ-ка, поговорю я тебѣ что-то... глухо сказалъ Артемъ.

И двинулся впередъ, громадный и тяжелый, а Каинъ пошелъ сзади него.

Они вышли изъ улицы и повернули къ рѣкѣ, гдѣ Артемъ нашелъ укромное мѣсто подъ обрывомъ у самыхъ волнъ.

— Садись,—сказалъ онъ Каину.

Тотъ сѣлъ, искоса и боязливо поглядывая на своего защитника. Артемъ согнулъ спину и сталъ медленно крутить папиросу, а Каинъ смотрѣлъ на небо, на лѣсъ мачтъ у берега, по ту сторону рѣки, на спокойныя, застывшія въ тишинѣ вечера волны и соображалъ, о чемъ будетъ говорить силачъ?

— Ну что, спросилъ Артемъ,—живешь?

— Живу, о! я теперь не боюсь...

— Ну и хорошо.

— Благодарю...

— Погоди!—сказалъ Артемъ.

И онъ долго и тяжко молчалъ, попыхивая папиросой, тогда какъ еврей ждалъ его рѣчи, полный смутныхъ и боязливыхъ предчувствій.

— Н-да... Такъ теперь ничего—не обижаютъ?

— О, они боятся васъ! Они всѣ, какъ собаки, а вы—какъ левъ! —И я теперь...

— Погоди!

— Н-ну? И что вы хотите мнѣ сказать?—съ трепетомъ спросилъ Каинъ.

— Сказать-то? Это не просто...

— Что же оно такое?

— А!.. видишь ты... будемъ мы говорить прямо. Сразу и—все!

— Ага?

— И я тебѣ долженъ сказать, что больше я—не могу...

— Что? Что не можете?

— Ничего! не могу! Противно мнѣ... Не идетъ мнѣ это... Не мое это дѣло... вздохнувъ сказалъ Артемъ.

— Что же? Не ваше дѣло—что?

— Все это... ты и все... Не хочу я больше тебя знать... потому—не мое это дѣло.

Каинъ съежился, точно его ударили, и молчалъ.

— И ежели тебя обидятъ, ты ко мнѣ не иди и не жалуйся мнѣ... я не могу тебѣ помочь... и въ защиту не пойду. Понимаешь? Нельзя мнѣ это...

Каинъ молчалъ, какъ мертвый.

А Артемъ, выговоривъ свои слова, свободно вздохнулъ и продолжалъ яснѣе и болѣе связно.

— За то, что ты меня тогда пожалѣлъ, я могу тебѣ заплатить. Сколько надо? Скажи — и получи. А жалѣть тебя я не могу... Нѣтъ во мнѣ этого... и все я только ломалъ себя... притворялся больше. Думалъ—жалѣю, анъ выходитъ—такъ это, одинъ обманъ. Совсѣмъ я не могу жалѣть.

— Потому что я—жидъ?—тихо спросилъ Каинъ.

Артемъ сбоку посмотрѣлъ на него и просто сказалъ одно изъ тѣхъ словъ, которыя родятся въ сердцѣ:

— Что—жидъ? Мы, всѣ—жиды передъ Господомъ...

— Такъ почему?—тихо спросилъ Каинъ.

— Да не могу! Понимаешь, нѣтъ у меня жалости къ тебѣ... и ни къ кому нѣтъ... Ты это тоже пойми... другому бы я и не сказалъ этого, а просто бы р-разъ ему по башкѣ! А тебѣ говорю...

— Кто возстанетъ за меня противъ злобствующихъ? Кто постоитъ за меня противъ лиходѣевъ?—тихо и грустно спросилъ еврей словами псалма.

— Не могу я...—отрицательно мотнулъ головой Артемъ.—Не потому я это, что смѣются... мнѣ песъ съ ними, смѣйся! А въ самомъ себѣ не имѣю... На что я тебя стану обманывать? Не жаль мнѣ тебя... А за то—я лучше заплачу деньги...

— О, мстящій Боже! Предвѣчный Богъ возмездій, возсіяй, вознесись, Судья земли...—молился Каинъ, съежившись въ маленькій комокъ.

Лѣтній вечеръ былъ тихъ и тепелъ. Грустно и ласково отражала вода рѣки лучи заката. Съ обрыва на Каина и Артема упала тѣнь.

— Ты подумай,—убѣдительно и грустно говорилъ Артемъ,—какая моя задача теперь? Ты вотъ этого не понимаешь... а я—я долженъ за себя встать... они меня какъ избили? Помнишь?

Онъ скрипнулъ зубами и завозился на пескѣ, а потомъ легъ на спину, протянувъ ноги къ водѣ и закинувъ руки за голову.

— Я теперь всѣхъ ихъ знаю...

— Всѣхъ?—спросилъ Каинъ убито.

— Всѣхъ! Теперь я начну съ ними расчетъ... И ты мнѣ мѣшаешь...

— Чѣмъ я могу мѣшать?—воскликнулъ еврей.

— Не то, чтобы мѣшаешь, а... такое дѣло—озлобился я противъ всѣхъ людей. Хуже я ихъ? Вотъ оно что... Ну и стало быть ты мнѣ теперь—лишній. Понялъ?

— Нѣтъ!—кротко объявилъ еврей и тряхнулъ головой.

— Не понимаешь? Экой ты какой! Тебя жалѣть надо—такъ? Ну, а я теперь не могу жалѣть никого... Нѣту у меня жалости-то...

И, толкнувъ рукой въ бокъ еврея, онъ добавилъ:

— Совсѣмъ нѣтъ—понялъ?

Наступило долгое молчаніе. Вокругъ собесѣдниковъ, въ тепломъ и пахучемъ воздухѣ, плавали всплески волнъ и какіе-то глухіе, охающіе звуки, приносившіеся издалека, съ рѣки, сонной и темной.

— Что же мнѣ теперь дѣлать? —спросилъ, наконецъ, Каинъ, но отвѣта не дождался, потому что Артемъ задремалъ или задумался о чемъ-то.

— Какъ я буду жить безъ васъ?—громче сказалъ еврей.

Артемъ, глядя на небо, отвѣтилъ ему:

— А ужъ ты это самъ подумай...

— Боже мой, Боже мой!..

— Вѣдь это тоже не скажешь сразу—какъ жить,—лѣниво говорилъ Артемъ.

Сказавъ то, что хотѣлъ, онъ какъ-то сразу сталъ ясенъ и спокоенъ.

— А вѣдь я зналъ это... еще тогда, когда шелъ къ вамъ, избитому, то ужъ зналъ... что не можете вы заступаться за меня долго...

И еврей умоляющими глазами посмотрѣлъ на Артема, но не встрѣтилъ его глазъ.

— Вы, можетъ быть, потому, что смѣются они надъ вами за меня?—спросилъ Каинъ осторожно и чуть не шопотомъ.

— Они-то? А что мнѣ они?—открывъ глаза, усмѣхнулся Артемъ.—Ежели бы я захотѣлъ, то посадилъ бы тебя на плечи, да и носилъ по улицѣ. Пускай смѣются... А только ни къ чему это... Надо все дѣлать по правдѣ... по душѣ... Чего въ ней нѣтъ—такъ ужъ нѣтъ... И мнѣ, братъ, прямо скажу,—противно, что ты такой... да! Вотъ какъ выходитъ.

— Ахъ!.. вѣрно. Ну и что же я теперь?! уходить?

— Иди, пока свѣтло... не тронутъ еще пока. Вѣдь нашего разговора никто не знаетъ...

— Да-а... И вы не говорите никому, а?—попросилъ Каинъ.

— Ну... извѣстно. А ты все-таки не лѣзь мнѣ на глаза часто...

— Хорошо,—тихо и грустно согласился еврей и всталъ на ноги.

— Тебѣ бы лучше въ другомъ мѣстѣ гдѣ торговать,—равнодушно сказалъ Артемъ.—А то тутъ—строго жизнь держатъ... Все напрямки норовятъ...

— Куда же я пойду?

— Ну ужъ... какъ инъ знаешь...

— Прощайте, Артемъ.

— Прощай, братъ!

И онъ лежа протянулъ еврею руку и тиснулъ своими пальцами его сухія кости.

— Прощай. Не обижайся...

— Я не обижаюсь,—подавленно вздохнулъ еврей.

— Ну вотъ... Вѣдь этакъ-то лучше, самъ посуди... Больно ты... не для меня товарищъ... Развѣ мнѣ для тебя жить? Не идетъ это...

— Прощайте!

— Ну иди...

Каинъ пошелъ берегомъ рѣки, опустивъ голову на грудь и сильно сгорбившись.

Красавецъ Артемъ повернулъ голову вслѣдъ ему и черезъ нѣсколько секундъ снова улегся въ прежней позѣ, лицомъ къ небу, уже темному отъ близости ночи.

Въ воздухѣ рождались и таяли странные звуки. Рѣка плескалась о берегъ однообразно, печально и тоскливо.

А Каинъ, пройдя шаговъ пятьдесятъ, вернулся снова, подошелъ къ могучей фигурѣ Артема, распростертой на землѣ, и, остановясь передъ ней, тихо и почтительно спросилъ:

— А, можетъ, вы иначе подумаете?

Артемъ молчалъ.

— Артемъ?—позвалъ Каинъ и долго ждалъ отвѣта.

— Артемъ? Можетъ, все это такъ себѣ вы? — повторилъ еврей дрожащимъ голосомъ.—Вспомните, какъ я тогда васъ... а? Артемъ!? Никто не пришелъ, а я пришелъ...

Въ отвѣтъ ему раздался слабый храпъ.

... Каинъ еще долго стоялъ надъ силачемъ и все всматривался въ его безжизненно-красивое лицо, смягченное сномъ. Богатырская грудь вздымалась ровно и высоко, и черные усы, шевелясь отъ дыханія, открывали блестящіе, крѣпкіе зубы красавца. Казалось, онъ улыбался...

Глубоко вздохнувъ, еврей еще ниже склонилъ голову и снова пошелъ по берегу рѣки. Весь трепещущій отъ страха предъ жизнью, онъ шелъ осторожно—въ открытыхъ пространствахъ, освѣщенныхъ луной, онъ умѣрялъ шагъ, вступая въ тѣнь,—крался медленно...

И былъ похожъ на мышенка, на маленькаго трусливаго хищника, который пробирается въ свою нору среди многихъ опасностей, отовсюду грозящихъ ему.

А ужъ ночь наступила и на берегу рѣки было пустынно...

М. Горькій.

ОБЪ ИЗМѢРЕНІИ ПСИХИЧЕСКИХЪ ЯВЛЕНІЙ.

Профес. Г. И. Челпанова.

Статья I.

Можно ли *измѣрить* психическія явленія? вотъ вопросъ, который могъ возникнуть только лишь въ настоящемъ столѣтіи. Если обыкновенно принято говорить, что XIX вѣкъ есть вѣкъ пара, идеи эволюціи, спектральнаго анализа, то съ такимъ же правомъ можно сказать, что для психологіи девятнадцатый вѣкъ есть вѣкъ «измѣренія» психическихъ явленій. Тотъ моментъ, когда мѣра была приложена къ психическимъ явленіямъ, былъ для психологіи такимъ же рѣшающимъ какъ идея эволюціи и спектральный анализъ въ естествознаніи. Приложеніе «числа» къ изслѣдованію психическихъ явленій послужило поворотнымъ пунктомъ въ исторіи психологіи, которая съ этого момента сдѣлалась экспериментальной наукой. Психологъ изъ роли простого наблюдателя психическихъ явленій перешелъ къ роли вопрошателя. Психологія вступила въ рядъ наукъ экспериментальныхъ, пользующихся методами естествознанія. Вотъ почему вопросъ объ измѣреніи психическихъ явленій представляетъ огромную научную важность.

Тѣмъ обстоятельствомъ, что психическія явленія могутъ быть измѣрены, психологи воспользовались для изслѣдованія психическихъ явленій, напр., законовъ ассоціаціи, вниманія, волевыхъ движеній и т. под., но этимъ обстоятельствомъ можетъ также воспользоваться и философъ для опредѣленія *природы* психическихъ явленій въ отличіи ихъ отъ физическихъ. Съ этой послѣдней точки зрѣнія измѣреніе психическихъ явленій представляетъ особенный интересъ.

Въ самомъ дѣлѣ, отчего это кажется, что психическія явленія нельзя измѣрить, въ то время, какъ самое существованіе такихъ точныхъ наукъ, какъ физика и химія, ясно указываетъ на то, что физическія явленія тщательно и точно измѣрены. Можно было думать, что того, что между явленіями физическими и явленіями психическими ъ огромное различіе и именно такого рода, что *психическія явленія самой своей природѣ не могутъ быть измѣримы*, что къ нимъ не

приложима ни одна изъ тѣхъ мѣръ, которыя приложимы къ міру явленій физическихъ.

Но вотъ въ дѣйствительности наука находитъ средства измѣрить психическія явленія и, такимъ образомъ, старый предразсудокъ о неизмѣримости ихъ долженъ быть признанъ несостоятельнымъ. Отсюда легко можно было придти къ тому выводу, что обычно признаваемое различіе между физическими и психическими явленіями совершенно не правильно и что, какъ разъ наоборотъ, то обстоятельство, что психическія явленія могутъ быть измѣрены, показываетъ, что они въ дѣйствительности по своей природѣ *ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ явленій физическихъ,* что старая граница между міромъ психическимъ и физическимъ разрушена, что психическое по существу есть физическое. И въ самомъ дѣлѣ такой выводъ былъ сдѣланъ. Не только въ публикѣ, но и среди людей науки распространенъ взглядъ, что если психическія явленія можно измѣрить, то это показываетъ, что *явленія психическія обладаютъ матеріальной природой.*

Такъ, напр., у *Молешотта* *) мы находимъ слѣдующее замѣчаніе: «Всѣ процессы въ нервной системѣ—возбужденіе, распространеніе его воздѣйствія, сужденіе, волевое возбужденіе имѣютъ опредѣленную скорость, тѣмъ меньшую, чѣмъ сложнѣе процессъ. Мышленіе есть протяженный процессъ и именно тѣмъ болѣе протяженный, чѣмъ болѣе онъ сложенъ. То, что для своего совершенія требуетъ времени связано съ временемъ, можетъ существовать только лишь черезъ посредство передвиженія и именно мельчайшихъ частицъ. Мельчайшія, частицы движутся во времени, слѣдовательно, оно совершается черезъ посредство движенія». Точно такъ же, по мнѣнію *Бюхнера,* «мышленіе есть и должно быть естественнымъ движеніемъ» (Natur-Bewegung) и что «это есть не только требованіе логики, но что оно недавно доказано было даже экспериментально». Бюхнеръ имѣетъ въ виду именно измѣреніе скорости психическихъ процессовъ, которое, по его мнѣнію, приводитъ къ тому выводу, что психическій актъ или актъ мышленія совершается въ протяженномъ и сложномъ субстратѣ, оказывающемъ сопротивленіе, и что поэтому такой актъ есть не что иное, какъ *форма движенія* **).

Отголоски этого взгляда мы имѣемъ и въ русской литературѣ. «Существуютъ признаки, говоритъ Б. Л. въ статьѣ «Движеніе какъ основное начало психическихъ явленій» ***), указывающіе на то, что психическіе процессы имѣютъ тѣсное сродство съ силой молекулярнаго движенія. Это доказывается тѣмъ, что психическіе процессы совершаются во времени и съ этой стороны могутъ быть измѣрены».

*) Kreislauf des Lebens. Изд. 5-е, 1877—1887.

**) Büchner, Kraft und Stoff, стр. 309.

***) «Журналъ Знаніе». 1876. Декабрь.

«Физіологія, по мнѣнію проф. *Ковалевскаго*, потому въ состояніи рѣшать вопросы объ образованіи и ходѣ психическихъ процессовъ, что они, какъ матеріальные, совершаются въ *пространствѣ* и *времени*» (Ковалевскій имѣетъ въ виду измѣреніе психическихъ процессовъ *).

Сѣченовъ въ «Психологическихъ этюдахъ» замѣчаетъ:

1) Самые простѣйшіе изъ психическихъ актовъ требуютъ для своего происхожденія опредѣленнаго *времени* и тѣмъ большаго, чѣмъ сложнѣе актъ.

2) Психическая дѣятельность для своего происхожденія требуетъ анатомо-физіологической цѣлости головного мозга.

Къ этому Сѣченовъ дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: «Сопоставивъ 1-й и 2-й пункты, выходитъ, что психическая дѣятельность, какъ всякое земное явленіе, происходитъ во *времени* и въ *пространствѣ* **).

Это замѣчаніе проф. Сѣченова любопытно во всѣхъ отношеніяхъ. Сѣченовъ хочетъ доказать, какъ онъ выражается, *родство* явленій физическихъ съ психическими и боится, чтобы читатель какъ-нибудь не подумалъ, что психическія явленія въ какомъ-нибудь отношеніи представляютъ изъ себя что-нибудь особенное, и потому проф. Сѣченовъ спѣшитъ замѣтить читателю, что психическая дѣятельность есть явленіе «земное» и что оно происходитъ во времени и пространствѣ. Очевидно, что какъ для Ковалевскаго, такъ и для Сѣченова то обстоятельство, что психическіе процессы совершаются во времени, является доказательствомъ того, что между ними и физическими процессами нѣтъ существеннаго различія.

Этотъ взглядъ въ настоящее время очень распространенъ въ публикѣ, и если я пишу статью «объ измѣреніи психическихъ явленіи», то только для того, чтобы доказать читателю, что хотя психическія явленія и въ самомъ дѣлѣ измѣряются, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ дѣлать того вывода, который обыкновенно дѣлается. Я постараюсь въ своей статьѣ познакомить читателя съ тѣми пріемами, при помощи которыхъ психическія явленія *измѣряются*, разумѣется, ограничиваясь только лишь существеннымъ.

Но чтобы читатель не былъ введенъ въ заблужденіе словомъ «измѣреніе», которое въ данномъ случаѣ употребляется въ примѣненіи къ психическимъ явленіямъ, я постараюсь дать анализъ этого понятія, и тогда станетъ понятнымъ, какъ осторожно должны быть употребляемы термины въ наукѣ, и въ особенности въ философіи. Я покажу, что психическія явленія дѣйствительно могутъ быть измѣряемы, но что понятіе «измѣренія» въ примѣненіи къ психическимъ явленіямъ употребляется совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно употребляется въ примѣненіи къ явленіямъ физическимъ, и въ этомъ не трудно убѣ-

*) «Какъ физіологія смотритъ на жизнь вообще и психическую жизнь въ частности». Каз. 1876.

**) Психологическіе этюды. Стр. 151.

диться, если мы сначала разберемъ, что значитъ измѣрять вообще и въ особенности въ примѣненіи къ физическимъ явленіямъ. Возьмемъ нѣсколько обиходныхъ примѣровъ, чтобы пояснить, что значитъ «измѣрять.»

Напр., мы говоримъ, что столъ имѣетъ въ длину 150 сентиметровъ. Что это значитъ? Это значитъ, что есть одна опредѣленная *единица*, которая называется сентиметромъ и которую мы въ данномъ случаѣ сравниваемъ съ длиною стола и находимъ, что длина стола можетъ содержать 150 такихъ единицъ. Вотъ кусокъ желѣза. Онъ вѣситъ 35 фунт. Это значитъ, что если бы мы его сравнили съ единицей, которая называется фунтомъ, то оказалось бы, что такихъ фунтовъ въ немъ содержится 35.

Если бы мы разсмотрѣли всѣ вообще мыслимыя измѣренія, какія мы совершаемъ въ мірѣ физическомъ, то мы увидѣли бы, что мы всегда въ этихъ случаяхъ сравниваемъ измѣряемое явленіе съ какимъ-либо другимъ, которое мы называемъ *единицей* и этотъ процессъ сравненія мы называемъ «измѣреніемъ».

Положимъ, намъ нужно измѣрить количество теплоты, находящейся въ данномъ тѣлѣ. Для измѣренія теплоты существуетъ опредѣленная единица, которая называется *калоріей*. Это слово служитъ для обозначенія того количества теплоты, при помощи котораго одинъ килограммъ воды можно нагрѣть на 1° С. Мы можемъ измѣрить силу свѣта: для этого существуетъ опредѣленная единица, которая называется нормальной свѣчей, съ силой свѣта которой мы и должны сравнивать свѣтъ, силу котораго мы желаемъ опредѣлить. Мы можемъ измѣрить силу той или другой машины. Для этого существуетъ единица мѣры, которая называется лошадиной силой. Даже электричество, которое, на первый взглядъ, кажется совершенно неощутимымъ, а слѣд., и неизмѣримымъ, можетъ быть измѣрено, и для измѣренія его существуютъ такія единицы, какъ омы, вольты, амперы, фарады и т. под. Изъ этихъ примѣровъ ясно, что если мы какія либо измѣримыя явленія желаемъ измѣрить, то для этого у насъ должны существовать опредѣленныя *единицы*.

Но, само собою разумѣется, необходимо, чтобы эта единица отличалась устойчивостью и опредѣленностью; необходимо, чтобы самый процессъ сравненія былъ опредѣленный и точный, и это именно есть необходимое условіе процесса *измѣренія*. Если люди науки затрудняются измѣрить какое-нибудь явленіе, то это часто происходитъ оттого, что они не могутъ найти соотвѣтствующей единицы или же примѣнить ее къ данному ряду явленій. Задача науки при измѣреніи явленій заключается именно въ томъ, чтобы найти какую-либо опредѣленную единицу и примѣнить ее къ данному явленію въ вполнѣ опредѣленной формѣ. Другими словами, это означаетъ, что идеалъ науки—примѣнять къ изслѣдованію тѣхъ или другихъ явленій *число*. Важность примѣ-

венія числа сознавалась, разумѣется, не только на практикѣ, но и въ теоріи. По мнѣнію пиѳагорейцевъ, напр., число управляетъ міромъ, что, конечно, нужно понимать въ томъ смыслѣ, что въ мірѣ существуетъ законосообразность и что эту законосообразность намъ слѣдуетъ понять и изобразить при помощи числа. Основатель современной философіи Кантъ говорилъ, что всякая наука есть наука лишь во-стольку, поскольку къ ней можетъ примѣняться математика. Слѣдовательно, идеаломъ науки является именно примѣненіе математики къ анализу тѣхъ или другихъ явленій.

Въ справедливости этого положенія намъ не трудно убѣдиться, если мы обратимъ вниманіе на прошлое науки. Мы увидимъ, что собственно наука прогрессируетъ по мѣрѣ того, какъ она все точнѣе и точнѣе примѣняетъ число къ изслѣдованію явленій. Я приведу нѣсколько примѣровъ изъ исторія науки, чтобы показать, что чѣмъ точнѣе происходило измѣреніе, тѣмъ болѣе научный характеръ пріобрѣтало изслѣдованіе. «Въ Гринвичской обсерваторіи въ настоящее время, говоритъ Джевонсъ *), сотая часть секунды не считается незначительной частью времени. Древніе же халдеи, записывая солнечныя затменія, указывали только *часъ* ихъ». Первые александрійскіе астрономы, производили изслѣдованія, съ нашей точки зрѣнія, настолько неточно, что «считали излишнимъ дѣлать различіе между краемъ и центромъ солнца». «Со введеніемъ астролябіи Птоломей и позднѣйшіе александрійскіе астрономы могли опредѣлить мѣсто небесныхъ свѣтилъ съ точностью 10 минутъ. Но уже Тихо де-Браге удавалось часто достигать точности въ 60 разъ бо́льшей, чѣмъ Птоломей». Благодаря введенію новыхъ инструментовъ мы въ настоящее время замѣчаемъ количества въ 300.000 или 400.000 разъ меньшія, чѣмъ во времена халдеевъ.

Интересно сравнить скрупулезную точность новыхъ тригонометрическихъ съемокъ съ измѣреніемъ градуса широты Норвудомъ въ 1653 году. «Иногда я измѣрялъ, а иногда просто мѣрилъ шагами, говоритъ Норвудъ, и я думаю, что я близокъ къ истинѣ».

Такимъ образомъ, можно сказать словами Гершелля, что «численная точность есть душа науки» и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что философы всегда съ особеннымъ энтузіазмомъ говорили о роли математики въ развитіи научныхъ познаній человѣка.

Мы видѣли, что для всякаго измѣренія необходима какая-нибудь единица, съ которой мы должны сравнивать измѣряемую вещь. Вотъ съ этой точки зрѣнія мы разсмотримъ возможность измѣренія психическихъ процессовъ. Существуетъ ли такая единица мѣры для измѣренія психическихъ процессовъ и какъ она примѣняется для измѣренія психическихъ явленій.

Когда говорятъ, что психическіе процессы могутъ быть измѣряемы,

*) Джевонсъ. Основы науки. Спб., 1881 г., стр. 258—260.

то мы должны отличать два совершенно различныхъ рода измѣреній, именно можно измѣрять интенсивность, *силу*, тѣхъ или другихъ психическихъ процессовъ, главнымъ образомъ, ощущеній, и *быстроту* или скорость психическихъ процессовъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ употребляются совершенно различные пріемы, которые мы и разсмотримъ въ отдѣльности и прежде всего разсмотримъ пріемы измѣренія интенсивности ощущеній.

Сначала разберемъ, что такое *интенсивность?* Если, напр., на металлическую доску падаетъ металлическій же шарикъ съ извѣстной высоты, то, какъ легко себѣ представить, получится звукъ извѣстной силы или интенсивности. Если на ту же доску съ той же высоты будетъ падать бо́льшій шарикъ, то получится звукъ бо́льшей интенсивности. Мы говоримъ, что въ одномъ случаѣ мы получаемъ менѣе интенсивное ощущеніе, чѣмъ въ другомъ. Отъ свѣта свѣчи мы получаемъ ощущеніе извѣстной интенсивности, ощущеніе отъ свѣта электрической лампочки обладаетъ бо́льшей интенсивностью. Вотъ теперь и возникаетъ вопросъ. Если мы отъ двухъ различныхъ возбужденій имѣемъ два ощущенія съ различной интенсивностью, то спрашивается, можемъ ли мы опредѣлить, во сколько разъ одно ощущеніе интенсивнѣе или сильнѣе чѣмъ другое? Можемъ ли мы вообще сказать, что одно ощущеніе во столько-то разъ больше, чѣмъ другое, подобно тому, какъ это мы дѣлаемъ при измѣреніи явленій физическаго міра. Такого рода сравненія въ физическомъ мірѣ для насъ не представляютъ никакой трудности. Если мы, напр., желаемъ сравнить длину какой-либо линіи съ длиной другой линіи, то мы, при помощи опредѣленной *единицы*, напр., дюйма, сантиметра измѣряемъ одну линію, затѣмъ другую и, такимъ образомъ, получаемъ возможность опредѣлить, во сколько разъ одна линія больше или меньше другой. А гдѣ же та единица, при помощи которой мы могли бы опредѣлить, что одно ощущеніе больше другого въ десять, двадцать и т. д. разъ? Такой единицы нѣтъ, а потому самое предположеніе, что интенсивность ощущенія можно измѣрять, кажется совсѣмъ невѣроятнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы, сравнивая наши ощущенія одно съ другимъ, можемъ только сказать, что одно изъ нихъ имѣетъ большую интенсивность, а другое—меньшую; мы можемъ, напр., сказать, что ощущеніе отъ пушечнаго выстрѣла значительно сильнѣе ощущенія отъ пистолетнаго выстрѣла, но сказать, во сколько разъ одно ощущеніе сильнѣе другого, мы совершенно не въ состояніи. Мы можемъ сказать, что ощущеніе отъ свѣта солнца значительно сильнѣе ощущенія отъ свѣта свѣчи, но во сколько разъ одно сильнѣе другого, мы вообще сказать не въ состояніи. Числовыя единицы здѣсь примѣнимы быть не могутъ.

Нѣкоторые психологи противъ возможности измѣренія интенсивности ощущеній приводили слѣдующее теоретическое соображеніе.

Если бы, по ихъ мнѣнію, мы могли сказать, что сильныя ощуще-

нія вообще *складываются* изъ слабыхъ ощущеній, тогда, пожалуй, мы, опредѣляя, сколько слабыхъ ощущеній содержится въ данномъ сильномъ ощущеніи, были-бы въ состояніи опредѣлить, во сколько разъ одно ощущеніе сильнѣе, чѣмъ другое. Но въ дѣйствительности сильное ощущеніе не складывается изъ слабыхъ. Вслѣдствіе этого у насъ нѣтъ никакихъ основаній искать, какое существуетъ измѣримое различіе между сильнымъ звуковымъ ощущеніемъ и слабымъ, между сильнымъ свѣтовымъ ощущеніемъ и слабымъ, между сильнымъ тепловымъ ощущеніемъ и слабымъ. Сильное ощущеніе и слабое ощущеніе представляютъ изъ себя два совершенно разнородныхъ явленія, два несоизмѣримыхъ явленія, такъ что сравнивать ихъ другъ съ другомъ, съ цѣлью найти числовое отношеніе между ними, было-бы такъ же безсмысленно, какъ если бы мы пожелали математически опредѣлить различіе между ощущеніемъ соленаго и кислаго или отношеніе между головной и зубной болью. Ощущеніе представляетъ *простой* элементъ сознанія, который не можетъ быть разложенъ на части и потому не можетъ быть составленъ изъ меньшихъ единицъ. Поэтому ощущенія не могутъ быть разсматриваемы какъ *величины*, они не могутъ быть *измѣряемы*, потому что невозможно приложить какой-либо масштабъ для ихъ сравненія.

Я не буду разбирать, въ какой мѣрѣ справедливо утвержденіе психологовъ, что ощущенія представляютъ изъ себя нѣчто *простое*, неразложимое, а покажу, какимъ образомъ все-таки считается возможнымъ измѣреніе интенсивности ощущеній, при чемъ я долженъ замѣтить, что тѣ психологи, которые считали возможнымъ это послѣднее, вовсе и не думали, что интенсивность ощущеній можетъ быть измѣрена непосредственно. Напротивъ, они думали, что если ощущенія и измѣримы, то во всякомъ случаѣ только *косвенно*. Они разсуждали слѣдующимъ образомъ: мы не можемъ измѣрять ощущеній непосредственно, мы не можемъ, напр., сказать, во сколько разъ одно ощущеніе больше или меньше другого, но за то мы можемъ измѣрять *возбужденія*; эти послѣднія могутъ быть опредѣляемы болѣе или менѣе точно *). Напримѣръ, мы можемъ опредѣлить, во сколько разъ одно звуковое *возбужденіе* сильнѣе, чѣмъ другое, мы можемъ опредѣлять, во сколько разъ одно свѣтовое возбужденіе сильнѣе, чѣмъ другое. Мы можемъ, напримѣръ, сказать, что свѣтовое возбужденіе отъ одной

*) Я думаю, что для читателя ясно различіе, существующее между *ощущеніемъ* и *возбужденіемъ*. Если, напримѣръ, металлическій шарикъ падаетъ съ извѣстной высоты на металлическую доску, то онъ производитъ извѣстное колебаніе воздуха. Этотъ *физическій* процессъ есть звуковое возбужденіе. Это возбужденіе въ сознаніи субъекта производитъ *психическое* явленіе—ощущеніе звука. Если это различіе для читателя вполнѣ ясно, то онъ легко пойметъ, что *возбужденіе* можетъ быть непосредственно измѣрено, между тѣмъ какъ сказать тоже самое объ ощущеніи никакъ нельзя.

свѣчи въ два раза меньше, чѣмъ отъ двухъ свѣчей и т. под. Измѣрять, слѣдовательно, возбужденія, благодаря которымъ у насъ созидаются ощущенія, мы можемъ. Если бы мы были въ состояніи опредѣлить, въ какомъ отношеніи находится ощущеніе къ возбужденію, то мы тогда косвеннымъ путемъ были-бы въ состояніи измѣрить ощущенія, т.-е. мы были бы въ состояніи по извѣстнымъ намъ измѣненіямъ возбужденій судить объ измѣненіяхъ ощущеній.

Слѣдовательно, задача измѣренія ощущеній опредѣляется просто. Мы къ рѣшенію этой задачи приступаемъ не прямо, а косвенно, черезъ посредство измѣренія возбужденій, и по измѣненію этихъ послѣднихъ уже судимъ объ измѣненіи ощущеній. Но для этого намъ необходимо опредѣлить, какое отношеніе существуетъ между возбужденіемъ и ощущеніемъ.

Разумѣется, говоря объ отношеніи между возбужденіями и ощущеніями, я разумѣю *числовое* отношеніе. Т.-е. задача наша сводится къ тому, чтобы опредѣлить, *существуетъ ли какое-нибудь закономѣрное отношеніе между возбужденіемъ и ощущеніемъ.* Напримѣръ, если мы увеличиваемъ какое-нибудь возбужденіе въ два раза, то можемъ ли мы сказать, что при этихъ условіяхъ и ощущеніе увеличивается въ два раза? Можемъ ли мы, напримѣръ, сказать, что двѣ свѣчи вызываютъ ощущеніе въ два раза болѣе интенсивное, чѣмъ одна свѣча? Самымъ естественнымъ казалось бы отвѣтить, что, конечно, если одна свѣча вызываетъ ощущеніе свѣта опредѣленной интенсивности, то двѣ свѣчи вызываютъ ощущеніе двойной интенсивности. Кажется, что, по мѣрѣ того, какъ увеличивается возбужденіе, *пропорціонально* съ нимъ увеличивается и ощущеніе, т.-е. если возбужденіе, напримѣръ, увеличится въ два, три, четыре раза, то и ощущеніе становится въ два, три, четыре раза больше. Это мнѣніе, однако, совершенно несправедливо. На самомъ дѣлѣ отношеніе между ощущеніемъ и возбужденіемъ совсѣмъ другое.

Есть явленія, которыя всякій можетъ наблюдать и которыя сразу обнаруживаютъ несостоятельность этого мнѣнія, именно, они показываютъ, что, хотя возбужденіе, положимъ, удваивается, но ощущеніе вслѣдствіе этого можетъ вовсе не удваиваться. Каждому приходилось присутствовать на такъ называемыхъ монстръ-концертахъ, когда число музыкантовъ бываетъ въ три, четыре раза больше, чѣмъ въ обыкновенныхъ концертахъ. Каждый, являясь на такой концертъ, думаетъ услышать звуки въ три, четыре раза сильнѣе, чѣмъ въ обыкновенныхъ концертахъ и бываетъ очень удивленъ, слыша звукъ чуть-чуть сильнѣе, чѣмъ въ обыкновенныхъ. Слѣдовательно, тройное возбужденіе не вызываетъ тройного ощущенія, а меньшее. Многимъ изъ читателей навѣрно приходилось наблюдать, что, напримѣръ, во время затменіе солнца оно можетъ быть затемнено въ значительной части своего диска; но при этомъ свѣтъ дня совсѣмъ не кажется значительно

уменьшеннымъ. Нужно было бы думать, что если солнце затемнено наполовину, то и свѣтъ дня долженъ былъ бы уменьшиться на половину; однако же этого совсѣмъ нѣтъ. Двѣ трети диска могутъ быть затемнены, а между тѣмъ свѣтъ солнца кажется уменьшеннымъ очень незначительно.

Эти примѣры показываютъ, что, хотя возбужденіе усиливается и ослабляется, но при этомъ ощущенія, ими вызываемыя, совсѣмъ не усиливаются или ослабляются въ той же мѣрѣ. Такъ, если возбужденіе усиливается въ два раза, то ощущеніе усиливается не въ два раза, а очевидно меньше, какъ въ указанныхъ примѣрахъ. Вотъ для насъ и возникаетъ задача. Если ощущенія растутъ не пропорціонально возбужденію, то не существуетъ ли какого-нибудь закона возрастанія ощущеній, не можемъ ли мы опредѣлить, во сколько разъ возрастаетъ ощущеніе, если возбужденіе возрастаетъ въ два, три, четыре и т. д. раза?

Если мы предположимъ, что возбужденіе есть *величина*, то для насъ ясно, что она можетъ измѣняться, т. е. увеличиваться и уменьшаться. Увеличеніе и уменьшеніе можетъ совершаться въ безконечно малыхъ предѣлахъ, т. е. возбужденіе можетъ увеличиваться и уменьшаться съ величайшей постепенностью. Это совсѣмъ не трудно понять, если мы возьмемъ примѣръ, который мы привели выше. Положимъ, металлическій шарикъ падаетъ на металлическую доску съ высоты 1 метра и производитъ звукъ извѣстной силы. Мы можемъ себѣ легко представить, что шарикъ будетъ падать не съ высоты одного метра, а съ бо̀льшей высоты, именно одного метра+1 миллиметръ. Очевидно, въ этомъ случаѣ получится возбужденіе болѣе сильное, потому что на этотъ разъ шарикъ падаетъ съ бо̀льшой высоты. Но мы можемъ себѣ представить, что разница между одной высотой паденія и другой можетъ быть еще меньшая. Слѣд. мы можемъ легко понять, что возбужденіе можетъ расти съ величайшей постепенностью.

Спрашивается, можетъ ли и ощущеніе расти съ постепенностью отвѣчающей постепенности роста возбужденія? На этотъ вопросъ мы отвѣчаемъ отрицательно, на основаніи наблюденій, опять-таки заимствованныхъ изъ обыденной жизни.

Если мы посмотримъ днемъ на небо, то мы не увидимъ на немъ звѣздъ. Не кажется ли это явленіе страннымъ? Вѣдь звѣзды на небѣ днемъ свѣтятъ такъ же, какъ и ночью. Отчего же онѣ ночью видны, а днемъ не видны? Вѣдь свѣтъ ихъ днемъ дѣйствуетъ на нашъ глазъ такъ же, какъ и ночью, а между тѣмъ мы совсѣмъ не ощущаемъ ихъ свѣта. Объясненіе этого факта сдѣлается понятнымъ изъ послѣдующаго. Но уже легко понять, какой изъ него можно сдѣлать выводъ. Днемъ на нашъ глазъ дѣйствуетъ опредѣленное возбужденіе—свѣтъ солнца. Къ этому возбужденію прибавляется еще безконечно малое возбужденіе—свѣтъ звѣзды, который однако не вызываетъ въ

въ насъ никакого ощущенія. Въ этомъ случаѣ *возбужденіе* возрастаетъ, а соотвѣтствующее ему *ощущеніе* не возрастаетъ, какъ это можно было ожидать. Этотъ примѣръ еще разъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что ощущеніе растетъ не такъ, какъ растетъ возбужденіе.

Возьмемъ еще одинъ примѣръ. Положимъ, вы держите въ рукѣ гирю въ 5 фунтовъ. Какъ вы думаете, если я незамѣтно для васъ прибавлю къ этой тяжести 1 золотникъ, замѣтите ли вы эту прибавку, или нѣтъ? Кажется на первый взглядъ, что вы должны замѣтить, потому что вѣдь возбужденіе увеличилось, слѣд., и ощущеніе должно было бы увеличиться, однако на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ. Ваше разсужденіе неправильно. Хотя этотъ добавочный золотникъ въ качествѣ возбужденія и дѣйствуетъ на вашу руку, однако онъ не вызываетъ никакого ощущенія. Это кажется даже какимъ-то парадоксомъ, чѣмъ-то совершенно непонятнымъ. Какъ понять въ самомъ дѣлѣ, что что нибудь можетъ дѣйствовать на нашъ органъ чувствъ и въ тоже время не вызывать въ насъ никакого ощущенія? Но хотя это явленіе и кажется на первый взглядъ и непонятнымъ, однако оно подтверждается опытомъ и служитъ доказательствомъ того положенія, что *ощущеніе растетъ не пропорціонально возбужденію*.

Но если ощущеніе не растетъ пропорціонально возбужденію, то какъ же оно растетъ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ произведемъ опытъ по тому способу, по которому производилъ его знаменитый нѣмецкій физіологъ *Э. Г. Веберъ*.

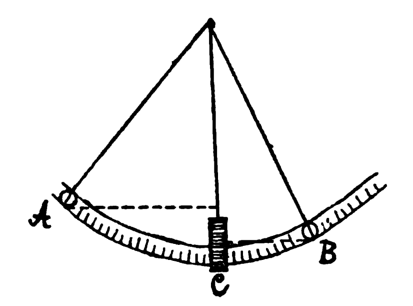
Мы велимъ субъекту, надъ которымъ мы желаемъ произвести опытъ, положить руку на столъ и кладемъ ему на руку какую-либо тяжесть, положимъ гирю въ три фунта; затѣмъ начинаемъ прибавлять меньшую тяжесть, положимъ, 2 золотника, и спрашиваемъ у этого субъекта, который во время опыта не долженъ видѣть своей руки, не чувствуетъ ли онъ какой-нибудь разницы. Онъ отвѣчаетъ отрицательно. Тогда мы пробуемъ положить бо̀льшую тяжесть и продолжаемъ это дѣлать до тѣхъ поръ, пока добавочная тяжесть не произведетъ замѣтнаго различія ощущенія. Запишемъ тогда, какая нужна добавочная тяжесть, чтобы субъектъ замѣтилъ различіе между прежнимъ ощущеніемъ и теперешнимъ. Послѣ этого мы дѣлаемъ то же самое для другой, для третьей тяжести, пока не опредѣлимъ для достаточнаго числа тяжестей величину той добавочной тяжести, которая созидаетъ едва замѣтное различіе ощущеній. Изъ этихъ опытовъ получается очень любопытный результатъ: именно оказывается, что добавочная тяжесть должна находиться въ постоянномъ, опредѣленномъ отношеніи къ данной тяжести, чтобы произвести едва замѣтное различіе ощущенія, напр., къ одному грамму нужно прибавить одну треть грамма чтобы субъектъ почувствовалъ разницу въ ощущеніи, для тридцати фунтовъ—10 фунтовъ и т. д. Эти опыты были произведены надъ большимъ числомъ тяжестей и результаты ихъ могутъ формулироваться

такъ: «каково бы ни было давленіе на кожу, увеличеніе и уменьшеніе давленія не будетъ ощущаться до тѣхъ поръ, пока тяжесть, прибавленная или отнятая, не будетъ равна одной трети первоначальнаго вѣса».

На этомъ примѣрѣ мы видимъ, какъ растетъ ощущеніе тяжести въ связи съ ростомъ возбужденія. Именно каждое новое возбужденіе должно составлять одну треть прежняго для того, чтобы ощущеніе сдѣлалось замѣтно отличающимся отъ перваго. Только тогда мы можемъ сказать, что ощущеніе возросло.

Приведу еще одинъ примѣръ изъ области слуховыхъ ощущеній для поясненія того, что и здѣсь добавочное возбужденіе должно находиться въ совершенно опредѣленномъ отношеніи къ уже существующему для того, чтобы вызвать едва замѣтное ощущеніе.

Въ этой области мы обладаемъ средствомъ опредѣлять, какимъ образомъ растетъ интенсивность звукового возбужденія. Мы можемъ, напр., признать справедливымъ слѣдующій принципъ: интенсивность



Черт. № 1.

звука, который производитъ какое-либо тѣло, ударяясь о другое, *пропорціональна тяжести падающаго тѣла и высотѣ, съ которой оно падаетъ*. Если мы возьмемъ какое-либо тѣло, то мы можемъ, измѣняя *высоту* паденія, измѣнить силу звука по произволу. Беремъ два шарика А и В, одинаковой величины, сдѣланные изъ одного и того же матеріала и повѣшенные на ниткѣ равной длины (см. черт. I). Между двумя шариками помѣщается маленькая доска (С). Если мы приподнимемъ шарикъ А или В на извѣстную высоту, и затѣмъ опустимъ его, то онъ, ударяясь о доску, произведетъ звукъ извѣстной силы или интенсивности. Такъ какъ сила звуковъ прямо пропорціонольна высотѣ паденія, то, если шарики отведены на одинаковое разстояніе, онѣ произведутъ звуки одинаковой интенсивности; если они будутъ отведены на неодинаковое разстояніе, то звуки будутъ неравной интенсивности. Если теперь, исходя отъ того момента, когда существуетъ абсолютное равенство, мы будемъ постепенно увеличивать высоту паденія одного шарика и заставлять шарики падать какъ можно быстрѣе одинъ вслѣдъ за другимъ, чтобы лучше можно было сравнивать, то произойдетъ слѣ-

дующее: сначала не замѣчается никакого различія между звуками, хотя и была бы извѣстная разница въ высотѣ паденія. Это различіе замѣчается тогда, когда разница въ высотѣ паденія достигаетъ извѣстной степени. Въ этотъ моментъ измѣряютъ разницу высотъ паденія обоихъ шариковъ, и тогда можно видѣть, на сколько высота паденія одного должна быть увеличена, чтобы разница была замѣчена. Изъ измѣреній такого рода оказалось. что и въ области звуковыхъ ощущеній вполнѣ примѣняется вышеуказанный законъ Вебера.

И такъ изъ приведенныхъ примѣровъ мы можемъ видѣть, что для этихъ двухъ областей, для ощущенія тяжести и ощущенія звука, вполнѣ примѣняется тотъ законъ, по которому *добавочное возбужденіе должно находиться въ совершенно опредѣленномъ отношеніи къ данному, чтобы получилось ощущеніе, едва замѣтно отличающееся отъ предыдущаго. (Законъ Вебера).*

Въ другихъ областяхъ цифра получилась другая, но все-таки отношеніе добавочнаго возбужденія къ данному оказывается постояннымъ. Такъ, напр., это отношеніе для свѣтовыхъ ощущеній должно равняться $^1/_{100}$; для мышечнаго ощущенія отношеніе это должно равняться $^1/_{17}$.

Теперь мы опредѣлили, какимъ образомъ мы должны измѣнять *возбужденія*, чтобы *ощущеніе* могло едва замѣтно возрастать. Само собою разумѣется, что подобно тому, какъ ростъ *возбужденій* можетъ быть выраженъ нами посредствомъ ряда цифръ 1, 2, 3, 4 и т. д., такъ и для роста *ощущеній* мы должны быть въ состояніи указать соотвѣтствующія цифры, начиная съ самаго первоначальнаго момента, т. е. отъ того момента, когда ощущеніе впервые начинаетъ существовать. Конечно, мы это можемъ опредѣлить, но для этого мы должны опредѣлить тотъ моментъ, когда ощущеніе впервые начинаетъ существовать въ нашемъ сознаніи. Если я, напр., смотрю на звѣзду пятой величины, то хотя свѣтъ ея и дѣйствуетъ на мой глазъ, но я его совсѣмъ не воспринимаю, потому что, какъ говорятъ психологи, это возбужденіе ниже извѣстнаго предѣла. Для того, чтобы сдѣлаться замѣтнымъ для моего сознанія, возбужденіе должно перейти этотъ предѣлъ. Этотъ предѣлъ на спеціальномъ языкѣ психологовъ называется *порогомъ* возбужденія. Вотъ этотъ-то порогъ возбужденія намъ и необходимо опредѣлить.

Для этого мы поступаемъ слѣдующимъ образомъ. Напр., для опредѣленія порога возбужденія въ области ощущенія *давленія*, мы кладемъ на ту часть кожи, чувствительность которой желаемъ опредѣлить, маленькія тяжести изъ пробкового дерева и посредствомъ повторныхъ опытовъ опредѣляемъ, какая необходима тяжесть, чтобы она была едва ощутима. Большое число опытовъ, произведенныхъ такимъ способомъ, показало, что въ этомъ отношеніи чувствительность кожи очень измѣнчива и измѣняется смотря по областямъ. Въ результатѣ получилось, что *порогъ возбужденія* для давленія равняется 0,002 — $\frac{1}{50}$ грамма.

т. е. пробковый шарикъ вѣсомъ отъ 0,002 — $\frac{1}{50}$ гр. будетъ производить едва замѣтное *ощущеніе* давленія.

Для опредѣленія порога возбужденія въ области слуха заставляли падать пробковый шарикъ на стеклянную доску; интенсивность звука, произведеннаго такимъ образомъ, какъ мы видѣли, будетъ измѣняться, смотря по тяжести шарика и по высотѣ, съ которой онъ падаетъ. Найдено, что звукъ, произведенный пробковымъ шарикомъ, вѣсящимъ 1 миллиграммъ, и падающимъ съ высоты 1 миллиметра въ то время, когда ухо находится на разстояніи 1 миллиметра, даетъ едва замѣтное слуховое ощущеніе. Точно такимъ же образомъ мы можемъ опредѣлить порогъ возбужденія и для ощущеній свѣта, температуры и т. п.

Теперь послѣ того, какъ мы опредѣлили, какое должно быть возбужденіе, чтобы получилось едва замѣтное различіе ощущенія и послѣ того, какъ мы опредѣлили порогъ возбужденія, мы можемъ отвѣтить на вопросъ, *изъ какихъ единицъ складывается ощущеніе.*

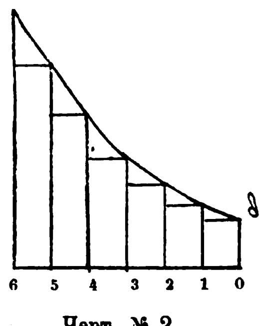
Намъ казалось совершенно немыслимымъ самое существованіе такой единицы, но психологи утверждаютъ, что такая единица существуетъ, что эта единица и есть то, что мы называемъ *едва замѣтнымъ ощущеніемъ.* Это едва замѣтное ощущеніе, какъ мы видѣли, получается въ томъ случаѣ, если мы къ данному возбужденію придадимъ возбужденіе, находящееся къ нему въ опредѣленномъ отношеніи; а также въ томъ случаѣ, когда мы на нашъ органъ чувства дѣйствуемъ при помощи возбужденія, едва переходящаго за порогъ.

Ростъ *ощущенія* можно представлять себѣ именно такимъ образомъ, что оно складывается изъ этихъ едва замѣтныхъ ощущеній, которыя мы и считаемъ единицами ощущенія.

Изъ этого ясно, что ощущеніе можетъ расти также непрерывно, какъ и возбужденія. Ясно также, что ощущеніе растетъ въ зависимости отъ возбужденіи. Весь вопросъ въ томъ, какого рода эта зависимость. Мы видѣли, что это не есть зависимость пропорціональности, что ощущеніе не растетъ пропорціонально возбужденію, а именно существуетъ совершенно особенный законъ соотношенія между ощущеніями и возбужденіями. Зависимость или соотношеніе это для случая ощущеній тяжести я постараюсь изобразить графически.

Возьмемъ какую-нибудь линію неопредѣленной длины; раздѣлимъ ее на равныя части и обозначимъ точки дѣленія посредствомъ 0, 1, 2, 3, 4, 5 и т. д. Эта линія обозначаетъ собою ростъ ощущенія, такъ что 0 положимъ соотвѣтствуетъ едва замѣтному ощущенію, *1* соотвѣтствуетъ ощущенію бо̀льшему, *2* еще бо̀льшему и т. д. Теперь постараемся обозначить возбужденія опять-таки при помощи относительной величины линій. Мы знаемъ, что едва замѣтному ощущенію соотвѣтствуетъ «порогъ возбужденія», обозначимъ его посредствомъ линіи *Ob*. Возьмемъ ощущеніе, которое выражается при помощи 1. Спрашивается, какой величины *возбужденіе* соотвѣтствуетъ этому ощущенію, едва замѣтно

отличающемуся отъ ощущенія 0. Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, вспомнимъ Веберовскій законъ. Какъ мы видѣли, онъ состоитъ въ томъ, что для полученія ощущенія, едва замѣтно отличающагося отъ предыдущаго, мы къ прежнему возбужденію должны прибавить еще $^1/_3$. Слѣд. въ точкѣ 1 мы должны возставить перпендикуляръ, равняющійся $bO + ^1/_3\,bO$. Разсуждая такимъ же образомъ, мы для опредѣленія величины возбужденія, соотвѣтствующаго ощущенію 2, должны взять линію, выражающую величину возбужденія для ощущенія 1 и прибавить къ ней одну треть ея величины.



Черт. № 2.

Поступая такимъ же образомъ по отношенію ко всѣмъ другимъ точкамъ, мы найдемъ величину возбужденія для всѣхъ ощущеній, которыя мы обозначаемъ цифрами 1, 2, 3, 4 и т. д.

Теперь, если мы соединимъ вершины этихъ линій, то мы получимъ кривую возбужденій, которая вполнѣ выразитъ собою отношеніе между ощущеніями и возбужденіями. Именно, если бы мы, напр., пожелали опредѣлить, какое возбужденіе соотвѣтствуетъ ощущенію, которое мы обозначимъ, напр., посредствомъ числа $3^1/_2$, то это очень легко сдѣлать: нужно только въ точкѣ, соотвѣтствующей этому числу, возставить перпендикуляръ до пересѣченія съ кривою; величина этого перпендикуляра опредѣлитъ собою величину возбужденія.

Здѣсь мы изобразили только отношеніе между ощущеніемъ тяжести и соотвѣтствующимъ ему возбужденіемъ. Знаменитый нѣмецкій физикъ *Фехнеръ* нашелъ возможность выразить при помощи чиселъ отношеніе между любымъ ощущеніемъ и соотвѣтствующимъ ему возбужденіемъ, именно онъ нашелъ, что между ними существуетъ тоже самое отношеніе, какъ между числами и соотвѣтствующими имъ логариѳмами.

Всякій знаетъ, что называютъ логариѳмами. Между числами и ихъ логариѳмами существуетъ опредѣленное, такъ называемое функціональное отношеніе. Я не стану говорить о томъ, какимъ образомъ составляется таблица логариѳмовъ, а замѣчу только, что отношеніе между ними таково, что по логариѳму можно опредѣлить число, и наоборотъ.

Если мы возьмемъ таблицу логариѳмовъ, то увидимъ, что въ ней имѣются два столбца чиселъ: въ одномъ обыкновенныя, а въ другомъ

логариѳмы. Кромѣ того, если мы обратимъ вниманіе на то, какъ растутъ логариѳмы, то мы увидимъ, что логариѳмы возрастаютъ медленнѣе, чѣмъ числа, подобно тому, какъ величины ощущеній возрастаютъ медленнѣе, чѣмъ величины возбужденій. Если, напр., въ одномъ столбцѣ стоитъ 1, то въ другомъ 0; для числа 10 логариѳмъ равняется единицѣ, для 100 равняется 2 и т. д. Слѣд., мы здѣсь видимъ, что въ то время, какъ числа растутъ опредѣленнымъ образомъ, — логариѳмы, соотвѣтствующія имъ, также растутъ, но совершенно своеобразно.

Если мы разсмотримъ ближе ростъ логариѳмовъ, то увидимъ, что между ихъ ростомъ и ростомъ возбужденій есть извѣстная аналогія. Логариѳмамъ 0, 1, 2, 3 и пр. соотвѣтствуютъ числа 1, 10, 100, 1000 и т. д. Разсмотримъ, въ какомъ отношеніи здѣсь находится приращеніе къ первоначальной величинѣ? Разность междо 10 и 1 равна 9, между 100 и $10 = 90$, между 1000 и $100 = 900$. Слѣдовательно, отношенія прироста къ первоначальной величинѣ равны $^9/_1$, $^{90}/_{10}$, $^{900}/_{100} = 9$. Эти отношенія тождественны, всѣ равны 9. Слѣдовательно, отношеніе между предыдущимъ и послѣдующимъ числомъ постоянно равно числу 9.

То же самое отношеніе, какое мы здѣсь имѣемъ между ростомъ чиселъ и соотвѣтствующихъ имъ логариѳмовъ, мы имѣли и въ отношеніи между ростомъ ощущеній и возбужденій. Мы видѣли, что, когда ощущенія возрастаютъ на одинаковую величину, то возбужденіе возрастаетъ такимъ образомъ, что приращеніе ихъ сохраняетъ всегда одинаковое отношеніе къ данной величинѣ возбужденія. Точно такимъ же образомъ здѣсь логариѳмы увеличиваются на равныя величины, когда числа возрастаютъ такимъ образомъ, что приращеніе ихъ сохраняетъ всегда одинаковое отношеніе къ данной величинѣ. Итакъ, можно сказать, что ощущенія возрастаютъ какъ логариѳмы, въ то время, какъ возбужденія увеличиваются какъ числа; или, еще короче, такъ какъ каждая величина возбужденій можетъ быть выражена опредѣленнымъ числомъ—*ощущеніе* равняется *логариѳму возбужденій*. *(Законъ Фехнера)*.

Другіе психологи отношеніе между возбужденіемъ и ощущеніемъ формулируютъ нѣсколько иначе. Они говорятъ, что *ощущенія растутъ въ ариѳметической прогрессіи въ то время, какъ возбужденія растутъ въ геометрической*. Очень не трудно показать, какимъ образомъ они приходятъ къ этому выводу. Мы видѣли, что если къ одному грамму прибавить $^1/_3$ грамма, то получится едва замѣтное ощущеніе. Чтобы получить такое же едва замѣтное ощущеніе при 2 граммахъ—нужно прибавить $^2/_3$ грамма. Это едва замѣтное приращеніе ощущенія въ обоихъ случаяхъ считается тождественнымъ.

Начнемъ наши опыты съ 2 миллиграммовъ, съ которыхъ начинается порогъ возбужденія. Будемъ писать съ одной стороны возбужденія, а съ другой—едва замѣтныя ощущенія. Если первое возбужденіе равняется 1, то второе возбужденіе должно равняться $1 + {}^1/_3$, т. е.

$^4/_3$ перваго возбужденія. Слѣд., каждое слѣдующее возбужденіе должно равняться $^4/_3$ предыдущаго, чтобы вызвать едва замѣтное возбужденіе. Если мы возьмемъ, напр., 2 миллиграмма, то у насъ получится слѣдующій рядъ:

2
$2\,(^4/_3)$ } Первое едва замѣтное ощущеніе (назовемъ его черезъ 1)
$[2\,(^4/_3)]\,^4/_3 = 2\,(^4/_3)^2$ } Второе едва замѣтное ощущеніе—2.
$[2\,(^4/_3)^2]\,^4/_3 = 2\,(^4/_3)^3$ } Третье едва замѣтное ощущеніе—3.
$[2\,(^4/_3)^3]\,^4/_3 = 2\,(^4/_3)^4$ } Четвертое едва замѣтное ощущеніе—4.

Слѣдовательно, здѣсь у насъ получается рядъ ощущеній, растущій въ ариѳметической прогрессіи въ то время, какъ возбужденіе растетъ въ геометрической *).

Теперь мы имѣемъ вполнѣ достаточное количество данныхъ, чтобы отвѣтить на вопросъ, можно ли измѣрить интенсивность ощущеній. Мы на этотъ вопросъ должны отвѣтить, конечно, утвердительно. Возьмемъ ту формулу, по которой *ощущеніе равняется логариѳму возбужденій*. Эта формула имѣетъ то значеніе, что при помощи ея, если намъ дано какое нибудь *ощущеніе*, мы всегда можемъ опредѣлить, какое ему соотвѣтствуетъ *возбужденіе*, и наоборотъ, если намъ дана величина *возбужденія*, то мы всегда можемъ опредѣлить величину *ощу-*

---

*) У Фехнера въ его Elemente d. Psychophysik B. II имѣется другое, болѣе сложное доказательство того же положенія. Онъ исходитъ изъ слѣдующихъ двухъ математическихъ положеній. Именно, во-1-хъ, что «увеличенія двухъ непрерывныхъ величинъ, зависящихъ одна отъ другой, остаются пропорціональными въ то время, когда онѣ очень малы», и во-2-хъ), что «малыя увеличенія ощущеній пропорціональны увеличеніямъ возбужденія». Допустивъ согласно изслѣдованіямъ Вебера, что увеличеніе, которое прибавляется къ возбужденію, будетъ очень незначительно по отношенію къ этому послѣднему, назовемъ возбужденіе β и малое увеличеніе черезъ $d\beta$.

Относительное увеличеніе возбужденія будетъ тогда $\frac{d\beta}{\beta}$; съ другой стороны назовемъ γ ощущеніе, которое зависитъ отъ возбужденія β и $d\gamma$ наименьшій приростъ ощущенія, который происходитъ во время роста возбужденія $d\beta$.

По изслѣдованіямъ Вебера величина $d\gamma$ остается постоянной, если $\frac{d\beta}{\beta}$ остается постоянной какую бы абсолютную величину не имѣли $d\beta$ и $d\gamma$. И на основаніи того математическаго закона, который приведенъ былъ выше, измѣненія $d\gamma$ и $d\beta$ остаются пропорціональными между собою, пока они чрезвычайно малы. Эти два отношенія выражаются слѣдующимъ уравненіемъ:

$$d\gamma = k\frac{d\beta}{\beta}$$

гдѣ k постоянная величина. Интегрируя это уравненіе, получимъ, что

$$\gamma = k \log \beta.$$

Это и выражаетъ величину ощущенія. Фехнеръ (1860 г.) такъ формулировалъ этотъ законъ, названный имъ психофизическимъ: «*Ощущеніе* равняется *логариѳму возбужденія*».

щенія. Если намъ дана какая-нибудь величина возбужденія, то намъ стоитъ найдти въ таблицѣ логариѳмовъ число, выражающее эту величину, тогда соотвѣтствующій ему логариѳмъ будетъ означать величину ощущенія, и наоборотъ, если намъ дана величина *ощущенія*, то мы при помощи той же таблицы логариѳмовъ можемъ опредѣлить, какое ему соотвѣтствуетъ возбужденіе *).

Если бы мы спросили, можно ли на основаніи вышесказаннаго утверждать, что ощущенія могутъ измѣряться, то несомнѣнно, на этотъ вопросъ мы должны отвѣтить утвердительно. Ощущеніе, конечно, измѣримо, разъ мы можемъ сказать, какому ощущенію какое соотвѣтствуетъ возбужденіе? Мы здѣсь достигаемъ того, чего мы вообще достигаемъ при помощи измѣренія, т. е. точности и опредѣленности. А гдѣ же единица мѣры? Какъ мы видѣли —это то едва замѣтное ощущеніе, изъ котораго по предположенію психологовъ складывается ощущеніе.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ измѣреніемъ. Но слѣдуетъ ли отсюда, что ощущеніе обладаетъ матеріальной природой? Это мы разсмотримъ въ слѣдующей статьѣ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

*) Болѣе подробно см. Вундтъ. «Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ». Лек. 3-я.

СТУДЕНТКА.

Романъ Грэхэмъ Трэверса.

Переводъ съ англійскаго З. Журавской.

I.

Въ саду.

— Я хотѣла бы умереть!

— Гм! Оно и видно.

Отвѣтъ послѣдовалъ не сразу. Первая изъ собесѣдницъ осторожно выпутывалась изъ гамака, въ которомъ она лѣниво качалась, подъ тѣнью почернѣвшей отъ дыма липы.

— Нѣтъ, — выговорила она, наконецъ, расправляя складки своего хорошенькаго голубого платья,—льщу себя надеждой, что по мнѣ этого не видно. Я не разъ уже говорила вамъ, милая Мона, что въ дѣлѣ пріобрѣтенія хорошей практики, умѣнье причесываться, по крайней мѣрѣ, не менѣе важно, чѣмъ умѣнье разсѣкать трупы.

Она тряхнула темно-красными локонами и съ вызывающимъ видомъ выпрямилась во весь ростъ; — злѣйшій критикъ не посмѣлъ бы сказать, что ея внѣшность не соотвѣтствуетъ ея принципамъ. Внезапно она вся точно ослабѣла, опустилась, и лицо ея выразило глубокое отчаяніе, полу-искреннее, полу-напускное.

— А все-таки я желала бы умереть,—повторила она.

— Не вижу, зачѣмъ вамъ заставлять меня желать того же? Почему вы бросили читать?

— Бросила! Это мнѣ нравится! Я и не начинала. За цѣлые полчаса я ни разу не перевернула страницы. Вотъ награда за терпѣніе!.. Который часъ?

— Четверть перваго.

— Только-то? А списки выставятъ не раньше двухъ. Мы когда пойдемъ?

— Около трехъ, я думаю,—это будетъ благоразумнѣе,—чтобы избѣжать давки.

— Благодарю васъ! Я намѣрена быть тамъ ровно въ два. Давки никакой не будетъ. Вѣдь это не матрикулы; притомъ же теперь всѣ разъѣхались. Какъ жаль, что я не могла тоже уѣхать! Дали бы знать по телеграфу,—и кончено. А тутъ будутъ тебя поджаривать на медленномъ огнѣ. Одинъ просмотръ списковъ чего стоитъ!..

Она вдругъ оборвала свою рѣчь. Мона вернулась къ своей книгѣ, но не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ зонтикъ подруги заслонилъ отъ нея страницу.

— Пріятная перспектива, не правда ли?—мучиться для того, чтобъ другія студентки узнали, что всѣ перешли, кромѣ тебя!

— Люси, вы невыносимы. Уложили вы свои вещи?

— Точно такъ-съ.

— Вы намѣрены ѣхать всю ночь въ этомъ платьѣ?

— Не будучи милліонершей, какъ вы,—не собираюсь. Вы и не подозрѣваете, какую компанію придется выдержать этому платью. Но не захотите же вы, чтобъ я шла въ Бёрлингтонъ-гоузъ въ своемъ старомъ саржевомъ?

— Почему же нѣтъ? Вы сами говорите, что всѣ разъѣхались.

— Совершенно вѣрно. Потому-то мы и будемъ *en évidence* *), какъ исключенія. *Я* вовсе не желаю, чтобъ меня принимали за «передовую женщину». Тамъ будетъ кой-кто изъ мужчинъ, и я...

Но Мона не слушала. Она поднялась съ подушекъ, на которыхъ лежала, и расхаживала взадъ и впередъ по травѣ.

— А знаете, что, Мона,—говорить вы можете, что хотите, а все-таки вы сами волнуетесь, хотя у васъ-то ужъ нѣтъ никакой на это причины.

Мона остановилась и скользнула взглядомъ по своей товаркѣ.

— Почему это? Вы думаете, что если я разъ прошла черезъ эту пытку, такъ ужъ и привыкла, какъ угорь къ тому, что съ него сдираютъ кожу?

— Какія глупости! Какъ вы ухитрились провалиться тогда;—этого я не берусь объяснить, да и никто не возьмется, но что вамъ, при всемъ желаніи, не удастся повторить такой подвигъ,—это ужъ вѣрно. Вы, конечно, попадете въ списокъ перешедшихъ съ отличіемъ.

Мона пожала плечами.

— Можетъ быть,—выговорила она спокойно,—если только перейду Но вопросъ въ томъ, перейду ли?

Теперь подруги шли рядомъ.

— А еслибъ вы даже и не перешли? Это былъ бы позоръ для экзаменаторовъ и жестокая обида для васъ, но, помимо этого, не вижу тутъ ничего ужаснаго. Огорчаться вѣдь некому.

*) На виду.

Мона вспыхнула, подняла брови и, изумленно повернувъ голову къ товаркѣ, устремила на нее вопросительный взглядъ.

— Я хочу сказать,—торопливо заговорила Люси,—что вы... не такая, какъ я... ну, словомъ, что вы не дочь деревенскаго пастора. Если я провалюсь, я сдѣлаюсь басней всего прихода. Зеленщикъ будетъ выражать мнѣ черезъ прилавокъ свое соболѣзнованіе; почтальонъ разнесетъ свѣжую новость по всей округѣ, и въ первый же базарный день объ этомъ узнаютъ всѣ сосѣдніе фермеры. *Pater*'у это будетъ страшно обидно; онъ...

— Насколько я его знаю, мнѣ кажется, это не помѣшаетъ ему высоко нести голову.

Обѣ разсмѣялись.

— Кстати, вы мнѣ напомнили...—Люси вынула письмо изъ кармана;—онъ страшно безпокоится насчетъ вашего пріѣзда; ему такъ хочется, чтобъ вы погостили у насъ это лѣто. Вы вѣдь его совсѣмъ очаровали. Съ тѣхъ поръ даже я грѣюсь въ лучахъ вашей славы. Онъ рѣшилъ, что изъ меня въ концѣ-концовъ таки можетъ выйти что-нибудь путное, если у меня хватило смысла оцѣнить васъ.

— Я сама не понимаю, почему насъ съ вами такъ тянетъ другъ къ другу,—раздумчиво выговорила Мона.—Должно быть, я на дѣлѣ менѣе серьезна, чѣмъ кажусь, а вы не такая вѣтреница, какой васъ считаютъ. Мы сходимся, такъ сказать, на общей почвѣ. Я вижу въ васъ ту сторону моей природы, которую я обыкновенно не нахожу возможности проявить; очень возможно, что и я на васъ произвожу такое же впечатлѣніе. Каждая изъ насъ избавляетъ другую отъ необходимости...

— Полноте, пожалуйста,—перебила Люси.—Я никогда не затрудняюсь «проявить» свою природу, да и вы, слава Богу, не всегда такъ мрачны, какъ сегодня. Но вы, конечно, не пріѣдете? Что для васъ пикники и лаунъ теннисъ, когда вы Вѣчный жидъ въ юбкѣ?

— Это ужасно мило со стороны вашего отца; не умѣю сказать, какъ я цѣню его доброту, но боюсь, что пріѣхать я дѣйствительно не могу.

— Я такъ и думала. Куда же вы на сей разъ направите свой путь—къ сѣверному полюсу, или въ пустыни Аравіи?

Мона засмѣялась.

— Сказать правду, мнѣ нужно сначала свести счеты и провѣрить свои капиталы, прежде чѣмъ двинуться куда-нибудь.

— Какъ! *Вамъ?* Этакому-то Крезу?

— Упрекъ заслуженъ, хоть, можетъ быть, вы и не собирались упрекать меня. Я слишкомъ много истратила. Экстренныя работы въ лабораторіи, извозчики...

— И ваши хорошенькія платья...

— ...и мои хорошенькія платья,—повторила Мона, съ видомъ человѣка, добровольно исповѣдующаго свои грѣхи.

— И неразрѣзанныя книги только-что изъ-подъ пресса.

— Ну, этихъ не слишкомъ-то много.

— И благотворительность.

— Увы! въ моей записной книжкѣ такіе расходы занимаютъ очень мало мѣста.

— Да билеты въ концерты, да перчатки для неимущихъ подругъ, да кресла въ театръ,—и каждый разъ по два вмѣсто одного...

— Вздоръ, Люси! Принимая во вниманіе, какъ мы работали, не могу сказать, чтобъ мы тратили слишкомъ много на развлеченія. Нѣтъ. нѣтъ, на все это денегъ хватило бы. Отецъ оставилъ мнѣ приблизительно четыреста фунтовъ въ годъ.

— Боже милостивый!

Еслибы Мона прибавила еще ноль, ея подруга не была бы болѣе поражена громадностью суммы.

— Ну, вотъ! Вы удивляетесь, какъ настоящая школьница...

– Дѣйствительно, школьница!

— Вамъ дается тридцать-сорокъ фунтовъ въ годъ, и вы воображаете, что на эти деньги вы одѣваетесь, путешествуете, развлекаетесь и потихоньку покупаете себѣ лакомства. Вы не замѣчаете, что родители, кромѣ этого, еще массу тратятъ на васъ; это для васъ такъ же естественно, какъ воздухъ, которымъ вы дышите. Вы ходите съ матерью въ шкафы и кладовыя, ѣздите съ отцомъ въ городъ, и каждый разъ при этомъ тратите деньги или получаете вещи, которыя стоятъ денегъ. Кромѣ того. вы дѣлаете долги; когда это открывается, происходитъ семейная сцена, вы немножко поплачете, отецъ запуститъ руку въ карманъ, и въ результатѣ — долги заплачены, и вамъ перепалъ фунтикъ-другой. Все это я отлично знаю. Ваше жалованье— чистѣйшая коммерція. Надо все это принять въ расчетъ, прежде чѣмъ судить о моихъ доходахъ.

Люси все время стояла съ потупленными глазами. Теперь она подняла ихъ и медленно выговорила, передразнивая манеру пріятельницы:

— Не думаю, чтобы я когда-либо въ жизни слышала болѣе одностороннее сужденіе.

Мона засмѣялась.

— Всѣ революціи и реформаціи—плоды одностороннихъ сужденій.

— Я уже просила васъ не изводить меня своей ученостью. Притомъ же, ваше сѣмя падаетъ на каменистую почву. Пожалуста, не вздумайте продѣлывать свои опыты революцій и реформъ надо мной!

— Другъ мой, если вы намѣрены цитировать древне-еврейскую литературу, пожалуйста, сначала ознакомьтесь съ ней хорошенько. Вы мнѣ напомнили, что я не дочь священника; позвольте мнѣ напомнить вамъ, что сѣмя, упавшее на каменистую почву, взошло.

— Ну и радуйтесь! Богъ съ нимъ, съ этимъ сѣменемъ! Вы сказали, что получаете четыреста фунтовъ въ годъ?

— Приблизительно. Иногда больше, иногда меньше. Этотъ годъ выпалъ какъ разъ неудачный, и я сильно подозрѣваю, что теперь я сижу на мели. Если,—какъ я горячо надѣюсь, — мои подозрѣнія несправедливы, я съѣзжу недѣльки на двѣ въ Скай. Кромѣ того, я обѣщала провести мѣсяцъ на восточномъ берегу Шотландіи, у кузины моего отца.

— Мнѣ казалось, что у васъ нѣтъ родныхъ.

— Да ихъ и нѣтъ, кромѣ этой,—по крайней мѣрѣ, кузины. И этой я никогда не видала и, вѣроятно, даже не узнала бы о ея существованіи, еслибъ она не написала мнѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, прося одолжить ей двадцать фунтовъ стерлинговъ. Теперь ея дѣла поправились, но она все не можетъ забыть одолженія и разсыпается въ благодарностяхъ. Не думаю, чтобъ она была настоящей леди. Дѣду моему повезло въ жизни больше, чѣмъ всѣмъ его роднымъ; отцу тоже, такъ что это моя вина, если мы съ кузиной Рэчелью *не* пошли разными путями.

— Зачѣмъ же вы ѣдете къ ней?

— Право не знаю. Давно обѣщала,—она собственно проситъ, чтобъ я совсѣмъ поселилась у нея;—притомъ же мнѣ хочется взглянуть на «владѣнія предковъ».

— А другихъ родныхъ у васъ нѣтъ?

Мона засмѣялась.

— Сестра моей матери недавно вернулась изъ Индіи съ своимъ супругомъ, но мы и теперь такъ же далеки другъ отъ друга, какъ въ то время, когда насъ раздѣлялъ океанъ. Не думаю, чтобъ она и съ матерью были особенно близки. Къ тому же трудно себѣ представить, какъ она смотритъ на женщинъ, изучающихъ медицину.

— Погодите, — сказала Люси. — Когда вы будете знаменитымъ врачемъ...

— Знаю, знаю,—разъѣзжающимъ въ собственномъ экипажѣ.

— На парѣ кровныхъ лошадей.

— Закутаннымъ по уши въ драгоцѣнные соболя.

— Въ пріемной котораго терпѣливо ждутъ герцогини и т. д. и т. д. Ну да, тогда она пожалѣетъ. Она, конечно, страдаетъ какой-нибудь непонятной внутренней болѣзью, надъ которой напрасно ломали себѣ голову всѣ лондонскіе врачи. Въ концѣ концовъ она рѣшится на послѣднее средство—обратиться ко мнѣ. Я приду, посмотрю, махну рукой, глядишь, она и здорова. Но, конечно, трудно ожидать, чтобъ она это предвидѣла заранѣе. Для этого требуется умъ выше дюжиннаго; притомъ же это испортило бы все дѣло.

II.

Списки.

Сомнѣнія больше не можетъ быть. Списки выставлены.

Еще издали дѣвушки увидали небольшую группу людей, безмолвно и жадно пробѣгавшихъ столбцы именъ. Тѣ, кому удалось занять первыя мѣста, не спѣша дѣлали отмѣтки въ своихъ записныхъ книжкахъ. Стоявшіе позади напрягали зрѣніе, напрягали каждую мышцу въ тѣлѣ, усиливаясь разглядѣть одно имя, удостовѣриться въ единственномъ фактѣ, интересномъ для нихъ.

— Я говорила, что надо было подождать,—спокойно сказала Мона, стараясь не выдать своего волненія, хотя дыханіе спиралось у нея въ груди.

— Можетъ быть, я могу помочь вамъ?—предложилъ высокій господинъ, стоявшій рядомъ съ ними.—Скажите мнѣ фамилію особы, интересующей васъ.

— О, благодарю васъ,—отозвалась Мона съ любезной улыбкой.—Мы подождемъ. Мы интересуемся нѣсколькими лицами.

Онъ посторонился, чтобы пропустить ихъ впередъ; скоро очередь дошла до нихъ.

— По второму разряду!—воскликнула Люси, дойдя до собственной фамиліи; въ этомъ возгласѣ слышались и облегченіе, и досада. Ну и за то спасибо! Дайте-ка взглянуть, кто со мной. А теперь посмотримъ перешедшихъ съ отличіемъ. Мона Моклинъ... Мона Моклинъ...

Второй списокъ былъ очень коротокъ; нѣсколькихъ секундъ оказалось достаточно, чтобъ убѣдиться...

— Охъ!—невольно вырвалось у Люси, когда истина сдѣлалась для нея очевидной.

— Тссъ!—тихо и торопливо выговорила Мона.—Такъ оно и должно быть. Идемте.

Она потащила подругу внизъ по ступенькамъ и мимо почтовой конторы, по Риджентъ-стритъ.

— Вотъ что, голубчикъ, надо вѣдь еще послать эти проклятыя телеграммы...—начала Люси, словно оправдываясь.

— Да, да, знаю. Спѣшить некуда. Дайте мнѣ подумать.

Солнце свѣтило ярко, но руки Моны были холодны, какъ свинецъ. Она не вѣрила въ новую неудачу. Тутъ какая-нибудь ошибка. Ея фамилію напечатали неправильно, или, можетъ быть, случайно совсѣмъ пропустили ее. Завтра дѣло разъяснится. Не можетъ быть, чтобы она опять провалилась на экзаменѣ. Да и вправду ли тамъ нѣтъ ея имени? Можетъ быть, она сама проглядѣла его?

— Люси,—сказала она,—вы ничего не имѣете противъ того, чтобы ...нуться и еще просмотрѣть списки?

— Конечно, надо вернуться. Мы, должно быть, ошиблись. Это просто смѣшно.

Но въ глубинѣ души она знала, что онѣ *не* ошиблись.

Когда онѣ вернулись, возлѣ доски съ именами почти никого уже не было; ничто не мѣшало имъ внимательно и спокойно просмотрѣть списки отъ начала до конца.

— Это стыдъ и позоръ!—негодовала Люси. — Велика радость перейти, если экзаменаторы такъ мало смыслятъ въ своемъ дѣлѣ!

— Вздоръ! Такъ оно и должно быть. Вѣдь мнѣ попался билетъ, который я хуже всего знала. Идемте.

— Можетъ быть, вы подождете здѣсь, пока я отправлю телеграммы?

— Нѣтъ, я пойду вмѣстѣ съ вами.

Онѣ скрылись отъ жары и свѣта въ пыльной полутемной лавчонкѣ. Мона у стола оперлась локтемъ на прилавокъ. Теперь она начинала вѣрить, но осмыслить случившагося еще не могла.—Какъ я буду мучиться завтра!—думала она, вздрагивая отъ ужаса.

— Радость и горе идутъ рядомъ!—улыбнулась она, прочитавъ телеграммы, написанныя подругой.—...«Двѣ мелющія въ жерновахъ: одна возьмется, другая оставится».

— Да перестаньте же!—вскричала Люси, слегка топнувъ ножкой. Въ эту минуту она страдала больше, чѣмъ Мона.

Обѣ дошли до Гоуэръ-стритъ, не проронивъ ни слова.

— Зайдете напиться чаю? Не хотите? Ну такъ до свиданія, дорогая. Берегите себя. Мой сердечный привѣтъ вашимъ родителямъ. Пишите мнѣ сюда.

Мона весело кивнула головкой подругѣ, отперла дверь своимъ ключемъ и вошла въ прохладныя темныя сѣни. Она еле еле дотащилась до своей уютной гостиной, вошла и заперла дверь на задвижку. Она содрогнулась при видѣ старыхъ знакомыхъ—Квэна, Фостера, Митчеля, Брюса, рабочей лампы, ящика съ инструментами, которые она любила величать «игрушками изъ слоновой кости». Взглядъ ея упалъ на ея собственное отраженіе въ задрапированномъ зеркалѣ и она подошла въ плотную къ блѣдному, энергичному, выразительному лицу.

— Не все ли равно? — выговорила она, какъ бы бросая кому-то вызовъ. Мы съ тобой отъ этого не заплачемъ. Не все ли равно? *Ay de mi!* Развѣ есть на свѣтѣ что-нибудь важное? И что такое въ сущности успѣхъ или неуспѣхъ?

Изъ этого монолога вы можете составить себѣ довольно правильное понятіе о возрастѣ моей героини.

III.

«Безуміе юности».

На другой день, утромъ Мона говорила себѣ:

— Неужто начинать опять сначала всю эту муку? Нѣтъ, ужъ лучше бросить все и эмигрировать.

Она полулежала, облокотясь на подушки; волосы ея всѣ спутались отъ безсонной ночи; руки разсѣянно играли шнурками и кружевомъ утренняго капота.

— Почему это не несутъ кофе?

Она не успѣла докончить, какъ вошла горничная съ подносомъ, соблазнительно уставленнымъ разными яствами.

— Вы плохо выглядите, барышня. Вамъ нездоровится?—участливо освѣдомилась она. Мона была изъ тѣхъ жилицъ, которыми дорожатъ.

— Нѣтъ. Только голова болитъ. Я сегодня не выйду. Черезъ полчаса принесите мнѣ горячей воды.

— Какъ это люди эмигрируютъ?—продолжала себя спрашивать Мона, когда горничная ушла.—Запасаются горшками и кастрюлями,—это я знаю, но это при отъѣздѣ;—а потомъ, когда пріѣдутъ? Интересно знать, гожусь ли я въ фермерши. Что тамъ ни говори, а вѣдь въ жилахъ моихъ течетъ немало доброй старой мужицкой крови. Что дѣлаютъ переселенцы? Мужики роются въ землѣ; на долю женщинъ должно быть выпадаетъ стряпня и штопанье. Завидная перспектива!.. Въ мои лѣта, говорятъ, нельзя получить шахъ и матъ, а похоже на то, очень похоже.

Часъ спустя, Мона углубилась въ вычисленія. Передъ ней лежали на столѣ счетныя книги; на отдѣльныхъ листкахъ красовались столбцы цифръ, изъ дѣйствій преобладали сложеніе и вычитаніе. Съ каждой минутой складка между ея бровями врѣзывалась глубже.

— На мели!—выговорила она наконецъ, поднявъ голову и скрестивъ руки.—Это слишкомъ мягкое выраженіе. Нѣтъ, милая моя Люси, это ужъ не мель, а подводные камни.

Она долго сидѣла, молча потомъ взяла пачку писемъ, на которыя она еще не успѣла отвѣтить, вытащила одно, откинулась на спинку кресла и обвела критическимъ взоромъ конвертъ.

— По виду нельзя сказать, чтобы корреспондентка была интеллигентная. Насмѣшники, пожалуй, назвали бы и самое письмо безграмотнымъ. Чтожъ изъ того?

Мона развернула письмо и тщательно перечла его. Первый разъ она небрежно пробѣжала его и отложила въ сторону;—письмо пришло въ самый разгаръ экзаменаціонной горачки,—но теперь, будь это предсказаніе Дельфійскаго оракула, Мона не могла бы штудировать его съ большимъ вниманіемъ.

«*Дорогая кузина*,—получила ваше письмо нынче утромъ и, получивши его, очень обрадовалась. Боюсь, что вамъ здѣсь покажется скучновато, послѣ Лондона,—ну, да ничего; мы будемъ стараться развлекать васъ.

(«Гмъ!—подумала Мона;—это означаетъ чай съ пирожками и коржиками домашняго приготовленія,—цвѣточныя выставки,—можетъ быть, даже изрѣдка *soirée* въ капеллѣ. Куча развлеченій»!)

«Никто здѣсь не подозрѣваетъ о вашемъ намѣреніи сдѣлаться докторшей, а чего не знаешь, то и не обидно. У насъ такое намѣреніе показалось бы очень страннымъ, признаться, я и сама такъ думаю и не теряю надежды, что вы встрѣтитесь съ какимъ-нибудь красивымъ господчикомъ...»

(*Господчикомъ!* вздохнула Мона)—«...который заставитъ васъ позабыть объ этомъ. Моя племянница, которая жила у меня нѣсколько лѣтъ, теперь уѣхала въ Америку вѣнчаться, вы теперь у меня почти что единственный близкій человѣкъ, и мнѣ бы очень хотѣлось, чтобъ вы надумались жить у меня, пока сами не выйдете замужъ. Да и денежки поберечь не мѣшало бы; мнѣ платы не надобно, довольно и того, что буду не одна, а въ компаніи. Мнѣ все равно надо искать кого-нибудь на мѣсто племянницы, а вѣдь разница большая, свой человѣкъ живетъ или чужой. Кровь то вѣдь не вода сами знаете.»

(Вотъ ужъ не знаю,—подумала Мона.—Мнѣ кажется, милѣйшая кузина, что возьми вы себѣ помощницу по газетному объявленію, всякая подошла бы вамъ лучше меня. Это все равно, что взять ребенка на воспитаніе).

«Черкните словечко, когда васъ ожидать.

«Любящая васъ кузина, «Рэчель Симпсонъ».

Мона задумчиво свернула письмо и снова вложила его въ конвертъ, затѣмъ встала изъ-за письменнаго стола, бросилась въ кресло-качалку и заложила руки за голову.

Не мало трудныхъ задачъ рѣшила она подъ мѣрныя убаюкивающія движенія этой качалки, но сегодня и это не помогало. Мона вскочила съ мѣста и принялись ходить изъ угла въ уголъ. Отъ времени до времени она останавливалась у окна и разсѣянно смотрѣла на ломовыя телѣги, нагруженныя багажемъ и направляющіяся къ станціи желѣзной дороги, или обратно.

— Почему это мнѣ все вдругъ стало противно?—думала она.—Еслибъ на земномъ шарѣ нашелся уголокъ, гдѣ мнѣ дѣйствительно хотѣлось бы побывать, я, пожалуй, съумѣла бы добыть денегъ; но у меня нѣтъ желаній. Я даже почти не жалѣю о томъ, что не выдержала экзамена.

Она вернулась къ письменному столу, взяла перо, бумагу и принялось быстро писать. Въ такомъ настроеніи люди не задумываются надъ рѣшеніями, которыя могутъ наладить или исковеркать всю жизнь.

«*Милая кузина Рэчель*,—когда я получила ваше письмо, у меня было очень много дѣла и заботъ; вотъ почему я не отвѣтила на него раньше.

«Неудивляюсь, что вы не видите надобности въ женщинахъ-врачахъ; это естественно, когда живешь въ здоровой мѣстности, въ деревнѣ, гдѣ кажется и болѣзней никакихъ не знаютъ, кромѣ дряхлости, лихорадокъ да переломовъ. Можетъ быть, еслибъ. вы побывали здѣсь въ какой-нибудь больницѣ, вы перемѣнили бы мнѣніе, но объ этомъ мы поговоримъ при свиданіи. Гожусь ли я лично для жизни, которую избрала, это вопросъ другой. Относительно этого, само собой, даже и непредупрежденные люди могутъ думать различно. Въ послѣднее время мнѣ не везло, хотя я работала добросовѣстно; вдобавокъ я истратила больше денегъ, чѣмъ бы слѣдовало. По этимъ и еще по другимъ причинамъ, которыя не такъ легко выразить словами, мнѣ страшно хочется уйти на время отъ лондонскаго шума и суеты—мнѣ хотѣлось бы уѣхать, именно въ деревню, гдѣ можно читать, думать, жить спокойно и, если можно, быть кому-нибудь полезной.

«Съ Вашей стороны было очень мило предложить мнѣ поселиться у васъ на неопредѣленное время. Вы не знаете, какая я нелюбезная и замкнутая; но если вы дѣйствительно готовы купить «поросенка въ мѣшкѣ», я, съ своей стороны, готова пріѣхать къ вамъ на полгода. Къ концу этого времени вы узнаете бо́льшую часть моихъ недостатковъ и подыщите себѣ болѣе подходящую помощницу. Я буду платить вамъ за столъ, сколько вы сами назначите, и очень буду рада, если съумѣю быть вамъ чѣмъ-нибудь полезной.

Преданная вамъ Мона Маклинъ».

Завтракъ былъ уже на столѣ, когда Мона кончила писать. Она подняла крышку съ блюда, съ отвращеніемъ поглядѣла на аппетитныя котлетки, положила себѣ на тарелку одну и—замечталась.

— Мона, душа моя, это не годится,—сказала она, съ усиліемъ отрываясь отъ своихъ грезъ.—Шахъ и матъ, или не шахъ и матъ, а увядать, какъ цвѣточку, я тебѣ не позволю, и морить себя голодомъ тоже—*Hörst du wohl* *)?

Послѣ геройской, хотя и не совсѣмъ удачной попытки позавракать Мона перечла только что написанное письмо, стараясь относиться къ нему критически.

Вложивъ въ конвертъ и запечатавъ, она пожала плечами.

— Безуміе юности! Ну и пусть! Кто не былъ юнъ? А людей не безумныхъ тоже очень немного.

Она надѣла шляпку и сама отнесла письмо на почту. Ей именно хотѣлось собственноручно опустить его въ ящикъ; къ тому же она разсчитывала, что прогулка развлечетъ ее: съ ней рѣдко бывало, чтобъ

*) Слышишь?

она не заглядывалась на витрины магазиновъ. Но сегодня ничто ея не радовало, она безцѣльно бродила по улицамъ, не замѣчая выставленныхъ въ окнахъ изящныхъ вещей.—Если бы я перешла,—думала она,—какъ бы я теперь была счастлива!

Усталая, она вернулась домой. Въ передней ее ждала горничная.

— Безъ васъ пріѣзжали двѣ дамы, барышня,—въ каретѣ,—и вотъ эту карточку оставили.

Мона взяла карточку и прошла къ себѣ.

На карточкѣ стояло: «Леди Мунро», и въ уголкѣ адресъ: «Глочестерская площадь, Портманъ-скверъ», а на обратной сторозѣ было написано карандашомъ.

«Страшно жалѣю, что не застала. Вы должны отобѣдать у насъ въ пятницу, въ восемь часовъ, непремѣнно. Отговорокъ не принимаемъ».

Лицо Моны озарилось улыбкой.

— А вѣдь тетушка-то, пожалуй, испортитъ мнѣ все дѣло.

Улыбка исчезла и вмѣсто нея появилась морщинка между бровями.

— Если только оно уже не испорчено! — добавила мысленно дѣвушка, вспомнивъ объ отправленномъ письмѣ.

IV.

Сэръ Дугласъ.

Наступила пятница. Мона одѣлась особенно тщательно; ей хотѣлось показать себя въ самомъ выгодномъ свѣтѣ.

Посторонній наблюдатель сказалъ бы, что ея настоящія уныніе и апатія только мѣрило страстнаго энтузіазма, съ которымъ она относилась къ избранному ею дѣлу; она и сама это прекрасно знала, но въ данный моментъ могла видѣть въ жизни исключительно ея тѣневую сторону. Прошлое и будущее представлялись ей одинаково мрачными и противными—«*Grau, grau, gleichgültig grau*»;—и естественный, горячій протестъ юности противъ такого удѣла принялъ форму рѣшенія насладиться какъ можно полнѣе проблескомъ свѣта и радости. Она забудетъ все, кромѣ настоящей минуты; въ новую сферу она вступитъ новымъ человѣкомъ.

Когда Мона вошла, леди Мунро и дочь ея были однѣ въ гостиной.

Леди Мунро была одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя на все окружающее ихъ кладутъ отпечатокъ своей личности. Комната, занимаемая ею, скоро становилась какъ бы частью ея самой; друзья давно знали за ней эту особенность и каждый разъ подчеркивали ея проявленіе.

Шаблонная лондонская гостиная совершенно измѣнила свой видъ подъ восточными коврами и драпировками; по угламъ стояли группы роскошныхъ тропическихъ растеній; изъ индійскихъ бокаловъ граціозно выглядывали чудныя пышныя розы: нѣсколько изящныхъ лампъ обливали комнату матовымъ свѣтомъ.

— Мона, неужели это ты?

Леди Мунро поднялась съ кушетки и ласково поцѣловала племянницу въ обѣ щеки. Въ первыя минуты Мона не находила словъ. Она всегда была очень чутка къ красивой сторонѣ роскоши, а тутъ самая атмосфера этой гостиной будила въ ней съ неотразимой силой воспоминанія дѣтства. Прикосновеніе губъ этой прелестной женщины, звукъ ея голоса, мягкій шелестъ платья,—все это доставляло Монѣ утонченное физическое наслажденіе. Строго говоря, лэди Мунро не была красавицей, но безспорно была обаятельной женщиной: въ ней была какая-то неуловимая прелесть; все существо ея, казалось, было пропитано благоуханіемъ. Всѣ знакомые мужчины боготворили ее, но и самый циничный изъ пріятелей ея мужа не посмѣлъ бы отрицать, что она такъ же очаровательна въ обращеніи съ женщинами, какъ и съ мужчинами. Она покоряла сердца не блескомъ остроумія, не живостью характера, а просто тѣмъ, что всегда и вездѣ была самой собой.

— Это моя дочь, Эвелина,—сказала она, кладя руку на плечо рослой дѣвушки—подростка, тихой и кроткой, истой англійской школьницы,—одной изъ тѣхъ хризалидъ, которыя, послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія въ англо-индійскомъ обществѣ, превращаются изъ дѣтей въ законченныхъ свѣтскихъ женщинъ.

— Я съ минуты на минуту жду мужа. Онъ жаждетъ познакомиться съ вами.

Эвелина медленно подняла свои голубые глаза, спокойно посмотрѣла на мать и снова опустила рѣсницы, ни чуточки не измѣнившись въ лицѣ. Слова леди Мунро были въ сущности любезнымъ искаженіемъ истины. Сэръ Дугласъ Мунро былъ прежде всего свѣтскій человѣкъ. Онъ зналъ толкъ въ винѣ, въ лошадяхъ, и льстилъ себя надеждой, что знаетъ толкъ въ женщинахъ; это послѣднее качество онъ цѣнилъ выше всего. Онъ всю жизнь занимался изученіемъ женщинъ и думалъ, можетъ быть, справедливо, что женская душа для него открытая книга. Одинъ только видъ—*женщина, изучающая мужчину*,—еще не вошелъ въ его коллекцію, но и объ этомъ видѣ онъ уже слыхалъ и въ умѣ отнесъ его къ полезнымъ, но неинтереснымъ разновидностямъ, которыя собственно даже не заслуживаютъ названія «женщины». Поэтому онъ «жаждалъ» знакомства съ Моной Маклинъ лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ не особенно рьяный энтомологъ «жаждетъ» поимки рѣдкаго, но безобразнаго жука, чтобы пополнить свою коллекцію.

При первой встрѣчѣ новый жукъ несомнѣнно поразилъ его.

— Какъ! Это Мона?—вскричалъ онъ, когда леди Мунро представила ему племянницу;—Мона Маклинъ? докторша?

Мона поднялась съ мѣста и, смѣясь, взяла протянутую ей руку.

— До этого еще далеко. На вакаціяхъ я стараюсь даже забыть, что я готовлю себя въ доктора.

При этомъ мягкомъ освѣщеніи она казалась почти красивой. Леди Мунро забыла, что ея племянница—студентка изучающая медицину, и чувствовала лишь законную гордость владѣльца. Она была увѣрена, что дешевенькая портниха не съумѣла бы уладить такъ изящно эти складки мягкаго сѣраго крепа, а въ томъ, какъ была приколота вѣтка ярко пунцовой герани на плечѣ дѣвушки, сказывалось артистическое чутье.

— Мона портретъ своей матери,—сказала она.

— Д да,—протянулъ сэръ Дугласъ, пользуясь правами родства, чтобы безцеремонно разглядывать дѣвушку.—Она очень напоминаетъ мнѣ тебя въ ея лѣта.

— Какой вздоръ!—поспѣшно возразила Мона;—помните, что я не привыкла къ лести.

— Не привыкли льстить, или чтобы вамъ льстили?

— Ни къ тому, ни къ другому.

И она съ нескрываемымъ, полудѣтскимъ восхищеніемъ посмотрѣла на тетку.

Это видимо понравилось сэру Дугласу, хоть самъ онъ давно пересталъ говорить комплименты женѣ.

— Въ вашемъ лицѣ есть много и отцовскаго,—замѣтилъ онъ,—напримѣръ, ротъ.—Ахъ, славный онъ былъ человѣкъ, одинъ изъ тысячи! Я могъ бы много вамъ поразсказать о нашей жизни въ Индіи...

— Я съ радостью готова слушать,—горячо откликнулась Мона.

— Хорошо, хорошо,—когда-нибудь потолкуемъ.

Слуга въ національномъ индійскомъ костюмѣ доложилъ, что обѣдъ поданъ. Сэръ Дугласъ предложилъ руку Монѣ.

— Еще картинка изъ «Тысячи и одной ночи!»—вскричала она, входя въ столовую.—Что за удивительный геній хозяйничаетъ въ вашемъ домѣ!

— И обѣдъ вамъ подадутъ индійскій,—сказала леди Мунро.—Нуббоо самъ приготовляетъ всѣ *entrées*, супы и соусы. Онъ стоитъ полудюжины англійскихъ слугъ.

Мона взглянула на смуглое бородатое лицо подъ огромнымъ бѣлымъ тюрбаномъ, но не могла опредѣлить, слышалъ ли Нуббоо эту похвалу: взоръ его былъ непроницаемъ. Носилъ ли онъ въ головѣ своей всю философію Будды, или же думалъ исключительно о своихъ *entrées*—сказать было невозможно. Еслибъ вся эта сцена не казалась ей выхваченной изъ «Тысячи и одной ночи», она сочла бы святотатствомъ заставлять человѣка съ *такимъ* лицомъ прислуживать за столомъ.

— Когда я смотрю на Нуббоо, я кажусь себѣ опять маленькой дѣвочкой,—сказала она;—онъ точно кусочекъ моего міра грезъ.

Чуть замѣтная улыбка скользнула по лицу индѣйца, безшумно переходившаго отъ стула къ стулу.

— Именно «міра грезъ»,—засмѣялась ея тетка,—Едва ли ты можешь хорошо помнить свое дѣтство.

— Я совсѣмъ его не помню,—вздохнула Мона.

Во все время обѣда леди Мунро и Мона вели разговоръ почти исключительно между собой; Эвелина лишь изрѣдка вставляла нѣсколько словъ, чтобы смягчить какое-нибудь слишкомъ ужъ мѣткое и характерное замѣчанiе матери, при чемъ скрытый юморъ, звучавшiй въ словахъ дѣвушки, ничѣмъ не отражался на ея лицѣ. Сэръ Дугласъ говорилъ ровно столько, сколько этого требовала учтивость, но не больше. Новый жукъ, очевидно, поглощалъ все его вниманiе.

Леди Мунро чувствовала себя какъ-то странно: она гордилась племянницей, готова была полюбить ее, но вмѣстѣ съ тѣмъ питала къ ней отвращенiе и страхъ,—отвращенiе къ избранной ею профессiи, страхъ передъ ея предполагаемой «ученостью». Леди Мунро презирала ученыхъ женщинъ, но вовсе не хотѣла, чтобъ онѣ презирали ее. Она пустила въ ходъ все свое остроумiе, все свое умѣнье вести разговоръ и все-таки ей было не по себѣ; даже явное восхищенiе Моны не могло вполнѣ разувѣрить ее.

— Какъ это вышло, Мона, что мы такъ мало видѣлись съ тобой?— начала она, когда онѣ перешли въ гостиную, оставивъ сэра Дугласа за столомъ.—Гдѣ ты была, когда мы въ послѣднiй разъ прiѣзжали на родину?

— Въ Германiи, кажется. Я прожила тамъ три года по выходѣ изъ школы.

— Ты, кажется, изучала музыку?

— Да, музыку, и немножко живопись.

— Удивительная дѣвушка! Такъ ты музыкантша?

— *Gott bewahre!* *)—невольно вырвалось у Моны.—Мои друзья-музыканты считаютъ меня Тэрнеромъ, а друзья-художники — Рубинштейномъ, изъ чего вы можете заключить, что у меня нѣтъ настоящаго таланта ни къ тому, ни къ другому, и это будетъ истинная правда.

— Это такъ только говорится. Я увѣрена, что ты совмѣщаешь въ себѣ оба таланта!

— Какъ Джэкъ-всезнайка, который зналъ всѣ ремесла и ни въ одномъ не ушелъ дальше подмастерья? Пожалуй, только это очень печально!

— И что же, ты никогда не снисходишь съ высоты своего величiя, не развлекаешься, какъ другiя молоденькiя дѣвушки? «Гомеру чуждо все земное».

— Боюсь, что меня нельзя называть молоденькой дѣвушкой. Вѣдь у васъ, кажется, есть наша фамильная библiя,—тамъ записанъ годъ моего рожденiя. Къ сожалѣнiю, Гомеръ увлекается «земнымъ» гораздо

*) Боже сохрани!

чаще, чѣмъ это подобаетъ его высокому призванію. Я истый эпикуреецъ въ пустякахъ.

— Въ чемъ?

— Простите мнѣ мой школьный жаргонъ. Это значитъ, что я очень увлекаюсь концертами, театромъ, картинными галлереями, не говоря уже объ окнахъ магазиновъ.

— Неужели *ты* способна останавливаться передъ витринами?

Леди Мунро еще разъ съ удовольствіемъ остановила взглядъ на изщяномъ костюмѣ племянницы; а все-таки она немножко боялась: можетъ быть, Мона просто смѣется надъ ней?

— Почему же нѣтъ? Мало же вы меня знаете!

— Вѣроятно, тебя привлекаютъ картины, фарфоръ, мебель и т. под.— допытывалась леди Мунро, осторожно нащупывая почву.

— Да, все это я люблю, но люблю также и красивыя шляпы, платья, кружева, почтовую бумагу, и всякія бездѣлушки, только красивыя, конечно. На мякину меня не поймаешь.

— Ты хочешь сказать, что не увлекаешься модой?

Мона глубокомысленно сдвинула брови, очевидно, она хотѣла отвѣтить по совѣсти, потомъ покачала головой и тихонько засмѣялась.

— Ужъ каяться, такъ каяться. Боюсь, что меня очень привлекаетъ мода, мода сама по себѣ—*pure et simple*.

— Если она не безобразна?—серьезно спросила Эвелина.

— Но часто ли она бываетъ безобразной въ рукахъ художницы-портнихи? Судить о модѣ по платью, сшитому простой швеей, такъ же несправедливо, какъ судить объ аріи, сыгранной на шарманкѣ или на грошевой трубѣ.

Леди Мунро засмѣялась.

— Это я должна сказать мужу.—Онъ какъ разъ въ эту минуту минуту вошелъ.—Дугласъ, ты не имѣешь понятія о томъ, какую ересь проповѣдуетъ Мона. Она не меньше насъ интересуется новыми фасонами платьевъ и шляпъ.

Сэръ Дугласъ серьезно смотрѣлъ на Мону. Онъ или не слыхалъ замѣчанія, или старался совмѣстить его мысленно со всѣми чертами ея характера, уже подмѣченными имъ.

Онъ сѣлъ на диванъ рядомъ съ племянницей и повернулся къ ней, какъ бы намѣреваясь завладѣть ею всецѣло.

— Вы намѣрены серьезно изучать медицину?

— Начинается!—подумала Мона.

Она заранѣе была увѣрена, что онъ отъявленный врагъ «движенія» и, хотя въ эту минуту ей не хотѣлось подымать стараго спора, она чувствовала себя обязанной защищать свое знамя.

— Конечно,—отвѣтила она спокойно.

— И намѣрены потомъ практиковать?

— Безъ сомнѣнія.—Экзаменъ и вся пережитая мука были забыты.

И на послѣднемъ курсѣ Мона не могла бы отвѣтить болѣе увѣреннымъ тономъ.

— Вы очень интересуетесь своимъ дѣломъ?

— Чрезвычайно.

— Мнѣ кажется, объ этомъ не надо и спрашивать,—съ ласковой улыбкой замѣтила леди Мунро.—Такими вещами не занимаются *pour s'amuser!* *).

— Есть другіе мотивы,—возразилъ сэръ Дугласъ, строго поглядѣвъ на жену.—Напримѣръ, честолюбіе...

Это было хорошо сказано, и уваженіе Моны къ своему противнику возрасло. Приступъ кашля прервалъ рѣчь сэра Дугласа. Жена тревожно поглядѣла на него!

— Ты бы прописала что-нибудь моему мужу,—сказала она, улыбаясь.

— Не надо!—сердито прохрипѣлъ сэръ Дугласъ; кашель все еще не давалъ ему говорить.

Въ эту минуту Нуббоо доложилъ о новомъ посѣтителѣ, родственникѣ сэра Дугласа. Этотъ послѣдній какъ будто обрадовался перерыву, позволившему снова присвоить себѣ Мону.

Онъ пожалъ руку гостя, вернулся къ племянницѣ и нѣсколько времени сидѣлъ молча, какъ бы собираясь съ мыслями.

— Дѣло въ томъ,—вырвалось у него наконецъ,—что я никакъ не могу составить себѣ мнѣнія по этому вопросу, т. е. о женщинахъ-врачахъ, положительно не могу. Я думаю надвое. Съ одной стороны—необходимость, жестокая необходимость, съ другой—какая жертва!

Мона не вѣрила своимъ ушамъ. Это было такъ непохоже на прямое, грубое нападеніе, къ которому она готовилась. Инстинктивно она сложила оружіе и сдалась на капитуляцію.

— Я нахожу, что съ вашей стороны необычайно либерально признать необходимость женщинъ-врачей,—сказала она, но кроткое, серьезное лицо ея говорило краснорѣчивѣе словъ.

— *Либерально!* Кто же можетъ не признавать этого? Я бѣшусь при мысли, что наши женщины позволяютъ осматривать себя *мужчинъ*. Какъ онѣ *могутъ* позволять это! Лѣтъ черезъ пятьдесятъ ни одна женщина не рѣшится сознаться, что съ ней это было когда-нибудь. А все-таки жертва страшно тяжела. Позволить Эвелинѣ пройти черезъ то, черезъ что прошли вы! Да никогда въ жизни!

Взглядъ его съ любовью остановился на бѣлокурой головкѣ дочери.

— Я согласна, что женщинѣ не слѣдуетъ приступать къ изученію медицины ранѣе двадцати трехъ лѣтъ.

— *Двадцати трехъ!* Это дурно и для мужчины, но у него есть такія добродѣтели, которыхъ это не затрогиваетъ. А женщина теряетъ

*) Для развлеченія.

все, что дѣлаетъ ее прекрасной и привлекательной. Вы *должны* очерствѣть и ожесточить свое сердце.

Онъ смотрѣлъ на нее, какъ бы требуя отвѣта.

— Надѣюсь, что этого не будетъ,—спокойно сказала Мона, глядя ему прямо въ глаза.

— *Вы надѣетесь!*—съ негодованіемъ повторилъ онъ. —Вы *надѣетесь!* И это все, что вы можете сказать? Вы даже не увѣрены?

— Трудно судить о самой себѣ,—задумчиво сказала Мона, снова спокойно встрѣтивъ его испытующій взоръ,—и личное мнѣніе о себѣ человѣка немногаго стоитъ. Думаю, что пока я еще не очерствѣла. Увѣрена, что мои друзья сказали бы то же.

Ей казалось, что онъ читаетъ въ тайникахъ ея души самые сокровенные ея помыслы, и въ данный моментъ она была этому рада: никакой другой аргументъ не могъ бы убѣдить его.

Сэръ Дугласъ опустилъ глаза, почти стыдясь своей запальчивости.

— Вы могли бы и не говорить мнѣ этого,—забормоталъ онъ скороговоркой;—я привыкъ угадывать женскіе характеры по лицу. Весь вечеръ я искалъ въ вашемъ лицѣ жесткихъ линій и былъ увѣренъ, что найду ихъ, но въ немъ нѣтъ и слѣда душевной черствости; все мягко и женственно. И этого я не понимаю! По самой природѣ вашего дѣла вы должны упиваться сценами ужаса.

— Ну, ужъ нѣтъ! Это ужъ совсѣмъ невѣрно! — горячо вскричала Мона. Она засмѣялась бы, еслибъ оба они менѣе серьезно относились къ спору.—Неужели вы относите это и къ сестрамъ милосердія, этимъ благороднымъ женщинамъ, которымъ поневолѣ приходится наблюдать ужасныя сцены?

— Но вы *должны* ожесточить себя, иначе вы не будете годиться для своего дѣло.

— Мнѣ кажется, «ожесточиться»—неподходящее слово. Кто-то сказалъ, что у врача жалость переходитъ изъ эмоціи въ побужденіе,—и это совершенно справедливо.

Сэръ Дугласъ, казалось, взвѣшивалъ ея слова.

— Вы уже работали на трупахъ?

— Да.

— Одно это чего стоитъ! Вѣдь это та же бойня.

— Вы, конечно, знаете, что я смотрю иначе.

Тѣмъ не менѣе Мона пришла въ уныніе, когда сообразила, въ какое положеніе она была поставлена. Ей приходилось или молчать, или говорить на языкѣ, невѣдомомъ ея собесѣднику. Какъ объяснить этому человѣку, что дѣло, для котораго онъ не нашелъ другого эпитета, кромѣ грубаго, презрительнаго, полно красоты, полно чудеснаго? Какъ говорить съ нимъ объ этомъ вѣчно-новомъ полѣ наблюденія и открытій, гдѣ столько простора для зоркаго глаза, искусной руки, мыслящаго мозга и зрѣлаго сужденія? Какъ описать ему эти дивные меха-

низмы, эти тончайшія развѣтвленія сосудовъ, эти уклоненія отъ общаго типа, подчиняющіяся въ своемъ развитіи незыблемому закону, но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживающія такое совершенство приспособленія, какое невозможно допустить *a priori?* Какъ жестоко неправильно истолковалъ бы онъ ея слова, еслибъ она заговорила съ нимъ о страстномъ увлеченіи открытіемъ, объ энтузіазмѣ, нерѣдко заставлявшемъ ее забывать и время, и все на свѣтѣ! Лицо ея пылало. — Истинный анатомъ,—думала она,—долженъ быть одновременно механикомъ и ученымъ, артистомъ и философомъ. Кто не совмѣщаетъ въ себѣ всего этого,—навсегда останется простымъ ремесленникомъ.

Сэръ Дугласъ пристально смотрѣлъ на нее. Какъ студентка, изучающая медицину, она была выше его пониманія. Какъ женщина въ данный моментъ она была прекрасна. Такимъ свѣтомъ горятъ глаза лишь у тѣхъ, кто ясно видитъ передъ собой идеалъ.

Однако изслѣдованіе еще не кончено. Надо низвести ее съ облаковъ на землю.

— Помните вы свой первый день въ анатомическомъ театрѣ?

— Да,—Мона глубоко вздохнула, и свѣтъ погасъ въ ея глазахъ.

— Ужасно, не правда ли?

— Да.

— А вы еще говорите, что не очерствѣли!

— Я не думаю,—начала Мона, инстинктивно, какъ истая женщина, избѣгая всякаго намека на догматизмъ,—не думаю, чтобы перестать видѣть въ какомъ-нибудь предметѣ его отталкивающую сторону—значило очерствѣть. Каждый предметъ имѣетъ свою отталкивающую сторону; стоитъ поискать и найдешь; въ анатоміи же, къ несчастью, эта сторона бьетъ въ глаза, такъ что посторонній наблюдатель только ее и видитъ. Такіе вопросы трудно обсуждать съ не врачемъ (не научно-образованнымъ человѣкомъ, поправилась она про себя),—но еслибъ вы изучали медицину, вы сами убѣдились бы, что съ теченіемъ времени забываешь обо всемъ непріятномъ, и видишь только чудо, только красоту.

Наступило продолжительное молчаніе.

— А когда вы получите дипломъ, вы будете лѣчить только лицъ одного съ вами пола?

— О конечно!

Сэръ Дугласъ вздохнулъ свободнѣе.

— Вотъ почему я разсердился, когда жена попросила васъ, хотя и въ шутку, прописать мнѣ лѣкарство. Вы, женщины,—сознательно, или безсознательно жертвуя собой,—идете черезъ моря крови, чтобы исправить страшное зло, которое до сихъ поръ было неизбѣжнымъ. Если вы обдуманно и добровольно начнете повторять это зло, оказывая медицинскую помощь мужчинамъ, вся ваша жертва будетъ сведена на нѣтъ, хуже, чѣмъ на нѣтъ.

Онъ выговорилъ все это прежнимъ запальчивымъ тономъ, и круто перемѣнилъ разговоръ.

— Долго вы останетесь здѣсь?

— Въ Лондонѣ? Право не знаю. Дней черезъ десять я поѣду погостить къ кузинѣ.

Сэръ Дугласъ воспользовался паузой бесѣды своей жены съ гостемъ и сказалъ:

— Брюсъ, позвольте васъ представить моей племянницѣ, миссъ Маклинъ. Будущая медицинская знаменитость,—добавилъ онъ, подмигнувъ женѣ.

Мона засмѣялась.

— Я въ этомъ увѣрена,—замѣтила леди Мунро съ своей неотразимой улыбкой.—Что касается меня, я гораздо охотнѣе обратилась бы къ женщинѣ-врачу, чѣмъ къ мужчинѣ.

Сэръ Дугласъ откинулъ назадъ голову, захлопалъ въ ладоши и хрипло засмѣялся.

— Ну, ужъ если ты это говоришь—надо ждать свѣтопреставленія.

— Дугласъ, что ты? опомнись!—недовольно протянула леди Мунро. Въ эту минуту она искренно вѣрила, что всю жизнь стояла за женщинъ-врачей. Сэръ Дугласъ усѣлся на низенькій пуфъ возлѣ нея и началъ играть отдѣлкой ея платья.

Немного погодя, Мона встала, чтобы проститься. Леди Мунро ласково притянула ее къ себѣ.

— Мона,—я говорила тебѣ, что мы въ понедѣльникъ уѣзжаемъ ненадолго въ Норвегію. Мужъ и я были бы такъ рады, еслибъ ты поѣхала съ нами.

Мона вспыхнула.

— Какъ вы добры! Мнѣ такъ жаль, что это невозможно!

— Почему?—быстро вмѣшался сэръ Дугласъ.—Вы еще успѣете поѣхать къ вашей кузинѣ.

Румянецъ на щекахъ Моны сталъ еще гуще.

— Хитрить безполезно,—начала она,—дѣло въ томъ, что я какъ разъ теперь занимаюсь интереснымъ дѣломъ урѣзыванія расходовъ. Вы знаете,—прибавила она, встрѣтивъ злобный взглядъ сэра Дугласа,—что я не имѣю на васъ ровно никакихъ правъ.

Онъ засмѣялся и положилъ ей руку на плечо.

— Не бойтесь, Мона; мы тоже не намѣрены предъявлять права на васъ. Будущее медицинское свѣтило можетъ продолжать свой путь безъ всякой помѣхи съ нашей стороны. Удостойте насъ своимъ обществомъ на двѣ недѣли, и мы еще останемся у васъ въ долгу.

— Намъ будетъ въ сто разъ веселѣе, если вы поѣдете съ нами,—сердечно вставила леди Мунро.

А Эвелина, какъ всѣ школьницы, склонная дружиться съ первой встрѣчи, ласково обняла рукой станъ кузины.

Такимъ образомъ дѣло устроилось.

— Надо сказать Нуббоо, чтобъ онъ позвалъ вамъ кэбъ,—замѣтила леди Мунро.

— Не нуженъ ей кэбъ, — возразилъ сэръ Дугласъ. — Подберите ваше платье, Мона, и накиньте плащъ; я самъ провожу васъ домой.

Былъ чудный лѣтній вечеръ; въ воздухѣ вѣяло свѣжестью, особенно пріятной послѣ душнаго знойнаго дня.

Естественно, что сэру Дугласу хотѣлось взглянуть на обиталище своего новаго жука, притомъ же, вѣдь онъ, какъ никакъ, приходился Монѣ дядей; однако, когда они дошли до воротъ ея дома, она, съ привѣтливой улыбкой, протянула ему руку, говоря:

— Вы были очень добры ко мнѣ. Спокойной ночи.

— Боюсь, Люси сказала бы, что я храбро «сражалась» съ нимъ,— думала Мона.—Но вѣдь ему нужно было только разсѣчь меня, и я надѣюсь что ему это удалось. Какой онъ странный! У него ужасно своеобразный взглядъ на вещи... А все-таки онъ былъ добръ ко мнѣ и спорилъ честно; онъ могъ нравиться. Надо дѣйствительно слѣдить за собой, чтобы незамѣтно не «очерствѣть», какъ онъ выражается.

Ей бросилось въ глаза письмо отъ кузины; она сѣла въ качалку, съ сожалѣніемъ посмотрѣла на увядшіе цвѣты на плечѣ и разорвала конвертъ.

«*Дорогая кузина*,—ваше письмо только что получила. Спасибо за добрыя вѣсти. Мнѣ теперь и на свѣтъ смотрѣть веселѣе. Сдѣлаю все, что могу, чтобы вамъ хорошо жилось у меня, и, хотя у васъ останется масса свободнаго времени, все таки вы мнѣ будете очень полезны,—и по хозяйству, и въ лавкѣ»...

— Боже мой!—вырвалось у Моны; она выронила письмо и закрыла лицо руками.

V.

Разочарованіе.

Такого удара Мона еще не получала.

Она знала, что отецъ ея отца вышелъ изъ народа, что онъ «самъ пробилъ себѣ дорогу», знала и гордилась этимъ; но самый фактъ, что она этимъ гордилась, показываетъ, что процессъ отдаленія отъ народа завершился окончательно. Она очень смутно представляла себѣ, что такое человѣкъ изъ народа, еще не пробившій себѣ дороги. Она говорила Люси, что кузина Рэчель «не то, чтобы настоящая леди», но въ то же время безсознательно рисовала себѣ хорошенькій, уютный коттэджъ, утопающій въ розахъ, скромную, простую жизнь, ранніе обѣды, случайные визиты сосѣдей, изрѣдка приглашенія на чай и полную свободу гулять, читать, думать и мечтать на утесахъ. Любовь

ея къ морю, въ особенности къ суровому восточному берегу, доходила почти до страсти, которую ей, однако же, рѣдко представлялся случай удовлетворять; эта любовь играла не послѣднюю роль въ ея рѣшеніи.

Она съ гордостью говорила о «доброй, старой мужицкой крови», текущей въ ея жилахъ, но мысль о мѣщанской средѣ, о лавкѣ была ей противна, оскорбляла и ея принципы, и утонченные вкусы, привитые ей воспитаніемъ.

Ей и въ голову не приходило взять назадъ опрометчиво данное слово. Объ этомъ простомъ способѣ выйти изъ затрудненія она даже не подумала. «Въ сущности, что же я могла сдѣлать лучшаго?» сказала она себѣ.—«Если даже сэръ Дугласъ и моя тетка серьезно заинтересовались мной, а не на минуту, не изъ любопытства, развѣ я согласилась бы посвятить имъ всю мою жизнь. Развѣ это дало бы мнѣ удовлетвореніе! О, нѣтъ!»

Однако, вся эта философія не спасла ея ни отъ *mauvais quart d'heure* *) послѣ прочтенія письма, ни отъ послѣдовавшей затѣмъ безсонной ночи.

Это не мѣшало ей видѣть смѣшную сторону положенія.

— Жаль, что Люси здѣсь нѣтъ; то-то бы мы посмѣялись!—сказала она себѣ. И, чтобы отвести душу, она написала длинное письмо подругѣ.

— Пожалуйста, барышня, вы мнѣ давайте знать о себѣ, я ужъ постараюсь приберечь для васъ эти комнатки,—говорила квартирная хозяйка Моны, добрѣйшая ирландка, появлявшаяся въ комнатѣ жилицы въ самые неподходящіе моменты, чтобы предложить свою помощь и пролить нѣсколько слезинокъ.—Этакой барышни съ огнемъ поискать; почитай, никакихъ съ вами хлопотъ; и личико-то у васъ такое ясное, что глядѣть на него—душа радуется.

— Можете быть увѣрены, что, если я опять пріѣду въ Лондонъ, я постараюсь поселиться у васъ,—ласково отвѣтила Мона,—но загадывать впередъ не слѣдуетъ; мало ли что можетъ случиться.—И она вздохнула.

Еслибъ жильцовъ можно было передѣлывать по заказу, м-съ О'Конноръ охотно сдѣлала бы свою жилицу нѣсколько сообщительнѣе. Она жаждала узнать, чья это изящная карета стояла въ среду у ея подъѣзда и кто была красавица барыня, которая такъ огорчилась, узнавъ, что миссъ Маклинъ нѣтъ дома.

Въ понедѣльникъ та же карета появилась снова и исчезла вмѣстѣ съ Моной. Раздумывая на досугѣ объ отъѣздѣ жилички и припоминая подмѣченные ею переходы отъ веселости къ глубокому унынію, мало согласовавшіеся съ ровнымъ характеромъ молодой дѣвушки, м-съ О'Конноръ пришла къ заключенію, что Монѣ представляется блестящая партія, но она пока не знаетъ, на что рѣшиться.

*) Непріятной четверти часа.

VI.

Нэродаль.

— Не говорите мнѣ о *Koriol*'яхъ и *Stolkjaerres*'ахъ!—съ негодованіемъ вскричалъ сэръ Дугласъ:—я никогда въ жизни не испытывалъ такой адской тряски!

Мона засмѣялась.

— А знаете ли, мнѣ кажется, что *Koriol*'и и *Stolkjaerres*'ы играютъ для Норвегіи болѣе важную роль, чѣмъ даже ея горы и фіорды. Они такъ характерны и живописны, такъ красивы въ видѣ деревянныхъ игрушекъ и серебряныхъ украшеній. Картины природы и закаты солнца — все это очень красиво, но удивительно, какъ взрослыя дѣти любятъ приносить съ собой съ прогулки кусочекъ пирога; а въ данномъ случаѣ кусочекъ пирога служитъ превосходной рекламой.

— Можете набивать себѣ хоть всѣ карманы пирогами, но мнѣ нужно что-нибудь посущественнѣй. Вы дѣлайте какъ знаете, а мы съ Модъ съ сегодняшняго дня путешествуемъ въ коляскѣ.

Они сидѣли на зеленомъ бугрѣ на краю пропасти, надъ Нэродалемъ въ Штальгеймѣ.

Въ воздухѣ стоялъ пряный ароматъ травъ и кустовъ; немолчное жужжаніе насѣкомыхъ было слышно даже сквозь отдаленный, глухой рокотъ водопада.

Передъ ними разстилалась «Узкая долина», окаймленная со всѣхъ сторонъ цѣпью нагихъ обрывистыхъ скалъ, на половину тонущихъ въ тѣни, на половину отливающихъ пурпуромъ и золотомъ. Внизу, на глубинѣ нѣсколькихъ тысячъ футъ, бѣлою лентой тянулась рѣка, перерѣзанная крошечными мостиками, по которымъ, какъ мухи, ползли лошади и экипажи. Позади хорошенькій, какъ игрушка, отель, съ своими остроконечными башенками, дерзко выдѣлялся на величавомъ суровомъ фонѣ сѣвернаго ландшафта; еще дальше безконечной, волнистой линіей тянулись гребни горъ и холмовъ, то возвышаясь, то падая, словно морскіе валы.

Лэди Мунро, полулежа въ гамакѣ, дремала надъ романомъ; сэръ Дугласъ курилъ сигару, пуская огромные клубы ароматнаго дыма и поминутно ворча на лишенія, которыя ему приходилось испытывать. Эвелина, съ прилежаніемъ первой ученицы, срисовывала Нэродаль; Мона просто лежала на бугрѣ, заложивъ руки за голову; лицо ея въ эту минуту представляло собой олицетвореніе довольства и покоя.

— Почему это не несутъ кофе? — сказала лэди Мунро, подавляя зѣвоту.—Эвелина, поди спроси, что̀ это значитъ.

— И на верандѣ еще не подавали,—возразила Эвелина, не оборачиваясь:—о насъ они едва ли забудутъ.

— О, конечно нѣтъ!—вставила Мона.—Смѣю васъ увѣрить, что

для такого маленькаго человѣчка, какъ я, большое преимущество путешествовать въ такомъ обществѣ. Я давно слыхала, что идеалъ всѣхъ содержателей гостиницъ—вспыльчивый, требовательный и щедрый англичанинъ, которому они поклоняются, какъ божеству; до сихъ поръ мнѣ это казалось нелѣпымъ суевѣріемъ, но теперь, когда я имѣю удовольствіе быть вашей спутницей, я нахожу этотъ культъ вполнѣ хорошимъ и разумнымъ.

— Ахъ вы дерзкая, маленькая обезьянка!—сказалъ сэръ Дугласъ притворно суровымъ тономъ, хотя углы рта его кривились отъ смѣха.

— Я узнала также,—не смущаясь продолжала Мона, глядя на тетку,—что обаяніе томнаго достоинства, съ оттѣнкомъ англо-индійской повелительности, дѣйствуетъ лучше всякихъ подачекъ на чай. Я намѣрена выучиться подражать этому тону.

— Мона, это слишкомъ зло!

Леди Мунро очень привязалась къ своей племянницѣ, но до сихъ поръ не чувствовала себя при ней вполнѣ спокойной.

— Я лично полагаю,—замѣтила раздумчиво Эвелина,—что уваженію, которымъ насъ окружаютъ, мы всецѣло обязаны Нуббоо.

— Да, дѣйствительно, онъ придаетъ аристократическій видъ всей нашей компаніи. Когда онъ сидитъ на козлахъ, я чувствую, что отъ меня больше ничего ужъ не требуется.

Въ это мгновеніе появилась рослая, бѣлокурая дѣвушка съ глуповатымъ лицомъ, въ живописномъ норвежскомъ костюмѣ; въ рукахъ ея былъ подносъ, уставленный чашками и блюдечками; за нею Нуббоо несъ кофе. Они постоянно препирались между собою относительно того, кому подавать кофе, при чемъ каждый считалъ другого только несносной помѣхой; кончилось тѣмъ, что они, хотя и не особенно охотно, раздѣлили эту обязанность между собой.

Мона встала, поставила свою чашку на маленькій деревянный столикъ и подошла къ Эвелинѣ.

— Ну, какъ твое рисованіе, дитя,—сказала она, ласково кладя руку на плечо дѣвушки.

— Если бъ эти тѣни хоть минуту остались неподвижными! Мона, ты ужасно лѣнива. Садись и рисуй. Смотри, вотъ у меня уже два наброска скалъ и цѣлая куча кустовъ,

— Ахъ,—сказала Мона.—Если бъ мнѣ удалось нарисовать *Dies Irae*, или Преображеніе, тогда я, пожалуй, принялась бы и за Нэродаль.

Эвелина подняла на нее свои голубые глаза.

— Пожалуйста, безъ колкостей,—выговорила она спокойно.

— Почему, если это меня забавляетъ, а тебѣ не приноситъ вреда? Въ дерзкой заносчивости юности, неужели ты хочешь отнять у сварливой старости одну изъ ея немногихъ привилегій? Голубушка моя,—продолжала она, усаживаясь возлѣ кузины,—когда я достигла двѣнадцатилѣтней зрѣлости, я задумала большую историческую картину,

смерть Уильяма II. Я взяла подушку, перевязала одинъ ея уголъ веревочкою и на это грубое подобіе королевской шеи накинула свой собственный мериносовый плащъ съ капюшономъ, который долженъ былъ изображать королевскую мантію. Затѣмъ я швырнула свою модель на полъ, чтобы складки плаща расположились въ живописномъ безпорядкѣ и еще много возилась съ ними, стараясь придать имъ еще болѣе безпорядочный видъ, чѣмъ тотъ, который они приняли случайно. Сказать правду, размѣры и покрой моего плащика были таковы, что я съ одинаковымъ успѣхомъ могла бы трудиться надъ крахмальнымъ воротничкомъ.

— И что-же, эта картина уцѣлѣла?

— Увы, нѣтъ. Не осталось даже наброска. Старая ракита и два розовыхъ куста въ саду служили для меня моделью лѣса; а какъ только кто-нибудь выходилъ изъ комнаты, я слѣдила за каждымъ его движеніемъ, чтобы нагляднѣе представить себѣ Уальтера Тирреля, скрывающагося между деревьями. Только вотъ, королевскихъ ногъ мнѣ не откуда было взять, а ноги вѣдь это отвѣтственная часть картины. Такъ я ея и не кончила.

— Я увѣрена, что картина была прекрасна,—тономъ восхищенія сказала леди Мунро.

— Милая тетя, я сейчасъ совершенно ясно вижу ее передъ собою и хотя въ прошломъ все кажется лучше, потому что смотришь издали, не могу тѣшить себя мыслью, чтобы въ этой картинѣ былъ хоть пробескъ таланта. Въ ней нѣтъ ни одной правильной линіи. Идей у меня было множество, умѣнья—никакого.

— Вѣроятно ты была очень огорчена тѣмъ, что пришлось бросить ее, не докончивъ.

— О нѣтъ! Ничуть не бывало! Съ ногами я, вѣроятно, какъ нибудь устроилась бы въ концѣ концовъ, но въ это время я неожиданно сдѣлала открытіе, что тайна истиннаго счастья заключается въ писаніи романовъ. Я истратила послѣднія свои деньги на пріобрѣтеніе большой тетради и принялась за работу.

— Какъ заглавіе?—спросила Эвелина,—она сама мечтала когда-нибудь написать романъ.

— «Первый шестипенсовикъ Джека», — торжественно выговорила Мона.

— А сюжетъ?...—спросилъ Сэръ Дугласъ.

— Естественно сводится къ тому, какъ Джекъ распорядился своими деньгами. Помнится,—у Моны вздрагивали губы и въ глазахъ сверкали искорки смѣха, но она продолжала тѣмъ же торжественнымъ тономъ,— помнится, что послѣ долгихъ размышленій онъ опустилъ свою монету въ кружку миссіонера. Оглядываясь назадъ, я вижу, что моя пробуждающаяся оригинальность ярче проявилась въ искусствѣ, чѣмъ въ литературѣ.

— А это ты кончила?—спросила Эвелина.

— Д-да, только не сразу. Я исписала уже страницъ двѣнадцать, какъ вдругъ мнѣ пришло въ голову заглавіе новаго разсказа. Первыя-же деньги пошли на покупку новой тетради; на первой страницѣ я написала

«Бэнтамскій Пѣтухъ и Пестрая Курица,
разсказъ
Моны Маклинъ».

— Это звучало очень красиво, но продолжать я была не въ состояніи ни за какія блага міра. Мнѣ до сихъ поръ не пришло въ голову ни одной мысли по поводу этого «Бэнтамскаго Пѣтуха и Пестрой Курицы». Поневолѣ пришлось вернуться къ бѣдному Джеку; а въ слѣдующемъ году когда я поступила въ школу, вся вторая тетрадь была исписана разными числами, которыя я считала своимъ долгомъ запомнить.

Мона вскочила на ноги. Ей вдругъ стало стыдно, что она такъ много говорила о себѣ, и она обрадовалась приходу почты изъ Фоссевангена; это былъ естественный предлогъ прервать свои изліянія. *Портье* принесъ пачку писемъ и бумагъ изъ Индіи для сэра Дугласа и письмо Монѣ, написанное рукою Люси. Это письмо заставило ее «свалиться съ неба на землю», какъ она писала подругѣ двѣ недѣли спустя; она положила его въ карманъ и нахмурилась. Непріятно было получить напоминаніе о будничной, сѣренькой, трудовой жизни въ этомъ краю горъ и сѣвернаго сіянія.

Сэръ Дугласъ пошелъ въ комнаты читать и отвѣчать на письма; Эвелина продолжала прилежно рисовать; Мона объявила, что пойдетъ пройтись.

— Я не успокоюсь, — сказала она, — пока не изслѣдую тропинки, которая ведетъ кругомъ этихъ холмовъ къ Іордальсноту. Я скоро вѣрнусь, до ужина еще далеко.

— Мона, милая, это страшно опасно!—воскликнула ея тетка.—Ради Бога, не вздумай итти туда. Тропинка, которая идетъ надъ пропастью, посрединѣ обрыва!

— Это должно быть проѣзжая дорога,—сказала Мони,—иначе она не была бы такъ ясно видна отсюда. Разумѣется, я не стану подвергать себя безполезной опасности, хотя бы уже ради васъ; право вы можете положиться на меня. Видите эту хижину въ концѣ тропинки, возлѣ самаго Іордальснота? Когда я дойду туда, я махну вамъ большимъ шелковымъ платкомъ. Вы можетъ быть еще увидите меня, если останетесь здѣсь до тѣхъ поръ. *Au revoir*!

Она поцѣловала изящную руку тетки, всю осыпанную кольцами, и пошла скорымъ шагомъ человѣка, привычнаго къ дальнимъ прогулкамъ.

Мона заранѣе навела справки, какъ пройти кратчайшимъ путемъ въ Іордальснотъ, и безъ труда нашла указанную ей тропинку. Мили полторы или около того она шла по проѣзжей дорогѣ; дальше тропинка

сворачивала въ поле и, пробравшись сквозь чащу малорослыхъ деревьевъ и густого кустарника, неожиданно выбѣгала на край глубокаго оврага. Внизу ревѣлъ и прыгалъ, пѣнясь, раздувшійся отъ дождей горный ручей; Мона не безъ испуга замѣтила, что черезъ него перекинута, вмѣсто всякаго моста, простая доска.

— Ну-съ, милый другъ,—сказала она себѣ,—если ты думаешь, что способна сохранить хладнокровіе у постели больного въ моментъ кризиса или во время серьезной операціи, докажи это теперь!

Она дала себѣ ровно минуту, чтобы собраться съ духомъ, не оставивъ другой, чтобы одуматься, и храбро ступила на доску.

— Въ сущности, опасности никакой и не было, надо быть идіоткой, чтобы испугаться,—подумала она, очутившись на другомъ берегу, съ характернымъ презрѣніемъ женщины къ подвигу уже совершенному, перешедшему изъ области *возможнаго* въ область *дѣйствительнаго*.

Зато она съ удвоенной энергіей принялась карабкаться вверхъ по крутой, каменистой тропинкѣ, которая вывела ее на возвышенное плато. Вокругъ стояла жуткая тишина; горы столпились вокругъ молодой дѣвушки дружной семьей; рѣка внизу казалась такой же далекой, какъ небо надъ ея головой. Солнце уже зашло. Мона стояла здѣсь одна среди безконечности. Она сняла шляпу, откинула назадъ волосы съ разгоряченнаго лба и тихонько засмѣялась.

Однако времени терять было нечего, путь предстоялъ дальній, и это было только начало. Тропинка оказалась, какъ Мона и думала, проѣзжей дорогой, и опасности никакой не представляла, если, конечно, не увлекаться величіемъ окружающаго до такой степени, чтобы совсѣмъ не смотрѣть себѣ подъ ноги. Тропинка была пустынна, развъ только передъ Моной неожиданно, какъ изъ земли выросла фигура мужчины,—вѣроятно, туриста изъ отеля, потому что, проходя мимо, онъ приподнялъ шляпу.

— Изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, прибывшихъ сегодня въ Штальгеймъ, только одинъ далъ себѣ трудъ подняться сюда, гдѣ не слышно грохота колесъ *каріолей*. И зачѣмъ они ѣздятъ въ Норвегію?

Дойдя до хижинки, видимой изъ Штальгейма, Мона, какъ было условлено, долго махала платкомъ, но напрасно ждала отвѣтнаго сигнала. Отсюда было очень близко до Іордальснота, но, къ великому огорченію дѣвушки, передъ ней открылась зіяющая пропасть, съ рѣчкой въ глубинѣ, перейти которую было немыслимо. Тропинка, по которой она пришла, вела по скату въ глубину, поворочивая почти подъ прямыми углами.

— Очевидно, мнѣ сегодня не добраться до цѣли, — сказала себѣ Мона,—надо, по крайней мѣрѣ, посмотрѣть, куда ведетъ тропинка.

Она стала спускаться, но, не видя конца тропинки, скоро упала духомъ. Къ тому же за послѣдніе полчаса декорація измѣнилась. Въ воздухѣ чувствовалась сырость; жалкіе карлики-деревья заслоняли видъ, высокая, мокрая трава путалась между ногами, мѣшая идти.

— Придется вернуться,—съ сожалѣніемъ сказала себѣ Мона,— отдохну минутку, да и пойду домой.

Она присѣла на большой мшистый камень и вдругъ вспомнила о письмѣ Люси. Такъ странно было видѣть въ этомъ уединеніи знакомый почеркъ; дружескій тонъ письма звучалъ такимъ диссонансомъ въ этой суровой обстановкѣ.

«Дорогая Мона,—можетъ быть, вамъ интересно узнать, какъ я себя чувствовала по прочтеніи вашего письма? Я сидѣла на полу и *выла*. Не отъ смѣха, не воображайте, пожалуйста, что ваши остроты очень забавны: отъ нихъ мнѣ стало только вдвое обиднѣе. Не воображайте также, что я намѣрена отговаривать васъ. На васъ не повліяешь и тогда, когда ваше рѣшеніе правильно, а ужъ когда вы *не правы*,— съ вами тогда не стоитъ и толковать: вы упрямѣе мула. Я сказала отцу, что вы будете экзаменоваться въ январѣ и кончите вмѣстѣ со мной. Раза два у меня мелькнула ужасная мысль, что вы, пожалуй, согласитесь удовольствоваться свидѣтельствомъ вмѣсто диплома; но чтобы вы все бросили, это мнѣ даже и въ голову не приходило. Вѣдь это абсурдъ, надо съ ума сойти, чтобы такъ поступить. Если вы, какъ вамъ угодно выражаться, «бросили свиньямъ» три или четыре года своей жизни, это еще не причина, чтобы бросить имъ и пятый.

«И неужели у васъ хватаетъ дерзости предполагать, что изъ васъ выйдетъ хорошая буфетчица? Эта профессія требуетъ врожденнаго таланта и тщательнаго воспитанія. Смѣю спросить, знакомо ли вамъ слово—флиртъ? Способны ли вы флиртировать съ такимъ усердіемъ, какъ будто отъ этого зависитъ ваша жизнь? Способны ли вы хотя бы научиться флирту? Лично позволяю себѣ въ этомъ усомниться. Вы, вѣроятно, думаете, что ваша поучительная бесѣда и ученыя остроты сослужатъ вамъ такую же службу, или даже лучшую?—будутъ забавлять мужчинъ, поучая? *Gott bewahre!*

«Вы, можетъ быть, думаете, что годитесь въ приказчицы, хотя бы въ лавкѣ съ полотнянымъ товаромъ? Напрасно! Развѣ вы съумѣете угодить прихотямъ и капризамъ всякаго Тома, Дика и Гарри, которымъ вздумается оказать вамъ милость поторговаться съ вами изъ за нѣсколько копѣекъ? Неужели вы не понимаете, до какой степени вы, употребляя вашу собственную метафору, пропитаны положительнымъ электричествомъ? Въ каждой изъ насъ есть оба рода электричества; въ васъ было и есть только одно; и всѣ мы послушно поворочиваемся къ вамъ отрицательной стороной, отыграваясь на томъ, что подставляемъ положительную всему остальному міру. Можете-ли вы надѣяться, что уживетесь хотя бы съ своей кузиной? Вы думаете, ей будетъ пріятно, если вы станете дѣлать ей выговоры за то, что она расхваливаетъ «стиль» и «модность» своего товара? Вы думаете «Вечера съ микроскопомъ» замѣнятъ ей веселую болтовню о разныхъ деревенскихъ дѣлахъ и дѣлишкахъ?

«О Мона, другъ мой, моя чудная, прекрасная Мона, не будьте такой идіоткой! Напишите вашей кузинѣ, что вы сдѣлали глупость, и обѣщайте, что мы увидимъ въ октябрѣ ваше милое личико. Я не могу представить себѣ аудиторіи безъ васъ!

«Во всякомъ случаѣ, голубчикъ, отвѣчайте мнѣ и поскорѣе. Почему вы не разскажете побольше о супругахъ Мунро? Можно ли такъ поступать—подержать у меня передъ глазами такой лакомый кусочекъ, какъ сэръ Дугласъ, и сейчасъ-же отдернуть руку? Можно ли такъ мучить человѣка? Вы знаете: вспыльчивые, старые англо-индійскіе вояки—моя мечта, Schwärmerei, etc. etc. etc».

Мона засмѣялась, но въ глазахъ ея стояли слезы. Письмо Люси не могло серьезно повліять на нее, но все же оно её огорчило, привело въ уныніе и дало богатую пищу мыслямъ. Она долго сидѣла, опершись головой на руки и разсѣянно глядя на раскрытое письмо. Внезапно капля дождя, упавшая на бумагу, заставила ее вспомнить объ окружающемъ, и она въ испугѣ вскочила на ноги. Вокругъ было до странности темно. Между деревьями ползъ туманъ; дождь, очевидно, зарядилъ надолго.

VII.

Сынъ Анака.

Когда Мона выбралась на открытое, сравнительно освѣщенное пространство, оказалось, что туманъ быстро сползалъ внизъ по склонамъ холмовъ. Дождь лилъ не переставая, окутывая ее густою, влажной пеленой.

— Ты права, Люси, я дѣйствительно идіотка,—сказала она себѣ,— но на этотъ разъ виновата скорѣе ты, чѣмъ я.

Она страшно торопилась, но скоро ей пришлось замедлить шагъ. Тропинка была достаточно широка, но мѣстами изрыта канавами, а дальше, чѣмъ на шагъ, впереди, уже ничего не было видно.

— Мнѣ положительно не выбраться изъ этихъ зарослей—сказала себѣ Мона съ спокойствіемъ отчаянія.—Первый разъ я нашла дорогу совершенно случайно, а вѣдь тогда свѣтило солнце.

Она серьёзно подумывала о томъ чтобы провести ночь на холмѣ и даже присѣла съ этой цѣлью на мокрый камень, но скоро платье ея пропиталось водой, зубы стучали отъ холода; по неволѣ пришлось идти дальше.

— Развѣ закричать?—подумала она.—Нѣтъ, я въ жизнь свою не кричала и не стонала, такъ неужели теперь начинать?

Однако въ глубинѣ души она хорошо знала, что непремѣнно стала бы кричать, если бы была хоть малѣйшая надежда, что ее услышатъ; но призывать на помощь туманъ и горы—безполезно.

У нея мелькнула мысль, что дядя вышлетъ людей ее разыскивать.

Въ первый моментъ она вздохнула съ облегченіемъ, но потомъ ужаснулась: хуже этого ничего быть не можетъ. Надѣлать всѣмъ хлопотъ, безпокойства; сдѣлаться на нѣсколько дней предметомъ толковъ въ отелѣ—это слишкомъ унизительно. А главное, придется отказаться отъ своихъ одинокихъ прогулокъ, или каждый разъ вымаливать позволеніе. И всего этого можно было бы легко избѣжать, если бы она не засидѣлась на камнѣ. Гдѣ у нея была голова? — О Люси, я дѣйствительно идіотка—простонала она.

Вдругъ ей послышались шаги позади. Да, сомнѣнія нѣтъ, кто-то подходитъ. Не зная, радоваться ей или тревожится, она остановилась. Сердце ея билось учащенно. Шаги приблизились. Такъ ужасно было чувствовать близость другого человѣка, изо всѣхъ силъ напрягать зрѣніе и ничего не видѣть. Еще минута—и передъ ней вынырнуло, какъ солнце изъ тумана, широкое, загорѣлое, добродушное мужское лицо. Мона съ облегченіемъ перевела духъ.

— Господи помилуй! — вскричалъ обладатель загорѣлаго лица, — пораженный тѣмъ, что видитъ молодую дѣвушку въ такомъ опасномъ положеніи:—неужели вы здѣсь однѣ?

— Да,—засмѣялась Мона, но смѣхъ ея звучалъ очень неувѣренно и выдавалъ многое, что она предпочла бы скрыть.

— Ну, я очень радъ, что нашелъ васъ,—продолжалъ онъ, стряхивая цѣлый градъ дождевыхъ капель съ своей мокрой соломенной шляпы.— Не хотѣлъ бы я, чтобы моя сестра была здѣсь одна въ такой вечеръ. Не возмете ли вы меня подъ руку? Боюсь, что вы очень устали; притомъ же не легко идти, когда платье липнетъ къ ногамъ.

Мона покраснѣла, но съ радостью взяла его подъ руку. Молодое, безбородое лицо внушало ей полное довѣріе; высокая, плотная, мужественная фигура говорила о несокрушимой силѣ; это былъ настоящій «Сынъ Анака».

— Однако и вымокли же вы! — продолжалъ онъ съ братской фамиліарностью, на которую невозможно было обидѣться. — Я тоже. Но наши мужскіе костюмы въ такую погоду все таки удобнѣе дамскихъ. Можетъ быть, я иду слишкомъ скоро?

— Ничуть! Мнѣ незачѣмъ говорить вамъ, что я рада поскорѣе вернуться домой.

Этотъ двусмысленный комплиментъ разсмѣшилъ ихъ обоихъ.

— Вы очень боялись?—спросилъ онъ.

— Ужасно!—просто отвѣтила Мона и немного погодя прибавила:— теперь мнѣ стыдно вспомнить, какъ я себѣ позволила разнервничаться.

— Ну,—вѣдь и было изъ за чего. Немногіе мужчины чувствовали бы себя хорошо на вашемъ мѣстѣ. Вы далеко зашли?

— Не знаю. За деревьями я не замѣтила тумана. Кстати, а вы дошли до Іордальснота?

— Нѣтъ, я вышелъ именно съ этимъ намѣреніемъ, оставивъ свой

чемоданъ въ гостиницѣ, но туманъ погналъ меня домой. Я очень радъ, что это дало мнѣ случай придти вамъ на помощь,—хотя вы разумѣется справились бы и безъ меня.

— Не умѣю вамъ сказать, какъ я этому рада. Право не знаю, что бы я сдѣлала безъ васъ.

И Мона подняла на своего спутника глаза, въ которыхъ свѣтилась непритворная благодарность. Онъ чуть замѣтно вздрогнулъ. Въ этомъ открытомъ честномъ взглядѣ было что-то неотразимо привлекательное, но было и другое—какое-то странное сходство...

— Вѣдь вы не однѣ путешествуете?— спросилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— Нѣтъ,—съ дядей и теткой. Сэръ Дуг... дядя обыкновенно гуляетъ со мной, — но это не значитъ, чтобы я не могла гулять одна, когда мнѣ вздумается; такія случайности, какъ сегодняшняя, вѣдь не идутъ въ счетъ.

Отвѣта не было. Онъ со вниманіемъ смотрѣлъ на нее, какъ будто обдумывая ея слова.

— Пожалуйста, не говорите никому, что вы нашли меня *in extremis*— продолжала Мона;—мнѣ было бы очень грустно отказаться отъ моихъ одинокихъ прогулокъ.

— Какъ же я могу говорить то, чего не было. Я нашелъ васъ вовсѣ не *in extremis*; я даже не зналъ, что вы испугались, пока не услыхалъ вашего смѣха. Вы посмотрѣли на меня съ такимъ достоинствомъ и самообладаніемъ, что мнѣ почти захотѣлось приподнять шляпу и пройти мимо.

Мона недовѣрчиво засмѣялась.

— Вы давно въ Штальгэймѣ?—спросилъ онъ.

— Всего нѣсколько дней.

— Вамъ нравится гостиница?

— Д-да. Это нѣчто среднее между первобытнымъ заѣзжимъ дворомъ и космополитическимъ отелемъ.

— Много теперь туристовъ?

— О, да! Они каждый день прибываютъ сотнями, останавливаются, чтобы выкурить сигару, пообѣдать или выспаться и снова продолжаютъ свою бѣшеную скачку на каріоляхъ. Страшно шумливый народъ; дядя всегда возмущается, когда они стучатъ своими тяжелыми сапогами и громко переговариваются о своихъ частныхъ дѣлахъ съ нижней площадки лѣстницы на верхнюю и съ веранды на дорогу.

— Воображаю,—сказалъ сынъ Анака и засмѣялся.

Туманъ понемногу начиналъ рѣдѣть. Съ помощью незнакомца Мона благополучно спустилась съ обрыва и перебралась черезъ опасный мостикъ.

— Вы не находите, что здѣсь скучно по вечерамъ?

— Нѣтъ, но я могу себѣ представить, какъ должны скучать люди, привыкшіе къ развлеченіямъ.

— Вы вѣроятно сидите на верандѣ?

— Не на той, которая выходитъ на Нэродаль; тамъ всегда толпа народа. Мы себѣ присвоили другую веранду, одну изъ маленькихъ; тамъ и кофе пьемъ, и болтаемъ, а иной разъ по вечерамъ играемъ въ карты.

— Сейчасъ же подите переодѣньтесь,—сказалъ незнакомецъ, когда они подошли къ дому,—и обѣщайте мнѣ выпить стаканчикъ горячаго грогу или чего-нибудь въ этомъ родѣ. Полноте,—остановилъ онъ ее, когда она начала благодарить его,—не теряйте времени. Я позволю себѣ послѣ ужина явиться къ вамъ на веранду.

Мона съ улыбкой взбѣжала на лѣстницу, хотя послѣднія слова незнакомца немножко ее встревожили. Какого пріема могъ онъ ожидать на верандѣ? Леди Мунро была крайнѣ разборчива въ выборѣ знакомыхъ, а сэръ Дугласъ всѣхъ туристовъ-мужчинъ величалъ «проходимцами» и возмущался даже, когда они осмѣливались заглядываться на его жену или дочь. Если ея новому другу удастся завести разговоръ, они всѣ сразу поймутъ, что онъ джентльменъ, и тогда все обойдется благополучно; но вопросъ въ томъ, удастся ли? Сэръ Дугласъ страшно горячъ и врядъ ли отвѣтитъ благосклонно на авансы совершенно незнакомаго человѣка.

— Сама виновата: незачѣмъ было такъ съ нимъ фамильярничать,— корила она себя. — Поблагодарила бы его, какъ слѣдуетъ, и дѣлу конецъ. Во всемъ сама виновата. Да, Люси, я, дѣйствительно, идіотка!

— Ахъ, какъ я рада, что ты вернулась! — вскричала Эвелина при видѣ входящей Моны; кузины помѣщались въ одной комнатѣ.—Я уже хотѣла идти разсказывать мамѣ.

— А гдѣ тётя Модъ?

— Въ своей комнатѣ. Она пошла къ себѣ скоро послѣ твоего ухода и уснула, такъ что отцу никто ничего и не говорилъ. Я уже собиралась бѣжать къ нему: я такъ боялась за тебя.

— Добрая душа! она и печку велѣла затопить. Вотъ и отлично— я сейчасъ высохну. Къ счастью, погода проясняется.

— У меня вода сейчасъ закипитъ на бензинкѣ; я принесла вина: тебѣ надо выпить чего-нибудь горячаго. Ахъ, Мона, пожалуйста скорѣй переодѣвайся. Въ какомъ ты ужасномъ видѣ.

Мона поспѣшила перемѣнить мокрое платье на теплый капотъ, распустила волосы, выжала изъ нихъ воду и усѣлась около печки, съ наслажденіемъ прихлебывая горячую влагу.

— Какой опасности ты подвергалась! Я представляла себѣ такіе ужасы!...

— Ничуть не бывало. Одинъ изъ сыновъ Анака пришелъ на выручку. Впрочемъ объ этомъ послѣ. Будь добренькой, достань мнѣ изъ шкафа чистое платье.

Мона не опоздала. Она уже прикалывала брошку, когда позвонили къ ужину.—Леди Мунро выплыла изъ своей комнаты, свѣжая и благоухающая.

— Ты уже вернулась, Мона?

— Да, тетя.—Но прежде чѣмъ Мона успѣла что-нибудь прибавить, тетка ея обернулась уже къ сэру Дугласу. Пускаться въ объясненія не было времени.

Внезапная перемѣна погоды вынудила многихъ туристовъ остаться ночевать въ гостиницѣ; огромная столовая была переполнена. Мона поймала взглядъ сына Анака, сидѣвшаго на дальнемъ концѣ другого стола, и еще разъ попыталась начать разсказъ о своемъ приключеніи; но судьба была противъ нея: напротивъ сэръ Дугласа усѣлся знакомый, извѣстный профессоръ изъ Эдинбурга, и разговоръ скоро сдѣлался общимъ.

— Будемъ надѣяться, что онъ не сразу придетъ на веранду и дастъ мнѣ время подготовить своихъ,—думала Мона, покоряясь своей участи.

Они перешли на веранду; сэръ Дугласъ закурилъ сигару, но лишь только Мона замѣтила, въ видѣ вступленія, что погода почти совсѣмъ прояснилась, какъ дверь распахнулась: на порогѣ спокойно и самоувѣренно стоялъ ея новый знакомый.

— Тетя Модъ, — начала было она, но голосъ ея потонулъ въ хорѣ восклицаній.

— Какъ, Сагибъ! Дикансонъ Сагибъ! Откуда вы? Вотъ точно съ неба свалился! Какой пріятный сюрпризъ! Кто бы могъ ожидать встрѣтить васъ здѣсь? Ну, садитесь и разсказывайте все по порядку Ахъ, я и забылъ! Позвольте васъ представить: м-ръ Дикансонъ; — моя племянница, миссъ Маклинъ.

— Я такъ и думалъ! — воскликнулъ новоприбывшій, сердечно пожимая руку удивленной Моны. — Если бъ я встрѣтился съ ней въ пустыняхъ Аравіи, и то я поклялся бы, что это родственница леди Мунро.

Такимъ образомъ истина вышла наружу съ легкими измѣненіями.

— Сказать правду,—начала Мона, когда все разъяснилось, — вы поступили со мной не особенно хорошо.

Молодой человѣкъ расхохотался, какъ школьникъ.

— Я увѣренъ, что вы не будете сердиться на меня за эту невинную шутку.

— Нѣтъ; тѣмъ болѣе, что теперь мы квиты. Теперь мы можемъ начать съ новой страницы.

— Надѣюсь, что она будетъ такъ же интересна, какъ и первая.

— Мило сказано, Сагибъ, — замѣтила леди Мунро. — А теперь, неутомимый странникъ, успокойтесь и повѣдайте намъ о вашихъ эксцентрическихъ скитаніяхъ.

— Эксцентрическихъ!—повторилъ онъ, намѣреваясь воспользоваться игрою словъ, чтобы сказать ей комплиментъ, но какъ умный человѣкъ, во время раздумалъ. — Это совсѣмъ не трудно. Одна изъ предполагаемыхъ поѣздокъ въ Шотландію разстроилась, — у моихъ знакомыхъ кто-то умеръ — и я примчался сюда. Я былъ увѣренъ, что гдѣ-нибудь я встрѣчусь съ вами: говорятъ, въ Норвегіи знакомые всегда встрѣчаются. Разумѣется, я зналъ, что вы отплыли въ Бергенъ.

— А теперь куда вы направляетесь?

— Вамъ ли спрашивать объ этомъ?—какъ сказали опилки магниту.

Сэръ Дугласъ пошелъ за картой и путеводителемъ; м-ръ Дикансонъ подсѣлъ къ леди Мунро.

— Кажется, не надо и спрашивать, довольны ли вы своимъ путешествіемъ. Видъ у васъ превосходный.

— О да, я просто очарована дикостью здѣшней природы; при томъ здѣсь такой бодрящій воздухъ! Вы понятія не имѣете, какъ я теперь много хожу. Когда Мона съ моимъ супругомъ отправляются въ свои головоломныя экскурсіи, мы съ Эвелиной гуляемъ цѣлыми часами, иногда цѣлыми днями.

Мона быстро вскинула глаза на тетку. Она въ первый разъ слышала объ этихъ удивительныхъ прогулкахъ; но въ это мгновеніе она поймала взглядъ Эвелины, и вопросъ замеръ у ней на устахъ.

— А сэръ Дугласъ?—спросилъ м-ръ Дикансонъ.

Леди Мунро засмѣялась тихимъ, мелодическимъ смѣхомъ.

— О, онъ ворчитъ, какъ всегда; говоритъ, что его здѣсь кормятъ жареной кожей и вареной фланелью. Онъ ужасно радъ, что съ нами поѣхала Мона, да и всѣ мы тоже. Боюсь только, что всѣ мы кажемся ей очень не развитыми. Вы не имѣете понятія о томъ, какія ученыя книги она читаетъ.

— Въ настоящую минуту,—вставила съ важностью Мона,—я читаю «*Моль*» Уида.

Всѣ разсмѣялись.

Сэръ Дугласъ вернулся и разговоръ сосредоточился исключительно на дорогахъ и пароходахъ.

— Я ни за что не хочу ночевать второй разъ въ этомъ отвратительномъ, шумномъ Фоссѣ. Мы здѣсь позавтракаемъ, тамъ возьмемъ свѣжихъ лошадей и къ вечеру будемъ въ Эйдѣ.

— Вы можете быть готовы къ восьми часамъ?—спросилъ Сагибъ леди Мунро.

— О, конечно! Я теперь встаю гораздо раньше восьми.

Сэръ Дугласъ безцеремонно расхохотался.

— Кто такой м-ръ Дикансонъ?—спросила Мона, когда онѣ съ Эвелиной вернулись въ свою комнату.

— Депутатъ-коммиссаръ отъ—я всегда забываю названіе этого города.

— Не бѣда, это для меня не важно. А почему его зовутъ Сагибомъ? Я думала, что въ Индіи всѣ Сагибы?

— Его такъ прозвали въ шутку дома, а потомъ это привилось;— вѣроятно потому прозвали, что онъ еще очень молодымъ занялъ какой-то отвѣтственный постъ.

— Онъ и теперь смотритъ мальчикомъ.

— Ему должно быть не меньше тридцати трехъ.

— Пожалуйста, не говори ему, что я изучаю медицину; я сегодня не сдѣлала особенной чести своей профессіи. Я не хотѣла бы, чтобы онъ изъ-за меня считалъ всѣхъ медичекъ трусихами.

— Ахъ Мона, я хотѣла бы, чтобы ты совсѣмъ не была «медичкой», какъ ты это называешь. Отчего ты не выходишь замужъ?

— Никто не сватается, душа моя. По крайней мѣрѣ, никто, о комъ можно было бы сказать, что онъ «нѣкто».

— Если бы ты поѣхала въ Индію, за тебя сватались бы каждую недѣлю.

— Благодарю. Даже и это не вполнѣ отвѣчаетъ моему идеалу счастья.

— Неужели же ты хочешь оставаться старой дѣвой?

— Этого выраженія въ наше время нигдѣ не услышишь, кромѣ какъ въ стѣнахъ пансіона для благородныхъ дѣвицъ, — строго замѣтила Мона.—О мой другъ, ты теперь переживаешь романтическій періодъ своей жизни; ты и представить себѣ не можешь, какъ высоко я цѣню свою свободу, сколько у меня въ головѣ разныхъ плановъ, осуществленіе которыхъ немыслимо для замужней женщины. Мнѣ кажется, теперь лучше живется именно незамужней женщинѣ. Она обладаетъ всѣми преимуществами своего пола и многими привилегіями другого. Долго ли такъ будетъ продолжаться, не знаю. Будемъ косить сѣно, пока солнце свѣтитъ. «*Ergreife die Gelegenheit! Die kerhret niemalswieder*» *).

— Ну, мнѣ было бы очень грустно думать, что у меня никогда не будетъ своихъ собственныхъ малютокъ.

— О материнство, сколько преступленій совершается во имя твое! Быть матерью, несомнѣнно, дѣло женщины, но для этого необходимо имѣть собственныхъ дѣтей. Ахъ ты, милая моя, добрая дѣвочка! Не сокрушайся обо мнѣ. Желаю тебѣ имѣть столько ребятишекъ, сколько ты сама себѣ пожелаешь, когда придетъ время, и ручаюсь, что у нихъ будетъ прелестнѣйшая мамаша.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

*) Лови случай: онъ не повторится.

ПИСАРЕВЪ, ЕГО СПОДВИЖНИКИ И ВРАГИ

(«молодая россія» шестидесятыхъ годовъ).

I.

Изъ всѣхъ человѣческихъ добродѣтелей самой странной и сомнительной славой пользуется умѣренность и аккуратность, золотая средина и благоразуміе. Достаточно выговорить все это, чтобы нашему воображенію представился далеко непривлекательный образъ— солиднаго непоколебимо-трезвеннаго мужа, всѣми нервами своей души привязаннаго къ «порядку»—во всѣхъ смыслахъ этого слова, чувствующаго органическую оторопь и безпокойство предъ всякой не особенно шаблонной идеей и не вполнѣ общепринятымъ дѣйствіемъ. Въ какой тошный и нудный процессъ превратилась бы жизнь, если бы исключительно отъ этихъ мудрецовъ зависѣло ея содержаніе и теченіе! И наша литература не уставали преслѣдовать ихъ самими жестокими чувствами, обзывая аккуратныхъ умницъ—Молчалиными, а ихъ добродѣтель «холопскимъ недугомъ».

И литература права.

Тамъ, гдѣ дѣйствительность сама по себѣ безукоризненно умѣренна и благоразумна, гдѣ высшіе перлы ея созданія—Фамусовы всевозможныхъ типовъ и спеціальностей,—тамъ умѣренность и средина граничатъ и даже сливаются съ подлинной пошлостью и безличіемъ. Это справедливо не только относительно русскаго общества и русской канцеляріи. Въ европейской исторіи навсегда останется трагикомическимъ воспоминаніемъ цѣлый періодъ французской внутренней политики, слѣдовавшій за іюльской революціей. Онъ по преимуществу носитъ наименованіе эпохи золотой средины и блещетъ всѣми талантами и проявленіями мудраго опыта и житейскаго благоразумія.

Франція, во всѣ вѣка изобиловавшая чрезвычайно разсудительными мѣщанами, никогда, кажется, не производила столь совершеннаго представителя, національнаго генія, какъ ученый историкъ и государственный мужъ—Гизо. Какая удивительная твердость взгляда, какая героическая прямолинейность поступковъ и вызывающая отвага рѣчей! Ты, мое милое отечество,—

говорилъ строгій педагогъ, обращаясь къ Франціи,—достаточно накуралесило своими революціями,—теперь должно сидѣть смирно и съ благодарностью принимать всѣ опыты и отместки, какіе угодно будетъ производить надъ тобой умнымъ и умѣреннымъ господамъ. Всѣ твои идеальныя увлеченія, разныя химеры на счетъ народнаго блага и настоящей народной свободы—чистѣйшее легкомысліе, преступныя крайности. Истина и счастье—въ золотой срединѣ, т.-е: въ достаточно обезпеченной движимой и недвижимой собственности и въ соотвѣтственномъ образѣ мыслей. Правда, разные щелкоперы полагаютъ иначе, но они въ сущности не имѣютъ даже права вообще что-либо полагать. Пусть сначала наживутъ состояніе, съ котораго казна могла бы взимать по крайней мѣрѣ двѣсти франковъ ежегоднаго налога, тогда мы посмотримъ! Станутъ ли они разговаривать о бѣдственномъ положеніи пролетарія! Мы думаемъ, нѣтъ: двухсотъ франковый налогъ достаточное ручательство за умѣренность убѣжденій и аккуратность поведенія.

Въ такомъ смыслѣ изо дня въ день, въ теченіе многихъ лѣтъ, ораторствовалъ государственный мужъ, упорно не желая протереть очковъ и взглянуть на міръ съ нѣсколько менѣе возвышенной точки зрѣнія. Міръ, наконецъ, потерялъ терпѣніе и однимъ могучимъ движеніемъ, на какое только способна независимая правда жизни, нахлобучимъ колпакъ на нестерпимо ясное чело. Съ тѣхъ поръ *золотая средина* стала во Франціи чуть ли не браннымъ словомъ и ея искреннѣйшіе прирожденные исповѣдники обѣгаютъ злополучный терминъ, подмѣняя его другими менѣе зазорными, вродѣ политики здраваго смысла, примирительная политика и т. п.

Результатъ опять вполнѣ заслуженный.

Распинаться во славу умѣренности и аккуратности въ обществѣ лавочниковъ и биржевиковъ, ежеминутно твердить о порядкѣ и соціальномъ чинопочитаніи купонныхъ и вексельныхъ дѣлъ мастерамъ, по меньшей мѣрѣ то же самое, что съ московскимъ тузомъ ужасаться потрясенія основъ и порухи патріотизму. Но бываютъ совершенно другія положенія, когда умѣренность является въ высшей степени рѣдкой, въ полномъ смыслѣ культурной и политической добродѣтелью, когда средній образъ мыслей дѣйствительно становится золотымъ и чрезвычайно трудно достижимымъ.

Это повторяется неизмѣнно во всѣ времена глубокихъ преобразовательныхъ теченій. Всякая новая идея, отрицающая отжившій строй жизни, уже сама по себѣ обладаетъ великимъ интересомъ, исполнена естественнаго очарованія для всякаго болѣе или менѣе чуткаго ума. Независимо отъ ближайшей практической цѣнности, она увлекаетъ новизной перспективы, смѣлостью и оригиналь-

ностью своихъ плановъ, всей поэзіей надежды и вѣры. И увлеченіе тѣмъ стремительнѣе, чѣмъ упорнѣе сопротивленіе стараго новому и чѣмъ настоятельнѣе и яснѣе необходимость устранить старое.

При такихъ условіяхъ кто и гдѣ съ неопровержимой убѣдительностью укажетъ предѣлы, какихъ не должны переходить новые идеалы? Независимо отъ психологіи идеалистовъ,—сама идея одарена способностью неограниченнаго, вполнѣ логическаго развитія. На извѣстной стадіи, она по мнѣнію иныхъ, переходитъ въ нелѣпость, но это не вина логическаго процесса и не изъянъ мышленія человѣка, сдѣлавшаго извѣстный выводъ. Нелѣпость открыта *внѣшней* критикой, практическими соображеніями, здравымъ смысломъ, а не наслѣжена въ самомъ раскрытіи идеи. Слѣдовательно, нѣтъ *логической* необходимости подчиняться этой критикѣ, и мыслитель предоставленъ исключительно личному благоусмотрѣнію, своимъ личнымъ наклонностямъ въ рѣшеніи вопроса, какое заключеніе вполнѣ соотвѣтствуетъ исходному положенію.

Очевидно, идейныя крайности, то что̀ обыкновенно называется *радикализмомъ,* во всѣхъ областяхъ мысли въ философіи и въ политикѣ—*теоретическое* явленіе вполнѣ послѣдовательное. Оно такое же звено логическаго процесса, какъ и всякій другой умѣренный, *либеральный* выводъ. Совершенно иной смыслъ радикальная идея можетъ имѣть въ непосредственномъ приложеніи къ жизни, въ своемъ фактическомъ осуществленіи. Здѣсь онъ можетъ обнаружить полную практическую безплодность, непримиримое противорѣчіе съ реальными запросами преобразуемаго порядка вещей, вообще проявить всѣ недостатки чистой абстракціи.

И этотъ результатъ далеко не всѣмъ умамъ можетъ представляться безусловно убѣдительнымъ. Теорія, положимъ, не осуществима, но такой приговоръ имѣетъ значеніе только для даннаго момента. Среда можетъ измѣниться и оказаться способной воспріять идею, въ настоящее время ей чуждую. Такъ это дѣйствительно и бывало съ весьма многими идеями, производившими на современниковъ впечатлѣніе совершенно неудобопріемлемой нелѣпости, и позже доживавшими до общаго признанія.

Слѣдовательно, даже на взглядъ практики и здраваго смысла радикализмъ не можетъ быть признанъ совершенно безнадежнымъ; онъ въ состояніи призвать въ свою защиту историческій опытъ и свое право на существованіе связать съ идеей прогресса, обязательной и для самаго умѣреннаго либеральнаго мышленія.

Легко представить, до какой степени по самому существу вопроса усложняется задача положительнаго или отрицательнаго отношенія къ крайнимъ идейнымъ слѣдствіямъ какого-либо принципа. Исторія неоднократно засвидѣтельствовала этотъ фактъ и

въ самыхъ эффектнтныхъ формахъ. Она разсказала не одну драматическую ожесточенную борьбу между представителями одного и того же освободительнаго движенія, только остановившихъ свой логическій процессъ на разныхъ пунктахъ. И нерѣдко именно эта разница превращала радикализмъ въ болѣе послѣдовательнаго и безпощаднаго противника людей умѣренныхъ воззрѣній, чѣмъ даже убѣжденный консерватизмъ. Эти явленія особенно поучительны именно въ нашихъ цѣляхъ. Они помогутъ намъ безпристрастно разобраться въ крайне запутанномъ и до сихъ поръ болѣзненно-трепещущемъ вопросѣ.

Намъ предстоитъ стать лицомъ къ лицу съ людьми неограниченной смѣлости въ теоретическихъ умозаключеніяхъ, исполненныхъ смертельной ненависти къ малѣйшему призраку *филистерства*, въ какихъ бы то не было вопросахъ,—литературныхъ, нравственныхъ, политическихъ. А филистерство—это значитъ уступка со стороны прямолинейнаго отвлеченія въ пользу дѣйствительности, сдѣлка силлогизма съ жизнью, такъ называемаго научнаго вывода съ непосредственнымъ чувствомъ. *Нигилизмъ*—такова кличка, данная новому воинственному направленію современнымъ художникомъ, и кличка, очевидно, чрезвычайно меткая. Ее немедленно усвоили и сами герои и ихъ враги. У иностранцевъ она превратилась въ исключительную характеристику русскаго отрицательнаго движенія. Въ журнальной литературѣ шестидесятыхъ годовъ создала цѣлый особый лагерь фанатическихъ преслѣдователей нигилизма, какъ явленія небывало уродливаго, противоестественнаго въ нравственомъ и историческомъ смыслѣ. И позже, на пространствѣ десятилѣтій русскій умѣренный и благонамѣренный гражданинъ при одномъ намекѣ на нигилистовъ переживалъ все тѣ же невыносимо жестокія чувства, какія тургеневскій «сынъ» въ теченіе нѣсколькихъ минутъ разговора успѣваетъ зажечь въ груди самаго респектабельнаго и культурнаго «отца».

Разумны ли эти чувства и существуетъ ли достаточное основаніе возводить понятіе «нигилиста» на степень жупела?

Не требуется пространныхъ разсужденій, чтобы дать рѣшительно отрицательный отвѣтъ. Стоитъ только припомнить важнѣйшіе моменты европейской поступательной мысли, и типъ «нигилиста» поразитъ насъ своей почтенной исторической давностью, и менѣе всего уродливыми исключительными чертами.

Намъ говорятъ—это дикая монгольская сила. Разрушеніе—ея стихія, отрицаніе—ея страсть, неизлѣчимое невѣріе—ея неразлучный спутникъ. Какое скопище ужасовъ! Изъ нихъ каждаго порознь достаточно, чтобы изъ человѣка образовалось совершенное чудовище и заклеймило несмываемымъ пятномъ свое время и свой народъ.

И изъ такихъ чудовищъ будто бы состояло цѣлое поколѣніе русской молодежи! И оно даже дѣйствовало, сочиняло и печатало статьи, соблазняло малыхъ и воевало съ великими. И оно должно бы оставить въ литературѣ мерзость запустѣнія и завѣщать потомству отвратительную оргію низменныхъ инстинктовъ, потому что—невѣріе и разрушеніе—послѣдніе предѣлы идейной безпринципности и практической преступности. И если французы не знаютъ какъ отчураться отъ своихъ якобинцевъ, куда намъ тогда укрыться отъ упрековъ національной совѣсти, намъ, считающимъ въ числѣ своихъ предковъ Базаровыхъ, Писаревыхъ, Зайцевыхъ, Благосвѣтловыхъ!

Какая страшная галлерея, все что ни фигура, то нигилистъ и отрицатель! И нѣтъ словъ по достоинству оцѣнить этихъ героевъ и эпоху ихъ царства. Возьмемъ первую попавшуюся исповѣдь современника. Она явилась въ 1864 году, въ аксаковской газетѣ *День*, слѣдовательно, можетъ притязать на извѣстную литературность и добросовѣстность.

«Не было той дикости, которой не проповѣдывала бы вслухъ извѣстная часть петербургской журналистики за это время, и не было той грязной выходки, которую бы она себѣ не позволила, вотъ существенныя доблести этой эпохи à la Renaissanse. Наглость, изворотливость, какое-то мастерство лжи и побѣдительный блескъ во взорѣ отъ сознанія именно своей непревосходимости въ этомъ искусствѣ—вотъ истинныя отличія ея нравственнаго достоинства. Заносчивость школьника, тайкомъ прочитавшаго двѣ три запрещенныхъ книжки, и его же капитальное невѣжество—вотъ вѣчно одни и тѣ же проблески этой «зари возрожденія». Можно смѣло сказать, не было того истинно-достойнаго или мало-мальски порядочнаго произведенія въ нашей литературѣ, которое сейчасъ же не подвергалось бы со стороны этого новаго вѣющаго духа всякому оплеванію и осмѣянію. Не было, напротивъ, мельчайшей брошюрки или статейки, ученаго волюминознаго трактата или бѣглой повѣстушки, появленіе которыхъ не привѣтствовалось бы сейчасъ эпохой возрожденія въ трубы и въ литавры, лишь бы авторъ въ нихъ, что называется, выкидывалъ колѣнце. И всякія средства считались позволительными для духоносцевъ этой эпохи, лишь бы достигать своихъ цѣлей, лишь бы давать просторъ новому вѣющему духу. Искаженіе мыслей автора, перетасовка цитируемыхъ изъ него строчекъ, глумленіе надъ нимъ, сочиненіе на его счетъ небывалыхъ анекдотовъ, все допускалось въ полемикѣ не въ видѣ нечаянной обмолвки, а въ видѣ правила, очень сознательно принятаго для руководства»! [1]).

[1]) «День» 1864 г.

Это—настоящій обвинительный актъ! Собраны здѣсь, кажется, рѣшительно всѣ преступленія—нравственныя и литературныя—и можно подивиться, какъ нашлась публика, терпѣвшая подобныхъ писателей и даже награждавшая ихъ громкой и довольно прочной славой.

Очевидно, съ обвиненіемъ что то неладно. Прокуроръ или слишкомъ сгустилъ краски или прямо взялъ полемическій партійный тонъ, совершенно не соотвѣтствующій истинѣ. Правда, у прокурора множество единомышленниковъ, именно имъ предстояло до послѣднихъ дней множиться и процвѣтать. Одинъ Катковъ, вооруженный газетой и журналомъ, задачей всей своей жизни поставилъ оберегать отечество отъ язвы нигилизма и разукрашивать чудовище въ что ни на есть яркіе колеры. Подобное усердіе не могло пропасть даромъ и въ тонъ русской печати затянули иноземцы, искренне почувствовавшіе мрачное чуть не адское величіе русскаго нигилизма... Какъ бы эта музыка польстила слухъ нашихъ юныхъ героевъ и въ какое бы невольное изумленіе они впали, узнавъ о своей грандіозности!

На самомъ дѣлѣ—весь этотъ мракъ и все величіе, чистѣйшіе продукты разстроенной или преднамѣренно подогрѣтой публицической фантазіи. Русскіе нигилисты не только не духи зла и отрицанья, даже не демоны романтическаго стиля. И откуда бы взяться подобнымъ геніямъ на русской землѣ—внезапно, непосредственно послѣ образцовой тиши да глади, послѣ неизмѣнно и неограниченно звучавшаго по всей Руси увѣреннаго и властнаго гласа: «все обстоитъ благополучно!»

Мы понимаемъ появленіе на французской сценѣ жирондистовъ и якобинцевъ. Почти цѣлое столѣтіе работало надъ созиданіемъ этой сцены и воспитаніемъ героевъ. И какое столѣтіе! Что ни имя—то своего рода великая держава, а одно—такъ даже стоющее нѣсколькихъ державъ. Писатель, благосклонно принимающій комплименты августѣйшихъ особъ, въ родѣ Екатерины II и Фридриха II, это дѣйствительно грозная сила и достойный предшественникъ законодателей и преобразователей!

А у насъ? Вмѣсто Вольтера, Руссо, Дидро и несчислимыхъ звѣздъ первой и второй величины—одинъ Бѣлинскій и почитатели его «скромко одѣтые» провинціалы, столичные обитатели четвертыхъ этажей и два-три даровитыхъ литератора. Конечно, въ странѣ крѣпостного права и всяческаго безправія и это очень много; но послѣдствія все-таки должны быть соотвѣтственныя. Орлы родятся только отъ орловъ и въ мірѣ физическомъ, и въ мірѣ нравственномъ. Кто умѣлъ читать и оцѣнить Бѣлинскаго, тотъ, конечно, не могъ пребывать въ сонмѣ пресмыкающихся, но врядъ ли также въ состояніи былъ и воспарить подъ облака—

мощнымъ, сознательнымъ полетомъ. Ужъ очень просто и совсѣмъ даромъ давались бы тогда людямъ великія умственныя побѣды. Стоило бы только погромче крикнуть да по-молодецки свистнуть, и всѣ шуты и уроды очутились бы на корачкахъ. Въ русской былинѣ это дѣйствительно такъ и описывается, но ни въ какой жизни этого не бывало и не бываетъ,—не произошло и ради нигилистовъ.

Мы должны свести этихъ героевъ къ ихъ подлинному историческому уровню и опредѣлить ихъ ростъ независимо отъ галлюцинацій не по разуму усердныхъ враговъ. Задача—нехитрая: надо только опредѣленно представить идейную, философскую основу нигилизма, и она уже сама по себѣ броситъ правильный и яркій свѣтъ на психологію дѣйствующихъ лицъ.

II.

Отечественные охранители взапуски усиливались до послѣдней степени взвинтить нигилизмъ и раскрыть его сатанинскій характеръ: это понятно. Чѣмъ величественнѣе представляется врагъ тѣмъ больше чести его побѣдителю, и Катковъ вполнѣ естественнымъ путемъ дошелъ подъ конецъ жизни до отождествленія съ нигилистами всѣхъ инако мыслящихъ. Это и было идеальнымъ разоблаченіемъ крамолы.

Въ другомъ положеніи находились иностранные наблюдатели нигилизма. Если оставить въ сторонѣ обычныя недоразумѣнія знатныхъ путешественниковъ и еще болѣе обычное желаніе вольныхъ политиковъ преувеличивать отрицательныя явленія чужого государства,—въ результатѣ у западныхъ писателей не окажется ни одного основательнаго мотива выдѣлять русскій нигилизмъ въ особую категорію невиданныхъ міромъ революціонныхъ недуговъ

Міру не только давно извѣстны подобные факты, но они, въ сущности, даже распространеннѣе и общедоступнѣе, чѣмъ другія идейныя направленія.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое нигилизмъ, какъ умственный процессъ? Ни болѣе, ни менѣе, какъ доведенная до послѣднихъ *полярныхъ* предѣловъ борьба чистой мысли съ нагляднымъ фактомъ дѣйствительности. Отсюда ясны два заключенія: нигилизмъ, какъ философія, представляетъ одну изъ формъ метафизики, какъ практическая программа—онъ чистѣйшій идеализмъ. Послѣднее понятіе мы беремъ не въ узкомъ нравственномъ смыслѣ, а какъ логическую противоположность реальному мышленію, т.-е. во всѣхъ своихъ стадіяхъ связанному съ опытомъ, съ указаніями дѣйствительности. По поводу философской статьи Чернышевскаго мы указывали на метафическій характеръ матерьялизма шестидесятыхъ

годовъ, по поводу литературныхъ и публицистическихъ разсужденій младшихъ современниковъ автора *Антропологическаго принципа* мы безпрестанно будемъ убѣждаться въ чисто-романтическомъ, непозволительно-мечтательномъ идеализмѣ злополучныхъ положительныхъ умовъ. Эта мечтательность подчасъ будетъ доходить до трогательной наивности, меньше всего характеризующей какую бы то ни было нравственную силу. Напротивъ. Въ глубинѣ подобнаго идеализма всегда лежитъ драма, неизбѣжное противорѣчіе порывовъ личности и органическихъ силъ жизни. О результатѣ столкновенія не можетъ быть и рѣчи. Личность въ высшей степени счастлива, если ей удается покончить вопросъ драматической развязкой; чаще всего «духъ земли» предварительно успѣетъ высмѣять опрометчиваго Фауста, унизить и разбить его отдѣльными стычками и потомъ, развѣ какъ послѣднюю милость, возложить на него терновый вѣнокъ.

Именно такую исторію разсказалъ Тургеневъ о своемъ нигилистѣ, и врядъ ли когда еще съ бо́льшимъ блескомъ и глубиной проявлялась вдохновенная проницательность творческаго генія!

Какіе поучительные образы и факты! Чернышевскій, отвергающій всякіе нравственные мотивы въ человѣческихъ отношеніяхъ, признаетъ ихъ у курицы, клянущійся на каждомъ словѣ фактомъ и наукой — впадаетъ въ самыя произвольныя и фантастическія догадки и обобщенія! Это—въ области отвлеченной мысли.

Еще сильнѣе эффектъ нигилистической практики. Базаровъ, въ воинственномъ азартѣ противъ существующей дѣйствительности, готовъ и себя косить по ногамъ,—о чужихъ предразсудкахъ, чувствахъ и идеалахъ нечего и толковать. И вдругъ—онъ влюбленное разбитое сердце, онъ — тоскующій и злобный герой неудачнаго романа, даже хуже, онъ—мелодраматическій персонажъ въ дуэли съ накрахмаленнымъ джентльменомъ и рыцаремъ. И онъ долженъ умереть: это лучшій исходъ для его безнадежно-надорваннаго существованія, и реальный нигилистъ, Писаревъ, будетъ восхищаться именно смертью Базарова, какъ прекраснѣйшимъ моментомъ всей этой печальной исторіи.

Скажите, развѣ это не подлинныя черты романтизма и развѣ въ этихъ чертахъ бросается вамъ въ глаза хотя бы одна точка демонической, мощной окраски?

Не проще ли признать во всемъ этомъ одинъ изъ безчисленныхъ варіантовъ отчасти жалкихъ, отчасти трагическихъ заблужденій безразсчетно-самонадѣяннаго и юношески-неиспытаннаго ума? И сколько разъ подобный умъ совершалъ все одинъ и тотъ же путь фантастическаго культа призраковъ, считая ихъ за самую реальную осязаемую дѣйствительность!

Вотъ, напримѣръ, почти четыреста лѣтъ тому назадъ по всей западоной Европѣ раздается призывъ Лютера порвать связи съ разложившимся католическимъ міромъ, съ его религіей, наукой и нравственностью. Отнынѣ свободное личное чувство и личный разумъ займутъ мѣсто внѣшнихъ авторитетовъ и священное писаніе будетъ подлежать непосредственному воспріятію вѣрующаго, не проходя сквозь призму папской политики и схоластики.

Таковъ принципъ, совершенно ясный и опредѣленный въ исходной точкѣ, но неограниченный и неуловимо-разнообразный въ логическихъ выводахъ. Въ самомъ дѣлѣ, сколько можно дать отвѣтовъ на вопросъ: гдѣ остановить критику разума, направленную на св. писаніе, противъ средневѣковой учености и всего католическаго строя жизни?

Можно вѣдь и разумъ заключить въ извѣстныя границы и изъ новыхъ толкованій создать не менѣе строгую авторитетную систему, чѣмъ католическое богословіе. Къ такой цѣли именно и стремилось правовѣрное лютеранство, создавая свои догматы и свое церковное ученіе на мѣсто отвергнутаго. Но нѣтъ логическихъ препятствій повести критику до полнаго разложенія всего общеобязательнаго и догматическаго, примѣнить къ св. писанію тѣ же пріемы анализа и изслѣдованія, какіе примѣняются вообще къ историческимъ памятникамъ. Нѣтъ также обязательной границы и въ отрицательной критикѣ противъ средневѣковой науки, и здѣсь, пожалуй, увлеченіе еще естественнѣе, можно сказать неудержимѣе, чѣмъ въ чисто-богословскихъ вопросахъ.

И оно немедленно обнаружилось, одновременно съ умѣренно-либеральной реформой Лютера. Явился даже ученый, профессоръ Карлштадтъ, блестящій и страстный ораторъ, искренній и отважный разрушитель ненавистной старины, подлинный представитель реформаціоннаго нигилизма. Да, во всей точности: только подмѣните спорные вопросы XIX вѣка идеями лютеровскаго движенія—и совпаденіе получится полное.

Вторoй вопросъ—оффиціальная наука и католическая цивилизація. По мнѣнію Лютера, все это можно преобразовать, старую науку и цивилизацію пообчистить, подправить, одушевить новымъ духомъ свободы и творчества...

Недостойная уступчивость и трусливая сдѣлка!—отвѣчаетъ на это Карлштадтъ. Совсѣмъ долой съ лица земли ученность и культуру. Университеты должны опустѣть, профессора и студенты разсѣяться по деревнямъ и приняться за воздѣлываніе земли собственными руками. Это и будетъ истиннымъ выполненіемъ заповѣди св. писанія: человѣкъ долженъ ѣсть хлѣбъ свой въ потѣ своего лица.

И Карлштадтъ, стремительный и убѣжденный, быстро собралъ

вокругъ себя восторженную аудиторію и съ университетской каѳедры лились бурныя рѣчи противъ университетовъ, богослововъ, ученыхъ, вообще противъ ветхаго культурнаго міра.

Лютеръ пришелъ въ крайнее безпокойство, и либерализмъ объявилъ безпощадную войну радикализму. Власть стала на сторону благоразумія и умѣренности, Карлштадтъ присужденъ молчать. Но что значилъ приговоръ надъ отдѣльнымъ человѣкомъ? Развѣ существовала сила, способная прервать процессъ мысли независимо отъ того или другого энтузіаста?

И Лютеру до конца дней пришлось страдать, глубоко, невыносимо страдать, отъ прямыхъ дѣтищъ собственной реформы. Они не замедлили перенести принципы свободной критики на политическую почву, задумали въ корнѣ передѣлать государство и общество наравнѣ съ церковью, освободить не только всуе вѣрующее стадо папы, но и неправильно-угнетенный и порабощенный народъ. Въ радикальной программѣ появились свои виттембергскіе тезисы, цѣликомъ предвосхитившіе позднѣйшій французскій восемьдесятъ девятый годъ.

И Лютеру оставалось отвернуться отъ этой эволюціи преобразовательныхъ идей и даже послать проклятіе разуму, какъ исчадію ада, тому самому разуму, который двигалъ имъ самимъ но только умѣренно и осторожно!

Та же исторія повторилась два съ половиной вѣка спустя. Второй разъ и уже гораздо рѣшительнѣе былъ поставленъ вопросъ все о той же старой вѣрѣ и старыхъ общественныхъ неправдахъ. Люди умѣреннаго образа мысли не желали и слышать о католичествѣ и папѣ, но они не рѣшались поднять руки на самый принципъ вѣры. Они искали Бога, разрушая его видимые алтари и говорили о духѣ, воюя съ духовенствомъ. Такимъ же среднимъ путемъ шли они и въ борьбѣ съ отжившимъ общественнымъ строемъ. Они разсчитывали на поправки и передѣлки. Сметая съ лица земли педантизмъ и тунеядную пустопорожнюю ученость они требовали просвѣщенія и реальныхъ знаній. Высмѣивая уродства искусственной паразитской цивилизаціи, они пытались построить зданіе дѣятельной, нравственно-могущественной и общедоступной культуры.

Это либерализмъ и золотая средина. Но опять нашлись люди, не усмотрѣвшіе въ подобныхъ идеалахъ ничего свободнаго и золотого. И разсуждали они не безъ логики и не безъ искусства.

Вы, заявляли они умѣреннымъ просвѣтителямъ, клеймите римское ученіе и въ тоже время хотите спасти душу. Но вѣдь въ душѣ-то весь источникъ зла. Покончите съ душой, и вы однимъ ударомъ ниспровергните всю ветхую храмину. И это будетъ вполнѣ послѣдовательно.

Такъ именно разсуждали баронъ Гольбахъ и Гельвецій, и привели въ ужасъ Вольтера и его друзей. «Какая страшная книга»!—восклицалъ Даламберъ о сочиненіи барона, а Вольтеръ, не зналъ какъ убѣдить публику въ полной своей неприкосновенности къ матеріалистическому резонерству литературнаго метръ-д'отеля.

Еще рѣзче обнаружилась междоусобица въ культурныхъ идеалахъ. Здѣсь знамя нигилизма поднялъ писатель геніальныхъ дарованій, несравненный стилистъ и неотразимый логикъ, и поднялъ открыто, съ преднамѣренной запальчивостью и глубокой ненавистью. Это было тѣмъ естественнѣе, что радикальный отрицатель культуры и науки самъ лично представлялъ нѣчто въ родѣ естественнаго человѣка. Просвѣщенное общество рѣшительно ничѣмъ его не облагодѣтельствовало, а наука только причинила не мало терзаній и огорченій въ годы ранней молодости. И онъ отомстилъ.

Однимъ натискомъ пера на мѣсто утонченнаго любителя философіи и прочихъ благъ усовершенствованнаго общежитія былъ воздвигнутъ грандіозный образъ даже не дикаря, а миѳическаго существа человѣческой породы, но вполнѣ ангелоподобной природы. Это означало—смертный приговоръ и наукѣ, и гражданскому обществу, и даже весьма многимъ, казалось бы, весьма естественнымъ свойствамъ человѣка, въ родѣ способности любить, ненавидѣть и ревновать, думать и словами выражать свои думы.

Можетъ ли идти дальше метафизическое отвращеніе къ дѣйствительности? Открывая въ философіи Руссо не одну родственную черту съ нигилизмомъ, мы должны все таки признать нигилистовъ филистерами сравнительно съ этой бурей отрицательныхъ *инстинктовъ*, не отвлеченныхъ идей, а органическихъ порывовъ негодованія и ненависти. Правда, и «мыслящая личность» нигилистовъ—фигура, достаточно освобожденная отъ предразсудковъ и преданій, но все таки она *мыслящая*, а здѣсь сама мысль провозглашается извращеніемъ идеальной человѣческой природы и самый даръ слова признается бѣдствіемъ и источникомъ бѣдствій.

И все это не бредъ безумнаго, а только извѣстное звено логическаго процесса. Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ отрицать, что способность мыслить и говорить—основа всякой цивилизаціи, т. е. несомнѣннаго зла, какимъ цивилизація явилась въ XVIII вѣкѣ. А такъ какъ всякое зло надлежитъ пресѣкать въ корнѣ, то вполнѣ послѣдовательно начать идеализаціей естественнаго состоянія, т. е. безоглядно прямолинейнымъ и непримиримымъ нигилизмомъ.

Ничего другого по существу не дѣлали и русскіе нигилисты шестидесятыхъ годовъ. Мы видѣли родовое сродство идей шестидесятниковъ съ обычными принципами всякаго преобразовательнаго движенія, та же самая историческая давность лежитъ яркой

печатью и на крайнихъ выводахъ этихъ идей. Иначе и быть не можетъ.

Человѣческая психологія, въ своихъ основныхъ законахъ, всегда и всюду одинакова. Логическое развитіе какой угодно идеи совершается тождественными путями во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ.

Это правило остается неизмѣннымъ, къ сожалѣнію, во всѣхъ подробностяхъ и частностяхъ. Къ сожалѣнію, потому что уроки исторіи должны бы производить извѣстное дѣйствіе на позднѣйшихъ путниковъ одного и того же культурнаго пути.

Русскій нигилизмъ явился послѣ многочисленныхъ эволюцій европейской мысли въ либеральномъ и радикальномъ направленіи. Опыты въ прошломъ были въ высшей степени краснорѣчивые и внушительные. Они, при самомъ поверхностномъ знакомствѣ, могли бы научить по крайней мѣрѣ одной истинѣ: логическій процессъ отвлеченной мысли никоимъ образомъ не слѣдуетъ отожествлять съ органическимъ процессомъ жизни. Діалектика идей область совершенно другая, чѣмъ движеніе и взаимодѣйствіе фактовъ, и обѣ эти области могутъ становиться даже въ безвыходное противорѣчіе и привести отважнаго мыслителя къ грозной дилеммѣ: или поступиться чистотой и героичностью діалектики или превратиться въ своего рода инквизитора абстракцій, въ такого же фанатика разсудочныхъ теорій, какими римскіе христіане являлись во имя церковныхъ догматовъ. Собственно преступнаго въ нравственномъ смыслѣ нѣтъ ни въ инквизиціи, ни въ нигилизмѣ, и нѣтъ ничего безсмысленнѣе приговора даже надъ французскими якобинцами, какъ надъ нравственными чудовищами и выродженцами. И инквизиторъ, и якобинецъ, и нигилистъ могутъ быть людьми кристальной честности и безкорыстія: сущность ихъ психологіи не въ нравственномъ извращеніи, а въ извѣстномъ складѣ ума. Практически дѣятельность этой породы людей можетъ выразиться въ крайне отталкивающихъ формахъ, произвести впечатлѣніе настоящихъ злодѣяній и преступленій, но все это только *послѣдующее* и *производное*: предшествующее и истинно дѣятельное, принципіально творческое—идея, какъ логическое умозаключеніе и въ тоже время какъ настоящій *философскій догматъ*.

Эту психологію превосходно выразилъ одинъ изъ послѣдовательнѣйшихъ якобинцевъ Сенъ-Жюстъ. Какъ истинный нигилистъ, безусловно убѣжденный въ всемогуществѣ отвлеченной доктрины, онъ торжественно заявилъ:

«Въ тотъ самый день, когда я дойду до убѣжденія, что французскому народу невозможно сообщить нравовъ гуманныхъ, чувствительныхъ и неумолимыхъ предъ тираніей и несправедливостью, я покончу самоубійствомъ».

И это не фраза. Весь смыслъ существованія якобинца въ фа-

натическомъ культѣ извѣстной теоріи. Разъ она оказывается безплодной и безцѣльной, смертный приговоръ всей личности идеолога подписанъ. И опять невольно припоминается нигилистъ, созданный всепроникающимъ творчествомъ геніальнаго художника. Неждановъ гибнетъ жалкой, вынужденной смертью, унося въ могилу нестерпимо горькое разочарованіе въ жизненности и силѣ своего идеала. Неждановъ, правда, слабъ отъ природы, но и болѣе одаренные у вдумчивой и сердечной героини вызываютъ впечатлѣніе отнюдь не лестное для ихъ нравственнаго и практическаго могущества.

— Несчастный онъ человѣкъ, неудачливый!..

Говоритъ Маріанна о Маркеловѣ, и въ этихъ словахъ звучитъ будто погребальное напутствіе не надъ отдѣльной личностью, а надъ цѣлымъ теченіемъ. Оно шумно и бурно ворвалось въ русскую жизнь и неожиданно быстро разлетѣлось въ мелкія брызги, оставивъ у большинства современниковъ и у потомства впечатлѣніе какого-то случайно налетѣвшаго вихря столь же порывистаго, сколько и безплоднаго въ вѣковой положительной культурной работѣ русскаго народа и общества.

И эту безплодность можно было предвидѣть съ самаго начала. Ни одно умственное направленіе въ XIX вѣкѣ не начиналось столь легкомысленно и слѣпо въ противорѣчіи со всѣми ранними и ближайшими указаніями европейскаго и русскаго просвѣщенія. Ни одно радикальное теченіе, во всѣ эпохи европейской культуры, не являлось до такой степени ненужнымъ и завѣдомо фантастическимъ, какъ русскій нигилизмъ. Мы не станемъ укорять юныхъ русскихъ преобразователей въ непониманіи историческаго смысла хотя бы новѣйшихъ европейскихъ событій, не станемъ приставать къ нимъ съ запросами: почему они, столь усердно занимаясь французскими революціями, не отдали себѣ отчета во французскихъ реакціяхъ? Для этой задачи требовалось, можетъ быть, слишкомъ продолжительная вдумчивость, неодолимая для очень юныхъ бойцовъ за совершенно новое будущее своего отечества.

Но одинъ вопросъ безусловно долженъ быть поставленъ нашимъ героямъ. Они выступили на сцену дѣйствія, когда съ нея едва успѣли сойти ихъ ближайшіе учителя. Голосъ Добролюбова только что умолкъ, рѣчь Чернышевскаго еще продолжала звучать,— новые люди взяли въ свои руки бразды правленія общественной мысли и немедленно устремились куда-то всторону, по ихъ мнѣнію—впередъ, но непремѣнно подальше отъ своихъ предшественниковъ.

Чѣмъ вызывалась эта стремительность? Интересами совершенствованія русскаго общественнаго самосознанія, цѣлями возможно

широкаго освобожденія новыхъ нарождающихся идеаловъ отъ гнета преданій и авторитетовъ? Нисколько.

Чернышевскій и Добролюбовъ въ этомъ направленіи достойно закончили дѣло Бѣлинскаго: оставалось только охранять проложенные пути, сбрасывать всякій соръ и налетъ и отражать незваныхъ гостей, въ родѣ Каткова и его прихода. Задача весьма нелегкая и ея вполнѣ хватило бы на всѣ новые таланты.

Вмѣсто нея новые люди предпочли работать исключительно за свой счетъ, отдѣлить свои стремленія и даже принципы отъ завѣтовъ своихъ старшихъ современниковъ, обозвать эти завѣты устарѣвшими и воспарить на дотолѣ недосягаемую высоту независимой оригинальности.

Мы знаемъ, расчеты на оригинальность не могли оправдаться и дѣйствительно не оправдались, а вожделѣнія о независимости на нѣсколько лѣтъ замутили прямой путь русскаго прогресса, внесли разладъ въ среду самихъ прогрессивныхъ силъ, создали рядъ благодарнѣйшихъ брешей и мишеней для вражескихъ натисковъ и набросили не мало тѣней на благороднѣйшія и безпорочнѣйшія стремленія молодого поколѣнія даже въ глазахъ его искреннихъ друзей.

Мы снова должны припомнить,—возникновеніе нигилизма могло не встрѣтить отвлеченныхъ логическихъ препятствій послѣ дѣятельности старшихъ шестидесятниковъ, все равно какъ вообще радикальныя слѣдствія всякой идеи теоретически возможны и естественны. Но въ томъ именно и заключалась задача молодыхъ наслѣдниковъ Чернышевскаго и Добролюбова, чтобы удержаться отъ чисто-абстрактныхъ головокруженій, тщательно распознать и вдумчиво оцѣнить жизненную широту уже выясненныхъ идеаловъ и не жертвовать ими ради схемъ, можетъ быть, и красивыхъ, математически-стройныхъ, но совершенно не отвѣчавшихъ на самыя наглядныя потребности русской дѣйствительности. Ради крайняго логическаго заключенія отвергать идею въ ея болѣе умѣренныхъ, но зато болѣе жизнеспособныхъ выводахъ—значитъ, работать какъ разъ въ ущербъ прогрессу и подрывать нравственный авторитетъ и практическую цѣнность всей идеи вообще.

Это именно и произошло со многими основными символами нигилистической вѣры.

III.

Въ то самое время, когда Катковъ день за днемъ оттачивалъ ядовитѣйшія стрѣлы по адресу Чернышевскаго и его сочувственниковъ, петербургскій журналъ самого умѣреннаго образа мыслей вдругъ обнаружилъ поразительное безпристрастіе и джентльмен-

ство. *Библіотека для чтенія* взяла на себя трудъ перечислить заслуги Чернышевскаго предъ русской публицистикой, оцѣнить его умъ и талантъ. Оцѣнка въ высшей степени лестная, хоть бы подъ стать и нигилистическому органу. Чернышевскій возхваляется, какъ мыслитель оригинальный, сильный и въ высшей степени разносторонній. Вліяніе его на журналистику и читателей огромно.

Благодаря ему, публика въ настоящее время чувствуетъ омерзѣніе къ общимъ мѣстамъ, широковѣщательнымъ фразамъ, къ золотой посредственности. Именно его статьи вызвали всеобщую жажду оригинальности, совершенно подорвали кредитъ скучныхъ компиляторовъ, притязательныхъ педантовъ, утвердили власть здраваго смысла, легкой литературной рѣчи, распространили множество знаній, раньше совершенно недоступныхъ большой публикѣ. Статьи Чернышевскаго до такой степени своеобразны, что ихъ можно узнать даже безъ подписи, а это явно свидѣтельствуетъ о писателѣ, «способномъ производить новыя мысли» [1].

Умѣренный журналъ находитъ даже возможнымъ сказать доброе слово объ *Антропологическомъ принципѣ* и вообще отвести Чернышевскому въ современной публицистикѣ особое и въ высшей степени почетное мѣсто. Дѣлаетъ онъ не менѣе любезный намекъ на Бѣлинскаго и Добролюбова: очевидно, «новые люди» могутъ считать себя признанными въ благоразумно-либеральномъ лагерѣ и даже дальше—среди самихъ славяновиловъ: по крайней мѣрѣ, Аполлонъ Григорьевъ не уставалъ прославлять талантъ Добролюбова. А еще раньше Иванъ Аксаковъ сознался въ побѣдѣ идей и личности Бѣлинскаго надъ славянофильскими проповѣдями.

Въ лагерѣ «новыхъ людей» эти факты могли принять за несомнѣнные показатели своего торжества. И будущее, по всѣмъ признакамъ, принадлежало послѣдователямъ Чернышевскаго и Добролюбова.

Въ самомъ дѣлѣ, какая сила могла бы уничтожить то количество здравыхъ понятій и реальныхъ знаній, какое было сообщено публикѣ старшими шестидесятниками? Какой критическій талантъ оказался бы настолько сильнымъ и искуснымъ, чтобы поднять съ земли окончательно разбитое чистое искусство, возстановить престижъ мертворожденной, хотя и глубокомысленной учености, обновить безнадежно засохшія лавры на главахъ почтенныхъ, но уже больше не почитаемыхъ авторитетовъ?

Съ какой ясностью и непобѣдимой логичностью установилъ Добролюбовъ реальную критику, съ какой находчивостью и проницательностью умѣлъ онъ извлекать изъ художественнаго вдох-

---

[1]) *Библіотека для чтенія*. 1861, августъ. «Литерат. обозрѣніе».

новенія поэтовъ уроки жизни для дѣятелей, съ какой убѣжденностью и мужествомъ онъ отдѣлилъ плевелы праздно болтающей эстетики отъ пшеницы гражданской мысли!

И не было ни фанатизма, ни деспотическаго доктринерства въ спокойныхъ и вѣскихъ рѣчахъ молодого критика. Онъ, при всей страстной влюбленности въ свои идеи, ни на одну минуту не вздумалъ посягнуть на луну и солнце, т. е. на неопровержимые повелительные факты дѣйствительности. Его преемники именно войной противъ «луны и солнца» будутъ выражать силу своего отрицательнаго азарта и легкомысленно порвутъ съ преданіями разносторонняго и вдумчиваго міросозерцанія. Кажется, для торжества положительной мысли и полезной литературы было вполнѣ достаточно признать ея цѣнность въ зависимости отъ ея болѣе или менѣе жизненнаго содержанія. Но художественная литература существуетъ и не можетъ не существовать: этотъ фактъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Прать противъ него—значитъ превосходить даже знаменитаго ламанчскаго рыцаря. Вѣтреныя мельницы еще можно остановить, нетрудно и перебить стадо барановъ, но положить *veto* на естественную психологію человѣческой природы, предать остракизму и лишить гражданскихъ и литературныхъ правъ цѣлый разрядъ талантовъ,—это дѣйствительно равносильно желанію погасить солнце и достать съ неба луну.

И къ камимъ результатамъ могло привести подобное геройство? Грозило ли оно серьезно уничтожить поэтовъ и художниковъ и свести печатное слово къ ученымъ докладамъ, политическимъ хроникамъ и разнаго рода обозрѣніямъ? Отнюдь нѣтъ, — не только съ точки зрѣнія защитниковъ художественнаго творчества, но и самихъ героевъ. Они, даже подъ шумъ своей битвы, должны были сознаться, что *геніальные* поэты имѣютъ право на существованіе, что имъ ненавистна только посредственная поэзія и беллетристика, что Гёте и, по соображеніямъ нашихъ цензоровъ, даже Гейне могутъ процвѣтать и разсчитывать на славу въ самомъ радикальномъ потомствѣ.

Старыя пѣсни! Совершенно такимъ же путемъ Руссо уничтожалъ науки и ученыхъ, оставляя жизнь только Бэконамъ, Ньютонамъ и Декартамъ. Но нигилистъ XVIII-го вѣка велъ свою линію до конца: онъ объявлялъ толпу вообще недостойной высокихъ знаній. Новѣйшіе отрицатели желаютъ работать именно на пользу толпы,—гдѣ же они тогда остановятъ смертоносный полетъ своей ультра-аристократической критики? Какой представятъ масштабъ для опредѣленія геніальности и просто талантливости? А масштабъ необходимъ на каждомъ шагу: художники нарождаются безпрестанно,—и представьте,—имъ всѣмъ потребуется разрѣшительная грамота на творческую дѣятельность! Кто будетъ тѣмъ великимъ

законодателемъ, о какомъ мечталъ все тотъ же Руссо,—законодателемъ, способнымъ «увлекать не насилуя и убѣждать не уговаривая»!

Повидимому,— именно эту роль и взяли на себя молодые наслѣдники Чернышевскаго и Добролюбова. Никто ни до нихъ ни позже ихъ не говорилъ въ литературѣ болѣе рѣшительнымъ и догматическимъ тономъ, никто съ такой вызывающей отвагой и съ такимъ пристрастіемъ не произносилъ безпрестранно *я, мы* и съ такимъ эффектнымъ пренебреженіемъ не обращался съ противной стороной. Всѣ вопросы казались разъ навсегда порѣшенными, вѣчныя тайны монополизированы двумя-тремя «замѣчательными головами», — современникамъ и будущему остается только объяснять и усвоивать вполнѣ раскрытое ученіе.

Впрочемъ, нечего и объяснять: достаточно только прочитать. Истины—ясныя до ослѣпительности и рѣчи — внушительныя до гипноза.

Существовали когда-то въ русской литературѣ Бѣлинскій, Добролюбовъ. Одинъ изъ нихъ всю жизнь прожилъ въ мучительныхъ поискахъ истины, праваго пути къ личному совершенствованію и общественному просвѣщенію, не разъ сжигалъ старыхъ идоловъ и принимался служить новымъ. Другой умеръ, не успѣвъ примирить многочисленныхъ противорѣчій въ своихъ мысляхъ, очевидно подавляемый ихъ сложностью и значительностью.

Жалкіе люди! Дѣло такъ просто, — и еще проще долженъ быть нашъ приговоръ надъ несчастными Гамлетами русской публицистики.

Бѣлинскій — все его несчастье въ томъ, что онъ былъ «настоящимъ жрецомъ искусства», *никогда* не судилъ по литературѣ объ обществѣ, *никогда* изъ предѣловъ критики не переходилъ въ область политическихъ вопросовъ, писалъ исключительно «эстетически - критическіе разборы, часто нелѣпые и мелочные въ частностяхъ» и даже лишенные смысла; правда,—и за нимъ есть заслуги, но какія то туманныя, въ родѣ того, что онъ «первый далъ обществу сознать, и почувствовать» идею прогресса.

Но что̀ значитъ этотъ положительный успѣхъ,—даже если бы и на самомъ дѣлѣ онъ принадлежалъ первому Бѣлинскому,—предъ его культомъ искусства? Если бы вы знали, что такое этотъ культъ, вообще эстетическій принципъ! Ничто иное какъ «раздражительная чувственность», «irritatio spinalis, возведенная въ перлъ созданія», «стариковская похотливость», «гаденькій безсильный развратъ»... И такой то принципъ воодушевляетъ всѣ двѣнадцать томовъ сочиненій Бѣлинскаго: какое ужъ тутъ «значеніе его въ литературѣ и обществѣ!» Если на эту тему новый мыслящій человѣкъ считаетъ нужнымъ написать нѣсколько страницъ,—онъ

дѣлаетъ это крайне неумѣло, въ видимое противорѣчіе съ своими основными воззрѣніями. Очевидно, ему просто неловко и боязно сразу произнести прямой смертный приговоръ надъ несомнѣнно благороднѣйшимъ человѣкомъ и сильнымъ, свободнымъ писателемъ. Но эта боязнь не помѣшаетъ *косвеннымъ* покушеніямъ на Бѣлинскаго и они, надо полагать, до такой степени въ духѣ новой критики, что другой «мыслящій реалистъ» въ теченіе всей своей жизни не выбьется изъ противорѣчій и оговорокъ на счетъ того же самого вопроса [3]).

Кто такой Бѣлинскій — дѣйствительно ли ослѣпленный жрецъ искусства или отчасти и полезный мыслитель? Трудно отвѣтить вполнѣ опредѣленно. Казалось бы, достаточно прочитать только статьи о Пушкинѣ и разсужденія по поводу Онѣгина и особенно Татьяны, чтобы не написать фразы: Бѣлинскій никогда не судилъ по литературѣ объ обществѣ. Но, повидимому, у реалистическаго взора совсѣмъ особенная проницательность и она видитъ, чего нельзя видѣть и наоборотъ. И совершенно естественно: нѣтъ достойной отплаты критику за его уваженіе къ искусству!

И вотъ оказывается, съ одной стороны принципы Бѣлинскаго «превосходны», съ другой они—полная противоположность новѣйшей реалистической критикѣ: принципы на колѣняхъ предъ святымъ искусствомъ, а критика на колѣняхъ предъ святой наукой. Это одинъ — диссонансъ, очевидно, врядъ ли способный разрѣшиться въ гармонію. Другой, еще болѣе внушительный, хотя и того же содержанія. Бѣлинскій по силамъ своего ума и по честности своего характера могъ бы явиться русскимъ Людвигомъ Берне, а на самомъ дѣлѣ онъ жилъ и умеръ эстетикомъ. Наконецъ, еще варьянтъ на тотъ же мотивъ. «Въ продолженіе двадцати лѣтъ лучшіе люди русской литератуты развиваютъ его мысли и впереди еще не видно конца этой работы». Какой вѣнокъ славы, но врядъ ли особенно прочный. Имѣются очень солидныя данныя сомнѣваться въ способности идей Бѣлинскаго къ развитію, а именно: «Бѣлинскій, при всей своей геніальности, пришелъ бы въ ужасъ, если бы Базаровъ сказалъ ему, что «Рафаэль гроша мѣднаго не стόитъ», и что, слѣдовательно, люди очень удобно могутъ жить на свѣтѣ даже совсѣмъ безъ трагедіи».

Какъ же понимать значеніе Бѣлинскаго для текущаго времени? Чтò онъ—исключительно ли явленіе историческое, «выраженіе извѣстной эпохи», и «въ этомъ смыслѣ только и дорогъ намъ» или и теперь кое-чему можно поучиться у него? Вопросъ — темный, можно судить и такъ и сякъ, — и новые люди, смотря по настроеніямъ и обстоятельствамъ, склоняются въ ту или другую

---

[3]) *Русское слово*. 1864, январь. Статья В. Зайцева *Бѣлинскій и Добролюбовъ*.

сторону. Но не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что личные вкусы влекутъ ихъ въ сторону Базарова—безпощаднаго гонителя Рафаэля и прочь отъ Бѣлинскаго—неисправимаго эститика[4]).

Подобная исторія и съ Добролюбовымъ. Этотъ критикъ, кажется, не особенно усердно молился чистому искусству, гораздо охотнѣе занимался публицистикой и сатирой. Но онъ не желалъ отрицать самого существованія творческой психологіи, онъ очень высоко ставилъ поэтическое вдохновеніе, даже приписывалъ ему, у геніальныхъ поэтовъ, по крайней мѣрѣ,—болѣе глубокую проницательность и болѣе широкій охватъ жизненныхъ явленій, чѣмъ это доступно обыкновеннымъ наблюдателямъ, хотя бы и ученымъ. Эта уступка весьма похожа на «эстетическій принципъ», т. е «раздражительную чувственность»,—и Добролюбовъ долженъ быть поправленъ и усовершенствованъ, и Писаревъ мужественно заявитъ: «Я никогда не былъ ни самымъ горячимъ, ни даже просто горячимъ приверженцемъ Добролюбова. Я давно разошелся съ Добролюбовымъ на многихъ пунктахъ» [5]). И на самыхъ существенныхъ,—прибавимъ мы, такъ что по всей справедливости Добролюбова слѣдуетъ вычеркнуть изъ списка «мыслящихъ личностей», съ оговоркой только насчетъ немногихъ и не особенно важныхъ вопросовъ: ихъ можно признать случайными совпаденіями съ идеями новыхъ критиковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что̀ общаго между людьми, изъ которыхъ одинъ *чувство художника* признаетъ источникомъ нравственнаго возмущенія противъ беззаконной дѣйствительности, а другому это именно чувство кажется противоестественнымъ и матерью лжи? «Поэтъ на то и поэтъ, чтобызамазывать дѣйствительность фантастическимъ колоритомъ или, говоря проще, привирать». [6]). Вотъ эстетика новыхъ критиковъ: можетъ ли она *родственно* примыкать къ мнѣнію Добролюбова! Конечно, и Писаревъ правъ въ своемъ отреченіи отъ горячихъ чувствъ по отношенію къ Добролюбову.

Логическую связь, разумѣется, можно найти. Искусство должно служить жизни, говорилъ предшественникъ, искусство должно окончательно уничтожиться предъ жизнью—провозглашаютъ преемники. Чистое искусство безполезно и, слѣдовательно, не заслуживаетъ почета и уваженія,—такова ранняя идея, позднѣйшій рѣшительный приговоръ: *L'art gâte tout!* Это—аксіома нигилистовъ XVIII-го вѣка; буквально воспроизводится она и радикальными шестиде-

---

[4]) Статьи Писарева. *Прогулка по садамъ россійской словесности*, *Пушкинъ и Бѣлинскій*, *Реалистъ*, *Сердитое безсиліе*, *Купальная трагедія съ букетомъ гражданской скорби*. *Схоластика XIX-го вѣка*. *Сочиненія*. Спб. 1894, I, 344. III. 62; IV, 294, 371; V, 65—6.

[5]) *Посмотримъ*. V, 154.

[6]) *Русское слово*. 1865, октябрь. Ст. В. Зайцева *Взболомученный романистъ*.

сятниками: искусство фатально лжетъ, слѣдовательно все извращаетъ и всему вредитъ. [7]). Всѣ эти мысли *теоретически*, несомнѣнно, представляютъ одну цѣпь, на ея крайнее звѣно *практически* является полнѣйшимъ отрицаніемъ среднихъ звѣньевъ, и новая критика—не развитіе и не усовершенствованіе старой, а ея непримиримая соперница и гонительница.

Это общее свойство радикальныхъ выводовъ и, только по недоразумѣнію, юные шестидесятники стремятся по временамъ связать свое существованіе съ дѣятельностью Бѣлинскаго и Добролюбова. Какъ и слѣдовало ожидать, стремленіе ихъ не удается, мы видѣли рядъ непримиримыхъ противорѣчій, сопровождавшихъ оцѣнку идей и значенія Бѣлинскаго. Та же участь и Добролюбова, и даже Чернышевскаго.

Послѣ диссертаціи *Эстетическія отношенія къ дѣйствительности* искусство все еще представляло нѣкоторую величину. Чернышевскій совершенно ложно представлялъ психологію творчества, упрощалъ ее до такихъ же фантастическихъ предѣловъ, какъ это онъ дѣлалъ съ общимъ философскимъ міросозерцаніемъ при помощи матеріализма, но онъ не отвергалъ по крайней мѣрѣ, художественныхъ талантовъ. Это очень мало, но все таки кое-что. Его молодые ученики въ героическомъ порывѣ мыслить еще реальнѣе и положительнее *кое-что* замѣтили *ничѣмъ*, т. е. съ искусствомъ произвели туже самую операцію, какую Руссо—съ наукой и гражданскимъ строемъ общества. И дальнѣйшія послѣдствія уже выяснились сами собой.

.Писаревъ сколько угодно могъ воображать себя продолжателемъ Бѣлинскаго и Добролюбова: это воображеніе у него являлось преимущественно во время полемическихъ схватокъ съ либералами. Въ дѣйствительности оно такъ и оставалось чистымъ воображеніемъ или весьма прозрачной военной хитростью.

IV.

Преемственность между Бѣлинскимъ, Добролюбовымъ и публицистикой *Русскаго Слова* Писаревъ объяснялъ, повидимому, довольно гладко, но по существу совершенно ошибочно.

«Повторять слова учителя, писалъ онъ, не значитъ быть его продолжателемъ. Надо понимать ту цѣль, къ которой шелъ учитель. Идя къ извѣстной цѣли, учитель произноситъ извѣстныя слова. Въ ту минуту, когда эти слова произносились, они дѣйствительно подвигали людей впередъ къ предположенной цѣли. Но

---

[7]) *Русское слово.* 1864, декабрь. *Библіографич. отдѣлъ,* стр., 6. Французское выраженіе принадлежитъ одному изъ послѣдователей Руссо—аббату Мабли:—«De la legislation ou principes des lois», I, 4.

когда эти слова уже подѣйствовали, когда люди, подчиняясь ихъ вліянію, сдѣлали нѣсколько шаговъ впередъ, тогда все положеніе вопроса обрисовывается иначе, тогда произнесенныя слова теряютъ свою двигательную силу и, слѣдовательно, перестаютъ быть умѣстными, полезными и цѣлесообразными. Тогда надо произносить новыя слова, причисляя ихъ къ новымъ потребностямъ времени. Эти новыя слова могутъ находиться въ рѣзкомъ разногласіи со старыми словами, и это расногласіе нисколько не мѣшаетъ ни тѣмъ, ни другимъ быть одинаково вѣрными выраженіями одной и той же основной тендеціи». [8]).

Въ этомъ чрезвычайно текучемъ и на первый взглядъ вполнѣ основательномъ разсужденіи отразилась вся сущность умственныхъ процессовъ юнаго поколѣнія шестидесятниковъ. Отвлеченная рѣчь ростетъ и развивается безъ сучка, безъ задоринки и самообольщенный резонеръ воображаетъ, что такъ именно все и совершается въ дѣйствительности, какъ происходитъ у него на бѣломъ листѣ бумаги. Нѣтъ ни малѣйшей разницы между накопленіемъ силлогизмовъ и эволюціей фактовъ и низать одну мысль на другую значитъ чуть не двигать горами, и властвовать надъ настоящимъ и будущимъ, и по произволу вертѣть историческимъ смысломъ прошлаго.

На самомъ дѣлѣ, конечно, этотъ абстрактный героизмъ—чистѣйшая иллюзія ученически развитаго ума. Молодые шестидесятники могли быть блестящим діалектиками, но въ исторіи они пребывали на первобытной ступени культурнаго пониманія и даже просто фактическаго знанія. На ихъ взглядъ вести «основную тенденцію» до какого угодно «новаго слова» значитъ удовлетворять «потребностямъ времени». А между тѣмъ, исторія не разъ и неопровержимо доказала, что результаты чистаго логическаго процесса могутъ оказаться совершенно внѣ времени и пространства и не только не соотвѣтствовать «потребностямъ», но идти въ разрѣзъ съ основными органическими законами прогресса. Этотъ путь можетъ простираться такъ далеко, что крайній радикализмъ совпадетъ съ крайней реакціей, правда безъ собственнаго вѣдома и яснаго сознанія, исключительно въ силу прямолинейнаго отвлеченнаго фанатизма.

Война Руссо противъ ученыхъ и философовъ, противъ заурядныхъ подвижниковъ знанія и просвѣщенія, т. е. противъ популяризаціи науки и образованія, какъ нельзя болѣе отвѣчала завѣтнымъ вожделѣніямъ кровныхъ мракобѣсовъ, и исторія просвѣтительной эпохи знаетъ, сколько хлопотъ мечтанія Руссо причинили энциклопедической партіи. Многія идеи Руссо, разумѣется,

[8]) *Пушкинъ и Бѣлинскій* V, 66.

не имѣли ничего общаго съ церковнымъ и политическимъ рабствомъ стараго общества, но радикальное отрицанiе цивилизацiи должно было принести свои плоды даже впослѣдствiи въ дѣятельности якобинцевъ.

Въ этотъ фактъ не трудно бы вдуматься людямъ, раасуждавшимъ о новыхъ словахъ почти столѣтiе спустя послѣ проповѣдей Руссо, и оцѣнить по достоинству именнно «умѣстность», «полезность» и «цѣлесообразность» величественныхъ полетевъ своего отвлеченнаго мышленiя. Кромѣ того, они могли бы остановиться на этомъ пути даже независимо отъ историческихъ соображенiй, просто отдавши себѣ отчетъ въ собственныхъ литературныхъ дѣйствiяхъ и поступкахъ.

Съ Бѣлинскимъ сравнительно трудно справиться, какъ съ жрецомъ искусства, и противорѣчiя здѣсь неизбѣжны. Съ Чернышевскимъ, повидимому, дѣло обстоитъ проще. Онъ откровенно дѣйствительность предпочитаетъ искусству и, напримѣръ, смыслъ морской живописи видитъ только въ желанiи художника дать полюбоваться моремъ всякому, кто не можетъ сдѣлать этого у подлиннаго моря. Кажется, достаточно,—но для молодого толкователя *эстетическихъ отношенiй* мало, и онъ напишетъ убiйственную обвинительную рѣчь противъ живописи и вообще противъ эстетическаго наслажденiя.

На сцену появится тамбовецъ: ему нежелательно «тащиться» въ Петербургъ или въ Одессу взглянуть на настоящее море, ему удобнѣе заплатить за картину 10.000 рублей,—и вотъ права знаменитаго мариниста на титло *великаго* художника! Не будь лѣниваго и богатаго тамбовца — незачѣмъ было бы и существовать художеству [9]).

Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнiя, что Чернышевскiй не призналъ бы этого браннаго клича законнымъ и потребнымъ развитiемъ своей «тенденцiи». Косвенно не могли и сами воины.

Безпрестанно громя искусство, поэзiю, объявляя ея вредоносность и даже нравственную тлетворность, они, по примѣру Бѣлинскаго и особенно Добролюбова, пользуются произведенiями искусства для своихъ «новыхъ словъ». Какъ это возможно? Вѣдь мы слышали,—поэтъ обязательно лжетъ и привираетъ, искусство—удовлетворенiе чувственныхъ инстинктовъ, и вдругъ восторженныя привѣтствiя Гейне, совершеннѣйшему изъ всѣхъ эстетиковъ въ мiрѣ, безпримѣсному жрецу святого искусства! Не значитъ ли уподобляться унтеръ-офицерской вдовѣ—попадать въ сѣти автора *Книги пѣсенъ* и изъ самыхъ этихъ сѣтей извергать проклятiя на поэзiю? Какъ объяснить совершенно безнадежный приговоръ надъ

---

[9]) *«Русское Слово»*. 1865, апрѣль, *Библiографич. отдѣлъ,* стр. 86—7.

Мольеромъ, Шекспиромъ и Шиллеромъ, какъ безполезными стихоплетами, и увѣнчаніе все того же Гейне? Какъ можно утверждать положительную ненужность драмъ Шиллера и провозглашать Некрасова «мыслителемъ глубокимъ и честнымъ»? [10]).

Мы согласны съ этими опредѣленіями, но мы отказываемся оцѣнить по достоинству процессъ мысли, не усмотрѣвшій глубины и честности, хотя бы некрасовскаго уровня, въ образѣ маркиза Позы. Мы не въ состояніи представить критика съ логическими способностями мышленія, готоваго приступить къ поэзіи Некрасова съ историческими и публицистическими запросами и не усмотрѣвшаго тѣхъ же темъ въ комедіяхъ Мольера. Мы, наконецъ, не понимаемъ въ чемъ состоитъ идейная преемственность между Добролюбовымъ, приписывавшимъ Шекспиру вдохновенное проникновеніе въ глубочайшія, едва доступныя наукѣ тайны человѣческой психологіи, и публицистомъ, вычеркивающимъ Шекспира изъ числа сколько-нибудь полезныхъ писателей?

Собственно даже безполезно ставить всѣ эти вопросы: никакая діалектическая изворотливость не справится съ ними. Нигилистовъ XVIII вѣка укоряли, что они противъ литературы и цивилизаціи боролись утонченными средствами той же литературы и цивилизаціи: подобный упрекъ слѣдуетъ поставить и молодому поколѣнію шестидесятниковъ. Занявъ крайне опрометчиво воинственную позицію противъ художественнаго творчества, они ему же оказались обязанными самымъ полнымъ раскрытіемъ своего критическаго и даже философскаго вѣроученія. Базаровъ явился истиннымъ Магометомъ нигилистическаго Аллаха и снабдилъ Писарева самыми эффектными рисунками новыхъ словъ и «реалистическихъ» взглядовъ. Оправдалась, слѣдовательно, старая мысль Добролюбова объ исчерпывающей глубинѣ художническихъ наблюденій и объ дѣйствительности, недоступной публицистамъ и даже философамъ. Мы увидимъ,—Писаревъ будто прозрѣлъ, ознакомившись съ романомъ Тургенева, и можно безошибочно сказать, — важнѣйшіе психологическіе и нравственно-общественные опыты воинственнаго публициста были почерпнуты какъ разъ въ беллетристическомъ произведеніи, а вовсе не въ исторіи и не въ естествознаніи.

Болѣе злой мести со стороны поруганнаго искусства трудно и представить. И она, мы убѣдимся, будетъ осуществляться до конца съ замѣчательнымъ постоянствомъ: *романы* съ теченіемъ времени станутъ исключительной основой просвѣтительнаго мышленія Писарева, и онъ, столь торжественно порвавшій съ устарѣлыми словами и критическими пріемами Добролюбова, будетъ во всей точности воспроизводить программу статьи *Темное царство*, т. е.

---

[10]) *«Русское Слово»*. 1864, декабрь. *Библіографич. отдѣлъ*. стр. 79—80.

извлекать жизненный фактическій матеріалъ изъ творческихъ вдохновеній художника.

Иного результата нельзя было и ожидать. Все стремившееся за предѣлы реальной критики Добролюбова, являлось болѣзненнымъ наростомъ, совершенно неосуществимыми грезами закусившей удила метафизики. Писаревъ съ гордостью заявлялъ, будто онъ первый воспользовался словомъ и понятіемъ *реальная критика*: гордость безусловно неосновательная. Писаревъ или плохо вчитался въ статьи Добролюбова, или, въ азартной жаждѣ открытій и тріумфовъ, чужое достояніе приписалъ себя. Добролюбовъ былъ реалистомъ вполнѣ сознательно и громко объявлялъ себя таковымъ еще въ то время, когда Писаревъ, по собственному его признанію, не могъ одолѣть ни одной критической статьи.

Не создали, слѣдовательно, Писаревъ и его единомышленники новой идеи, не удалось имъ извлечь новыхъ жизнеспособныхъ выводовъ и изъ старой тенденціи. Они безъ оглядки ринулись впередъ, сопровождая свой порывъ торжествующимъ и преждевременнымъ побѣдоносныъ крикомъ. Въ результатѣ они доставили торжество не себѣ, а старой, жестоко-иронической истинѣ: не спросившись броду, не суйся въ воду. Въ данномъ случаѣ это значитъ: не вдумавшись въ практическій, цѣлесообразный смыслъ логическаго процесса, не слѣдуетъ отдаваться слѣпо и безраздѣльно абстракціямъ, не смѣшивать безотчетной игры чистаго ума съ органической жизнью дѣйствительности, не воображать себя неотразимой творческой силой только потому, что бумага все терпитъ и «въ теоріи все такъ просто и ясно».

Это общее заключеніе объ идейныхъ плодахъ нигилистической мысли получаетъ въ высшей степени яркое и поучительно освѣщеніе въ *психологіи* самихъ мыслителей. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія,—всякое направленіе мысли неразрывно связано съ нравственной личностью человѣка и именно крайне отрицательное, нигилистическое, какъ наиболѣ простое, почти схематическое, обусловливается непосредственной исторіей души. Этотъ законъ имѣетъ въ высшей степени важное общее культурное значеніе: онъ раскроется предъ нами въ личности даровитѣйшаго проповѣдника русскихъ «новыхъ словъ».

V.

Мы только что сказали — *исторія души* и готовы взять назадъ это выраженіе: такъ мало оно подходитъ къ характеристикѣ Писарева. Исторія, это вѣдь постепенное, болѣе или менѣе послѣдовательное развитіе извѣстныхъ нравственныхъ силъ и задатковъ, т. е. эволюція. Совершаться она можетъ съ перерывами,

даже съ сильными потрясеніями, равномѣрный тактъ явленій можетъ нарушаться и переходить въ крайне страстный или слишкомъ медленный темпъ, но все это не мѣшаетъ наблюдателю прослѣдить господствующую тему и съ полной опредѣленностью представить основной мотивъ самой сложной симметріи фактовъ и и теченій. Въ этой возможности и заключается высшій интересъ историческаго изученія и всякаго психологическаго анализа.

Теперь подойдите къ личности и жизни Писарева съ этой задачей, попробуйте схватить доминирующую ноту въ его нравственномъ мірѣ и пріурочить его умственное развитіе къ какому-либо логическому плану. Извѣстный смыслъ вы, конечно, уловите, потому что все совершающееся на землѣ, естественно и всякій фактъ имѣетъ свою причину. Но это весьма плохое утѣшеніе для психолога. Бываетъ и сумасшествіе, методическое и съ извѣстной точки зрѣнія весьма послѣдовательное. Но вѣдь никто эту послѣдовательность не положитъ въ основу логическаго разумнаго образа дѣйствій. Писаревъ писалъ въ полномъ разсудкѣ и твердой памяти, но самый путь его къ этимъ писаніямъ и сущность ихъ требуетъ отъ насъ не обычнаго пріема критики и психологіи, а совершенно спеціальнаго, допускающаго исторію человѣческой души изъ цѣлаго ряда неожиданныхъ, потрясающихъ вспышекъ, изъ смѣны мертваго затишья революціоннымъ взрывомъ. И въ результатѣ, именно взрывъ мы должны признать настоящей стихіей личности, а затишье—явленіемъ временнымъ и несвойственнымъ. Именно *должны*, потому что одновременно съ революціоннымъ броженіемъ будутъ чувствоваться очень сильныя отраженія затишья. Но ими слѣдуетъ пренебречь, и сосредоточиться на приподнятыхъ моментахъ: въ нихъ—настоящій Писаревъ. Такъ онъ самъ заявляетъ, отрекаясь отъ презрѣннаго покоя и мира. Отреченіе, мы увидимъ, болѣе рѣшительное, чѣмъ успѣшное, и это обстоятельство еще болѣе разстраиваетъ нашъ анализъ. Попробуемъ все-таки связать все, повидимому, столь разнородное, взаимно и стихійно враждебное.

Писаревъ, потомокъ дворянской семьи и образцовое идеально-тепличное дѣтище дворянской захолустной усадьбы со всѣми всѣми прелестями крѣпостного барскаго тунеядства, обывательскаго пошленькаго прозябательства и мелко-помѣстнаго помѣщичьяго гонора. Кое-какіе отголоски наслѣдственности отъ цѣлаго ряда поколѣній подобнаго склада не могли не перейти въ потомство, и будущій разрушитель явился на свѣтъ со всѣми задатками маленькаго балованнаго паразита.

Онъ единственный сынъ у матери-институтки, онъ долженъ быть идеально упитанъ и воспитанъ, болтать по французски, забавлять гостей идиллическимъ цвѣтомъ лица и разнообразными

Muterwitz'ами, свойственными фамильнымъ Θемистоклюсамъ и будущимъ посланникамъ. Благовоспитанному юному джентльмену пресѣчены были всякія сношенія съ крѣпостнымъ народомъ: эта исключительность остается у будущаго радикальнаго публициста на всю жизнь. Въ самыхъ отважныхъ полетахъ его мысль никогда не зацѣпится за плебейское сословіе и будетъ парить въ высшихъ областяхъ просвѣщенной публики. Теперь его усиленно готовятъ къ свѣтской карьерѣ, т.-е. обучаютъ манерамъ, послушанію, любезному и трогательному поведенію по отношенію къ старшимъ. Наука идетъ впрокъ. Институтскія сѣмена падаютъ на самую благодарную почву.

Отрокъ поступаетъ въ гимназію; богатый дядя беретъ его на свое иждивеніе и неусыпно продолжаетъ барскую дрессировку. Особенныхъ стараній не требуется. Питомецъ отличается образцовымъ прилежаніемъ, безпрекословной покорностью; его розовое личико вызываетъ самыя умильныя чувства у старшихъ самаго строгаго направленія: малый видимо «принадлежитъ къ разряду овецъ!»

Именно этими словами Писаревъ очерчиваетъ свой юношескій образъ. Кончаетъ онъ курсъ гимназіи, разумѣется, съ медалью, но съ крайне посредственными знаніями и съ поразительно невысокимъ умственнымъ развитіемъ. Положимъ, ему всего шестнадцать лѣтъ, но для будущаго развивателя положительно странно даже въ этомъ возрастѣ любимымъ занятіемъ считать раскрашиваніе картинокъ въ иллюстрированныхъ изданіяхъ, читать романы съ приключеніями, въ родѣ *Трехъ мушкетеровъ* Дюма, не понимать смысла даже въ *Холодномъ домѣ* Диккенса. О болѣе серьезныхъ книгахъ нечего и говорить. *Исторія Англіи* Маколея—это своего рода живописное путешестіе—оказывается для юнаго студента непреодолимой, журнальныя статьи производятъ впечатлѣніе «кодекса гіероглифическихъ надписей».

Но печальнѣе всего вопросъ съ русскими писателями. Гимназія здѣсь оказала обычную и великую услугу: задернула черной завѣсой всю настоящую русскую литературу, едва открыла своимъ воспитанникамъ имена Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Кольцова, Гоголя устранила какъ писателя «сальнаго», *Евгенія Онѣгина и Героя нашего времени* осудила, какъ произведенія «безнравственныя».

Допускались *Записки Охотника*, вещь, кажется, очень доступная и понятная, но и она для Писарева оказалась своего рода геометріей. Онъ не только не могъ разобраться въ своихъ впечатлѣніяхъ, а даже не имѣлъ силы остановиться на нихъ, вдуматься въ книгу, чего можно требовать именно по поводу *Записокъ Охотника* даже отъ читателя школьнаго возраста.

Всѣ эти удивительныя свѣдѣнія сообщаетъ намъ самъ Писаревъ [11]). Можетъ быть, онъ кое что и прикрашиваетъ изъ исторіи своего невиннаго отрочества съ цѣлью блеснуть позднѣйшимъ и чрезвычайно быстрымъ развитіемъ своего независимаго ума и оригинальнаго таланта. Нѣкоторый шаржъ чувствуется въ краснорѣчивыхъ орнаментахъ разсказа, но сколько бы мы ни отбрасывали этихъ украшеній, сущность все-таки останется очень внушительной и она нисколько не разногласитъ съ дальнѣйшими поступками студента и даже начинающаго литератора.

Писаревъ поступаетъ въ университетъ. Мы прекрасно знаемъ, что это означаетъ. Бѣлинскій и его сверстники въ достаточной степени ознакомили насъ съ отечественнымъ храмомъ науки въ сороковыхъ годахъ, не измѣнился порядокъ вещей и къ концу пятидесятыхъ. Все то же педантическое человѣкоубійство, то же, на законныхъ основаніяхъ, издѣвательство надъ жаждой молодежи живыхъ и содержательныхъ знаній, то же коснѣніе высшихъ жжецовъ науки въ буквоѣдствѣ, въ попугайствѣ и въ безпросыпной умственной лѣни. Плотный строй ученыхъ во всемъ блескѣ цехового чиновничьяго величія встрѣтилъ Писарева на порогѣ въ университетъ и принялся производить надъ нимъ свои, можно сказать, вѣковые опыты.

Гимназическіе наставники не успѣли сколько-нибудь просвѣтить разумѣніе своего безраздѣльно-преданнаго имъ питомца на счетъ его наклонностей и способностей. Онъ подошелъ къ университету, будто къ распутью, и въ самомъ печальномъ состояніи духа, вовсе не чувствуя въ себѣ силъ сказочнаго богатыря и встрѣчая еще болѣе загадочныя надписи: филологическій факультетъ, математическій, юридическій... Богатырь, по крайней мѣрѣ, зналъ, что съ нимъ произойдетъ въ томъ или другомъ направленіи, а нашъ искатель свѣта и истины увѣренъ только въ одномъ: математику онъ не любилъ въ гимназіи, юридическія науки, по его соображеніямъ, должны быть очень сухи, а естественныя совсѣмъ не любопытны.

Остается—философія, и Писаревъ становится философомъ—будто нарочито затѣмъ, чтобы заключить свое ученое поприще революціоннымъ бунтомъ.

И иначе быть не можетъ: бунтъ вполнѣ естественъ, не совсѣмъ разумны только его результаты. Писаревъ желаетъ искреннѣе заниматься наукой, увлекается исторіей, въ отвѣтъ на эти запросы профессора предлагаютъ переводить нѣмецкое сочиненіе о лингвистикѣ и философіи Гегеля, потомъ книгу древняго географа Страбона и, наконецъ, изучать энциклопедическій словарь и

---

[11]) *Наша университетская наука. Сочин.* III, 10 etc.

историческіе первоисточники. Это цѣлое путешествіе по дебрямъ, пескамъ и буеракамъ, и ничего нѣтъ удивительнаго, если юный путникъ скоро изнемогаетъ и невольно долженъ задать себѣ вопросъ: какой же толкъ изъ всѣхъ этихъ мытарствъ? Становлюсь ли я умнѣе и ученѣе послѣ перевода нѣмецкаго и греческаго автора и прочтенія нѣсколькихъ статей въ словарѣ?

Отвѣтъ не могъ подлежать сомнѣнію. Два года университетскаго курса для умственнаго развитія Писарева прошли безплодно. Впослѣдствіи онъ находилъ, что даже чтеніе *Петербургскихъ* или *Московскихъ Вѣдомостей*, отнюдь не блиставшихъ литературными достоинствами, принесло бы ему гораздо больше пользы. Литературное образованіе также мало двигалось впередъ. Писаревъ едва успѣлъ познакомиться съ Шекспиромъ, Шиллеромъ, Гете и то потому, что имена ихъ пестрѣли во всякой исторіи литературы.

Съ такимъ запасомъ учености Писаревъ студентъ третьяго курса выступаетъ на литературное поприще. Правда, онъ можетъ сохранить всѣ добродѣтели своей овечьей психологіи. Поприще его литературныхъ подвиговъ—журналъ для дѣвицъ *Разсвѣтъ*. Здѣсь ему предоставленъ библіографическій отдѣлъ. Легко понять, на такой сценѣ развернуться довольно трудно, даже если бы этого и захотѣлъ юный критикъ. Но у него пока нѣтъ буйныхъ желаній. Онъ чрезвычайно чинно и благонамѣренно пишетъ свои отчеты о прозѣ и поэзіи современныхъ писателей, добросовѣстно защищая женское образованіе, даже самостоятельность женской личности и человѣческое достоинство дѣвицъ, весьма кстати отдавая предпочтеніе браку по любви предъ бракомъ по разсудку.

Эти истины неопасно было знать и дѣвицамъ и для раскрытія ихъ не требовалось особеннаго напряженія умственныхъ силъ и богатаго запаса свѣдѣній. Вообще все это—довольно удовлетворительныя упражненія молодого человѣка, усвоившаго общечеловѣческую мудрость XIX-го вѣка: знаніе—свѣтъ, свобода—благо, умственное развитіе полезно, независимый-трудъ необходимъ одинаково для мужчины и женщины. Эти упражненія приносили не столько пользы читательницамъ просвѣщеннаго журнала, сколько самому автору. «Библіографія моя,—говоритъ онъ,—насильно вытащила меня изъ закупоренной кельи на свѣжій воздухъ».

Эта аллегорія имѣетъ очень серьезный смыслъ: студентъ, угрожаемый отъ университетскихъ профессоровъ полнымъ умственнымъ оскопленіемъ, сталъ читать и думать; необходимость говорить о самыхъ разнообразныхъ вопросахъ литературы и жизни заставила Писарева работать надъ личнымъ развитіемъ и просвѣщеніемъ.

Работа шла, повидимому, весьма туго,—въ особенности по части развитія. Уже въ теченіи двухъ лѣтъ писались критическія статьи въ очень большомъ количествѣ, проводились разныя хорошія идеи, публика поучалась послѣднимъ словамъ европейскаго просвѣщенія, а самъ авторъ и учитель все еще «не имѣлъ понятія о серьезныхъ обязанностяхъ честнаго литератора».

Это выраженіе принадлежитъ самому Писареву и высказано имъ въ цѣляхъ самооправданія. Литературные противники, всячески ратуя съ радикализмомъ Писарева, припомнили между прочимъ одинъ фактъ изъ его прошлаго—совсѣмъ даже не либеральный. Именно въ апрѣлѣ 1861 года Писаревъ искалъ сотрудничества въ журналѣ *Странникъ* и даже ходилъ въ редакцію съ предложеніемъ своей работы.

Дѣйствительно странно! Журналъ совершенно не подходилъ подъ свободомыслящую програму,—и Писаревъ не нашелъ лучшаго объясненія, какъ признаніе въ своемъ непониманіи обязанностей честнаго литератора [12]). Ему въ это время было уже двадцать одинъ годъ,—и онъ утверждаетъ—и совершенно справедливо,—что его идеи нисколько не сходились съ направленіемъ *Странника*.

Слѣдовательно, одно изъ двухъ,—или молодой писатель ни въ грошъ не ставилъ своихъ идей, или не понималъ ихъ общаго смысла, и представлялъ изъ себя сладкогласный кимвалъ звучащій. И то и другое одинаково нелестно для умственныхъ силъ критика, для уровня его сознательности, для степени его идейной оригинальности. Потому что,—такъ относиться можно только къ наскоро заимствованнымъ чужимъ мыслямъ, лично непродуманнымъ и въ сущности нравственно-безразличнымъ. Предположеніе о внѣшнихъ вѣяніяхъ и внушеніяхъ немедленно подтверждается дальнѣйшими признаніями Писарева.

Онъ всетаки не своимъ умомъ дошелъ до представленія о серьезныхъ обязанностяхъ честнаго литератора, т.-е. до перваго и основнаго принципа всякой болѣе или менѣе достойной литературной дѣятельности. Просвѣтилъ Писарева — Благосвѣтловъ, редакторъ журнала *Русское Слово*. Именно онъ вдохновилъ опрометчиваго и мало-сознательнаго библіографа на слѣдующія разсужденія, повидимому, не особенно трудныя даже для вполнѣ самостоятельнаго завоеванія:

«Честный писатель отнюдь не долженъ уподобляться ласковому теленку, сосущему въ одно время и съ одинаковымъ успѣхомъ двухъ или даже многихъ болѣе или менѣе разношерстныхъ матокъ». Тотъ же честный писатель не долженъ поступать съ

---

[12]) *Посмотримъ*. V, 162—3.

своими произведеніями, какъ сапожникъ съ сапогами, т.-е. продавать ихъ безразлично первому встрѣчному покупателю.

Все это Писаревъ услышалъ впервые отъ Благосвѣтлова—и убѣдился, наконецъ, что дѣло писателя—серьезная общественная обязанность.

Это могло случиться только во второй половинѣ 1861 года и легко понять, что подобное происшествіе—цѣлое событіе въ умственной жизни молодого литератора. Но оказывается,—раньше благосвѣтловскаго вліянія съ Писаревымъ совершился «довольно крутой переворотъ»—именно въ 1860 году. Таково одно сообщеніе о знаменательной эпохѣ, другое—нѣсколько разногласитъ съ первымъ: «умственный кризисъ» произошелъ лѣтомъ 1859 года [13]).

Всѣ эти свѣдѣнія мы опять имѣемъ отъ самого Писарева. На очень незначительномъ промежуткѣ времени онъ путается въ хронологіи, да она впрочемъ не особенно и существенна: важно установить фактъ одного или нѣсколькихъ «кризисовъ», пережитыхъ Писаревымъ наканунѣ своей славы. Мы думаемъ,—нѣсколькихъ, потому что поученія Благосвѣтлова имѣли дѣло уже не съ Писаревымъ — овцой, а съ Писаревымъ — героемъ, и необыкновенно отважнымъ и воинственнымъ. Сначала произошло преобразованіе въ характерѣ, а потомъ въ міросозерцаніи, и оба внезапно, будто коварные удары судьбы.

VI.

Лѣтомъ 1859 года Писаревъ страстно влюбился въ двоюродную сестру. Страсть встрѣтила сильнѣйшія препятствія,—ни предметъ увлеченія, ни родственники не сочувствовали ей. Герою пришлось пережить жестокую борьбу съ неудовлетвореннымъ и оскорбленнымъ чувствомъ. Любимая женщина и вообще люди отказывали самолюбивому мечтателю въ счастьѣ,—оставалось искать счастья въ самомъ себѣ. Выходъ, повидимому, чрезвычайно философскій, даже стоическій,—но у Писарева онъ принялъ чисто-школьническую форму, превратился въ назойливую притязательность новоявленнаго генія и героя.

«Я рѣшился,—пишетъ отвергнутый влюбленный, — сосредоточить въ себѣ самомъ всѣ источники счастья, началъ строить себѣ цѣлую теорію эгоизма, любовался на эту теорію и считалъ ее неразрушимою. Эта теорія доставила мнѣ такое самодовольствіе, самонадѣянность и смѣлость, которыя при первой же встрѣчѣ очень непріятно поразили моихъ товарищей» [14])?

---

[13]) Статьи *Промахи незрѣлой мысли*, *Наша университетская наука*.

[14]) Письмо къ матери, напечатано въ біогр. Писарева, Ев. Соловьева. Изд. Павленкова. Спб. 1894, стр. 60.

Очень наивное признаніе, какъ и весь трагическій эпизодъ. Письмо заканчивается воплемъ: «мама, прости меня, мама, люби меня!...» Очевидно, теорія не соотвѣтствовала нравственной силѣ девятнадцатилѣтняго героя: душа оказывалась очень короткая,— и все геройство выходило сплошной фанфаронадой изобиженнаго мальчика. О ней не стоило бы и упоминать, если бы при извѣстномъ складѣ писаревской психологіи она не играла очень важной роли во всемъ его нравственномъ развитіи и въ его дѣятельности.

Аффектъ быстро становится въ высшей степени болѣзненнымъ, овладѣваетъ всей природой Писарева и подсказываетъ ему поступки, по существу невмѣняемые, но отнынѣ ему свойственные—даже въ самомъ трезвомъ состояніи духа. Онъ съ этихъ поръ внѣ времени и пространства, внѣ вообще законовъ нашей планеты. Онъ чувствуетъ себя Прометеемъ, ему доступно рѣшительно все: какая угодно наука и какая угодно «титаническая идея».

Вчерашняя овца будто по волѣ волшебства перерождается въ сверхъ-человѣка и совершенно утрачиваетъ ясный осмысленный взглядъ и здравый смыслъ.

Это, можетъ быть, сумасшествіе? Пока нѣтъ,—придетъ оно,— но нѣкоторое время еще сохраняется обычная твердая память и подъ ея наблюденіемъ совершаются любопытныя дѣйствія.

«Въ порывѣ самонадѣянности»,—разсказываетъ самъ больной,—онъ набрасывается на научный предметъ, ему совершенно невѣдомый. Только что отличавшая его патріархальная покорность старшимъ смѣняется неограниченнымъ скептицизмомъ. «Опрокинувъ въ умѣ своемъ всякіе Казбеки и Монбланы», — Писаревъ теперь разсчитываетъ совершить чудеса въ области мысли. Препятствій рѣшительно никакихъ не предвидится. Онъ готовъ отрицать луну и солнце. Вся дѣйствительность производитъ на него впечатлѣніе мистификаціи, а его *я* выростаетъ до грандіозныхъ размѣровъ. Это понятно независимо и отъ маніи величія. Герой такъ мало знаетъ, такъ мало и поверхностно думалъ, что ему и въ самомъ дѣлѣ нетрудно счесть планеты и пески морскіе. Именно ограниченность реальнаго умственнаго кругозора и серьезныхъ опытовъ мысли—обычная почва для порывовъ самонадѣянности. Писаревъ разсказываетъ, какъ онъ принялся изучать Гомера съ цѣлью доказать одну изъ своихъ «титаническихъ идей». Ничего нѣтъ удивительнаго! Не все ли равно для невѣжественнаго студента—Гомеръ или Ньютонъ: и въ томъ, и въ другомъ случаѣ онъ одинаково немощенъ на самомъ дѣлѣ и великъ въ собственномъ воображеніи. Изъ изученія Гомера, разумѣется, никакого титаническаго подвига не получается, но наклонность совершать ихъ по вдохновенію останется навсегда.

Впослѣдствіи ничего не стоитъ проснуться нашему Прометею по какому угодно самому неподходящему случаю. Онъ, напримѣръ, никогда не занимался естественными науками и въ теченіе всей своей литературной дѣятельности не успѣетъ составить опредѣленнаго мнѣнія насчетъ ихъ значенія въ общемъ образованіи, но это обстоятельство не помѣшаетъ ему съ чрезвычайной энергіей вмѣшаться въ споръ современныхъ авторитетовъ и уничтожить презрительной ироніей Пастёра, во имя будто бы доказанной научной истины о произвольномъ зарожденіи [15]).

Поступокъ достаточно неразсудительный и въ психологіи Писарева его трудно отдѣлить отъ болѣзненной маніи величія. Приливъ самонадѣянности перешелъ въ настоящее умопомѣшательство. Писарева помѣстили въ психіатрическую больницу. Здѣсь онъ дважды покушался на самоубійство и затѣмъ, спустя четыре мѣсяца, бѣжалъ. Его увезли въ деревню, здоровье его возстановилось, но по свидѣтельству близкаго лица, признаки психической ненормальности остались у него на всю жизнь.

Эти ненормальности, спѣшитъ прибавить близкое лицо, имѣли самый невинный характеръ, выражаясь или въ минутахъ странностей и чудачествъ всякаго рода,—«то, напримѣръ, вдругъ ни съ того ни съ сего, бросивъ спѣшную работу, увлекался онъ ребяческимъ занятіемъ—раскрашиванія красками политипажей въ книгахъ, то, отправляясь лѣтомъ въ деревню, заказывалъ портному лѣтнюю пару изъ ситца яркихъ колеровъ, изъ коихъ деревенскія бабы шьютъ сарафаны» [16]).

Близкое лицо спѣшитъ для собственнаго удовольствія и для утѣшенія сочувствующей публики напомнить теорію Ломброзо объ естественномъ савпаденіи геніальности и психической ненормальности. Мы думаемъ,—утѣшеніе слѣдовало бы вести совершенно обратнымъ путемъ: сначала доказать геніальность ненормальнаго субъекта и потомъ уже утѣшаться въ его психическомъ недугѣ, а не отъ психическаго недуга направляться къ геніальности. Талантливымъ людямъ, можетъ быть, и чаще, чѣмъ обыкновеннымъ смертнымъ, случается сходить съ ума, но въ сумашествіи видѣть одно изъ свидѣтельствъ талантливости—по меньшей мѣрѣ легкомысленно и равносильно писаревскому способу разрѣшать естественно-научные вопросы. Исторія знаетъ очень много идеально-уравновѣшенныхъ и психически-нормальныхъ геніевъ,—даже среди поэтовъ,—и какъ разъ геніевъ первостепенной величины—въ родѣ Шекспира, Гёте, Гюго, Данте,—и у насъ нѣтъ ни малѣйшаго

---

[15]) Статья: *Подвиги европейскихъ авторитетовъ.*

[16]) Скабичевскій. Біографич. подробности въ *Отеч. Зап.* 1869, январь и мартъ.

основанія—признавать научное достоинство за полу-анекдотическими и въ сильной степени подтасованными замѣчаніями Ломброзо; проще—помириться на несомнѣнномъ изъянѣ въ умственномъ развитіи русскаго публициста. Изъянъ обильно иллюстрируется и другими фактами, помимо пребыванія въ психіатрической больницѣ и невинныхъ странностей.

Рѣзкій, только что пережитый, кризисъ все-таки не просвѣтилъ Писарева на счетъ его литературнаго будущаго. Онъ думаетъ начать свою карьеру въ *Страникѣ*, но судьбѣ угодно столкнуть его съ личностью—безусловно сильной и авторитетной—и этимъ безповоротно рѣшить вопросъ о направленіи легкомысленнаго библіографа.

Благосвѣтловъ, редакторъ *Русскаго Слова*, стоитъ въ тѣни сравнительно съ своими громкими сотрудниками—въ родѣ Писарева, Зайцева. А между тѣмъ именно его слѣдуетъ признать вдохновителемъ и первоисточникомъ нигилизма, насколько это направленіе выразилось въ публицистикѣ шестидесятыхъ годовъ. Особенно Писаревъ, по своимъ идеямъ и общему умственному развитію, находится въ тѣснѣйшей зависимости отъ Благосвѣтлова: можно сказать,—онъ созданъ или, по крайней мѣрѣ, перерожденъ,—редакторомъ *Русскаго Слова*, имъ направленъ и богато снабженъ самымъ эффектнымъ и сногсшибательнымъ оружіемъ разрушенія.

Благосвѣтловъ—по происхожденію сынъ священника, по образованію сначала семинаристъ, потомъ юристъ петербургскаго университета—началъ общественную дѣятельность учительствомъ. Карьера быстро разстроилась. Благосвѣтловъ уѣхалъ за границу, долго былъ въ Лондонѣ и сблизился съ Герценомъ, потомъ въ Парижѣ гдѣ слушалъ лекціи въ Сорбоннѣ, познакомился съ редакторомъ *Русскаго Слова*—Я. П. Полонскимъ. Журналъ издавалъ гр. Кушелевъ-Безбородко. Журналъ шелъ плохо, наполнялся статьями мертвеннаго содержанія; издатель пригласилъ Благосвѣтлова. Въ половинѣ 1860 года—Благосвѣтловъ становится редакторомъ, а два года спустя—полнымъ хозяиномъ журнала. Подъ его руководствомъ *Русское Слово* становится органомъ молодежи, представителемъ литературнаго радикализма,—и редакція является настоящимъ университетомъ, всесторонней школой для новыхъ дѣятелей и проповѣдниковъ.

Глава школы—человѣкъ необычайной энергіи и силы воли. Лишенный отъ природы всякихъ наклонностей къ чувствительности, даже вообще—къ тѣснымъ дружескимъ отношеніямъ, Благосвѣтловъ всѣ свои интересы сосредоточилъ на журналѣ и публицистикѣ. Большого литературнаго таланта онъ не обнаружилъ, не могъ подняться выше толковаго изложенія послѣднихъ словъ науки,—но его убѣжденія отличались всѣми достоинствами,

какія необходимы для упорной борьбы за новую идею—стойкостью, опредѣленностью и исчерпывающей полнотой. У Благосвѣтлова на всѣ запросы современности всегда находился отвѣтъ—полный, ясный, сильно и авторитетно выраженный. Въ изложеніе чужихъ статей и книгъ Благосвѣтловъ умѣлъ внести свой принципіальный духъ, и представить читателю рядъ общихъ рѣзко-очерченныхъ выводовъ и компиляцію превратить въ орудіе пропоганды. Примѣрами могутъ служить статьи о сочиненіяхъ Милля, Бокля, Токвиля. Авторъ—неумолимый врагъ отвлеченнаго политиканства и мѣщанскаго либерализма—такъ же, какъ Чернышевскій и Добролюбовъ. Но его рѣчь гораздо энергичнѣй и прямолинейнѣй. Критика, направленная на исключительное увлеченіе политическими формами, не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ безразсудствѣ и безплодности политическаго доктринерства. Либеральная буржуазія, всѣми фибрами души связанная съ биржей и курсомъ, является съ своей подлинной исторической физіономіей на широкой картинѣ новѣйшей исторіи Франціи. И всѣ эти идеи освѣщены глубокой вѣрой въ силу человѣческой личности, въ великіе результаты свободной иниціативы общества. Статья о Токвилѣ оканчивается несомнѣнно личной исповѣдью автора,—и она представляетъ лучшую его характеристику.

«Авторъ *Демократіи*, пишетъ Благосвѣтловъ, отводитъ намъ мирное поле труда и непосредственнаго участія въ нашей собственной участи. Онъ твердо вѣритъ, что сами люди создаютъ себѣ то или другое соціальное положеніе, что совершенно отъ нихъ самихъ зависитъ быть рабами, подобно китайцамъ, или свободными гражданами, подобно американцамъ. Съ такимъ убѣжденіемъ становится легче, когда посмотришь на историческую Голгоѳу человѣчества, покрывшаго свой путь слезами и кровью» [17]).

И Благосвѣтловъ въ теченіе всей своей жизни являлъ образецъ непобѣдимой энергіи и вѣры въ себя и свой трудъ. Онъ дѣйствительно былъ слѣпленъ будто изъ гранита и чугуна, какъ онъ самъ о себѣ выражается,—и это чувствовалось и сознавалось всѣми его сотрудниками.

Особенно сильно должно было поразить это чувство Писарева, по природѣ совершенно не напоминавшаго чугуна и гранита. Благосвѣтловъ подчинилъ его своей волѣ и своему уму съ первой же встрѣчи, и впослѣдствіи мать Писарева въ письмѣ къ Некрасову заявляла, что ея сынъ видѣлъ въ Благосвѣтловѣ своего друга, учителя и руководителя,—ему онъ «обязанъ своимъ развитіемъ» и въ его

---

[17]) *Сочиненія Благосвѣтлова*, съ предисловіемъ Шелгунова. Спб. 1882, стр. 143—4, 171, 178—9, 365.

совѣтахъ онъ нуждался до конца своей жизни [18]). Это значитъ Писаревъ превратился въ точный и покорный отголосокъ Благосвѣтловскихъ взглядовъ. Овечья природа критика не исчезла безслѣдно и послѣ кризиса: произошла только смѣна авторитетовъ и новый авторитетъ налегъ на природу Писарева, пожалуй, еще тяжелѣе, чѣмъ старые. И не одного Писарева. Зайцевъ также неограниченно пользовался внушеніями редактора. Онъ прямо получалъ приказанія отъ Благосвѣтлова—изложить тѣ или другія мысли, и редакторъ кромѣ того дѣятельно вмѣшивался въ самое изложеніе, исправлялъ, передѣлывалъ, усиливалъ и подчеркивалъ текстъ сотрудника. До какой степени это редакторское творчество было существенно въ критическихъ статьяхъ Писарева и Зайцева, показываетъ позднѣйшая участь обоихъ писателей. Послѣ разрыва съ Благосвѣтловымъ, Писаревъ оставался почти исключительно пересказчикомъ беллетристическихъ произведеній, а Зайцевъ занялся исключительно переводами и компиляціями. Будто животворящій духъ отлетѣлъ отъ воинственныхъ бойцовъ и въ первобытномъ состояніи у нихъ исчезла сила слова и смѣлость мысли.

Надо помнить, въ удостовѣреніе всѣхъ этихъ фактовъ предъ нами признанія самого Писарева, его матери и историческое развитіе его таланта. Мы дѣйствительно имѣемъ дѣло съ любопытнымъ психологическимъ и культурнымъ фактомъ полной и непосредственной идейной зависимости одного изъ самыхъ отважныхъ публицистовъ отъ внѣшняго учительскаго авторитета. Революціонная вспышка, преобразовавшая, повидимому, душевный міръ писателя, на самомъ дѣлѣ не измѣнила сущности его психологіи. Онъ остался столь же мало критическимъ и анализирующимъ умомъ, какимъ былъ и раньше. Выходка противъ Пастёра засвидѣтельствовала чисто-школьническую способность—отдаваться сильно и безраздѣльно именно *авторитету*, почему-либо прозведшему сильное увлекательное впечатлѣніе. Почему Писаревъ всталъ горой за ученіе Пуше о произвольномъ зарожденіи и что ему внушило величественные софизмы надъ Пастёромъ? Критическое изслѣдованіе предмета? О немъ не могло быть и рѣчи. Провѣрка свѣдѣній и сообщеній сторонъ? Въ ней, какъ видно изъ тона статьи, Писаревъ совершенно не нуждался. Вопросъ былъ предрѣшенъ—только потому что Пуше признанъ непогрѣшимымъ авторитетомъ.

Та же исторія и съ Зайцевымъ. Онъ попалъ въ еще болѣе траги-комическую коллизію, нанесшую не малую поруху радикализму *Русскаго Слова*. На основаніи авторитета Гексли и

---

[18]) Венгеровъ. *Критико-біографич. словарь русскихъ писателей и ученыхъ.* Спб. 1892, томъ III.

Фихте, признающихъ негра низшей расой сравнительно съ бѣлой, радикальный публицистъ съ обычной горячностью принялся доказывать рабство черныхъ и провозглашать невольничество «самымъ лучшимъ исходомъ» для цвѣтного человѣка въ соприкосновеніи съ бѣлой расой. Это значило рѣшать политическій и нравственный вопросъ на основаніи естественныхъ наукъ,—или вѣрнѣе—по Фихте и Гексли [19]).

Такое рѣшеніе вызвало страшный скандалъ. Печать всѣхъ оттѣнковъ возмутилась до глубины души естественно-научной послѣдовательностью *Русскаго Слова*, и Писареву и Зайцеву пришлось пережить не мало тяжелыхъ минутъ. Писаревъ счелъ нужнымъ вступиться за товарища,—но значительной услуги оказать не могъ: дѣло выходило дѣйствительно вопіющее, и безпристрастная публика должна была согласиться, что радикальная оппозиція однимъ авторитетамъ можетъ иногда совмѣщаться съ радикальнымъ рабствомъ предъ другими.

Это не единичный фактъ, а таковъ общій характеръ всей публицистики *Русскаго Слова*. Она въ сильнѣйшей степени явленіе гипнотическое, она вся преисполнена догматами и весьма рѣдко обнаруживаетъ дѣйствительно критическое направленіе. Она стремится не опровергнуть, а уничтожить, и нестолько доказать, сколько внушить и навязать. Тонъ ея неизмѣнно деспотическій и побѣдоносный. Она твердо увѣрена, что обладаетъ совершенными истинами, и на противниковъ взираетъ, какъ на существъ безнадежно слабоумныхъ и темныхъ. Отсюда—безпримѣрная рѣзкость полемики, оставляющая за собой рѣшительно всѣ литературныя преданія всѣхъ эпохъ и народовъ. Статьи Писарева, Зайцева и Благосвѣтлова—цѣлая сокровищница бранныхъ словъ и памфлетовъ, только что не караемыхъ уголовнымъ кодексомъ. Ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ у Чернышевскаго и Добролюбова, но ихъ наслѣдники, очевидно, не считали себя въ силахъ ограничиться чисто-литературными пріемами борьбы и устроили настоящую оргію на пространствѣ нѣсколькихъ лѣтъ.

Такія свалки, какъ Благосвѣтлова съ Антоновичемъ, Писарева съ тѣмъ же критикомъ *Современника* могутъ считаться вполнѣ классическими по яркости и законченности жанра. Не стѣснялась, разумѣется, и противная сторона: но пальма первенства принадлежитъ безусловно *Русскому Слову*, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ наполнявшему свой критическій отдѣлъ многочисленными обращеніями и вызовами по адресу недруговъ. Писаревъ, Зайцевъ, Соколовъ часто въ одной и той же книгѣ то бросаютъ перчатки

---

[19]) *Русское Слово*, 1864 г., декабрь.

Современнику, то производятъ надъ нимъ экзекуціи за старыя грѣхи, то просто потѣшаются надъ «глуповцами», лгунишками и просто идіотами и «гнилыми бутербродами».

Либералы и консерваторы могли наполнять цѣлыя страницы своихъ органовъ перлами радикальной полемики и въ правѣ именовать ее «возмутительной оргіей». Но собственно бѣда заключалась не въ полемикѣ, а въ ея исключительно личномъ характерѣ, попросту—въ личной перебранкѣ литераторовъ. Писаревъ изслѣдовалъ умственныя способности Антоновича, Антоновичъ наводилъ справки, какимъ путемъ досталось Благосвѣтлову *Русское Слово* и въ какихъ отношеніяхъ Благосвѣтловъ состоялъ съ лакеями гр. Кушелева-Безбородко, Благосвѣтловъ изощрялся соотвѣтственно надъ особой Антоновича [20]).

Такъ шло цѣлыми годами и, наконецъ, даже Зайцевъ написалъ слѣдующую элегію, явно накипѣвшую на его сердцѣ:

«Перебранки, доходящія до такихъ изумительныхъ непристойностей, составляющія главную и самую видную часть журналистики, свидѣтельствуютъ о плачевномъ состояніи литературы. Онѣ открываютъ, что область, подлежащая литературѣ, доведена до самыхъ микроскопическихъ размѣровъ, что на ней не осталось равно ничего, кромѣ самой журналистики и личностей, подвизающихся на поприщѣ ея. Журналы другъ другу и сами себѣ опротивѣли до крайности, но, за неимѣніемъ другого дѣла, должны заниматься другъ другомъ, что не способствуетъ смягченію и умиротворенію ихъ взаимныхъ отношеній. Дѣло доходитъ, наконецъ, до того, что существованіе какого-нибудь направленія въ въ журналѣ объявляется нелѣпостью, подвергается шуткамъ и насмѣшкамъ. Возвѣщается, что въ жизни нѣтъ ничего, что бы могло дать журналу какое-нибудь направленіе» [21]).

Справедливо, но непосредственно за элегіей опять слѣдуетъ обычный жанръ—съ крѣпкими словами и отчаянной живописью... Очевидно, нельзя было удержаться на разъ принятомъ пути, и до самаго конца существованія *Русскаго Слова*—путь совершался съ неизмѣннымъ постоянствомъ.

Мы опять должны обратить вниманіе на психологическую основу явленія. Яростная личная брань могла возникнуть только на почвѣ нетерпимости, фанатизма и при совершенномъ нежеланіи анализировать и доказывать, работать исключительно въ интересахъ логичности и истинности извѣстныхъ идей. Ставился какой-либо догматъ и требовалось безпрекословное преклоненіе предъ нимъ,—отъ кого не получалось мгновеннаго согласія,

[20]) Одинъ изъ самыхъ характерныхъ примѣровъ—*Послѣднее объясненіе*—Благосвѣтлова, *Русск. Слово*, 1865, февраль.

[21]) *Русск. Сл.* 1864, окт. *Славянофилы побѣдили*, стр. 72.

тотъ немедленно вносился въ проскрипціонные списки, отмѣчался на черной доскѣ и уже ему не было пощады—чуть ли не до седьмого колѣна по восходящей и нисходящей линіи.

Подобная стремительность характеризуетъ не только личности бойцовъ, но и самый процессъ ихъ мышленія. Онъ именно тотъ, какимъ Писаревъ достигъ своихъ истинъ,—процессъ мгновеннаго осіянія, неудержимо страстнаго и столь же скоропалительнаго воспріятія. Въ жизни Писарева нѣтъ *исторіи* нравственнаго міра, постепенно, шагъ за шагомъ вырабатывающаго свое содержаніе, а есть рядъ *аффектовъ*, немедленно отражающихся на идейномъ процессѣ. И мы вполнѣ понимаемъ чрезвычайно легкій духъ, съ какимъ Писаревъ перешелъ въ новую фазу,—духъ, совершенно противоположный, напримѣръ, опытамъ Бѣлинскаго. Писаревъ заявляетъ, что онъ «беззаботно и весело пошелъ по скользкому пути журналиста»...

Предательское признаніе! Оно показываетъ, сколько легкомыслія оставалось въ умѣ и чувствахъ критика даже послѣ того, когда онъ понялъ обязанности честнаго литератора. Беззаботность и веселость на пути русскаго писателя,—когда еще наша литература знала такое счастье и могла назвать такого баловня судьбы?..

Завидная доля, но она досталась недаромъ нашему герою, и если бы онъ былъ способенъ отдать отчетъ въ общемъ смыслѣ своего жизнерадостнаго путешествія, онъ искренне пожелалъ бы себѣ больше грустныхъ и заботныхъ настроеній.

VII.

По самому существу нравственной природы Писарева у него не могло быть эволюціи идей, а только рядъ моментальныхъ вдохновеній. И онъ, несомнѣнно, счелъ бы недостойнымъ себя медленнымъ трудомъ и сложнымъ умственнымъ процессомъ завоевывать истину. Но все таки въ его произведеніяхъ можно отличить нѣкоторые оттѣнки. Они существуютъ, несмотря на первобытную простоту рѣшеній всѣхъ рѣшительно вопросовъ и безпримѣрную въ русской критикѣ элементарность общихъ разсужденій. Писаревъ, какъ и его сподвижники, фанатикъ схемъ, формулъ, возможно ясныхъ и простыхъ положеній. Все болѣе или менѣе сложное и глубокое органически отталкиваетъ его, вызываетъ немедленно подозрѣніе въ метафизикѣ, схоластикѣ и рутинѣ. Онъ готовъ рѣшительно всѣ явленія нравственнаго міра свести къ сложенію и вычитанію: не даромъ,—для него и для Зайцева,—Тэнъ—замѣчательный мыслитель. Гдѣ нельзя обойтись съ однимъ школьнымъ силлогизмомъ и бѣглой статистикой, тамъ преспокойно ставится точка или говорится нѣсколько безапелляціонно-скептическихъ фразъ.

Таковъ идеальный предѣлъ писаревской публицистики,—но достигъ онъ этого идеала не сразу. «Писаревскія» идеи будто дремали въ теченіе, по крайней мѣрѣ, трехъ лѣтъ, т. е. не было слышно о разрушеніи эстетики, объ уничтоженіи Пушкина и вообще искусства, о неограниченномъ, вполнѣ безотчетномъ культѣ естествознанія, а главное—нѣтъ «строгаго послѣдовательнаго реализма», точнѣе—шаржированнаго базаровскаго міросозерцанія.

Въ обычномъ представленіи о Писаревѣ идейное содержаніе этихъ трехъ лѣтъ опускается,—и Писаревъ слыветъ только разрушителемъ эстетики и реальнымъ развивателемъ. На самомъ дѣлѣ существуетъ другой Писаревъ, не вполнѣ похожій на популярнаго—Писаревъ художественныхъ удовольствій и неясныхъ поэтическихъ ощущеній. Да, какъ это ни странно, но юный джентльменъ крѣпостническаго воспитанія не выдохся окончательно послѣ даже двухъ кризисовъ. И вполнѣ естественно.

Писаревъ выступилъ на поприще радикальной журналистики эпикурейцемъ. Идея личнаго удовлетворенія, эгоизма—его символъ вѣры—беззаботный и веселый. Весной 1862 года онъ попадаетъ въ крѣпость за статью, напечатанную въ подпольномъ журналѣ. Приключеніе, по меньшей мѣрѣ, досадное, но оптимизмъ молодого реалиста до такой степени непоколебимъ, что заключеніе не производитъ на него рѣшительно никакихъ дурныхъ впечатлѣній. Писаревъ находитъ въ своей участи даже хорошую сторону: неволя располагаетъ его къ сосредоточенности и серьезной дѣятельности. Неволя продолжалась около четырехъ лѣтъ и именно эти годы самые плодовитые въ литературной дѣятельности Писарева и самые благодарные для его популярности.

Эпикурейцу сама природа велитъ быть эстетикомъ,—и Писаревъ изощряетъ свои наклонности къ художественной красотѣ на произведеніяхъ Гейне и даже Майкова. «Гейне—одинъ изъ величайшихъ поэтовъ всѣхъ вѣковъ и народовъ» и на немъ будутъ воспитываться молодыя поколѣнія, а Майкова критикъ «уважаетъ», какъ «умнаго и развитого человѣка, какъ проповѣдника гармоническаго наслажденія жизнью». Эта проповѣдь именно и составляетъ «трезвое міросозерцаніе».

Заходитъ рѣчь о Пушкинѣ: скоро противъ него будутъ двинуты всѣ роды оружія реалистической критики, теперь пока Пушкинъ можетъ покоиться среди лавровъ и вѣнковъ. Его романъ *Евгеній Онѣгинъ* стоитъ «на ряду съ драгоцѣннѣйшими историческими памятниками». Даже какъ публицистъ Пушкинъ называется одновременно съ Вольтеромъ, Ульрихомъ Гуттеномъ, Шиллеромъ и Гёте, именно потому, что онъ «свисталъ часто рѣзко стихами и прозою», т. е. обнаруживалъ извѣстное политическое направленіе. Правда, здѣсь же посылается очень энергичная от-

повѣдь по адресу поэтовъ, не проводившихъ въ общественное сознаніе живыхъ общечеловѣческихъ идей, Фета, Полонскаго, Щербины, Грекова: они сравниваются съ модистками, выдумывающими новую куафюру [22]). Но удары наносятся только «микроскопическимъ поэтикамъ»,—критику, очевидно, вовсе и на умъ не приходитъ разразить Пушкина, Шекспира, Рафаэля.

Краснорѣчивѣйшая статья этого періода *Базаровъ*. Писаревъ чрезвычайно увлекается романомъ Тургенева, дѣлаетъ даже вполнѣ эстетическое признаніе, говоритъ о «какомъ-то непонятномъ наслажденіи, котораго не объяснишь ни занимательностью разсказываемыхъ событій, ни поразительной вѣрностью основной идеи». Критикъ понимаетъ сильныя и слабыя стороны базаровскаго типа, подробно указываетъ, гдѣ Базаровъ правъ и гдѣ онъ «завирается». Писаревъ знаетъ и источникъ завирательства: крайній протестъ противъ «фразы гегелистовъ» и «витанія въ заоблачныхъ высяхъ». Крайность понятна, но «смѣшна», и «реалистамъ», разсуждаетъ Писаревъ, надлежитъ вдумчивѣе относиться къ самимъ себѣ и не провираться въ пылу діалектическихъ сраженій. И дальше слѣдуетъ вполнѣ здравомыслящее соображеніе: запомни его Писаревъ на всю жизнь, онъ, пожалуй, оставилъ бы потомству прочное и цѣнное публицистическое наслѣдство.

«Отрицать совершенно произвольно,—говоритъ онъ,—ту или другую естественную и дѣйствительно существующую въ человѣкѣ потребность или способность—значитъ, удаляться отъ чистаго эмпиризма... Выкраивать людей на одну мѣрку съ собой—значитъ впадать въ узкій умственный деспотизмъ».

Лучшей критики никто не могъ бы написать на самого Писарева, когда онъ окончательно перейдетъ въ героическій періодъ своей дѣятельности и примется «перерѣшать» вѣковые вопросы. *Современникъ* станетъ обвинять его и его друга Зайцева въ *механическомъ* воззрѣніи на людей и идеи: именно такое воззрѣніе теперь не нравится Писареву, и онъ дерзнетъ даже открыть кое-какія темныя черты на ослѣпительной фигурѣ Базарова. Онъ считаетъ нигилиста «человѣкомъ крайне необразованнымъ». Базаровъ «съ плеча отрицаетъ вещи», которыхъ «не знаетъ или не понимаетъ»: «поэзія, по его мнѣнію, ерунда; читать Пушкина—потерянное время, заниматься музыкой—смѣшно; наслажденіе природой—нелѣпо». Все это на Писарева производитъ крайне невыгодное впечатлѣніе. Онъ согласенъ, Базаровъ основательно знаетъ медицинскія и естественныя науки, но это не значитъ быть образованнымъ. «Онъ слыхалъ кое-что о поэзіи, кое-что объ искус-

---

[22]) *Схоластика XIX вѣка. Писемскій, Тургеневъ и Гончаровъ.* I, 370, 438, 442 etc. *Дворянское Гнѣздо.* I, 197.

ствѣ, не потрудился подумать и съ плеча произнесъ приговоръ надъ незнакомыми ему предметами». Настоящій реалистъ никогда этого не позволитъ себѣ, не станетъ преслѣдовать простыя чувства и даже чисто физическія ощущенія, въ родѣ наслажденія музыкой.

Реалистъ также не согласится съ Базаровымъ, будто человѣкъ осужденъ жить исключительно въ мастерской. Всякому извѣстно, «работнику надо отдохнуть», «человѣку необходимо освѣжиться пріятными впечатлѣніями». Это законъ природы и безразсудно воевать противъ него. Писареву, какъ эпикурейцу, это правило особенно дорого. Онъ энергично стоитъ за «безвредныя» наслажденія, т. е. эстетическія: чѣмъ ихъ больше, тѣмъ легче жить на свѣтѣ. Базаровъ, вооружаясь противъ идеализма, самъ превращается въ идеалиста и даже въ деспота, начинаетъ предписывать человѣку, чѣмъ ему наслаждаться и чѣмъ нѣтъ. «Наслажденіе рѣшительно необходимо», заключаетъ Писаревъ.

Достается не мало похвалъ и на долю Тургенева, не какъ публициста, а какъ «человѣка безсознательно и невольно искренняго», т. е. *художника*. Даже больше Писаревъ высказываетъ общее положеніе, которое онъ впослѣдствіи долженъ предать проклятію: «Честная, чистая натура художника беретъ свое, ломаетъ теоретическія загородки, торжествуетъ надъ заблужденіями ума и своими инстинктами выкупаетъ все—и невѣрность основной идеи, и односторонность развитія, и устарѣлость понятій. Вглядываясь въ своего Базарова, Тургеневъ, какъ человѣкъ и какъ художникъ, растетъ въ своемъ романѣ, растетъ на нашихъ глазахъ и доростаетъ до правильнаго пониманія, до справедливой оцѣнки созданнаго типа».

Столько здравыхъ мыслей умѣлъ высказать критикъ, отнюдь, конечно, не новыхъ, но очень полезныхъ прежде всего для самихъ реалистовъ и перваго среди нихъ. Но мы снова не должны упускать изъ виду источника писаревскаго здравомыслія. Это не логическій разсудокъ, не критическая вдумчивость, вообще не умственный процессъ, а извѣстное психическое внушеніе, аффектъ. Теперь онъ называется эпикурейскимъ настроеніемъ и художникъ спасается только благодаря пристрастію критика къ наслажденіямъ. Искусство защищается не ради какихъ-либо идеальныхъ, самостоятельныхъ жизненныхъ цѣлей, а только какъ «источникъ безвредныхъ наслажденій». Это существенный фактъ! И онъ заранѣе можетъ приготовить насъ къ какимъ угодно сюрпризамъ въ противоположномъ направленіи. Вдругъ критикъ перестанетъ исповѣдывать эпикурейскую мораль, тогда пропадетъ и его почтительное отношеніе къ поэзіи и творчеству. Для него не литература, и не ея содержаніе и смыслъ на первомъ планѣ, а соб-

ственный личный вкусъ, неудержимо настойчивый, своенравный. Хочу засужу — хочу помилую, вотъ настоящій девизъ Писарева, какъ критика, и вскорѣ онъ дѣйствительно засудитъ искусство столь же беззаботно и весело, какъ только что защищалъ его.

Культурное міросозерцаніе Писарева въ эту эпоху столь же не похоже на позднѣйшее, какъ и эстетическое. Въ качествѣ эпикурейца онъ долженъ возможно меньше возлагать бремени и нравственныхъ обязательствъ на отдѣльную личность и вполнѣ послѣдовательно доказывать, что каждый человѣкъ порознь «не заслуживаетъ порицанія» за свои грѣхи и проступки: во всемъ виновато общество, среда. Человѣкъ только продуктъ окружающихъ условій.

Мы встрѣтили ту же идею у Чернышевскаго и Добролюбова, но тамъ у нея совсѣмъ другое происхожденіе, не имѣющее ничего общаго съ эпикурейской покладливостью и художественно-барской снисходительностью. Но и здѣсь эти настроенія внушаютъ критику лишь нѣсколько благоразумныхъ замѣчаній, имъ также грозитъ скорая и безпощадная раздѣлка. Теперь Писаревъ признаетъ великое значеніе художественныхъ типовъ, воплощающихъ людей мелкихъ, безсильныхъ и пошлыхъ: они—иллюстрація общественной атмосферы.

Другія мысли Писарева—столь же мимолетныя гостьи, хотя онѣ навѣяны на этотъ разъ уже не аффектами, а вполнѣ жизненными фактами. Програму этихъ мыслей очень удачно начерталъ самъ критикъ: «у насъ, говоритъ онъ, всегда случается, что юноша, окончившій курсъ ученія, становится тотчасъ непримиримымъ врагомъ той системы преподаванія, которую онъ испыталъ на себѣ самомъ».

И устами Писарева говоритъ просто наболѣвшее чувство, когда онъ отрицаетъ классическую систему, громитъ ученый педантизмъ и школьную схоластику, поясняетъ свои общія разсужденія очень яркими фигурами изъ своего студенческаго прошлаго и доходитъ, наконецъ, до проповѣди естествознанія, какъ основы гимназической программы.

Все это вполнѣ логическія слѣдствія лично пережитаго и перечувствованнаго. Удивительно только, что для словеснаго выраженія этихъ опытовъ потребовались кризисы, и Писаревъ дошелъ до нихъ только послѣ благосвѣтловскаго толчка. Но во всякомъ случаѣ, наконецъ, дошелъ, къ сожалѣнію, весьма быстро пересталъ идти ровнымъ сознательнымъ шагомъ и стремительно рванулся впередъ.

Какъ и почему это совершилось — для отвѣта у насъ нѣтъ фактическихъ данныхъ. И самое происшествіе, какъ мы упомянули, прошло незамѣченнымъ для біографовъ и цѣнителей Писарева. Правда, въ *Современникѣ* было указано, что Писаревъ

замѣтно просвѣтился послѣ тургеневскаго романа. Указаніе вполнѣ справедливое,—мы сейчасъ убѣдимся въ этомъ. Почему, просвѣщеніе пришло съ подожданіемъ, почему сначала Писаревъ отнесся къ Базарову довольно критически, а потомъ возвелъ его въ перлъ созданія и даже сильно разукрасилъ въ нигилистическомъ направленіи?

Объясненіе можетъ быть одно, — все таже благосвѣтловская наука. Писаревъ съ каждымъ днемъ все серьезнѣе долженъ былъ представлять обязанности честнаго литератора, т. е. учителя публики, преобразователя существующаго нравственнаго и общественнаго строя, руководителя «мыслящихъ реалистовъ». А при такой роли эпикурейскія идеи являются по меньшей мѣрѣ неудобными и несоотвѣтствующими. Принципъ наслажденія прямо оскорбителенъ рядомъ съ просвѣщеніемъ и наставничествомъ въ самомъ широкомъ смыслѣ. Человѣкъ, взявшій на себя такой долгъ, обязанъ проникнуться строгимъ и энергическимъ міросозерцаніемъ, трезвыми и положительными принципами, а прежде всего послѣдовательностью. И Писаревъ именно такъ и судитъ о себѣ въ письмѣ къ матери: онъ «самый послѣдовательный изъ русскихъ писателей».

Мы думаемъ иначе объ этой добродѣтели въ писаревской личности. Мы не видимъ именно послѣдовательности отъ идеи о «творческомъ сознаніи художника», создающаго стройные образы и лучше критика умѣющаго осмысливать дѣйствительность, до заявленія «Рафаэль гроша мѣднаго не стоитъ»; мы должны признать нѣкоторый разрывъ между этими истинами, пропасть между двумя столь противоположными идейными процессами. Послѣдовательность будетъ чисто писаревская, т. е. неуклонное подчиненіе аффектамъ и гипнозамъ, взамѣнъ вдумчиваго, истинно критическаго анализа явленій и идей.

VIII.

Перемѣна атмосферы ясно чувствуется со статьи *Цвѣты невиннаго юмора*. Статья направлена противъ Щедрина, какъ «литературнаго паразита» и «чистѣйшаго представителя чистѣйшаго искусства». Правда, Щедринъ сотрудникъ *Современника*, непримиримо-противнаго журнала, и это обстоятельство должно сильно изощрять стрѣлы изъ лагеря *Русскаго Слова*. Но у Писарева имѣется общій принципъ, бьющій наповалъ сатирика. Щедрину не особенно обидно быть побитымъ въ данномъ случаѣ: рядомъ съ нимъ обязано пасть и развѣяться прахомъ вообще искусство, въ сущности даже всякая умственная дѣятельность, кромѣ изученія и популяризаціи естественныхъ наукъ. Естествознаніе «самая жи-

вотрепещущая потребность нашего общества», и распространеніе его—высшее назначеніе «мыслящихъ людей». Всѣ должны отдаться ему и критики, и художники. Могутъ возразить, что книги по естествознанію принесутъ пользу только образованнымъ классамъ, и пройдутъ незамѣтно для народа. Писаревъ не слушается. Онъ убѣжденъ, что «акклиматизація естествознанія» въ русскомъ *обществѣ* неизмѣримо полезнѣе для русскаго *народа* всѣхъ книгъ, предназначенныхъ собственно для него и всякихъ добродѣтельныхъ толковъ о сближеніи съ народомъ и о необходимости любить его.

Вы, можетъ быть, потребуете доказательствъ, какимъ путемъ естественники изъ общества окажутся полезнѣе для народа всякихъ другихъ образованныхъ людей? Доказательствъ вы не получите кромѣ одного: естествознаніе весьма превознесено у Бокля, и Благосвѣтловъ написалъ объ англійскомъ историкѣ обширную хвалебную статью. Этихъ фактовъ вполнѣ достаточно, чтобы гипнотически закрыть глаза рѣшительно на все кромѣ физіологіи и антропологіи. Вѣдь додумался же Шелгуновъ, въ эту эпоху также одинъ изъ покорныхъ учениковъ Благосвѣтлова, до открытія, будто благодаря успѣхамъ *физіологіи* возникли и развились идеи равенства и человѣческихъ правъ. Физіологія доказала, что «кости у всѣхъ одного цвѣта, кровь также» и что, слѣдовательно, нѣтъ основаній для дворянскихъ привилегій. [23]). Вотъ какая политическая сила—физіологія, и какіе отличные физіологи были, напримѣръ, христіане перваго вѣка нашей эры и впослѣдствіи столь просвѣщенные естествоиспытатели и точные ученые, какъ энергичнѣйшій апостолъ всеобщаго равенства—Жанъ Жакъ Руссо!

Отчего же послѣ такихъ уроковъ исторіи Писареву не замѣнить естествознаніемъ рѣшительно всѣхъ умственныхъ и нравственныхъ стремленій человѣчества и не рекомендовать Щедрину «Глуповъ бросить» и приняться за переводы и компиляціи сочиненій по естественнымъ наукамъ.

Эта мысль растетъ въ мозгу критика не по днямъ, а по часамъ. Въ статьѣ *Мотивы русской драмы* она принимаетъ по истинѣ фанатическую форму и рѣчь Писарева заставляетъ ждать рѣшительно чего угодно въ смыслѣ «послѣдовательнаго реализма». Молодежь, говоритъ онъ, «должна проникнуться глубочайшимъ уваженіемъ и пламенной любовью къ распластанной лягушкѣ... Тутъ-то именно, въ самой лягушкѣ, и заключается спасеніе и обновленіе русскаго народа».

Писаревъ, написавши эту фразу, спѣшитъ побожиться предъ

---

[23]) *Русск. Слово*, 185, октябрь. *Литература и образованные люди*, стр. 6.

читателемъ. Онъ-де не шутитъ и не потѣшаетъ читателя парадоксами. «Самыя свѣтлыя головы въ Европѣ» такъ именно полагаютъ. Мы желали бы болѣе ясныхъ доказательствъ, а именно указаній, какимъ путемъ будетъ облагодѣтельствованъ народъ, если вся молодежь примется за микроскопы и лягушекъ? Базаровъ очень усердно возится съ этими предметами, но мы что-то не замѣчаемъ въ немъ особенной заботливости объ обновленіи народа. Напротивъ, онъ такъ же плохо говоритъ съ народомъ, какъ и господа Кирсановы и, не смотря на солидныя медицинскія и естественно-научныя познанія, совершенно проваливается во мнѣніи мужиковъ. Писаревъ полагаетъ, будто съ размноженіемъ Базаровыхъ по русской землѣ и мужики станутъ относиться почтительно къ этой породѣ людей. Предсказаніе утѣшительное, но все-таки оно только предсказаніе и на немъ заканчивается расчетъ публициста съ своимъ парадоксомъ.

Это и лучше: взять Базарова каковъ онъ есть, извлечь изъ романа чисто діалектическимъ путемъ психологію и міросозерцаніе «мыслящей личности» и объявить все это «самой животрепещущей потребностью». Народъ останется въ сторонѣ и не получитъ никакой осязательной части въ этой потребности. Но этотъ предметъ вообще совершенно чуждъ сочувствіямъ и интересамъ нашего публициста. Какимъ-то чудомъ радикальный критикъ сумѣлъ миновать вопросъ о народѣ какъ разъ въ ту эпоху, когда вопросъ этотъ висѣлъ въ воздухѣ, создавалъ партіи даже среди прирожденныхъ обломовцевъ, одинаково живо захватывалъ правительство, общество и литературу. Мы видѣли, сколько горячихъ страницъ посвятилъ ему Добролюбовъ,—и его преемникъ сумѣлъ сохранить полную неприкосновенность къ дѣйствительно «самой животрепещущей потребности» времени.

Теперь онъ займется характеристикой «реалистовъ» и преимущественно уничтоженіемъ ихъ будто бы самаго страшнаго врага—эстетики.

Огромная статья *Реалисты* предназначена раскрыть новое міросозерцаніе. Оно ничто иное, какъ стремительное развитіе идей и психологіи Базарова. Авторъ неоднократно ссылается на тургеневскаго героя, отождествляетъ его съ типомъ «реалиста», противополагаетъ эстетикамъ» въ томъ числѣ Бѣлинскому. Опредѣленіе «строгаго и послѣдовательнаго «реализма» какъ «экономіи умственныхъ силъ» подтверждается опровергнутымъ раньше изреченіемъ Базарова насчетъ природы - мастерской. Отсюда идея полезности, идея того, что *нужно*. А нужно прежде всего пища и одежда: все остальное, слѣдовательно, потребность вздорная. Всѣ вздорныя потребности можно объединить однимъ понятіемъ

эстетики. На него то и направлены вся воинственность и всѣ умственные и стилистическіе рессурсы критика.

Натискъ до такой степени свирѣпъ, что даже вызываетъ раздумье у самаго героя, и онъ спѣшитъ сдѣлать оговорку. «Читатель подумаетъ вѣроятно», догадывается критикъ, «что эстетика мой кошмаръ, и читатель въ этомъ случаѣ не ошибется. Эстетика и реализмъ дѣйствительно находятся въ непримиримой враждѣ между собой, а реализмъ долженъ радикально истребить эстетику, которая въ настоящее время отравляетъ и обезсмысливаетъ всѣ отрасли нашей научной дѣятельности, начиная отъ высшихъ сферъ научнаго труда и кончая самыми обыкновенными отношеніями между мужчиной и женщиной... Куда ни кинь, вездѣ на эстетику натыкаешься... Эстетика, безотчетность,рутина, привычка это все совершенно равносильныя понятія».

Очень сильно, но мы можемъ прибавить еще два: реалистическое доктринерство и юношеская безотчетная самонадѣянность. Это несравненно болѣе «эстетическія» явленія, чѣмъ привычка и рутина. Мы ясно видимъ, какъ отважный разрушитель любуется фантастическимъ поприщемъ своихъ подвиговъ, дрожитъ отъ восторга при видѣ поверженныхъ имъ призраковъ и неутомимо размахиваетъ мечомъ и бряцаетъ доспѣхами среди совершенно пустого пространства. Съ какимъ упоеньемъ онъ ведетъ діалоги съ дѣйствующими лицами романовъ и съ публикой: «Другъ мой разлюбезный Аркашенька! О, Анна Сергѣевна!.. О филейныя части человѣчества!..» Объ «эстетикахъ» ужъ нечего и говорить: по ихъ адресу, будто изъ ящика Пандоры, вылетаетъ одинъ перлъ за другимъ, и все изъ за эстетики.

Но гдѣ же на самомъ дѣлѣ этотъ врагъ? Кто усѣялъ своими костьми поле битвы, кто этотъ «прочный элементъ умственнаго застоя и самый надежный врагъ разумнаго прогресса?»

Страшное количество,—и какъ только у «мыслящаго реалиста» хватило смѣлости вступить въ бой! Прежде всего—пигмеи, занимающіеся скульптурой, музыкой, живописью, потомъ ученые фразеры и сирены, въ родѣ Маколея и Грановскаго; особенно Маколея очень не одобрилъ Благосвѣтловъ [24]), наконецъ, пародіи на поэтовъ, и первый изъ нихъ Пушкинъ. Дальше слѣдуютъ цѣлыя науки, во главѣ ихъ исторія, потому что «стыдно и предосудительно уходить мыслью въ мертвое прошедшее», безполезно заниматься изслѣдованіемъ народнаго творчества и міросозерцанія и совершенно ни на что не нуженъ, напримѣръ, древній періодъ русской литературы...

Недавній эпикуреецъ теперь достигъ головокружительной вы-

---

[24]) *Ораторская дѣятельность Маколея. Сочиненія*, стр. 390 etc.

соты строгой нравственности и суроваго умственнаго режима. Какъ произошло это очищеніе и вознесеніе—вопросъ совѣсти нашего героя: мы должны ограничиваться чтеніемъ его краснорѣчивыхъ упражненій въ стоическомъ направленіи, даже болѣе—совершенно подвижническомъ.

Восхищаться древней скульптурой—смертный грѣхъ предъ реалистической добродѣтелью: эти восторги «въ сущности ничѣмъ не отличаются отъ пріапическихъ улыбокъ и чувственныхъ поползновеній». Раньше отдыхъ признавался необходимымъ и даже наслажденіе, о личномъ счастьѣ нечего и толковать: оно стояло во главѣ угла,—теперь мы на противоположномъ полюсѣ.

«У реалиста потребность отдохнуть возникаетъ очень рѣдко, и поэтому онъ стоитъ выше обыкновенныхъ людей, т.-е. можетъ въ теченіе своей жизни сдѣлать больше работы. «*Человѣкъ вполнѣ реальный* (подчеркиваетъ авторъ) можетъ обходиться безъ того, что называется личнымъ счастьемъ; ему нѣтъ необходимости освѣжать свои силы любовью женщинъ или хорошей музыкой, или смотрѣніемъ шекспировской драмы, или просто веселымъ обѣдомъ съ добрыми друзьями. У него можетъ быть развѣ только одна слабость: хорошая сигара, безъ которой онъ не можетъ вполнѣ успѣшно размышлять».

Именно таково свойство Рахметова, значитъ, безъ него нельзя представить настоящаго мыслящаго человѣка.

Достоинства или недостатки этихъ разсужденій совершенно излишне обсуждать. Почти каждая фраза заставляетъ задавать вопросъ: ужъ не серьезно ли авторъ говорилъ о кошмарѣ, его преслѣдующемъ? Такъ недавно онъ самъ столь краснорѣчиво возмущался насиліемъ надъ естественными наклонностями и потребностями человѣческой природы, а теперь—вмѣсто всякой природы и реальности, беретъ вывѣсочную фигуру, созданную чисто-теоретически, безъ малѣйшихъ признаковъ жизненной правды и ее кладетъ въ основу психологіи *реалиста*. Романъ *Что дѣлать?*—классическое произведеніе, равное *Мертвымъ душамъ*, Рахметовъ—идеальный типъ, *личность*. Такъ можно разсуждать дѣйствительно только въ припадкѣ бреда и не имѣя ни малѣйшаго представленія о *реализмѣ*. Писаревъ съ литературной критикой совершилъ ту же операцію, какую Чернышевскій, на свое несчастье, продѣлалъ въ *Антропологическомъ принципѣ*. Учитель, стремясь къ научности и положительности, сочинилъ рядъ самыхъ метафизическихъ и бездоказательныхъ положеній, ученикъ, рисуя реалиста, снялъ копію съ придуманнаго, преднамѣренно сочиненнаго *набора* новыхъ словъ и мнимо-реальныхъ поступковъ, объединеннаго фамиліей Рахметовъ. Еще изъ Базарова можно было извлечь жизненныя дѣйствительно-типическія черты, и романъ оказалъ неоцѣненную услугу писа-

телю, видѣвшему жизнь въ окошко благосвѣтловскаго кабинета. Романъ снабдилъ его и принципами, и краснорѣчіемъ, и даже ненавистью противъ художественнаго творчества. Вопіющая неблагодарность! И еще болѣе глубокое ослѣпленіе, когда съ тѣми же цѣлями—поучиться и поучить другихъ, Писаревъ приступилъ и къ роману Чернышевскаго. Здѣсь удручающая ограниченность личнаго опыта и гипнотическій характеръ умственнаго процесса сказались во всей силѣ, и съ такой высоты логическаго мышленія Писаревъ обрушился на Пушкина, сочинивъ рядъ статей, признанныхъ цвѣтомъ его критическаго таланта.

Писаревъ долгое время готовился къ подвигу, предварительно успѣлъ совершенно очистить себѣ путь отъ всякаго эстетическаго хлама. Его энергія вызвала было отпоръ, особенно идея полезности, до послѣдней степени узкой, исключительно-практической. Онъ было смутился и попятился назадъ, началъ оговариваться, что *реалисты* понимаютъ *пользу* не въ томъ ограниченномъ смыслѣ, какъ думаютъ «антагонисты». Реалисты допускаютъ даже поэтовъ, лишь бы только они «ясно и ярко раскрыли предъ нами тѣ стороны человѣческой жизни, которыя намъ необходимо знать для того, чтобы основательно размышлять и дѣйствовать».

Оговорка весьма смутная и малосмысленная, но какъ бы ее ни понимать, она не спасаетъ искусства. Писаревъ безпрестанно ставитъ диллему—или накормить голодныхъ людей, или «наслаждаться чудесами искусства», или популяризаторы естествознанія, или «эксплуататоры человѣческой наивности». Общество, заключающее въ своей средѣ голодныхъ и бѣдныхъ и въ тоже время покровительствующее искусствамъ, уподобляется голому дикарю, украшающему себя драгоцѣнностями.

Въ результатѣ всѣхъ хожденій вокругъ да около Писаревъ допускаетъ одно лишь искусство—поэзію, но здѣсь же убиваетъ его критикой. По его мнѣнію, она должна обращать вниманіе на фактическій матеріалъ, читать художественное произведеніе совершенно такъ же, какъ «мы пробѣгаемъ отдѣлъ иностранныхъ извѣстій въ газетѣ». Для нихъ не должны представлять ни малѣйшаго интереса ни талантъ автора, ни его языкъ, ни его жанръ повѣствованія. Надо на поэзію смотрѣть съ той же точки зрѣнія, какъ, напримѣръ, на телеграфъ. «Достоинство телеграфа заключается въ томъ, чтобы онъ передавалъ извѣстія быстро и вѣрно, а никакъ не въ томъ, чтобы проволока изображала собой разныя извилины и арабески».

Самое побѣдоносное соображеніе и оно немедленно уполномочиваетъ критика архитекторовъ отождествить съ кухарками, выливающими клюквенный кисель въ замысловатыя формы, живописцевъ со старухами, которыя бѣлятся и румянятся, исторію

искусства объяснить существованіемъ богатыхъ меценатовъ и продажныхъ или трусливыхъ декораторовъ...

Достаточно. Реальное міросозерцаніе болѣе чѣмъ ясно, и совершенно напрасно Писаревъ изъ года въ годъ раскрывалъ его на всяческіе лады, затопляя *Русское Слово* потокомъ фигуръ тождественнаго смысла и не уставалъ «перевертываться съ фразой» на пространствѣ цѣлыхъ страницъ. Онъ сразу установилъ истины до такой степени простыя и рѣшительныя, что больше думать рѣшительно было не о чемъ и незачѣмъ. Оставалось только приложить общія истины къ самому крупному единичному случаю и показать практически всю побѣдоносность новыхъ идей. Такой случай представляла именно поэзія Пушкина, этотъ сильнѣйшій оплотъ эстетиковъ, и Писаревъ совершенно правильно битву съ великимъ поэтомъ призналъ рѣшительной для торжества реалистовъ. Исторія эта не подаритъ насъ никакими новостями послѣ извѣстныхъ намъ подвиговъ критика, но она въ высшей степени важна, какъ именно вполнѣ наглядное фактическое освѣщеніе писаревскаго таланта и писаревской умственной силы.

IX.

До сраженія съ Пушкинымъ Писаревъ успѣлъ однимъ почеркомъ пера вычеркнуть изъ исторіи литературы Лермонтова, Гоголя, Грибоѣдова, Крылова, какъ «зародышей поэтовъ», особенно досталось Лермонтову за то, что онъ «окорналъ и обезсмыслилъ Байрона для увлеченія русскихъ барышень». Легко понять, послѣ такой гекатомбы воину нашему уже ничего не стоило покончить съ Пушкинымъ, и онъ началъ трубить побѣду еще до битвы.

Онъ желаетъ «образумить» публику насчетъ Пушкина, «перерѣшить» вопросы, рѣшенные Бѣлинскимъ, «съ точки зрѣнія послѣдовательнаго реализма». А для этого приходится порвать даже съ Чернышевскимъ, «самымъ блестящимъ и самымъ глубокимъ мыслителемъ *Современника*». Правда, Чернышевскій разрушилъ эстетику, но онъ признавалъ Пушкина поэтомъ и высоко цѣнилъ статьи Бѣлинскаго о немъ. Базаровъ думаетъ на этотъ счетъ иначе, и Писаревъ послѣдуетъ за нимъ во всѣхъ подробностяхъ, даже въ способѣ вести войну.

Базаровъ приписываетъ Пушкину мысли и чувства, ему вовсе не принадлежащія, также поступитъ и его почитатель. Пушкинъ виноватъ во всемъ, за что можно укорить Евгенія Онѣгина. Онъ отвѣчаетъ за пошлость и умственную косность высшаго русскаго общества первой четверти XIX-го вѣка, онъ достоинъ осужденія за то, что его герой скучаетъ и что онъ не *боецъ* и не *работникъ*. Пушкинъ преступенъ даже тамъ, гдѣ другой поэтъ, напри-

мѣръ, Гейне совершенно правъ. Гейне могъ преклоняться предъ чистымъ искусствомъ и совсѣмъ не *реально* относиться къ женщинѣ: таковы были внѣшнія обстоятельства, условія среды, эпохи. Пушкину нѣтъ пощады: онъ внѣ времени и да будетъ ему стыдно просто за то, что онъ Пушкинъ и, слѣдовательно, «пародія на поэта». Именно такой ходъ мыслей у критика, какъ бы это странно ни казалось. Критикъ просто не понимаетъ совершенно ясныхъ стиховъ и толкуетъ ихъ подъ несомнѣннымъ наитіемъ кошмара.

Самая горячая филиппика противъ Пушкина написана по поводу дуэли Онѣгина съ Ленскимъ. Слова поэта: «И вотъ общественное мнѣніе! Пружина чести—нашъ кумиръ! И вотъ на чемъ вертится міръ!» Писаревъ понялъ въ томъ смыслѣ, будто въ эту минуту Пушкинъ идеализируетъ своего героя и признаетъ законность предразсудка, вынуждающаго человѣка на дуэль. «Пушкинъ», взываетъ критикъ, «оправдываетъ и поддерживаетъ своимъ авторитетомъ робость, безпечность и неповоротливость индивидуальной мысли... Онъ подавляетъ личную энергію, обезоруживаетъ личный протестъ и укрѣпляетъ тѣ общественные предразсудки, которые каждый мыслящій человѣкъ обязанъ разрушать всѣми силами своего ума и всѣмъ запасомъ своихъ знаній»...

И всѣ эти громы на основаніи иронически грустнаго замѣчанія поэта, какимъ-то чудомъ не понятаго столь краснорѣчивымъ защитникомъ ума и знанія!

Тотъ же умъ подсказалъ Писареву множество не менѣе диковинныхъ соображеній насчетъ другихъ поэтовъ. Знаете ли, напримѣръ, почему *Гёте—титанъ*, хотя и эстетикъ и весьма равнодушный гражданинъ? По очень внушительнымъ причинамъ: не будь онъ титанъ, Берне не сталъ бы такъ жестоко возмущаться его филистерствомъ, а Байронъ не посвятилъ бы ему *Сарданапала*. Писареву нѣтъ никакого дѣла, что Байронъ могъ считать Гёте титаномъ именно съ эстетической точки зрѣнія, и Берне возмущаться имъ по совершенно противоположнымъ мотивамъ. Впрочемъ, могутъ ли подобныя пустяки смущать «реалисты»! Онъ, именно по поводу Пушкина, дѣлаетъ слѣдующія открытія: поэты «рождены для того, чтобы ни о чемъ не думать», а потому стихи и драмы можетъ писать всякій, только не всякому размѣры ума позволяютъ заниматься такимъ низкимъ дѣломъ...

Это—по истинѣ титаническія откровенія! Во мгновеніе ока, одной фразой радикально пересозданъ человѣкъ и, естественно, законодатель нашъ позаботится начертать программу для будущей человѣческой расы.

Теперь онъ, понятно, среды не признаетъ: онъ теперь загипнотизированъ совершенно противоположной идеей—культомъ личности, столь же неограниченнымъ, какою раньше была вѣра во

всемогущество среды. Выводы изъ этого культа не могли представить ничего оригинальнаго. Имѣютъ извѣстное значеніе общія педагогическія разсужденія Писарева, основанныя на «святынѣ человѣческой личности». Но все это старые и общеизвѣстные мотивы послѣ статей Добролюбова. Любопытнѣе практическія приложенія принциповъ, и вотъ, здѣсь-то опять реалисту измѣняютъ и умъ, и знаніе.

Писаревъ сочиняетъ образцовую програму для гимназій и университетовъ. Идею программы онъ цѣликомъ заимствуетъ у Конта, пользуется его классификаціей наукъ и въ основу преподаванія кладетъ математику. Одновременно проектируется изученіе ремеслъ по многимъ утилитарнымъ соображеніямъ. Знаніе ремесла сократитъ случаи ренегатства: умственные работники, лишившись работы, могутъ снискивать себѣ пропитаніе физическимъ трудомъ и не вступать въ предосудительныя сдѣлки. Наконецъ, физическій трудъ особенно способствуетъ «искреннему сближенію съ народомъ», признающимъ, по свѣдѣніямъ Писарева, только физическихъ работниковъ.

Писаревъ повторяетъ сенъ-семонистскія идеи о «реабилитаціи физическаго труда», о «связи между лабораторіей ученаго специалиста и мастерской простого ремесленника». Но русскій публицистъ и здѣсь до послѣдней возможности нажалъ педаль. Сенъ-симонистамъ и въ голову не приходило физическому труду жертвовать умственнымъ образованіемъ, а Писаревъ сочиняетъ цѣлый проектъ, даже съ денежными выкладками, обученія гимназистовъ ремесламъ, какъ одному изъ главныхъ предметовъ, едва ли даже не самому главному. Зато раньше естественныя науки признавались основой гимназической программы, теперь онѣ изгоняются изъ гимназическаго курса.

Но полнѣйшее раздолье для воображенія представила Писареву университетская программа. Прежде всего онъ предлагаетъ уничтожить дѣленіе на факультеты. Раньше онъ совсѣмъ не признавалъ исторіи, какъ науки. Контъ переубѣдилъ его и теперь онъ связываетъ исторію съ математическими и естественными науками, общеобязательную программу начинаетъ съ дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія и кончаетъ исторіей, преподаваемой только на послѣднемъ курсѣ...

Лучшаго образчика самой необузданной игры фантазіи трудно и представить. Реалистъ до конца остается вѣренъ фанатически отвлеченнымъ построеніямъ, не обнаруживая ни познанія, ни пониманія дѣйствительности. Отрицательная критика Писарева, направленная противъ общеизвѣстныхъ и весьма живучихъ язвъ русской школы, цѣлесообразна, но всякая его попытка проявить организаторскую, созидательную мысль кончается полной неудачей.

Такъ и слѣдовало ожидать отъ ума, питающагося исключительно схемами и формулами, азартно работающаго въ области чистыхъ отвлеченій и въ своемъ протестѣ противъ дѣйствительности не умѣющаго отличить болѣзненныхъ явленій отъ основныхъ законовъ органической жизни личности и общества. Эти же свойства писаревскаго мышленія отразились и на окончательномъ результатѣ его дѣятельности.

Она изсякла сама собой, выдохлась будто летучее вещество. Жизненность и работа какого угодно сильнаго ума можетъ поддерживаться только въ близкомъ соприкосновеніи съ дѣйствительностью. Она—истинная оплодотворительница и питательница мысли. Безъ нея мысль умираетъ изморомъ и умъ и талантъ начинаютъ страдать такимъ же худосочіемъ и малокровіемъ, какія поражаютъ организмъ при недостаткѣ питанія.

Это именно произошло съ Писаревымъ. Въ теченіе пяти лѣтъ онъ все переговорилъ, что можно было высказать по поводу общихъ нравственныхъ, литературныхъ и общественныхъ идей. Въ сущности, онъ переговорилъ это еще раньше, но внѣшній литературный талантъ маскировалъ крайне многословныя и однообразныя повторенія уже нѣсколько разъ разъясненныхъ положеній и выводовъ.

Въ концѣ 1866 года Писаревъ вышелъ изъ крѣпости и обнаружилъ явное истощеніе мысли и таланта. Статьи за слѣдующіе два года—блѣдны и безличны, блѣднѣе даже самыхъ раннихъ библіографическихъ замѣтокъ Писарева. Чаще всего критикъ ограничивается болѣе или менѣе краснорѣчивымъ изложеніемъ содержанія беллетристическихъ произведеній, но и здѣсь не уберегается отъ рѣзкаго противорѣчія самому себѣ. Изрекши раньше смертный приговоръ надъ Вальтеръ-Скоттомъ, теперь онъ восхищается романами Эркмана-Шатріана, какъ удачной попыткой популяризировать исторію и приносить пользу народному самосознанію.

Благосвѣтловъ редакторскимъ наметаннымъ взоромъ сразу постигъ упадокъ Писарева и безъ особенныхъ сожалѣній порвалъ съ нимъ сношенія изъ-за случайной размолвки. Въ іюлѣ 1868 года Писаревъ утонулъ въ морѣ, въ Дуббельнѣ, и Благосвѣтловъ писалъ Шелгунову: «Онъ умеръ уже давно, какъ умственный дѣятель, т. е. умеръ въ концѣ прошлаго года».

Но Благосвѣтловъ спѣшилъ высказать увѣренность, что «люди умираютъ, а идеи, честныя и хорошія идеи живутъ».

Разумѣлись, конечно, идеи Писарева. Мы не можемъ раздѣлить этой увѣренности. Имя Писарева унаслѣдовало громкую и продолжительную популярность, но въ этой популярности было много привходящихъ обстоятельствъ, не зависѣвшихъ отъ достоин-

ства и назидательности писаревскихъ идей. Изъ этихъ идей время сохранило отъ забвенія какъ разъ тѣ, которыя самому Писареву достались по наслѣдству отъ другихъ. Призывъ къ личной самостоятельности, чувству личнаго достоинства, къ неустанному умственному развитію, это очень цѣнный голосъ во всѣ времена и при всякихъ обстоятельствахъ, и особенно онъ былъ цѣненъ на зарѣ и разсвѣтѣ обновленной, свободной Россіи. Но этотъ голосъ—только отголосокъ рѣчей, звучавшихъ до Писарева и имъ застигнутыхъ въ полномъ разгарѣ. Онъ сообщилъ отголоску много привлекательности, свѣжести и энергіи, благодаря необыкновенно ясному, простому и подчасъ очень живому литературному слову. Но онъ не пожелалъ остановиться на этой задачѣ, и «беззаботно и весело» пустился на открытія, руководимый деспотической рукой и лично очарованный эффектомъ цѣли: подарить публикѣ самые простые и въ то же время самые положительные отвѣты на всѣ интересующіе ее вопросы.

И какія же средства имѣлись въ распоряженіи новоявленнаго учителя! По его собственному сознанію, весьма ограниченныя. Начиная сотрудничество въ *Русскомъ Словѣ*, онъ «о нашей литературѣ и критикѣ не имѣлъ почти никакого понятія». Допустимъ нѣкоторую рисовку въ этомъ признаніи, но оно врядъ ли особенно далеко отъ истины, послѣ извѣстнаго намъ гимназическаго и университетскаго воспитанія. А дальше слѣдовали годы на рѣдкость производительной работы: до пятидесяти печатныхъ листовъ ежегодно. Врядъ ли оставалось много времени и возможности учиться и думать, особенно при непрестанно возроставшей славѣ. Недаромъ Писаревъ такъ энергично настаивалъ, чтобы молодые реалисты не «изучали» ни критиковъ, ни поэтовъ, а только «пробѣгали» ихъ произведенія и набирали изъ нихъ явленія жизни [25]). Писаревъ лично неуклонно слѣдовалъ этому правилу о жизни учителя по романамъ, какъ это ни неожиданно для реалиста. Про него и Зайцева *Современникъ* писалъ: «въ видѣ Базарова они получаютъ желанный реалистическій талисманъ и ключъ къ скорому, почти механическому рѣшенію всѣхъ вопросовъ».

Писаревъ пространно возражалъ противъ своей идейной зависимости отъ Базарова, но насчетъ механизма умолчалъ: будто рѣшать всѣ вопросы именно такъ и слѣдовало [26]). Такъ они дѣйствительно и рѣшались всюду, гдѣ Писаревъ отступалъ отъ рѣшеній своихъ учителей, и въ легкости и простотѣ рѣшенія заключалась большая доля увлекательности писаревскихъ статей

---

[25]) *Кукольная трагедія съ букетомъ гражданской скорби*. IV, 194—5.
[26]) *Посмотримъ!* V, 161—2.

для молодежи. Она, конечно, должна была восторженно привѣтствовать вѣру въ ея силы, таланты, честныя стремленія, съ горячимъ сочувствіемъ встрѣчать непрерывно звучавшій кличъ: *впередъ!* Но все это не создало бы Писареву столь громкой славы. Она выпадаетъ на долю только созидателямъ, чистые отрицатели способны вызвать мимолетный эффектъ, привести публику въ изумленіе и потонуть въ рѣкѣ забвенія. Писаревъ не изъ ихъ числа: онъ всю жизнь усиливался разрушеніе соединить съ творчествомъ, на расчищенной почвѣ возвести новое зданіе.

Но усилія не могли привести къ прочнымъ результатамъ. У строителя не было ни соотвѣтственнаго матеріала, ни обдуманнаго плана, ни строительскихъ способностей. Онъ зналъ очень мало, думалъ крайне поверхностно, составлялъ заключенія въ высшей степени опрометчиво, и вся культурная первобытность русской публики какъ нельзя яснѣе обнаружилась именно въ успѣхахъ писаревской литературной дѣятельности. Онъ самъ приходилъ въ изумленіе отъ малой требовательности своихъ читателей, по поводу своей много нашумѣвшей статьи *Схоластика XIX-го вѣка*. Онъ могъ бы свое изумленіе съ еще большимъ правомъ распространить, на свои знаменательнѣйшія произведенія: *Реалисты*, *Пушкинъ и Бѣлинскій*, *Разрушеніе эстетики*. Неожиданность и легкость успѣха, несомнѣнно, сильно отразились на превращеніи Писарева изъ сравнительно скромнаго библіографа въ торжествующаго пророка, изъ эпикурейца-эстетика въ неотразимую «мыслящую личность». Это превращеніе, въ свою очередь, явилось первоисточникомъ главнѣйшихъ отрицательныхъ явленій, подорвавшихъ развитіе и распространеніе идей Чернышевскаго и Добролюбова и вписавшихъ въ исторію шестидесятыхъ годовъ рядъ не литературныхъ, не идейныхъ страницъ.

Ив. Ивановъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ПАМЯТИ АДАМА МИЦКЕВИЧА.

(1798—1898).

(Изъ стихотворенія, читаннаго авторомъ въ общемъ собраніи членовъ Кіевскаго Литературно-Артистическаго Общества, посвященномъ чествованію памяти поэта).

Не намъ твои безсмертныя творенья
И дивный геній твой хвалой вѣнчать:
Мы можемъ лишь въ нѣмомъ благоговѣньѣ
Твой величавый образъ вспоминать.

Намъ дороги священные завѣты
Поэзіи высокой и святой.
Ея могучимъ пламенемъ согрѣты
Мы ясно слышимъ вѣщій голосъ твой.

Единымъ сердцемъ, духомъ и устами,
Поляки-братья, вмѣстѣ мы почтимъ
Того, чья тѣнь всегда живетъ межъ нами
Воспоминаньемъ вѣчно дорогимъ!..

За все: за вдохновенныя творенья,
Гдѣ блещетъ лишь поэзія одна,
За тѣ отравленныя пѣснопѣнья,
Въ которыхъ скорбь о родинѣ видна,—

Великій сынъ родного намъ народа,
Родной и намъ, славянскій нашъ поэтъ,
Въ края, гдѣ вѣковѣчная свобода,
Гдѣ ты теперь, мы шлемъ тебѣ привѣтъ!

П. Глокке.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Къ характеристикѣ истекшаго года.—Выдающіеся юбилеи; потери русскаго искусства; выдающіяся вещи въ беллетристикѣ; затишье въ публицистикѣ.—Полное собраніе произведеній г-жи Микуличъ: «Мимочка», «Зарницы», «Черемуха».—Народный художникъ, «Иванъ Ѳедоровичъ Горбуновъ», А. Ѳ. Кони.—Письмо въ редакцію по поводу замѣтки о брошюрѣ о. Блинова.

Тихо, но далеко не незамѣтно канулъ въ вѣчность прошлый годъ въ литературѣ.

Его можно бы назвать годомъ юбилеевъ и поминокъ.

Пятидесятилѣтіе смерти Бѣлинскаго вызвало общее и горячее чувство любви и благодарности къ памяти незабвеннаго русскаго критика, столько сдѣлавшаго для развитія русской литературы и общественнаго сознанія. Чествованіе памяти Бѣлинскаго было тѣмъ рѣдкимъ моментомъ, когда всѣ разногласія и партійные раздоры умолкли и литература въ дѣйствительности осуществила свое призваніе быть выразительницей лучшихъ стремленій своего народа и времени. Это единеніе всѣхъ вокругъ славнаго имени *перваго* русскаго литератора, который съ страстной любовью говорилъ о своей дѣятельности: «Я—литераторъ, говорю это съ болѣзненнымъ и вмѣстѣ радостнымъ и гордымъ убѣжденіемъ. Литературѣ рассейской моя жизнь и моя кровь»—явилось лучшимъ вѣнкомъ, возложеннымъ отъ имени *всей* «литературы рассейской» на могилу Бѣлинскаго. И даже одинокій голосъ, злобной инсинуаціей противъ покойнаго нарушившій общую гармонію дней Бѣлинскаго, только подчеркнулъ значеніе послѣдняго, у могилы котораго нѣтъ мѣста литературнымъ «опричникамъ»... Свѣтлое чествованіе Бѣлинскаго явилось какъ бы подготовленіемъ къ еще болѣе свѣтлому торжеству, которое предстоитъ въ наступающемъ году,—къ празднованію столѣтія рожденія Пушкина, при одномъ имени котораго свѣтлѣе становится на душѣ, и на ряду съ чувствомъ чистѣйшей народной гордости—вступаетъ въ сердце надежда на лучшее будущее для народа, создавшаго подобнаго генія...

Тепло и дружно было встрѣчено 70-лѣтіе величайшаго изъ живущихъ не только русскихъ художниковъ слова, Льва Толстого, сдѣлавшаго русскую литературу всемірнымъ достояніемъ. Общей симпатіей и почтеніемъ было встрѣчено празднованіе столѣтія Мицкевича, самаго близкаго русской литературѣ и болѣе всѣхъ другихъ извѣстнаго въ ней польскаго поэта. Рядъ статей, біографическихъ замѣтокъ и критическихъ разборовъ его произведеній, которыми текущая печать почтила память творца польской литературы, оживили лучшія чувства примиренія и взаимнаго уваженія, столь желательныя для сближенія двухъ родственныхъ народовъ.

На ряду съ этими высокими и свѣтлыми моментами, оживившими въ литературѣ духъ бодрости, человѣчности и чистыхъ упованій, приходится отмѣтить и печальныя утраты, понесенныя литературой и искусствомъ въ истекшемъ году. Умеръ Полонскій, «сей остальной изъ стаи славной» поэтовъ ближайшаго къ Пушкину періода, искреннѣйшій лирикъ, «поэтъ задушевнаго чувства», по мѣткому опредѣленію г. Влад. Соловьева. Умерли Шишкинъ и Ярошенко—

два художника, имена которыхъ неразрывно связаны съ расцвѣтомъ русской живописи. Одинъ изобразилъ въ краскахъ всю глубину поэзіи русскаго лѣса, другой далъ рядъ замѣчательнѣйшихъ образцовъ русскаго жанра. Посмертная выставка Ярошенки, на которой собрано все лучшее, созданное его кистью, показала, какую огромную художественную силу потеряло въ немъ русское искусство. Онъ былъ «художникъ-гражданинъ», какъ вѣрно опредѣлено его значеніе въ одномъ изъ некрологовъ, въ такихъ картинахъ, каковы его «Всюду жизнь», «Курсистка», «Кочегаръ», «Причины неизвѣстны», «Старое и молодое», въ своихъ замѣчательныхъ портретахъ—Толстого, Михайловскаго, Гл. Успенскаго. Салтыкова. Но, въ то же время, это былъ несомнѣнно художникъ-поэтъ, чуткій къ красотѣ природы, какъ показываютъ его картины Кавказа и восточные этюды, и тонкій наблюдатель, съ чисто русскимъ юморомъ, который такъ много освѣщаетъ его жанръ, въ родѣ «Сельскаго хора», и его этюды.

Художественная литература истекшаго года не отличалась ни богатствомъ, ни разнообразіемъ. Появленіе собранія произведеній г. Максима Горькаго обратило общее вниманіе на его оригинальный и свѣжій талантъ и вызвало нѣкоторое оживленіе въ критикѣ. Второе изданіе сочиненій Петропавловскаго-Каронина напомнило объ этомъ такъ безвременно погибшемъ писателѣ, чистѣйшемъ и благороднѣйшемъ представителѣ прежняго народничества. Изъ новыхъ произведеній нельзя не вспомнить прекрасныхъ разсказовъ г. Чехова, глубокихъ по затронутымъ въ нихъ вопросамъ, проникнутыхъ хватающей за сердцѣ печалью, и аллегорической сказки г. Короленко «Необходимость», въ которой авторъ ставитъ въ художественной формѣ вѣковѣчный вопросъ о свободѣ воли.

Небывалое оживленіе въ эстетической критикѣ вызвалъ трудъ Л. Н. Толстого «Объ искусствѣ», интересный, главнымъ образомъ, для характеристики взглядовъ и настроенія великаго писателя. При всѣхъ преувеличеніяхъ и парадоксальности мнѣній автора, въ этомъ трудѣ много вѣрныхъ, хотя далеко не новыхъ положеній, повтореніе и популяризація которыхъ болѣе чѣмъ желательны именно теперь, когда новое въ искусствѣ является у насъ въ уродливой формѣ доморощеннаго декадентства г.г. Минскихъ и Мережковскихъ. Выразителемъ его въ литературѣ выступилъ новый журналъ «Міръ искусства», руководимый какимъ то г. Дягилевымъ, пока еще ничѣмъ не заявившимъ себя въ искусствѣ. Свое эстетическое credo г. Дягилевъ выразилъ въ передовой статьѣ журнала въ слѣдующихъ, въ равной степени смѣлыхъ и оригинальныхъ положеніяхъ: «Упадокъ послѣ расцвѣта, безсиліе послѣ силы, безвѣріе послѣ вѣры—вотъ сущность нашего жалкаго прозябанія». Въ томъ же номерѣ г. Мережковскій характеризуетъ Полонскаго именемъ «пыльнаго поэта», у котораго «въ старомъ, темномъ, точно пыльномъ лицѣ были дѣтскіе глаза, свѣтлые и холодные, какъ воды лѣсного родника, осѣненнаго дремучими вѣтвями, прозрачно-зеленаго, спящаго, котораго взоръ человѣческій никогда не видѣлъ и въ которомъ обитаетъ волшебный духъ»,—и котораго удостоился видѣть, должно быть, г. Мережковскій.

Въ театральномъ мірѣ постановка на сценѣ двухъ столичныхъ театровъ драмы гр. А. Толстого «Царь Θеодоръ Іоанновичъ» явилась цѣлымъ событьемъ. Давно уже театръ не видалъ такой массы разнообразнѣйшей публики, какъ во время представленій этого замѣчательнаго произведенія. Несмотря на массу недочетовъ въ постановкѣ самой пьесы на сценѣ «Литературно-артистическаго кружка» въ Петербургѣ, драма привлекаетъ общее вниманіе центральной фигурой царя Θедора, превосходно выдержанной въ пьесѣ Толстого и не менѣе хорошо олицетворенной талантливымъ артистомъ г. Орленевымъ, съумѣвшимъ удивительно вѣрно понять и представить задуманный авторомъ типъ слабовольнаго, кроткаго и дѣтски-простодушнаго человѣка, которому по волѣ судьбы пришлось носить вѣнецъ и бармы Мономаха. Царь Θедоръ, о которомъ исторія знаетъ одно, что онъ былъ «скорбенъ главою», идеализированъ

Толстымъ, но отъ этой идеализаціи только выигрываетъ художественный интересъ типа.

Отъ изящной литературы и міра искусства обращаясь къ наукѣ и публицистикѣ, приходится отмѣтить глубокое затишье. Какъ будто всѣ вопросы, общественные и научные, изчезли, и вмѣсто недавняго еще оживленія въ этой области господствовала весь годъ глухая тишина, ненарушаемая никѣмъ и ничѣмъ. Можетъ быть, это затишье является слѣдствіемъ раздумья, вызваннаго многими вопросами, еще недавно волновавшими общественную мысль, и тогда можно ожидать въ недалекомъ будущемъ новаго оживленія въ этой области. Но пока мы должны ограничиться только констатированіемъ факта.

Таковы болѣе выдающіеся итоги прошлаго года, который вспоминается нами безъ особаго сожалѣнія, но и безъ горечи, какъ будничный день, полный обыденныхъ заботъ и обычной работы..

Немногимъ изъ нашихъ «маститыхъ» беллетристовъ такъ посчастливилось съ самаго начала, какъ г-жѣ Микуличъ. Конечно, по времени своей писательской дѣятельности она еще не перешла въ разрядъ маститыхъ, но ее прямо таки ставили на ряду съ Тургеневымъ. Первое произведеніе ея «Мимочка» вызвала общее хваленіе—«и дилетантъ, и критикъ хладнокровный ея искусство и талантъ почтили данью ровной».

Имѣя теперь полное собраніе произведеній г-жи Микуличъ, вышедшее въ концѣ прошлаго года, невольно провѣряешь первое впечатлѣніе, и—странное дѣло—получается далеко не отвѣчающій ему выводъ.

Послѣ «Мимочки», на сравнительно долгомъ промежуткѣ явились двѣ повѣсти «Зарницы» и «Черемуха» и два небольшихъ очерка «Новенькая» и «Студентъ», и всѣ эти вещи производятъ впечатлѣніе чего-то стараго, хорошо знакомаго, что мы не разъ слыхали «когда-то, только не помнимъ когда». Все время чувствуешь себя въ атмосферѣ чистенькой, хотя и увядшей комнаты стараго барскаго дома, какія сохранились еще въ затерянныхъ, въ сторонѣ отъ большой дороги, глухихъ углахъ. Жизнь, нѣкогда кипѣвшая здѣсь, постепенно затихала, незамѣтно чахла и увядала, получая трогательный оттѣнокъ недопѣтой пѣсни, невысказанной грусти, несбывшихся надеждъ. На окнахъ стоятъ попрежнему чистенькіе горшечки съ подчищенными цвѣточками, потемнѣвшія занавѣси смягчаютъ рѣзкость лучей неугомоннаго солнца, пытающагося заглянуть въ глубину комнаты, гдѣ въ старинномъ-старинномъ креслѣ сидитъ сама хозяйка въ полудремотѣ, съ какимъ-нибудь изящнымъ вязаньемъ, окруженная всякими бездѣлками, воспоминаніями прежнихъ дней.

Изрѣдка посѣтить такой уютный уголокъ—тихій пріютъ, затерявшійся вдали отъ жизни съ ея бурями, страданьями и радостями,—бываетъ пріятно и успокоительно дѣйствуетъ на душу. Но долго пробыть здѣсь тоскливо и скучно, и всей душой устремишься на улицу, гдѣ и дождь, и слякоть, и прохожіе толкаются, но чувствуется жизнь, движеніе, вздохи могучаго общественнаго организма. Пусть дождь заставляетъ плотнѣе кутаться въ пальто, вѣтеръ — крѣпче нахлобучить шляпу на лобъ, здоровьемъ и силой повѣетъ на васъ отъ общей сутолоки и еще ярче представится контрастъ шумной жизни съ тихой старой комнатой, съ ея увядшей обстановкой и мертвыми воспоминаніями.

Если послѣ «Мимочки» читать подъ рядъ остальныя произведенія г-жи Микуличъ, именно такое впечатлѣніе производитъ ея однотонный, растянутый разсказъ, однообразный, поразительно бѣдный содержаніемъ. У г-жи Микуличъ есть талантъ формы, но какъ у птички бываетъ не больше двухъ-трехъ нотъ, которыя она постоянно повторяетъ, что и дѣлаетъ пѣніе большинства ихъ такимъ монотоннымъ, такъ и у г-жи Микуличъ неизмѣнно повторяются однѣ

и тѣ же нотки, которыя она не безъ искусства варьируетъ на разные лады. Нотки эти — тѣ неопредѣлившіяся еще, смутныя грезы, которыя составляютъ содержаніе только что начинающей жить юной дѣвушки. Въ обрисовкѣ этой поры жизни г-жа Микуличъ проявила дѣйствительно художественность и пониманіе, но дальше она не пошла, и всякая ея попытка захватить жизнь пошире и глубже кончается плачевнѣйшимъ фіаско.

Въ первомъ своемъ произведеніи «Мимочка» она высказала все, что у нея было, проявила цѣликомъ весь свой писательскій багажъ и въ остальныхъ только повторяетъ мотивы «Мимочки». Всѣ ея героини тѣ же «Мимочки», надъ пустенькой душонкой которыхъ г-жа Микуличъ оперируетъ съ большимъ искусствомъ, тщательно отдѣлывая ихъ такую несложную, маленькую и одноцвѣтную психологію. Мимочка при своемъ появленіи привлекла общее вниманіе, и это вполнѣ понятно, такъ какъ нарисована она цѣльно и ярко, насколько можетъ быть ярокъ такой несложный типикъ женскаго рода. Во всякомъ случаѣ это было живое произведеніе, хотя въ концѣ концовъ авторъ и тутъ проявилъ свой основной недостатокъ. Конецъ «Мимочки» изъ рукъ вонъ плохъ, именно потому, что г-жа Микуличъ попыталась поглубже заглянуть въ свою «Мимочку», вскрыть въ ней такія человѣческія черты, которыя недоступны самому автору, непонятны и недостаточно знакомы ему. «Мимочка», сгорающая отъ всеохватывающей страсти, «Мимочка», отравляющаяся отъ глубокой нераздѣленной любви, которая даже и ее, эту куклу, могла бы преобразить въ человѣка, это такой человѣческій типъ, который совершенно не по плечу художественнымъ дарованіямъ г-жи Микуличъ. И потому конецъ этого единственнаго хорошаго и оригинальнаго произведенія г-жи Микуличъ также болѣзненно рѣжетъ слухъ, какъ если бы къ пустенькому, но изящному штраусовскому вальсу приставили конецъ вагнеровскаго «Зигфрида», да еще исполненнаго неумѣлой и робкой рукой.

Въ первыхъ двухъ частяхъ—«Мимочка-невѣста» и «Мимочка на водахъ» авторъ вполнѣ въ своей сферѣ, и куколка героиня выступаетъ, какъ живая, со всѣмъ антуражемъ подходящей для нея жизни. Даже то, что г-жа Микуличъ стоитъ цѣликомъ на уровнѣ изображаемой ею жизни, только усиливаетъ впечатлѣніе. Правда, мѣстами авторъ дѣлаетъ робкія попытки подняться надъ своей героиней, взглянуть на нее свысока и даже читаетъ ей мораль. Такъ, описывая переходъ Мимочки къ брачному алтарю, авторъ неожиданно задается вопросомъ: «Что же можетъ предстоять въ жизни бѣдной дѣвушкѣ девятнадцати лѣтъ?»—и пытается иронизировать надъ своей Мимочкой: «Выйти замужъ за такого же бѣдняка, какъ она, предположимъ, за человѣка молодого, честнаго, энергичнаго и любящаго, достойнаго любви и уваженія, но не владѣющаго ни домами, ни помѣстьями, ни акціями, ни облигаціями, не имѣющаго другихъ источниковъ дохода, кромѣ своего труда... Полюбить этого человѣка, сдѣлаться его женой, другомъ и помощницей, склонить свою хорошенькую головку на его плечо, довѣрчиво опереться нѣжной ручкой на его сильную руку и идти съ нимъ по неизмѣнному пути, освѣщая и согрѣвая ему путь этотъ своею любовью и ласками...? Принести въ скромный уголокъ труженика свою красоту, молодость и грацію, забыть себя въ заботахъ о своемъ избранникѣ и, въ свою очередь, сдѣлаться смысломъ, заботой и наградой чужой жизни?...» Къ счастью, такія попытки автора немногочисленны, хотя сами по себѣ, какъ можно видѣть изъ этого отрывка, весьма характерны для самого автора. Художественное чутье воздерживаетъ его отъ лишняго морализированія, тѣмъ болѣе неумѣстнаго, что на всемъ протяженіи исторіи Мимочки мы находимся въ области примитивныхъ житейско-нравственныхъ отношеній, настолько простыхъ и несложныхъ, что всякое поясненіе ихъ отъ имени автора клиномъ вдается въ нарисованную имъ картину. Все достоинство такого рода жанровой живописи

заключается въ отсутствіи подчеркиваній, которыя, ничего не внося новаго, только расхолаживаютъ впечатлѣніе, и безъ того не слишкомъ сильное. И напрасно г-жа Микуличъ думаетъ, что ея Мимочку-невѣсту можно жалѣть или печалиться надъ нею, когда въ заключеніе первой части повѣсти вдругъ разражается патетическимъ возгласомъ: «Но знаете ли вы, куда вы грядете, бѣдная голубица? Подумайте, Мимочка, не остановитесь ли, пока еще не поздно?»—и заканчиваетъ картину свадьбы Мимочки замѣчаніемъ изъ «Анны Карениной»: «Экая милочка, невѣста-то, какъ овечка убранная! А какъ ни говорите, жалко нашу сестру!»

Такія неудачныя à parts со стороны г-жи Микуличъ, въ которыхъ она разсуждаетъ вмѣсто того, чтобы живописать, головой выдаютъ несложную философію автора. Создавъ дѣйствительно живую и типичную фигурку женщины-куколки, авторъ совершенно не понимаетъ своей героини, которая представляется ему гораздо выше и глубже, чѣмъ она есть на дѣлѣ, и обращается къ ней съ запросами, какъ къ человѣку, который могъ быть отвѣтственнымъ за свои поступки. Показавъ свою Мимочку во всемъ отблескѣ во второй части—«Мимочка на водахъ», написанной лучше всего, что только написала г-жа Микуличъ,—она заставляетъ Мимочку вдругъ отравиться, потому что одинъ изъ многочисленныхъ объектовъ ея бездѣльной любви бросаетъ ее и женится. Эта третья часть—«Мимочка отравилась» написана такъ слабо и нехудожественно, что просто не вѣрится—одинъ ли авторъ писалъ двѣ первыхъ части и эту третью? Милое и безпретенціозное щебетанье превращается вдругъ въ жалкую траги-комедію, гдѣ фигурируютъ и трагическій французъ-учитель, и яко-бы современная дѣвица съ высшимъ образованіемъ, и тому подобный, неизвѣстно зачѣмъ приплетенный вздоръ съ оттѣнкомъ общественной мысли. Вплетенная въ конецъ Мимочки исторія дѣвицы съ высшимъ образованіемъ имѣетъ, повидимому, особое значеніе. Авторъ какъ бы хотѣлъ дать другую Мимочку, но только наоборотъ. Какъ Мимочка вся состоитъ изъ однихъ примитивно животныхъ инстинктовъ, такъ дѣвица съ высшимъ образованіемъ, которая «усердно занималась исторіей философіи, училась кройкѣ и шитью, поступила на кухонные курсы»,—лишена сердца и души и представляетъ чистѣйшую эгоистку, въ этомъ отношеніи ни мало не уступающую Мимочкѣ.

Г-жа Микуличъ жалостно относится къ обѣимъ, ибо въ ея кроткой душѣ живетъ образъ неземного созданія, которому посвящены всѣ ея симпатіи и остальныя ея произведенія. Въ «Зарницахъ», цѣлой повѣсти, добрыхъ десяти печатныхъ листовъ, авторъ все время щебечетъ про юность и весну. Вся повѣсть написана на мотивъ толстовскаго романса «То было раннею весной». Мотивъ—прелестный, спору нѣтъ, но, растянутый на десять листовъ убористой печати, онъ можетъ набить оскомину любому цѣнителю вешнихъ грёзъ. Авторъ все время топчется на одномъ мѣстѣ, на всѣ лады варьируя свое «то было раннею весной». Содержанія въ повѣсти нѣтъ, а лишь до тошноты растянутое, вылизанное. вылощенное, всячески обсмакованное настроеніе юной дѣвушки, которая чуть-чуть было не влюбилась въ нѣкоего интереснаго вдовца, имѣющаго дочь въ возрастѣ героини. Въ повѣсти длиннѣйшія описанія пикниковъ, игры въ крокетъ, прогулокъ, поѣздокъ по Швейцаріи и прочаго, яко-бы поэтическаго, вздора—чередуются съ размышленіями юной возрастомъ, но душой и опытомъ весьма зрѣлой дѣвицы. Повѣсть написана отъ перваго лица,—пріемъ, вообще, нехудожественный и по силамъ только первокласснымъ художникамъ, а въ данномъ случаѣ неудачный тѣмъ болѣе, что болтливость г-жи Микуличъ безгранична. По поводу и безъ повода героиня выписываетъ длиннѣйшія тирады, великія и малыя истины, стихи и прозу, словомъ все, что подвернулось подъ перо. Ѣдетъ, напр., героиня въ поѣздѣ по широкой степи и видитъ богомолокъ. Сейчасъ въ ея неутомимой душѣ готова страничка для дневника: «Куда они

бредутъ эти старики, старухи, дѣвушки, съ котомками за плечами, съ посохомъ въ рукахъ?.. Въ Воронежъ, въ Кіевъ, въ Соловки, къ Тройцѣ?.. «Много крестьянъ въ лаптяхъ ходятъ, по міру бродятъ, правды ищутъ», говоритъ Тургеневскій Касьянъ съ Красивой-Мечи. Правды и справедливости,—вотъ чего жаждетъ русская душа, широкая, какъ степь, русская душа, въ которой нравственные принципы и убѣжденія носятся по волѣ вѣтра, какъ перекати поле, въ которой свободно, какъ въ степи бурьянъ и репейникъ, разростается всякая дрянь и гадость. Какъ сказочная Жаръ-Птица, гдѣ-то горитъ, сіяетъ эта правда; и не одинъ Иванъ-дуракъ хранитъ, можетъ быть, въ грязной тряпицѣ свѣтлое перо сказачной птицы съ вѣрой въ ея существованіе. Какъ жаръ горятъ идеалы русской души. И въ безконечной степи мнѣ мерещатся величавые и простые русскіе типы: пахарь съ плугомъ, самъ Микула Селяниновичъ, инокъ съ крестомъ, богатырь на конѣ, русская женщина, стойкая, сильная, правдивая»...

Кстати, по поводу русской женщины. Одна изъ подругъ героины выходитъ замужъ, и героиня заноситъ въ дневникъ слѣдующее размышленіе по женскому вопросу: «Терпи, женщина. Долготерпѣливый лучше храбраго и владѣющій собой лучше завоевателя города, говоритъ Соломонъ. Конечно, много вытерпѣть и выстрадать должно быть хорошо и полезно. Какъ-то наша Лиза освоится со своей новой жизнью?.. Помоги ей Богъ!.. Хоть бы мужъ любилъ ее!.. Только, кажется, они (мужья) насъ никогда не любятъ. Они или любуются нами, нашей наружностью, нашими кофточками, романсами, развлекаются нашими шутками, нашей веселостью и дарованьицами,—или пользуются нами, когда мы подъ рукой... Вѣдь и то, и другое—не любовь... Какъ хорошо было бы, если бы мужья любили своихъ женъ!.. Я думаю, что если есть мужъ, который любитъ и жалѣетъ свою жену, знаетъ и любитъ ея душу и чтитъ въ ней человѣка, то такой мужъ гораздо больше дѣлаетъ для всѣхъ женщинъ, чѣмъ всѣ тѣ, что говорятъ и хлопочутъ о правахъ женщины. Что эти права?» Для героинь г-жи Микуличъ это несомнѣнно такъ,—къ чему имъ права? Да и о какихъ правахъ могутъ онѣ разсуждать—эти куколки, съ птичьими чувствами и птичьими мозгами.

Эти два образчика авторской философіи достаточно характерны, чтобы не приводить другихъ. А ими пестрятъ «Зарницы», и нельзя сказать, чтобы они очень освѣщали эту архи-скучную вещь. Того же типа и «Черемуха», которую съ неменьшимъ правомъ можно бы назвать «Сирень» и «Береза», имѣющія такое же отношеніе къ разсказу, какъ и черемуха. Опять фигурируетъ на сценѣ юная душа, на этотъ разъ выходящая замужъ, хотя и не дающая себѣ отчета, зачѣмъ же она это дѣлаетъ. Г-жа Микуличъ, вообще, мрачно смотритъ на бракъ и находитъ, что всѣ мужчины—большіе эгоисты и «измѣнщики», и потому предпочитаетъ выдавать замужъ своихъ героинь безъ достаточнаго къ тому основанія,—все нѣкій предлогъ для снисхожденія. «Черемуха» самое нелѣпое изъ произведеній г-жи Мукуличъ, въ которомъ наворочено всего понемножку—и клиника, и лавра, и опера, и Баттистини, и мистическія увлеченія, и амурныя развлеченія, а въ общемъ получается исторія дѣвицы Маши, которая увлекалась набожностью, мечтала о спасеніи души и служеньи бѣднымъ, какъ вдругъ взяла да и вышла замужъ.

Остальныя произведенія г-жи Микуличъ—«Новенькая», разсказъ изъ институтской жизни въ младшихъ классахъ, и «Студентъ»—разсказъ изъ той же жизни въ старшихъ классахъ—имѣютъ, навѣрное, интересъ для бывшихъ воспитанницъ этого почтеннаго заведенія. Что же касается обыкновеннаго читателя, то едва ли кого заинтересуютъ цѣлыя страницы о томъ, какъ классъ присѣдаетъ и хоромъ выкрикиваетъ: «Bonjour, m-eur Kozloff» или «Gutenmorgen, Herr Kozloff». Преобладающее въ разсказѣ описаніе внѣшняго быта и всякихъ

пустячковъ, изъ которыхъ слагается эта жизнь, лишаетъ эти вещи какого-бы то ни было художественнаго значенія, и мы упомянули о нихъ для полноты писательской физіономіи г-жи Микуличъ.

Невыгодно бываетъ для нѣкоторыхъ издавать полное собраніе своихъ сочиненій, въ которомъ вся цѣликомъ выступаетъ личность автора. Это бываетъ съ тѣми писателями, которые, владѣя несомнѣннымъ талантомъ формы, бѣдны внутреннимъ содержаніемъ. Они сразу высказываются въ какомъ-либо одномъ произведеніи, и затѣмъ только повторяютъ самихъ себя. поднося публикѣ одно и тоже «подогрѣтое блюдо» подъ различнымъ соусомъ. Ихъ читаютъ безъ увлеченья и разстаются безъ сожалѣнія. Три тома или тридцать томовъ выпуститъ такой писатель, дѣло отъ этого не мѣняется,—въ любомъ изъ этихъ томовъ вы имѣете всего писателя, хотя бы онъ принимался и за различныя темы. Про г-жу Микуличъ даже послѣдняго нельзя сказать, потому что тема у нея всегда одна: исторія юной женской души. Тема и безъ того неособенно богатая, а въ произведеніяхъ г-жи Микуличъ она сведена къ птичьему существованьицу, къ птичьей философіи и птичьимъ интересамъ.

Послушать птичьяго щебетенья можно иногда не безъ удовольствія, но въ большомъ количествѣ такой птичій щебетъ прямо невыносимъ, и одолѣть заразъ три томика щебетанья г-жи Микуличъ—трудъ нелегкій и неблагодарный. Тѣмъ больше, что это трудъ въ тоже время и безполезный. Ни одной новой черточки въ женской душѣ авторъ не откроетъ читателю; талантъ его чисто внѣшній: авторъ улавливаетъ мелкія внѣшнія черточки, изъ которыхъ и можетъ составить небезъинтересную жанровую картинку, въ родѣ «Мимочки на водахъ».

Кому незнакомо имя Горбунова, какъ талантливаго разсказчика сценъ изъ народнаго быта, непремѣннаго гостя всякихъ юбилейныхъ торжествъ, гдѣ его генералъ Дитятинъ считалъ пріятнѣйшимъ долгомъ сказать всегда и свое вѣское слово? Но едва ли многіе знаютъ, что въ лицѣ Горбунова русское искусство потеряло одного изъ выдающихся художниковъ, котораго А. Ѳ. Кони справедливо называетъ настоящимъ народнымъ художникомъ. Въ превосходной статьѣ, напечатанной въ послѣднихъ книжкахъ «Вѣстника Европы», г. Кони далъ мастерски написанный портретъ Горбунова и художественную оцѣнку этого замѣчательнаго и далеко не вполнѣ оцѣненнаго художника слова. Для многихъ эта характеристика явится своего рода откровеніемъ. Такова уже судьба большинства литературныхъ работъ г. Кони, который обладаетъ особымъ талантомъ дѣлать открытія. Напомнимъ хотя бы его работу о докторѣ Гаазѣ, котораго онъ какъ бы воскресилъ, представивъ удивительную личность святого доктора, забытаго неблагодарнымъ потомствомъ и вновь воскресшаго въ прекрасной книгѣ г. Кони.

«Имя артиста переживаетъ его дѣла», говоритъ г. Кони, тогда какъ въ другихъ областяхъ искусства дѣла остаются и нерѣдко переживаютъ имя. Многіе изъ разсказовъ Горбунова, положимъ, напечатаны, но оригинальная форма исполненія, непередаваемый юморъ и масса дополненій, которыя дѣлалъ самъ артистъ, все это грозитъ кануть въ «пропасть забвенія». Авторъ пытается возстановить возможно полнѣе образъ артиста-художника, искусно группируя его праизведенія и дополняя многое по личнымъ воспоминаніямъ. Получается въ цѣломъ выпукло и живо, съ любовью написанная оригинальнѣйшая личность Горбунова, въ которомъ г. Кони раскрываетъ читателю не простого «забавника», потѣшавшаго толпу, а большого и самобытнаго художника, создавшаго совсѣмъ особый жанръ искусства, къ сожалѣнію, опошленный впослѣдствіи неудачными подражателями-ремесленниками.

Горбуновъ былъ несомнѣннымъ художникомъ. «Онъ вносилъ въ свои про-

изведенія самого себя, онъ чувствовался въ нихъ», и умѣлъ передать зрителямъ или слушателямъ свое чувство, «заразить ихъ своими настроеніями, а это и есть отличительная особенность искусства». Несмотря на поразительную жизненность изображеній въ сценахъ и разсказахъ Горбунова, дающую имъ вполнѣ объективный характеръ, онъ постоянно чувствуется въ нихъ, не равнодушный и спокойный, а съ чутко настроенной душой, умѣющей переживать то, что онъ изображаетъ... «Оттого его разсказы возбуждаютъ не одинъ смѣхъ, не одно удивленіе предъ его наблюдательностью. Они приводятъ къ невольному, но неизбѣжному выводу нравственнаго или общественнаго характера. Изъ интереснѣйшаго въ бытовомъ отношеніи содержанія ихъ звучитъ его отношеніе къ добрымъ и темнымъ, печальнымъ и примирительнымъ сторонамъ нашего народнаго быта и къ отдѣльнымъ явленіямъ общественной жизни». Схватывая характерныя черты народнаго міросозерцанія и народнаго отношенія къ различнымъ явленіямъ, Горбуновъ былъ настоящимъ народнымъ художникомъ въ лучшемъ значеніи этого слова. «Онъ былъ нравописатель, но не льстецъ своихъ слушателей, не слуга ихъ преходящихъ и измѣнчивыхъ вкусовъ, не соискатель дешеваго успѣха дешевыми и не всегда опрятными средствами. Его своеобразные, подчасъ возбуждавшіе неудержимый смѣхъ, разсказы—чужды пошлости и низменнаго характера. Въ нихъ нѣтъ ничего банальнаго, подражательнаго, избитаго. Чуткій художникъ, онъ не изображалъ лицъ и положеній смѣшныхъ лишь съ внѣшней стороны, по формѣ, а не по существу. Поэтому въ его разсказахъ нѣтъ дѣйствующихъ лицъ чужой національности, съ ихъ неправильнымъ и комическимъ выговоромъ русскихъ словъ, съ особенностями ихъ произношенія, съ ихъ жаргономъ,—нѣтъ нѣмцевъ, чухонъ, евреевъ, армянъ,—нѣтъ, словомъ, попытки вызвать грубою насмѣшкою надъ человѣкомъ другого племени смѣхъ, котораго потомъ нерѣдко стыдится человѣкъ развитый и который ничего свѣтлаго не вноситъ въ нравственное построеніе и пониманіе человѣка неразвитаго. При несомнѣнномъ пониженіи уровня вкусовъ общества за послѣдніе годы, этимъ изображеніямъ всегда обезпеченъ успѣхъ, а при средствахъ Горбунова онъ былъ бы громадный. Но онъ ни разу имъ не соблазнился».

Горбуновъ былъ юмористъ чистѣйшей воды, а не анекдотистъ, стремившійся *только* разсмѣшить. «Улыбку и раздумье, видимый смѣхъ и подчасъ невидимую скорбь возбуждаетъ въ немъ, а черезъ него и въ слушателяхъ не *смѣшной случай*, не искусственное сплетеніе комическихъ положеній и неожиданныхъ обстоятельствъ, а, если можно такъ выразиться *кусокъ жизни*, выхваченный изъ дѣйствительности или вѣрнаго ея подобія и показанный съ милымъ и безобиднымъ юморомъ, который искрится и бьетъ черезъ край... Въ лицѣ Горбунова юмористъ, передававшій съ особымъ искусствомъ и правдивостью бытовыя черты изъ книги скорбей и радостей народной жизни, умѣлъ наводить на серьезные вопросы всякаго, кому дорого нравственное развитіе народа, кому народъ интересенъ, а не забавенъ только, какъ предметъ смѣхотворныхъ застольныхъ анекдотовъ».

Народъ, его недуги, страданія, недостатки, его взгляды на просвѣщеніе, его отношенія къ властямъ предержащимъ, семейныя неурядицы, пьянство—все нашло вѣрное и по истинѣ глубокое пониманіе въ сценахъ и разсказахъ Горбунова. Чаще всего въ нихъ фигурируютъ крестьяне, мастеровые, купцы, духовенство, мелкій служилый людъ, каждый со своими особенностями, начиная съ великолѣпно переданнаго языка, чисто-народнаго говора, которымъ Горбуновъ владѣлъ въ совершенствѣ и могъ соперничать съ Островскимъ и Гл. Успенскимъ,—и до глубоко затаенныхъ душевныхъ сторонъ. Онъ беретъ каждаго изъ выводимыхъ героевъ въ его обстановкѣ, которую рисуетъ двумя-тремя смѣло и твердо нанесенными штрихами. Тутъ и цѣлая деревенская улица, глухой уголъ какого-нибудь заштатнаго городка, одинъ видъ котораго можетъ по-

вергнуть впечатлительнаго человѣка въ смертную тоску. Тутъ и дикая замкнутая, отъ всего свѣта отгороженная среда замоскворѣчья, съ мамонто-подобными дворниками и допотопными обитательницами. Тутъ и бойкій питерскій трактиръ, и камера мирового судьи, гдѣ заплетающимся языкомъ ходатай по дѣламъ силится отстоять своего кліента, — и вездѣ предъ нами выступаютъ типичные русскіе люди, въ изображеніи которыхъ сквозь смѣхъ и юморъ проглядываетъ жалость къ нимъ и горечь художника, при видѣ уродливыхъ условій этой несомнѣнной, чисто-русской дѣйствительности.

А поводовъ для этой горечи не обережешься. «Вся-то жизнь наша—слезы,— говоритъ въ приводимомъ авторомъ отрывкѣ старикъ,—родимся мы въ слезахъ и помремъ въ слезахъ... И сколько я этихъ слезъ на своемъ вѣку видѣлъ, и сказать нельзя! Бывало хоть въ некрутчину: и мать-то воетъ, и отецъ-то воетъ, а у жены у некрутиковой изъ глазъ словно смола горячая капаетъ»... Теперь эта «некрутчина» уже исторія, но другія стороны въ народной жизни и нынѣ вызываютъ не менѣе «горючихъ слезъ». Таково, напр., положеніе женщины, тьма, безпробудное пьянство и безотвѣтное и безправное положеніе огромной массы народа. Онѣ, эти стороны, ярко выступаютъ въ горбуновскихъ сценахъ. Страхъ и трепетъ женщинъ захолустныхъ угловъ предъ своими владыками видится во всѣхъ комическихъ сценахъ изъ семейной жизни мѣщанства и купечества. «Тяжкія картины семейной обстановки. говоритъ авторъ,—даже и во снѣ давятъ на мысль обывательницъ. У одной изъ выводимыхъ Горбуновымъ купчихъ «вся душенька изболѣла отъ страннаго сна: будто-бы я матушка, на горѣ, а мужъ-то, Иванъ-то Петровичъ, пьяный-распьяный внизу стоитъ, да на меня эдакъ пальцемъ грозитъ». Не менѣе купчихи жалуется «баба», которой нѣтъ защиты отъ пьянаго и драчливаго мужика. «Другого такого мужика, пожалуй, и на свѣтѣ нѣтъ,—говорятъ про зажиточнаго мужика,—ужъ на что баба, и та отъ него во всю жизнь худого слова не слыхала, а баба наша, извѣстно, на побои рожденная: тамъ какая она ни будь, а ужъ все ей влетитъ, либо съ сердцовъ, либо съ пьяну»...

Царящая на всемъ пространствѣ «Руси великой» тьма превосходно иллюстрируется въ горбуновскихъ сценахъ, гдѣ фигурируетъ «книга», внушающая страхъ однимъ и вызывающая негодованіе другихъ.

«Медленнымъ распространеніемъ образованія и даже грамоты объясняется взглядъ горбуновскихъ дѣйствующихъ лицъ на науку и на природу. Съ презрѣніемъ они относятся къ первой, съ ужасомъ—къ естественнымъ явленіямъ второй. «Хозяйка наша въ баню поѣхала и сейчасъ спрашиваетъ: зачѣмъ народъ собирается? а кучеръ-то, дуракъ и ляпни: затменія небеснаго дожидаются... сырой-то женщинѣ!.. Такъ та и покатилась! домой подъ руки потащили»... «Зашелъ онъ въ трактиръ,—разсказываетъ у Горбунова замоскворѣцкій дѣятель,—и сталъ это свои слова говорить. Теперь, говоритъ, земля вертится, а Иванъ-то Ильичъ какъ свиснетъ его въ ухо!.. Развѣ мы, говоритъ, на вертушкѣ живемъ?..» Хотя «дворянинъ одинъ, въ Калугѣ» и отрицаетъ существованіе лѣшаго, «но много онъ знаетъ—дворянинъ-то», когда «хоть кого спроси» лѣшій есть, да только показывается не всякому, а «кого ежели очення любитъ», и видъ при томъ имѣетъ совершенно опредѣленный:—«одна ноздря у него, а спины нѣтъ»... Этимъ онъ отличается отъ людоѣдовъ-одноглазыхъ, «по чьему закону все можно», которыхъ излюбленные замоскворѣчьемъ странники за окіянъ-рѣкою видѣли, при чемъ этому и «описаніе есть въ книжкахъ»... Впрочемъ, «все можно» не однимъ людоѣдамъ, но почему-то и англичанамъ, которые весь постъ ѣдятъ говядину, потому что «по ихъ вѣрѣ все возможно», ибо они «вѣруютъ въ пѣтуха», о чемъ съ полной увѣренностью заявляетъ въ московскомъ захолустьѣ дворникъ дома, хозяйка котораго, со вздохомъ и усильями истребляя блины на масляной, на заявленіе внука, что онъ сбился

со счета, сколько съѣлъ, авторитетно говоритъ: «грѣхъ, батюшка, считать-то, кушай такъ, во славу Божію». Зато жизнь здѣсь полна вѣщими снами и слышимыми въ ночи «трубными звуками», зато жительницы, отправляясь слушать провозглашеніе «анаѳемы», всхлипывая отъ жалости и умиленія, разсказываютъ, что видѣли, подъ потрясающіе возгласы церковнаго баса, и ее, самую анаѳему, съ сѣденькой бородкою и трясущеюся головою»...

На ряду съ этой несокрушимой силой дикаго невѣжества стоитъ не менѣе несокрушимая вѣра въ силу кулака и готовность къ полному преклоненію предъ нимъ. Виноватъ всегда тотъ, кого бьютъ, и всѣ симпатіи зрителей *всегда* на сторонѣ сильнѣйшаго. Какая-то дѣтски-наивная жестокость проглядываетъ въ горбуновской толпѣ, которая свято вѣруетъ въ «городоваго» и съ полнымъ одобреніемъ и готовностью посодѣйствовать наблюдаетъ за процессомъ «тащить и не пущать». Г. Кони объясняетъ эту вѣру въ незыблемость упрощенныхъ принциповъ «городового» историческими условіями, когда *вся* власть олицетворялась въ этомъ ближайшемъ представителѣ государства. Объясненія его не лишены остроумія, хотя намъ представляется болѣе глубокая основа, положенная Горбуновымъ въ его народныхъ сценахъ. Это—чувство рабства, привитое надолго русскому человѣку,—«рабья душа», вотъ что лежитъ въ глубинѣ того восторга, съ какимъ русская толпа наблюдаетъ любое проявленіе насилія, никогда не разбирая, кто правъ. И Горбуновъ ни въ чемъ, можетъ быть, не проявилъ такъ своего художественнаго таланта, какъ въ изображеніи русскаго сервилизма. Толпа у Горбунова *никогда* не разсуждаетъ и сама взываетъ къ городовому, относится къ его дѣяніямъ съ радостнымъ довѣріемъ и съ какими-то ликованіемъ слѣдитъ за его подвигами. При всемъ комизмѣ этихъ сценъ, заключаетъ авторъ, такое «правосозерцаніе» заставляетъ невольно задуматься.

«Русскій человѣкъ, говоритъ онъ, любитъ вмѣшательство полиціи, призываетъ ее и относится къ ней съ сочувствіемъ не какъ участникъ, но какъ зритель, играя въ составѣ толпы иногда роль хора античной трагедіи.—«Нѣтъ, вы про затменье докажите! вы только народъ въ сумнѣнье приводите», говоритъ кто-то астроному-добровольцу, собравшемуся смотрѣть въ одномъ изъ замоскворѣцкихъ переулковъ на солнечное затменіе—и, не дожидаясь отвѣта, при общемъ сочувствіи, кричитъ: «городовой!»—«Вотъ онъ тебѣ покажетъ затменье!» одобрительно говорятъ въ толпѣ. «Да! нашъ городовой никого не помилуетъ!»—«За такія дѣла не похвалятъ!» Самимъ говорящимъ не ясно, въ чемъ состоитъ дѣло, за которое похвалить нельзя, и за что не помилуетъ городовой. Но ясно и непреложно одно: необходимъ городовой. Онъ разрѣшитъ натянутое положеніе и успокоитъ напряженіе нервовъ. Вотъ и онъ! увѣренный въ себѣ и солидарный съ толпой во взглядахъ на свои задачи. Онъ сразу становится на высоту своего офиціальнаго положенія, и первое его слово, обращенное къ жадно ждущей его толпѣ—«осади назадъ!» Но толпа дорожитъ даровымъ зрѣлищемъ, гдѣ она и зритель, и дѣйствующее лицо вмѣстѣ, она лѣзетъ, напираетъ, спѣшитъ «излить мольбы, признанія, пени...» и ея страстный говоръ постоянно прерывается окриками: «не наваливайте которые...» и «осадите назадъ...»—«Сейчасъ выручитъ!» радостно говорятъ среди окружающихъ.—«Иванъ Павловъ, ты—нашъ тѣлохранитель, выручи...» обращаются къ нему, и онъ выручаетъ, самъ, вѣроятно, не зная—*кого* и изъ чего. Услышавъ выраженіе: «вы тогда поймете, когда въ дискѣ будетъ»,—онъ говоритъ: «почтенный, вы за это отвѣтите».—«За что?»—«А вотъ за это слово ваше нехорошее!»—«Сейчасъ затмится».—«Можетъ и затмится, а вы, господинъ, пожалуйте въ участокъ. Этого дѣла такъ оставить нельзя...»—«Какъ возможно!»—убѣжденно отвѣчаютъ въ толпѣ...»

Судебная реформа, судъ мировой и судъ присяжныхъ нѣсколько поколебали престижъ городового, какъ единаго рѣшителя и вершителя судебъ, въ глазахъ

народа. Въ сценахъ Горбунова проходятъ опять типичные представители новаго общественнаго порядка—и строгій, нѣсколько бьющій на эффектъ предсѣдатель, и безчисленные свидѣтели, каждый съ свойственной ему бытовой физіономіей, и защитникъ, и тотъ же городовой, уже не столь великолѣпный, но не менѣе типичный. Относясь съ благоговѣйнымъ уваженіемъ къ новому суду, Горбуновъ тѣмъ не менѣе «умѣлъ уловить всѣ его особенности, выхватить изъ него рядъ живыхъ и содержательныхъ сценъ, съ чрезвычайной наблюдательностью изобразивъ тѣ комическія положенія, которыя создавались столкновеньемъ между теоретическими предписаніями закона, имѣющими въ виду отвлеченную личность, и живымъ лицомъ, приносившимъ въ судъ всѣ особенности своихъ бытовыхъ и правовыхъ воззрѣній. «Не угодно ли вамъ дать ваше заключенье въ качествѣ эксперта о достоинствѣ шампанскаго, въ продажѣ котораго подъ извѣстною и пользующеюся довѣріемъ чужою иностранною маркою обвиняется подсудимый?»—обращается предсѣдатель къ «свѣдущему человѣку», благообразному старому негоціанту, вызванному въ судъ, какъ опытный знатокъ въ винахъ. «Свѣдущій человѣкъ» истово беретъ бокалъ съ только что откупореннымъ шампанскимъ, прикладывается къ нему губами, вытираетъ ротъ фуляровымъ платкомъ, смотритъ вино на свѣтъ и молчитъ. «Ваше заключеніе?»—«Чего-съ?» «Ваше заключеніе?»—«То есть—это о чемъ же?»—«Соотвѣтствуетъ ли испробованное вами шампанское по своимъ качествамъ вину той марки, подъ названіемъ которой оно пущено въ продажу подсудимымъ?» Негоціантъ снова пробуетъ вино, вытираетъ ротъ и молчитъ. «Какое же ваше заключеніе»? «Мое-съ?»—«Ну да! конечно, ваше»,—нетерпѣливо говоритъ предсѣдатель. Свѣдущій человѣкъ переступаетъ съ ноги на ногу, задумывается, потупляется и вдругъ, поднявъ голову, рѣшительно говоритъ: «Покупатель выпьетъ!»...

Вся обстановка суда встаетъ въ сценахъ Горбунова, какъ живая. Къ слушанью назначено долго откладывавшееся дѣло, за неявкой главнаго свидѣтеля, цехового Прокофьева, который, наконецъ, найденъ и доставленъ въ судъ. Обвиняемыхъ двое, молодые люди, мужчина и женщина. Предсѣдатель, многозначительно обращаясь къ первому, говоритъ: «Подсудимый—студентъ технологическихъ наукъ Сидоровъ, признаете ли себя виновнымъ въ томъ, что 30 февраля сего года, на Лиговкѣ, имѣли съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ и умысломъ, продолжительный разговоръ о предметахъ, суду неизвѣстныхъ?» «Нѣтъ, не признаю!» мрачно отвѣчаетъ тотъ. Предсѣдатель, съ еще большей многозначительностью: «Подсудимая, окончившая курсъ кулинарныхъ предметовъ Иванова, признаете ли себя виновною въ томъ, что въ то самое время, когда Сидоровъ имѣлъ упомянутый разговоръ, вы, тоже съ умысломъ, находились на Гороховой, съ цѣлью покупки себѣ шерстяныхъ чулокъ?» Подсудимая, срываясь съ мѣста, стремительно отвѣчаетъ: «Да! признаю, но я была *въ состояніи аффекта*»... (Иногда Горбуновъ дѣлалъ варіантъ, и подсудимая у него отвѣчала, послѣ нѣкотораго размышленія: «*Въ фактѣ*, да!»). Предсѣдатель торжественно и вмѣстѣ любезно: «Садитесь»! Начинается приводъ къ присягѣ свидѣтелей. Лицо, названное предсѣдателемъ «святымъ отцомъ» и неожиданно для себя застигнутое обязанностью сдѣлать свидѣтелямъ внушеніе, говоритъ довольно сбивчиво, съ внезапными повышеніями голоса и сильно напирая на *б*, и кончаетъ заявленіемъ, что не *токмо* законъ гражданскій, но *даже* и небесный судъ наказываетъ за ложное показаніе. Свидѣтели присягаютъ каждый по своему. Дворникъ размашистымъ жестомъ съ силой ударяетъ себя въ плечи, лобъ и грудь: франтъ поношеннаго вида и неопредѣленныхъ занятій со снисходительной улыбочкой небрежно болтаетъ пальцами надъ подбородкомъ; городовой бляха № 999 смотритъ все время на предсѣдателя, даже и прикладываясь, и потому чуть не попадаетъ мимо... Наступаетъ пауза, свидѣтели мнутся съ ноги на ногу, а затѣмъ предсѣдатель, обращаясь къ судебному приставу, говоритъ взволнованнымъ

голосомъ: «Удалите свидѣтелей!»—многозначительно прибавляя: «останется цеховой Прокофьевъ»... Прокофьевъ стоитъ посреди залы. Всѣ обращаются въ слухъ «Господинъ Прокофьевъ, доложите суду все, что вамъ извѣстно по настоящему дѣлу, или, можетъ быть, вы предпочтете подвергнуть себя перекрестному допросу»? Напряженіе общаго вниманія достигаетъ крайняго предѣла. Прокофьевъ обводитъ сидящихъ предъ нимъ глазами, перебираетъ привычно трясущимися руками борты засаленнаго и порыжѣлаго сюртука, и вдругъ плаксивымъ голосомъ заявляетъ: «Ваше сіятельство, я человѣкъ пьяный»...

Не менѣе художественно изображены Горбуновымъ и другія общественныя учрежденія, занявшія такое большое мѣсто въ русской жизни, какъ земство, дума, акціонерныя и всякія другія промышленныя общества. Всѣ и отрицательныя, и положительныя ихъ стороны выступаютъ съ рельефностью и жизненностью почти до осязательности. Не оставлены безъ вниманія и русское пьянство, и хвастливость, и смиренье, доходящее до уничиженія и приниженности. Получается въ общемъ картина сложная, широкая и глубоко безотрадная, несмотря на весь юморъ разсказчика, его остроумье и неподдѣльное иногда веселье изображаемой сценки. «За яркими вспышками юмора разсказчика слышится и чувствуется печальное раздумье,—и переходъ отъ смѣха къ грусти совершается въ душѣ читателя или слушателя невольно и самъ собой. «Какъ это смѣшно!»—восклицаетъ онъ въ первую минуту. «Какъ это вѣрно, какъ глубоко захвачено!»—говоритъ онъ себѣ затѣмъ... «Но что же это, однако, такое? зачѣмъ же *это* такъ?»—спрашиваетъ онъ себя нерѣдко, когда на фонѣ изображенной художникомъ картины вырисовываются тѣ свойства нашей жизни, которыя характеризуются знаменитыми «авось!», «ничего!», «сойдетъ!», «наплевать!» и укладываются въ употребленной княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ терминъ «рукаво-спустіе»,—когда изъ глубины картины выступаетъ наше обычное безволье, отсутствіе характера и взаимно чередующееся хвастливое самомнѣніе и смиреніе, граничащее съ приниженностью,—когда подъ шуточками надъ окружающими и надъ самимъ собой сквозитъ поверхностное отношеніе къ жизни, не принимаемой «въ сурьезъ», и отсутствіе не только вчерашняго, но даже и завтрашняго дня».

Въ этой краснорѣчивой тирадѣ почтеннаго автора много правды, только относительно вчерашняго дня—ее приходится признать съ нѣкоторыми оговорками. Если мимолетныя настроенія, волнующія нашу жизнь, не даютъ никакихъ устоевъ для завтрашняго дня, то по части «вчерашняго» у насъ, пожалуй, избытокъ, и этотъ «день» тучей виситъ надъ настоящимъ, не давая ему ни проясниться, ни выработать устойчивую основу для будущаго. Самъ Горбуновъ любилъ возвращаться къ воспоминаніямъ о немъ и олицетворилъ его въ великолѣпной фигурѣ генерала Дитятина, образъ котораго, какъ нѣкое memento mori, онъ вызывалъ, бывало, на всѣхъ юбилейныхъ торжествахъ. Генералъ Дитятинъ это олицетвореніе недалекаго прошлаго, въ которомъ художнику постоянно грезилась живая и могучая опасность для настоящаго, недостаточно еще окрѣпшаго и сильнаго, чтобы не опасаться вѣчной угрозы возврата назадъ, къ тому общественному строю, который сложился въ послѣднее десятилѣтіе до крымской кампаніи. Выступая на юбилеяхъ, какъ живой обломокъ старины, Дитятинъ въ отрывистыхъ и добродушно суровыхъ рѣчахъ громилъ настоящее и приводилъ факты и мнѣнія изъ своей жизни въ прошломъ, которое рисуется ему въ ореолѣ идеала. Каждый новый шагъ по пути просвѣщенія, новая реформа, общественное явленіе, не укладывающееся въ рамки прошлаго, находитъ въ немъ строгаго судью, и сквозь безконечный юморъ художника проглядываетъ въ этихъ рѣчахъ безконечная грусть человѣка и гражданина, который всѣмъ существомъ чувствуетъ *близость* этихъ рѣчей къ современности

и все безсиліе послѣдней въ случаѣ, если Дитятинъ изъ воспоминанія станетъ фактомъ новой исторіи.

Дитятинъ смѣлъ, рѣшителенъ, всегда съ готовой «резолюціей», ни въ чемъ не сомнѣвается, ибо его кодексъ нравственной, умственной, политической и гражданской морали упрощенъ до минимума. Многосторонность его способностей поразительна, и въ этомъ отношеніи онъ типичный представитель добраго стараго времени, когда магическое «прикажутъ» превращало генерала въ акушера и, обратно, акушера въ генерала.

«Дитятинъ почиталъ, но не любилъ Бисмарка, находилъ, что Макъ-Магонъ «сплоховалъ» во время своего президентства, о Гамбетѣ выражался презрительно: «хе! хе!—воздухоплаватель»; строго осуждалъ назначеніе министромъ финансовъ человѣка изъ духовнаго званія; негодовалъ на Шопенгауэра за «прекращеніе человѣческаго рода» и желалъ лично «вразумить его». Прочитавъ въ переводѣ сочиненія Лассаля, котораго онъ называлъ «Лапсалечъ», Дитятинъ рѣшительно заявилъ: «я на *это* не согласенъ»... Къ Пушкину относился снисходительно, съ похвалой отзывался о нѣкоторыхъ его воинственныхъ стихотвореніяхъ и находилъ, что фамилія «Пушкинъ» звучитъ пріятно для уха стараго служаки».

Одну изъ лучшихъ его рѣчей, сказанную на литературномъ обѣдѣ въ честь Тургенева, г. Кони приводитъ почти цѣликомъ: «Милостивые государи,—сказалъ онъ,—вы сюда собралися чествовать отставного коллежскаго секретаря Ивана Тургенева. Я противъ этого ничего не имѣю! По приглашенію господъ директоровъ я явился сюда не приготовленнымъ встрѣтить здѣсь такое собраніе россійскаго ума и образованности»... Выразивъ затѣмъ желаніе говорить, Дитятинъ нашелъ, что это сдѣлать очень трудно, какъ «по разницѣ взглядовъ и по своему оффиціальному положенію», такъ и по присущей людямъ его эпохи осторожности, ибо «насъ учили больше *осматриваться*, чѣмъ *всматриваться*, больше *думать*, чѣмъ *говорить*, словомъ, учили тому, чему, милостивые государи, къ сожалѣнію, уже не учатъ теперь»! Бросая взглядъ на литературу 30 и 40-хъ годовъ, ораторъ сказалъ: «Въ началѣ 30-хъ годовъ, выражаясь риторическимъ языкомъ, среди безоблачнаго неба, тайный совѣтникъ Дмитріевъ внезапно былъ обруганъ семинаристомъ Каченовскимъ. Поднялся шумъ... Критикъ скрылся... Далѣе, генералъ-лейтенантъ Михайловскій Данилевскій, сочинитель патріотической исторіи 12-го года, былъ обруганъ. Были приняты мѣры... Критикъ испыталъ на себѣ быстроту фельдъегерской тройки... Стало тихо. Но на почвѣ, усѣянной, удобренной мыслителями 30-хъ годовъ, показались всходы. Эти всходы заколосились, и первый тучный колосъ, сорвавшійся со стебля въ 40-хъ годахъ, были «Записки Охотника», принадлежащія перу чествуемаго вами литератора, отставного коллежскаго секретаря Ивана Тургенева. Въ простотѣ сердца я взялъ эту книгу, думая найти въ ней записки какого-либо военнаго охотника. Оказалось, что подъ поэтической оболочкой скрываются такія мысли, о которыхъ я не рѣшился не доложить графу Закревскому. Графъ сказалъ: «Я знаю». Я въ разговорѣ упомянулъ объ этомъ князю Сергѣю Михайловичу Голицыну. Онъ сказалъ: «Это дѣло администраціи, а не мое». Я сообщилъ митрополиту Филарету. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что это—«вѣяніе времени». Я увидѣлъ что-то странное. Я понялъ, что мое дѣло проиграно и посторонился. Теперь я, мм. гг., стою въ сторонѣ, пропуская мимо себя нестройные ряды идей, мнѣній, постоянно сбивающихся съ ноги, и всѣмъ говорю: «хорошо!» Но мнѣ уже никто не отвѣчаетъ, а только взводные киваютъ съ усмѣшкой головой»...

Генералъ Дитятинъ слишкомъ рано сложилъ оружіе, и кто знаетъ, можетъ быть, въ наши дни онъ заговорилъ-бы болѣе бодрымъ голосомъ. Смерть не во время наложила свою печать на уста художника, который теперь нашелъ-бы

богатыя темы для незабвеннаго генерала, и слово его въ значительной степени оживило-бы наши юбилейныя торжества, проходящія такъ блѣдно и вяло.

Горбуновъ умеръ ровно три года тому назадъ, а память о немъ уже блѣднѣетъ, по крайней мѣрѣ, для большой публики, которую онъ умѣлъ такъ расшевеливать своимъ нескончаемымъ юморомъ. Превосходная статья г. Кони освѣжитъ воспоминанье объ этомъ истинномъ народномъ художникѣ, достойномъ занять выдающееся мѣсто на страницахъ исторіи русскаго искусства и литературы.

Обыкновенно, такъ называемыя «опроверженія» не доставляютъ особаго удовольствія тѣмъ, кого они опровергаютъ. Но есть случаи, когда опроверженіе, даже самое рѣзкое, несравненно пріятнѣе подтвержденій, хотя бы и вполнѣ искреннихъ. Одно изъ такихъ немногихъ возраженій мы получили по поводу нашей замѣтки о брошюрѣ о. Блинова. Приводимъ его дословно.

«М. Г.! Въ послѣдней книжкѣ «М. Б.» за 1898 г., въ отдѣлѣ «Критическія замѣтки», я встрѣтилъ отзывъ о брошюрѣ свящ. Николая Блинова «Языческій культъ у вотяковъ», представляющей собой докладъ, читанный на Х-мъ съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Кіевѣ, въ секціи антропологіи и географіи.

«Какъ одинъ изъ участниковъ этой секціи, я позволю себѣ разъяснить недоразумѣніе, въ которое ввели автора замѣтки газетные отчеты о докладѣ о. Блинова, и снять съ членовъ секціи тяжелый и незаслуженный упрекъ въ «нетерпимости и враждебности къ чуждымъ національностямъ и культамъ, благодаря которой разные гг. Блиновы имѣютъ успѣхъ не только въ «Новомъ Времени», но и на ученыхъ съѣздахъ». («М. Б.», XII, стр. 13).

«Дѣйствительно, докладъ г. Блинова, или вѣрнѣе, послѣсловіе къ докладу, въ которомъ онъ подробно описалъ извѣстныя доказательства человѣческихъ жертвоприношеній, произвелъ на аудиторію, къ которой и я принадлежалъ, «глубокое и тяжелое впечатлѣніе». Это было впечатлѣніе негодованія, что бабскія сплетни, непровѣренные слухи и хитросплетенные выводы, составленные путемъ натяжекъ и подтасовокъ, могутъ преподноситься въ видѣ научныхъ изслѣдованій и неопровержимыхъ фактовъ. Негодованіе это, которое раздѣляла со мной, смѣю думать, вся аудиторія, нашло себѣ и выраженіе въ замѣчаніяхъ г. П. Н. Луппова, сдѣланныхъ имъ въ слѣдующемъ засѣданіи секціи. Г. Лупповъ протестовалъ противъ возможности основывать доказательства существованія человѣческихъ жертвоприношеній у вотяковъ на разсказахъ и слухахъ, никѣмъ не провѣренныхъ, на данныхъ, научно не установленныхъ. Изслѣдуя исторію христіанства среди вотяковъ, г. Лупповъ ознакомился съ документами, хранящимися въ архивахъ Св. Синода, Вятской консисторіи, въ библіотекѣ Московской духовной академіи. Документы эти, большею частью донесенія духовенства, обнимаютъ время съ 1719 по 1840 годы, и въ нихъ нѣтъ никакихъ указаній, даже намековъ, на существованіе человѣческихъ жертвоприношеній у вотяковъ. Между тѣмъ изъ документовъ видно, что духовенство, въ виду враждебныхъ къ нему отношеній вотяковъ, старалось подчеркивать всѣ нестроенія вотской жизни и нарисовать по возможности мрачную картину состоянія вотяковъ. Безъ сомнѣнія, оно не преминуло бы воспользоваться данными о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ, если бы таковыя дѣйствительно существовали.

«Послѣдовавшія пренія имѣли цѣлью только указать причины, которыя могли дать поводъ къ появленію подобныхъ слуховъ. Эти причины можно искать въ извѣстной замкнутости язычниковъ-вотяковъ, въ подозрительности, съ которою, вообще, относится простой народъ къ иновѣрцамъ, наконецъ, въ общемъ историческомъ стремленіи приписывать тайнымъ или тѣснимымъ сек-

тамъ кровавыя злодѣянія, какъ приписываются они до сихъ поръ евреямъ и въ свое время приписывались первымъ христіанамъ.

«Надѣюсь, что это разъясненіе побудитъ васъ, м. г., снять съ насъ, членовъ X-го съѣзда и секціи антропологіи, незаслуженную укоризну въ солидарности съ о. Блиновымъ».—Преподаватель П — аго института А. В—ъ. *).

Помѣщая настоящее письмо, мы тѣмъ самымъ уже исполняемъ желаніе почтеннаго автора. Но, какъ ни пріятно намъ раздѣлять мнѣніе его, что «аудиторія раздѣляла его негодованіе и проч.», мы не можемъ скрыть нѣкотораго недоумѣнія, какимъ образомъ таже аудиторія, не смотря на указанное негодованіе, могла выражать докладчику, о. Блинову, благодарность, какъ сказано въ тѣхъ же отчетахъ газетъ, которые ввели насъ въ заблужденіе относительно истинныхъ чувствъ секціи антропологіи? Возможно, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ «недоразумѣніемъ», и первые готовы порадоваться этому, разъ это такъ.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Изъ голодающихъ губерній. По оффиціальному заявленію Главнаго управленія Россійскаго общества Краснаго Креста въ настоящемъ году «недородъ хлѣбовъ и травъ» посѣтилъ 9 губерній Европейской Россіи, при чемъ «особенно пострадали» губерніи: Казанская, Вятская, Симбирская и Уфимская. Уполномоченные Краснаго креста констатируютъ, что положеніе дѣлъ въ голодающихъ губерніяхъ обостряется и что кое-гдѣ уже начинаютъ появляться разные признаки эпидемическихъ болѣзней. Такъ генералъ-маіоръ Шведовъ пишетъ относительно Казанской губерніи:

«Въ Чистопольскомъ, Спасскомъ и Мамадышскомъ уѣздахъ замѣчается тифъ. Для оказанія медицинской помощи въ этихъ уѣздахъ казанское мѣстное управленіе сформировало три санитарныхъ отряда, которые 28 ноября выступили въ уѣзды для медицинской помощи населенію. Въ Мамадышскомъ уѣздѣ открыта больница на 10 кроватей».

Относительно Уфимской губерніи другой уполномоченный Краснаго креста штабсъ-ротмистръ Александровскій пишетъ:

«Положеніе дѣла въ Мензелинскомъ уѣздѣ трудное, замѣчаются вспышки тифа. Для немедленнаго удовлетворенія насущныхъ потребностей бѣдствующаго населенія, въ виду недостаточности запасовъ хлѣба на мѣстахъ и полной необезпеченности подвоза хлѣба, вслѣдствіе распутицы, по ходатайству губернатора Богдановича и уполномоченнаго Александровскаго, главное управленіе ассигновало средства на покупку 100 тысячъ пудовъ хлѣба».

Въ Белебеевскомъ уѣздѣ выяснилась напряженность нужды, въ особенности въ Сѣверной его части. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ замѣчены признаки заболѣванія... Въ Барскомъ уѣздѣ въ юго-западной части его ощущается крайняя нужда въ продовольствіи.

Таковы офиціальныя сообщенія. Извѣстія, попадающіяся въ газетахъ ихъ уѣздовъ и деревень вполнѣ подтверждаютъ эту общую картину. Такъ изъ Са-

---

*) Въ подлинникѣ подпись и адресъ полные.

марской губ., которая въ отчетѣ Краснаго креста не признана «особенно пострадавшей», пишутъ въ «Русскія Вѣдомости».

«Уже съ начала нынѣшняго лѣта стали обнаруживаться въ Самарской губ. тревожные симптомы, грозившіе нарушить обычное теченіе ея хозяйственной жизни. Упорная засуха, наступившая съ первыхъ чиселъ мая, остановила ростъ не только хлѣба, но и степныхъ травъ и представлялась для умудренныхъ опытомъ хозяевъ вѣрною предвѣстницею плохого урожая. Въ началѣ іюля сдѣлалось очевидно, что Самарской губ. предстоитъ снова пережить одну изъ тѣхъ тяжелыхъ годинъ, которыя послѣдовательно постигали ее въ 1873, 1880 и въ оставившемъ по себѣ такую скорбную память 1891 году. Мѣстныя общественныя и правительственныя учрежденія на этотъ разъ довольно своевременно констатировали необходимость быстрыхъ и широкихъ мѣръ къ обезпеченію нуждъ крестьянскаго населенія, и уже 10 іюля чрезвычайное губернское земское собраніе признало необходимость немедленной помощи населенію для производства озимаго посѣва, удостовѣривъ въ то же время такую же необходимость въ ближайшемъ будущемъ помощи населенію и по его продовольствію и прокорму его рабочаго скота. Ходатайство мѣстнаго земства о ссудѣ крестьянскому населенію для обсѣмененія его озимыхъ полей было немедленно удовлетворено высшей администраціей, но къ концу сентября выяснилось, что гораздо труднѣе разрѣшить два другіе вопроса—объ обезпеченіи продовольствія населенія и въ особенности о сохраненіи его скота. На второмъ чрезвычайномъ губернскомъ земскомъ собраніи 23 и 24 сентября сельско-хозяйственное положеніе губерніи было иллюстрировано подробною таблицею по уѣздамъ объ урожаѣ хлѣба и травъ на крестьянскихъ поляхъ. Изъ таблицы этой можно было усмотрѣть, что болѣе ²/₃ всей площади крестьянскихъ посѣвовъ въ губерніи оказывались съ плохимъ урожаемъ, т. е. такимъ, который не возвратилъ населенію сѣмянъ, и что остальная часть площади, за ничтожными исключеніями, была съ урожаемъ ниже средняго, т. е. опять-таки не дала сбора, достаточнаго для обезпеченія существованія населенія безъ посторонней помощи.

«Въ результатѣ, цифра нуждающагося населенія, за исключеніемъ изъ его состава работниковъ въ возрастѣ отъ 18 до 55 лѣтъ, опредѣлилась цифрою 1.260 тыс. человѣкъ, но такъ какъ два уѣзда,—Николаевскій и Новоузенскій, въ лицѣ своихъ уѣздныхъ земскихъ собраній нашли возможнымъ удовлетворить нужду населенія одними лишь мѣстными общественными запасами, а въ Бузулукскомъ уѣздѣ урожай ярового хлѣба получился нѣсколько выше, чѣмъ въ другихъ частяхъ губерніи, то лишь по четыремъ уѣздамъ, Ставропольскому, Самарскому, Бугульминскому и Бугурусланскому, цифра лицъ, имѣющихъ право на пособіе, была опредѣлена губернскимъ земскимъ собраніемъ въ 508 тыс. человѣкъ. При этомъ за размѣръ пособія была принята рекомендованная высшею администраціею норма—35 фунт. хлѣба въ мѣсяцъ на человѣка въ возрастѣ отъ одного года до 18 лѣтъ и свыше 55 лѣтъ. Кромѣ исключенія работниковъ изъ числа лицъ, получающихъ пособіе, значительное сокращеніе числа послѣднихъ было еще достигнуто зачетомъ такъ-называемаго излишняго домашняго и рабочаго скота. Пріемъ этотъ заключается въ томъ, что въ каждомъ крестьянскомъ дворѣ признается необходимымъ сохранить по три головы крупнаго скота на работника и по одной головѣ мелкаго скота на каждаго члена семьи; въ случаѣ же наличности большаго количества скота излишекъ таковаго назначается на покрытіе продовольственной нужды населенія, и продовольственная ссуда крестьянамъ, имѣющимъ излишній скотъ, сокращается по расчету шести пуд. хлѣба за каждую голову крупнаго и одного пуда за голову мелкаго скота. Общая цифра испрошенной губернскимъ земскимъ собраніемъ ссуды на продовольствіе выразилась цифрою 2.448.000 руб., потребныхъ на покупку 3.554.000 пудовъ ржи.

«Еще бо́льшія трудности для практическаго разрѣшенія представилъ вопросъ о сохраненіи крестьянскаго рабочаго скота, такъ какъ недостатокъ корма является повсемѣстнымъ въ губерніи, а пріобрѣтеніе таковаго за предѣлами губерніи связано съ трудно-преодолимыми затрудненіями по его доставкѣ. Тѣмъ не менѣе и по этому вопросу земское собраніе обратилось къ высшей администраціи съ ходатайствомъ о ссудѣ 847.000 руб. для пріобрѣтенія корма скоту и выдачи таковаго наиболѣе нуждающейся части населенія, хотя бы въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Однако еще нѣтъ увѣренности, чтобы это послѣднее ходатайство было уважено высшею администраціею, и въ случаѣ, если крестьянству придется справляться исключительно своими собственными средствами съ нуждою по прокорму скота, то не можетъ подлежать сомнѣнію гибель большей его части и какъ необходимое слѣдствіе этой гибели—полное разстройство крестьянскаго хозяйства на продолжительное время.

«Вотъ тѣ общія условія, при которыхъ массѣ крестьянскаго населенія Самарской губерніи предстоитъ пережить наступающую зиму. Отсутствіе какихъ бы то ни было зимнихъ заработковъ въ здѣшней мѣстности дѣлаетъ положеніе этой массы еще болѣе печальнымъ, и уже въ настоящую минуту начинаютъ получаться изъ всѣхъ концовъ губерніи потрясающія вѣсти объ огульной за безцѣнокъ распродажѣ крестьянскаго скота, о примѣсяхъ къ хлѣбу лебеды, желудей и другихъ суррогатовъ, обращающихъ этотъ хлѣбъ въ неудобоваримую массу, о болѣзняхъ, какъ послѣдствіи употребленіи въ пищу такого «голоднаго» хлѣба. Всѣ эти вѣсти приводятъ къ одному и тому же ясному и неизмѣнному выводу, что долгъ интеллигентной и болѣе или менѣе обезпеченной части русскаго общества, какъ и въ 1891 году, придти на помощь страждущей массѣ, независимо отъ правительственной помощи, и дружными усиліями если не устранить, то по крайней мѣрѣ по возможности ослабить острыя проявленія надвинувшейся народной бѣды».

Итакъ, земство исчисляетъ, что для помощи голодающимъ крестьянамъ Самарской губ. нужна ссуда въ 2.448.000 р. Общество Краснаго креста израсходовало на эту губернію, какъ видно изъ опубликованнаго въ газетахъ отчета 135.581 р.

Изъ Чистопольскаго уѣзда Казанской губ. пишутъ въ «Волжскій Вѣстникъ»:

«Нужда въ Чистопольскомъ уѣздѣ Каз. губ. все растетъ и растетъ съ каждымъ днемъ. Ни хлѣба, ни овощей, ни корма для скота... Старики говорятъ, что на ихъ памяти еще не было такого труднаго года. Изгарская волость особенно пострадала отъ неурожая. Въ Изгарѣ открывается попечительство, которому «Красный крестъ» прислалъ 200 рублей. При 4 училищахъ предполагается открыть столовыя, чтобы поддержать хоть дѣтвору, но средствъ для открытія такихъ столовыхъ крайне мало. Неужели народная нужда не встрѣтитъ сочувственнаго отклика въ сердцахъ добрыхъ людей? Неужели оскудѣли руки дающихъ? Безъ общественной помощи ничего не сдѣлаешь. Удѣлите хоть что нибудь деревнѣ! Всякое даяніе будетъ принято съ благодарностью. Пожертвованія можно препроводить въ село Изгаръ, Чистопольскаго уѣзда, Изгарскому попечительству о нуждающихся и въ редак. «Волжскаго Вѣстника».

Изъ Елецкаго уѣзда, Орловской губ. продовольственный попечитель г. Колянскій пишетъ:

«Состоя продовольственнымъ попечителемъ Стегаловской волости, Елецкаго уѣзда, я могъ увѣриться въ крайне тяжеломъ положеніи здѣшнихъ крестьянъ. На площади въ 16.515 десят. здѣсь имѣются четыре большихъ села и двадцать четыре деревни съ народонаселеніемъ до 15.000 душъ обоего пола. Земли приходится по одной десятинѣ на душу во всѣхъ трехъ клинахъ, а въ одномъ клину—800 кв. саж. При среднемъ урожаѣ на крестьянскихъ поляхъ въ нашей мѣстности одна десятина дастъ 6 четвертей, или 54 пуд. ржи, а 800 кв. саж.

дадутъ двѣ четверти, или 18 пуд. Изъ этого количества отдѣляется 3 пуда для посѣва 800 кв. саж. на урожай будущаго года, такъ что на годовое продовольствіе одного лица остается 15 пудовъ. По опыту, произведенному въ 1890—1891 голодный годъ, оказалось, что для продовольствія одного человѣка необходимо хлѣба 2 пуда въ мѣсяцъ, или 24 пуда въ годъ. Такимъ образомъ, крестьяне нашей мѣстности получаютъ съ своей земли на 9 пудовъ менѣе необходимаго для годового пропитанія. Что касается посѣва въ яровомъ клину, то онъ весь уходитъ,—да его еще недостаетъ,—на уплату податей и на хозяйственныя надобности: соль, деготь, освѣщеніе, сбрую и т. д. При такихъ условіяхъ многіе изъ крестьянъ не могутъ держать и одной нужной для полевыхъ работъ лошади, а также и другого домашняго скота. Вообще деревни нашей мѣстности очень обѣднѣли, особенно послѣ ряда недородовъ, и теперь жизнь поселянъ производитъ удручающее впечатлѣніе. Желая выдти изъ своего тяжелаго положенія, крестьяне ищутъ работъ, но у насъ нѣтъ ни заводовъ, ни фабрикъ, ни большихъ экономій, гдѣ бы можно было имѣть постоянный заработокъ. Прежде они хаживали на Югъ на косовицу, но теперь съ распространеніемъ косилокъ и этотъ заработокъ почти отошелъ отъ нихъ. Если мужчины не обезпечены заработками, то женщины совсѣмъ не имѣютъ ихъ, начиная съ сентября мѣсяца по апрѣль. Такова жизнь крестьянъ нашей мѣстности. Хозяйство ихъ разстроилось; они потеряли головы и пали духомъ, не зная, что дѣлать».

Народные учителя Нижегородской губ. Нижегородское общество «взаимопомощи учителей и учительницъ» произвело интересное изслѣдованіе положенія народныхъ учителей посредствомъ разсылки имъ опросныхъ бланковъ. Съ результатами этого изслѣдованія, выдержки изъ котораго печатались въ «Нижегор. Листкѣ», мы и хотимъ познакомить нашихъ читателей. Ростъ школъ за послѣдніе годы вызвалъ и увеличеніе учительскаго персонала. Въ Нижегородской губ. съ 1896 по 1898 г. число учащихъ въ народныхъ школахъ увеличилось на 96 человѣкъ, при чемъ учительницъ прибыло вчетверо больше, чѣмъ учителей. Ближайшей причиной такого характернаго факта вытѣсненія учителей учительницами должна служить малая обезпеченность учащихъ, вслѣдствіе чего семейный учитель старается уйти изъ школы, какъ только представляется случай получить болѣе обезпеченное мѣсто. Изъ учительскихъ отвѣтовъ, собранныхъ Обществомъ взаимопомощи въ 1896 г., легко усмотрѣть эту причину, такъ какъ многіе говорятъ, что крайне ограниченное содержаніе заставляетъ ихъ переходить на другую службу съ лучшимъ обезпеченіемъ. Учительница легче примиряется съ неудобствомъ положенія и довольствуется меньшимъ вознагражденіемъ, чѣмъ семейный учитель.

Данныя объ образовательномъ цензѣ учащихъ въ народныхъ школахъ показываютъ, что большинство (63%) ихъ получило среднее образованіе—въ епархіальныхъ училищахъ, учительскихъ и духовныхъ семинаріяхъ. Низшее образованіе въ начальныхъ и духовныхъ училищахъ получило 35% учащихъ. Интересно, что изъ 600 слишкомъ учащихъ въ народныхъ школахъ Нижегородской губ. всего 5 человѣкъ, получившихъ высшее образованіе: двое, окончившихъ университетъ, и трое, окончившихъ высшіе женскіе курсы.

По сословіямъ наибольшій процентъ падаетъ на лицъ духовнаго происхожденія (43%); затѣмъ идутъ крестьяне (23%).

Слѣдовательно, духовный элементъ, какъ по образованію, такъ и по сословности является преобладающимъ въ народной школѣ. Отсюда можно судить, насколько правы тѣ, кто обвиняетъ народную школу въ противодѣйствіи духовенству.

Связь образованія съ получаемымъ вознагражденіемъ лучше всего замѣ-

чается на трехъ уѣздахъ: Лукояновскомъ, Арзамаскомъ и Макарьевскомъ. Въ первыхъ двухъ преобладаютъ учащіе, получившіе образованіе ниже средняго: изъ начальныхъ школъ, уѣздныхъ училищъ и прогимназій. Такъ въ Арзамаскомъ—63,1% всего числа учащихъ въ уѣздѣ было въ 1896 года съ образованіемъ ниже средняго; въ Лукояновскомъ 60,5%, а въ Макарьевскомъ—только 23,6%; въ тоже время среднее содержаніе учащихъ въ Арзамасскомъ уѣздѣ—221 р,. въ Лукояновскомъ—204 руб., а въ Макарьевскомъ—307 р.

Переходя къ вопросу о вознагражденіи, изслѣдованіе констатируетъ, что средній размѣръ годового содержанія опредѣляется для сельскаго учителя въ 259 р., для учительницы—232 р.; для помощника этотъ средній размѣръ понижается по 143 р. Кажется совершенно непонятнымъ на первый взглядъ, что за одинъ и тотъ-же трудъ въ одномъ и томъ-же уѣздѣ учитель получаетъ жалованья больше учительницы въ общемъ на 10%. Но при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи этого явленія, мы увидимъ, что учительницы занимаютъ мѣста съ низшимъ окладомъ, а мѣста съ лучшимъ обезпеченіемъ стараются захватывать семейные учителя. По размѣрамъ вознагражденія лучше всѣхъ представляется дѣло въ Макарьевскомъ уѣздѣ — отъ 240 руб. до 420 руб. и въ среднемъ 307 руб. Здѣсь существуетъ прибавка по 25 руб. черезъ каждые 5 лѣтъ, благодаря чему, многіе учащіе остаются на службѣ по долгу и получаютъ по 3 и даже по 4 прибавки. Средняя продолжительность службы по Макарьевскому уѣзду 10,6, а въ послѣдней школѣ 6.7; пенсію въ 1896 году получили 38% учителей, болѣе 10 лѣтъ служило 21 челов., или 60%. Эти данныя даютъ возможность сказать, что минимумъ оклада для сноснаго существованія учителя, привязывающаго его къ мѣсту службы—повидимому—установился для Макарьевскаго уѣзда; здѣсь школьное дѣло можетъ развиваться болѣе правильно, не испытывая колебаній отъ перехода учителей и поисковъ за заработками.

Въ отвѣтахъ учащихъ раздаются единодушныя заявленія объ увеличеніи вознагражденія. Напр., одинъ учитель изъ Лукояновскаго уѣзда пишетъ: «Положеніе учителя буквально бѣдственно: его крайне ограниченное жалованье какъ будто расчитано только на то, чтобы ему не умереть съ голоду, имѣть хотя-бы чѣмъ-нибудь прикрыть свое тѣло; вслѣдствіе чего учитель буквально влачитъ существованіе. Но вѣдь учитель культурный человѣкъ; у него есть запросы ума, требованія сердца, все это требуетъ удовлетворенія. Итакъ, первая и необходимая мѣра, могущая улучшить положеніе учителя, это—увеличить годовое жалованье, а во-вторыхъ увеличить размѣръ пенсіи съ 120 до 180 р. въ годъ, улучшить квартирныя помѣщенія учителей, поставить ихъ въ независимое положеніе отъ сельскаго общества и т. п.».

Самые способы вознагражденія оставляютъ желать очень многаго. Наиболѣе распространенный способъ получки содержанія — это ежемѣсячныя поѣздки за нимъ въ городъ, въ земскую управу. Такъ изъ 435 отвѣтовъ учащихъ по этому вопросу, видимъ, что 202 человѣка, считая Нижній-Новгородъ, получаютъ жалованье на мѣстѣ, а 233—на сторонѣ; при этомъ 173 лица указали на платныя подводы для поѣздокъ за жалованьемъ, и только 12 человѣкъ на безплатныя. Значитъ 53% учащихъ должны ѣздить за жалованьемъ и 93% изъ нихъ, т. е. почти всѣ, платятъ за подводы, что, конечно, уменьшаетъ вознагражденіе на 2—3 р. и болѣе при существующихъ разстояніяхъ, когда 29% школъ находится въ разстояніяхъ отъ 30 до 50 вер. отъ мѣста полученія жалованья—уѣзднаго города, 23% школъ удалены свыше 50 вер., а среднее разстояніе школъ отъ уѣздныхъ городовъ для всей губерніи — 35,6 верстъ. Даже на базары изъ многихъ школъ приходится ѣздить далеко: 57% школъ отстоятъ отъ базарныхъ мѣстъ въ разстояніи отъ 5 до 20 верстъ. Иногда, вмѣсто поѣздки, учитель поручаетъ полученіе жалованья старшинѣ,

старостѣ, писарю, урядинку или крестьянину, ѣдущему въ городъ. Конечно, за это приходится «угостить». А сколько неудобствъ сопряжено съ полученіемъ какихъ-нибудь 15—20 рублей—въ земской управѣ. Случается, что учитель прождетъ часа 3—4 выдачи своего заработка, а ему вдругъ отказъ: «денегъ въ кассѣ нѣтъ» и поѣзжай домой съ пустымъ карманомъ. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, наприм., въ Лукояновскомъ и Арзамасскомъ, кстати сказать, меньше всего платящихъ учащимъ, весьма нерѣдко наблюдается такое явленіе, что жалованье задерживается до 6 мѣсяцевъ. Въ какое же отчаянное положеніе долженъ впасть учитель, обремененный семьей? Вполнѣ понятно, что приходится въ этихъ случаяхъ закабалять себя мѣстному ростовщику, кредитоваться въ мѣстныхъ лавочкахъ и получать вмѣсто хорошаго—гнилой товаръ и много дороже. Это, въ свою очередь, понижаетъ еще болѣе нищенское содержаніе учителя. Въ связи съ недостаточностью вознагражденія стоитъ вопросъ о посторонних заработкахъ. Многіе учителя весьма настойчиво просятъ указать имъ способъ добыть работу на лѣто. Нѣкоторые уже имѣютъ подобныя работы въ конторахъ пароходныхъ обществъ, на ярмаркѣ у торговцевъ, въ трактирахъ, даже въ полиціи, служа ярмарочными околоточными надзирателями. Особенно семейные учителя вынуждены искать посторонняго заработка, чтобы дать воспитаніе дѣтямъ. Многіе учителя, въ надеждѣ получить какое-либо приращеніе къ средствамъ, высказываютъ желаніе заводить сады, огороды и полевое хозяйство, лишь-бы отвели для этого земли. Нѣкоторые уже занимаются хозяйствомъ и желали-бы получить ссуду на дальнѣйшее устройство. Словомъ, изъ всѣхъ отвѣтовъ о матеріальномъ положеніи учителей получается картина повсемѣстнаго недостатка вознагражденія, желаніе побочныхъ занятій и болѣе правильной выдачи жалованья безъ задержекъ и проволочекъ. Получая такое ничтожное жалованье, учителя несутъ поистинѣ каторжный, непосильный для одного человѣка трудъ. Земскія школы переполнены учениками. На одного учителя въ среднемъ приходится 48 человѣкъ учениковъ, и бываютъ школы, гдѣ число учениковъ доходитъ до 90. Къ этому нужно прибавить, что большинство школъ лишены даже элементарной вентиляціи, вродѣ форточекъ и отдушинъ.

По отзывамъ учителей, многія школы Лукояновскаго уѣзда настолько ветхи, что осенью вода течетъ въ комнаты и, кромѣ того, холодны. Вотъ что пишетъ одинъ учитель изъ Лукояновскаго уѣзда. «Школьное помѣщеніе неудобно: тѣсно, холодно и темно, такъ что зимой ученики въ классѣ сидятъ въ шубахъ, а въ пасмурные дни ученики, сидящіе за передними столами, не могутъ во время письма достаточно пользоваться свѣтомъ. При школѣ есть квартира для учителя: одна маленькая комната (4 × 4 арш.), въ которой учителю семейному жить нельзя, какъ по тѣснотѣ, такъ и по тому убійственному холоду, какой бываетъ въ ней зимой». А вотъ отзывъ учительницы изъ Сергачскаго уѣзда: «Школу нужно-бы построить новую. Она всегда переполнена, приходится принимать по жребію. Школа низка, тѣсна, сыра, съ потолка и стѣнъ бываетъ течь; въ холодное время въ одежѣ руки коченѣютъ, а въ теплое — страшная духота». Въ Нижегородскомъ уѣздѣ болѣе половины школьныхъ помѣщеній въ 1896 году считались неудобными. Изъ многочисленныхъ отзывовъ учителей, видно, что неудобства состояли въ излишней тѣснотѣ помѣщенія, темнотѣ, ветхости, въ отсутствіи тепла и хозяйственныхъ приспособленій. Напримѣръ, въ одной школѣ не производился ремонтъ съ 1863 г. и морозъ доходилъ до 5 градусовъ. А одна школа, по словамъ учителя, поставлена на такомъ низкомъ мѣстѣ, что весною вода стекаетъ со всѣхъ сторонъ и заливаетъ школу, такъ что долго держится сырость. Арзамасскій и Сергачскій уѣзды тоже имѣли до половины своихъ школъ съ неудобными помѣщеніями. Словомъ—всего по губерніи въ 1896 г. было 175 неудобныхъ помѣщеній подъ школами на 278

удобныхъ. Объ остальныхъ 47 школахъ свѣдѣній не доставлено, такъ что неудобныхъ зданій получается до 40 процент. Нельзя пройти молчаніемъ одинъ отвѣтъ учителя изъ Арзамасскаго уѣзда: «Классное помѣщеніе тѣсно, такъ что приходится заниматься 2 раза въ день: съ II и III отд. съ 8 час. утра до 2 часовъ, а потомъ съ младшимъ отдѣленіемъ до 6 час. вечера. 10 часовъ непрерывнаго и напряженнаго умственнаго труда въ душной обстановкѣ!» Не надолго хватитъ учителя при подобныхъ условіяхъ.

Учительскія квартиры соотвѣтствуютъ по своимъ удобствамъ класснымъ помѣщеніямъ: изъ 354 отвѣтовъ о квартирахъ—141 отвѣтъ содержитъ указанія на разнаго рода неудобства; это составляетъ 40% всѣхъ квартиръ. Вотъ, напримѣръ, что говоритъ одна учительница изъ Ардатовскаго уѣзда: «Квартира при училищѣ—одна комната отгорожена отъ прихожей при другомъ училищѣ—20 кв. арш.; тепло идетъ изъ отворенныхъ дверей училища послѣ отпуска учащихся». Въ другомъ отвѣтѣ изъ Сергачскаго уѣзда читаемъ: «Помѣщеніе состоитъ изъ одной комнаты арш. 5; низко; окна вросли въ землю, холодно, темно, никакихъ хозяйственныхъ приспособленій и сторожа нѣтъ». Въ одномъ мѣстѣ, въ томъ же уѣздѣ, учитель съ семьей помѣщается при школѣ. Помѣщеніе отдѣлено досчатой перегородкой; нѣтъ русской печи и никакихъ хозяйственныхъ приспособленій. Въ одной школѣ квартирой служитъ чуланъ при училищѣ, въ другой отдѣльная комната въ 36 кв. арш., сложенная изъ половинчатыхъ бревенъ и раздѣленная перегородкой, гдѣ живетъ сторожъ. И все въ этомъ же родѣ.—Всѣхъ квартиръ при школахъ имѣлось въ 1896—439; слѣдовательно, 175 учащихъ должны были устроиться внѣ школы на наемныхъ квартирахъ; при чемъ, 10% всего числа учащихъ платитъ изъ своего жалованья за квартиру, а 9% за отопленіе.

Одинъ учитель Горбатовскаго уѣзда говоритъ: «Учитель нанимаетъ квартиру за свой счетъ—36 руб. въ годъ. Квартира весьма неудобная—сыра, холодна, тѣсна. За вычетомъ 36 руб. на нее и 14 р. 40 коп. въ пенсіонный капиталъ, остается жалованья 129 руб. 60 коп.». Къ этому во многихъ школахъ прибавляется еще важное неудобство—неимѣніе училищнаго сторожа. Одинъ учитель изъ Лукояновскаго уѣзда пишетъ: «Квартира наемная, въ 5 арш., тѣсна, обветшала, съ развалившимися печами; сторожа нѣтъ, такъ что учителю приходится послѣ учебныхъ занятій самому носить воду и колоть дрова». Во многихъ школахъ сторожъ приходитъ только одинъ разъ въ школу и живетъ не при училищѣ. Это тоже составляетъ большое неудобство. Квартиры для сторожа имѣются только при 13 школахъ, что составляетъ 26%.

Интересно сопоставить размѣры содержанія съ числомъ членовъ семьи, т.-е. сколько приходится въ годъ на каждаго члена семьи изъ учительскаго жалованья. Сдѣлавъ также сопоставленіе, находимъ, что, во-первыхъ, учителя имѣютъ очень большія семьи, доходящіе до 8, 9 человѣкъ и даже больше, а во-вторыхъ, что средній бюджетъ на 1 человѣка постепенно падаетъ съ увеличеніемъ семьи и доходитъ до минимума въ 30 руб. при 10 челов.—30 руб. въ годъ на человѣка на всѣ потребности или 8 коп. въ день! Вѣдь эта медленная смерть отъ голода!

Особенно безпокоитъ учителей судьба ихъ дѣтей. Одинъ учитель изъ Горбатовскаго уѣзда говоритъ: «За послѣднее время заботы о матеріальномъ положеніи семьи страшатъ меня, убиваютъ и не даютъ ни на минуту покоя. Кровь въ жилахъ холодѣетъ, при мысли, что жена больна и немощна, 3 дочери уже невѣсты и всѣ не одѣты и не сряжены для выдачи въ замужество и, кромѣ того, двое малолѣтнихъ на моей заботѣ лежатъ, но что придумать къ улучшенію положенія—не знаю». Другой изъ Балахнинскаго уѣзда пишетъ: «Будущее учителя, обремененнаго семьей, совсѣмъ безотрадно, такъ какъ видѣть своихъ дѣтишекъ плохо одѣтыми, въ неудобномъ гигіеническомъ помѣщеніи и

при полной невозможности дать имъ образованіе, крайне больно родительскому сердцу. Да и вообще, что ждетъ учителя съ годами? Общая надорванность организма и мизерный пенсіонъ и то, если прослужишь 20 лѣтъ; на это не у каждаго, пожалуй, хватитъ силъ, особенно, при тѣхъ помѣщеніяхъ, въ которыя, какъ сельдей въ бочку, помѣстишь почти двойное противъ нормы количество учениковъ».

Интересныя свѣдѣнія сообщаются также о перемѣщеніяхъ учителей изъ одной школы въ другую. Общее число переходовъ учащихъ за 2 года равняется 237, т.-е. 34% всего состава учащихъ. Такое явленіе ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать нормальнымъ, такъ какъ каждый переводъ учителя на другое мѣсто иногда весьма далеко, отражается весьма невыгодно на его бюджетѣ съ одной стороны, а съ другой—вліяетъ дурно на постановку школьнаго дѣла. Причины переводовъ, собственно говоря, двѣ: желаніе учащаго перемѣнить школу по какимъ-либо соображеніямъ и воля начальства. Послѣдняя причина является обыкновенно какъ мѣра наказанія за малоуспѣшность, несогласіе съ мѣстнымъ духовенствомъ или начальствомъ и т. п. Которая изъ этихъ причинъ имѣетъ преобладающее значеніе, судить трудно по недостатку данныхъ для этого, но вотъ что говоритъ одинъ учитель: «Положеніе учителя зависитъ отъ многихъ условій. Кочеваніе съ мѣста на мѣсто для него не новость. Учителю необходимо имѣть болѣе твердую почву и болѣе крѣпкую точку опоры—права, ограждающія его личность». Другой учитель пишетъ: «Желательно, чтобы *по одному слову* какого-нибудь лица, безъ провѣрки, учителей не переводили бы съ мѣста на мѣсто; за клевету возбуждали бы преслѣдованіе въ судѣ». Одинъ учитель разсказываетъ, что его «по какому-то странному недоразумѣнію послѣ 9 лѣтъ службы перевели за 160 верстъ. И вотъ, чтобы не умереть съ голода съ семьей, пришлось бросать все хозяйство: пчельникъ, садъ, постройки и ѣхать служить на новое мѣсто. Все это страшно напугало меня, принесло много хлопотъ и огорченій, не говоря уже о денежныхъ расходахъ». Изъ этихъ и многихъ другихъ сообщеній видно, что сортировка учителей практикуется педагогическимъ начальствомъ довольно нерѣдко. Въ Нижегородскомъ уѣздѣ одна отдаленная школа въ инородческой мѣстности служитъ мѣстомъ «ссылки» учащихъ за проступки. Тамъ каждый годъ мѣняются учителя.

Ртутное дѣло въ Бахмутѣ. Предсѣдатель Бахмутской уѣздной земской управы г-нъ Карповъ помѣстилъ въ «Новомъ Времени» интересное письмо о положеніи рабочихъ на ртутныхъ промыслахъ «Ауэрбаха и К°» въ Бахмутѣ. Письмо это является офиціальнымъ подтвержденіемъ статьи г-на Крамарева въ томъ же «Новомъ Времени», которая вызвала опроверженіе со стороны правленія «Ртутнаго дѣла Ауэрбаха и К°». Г-нъ Карповъ пишетъ по этому поводу отъ имени Бахмутской земской управы: «Руководясь чувствами безпристрастнаго отношенія къ поднятому вопросу, земская управа можетъ смѣло сказать, что правленіе ртутнаго дѣла А. Ауэрбаха и Комп. глубоко заблуждается, если находитъ, что на ртутномъ рудникѣ и заводѣ обстоитъ все благополучно. Приведенныя ниже данныя свидѣтельствуютъ совершенно противное».

Рабочихъ, заболѣвшихъ отъ вдыханія ядовитыхъ паровъ ртути, администрація завода разсчитываетъ, слагая съ себя всякія дальнѣйшія заботы о больныхъ рабочихъ. По словамъ г-на Карпова, это доказывается протоколомъ земской коммиссіи, въ составъ которой входили: предводитель дворянства, земскій начальникъ и трое земскихъ врачей,—осматривавшей заводъ. Изъ протокола явствуетъ, что «изъ 32 человѣкъ—4 работаютъ на заводѣ и въ настоящее время, а 28 работали раньше, изъ нихъ оказалось 24—съ разными болѣзненными формами: болѣзни полости рта оказались у 13 человѣкъ, съ дрожаніемъ рукъ и подергиваніемъ мускуловъ 5. Пораженіе десенъ имѣло видъ

хроническаго страданія: десны разрыхлены и темно-красны, при давленіи изъ подъ нихъ выдѣляется кровь и гной, у иныхъ десны нѣсколько отстали отъ зубовъ, у другихъ болѣзнь закончилась рубцовымъ стягиваніемъ десенъ и нѣкоторымъ обнаженіемъ зубовъ. Двое испытываютъ зудъ въ зубахъ, у одного зубы черны; болѣзнь особенно выражена въ нижней деснѣ. Итакъ коммиссія имѣетъ здѣсь дѣло съ храническими гингивитомъ меркуріальнаго происхожденія» (дословная выписка изъ протокола коммиссіи). Несмотря на это, администрація завода никакого пособія этимъ инвалидамъ не оказывала и не оказываетъ и даже нѣкоторые въ такомъ болѣзненномъ состояніи продолжаютъ и теперь работать на заводѣ. Почти всѣ они работали съ перерывами. (Актъ № 1). «Коммиссія признаетъ, что болѣзнь ихъ приняла хроническое теченіе».

Вотъ къ какимъ общимъ выводамъ пришла земская коммиссія на основаніи осмотра рабочихъ на рудникахъ «Ауэрбаха и К°»:

«Рабочихъ осмотрѣно 403 человѣка, изъ нихъ безусловно здоровыхъ оказалось 219; подвергшихся болѣе или менѣе сильному вліянію ртути 184 человѣка, т. е. нѣсколько менѣе половины. Въ частности: изъ 160 заводскихъ рабочихъ — 88 больныхъ (болѣе половины), изъ 14 слесарей — 8 больныхъ (болѣе половины) и изъ 107 работающихъ въ рудоразборной 45 больныхъ (нѣсколько менѣе половины)». «Разсматривая заболѣваніе при осмотрѣ рабочихъ коммиссія усмотрѣла, что главную массу ихъ составляютъ воспалительныя состоянія десенъ и дрожь рукъ. На 403 человѣка, воспаленіе десенъ зарегистровано при осмотрѣ 86, дрожь рукъ 25, сочетаніе этихъ общихъ болѣзней — 33, сильныхъ воспаленій десенъ съ осадкою послѣднихъ—16, подергиваніе лицевыхъ мускуловъ—4, общей нервности пугливости—2, исхуданія—3, ссадинъ на деснахъ—1, каріозный зубъ—1. Изъ всѣхъ 86 случаевъ такого состоянія 16 представляли довольно сильную красноту и разрыхленность съ отставаніемъ десенъ отъ зубовъ и нѣкоторой осадкой десенъ; въ одномъ случаѣ киммиссія нашла на деснѣ мелкія ссадины и въ одномъ случаѣ гнойное воспаленіе десенъ. Послѣднее обстоятельство является рѣзкимъ контрастомъ съ тѣмъ, что коммиссія нашла въ Никитовкѣ, гдѣ изъ 22—у 10 было гнойное воспаленіе десенъ».

Насколько администрація завода озабочена здоровьемъ рабочихъ, видно изъ того, что «въ рудоразборной» во всѣхъ этажахъ вентиляцій нѣтъ, если не считать дверей и оконъ, которыя зимой бываютъ закрыты; освѣщеніе въ сортировочной слабо; работающіе одѣты въ свои, покрытыя пылью, одежды, въ которыхъ уходятъ и домой, вся работа производится руками, умывальниковъ нѣтъ; полосканіе рта не дѣлается. Рабочіе «рудоразборной» состоятъ изъ мальчиковъ и дѣвочекъ 14—15 лѣтняго возраста и изъ забракованныхъ на заводѣ рабочихъ, отстраненныхъ отъ болѣе вредныхъ работъ и отправленныхъ сюда на поправку. Здѣсь были осмотрѣны поголовно всѣ рабочіе, въ количествѣ 107 человѣкъ и между ними оказалось значительно больше лицъ, подвергнувшихся вредному вліянію ртути (86 чел.), чѣмъ между шахтерами. Нижнее помѣщеніе, гдѣ рабочіе (шлаковозы) въ вагонеткахъ увозятъ шлакъ на отвалъ, не освѣщено, не вентилируется. Сюда при высыпаніи шлака вмѣстѣ съ нимъ увлекается газъ и при этомъ поднимается пыль. Полъ, отдѣляющій этажъ, въ которомъ находятся печи, отъ подвальнаго, гдѣ работаютъ шлаковозы, неплотный, съ большими промежутками между досками, вслѣдствіе чего газы и пыль изъ нижняго помѣщенія проходятъ въ верхній этажъ, гдѣ находятся плавильщики. Работу съ сажей коммиссія признаетъ очень опасной въ смыслѣ возможности отравленія ртутью: сырой сажей рабочіе пачкаютъ платье, руки, тѣло; сухую сажу вдыхаютъ вмѣстѣ съ ртутью; здѣсь рабочіе наиболѣе подвергаются вредному вліянію ртути. Какія же мѣры предосторожности принимаетъ рудничная администрація? А вотъ какія, говоритъ коммиссія: «всѣ работающіе съ сажей получаютъ отъ завода рабочій костюмъ, респираторы съ губкой и полосканьемъ

для рта. Полосканіе стоитъ въ боченкѣ, въ конторѣ; всѣ заводскіе рабочіе снабжаются отъ завода бутылками и могутъ брать полосканіе для рта въ неограниченномъ количествѣ. Респираторы съ губками висятъ на стѣнахъ заводскихъ помѣщеній, ихъ беретъ всякій желающій, но рабочіе вообще неохотно носятъ эти респираторы и предпочитаютъ часто завязывать ротъ платкомъ. Кромѣ работающихъ на сажѣ, снабженныхъ рабочимъ костюмомъ отъ завода, остальные рабочіе носятъ свое платье довольно грязное. По окончаніи работы рабочіе уносятъ домой свой рабочій костюмъ. Путемъ переноса загрязненной одежды въ жилыя помѣщенія происходили отравленія женщинъ и дѣтей ртутью».

Приведенныя выписки, замѣчаетъ г-нъ Карповъ, сами за себя говорятъ и показываютъ, въ какихъ ужасныхъ санитарныхъ условіяхъ производится работа на данномъ ртутномъ заводѣ.

Духоборы въ Сибири. «С.-Петербургскія Вѣдомости» сообщаютъ интересныя свѣдѣнія о жизни сосланныхъ духоборовъ въ Сибири. Редакція, по ея собственному заявленію, получила эти свѣдѣнія «изъ первыхъ рукъ». Въ августѣ прошлаго года духоборы прибыли въ Якутскъ, гдѣ и узнали, что для жительства имъ назначена мѣстность по рѣчкѣ Нотору, въ тайгѣ, ниже Усть-Мая на рѣкѣ Алданѣ. Такъ какъ тамъ не было никакого жилья, то имъ предписано было вырыть себѣ для зимовки землянки, а затѣмъ, съ наступленіемъ весны, строить дома. Но эти предписанія не осуществились, потому что съ 14-го сентября начались сильные холода и выпало много снѣга, вслѣдствіе чего производить земляныя работы не было возможности. Сопровождавшіе духоборовъ особый чиновникъ и мѣстный засѣдатель вытребовали отъ туземцевъ-тунгусовъ юрту, въ которой духоборы и зазимовали. За юрту они заплатили тунгусамъ 10 рублей. Жить непривычнымъ людямъ въ юртѣ было трудно: сырость, тьма, тѣснота и страшный холодъ. Спали въ валенкахъ и тулупахъ всю зиму. Духоборы энергично принялись за дѣло; устроили русскую печь для печенія хлѣба, смастерили нары, скамейки, столы, устроили два очага, которые служили освѣщеніемъ. Затѣмъ поставили амбаръ, сдѣлали закромъ для муки и баню. Такимъ образомъ получился поселокъ Ноторскій. Въ первое время поселенцамъ было воспрещено отлучаться изъ Ноторскаго и имѣть какія-либо сношенія съ другими людьми, даже съ тунгусами. Но когда у нихъ стали приходить къ концу пищевые продукты, заготовленные у петропавловскихъ скопцовъ, то они обратились къ якутскому губернатору съ ходатайствомъ о разрѣшеніи идти на заработки къ скопцамъ.

Разрѣшеніе было получено, и 2-го февраля отправились искать работы 20 человѣкъ. Они проработали у скопцовъ до половины мая за самую ничтожную плату, едва достаточную для того, чтобы прокормиться. Закупивъ у скопцовъ на средства полученныя отъ казны (кормовыя деньги—9 коп. въ день на человѣка), продовольственныхъ продуктовъ, муки, масла и соли, ходившіе на заработки возвратились домой въ Ноторское, торопясь къ лѣтнимъ работамъ. Во время ихъ отсутствія, въ Ноторскомъ оставались 12 человѣкъ, которые также не тратили времени даромъ. Они заготовили матеріалъ для постройки дома, натаскали бревенъ, напилили досокъ и расчистили землю для пашни. Съ наступленіемъ весны, съ 1-го мая, приступили къ работамъ. Три дня пахали двумя сохами; въ одну впряглись 10 человѣкъ, а въ другую впрягли одну лошадь (тогда только и была одна лошадь, которую купили передъ посѣвомъ). Въ видѣ опыта посѣяли 4 пуда ячменя, 1 пудъ ядрицы и 4 пуда картофеля. На землѣ, снятой у скопцовъ, посѣяли еще 20 пудовъ картофеля. Урожай получился довольно удовлетворительный; зерно вышло вполнѣ доброкачественное, только солома плоха. Хлѣба (ячменя и ядрицы) собрали всего 30 пудовъ, а картофеля—около 100 пудовъ. Вскорѣ по возвращеніи 20 человѣкъ, бывшихъ на заработ-

кахъ, прибыла въ Новоторское новая партія ссыльныхъ духоборовъ, въ количествѣ 42 человѣкъ. Такимъ образомъ, число поселенцевъ болѣе чѣмъ удвоилось. Въ виду отсутствія средствъ къ жизни, ноторцы рѣшили снова отправиться на заработки и выдѣлили изъ своей среды снова партію въ 20 человѣкъ на лѣтнія работы къ скопцамъ. Тамъ во время покоса и жатвы имъ платили 23—25 рублей въ мѣсяцъ.

Оставшіеся въ Ноторѣ, имѣя въ своемъ распоряженіи уже 5 лошадей, приготовили къ будущему посѣву 10 десятинъ пашни—въ томъ числѣ 7 десятинъ цѣлины и 3 десятины тайги, очистить которую подъ пашню представлялось по-истинѣ египетской работой. Минувшей осенью посѣяли 10 пудовъ озимой ржи, а лѣтомъ накосили около десяти тысячъ пудовъ сѣна. Кромѣ того, построили большой домъ въ 36 аршинъ длины, 11 ширины, съ двумя отдѣленіями, 6-ю дверями и 11 окнами. Посрединѣ дома устроена кухня съ двумя русскими печами. Домъ покрытъ тесомъ. Устроили также кузницу. Словомъ, въ пустынной тайгѣ, гдѣ бродилъ только дикій кочевникъ, завели настоящее культурное хозяйство. Все это стоило, конечно, невѣроятнаго труда и энергіи,—въ особенности принимая во вниманіе недостатокъ средствъ, тяжелыя условія суровой тайги и дороговизну всѣхъ предметовъ первой необходимости. Вслѣдствіе крайней нужды, поселенцы рѣшили отправить новую партію на заработки и обратились съ ходатайствомъ о разрѣшеніи работать въ скопческихъ поселеніяхъ близъ г. Якутска. Разрѣшеніе было получено, но, къ сожалѣнію, сильно запоздало, такъ что новая партія въ 15 человѣкъ могла отправиться только 14-го августа, не поспѣла къ лѣтнимъ работамъ и нанялась на зиму за безцѣнокъ. Путешествіе ихъ сопровождалось многочисленными затрудненіями. Они поплыли по Алдану, потомъ по Ленѣ въ двухъ небольшихъ лодкахъ, связанныхъ вмѣстѣ. На лодки сложили провизію, вещи и помѣстились сами. Но лодки были такъ малы, что съ трудомъ могли поднять все это. Нерѣдко захлебывали воды. Вообще эта партія натерпѣлась немало и холода, и голода... Однимъ словомъ, передъ глазами невольно развертывается страница изъ исторической жизни протопопа Аввакума двѣсти лѣтъ назадъ. Ночевать приходилось подъ открытымъ небомъ въ морозныя ночи въ промокшей одеждѣ. Вслѣдствіе продолжительности пути не хватило хлѣба, а купить было негдѣ. Только уступая настоятельнымъ просьбамъ злополучныхъ путешественниковъ, одинъ поселенецъ продалъ имъ пять пудовъ муки по 2 р. 25 к. за пудъ.

Особенно трудно было двигаться по р. Ленѣ, берега которой покрыты лѣсомъ и густымъ тальникомъ. Во время хода лодокъ, которыя тащили лямкой, берега обваливались вмѣстѣ съ лѣсомъ и лямочники падали въ воду или попадались такія мелкія мѣста, что приходилось брести въ холодной водѣ и тащить лодку руками. Такое путешествіе продолжалось 20 сутокъ: 11 по р. Алдану и 9 по Ленѣ. По прибытіи въ Якутскъ просили разрѣшенія работать въ городѣ. Но этого имъ не разрѣшили и пришлось отправиться въ окрестности и наняться къ скопцамъ на всю текущую зиму до весны.

Редакція прибавляетъ, что духоборы, узнавъ объ отъѣздѣ ихъ кавказскихъ братьевъ за границу, очень интересуются этимъ и, кажется, намѣрены ходатайствовать, чтобы имъ разрѣшили уѣхать изъ Сибири.

Юбилей В. И. Герье. По поводу исполнившагося въ декабрѣ 1898 года сороколѣтія ученой и общественной дѣятельности профессора Московскаго университета, «Русскія Вѣдомости» помѣщаютъ подробный біографическій очеркъ, изъ котораго мы заимствуемъ характеристику В. И. Герье, какъ общественнаго дѣятеля. Авторъ многихъ спеціальныхъ работъ по исторіи и исторіи философіи, профессоръ Герье былъ нетолько кабинетнымъ ученымъ, но и выдающимся общественнымъ дѣятелемъ.

Начало профессорской дѣятельности В. И. въ университетѣ почти совпало по времени съ введеніемъ устава 1863 года, и онъ всегда былъ ревностнымъ представителемъ и поборникомъ созданнаго этимъ уставомъ порядка. Въ совѣтѣ университета онъ примкнулъ къ группѣ профессоровъ, во главѣ которой стояли Чичеринъ, Дмитріевъ, Соловьевъ и др. Это меньшинство вело трудную борьбу съ господствовавшей партіей, предводителемъ которой можно считать П. М. Леонтьева; сильный ударъ меньшинству былъ нанесенъ, когда въ 1868 г. нѣкоторые изъ наиболѣе видныхъ его членовъ вышли въ отставку въ результатѣ одного изъ столкновеній въ совѣтѣ. Но принципы группы настолько соотвѣтствовали общимъ началамъ тогдашняго университетскаго порядка, что она не распалась, а, напротивъ окрѣпла и при руководящемъ участіи самаго В. И., покойныхъ Усова и Тихонравова и другихъ, отчасти умершихъ, отчасти еще дѣйствующихъ профессоровъ мало-по-малу получила въ совѣтѣ преобладающее вліяніе. Происшедшая въ 1884 году уставная реформа поставила университетскую жизнь на совершенно иныя основанія. В. И. всѣми зависящими отъ него средствами боролся противъ ослабленія выборнаго и корпоративнаго начала въ университетѣ. Къ этому времени относится рядъ статей по университетскому вопросу въ *Вѣстникѣ Европы*, въ которыхъ опровергаются взводимыя на уставъ 1863 года обвиненія и разсматривается бытъ заграничныхъ университевъ, поскольку онъ проливаетъ свѣтъ на положеніе дѣлъ въ Россіи.

Одною изъ выдающихся заслугъ проф. Герье является его роль въ дѣлѣ высшаго женскаго образованія въ Россіи. Проникнутый убѣжденіемъ, что знаніе и умственное развитіе такъ же необходимы и благодѣтельны для женщины, какъ и для мужчины, и что она только выиграетъ въ своей личной, семейной и общественной жизни отъ пріобщенія къ высшимъ интересамъ человѣческой мысли,—онъ открылъ въ 1872 году «Высшіе женскіе курсы», въ которыхъ въ теченіе 16-ти лѣтъ велось профессорами университета преподаваніе гуманитарныхъ наукъ: исторіи, философіи, исторіи литературы и искусства. По закрытіи курсовъ въ 1888 году нѣкоторымъ продолженіемъ ихъ служили возобновлявшіеся въ теченіе трехъ лѣтъ публичные курсы по десяти предметамъ.

Къ вопросу объ уходѣ за душевно-больными въ нашихъ психіатрическихъ заведеніяхъ.

(Замѣтка).

Пусть никого не смущаетъ нѣсколько необычное для общаго журнала заглавіе настоящей замѣтки, мѣсто которой, по мнѣнію, быть можетъ, многихъ, не здѣсь, а на страницахъ какого-нибудь спеціальнаго психіатрическаго журнала; прошу, однако, читателя вооружиться терпѣніемъ и прочитать до конца то, что предлагаю его вниманію. Я питаю смѣлую надежду, что онъ не раскается въ потраченномъ на прочтеніе времени. Мое глубокое убѣжденіе въ важномъ общественномъ значеніи затронутаго здѣсь вопроса, широкій интересъ, который онъ представляетъ для русскаго общества, и невозможность произвести въ немъ болѣе или менѣе коренныя измѣненія однѣми только спеціально-врачебными силами безъ активнаго и широкаго участія общества, побуждаютъ меня выбрать именно этотъ путь, т. е. общій журналъ, какъ болѣе отвѣчающій цѣлямъ возможно широкаго распространенія свѣдѣній по данному вопросу въ обществѣ. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, оспаривать большое общественное значеніе вопроса объ уходѣ за душевно-больными, при той огромной распространенности душевныхъ болѣзней, при томъ прогрессивномъ возрастаніи количества душевно-больныхъ, которое наблюдается, особенно за послѣднее время? Можетъ ли, повторяю, не привлекать вниманія всѣхъ вопросъ, самымъ тѣснымъ образомъ связанный съ угрожающе-усиливающимся общественнымъ бѣдствіемъ?

Вспомнимъ только, что есть страны, въ которыхъ изъ 300 и даже менѣе того жителей 1 уже душевно-больной, какъ это наблюдается напр., въ Швейцаріи, Парижѣ, въ которомъ въ 1881 году, по официціальнымъ свѣдѣніямъ на два милліона жителей приходилось 8.260 душевно-больныхъ, или 1 душевно-больной на 240 человѣкъ населенія *). Хотя эти цифры относятся не къ Россіи и мы еще не имѣемъ такой статистики душевно-больныхъ, какъ на Западѣ, но обыденныя наблюденія всѣхъ, стоящихъ близко къ дѣлу призрѣнія психически больныхъ, и имѣющіяся нѣкоторыя частичныя данныя, касающіяся отдѣльныхъ губерній и областей (какъ Московская и Петербургская губерніи, Прибалтійскій край) убѣждаютъ насъ въ томъ, что въ Россіи количество душевно-больныхъ должно быть очень велико и замѣтно растетъ. По даннымъ Петербургской переписи душевно-больныхъ въ 1895 г. оказывается, что въ С.-Петербургской губерніи приходится приблизительно одинъ душевно-больной на 476 человѣкъ населенія **). По Московской губерніи, по переписи 1893 года—1 душевно-больной приблизительно на 500 человѣкъ жителей ***). Въ Лифляндской губерніи въ 1878 году считалось умалишенныхъ, слабоумныхъ отъ рожденія и эпилептиковъ 2,6 человѣкъ на 1.000 человѣкъ населенія, или все равно 1 на 400 человѣкъ населенія ****).

Алкоголь, все больше и больше усложняющіяся соціально-экономическія условія жизни, обостряющія борьбу за существованіе и требующія большого нервно-мозгового напряженія, дѣлая нашъ мозгъ менѣе стойкимъ, создаютъ условія, благопріятныя для развитія душевныхъ болѣзней.

Нѣтъ сомнѣнія, что съ прогрессомъ цивилизаціи человѣчество пріобрѣтаетъ условія, все больше и больше мѣшающія появленію и распространеній душевныхъ болѣзней. Такими условіями будутъ, напримѣръ, улучшеніе жилищъ, одежды, пищи, болѣе высокая степень народнаго просвѣщенія и пр.; но нельзя въ то же время не согласиться и съ тѣмъ, что та же самая цивилизація въ своихъ уклоненіяхъ отъ правильнаго пути несетъ много вредныхъ условій, благопріятствующихъ появленію душевныхъ болѣзней. Пауперизмъ, сильно развивающаяся фабричная жизнь, со всѣми ея антигигіеничными условіями работы (по крайней мѣрѣ теперь это такъ), непомѣрно развивающаяся наклонность къ роскоши, къ пріобрѣтенію богатствъ и тѣмъ самымъ вызываемое чрезмѣрное напряженіе и истощеніе умственныхъ, нравственныхъ и физическихъ силъ и пр., все это, конечно, нужно отнести къ неблагопріятнымъ условіямъ, способствующимъ распространенію душевныхъ болѣзней. Результатъ вліянія этихъ всѣхъ неблагопріятныхъ условій выражается въ появленіи вырождающихся поколѣній, отмѣченныхъ наслѣдственно переданными имъ болѣзненными чертами какъ физической, такъ и психической организаціи. Объ огромной роли наслѣдственности въ дѣлѣ распространенія душевныхъ болѣзней такой авторитетный психіатръ какъ Крафтъ-Эбингъ въ своемъ учебникѣ психіатріи говоритъ такъ: «Исключая бугорчатку, ни въ одной патологической области наслѣдственность не имѣетъ такого выдающагося значенія, какъ въ душевныхъ болѣзняхъ»...

Нельзя допустить, чтобы общество, въ виду очевидной наличности такого бѣдствія, какъ значительное и быстрое распространеніе душевныхъ болѣзней, не интересовали бы самымъ близкимъ образомъ вопросы о призрѣніи душевно-больныхъ, объ уходѣ за ними и ухаживающемъ персоналѣ. Душевно-больной, въ виду продолжительности теченія душевныхъ болѣзней, и въ виду

---

*) Рѣчь проф. И. П. Мержеевскаго на 1-мъ съѣздѣ отечественныхъ психіатровъ въ Москвѣ въ 1887 г. Труды съѣзда.

**) «Вѣстникъ Клинической и Судебной Психіатріи» за 1897 г., статья д-ра В. М. Бяшкова.

***) «Учебникъ Психіатріи Крафтъ-Эбинга». 3-е изд. 1897 г. стр. 187. примѣчаніе.

****) Рѣчь проф. Мержеевскаго. Труды 1-го съѣзда отечеств. психіатровъ. въ 1887 г.

того, что онѣ даютъ относительно малый процентъ выздоровленій, принужденъ очень долго, иногда и до конца своихъ дней, оставаться въ стѣнахъ психіатрическаго заведенія. Очень понятно поэтому, какую огромную роль играетъ уходъ, призоръ, въ тѣсномъ смыслѣ словѣ за душевно-больными въ психіатрическихъ заведеніямъ. Публика самымъ живѣйшимъ образомъ должна интересоваться вопросомъ, какъ призрѣваются душевно-больные, проникнуть даже во внутренніе распорядки, въ ежедневную будничную жизнь психіатрическихъ больницъ, гдѣ находятся дорогіе ей люди: мать, отецъ, братъ, сестра, сынъ, дочь, мужъ, жена и пр,

Въ засѣданіяхъ Общества психіатровъ въ Петербургѣ 26-го апрѣля и 24-го мая 1897 года было сообщено три доклада по служительскому вопросу въ психіатрическихъ заведеніяхъ докторами: М. М. Нижегородцевымъ *), А. Л. Мендельсономъ **) и М. С. Морозовымъ ***). Уже одно появленіе сразу трехъ докладовъ по одному и тому же предмету указываетъ на то, что затронутый въ нихъ вопросъ достаточно назрѣлъ, стоитъ на очереди, требуетъ нашего внимательнаго изслѣдованія и того или иного рѣшенія. Содержанія самихъ докладовъ еще болѣе убѣждаютъ насъ въ этомъ. Служительскій вопросъ есть въ сущности вопросъ объ уходѣ за душевно-больными и уже по этому самому играетъ очень важную роль въ дѣлѣ организаціи призрѣнія душевно-больныхъ и требуетъ крайняго нашего вниманія. И хотя, конечно, уходъ за душевно-больными не исчерпывается дѣятельностью одного только низшаго персонала (служителей и сидѣлокъ), но значеніе этого послѣдняго въ дѣлѣ ухода за больными настолько велико, въ то же время качество и организація этого низшаго персонала по уходу настолько плохи и самый вопросъ объ упорядоченіи его настолько сложенъ и выше силъ однихъ только врачей психіатровъ, что именно о немъ-то и приходится теперь говорить, апеллировать къ обществу, чтобы онъ пришло на помощь въ этомъ въ высокой степени важномъ и безотлагательномъ дѣлѣ.

Отъ лучшей организаціи служительскаго персонала, несомнѣнно, стоитъ въ прямой зависимости и лучшій уходъ за душевно-больными въ психіатрическихъ заведеніяхъ. Едва ли кто не согласится съ тѣмъ, что какъ бы хорошо ни были устроены психіатрическія заведенія, какіе бы усовершенствованные способы ухода и лѣченія больныхъ не были введены въ больницы, въ концѣ-концовъ самый персоналъ по уходу вообще, а въ частности—низшій персоналъ, черезъ посредство котораго примѣняются къ больнымъ тѣ или другія мѣры ухода и лѣченія, важнѣе всего. Всѣ разнообразныя, болѣе усовершенствованныя системы призрѣнія и лѣченія душевно-больныхъ, какъ, напр., система нестѣсненія больныхъ (no restraint system), система открытыхъ дверей (open door system), система широкаго примѣненія работъ, система постельнаго содержанія больныхъ и пр., всѣ эти системы рискуютъ оказаться мало полезными, мало примѣнимыми къ дѣлу, если нѣтъ на лицо сколько-нибудь достаточно подготовленнаго, умѣлаго, развитаго, толковаго персонала по уходу. Поэтому, намъ кажется, что скорѣе нужно удивляться, что такой важный вопросъ, какъ вопросъ о прислугѣ по уходу за больными въ психіатрическихъ заведеніяхъ, только теперь поднимается у насъ, и уже, во всякомъ случаѣ, не доказывать огромное значеніе его въ дѣлѣ лучшаго призрѣнія душевно-больныхъ.

За границей за послѣднее время по этому вопросу замѣтно особенное оживленіе

*) М. Н. Нижегородцевъ. «О мѣрахъ къ поднятію уровня и улучшенію положенія служительскаго персонала въ заведеніяхъ для душевно-больныхъ.»

**) А. Л. Мендельсонъ. «О профессіональномъ обученіи низшаго персонала психіатрическихъ заведеній».

***) М. С. Морозовъ. «Къ вопросу о служителяхъ въ психіатрическихъ больницахъ».

леніе. Напр., въ Германіи за два, три послѣдніе года на собраніяхъ многихъ психіатрическихъ обществъ и союзовъ служительскій вопросъ (Wärterfrage) въ заведеніяхъ для душевно-больныхъ являлся предметомъ обстоятельныхъ интересныхъ докладовъ и горячо обсуждался. Да и какъ было этому вопросу не вызвать обстоятельныхъ изслѣдованій, горячихъ обсужденій, когда въ дѣлѣ лѣченія и призрѣнія душевно-больныхъ цѣлесообразный, умѣлый, мягкій уходъ занимаетъ едва ли не самое важное мѣсто? Сколько такта, сколько терпѣнія, мягкости, внимательности, какого умственнаго развитія надо ухаживающему, напр., за какимъ-нибудь выздоравливающимъ душевно-больнымъ, у котораго начинаетъ проясняться сознаніе, бредовыя идеи блѣднѣютъ и въ общей психической спутанности появляется нѣкоторый порядокъ. Какое бережное, деликатное обхожденіе, какая внимательность, пониманіе психики нужны въ отношеніи къ такого рода выздоравливающимъ больнымъ. Неосторожное слово, грубый жестъ, безсердечное жесткое отношеніе, излишняя угодливость, назойливость, а еще, больше всего того, какое-нибудь грубое физическое насиліе въ этомъ нѣжномъ неустойчивомъ періодѣ болѣзни могутъ причинить очень тяжкій, трудно поправимый вредъ. Тутъ нужно быть очень чуткимъ къ нѣжнымъ, тонкимъ ньюансамъ психики больного. Во время оказанная ласка, во время удовлетворенное какое-нибудь, хотя бы даже самое ничтожное, желаніе больного, охрана больного отъ грубости и насилія даже со стороны другихъ больныхъ и пр., пр.—все это оказываетъ могущественное дѣйствіе на улучшеніе состоянія больного, способствуетъ установленію большаго равновѣсія въ его неустойчивомъ душевномъ состояніи.

Сознавая огромное значеніе ухода въ дѣлѣ правильнаго лѣченія и призрѣнія душевно-больныхъ, зная всѣ трудности, съ которыми сопряженъ этотъ уходъ, мы, къ сожалѣнію, убѣждаемся, что низшій персоналъ по уходу за больными въ нашихъ психіатрическихъ заведеніяхъ совершенно не отвѣчаетъ требованіямъ своего въ высшей степени отвѣтственнаго дѣла. Въ этомъ могъ убѣдиться всякій, кому почему-либо приходилось сколько-нибудь ближе познакомиться съ той или другой изъ нашихъ психіатрическихъ больницъ. Факты, приведенные въ вышеназванныхъ трехъ докладахъ врачей-психіатровъ, лучше всего могутъ убѣдить въ этомъ. Посмотримъ же, что говорятъ эти факты.

Прежде всего въ нихъ бросается въ глаза огромная подвижность служительскаго персонала.

Оказывается, что въ среднемъ въ продолженіе года въ нашихъ психіатрическихъ заведеніяхъ перемѣняются прислуги—128%—165%; а въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ % перемѣнной прислуги поднимается до 304% и даже до 443%. Выходитъ, такимъ образомъ, что въ нѣкоторыхъ психіатрическихъ заведеніяхъ весь составъ низшей прислуги по уходу въ продолженіи года перемѣнится 3—4 раза.

Если для сравненія возьмемъ соотвѣтствующія данныя по нѣмецкимъ больницамъ, то эта неустойчивость, подвижность нашей прислуги выступитъ еще рѣзче. Въ докладѣ д-ра Karrer'а на XXVII съѣздѣ союза юго-западныхъ психіатровъ въ Карлсруэ въ 1896 году приводится богатый статистическій матеріалъ по служительскому вопросу по 70—83 нѣмецкимъ психіатрическимъ больницамъ. По даннымъ этого доклада видно, что % перемѣнной прислуги по 71 больницѣ колеблется за годъ между 10%—148%, причемъ отъ 100% и до 148% увольненій прислуги встрѣчается только 64 изъ 66 заведеній; преобладающій же средній % перемѣны прислуги держится около 50%.

Соотвѣтственно указанной здѣсь частой смѣняемости прислуги въ нашихъ больницахъ, какъ оказывается, огромный недостатокъ въ старой опытной прислугѣ, и если старою считать прислугу, прослужившую болѣе года, то средній % такой прислуги по 19 русскимъ психіатрическимъ больницамъ равенъ 44%,

при чемъ нужно замѣтить, что въ 10 изъ этихъ 19 больницъ % старой низшей прислуги ниже указаннаго средняго %.

Можетъ ли быть рѣчь о правильномъ, систематическомъ примѣненіи къ больнымъ какой нибудь мѣры, когда наблюдается въ нашихъ больницахъ такая частая смѣна низшаго ухаживающаго персонала, такой недостатокъ въ опытной прислугѣ? Часто вѣдь прислуга только что успѣетъ мало-мальски оглядѣться кругомъ, привыкнуть къ мѣсту и больнымъ, только что начинаетъ различать отдѣльныхъ больныхъ, ихъ индивидуализировать немного, а не смотрѣть на всѣхъ, какъ на одну общую безформенную кучу сумасшедшихъ, какъ уже покидаетъ свое мѣсто, которое занимаетъ новое лицо, совершенно незнакомое съ дѣломъ и опять начинающее, въ свою очередь, присматриваться, привыкать, пріучаться и т. д.

До какой степени часты смѣны прислуги и до какой степени въ большинствѣ случаевъ кратковременна продолжительность службы низшаго персонала, можно судить уже по одному тому, что, какъ оказывается, есть больницы, въ которыхъ до 99% изъ числа уволенной прислуги оставалось на службѣ менѣе одного года и годъ.

Чѣмъ же, однако, объясняется такое въ высшей степени неблагопріятное для хорошаго цѣлесообразнаго ухода условіе, какъ частая смѣна прислуги? Объясненіе этому явленію нужно искать, во 1) въ условіяхъ службы служительскаго персонала, 2) въ самомъ качествѣ того элемента, который идетъ въ служителя и, наконецъ, 3) въ одномъ бытовомъ явленіи русской крестьянской жизни, а именно, въ уходѣ изъ города обратно въ деревню весною къ страднымъ лѣтнимъ работамъ рабочаго элемента, пришедшаго изъ деревни осенью въ городъ на заработки.

Посмотримъ теперь вопросъ объ условіяхъ службы.

Жалованье, получаемое служителями за свой тяжелый трудъ, по 39 русскимъ психіатрическимъ заведеніямъ въ среднемъ равняется 6—7 рублямъ въ мѣсяцъ для мужчинъ, для женщинъ же-сидѣлокъ и того менѣе; а въ нѣкоторыхъ больницахъ платятъ даже по 3—4 рубя въ мѣсяцъ мужскому персоналу. Максимальное вознагражденіе, до котораго можетъ дослужиться съ теченіемъ времени черезъ нѣсколько лѣтъ служитель, въ среднемъ не превышаетъ 11 рублей въ мѣсяцъ.

Что сается пенсіонныхъ, эмеритурныхъ, вспомогательныхъ кассъ, богаделенъ, инвалидныхъ и вдовьихъ домовъ и пр., то почти ничего подобнаго у насъ не имѣется для служительскаго персонала, и только въ 4-хъ изъ 40 психіатрическихъ заведеній существуютъ пенсіонныя кассы.

Помѣщенія для служительскаго персонала, въ общемъ, очень плохи, тѣсны, грязны, въ нѣкоторыхъ больницахъ представляютъ нѣчто невозможное по своей антигигіеничности и во всякомъ случаѣ очень мало похожее на человѣческое обиталище.

Сплошь и рядомъ отводятся помѣщенія въ самыхъ отдѣленіяхъ больницы вмѣстѣ съ больными, въ отгороженныхъ отъ ванной комнаты тонкой невысокой досчатой переборкой углахъ, гдѣ на одной кровати по очереди отдыхаетъ и спитъ по нѣсколько часовъ прислуга.

Работать приходится служительскому персоналу въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ по 16 часовъ въ сутки.

Прибавьте, наконецъ, ко всему сказанному объ условіяхъ службы прислуги еще то, что въ нашихъ психіатрическихъ заведеніяхъ, за очень небольшимъ исключеніемъ, почти ничего не дѣлается для удовлетворенія духовныхъ потребностей какъ самаго служительскаго персонала, такъ и его семьи; я имѣю въ виду школы, библіотеки, читальни, разнообразныя разумныя развлеченія. Школы для служителей и ихъ семей встрѣчаются въ очень рѣдкихъ случаяхъ; библіо-

текъ и читаленъ не имѣется вовсе, а о какихъ-нибудь правильно организованныхъ развлеченіяхъ, чтеніяхъ съ картинами и пр. пр. нигдѣ ничего подобнаго и не слышно.

Врядъ ли нужно добавлять, что условія службы очень плохи; но для большей убѣдительности и рельефности я приведу нѣсколько данныхъ по этому вопросу по заграничнымъ психіатрическимъ заведеніямъ.

Не говоря уже объ англійскихъ, шотландскихъ психіатрическихъ заведеніяхъ, условія службы служительскаго персонала въ которыхъ на долго останутся для насъ недосягаемымъ идеаломъ, но и въ германскихъ больницахъ, въ которыхъ дѣло стоитъ далеко не такъ образцово, все-жъ таки условія службы несравненно лучше нашихъ. Хотя и въ Германіи положеніе служительскаго персонала въ общемъ относительно неудовлетворительно, но это тамъ сознается и за послѣднія нѣсколько лѣтъ вездѣ замѣтны усиленныя и настойчивыя старанія улучшить его. Въ германскихъ психіатрическихъ заведеніяхъ, какъ видно изъ статьи д-ра Karrer'a, болѣе чѣмъ въ 70 изъ приведенныхъ имъ больницъ имѣются вспомогательные кассы, въ большей части этихъ же больницъ—пенсіонныя кассы. Жалованье въ германскихъ больницахъ, въ общемъ невысокое, все-таки выше нашего: въ среднемъ начальное жалованье для мужской прислуги 11—13 руб. въ мѣсяцъ, а для женщинъ 9—10 рублей на всемъ готовомъ. Этотъ начальный окладъ постепенно увеличивается и для мужского персонала доходитъ въ среднемъ до 20—25 рублей въ мѣсяцъ, въ нѣсколькихъ заведеніяхъ до 30 рублей, и даже до 40 и 48 рублей въ мѣсяцъ; для женского въ среднемъ—до 13—17 рублей, а въ нѣсколькихъ больницахъ до 20 и 30 рублей въ мѣсяцъ на всемъ готовомъ.

Что касается англійскихъ и шотландскихъ больницъ, то тамъ, какъ оказывается по статьѣ д-ра König'a *), недавно посѣтившаго англійскія больницы, прислуга въ качественномъ отношеніи сплошь почти хорошая, частью же превосходная; положеніе и условія быта ея очень хороши: вознагражденіе высокое, ежегодныя прибавки, ежегодные довольно продолжительные отпуски (отъ 12—14 дней); пенсіонныя кассы и пр. Въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ для прислуги имѣются особые дома съ отдѣльными для каждаго служителя комнатами, а вообще для жилья ея отводится обыкновенно третій этажъ зданія больницы. Значительная часть служителей женаты, а въ нѣкоторыхъ больницахъ и всѣ женаты (напр., Roslyncostle asylum въ Шотландіи); семьи служителей живутъ въ 9 котеджахъ; семья получаетъ особый домикъ съ садикомъ и клочкомъ земли. Въ заведеніи Claybirg устраивается 20 домиковъ для женатыхъ служителей. Прислуга имѣетъ свои особыя столовыя, рекреаціонные залы, билліарды, фортепіано; устраиваются для прислуги балы и пр.

Если условія службы и вообще положеніе служительскаго персонала у насъ въ психіатрическихъ заведеніяхъ такъ плохи, то въ служителя и сидѣлки идетъ, понятно, плохой, не могущій найти другой болѣе выгодной работы элементъ. Кому не приходилось слышать циркулирующихъ еще и теперь въ обществѣ разсказовъ объ истязаніяхъ, побояхъ душевно больныхъ прислугою психіатрическихъ заведеній? Я погрѣшилъ бы сильно противъ истины, если бы сталъ отрицать возможность того или другого акта насилія, грубости по отношенію къ больнымъ со стороны прислуги въ современныхъ нашихъ психіатрическихъ заведеніяхъ. Правда, всѣ такого рода печальныя явленія въ больничной жизни встрѣчаются все рѣже и рѣже, но все же они существуютъ и далеко не въ видѣ исключенія

Конечно, всѣ упомянутыя нами невыгодныя условія службы играютъ очень

*) Цитировано по докладу д-ра Нижегородцева «О мѣрахъ къ поднятію уровня и улучшенію положенія служительскаго персонала».

важную роль въ вопросѣ о недостаткѣ у насъ хорошей прислуги по уходу за душевно-больными; было бы, однако, значительной натяжкой, если бы мы не отмѣтили одного весьма важнаго фактора, имѣющаго коренное значеніе въ данномъ вопросѣ, — именно—низкій уровень культуры, образованности той части населенія (народа), изъ которой набирается служительскій персоналъ. Поголовная безграмотность въ нѣкоторыхъ больницахъ всей женской прислуги или же грамотность только какой-нибудь 1/5 части мужской прислуги (въ докладѣ Морозова) достаточно краснорѣчиво свидѣтельствуютъ объ этомъ.

Ко всѣмъ неблагопріятнымъ условіямъ нужно еще прибавить почти полное отсутствіе у насъ профессіональной подготовки служительскаго персонала къ отправляемымъ имъ обязанностямъ. Ухаживаетъ за психически-больными сплошь и рядомъ не только просто неподготовленный, неразвитой, темный народъ, но нерѣдко окончательно развращенный, спившійся, грубый, бродячій, бездомный элементъ Никольскаго и Хитрова рынковъ.

За границей во многихъ государствахъ дѣло профессіональной подготовки служительскаго персонала уже поставлено прочно. Въ *Германіи* уже давно существуютъ спеціальные курсы и правительственныя школы для подготовки служителей и сидѣлокъ и въ настоящее время уже въ половинѣ всѣхъ германскихъ психіатрическихъ зеведеній ведется систематическое обученіе ухода за душевно больными. *Во Франціи* съ 1878 г. по иниціативѣ *Bournevill'я* существуютъ школы при Salpetriere. Bicetre и Pitié въ Парижѣ, въ которыхъ служителя получаютъ сначала начальное общее, а за тѣмъ профессіональное (уходъ за больными) образованіе. Впослѣдствіи такая же школа учреждена при больницѣ St. Anne. Городъ Парижъ на эти школы расходуетъ ежегодно до 15.000 франковъ. На парижскомъ конгрессѣ по общественному призрѣнію въ 1889 г. Bourneville сообщаетъ, что всѣ эти профессіональныя школы способствовали повышенію уровня низшаго персонала. Особенно прочно и хорошо поставлено дѣло профессіональной подготовки служителей въ *Англіи*. Тамъ по постановленію Британскаго медико-психологическаго общества весь низшій персоналъ больницъ въ теченіе двухъ лѣтъ врачами больницъ обучается уходу за душевно-больными по извѣстной, выработанной обществомъ программѣ. Успѣшно окончившіе курсъ и безупречно прослужившіе два года служителя и сидѣлки могутъ подвергнуться въ испытательной коммиссіи общества экзамену и получаютъ дипломъ, дающій имъ право на высшій окладъ жалованья или производство въ надзиратели. Организація подготовки прислуги, выработанная Британскимъ медико-психологическимъ обществомъ, принята большинствомъ англійскихъ психіатрическихъ больницъ и число ежегодно успѣшно выдержавшихъ экзаменъ служителей и сидѣлокъ равняется 300—400 человѣкъ (докладъ д-ра Мендельсона).

Что же сдѣлано и дѣлается въ этомъ отношеніи у насъ въ Россіи? Къ сожалѣнію, почти ничего, если не считать двухъ-трехъ попытокъ отдѣльныхъ лицъ, какъ-то д-ра В. Ольдерогге, который съ 1888 г. занимается обученіемъ низшаго служительскаго персонала психіатрическаго отдѣленія Николаевскаго военнаго госпиталя въ Петербургѣ, д-ровъ А. Мендельсона и автора настоящей статьи, начавшихъ обучать прислугу въ больницѣ Св. Пантелеймона въ Петербургѣ въ 1895 г.; да еще д-ра Данилло, который обучалъ собственно сестеръ милосердія, а не служителей, при Общинѣ Краснаго Креста. Вотъ и все, что у насъ было сдѣлано и дѣлается по вопросу объ обученіи прислуги. Какъ видно, это очень немного, а между тѣмъ необходимость такой спеціальной профессіональной подготовки служительскаго персонала несомнѣнно уже давно сознается и у насъ. Уже на первомъ съѣздѣ отечественныхъ психіатровъ въ Москвѣ въ 1897 году этотъ вопросъ былъ затронутъ въ преніяхъ по докладу проф. А. Кожевникова «Устройство психіатрическихъ клиникъ и пр.» докто-

ромъ Оршанскимъ и др. Проф. И. Мержеевскій въ засѣданіи общества психіатровъ въ Петербургѣ 1-го іюня 1891 г., по поводу доклада д-ра Данилло «Объ обученіи уходу за душевно-больными сестеръ Краснаго креста», высказалъ мысль о необходимости подготовки низшаго персонала больницъ. Д-ръ Теріанъ въ засѣданіи 22 сентября 1896 г. ежемѣсячныхъ конференцій при Московской университетской психіатрической клиникѣ въ сообщеніи своемъ объ организаціи прислуги въ лѣчебницахъ для душевно-больныхъ затрогиваетъ вопросъ о школахъ и обученіи низшаго служительскаго персонала.

Послѣ сдѣланнаго, такимъ образомъ, краткаго обзора дѣйствительнаго положенія вопроса объ уходѣ и ухаживающемъ низшемъ персоналѣ, самъ собою, конечно, возникаетъ вопросъ, какими мѣрами можно улучшить служительскій персоналъ, а значитъ, и самый уходъ за душевно-больными. Отвѣтъ на этотъ вопросъ въ общихъ чертахъ вытекаетъ изъ сдѣланнаго обзора.

Улучшеніе условій службы служительскаго персонала можетъ быть осуществлено путемъ: 1) увеличенія жалованія, 2) учрежденія пенсіонныхъ, эмеритурныхъ, вспомогательныхъ и др. кассъ, 3) учрежденія разнаго рода инвалидныхъ, вдовьихъ домовъ, 4) страхованія служительскаго персонала, 5) регулированія рабочаго времени, 6) устройства хорошихъ помѣщеній для самаго персонала и его семьи.

Профессіональная подготовка служителей можетъ быть осуществлена въ видѣ спеціальныхъ курсовъ для обученія уходу при каждой больницѣ отдѣльно, по извѣстной программѣ, какъ это существуетъ при многихъ больницахъ Германіи, Англіи и какъ это велось у насъ д-ромъ В. Ольдерогге при Николаевскомъ военномъ госпиталѣ или д-ромъ А. Мендельсономъ и мною въ больницѣ Св. Пантелеймона на станціи Удѣльной, Финляндской ж. д. Обученіе это можетъ быть, конечно, осуществлено и въ другомъ какомъ-нибудь видѣ; суть дѣла не въ этомъ, а въ томъ, что нужна непремѣнно спеціальная подготовка служительскаго персонала.

Наконецъ, въ цѣляхъ возможно большаго развитія служительскаго персонала, поднятія умственнаго и нравственнаго его уровня является необходимымъ устройство всевозможныхъ воскресныхъ, вечернихъ и пр. общеобразовательныхъ школъ для самихъ служителей и ихъ семей; устройство служительскихъ библіотекъ, читаленъ, чтеній съ картинами, разумныхъ развлеченій и пр.

Заканчивая свою замѣтку, я не могу еще разъ не высказать искренняго и горячаго пожеланія, чтобы общество, которое самымъ близкимъ образомъ заинтересовано въ затронутомъ мною вопросѣ о низшемъ персоналѣ по уходу за душевно-больными, обратило на него серьезное вниманіе и пришло на помощь въ дѣлѣ широкой и коренной реорганизаціи его въ указанномъ выше въ общихъ чертахъ направленіи. Я хорошо знаю, что общественная иниціатива у насъ не всегда имѣетъ достаточно возможности проявить себя, осуществить тѣ или другія свои начинанія, поэтому упрекъ исключительно обществу въ недостаточномъ съ его стороны интересѣ и бездѣятельности по затронутому здѣсь вопросу былъ бы несправедливъ. Но я этого исключительнаго упрека обществу нашему и не хочу дѣлать, а только призываю его къ возможно-широкой для него активной дѣятельности. Русское общество, съумѣвшее такъ плодотворно и блестяще проявить свою иниціативу въ различныхъ отросляхъ земской дѣятельности, напр., по организаціи земской медицины, народнаго образованія и пр., найдетъ въ себѣ достаточно силъ и энергіи, чтобы оказать существенную помощь въ разрѣшеніи такой, сравнительно скромной задачи, какую я имѣю въ виду.

Д-ръ Мих. Морозовъ.

За границей.

Современная Испанія. Испанско-Американская комиссія мира, собиравшаяся въ Парижѣ для выработки мирнаго договора, закончила свои труды. Такъ или иначе соглашеніе состоялось и Испанія покорилась необходимости, потому что дальнѣйшее сопротивленіе было невозможно и одной изъ сторонъ надо было уступить, чтобы не возобновлять войны. Разумѣется уступить должна была Испанія, какъ побѣжденная держава. Выразивъ протестъ противъ насилія, жертвою котораго она становится, и противъ равнодушія Европы, Испанія теперь сошла со сцены какъ колоніальная держава и послѣ заключенія мира должна будетъ заняться приведеніемъ въ порядокъ своихъ внутреннихъ дѣлъ, сильно разстроенныхъ не только войной, но и цѣлымъ рядомъ кризисовъ, которые приходилось переживать странѣ въ теченіе долгаго періода лѣтъ. Европа дѣйствительно мало интересуется Испаніей и ея внутренними дѣлами, между тѣмъ Испанію, съ такимъ же правомъ какъ и Турцію, можно было бы причислить къ распадающимся государствамъ, о которыхъ было упомянуто въ одной изъ англійскихъ политическихъ рѣчей. Въ данный моментъ Испанія несомнѣнно переживаетъ, кромѣ финансоваго и др. кризисовъ, еще и династическій кризисъ. Конституціонная система въ Испаніи давно уже сдѣлалась лишь орудіемъ въ рукахъ нѣсколькихъ высокопоставленныхъ парламентскихъ дѣятелей, которымъ они пользуются для достиженія своихъ личныхъ цѣлей и выгоды, такой порядокъ вещей не могъ не подѣйствовать деморализующимъ образомъ на націю, заглушивъ въ ней всякое проявленіе энергіи и инициативы.

Равнодушіе или, вѣрнѣе, инертность испанской націи дѣйствительно поразительны. Протесты раздаются крайне рѣдко и народъ въ большинствѣ случаевъ остается безучастнымъ зрителемъ того, что творится вокругъ него. Благодаря такой инертности народной массы, ни одно движеніе не могло распространиться вглубь и горсть гражданской стражи всегда бывала въ состояніи прекратить всякое волненіе, не давая ему распространяться далѣе. Такъ было напримѣръ, въ 1894 г. когда экономическія реформы вызвали цѣлый рядъ возмущеній, которыя однако были подавлены безъ особаго труда, хотя противники династіи и думали, что время для переворота назрѣло. Кончилось однако тѣмъ, что карлисты и республиканцы получили нѣсколько мѣстъ въ парламентѣ и вполнѣ этимъ удовлетворились, хотя впослѣдствіи они и не играли ровно никакой роли въ парламентской жизни страны. Нѣсколько лѣтъ раньше, въ 1886 году, республиканцы попробовали было устроить настоящее возмущеніе. Одинъ изъ генераловъ-республиканцевъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ и вооруженнаго отряда, прошелъ по улицамъ Мадрида и провозгласилъ республику, но тѣмъ дѣло и кончилось; всѣхъ ихъ арестовали, судили и наказали и никто не протестовалъ противъ этого, даже среди тѣхъ, кто открыто раздѣлялъ ихъ республиканскія убѣжденія! Но также равнодушно относятся испанцы и къ вопросамъ другого рода. Когда, въ 1887 году, введенъ былъ гражданскій бракъ, то духовенство страшно вознегодовало и священники стали проповѣдывать крестовый походъ противъ этой мѣры, приглашая своихъ вѣрныхъ прихожанъ изгонять изъ церкви преставителей гражданской власти, которыя должны были присутствовать при бракосочетаніи. Однако, несмотря на сочувствіе многихъ, раздѣлявшихъ взгляды духовенства, ни одинъ голосъ не возвысился противъ мѣропріятій правительства и народъ попрежнему относился къ нимъ совершенно, безучастно, съ какой бы стороны онѣ ни противорѣчили его внутреннимъ убѣжденіямъ.

Духовенство все таки пользуется въ Испаніи большимъ вліяніемъ. Епископы вмѣшиваются въ вопросы преподаванія и хотя это дѣлается вопреки законамъ конституціи, но тѣмъ не менѣе не возбуждаетъ ни малѣйшаго ро-

пота. Религіозныя общины, монастыри выростають точно грибы по сосѣдству большихъ городовъ и владѣнія духовенства пользуются льготами наперекоръ законамъ, но никого это не пугаетъ и никто этимъ не интересуется въ Испаніи. Курьезнѣе всего, что духовенство явно поддерживало франмассона Сагасту, члена массонской ложи въ Мадридѣ, и составляло оппозицію благочестивому католику Кановасу, потому только, что этотъ послѣдній не скрывалъ своего желанія ограничить требованія церкви. Іезуиты, имѣющіе громадное вліяніе на высшіе классы испанскаго общества, вполнѣ овладѣли дворомъ и между династіей и церковью заключенъ былъ союзъ, торжественно запечатлѣнный возстановленіемъ должности и титула придворнаго духовника королевы, которымъ былъ облеченъ іезуитъ Монтана. Испанцы ненавидятъ Монтану и должность, которую онъ получилъ при дворѣ, но ни одинъ голосъ не возвысился противъ него и не раздалось ни одной жалобы, когда 25.000 пезетъ, ежегодно раздаваемыхъ королевою бѣднымъ, были отданы цѣликомъ въ распоряженіе религіозныхъ орденовъ.

При такихъ условіяхъ и необыкновенной трудности привести въ движеніе инертныя народныя массы въ Испаніи, казалось бы, династія и существующій порядокъ вещей въ Испаніи могутъ считать себя вполнѣ обезпеченными отъ всякихъ случайностей. Дѣйствительно, политическія партіи въ Испаніи не обладаютъ достаточными силами, чтобы произвести переворотъ. Карлисты нѣкогда были могущественны и располагали громадными средствами, но эти времена прошли. Духовенство, по примѣру папы и іезуитовъ, покинуло ихъ и средства партіи истощились. Республиканцы находятся не въ лучшемъ положеніи, хотя они гораздо многочисленнѣе карлистовъ; но у нихъ нѣтъ ни выдающихся вождей, ни денегъ, ни прочной организаціи. Они не могутъ разсчитывать ни на поддержку духовенства, ни на сочувствіе арміи и еслибъ политическое недовольство было единственнымъ факторомъ, подкапывающимся подъ существующій порядокъ вещей, то королева Христина могла бы считать престолъ своего сына обезпеченнымъ. А между тѣмъ несомнѣнно, что кризисъ существуетъ и угрожаетъ существованію династіи, такъ какъ назрѣваетъ экономическая революція, противъ которой безсильны и армія и всякіе военные законы. Теперь, послѣ окончанія войны, когда Испаніи придется расплачиваться по счету, система злоупотребленій, эксплуатаціи и лжи должна раскрыться во всей своей красѣ. Долгъ Испаніи, увеличенный теперь кубинскимъ и филиппинскимъ долгомъ, достигъ страшной цифры 11 милліардовъ, между тѣмъ какъ даже въ самую блестящую пору промышленнаго и колоніальнаго процвѣтанія Испаніи ея національные доходы не превышали 750 милліоновъ; теперь же одна только сумма ежегодныхъ процентовъ, подлежащихъ уплатѣ, равняется 740 милліонамъ. Національное банкротство почти неизбѣжно, тѣмъ болѣе, что потеря колоній должна повести за собою быстрое изчезновеніе промышленности и торговли, такъ какъ прекратится поддержка, которую вынужденнымъ образомъ колоніи должны были оказывать испанской промышленности и торговлѣ. Испаніи придется закрыть фабрики, конторы, магазины, а 100.000 солдатъ, больныхъ и увѣчныхъ, останутся безъ всякихъ средствъ къ жизни по возвращеніи на родину. Не въ лучшемъ положеніи окажутся и многіе офицеры и тогда Испанія волей-неволей очутится во власти голодныхъ, доведенныхъ до отчаянія людей.

Такова опасность, которая грозитъ въ данный моментъ Испаніи, трудно ожидать перемѣны и возрожденія испанскаго высшаго общества, которое поражаетъ своимъ невѣжествомъ и отсутствіемъ гражданскихъ доблестей. Послѣдняя война лучше всего доказала это. Огромное большинство испанскихъ аристократовъ, обладатели громадныхъ состояній, не пожертвовали ни одного гроша на нужды сражающихся за честь отечества и представители высшихъ классовъ преспокойно продолжали посѣщать различныя увеселенія и бои бы-

ковъ, въ то время какъ лилась кровь ихъ соотечественниковъ на Кубѣ и Филиппинахъ. Каждый изъ этихъ представителей лучшаго общества готовъ пролить кровь другого и пожертвовать собственной жизнью, защищая достоинства той или другой католической реликвіи или святыни, но ни одинъ изъ нихъ неспособенъ идти на войну, проливать кровь за отечество. Что же касается интелектуальнаго развитія испанскихъ политическихъ дѣятелей, то слѣдующіе два анекдота обрисовываютъ ихъ съ достаточною ясностью. Въ началѣ войны, выдающійся испанскій государственный дѣятель Сагаста получилъ изъ Берлина восторженную телеграмму, наполненную самыми горячими пожеланіями успѣха испанскому оружію. Въ этой телеграммѣ заявлялось между прочимъ, что вся Германія становится на сторону Испаніи въ борьбѣ за правое дѣло, а внизу находилась слѣдующая подпись: «Северинъ Сенаторъ изъ Берлина». Сагаста и его министерскіе коллеги пришли въ восторгъ отъ такихъ выраженій и тотчасъ же увѣдомили представителей мадридской печати, что одинъ изъ наиболѣе вліятельнѣхъ членовъ *«германскаго сената»* прислалъ сочувственную телеграмму испанскому правительству. Печать разумѣется, съ своей стороны, разнесла эту новость по всей странѣ, въ особенности подчеркивая политическое значеніе такихъ выраженій симпатіи; общество также возликовало отъ радости, что Германія сочувствуетъ Испаніи, и никому, рѣшительно никому изъ политическихъ дѣятелей и читающей публики, не пришелъ въ голову весьма простой вопросъ: съ какихъ же это поръ существуетъ въ Германіи сенатъ? Спустя нѣсколько дней въ одной вечерней газетѣ появилось разъясненіе этой тайны. Оказалось, что телеграмма была послана нѣмцемъ, фамилія котораго была *Сенаторъ*. По профессіи этотъ господинъ былъ электротехникомъ и изобрѣтателемъ особеннаго электрическаго рефлектора. Желая обратить вниманіе испанскаго правительства на свое изобрѣтеніе, онъ и послалъ знаменитую телеграмму, и своею подписью ввелъ въ заблужденіе все испанское общество вмѣстѣ съ правительствомъ и политическими дѣятелями во главѣ.

Другой анекдотъ еще характеристичнѣе: немного спустя послѣ полученія знаменитой телеграммы, въ собраніи генераловъ и наиболѣе выдающихся политическихъ дѣятелей обсуждался вопросъ о средствахъ борьбы со множествомъ золъ, отъ которыхъ такъ страдаетъ Испанія. Предлагались разныя мѣры, но ни одна изъ нихъ не была признана дѣйствительной. Тогда одинъ изъ генераловъ, внимательно слушавшій пренія, но не принимавшій въ нихъ участія, сказалъ: «Я тщательно изучилъ этотъ вопросъ и пришелъ къ заключенію, что единственное средство бороться со зломъ и спасти нашу несчастную страну, это—учрежденіе *септенната»*.—Отвѣтомъ на эти слова было общее молчаніе и лишь спустя нѣсколько минутъ одинъ изъ присутствовавшихъ генераловъ сказалъ многозначительно, что «безъ сомнѣнія въ пользу септенната можно сказать многое», на что другой, болѣе простосердечный замѣтилъ: «Что вы понимаете подъ этимъ словомъ? Сознаюсь, мнѣ это несовсѣмъ ясно.»—«Подъ септеннатомъ,—возразилъ генералъ, первый произнесшій это слово,—Я понимаю: *септеннатъ*, ни больше, ни меньше. Вы вѣдь всѣ знаете, что такое септеннатъ!»—«Ну конечно,—отвѣтилъ одинъ изъ военныхъ членовъ этого собранія;—но скажите мнѣ, генералъ, неужели вы думаете, что въ странѣ, въ которой никогда нельзя было найти даже одного человѣка, который бы находился на высотѣ такой задачи, мы можемъ легко найти *семерыхъ*!»—«Да, да! вы дѣйствительно указали на больное мѣсто»,—сказалъ генералъ, очень довольный, что его мысль такъ хорошо была понята всѣми.

Этихъ двухъ образчиковъ достаточно для доказательства степени интеллектуальнаго уровня большинства испанскихъ политиковъ. Но кромѣ этого обстоятельства положеніе правительства и династіи въ Испаніи крайне шатко еще и потому, что королева Христина, обладающая всѣми качествами настоя-

щей нѣмецкой «Hausfrau» и всевозможными семейными добродѣтелями, не позаботилась о пріобрѣтеніи любви и популярности въ народѣ и кромѣ того своимъ, часто неумѣстнымъ вмѣшательствомъ въ государственныя дѣла, возстановила противъ себя огромное большинство даже среди консервативной партіи, являющеюся главною поддержкою трона. Когда Кановасъ былъ во главѣ министерства, то королева ставила его въ неловкое положеніе своимъ вмѣшательствомъ. Она заставила его послать на Филиппины, генерала Палавеха, вмѣсто генерала Бланко, и когда Палавеха, оказавшійся совершенно не на высотѣ своей миссіи, скоро былъ отозванъ Кановасомъ, то королева устроила ему овацію въ Мадридѣ, въ пику Кановасу. Она вышла на балконъ съ сыномъ на рукахъ и, окруженная принцессами, привѣтствовала его. Весь Мадридъ заговорилъ объ этомъ, Сагаста, взбѣшенный, побѣжалъ во дворецъ и сказалъ королевѣ: «Вы разумѣется можете меня уволить отъ должности, какъ вамъ вздумается, но сдѣлать это должны на страницахъ «оффиціальной газеты» а не съ балкона своего дворца!» На другой же день во всѣхъ газетахъ былъ помѣщенъ разсказъ, объясняющій случайностью появленіи королевской семьи на балконѣ какъ разъ въ то время, когда проѣзжалъ Палавеха.

Любимымъ министромъ королевы былъ генералъ Ацкаррага, тотъ самый, который обратился къ своему духовнику съ вопросомъ, можетъ ли онъ поддерживать оффиціальныя сношенія со своимъ коллегой, министромъ финансовъ, отлученнымъ отъ церкви однимъ изъ епископовъ, за защиту правъ государства противъ церкви. Успокоенный на этотъ счетъ генералъ Ацкарагга, тѣмъ не менѣе, послѣ каждаго засѣданія совѣта министровъ, всегда призывалъ въ залу совѣта священника, который долженъ былъ читать заклинанія противъ духовъ зла. Этотъ самый генералъ Ацкаррага, когда ему поручили руководить военными операціями противъ Соединенныхъ Штатовъ, тревожно разспрашивалъ всѣхъ, гдѣ находятся Маріанскіе острова, о которыхъ онъ никогда доселѣ не слыхивалъ! Чтожъ удивительнаго послѣ этого, что Испанія, несмотря на всю инертность своего населенія и общества, все-таки находится въ данную минуту на рубежѣ переворота и никто не въ состояніи предсказать, которая изъ политическихъ партій возьметъ верхъ, когда наступитъ кризисъ.

Пятидесятилѣтіе американскаго общества поощренія наукъ. Въ Бостонѣ происходилъ въ концѣ прошлаго года юбилейный конгрессъ американскаго общества поощренія науки иначе называемаго «американскою ассоціацiей», праздновавшей пятидесятилѣтіе своего основанія. Въ 1838 году одинъ изъ друзей доктора Роджерса впервые высказалъ мысль, что хорошо было бы геологамъ собираться вмѣстѣ для обсужденія различныхъ научныхъ вопросовъ, касающихся ихъ спеціальности. Роджерсъ горячо отнесся къ этой идеѣ и вмѣстѣ со своимъ братомъ дѣятельно принялся ее пропагандировать, такъ что черезъ два года состоялся уже первый митингъ «ассоціаціи геологовъ», на которомъ присутствовало восемьнадцать членовъ.

Начало было положено. Члены ассоціаціи собирались каждый годъ, то въ Бостонѣ, то въ Филадельфіи и мало-по-малу расширяли сферу дѣятельности ассоціаціи, такъ что на конференціяхъ читались и обсуждались доклады, не по одной только геологіи, но и по другимъ наукамъ: астрономіи, антропологіи, зоологіи и т. д. Однимъ, словомъ прежнія рамки ассоціаціи очень скоро оказались тѣсными и спустя восемь лѣтъ послѣ первой конференціи, прежняя ассоціація геологовъ превратилась уже въ американскую ассоціацію ученыхъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Тогда уже число членовъ ассоціаціи было 461; съ тѣхъ поръ оно значительно возросло и въ 1892 году уже превышало 2000. Конечно, съ теченіемъ времени ассоціаціи пришлось раздѣлиться на нѣсколько секцій по спеціальностямъ, но тѣмъ не менѣе это не на-

рушило единства ассоціаціи, а только облегчило ея дѣятельность. Со времени своего преобразованія въ болѣе обширную корпорацію ученыхъ ассоціація поставила себѣ цѣлью не только содѣйствовать прогрессу науки вообще посредствомъ поощренія научныхъ изслѣдованій, но также помогать распространенію и популяризаціи знаній. Съ этою цѣлью установлена была для всѣхъ желающихъ весьма небольшая плата, внеся которую каждый можетъ сдѣлаться членомъ ассоціаціи и заниматься любою отраслью науки въ музеяхъ и библіотекахъ ассоціаціи и посѣщать ея научныя засѣданія. Во главѣ ассоціаціи стоятъ такъ называемые «fellows»—люди науки, уже составившіе себѣ извѣстную репутацію занимающіеся научными изслѣдованіями.

Такимъ образомъ, первоначальная ассоціація геологовъ еще разъ измѣнила свой видъ, превратившись въ «общество поощренія науки», куда получаютъ доступъ не только профессіональные ученые, но и всѣ желающіе заниматься наукой или вообще расширить сферу своихъ познаній. Въ настоящее время американская ассоціація пользуется огромною популярностью и дѣйствительно содѣйствуетъ распространенію знаній. Что касается публичныхъ лекцій и конференцій, устраиваемыхъ ассоціацiей, то въ этомъ отношеніи ассоціація придерживается правила не низводить науку на болѣе низкій уровень, но всегда держать ее на извѣстной высотѣ и только сдѣлать ее болѣе доступной и популярной въ лучшемъ смыслѣ этого слова, возбуждая любознательность и интересъ слушателей и побуждая ихъ къ дальнѣйшей разработкѣ вопросовъ и и самостоятельному труду. Въ своей вступительной рѣчи, сказанной при открытіи торжественнаго юбилейнаго собранія, президентъ профессоръ Путнамъ, въ особенности подчеркнулъ воспитательное значеніе ассоціаціи и указалъ на успѣхи достигнутые ею въ этомъ отношеніи.

Собраніе горячо привѣтствовало доктора Мартина Бойе, единственнаго оставшагося въ живыхъ изъ членовъ учредителей ассоціаціи. Маститый старецъ пріѣхалъ изъ Нью-Іорка, чтобъ присутствовать на конгрессѣ, и сказалъ прочувствованную рѣчь, въ которой описалъ первые шаги молодого общества и постепенный его ростъ и развитіе. «Ассоціація,—сказалъ онъ,—съ самаго начала своего существованія стремилась объединить отдѣльныхъ тружениковъ науки и установить между ними постоянныя сношенія. Цѣль эта болѣе или менѣе достигнута въ настоящее время, на это указываетъ юбилейное собраніе ассоціаціи, чествовать которую собрались представители науки изъ разныхъ мѣстъ. Но путемъ постепенной эволюціи рамки ассоціаціи расширились настолько, что теперь она должна стараться выполнить и другое назначеніе, служить воспитательнымъ цѣлямъ и постоянно поддерживать въ обществѣ стремленіе къ свѣту и знанію».

Тайныя общества и положеніе дѣлъ въ Китаѣ. Китайская имперія, которая, повидимому, можетъ служить символомъ неподвижности и застоя, подвержена все-таки внутреннему броженію, которое выражается нерѣдко кровавыми возстаніями въ разныхъ мѣстахъ, временами принимающими довольно широкіе размѣры, опасные для трона Манджурской династіи. Несмотря на кажущуюся инертность и полную политическую индиферентность китайцевъ, тайныя общества въ Китаѣ процвѣтаютъ и многія нихъ насчитываютъ уже нѣсколько вѣковъ своего существованія. Эти общества служатъ единственнымъ признакомъ политическаго сознанія китайцевъ и, дѣйствительно, эти ассоціаціи въ полномъ смыслѣ этого слова могутъ быть названы тайными и непосвященному очень трудно проникнуть въ тайну ихъ организаціи и цѣлей. Китаецъ необычайно рѣдко позволяетъ себѣ говорить о политикѣ или общественныхъ событіяхъ, не только въ публичныхъ мѣстахъ, въ родѣ чайныхъ домовъ, но и у себя дома, среди пріятелей. Эта сдержанность считается обязательной для каждаго китайца

и онъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ нарушаетъ ее. Благодаря такому поведенію китайцевъ, китайскимъ властямъ очень трудно выслѣдить членовъ тайныхъ обществъ, тѣмъ болѣе, что среди этихъ членовъ почти никогда не встрѣчается предателей.

Всѣ тайныя общества въ Китаѣ либо стремятся къ ниспроверженію ненавистной Манджурской династіи и существующей правительственной системы, либо основываются на коммунистическихъ принципахъ. Главнѣйшее и наиболѣе вліятельное общество перваго рода, это «Колауху», что означаетъ, «братскій союзъ», другое же общество, коммунистическаго характера, называется «Тіентиху».

«Братскій союзъ» образовался во время возмущенія тайпинговъ и первоначально состоялъ только изъ солдатъ, но теперь охватываетъ огромную область, весь центральный Китай и нѣтъ ни одной провинціи въ этой части Китая, гдѣ бы не существовало филіальныхъ и вполнѣ организованныхъ отдѣловъ этого союза. Цѣль этого общества—изгнаніе манджуръ изъ Китая и образованіе китайскаго государства на чисто китайскихъ основаніяхъ. Члены «братскаго союза» мечтаютъ о возвращеніи славныхъ дней династіи Тинга, составляющихъ лучшую эпоху китайской исторіи.

Другое тайное общество «Тіентиху», иначе называемое «Санхоху» или «Тройственный союзъ», т. е. союзъ трехъ силъ: неба, земли и человѣка, имѣетъ гораздо болѣе широкое распространеніе нежели «братскій союзъ» и уже насчитываетъ болѣе двухъ вѣковъ своего существованія, такъ какъ возникло въ 1644 году, до воцаренія Манджурской династіи. Въ основу этого союза заложены чисто коммунистическіе принципы. Онъ проповѣдуетъ свободу и равенство, равномѣрное распредѣленіе богатствъ и учрежденіе новаго правительства, которое должно будетъ установить правильныя отношенія между трудомъ и капиталомъ. Общество избрало своимъ девизомъ слова: «Минѣ-Чау», что означаетъ «правительство свѣта», и также стремится къ изгнанію манджуръ и ниспроверженію Манджурской династіи. «Тройственный союзъ» распространенъ не только во всемъ Китаѣ, но насчитываетъ множество членовъ въ китайскихъ колоніяхъ, въ особенности въ Сингапурѣ, Пенангѣ, Голландской Индіи и Калифорніи. Организація этого союза и различныя таинственные обряды, съ которыми оно связано, чрезвычайно напоминаютъ массонскія ложи. Члены этого союза существуютъ во всѣхъ классахъ общества и даже среди очень высокопоставленныхъ и вліятельныхъ лицъ; центральные же комитеты учреждены въ пяти провинціяхъ: Фумкіенѣ, Куоттунгѣ, Юннанѣ, Хуннанѣ и Чекіангѣ.

Нельзя также обойти молчаніемъ и тайный союзъ китайскихъ мусульманъ, имѣющій также значенія въ политической жизни Китая. Но этотъ союзъ еще болѣе замкнутъ, чѣмъ другія китайскія тайныя общества, хотя несомнѣнно, что члены мусульманскаго союза существуютъ въ каждомъ китайскомъ городѣ, гдѣ только есть мусульманская община и мечеть, и что возстаніе мусульманскаго населенія въ сѣверозападномъ Китаѣ обошлось не безъ участія этого союза.

Китайское правительство прекрасно сознаетъ могущество и значеніе этихъ тайныхъ обществъ и еще недавно былъ опубликованъ строгій приказъ, воспрещающій всякія тайныя общества, члены которыхъ связаны между собою клятвою. Согласно китайскимъ законамъ, вожди тайныхъ обществъ подлежатъ смертной казни, а члены—вѣчному изгнанію, и только относительно знаменитаго коммунистическаго «тройственнаго союза», сдѣлано исключеніе, такъ какъ не только вожди, но даже и всѣ члены этого союза, подлежатъ смертной казни.

Чиновники правительства, и вообще то не пользующіеся вліяніемъ въ Китаѣ, притомъ же вовсе не поддерживаемые военною властью, безсильны, конечно, бороться съ такими могущественными организаціями, каковы эти тайные союзы,

и въ большинствѣ случаевъ смотрятъ сквозь пальцы на ихъ дѣятельность, рѣшаясь на вмѣшательство лишь тогда, когда дѣло пріобрѣтаетъ широкую огласку. Небольшія волненія въ народѣ и стычки, вызванныя агентами тайныхъ обществъ, обыкновенно, разрѣшаются путемъ компромиссовъ и центральныя власти вмѣшиваются лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Противъ массовыхъ возстаній правительство совершенно безсильно и до сихъ поръ спасалось лишь тѣмъ, что подобныя возстанія охватывали сравнительно ограниченныя области, не распространяясь на всѣ провинціи разомъ. Небольшія возмущенія случаются нерѣдко и къ нимъ уже правительство привыкло. Обыкновенно, если тайное общество недовольно какимъ-нибудь распоряженіямъ правительства или какимъ-нибудь мандариномъ, тотчасъ же организуются волненія и дѣло кончается обыкновенно тѣмъ, что власти уступаютъ и отмѣняются распоряженія, вызвавшія неудовольствія населенія или же увольняютъ провинившагося мандарина. Китайскіе чиновники боятся тайныхъ обществъ, пользующихся за то большимъ престижемъ въ глазахъ народа. На вображеніе суевѣрныхъ; невѣжественныхъ людей очень дѣйствуютъ всѣ эти таинственныя церемоніи, которыми обыкновенно обставляется вступленіе какого-нибудь члена въ общество, и благодаря этому, нѣсколько умныхъ, энергичныхъ людей всегда могутъ руководить невѣжественною массою.

Какія бы событія ни возникали въ Китаѣ, будь то волненія, безпорядки, вызванныя тѣми или другими причинами—всегда и вездѣ можно быть увѣреннымъ, что тутъ дѣйствуетъ которое-нибудь изъ тайныхъ обществъ, побуждающее народъ къ возстанію, большей частью ради собственныхъ цѣлей, возбуждая въ народѣ суевѣрный страхъ, чувство досады или мести и т. п. Толчокъ къ возстанію всегда дается какимъ-набудь тайнымъ обществомъ и весьма часто главными виновниками безпорядковъ бываютъ китайскіе ученые, которые вообще пользуются большимъ почтеніемъ въ китайскомъ народѣ.

Въ настоящее время эти тайныя общества болѣе чѣмъ когда-либо даютъ себя чувствовать въ Китаѣ, и такъ какъ во главѣ многихъ изъ нихъ находятся люди рѣшительные и воодушевленные лучшими намѣреніями, то можно ожидать, что именно они-то и помогутъ возрожденію Китая. Добровольной перемѣны режима ожидать нечего, но несомнѣнно, что зданіе это должно рушиться въ болѣе или менѣе скоромъ времени, благодаря энергичной и дружной дѣятельности всѣхъ китайскихъ тайныхъ обществъ, даже руководящихся совершенно различными принципами.

Проектъ профессіональной школы журналистовъ. На послѣднемъ конгрессѣ журналистовъ, происходившемъ въ Лисабонѣ, огромный интересъ и очень жаркія пренія возбудилъ докладъ французскаго журналиста Батайля о профессіональномъ обученіи журналистовъ. Батайль горячо возстаетъ противъ общераспространеннаго мнѣнія, что журнализму обучиться нельзя и что каждый, обладающій извѣстнымъ темпераментомъ и нѣкоторыми способностями, можетъ сдѣлаться журналистомъ и писать въ газетахъ. Можетъ быть, въ этомъ взглядѣ и была доля правды, говоритъ Батайль, въ тѣ отдаленныя времена, когда газеты были только орудіемъ полемики и служили для политическихъ дѣятелей, но теперь, съ усовершенствованіемъ типографскаго искусства, введеніемъ телефоновъ и телеграфовъ, въ журнализмѣ произошли большія перемѣны, полемика отошла на второй планъ и отъ газетъ стали требовать какъ можно болѣе точныхъ и интересныхъ свѣдѣній со всѣхъ концовъ міра и по всякому поводу. Съ того момента, какъ совершилась эта метаморфоза, журнализмъ сдѣлался карьерой и тысячи честныхъ людей избираютъ теперь эту карьеру и зарабатываютъ свой кусокъ хлѣба честнымъ и подчасъ не легкимъ трудомъ, иногда даже рискуя собственною жизнью, какъ напримѣръ, англійскіе

и американскіе корреспонденты, отправляющіяся на театръ военныхъ дѣйствій или же сопровождающіе какія нибудь отдаленныя экспедиціи. Безъ сомнѣнія среди журналистовъ до сихъ поръ еще не мало встрѣчается людей, избравшихъ эту карьеру, только потому, что имъ не удалась никакая другая, и даже такихъ, которые, имѣя запятнанную репутацію, не могутъ разсчитывать на полученіе какой-нибудь офиціальной должности, но именно для того, чтобы избавить прессу отъ этой язвы и облегчить молодымъ людямъ, чувствующимъ призваніе къ профессіи журналиста, избраніе этой карьеры, необходимо учредить школу журнализма, гдѣ бы каждый желающій сдѣлаться журналистомъ, могъ бы получить нужную для этого подготовку.

Идея учрежденія такой школы возникла уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Профессоръ Тавернье, изъ университета въ Лиллѣ, года три тому назадъ прочелъ рядъ лекцій объ обязанностяхъ и дѣятельности журналистовъ. Тавернье изложилъ въ общихъ чертахъ исторіи журнализма, организацію и дѣятельность печати въ разныхъ странахъ и указалъ тѣ принципы, которые должны служить основою нравственнаго воспитанія журналистовъ.

На практикѣ идея профессіональнаго образованія журналистовъ была осуществлена въ Германіи, въ старинномъ университетскомъ городѣ Гейдельбергѣ, гдѣ, лѣтъ пять тому назадъ, профессоръ Адольфъ Кохъ открылъ свободные курсы журнализма и исторіи печати. Его курсы посѣщаются безразлично студентами всѣхъ факультетовъ университета, естественно-историческаго, философскаго, богословскаго и др. и число слушателей лекцій о журнализмѣ достигаетъ въ настоящее время 150. Профессоръ Кохъ раздѣляетъ свои курсы на теоретическій и практическій. Въ программу теоретическаго курса входитъ: общая исторія печати и ея отношеніе къ литературѣ, искусствамъ и политикѣ; основательное изученіе развитія журнализма въ Германіи, Италіи, Франціи, Голландіи, Англіи и др. странахъ; изслѣдованіе законовъ о печати въ различныхъ странахъ; изученіе организаціи корреспондентскихъ бюро и телеграфныхъ агенствъ; различіе между офиціальною, офиціозною и независимою печатью; анонимныя статьи и т. д. Въ заключеніе своихъ лекцій профессоръ Кохъ вмѣстѣ со своими слушателями переходитъ къ самому подробному анализу статей, входящихъ въ составъ газеты, начиная съ передовой статьи и кончая объявленіями, и разъясняетъ слушателямъ технику газетнаго дѣла.

Практическій курсъ заключается въ томъ, что профессоръ Кохъ, съ группою своихъ учениковъ въ 10—15 человѣкъ, посѣщаетъ редакціи большихъ газетъ Гейдельберга или Франкфурта на Майнѣ, и тамъ его ученики на практикѣ знакомятся съ составленіемъ газетнаго номера, начиная съ прочтенія и распредѣленія рукописей по отдѣламъ и составленія отдѣловъ до окончательнаго выпуска номера. Профессоръ не упускаетъ ни малѣйшей подробности въ газетномъ дѣлѣ, чтобъ не обратить на нее вниманіе своихъ слушателей, такъ что они знакомятся также съ дѣйствіемъ типографскихъ машинъ, съ различными деталями типографскаго дѣла, цѣнами на бумагу, почтовыми тарифами и т. д. Интересъ, который возбуждаютъ курсы Коха въ обществѣ, указываетъ конечно, что они отвѣчаютъ современнымъ потребностямъ, такъ какъ давно уже раздаются жалобы на неподготовленность журнальныхъ дѣятелей, отсутствіе всякаго ценза, вслѣдствіе чего ряды журнализма пополняются часто подонками общества, людьми, не нашедшими себѣ пристанища въ другой области и обманувшимися въ своихъ честолюбивыхъ мечтаніяхъ. Благодаря такимъ случайнымъ журналистамъ, профессія журналиста падаетъ и въ ней царитъ безпринципность и беззастѣнчивость. Учрежденіе спеціальнаго образовательнаго ценза для журналистовъ безъ сомнѣнія должно будетъ повысить уровень этой профессіи. Въ Англіи уже сознаютъ это и институтъ журналистовъ занятъ въ настоящее время обсужденіемъ программы экзаменовъ, которые должны быть

признаны обязательными для всѣхъ, кто желаетъ получить званіе профессіональнаго журналиста.

Въ Америкѣ школы журнализма давно уже существуютъ и процвѣтаютъ. Спеціальные курсы для молодыхъ людей, избирающихъ карьеру журнализма, учреждены при различныхъ университетахъ, въ Чикаго, Небраскѣ и Сѣверной Каролинѣ, Филадельфіи и др. мѣстахъ. Теоретическій курсъ журнализма читается бывшими редакторами, перенесшими свою дѣятельность на профессорскую каѳедру, а практическими занятіями руководятъ редактора, находящіеся при своихъ обязанностяхъ въ редакціяхъ большихъ газетъ.

Въ Филадельфіи курсы журнализма учреждены съ 1893 года и занятія идутъ необыкновенно успѣшно. Программа этихъ курсовъ, которые можно назвать образцовыми, слѣдующіе:

1) Исторія развитія печати, въ особенности за послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ. Сравненіе американскихъ газетъ съ газетами другихъ націй. Преподаваніе принциповъ и обязанностей журналиста и его отношеній къ политическимъ дѣятелямъ, гражданскимъ и религіознымъ властямъ. Изученіе организаціи объявленій, администраціи газеты и т. д.

2) Изученіе законовъ о печати.

3) Практическія занятія по составленію репортерскихъ отчетовъ и рецензій. Занятія эти имѣютъ цѣлью выработать яркій, точный и сильный слогъ и умѣнье ясно выражать свои мысли.

4) Практическія занятія по составленію хроники, художественной или литературной, и статей для еженедѣльныхъ изданій и такъ называемыхъ «Magazines».

При Пенсильванскомъ университетѣ существуетъ библіотека, въ которой слушатели курсовъ журнализма могутъ найти ежедневно свѣжія газеты и журналы новаго и стараго свѣта. Профессоръ Френчъ Джонсонъ, руководящій курсами журнализма въ Филадельфіи, очень доволенъ успѣхами своихъ слушателей и убѣжденъ, что изъ всѣхъ прослушавшихъ эти курсы выйдутъ вполнѣ дѣльные журналисты, и хотя степень талантливости у нихъ весьма различна, но каждый изъ нихъ можетъ быть полезнымъ журнальнымъ дѣятелемъ.

Курсъ четырехлѣтній; первые два года посвящены подготовительнымъ работамъ и кромѣ того слушатели обязательно посѣщаютъ разные другіе курсы наукъ, литературы и языковъ. Послѣдніе два года посвящены изученію политики, статистики, исторіи и, параллельно съ этимъ, спеціальнымъ курсамъ журнализма и практическимъ занятіямъ.

Докладъ Батайля, изложившаго положеніе этого вопроса въ различныхъ странахъ, возбудилъ, какъ мы уже сказали, горячія пренія. Многіе изъ членовъ конгресса отрицали не только необходимость, но даже полезность такого учрежденія, какъ профессіональные курсы журнализма. Лучшею школою, по ихъ мнѣнію, все-таки будетъ всегда редакція газеты и только тамъ, на практикѣ, можно пріобрѣсти навыкъ и свѣдѣнія, необходимыя всякому журналисту. Это мнѣніе, главнымъ образомъ, раздѣляли представители швейцарской печати. Одинъ изъ французскихъ журналистовъ, возражая докладчику, выразилъ мнѣніе, что учрежденіе подобнаго «питомника» для журналистовъ можетъ повести къ очищенію и повышенію нравственнаго уровня корпораціи. Однако всѣ эти возраженія не помѣшали конгрессу принять огромнымъ большинствомъ голосовъ резолюцію въ пользу учрежденія профессіональной школы журнализма. Въ заключеніе Батайль прочелъ конгрессу письмо, полученное имъ отъ Перивье, одного изъ редакторовъ газеты «Eigaro», который сообщаетъ ему, что въ Парижѣ организуются въ видѣ опыта частные и притомъ безплатные курсы для желающихъ получить спеціальныя и техническія познанія, необходимыя журналисту. Редакція газеты «Figaro», желая содѣйствовать учрежденію такихъ

курсовъ, открываетъ для нихъ свои двери; организація же курсовъ принадлежитъ особой ассоціаціи, которая возникла недавно спеціально ради этой цѣли.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Revue des deux Mondes».—«Revue des Revues».—«Zukunft».—North american Revues»

Экономисты и государственные дѣятели, вѣрящіе въ будущность демократическихъ обществъ, большія надежды основываютъ на кооперацiи и взаимопомощи въ дѣлѣ облегченія участи рабочихъ классовъ. Въ послѣднее время идеи кооперацiи и взаимопомощи дѣйствительно получили широкое распространеніе и повсюду организуются всевозможные синдикты, союзы и общества взаимопомощи. Согласно офиціальнымъ даннымъ во Франціи, напримѣръ, 1.141.758 рабочихъ и 418.227 работницъ состояли членами различныхъ обществъ взаимопомощи въ 1895 году; съ тѣхъ поръ, вѣроятно, число это возрасло, но каждаго, разсматривающаго эти цифры, конечно должна поразить такая большая разница между числомъ женщинъ и мужчинъ рабочихъ, состоящихъ членами этихъ обществъ. Указывая на эту равницу, графъ д'Оссонвиль, посвящающій этому вопросу статью въ «Revue des deux Mondes», говоритъ, что причины, заставляющія работницъ воздерживаться отъ взаимопомощи, главнымъ образомъ заключается въ томъ, что средній заработокъ женщины, даже въ Парижѣ, гдѣ заработная плата выше, чѣмъ въ провинціи, все-таки настолько малъ, что огромное большинство работницъ лишено возможности отнимать отъ него хотя бы самую минимальную часть для членскаго взноса въ общество взаимопомощи. Тѣмъ не менѣе существуютъ все таки 227 обществъ взаимопомощи, членами которыхъ состоятъ исключительно женщины. Три такія общества организованы въ Парижѣ, и одно изъ нихъ, называвшееся раньше «обществомъ взаимопомощи молодыхъ работницъ» и теперь желающее перемѣнить названіе и называться «La Parisienne» («Парижанка»), существуетъ съ 1875 года. Члены этого общества вносятъ ежемѣсячно полтора франка (около 60 коп.) и за это пользуются въ случаѣ болѣзни безплатною врачебною помощью и лѣкарствами, а въ случаѣ смерти общество хоронитъ ихъ на свой счетъ. Но общество дѣлаетъ различія между замужними и незамужними членами и замужнія, въ случаѣ болѣзни, получаютъ по франку въ день на лѣченіе, если остаются дома, и въ случаѣ родовъ имъ выплачивается въ теченіи 20 дней по 1 франку въ день; для незамужнихъ устроена больница общиной сестеръ милосердія «Marie Auxiliatrice», гдѣ, кромѣ того, молодыя дѣвушки, работницы могутъ жить на полномъ пансіонѣ, если пожелаютъ и за 40 франковъ (около 16 р.) имѣютъ столъ и квартиру въ общемъ помѣщеніи, а за 60 франковъ получаютъ отдѣльную комнату. Другое общество «La Couturiére» было основано во времена второй имперіи сыномъ знаменитаго портного. Это общество гораздо болѣе многочисленное и пользуется большою популярностью. Оно обезпечиваетъ своимъ членамъ, такъ же какъ и первое общество, врачебную помощь въ случаѣ болѣзни и приличные похороны на случай смерти. Но кромѣ того, въ случаѣ родовъ, общество выдаетъ пособіе 50 франковъ подъ условіемъ, чтобы мать четыре недѣли не выходила на работу, а если она сама будетъ кормить своего ребенка, то получаетъ еще 25 франковъ.

Третье общество взаимопомощи, гораздо болѣе недавняго происхожденія, называется «Mutualité maternelle («взаимопомощь матерей»). Оно было организовано со спеціальною цѣлью оказанія поддержки матерямъ и въ видахъ уменьшенія смертности между новорожденными дѣтьми, такъ какъ, безъ сомнѣнія,

если мать будетъ имѣть возможность сама кормить своего ребенка, то шансы на сохраненіе его жизни возрастутъ; общество поощряетъ матерей къ выполненію этой обязанности, назначая премію за кормленіе. Дѣятельность этого общества уже теперь приноситъ нѣкоторые плоды и облегчило трудное положеніе женщинъ, лишенныхъ заработка вслѣдствіе родовъ и послѣдующихъ болѣзней, а также дало имъ возможность посвятить свои заботы новорожденному, не бросая его на произволъ судьбы подъ вліяніемъ необходимости тотчасъ идти на работу.

Воздавая должное дѣятельности этого общества, графъ д'Оссонвилль дѣлаетъ ему однако довольно странный упрекъ: онъ находитъ *предосудительнымъ*, что общество это не дѣлаетъ никакого различія между замужними и незамужними матерями. Почтенный авторъ видитъ въ этомъ даже нѣкоторое поощреніе безнравственности и склонности къ свободнымъ союзамъ, вмѣсто законныхъ браковъ, которая, по его словамъ, въ особенности замѣчается среди рабочихъ классовъ. Д'Оссонвилль опасается, что такое отношеніе общества, ставящаго на одинъ уровень законные браки и свободные союзы, умаляетъ значеніе первыхъ и прославляетъ вторые. Другихъ доводовъ въ пользу своего мнѣнія авторъ не приводитъ и только настаиваетъ на немъ, даже рискуя прослыть «пуританиномъ», какъ онъ самъ выражается. Но свою статью д'Оссонвилль написалъ не съ цѣлью поддержанія нравственныхъ основъ, которыя могутъ быть расшатаны такимъ безразличнымъ отношеніемъ къ законному и незаконному сожительству, а съ тѣмъ, чтобы доказать, что общества взаимопомощи не могутъ существовать, если ихъ не будетъ поддерживать частная благотворительность. Свой взглядъ д'Оссонвилль подкрѣпляетъ цифровыми данными и приглашаетъ всѣхъ желающихъ поддержать и содѣйствовать развитію обществъ взаимопомощи, прибавляя, что эта дѣятельность можетъ способствовать объединенію всѣхъ тѣхъ, «кто жаждетъ мира и кто стремится къ прекращенію національной ненависти и вражды».

Въ «Revue des Revues» напечатана статья объ ирокезской женщинѣ въ Канадѣ, представляющая интересъ въ особенности потому, что авторъ ея — одна изъ современныхъ американскихъ писательницъ, сама происходитъ изъ племени ирокезовъ. Дѣдъ ея былъ очень популярнымъ вождемъ этого племени и воевалъ съ американцами въ 1812 году. Слово его было закономъ и въ теченіе 40 лѣтъ онъ былъ предсѣдателемъ совѣта ирокезовъ и имѣлъ громадное вліяніе на всѣхъ своихъ единоплеменниковъ. Его сынъ женился на англичанкѣ и отъ этого брака родилась дѣвочка, которая сдѣлалась впослѣдствіи довольно извѣстной писательницей въ Америкѣ.

Миссъ Джонсонъ Текліонгуэкъ (Teklhionwake) — такъ имя этой писательницы — родилась и выросла на берегахъ Великой рѣки, подъ надзоромъ своего отца и дѣда, вождя ирокезовъ. Она, слѣдовательно, сроднилась съ жизнью своего племени и горячо защищаетъ его, приводя, между прочимъ, мнѣнія различныхъ путешественниковъ, заявляющихъ, что ирокезы по своимъ умственнымъ способностямъ, развитію, нравственности, физической силѣ и мужеству, оставляютъ далеко позади всѣхъ прочихъ индѣйцевъ. Точно такъ же и женщины этой расы, по словамъ миссъ Джонсонъ, стоятъ выше прочихъ индѣйскихъ женщинъ, миссъ Джонсонъ очень много распространяется о качествахъ ирокезской женщины, какъ матери и хозяйки, о ея необычайномъ трудолюбіи и способностяхъ. Но самое интересное въ статьѣ относится къ тому положенію, которое занимаетъ ирокезская женщина въ своемъ племени. По словамъ миссъ Джонсонъ, это положеніе ясно указываетъ, насколько невѣрно общераспространенное мнѣніе, что почти всѣ индѣйскія племена относятся къ женщинѣ пренебрежительно. У ирокезовъ знатное происхожденіе считается по матери, а не по отцу, и кромѣ того въ каждомъ племени существуетъ предводительница,

пользующаяся громаднымъ уваженіемъ и почетомъ. Званіе это передается по наслѣдству отъ матери къ дочери и ничье вліяніе не можетъ соперничать съ вліяніемъ предводительницы. Женщина, носящая этотъ титулъ, пользуется такою властью, передъ которою преклоняются даже самые грозные члены совѣта племени, этого парламента краснокожихъ. Если умираетъ вождь, то предводительница называетъ того, кто долженъ наслѣдовать его титулъ и всѣ его прерогативы, и отъ нея требуется только, чтобъ она указала преемника умершему вождю среди его же родныхъ, близкихъ или дальнихъ—это все равно; это единственное условіе, которое ей ставится при выборѣ. Но она можетъ выбрать преемника среди дальнихъ родственниковъ покойнаго вождя, если только ей кажется, что его сыновья и болѣе близкіе родственники недостойны занять это мѣсто. Совѣтъ племени долженъ безпрекословно покориться ея избранію; если же старые вожди имѣютъ что нибудь возразить противъ ея выбора, то она сама является въ совѣтъ, чтобы защищать своего кандидата, и старѣйшіе племени вынуждены преклониться передъ ея рѣшеніемъ. Такимъ образомъ, этотъ «старѣйшій парламентъ міра», какъ его называетъ миссъ Джонсонъ, находится въ дѣйствительности въ рукахъ нѣсколькихъ женщинъ, и вообще женщины у ирокезовъ пользуются такимъ уваженіемъ, что европейскія женщины смѣло могутъ позавидовать въ этомъ отношеніи своимъ краснокожимъ сестрамъ. Другая особенность ирокезовъ заключается въ томъ, что они чрезвычайно уважаютъ старость. Женщина, даже не принадлежащая къ знатной семьѣ, пользуется всеобщимъ почетомъ, если она достигла преклоннаго возраста. Быть старой—значитъ быть уважаемой, и у ирокезовъ даже дочь вождя не осмѣлится сѣсть тогда, когда передъ нею стоитъ старуха, хотя бы эта старуха и была низкаго происхожденія. Знатные члены племени считаютъ ни во что всѣ свои привиллегіи въ сравненіи съ тѣмъ почетомъ, которымъ пользуется старость, и старую женщину будутъ почтительно слушать даже тѣ, которые ведутъ свое происхожденіе отъ знаменитыхъ воиновъ тѣхъ временъ, когда Америка была еще совсѣмъ невѣдомою страной и ни одинъ изъ европейцевъ не являлся нарушать ея покой.

Фридрихъ Ницше, какъ оказывается, былъ большимъ поклонникомъ Бисмарка, которымъ онъ началъ восхищаться, послѣ того какъ разочаровался въ Шопенгауэрѣ и Вагнерѣ. Въ своихъ афоризмахъ, написанныхъ въ 1884—1885 г. и опубликованныхъ теперь въ журналѣ «Zukunft», Ницше говоритъ, упоминая о Вагнерѣ и Шопенгауэрѣ: «эти два нѣмца насъ губятъ: они покровительствуютъ нашимъ недостаткамъ, и притомъ самымъ опаснымъ. Бисмаркъ же, послѣ Гете и Бетховена, подготовляетъ намъ новое человѣчество, гораздо болѣе сильное, чѣмъ эти выродившіеся представители нашей расы».

Въ другомъ мѣстѣ Ницше восхищается рѣчами Бисмарка и въ письмѣ къ одному пріятелю говоритъ: «Бисмаркъ, повидимому, повѣряетъ рейхстагу свои самыя интимныя мысли, какъ нѣкогда это дѣлалъ Гёте въ присутствіи Эккермана. Навѣрное, это случается въ первый разъ, что государственный человѣкъ прибѣгаетъ къ парламенту, чтобы излить ему свою душу. Очевидно, это происходитъ отъ того, что онъ не можетъ изливать свою душу своей женѣ. О, я ему страшно завидую, что у него есть рейхстагъ!» Лучше всего портретъ Бисмарка, который дѣлаетъ Ницше, говоря: «Бисмаркъ такъ же далекъ отъ нѣмецкой философіи, какъ и какой-нибудь крестьянинъ или учащійся, онъ нисколько не сантименталенъ, нисколько не наивенъ. Ничего,—слава Богу; въ немъ нѣтъ общаго съ тѣмъ нѣмцемъ, котораго изображаютъ въ книгахъ. Кромѣ того, онъ полонъ недовѣрія къ ученымъ, и это мнѣ больше всего нравится въ немъ. Онъ сбросилъ съ себя все, чѣмъ его хотѣло нагрузить нелѣпое нѣмецкое воспитаніе,—гимназія и университеты. Онъ всегда былъ насторожѣ,

какъ добрый христіанинъ, и оставался вѣренъ Богу и королю, а позднѣе къ этому еще присоединилась и любовь къ созданію своихъ рукъ, германской имперіи. Онъ предпочитаетъ хорошій обѣдъ и хорошее вино всякой нѣмецкой музыкѣ и не зараженъ лицемѣріемъ, чаще всего являющимися лишь средствомъ скрывать старинную страсть нѣмцевъ къ пьянству».

Но при всемъ томъ Бисмаркъ все-таки представлялся Ницше комедіантомъ. «Руссо, Жоржъ Зандъ, Мишле, Сентъ-Бевъ—сколько разновидностей комедіанства! писалъ Ницше.—Но какъ отличается отъ этого комедіанства комедіанство могущественныхъ людей, такихъ, какъ Наполеонъ и Бисмаркъ!»

Увлеченіе Бисмаркомъ не можетъ, конечно, удивлять тѣхъ, кому извѣстно, что въ 1870 году молодой профессоръ Ницше, забывъ, что онъ натурализовался швейцарцемъ, записался въ полкъ и съ величайшимъ энтузіазмомъ провозглашалъ тосты за здоровье Мольтке, Вильгельма I и прусскихъ генераловъ.

«North American Review» занимается подробнымъ изслѣдованіемъ современнаго состоянія японской печати и указываетъ на быстрый ростъ и развитіе японской литературы въ сравнительно короткій промежутокъ времени. Впрочемъ, японская литература существуетъ давно и начала ея теряются во мракѣ времени. По словамъ одного недавно умершаго японскаго писателя въ японской литературѣ встрѣчаются стихи, написанные 2.500 лѣтъ тому назадъ. Японскій романъ также имѣетъ давнее происхожденіе и относится къ XI вѣку нашей эры, но любопытнѣе всего, что творцами романа были по преимуществу японскія женщины, которымъ японская литература обязана сохраненіемъ чистоты языка и выработкою литературнаго слога. Наиболѣе замѣчательныя изъ японскихъ писательницъ и поэтессъ происходили изъ низшихъ классовъ народа и одна изъ этихъ поэтессъ, прославившаяся въ 14 лѣтъ отъ роду, была дочерью простого рабочаго.

Романъ и стихи и теперь представляютъ преобладающую форму народной литературы въ Японіи, въ особенности изобилуетъ романъ. Японцы очень любятъ читать и много читаютъ; поэтому за послѣднія тридцать лѣтъ японская беллетристика очень разрослась, хотя она и составляетъ по преимуществу умственную пищу лишь народныхъ классовъ, высшіе же классы японскаго общества, даже японскія дамы пренебрегаютъ продуктами отечественной беллетристики, предпочитая произведенія иностранныхъ авторовъ. Это имѣетъ основаніе, такъ какъ японская беллетристика дѣйствительно довольно слаба и не можетъ удовлетворять болѣе развитый вкусъ читателей. Зато въ другой области литературы японцы рѣшительно шагнули впередъ. Историческая литература получила широкое развитіе въ Японіи; тоже слѣдуетъ сказать и о научной литературѣ. Въ скоромъ времени японцы будутъ обладать также собственною энциклопедіей, въ изданіи которой принимаютъ участіе всѣ лучшія японскія литературыя силы. За образецъ взяты лучшія европейскія энциклопедіи и уже приступлено къ собиранію матеріала. Впрочемъ, въ японской литературѣ уже были сдѣланы попытки подобнаго рода и были изданы: «Исторія національной литературы» и «Исторія философія», въ составленіи которыхъ также участвовали выдающіеся японскіе ученые и литераторы.

Переводная литература также процвѣтаетъ въ Японіи. Не говоря о романахъ, которые составляютъ впрочемъ меньшую часть японской переводной литературы, японцы могутъ похвастаться переводами Спенсера, Шопенгауэра, Гартмана, даже Ницше. Существуютъ также хорошіе переводы на японскій языкъ Канта, Гегеля и новѣйшихъ писателей, такихъ какъ Рибо, Фулльеи др. Вообще, научная, философская и др. спеціальная литература гораздо выше беллетристической, такъ какъ образованные классы японскаго общества интересуются по преимуществу научными вопросами. Въ японскихъ журналахъ

можно найти статьи самаго разнообразнаго содержанія, касающіяся политическихъ, экономическихъ, чисто-научныхъ, религіозныхъ и литературно-художественныхъ вопросовъ и очень мало беллетристики. Изъ содержанія этихъ статей видно, что японцы знакомы со всѣми новѣйшими трудами европейскихъ ученыхъ въ различныхъ областяхъ науки; имъ извѣстны работы Пастёра и результаты новѣйшихъ изслѣдованій въ области біологіи, психофизіологіи и т. д.; они знакомы съ выдающимися трактатами по вопросамъ уголовнаго права и др. Что касается политической экономіи, то изъ статей японскихъ журналовъ видно, что авторамъ знакомы даже главныя теченія и изслѣдованія и труды европейскихъ экономистовъ новѣйшаго времени. На быстрый умственный ростъ японскаго общества указываетъ также обиліе издающихся книгъ. Согласно даннымъ книжнаго рынка въ 1896 году на японскомъ языкѣ было издано ни болѣе ни менѣе, какъ 26.955 томовъ и въ этомъ числѣ на долю беллетристики приходится всего лишь 462 тома. Эти цифры превышаютъ цифры многихъ европейскихъ книжныхъ рынковъ, а русскаго и подавну.

Парижскіе «народные университеты».

Движеніе въ пользу популяризаціи университетскаго образованія, вызванное въ Англіи лѣтъ 25 тому назадъ учрежденіемъ народныхъ университетовъ, привлекло къ себѣ вниманіе всѣхъ цивилизованныхъ странъ, какъ смѣлый опытъ сближенія народныхъ массъ съ университетскою средою и, главнымъ образомъ, съ высшимъ образованіемъ, которое до этого было доступно лишь избраннымъ. Но особой популярности за границей достигли англійскіе народные университеты лишь въ самые послѣдніе годы, когда число университетовъ стали насчитывать сотнями, а число слушателей изъ народа—десятками тысячъ и когда успѣхъ этого опыта сдѣлался очевиднымъ. Несомнѣнно, что и возникновеніе въ Россіи за послѣдніе два-три года публичныхъ общеобразовательныхъ курсовъ имѣетъ близкую связь съ этимъ движеніемъ, а организованные въ началѣ настоящаго года въ Петербургѣ, столь быстро прекратившіе существованіе свое, курсы педагогическаго общества взаимной помощи въ значительной степени представляли даже сколокъ съ англійскихъ народныхъ университетовъ. Такая популярность у насъ англійскихъ университетовъ объясняется тѣмъ, что, за исключеніемъ мало извѣстныхъ у насъ университетскихъ курсовъ въ Шотокуа (Сѣверной Америкѣ), возникшихъ на нѣсколько лѣтъ раньше англійскихъ, послѣдніе считаются первымъ и единственнымъ въ этомъ родѣ опытомъ.

Но если не говорить о формѣ, а посмотрѣть на сущность вещей, то окажется, что въ отношеніи демократизаціи научныхъ знаній, еще задолго до Англіи и Америки, очень многое сдѣлано Парижемъ. Въ безконечномъ ряду образовательныхъ учрежденій Парижа, начиная съ самыхъ низшихъ, предназначенныхъ или для маленькихъ дѣтей (écoles maternelles и classes enfantines), или для взрослыхъ неграмотныхъ (cours d'adultes и cours d'adolescents) и кончая самыми высокими, гдѣ завершаютъ свое образованіе уже подготовленные инженеры— въ этомъ строю незамѣтно пріютились такія учрежденія, которыя служатъ неизсякаемымъ источникомъ знанія, широкою волною изливающагося изъ нихъ въ разныхъ направленіяхъ. Я ужъ не упоминаю о свободныхъ курсахъ, читаемыхъ въ высшей школѣ Франціи—Сорбоннѣ, о свободныхъ факультетахъ провинціальныхъ французскихъ университетовъ, свободной школѣ политическихъ наукъ и т. п. учрежденіяхъ—и коснусь пока учрежденій, не имѣющихъ прямой связи съ университетомъ, но близкихъ къ наукѣ, которую они такъ щедро распространяютъ.

I.

Въ числѣ такихъ учрежденій одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ «Національная консерваторія искусствъ и ремеслъ». Названіе ея, повидимому, имѣетъ мало общаго съ наукой, но, какъ увидимъ ниже, дѣятельность консерваторіи давно уже вышла за предѣлы ея названія. Основанная по мысли знаменитаго французская изобрѣтателя — инженера XVIII вѣка Вокансона, консерваторія на дняхъ только праздновала 100 лѣтъ своего существованія, но въ дѣйствительности, она могла отпраздновать этотъ знаменательный юбилей еще пять лѣтъ тому назадъ, такъ какъ декретъ о ея учрежденіи, изданный конвентомъ въ 1794 году, засталъ ее уже организованною, 1798 же годъ—лишь годъ перенесенія консерваторіи въ ея настоящее помѣщеніе—бывшій монастырь Saint-Martin-des-Champs на улицѣ Сенъ-Мартенъ.

Первоначальною цѣлью учрежденія консерваторіи было ознакомленіе населенія, преимущественно рабочаго класса, съ устройствомъ всѣхъ существующихъ и новыхъ машинъ и орудій современной промышленности. Цѣль эту предполагалось осуществить путемъ собиранія коллекцій всѣхъ машинъ и орудій и демонстрированія ихъ въ стѣнахъ музея. Но уже и въ то время ясно сознавалась недостаточность такого способа образованія рабочихъ, и вскорѣ при консерваторіи возникли научные курсы, которые насчитываютъ уже 85 лѣтъ своего существованія.

Курсы эти, какъ преслѣдующіе цѣли промышленнаго образованія, обнимаютъ въ большей своей части науки, относящіяся къ разнымъ производствамъ, но отъ этого еще очень далеко до узкой спеціализаціи, и поэтому, сохраняя свою научность, курсы не только доступны, но представляютъ прямой научный интересъ для всякаго желающаго учиться. Вотъ, напримѣръ, какіе предметы читались въ только что окончившемся академическомъ году: геометрія въ приложеніи ея къ искусствамъ и ремесламъ, начертательная геометрія, практическая механика, архитектура, практическая физика, промышленное электричество, химія, агрикультура, металлургія, пряденье и тканье, политическая экономія, законы о промышленности, промышленная экономія и статистика, торговое право, соціальная экономія и т. п. Какъ видно, среди перечисленныхъ предметовъ можно насчитать только одинъ-два курса, имѣющіе спеціальный интересъ и не входящіе въ курсъ университетскихъ наукъ, но представляющіе громадный интересъ для всѣхъ лицъ, причастныхъ къ промышленности. Всего въ только что окончившемся году читалось 17 отдѣльныхъ курсовъ, которые систематически велись лучшими парижскими профессорами; спеціальные курсы сопровождались богато обставленными лабораторными опытами и практическими занятіями слушателей въ лабораторіяхъ внѣ часовъ лекцій.

Доступъ къ слушанію курсовъ совершенно свободенъ для всѣхъ, кто пожелаетъ, а благодаря тому, что лекціи читаются по вечерамъ, отъ 7½ до 10 часовъ, они доступны и для рабочаго населенія и вообще для лицъ, занятыхъ днемъ. Къ сожалѣнію, въ консерваторіи не существуетъ ни регистраціи, ни статистики слушателей и поэтому я не имѣю въ рукахъ точныхъ данныхъ о ихъ численномъ составѣ, а главнымъ образомъ объ общественномъ положеніи слушателей. Но, судя по тому, что мнѣ пришлось видѣть лично, составъ слушателей отличается необыкновеннымъ разнообразіемъ, и рядомъ съ рабочимъ сидящимъ въ первыхъ рядахъ амфитеатра, гдѣ читаются лекціи, можно увидѣть инженера, прошедшаго политехническую и центральную школу, приказщика, офицера, заводскаго техника, помѣщика, рантье и т. п. Преобладающимъ элементомъ на курсахъ являются все-таки лица, имѣющія какое-либо отношеніе къ промышленности.

О посѣщаемости курсовъ можно судить потому, что число посѣщеній въ

послѣдній годъ (1897—1898) достигло 100.000; среднее число слушателей каждаго курса составляетъ 180 чел., но есть курсы, насчитывающіе по 300—400 слушателей, хотя другіе располагаютъ только 50—60 слушателями. Во всякомъ случаѣ, ежедневно могутъ посѣщать курсы около 1.300 чел., такъ какъ лекціи читаются въ трехъ амфитеатрахъ, обставленныхъ по послѣднему слову науки и разсчитанныхъ на 600, 400 и 300 слушателей каждый.

Насколько серьезно и строго-научно поставлено здѣсь это дѣло, можно видѣть не только изъ программъ читаемыхъ курсовъ, но изъ ихъ продолжительности: для прохожденія полнаго курса какого-либо предмета нужно посѣщать лекціи по два раза въ недѣлю въ теченіе 2—5 лѣтъ, смотря по предмету, причемъ каждый учебный годъ состоитъ изъ 40 лекцій часовыхъ или двухчасовыхъ (за исключеніемъ курсовъ соціальной экономіи и торговаго права, учебный годъ которыхъ заключаетъ по 20 лекцій).

Посѣщеніе лекцій совершенно свободно для всѣхъ желающихъ и слушаніе всѣхъ 17 курсовъ *совершенно безплатно*, но кромѣ этого, консерваторія располагаетъ еще стипендіями: 1 въ 200 франковъ, 1—въ 150 и 5—по 100 франковъ, предназначенными для молодыхъ рабочихъ-слушателей, заявившихъ себя усердными посѣтителями лекцій.

Но описаннымъ далеко еще неограничивается просвѣтительная дѣятельность «Консерваторіи искусствъ и ремеслъ». Кромѣ лекцій, не выходящихъ изъ рамокъ программы, въ помѣщеніяхъ консерваторіи по воскресеньямъ устраиваются публичныя научныя бесѣды, руководителями которыхъ являются извѣстные ученые въ той или другой области. Эти конференціи, пользующіяся огромнымъ успѣхомъ, стали устраиваться всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ и сразу пріобрѣли большую популярность, благодаря разнообразію темъ, служившихъ предметами бесѣды. Такъ, въ 1891—1892 году, когда, благодаря ученымъ работатъ профессора Липмана надъ цвѣтной фотографіей, пробудился повсюду сильный интересъ къ этому предмету, въ консерваторіи была устроена цѣлая серія изъ 19 бесѣдъ о теоретической и практической фотографіи; въ числѣ руководителей этихъ бесѣдъ былъ и самъ профессоръ Липманъ; послѣ чикагской всемірной выставки было посвящено восемь бесѣдъ ознакомленію съ этой выставкой. Бесѣды объ электричествѣ, о научномъ движеніи въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, о современной архитектурѣ, объ искусствѣ въ промышленности и т. д. и т. д. смѣнялись одна другою, неизмѣнно привлекая множество слушателей. Для практическихъ занятій наукою къ услугамъ желающихъ—7 лабораторій консерваторіи. Для изученія какого-либо производства въ тончайшихъ его деталяхъ достаточно посѣтить музеи консерваторіи.

По богатству своему научно-промышленныя коллекціи консерваторіи, занимающія нескончаемый рядъ залъ, занимаютъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ Европѣ и представляютъ необыкновенный интересъ. Но здѣсь замѣчается странное явленіе: открытые для всѣхъ желающихъ, музеи посѣщаются очень небольшимъ количествомъ публики и по преимуществу рабочими да проѣзжими иностранцами. Библіотека консерваторіи, также открытая для общаго пользованія, насчитываетъ около 40.000 сочиненій въ области наукъ, искусствъ, промышленности и земледѣлія и до 2.000 картъ; читальный залъ этой библіотеки по своему внѣшнему виду сдѣлалъ бы честь любому европейскому книгохранилищу, но для занятій въ немъ онъ приспособленъ, впрочемъ, несовсѣмъ удовлетворительно.

Вотъ въ краткихъ чертахъ дѣятельность и состояніе этого замѣчательнаго учрежденія. Давая высшее образованіе всѣмъ желающимъ *совершенно безплатно*, оно обходится государству ежегодно почти въ полмилліона франковъ въ минувшемъ 1897—1898 г. на консерваторію было отпущено 480.000 франковъ). Это обстоятельство составляетъ одно изъ главныхъ отличій консерваторіи

отъ современныхъ народныхъ университетовъ, которые не получаютъ отъ государства никакой денежной поддержки и взимаютъ со слушателей извѣстную плату; есть и еще нѣсколько существенныхъ различій между консерваторіею и народными университетами, но они не касаются основной цѣли учрежденій обоего рода—доставлять населенію возможность получать высшее образованіе. Во всякомъ случаѣ въ исторіи народныхъ университетовъ Европы или, вѣрнѣе, въ исторіи демократизаціи высшихъ научныхъ знаній—Парижской консерваторіи искусствъ и ремеслъ должно быть отведено одно изъ видныхъ мѣстъ.

II.

Такой же характеръ, какъ курсы консерваторія искусствъ и ремеслъ, носятъ и курсы другого аналогичнаго учрежденія—естественно-историческихъ музеевъ, находящихся въ національномъ «Ботаническомъ саду». Это колоссальное хранилище научныхъ рѣдкостей, по богатству своихъ коллкцій почти не имѣющее соперниковъ въ Европѣ, возникло еще въ началѣ XVII столѣтія (въ 1635 г.). Основателемъ его былъ знаменитый въ то время ботаникъ Гюи де-Лабросъ. Но до 1732 года «Ботаническій садъ» былъ именно только огромнымъ садомъ. Извѣстный натуралистъ XVIII вѣка Бюффонъ, къ которому перешло управленіе садомъ, образовалъ здѣсь естественно-историческія коллекціи, которыя, постоянно совершенствуясь, образовали къ настоящему времени огромнѣйшіе музеи: зоологическій, содержащій болѣе 1.600.000 предметовъ, анатомическій съ 38.000 предметовъ, антропологическій—съ 26 000 геологіи и минералогіи—264.000, палеонтологіи—183.000 и ботаники—около 200.000 предметовъ.

Всѣ эти научныя богатства размѣщены въ роскошно обставленныхъ музеяхъ, а отдѣлъ ботаники располагаетъ нѣсколькими огромными оранжереями. Звѣринцы, бассейны и акваріумъ, содержащіе около 2.000 живыхъ млекопитающихся, птицъ, пресмыкающихся животныхъ и рыбъ, библіотека съ 170.000 томовъ научныхъ сочиненій, 18.700 оригинальныхъ рисунковъ, съ картами, планами, гравюрами и т. п.—дополняютъ эти сокровища, совершенно доступныя для обозрѣнія публики.

«Ботаническій садъ» со всѣми его многочисленными музеями, лабораторіями, аудиторіями и т. п. представляетъ собою ученое учрежденіе, существующее насчетъ государственной казны и предназначенное для распространенія въ населеніи научныхъ знаній, преимущественно изъ области естественныхъ наукъ. Но въ то время, какъ курсы Консерваторіи искусствъ и ремеслъ преслѣдуютъ практическія цѣли распространенія знаній, необходимыхъ въ промышленности, курсы «Ботаническаго сада» имѣютъ чисто-научное значеніе и для слушанія ихъ необходимо обладать извѣстною подготовкою въ области наукъ, которыя представлены курсами. Профессора, составляющіе во главѣ съ директоромъ, ученую корпорацію этого учрежденія, по собственному выбору, ежегодно объявляютъ свой курсъ изъ области своей спеціальности, состоящій изъ 40 лекцій. Посѣщать эти лекціи могутъ всѣ желающіе безъ различія пола и состоянія, при чемъ за право слушанія лекцій не взимается ни сантима. Въ истекшемъ 1897—1898 академическомъ году читались отдѣльными профессорами слѣдующіе 18 курсовъ: 1) сравнительной анатоміи; 2) антропологіи; 3) палеонтологіи; 4) физіологіи, зоологіи; 5) млекопитающія и птицы; 6) пресмыкающіяся и рыбы; 7) многоногія, паукообразныя и ракообразныя животныя и насѣкомыя; 8) черви, молюски и зоофиты; ботаники: 9) органографія и физіологія растеній; 10) классификація растеній; 11) геологіи; 12) минералогіи; 13) культуры; 14) физики въ приложеніи къ естественной исторіи; 15) физики растительной; 16) органической химіи; 16) сравнительной патологіи и 18) физіологіи растеній. Кромѣ этихъ научныхъ курсовъ; ведутся еще два курса практическаго

рисованія (рисованіе растеній и животныхъ), знаніе котораго необходимаго при изученіи естественной исторіи. Къ числу ученыхъ учрежденій «Ботаническаго сада» принадлежитъ также лабораторія морской зоологіи близъ Saint-Vaast-la Hougue (Manche), основанная въ мѣстности, издавна извѣстной въ мірѣ натуралистовъ богатствомъ своей фауны. Эта лабораторія въ теченіе лѣта посѣщается многими студентами и учеными, занимающимися изученіемъ морской фауны.

Кромѣ обычныхъ курсовъ, читаемыхъ въ продолженіе учебнаго года для всѣхъ желающихъ, отдѣльными профессорами по разнымъ отраслямъ естественныхъ наукъ читаются лекціи для подготовленія ученыхъ изслѣдователей, коллекціонеровъ и т. п., отправляющихся въ научное путешествіе. Въ этихъ лекціяхъ, читаемыхъ по самой разнообразной программѣ, сообщаются не только спеціально-научныя свѣдѣнія, но и все, что можетъ быть полезнымъ для неопытнаго еще экскурсанта. Такъ, въ истекшемъ учебномъ году въ программу лекцій, между прочимъ, входили такіе предметы, какъ гигіена путешественниковъ, фотографія въ путешествіи, пользованіе фотографіею при построеніи картъ и плановъ и т. п. Для желающихъ изъ слушателей устраиваются въ лѣтнее время образовательныя геологическія, ботаническія и энтологическія экскурсіи подъ руководствомъ профессоровъ. Наконецъ, къ услугамъ желающихъ учиться естественно-историческіе музеи располагаютъ цѣлымъ рядомъ лабораторій, въ которыхъ совершенно безплатно предоставляются всѣ средства для научныхъ работъ.

Благодаря совершенной безконтрольности лекцій и курсовъ и отсутствію регистраціи слушателей, трудно сказать опредѣленно какъ о числѣ посѣщеній и слушателей, такъ и о составѣ послѣднихъ. Но особеннаго наплыва слушателей здѣсь не замѣчается и роскошныя аудиторіи музеевъ часто можно видѣть почти пустующими. Одна изъ главныхъ причинъ этого печальнаго явленія—слишкомъ спеціальный характеръ читаемыхъ курсовъ, усвоеніе которыхъ не подъ силу обыкновенному слушателю изъ публики, такъ какъ требуетъ предварительнаго знакомства съ основами естественныхъ наукъ. Существуютъ еще и другія причины малопосѣщаемости курсовъ, общія для явленій этого рода и въ другихъ свободныхъ образовательныхъ учрежденіяхъ Парижа, но объ нихъ будетъ сказано ниже. Однако, нельзя не признать, все-таки, огромнаго образовательнаго значенія всѣхъ учрежденій «Ботаническаго сада», и если даже оставить въ сторонѣ курсы и лекціи, то посѣщеніе однихъ его музеевъ даетъ много поучительнаго и интереснаго. А посѣщаются они публикою очень охотно, несмотря на необходимость добыванія билетовъ (безплатныхъ) для входа въ каждый музей; число посѣтителей всѣхъ галлерей и музеевъ въ 97—98 году достигло 600.000, несчитая художниковъ, скульпторовъ, фотографовъ и т. п., допускаемыхъ въ звѣринцы и музеи для воспроизведенія интересующихъ ихъ видовъ.

Государство расходуетъ на содержаніе всѣхъ учрежденій «Ботаническаго сада» 1.500.000 франковъ ежегодно, но при обширности и разнообразной дѣятельности ихъ этой суммы далеко недостаточно и каждый годъ обыкновенно заключается съ дефицитомъ, такъ что дѣйствительный расходъ значительно превышаетъ эту сумму.

III.

Одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ въ ряду свободныхъ образовательныхъ учрежденій высшаго разряда занимаетъ во Франціи парижскій Collège de France. Исторія его возникновенія, какъ и вся его дѣятельность на поприщѣ распространенія высшихъ знаній, находится въ тѣсной, неразрывной связи съ исторіей не только французской культуры, но и съ политической исторіей Франціи, такъ какъ на судьбѣ Collège de France отражались всѣ политическіе перево-

роты, которыми такъ изобиловала Франція, особенно въ теченіе послѣдняго столѣтія. Историкъ этого учрежденія, французскій архивистъ и бывшій его секретарь г. Abel Lefranc идетъ въ этомъ сравненіи еще дальше, говоря, что исторія Collège de France въ теченіи XIX вѣка есть въ то же время исторія французской науки *). И дѣйствительно, заглядывая въ даль минувшихъ вѣковъ, начиная съ возникновенія Collège, т. е. съ 1530 года и прослѣдя за его научной жизнью до послѣднихъ годовъ нашего времени, можно увидѣть, что все, что было лучшаго въ ученомъ мірѣ Франціи, что поставило французскую науку въ первые ряды наукъ всего міра—все прошло черезъ коллежъ, черезъ его кафедры. Въ длиннѣйшемъ спискѣ профессоровъ, въ теченіе болѣе, чѣмъ трехъ съ половиною вѣковъ перебывавшихъ въ Collège de France, пестрятъ имена такихъ ученыхъ и писателей, какъ Кювье, Бартелеми Сенъ-Илеръ, Мишле, Мицкевичъ, Клодъ-Бернаръ, Тенаръ, Сильверстъ де Саси, Деламебръ, Ремюза, Дану, Лаженъ, Амперъ, Мажанди, Сей, Шампольіонъ, Эли де Бомонъ, Жоффруа, Евг. Бюрнуфъ, Кине, Реньо, Флурансъ, Вокіенъ, Біортоленди, Ламартинъ, Броунъ-Секаръ, Ж. Бертранъ, Эрнестъ Ренанъ и др., а въ настоящее время списокъ профессоровъ колежа украшаютъ имена Бертело, Маскара, Левассёра, Леруа-Белье, Арсонваль, Рибо и т. п.

Но лучшею характеристикою значенія и дѣятельности Collège de France можетъ послужить его программа, представляющая необыкновенное разнообразіе входящихъ въ нее наукъ. Въ настоящее время въ Collège существуетъ сорокъ двѣ каѳедры и въ недавно закончившійся второй семестръ 1897—1898 учебнаго года здѣсь читались лекціи по слѣдующимъ предметамъ: математика, физика общая и математическая, физика общая и экспериментальная, медицина, естественная исторія тѣлъ неорганическихъ, спеціальная философія, языки и литература гебраическая, халдѣйская и сирійская, языкъ и литература арабская, языкъ и литература арамейская (arameinne), языкъ и литература греческая, философія греческая и латинская, современная французская литература и языкъ, языки и литература германскаго происхожденія, аналитическая механика, минеральная химія, органическая химія, естественная исторія тѣлъ органическихъ, сравнительная эмбріологія, анатомія, экспериментальная и сравнительная психологія, всеобщая исторія наукъ, сравнительная исторія законодательства, политическая экономія, экономическая географія, исторія и статистика, географическая исторія Франціи, исторія религій, эстетика и исторія искусства, надписи и древности римскія, греческія и семитическія, филологія и археологія египетская и ассирійская, языки и литературы китайская, татарско-манджурская и санскритская, латинская филологія, исторія латинской литературы, современная философія, французскіе языкъ и литература среднихъ вѣковъ, южноевропейскіе языки и литература, языки и литературы кельтическіе, языки и литературы славянскаго происхожденія и сравнительная грамматика.

Какъ по своей организаціи, такъ и по дѣятельности, Collège de France не представляетъ собою учебнаго заведенія, гдѣ ведется преподаваніе перечисленныхъ выше предметовъ по университетскому образцу. Вотъ какъ характеризуетъ его бывшій его директоръ Эрнестъ Ренанъ въ своемъ письмѣ къ министру народнаго просвѣщенія г. Буржуа въ 1892 году: «...Выраженіе «образованіе, которое даютъ въ Collége de France» насъ немного оскорбило. Мы не даемъ образованія догматическаго. Мы излагаемъ состояніе науки и стремимся къ разрѣшенію назрѣвшихъ вопросовъ. Наши слушатели совершенно свободны въ составленіи своихъ взглядовъ. Мы имъ доставляемъ для этого необходимые элементы съ совершеннымъ безпристрастіемъ. Это безпристрастіе, составляющее

*) Abel Lefranc. Histoire du Collège de France depuis ses origines jusgu' a la fin du premier Empire.

первую обязанность профессора коллежъ де Франсъ, находится и въ ансамблѣ всѣхъ каѳедръ, составляющихъ наше заведеніе. Всѣ мнѣнія представлены въ нашихъ программахъ. Католицизмъ и самые консервативные взгляды въ философіи имѣютъ у насъ свои органы. Мы имѣли знаменитыхъ учителей, принадлежавшихъ къ протестантизму, къ израелитизму, представителей всѣхъ оттѣнковъ вѣры и свободной мысли»... *).

Эта характеристика науки, продуцируемой здѣсь, даетъ ясное представленіе и о слушателяхъ Collège de Francne. Въ его многочисленныхъ и обширныхъ аудиторіяхъ можно встрѣтить людей всѣхъ возрастовъ, положеній и національностей: рядомъ съ молодымъ лицеистамъ, впервые попавшимъ въ этотъ храмъ чистой науки, вы увидите зрѣлаго профессора, пришедшаго пополнить свои знанія; въ массѣ французовъ, составляющихъ, конечно, главный контингентъ слушателей, встрѣчаются смуглыя лица италіанцевъ и испанцевъ, англичане, бельгійцы, нѣмцы — обычные посѣтители коллежа; особенно много можно встрѣтить здѣсь нашихъ соотечественниковъ русскихъ, вынужденныхъ по какимъ либо причинамъ удовлетворять свою жажду знаній за границею. Что касается состава слушателей по образованію, то его можно опредѣлить при первомъ взглядѣ на программы читаемыхъ курсовъ: программы эти никоимъ образомъ не имѣютъ въ виду простолюдина, человѣка необразованнаго и только нѣкоторые изъ этихъ курсовъ, популярныхъ по самому своему существу, могутъ быть доступны пониманію болѣе или менѣе развитыхъ слушателей изъ рабочаго класса, ремесленниковъ, мелкихъ промышленниковъ. Да эти элементы и не добиваются посѣщенія Collège de France и подобныхъ ему учрежденій, потому что къ ихъ услугамъ какъ въ Парижѣ, такъ и во всей Франціи имѣется цѣлый рядъ популярно-научныхъ и профессіональныхъ курсовъ. Они покрываютъ густою сѣтью весь Парижъ и приспособлены къ самымъ разнообразнымъ требованіямъ и нуждамъ, давая образованіе ремесленное, профессіональное, техническое, коммерческое и общее для слушателей всѣхъ возрастовъ (за исключеніемъ школьнаго) и обоихъ половъ. Курсы Collège de France *совершенно свободны для посѣщенія и безплатны.*

Въ учебномъ году они раздѣлены на два семестра: первый изъ нихъ начинается въ первый понедѣльникъ декабря и продолжается до Пасхи, второй— отъ Пасхи до 20—30 іюля; лекціи при этомъ происходятъ каждый день (кромѣ воскресеній и праздниковъ) отъ 9 час. утра до 5 час. дня въ восьми аудиторіяхъ, изъ которыхъ наибольшая вмѣщаетъ около 400 слушателей. Для практическихъ занятій при коллежѣ существуютъ цѣлый рядъ лабораторій по спеціальностямъ естественныхъ наукъ, анатомическіе кабинеты, библіотека, физіологическая и химическая станція и т. п.

При всемъ разнообразіи и обширности своей дѣятельности, Collège de France обставленъ далеко не соотвѣтственно своему научному значенію, что происходитъ вслѣдствіе недостатка средствъ. Французское правительство, обыкновенно щедро отпускающее средства на нужды народнаго образованія, ассигнуетъ на коллежъ незначительную, сравнительно сумму, которая, при жалованьѣ въ 10.000 фр., получаемомъ профессорами, достигала въ 1892 году всего 509.000 фр.; правда, что за истекшія 30 лѣтъ бюджетъ коллежа почти удвоился, какъ объ томъ свидѣтельствуетъ Abel Lefranc, но во всякомъ случаѣ эту сумму нельзя не признать ничтожною.

*) H. Vuibert. Annuaire de la Jeunesse 1898.

IV.

Итакъ, мы видѣли, что идея доставленія высшаго образованія тѣмъ элементамъ населенія, которые почему либо не получили его въ университетахъ или другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, идея, проведенію которой въ жизнь посвящаетъ столько усилій англійская интеллигенція и которая начинаетъ завоевывать право гражданства и у насъ въ Россіи, эта идея, въ реальномъ своемъ видѣ получившая форму народныхъ университетовъ, осуществлена во Франціи уже три съ половиною столѣтія тому назадъ.

Но можно ли утверждать, что эта форма народнаго образованія имѣла замѣтное вліяніе на развитіе французской культуры, какъ это, напримѣръ, до очевидности замѣтно на недавнемъ еще опытѣ англійскихъ народныхъ университетовъ? Отвѣтъ на это, къ сожалѣнію, получается отрицательный. Повидимому блестящая внѣшняя сторона всѣхъ трехъ описанныхъ мною учрежденій съ ихъ огромными образовательными средствами, не даетъ полнаго представленія о ихъ внутренней жизни: его нужно искать внѣ этихъ учрежденій, въ тѣхъ элементахъ населенія, для которыхъ они существуютъ. И вотъ здѣсь-то и приходится констатировать неуспѣхъ всѣхъ курсовъ, несмотря на ихъ посѣщаемость. Несомнѣнно, что цѣль не только высшихъ курсовъ, но и всякихъ другихъ состоитъ далеко не въ томъ, чтобы привлечь какъ можно большее число слушателей, а въ привитіи слушателямъ тѣхъ знаній, которыя, въ видѣ лекцій, читаемыхъ на курсахъ, предназначены служить для ихъ дальнѣйшаго умственнаго развитія. Въ этомъ отношеніи типомъ англійскихъ народныхъ университетовъ необыкновенно удачно достигнута эта цѣль, но нельзя сказать того-же про консерваторію искусствъ и ремеслъ, курсы «Ботаническаго сада» и Collège de France. Причина этого заключается въ отсутствіи правильной системы въ организаціи курсовъ и выработкѣ программъ, благодаря чему не получается цѣльнаго образованія. Умъ слушателей загромождается, правда, цѣнными, сами по себѣ, знаніями, но представляющими только отрывокъ какой нибудь науки, совершенно спеціальную ея часть, которая можетъ интересовать развѣ только такого же ученаго спеціалиста, какъ и самъ лекторъ. Особенно этимъ отличаются курсы «Ботаническаго сада». Другая причина—отсутствіе руководящаго начала слушателей и научнаго контроля надъ ними. Система англійскихъ народныхъ университетовъ тѣмъ и дорога, что она даетъ возможность слушателямъ пройти полный университетскій курсъ, а достигается это тѣмъ, что профессора тамъ не только читаютъ лекціи, но и руководятъ научными занятіями слушателей (конечно, по заявленому ими самими желанію), а для желающихъ существуетъ и научны контроль въ видѣ экзаменовъ. Въ парижскихъ заведеніяхъ, наоборотъ, почти не существуетъ никакой связи между профессорами и слушателями: первые читаютъ свои лекціи, вторые ихъ слушаютъ и расходятся по домамъ — одни для того, чтобы никогда больше не заглядывать въ аудиторію профессора, лекція котораго показалась имъ скучною или слишкомъ спеціальною, другіе—не найдя въ лекціи разрѣшенія интересующихъ ихъ вопросовъ. Благодаря отсутствію этой связи, профессора не могутъ знать духовныхъ нуждъ своей аудиторіи, а слушатели не могутъ ихъ заявить, и, такимъ образомъ, публичные курсы, въ ядрѣ которыхъ лежитъ благородное стремленіе къ распространенію свѣта знанія, вылились въ форму безжизненныхъ, сухихъ лекцій, гдѣ лекторъ и слушатели не имѣютъ между собою ничего общаго и не понимаютъ другъ друга.

Ю. Надеждинъ.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Новые элементы: Ксенонъ.—Эфиріонъ и его свойства.—Дѣйствительно ли эфиріонъ есть элементарное тѣло?—Чума и ея распространеніе.—Крысы и паразиты, какъ главные разносители заразы.—Мѣры предосторожности противъ чумы.—Результаты лѣченія больныхъ посредствомъ противочумной сыворотки.—Пули малого калибра и ихъ дѣйствіе.—Успѣхи техники: Желѣзная дорога на Юнгфрау и развитіе желѣзнодорожной сѣти за 1897 годъ.—Проэктъ англійской экспедиціи къ Южному полюсу.

Истекшій 1898 годъ былъ особенно богатъ новыми открытіями въ области астрономіи и химіи. Много новыхъ свѣтилъ, главнымъ образомъ малыхъ планетъ и кометъ занесено въ списки извѣстныхъ человѣчеству небесныхъ тѣлъ, много новыхъ элементовъ, доселѣ неизвѣстныхъ, открыто химиками на землѣ и въ окружающей ее атмосферѣ. Всего счетомъ за истекшій годъ открыто 7 новыхъ элементовъ, если дальнѣйшія изслѣдованія подтвердятъ присутствіе въ атмосферѣ элемента эфирія. Читателямъ «Міра Божія» было въ свое время сообщено объ элементахъ, названныхъ неономъ, криптономъ и метаргономъ, открытыхъ въ небольшихъ количествахъ Трэверсомъ и Рамсеемъ въ окружающемъ насъ воздухѣ. Тѣ же изслѣдователи въ своемъ новомъ отчетѣ передъ Британской Ассоціаціей сообщали о новомъ, 4 элементѣ, найденномъ вмѣстѣ съ 3 предыдущими и названномъ ксенономъ. Онъ характеризуется болѣе высокой точкой кипѣнія, большей плотностью, чѣмъ аргонъ, а потому можетъ быть сравнительно легко выдѣленъ. Спектръ его въ общихъ чертахъ сходенъ со спектромъ аргона, но нѣкоторыя линіи его расположены иначе; типичными его линіями являются 3 красныя и 5 голубыхъ. Въ воздухѣ ксенонъ находится еще въ меньшемъ количествѣ чѣмъ неонъ, а этотъ послѣдній составляетъ всего лишь $^{1}/_{40000}$. Ни одинъ изъ 4 газовъ, повидимому, не склоненъ къ образованію химическихъ соединеній.

Въ истекшемъ же году открытъ элементъ полоній, сходный, повидимому, по своимъ химическимъ свойствамъ съ висмутомъ, и его еще не удалось получить въ чистомъ видѣ. Далѣе слѣдуетъ важное открытіе на землѣ элемента названнаго уже задолго раньше *короніемъ*. Названіе свое этотъ элементъ получилъ вслѣдствіе того, что его присутствіе было впервые открыто въ той легкой оболочкѣ, которая окружаетъ солнечную хромосферу и которая получила названіе солнечной короны. Корона представляетъ ничто иное, какъ верхніе слои атмосферы солнца. Спектръ короны характеризуется зеленою линіею, которая не принадлежитъ ни одному изъ доселѣ извѣстныхъ на землѣ элементовъ; этотъ элементъ и получилъ названіе коронія. Всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ итальянскимъ ученымъ удалось доказать присутствіе коронія въ газахъ Везувія и въ газахъ сольфатаръ въ Pouzzoles, и наука, такимъ образомъ, пріобрѣла еще лишній разъ доказательство справедливости словъ знаменитаго математика и философа Декарта: «земля и небо сдѣланы изъ одного и того же вещества».

Наконецъ слѣдуетъ открытіе американцемъ Брёшемъ новаго элемента, получившаго названіе etherion или эфирія. Онъ заключается во многихъ веще-

ствахъ, а также въ атмосферѣ. Его главную характеристику составляетъ громадная теплопроводность при низкомъ давленіи, и въ этомъ отношеніи онъ превосходитъ въ 100 разъ такой легкій газъ, какъ водородъ. Прочія свойства его не менѣе замѣчательны; они даны въ слѣдующей таблицѣ параллельно свойствамъ водорода:

	Молекулярный вѣсъ.	Плотность.	Скорость молекулярнаго движенія.	Теплопроводность.
Эфирій	0,0002	0,0001	100	100
Водородъ	2	1	1	1

Молекулярная скорость водорода при температурѣ тающаго льда найдена по разсчетамъ и равняется 1698 метрамъ въ секунду, слѣдовательно, скорость молекулярнаго движенія новаго газа равняется 170 километрамъ въ секунду при той же температурѣ. Отсюда Брёшъ дѣлаетъ слѣдующее заключеніе. «Было бы совершенно невозможно присутствіе газа съ такою молекулярною скоростью въ атмосферѣ, *если бы пространство надъ атмосферой также не заключало его*. Даже при температурѣ, близкой къ абсолютному нулю, новый газъ обладалъ бы молекулярной скоростью, достаточной для того, чтобы уйти изъ предѣловъ нашей атмосферы». Далѣе авторъ открытія не останавливается передъ гипотезой, что эфирій, распространяясь далеко за предѣлы атмосферы, наполняетъ собою междупланетное пространство. «Я знаю, говоритъ онъ, что вѣскія возраженія могутъ быть выставлены противъ гипотезы междупланетной атмосферы, но мое заключеніе неизбѣжно, если мои посылки не ошибочны». Брёшъ высказываетъ далѣе предположеніе, что эфирій представляетъ изъ себя не элементарное, простое тѣло, а смѣсь двухъ, трехъ или даже нѣсколькихъ элементарныхъ тѣлъ, изъ которыхъ каждое легче водорода. Если бы гипотеза оправдалась, Брешъ предлагаетъ сохранить названіе эфирія за наиболѣе легкимъ изъ элементовъ.

Въ концѣ своего сообщенія Брёшъ высказываетъ надежду, что эфиріонъ дастъ возможность объяснить по крайней мѣрѣ нѣкоторыя явленія, которыя до настоящаго времени приписывались гипотетическому эфиру. Трудно, конечно, предвидѣть заранѣе всѣ тѣ результаты, къ которымъ ведетъ каждое новое открытіе въ наше время. Открытіе эфирія, если оно оправдается, обѣщаетъ открыть много новыхъ горизонтовъ. Всѣмъ извѣстно, что сжиженіемъ легкихъ газовъ возможно достигнуть очень низкихъ температуръ; не удастся ли съ теченіемъ времени получить и новый газъ эфирій въ жидкомъ состояніи? Быть можетъ рѣшеніе этой задачи позволило бы проникнуть въ тайну такъ называемаго *абсолютнаго нуля* (—273°).

Понятно поэтому, отчего открытіе Брёша такъ сильно заинтересовало ученыхъ всего міра, отчего всѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ новыхъ изслѣдованій, долженствующихъ подтвердить или опровергнуть его. Большимъ скептицизмомъ по отношенію къ новому открытію проникнута замѣтка Вильяма Крукса въ The chemical News. 1898. Vol. LXXVIII, p. 221, гдѣ онъ сообщаетъ о своихъ прежнихъ и новыхъ наблюденіяхъ, изъ которыхъ слѣдуетъ съ вѣроятностью, что новый газъ эфирій есть ничто иное, какъ водяной паръ. Уже при тѣхъ изслѣдованіяхъ, которыя повели къ открытію радіометра, Круксъ обратилъ вниманіе на особыя свойства паровъ воды въ пустотѣ и предпринялъ рядъ опытовъ надъ теплопроводностью разрѣженныхъ газовъ, которые не были опубликованы цѣликомъ. Къ числу неопубликованныхъ принадлежатъ опыты надъ водородомъ и водянымъ паромъ, которые показали, что при большомъ разрѣженіи паръ является болѣе теплопроводнымъ, чѣмъ воздухъ и даже водородъ, и что съ увеличеніемъ разрѣженія теплопроводность пара растетъ въ столь сильной степени, сравнительно съ прочими газами, что нѣтъ ничего не-

возможнаго, что Брёшъ, работавшій при еще большихъ разрѣженіяхъ нашелъ большую теплопроводность, которую и приписалъ *новому газу*; возможно, что въ этихъ условіяхъ такою же теплопроводностью обладаетъ и водяной паръ. Далѣе по поводу полученія «новаго» газа изъ нагрѣтаго въ пустотѣ стекляннаго порошка, Круксъ вспоминаетъ о своихъ изслѣдованіяхъ, въ которыхъ онъ доказалъ, что при сильномъ разрѣженіи нагрѣтое стекло выдѣляетъ газы, состоящіе изъ *водяного пара* и углекислоты. Свои разсужденія Круксъ заканчиваетъ слѣдующими словами: «Я не хочу говорить вполнѣ утвердительно о предметѣ, о которомъ я имѣю лишь нѣкоторыя, быть можетъ, неполныя свѣдѣнія. Изъ того, что мнѣ извѣстно, я считаю болѣе вѣроятнымъ, что эфиріонъ—водяной паръ, а не новый, простой газъ; это еще болѣе подтверждается наблюденіемъ г. Бреша, что эфиріонъ поглащается фосфорной кислотой и стекляннымъ порошкомъ, изъ котораго посредствомъ нагрѣванія онъ получается».

Такимъ образомъ, какъ видно изъ сказаннаго, открытіе Бреша вызываетъ серьезныя, основательныя сомнѣнія и нуждается въ сильной провѣркѣ, которая, быть можетъ, покажетъ полную его несостоятельность.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ истекшаго 1898 года большое волненіе, какъ среди публики, такъ и въ ученомъ мірѣ вызвало появленіе чумы въ одной изъ бактеріологическихъ лабораторій въ Вѣнѣ. Напомнимъ вкратцѣ, всѣмъ болѣе или менѣе извѣстные изъ газетъ, факты этой печальной исторіи, которая чуть было не оказала самыхъ невыгодныхъ послѣдствій для ученыхъ, занимающихся изученіемъ бактеріологіи, такъ какъ, справедливо возмущенное распространеніемъ заразы изъ лабораторіи, общественное мнѣніе требовало уничтоженія всѣхъ культуръ заразныхъ болѣзней во всѣхъ лабораторіяхъ Вѣны. Въ 1897 году вѣнская академія наукъ командировала въ Индію для изученія чумы 4-хъ врачей, которые, возвратившись изъ Бомбея, привезли съ собою культуры бактерій чумы съ цѣлью продолжать дома свои изслѣдованія. Опыты и были начаты въ маѣ истекшаго года въ спеціально для этого отведенной лабораторіи анатомо-патологическаго института вѣнскаго университета. Къ началу сентября изслѣдованія были закончены и въ лабораторіи оставалось лишь нѣсколько крысъ, которымъ была сдѣлана предохранительная прививка чумы и надъ которыми, отъ времени до времени, производились провѣрочные опыты. 15 октября н. ст. заболѣлъ служитель лабораторіи, на обязанности котораго лежало кормить животныхъ и чистить лабораторію.

Это была первая жертва чумной эпидеміи, которая унесла затѣмъ еще 3 новыхъ жертвы, въ томъ числѣ приватъ-доцента д-ра Мюллера, и, благодаря своевременно принятымъ, энергичнымъ мѣропріятіямъ, дальнѣйшаго распространенія эпидеміи не послѣдовало. Такъ закончилась «вѣнская чума», надѣлавшая столько шума, и нужно признать, что такой конецъ ея является очень счастливымъ, такъ какъ трудно даже съ достаточной опредѣленностью представить себѣ ужасныя послѣдствія, которыя въ неблагопріятныхъ условіяхъ могли явиться результатомъ недостаточныхъ мѣръ предосторожности, принятыхъ въ зараженной чумою лабораторіи. Конечно, урокъ этотъ не пройдетъ даромъ и мѣры предосторожности, обыкновенно практикуемыя въ подобныхъ случаяхъ, будутъ увеличены. До конца осталось невыясненнымъ, какимъ путемъ заразился служитель лабораторіи, передавшій болѣзнь остальнымъ 3 жертвамъ эпидеміи.

Вопросъ о томъ, какъ передается чума и какія мѣры личной и общественной охраны отъ ея распространенія нужно предпринимать на случай ея появленія—вопросъ общій и тѣмъ болѣе интересный въ тотъ моментъ, когда, какъ извѣстно, эпидемія чумы появилась на границахъ русскаго Туркестана, куда для борьбы съ нею немедленно командированъ сильный санитарный отрядъ.

Въ «Annales de l'Institut Pasteur» появилась очень обстоятельная и интересная статья о чумѣ, авторъ которой, морской врачъ Simond, собралъ и обработалъ громадный матеріалъ и сдѣлалъ много важныхъ наблюденій надъ чумою въ Бомбеѣ. Мы сообщимъ читателямъ лишь наиболѣе общія мѣста этого обстоятельнаго, эпидеміологическаго мемуара.

Наиболѣе вѣроятно, что эпидемія, свирѣпствующая въ Бомбеѣ съ 1896 года, была занесена сюда морскимъ путемъ изъ Гонконга. Съ сентября 1896 года до августа 1898 число заболѣвшихъ, по подсчетамъ Simond'a, опредѣляется для города Бомбея цифрою въ 38.000 человѣкъ. Изъ нихъ умерло 32.000 человѣка. Отъ Бомбея, какъ центра заразы, чума распространилась по морю и по сушѣ внутрь Индіи, по всѣмъ направленіямъ, такъ что въ настоящее время эпидемія покрыла половину поверхности страны и трудно предвидѣть, гдѣ она найдетъ предѣлъ своему опустошительному движенію впередъ.

Первые случаи заболѣваній обнаруживаются обыкновенно среди пріѣзжихъ изъ зараженной мѣстности; затѣмъ слѣдуютъ случаи заболѣванія мѣстныхъ жителей. Не всегда, однако, такого привознаго случая чумы достаточно, чтобы повлечь распространеніе эпидеміи, хотя несомнѣнно, что каждый такой случай представляетъ серьезную угрозу жителямъ города. Это обстоятельство говоритъ въ пользу того положенія, что обыкновенно человѣкъ является агентомъ, переносящимъ заразу изъ одного города въ другой. Тѣмъ не менѣе, съ несомнѣнностью констатированы случаи, когда чума появлялась среди жителей города или деревни безъ предварительныхъ привозныхъ случаевъ чумы, и въ виду этого совершенно основательно является сомнѣніе въ томъ—необходимъ ли обязательно человѣкъ для переноса заразы? Изученіе распространенія эпидеміи въ населенномъ центрѣ позволило разрѣшить этотъ вопросъ.

За первыми привозными случаями чумы слѣдуетъ обыкновенно длинный періодъ времени (болѣе мѣсяца) до появленія мѣстныхъ заболѣваній. Затѣмъ слѣдуетъ періодъ медленнаго распространенія, такъ что врачи и администрація легко вводятся въ заблужденіе, считая случаи заболѣванія спорадическими и склонны уменьшать опасность распространенія эпидеміи. Уже въ этомъ періодѣ можно замѣтить, что чума часто поражаетъ семьи, которыя избѣгали всякихъ сношеній не только съ очагами заразы, но даже со здоровыми обитателями зараженныхъ домовъ. Съ другой стороны, несомнѣнно, извѣстны случаи, когда зараза передается посредствомъ человѣка. Въ особенности ясно выступаетъ возможность передачи безъ посредства человѣка въ слѣдующій затѣмъ, острый періодъ быстраго распространенія болѣзни: въ этотъ періодъ чума поражаетъ сразу нѣсколькихъ обитателей одного дома, чуть ли не въ одинъ часъ и съ одинаковой жестокостью; она появляется тамъ, гдѣ ее меньше всего можно было ожидать. Въ большихъ городахъ такой острый періодъ эпидеміи тянется дольше, чѣмъ въ малыхъ городахъ и деревняхъ: такъ, напр., въ Бомбеѣ онъ продолжался 4 мѣсяца. Затѣмъ слѣдуетъ болѣе короткій періодъ паденія эпидеміи, но отдѣльные случаи заболѣванія наблюдаются въ теченіе долгаго времени.

Въ особенности легко удавалось констатировать факты зараженія чумою безъ посредства человѣка въ деревняхъ. Существуетъ, слѣдовательно, кромѣ человѣка, другой агентъ, посредствомъ котораго происходитъ распространеніе чумы. Что микробъ чумы передается не черезъ воздухъ—достаточно убѣдительно говорятъ наблюденія надъ локализаціей заразныхъ зародышей внутри домовъ и самый ходъ распространенія эпидеміи внутри городовъ. Что зараженіе чумою происходитъ не черезъ воду—также почти не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ въ этомъ случаѣ, какъ, напр., при холерныхъ эпидеміяхъ, удалось бы прослѣдить заболѣваніе группъ индивидуумовъ или даже кварталовъ, пользующихся подозрительной водой. Ничего подобнаго не было замѣчено.

Изъ наблюденій надъ всѣми чумными эпидеміями и надъ отдѣльными фак-

тами слѣдуетъ, что самымъ активнымъ распространителемъ заразы являются крысы.

Уже въ древнія времена наблюдали связь между эпидеміями крысъ и чумой среди людей. Въ 1881 году Rocher въ своей книгѣ настаивалъ на фактѣ, что наблюдавшимся эпидеміямъ чумы предшествуетъ сильная смертность среди крысъ. Факты эти, впрочемъ, какъ оказалось, хорошо извѣстны туземцамъ, которые покидаютъ тотчасъ свои поселенія, какъ только замѣтятъ чрезмѣрную смертность среди крысъ. На островѣ Формозѣ туземное названіе чумы обозначаетъ болѣзнь крысъ. Simond лично констатировалъ это совпаденіе въ 1893 году и съ тѣхъ поръ оно наблюдалось вездѣ, гдѣ ни появлялась чума. Но лишь только послѣ открытія Yersin'омъ спеціальнаго микроба чумы и послѣ того, какъ было съ несомнѣнностью установлено опытнымъ путемъ сходство чумы крысъ и человѣка—можно было установить причинную связь между этими явленіями.

Однако, это открытіе Yersin'a и Roux не нашло того довѣрія, котораго оно заслуживало, такъ какъ и въ 1898 году не было принято никакихъ мѣръ, чтобы оградить жителей зараженныхъ мѣстностей отъ этого источника заразы. Между тѣмъ, уже въ 1897 году Roux писалъ: «Чума—вначалѣ болѣзнь крысъ—скоро становится болѣнью людей; не лишено основанія, что хорошей предохранительной противъ чумы мѣрой было бы уничтоженіе крысъ». Причина этого равнодушія заключается въ томъ, что до сихъ поръ не была съ несомнѣнностью доказана роль крысы въ распространеніи заразы. На самомъ дѣлѣ, не достаточно установить, что тотъ же самый микробъ производитъ заболѣваніе чумой крысы и человѣка, чтобы сказать, что чума человѣка является послѣдствіемъ чумы крысы. Многіе ученые, занимавшіеся изученіемъ эпидеміи въ Бомбеѣ допускали роль крысы, какъ распрастранителя чумной заразы, лишь какъ исключеніе и какъ случайный фактъ. Наблюденія, произведенныя въ теченіе главныхъ эпидемій чумы 1897 и 1898 гг. Simond'омъ оставляютъ, повидимому, мало сомнѣній насчетъ важной роли крысъ, какъ агентовъ-разносителей чумы.

Въ общемъ удалось наблюдать не только въ городахъ, но и въ деревняхъ, что появленію чумы предшествуетъ большая смертность среди крысъ. Далѣе было замѣчено, что эта смертность вначалѣ локализируется въ какомъ-нибудь одномъ кварталѣ города. Чума появляется какъ разъ въ томъ же кварталѣ, и блестящіе примѣры этого представляла эпидемія въ Бомбеѣ, Карадѣ и др. городахъ. Болѣе того, первыми очагами заразы являются такія мѣста, какъ склады зерна, хлопчатой бумаги и т. п., которые нерѣдко помѣщаются въ совершенно незаселенныхъ улицахъ. Первыми жертвами эпидеміи 1898 г. въ нѣкоторыхъ городахъ были сторожа и служащіе въ такихъ складочныхъ мѣстахъ, которые работаютъ въ нихъ днемъ и возвращаются домой на ночь.

Выше мы говорили о внезапномъ и быстромъ распространеніи эпидеміи во второмъ ея періодѣ, послѣ того какъ долгое время она держалась въ одномъ кварталѣ. Это явленіе находится въ связи съ эмиграціей крысъ изъ первоначальнаго очага заразы. Въ Бомбеѣ, напр., можно было вполнѣ точно констатировать фактъ, что паника, вызванная первымъ появленіемъ чумы и имѣвшая послѣдствіемъ общее бѣгство изъ Бомбея, не была причиною распространенія эпидеміи. Распространеніе эпидеміи явилось непосредственнымъ слѣдствіемъ эмиграціи крысъ, при чемъ оно шло, какъ въ кварталахъ Бомбея, такъ и въ различныхъ деревняхъ, какъ разъ по направленію избранному крысами, за которыми наблюдали на разстояніи 20, 25 миль въ окрестностяхъ Бомбея. Въ другихъ городахъ можно было еще лучше сдѣлать тѣ же самыя наблюденія. Въ одномъ домѣ было въ теченіе дня найдено 75 труповъ крысъ: какъ разъ въ этомъ кварталѣ эпидемія свирѣпствовала съ особенной силой. Трудно возражать ротивъ очевидности факта: разъ эпидемія чумы слѣдуетъ по пути первоначально

намѣченному зачумленными крысами, естественно сдѣлать заключеніе, что она слѣдуетъ за эпидеміей крысъ. Частные случаи еще съ большею очевидностью подтверждаютъ рядъ приведенныхъ общихъ фактовъ. Укажемъ лишь наиболѣе бьющіе въ глаза случаи, которыхъ Simond'у удалось наблюдать очень много. Въ одномъ изъ складовъ хлопчатой бумаги въ Бомбеѣ было замѣчено много труповъ крысъ. Изъ 20 человѣкъ, которымъ было поручено собрать трупы и вывезти ихъ, половина заболѣла чумою въ 3-хъ-дневный срокъ и ни одно изъ лицъ, посѣтившихъ складъ въ этотъ день, не причастное къ уборкѣ крысъ, не заболѣло чумою. Въ одной изъ мѣстностей, гдѣ сильно свирѣпствовала чума, жители двухъ деревень выселились изъ своихъ поселеній во временный лагерь, какъ только была замѣчена эпидемія крысъ. Всѣ пользовались полнымъ здоровьемъ до того дня, когда двѣ женщины, отправившись въ покинутую деревню, нашли у себя въ жилищѣ двухъ мертвыхъ крысъ, которыя и были выброшены на улицу передъ возвращеніемъ женщинъ въ лагерь. Обѣ женщины заболѣли чумою черезъ два дня. Случаи, гдѣ заболѣваніе слѣдуетъ за прикосновеніемъ къ трупу крысы очень многочисленны, но нужно отмѣтить, что прикосновеніе къ крысѣ не является обязательнымъ и домъ, гдѣ только видѣли трупы крысъ нерѣдко становится очагомъ заразы, которая свиваетъ себѣ нерѣдко прочное гнѣздо послѣ того, какъ животныя въ немъ перемерли.

Нужно отмѣтить также, что всѣ обстоятельства, способствующія привлеченію крысъ, создаютъ благопріятныя условія и для распространенія заразы чумою. Въ Бомбеѣ больше всего жертвъ пришлось на торговцевъ зерномъ, мукою и пр. товарами, привлекающими крысъ. Въ жилищахъ европейцевъ въ Бомбеѣ, которыя отличаются чистотою, въ особенности же тамъ, гдѣ кухня и службы отдѣлены отъ жилого дома, условія для привлеченія крысъ очень неблагопріятны и, дѣйствительно, случаи зараженія европейцевъ представляютъ исключеніе во всѣхъ городахъ Индіи.

Изъ этого нѣкоторые дѣлали выводъ, что европейцы мало подвержены заболѣванію чумою. Простое наблюденіе доказываетъ ошибочность этого взгляда: богатые туземцы, живущіе въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и англичане, нигдѣ не дали большаго количества заболѣваній, чѣмъ европейцы. Такимъ образомъ, устанавливается фактъ, что крыса является главнымъ распространителемъ заразы на близкія разстоянія—человѣкъ же переноситъ ее по большей части на большія разстоянія. Далѣе нужно еще изслѣдовать роль крысъ, находящихся на корабляхъ, такъ какъ до послѣдняго времени считалось, что чума передается только посредствомъ товаровъ и заболѣвшихъ чумою пассажировъ. Въ прежнее время не обращали никакого вниманія на присутствіе труповъ крысъ на корабляхъ, а между тѣмъ наблюдавшіеся во время послѣдней эпидеміи въ Бомбеѣ факты вполнѣ убѣдительны. Во время сильной эпидеміи 1898 г. въ Бомбеѣ между этимъ городомъ и Аденомъ совершилъ рейсъ туда и обратно пакеботъ Shanon. На немъ были приняты всевозможныя санитарныя мѣры. Во время обратнаго рейса въ Бомбей въ почтовомъ отдѣленіи находятъ трупы крысъ, а вскорѣ почтовый чиновникъ, работавшій въ этомъ отдѣленіи, заболѣваетъ чумой. Ясно, что онъ могъ заразиться только отъ крысъ, такъ какъ на пакеботъ онъ сѣлъ только въ Аденѣ и, слѣдовательно, ни въ своихъ вещахъ не могъ занести заразы и самъ не могъ находиться ранѣе въ инкубаціонномъ періодѣ, такъ какъ въ Аденѣ вовсе не было случаевъ заболѣванія. Подобные случаи далеко не представляютъ исключенія: Simond цитируетъ нѣсколько случаевъ, гдѣ передача чумы на судно изъ зараженнаго города черезъ крысъ не подлежитъ сомнѣнію.

Интересно далѣе наблюденіе, что эпидемія чумы очень быстро слѣдуетъ за появленіемъ зачумленныхъ крысъ. Наоборотъ, если чума заносится человѣкомъ—протекаетъ обыкновенно длинный періодъ, отъ 20 до 50 дней, прежде чѣмъ появятся мѣстные случаи заболѣванія. Изъ многочисленныхъ, крайне любопытныхъ

наблюденій Simond приходитъ къ заключенію, что причина этого явленія лежитъ въ томъ, что необходимымъ условіемъ для распространенія эпидеміи является предварительная передача болѣзни отъ зараженнаго человѣка крысамъ. Вотъ почему для своего развитія эпидемія требуетъ времени и иногда благопріятныхъ условій, которыя далеко не всегда имѣются на лицо.

Перейдемъ теперь къ важному и очень интересному вопросу, передается-ли зараза отъ человѣка къ человѣку? Если мы посмотримъ на то, что происходитъ въ устроенныхъ по-европейски госпиталяхъ, легко констатировать, что случаи заразы въ нихъ представляются совершенно исключительными. Среди медицинскаго персонала, сидѣлокъ и остальной прислуги изъ европейцевъ, которые въ течеіе двухъ лѣтъ работали въ большихъ чумныхъ госпиталяхъ, извѣстно лишь нѣсколько очень рѣдкихъ случаевъ заболѣванія. Заболѣваній нѣсколько больше среди туземной прислуги, но все-же случаи заболѣванія прислуги представляютъ исключеніе изъ общаго правила. Ни въ одномъ изъ случаевъ нельзя приписать зараженія соприкосновенію съ больными. Многіе врачи, служившіе въ госпиталяхъ, отказываются признать заразительность чумы. Однако зараза чумою отъ человѣка (въ смыслѣ передачи ея во время посѣщенія больного) не подлежитъ сомнѣнію и въ грязныхъ туземныхъ госпиталяхъ, гдѣ полы, бѣлье и больные моются рѣдко, гдѣ не примѣняется вовсе дезинфекція— случаи зараженія очень часты. То же должно сказать и о грязныхъ, бѣдныхъ, переполненныхъ жителями домахъ туземцевъ.

Уже давно сдѣлано наблюденіе, что чума не прекращается непосредственно послѣ первой эпидеміи; за ней обыкновенно слѣдуетъ вторая, иногда даже болѣе сильная, чѣмъ первая, обыкновенно же болѣе слабая. Затѣмъ можетъ слѣдовать цѣлая серія эпидемій и область остается зачумленною въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Часто замѣчается большая правильность въ промежуткѣ между началомъ двухъ эпидемій: въ Бомбеѣ этотъ промежутокъ равнялся 12 мѣсяцами, въ другихъ городахъ 13 и т. п.

Сравненіе временъ года и климатическихъ условій, въ которыхъ развивались эпидеміи чумы показываетъ, что въ предѣлахъ географическаго распространенія чумы, въ мѣстностяхъ съ очень разнообразными климатическими условіями и въ разныя времена года,—вездѣ, гдѣ только ни наблюдалась чума— такое сравненіе показываетъ, что для чумы нѣтъ ни болѣе благопріятнаго времени года, ни болѣе благопріятнаго климата: всѣ климаты, всѣ времена года равны предъ нею. Можно лишь сдѣлать одно общее ограниченіе: сильныя эпидеміи какъ въ Китаѣ, такъ и въ Индіи имѣли максимумъ своего развитія не въ самый жаркій періодъ времени года. Возобновленіе эпидеміи среди людей Simond ставитъ такъ же какъ и ея появленіе въ связь съ ея возобновленіемъ среди крысъ и это явленіе основываетъ на фактахъ достаточной убѣдительности.

Каковъ же механизмъ передачи микроба чумы? Выше изложенные факты не вполнѣ освѣщаютъ темныя стороны исторіи распространенія чумы. Нужно изслѣдовать еще трудный вопросъ о томъ, какими путями и средствами микробъ проникаетъ въ организмъ, какъ онъ передается отъ крысы къ крысѣ, отъ крысы къ человѣку, отъ человѣка къ человѣку и, наконецъ, отъ человѣка къ крысѣ.

Большинство бактеріологовъ держится того мнѣнія, что зараженіе крысъ происходитъ черезъ пищеварительный каналъ. Насчетъ способа, какимъ происходитъ зараженіе человѣка, мнѣнія ученыхъ расходятся. Одни допускали зараженіе черезъ пищеварительный каналъ, но патологическая анатомія не подтвердила этого взгляда. Теперь почти исключительно господствуетъ мнѣніе, что зараза проникаетъ или черезъ кожу или черезъ легкія. Однако цѣлый рядъ жедневныхъ наблюденій и опытовъ вызвалъ у Simond'а сомнѣненіе въ спра-

ведливости этого воззрѣнія. Во первыхъ со времени открытія микроба многочисленныя лабораторіи въ массѣ производятъ опыты съ прививкой чумы животнымъ и первымъ начальнымъ случаемъ зараженія лицъ, занимающихся въ лабораторіи, явился вышеописанный случай съ чумной эпидеміей въ Вѣнѣ. Во вторыхъ, было сдѣлано интересное наблюденіе, что лишь тѣ крысы передаютъ неизбѣжно заразу, которыя погибли недавно. Достаточно, чтобы человѣкъ взялъ въ руки такую крысу, и нѣсколькихъ секундъ соприкосновенія вполнѣ достаточно, чтобы въ теченіе трехдневнаго срока онъ заболѣлъ чумою. Наоборотъ нельзя было констатировать ни одного случая зараженія отъ крысы, смерть которой наступила за 24 часа до того момента, когда человѣкъ прикасался къ ея трупу. Наконецъ, опытомъ установленная трудность зараженія черезъ пищеварительный каналъ и большая легкость его посредствомъ введенія подъ кожу минимальныхъ количествъ заразной матеріи — все это заставило Simond'a старательно искать другой, естественной причины, способствующей прониканію микроба въ здоровую кожу. У животныхъ, естественно заболѣвшихъ чумою, никогда не встрѣчается пораженія кожи въ какомъ либо мѣстѣ, черезъ которое зараза могла бы проникнуть внутрь. Иначе дѣло обстоитъ съ человѣкомъ! Во многихъ случаяхъ на тѣлѣ зараженныхъ чумою находятъ подкожный налетъ, иногда нѣсколько, размѣръ которыхъ варіируетъ отъ булавочной головки до величины орѣха. Эти налеты заключаютъ жидкость, вначалѣ прозрачную, которая становится затѣмъ кровянистою или гноевидною; они появляются въ самомъ началѣ болѣзни, ранѣе всѣхъ другихъ симптомовъ и не исчезаютъ до конца. Если наступаетъ выздоровленіе, налетъ присыхаетъ и исчезаетъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ достигаетъ большихъ размѣровъ; далѣе налетъ вскрывается, обнажая воспаленное основаніе; гангрена распространяется вглубь и по всѣмъ направленіямъ и въ рѣдкихъ, правда, случаяхъ язва превосходитъ размѣрами 5 копѣечную монету. Благодаря этой язвѣ болѣзнь получила названіе черной смерти. Въ случаѣ выздоровленія, очень рѣдкаго въ такихъ случаяхъ, остается глубокій шрамъ на мѣстѣ язвы. Отъ самаго начала и до конца налетъ сохраняетъ болѣзненный характеръ. Язва неизмѣнно сопровождается вспуханьемъ паховой железы и опухоль всегда соотвѣтствуетъ налету. Если налеты находятся въ разныхъ областяхъ — у каждой будетъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ такая опухоль. Налеты бываютъ исключительно въ тѣхъ мѣстахъ тѣла, гдѣ кожа очень нѣжна и тонка. Simond произвелъ микроскопическое изслѣдованіе содержимой въ налетѣ жидкости и во всѣхъ случаяхъ, безъ исключенія, нашелъ чумныхъ микробовъ.

Каково же значеніе этой характерной язвы? Раннее ея появленіе, постоянное присутствіе въ ней микробовъ, замѣченная связь съ припуханіемъ железъ—все это заставляетъ предполагать, что язва является какъ бы дверью, черезъ которую зараза входитъ въ организмъ. Въ Бомбеѣ былъ случай, подтверждающій этотъ взглядъ. Нѣмецкій врачъ Sticker, производя вскрытіе умершаго отъ чумы, поранилъ себѣ руку инструментомъ, служившимъ для вскрытія. Черезъ день или черезъ два на мѣстѣ укола появился налетъ, содержавшій чумныхъ микробовъ и одновременно начала развиваться паховая опухоль. Два аналогичныхъ случая было съ двумя японскими врачами.

Если кожу, снятую съ обыкновеннаго налета, разсмотрѣть въ микроскопъ, то ясно видно, что поверхностные слои эпидермы не носятъ слѣдовъ предварительнаго нарушенія, что они совершенно цѣлы. Замѣчено, что чаще всего налеты появляются на ногѣ, но какъ разъ не въ тѣхъ мѣстахъ, которыя наиболѣе подвержены случайнымъ пораненіямъ у лицъ, которыя ходятъ босикомъ. Опыты показали, что ни прикосновеніе культивированнаго микроба, ни крови чумного животнаго, ни его выдѣленій со здоровой кожей не можетъ вызвать зараженія чумою ни человѣка, ни животнаго. Нужно, слѣдовательно, искать

внѣшняго, активнаго агента, посредствомъ котораго зараза могла бы быть перенесена къ мѣсту, гдѣ наблюдается появленія налета. Уже теоретически Simond пришелъ къ заключенію о вмѣшательствѣ въ дѣло переноса заразы черезъ здоровую кожу паразитовъ и *a priori* заподозрилъ блоху и клопа, какъ переносителей чумы. Не было возможности сдѣлать опытовъ съ клопами, роль которыхъ, если она дѣйствительна, ограничивается переносомъ чумы отъ человѣка къ человѣку. Напротивъ, многочисленные опыты съ зараженіемъ чумою животныхъ черезъ посредство блохъ привели автора къ выводу, что блохи являются главными источниками распространенія чумы въ естественныхъ условіяхъ. Мы не можемъ приводить здѣсь всѣхъ тѣхъ любопытныхъ опытовъ, которые были произведены Simond'омъ въ доказательство его теоріи. Въ подтвержденіе ея онъ обращаетъ также вниманіе на то обстоятельство, что налеты появляются, какъ разъ въ тѣхъ мѣстахъ человѣческаго тѣла, которыя наиболѣе поражаются укусами блохъ. То обстоятельство, что налеты далеко не всегда сопровождаютъ чуму, даже скорѣе принадлежатъ къ рѣдкому явленію (1 на 20 въ среднемъ; въ иныя эпидеміи болѣе, въ другія менѣе этого числа)—не нарушаетъ теоріи Simond'а. На основаніи новыхъ наблюденій онъ допускаетъ, что зараженіе черезъ паразитовъ не ограничивается только случаями чумы съ налетами. Чуму человѣка можно свести къ тремъ различнымъ формамъ: форма съ видимыми опухолями железъ, затѣмъ форма безъ видимой опухоли и безъ воспаленія легкихъ и, наконецъ, съ воспаленіемъ легкихъ. Всѣ эти формы чумы, по мнѣнію Simond'а, не находятся въ зависимости отъ того или иного способа прониканія микроба въ организмъ, а отъ степени силы микроба и воспріимчивости субъекта. Признавая, что эта теорія не имѣетъ значенія вполнѣ доказаннаго факта, авторъ, однако особенно настаиваетъ на томъ, что различныя формы заболѣванія чумой имѣютъ одну общую причину: передачу заразы черезъ посредство паразитовъ и особенно блохъ. Нужны однако дальнѣйшія изслѣдованія по признанію самого Simond'а, чтобы приписать ей исключительно роль переносителя чумной заразы. Какъ бы ни были недостаточны тѣ свѣдѣнія, которыя собраны въ трудѣ Simond'а о способѣ передачи чумы и ея микроба, однако то, что намъ дали его наблюденія, проливаетъ много свѣта въ тайны способа распространенія чумы и намъ становится понятнымъ и то предпочтеніе, которое болѣзнь явно обнаруживаетъ къ грязнымъ домамъ бѣдняковъ и нижнимъ этажамъ и постоянно наблюдаемая недостаточность дезинфекціи стѣнъ и половъ и безопасность лабораторныхъ работъ. Не нужно забывать, что вѣнская чума, какъ единичное явленіе, не можетъ идти въ счетъ еще и потому, что до сихъ поръ не удалось даже приблизительно опредѣлить, какимъ путемъ зараза могла перейти къ первой жертвѣ чумы. Намъ понятно далѣе, почему трупъ крысы въ нѣкоторые моменты очень заразителенъ, въ другіе,—наоборотъ—совершенно безвреденъ. Дѣло въ томъ, что заболѣвшія крысы перестаютъ, какъ показали наблюденіи, заботиться объ удаленіи съ себя паразитовъ и послѣдніе нападаютъ на нихъ въ громадномъ количествѣ. Когда крыса погибаетъ, то по мѣрѣ остыванія ея трупа, блохи покидаютъ мало-по-малу ея кожу, но еще въ теченіе нѣсколькихъ часовъ остаются на трупѣ? Если въ этотъ періодъ человѣкъ прикасается къ крысѣ—на него неизбѣжно нападаютъ блохи; понятна также опасность, которую представляетъ для обитателей дома погибшая въ немъ крыса: блохи, покидая трупъ, разбѣгаются по полу, въ кровати, и домъ, такимъ образомъ, легко становится очагомъ заразы. Продолжительность инкубаціоннаго періода болѣзни опредѣляется отъ 12 до 72 часовъ, а потому срокъ для принятія какой-нибудь предохранительной мѣры опредѣляется minimum четырмя днями. Для того, чтобы мѣры были дѣйствительны, онѣ должны быть проведены методичеcки, точно и со всею возможною строгостью. Онѣ должны быть направлены: 1) противъ крысъ, 2) противъ паразитовъ крысъ и чело-

вѣка и 3) противъ человѣка, являющагося изъ зараженной мѣстности. Мѣры противъ крысъ и паразитовъ состоятъ во всѣхъ средствахъ, ведущихъ къ ихъ уничтоженію. Мѣры противъ заноса чумы человѣкомъ заключаются въ дезинфекціи и въ карантинѣ, срокъ котораго начинается послѣ производства полной дезинфекціи. Къ этому еще должно присоединить провѣренное теперь на опытѣ средство, заключающееся въ предохранительной прививкѣ.

Вотъ въ крайне общихъ чертахъ содержаніе обстоятельнаго мемуара Simond'а. Въ заключеніе остается еще упомянуть о тѣхъ результатахъ, которые этотъ же изслѣдователь даетъ въ своемъ отчетѣ о лѣченіи чумы противочумной сывороткой, приготовляемой въ Пастёровскомъ институтѣ въ Парижѣ. Возьмемъ лишь общія цифры изъ этого отчета:

Число лѣчившихся сывороткой	75	чел.
Окончательно выздоровѣвшихъ	31	»
Находящихся на пути къ выздоровленію	6	»
Умершихъ	37	»

Между умершими, нужно замѣтить, фигурируютъ 12 лицъ, которымъ прививка сдѣлана была передъ самою смертью.

Общіе выводы Simond'а о прививкѣ сводятся къ двумъ положеніямъ: 1) Въ особенности хорошо поддается лѣченію форма чумы съ видимыми опухолями железъ. 2) Дѣйствительность прививки значительна, если болѣзнь не перешла 3-го дня отъ начала ея. Она очень незначительна, быть можетъ, прививка даже совершенно безполезна въ послѣднемъ случаѣ.

Въ Америкѣ появляются въ печати отчеты военныхъ врачей, которые служили въ дѣйствующей арміи во время войны на о. Кубѣ. Отчеты эти, еще очень общіе, содержатъ много интересныхъ наблюденій надъ ранами, которыя являются слѣдствіемъ новыхъ пуль малаго калибра. Не безъ изумленія врачи нашли въ 9 случаяхъ изъ 10 пули, засѣвшія въ мягкихъ частяхъ тѣла раненыхъ американцевъ: такого процента засѣвшихъ пуль далеко не ожидали. Ключъ къ разъясненію загадки дали наблюденія, что пули подверглись сильной деформаціи, и строгое разслѣдованіе установило, что, прежде чѣмъ попасть въ тѣло человѣка, пули должны были пройти черезъ среду оказавшую сильное сопротивленіе. Дѣйствительно, мѣстность, гдѣ происходило сраженіе было не только скалистой, но еще покрытой деревьями, которыя, въ большинствѣ случаевъ, оказались насквозь пробитыми пулями.

Часто огонь открывали на очень далекомъ разстояніи и у раненыхъ въ это время пули засѣли въ мягкихъ частяхъ, не повредивши костей. Ходъ пули малаго калибра вообще прямолинейный, такъ что достаточно осмотрѣть отверстіе раны и замѣтить направленіе, принятое пулей, чтобы опредѣлить органы, которые она затронула. Почти всѣ раны въ голову повлекли за собою смерть въ теченіе нѣсколькихъ часовъ; причиною является внутреннее воспаленіе, котораго хирургическое лѣченіе не въ состояніи пріостановить. Равнымъ образомъ, пораненія позвоночнаго столба были смертельны, если спинной мозгъ оказывался затронутымъ. Зато громадный процентъ раненныхъ въ грудь солдатъ оставался въ живыхъ, что тѣмъ болѣе удивительно, такъ какъ за исключеніемъ особенно тяжелыхъ случаевъ — ни одинъ изъ солдатъ не пролежалъ въ постели болѣе 15 дней.

Ампутація рукъ и ногъ практиковалась очень рѣдко и лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда того требовали обстоятельства, вслѣдствіе зараженія ранъ. Примѣненіе рентгеновыхъ лучей дало поразительные результаты и нѣкоторые врачи пришли къ заключенію, что каждая дѣйствующая армія должна быть снабжена необходимыми приспособленіями и опытнымъ персоналомъ для разыскиванія

оставшихся въ тѣлѣ пуль посредствомъ X лучей. Пули малаго калибра рѣдко засоряютъ рану кусками матеріи платья, что представляетъ ихъ несомнѣнное преимущество предъ старыми пулями.

Недавно открыто движеніе по первому, небольшому участку строющейся желѣзной дороги, конечный пунктъ которой долженъ достигнуть вершины Юнгфрау на высотѣ 4.166 метровъ. Новая дорога примыкаетъ къ извѣстной линіи черезъ Венгернъ-Альпъ, наиболѣе высоко расположенная станція которой Малая Шейдегъ (на высотѣ 2.032 метровъ) служитъ начальнымъ пунктомъ и первой станціей новой дороги. Отсюда, по сѣверному склону хребта дорога будетъ подниматься до верхушки Юнгфрау и будетъ имѣть по пути 7 остановочныхъ станцій. Тяга будетъ электрическая, при чемъ любопытно отмѣтить, что для производства электрической энергіи воспользовались паденіемъ воды многочисленныхъ водопадовъ, общая работа которыхъ дастъ токъ въ 7.000 вольтъ. Вагоны, разсчитанные на 40 человѣкъ, будутъ подталкиваться локомотивами сзади. Разсчитываютъ, что вся желѣзная дорога будетъ закончена въ 1904 году.

Французское министерство общественныхъ работъ издало въ «Journal officiel» отчетъ о положеніи желѣзно-дорожной сѣти всей Европы къ 31 декабря 1897 года. Вотъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ этого отчета. Общая длина всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, по которымъ было открыто движеніе къ 31 декабря, равнялась 263.745 километрамъ. Общая длина увеличилась по сравненію съ предыдущимъ годомъ на 5.605 килом. Длина вновь построеннаго въ теченіе года пути почти равна той величинѣ, какую далъ предшествующій годъ (5.072 килом.).

По государствамъ это увеличеніе сѣти распредѣлялось слѣдующимъ образомъ:

Государства.	Общая длина къ 31 декаб. 1897 г.	Приростъ въ 1897 г.
Германія	48.116 килом.	968 кил.
Франція	41.342 »	392 »
Россія	40.262 »	1.650 »
Англія и Ирландія .	34.445 »	224 »
Австро-Венгрія . . .	33.668 »	1.488 »
Италія	15.643 »	196 »
Испанія	12.916 »	44 »
Швеція	10.169 »	274 »
Прочія государства .	26.584 »	568 »

Такимъ образомъ по абсолютной длинѣ своей сѣти Германія занимаетъ, какъ и прежде, 1 мѣсто, Франція—2, Россія—3. Если же сравнить длину сѣти дорогъ страны съ ея поверхностью, то Бельгія займетъ первое мѣсто по густотѣ сѣти желѣзныхъ дорогъ: она имѣетъ 20 километровъ рельсоваго пути на 10.000 квадратныхъ метровъ поверхности. Для поверхности всей Европы то-же отношеніе выразится цифрой 2,7. Вся Европа имѣетъ въ среднемъ 6,9 километра желѣзнодорожнаго пути на 10.000 жителей.

Почти весь номеръ «Шотландскаго Географическаго Журнала» за октябрь мѣсяцъ 1898 г. посвященъ воззванію къ организаціи антарктической экспедиціи. Статьи, помѣщенныя въ немъ, разсматриваютъ, съ одной стороны, все, что намъ уже извѣстно о странахъ лежащихъ въ этой области земного шара, съ другой—указываютъ на гораздо большіе пробѣлы въ нашихъ свѣдѣніяхъ о послѣднихъ и подписаны такими извѣстными именами, какъ сэръ Джонъ Муррэй, Тэйлоръ, Чёмли, Бартоломью и др. Чёмли даетъ очеркъ свѣдѣній о флорѣ и фаунѣ антарктической области, Бартоломью—библіографію, Тэйлоръ—краткую исторію антар-

гическихъ экспедицій. Но особенно горячо написана статья сэра Джона Муррея, который обращается съ воззваніемъ къ правительству и частнымъ лицамъ за денежной поддержкой предпріятія. Онъ же даетъ обстоятельную програму научнаго изслѣдованія, которому область южнаго полюса должна быть подвергнута въ теченіе экспедиціи. Во-первыхъ идетъ изученіе атмосферы. Среднее давленіе атмосферы въ области южнѣе 45° вообще очень низко: нужно изслѣдовать, такъ ли оно низко и въ полярныхъ областяхъ или тамъ господствуютъ антициклоны, связанные, какъ извѣстно, съ высокимъ атмосфернымъ давленіемъ. Далѣе слѣдуетъ почти вовсе неизслѣдованный вопросъ о сушѣ антарктической области. Что она изъ себя представляетъ? Были найдены берега ея, но существуетъ ли антарктическій материкъ, какъ это обыкновенно допускаютъ? Уже имѣются кое-какія геологическія свѣдѣнія о невѣдомыхъ еще антарктическихъ земляхъ, благодаря изученію того твердаго матеріала, который приносится пловучими льдами; въ нихъ находятъ: гранитъ, гнейсъ, сланцы, діориты, кварциты, песчанники, графиты и известняки и пр. Изученіе палеонтологіи могло бы дать нѣкоторыя указанія о климатѣ этихъ странъ въ геологическомъ прошломъ. Предстоитъ далѣе цѣлый рядъ другихъ наблюденій: магнитныхъ, наблюденій надъ качаніями маятника, приливовъ и морскихъ теченій. Наши свѣдѣнія объ антарктическомъ океанѣ также крайне неполны; нужно много изслѣдованій самого океана: его глубины, покрова дна, температуры, а также поверхностной и глубоководной фауны его. Въ концѣ приложена карта, которая даетъ понятіе обо всемъ, что намъ извѣстно о южномъ полюсѣ; на ней обозначенъ путь, который намѣченъ Джономъ Мурреемъ для будущей экспедиціи. Въ первый пріемъ экспедиція должна достигнуть острова Петра I, гдѣ будетъ зимовка, и отсюда она должна попытаться достигнуть южнаго полюса по прямой линіи. Вторая зимовка предполагается на землѣ Викторіи; обратный путь разсчитанъ съ противоположной, африканской стороны. Такова, въ общихъ чертахъ, программа экспедиціи, которая будетъ стоить свыше $2^1/_2$ милліоновъ шиллинговъ. Конечно, Англія легко могла бы дать необходимыя средства и весь вопросъ заключается въ томъ, захотятъ ли тѣ, которые ими располагаютъ, пожертвовать ихъ для научнаго предпріятія. Правительство отказалось взять на свой счетъ расходы экспедиціи—все дѣло зависитъ, слѣдовательно, отъ частныхъ пожертвованій. Джонъ Муррей не слишкомъ оптимистически смотритъ на надежду встрѣтить сочувствіе въ публикѣ къ научному предпріятію. Вотъ подлинныя слова Муррея. «Какъ на нѣкоторыхъ тропическихъ островахъ, гдѣ естественные источники пропитанія изобильны, люди пріобрѣли кротость нравовъ, не поднявшись выше умственнаго развитія варваровъ, такъ, повидимому, огромныя накопленныя въ нашъ вѣкъ богатства позволяютъ множеству людей жить въ роскоши и комфортѣ, оставаясь на ступени умственнаго развитія прошлыхъ вѣковъ». Въ этихъ словахъ, къ сожалѣнію, высказана горькая истина. Пожелаемъ же, чтобы на этотъ разъ англійское научное предпріятіе встрѣтило побольше сочувствія и чтобы вообще на будущее время накопленныя трудомъ цѣлыхъ поколѣній богатства расходовались раціональнымъ образомъ, а слѣдовательно, и на пользу науки, имѣющей идеальною цѣлью—познаніе истины ради всеобщаго блага человѣчества.

Н. М.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Январь. 1899 г.

Содержаніе: *Русскія и переводныя книги*: Беллетристика.—Публицистика.—Исторія литературы и искусства. Библіографія.—Исторія всеобщая и русская.—Политическая экономія.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.—*Иностранная литература.*—Изъ западной культуры. «Гдѣ настоящая франція?» Ив. Иванова.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Стихотворенія Н. М. Языкова.—«Dubrowsky», Erzählung von A. Puschkin.

Стихотворенія Н. М. Языкова. «Дешевая Библіотека». №№ 203 и 204. Спб. Изд. А. С. Суворина. Лѣтъ семьдесятъ тому назадъ стихотвореніями Языкова «восхищалась вся Россія»; какъ поэта, его ставили сряду послѣ Пушкина и даже *выше* Пушкина. Если вѣрить «Литературнымъ воспоминаніямъ» Панаева, Гоголь однажды заявилъ въ дружеской бесѣдѣ, что «Языковъ не только не уступаетъ самому Пушкину, но даже превосходитъ его иногда по силѣ, громкости и звучности стиха». По свидѣтельству Гоголя, Пушкинъ проливалъ слезы надъ стихами Языкова, а Жуковскій считалъ его «Землетрясеніе» лучшимъ перломъ русской поэзіи. Даже Бѣлинскій, говоря о первомъ, наиболѣе блестящемъ, періодѣ литературной дѣятельности Языкова, призналъ, «что онъ много сдѣлалъ для развитія эстетическаго чувства въ обществѣ».

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ звѣзда Языкова меркнетъ, и въ 1842 году Бѣлинскій называетъ его уже стихотворцемъ, который ошибочно провозглашенъ поэтомъ, весь выписался, всѣмъ надоѣлъ старыми погудками на новый ладъ и даже утратилъ «свой бойкій, звонкій и гладкій стихъ». Несмотря на поддержку со стороны Гоголя, не въ мѣру превознесшаго Языкова въ «Перепискѣ съ друзьями», выходъ которой совпалъ со смертью поэта (26-го декабря 1846 г.), несмотря на сочувственные некрологи кн. Вяземскаго, Погодина и Шевырева, стихотворенія «огненнаго поэта» дождались посмертнаго изданія только въ 1858 году. Это прекрасное по тому времени, хотя и не совсѣмъ полное, изданіе, снабженное кромѣ біографическаго очерка, составленнаго Перевлѣсскимъ, издателемъ стихотвореній, всѣми критическими статьями о Языковѣ на русскомъ и нѣмецкомъ языкѣ,—не успѣло разойтись въ теченіе *сорока* лѣтъ. Въ концѣ 1896 года исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со дня смерти Языкова и прекратилось право собственности на его литературное наслѣдство, но новаго изданія твореній Языкова не появилось, и даже, кажется, ни одинъ издатель дешевыхъ иллюстрированныхъ журналовъ не воспользовался наслѣдствомъ покойнаго поэта для «безплатнаго приложенія». Такимъ образомъ, почти вполнѣ оправдались слова Бѣлинскаго, что имя Языкова «переживетъ его труды» Почти вполнѣ, потому что нѣкоторыя произведенія Языкова по справедливости занимаютъ и, по всей вѣроятности, долго еще будутъ занимать почетное мѣсто въ школьныхъ хрестоматіяхъ, а нѣкоторыя его пьесы, положенныя на музыку, какъ, напримѣръ: «Пловецъ» и пѣсня: «Изъ страны, страны далекой», пользуются громкою популярностью.

Если современный читатель обратится къ последнему изданію стихотвореній Языкова, онъ убѣдится, что все лучшее въ нихъ ему давно извѣстно, еще со школьной скамьи, а все остальное представляетъ только историческій интересъ. Въ самомъ дѣлѣ, если къ упомянутымъ двумъ произведеніямъ прибавить еще десятокъ прекрасныхъ пьесъ, какъ, напр.: «Геній», «Поэту», «Молитва», «Землетрясеніе», переложеніе псалмовъ и др., то что же останется еще въ литературномъ багажѣ Языкова? Остается прежде всего цѣлая сотня поэтическихъ посланій роднымъ, близкимъ друзьямъ и знакомымъ, начиная съ Пушкина и Гоголя и кончая участницами студенческихъ пирушекъ; но эти риѳмованныя письма наполнены разсказами о «праздникахъ молодости», воспоминаніями о «безподобномъ дерптскомъ житьѣ» и «поэтическомъ пьянствѣ», жалобами на скуку и тѣлесныя немощи, выходками противъ «нехристи нѣмецкой» и русскихъ западниковъ и т. д. и т. д. Далѣе, останется до тридцати «элегій», въ которыхъ поэтъ тоскуетъ о такихъ мелочахъ, которыя и для самого автора имѣли скоропроходящій интересъ. Недостатокъ денегъ, нераздѣленная любовь, измѣны прелестницъ, неосуществимость сладострастныхъ мечтаній—вотъ преобладающіе мотивы большинства элегій Языкова. Серьезнѣе тѣ элегіи, гдѣ описывается «скука и тоска среди чужого языка» во время пятилѣтнихъ скитаній за границей, но и это грустное чувство улетучивалось, когда у Языкова оказывались «три сладостныя блага: уединенный садъ, видъ моря и *малага*». Потомъ десятокъ студенческихъ пѣсенъ, распѣвавшихся на студенческихъ пирушкахъ и частью переведенныхъ даже на нѣмецкій языкъ. Но кому въ настоящее время можетъ нравиться идеализація дерптскаго студента, который по утрамъ «читаетъ Канта, а вечеромъ спѣшитъ къ вину отъ фоліанта»? Кто теперь повѣритъ Языкову, что

Душа героевъ и пѣвцовъ,
Вино любезно и студенту:
Оно его между цвѣтовъ
Ведетъ къ ученому патенту?

Послѣ посланій, элегій и пѣсенъ останется до десятка произведеній, изображающихъ отдаленную русскую старину, но въ нихъ, сверхъ присущаго большинству стихотвореній Языкова риторизма и неудачныхъ неологизмовъ, читатель найдетъ только неудачныя и тенденціозныя попытки воспѣть «славянъ плѣнительные нравы» вообще, а въ частности—«Славянскихъ героевъ побѣды, ихъ нравы простые, ихъ жаръ боевой»!

Наконецъ, въ полномъ собраніи сочиненій Языкова есть нѣсколько болѣе крупныхъ вещей. Таковы: «Жаръ-птица» (драматическая сказка) и «Сказка о пастухѣ и дикомъ вепрѣ», представляющія грубую подделку народной поэзіи; «Сержантъ Сурминъ» и «Липы»—анекдоты въ стихахъ; «Отрокъ Вячко»—варіяція на лѣтописный разсказъ объ осадѣ Кіева печенѣгами и, наконецъ, два драматическихъ произведенія изъ современной жизни: «Странный случай» и «Встрѣча новаго года», гдѣ выведены ближайшіе друзья Языкова, «всѣ навеселѣ въ разныхъ градусахъ». Всѣ эти произведенія до того слабы въ художественномъ отношеніи, что ихъ трудно дочитать до конца, а дочитавши, нельзя не пожалѣть о потерянномъ времени.

Совершенно иное значеніе получаютъ произведенія Языкова, если ихъ разсматривать съ точки зрѣнія автобіографической и историко-литературной. Вопреки высказанному Бѣлинскимъ мнѣнію, что «поэзія Языкова не была выраженіемъ его жизни», въ настоящее время, послѣ опубликованія, хотя отчасти, переписки поэта, невозможно не согласиться съ заявленіемъ, сдѣланнымъ болѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ, что поэзія Языкова—лучшая его біографія. Въ произведеніяхъ Языкова отражается вся его безпечная, пропитанная славянской лѣнью натура, не уравновѣшенная въ своихъ порывахъ никакимъ сколько-нибудь

устойчивымъ принципомъ и неспособная надолго проникнуться ни однимъ сколько-нибудь глубокимъ чувствомъ. Для Языкова вполнѣ естественно, воспѣвши наслажденія продажной красотой, обратиться съ выраженіемъ платоническихъ чувствъ къ Воейковой; для него нѣтъ ничего страннаго сказать поэту:

Иди ты въ міръ,—да слышитъ онъ пророка,
Но въ мірѣ будь величественъ и святъ,
Невиненъ будь, какъ голубица,

а вслѣдъ затѣмъ заявить, что «двѣ добродѣтели поэта: хмѣль и свобода»; или сказать, что «независимая лира» Дельвига «чужда была страстямъ земнымъ, звуча наитіемъ святымъ», и въ подтвержденіе сказаннаго привести такія доказательства: «Любовь онъ пѣлъ... онъ пѣлъ вино». И все это написано въ теченіе одного года, когда поэту было подъ тридцать лѣтъ. Даже въ одномъ и томъ же стихотвореніи непостоянное настроеніе Языкова измѣняется самымъ неожиданнымъ образомъ. Въ этомъ отношеніи очень характерно написанное въ 1834 году стихотвореніе «Ау!» За обращеніемъ къ «чернобровому ангелу рая» здѣсь слѣдуетъ сожалѣніе о томъ, что поэтъ «пестро и неправильно жилъ» въ Дерптѣ и «долго пилъ»; далѣе онъ заявляетъ, что

Святыхъ восторговъ проситъ лира,
Она чужда тѣхъ буйныхъ лѣтъ,
И вновь изъ прелести суетъ
Не сотворитъ себѣ кумира,

что теперь такимъ «кумиромъ» для поэта будетъ Москва, — и приглашаетъ поэтовъ искать здѣсь «русскихъ словъ и всенародныхъ вдохновеній». Вы ждете дифирамбовъ въ честь первопрестольной столицы и находите скромное заявленіе такого содержанія:

...Скромной пѣснію любви
Я воспою лазурны очи,
Ланиты свѣжія твои,
Уста сахарны, груди полны,
И бѣлизну твоихъ грудей,
И черныхъ, дѣвственныхъ кудрей
На ней блистающія волны.

Не переставая отъ времени до времени «кипѣть» вакхическими и пріапическими мечтами, Языковъ, подъ вліяніемъ московскихъ друзей, обращается къ религіозной лирикѣ и проявляетъ особый интересъ къ народному творчеству. Въ то же время развиваются его славянофильскія тенденціи, замѣтныя въ зародышѣ еще въ поэзіи дерптскаго періода. Языковъ приглашаетъ поэтовъ искать въ Москвѣ «русскихъ словъ и своенародныхъ вдохновеній», заявляетъ о своей любви къ «до-лефортовской Руси», прославляетъ Карамзина за то, что онъ учитъ насъ «не плевать на честныя могилы могучихъ прадѣдовъ своихъ»; превозноситъ Шевырева за то, что въ его публичныхъ лекціяхъ о древней русской литературѣ «самобытная, родная заговорила старина, насъ къ новой жизни подымая отъ униженія и сна». По мѣрѣ усиленія славянофильскихъ симпатій Языкова растетъ его антипатія къ «нехристи нѣмецкой», даже къ нѣмецкому столу, «безчеловѣчно безвкусному», и нѣмецкой природѣ, не исключая красотъ Рейна, гдѣ для широкой русской натуры все было «мало, безвкусно, пошло, дико, трынъ-трава». Вполнѣ естественно также было для Языкова, сдѣлавшагося слафянофиломъ не только по убѣжденіямъ, но и «по родству», какъ ѣдко замѣтилъ Герценъ, перенести свою антипатію съ «нехристи нѣмецкой» и на русскихъ западниковъ. Проявленіе этой вражды къ литературнымъ противникамъ славянофильства началось выраженіемъ сожалѣнія о томъ, что «Россіи книжники младые вывозятъ ей (изъ за границы) лишь тлѣнъ и вздоръ, туманъ шальнаго мудрованья, глухую спѣсь, немилость къ намъ и знаменитыя прозванья своихъ учителей»; а кульминаціоннаго пункта эта вражда достигла въ

знаменитомъ «доносѣ въ стихахъ» («Къ не-нашимъ»), гдѣ Грановскій названъ «сладкорѣчивымъ книжникомъ, оракуломъ юношей-невѣждъ, легкомысленнымъ сподвижникомъ безпутныхъ мыслей и надеждъ», а по адресу всѣхъ западниковъ было сказано:

Вы людъ заносчивый и дерзкій,
Вы, опрометчивый оплотъ
Ученья школы богомерзкой.
Вы всѣ—не русскій вы народъ!
Не любо вамъ святое дѣло
И слава нашей старины,
Въ васъ не живетъ, въ васъ помертвѣло
Родное чувство... и т. д.
...Русская земля
Отъ васъ не приметъ просвѣщенья.
Вы страшны ей: вы влюблены
Въ свои предательскія мнѣнья
И святотатственные сны!
Хулой и лестію своею
Не вамъ ее преобразить,
Вы, не умѣющіе съ нею
Ни жить, ни пѣть, ни говорить!
Умолкнетъ ваша злость пустая,
Замретъ проклятый *) вашъ языкъ.
Крѣпка, надежна Русь святая,
И русскій Богъ еще великъ!

Въ виду значенія стихотвореній Языкова для характеристики студенческой жизни въ старомъ Дерптѣ и для исторіи взаимныхъ отношеній московскихъ славянофиловъ и западниковъ,—нельзя не пожелать полнаго собранія его произведеній, болѣе или менѣе основательно комментированнаго библіографическими примѣчаніями и снабженнаго подробной біографіей автора. Изданіе Суворина этимъ требованіямъ, конечно, не удовлетворяетъ и сверхъ того страдаетъ нѣкоторой неполнотой. Такъ въ немъ пропущено примыкающее по содержанію къ стихотворенію «Къ не-нашимъ» посланіе К. Аксакову, гдѣ Грановскій названъ «блистательнымъ лакеемъ нѣметчины лукавой».

Dubrowsky. Erzählung von Alexander Puschkin. Uebersetzung aus dem Russishen von B. Cordt. Leipzig (1898). Verlag von Philipp Reclam. Повѣсть переведена г. Кордтомъ безукоризненно хорошо; отмѣчаемъ это съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что проза Пушкина весьма рѣдко поддается передачѣ на нѣмецкій языкъ: переводъ «Капитанской дочки», сдѣланный Ланге, не удовлетворяетъ даже самымъ скромнымъ требованіямъ. Переводчикъ Дубровскаго, очевидно, владѣющій одинаково хорошо обоими языками, осилилъ не только труднѣйшіе архаизмы, но умѣлъ придать соотвѣтственную яркость и жизненность разговорамъ дѣйствующихъ лицъ, въ то время какъ у Ланге, напримѣръ, и Мироновъ, и Пугачевъ и (у него же) Борисъ Годуновъ—всѣ говорятъ языкомъ, одинаково прѣснымъ и лишеннымъ какой бы то ни было индивидуальной окраски. Чтобы дать понятіе о томъ, какъ удались переводчику трудныя мѣста повѣсти,—приведемъ хотя бы передачу словъ «Громъ побѣды раздавайся»:—«Laut ertöne Siegesdonner».

Нельзя не замѣтить, что Пушкину и Толстому все-таки посчастливилось больше, нежели другимъ нашимъ классикамъ: изъ Достоевскаго кромѣ «Преступленія и наказанія» да «Записокъ изъ Мертваго дома» ничего, кажется, и не переведено. Нѣмецкая публика незнакома до сихъ поръ даже съ такой первостепенной его вещью, какъ «Вѣчный мужъ», не говоря уже о большихъ

*) Въ изданіи Суворина вмѣсто «проклятый» поставлено «невѣрный».

романахъ; Тургеневъ также далеко не весь переведенъ. Переводчикамъ, подобнымъ г. Кордту, не по-ремесленному относящимся къ своему дѣлу, есть надъ чѣмъ поработать...

ПУБЛИЦИСТИКА.

О. Меньшиковъ. «О писательствѣ».—*В. В. Верещагинъ.* «Листки изъ записной книги».

О Меньшиковъ. О писательствѣ. Спб. 1898 г. На страницахъ нашего журнала была уже дана оцѣнка этого писателя и если мы рѣшаемся еще разъ привлечь вниманіе читателей на этого par excellence скучнаго автора, то этимъ желаемъ лишь избѣжать упрека въ придирчивости и несправедливомъ къ нему отношеніи.

Какимъ болѣе деликатнымъ эпитетомъ, чѣмъ скучный пустословъ, можно назвать писателя, который цѣлую статью въ 23 страницы посвящаетъ доказательству истины, что честность для писателя необходима? Трудно повѣрить, не увидавъ собственными глазами, что можно истратить столько типографской краски, оскорбить цитатами Чернышевскаго, Сенеку, Эпикура, Тарда, съ тѣмъ только, чтобы опровергнуть мнѣніе «Петербургской газеты» (sic) о необязательности для писателя честности. Чтобы ознакомить читателя съ характеромъ изложенія г. Меньшикова, при его многорѣчивости, къ сожалѣнію, необходимы были бы слишкомъ пространныя выписки, но слѣдуетъ привести хоть одинъ, по возможности краткій образчикъ. «Если бы искусство существовало само по себѣ, помимо людей, если бы литераторъ былъ не человѣкъ (?) и писалъ не для человѣчества,—тогда о добросовѣстности таланта можно бы не заботиться, но искусство... вплетается въ самую жизнь человѣка и не можетъ служить ему простымъ орудіемъ. Простое орудіе—топоръ, напр., пригодно одинаково и для подвига, и для злодѣйства; такое орудіе, само по себѣ, конечно, ни честно, ни безчестно; виновникъ дѣйствія—рука, направляющая орудіе, точнѣе—мозгъ, который управляютъ рукою. Когда говорятъ о честности въ журналистикѣ, говорятъ, конечно, не о бумагѣ и чернилахъ, не объ алфавитѣ, не о словахъ и фразахъ печати (какая осторожность въ сужденіи!), а о честности того сознанія, которое составило эти слова и фразы»... «Честность журналиста нужна не только для публики, но и для самихъ писателей. Вѣдь даже въ хорошо поставленной торговлѣ честность купца создаетъ ему кредитъ и довѣріе публики: хорошіе торговые дома также страшатся обмануть покупателя, какъ боятся этого государственныя учрежденія. Честность на Западѣ создала множество торговыхъ карьеръ» и т. д. и т. д. (стр. 182 и 185). Помните, читатель, какъ Іудушка Головлевъ уговаривалъ мужика, который пришелъ къ нему ржицы попросить въ домъ: «Ахъ, ахъ, грѣхъ какой! Вотъ кабы вы поменьше водки пили, да побольше трудились, да Богу молились, и землица-то чувствовала бы! Гдѣ нынче зерно — смотришь, анъ въ ту пору два или три получилось бы!... Ты думаешь, Богъ-то далеко, такъ онъ и не видитъ?—анъ Богъ-то вотъ—онъ»...

Но особенно неутомимъ г. Меньшиковъ, когда высказываетъ какія-нибудь очевидныя нелѣпости. Такъ, онъ на 50 страницахъ излагаетъ свой проектъ о реорганизаціи средней школы. Всѣ предметы обученія должны быть оставлены: «безъ ариѳметики и географіи доказана возможность высокой культуры», «занятія математикой ничуть не вліяютъ на общее развитіе»; все образованіе должно быть сведено къ чтенію книгъ въ классѣ. Какихъ же книгъ? — «Хорошихъ книгъ», «классическихъ авторовъ». Но кого же именно считать «классиками»? «Когда-нибудь я разсчитываю сдѣлать это,—утѣшаетъ насъ г. Меньшиковъ, — пока же ограничиваюсь болѣе важною задачей: указаніемъ на то,

какъ слѣдуетъ приступить къ выбору книгъ и чѣмъ руководиться при этомъ». Послушаемъ. «Кто затрудняется въ выборѣ чтенія, пусть начнетъ съ родныхъ классиковъ, имена которыхъ всѣмъ извѣстны, затѣмъ перейдетъ къ чужимъ классикамъ, которыхъ имена тоже общеизвѣстны» (стр. 77 и 78). Вотъ какой смѣлый реформаторъ г. Меньшиковъ!

Г. Меньшиковъ на каждомъ шагу упоминаетъ всуе имена Аристотеля, Спинозы, Дарвина, Маркса, Шопенгауера, Ренана, Тэна, Карлейля, Бокля и др.: имена классиковъ вѣдь общеизвѣстны. Чаще, впрочемъ, онъ ссылается на анонимовъ: «одинъ ученый утверждаетъ», «многіе изслѣдователи согласны», «по замѣчанію одного мыслителя» и т. п. Но на науку у него точка зрѣнія опять того же Іудушки Головлева. «Вотъ многіе нынче въ безсмертіе души не вѣрятъ... а я вѣрю!—пустословитъ Іудушка.—Ужъ это развѣ отчаянные какіе нибудь!—возражаетъ отецъ благочинный.—Нѣтъ, и не отчаянные, а наука такая есть, будто бы человѣкъ самъ собою... живетъ — это, и вдругъ — умеръ!.. . . . Наукамъ вѣрятъ, а въ Бога не вѣрятъ». Теперь говоритъ г. Меньшиковъ: «Прежній, до-натуральный человѣкъ (т. е. жившій до развитія естествознанія) задавался цѣлью не меньше, какъ узнать Господа, міровую душу, разрѣшить суть вещей. Натуралистъ же (т. е. современный ученый) задается изслѣдованіемъ фіалки или бабочки... Въ то время, какъ старинный человѣкъ ни на вершокъ не подвигался къ рѣшенію, мучился, страдалъ, громоздилъ вымыслы на вымыслахъ и погибалъ подъ ихъ развалинами, человѣкъ новый успѣетъ въ одинъ часъ закончить изслѣдованіе: сосчитываетъ лепестки, тычинки, листики, отмѣчаетъ ихъ форму, цвѣтъ, расположеніе, записываетъ все это и, сложивъ работу въ ящикъ, идетъ прогуляться съ сознаніемъ успѣха» (стр. 208). Вотъ вамъ и Дарвинъ! Логическая сила точныхъ наукъ для г. Меньшикова непостижима; онъ убѣжденъ, что выводъ ихъ можно принимать только на вѣру: «Есть разрядъ знаній, превратившихся *въ вѣру*, неподвижныхъ; таковы законы математики и нѣкоторыхъ (?) точныхъ наукъ» (стр. 55). Когда же г. Меньшикову кажется нужнымъ почерпнуть аргументъ изъ исторіи, то тутъ съ совершенною ясностью обнаруживается, что ему неизвѣстно, гдѣ эта наука хранитъ свои свѣдѣнія, и онъ просто сочиняетъ свою исторію. Вотъ какъ онъ схематизируетъ смѣну аристократическаго режима демократіей, начиная съ первобытныхъ временъ до нашихъ дней: «Древняя аристократія оттого и пала, что перестала быть истинною аристократіей, «отборомъ лучшихъ». Предки этой аристократіи — начальники дружинъ и князья — были дѣйствительно аристократами: превосходство тѣло и духа безъ труда дало имъ господство надъ бродячими толпами, организованныя шайки которыхъ были первыми завязями общества. Эта аристократія потому была истинной, что она была аристократія духа: ее отличало геройство, беззавѣтная храбрость, способность ставить идеальныя цѣли выше жизни и достигать ихъ хотя бы цѣною жизни. Превосходить толпу, приспособлять, а не приспособляться — вотъ девизъ этой древней интеллигенціи, который долженъ бы служать девизомъ и нынѣшней» (стр. 162—163). Въ данномъ случаѣ г. Меньшиковъ не растекается въ словахъ, а однимъ почеркомъ пера разрѣшаетъ самые темные вопросы соціологіи и исторіи, обогощая науку самыми неожиданными открытіями. Когда еще ученые придутъ къ соглашенію насчетъ «первыхъ завязей общества», но г. Меньшиковъ не знаетъ колебаній въ рѣшеніи научныхъ проблемъ: первыя завязи общества это организованныя шайки бродячихъ толпъ. Положимъ здѣсь нѣтъ никакого смысла, но вѣдь г. Меньшиковъ пишетъ «нервами». Никто никогда не думалъ, чтобы «древняя аристократія» представляла изъ себя нѣчто единое, чтобы она была тожественна интеллигенціи, чтобы ею руководили «идеальныя цѣли», теперь наукѣ придется передѣлаться, иначе она будетъ противорѣчить бреду г. Меньшикова. Вотъ и исторія греческихъ городскихъ общинъ оказывается

совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ ее считали до сихъ поръ: «Безпутное веселье, безпорядокъ, сумятица, бѣдность этихъ городовъ, ихъ невѣжество съ воцареніемъ тирана смѣнялись хотя и скукой, но порядкомъ, зажиточностью, образованностью, великолѣпными сооруженіями» (стр. 206). Не даромъ г. Меньшиковъ вспоминаетъ, въ какой плохой школѣ онъ получилъ образованіе. Преподаватели такъ скучно и непонятно излагали свои предметы, что «сидишь бывало въ классѣ, сознается онъ, не шелохнешься, читаешь какой нибудь романъ украдкой, рисуешь или пишешь, что взбредетъ въ голову» (стр. 41). Мы не будемъ останавливаться на болѣе мелкихъ открытіяхъ г. Меньшикова, какъ напримѣръ, что «учебникъ»—изобрѣтеніе недавнихъ временъ (стр. 50), когда этому изобрѣтенію болѣе 1500 лѣтъ, что матеріализмъ расцвѣлъ позже политическаго движенія въ концѣ прошлаго вѣка (стр. 206) и т. п.

Не смотря на столь обширныя свѣдѣнія и научность доводовъ, г. Меньшиковъ постоянно обнаруживаетъ удивительно короткую память, вслѣдствіи чего впадаетъ то и дѣло въ забавныя противорѣчія. На стр. 16 изображено: «Геній народа обнаруживается лишь въ тѣ эпохи, когда духъ его пріобрѣлъ извѣстную напряженность. Для этого нужно, чтобы жизнь народа вливалась долго хотя бы въ кривое, но опредѣленное русло, чтобы цѣлый рядъ поколѣній росъ и воспитывался въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ быта... Такая *старая культура* есть настоящая душа даннаго времени... Только въ подобныя, духовно-сильныя эпохи... и бытъ, и нравы, и физіономіи, и чувства, и мысль народа отливаются въ прочныя, родовыя формы, и, достигая въ нихъ высшей степени напряженія, *пріобрѣтаютъ способность творчества*». На 17 стр. оказывается совсѣмъ напротивъ: «Человѣкъ *старой культуры*, вступая въ жизнь, получаетъ въ наслѣдство все готовое: философію, знаніе, искусство, типы жизни, зданій, одежды, обстановки, тьму готовыхъ изобрѣтеній и машинъ (?), *лишающихъ его возможности приложить свое творчество*» (курсивы наши). Во взглядахъ г. Меньшикова на русскую литературу царитъ непроглядный хаосъ, который иногда озаряется молніеносными мыслями г. Волынскаго. Русскіе писатели, по соображеніямъ г. Меньшикова, раздѣляются на «истинныхъ художниковъ», къ каковымъ причисляются Пушкинъ, Тургеневъ, Гончаровъ и Толстой, и «натуралистовъ», каковы: Гоголь, Достоевскій, Щедринъ и вся «ихъ школа» (?). Въ большинствѣ случаевъ г. Меньшиковъ очень суровъ къ «натуралистамъ» (въ дѣйствительности въ русской литературѣ таковыхъ никогда не было, за исключеніемъ развѣ г. Боборыкина и г. Макс. Бѣлинскаго). «Гоголевская школа» «*отыскала* въ жизни такія язвы, такіе изувѣченные типы, что сама обратилась въ какую то больницу; воплотивъ эти *преходящія уродливыя явленія* въ слово, обезсмертивъ ихъ, литература внесла въ міросозерцаніе общества кошмаръ... Я думаю, что всю жизнь вращаться въ средѣ гоголевскихъ и щедринскихъ героевъ для впечатлительнаго человѣка столь же небезопасно, какъ въ средѣ помѣшанныхъ» (стр. 75—76). «Большіе таланты—Гоголь, Достоевскій, Щедринъ—инстинктивно чувствовали, что натурализмъ скученъ... Поэтому, *для цѣлей успѣха*, они сдобрили натурализмъ или каррикатурой, какъ Гоголь, или политическою злобой, какъ Щедринъ, или психическими ужасами, какъ Достоевскій... Гоголь признавался, что секретъ его былъ въ томъ, что онъ «старался писать какъ можно смѣшнѣе», т. е. изображать людей не въ ихъ естественныхъ пропорціяхъ, а въ каррикатурѣ. То же стремленіе и часто съ явной грубостью бьетъ и у Щедрина» (стр. 217). Все то конечно чистѣйшая клевета, которую не стоитъ опровергать, но во всякомъ случаѣ тутъ есть нѣчто цѣльное, школа (г. Волынскаго). Но вотъ г. Меньшикову хочется поболтать о заслугахъ критики, и опять выходитъ все наоборотъ. «Гоголь, напримѣръ, былъ нетолько изумленъ, но даже испуганъ глубокими и обширными выводами, сдѣланными тогдашней критикой изъ «Ре-

визора». По замыслу автора эта знаменитая комедія должна была идти не далѣе благодушнаго изобличенія уѣздныхъ взяточниковъ, а критика ее *символизировала*, какъ картину общаго упадка русской жизни» (какой ужъ тутъ натурализмъ!). «Нѣкоторымъ авторамъ — *Достоевскому*, Л. Н. Толстому, *Щедрину*, Гончарову,—и до сихъ поръ еще недостаетъ достойной ихъ критики, недостаетъ проводника, который ввелъ бы читателя въ величественныя зданія ихъ мысли и показалъ бы скрытыя въ нихъ сокровища». Это ужъ совсѣмъ не похоже на «скучный натурализмъ, сдобренный каррикатурой». Но дальше— еще лучше. «Литература, если она мысль народная, то, отдалившись отъ великихъ общечеловѣческихъ нуждъ въ годину горя, она обрекаетъ себя на позоръ; она недостойна названія литературы. Въ первую половину нашего вѣка, въ 4-е и 5-е десятилѣтія, все, что только было живого въ Россіи и благороднаго изъ всѣхъ сословій, было охвачено страстной жаждой правды, страстнымъ отрицаніемъ дряхлаго, душившаго жизнь рабства» (стр. 243). Итакъ, *живое и благородное* на одной страницѣ становится на другой кривляньемъ *для цѣлей успѣха* и производитъ впечатлѣніе *дома помѣшанныхъ*. До чего забывчивъ г. Меньшиковъ, наглядно свидѣтельствуетъ слѣдующій курьезный эпизодъ. На стр. 131—132 онъ разсказываетъ анекдотъ о томъ, какъ одинъ французскій журналистъ самъ съ собою ругался въ двухъ различныхъ газетахъ. На стр. 146 въ той же статьѣ тотъ же самый анекдотъ повторенъ дословно. Нельзя предположить даже ошибки метранпажа, потому что въ томъ и другомъ случаѣ дублетная страница находится въ связи съ общимъ изложеніемъ. И такими курьезами полна книга писателя, который на каждомъ шагу твердитъ, что дѣло писателя — святое, высокое дѣло, требующее отъ человѣка знаній, вѣры, добродѣтели и проч.

В. В. Верещагинъ. Листки изъ записной книжки. Москва. 1898 г. Если бы какой-нибудь литераторъ вздумалъ собрать и предать тисненію безсвязные контуры и арабески, которые онъ машинально чертилъ на поляхъ своихъ рукописей въ промежуткѣ между двумя мыслями, это производило бы такое же впечатлѣніе, какъ «листки» *художника* В. В. Верещагина. Г. Верещагинъ и раньше зарекомендовалъ себя малоталантливымъ, но очень претенціознымъ писателемъ: у него есть совершенно ничтожный романъ «Литераторъ», и мемуары подъ болѣе чѣмъ отважнымъ заглавіемъ «Дѣтство и отрочество», и наивное историческое «сочиненіе» «Наполеонъ I въ Россіи 1812 года», и еще другія произведенія.

Къ ранѣе обнаруженнымъ качествамъ г. Верещагинъ новымъ своимъ изданіемъ прибавилъ еще неуваженіе къ литературѣ. Мы далеки отъ нелѣпой мысли, что, если человѣкъ владѣетъ кистью, то пусть пишетъ картины и въ литературу не суется. Напротивъ, писанія многихъ художниковъ, если и не могутъ сравниться съ ихъ пластическими произведеніями, все-таки въ высшей степени интересны, начиная съ мемуаровъ Бенвенуто Челлини и стихотвореній Микель Анджело, кончая статьями Крамского. Внимательному зрителю они многое объясняютъ въ ихъ творчествѣ, раскрываютъ психологическую основу его, увеличивая тѣмъ наслажденіе и поучительность, получаемыя отъ ихъ образовъ. Что же могутъ намъ объяснить или раскрыть «листки» г. Верещагина, гдѣ въ невѣроятномъ безпорядкѣ трактуются самые разнообразныя предметы, но ни объ одномъ авторъ не умѣетъ сказать ничего интереснаго? Г. Верещагинъ думаетъ, что обо всемъ можно поговорить «кстати», и изъ такихъ à propos,— смотришь,—вышла книжка.

Начнетъ, положимъ, г. Верещагинъ излагать свои шаблонныя разсужденія о реализмѣ, объ искусствѣ для искусства, за которыя ученикъ 8-го класса ни въ какомъ случаѣ не могъ бы разсчитывать получить четверку,—кстати, перейдетъ къ послѣднимъ своимъ выставкамъ въ Европѣ, гдѣ, конечно, «многі

этюды... смотрѣлись и одобрялись, главное же вниманіе публики все-таки привлекалось картинами». Черезъ нѣсколько строкъ: «Кстати о Вѣнѣ, гдѣ въ послѣднее время была моя выставка». Слѣдуютъ полторы странички объ одной психологической особенности жителей Вѣны и о новыхъ сооруженіяхъ этого города. Затѣмъ опять,—ужъ кстати: «Заведя рѣчь объ общественныхъ зданіяхъ, я позволю себѣ посовѣтовать вѣнцамъ непремѣнно достроить соборъ св. Стефана», при чемъ г. Верещагинъ предвидитъ, что ему на это скажутъ вѣнцы и что онъ въ свою очередь имъ возразитъ; ихъ отговорки, конечно, оказываются незаслуживающими уваженія. Кстати ужъ и о безпорядкахъ въ рейхсратѣ. Тутъ г. Верещагинъ попутно высказываетъ очень серьезное соображеніе: «Попытка (?) разрѣшать крупныя недоразумѣнія между различными народностями и между ними и государствомъ въ стѣнахъ парламента. безъ революціи на улицѣ, *стоитъ вниманія...*» Говоря про Дюма-отца, авторъ упоминаетъ случайно о Соединенныхъ Штатахъ,—это вызываетъ въ его умѣ опять неожиданную ассоціацію идей: «Заговоривши объ Америкѣ, я *невольно* вспоминаю одну привычку американцевъ: они много плюютъ...» Черезъ нѣсколько страницъ снова: «Заговоривши объ Индіи, замѣчу» и т. д.

Иногда, впрочемъ, мысль г Верещагина обрывается и новый абзацъ слѣдуетъ безъ всякой, даже внѣшней, связи съ предыдущимъ. «Мнѣ кажется,—внезапно заявляетъ авторъ,—невѣрнымъ теперешнее рѣзкое дѣленіе; труда на художественный и ремесленный,—тотъ и другой должны были бы опредѣляться не столько «по видимости», сколько по степени творческаго таланта, на нихъ затрачиваемаго». И далѣе: «Не унижая искусства. позволительно находить его тамъ, гдѣ прежде не видѣли ничего. кромѣ грубаго ремесла. Хорошіе повара, напримѣръ» (Стр. 71). Слѣдуютъ воспоминанія о знакомыхъ г. Верещагину поварахъ и кухаркахъ. Черезъ нѣсколько страницъ г. Верещагинъ заговариваетъ объ умственныхъ способностяхъ животныхъ. «Я ограничусь здѣсь нѣсколькими примѣрами, не особенно яркими (какъ жаль!) и не наводящими на безспорныя заключенія, но указывающими на несомнѣнное присутствіе у животныхъ способности соображать; *кстати, попутно* приведу кое-какія замѣчанія, либо взятыя изъ личныхъ наблюденій, либо слышанныя изъ первыхъ устъ». Слѣдуютъ анекдоты о знакомыхъ и незнакомыхъ г. Верещагину собакахъ, обезьянахъ, лошадяхъ и т. д.

Такого рода «мыслѣте» г. Верещагинъ разводитъ по всей книжкѣ. Зачѣмъ? Кому это нужно и интересно? Этихъ вопросовъ авторъ себѣ не задаетъ. Печальнѣе всего то, что, когда перо г. Верещагина наткнется даже на предметы, близкіе автору,—живопись и художниковъ, то и тутъ читатель ничего не выигрываетъ. Г. Верещагинъ не видитъ разницы между Брюлловымъ и Ивановымъ и совершенно не понимаетъ роли послѣдняго въ исторіи русскаго искусства, свысока третируетъ такого художника, какъ Мейссонье, у котораго ему бы по настоящему можно было многому научиться, и снисходительно похваливаетъ Шишкина, «несмотря на недостаточное образованіе» его. А самомнѣніе г. Верещагина производитъ просто комическое впечатлѣніе. Въ Америкѣ г. Верещагину заплатили за статью въ 3.000 словъ 500 рублей. «Правда,—говоритъ онъ,—что это цѣна, которую онъ (редакторъ) платитъ немногимъ, напримѣръ, Гладстону, Спенсеру, королевѣ румынской. На мой вопросъ, почему же и мнѣ? любезно отвѣтили: потому что вы тоже король». Значеніе этого скромнаго анекдота впрочемъ нѣсколько ослабляется другимъ, который авторъ разсказалъ пятью страницами раньше, на этотъ разъ совершенно не «кстати». Одинъ американецъ «искренно и серьезно» сказалъ художнику: «Мы, американцы, высоко цѣнимъ ваши работы, г. Верещагинъ; мы любимъ все грандіозное: большія картины, большой картофель». Не находятся ли эти два отзыва въ нѣкоторой связи одинъ съ другимъ?

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА. БИБЛІОГРАФІЯ.

Н. С. Тихонравовъ. «Исторія русской литературы». — «*Вольтеръ*». (По Коллини, Ваньеру, Штраусу и др.).—«Соборъ Св. Владиміра въ Кіевѣ».—«Библіографическіе матеріалы».

Сочиненія Н. С. Тихонравова. Томъ первый. Древняя русская литература. Стр. XCVII+358+137. М. 1898 г. Въ «Мірѣ Божьемъ» (мартъ и апрѣль 1898 г.) уже было отмѣчено крупное значеніе, какое имѣетъ изданіе сочиненій Н. С. Тихонравова. Первый томъ, появившійся послѣ второго и третьяго, даетъ возможность полнѣе представить себѣ общіе взгляды и общій характеръ дѣятельности покойнаго профессора. Тутъ помѣщена обширная статья: «Задачи исторіи литературы и методы ея изученія», которую Тихонравовъ, полушутя, называлъ своей «диссертаціей». Она была напечатана въ 1878 г., въ видѣ разбора «Исторіи русской словесности» Галахова, и съ тѣхъ поръ Тихонравовъ не высказывалъ въ печати своихъ воззрѣній на общій ходъ развитія русской литературы и на задачи его изученія. «Сочиненія» его состоятъ изъ ряда содержательныхъ и тонко обработанныхъ этюдовъ, по которымъ легко составить себѣ мнѣніе о силѣ его дарованія и глубинѣ его знаній, но въ которыхъ только очень опытный и знакомый съ предметомъ читатель съумѣетъ открыть черты общихъ руководящихъ идей знаменитаго ученаго. А, между тѣмъ, Тихонравовъ—далеко не только гелертеръ: у него была своя и очень существенная схема культурнаго развитія русской народности, свои и очень содержательные взгляды на главныя явленія русской жизни. Въ полной мѣрѣ содержаніе ученой работы его станетъ достояніемъ русскаго общества только послѣ изданія его курсовъ, читанныхъ въ московскомъ университетѣ, значеніе которыхъ пока можно угадывать лишь по отзывамъ его учениковъ (въ изданіи: «Памяти Н. С. Тихонравова». М. 1894 годъ) и по статьѣ А. Н. Пыпина: «Н. С. Тихонравовъ и его научная дѣятельность», предпосланной изданію «Сочиненій». Какъ сообщаютъ издатели, въ будущемъ предполагается «приступить и къ отдѣльному изданію курсовъ Тихонравова», но «если это окажется возможнымъ». Это изданіе *должно* оказаться возможнымъ и можно только желать, чтобы время, когда появленію этого драгоцѣннаго изданія суждено составить эпоху въ развитіи исторіи русской литературы, было, по возможности, ближе.

Дѣло въ томъ, что ничего подобнаго взглядамъ Тихонравова—по цѣльности и глубинѣ—нѣтъ въ нашей литературѣ, посвященной изученію русскаго литературнаго развитія. Ученость Тихонравова обнимала массу неизданнаго матеріала, изученнаго съ любовью и удивительной точностью работы, о которой можно судить, напримѣръ, по обработанному имъ изданію сочиненій Гоголя. Отъ детальнаго, часто—на первый взглядъ—мелочнаго анализа фактовъ, онъ умѣлъ восходить до широкихъ обобщеній, полныхъ яркой самостоятельности и живого пониманія изучаемыхъ явленій. Исторія словесности была для Тихонравова—«исторіей народности, поскольку послѣдняя выразилась въ словѣ». Ея задача—«уяснить историческій ходъ литературы, умственное и нравственное состояніе того общества, котораго послѣдняя была выраженіемъ, уловить въ произведеніяхъ слова постепенное развитіе народнаго сознанія, развитіе, которое не знаетъ скачковъ и перерывовъ». Многосторонность спеціальныхъ знаній дала ему возможность вѣрно поставить эту сложную задачу и слѣдить не за тѣми только явленіями, которыя бросаются въ глаза, какъ фланирующіе пункты литературнаго развитія, а и за тѣми, которыя обнаруживались въ мелкихъ фактахъ и захватывали цѣлые народные слои, затѣмъ, какъ выр

вился одинъ изъ его слушателей, что «глухо волновалось и двигалось подъ поверхностью оффиціальной литературы, что стремилось къ свѣту въ нижнемъ слоѣ потока человѣческой жизни». Съ рѣдкимъ чутьемъ умѣлъ Тихонравовъ раскрывать существенный смыслъ мелкихъ литературныхъ фактовъ, указывавшихъ на господствующее настроеніе эпохи въ народной массѣ, и находить въ нихъ признаки нарождавшихся новыхъ теченій. Труднѣйшіе научные вопросы о происхожденіи и первыхъ шагахъ еле намѣтившихся новыхъ направленій особенно привлекали Тихонравова. Поэтому онъ не упрощаетъ характеристикъ отдѣльныхъ эпохъ, а возсоздаетъ ихъ во всей ихъ сложности. Такъ, напримѣръ, культурная физіономія московской Руси не опредѣляется для него тѣмъ оффиціальнымъ направленіемъ, какое приняла письменность въ рукахъ московскаго духовенства. Это направленіе рисуется ему реакціей, стремившейся утвердить «пошатавшуюся» старину. «Стоглавъ, Четіи-Минеи, особая литературная школа въ русской агіографіи XVI в., Домострой, появленіе «Подлинника» и «Азбуковника», обличительныя писанія Максима Грека громко говорятъ намъ о возбужденіи охранительныхъ началъ». И Тихонравовъ ставитъ вопросъ: чѣмъ вызвано это сильное реакціонное возбужденіе? Его вниманіе естественно направляется на «опасность для отчины и православія отъ душегубительныхъ волкъ и козней вражіихъ», на тѣ теченія, которыя съ XV в. расшатывали устои русскаго средневѣковья. Онъ съ особой любовью слѣдилъ за первыми проблесками и постепеннымъ усиленіемъ секуляризаціи литературныхъ и художественныхъ вкусовъ, за развитіемъ мірского интереса къ жизни, реализма въ искусствѣ. Вѣкъ «Стоглава» и «Домостроя» полонъ для него не косности, а жизни и борьбы: «симптомы тяжелой переходной эпохи, раздвоенія, борьбы стараго идеала съ новымъ—ярко выражаются въ литературѣ и умственномъ движеніи московской Руси въ XVII вѣкѣ;»—«два направленія въ литературѣ и просвѣщеніи—новое и старое уже выясняются въ XVI вѣкѣ: расколъ обнаружился». Съ неменьшимъ интересомъ слѣдитъ Тихонравовъ за другимъ теченіемъ, подкапывавшимъ старовѣрческіе устои московской церковности, за судьбой мистико-раціоналистическаго сектантства, вызвавшаго сильное умственное броженіе въ московскомъ обществѣ. Самое средневѣковье русское Тихонравовъ характеризуетъ не тѣми памятниками, которые созданы искусственно—напряженіемъ разыгравшейся въ XVI в. борьбы, а памятниками, глубоко вліявшими на народное міровоззрѣніе—апокрифами и всей богатой отреченной письменностью, Толковой Палеей съ ея символикой, суевѣрно-символическимъ содержаніемъ «Физіолога», словомъ тѣмъ запасомъ средневѣковыхъ представленій, на который народное творчество откликнулось духовными стихами, легендами, повѣрьями. Цѣльное и широкое изученіе памятниковъ любой эпохи выводитъ изслѣдователя за предѣлы его спеціальности—является необходимость «сблизить литературные интересы эпохи со всѣми прочими художественными ея проявленіями», а также съ проявленіями религіозными и, вообще, культурными, въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Для всѣхъ изучаемыхъ явленій Тихонравовъ ставитъ вопросъ о соціально-психологическихъ условіяхъ ихъ возникновенія. На ряду съ этимъ вниманіемъ къ мѣстнымъ условіямъ стоитъ у него вопросъ о стороннихъ вліяніяхъ и заимствованіяхъ. Литературныя воздѣйствія Византіи, Болгаріи, православнаго Востока, германскаго и польскаго Запада выясняются имъ въ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ и, конечно, еще полнѣе выяснились въ лекціяхъ. На почвѣ серьезной и глубокой оцѣнки литературнаго движенія XVI вѣка должна выросги характеристика слѣдующей переходной эпохи, когда борьба стараго съ новымъ рѣзко обостряется, и на ряду съ расколомъ, который «доселѣ въ своихъ заповѣдныхъ тетрадкахъ хранитъ наслѣдіе родной старины», выразившейся въ народныхъ средневѣковыхъ памятникахъ,—нарождается новый типъ, «созрѣвшій для ре-

формы и готовый встрѣтить ее съ горячимъ сочувствіемъ»,—нарождается не только въ высшихъ московскихъ сферахъ, а въ самой массѣ народной, захваченной новыми стремленіями. «Государственная реформа Петра застала нашу словесность, и преимущественно книжно-народную, среди оживленной дѣятельности». И въ XVIII вѣкѣ Тихонравовъ слѣдитъ за той же борьбой разныхъ теченій и, особенно, за борьбой между «подлыми» книгами народнаго чтенія, которыя далеко не остались внѣ подчиненія новымъ вѣяніямъ, и вновь пересаженнымъ на русскую почву западнымъ литературнымъ направленіемъ. Понятно, что и тутъ выставляется требованіе, чтобы исторія русской литературы XVIII и частью XIX в. изучалась въ связи съ явленіями европейскихъ литературъ, но особенно цѣнно другое требованіе, чтобы въ кругъ изученія были привлечены мелкіе, безымянные литературные факты, удовлетворявшіе вкусамъ массы, такъ какъ только эти факты помогутъ выяснить самый процессъ возрастанія художественнаго чувства и пониманія.

Задачей этой небольшой замѣтки не могла быть попытка дать сколько-нибудь цѣльную характеристику трудовъ Н. С. Тихонравова: для такой характеристики придется ждать изданія его лекцій. Пока остается лишь указать читателю на высокую цѣнность того, чѣмъ онъ можетъ теперь же воспользоваться изъ завѣщаннаго русскому обществу наслѣдія Н. С. Тихонравова. Въ первомъ томѣ его сочиненій, кромѣ статьи о «Задачахъ исторіи литературы» помѣщены уцѣлѣвшіе отрывки изъ изслѣдованія объ «Отреченныхъ книгахъ древней Россіи», характеризующихъ религіозныя воззрѣнія народа въ эпоху «двоевѣрія». Въ числѣ этихъ отрывковъ находится изслѣдованіе о ересяхъ стригольниковъ и жидовствующихъ, которыя Тихонравовъ, какъ извѣстно, связываетъ съ еретическими движеніями Западной Европы. Затѣмъ идетъ рядъ изслѣдованій о популярныхъ среди древне-русскихъ читателей произведеніяхъ, какъ «Девгеніево дѣяніе», «Шемякинъ судъ» и др., съ указаніемъ ихъ родства съ произведеніями Востока и Запада. Все это «произведенія свѣтскаго, повѣствовательнаго, легендарнаго характера», изученіе которыхъ заставляетъ признать, что «древняя русская литература, при внимательномъ и подробномъ изученіи, не представляетъ того безотраднаго однообразія, которому обрекали ее невольно люди, ограничившіе себя безплоднымъ удивленіемъ религіозному направленію ея и внѣ произведеній церковной словесности не искавшіе пищи своему изслѣдованію».

Вольтеръ. По Коллини, Ваньеру, Штраусу и др. Переводъ съ нѣмецкаго И. Андреева. Редакція Д. Протопопова. Изданіе товарищества «Знаніе». Спб. 1899 г. Названная книга представляетъ переводъ популярныхъ лекцій Штрауса, читанныхъ, если не ошибаемся, болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ. Если же на заглавномъ листкѣ къ имени автора присоединены еще имена личныхъ секретарей Вольтера Коллини, Ваньера и др., то редакція перевода имѣла, быть можетъ, серьезныя основанія для такого на первый взглядъ страннаго смѣшенія: мемуары Коллини и Ваньера являются не болѣе, какъ источниками для біографа знаменитаго писателя въ ряду безконечнаго числа другихъ, часто не менѣе важныхъ источниковъ. Кромѣ указаннаго «заглавнаго» недоразумѣнія, нужно признать, что біографія Вольтера издана вполнѣ литературно, языкъ перевода удовлетворителенъ, если не считать самыхъ незначительныхъ шероховатостей и часто неправильной транскрипціи собственныхъ именъ, что повидимому составляетъ роковую судьбу русскихъ переводовъ (между прочимъ M-me Дюдефанъ названа *Дефанъ*, математикъ Бернулли—*Бернульи*, Нинонъ де Ланкло (de l'Enclos) —*д'Энкло* и т. п), и примѣчанія редакціи, при всей малочисленности и краткости, умѣстны и полезны. Вольтеръ одинъ изъ немногихъ иностранныхъ писателей, которые еще при жизни пользовались у насъ извѣстностью. Начиная со временъ императрицы Елизаветы, заказавшей ему составленіе исто-

ріи Петра I, всѣ элементы русскаго общества, претендовавшіе на причастность къ европейской образованности, интересовались произведеніями и личностью «царя философовъ», и только послѣ революціи кличка «вольтерьянство» стала синонимомъ политической неблагонадежности. Правда, изъ всѣхъ сочиненій Вольтера наибольшею популярностью пользовалась у насъ все-таки фривольная поэма «La Pucelle», переведенная въ XVIII вѣкѣ многое число разъ, но и общій строй его взглядовъ, философскихъ, общественныхъ и литературныхъ несомнѣнно находилъ цѣнителей въ Екатерининское время. Такимъ образомъ, помимо того интереса, который можетъ внушать Вольтеръ по своему громадному значенію въ исторіи французской мысли, онъ долженъ былъ бы интересовать насъ спеціально по тому вліянію, которое онъ въ свое время имѣлъ на русское общество. Между тѣмъ нельзя сказать, чтобы русская литература о Вольтерѣ была богата и оригинальна. Самыя произведенія его почти неизвѣстны современному читателю. Правда его драмы и комедіи въ настоящее время совершенно утратили значеніе, и изъ остальныхъ его сочиненій многія такъ связаны съ злобою дня, съ подробностями личныхъ отношеній автора, что читать ихъ безъ комментарія часто затруднительно, но все же нельзя не пожалѣть о томъ, что представленія русскихъ читателей объ одномъ изъ самыхъ своеобразныхъ и остроумныхъ (не только въ смыслѣ остроумныхъ словъ, но и въ смыслѣ острой мысли) писателей основаны почти исключительно на чужомъ голосѣ. Многія изъ его историософическихъ сочиненій или такъ называемые «энциклопедическіе вопросы» и теперь читаются съ интересомъ, какъ образчики передовой мысли бурной эпохи, еще не очень далекой отъ насъ, а нѣкоторыя изъ его прозаическихъ повѣстей, какъ, напр., «Кандидъ», положительно въ много разъ увлекательнѣе, чѣмъ безконечное количество архисовременныхъ романовъ. О Вольтерѣ у насъ говорилось и еще говорится много вскользь, даются общія характеристики въ курсахъ литературы, есть даже двѣ-три журнальныя статьи, но сколько-нибудь полной работы о немъ не существуетъ. Изъ громадной литературы о немъ на иностранныхъ языкахъ до сихъ поръ переведена была только монографія Дж. Морлея, поэтому нельзя сказать, чтобы переводъ лекцій Штрауса былъ излишнимъ. Никакихъ оригинальныхъ взглядовъ или новыхъ соображеній читатель не найдетъ въ этой книгѣ. Она даетъ именно то, что, по нашему мнѣнію, всего полезнѣе для русскихъ читателей въ области ознакомленія съ исторіей западно-европейской жизни: не блестящую общую характеристику, не слишкомъ детальное ученое изслѣдованіе, а толковое, фактически точное и вмѣстѣ съ тѣмъ далеко не сухое изложеніе судьбы и дѣятельности данной исторической личности въ связи съ общей картиной эпохи и среды. Личность, а еще болѣе значеніе дѣятельности Вольтера оцѣнивались его современниками и до сихъ поръ оцѣниваются самымъ противоположнымъ образомъ въ зависимости отъ партійныхъ взглядовъ. Сколько разъ онъ сидѣлъ въ Бастиліи или долженъ былъ спасаться бѣгствомъ изъ Парижа и изъ Франціи! Сколько коронованныхъ особъ заискивались въ немъ и домогались его расположенія! При жизни ему поставили статую и устроили апоѳеозъ, послѣ смерти его съ трудомъ могли похоро́нить по обычному ритуалу вдали отъ Парижа. Революція отводитъ ему мѣсто въ Пантеонѣ, реставрація сбросила его кости въ подвалъ, молодая Франція іюльской монархіи снова водворяетъ ихъ на прежнемъ почетномъ мѣстѣ. Шатобріанъ злостно клевещетъ на него и уподобляетъ антихристу, Мюссе проклинаетъ его за дряблость и развращенность своего поколѣнія, а несчастный «сверхчеловѣкъ», Ницше въ осязаемой, практической философіи Вольтера съ восторгомъ находитъ отраду послѣ переутомленія туманнымъ культомъ Р. Вагнера. Положеніе историка въ виду этихъ противорѣчій затруднительно, потому что всѣ мнѣнія объ этой удивительно сложной личности имѣютъ долю основанія. Штраусъ сознаетъ это и со всею нѣмецкою добросовѣстностью старается

во всѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ взвѣсить мотивы за и противъ. И дѣйствительно въ большинствѣ случаевъ ему удается сохранить безпристрастіе. Оно измѣняетъ ему только тогда, когда ему приходится излагать конфликтъ между Вольтеромъ и Фридрихомъ. Врядъ ли кто-нибудь въ настоящее время рѣшится утверждать, что Вольтеръ былъ кругомъ правъ во всей этой некрасивой исторіи: онъ проявилъ въ ней достаточно двуличія, отсутствія собственнаго достоинства и интриганства. Но, съ другой стороны, надо много патріотической снисходительности къ слабостямъ крутого прусскаго короля, чтобы снять съ него совершенно отвѣтственность за деспотическое отношеніе къ писателю, генію котораго онъ такъ поклонялся, за грубое презрѣніе къ человѣческому достоинству писаки, попавшаго въ немилость, и за фельдфебельскіе пріемы воздѣйствія на беззащитнаго человѣка. Въ оцѣнкѣ поступковъ того и другого авторъ держится діаметрально противоположнаго критерія. Чтобы отрѣзать Вольтеру возвращеніе во Францію и принудить его оставаться въ Пруссіи, Фридрихъ, будучи тогда еще въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ писателемъ, сообщилъ въ Парижъ компрометтирующее его письмо. Впослѣдствіи Вольтеръ, изъ мести за причиненныя ему оскорбленія и непріятности, сдѣлалъ тоже самое съ написанною Фридрихомъ сатирою на французскій дворъ. Штраусъ находитъ, что только Вольтеръ поступилъ вѣроломно, и что его поступокъ нельзя и сравнивать съ тѣмъ, что сдѣлалъ король (стр. 130). Когда Фридрихъ велъ войну съ Австріей, чтобы завладѣть Силезіей, Вольтеръ упрекалъ его въ томъ, что онъ сошелъ съ дороги просвѣтителя-философа. Штраусъ думаетъ, что, «проповѣдуя Фридриху миръ, Вольтеръ повторялъ пошлыя, общеизвѣстныя истины, какъ какой-нибудь школьный учитель... Прусскаго короля вынудилъ къ такому шагу (къ нападенію на Силезію) естественный ростъ того народа, во главѣ котораго онъ стоялъ; если вникнуть въ дѣло глубже, то окажется, что его вынудилъ ростъ вообще всей германской націи, которая искала новый центръ тяжести, такъ какъ Австрія перестала быть нѣмецкой страной (стала славянской?) и потеряла духовную свободу» (стр. 131). Извѣстно, что всѣ завоевательскіе аппетиты мотивируются «ростомъ націи» и стремленіемъ найти естественный центръ тяжести. Позднѣе, когда, увлекшись турецкими войнами Екатерины II, Вольтеръ высказалъ мысль о необходимости поднять общій крестовый походъ на турокъ, чтобы отнять отъ нихъ «страну Ксенофонта, Сократа, Платона, Софокла и Еврипида», то уже прусскій король противопоставляетъ его воинственнымъ кликамъ проповѣдь мира (стр. 141). при чемъ Штраусъ вовсе не находитъ, что Фридрихъ повторяетъ пошлыя истины, какъ школьный учитель. Въ угоду нѣмецкому патріотизму, біографъ Вольтера поступается также отчасти пропорціональностью своей работы: излагая отношенія Вольтера съ Фридрихомъ весьма обстоятельно, нѣсколько болѣе подробно, чѣмъ это соотвѣтствовало бы небольшимъ размѣрамъ книги, онъ едва касается долголѣтнихъ сношеній писателя съ русскимъ дворомъ. Таковы отрицательныя стороны разбираемаго очерка. Онѣ не настолько крупны, чтобы парализовать производимое имъ общее благопріятное впечатлѣніе. Событія изложены живо и вѣрно, отдѣльныя произведенія характеризованы почти всегда правильно. У насъ часто популярность изложенія считается синомимомъ компилятивности работы. Книга Штрауса могла бы служить опроверженіемъ такого взгляда. Для всякаго, кто имѣлъ дѣло съ историко-литературными матеріалами просвѣтительной эпохи, ясно, что авторъ почерпаетъ свои свѣдѣнія изъ первоисточниковъ, а не ограничивается сопоставленіемъ фактовъ, добытыхъ предшествующими изслѣдователями; компилятивность всегда приводитъ къ вялости и безжизненности, а изложеніе Штрауса, при всей его сжатости, свѣжо, сужденія опредѣленны и увѣренны и расположеніе матеріала отнюдь не шаблонное.

Соборъ Св. Владиміра въ Кіевѣ. Изд. С. В. Кульженко. Кіевъ 1898 г. Ц. 10 р. 105 иллюстрацій въ текстѣ и 42 на отдѣльныхъ листахъ. К

немногимъ замѣчательнымъ произведеніямъ оригинальнаго русскаго искусства за послѣднее десятилѣтіе принадлежитъ несомнѣнно живопись въ храмѣ Св. Владимира въ Кіевѣ. Главная часть работы исполнена художникомъ В. Васнецовымъ, характеристика котораго дана въ нашемъ журналѣ въ статьи г. С. Маковскаго (см. «М. Б.» мартъ 1898 г.). Изданіе г. Кульженко даетъ возможность ознакомиться ближе съ работой этого замѣчательнаго художника по великолѣпно выполненнымъ иллюстраціямъ, которыя сами по себѣ представляютъ художественное произведеніе. Въ числѣ художественныхъ изданій русской работы это изданіе по праву занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ, какъ по безукоризненности выполненія, такъ и по грандіозности. Огромное in folio, отпечатанное красками и золотомъ, съ превосходными фототипіями, съ заставками и заглавными буквами во вкусѣ рукописныхъ работъ старинныхъ мастеровъ, съ текстомъ, выдержаннымъ въ строго объективномъ тонѣ,—изданіе г. Кульженко производитъ пріятное впечатлѣніе, какъ доказательство, насколько печатное и литографское искусство подвинулось въ Россіи за послѣднее время. Общій подъемъ промышленности отразился и въ этой области, гдѣ еще лѣтъ десять назадъ едва ли возможно было изданіе такой сложной художественной работы, какъ настоящее изданіе г. Кульженко.

Во вступленіи изложена краткая исторія возникновенія и постройки собора, задуманнаго въ царствованіе Императора Николая I и благополучно законченнаго и освященнаго въ присутствіи Государя Императора Николая II два года тому назадъ. Общая стоимость собора, несмотря на великолѣпіе и цѣнность работъ, сравнительно очень не велика—всего 900.000 руб., изъ которыхъ 400.000 употреблено на внутреннюю отдѣлку, при чемъ почти половина этой суммы пошла на живопись и скульптурныя украшенія. Отмѣчаемъ этотъ фактъ, чтобы подчеркнуть, насколько скромнымъ вознагражденіемъ удовольствовались художники, годами работавшіе надъ украшеніемъ собора. Такъ, В. Васнецовъ за свою многолѣтнюю, поразительную по размѣрамъ, не говоря уже о талантѣ, работу—получилъ около 50.000 руб. Между тѣмъ, имъ написаны почти три четверти той живописи храма, которой въ правѣ гордится русское искусство. Можно различно относиться къ манерѣ Васнецова, но едва ли кто откажетъ этому художнику въ вдохновенности и оригинальности его кисти, по крайней мѣрѣ, въ лучшихъ его произведеніяхъ, украшающихъ стѣны собора и составляющихъ его драгоцѣннѣйшее достояніе. Въ изданіи г. Кульженки представлены *всѣ* работы Васнецова, не только картины и фрески, но и орнаменты, исполненные по его рисункамъ, что въ совокупности даетъ полное представленіе о рѣдкомъ разнообразіи таланта этого художника, его разносторонности и глубинѣ.

Цѣна изданія, въ виду роскоши выполненія, красоты и тщательности работы, представляется намъ невысокой.

Библіографическіе матеріалы. Опись книгъ, брошюръ и статей библіотеки сенатора Н. П. Смирнова. Палеографія. Книгопечатаніе и законы о цензурѣ и печати. Библіографія. Библіотеки, музеи и архивы. Книжная торговля. Спб. 1898 г. Ц. 15 р. Изданные сенаторомъ Н. П. Смирновымъ «Библіографическіе матеріалы» представляютъ цѣнный вкладъ въ библіографическую литературу не только потому, что раскрываютъ изслѣдователямъ и работникамъ въ различныхъ областяхъ исторіи и библіографіи сокровища частнаго книгохранилища. Уже эта одна сторона настоящаго изданія дѣлаетъ его чрезвычайно цѣннымъ для каждаго, кому приходится работать въ библіотекахъ, тратя массу труда и времени на розыскъ нужныхъ матеріаловъ, когда во время данное указаніе могло бы разомъ облегчить работу. Къ сожалѣнію, именно въ такихъ указаніяхъ и чувствуется крайній недостатокъ. Несомнѣнно, у насъ существуетъ много очень интересныхъ частныхъ книгохранилищъ, подобранныхъ съ

любовью, знаніемъ дѣла и огромными затратами, но они такъ и остаются извѣстными лишь своимъ владѣльцамъ да развѣ небольшому кругу избранныхъ знакомыхъ. Между тѣмъ, едва ли владѣльцы этихъ книжныхъ сокровищъ отказали бы работающему въ той или иной области литературы—въ справкѣ или нужномъ указаніи, разъ въ ихъ библіотекѣ имѣется необходимый для этого матеріалъ. Но для такого, хотя бы и съуженнаго пользованія необходимо опубликованіе этихъ матеріаловъ, что и сдѣлалъ сенаторъ Н. П. Смирновъ въ своемъ, по истинѣ, огромномъ и высокопочтенномъ трудѣ.

Но, какъ мы уже замѣтили выше, не въ этомъ только заключается значеніе этого труда. Авторъ, какъ можно видѣть изъ его книги, принадлежитъ къ числу истинныхъ любителей и знатоковъ «книжнаго дѣла», которому онъ посвятилъ почти полувѣковую работу. Кромѣ того, благодаря особымъ условіямъ своей дѣятельности, онъ могъ собрать и ознакомиться съ такими рѣдкими произведеніями, которыя доступны вообще немногимъ избраннымъ и составляютъ несомнѣнно чрезвычайно важные матеріалы. Таковы, напр., собранные имъ библіографическіе матеріалы въ главѣ о «Книгопечатаніи и законахъ о цензурѣ и печати». Обладая такимъ огромнымъ матеріаломъ и накопленными въ теченіе своей долгой работы знаніями, авторъ не ограничивается простымъ описаніемъ имѣющихся въ его библіотекѣ книгъ и сочиненій, но въ каждомъ отдѣлѣ перечисляетъ извѣстныя ему болѣе или менѣе важныя сочиненія, многія съ подробностями, по экземплярамъ, которыми онъ могъ пользоваться изъ Императорской Публичной библіотеки. Онъ приводитъ, въ главѣ «Библіотеки, музеи и архивы», цѣнныя свѣдѣнія о другихъ ему хорошо извѣстныхъ библіотекахъ въ слѣдующихъ восьми рубрикахъ: а) библіотека духовнаго вѣдомства; б) библіотека и изданія Академіи наукъ и художествъ; в) Императорская Публичная библіотека; г) библіотеки общественныя; д) казенныхъ учрежденій; е) ученыхъ обществъ и учебныхъ заведеній разныхъ вѣдомствъ; ж) частныхъ лицъ; з) библіотеки заграничныя. Въ этихъ описаніяхъ отмѣчены все болѣе или менѣе рѣдкія и достойныя особаго вниманія вещи. Такъ, изданія Императорской Публичной библіотеки занимаютъ въ его указателѣ 122 номера. «Въ отчетахъ этой библіотеки помѣщаются весьма важныя для библіографіи свѣдѣнія, замѣчаетъ авторъ. Такъ какъ отчеты эти, въ особенности за первые года, составляютъ библіографическую рѣдкость, то при описаніи каждаго отчета изложено, въ чемъ состояли важнѣйшія пріобрѣтенія и пожертвованія». Всего въ этомъ отдѣлѣ описано 42 библіотеки частныхъ лицъ, на что обращаемъ особое вниманіе, такъ какъ знакомство именно съ этими библіотеками сопряжено съ большими затрудненіями.

Указавъ на важное значеніе труда сенатора Н. П. Смирнова для библіографіи, мы не можемъ привести здѣсь болѣе важныхъ и интересныхъ его указаній, чего не позволяетъ размѣръ нашей замѣтки. Намъ хотѣлось лишь отмѣтить появленіе этого труда, изданнаго, конечно, не для широкой публики, на что указываетъ какъ цѣна его, такъ и ограниченное количество экземпляровъ. Но, по нашему мнѣнію, книга эта должна быть въ каждой хорошо поставленной общественной библіотекѣ, чтобы не быть достояніемъ однихъ лишь спеціалистовъ-любителей библіографіи.

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ.

А. Рамбо. «Исторія французской революція». — *А. Рамбо.* «Живописная исторія древней и новой Россіи». — *П. С. Смирновъ.* «Внутренніе вопросы въ расколѣ».

А. Рамбо. Исторія французской революціи 1789 — 1799; пер. И. Назарова; съ 30-ю рис. Кіевъ. 1899. Стр. 311. Ц. 1 р. Наша переводная литература довольно богата трудами по исторіи французской революціи. Кромѣ стараго, но сохранившаго почти все свое значеніе сочиненія Зибеля («Исторія французской революціи и ея времени»), къ услугамъ русскаго читателя имѣется превосходная и въ научномъ, и въ литературномъ отношенія книга Сореля — «Европа и французская революція». Но эти обширные труды не замѣнять болѣе доступныхъ и краткихъ обзоровъ великой эпохи. И такихъ у насъ нѣсколько. Книги Минье и Гейссера—даютъ живое, увлекательное изложеніе, рядъ удачныхъ характеристикъ и заслуженно пользуются большой популярностью. Рядомъ съ горячей апологіей революціи Минье, болѣе безпристрастное отношеніе къ ней Гейссера дѣлаетъ его книгу особенно полезной для первоначальнаго знакомства съ предметомъ, напр., для чтенія учащейся молодежи. Такое же значеніе можно признать за книгами Карно и Рамбо. Ихъ достоинство и преимущество, сравнительно съ Гейссеромъ, въ томъ, что они яснѣе выдвигають значеніе французской революціи, какъ соціальнаго переворота. Въ этомъ отношеніи, «Исторія французской революціи» Рамбо является особенно цѣннымъ пособіемъ. Первая глава даеть отчетливое изображеніе «стараго порядка». Абсолютизмъ королевской власти, выродившійся въ капризный деспотизмъ, стѣсненія общественной свободы, варварскія преслѣдованія иновѣрцевъ и свободомыслящихъ, гражданское неравенство, характеръ провинціальной администраціи, юстиціи, арміи и церкви, состояніе земледѣлія, промышленности и торговли, грустное положеніе низшихъ классовъ подъ гнетомъ соціальной несправедливости и невыносимой системы налоговъ, наконецъ, низкій уровень народнаго просвѣщенія—все это очерчено ярко—не общими чертами, а рядомъ краснорѣчивыхъ конкретныхъ фактовъ. Этой картинѣ авторъ противопоставляетъ «дѣло революціи»—тѣ глубокія реформы, ту огромную организаціонную работу, какая была выполнена революціонными правительствами, особенно, Національнымъ Собраніемъ и Конвентомъ. Дѣятельное законодательное творчество облекло въ реальныя формы идеи общественной свободы и равенства. Гарантія личной и имущественной безопасности, уничтоженіе различій въ правоспособности французскихъ гражданъ по ихъ происхожденію, религіи или національности—преобразовали гражданское право Франціи. Реформа юстиціи, арміи, церкви, освобожденіе земельной собственности, земледѣлія, промышленности и торговли отъ всякихъ путъ шли рядомъ съ преобразованіемъ системы налоговъ и всей администраціи. Съ особымъ сочувствіемъ останавливается авторъ на дѣятельности Конвента по народному образованію—дѣятельности широкой, плодотворной и глубоко просвѣщенной. Рамбо поступаетъ правильно, выдвигая на первый планъ всю эту сторону дѣла. Шумную и кровавую борьбу революціонныхъ партій знають всѣ; но многіе ли въ «большой публикѣ», для которой предназначена эта книга, имѣютъ ясное представленіе о скромной и содержательной дѣятельности многочисленныхъ комитетовъ, строившихъ на развалинахъ старой Франціи новую? Что касается самой исторіи революціи, то она разсказана Рамбо живо, горячо и потому—очень интересно. Но время одностороннихъ увлеченій въ исторіографіи революціи миновало. И Рамбо относится къ событіямъ и людямъ революціонной эпохи съ трезвымъ сужденіемъ и научной осторожностью, которая заставляетъ не судить, а объяснять. Нельзя не пожелать этой книгѣ того успѣха, какого она вполнѣ заслужила.

А. Рамбо. Живописная исторія древней и новой Россіи. Второе изданіе, исправленное и дополненное. М. 1898. Стр. VII+615. Ц. 1 р. 50 к. Скудость нашей популярно-научной литературы по отдѣлу исторіи можетъ объяснить появленіе въ русскомъ переводѣ книги проф. Рамбо. Изданіе это, повидимому, отвѣтило дѣйствительной потребности читателей, такъ какъ понадобилось повторить его. Но то ли содержитъ книга Рамбо, что намъ было бы нужно? Въ этомъ можно усомниться. Читатель найдетъ тутъ живой и недурно составленный разсказъ о главныхъ историческихъ событіяхъ съ древнѣйшихъ временъ до кончины имп. Александра I. Обзоръ внѣшней исторіи стоитъ на первомъ планѣ, но и она разсказана безъ сколько-нибудь широкаго освѣщенія. Подобный недостатокъ вполнѣ понятенъ въ книгѣ автора-иностранца. Ему трудно было освѣтить внѣшнюю исторію Россіи связью ея съ ходомъ внутренней жизни русскаго государства. Изложеніе внутренней исторіи—краткое и отрывочное — показываетъ, что автору не удалось разгадать загадки «сѣвернаго сфинкса». Владиміръ Святой рисуется ему «русскимъ Хлодвигомъ», а Ярославъ—Карломъ Великимъ. Законы Ярослава—«Русская Правда» (авторъ повторяетъ ходячую и у насъ ошибку, будто «Р. Пр.» издана Ярославомъ)— «это скандинавскія и германскія законоположенія во всей ихъ чистотѣ»; для защиты границъ строились города и туда «нарубался» гарнизонъ (рубили городъ, а не гарнизонъ); низшій классъ назывался смердами (отъ слова смердѣть—вонять!). Эти мелкія несообразности, а такихъ много, подготовляютъ къ болѣе существеннымъ промахамъ. Укажемъ только нѣкоторые, на выдержку. Изображая внутренніе порядки московскаго государства—авторъ строитъ фантастическую іерархію инстанцій «гражданскаго суда»: окружной староста-сотникъ, затѣмъ воевода, и наконецъ «высшій судъ въ Москвѣ», а исторію царствованія Алексѣя Михайловича излагаетъ, не упомянувъ объ «Уложеніи» и его глубокомъ значеніи для исторіи русскаго соціальнаго строя. Понятно, что такія явленія, какъ расколъ—автору совсѣмъ непонятны. Вотъ что дѣлаетъ онъ изъ вѣрной мысли, что расколъ выросъ на почвѣ, подготовленной вліяніемъ апокрифической письменности: «Никоновская реформа повела къ обнаруженію скрытаго раскола въ русской церкви съ его безчисленными сектами старовѣровъ, молоканъ, духоборцевъ, хлыстовъ, скопцовъ и многихъ другихъ, начало которыхъ восходитъ къ александрійскому гностицизму, персидскому манихеизму и даже, быть можетъ, къ индусскому пантеизму». Странное впечатлѣніе производитъ такая путаница понятій въ трудѣ ученаго автора вполнѣ научныхъ работъ по исторіи Византіи. Французскіе историки не привыкли еще примѣнять къ русской исторіи свои лучшіе методы и умѣнье глубоко вдумываться въ историческія явленія. Даже Сорель, одинъ изъ корифеевъ французской исторіографіи, поражаетъ легкимъ отношеніемъ къ дѣлу, когда пишетъ напр. объ имп. Елизаветѣ въ своихъ «Essais d'histoire et de critique»... И Петровская эпоха не удалась нашему автору. Онъ думаетъ, что «дворянство не менѣе другихъ (?) сословій враждебно относилось ко всему, что могло содѣйствовать сосредоточенію самодержавія» — и поэтому было противъ реформъ, приписываетъ Петру запрещеніе крестьянскаго перехода, говоритъ, что при Петрѣ «русское дворянство приняло характеръ служилаго», что какой-то «подымный налогъ, дававшій поводъ къ безконечнымъ спорамъ» былъ замѣненъ подушной податью и т. д. и т. д. При такихъ крупныхъ и мелкихъ ошибкахъ теряется весь нужный колоритъ; имъ соотвѣтствуетъ общій тонъ изложенія, характеристикъ лицъ и эпохъ, внѣшнія, чуждыя необходимой—и особенно для того, чтобы написать хорошую популярную книгу — чуткости пониманія. Петербуржецъ улыбнется, прочитавъ, что нашъ «водяной городъ» подвергается «страшнымъ наводненіямъ, когда на него изливаются огромныя водяныя массы Ладоги и Онеги», а вообще русскій читатель вынесетъ изъ книги Рамбо впечатлѣніе, что иностранцы до

сихъ поръ странно представляютъ себѣ Россію и ея исторію. Конечно, чѣмъ ближе къ новымъ временамъ, тѣмъ изложеніе свободнѣе отъ прямой невѣрности сообщаемыхъ свѣдѣній. Но и тутъ много чуждаго и мало того, что русскому читателю всего нужнѣе: вѣрнаго пониманія развитія русской жизни.

Книга украшена картинками русскихъ художниковъ. У нѣмцевъ есть хорошій обычай: иллюстрировать историческія книги снимками со старыхъ памятниковъ, гравюръ и миніатюръ, старыхъ портретовъ и т. д. Жаль, что у насъ этимъ матеріаломъ не умѣютъ пользоваться. Картинки, приложенныя къ книгѣ Рамбо, далеки отъ того, чтобы знакомить съ русской исторической стариной: нѣтъ въ нихъ ни художественнаго вкуса, ни историческаго пониманія изображаемыхъ сценъ.

П. С. Смирновъ. Внутренніе вопросы о расколѣ въ XVII вѣкѣ. Спб. 1389 г. Стр. VII + CXXXIV + 237 + 121. Ц. 3 р. Трудъ профессора С.-Петербургской духовной академіи П. С. Смирнова представляетъ собою «изслѣдованіе начальной исторіи раскола по вновь открытымъ памятникамъ, изданнымъ и рукописнымъ». Авторъ изучаетъ внутреннюю жизнь раскола, какъ она сложилась вслѣдствіе исключительнаго положенія раскольничьихъ общинъ внѣ церкви, но въ составѣ связаннаго съ этою церковью православнаго государства. Вопроса о причинахъ, вызвавшихъ расколъ, авторъ касается только въ послѣднемъ параграфѣ введенія, озаглавленномъ: «Составныя части изслѣдованія и планъ ихъ расположенія». Здѣсь выставленъ рядъ отчетливо формулированныхъ тезисовъ, выражающихъ общій взглядъ автора на изучаемое явленіе. «Фундаментъ, на которомъ былъ укрѣпленъ и построенъ протестъ, приведшій къ расколу» состоялъ, по мнѣнію П. С. Смирнова, исключительно въ томъ ученіи, что въ русскомъ царствѣ твердо держится знамя вселенской церкви, которая издревле пребываетъ «непреклонна и недвижима въ своемъ устройствѣ и въ своихъ догматахъ» и пребудетъ таковой до конца міра. Москва — послѣдняя столица православія, третій и послѣдній Римъ, четвертому не быть, и, значитъ, «близко уже время» пришествія антихриста. Такъ расколъ ставится въ связь съ широко распространенными въ древней Руси эсхатологическими вѣрованіями (о нихъ см. въ I томѣ «Сочиненій» Тихонравова: «Отреченныя книги древней Россіи»; очеркъ пятый). Авторъ не углубляется въ этотъ вопросъ, такъ какъ изученіе подготовки раскола въ предшествующіе вѣка стоитъ внѣ задачъ его изслѣдованія. Для него исходной точкой служитъ положеніе, что раскольничій «протестъ возникъ исключительно на религіозной почвѣ, безъ всякой примѣси какихъ-либо стороннихъ элементовъ, чуждыхъ области вѣры и церкви». Положеніе это едва ли не одностороннее. Авторъ справедливо настаиваетъ на томъ, что «*всѣ* мысли противниковъ Никона, *всѣ* ихъ разсужденія вращались исключительно около вопроса о церкви». Но несомнѣнно, что при изученіи той *почвы*, на которой возникъ расколъ, историческая наука достигнетъ твердыхъ и полныхъ результатовъ, лишь давъ себѣ отчетъ въ соціальныхъ причинахъ и условіяхъ, опредѣлившихъ господство того, проникнутаго эсхатологическими чаяніями, міровозрѣнія, которое въ расколѣ нашло свое крайнее выраженіе. Съ такой, болѣе общей точки зрѣнія расколъ лишь одинъ изъ моментовъ борьбы стараго съ новымъ, которая привела къ паденію культурныхъ особенностей русскаго средневѣковья. И если расколъ въ своихъ положительныхъ воззрѣніяхъ на міръ стоялъ исключительно «на почвѣ не отъ міра сего», то въ своемъ отрицаніи онъ обнималъ рядъ явленій, не имѣющихъ прямого отношенія къ вопросамъ вѣры и церкви. Онъ отнесся отрицательно къ этимъ явленіямъ, руководясь тою мыслью, что «все въ мірѣ, отъ жизни отдѣльнаго человѣка до состоянія государства, зависитъ не отъ людей, а отъ Бога». Авторъ справедливо указываетъ, что когда раскольники «говорили о переживаемыхъ народомъ бѣдствіяхъ, то причину ихъ указывали, выражаясь нашимъ

языкомъ, не въ централизаціи власти, не въ попраніи земскихъ правъ, не въ экономической эксплоатаціи, и исключительно въ измѣнѣ древнему благочестію». Развѣ, однако, справедливость этого указанія устраняетъ необходимость постановки и разрѣшенія вопроса, въ какой мѣрѣ общественныя условія опредѣлили— не содержаніе догмы раскола, а то умоначертаніе и настроеніе, которое создало успѣхъ этой догмы, вызвало ее къ жизни, побуждая людей искать въ эсхатологіи объясненія переживаемыхъ впечатлѣній? Впрочемъ, эти вопросы для темы автора-второстепенны. Основной интересъ его труда въ томъ, что онъ даетъ яркое представленіе объ основныхъ чертахъ раскольничьяго міровоззрѣнія. Первая глава даетъ исторію и характеристику выработаннаго въ расколѣ взгляда на переживаемое время, какъ на время «послѣдняго отступленія»: съ 1666 г., апокалипсическая цифра котораго фатально совпала съ фактомъ соборной анаѳемы противъ раскола, началось то «отступленіе» отъ вѣры, которое ап. Павломъ указано, какъ признакъ кончины вѣка. На очередь сталъ вопросъ объ антихристѣ. Аввакумъ и другіе пустозерскіе учителя ожидали его появленія въ Іерусалимѣ; инокъ Авраамій—въ Россіи и предположительно въ лицѣ Никона, другіе—въ лицѣ царя Алексѣя... Явная несостоятельность этихъ умствованій привела къ ученію о томъ, что антихристъ явился уже, но не тѣлесно, а духовно, и царитъ въ обрядахъ никоніанскихъ... Связанное съ этимъ кругомъ идей настроеніе натолкнуло расколъ на путь самоистребленія, ради спасенія изъ зараженнаго антихристовымъ ядомъ міра... П. С. Смирновъ устанавливаетъ тотъ фактъ, что началось самоистребленіе въ сектѣ, не имѣющее связи съ расколомъ, въ «капитоновщинѣ», затѣмъ было принято и по своему осмысленно въ раскольничьихъ общинахъ, въ которыхъ широко распространилось, независимо отъ преслѣдованій, а исключительно подъ вліяніемъ крайнихъ религіозныхъ ученій. Самосожженіе встрѣтило энергичныхъ противниковъ среди лучшихъ представителей раскола; Аввакумъ колебался между осужденіемъ доктрины самосожигателей и удивленіемъ ихъ мужеству. Вообще отсутствіе организаціи придало особое значеніе отдѣльнымъ проповѣдникамъ, съумѣвшимъ пріобрѣсти авторитетъ. Отсюда масса разногласій, толковъ и споровъ, картину которыхъ П. С. Смирновъ раскрываетъ на основаніи богатаго, имъ впервые изученнаго матеріала. Вопросы, связанные съ отношеніями раскола къ государству (къ «никоніанскому» обществу, къ духовенству, къ царской службѣ, молитвѣ за царя, къ отпавшимъ отъ раскола и т. п.) вызвали рядъ мнѣній, рѣзко противоположныхъ. Еще сложнѣе были вопросы, связанные съ необходимостью создать для раскола извѣстный церковный порядокъ: о сохраненіи іерархіи, о таинствахъ, которыхъ некому было совершать, о разночтеніяхъ въ старыхъ обрядахъ, наконецъ, о пониманіи основныхъ догматовъ; всѣ эти темы обсуждались расколоучителями въ разныхъ концахъ земли Русской, и въ спорахъ все больше выяснялась безвыходность положенія общинъ, которыя, оторвавшись отъ церкви, вѣрили въ то, что внѣ церкви и сохраннаго въ ней преемства благодати, догматическаго и обрядоваго преданія — нѣтъ спасенія. Если изъ раскола выработались секты, вродѣ нѣтовщины, крайняго безпоповщинскаго толка, то не по самостоятельности мысли, а по нуждѣ, съ отчаянья передъ безвыходными противорѣчіями раскола. Къ зародившемуся въ XVII в. мистическому и раціоналистическому сектантству расколъ относился съ большою враждой, лишь изрѣдка и по невѣдѣнію подчиняясь ихъ вліянію.

Этотъ краткій перечень вопросовъ, поставленныхъ и разсмотрѣнныхъ въ трудѣ П. С. Смирнова свидѣтельствуетъ о его богатой содержательности. «Введеніе» и «приложенія» знакомятъ читателя съ матеріалами, на которыхъ построено изслѣдованіе. Авторъ даетъ обзоръ главныхъ центровъ раскола, знакомитъ съ цѣлой толпой его руководителей; библіографическій обзоръ источниковъ, съ характеристикой каждаго памятника, составляющій вторую главу введенія, сразу подкупаетъ довѣріе читателя къ серьозной научности книги

П. С. Смирнова. Характеристика ея была бы не полной, если бы мы не указали на полную объективность изслѣдованія, на отсутствіе полемическаго тона (хотя авторъ и указываетъ часто на отступленія расколоучителей отъ церковной точки зрѣнія, которую они думали сохранять). На отдѣльныхъ дѣятеляхъ раскола авторъ останавливается лишь попутно. Но, въ цѣломъ, его книга даетъ отличный матеріалъ для вѣрнаго пониманія многихъ расколоучителей, и, прежде всего, «богатыря-протопопа» Аввакума. Такъ, напримѣръ, разбирая своеобразную догматику Аввакума, авторъ справедливо указываетъ, что причина ересей Аввакума—не въ полемическомъ увлеченіи, а въ неумѣренномъ пользованіи образными выраженіями для уясненія отвлеченныхъ догматическихъ понятій, которыя Аввакумъ—умъ сильный, но некультурный—стремился сдѣлать наглядными, конкретными и потому—искажалъ.

Въ общемъ выводѣ—нельзя не рекомендовать труда проф. Смирнова о «Внутреннихъ вопросахъ въ расколѣ» и его же «Исторіи русскаго раскола старообрядства» (2-е изд. Спб. 1895), какъ лучшихъ пособій по этому предмету.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

К. Бюхеръ. «Изъ области народнаго хозяйства».—*М. Ковалевскій.* «Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства».

К. Бюхеръ. Четыре очерка изъ области народнаго хозяйства. Перев. съ нѣм. подъ ред. Р. Э. Дена. Изд. М. И. Водовозовой. Спб. 1898 г. Ц. 60 коп. Предлагаемые очерки внушаютъ равный интересъ какъ самостоятельностью и новизной въ разработкѣ вопросовъ, такъ и умѣлой группировкой и освѣщеніемъ матеріала. Авторъ вездѣ остается на почвѣ самостоятельнаго изученія фактовъ. Разсматривая вопросъ о паденіи ремесла, онъ приходитъ къ выводу, что новѣйшія изслѣдованія по этому поводу дали нѣсколько иную оцѣнку обычному представленію о характерѣ и причинахъ этого процесса. Большая публика довольствуется самыми простыми формулами для обозначенія этого совершающагося на глазахъ ея явленія: вытѣсненіе ручного труда машиной, уничтоженіе ремесла фабрикой. Единственной причиной этого процесса считается уменьшеніе издержекъ производства вслѣдствіе примѣненія машинъ. Новѣйшія же изслѣдованія именно и установили тотъ фактъ, что причина большей части происходящихъ измѣненій кроется не въ успѣхахъ техники производства, а въ измѣненіяхъ въ народно-хозяйственномъ характерѣ современнаго спроса, и, что, поскольку дѣйствуетъ эта причина, ремесло погибаетъ и помимо конкурренціи машиннаго производства. Въ числѣ этихъ измѣненій слѣдуетъ считать прежде всего мѣстную концентрацію спроса, благодаря громадному скопленію людей въ большихъ городахъ, небывалому разростанію государственныхъ, коммунальныхъ и частныхъ учрежденій и предпріятій, являющихся многочисленными центрами, въ которыхъ сосредоточивается массовой спросъ на продукты промышленности. На второмъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить то обстоятельство, что современная культурная жизнь во многихъ случаяхъ ставитъ промышленности такія грандіозныя задачи, которыя совершенно не выполнимы средствами и орудіями, имѣющимися въ рукахъ ремесла, напр., сооруженіе большого моста или военнаго корабля, изготовленіе локомотива, парового крана, скоропечатной машины и пр. Помимо того, спросъ сдѣлался однороднѣе, принялъ массовой характеръ. Предпочитая получать все въ готовомъ видѣ и пользоваться возможностью самаго широкаго выбора, мы избѣгаемъ непосредственныхъ сношеній съ производителемъ, и работа на заказъ—этотъ существенный признакъ ремесла—уступаетъ мѣсто работѣ про запасъ. Параллельно со всѣми этими измѣненіями въ характерѣ

спроса шелъ процессъ концентраціи въ области промышленнаго производства, и жертвою этого процесса и сдѣлалось ремесло.

Авторъ подробно разсматриваетъ всѣ наиболѣе характерные случаи въ судьбѣ ремесла въ зависимости отъ указанныхъ измѣненій спроса и производства: вытѣсненіе ремесла соотвѣтствующимъ фабричнымъ производствомъ, съуженіе области ремесла, благодаря развитію фабрикъ и домашняго производства, подчиненіе ремесла крупному предпріятію, обѣднѣніе ремесла вслѣдствіе перемѣщенія спроса, низведеніе ремесла на степень домашней промышленности и работы на магазинъ. Въ результатѣ весьма тонкаго анализа всѣхъ этихъ случаевъ онъ приходитъ къ слѣдующему заключенію объ условіяхъ жизнеспособности ремесла: «во всѣхъ случаяхъ, когда ремесло снабжаетъ покупателя готовыми для потребленія и не подверженными быстрой порчѣ товарами, которые могутъ быть изготовлены по извѣстнымъ типичнымъ образцамъ, разсчитаннымъ на средній уровень потребностей, ему грозитъ величайшая опасность даже тогда, когда крупное производство не имѣетъ передъ нимъ техническихъ преимуществъ. Напротивъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда произведенный ремесленникомъ товаръ долженъ быть приложенъ въ опредѣленномъ мѣстѣ, или, такъ или иначе, приноровленъ въ зависимости отъ индивидуальныхъ условій, ремесло не теряетъ, по крайней мѣрѣ, связи съ потребителемъ (напр., слесаря, портные, шорники и др.)» (стр. 22—23). Къ недостаткамъ очерка, сущность котораго мы изложили, слѣдуетъ отнести то, что авторъ въ иллюстрирующихъ его выводы примѣрахъ, очевидно, смѣшиваетъ часто въ одно какъ ремесло въ строгомъ смыслѣ этого слова, такъ и отросли домашней (кустарной) промышленности.

Очеркъ К. Бюхера: «Соединеніе труда и совмѣстный трудъ» представляетъ собою попытку болѣе точнаго установленія понятія о соединеніи труда, давно фигурирующаго въ политико-экономической литературѣ, но крайне смутнаго. Въ результатѣ авторъ даетъ слѣдующее опредѣленіе: «соединеніемъ труда будетъ называться соединеніе въ рукахъ одного человѣка разнородныхъ формъ, а совмѣстнымъ трудомъ—одновременное исполненіе нѣсколькими работниками одной и той же работы» (стр. 39). Изслѣдованіе этого вопроса, которому до сихъ поръ не доставало ясности, представляетъ цѣнный вкладъ въ область теоретической экономіи. Въ послѣднихъ двухъ очеркахъ авторъ, на основаніи матеріала, доставляемаго описаніями путешественниковъ и этнографовъ, рисуетъ ту стадію хозяйства первобытныхъ народовъ—дикарей, для характеристики которой онъ не находитъ лучшаго опредѣленія, какъ «стадія индивидуальнаго исканія пищи». Очерки одинаково интересны и богаты фактами. Напрасно только авторъ полагаетъ, повидимому, что онъ первый затронулъ и разработалъ указанную тему. На русскомъ языкѣ уже въ 1883 г. появился по тому же поводу солидный трудъ покойнаго экономиста Н. Зибера «Очеркъ первобытной экономической культуры».

М. М. Ковалевскій. Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства. Т. I. М. 1898 г. Стр. XXXII+712. Ц. 2 р. 50 к. Въ обширномъ трудѣ, первый томъ котораго недавно вышелъ въ свѣтъ, М. М. Ковалевскій какъ бы подводитъ итогъ своей двадцатипятилѣтней ученой работѣ, направленной на изученіе экономической и соціальной исторіи средневѣковой Европы. Среди разнообразныхъ трудовъ знаменитаго ученаго лучшими являются именно тѣ, гдѣ онъ выступаетъ въ роли медіевиста. Превосходное знаніе источниковъ какъ изданныхъ, такъ и рукописныхъ придаетъ изслѣдованіямъ М. М. Ковалевскаго въ этой области высокое достоинство полной оригинальности. Онъ только тамъ довольствуется изложеніемъ результатовъ чужой работы, гдѣ провѣрка ихъ по источникамъ убѣдила его въ ихъ правильности. Такимъ образомъ, передъ нами трудъ большой научной цѣнности, которому предстоитъ занять почетное мѣсто въ литературѣ, столь обширной, по исторіи происхожденія и основ-

ныхъ особенностей феодальнаго строя. Полное господство надъ матеріаломъ позволило автору дать цѣльный обзоръ сложныхъ явленій соціально-экономической эволюціи европейскаго средневѣковья, обзоръ, проникнутый одной широкой мыслью, свободно обнимающей и осмысляющей массу деталей. Не примыкая ни къ одной изъ двухъ типичныхъ школъ средневѣковой исторіографіи романистовъ и германистовъ, М. М. Ковалевскій выработалъ самостоятельную теорію соціальной эволюціи, которая въ главныхъ общихъ чертахъ изложена имъ въ извѣстныхъ стокгольмскихъ лекціяхъ, посвященныхъ вопросу о происхожденіи и развитіи семьи и собственности. Новый трудъ развиваетъ, дополняетъ и отчасти видоизмѣняетъ тезисы, выставленные въ упомянутыхъ лекціяхъ. Отличіе въ изложеніи лекцій и разбираемой книги представляются то перемѣной къ лучшему, то не совсѣмъ. Внимательный читатель трудовъ М. М. Ковалевскаго отмѣтитъ, конечно, что въ новой книгѣ отсутствуетъ утвержденіе, что общинные передѣлы представляются необходимой и естественной стадіей въ развитіи землевладѣнія. Авторъ, повидимому, даже склоняется къ мысли, что установленіе нѣкоторой пропорціональности между величиной надѣла и размѣромъ крестьянскихъ повинностей вызвало стремленіе къ большей равномѣрности крестьянскихъ участковъ, которое производилось усиліями землевладѣльцевъ (см. стр. 681 и др.). Но вопросъ о томъ, какъ относится авторъ къ объясненію происхожденія передѣловъ вслѣдствіе экспропріаціи крестьянъ и искусственной регламентаціи крестьянскаго хозяйства ради ихъ тяглой исправности —остается неяснымъ. Это жаль, потому что изложеніе вопроса о передѣлахъ въ стокгольмскихъ лекціяхъ не можетъ считаться убѣдительнымъ. Желающимъ сопоставить теорію проф. Ковалевскаго о естественномъ происхожденіи передѣловъ (съ которой—какъ сказано—не вяжутся нѣкоторыя замѣчанія его въ новомъ трудѣ), съ противоположнымъ мнѣніемъ нельзя не указать прекрасной статьи П. Н. Милюкова: «Русская аграрная политика прошлаго столѣтія» въ «Русской Мысли» за 1890 г., № 5. Другое существенное отличіе разбираемаго труда отъ лекцій состоитъ въ томъ, что въ послѣднемъ появляется понятіе «рода», отличнаго отъ «большой нераздѣльной семьи». Въ лекціяхъ рѣчь идетъ только о «семейной общинѣ». Трудно уяснить себѣ, что такое авторъ разумѣетъ подъ родомъ: повидимому, семейную общину, разросшуюся до размѣровъ цѣлаго селенія. Но каковы признаки этой особой формы общинно-кровныхъ отношеній, насколько она устойчива и не правильнѣе ли видѣть въ такомъ процессѣ разростанія и разселенія по отдѣльнымъ дворамъ нѣкогда единой семейной общины—фактора разложенія кровныхъ связей, какъ это показываетъ самъ авторъ на стр. 287 и 288? Приведенные авторомъ факты для характеристики «родовой» общины не позволяютъ считать ее чѣмъ либо равнозначущимъ и существеннымъ рядомъ съ общинами семейной и сосѣдской. Не лучше ли вовсе бросить этотъ терминъ, сохранивъ понятіе родовой организаціи лишь для объясненія явленій той эпохи, когда господствуетъ кочевой бытъ, а семейная община—еще не возникала? Выдѣляемъ эти два вопроса, потому что они существенны для выясненія исходной точки зрѣнія проф. Ковалевскаго. Во всей книгѣ онъ слѣдитъ за разложеніемъ общинныхъ отношеній подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни германскихъ племенъ. Главнымъ факторомъ этого разложенія является рецепція римскихъ правовыхъ понятій и порядковъ, проводимыхъ въ законы германскихъ правителей вліяніемъ духовенства, стремившагося къ созданію крупной земельной собственности церковныхъ учрежденій. Процессъ находилъ поддержку и въ интересахъ свѣтскихъ магнатовъ, строившихъ свое общественное значеніе на владѣніе населенными землями. Разрабатывающій эту общую тему трудъ естественно распадается на два отдѣла. Первый—посвященъ вопросу о «римскихъ и германскихъ элементахъ въ образованіи средневѣковаго помѣстья и сельской общины». Разборъ особенностей римскаго помѣстья, съ одной, и хозяйственныхъ порядковъ гер-

манцевъ въ эпоху Цезаря и Тацита, съ другой стороны, служитъ подготовкой къ картинѣ быстрой романизаціи германскаго экономическаго и правового строя. Картина эта широко развертывается передъ читателемъ въ рядѣ главъ, дающихъ обзоръ землевладѣнія у всѣхъ германскихъ племенъ съ VI по X вѣкъ. Авторъ, подобно Фюстель де-Куланжу, съ выводами котораго онъ такъ часто расходится, имѣетъ право говорить, что строитъ свои выводы на основаніи *всѣхъ* дошедшихъ до насъ документовъ. Особый интересъ новизны представляетъ разборъ землевладѣнія у аллемановъ и въ Италіи. Въ характеристикѣ лангобардскихъ порядковъ авторъ значительно расходится съ проф. Виноградовымъ, посвятившимъ происхожденію феодальныхъ порядковъ въ лангобардской Италіи особую диссертацію. Множество цѣнныхъ и оригинальныхъ замѣчаній, освѣщающихъ извѣстные факты новымъ свѣтомъ, получаетъ особую цѣну, такъ какъ въ такой полнотѣ обзоръ землевладѣльческихъ порядковъ ранняго средневѣковья западной Европы не былъ еще выполненъ. Второй отдѣлъ книги посвященъ «экономической сторонѣ процесса феодализаціи недвижимой собственности». Авторъ, показавъ въ первомъ отдѣлѣ, какія причины вызвали постепенное торжество если не частной, то подворной собственности въ Европѣ, обращается къ изученію крупнаго землевладѣнія въ концѣ VIII и слѣд. вѣкахъ и экспропріаціи мелкихъ землевладѣльцевъ. Въ своихъ воззрѣніяхъ на характеръ и возникновеніе феодальныхъ отношеній авторъ, оставаясь вполнѣ самостоятельнымъ, ближе всего примыкаетъ къ теоріямъ Рота и Флакка. Представивъ картину феодализаціи и образованія крупной собственности во Франціи и Англіи, авторъ переходитъ къ характеристикѣ сельско-хозяйственннаго строя въ эпоху крѣпостного права и надѣльной системы. Исторія французскаго землевладѣнія въ IX—XIII в.в.,—составляющая содержаніе трехъ главъ, сама по себѣ была бы цѣнной монографіей. Авторъ заканчиваетъ общую часть своего труда изложеніемъ эволюціи крѣпостного права во Франціи,—состоявшей въ переходѣ крестьянскаго населенія съ барщины и личной зависимости на оброкъ и зависимость земельную. Въ двухъ послѣднихъ главахъ М. М. Ковалевскій разсматриваетъ своеобразную судьбу поземельныхъ отношеній въ нѣкоторыхъ уголкахъ Франціи: въ Бретани, гдѣ крѣпостническія отношенія не развились, въ Бельгіи и Лангедокѣ, гдѣ они пали раньше, чѣмъ гдѣ либо подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій, въ Нормандіи, строй которой детально изученъ авторомъ на основаніи, между прочимъ, новыхъ, неизданныхъ еще памятниковъ сеньеріальнаго права.

Таково содержаніе этого труда, которому должно принадлежать почетное мѣсто въ нашей ученой литературѣ. Ему предпосланъ «общій взглядъ на экономическій ростъ Европы въ эпоху, предшествующую капиталистическому хозяйству». Въ этомъ вступленіи авторъ излагаетъ свои общія воззрѣнія на экономическую эволюцію, главный факторъ которой—ростъ населенія, обусловливающій смѣну формъ народнаго хозяйства и, происходящую въ зависимости отъ развитія формъ производства, смѣну порядковъ владѣнія и отношеній (свободныхъ или зависимыхъ) разныхъ группъ населенія, а также—экономическихъ ученій. Этотъ бѣглый, «общій взглядъ» набрасываетъ очеркъ экономическаго роста Европы до временъ французской революціи: такова необычайно широкая программа труда, первый томъ котораго лежитъ передъ нами. Нельзя не пожелать, чтобы программа эта была выполнена въ полномъ объемѣ.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

съ 15-го ноября по 15-е декабря 1898 года.

Лависсъ и Рамбо. Всеобщая исторія. Т. V. Религіозныя войны. Изд. К. Солдатенкова. Москва. 1899 г. Ц. 3 р.

Георгъ Брандесъ. Шекспиръ, его жизнь и произведенія. Т. I. Изд. К. Солдатенкова. Москва. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ю. Белохъ. Исторія Греціи. Т. II. Изд. К. Солдатенкова. Москва. 1899. Ц. 2 р.

Ауэрсвальдъ и Россмесслеръ. Ботаническія бесѣды. Перев. акад. Бекетова. Изд. Сытина. Москва. 1898 г. Ц. 3 р.

П. Сергѣенко. Какъ живетъ и работаетъ гр. Л. Н. Толстой. Москва. 1898 г. Ц. 2 р. 50 коп.

Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ. Подъ ред. проф. Виноградова. Вып. III. Москва. 1899 г. Ц. 2 р.

В. А. Долгоруковъ. Путеводитель по всей Сибири и средне-азіатскимъ владѣніямъ Россіи. Томскъ. 1898 г. Ц. 1 р.

Л. Шестовъ. Шекспиръ и его критикъ Брандесъ. Спб. 1898 г.

С. Роміасъ. Семья Никитиныхъ. Романъ-хроника. Т. I и II. Москва. 1899. Ц. за 2 т. 4 р. 50 к.

Токвиль. Старый порядокъ и революція. Изд. 2-е «Научно-образовательной библіотеки». Москва. 1898. Ц. 50 к.

Гринъ. Краткая исторія англійскаго народа. Вып. II. Изд. «Научно-образоват. библіотеки». Москва. 1898 г. Ц. 50 к.

Гётчинсонъ. Вымершія чудовища. Вып. II и III. Изд. «Научно-образовательной библіотеки». Москва. 1898. Ц. 12 к.

К. Тимирязевъ. Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе. Изд. 4-е Маракуева. Москва. 1898. Ц. 1 р. 50 к.

Библіографическіе матеріалы. Опись книгъ, брошюръ и статей библіотеки сенатора Н. Смирнова. Спб. 1898 г. Ц. 15 р.

П. А. Бадмаевъ. О системѣ врачебной науки Тибета. Вып. I. Спб. 1898. Ц. 1 р. 50 к.

Малый энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона. Вып. I. Спб. 1898 г. Цѣна изданія въ 12 вып. 18 р.

А. Вязигинъ. Очерки изъ исторіи папства въ XI вѣкѣ. Спб. 1898. Ц. 2 р.

В. Ермиловъ. Въ борьбѣ съ рутиной. Изд. Сытина. Москва. 1898. Ц. 1 р. 50 к.

Лансонъ. Исторія французской литературы XVII в. Изд. ред. журн. «Образованіе». Спб. 1899. Ц. 1 р.

Его же. Исторія французской литературы XVIII в. Изд. ред. жу- н. «Образованіе». Спб. 1899. Ц. 1 р.

Данныя о положеніи питейнаго дѣла въ Богородскомъ уѣздѣ Моск. губ. Изд. Моск. губ. земства. Москва. 1898 г.

Н. Каблуковъ. Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи. Изд. маг. «Книжное Дѣло». Москва. 1898 г. Ц. 1 р. 75 к.

Г. де Вариньи. Воздухъ и жизнь. Изд. Фрейфельда. Харьковъ. 1898 г. Ц. 75 к.

Проф. М. Ковалевскій. Развитіе народнаго хозяйства въ Западной Европѣ. Изд. Павленкова. Спб. 1899. Ц. 75 к.

Х. Раппопортъ. Философія исторіи. Изд. Павленкова. Спб. 1899. Ц. 75 к.

Л. Морганъ. Привычка и инстинктъ. Изд. Павленкова. Спб. 1899. Ц. 1 р.

А. Пру и Ж. Балле. Гигіена неврастеника. Изд. Павленкова. Спб. 1899 г. Ц. 60 к.

М. Песковскій. А. В. Суворовъ. Изд. Павленкова «Жизнь замѣчательныхъ людей». Спб. 1899. Ц. 25 к.

Программы домашняго чтенія на 2-й годъ системат. курса. Изд. 2-е. Москва. 1899. Ц. 45 к. безъ пересылки.

Ю. Касиненко. Малороссы во Франціи. Т. I. Лубны. 1898 г. Ц. 80 к.

Д-ръ Е. Дюковъ. За и противъ гомеопатіи. Харьковъ. 1898. Ц. 50 к.

М. Мартыненко. Очерки фельдшеризма. Изд. «Медицинскаго Журнала». Спб. 1898 г. Ц. 30 к.

Отчетъ Общества взаимнаго вспомоществованія учащимъ и учившимъ въ нач. народн. училищахъ Псковск. губ. 1898 г.

Е. Варбъ. Одно изъ нашихъ центральныхъ просвѣтительныхъ учрежденій. (Очерки Румянцевскаго музея). Москва. 1898 г. Ц. 40 к.

А. В. Горбуновъ. Одинъ изъ опытовъ University extension въ Россіи. Отчетъ коммиссіи по организаціи домашняго чтенія за 1897 г. Спб. 1898 г. Ц. 15 к.

Д-ръ М. Шляпниковъ. 2-й всемірно-еврейскій конгрессъ сіонистовъ. Харьковъ. 1898 г. Ц. 15 к.

Русскій астрономическій календарь. 1899 г. Ц. 75 к.

И. Стешенко. Поэзія И. П. Котляревскаго. Къ 100 л. юбилею его «Энеиды». Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина». 1898 г.

Валерій Брюсовъ. О искусствѣ. Москва. 1899 г.

Д. П. Никольскій. Отчетъ о народныхъ чтеніяхъ при Фарфоровскомъ приходскомъ попечительствѣ за 15 лѣтъ. Посвящ. памяти В. П. Варгунина. Спб. 1898 г.

Д. Випперъ. Спеціальная подготовка преподавателя средней школы или поднятіе его положенія. Москва. 1898 г. Ц. 20 к.

Ю. Н. Лавриновичъ. Съѣздъ начальниковъ промышленныхъ училищъ. Спб. 1898 г. Ц. 30 к.

К. Ціолковскій. Самостоятельное горизонтальное движеніе управляемаго аэростата. Одесса. 1898 г.

Седьмой годичный отчетъ Совѣта взаимно-вспомогательнаго общества фельдшеровъ и фельдшерицъ въ Москвѣ за 1897 г. Москва. 1898 г.

Фельдшерскій вопросъ. Изд. газеты «Фельдшеръ». Спб. 1895 г. Ц. 50 к.

Фельдшерскій вопросъ на VII съѣздѣ земскихъ врачей Казанской губ. Фельдшера А. Петрова. Спб. 1897 г.

Краткій отчетъ о дѣятельности Сарапульской частной мужской воскресной школы за 1896 и 1897 гг. Сарапуль. 1899 г.

ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ.

ГДѢ НАСТОЯЩАЯ ФРАНЦІЯ?

По поводу книги—*France*, by John Courtenay Nodley, London 1898.

До послѣднихъ дней Франція не утратила своей, по крайней мѣрѣ, трехвѣковой привилегіи — привлекать вниманіе всего міра не только событіями, но и заурядными фактами и происшествіями. Объясняется это очень просто. Нигдѣ на земномъ шарѣ съ такимъ усердіемъ не поднимаются и не обсуждаются вопросы общечеловѣческаго содержанія, нигдѣ такъ много не говорятъ объ идеяхъ и принципахъ, и нигдѣ эти рѣчи не выходятъ такими красивыми и удобопонятными. Привилегія — завидная, принесшая не мало славы Франціи и существенной пользы міровой публикѣ.

Но именно вопросъ о пользѣ, къ сожалѣнію, не можетъ имѣть одного постояннаго значенія. Онъ мѣняется до безконечности, сообразно съ обстоятельствами, и иной разъ невольно является мысль: было бы гораздо лучше, если бы міръ поменьше занимался Франціей и не придавалъ слишкомъ общаго смысла ея практической и всякой другой жизни. Иначе впечатлѣніе и выводы получаются совершенно неосновательныя и ни въ какомъ случаѣ не желательныя. Именно въ такомъ положеніи находится въ настоящее время одно изъ самыхъ существенныхъ явленій европейской культуры. Франція изъ году въ годъ сообщаетъ ему такое освѣщеніе, направляетъ его по такому скользкому и ломкому пути, что обобщать фактъ—значитъ рѣшительно отчаяться въ одномъ изъ самыхъ трудныхъ культурныхъ и политическихъ завоеваній Запада.

Мы говоримъ о парламентскомъ строѣ.

Ни для кого не тайно, что за все время третьей республики французскій парламентъ дѣйствуетъ далеко неудовлетворительно. Повидимому, онъ обставленъ всѣми условіями для самаго блестящаго развитія; всеобщая подача голосовъ, неограниченный доступъ къ политической дѣятельности для талантовъ всякаго званія и состоянія, безпрекословная власть народнаго представительства во внѣшней и внутренней политикѣ... Чего бы, кажется, больше для торжества настоящей свободной, просвѣщенной демократіи? Въ дѣйствительности — самые нелѣпые результаты.

Прежде всего парламентъ съ самаго начала не стяжалъ сочувствія самыхъ образованныхъ и интеллигентныхъ французовъ.

И это отрицательное отношеніе не только не разсѣялось, но даже съ теченіемъ времени усилилось. Нигдѣ литература и наука съ такимъ постоянствомъ не нападаетъ на парламентскій режимъ, какъ во Франціи, нигдѣ среди высшей интеллигенціи нѣтъ такого количества индифферентовъ и нигдѣ холодные историки и критики съ такой готовностью не превращаются въ памфлетистовъ, лишь только коснется дѣло демократіи, всеобщей подачи голосовъ, вообще республиканской конституціи.

Les misères parlementaires. Парламентскія пошлости—вотъ обычный отзывъ французскихъ первостепенныхъ талантовъ о народномъ представительствѣ. И книжный рынокъ Парижа предлагаетъ любознательности міровой публики романы съ краснорѣчивыми заглавіями—*Les valets*, *Les mediocres*,—и эти «лакеи» и «посредственности» —никто иные, какъ депутаты, избранники свободной и полноправной демократіи. Предъ нами—самая удручающая галлерея, и для нея нѣтъ лучшей характеристики, чѣмъ старинное восклицаніе Фигаро по адресу выродковъ стараго монархическаго строя: médiocre et rampant et l'on arive â tout, т.-е. надо быть посредственностью и пресмыкаться и достигнешь всего. Одно съ другимъ неразрывно связано: только посредственность можетъ пресмыкаться, а это необходимо: самодержавная демократія любитъ лесть и ухаживанья. Попасть въ парламентъ—значитъ пройдти многія игольныя уши и узкія ворота. Естественно,—въ результатѣ подбирается собраніе лишенное истиннаго гражданскаго мужества и совершенно чуждое высокимъ политическимъ стремленіямъ. Такого взгляда держатся всѣ «интеллигенты». Они упорно уклоняются отъ чести—представлять націю и презрительно пожимаютъ плечами въ отвѣтъ на предложенія министровъ и избирателей. Если они снисходятъ до объясненія причинъ своего презрѣнія,—убѣдительность является поразительная.

По мѣрѣ того какъ демократія старѣетъ, роль принциповъ и безкорыстныхъ идей все болѣе суживается. На сцену выступаютъ очень сложные партійные и личные интересы, борьба обостряется, возникаетъ необходимость—вступать въ компромиссы, идти на взаимныя уступки, политика *маневровъ* постепенно вытѣсняетъ политику идей и отъ государственныхъ людей требуется не столько государственное мышленіе, сколько искусство справиться съ случайными людьми и обстоятельствами. Политика становится яркимъ ремесломъ и очень спеціальнымъ. Можно быть первостепеннымъ мыслителемъ, ученымъ, писателемъ и оказаться совершенно безпомощнымъ на парламентской аренѣ, съ перваго же шага запутаться въ мелкихъ интригахъ, въ едва уловимыхъ сѣтяхъ и окончательно потерять голову.

Все это отлично сознаютъ высшіе интеллекты Франціи и предпочитаютъ быть управляемыми, чѣмъ управлять, — по крайней мѣрѣ спокойнѣе и для самолюбія меньше риска.

Но такъ разсуждаютъ не одни мыслители и ученые. Отъ парламента бѣгутъ даже призванные, повидимому, политики. Они, вкусивъ ораторской славы, рады сбросить бремя и предаться пріятнымъ воспоминаніямъ. Таковы, напримѣръ, чувства Клемансо, выброшеннаго обстоятельствами за бортъ политическаго корабля.

Друзья поспѣшили было заявить соболѣзнованіе и вызвать надежды у отставнаго jeune premier палаты,—Клемансо энергически отклонилъ дружескія изліянія. Онъ счастливъ, переставъ произносить рѣчи. Не принадлежать ни къ какой парламентской партіи—да это высшее блаженство. «Стать самимъ собой, когда захочется взяться за перо и сказать себѣ: вотъ какъ я думаю объ этомъ предметѣ и объ этомъ человѣкѣ,—и ничто въ мірѣ не помѣшаетъ мнѣ напечатать свое мнѣніе». Напечатать только потому, что это считаешь истиной и правдой.

Ничего подобнаго невозможно въ званіи депутата, — и даже для Клемансо, вождя партіи, общепризнаннаго перваго современнаго оратора. Что же должны чувствовать менѣе счастливые и сильные: или невыносимое, обидное рабство, или разъ навсегда покончить съ своимъ личнымъ достоинствомъ и своей нравственной свободой.

Наконецъ,—единомышленницей мудрецовъ и блестящихъ ораторовъ оказывается, повидимому, вся нація, во всякомъ случаѣ ея самая здравомыслящая и дѣятельная часть. Этотъ фактъ утверждаютъ единодушно и французы и иностранцы, добросовѣстно изучавшіе психологію французской демократіи.

Англичанинъ, напримѣръ, подробно разсказываетъ свои впечатлѣнія во время парламентскихъ выборовъ во Франціи. Дѣло происходило въ одномъ изъ южныхъ городовъ. За голоса избирателей ожесточенно боролись два кандидата и выборъ представлялся крайне затруднительнымъ: оба заявляли себя отчаянными сторонниками всяческихъ свободъ и даже принадлежали къ одной и той же масонской ложѣ. Споръ выходилъ бурнымъ и казался безвыходнымъ. Англичанинъ не дождался конца и оставилъ кафе—арену состязаній. Дорога привела его въ совершенно другой міръ.

Это былъ скромный, но чрезвычайно уютный домикъ. Хозяинъ—ремесленникъ, вполнѣ обезпеченной работой. Отъ всей обстановки и отъ самихъ обитателей вѣяло невозмутимымъ миромъ и довольствомъ. Англичанинъ съ первой минуты почувствовалъ, что предъ нимъ виновники истиннаго благоденствія и истинной славы Франціи, идеальное царство—труда, любви къ родинѣ, семейныхъ добродѣтелей, порядка, земледѣльческой культуры, неутомимой заботливости женщинъ о семьѣ. На иностранца повѣяло воздухомъ старой латинской цивилизаціи, столь необычнымъ среди высшихъ сословій Франціи.

Онъ, разумѣется, поинтересовался узнать, что думаетъ хозяинъ дома на счетъ выборовъ? «Я не занимаюсь политикой», отвѣтилъ тотъ. Изъ дальнѣйшаго разговора выяснилось, что этого сорта граждане легко примиряются со всякимъ режимомъ, лишь бы онъ позволялъ имъ мирно заниматься своими дѣлами. Политика, по ихъ мнѣнію, не должна привлекать людей солидныхъ и трудолюбивыхъ.

Англичанинъ пришелъ въ умиленіе: вотъ настоящая Франція, сказалъ онъ себѣ, а не та, что шумитъ въ кафе и безтолково рѣшаетъ неразрѣшимую для нея задачу — управлять судьбами отечества.

За много лѣтъ до англичанина къ тѣмъ же выводамъ пришелъ Тэнъ. Онъ четыре раза исколесилъ страну изъ конца въ конецъ, совершилъ множество мелкихъ путешествій, бесѣдовалъ съ

рабочими и съ крестьянами, жилъ по цѣлымъ мѣсяцамъ въ деревняхъ, и всюду встрѣчалъ одни и тѣ же чувства и мысли. Большинство населенія владѣютъ земельной собственностью, у многихъ имѣются процентныя бумаги, комфортъ ихъ постепенно увеличивается и они серьезно заняты вопросомъ экономическаго преуспѣянія. У нихъ уже не можетъ быть кучи дѣтей, что совершенно безсмысленно: крестьянинъ-отецъ мечтаетъ сдѣлать изъ своего сына обезпеченнаго собственника, а то и monsieur. Они любятъ копить сбереженія и о всякомъ режимѣ судятъ исключительно съ точки зрѣнія уменьшенія или увеличенія фамильнаго достоянія. Они, напримѣръ, въ плебисцитѣ высказались за имперію, по очень простой причинѣ: въ теченіе двадцати лѣтъ императорскаго режима они продаютъ свои продукты вдвое дороже *). Больше ничего и не надо и рѣшительно все равно, объявятъ ли въ Парижѣ республику или диктатуру. Именно эту Францію Тэнъ считаетъ настоящей—*la France veritable*.

Она, очевидно, совсѣмъ не заинтересована въ высшей конституціонной политикѣ. Вниманіе ея могутъ привлечь вопросы исключительно экономическаго содержанія, вопросъ о налогахъ, пошлинахъ, всякаго рода повинностяхъ. А вся парламентская борьба, игра въ министерства, группы и партіи—для нея праздная и тунеядная забава особой породы людей, менѣе всего почтенной и полезной.

Если теперь вы обратитесь за разрѣшеніемъ задачи къ ближайшимъ очевидцамъ и участникамъ дѣла, вы получите тотъ же отвѣтъ и въ очень сильной формѣ. Вамъ со всѣми подробностями объяснятъ, какъ создаются въ современной Франціи государственные люди, т.-е. представители народа и у васъ уже ни малѣйшихъ основаній сомнѣваться въ проницательности Тэна и англичанина. Только въ странѣ безусловно неполитической возможенъ такой порядокъ вещей и только при полномъ и предвамѣренномъ равнодушіи націи къ парламенту могутъ процвѣтать такіе нравы.

Все дѣло находится въ рукахъ кучки спеціалистовъ, мастеровъ избирательнаго искусства. Они составляютъ списки избирателей, по произволу мѣняя на бумагѣ мѣста ихъ жительства, вписывая покойниковъ, вычеркивая живыхъ и снабжая гражданскими правами лицъ, безправныхъ по суду. Это первый маневръ. Дальнѣйшіе столь же призрачны, но не менѣе дѣйствительны. Кандидатъ въ депутаты начинаетъ выпускать газету, исключительно на время выборовъ. Всѣ номера очень искусно направлены къ одной цѣли: подъ всевозможными соусами и съ особенно пикантнымъ вкусомъ подать избирателю намѣченное имя. Передовая статья, хроника, фельетонъ—вездѣ царство одного и того же господина, признаннаго благодѣтеля края. Но рядомъ съ нимъ появляется другое лицо. Это не кандидатъ, а такъ называемый *шампиньонъ*, все его назначеніе въ томъ, чтобы отвлечь нѣсколько голосовъ отъ настоящаго, но почему-либо непріятнаго кандидата.

На помощь газеты являются ораторы, спеціально выдрессировавшіе себя для выборныхъ агитацій. Ихъ услуги принадлежатъ

---

*) Taine. *L'opinion en Allemagne et les conditions de la paix. Essais de critique et d'histoire.* Paris 1882.

всякому желающему. Ораторъ даже не живетъ въ данномъ округѣ: онъ путешествуетъ по всей странѣ, будто гастролирующій артистъ. Но это не мѣшаетъ ему вездѣ и за кого угодно бросаться въ свалку съ неудержимымъ азартомъ и пускать въ ходъ какія угодно средства.

Англичанинъ разсказываетъ, что въ его присутствіи одинъ изъ кандидатовъ былъ обвиненъ противной партіей въ братоубійствѣ. Несчастный кандидатъ клялся всѣми святыми, что у него никогда даже и не было брата. Обвинители не вѣрили и требовали доказательствъ. Но доказать, что у человѣка никогда не было брата, дѣло хитрое и въ теченіе всей избирательной кампаніи оратора неизмѣнно прерывали криками: «Поговорите намъ лучше о братѣ! Онъ жилъ бы до сихъ поръ, если бы не вы!..»

И это не исключительный фактъ. Клевета — самый обычный пріемъ политической борьбы во Франціи. Президентъ Форъ испыталъ ея прелести при самомъ вступленіи на свой постъ, испытываютъ ихъ и другіе. Полный просторъ клеветѣ при самомъ зарожденіи будущаго государственнаго мужа. Памфлеты, афиши, оскорбительные крики на публичныхъ собраніяхъ бурей проносятся надъ головой кандидатовъ въ депутаты. Устраиваются особые миттинги, съ цѣлью порицанія, оправданія или распространенія пущеннаго слуха. Температура ораторовъ и публики на этихъ миттингахъ достигаетъ чуть не точки кипѣнія. Первобытные инстинкты, столь свойственные всякой толпѣ, овладѣваютъ даже людьми, при обычныхъ условіяхъ сдержанными и благоразумными. Они, въ отвѣтъ на нападки и обвиненія, сами принимаются чѣмъ попало громить врага, не щадятъ личной и семейной чести, не оставляютъ въ покоѣ мертвецовъ, сыплютъ самой откровенной бранью, выносятъ ее за предѣлы собранія и расклеиваютъ на уличныхъ столбахъ.

Не бываетъ недостатка и въ физическихъ рѣшеніяхъ споровъ, въ обращеніяхъ за помощью къ полицейской и военной власти. Однимъ словомъ, страна впадаетъ будто въ пароксизмъ лихорадки, весьма похожій на временное умопомѣшательство и легко представить, съ какимъ чувствомъ собственнаго достоинства и въ блескѣ какого общественнаго почета избранники націи являются въ парламентъ и вооружаются мудростью законодателей!

Мы говоримъ—страна, избранники націи, не всуе ли произносятся эти слова, когда рѣчь идетъ о герояхъ подобной политики? Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ они вполнѣ заслуживаютъ аристократическаго презрѣнія ученыхъ и пренебрежительнаго равнодушія здравомыслящаго народа? Отвѣтъ внѣ сомнѣнія для англичанина и французскихъ интеллигентовъ. Всѣ они смотрятъ приблизительно въ одну сторону, далеко за предѣлы современной республики, вплоть до классической эпохи Людовика XIV.

Это не новость. Французскихъ академистовъ во снѣ и на яву преслѣдуетъ неотразимый образъ августѣйшаго мецената, все равно будь это прирожденный монархъ бурбонскаго поколѣнія или «коронованный солдатъ». Вольтеръ въ своихъ мечтахъ о просвѣщенномъ деспотѣ, о государѣ-философѣ, повидимому, навсегда предвосхитилъ національный политическій идеалъ французскихъ

высшихъ умовъ. И мы безпрестанно слышимъ то совсѣмъ откровенныя, то кое-какъ вуалированныя хвалы доброму старому времени. Тэнъ пропѣлъ совершенно искренній и чрезвычайно громкій гимнъ старому режиму со всѣми его историческими красотами, даже съ аристократическими привилегіями и всякаго рода общественными неравенствами. Ужъ очень спокойно жилось при такомъ порядкѣ! Каждый сверчокъ зналъ свой шестокъ: и какой-нибудь мѣщанинъ не лѣзъ въ господа, и мужикъ не мечталъ сдѣлаться владѣтелемъ замка. У каждаго было свое заранѣе опредѣленное мѣсто на общественной лѣстницѣ и это именно, по соображеніямъ историка, создавало удивительную ясность духа у подданныхъ старой монархіи, и они безъ перерыва распѣвали пѣсни и разсказывали анекдоты *). Такъ въ теченіе вѣковъ и оставалась бы Франція обѣтованной землей, если бы не революція.

Она и есть источникъ всѣхъ бѣдствій. За ея исторіей лежитъ настоящая Франція—покорная, разбитая на соціальныя клѣтки, мѣщански-ограниченная.

Такъ склоненъ думать и англичанинъ. Онъ не считаетъ революцію прогрессивнымъ явленіемъ. Всѣми достоинствами, какія имѣются во французскомъ характерѣ и во французской культурѣ, нація обязана прошлому, старымъ преданіямъ, расовой наслѣдственности. Въ эти достоинства отнюдь не входитъ современное политиканство. Они ограничиваются строгой семейной нравственностью, изумительной бережливостью, аккуратностью, мелочной методичностью во всѣхъ дѣйствіяхъ и высшей практической выдержанностью. Личность, обладающая этими добродѣтелями—полный контрастъ парламентскому политику—вертлявому, непосѣдливому, вѣкъ перебѣгающему отъ одного министерства къ другому, безпрестанно мѣняющему положеніе министра на званіе простого депутата или просто адвоката и вѣчнаго политикана.

Естественно, англичанинъ не меньше Тэна восхищается государственнымъ умомъ Наполеона, умѣвшаго до послѣдней степени съузить предѣлы политическихъ интересовъ для своихъ подданныхъ и требовавшаго отъ нихъ именно только расовыхъ доблестей—аккуратности и муравьинаго трудолюбія.

И онъ, говорятъ намъ, былъ правъ. Это и есть настоящій идеалъ всякаго солиднаго француза. Онъ по природѣ матеріалистъ и идеально трезвый практикъ: недаромъ влюбленность французскаго крестьянина въ свою земельную собственность давно вошла въ пословицу. Зачѣмъ ему какія-то общечеловѣческія идеи, принципы высшей политики, вопросы о разныхъ формахъ правленія? Для него неизмѣримо интереснѣе смѣна погоды въ его мѣстности, чѣмъ какія угодно головокружительныя комбинаціи государственныхъ умовъ.

И онъ систематически уклоняется отъ своего гражданскаго долга. Его политическій индифферентизмъ не менѣе глубокъ и не излѣчимъ, чѣмъ у его ученыхъ соотечественниковъ, хотя и по разнымъ причинамъ. Тѣ презираютъ политиковъ, потому что убѣждены въ ихъ посредственности и своекорыстныхъ цѣляхъ,—а народъ просто не интересуется парламентскими партіями, какъ совершенно ненужными ему въ его обыденныхъ дѣлахъ.

---

*) Taine. *Le régime moderne*. I, 258—9, 311—8.

Но тотъ же народъ врядъ ли согласился бы вычеркнуть изъ отечественной исторіи революцію. Давно замѣчено—отвращеніе къ старому режиму единственное безусловно реальное чувство французскаго крестьянина и мелкаго собственника. Токвиль утверждаетъ,—именно это чувство пережило всѣ революціи и всѣ политическія формы. Съ Токвилемъ были согласны даже искренніе поклонники бурбонской монархіи, въ родѣ Малле-дю-Пона, жесточайшаго гонителя революціоннаго движенія. Надо, слѣдовательно, думать, что переносить Францію по ту сторону великой революціи по крайней мѣрѣ неосновательно. Она никоимъ образомъ не согласилась бы снова впречься въ колесницу феодализма и отказаться отъ безусловнаго соціальнаго и политическаго равенства.

И все таки она не Франція республики, это слишкомъ очевидно, и даже всеобщая подача голосовъ для нея благо довольно безразличное. Съ другой стороны, парламентъ въ его современной исторіи—учрежденіе явно нецѣлесообразное. Фактъ признаютъ сами политики и притомъ несомнѣнно либеральнаго направленія.

Достаточно познакомиться съ содержаніемъ парламентскихъ преній, съ результатами сессій, чтобы убѣдиться въ практической безплодности политическихъ схватокъ. Цѣлыми годами остаются безъ движенія настоятельнѣйшія экономическія и соціальныя реформы, и десятки засѣданій тратятся на запросы по внѣшней политикѣ, по поводу разныхъ инцидентовъ, по случаю партійныхъ счетовъ, и такъ-называемые «большіе дни» парламента знаменуются потокомъ совершенно безцѣльнаго краснорѣчія, запальчивыми дебатами о формулахъ перехода къ очереднымъ дѣламъ и особенно о довѣріи или недовѣріи министерству.

Но пусть хотя бы эти вопросы рѣшались по какому-нибудь опредѣленному плану, группировали депутатовъ въ болѣе или менѣе устойчивое большинство. Ничего подобнаго. Ни одно министерство не можетъ поручиться за свою участь даже на пространствѣ одного засѣданія, т. е. нѣсколькихъ часовъ. Сегодня, положимъ, министерство получило радикальное большинство, но это не значитъ, будто такое большинство существуетъ въ палатѣ: на слѣдующій день радикалы могутъ соединиться съ реакціонными группами и низвергнуть министерство за умѣренность. И власть безпрестанно переходитъ отъ радикаловъ къ умѣреннымъ и наоборотъ,—а реформы остаются безъ движенія въ портфеляхъ министровъ. Все это калифы на часъ и вся ихъ энергія и искусство сполна поглощается «маневрами», т. е. текущими изворотами между партіями. Правительственная политика сводится съ перваго дня до послѣдняго къ отраженію крупныхъ и мелкихъ натисковъ, рѣже всего принципіальнаго характера.

Можно ли при такихъ условіяхъ уважать парламентъ и считать политику дѣломъ серьезнымъ? И сами политики заявляютъ, что равнодушіе и усталость растутъ со дня на день и что все грознѣе выдвигается вопросъ о будущемъ свободы. И это послѣ столькихъ революцій и жертвъ! Десятилѣтіе существуетъ всеобщая подача голосовъ, и между тѣмъ ни одинъ депутатъ не рѣшится утверждать, что парламентское большинство, по своимъ цѣлямъ и дѣятельности, представляетъ большинство націи; парламентъ, слѣдовательно, остается внѣшнимъ учрежденіемъ въ странѣ. Фактъ по истинѣ отчаянный! И онъ остается внѣ сомнѣнія.

Какъ же помочь горю и въ чемъ корень недуга?

Въ отвѣтъ *политики* предлагаютъ обычныя средства, вотъ уже въ теченіе столѣтія практикующіяся во Франціи на всѣ лады. Необходима избирательная реформа. Это значитъ надо прежде всего сдѣлать избирательскій вотумъ обязательнымъ. Какая злая насмѣшка надъ самодержавной демократіей! Ее приходится *принуждать* пользоваться политическими правами, тащить честью къ избирательной урнѣ. И это говорится вполнѣ серьезно! Другая мѣра—частичное возобновленіе палаты. Оно примѣнялось при реставраціи; но нисколько не способствовала совершенствованію парламентаризма. Да и какая разница выбирать палату цѣликомъ или по частямъ, ежегодно или чрезъ нѣсколько лѣтъ, если граждане не желаютъ участвовать въ выборахъ и предоставляютъ поле дѣйствія интриганамъ и выскочкамъ?

Это одно. А потомъ, въ самомъ парламентѣ республика до сихъ поръ не успѣла выработать крупныхъ партій. Депутаты распадаются на группы—это значитъ, весьма слабо примыкаютъ къ какимъ-либо принципамъ и общимъ идеямъ. Группа—это личная свита какого-нибудь отдѣльнаго искуснаго политика, его штабъ. Только большія партіи могутъ съ извѣстнымъ постоянствомъ представлять идейные интересы и властно проводить ихъ, а мелкія фракціи по неволѣ должны примыкать къ той или другой вліятельной личности и поддерживать свое существованіе сдѣлками съ частными стремленіями вождей. Очевидно, при такихъ условіяхъ большинство—нѣчто совершенно случайное и крайне измѣнчивое, потому что оно всякій разъ можетъ составиться изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ. Такъ это и происходитъ во французской палатѣ, и министры ежечасно должны считаться съ неожиданными перетасовками группъ и изъ-за вотума довѣрія пускать въ ходъ хитрѣйшіе маневры...

Такой парламентъ, дѣйствительно, явленіе тунеядное и его не преобразуетъ никакая избирательная реформа. Корень зла, очевидно, гораздо глубже, въ самомъ французскомъ народѣ. Французы нація не парламентская—таково естественное заключеніе изъ существующихъ фактовъ. Англичанинъ согласенъ съ нимъ и немедленно рекомендуетъ французамъ покончить съ парламентомъ, какъ учрежденіемъ заимствованнымъ, чужеземнымъ. Рекомендація, безъ сомнѣнія, слишкомъ скоропалительная, но вопросъ не становится проще. Поиски за «настоящей Франціей» рано или поздно должны стать жгучимъ, неотвратимымъ интересомъ настоящаго и будущаго. Мы думаемъ, ихъ слѣдуетъ вести историческимъ путемъ, какъ всякое изслѣдованіе національной психологіи и народныхъ идеаловъ. Англичанину не пришла эта мысль, а между тѣмъ ничего нѣтъ поучительнѣе, какъ именно историческіе корни и первые шаги французскаго парламентаризма. Рѣдко когда отдаленное прошлое столь ярко и непогрѣшимо свидѣтельствовало о будущемъ и преданія такъ гармонично совпадали съ современностью!

II.

Какъ возникла во Франціи республиканская форма правленія? Отвѣтить можно очень легко: назвать годъ учрежденія третьей

республики и разсказать разныя обстоятельства. Но опредѣленіе—*третьей*—должно подорвать простоту отвѣта: слѣдовательно, замѣтитъ читатель, раньше уже было *двѣ* республики и ихъ замѣнили другія политическія формы. Очевидно, республика вовсе не такой настоятельный строй во Франціи, чтобы разсчитывать на безусловную прочность и третьяго ея появленія. И читатель будетъ вполнѣ правъ: республика менѣе всего органическое созданіе французскаго національнаго духа. Это фактъ громаднаго значенія: онъ бросаетъ истинный свѣтъ и на французскій парламентаризмъ.

Слово республика, какъ чрезвычайно чарующій звукъ, раздалось во Франціи очень давно,—немедленно по смерти Людовика XIV. Король, умѣвшій казаться великимъ, обходился со всѣми учрежденіями своего государства въ высшей степени безцеремонно, и особенно съ парламентомъ. Ему стóило появиться среди краснорѣчивыхъ гражданъ въ охотничьихъ сапогахъ и съ хлыстомъ въ рукѣ, чтобы привести къ порядку самые свободолюбивые умы. И Людовикъ производилъ съ полнымъ успѣхомъ подобные опыты. Онъ не забылъ ихъ, сочиняя наставленія для своего наслѣдника и увѣщевая его считать парламентъ сборищемъ людей трусливыхъ и ничтожныхъ.

И вотъ это самое сборище, по смерти своего владыки, вдругъ вообразило себя чуть не римскимъ сенатомъ. Воображеніе, конечно, было внушено обстоятельствами. Регентъ Филиппъ Орлеанскій обратился къ парламенту съ предложеніемъ измѣнить завѣщаніе покойнаго короля въ желательномъ смыслѣ—и парламентъ воспользовался случаемъ. Съ тѣхъ поръ въ его средѣ появляются Цицероны и Демосѳены,—такъ публично именуются особенно краснорѣчивые декламаторы. По желанію герцога Орлеанскаго, они лишили всѣхъ правъ, какими Людовикъ XIV одарилъ своихъ незаконныхъ сыновей, и вообразили, что послѣ этого они сами пріобрѣли исключительныя политическія полномочія. Открылся рядъ эффектныхъ сценъ: парламентъ услышалъ чрезвычайно смѣлыя рѣчи, и особенно отважныхъ смѣльчаковъ парижская толпа даже на улицахъ привѣтствовала криками и аплодисментами. Они такое отношеніе публики считаютъ «особенно славнымъ и лестнымъ» и, конечно, стараются поощрять его. Они признаютъ себя «отчасти республиканцами». Въ дѣтствѣ они читали греческихъ и римскихъ авторовъ, теперь настало время ставить живыя картины на мотивы школьныхъ воспоминаній. Въ учебныхъ заведеніяхъ также нашлись «отчасти республиканцы». Они восхваляли ученикамъ доблести древнихъ законодателей и героевъ, имена Брута, Ликурга и даже легендарнаго Миноса звучали необычайно интересно, и подготовляли классическіе спектакли позднѣйшихъ революціонныхъ собраній.

И все-таки ни рѣчи, ни аплодисменты, ни учебники не свидѣтельствовали о республиканскихъ стремленіяхъ всѣхъ этихъ ораторовъ и еще менѣе—націи. Они не представляли пока ни малѣйшей опасности для королевской власти. Это могъ понять всякій хладнокровный наблюдатель. Принцы королевскаго дома аплодировали въ театрѣ республиканскимъ рѣчамъ античныхъ героевъ, привѣтствовали, напримѣръ, такое восклицаніе вольтеровскаго римскаго гражданина: «Я сынъ Брута, въ моемъ сердцѣ запечатлѣна свобода и отвращеніе къ королямъ». Но вѣдь не выте-

кало же изъ этихъ привѣтствій дѣйствительное намѣреніе какого-нибудь герцога Шатрскаго или графа Артуа низложить Людовика XVI и объявить Францію республикой на образецъ древняго Рима.

То же самое справедливо и относительно самихъ поэтовъ, украшавшихъ свои произведенія цицероновскими цвѣтами. Тотъ же Вольтеръ пришелъ бы въ ужасъ при одной мысли быть гражданиномъ французской республики, онъ, воспѣвшій Генриха IV, не перестававшій всю жизнь мечтать о Маркѣ Авреліи или Цезарѣ!

Вотъ именно въ Генрихѣ IV и заключаются истинныя идеальныя чувства нашихъ республиканцевъ. Они восторгаются Брутомъ и Ликургомъ только ради оппозиціи и немедленно готовы крикнуть *vive le roi* съ самымъ непосредственнымъ восторгомъ, лишь только имъ почудятся въ королѣ достоинства Генриха. Такъ они и поступаютъ при восшествіи на престолъ Людовика XVI.

На памятникѣ Генриха они начертываютъ надпись: *воскресъ!* Каждое слово и распоряженіе новаго государя они толкуютъ, какъ очевидныя отраженія мудрости и любвеобильнаго сердца его предка. Они готовы забыть весь классическій блескъ Цицерона и Демосѳена ради министра Тюрго, столь похожаго на Сюлли— министра Генриха IV, и опять-таки Вольтеръ будетъ просить облобызать руки министра, друга и защитника народа.

Это истинные, прирожденные монархисты. Ихъ трагедія—не болѣе какъ пышная декорація и громкая реторика. Ихъ парламентскія рѣчи въ сильнѣйшей степени разсчитаны на впечатлительность толпы. Здѣсь нѣтъ дѣйствительно гражданскаго, свободно и глубоко протестующаго міра. Парламентскіе Демосѳены, смотря по обстоятельствамъ, то являли изъ себя неограниченно отважныхъ теоретиковъ, то трусливыхъ подданныхъ. Стóило королю устроить такъ-называемые lit de justice, т. е. лично явиться въ парламентъ, и республиканская температура немедленно падала до точки замерзанія. Гражданскія изліянія замолкали и монарху, и его совѣтникамъ открывался полный просторъ управлять по-своему усмотрѣнію «добрымъ французскимъ народомъ». Не слѣдовало, конечно, злоупотреблять этимъ правомъ и все-таки стараться сколько-нибудь уподобить современную дѣйствительность задачамъ и духу правленія «добраго короля Генриха IV», но можно было вполнѣ не опасаться грозы и землетрясенія изъ нѣдръ парижскаго парламента.

То же самое и «добрый городъ Парижъ». На улицѣ онъ рукоплещетъ Демосфенамъ и въ то же время пристально интересуется всякой мелочью изъ жизни своего короля. Людовику XV—даже ему!—онъ даетъ наименованіе *Возлюбленнаго* и не знаетъ какъ быть съ памятникомъ этому удивительному государю, гдѣ: на какой площади, его воздвигнуть. Вполнѣ надежный свидѣтель тоски чувствительно подданныхъ парижанъ пишетъ: «для Людовика Возлюбленнаго весь Парижъ превращается въ архитектора».

Эти чувства переживаютъ всѣ вопіющіе скандалы Версальскаго дворца, г-жи Помпадуръ, Дюбарри и вспыхиваютъ яркимъ блескомъ наканунѣ самой революціи. Страна призвана представить правительству свои соображенія на счетъ безнадежнаго положенія королевства,—она прежде всего спѣшитъ увѣнчать чувствами благодарности своего короля, проектируетъ монументъ

Людовику XVI, возстановителю свободы и правъ націи, и даже на развалинахъ Бастиліи. До такой степени искренняя и простодушна вѣра народа въ доброе сердце своего государя! Теперь уже окончательно царствующій монархъ отождествляется съ Генрихомъ IV, оба они рядомъ живутъ въ сердцахъ французовъ, и на потомка сыплются самые лестные эпитеты: имъ нація желаетъ придать значеніе оффиціальныхъ прозвищъ—*Благодѣтель*, *Отецъ отечества*, *Соревнователь Карла Великаго*... Сами виновники свои манифестаціи называютъ *праздникомъ чувства* и болѣе подходящее названіе трудно придумать: такъ шумны и единодушны вѣрноподданнѣйшія увѣренія и крики!

Всего за два-три мѣсяца до собранія генеральныхъ штатовъ Парижъ продолжаетъ торжествовать тотъ же праздникъ, въ театрахъ подчеркивать восторгами всякій монархическій стихъ и начинаетъ революцію, оставаясь искреннимъ почитателемъ Генриха IV и его преемника. Революція быстро растетъ, колеблетъ и рушитъ вѣковыя основы общественнаго строя, но она долго не смѣетъ прикоснуться къ трону. Самымъ отважнымъ теоретикамъ не приходитъ мысль устранить монархическую власть. Они твердо помнятъ, что даже Руссо, республиканецъ въ Женевѣ, во Франціи былъ монархистомъ; Лафайэтъ, воставшій за американскую свободу, вернулся на родину подданнымъ, короля и самъ Камиллъ Демулэнъ въ моментъ созванія генеральныхъ штатовъ сочинилъ оду въ честь Людовика XVI.

И въ началѣ революціи совсѣмъ нѣтъ республиканской партіи. Революціонное собраніе издаетъ *Декларацію правъ*, народную волю объявляетъ источникомъ всякой власти, но и для него вопросъ о французской монархіи не подлежитъ сомнѣнію, и уже послѣ разрушенія Бастиліи онъ объявляетъ французское правительство монархическимъ, хотя и подчиненнымъ закону. Одновременно съ трибуны произносится рѣчь, объявляющая всякое стремленіе превратить монархію въ республику—смѣшнымъ. Республика соотвѣтствуетъ только небольшимъ государствамъ, кромѣ того французы искони вѣковъ преданы монархіи, своимъ августѣйшимъ монархамъ. Это преданіе священно и неприкосновенно. И дальше слѣдовалъ настоящій гимнъ государю—возстановителю французской свободы, утѣшителю всѣхъ униженныхъ и оскорбленныхъ. Одного слова, одного только слова, звучащаго волшебнымъ очарованіемъ, говорилъ ораторъ, одного отеческаго имени короля достаточно, чтобы вдохнуть въ подданныхъ надежду.

Собраніе не только одобрило рѣчь, но распорядилось напечатать ее къ свѣдѣнію и къ поученію всей Франціи.

И даже Маратъ не могъ бы протестовать противъ смысла этихъ положеній. Въ началѣ революціи онъ составляетъ планъ конституціи и во главѣ ставитъ послѣдственную монархію. Впослѣдствіи клубъ якобинцевъ, съ Робеспьеромъ во главѣ, не признаетъ республиканскихъ идей, и по очень основательной причинѣ: Робеспьеръ не вѣритъ въ достаточное умственное развитіе даже парижской демократіи, чтобы можно было ждать отъ нея республиканской добродѣтели и мудрости. А Маратъ, превосходно изучившій парижскія предмѣстья, увѣренъ въ ихъ монархизмѣ

Онъ упорно стоитъ за ограниченную монархію и даже непрочь помириться на Людовикѣ XVI. Его крайній демократизмъ, без-

пощадная ненависть къ аристократамъ и привилегированнымъ очень далеки отъ республиканскихъ мечтаній, и никогда не дойдутъ до нихъ. Если бы на французскомъ тронѣ явился король-демократъ, дѣйствительный отецъ своихъ подданныхъ,—Маратъ явился бы однимъ изъ самыхъ преданныхъ подданныхъ. Таковъ по крайней мѣрѣ, смыслъ его заявленій. И не одного его, а вообще всѣхъ крайнихъ радикаловъ и демократовъ.

Имъ, конечно, трудно соблюсти мѣру въ своихъ революціонныхъ чувствахъ. Постоянное подчеркиваніе правъ народа, неумолимая критика стараго режима должны неблагопріятно отражаться на авторитетѣ и достоинствѣ королевской власти. Но это невольный размахъ революціонныхъ страстей: въ основѣ ихъ нѣтъ непримѣримой злобы вообще на монархію, и отъ Людовика XVI и его совѣтниковъ зависитъ ввести въ разумные предѣлы революціонный азартъ, сдержать вѣками накипѣвшую обиду демократіи на неправды разрушаемаго порядка и пойти навстрѣчу принципамъ свободы и равенства.

Но король рѣшительно не способенъ на такую мудрость и энергію, и въ этомъ его личное несчастье и главнѣйшая причина гибели французской монархіи. Онъ не въ силахъ считаться съ фактами, идеями и людьми. Ему доступно одно лишь средство—спасаться бѣгствомъ, искать защиты у другихъ, отряхнуть прахъ отъ своей власти и своего королевства ради личной безопасности и спокойствія; нѣтъ недостатка и въ соотвѣтствующихъ совѣтникахъ. Весь этотъ дворъ, совершенно выродившійся нравственно и умственно, можетъ только ненавидѣть, мстить и въ случаѣ пораженія также бѣжать. Понимать, осмысленно бороться и защищаться, ни одинъ человѣкъ не въ состояніи. А между тѣмъ, именно на такого рода людей монархія цѣлыя столѣтія изливала свои щедроты и, слѣдовательно, на нихъ возложила нравственный долгъ спасать монарха и его власть. Но спасители разбѣгаются, какъ вспуганная стая птицъ, предварительно до послѣдней степени озлобивъ націю слѣпымъ презрѣніемъ къ самымъ вопіющимъ требованіямъ справедливости. Въ настоящее время не можетъ быть сомнѣнія въ причинахъ крайняго, якобинскаго направленія революціи. Современники самаго умѣреннаго образа мыслей, безусловные роялисты по убѣжденіямъ, единогласно заявляютъ: «демократія и всѣ ея неистовства были порождены вызывающими притязаніями аристократіи» *).

Эти притязанія натолкнули ту же демократію и на республику.

Впервые о ней начинаютъ говорить въ Парижѣ по поводу неизлѣчимой вражды Людовика XVI и его двора къ новой конституціи. Становится очевиднымъ, что бурбонскаго монарха нельзя приспособить къ свободному образу правленія, а феодальное дворянство никогда не перестанетъ разсчитывать на движеніе вспять. Приходится подумать о новой политической формѣ. Но и теперь эти думы волнуютъ только очень немногихъ. Король, какъ идеальный представитель національнаго государственнаго принципа, остается все еще очень популярнымъ. Демократія негодуетъ на интриги двора, приходитъ въ ужасъ отъ сношеній своего монарха

*) Таково мнѣніе Малле-дю-Пона и Малуэ—*Mémoire* I, 334. Ср. Francois Descortes: *La revolution française vue de l'etranger*. Tours. 1897.

съ иноземными государями, отъ попытокъ королевы и вельможъ заручиться преданностью войскъ противъ народа. Но съ монархіей вовсе не кончено, и радикальные политики не перестаютъ убѣждать Людовика XVI стать гражданиномъ, государемъ народа и публично заявлять, что республика рѣшительно немыслима во Франціи: въ ея населеніи слишкомъ много невѣжества, испорченности. Даже радикалы на этотъ разъ признаютъ положеніе Монтескьё: въ республикѣ жизненнымъ принципомъ должна быть добродѣтель. Гдѣ же ея взять у французовъ XVIII вѣка въ той степени, въ какой она процвѣтала въ Греціи въ Римѣ.

Но король и дворъ ведутъ свою линію. Они замышляютъ союзъ съ иностранными державами противъ новой Франціи. Для демократовъ это значитъ союзъ государей противъ народовъ. Логическій выводъ: и народы должны организоваться въ союзъ противъ государей. Отсюда — одинъ шагъ до идеи о всемірной республикѣ, такъ какъ «заговоръ» Людовика XVI съ другими монархами ничто иное—какъ всемірная монархія.

Теперь у республики возникаетъ нѣчто вродѣ партіи. Пока республиканцевъ очень мало и они еще колеблются въ своихъ сочувствіяхъ. *La monarchie populaire* — народная монархія—все-таки была бы для нихъ лучшимъ исходомъ,—но неотразимая историческая судьба влечетъ несчастнаго Людовика по наклонной плоскости. Онъ рѣшается бѣжать,—и разнуздываетъ окончательно инстикты парижской толпы. Она перестаетъ уважать его личность, утрачиваетъ всякую вѣру въ его отеческія чувства, между королемъ и народомъ разверзается пропасть—и намъ сообщаютъ: «республиканскій духъ перекочевываетъ изъ департамента въ департаментъ». Короля возвращаютъ, но учредительное собраніе признаетъ его неспособнымъ носить санъ монарха, лишаетъ его власти, а парижское населеніе встрѣчаетъ неудачнаго бѣглеца, не обнажая головы.

Но даже и послѣ этихъ событій практическое осуществленіе республики весьма незначительно подвинулось впередъ. Прежде всего Маратъ, преисполненный злобы на Людовика XVI, не переходитъ на сторону республики. Онъ требуетъ диктатуры и согласенъ, чтобы диктаторъ носилъ королевскій титулъ. Не говорятъ о республикѣ Робеспьеръ и Дантонъ, молчатъ о ней якобинскій и другіе радикальные клубы, иногда даже заявляютъ рѣзкое негодованіе противъ республиканскихъ вожделѣній не по разуму усердныхъ энтузіастовъ. Во время процесса Людовика XVI также нѣтъ рѣчи о республиканской формѣ. Напротивъ, — слышатся голоса, безусловно ей враждебныя. Крайніе демократы представляютъ республику, какъ своего рода олигархію, сравниваютъ ее съ журавлемъ въ баснѣ, истребившемъ лягушечье царство. Единственнымъ виднымъ республиканцемъ является Кондорсе, но его соображенія чисто теоритическія и впослѣдствіи были разбиты фактами. Онъ, напримѣръ, ожидалъ, что при республикѣ невозможно деспотическое преобладаніе столицы надъ всей страной, немыслимо появленіе военнаго диктатора... Все это, какъ извѣстно, осуществилось въ ближайшемъ будущемъ — и даже не разъ. И практическій урокъ показалъ, какъ были смутны республиканскія идеи даже у одного изъ первостепенныхъ политическихъ умовъ своего времени.

И республика все-таки была учреждена. Но мы видимъ почему и въ результатѣ какихъ событій. Тронъ Франціи оказался пустымъ. Французскій король возсталъ противъ своего королевства, пытался дезертировать, призвалъ иностранцевъ на родную почву. Правда, — его можно бы замѣнить, — такъ и разсчитывали дѣятели революціи. Но кѣмъ? Ни одинъ принцъ королевскаго дома не внушалъ достаточно довѣрія, думали были достать короля изъ-за границы,—но кто бы рѣшился отправиться царствовать въ революціонную страну! Оставалось примириться съ республикой. Она явиласьза невозможностью создать другую форму правленія,—и немедленно доказала полную свою непригодность на французской почвѣ.

Это—въ высшей степени печальная исторія, можетъ быть самая жалкая изъ всего прошлаго Франціи. Первая республика совсѣмъ не имѣла республиканцевъ. Даже ея признанные и оффиціальные учредители и хранители только и помышляли о переворотахъ — въ цезарскомъ духѣ,—и въ особенности блистательно оправдывали опасенія демократовъ: хватитъ ли у французовъ достаточно добродѣтелей, чтобы съ честью нести бремя гражданской республиканской свободы?

Добродѣтелей не оказалось и въ поминѣ. Каждая республиканская власть стремилась превратиться въ журавля и захватить на свою долю побольше благъ лягушечьяго царства. Такъ называемые «директоры» изображали изъ себя маленькихъ монарховъ, усиливались во-что бы то ни стало отдѣлить себя стѣной отъ своихъ вчерашнихъ равноправныхъ соотечественниковъ; въ каждомъ республиканскомъ представителѣ «исполнительной или законодательной» власти уже сидѣлъ будущій герцогъ и графъ бонапартовской имперіи, — и только ждалъ случаѣ — заявитъ о своемъ существованіи.

Случай скоро представился. Республиканскій спектакль, слишкомъ дурно и бездарно исполняемый, отмѣненъ, античныя декораціи сданы въ кладовую,—и на сцену выступилъ монархъ—сначала въ республиканскомъ мундирѣ, а потомъ и въ императорской мантіи.

Вчерашніе Бруты и Катоны сегодня просто подручные и слуги своего господина. Изъ тринадцати «гражданъ», носившихъ титулъ директора, одинадцать превращаются въ покорнѣйшихъ царедворцевъ и даже изъ среды самого что ни на есть радикальнаго революціоннаго собранія—Конвента—сто-двадцать-одинъ—поступаетъ на службу, преимущественно полицейскую и административную. Будто не существовало никогда *Деклараціи правъ* и соперниковъ Цицерона и Демосѳена. Немногіе съ болѣе развитой совѣстью спѣшатъ стушеваться, исчезнуть безслѣдно и безгласно въ толпѣ новыхъ вѣрноподданныхъ. Они не пишутъ даже мемуаровъ — столь любезныхъ для каждаго отставного французскаго государственнаго мужа, не стараются вообще оставить послѣ себя память, направленіе, школу. Республиканская традиція вдругъ обрывается, становится какой-то доисторической археологіей,—и впослѣдствіи республиканцы должны начать снова свою идеологію. У нихъ будто нѣтъ идейныхъ предковъ,—и они, въ свою очередь, также безъ потомства сойдутъ съ политической сцены предъ лицомъ второго Бонапарта и вообще воспроизведутъ старую исто-

рію со всѣми ея сценическими эффектами и со всѣми ея реальными тѣнями.

Наполеонъ изчезаетъ, водворяется конституціонная свобода, парламентъ, возникаютъ партіи,—вотъ теперь, повидимому, удобный случай опредѣлить національную государственную форму. Сдѣлать это тѣмъ естественнѣе, что воскресшіе Бурбоны попрежнему остаются людьми другой планеты, слѣпыми, упорными, со всѣми наслѣдственными деспотическими замашками и со всѣми родовыми недостатками ума и натуры.

Оппозиція противъ такого правительства—долгъ чести и свободы. Карлъ X, бывшій закулисный герой и игрокъ, теперь выступаетъ въ роли защитника католической церкви и религіи и играетъ эту роль, какъ и подобаетъ артисту-любителю, съ неограниченными вызывающими претензіями и съ самымъ жалкимъ искусствомъ.

Какая благодарная тема для самой жестокой, уничтожающей критики! Здѣсь то и развернуться республиканскимъ чувствамъ и политическимъ талантамъ. Тѣмъ болѣе, что сеньёры повторяютъ съ точностью свою прежнюю младенческую политику, ребромъ ставятъ вопросъ: или все, или ничего, т. е. или старый порядокъ Людовика XIV во всей его неприкосновенности или новая революція. И въ поученіе современникамъ даже припоминается сцена короля солнца въ охотничьихъ сапогахъ и съ хлыстомъ.

Какая находка бороться съ такими политическими противниками! Несчастные сами себѣ роютъ яму и будто панургово стадо стремятся въ пропасть: ихъ даже не надо толкать, достаточно напутствовать достойной истинно-похоронной рѣчью.

Какъ же поступаютъ граждане и республиканцы?

III.

Прежде всего,—республиканцевъ нѣтъ и, по мнѣнію либеральнѣйшаго изъ либераловъ Лафайэтта—и быть не можетъ. Республиканецъ для французскаго народа—синонимъ якобинца и для него нѣтъ выбора между Бурбонами и Бонапартами. Другой радикалъ—очень знаменитый въ свое время—Манюэль выражался еще энергичнѣе: «ничто не даетъ права думать, что республиканская партія существуетъ—все равно въ головахъ ли, совсѣмъ лишенныхъ опытности, или въ головахъ зрѣлыхъ». Правда, настоящее очень неудовлетворительно и вызываетъ глубокое броженіе въ молодыхъ умахъ. Но они далеки отъ республиканскихъ увлеченій. Они будто даже боятся приблизиться, хотя и описываютъ свои мечты въ очень поэтической формѣ. Огюстенъ Тьерри говоритъ, что онъ мечталъ о «какомъ-нибудь правительствѣ»—съ возможно болѣе широкой личной свободой и съ возможно болѣе узкими правами административной власти. Будущій великій историкъ желалъ страстно увидѣть въ своемъ отечествѣ правительство—безупречной нравственной чистоты, стоическое и въ тоже время гуманное. И, оказывается, идеальнымъ представителемъ такого правительства юному мечтателю казался Лафайэттъ.

Демократическій маркизъ, можетъ быть, и готовъ былъ записаться въ граждане республики, какъ вообще онъ не отсталъ бы ни отъ какого передового движенія. Но только его собствен-

ный республиканизмъ выходилъ чрезвычайно смутнымъ и неустойчивымъ. И республиканской партіи онъ давалъ свободное мѣсто—и монархистамъ, все равно какой угодно династіи. Дѣлалъ онъ это на случай, если французская партія пожелаетъ «продлить опытъ съ народными учрежденіями, имѣющими связь съ наслѣдственностью и съ трономъ».

Довольно запутанный символъ политической вѣры! Онъ соотвѣтствуетъ какимъ то темнымъ интригамъ Лафайэтта съ бонапартовской семьей. Несомнѣнно,—интриги клонились къ замѣнѣ Бурбоновъ наполеонидами—и учрежденіями, имѣющими связь съ новой наслѣдственностью.

Къ этой цѣли шелъ вообще французскій радикализмъ. Въ высшей степени любопытное, чисто французское совпаденіе! Какимъ образомъ можно было одновременно провозглашать крайніе революціонные принципы, демократическій строй считать идеаломъ и—видѣть спасеніе въ какомъ-либо Бонапартѣ? И это—не единоличное заблужденіе какого-нибудь сочинителя куплетовъ и пѣсенокъ, въ родѣ Беранже,—это подлинная программа республиканскихъ политиковъ. Какъ они дошли до такой комбинаціи идеи,—откровенно и вполнѣ точно объяснилъ тотъ же Манюэль. Процессъ его мысли слѣдующій.

Принципы и идеи обладаютъ, разумѣется, могуществомъ,—но всякая теорія осуществляется въ дѣйствительности только при помощи матеріальной силы. Но гдѣ же найдти такую силу—какъ не среди бывшихъ слугъ Бонапарта,—солдатъ, офицеровъ, чиновниковъ? Всѣ они недовольны королемъ и конституціей,—и представляютъ готовое орудія для революціи. Кто-нибудь можетъ возразить, что всѣ эти люди очень дешево цѣнять свободу и они при первомъ же случаѣ поднимутъ знамя имперіи и провозгласятъ имя Наполеона II. Пусть! Для насъ—радикаловъ—безразлично, какимъ бы путемъ ни достигнуть цѣли, лишь бы достигнуть.

Въ результатѣ—радикализмъ всецѣло сливается съ бонапартизмомъ. Радикалы являются усерднѣйшими распространителями наполеоновской побѣды, сочиняютъ восторженныя оды Наполеону II, разукрашиваютъ эпоху имперіи всѣми прелестями славы, могущества и всенароднаго благоденствія. Наполеонъ становится ихъ девизомъ, онъ сообщаетъ лирическое чувство ихъ оппозиціоннымъ настроеніямъ, онъ для нихъ—и великій императоръ, и несравненный человѣкъ. Радикальный журналистъ—Арманъ Каррель—самый талантливый и умный въ современномъ газетномъ мірѣ—провозглашаетъ Наполеона вдохновителемъ всякой оппозиціи во имя свободы и гражданскихъ правъ...

Трудно повѣрить всѣмъ этимъ предпочтеніямъ, а между тѣмъ, они—неотъемлемая исторія французскаго радикализма,—и не временная только. Все равно—чьимъ оружіемъ достигнуть цѣли,—это заявленіе Манюэля можно бы поставить эпиграфомъ на повѣтствованіи о парламентской борьбѣ французскихъ партій,—и преимущественно радикальной. Въ двадцатыхъ годахъ, она увивалась вокругъ бонапартизма, въ пятидесятыхъ повторилось тоже самое, въ восьмидесятыхъ—видоизмѣнили игру только по внѣшности: Бонапарта замѣнили какимъ-нибудь Буланже. Ее вдохновляетъ поразительная мысль: необходимость создать свободу при помощи военной силы, руками диктатора и цезаря. Она во-

ображаетъ въ каждомъ французскомъ генералѣ видѣть Цинцинната и Вашингтона: онъ выстроитъ ей роскошный храмъ свободы и удалится къ своимъ скромнымъ пенатамъ.

Блестящій образчикъ политической мудрости! И за нее-то приходится расплачиваться странѣ, въ лучшемъ случаѣ присутствовать при феерическихъ представленіяхъ на законодательной сценѣ.

Идеямъ должна соотвѣтствовать и критика. Она—очень краснорѣчива у старыхъ радикаловъ, прямыхъ предшественниковъ современныхъ республиканцевъ. Потомство цѣликомъ унаслѣдовало примѣры прошлаго и не предвидится времени, когда негодное наслѣдство будетъ отброшено и забыто.

«Большіе дни» стараго французскаго парламента создавались чаще всего крайней лѣвой. Она и тогда имѣла въ своей средѣ блестящихъ ораторовъ, чрезвычайно популярныхъ, въ полномъ смыслѣ Демосфеновъ. Рѣчи выходилъ поразительно эффектными, звучали на всю Францію—и преимущественно отдавались громкими происшествіями въ стѣнахъ палаты. Что же собственно вызывало блескъ и громъ?

Какія нибудь радикальныя реформы, особенно рѣшительныя идеи насчетъ народнаго блага, соціальнаго развитія демократіи, экономическихъ преобразованій? Ничего подобнаго. Политическіе радикалы даже и знать не хотѣли о народѣ и его нуждахъ. У нихъ была сцена, публика, право говорить когда угодно и сколько угодно,—и этого достаточно, А раздражающихъ темъ—непочатый уголъ. Стоитъ только припомнить, при какихъ обстоятельствахъ совершалась революція и потомъ вернулись Бурбоны—и всѣ умѣренные и роялисты будутъ ужалены нетерпимымъ ядомъ. Произойдетъ скандалъ, засѣданіе будетъ закрыто, состоится, можетъ быть, дуэль.—отъ всего этого рѣшительно ничего не выиграетъ ни гражданская свобода, ни нравственное достоинство парламента,—но за то—сенсаціонное зрѣлище и оно на долго останется въ памяти зрителей.

Иногда мы читаемъ разсказы о засѣданіяхъ палаты депутатовъ семьдесять лѣтъ тому назадъ: намъ думается: ужъ не правъ ли въ самомъ дѣлѣ пессимистическій современникъ революціи—Малле-дю-Понъ. Правда, онъ говорилъ жалкія слова по поводу эмигрантовъ, т. е. реакціонеровъ, но несомнѣнно, тоже самое онъ повторилъ бы и объ ихъ антиподахъ.

«Въ самомъ дѣлѣ, когда видишь, какъ идутъ дѣла сего міра, и какъ послѣ восьми лѣтъ опытовъ—предъ тобой все тотъ же заколдованный кругъ видѣній, упорнаго сопротивленія очевидности, всяческой безсмыслицы, междоусобицъ, эгоизма,—то теряешь всякій интересъ къ будущему».

Именно такими словами отвѣчаютъ современные французскіе «интеллигенты», когда ихъ укоряютъ за индифферентизмъ.

Въ самомъ дѣлѣ, не вѣетъ ли на васъ чисто-современнымъ духомъ французскаго парламентаризма при такихъ, напримѣръ, сценахъ несравненно болѣе отдаленнаго прошлаго, чѣмъ восемь лѣтъ назадъ?

На трибунѣ Манюэль. Онъ сегодня далъ себѣ слово привести въ ярость роялистовъ и постепенно и искусно подходитъ къ одному изъ самыхъ проклятыхъ, но и столь же безплодныхъ вопросовъ:

гдѣ были настоящіе патріоты во время революціи—въ Гентѣ съ будущимъ Людовикомъ XVIII или въ Парижѣ и на границахъ съ республиканскими войсками? И кто, на самомъ дѣлѣ, преступники—покинувшіе отечество или защищавшіе его?

Отвѣтъ рѣшительно не нуженъ для современной внѣшней и внутренней политики и нѣтъ никакой нужды кого бы то ни было увѣнчивать гражданскимъ вѣнкомъ или клеймить позоромъ. Но роялисты выходятъ изъ себя: самые горячіе кричатъ, что настоящая Франція была съ королемъ за границей, а во Франціи оставались только бунтовщики и грабители.

Оратору только этого и хотѣлось. Онъ становится въ позу и отчеканиваетъ слово за словомъ, воображая въ эту минуту своимъ слушателемъ весь французскій народъ:

«Итакъ, господа, таково ваше мнѣніе: надо имѣть смѣлость высказать его откровенно націи. Остается узнать, расположены ли подвергнуться такому униженію; остается узнать—согласятся ли принять этотъ позоръ и это оскорбленіе тѣ, кто имѣлъ счастіе оставаться на родной землѣ, кто проливалъ кровь, завоевывая свои вольности, защищая свои законы и свою независимость».

Эффектъ неописуемый! Но его запомнятъ враги и рано или поздно, а упекутъ, въ свою очередь, ехиднаго артиста, добьются его изгнанія изъ палаты, что будетъ еще поразительнѣе, но уже гораздо злополучнѣе, какъ вопіющее нарушеніе конституціи ради партійной мести.

Другая сцена. Дѣйствующее лицо поважнѣе Манюэля,—генералъ Фуа. Это—человѣкъ общепризнанной честности и золотого сердца, и кромѣ того, онъ блестящій ораторъ. У него эффектная внѣшность, громкій голосъ, пламенный взглядъ, необыкновенно стремительная, страстная и въ то же время благородная манера говорить. Онъ знаетъ все это, и онъ прирожденный артистъ. Его опьяняетъ шумъ аплодисментовъ, онъ невольно поддается злому демону увлеченія въ надеждѣ одержать побѣду надъ впечатлительностью публики. Онъ съ величайшимъ наслажденіемъ пускается въ декламацію, въ пространный разговоръ объ общихъ политическихъ вопросахъ, вообще читаетъ лекціи наивныя, элементарныя, но для французской галлереи неотразимыя. Человѣкъ онъ незлобивый и совершенный джентльменъ, но ужъ очень соблазнительна идея—создать инцидентъ, и онъ, подобно Манюэлю, начинаетъ бередить роялистскія раны.

Онъ вспоминаетъ о нашествіи иноземцевъ на Францію и вдругъ въ лицо роялистамъ говоритъ, какая презрѣнная «кучка» эмигранты и сколько они претерпѣли униженій внѣ Франціи... При словѣ *misérables* поднимается вопль на правой, встаетъ роялистъ, подходитъ къ трибунѣ, скрещиваетъ руки на груди и кричитъ оратору: «Вы—нахалъ!» Слѣдуетъ, конечно, дуэль, разумѣется спеціально французская — безъ кровопролитія и безъ особенныхъ опасностей. Противники трогательно мирятся, а на слѣдующій день въ палатѣ генералъ Фуа вноситъ поправку въ свои слова.

И вотъ его-то именно рѣчи печатались и расходились въ тысячахъ экземпляровъ. «Блестящая и лестная» участь,—скажемъ мы словами французскаго Цицерона до-революціонной Франціи, но прибавимъ также и его соображеніе о современныхъ ему «на-

стоящихъ римлянахъ»: рядомъ съ блескомъ мало политическаго развитія и опытности *).

Отсюда полная безплодность для современниковъ всѣхъ ослѣпительныхъ парламентскихъ турнировъ и очень печальная поучительность ихъ для потомства. Въ теченіе цѣлаго вѣка французъ остается политикомъ-артистомъ. Его, какъ ребенка, тѣшитъ замысловатая игра въ безконечныя партійныя комбинаціи, разные хитроумные manoeuvres et expédients, онъ вѣчно или за кулисами готовитъ машины и всякую бутафорію для своего бенефиса, или на сценѣ играетъ коронную роль, самъ же первый являясь собственнымъ очарованнымъ зрителемъ.

И намъ понятно, почему англичанинъ почувствовалъ негодованіе при ближайшемъ знакомствѣ съ французскимъ парламентаризмомъ. Онъ увидѣлъ нѣчто, совершенно невозможное въ его отечествѣ, могъ и отъ самихъ французовъ услышать жалобы на отечественные государственные таланты. И не только жалобу, а тоску по совершенно другомъ порядкѣ вещей, гдѣ бы не могло процвѣтать политиканство и безсмысленная парламентская суета, гдѣ бы дѣйствительно правительство слѣдило за народными нуждами и осуществляло потребныя реформы. Все это англичанинъ слышалъ, самъ убѣждался и пришелъ къ заключенію: французъ не парламентское животное и Франція должна освободить вовсе свою конституцію отъ парламента.

Легко сказать! Что же останется—Бурбоны въ стилѣ Людовика XIV или имперія въ духѣ Наполеона I? Вопросъ, несомнѣнно, превышающій политическую мудрость англійскаго путешественника, но и дѣйствительно въ высшей степени трудный.

Несомнѣнно, парламентаризмъ современной Франціи—явленіе ненормальное, «парламентскій режимъ не функціонируетъ нормально»,—какъ выразился недавно одинъ изъ либеральныхъ политиковъ. Также несомнѣнно, что эта ненормальность отталкиваетъ отъ политическихъ интересовъ наиболѣе достойныхъ гражданъ страны. И, наконецъ, столь же несомнѣнно, что при такихъ условіяхъ и третья республика можетъ оказаться такимъ же промежуточнымъ и мимолетнымъ явленіемъ, какимъ были уже первыя двѣ. Очевидно, Франція не нашла себѣ прочныхъ истинно-національныхъ политическихъ устоевъ. «Зданіе остается недоконченнымъ», въ этомъ отношеніи французскіе ученые и солидные люди совершенно правы. Правы, думается намъ, будемъ и мы, если признаемъ неосновательными всѣ заключенія на счетъ парламентскаго режима, сдѣланныя на основаніи современнаго французскаго парламентаризма. Мы видѣли, исторически-республиканская форма во Франціи возникла неохотно и была скорѣе *вынуждена обстоятельствами*, чѣмъ вызвана къ жизни общимъ сочувствіемъ націи. Можно заключить, настоящая Франція могла бы обойтись и безъ республики. Мы видѣли также первые опыты парламентскаго режима, въ политическомъ смыслѣ крайне легкомысленные и практически-несостоятельные, характеризовали на отдаленное будущее вообще французскій парламентаризмъ. Можно ли отсюда заключать, что та же *настоящая Франція* обошлась бы и безъ парламента?

*) Journal de Barbier. I, 70—1.

Никоимъ образомъ.

Основныя нравственныя и экономическія завоеванія революціи, безусловно неотъемлемы. Мечтать о старомъ порядкѣ съ его насильственной рабской общественной лѣстницей можно только въ своего рода горячешномъ бреду. Ни одинъ самый индифферентный французскій крестьянинъ и рабочій не согласился бы одной минуты своей жизни потратить на привилигированнаго господина, только потому, что тотъ далъ себѣ трудъ родиться. Токвиль неопровержимо правъ: Франція можетъ пережить какіе угодно перевороты, смѣнить, пожалуй, и третью республику на монархію, но *ancien régime* для нея вѣчно останется воплощеніемъ всѣхъ возможныхъ на землѣ бѣдствій и уродствъ.

Настоящая Франція не можетъ быть не демократической и не свободной, но это не помѣшаетъ ей стать не-парламентской въ *современной* формѣ. Болѣе или менѣе продолжительная эволюція должна привести одинъ изъ даровитѣйшихъ и культурнѣйшихъ народовъ къ рѣшенію уже теперь наболѣвшаго вопроса, и это рѣшеніе, какъ всѣ культурныя рѣшенія Франціи, явится однимъ изъ важнѣйшихъ уроковъ всемірной исторіи.

Ив. Ивановъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«L'Année Sociologique» publiée sous la direction de E. Durkheims, prof. de Sociologie. Première Année 1896—1897 (Bibliothèque de Philosophie contemporaine; 10 fr.) Paris. Felix. Alcan. (*Соціологическій ежегодникъ*). Число лицъ, интересующихся соціологіей, съ каждымъ днемъ возрастаетъ и цѣль названнаго изданія удовлетворить этой потребности, представивъ читателямъ результаты изысканій, сдѣланныхъ въ области исторіи, этнографіи и статистики такихъ фактовъ и идей, которыя могутъ имѣть отношеніе къ соціологіи и могутъ служить матеріаломъ для соціологическихъ выводовъ. Соціологическій ежегодникъ разсчитанъ не только на профессіональныхъ соціологовъ, слѣдящихъ за успѣхами своей науки, но и на всѣхъ образованныхъ читателей, интересующихся соціальными проблемами. Къ ежегоднику приложенъ довольно подробный библіографическій указатель. (Revue internationale).

«La Question d'Orient depuis ses origines jusqu'à nos jôurs» par Edouard Driault, prof. d'histoire; préface de Gabriel Monod. (Bibliothèque d'histoire contemporaine; Felix Alcan). (*Восточный вопросъ отъ начала его возникновенія до нашихъ дней*). Подъ восточнымъ вопросомъ авторъ понимаетъ не только исторію отношеній Оттоманской имперіи и христіанскихъ государствъ Европы, но также исторію отношеній, существующихъ во всемъ мірѣ между исламизмомъ и христіанствомъ. Этотъ вопросъ, въ началѣ имѣвшій чисто религіозный характеръ, въ настоящее время преобразовался въ политическій и экономическій вопросъ. Въ первой части книги, называющейся «Происхожденіе и начало» авторъ вкратцѣ излагаетъ исторію успѣховъ и упадка исламизма, начиная со временъ первыхъ арабскихъ завоеваній, до паденія Наполеона и вѣнскаго трактата. Вторая часть заключаетъ въ себѣ исторію войнъ за независимость Греціи, кризиса 1840 г., крымской войны, русско-турецкой войны и берлинскаго трактата. Третья часть посвящена современному положенію вопроса и взаимнымъ отношеніямъ христіанскаго и мусульманскаго міра. Авторъ приходитъ къ заключенію, что дни Турціи сочтены и лишь высказываетъ надежду, что восточный вопросъ будетъ разрѣшенъ въ духѣ, соотвѣтствующемъ интересамъ человѣчества. (Revue internationale).

«The Evolution of Christianity» by Ramsden Balmforth (Swan Sonnenschein). (*Эволюція христіанства*). Книга заключаетъ въ себѣ девять публичныхъ лекцій, имѣющихъ цѣлью, какъ говоритъ авторъ, «популяризировать принципы либеральной религіи». Авторъ, на основаніи позднѣйшихъ открытій и изслѣдованій, рисуетъ ростъ и развитіе христіанской религіи, съ самаго начала ея появленія вплоть до новѣйшей эпохи. Интересъ книги заключается, главнымъ образомъ, въ этической точкѣ зрѣнія автора, преимущественно настаивающаго на этической сторонѣ христіанской религіи и ученія Христа, заложеннаго въ ея основу. (Ethical World).

«The Wanderful Century»; its Successes and its Failures. By A. B. Wallace. (Swan Sonneschein and C°). (*Замѣчательный вѣкъ*). Интересная книга, заключающая въ себѣ популярное описаніе всѣхъ великихъ изобрѣтеній и открытій нашего вѣка, благодаря которымъ его можно назвать замѣчательнымъ. Но авторъ ограничивается не только описаніемъ великихъ успѣховъ, достигнутыхъ цивилизаціей за этотъ промежутокъ времени, а перечисляетъ также ошибки и промахи, которыя должны будутъ служить назиданіемъ будущему вѣку. (Literary World).

«University addresses» delivered to the University of Glasgow. By John Caird (Swan Sonnenschein). (*Университетскія публичныя лекціи*). Въ книгѣ собрана цѣлая серія публичныхъ лекцій по разнымъ предметамъ, прочитанныхъ въ Глазговскомъ университетѣ. Особенно интересны лекціи, прочитанныя авторомъ о единствѣ наукъ, прогрессѣ наукъ, изученіи исторіи и общемъ и профессіональномъ образованіи. (Literary World).

«Essai d'une philosophie nouvelle suggérée par la science» par Z. Kiibert vol. prix: 6 francs (Felix Alcan). (Опытъ новой философіи, основанной на наукѣ). Авторъ, озабоченный интеллектуальною анархіей, которая обнаруживается все сильнѣе въ современномъ обществѣ, благодаря постояннымъ колебаніямъ и переходамъ отъ поверхностныхъ религіозныхъ вѣрованій къ философскимъ убѣжденіямъ, основывающимся на данныхъ современной науки, стремится подвести итоги всѣхъ теоретическихъ познаній нашего вѣка, какъ въ области физическихъ и естественныхъ наукъ, такъ и въ области нравственной философіи. Затѣмъ авторъ подвергаетъ анализу всѣ философскія системы и доказываетъ, что всякая философская система должна быть подвергнута контролю фактовъ, научнымъ образомъ установленныхъ. Вообще авторъ старается, повидимому, найти отвѣтъ на тотъ тезисъ о безсиліи человѣческаго разума разрѣшить наиболѣе интересующія его проблемы, который все сильнѣе укрѣпляется въ воззрѣніяхъ современнаго общества.

(Revue internationale).

«La vie mystériens des mers» par Emile Deschamps (Collection) des Livris d'or de la science). (Таинственная жизнь морей). Содержаніе этой книги вполнѣ отвѣчаетъ ея заглавію и приковываетъ къ себѣ интересъ читателя, знакомящагося съ великими тайнами и формами жизни, скрывающимися въ нѣдрахъ океана. Авторъ обнаруживаетъ основательное знаніе предмета и кромѣ того, обладая литературнымъ слогомъ, талантливо и художественно изображаетъ жизнь въ глубинѣ океана.

(Revue internationale).

«L'Education Nouvelle, l'Ecole des Roches» par Edmond Demoliws. (Новое воспитаніе). Всюду раздаются голоса о необходимости реформы воспитанія и авторъ, давно уже занимающійся этимъ вопросомъ и напечатавшій по этому поводу нѣсколько статей, рѣшилъ, съ помощью нѣсколькихъ друзей, сдѣлать попытку практическаго разрѣшенія вопроса и основать во Франціи школу новаго типа, болѣе удовлетворяющую современнымъ требованіямъ. Въ своей книгѣ онъ излагаетъ программу новой школы и свой взглядъ на господствующія педагогическія системы.

(Revue internationale).

«Korean Sketches» by James S. Gale (Oliphant, Anderson and Ferries). (Очерки Кореи). Авторъ провелъ девять лѣтъ въ Кореѣ, въ американской пресвитеріанской миссіи и могъ хорошо изучить характеръ и жизнь корейскаго народа. Авторъ считаетъ Корею одною изъ самыхъ привлекательныхъ странъ міра и хотя онъ и признаетъ, что эта «привлекательная страна» можетъ поразить непривычнаго европейца своею нечистотой, но все-таки продолжаетъ утверждать, что добродушное и честное населеніе Кореи скрашиваетъ многія непривлекательныя стороны корейской жизни. О корейцахъ онъ отзывается съ большою теплотой. Описанія ихъ жизни, обычаевъ и различные эпизоды, иллюстрирующіе корейскіе нравы и разсказанные очень живо и притомъ подчасъ съ большимъ юморомъ, придаютъ интересъ книгѣ, снабженной къ тому же весьма недурными иллюстраціями.

(Bookseller).

«Democracy and Social Growth in America» Four Lectures by Bernard Moses. Prof. in the University of California). (Демократія и соціальное развитіе Америки). Авторъ изслѣдуетъ въ этой книгѣ опасности, которыя, по его мнѣнію, угрожаютъ американской демократіи. Главную опасность онъ видитъ въ стремленіи къ образованію соціальнаго неравенства, которое въ концѣ-концовъ можетъ повліять на политическую систему, и въ успѣхахъ милитаризма, особенно замѣтныхъ въ послѣднее время.

(Bookseller).

«Prophets of the Century» Edited by Arthus Rickett (Ward, Lockand C°). (Пророки нашего вѣка). Въ этой книгѣ изслѣдуется и оцѣнивается по достоинству дѣятельность различныхъ великихъ людей, оказывавшихъ вліяніе на соціальныя, интеллектуальныя и религіозныя движенія, характеризующія заканчивающееся столѣтіе.

(Bookseller).

«The Land of the Pigmies» by Capt. Guy Barrows. With introduction by H. M. Stanley; with over 200 illustrations (Arthus Pearson). (Страна пигмеевъ). Авторъ этой интересной книги посѣтилъ такія мѣста, куда еще никогда не вступала нога бѣлаго человѣка. Онъ изслѣдовалъ страну Уэлле, лежащую къ сѣверу отъ Арувими. Племена, населяющія эту область, всѣ каннибалы, за исключеніемъ пигмеевъ, представляющихъ удивительную расу маленькихъ людей, ростъ которыхъ не превышаетъ четырехъ футъ. Очень немногимъ путешественникамъ удалось видѣть пигмеевъ; авторъ же прожилъ съ ними нѣкоторое время и потому имѣлъ возможность изучить ихъ странные обычаи и нравы, которые онъ и описываетъ теперь въ своей книгѣ. Кромѣ того, авторъ снялъ много фотографій, которыя приложены къ его описанію.

(Athaeneum).

«Ruskin; Rossetti; Pre-Raphaelitism». Papers 1854—1862. Arranged and edited by William Michael Rossetti. With illustrations. 1899. (Рескинъ; Россетти; Прерафаэлизмъ). Вилльямъ Россетти собралъ въ этой книгѣ различные документы, старые и новые, которые относятся къ его знаменитому брату и прочимъ членамъ прерафаэлитской группы. Документы расположены въ хронологическомъ порядкѣ, но безъ всякой особенной взаимной связи. Тѣмъ не менѣе они заключаютъ въ себѣ чрезвычайно много интересныхъ данныхъ, относящихся къ исто-

ріи прерафаэлистскаго движенія и взаимныхъ отношеній главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Книгу эту можно смѣло рекомендовать всѣмъ, интересующимся твореніями Рескина и Россетти.

(Daily News).

«Outlines of the Earth's History». A Popular Study in Phisiography. By Nathaniel Sonhthgate Shaler. New-York. (Appleton and C°). (*Очерки исторіи земли*). Авторъ этихъ геологическихъ очерковъ задался цѣлью доставить возможность читателямъ, интересующимся исторіей земного шара, но не имѣющимъ спеціальной подготовки, познакомиться со всѣми процессами, совершающимися въ природѣ и вліяющими на образованіе планетныхъ тѣлъ. Въ виду такой цѣли авторъ стремится какъ можно популярнѣе изложить основы геологической науки и сдѣлать свою книгу не только поучительной, но интересной и доступной для каждаго.

(Popular Science Monthly).

«Les races jaunes. Les célestes» par Edm. Planchet (Collection des livres d'or de la science). (*Желтыя расы*). Китай и Японія все болѣе и болѣе привлекаютъ къ себѣ вниманія Европы. Это новый міръ, долгое время остававшійся закрытымъ, куда теперь получаетъ доступъ европейская цивилизація. Этотъ міръ однако обладаетъ собственною цивилизаціей, совершенно не похожей на нашу цивилизацію и притомъ очень интересной. Но не только съ этой точки зрѣнія Китай и Японія представляютъ интересъ для Европы; несомнѣнно, что въ будущемъ желтымъ расамъ предстоитъ немаловажную роль и поэтому не мѣшаетъ теперь познакомиться во всѣхъ подробностяхъ съ этимъ новымъ міромъ и его рессурсами.

(Revue internationale).

«Le développement mental chez l'enfant et dans la race» par Sames Mark Baldwin. Trad. franç., par Nourry. Préface de L. Marillées · Paris. (Slean). (*Духовное развитіе ребенка и расы*). Книга эта представляетъ психологическое изслѣдованіе, такъ какъ авторъ изучаетъ въ ней образованіе различныхъ душевныхъ способностей у ребенка и, согласно принципамъ эволюціонной теоріи, старается путемъ научнаго метода разъяснить образованіе этихъ качествъ въ расѣ, подчиняя такимъ образомъ онтогенезисъ филогенезису. Онъ сдѣлалъ, между прочимъ очень любопытные опыты надъ своими собственными дѣтьми о которыхъ разсказываетъ въ своей книгѣ. Авторъ раздѣляетъ взгляды Тарда и видитъ въ законахъ подражанія не только ключъ къ соціальной жизни, но и къ жизни психической индивидуальной.

(Revue internationale).

Издательница А. Давыдова. **Редакторъ Викторъ Острогорскій.**

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПЕТЕРБУРГА И МОСКВЫ ПРОДАЮТСЯ КНИГИ

ВИКТОРА ОСТРОГОРСКАГО.

1) **Выразительное чтеніе.** Пособіе для учащихъ и учащихся. (Одобрено Мин. Нар. Просв. для ученическихъ и учительскихъ библіотекъ), ц. 50 к. 1898 г. Содержаніе: Вступленіе; значеніе искусства читать; искусству читать можно выучиться; какъ выучиться читать (голосъ, дыханіе, произношеніе, паузы, ударенія логическія), о чтеніи стиховъ; заключеніе. Въ приложеніи:—основаніе стихосложенія; практическія указанія для обученія выразительному чтенію; примѣрная хрестоматія разбора образцовъ (до 21-го, начиная съ примѣровъ для маленькихъ дѣтей и кончая разборомъ сценъ изъ Шекспира).

2) **Изъ исторіи моего учительства, какъ я сдѣлался учителемъ.** (1851—1864) изд. О. Н. Поповой. Спб. 1895, ц. 1 р. 25 к.

3) **Письма объ эстетическомъ воспитаніи.** Изд. журн. «Міръ Божій», Спб. 1897, цѣна 40 коп.

4) **Очерки пушкинской Руси,** Спб. 1897, изд. (2-е) журн. «Міръ Божій», ц. 40 к.

5) **Изъ міра великихъ преданій.** Разсказы для юношества, съ рисунками Панова и Кившенко. Изд. 6-е. М. 1897 г. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к.

6) **Илья Муромецъ—крестьянскій сынъ,** разсказано по народнымъ былинамъ. Спб. 1892 г. Ц. 10 к.

7) **Хорошіе люди.** Сборникъ разсказовъ, съ рисунками Шпака и Малышева. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

8) **Этюды о русскихъ писателяхъ: I. И. А. Гончаровъ,** М. 1897 г. Ц. 75 к.—**II. Н. Г. Помяловскій.** Ц. 40 к.—**III. М. Ю. Лермонтовъ.** Мотивы Лермонтовской поэзіи. 1891 г. Ц. 50 к.—**IV. Художникъ русской пѣсни А. В. Кольцовъ.** 1893 г. Ц. 50 к.

9) **Русскіе педагогическіе дѣятели: Н. И. Пироговъ, К. Д. Ушинскій и Н. А. Корфъ.** М. 1887 г. Ц. 75 к.

10) **Руководство къ чтенію поэтическихъ произведеній** (по Л. Эккардту) съ прил. «Краткаго учебника теоріи и поэзіи». Изд. 3-е, переработанное и дополненное. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

11) **Бесѣды о преподаваніи словесности.** Изд. 2-е. Ц. 90 к.

12) **Русскіе писатели какъ восп.-образов. матеріалъ для занятій съ дѣтьми и для чтенія народу.** (Жуковскій, Батюшковъ, Крыловъ, Пушкинъ, Веневетиновъ, Баратынскій, Языковъ, Лермонтовъ, Майковъ, Мей, Плещеевъ, Кольцовъ, Никитинъ, Некрасовъ, Шевченко, Гоголь, Григоровичъ, Тургеневъ, Гончаровъ, гр. Толстой, Погоскій, С. Аксаковъ. Изд. 4-е. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

13) **Родные поэты, для чтенія въ классѣ и дома.** Сборникъ стихотворныхъ произведеній для юношества, указанныхъ въ книгѣ В. Острогорскаго; **Русскіе писатели** (Жуковскій, Батюшковъ, Крыловъ, Пушкинъ, Веневитиновъ, Баратынскій, Языковъ, Лермонтовъ, Майковъ, Мей, Плещеевъ, Кольцовъ, Никитинъ, Шевченко, Некрасовъ). Изд. 2-е М. 1894 г.

14) **Двадцать біографій** образцовыхъ русскихъ писателей для юношества, съ 20-ю портретами. Изд. 4-е. Ц. 50 к.

15) **Наталья Борисовна Долгорукова.** Ц. 10 к.

16) **Изъ Дальняго прошлаго. Драматическіе эскизы.** («Мгла», др. въ 5 д.; «Липочка», ком. въ 3 д. съ прологомъ; сцены: «На однѣхъ сѣняхъ»; «Первый шагъ»; «Въ бельэтажѣ на улицу». Изд. М. М. Ледерле. Спб. 1891 г. Ц. 80 к.

17) **С. Т. Аксаковъ Критико-біографическій очеркъ.** Изд. П. Г. Мартынова. Спб. 1891 г. Ц. 75 коп.

18) **Моя библіотека. Ж. Б. Мольеръ, Мѣщанинъ въ дворянствѣ,** пер. В. П. Острогорскаго, съ предисловіемъ переводчика. Изд. М. М. Ледерле. Спб. 1893 г. Ц. 50 к.

19) **Изъ народнаго быта.** Титъ, Вавило, Маша. Изд. 5-е. М. 1898 г. Ц. 10 к.

20) **В. Г. Бѣлинскій какъ критикъ и педагогъ. Двѣ публичныя лекціи.** Спб. 1898 г. Ц. 60 коп.

21) **Изъ сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. Избранные статьи для семьи и школы съ біографическимъ очеркомъ, портретами и факсимиле.** Изд. журнала «Дѣтское Чтеніе». М. 1898. Ц. 1 руб.

ОТЪ РЕДАКТОРОВЪ

„ПУШКИНСКАГО СБОРНИКА",

издающагося къ 26-му мая 1899 года.

Предположенное на обѣдѣ беллетристовъ, состоявшемся 30-го минувшаго октября, изданіе «Пушкинскаго сборника» ко дню столѣтія рожденія великаго поэта, къ 26-му мая 1899 г., съ цѣлью увеличенія средствъ, собираемыхъ съ Высочайшаго соизволенія псковскимъ дворянствомъ, для пріобрѣтенія хотя бы части земель села Михайловскаго, организуется слѣдующимъ образомъ.

Редакторами изданія избраны: П. П. Гнѣдичъ, Д. Л. Мордовцевъ, К. К. Случевскій; кандидатами къ нимъ—А. В. Амфитеатровъ и Н. Н. Каразинъ; секретаремъ—В. М. Грибовскій; выборы эти состоялись на обѣдѣ 20-го ноября.

Редакторы покорнѣйше просятъ гг. литераторовъ, желающихъ принять посильное участіе въ составленіи «Сборника», не отказать въ присылкѣ матеріаловъ и писемъ на имя Вячеслава Михайловича Грибовскаго—*С.-Петербургъ, Озерной пер., д. 3—9, кв 19*. Въ виду спѣшности желательно было бы имѣть матеріалы не позже 1-го февраля наступающаго года. Своевременная присылка матеріаловъ тѣмъ необходимѣе, что «Сборникъ» имени А. С. Пушкина отнюдь не долженъ имѣть характера случайности, и строгое отношеніе къ выбору и размѣщенію статей лежитъ прямо на обязанности редакторовъ. Вслѣдствіе выраженнаго многими литераторами желанія принять участіе въ «Сборникѣ» и ограниченности мѣста въ немъ, редакторы просятъ о томъ, чтобы присылаемыя произведенія не превышали размѣромъ половины печатнаго листа.

Заботы о печатаніи «Сборника» приняты на себя А. С. Суворинымъ.

П. П. Гнѣдичъ. Д. Л. Мордовцевъ. К. К. Случевскій.

СООБЩЕНІЕ.

26-го мая 1899 года исполнится сто лѣтъ со дня рожденія великаго поэта А. С Пушкина.

Псковское дворянство, земство и г. Псковъ постановили для достойнаго увѣковѣченія этого знаменательнаго дня ходатайствовать объ открытіи повсемѣстной подписки, дабы изъ собранныхъ средствъ:

1) Исправить памятникъ на могилѣ поэта въ Св. Горахъ Опочецкаго уѣзда, и укрѣпить гору на которой онъ находится.

2) Пріобрѣсти покупкою отъ наслѣдниковъ А. С. Пушкина въ части или въ цѣломъ С. Михайловское, Опочецкаго уѣзда, родовое имѣніе поэта, гдѣ онъ по долгу жилъ и гдѣ задуманы главныя его поэтическія произведенія.

3) Устроить пріютъ для престарѣлыхъ и увѣчныхъ русскихъ поэтовъ и людей, посвятившихъ себя наукѣ и искусству.

4) Построить въ г. Псковѣ домъ имени А. С. Пушкина, который бы вмѣщалъ въ себѣ: библіотеку, читальню, залъ для народныхъ чтеній, концертовъ и засѣданій разныхъ благотворительныхъ обществъ и

5) Обезпечить существованіе учрежденной уже въ Св. Горахъ богадѣльни и народной читальни имени А. С. Пушкина.

Государь Имераторъ сего 5-го октября повелѣть соизволилъ на открытіе повсемѣстной подписки и учрежденіе особаго Комитета.

Комитетъ имѣетъ сообщить для всеобщаго свѣдѣнія, что деньги, по подпискѣ принимаются во всѣхъ мѣстныхъ казначействахъ и отдѣленіяхъ Государственнаго Банка Европейской и Азіатской Россіи, а равно Комитетомъ черезъ Псковское отдѣленіе Государственнаго Банка.

Предсѣдатель Комитета Псковскій губернскій предводитель дворянства Н. Новосильцовъ.

Годъ VIII-й. № 2-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

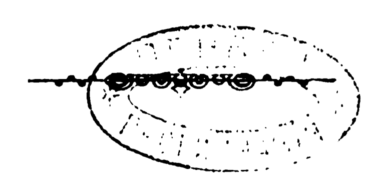
ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ФЕВРАЛЬ

1899 г.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1899.

Дозволено цензурою 26 января 1898 г. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Идея нравственнаго оправданія, ея происхожденіе и развитіе.

Проф. **Ѳ. Ф. Зѣлинскаго.**

Великія нравственныя идеи въ своемъ распространеніи среди людей раздѣляютъ участь великихъ научныхъ истинъ: переходя изъ рукъ генія, впервые сдѣлавшаго ихъ доступными, въ руки посредственностей, онѣ на видъ остаются тѣмъ же, чѣмъ были вначалѣ, но теряютъ то, что въ нихъ было самымъ дорогимъ для насъ—ту незримую магнетическую силу, которая притягивала къ нимъ сердца. Въ настоящее время—не безъ гордости замѣчаютъ друзья прогресса—любой школьникъ знаетъ то, что нѣкогда стоило Копернику тридцати трехлѣтнихъ трудовъ; это вѣрно, и эта гордость справедлива. Всё же астрономъ-мыслитель предпочтетъ книгу de revolutionibus orbium coelestium великаго гуманиста самому изящному изъ новѣйшихъ изложеній коперниковской системы. Правда, что осилить ее будетъ стоить немалаго труда, правда и то, что ея читатель не обезпеченъ отъ многочисленныхъ заблужденій, которыя еще раздѣлялъ Коперникъ и которыя исправила позднѣйшая наука. Но эти неудобства искупаются однимъ громаднымъ, незамѣнимымъ преимуществомъ: читая ее, мы дѣлаемся свидѣтелями гигантскихъ усилій человѣческаго духа, отъ которыхъ не сохранилось болѣе слѣда въ ходячихъ изложеніяхъ того, что было ихъ результатомъ; мы видимъ въ полной дѣятельности вулканъ, по давно потухшей лавѣ котораго теперь безопасно гуляютъ прохожіе.

То же относится и къ нравственнымъ идеямъ: разница лишь въ томъ, что, будучи именно только идеями, а не истинами, научно доказанными и неопровержимыми, онѣ гораздо болѣе страдаютъ отъ того, что ароматъ оригинальностя въ нихъ выдохся, и его смѣнилъ тотъ не всѣмъ пріятный запахъ жилого помѣщенія, которымъ посредственность неизбѣжно заражаетъ все то, къ чему она касается. Пускай геліоцентрическая система составляетъ достояніе всякаго школьника, пускай она развивается въ скучныхъ произведеніяхъ убогихъ компиляторовъ—никто, вслѣдствіе этого, отъ нея не отвернется, не назоветъ ее «избитой», «заѣзженной», «пошлой», не обратится отъ нея

къ другой, болѣе новой и интересной системѣ. Здѣсь не то. Эпитетъ пошлости, безвредный для научной истины, убійственъ для нравственной идеи; и вотъ начинается скитаніе мыслей и чувствъ; жажда новизны, желаніе во чтò бы то ни стало избѣгнуть пошлости заставляетъ людей отъ здороваго обращаться къ болѣзненному и вымученному, отъ простого къ замысловатому, отъ яснаго къ туманному; все хорошо, лишь бы оно было новымъ или, по крайней мѣрѣ, казалось таковымъ. Придетъ время, и это новое станетъ старымъ, избитымъ, пошлымъ и подвергнется двойному осужденію, и за болѣзненность, и за пошлость; и то забытое старое воскреснетъ и найдетъ себѣ восторженныхъ поклонниковъ. Такъ было, такъ будетъ всегда.

И дурного тутъ нѣтъ ничего: всякая эпоха живетъ своей жизнью, и всякая жизнь интересна. Все же обреченному жить въ эпоху скитанія мыслей и чувствъ пріятно и отрадно обращаться къ тому времени, когда здоровое не было еще пошлымъ, а интересное—болѣзненнымъ, когда идеи, ставшія позднѣе ходячею монетой, еще только вырабатывались и, появляясь на свѣтъ, были насыщены той магнетической силой, которую создаетъ соединеніе двухъ элементовъ: здоровья и новизны. Въ этомъ именно и заключается прелесть античности для тѣхъ, кто умѣетъ ее понимать. Конечно, и античность не была той сплошной и однородной массой, какъ ее себѣ представляютъ многіе у насъ; и она жила и развивалась, и въ ея предѣлахъ здоровое могло состариться и вызвать жажду новаго, хотя бы и болѣзненнаго. Все же въ своей совокупности она была сводомъ здоровыхъ темъ, повторявшихся съ тѣхъ поръ въ неисчислимыхъ варіаціяхъ до нашихъ временъ и имѣющихъ повторяться, пока живъ будетъ міръ. Съ одной изъ этихъ темъ я намѣренъ познакомить читателя въ нижеслѣдующихъ главахъ.

I.

Когда у насъ ставили «Орестею» Танѣева, либретто которой цѣликомъ заимствовано изъ трилогіи того же имени Эсхила, наша публика отнеслась довольно-таки холодно къ творенію великаго греческаго трагика; нашлись даже наивные люди, порицавшіе родоначальника европейской драмы за «избитость» обработаннаго имъ сюжета. Невѣрная жена боится возвращенія съ похода своего царственнаго мужа; когда же онъ возвращается, она убиваетъ его съ помощью своего новаго друга. Сынъ убитаго мститъ за его гибель; но проклятія его матери, воплощенныя въ богиняхъ-мстительницахъ—Эринніяхъ, изгоняютъ его изъ родины, и онъ обрѣтаетъ покой лишь послѣ того, какъ его оправдываетъ учрежденный божествомъ строгій и правый судъ. Какъ это все просто, ясно, здорово, т.-е., выражаясь на современномъ языкѣ, какъ шаблонно, избито, неинтересно!.. Конечно, отъ либреттиста нельзя было и требовать, чтобы онъ въ своей скромной передѣлкѣ сохранилъ

тѣ черты подлинника, которыми болѣе всего дорожитъ мыслящій читатель, чтобы онъ сохранилъ слѣды усилій гиганта-пахаря, впервые работающаго на дѣвственной нивѣ человѣческой мысли. Онъ сдѣлалъ, что могъ: оставилъ и въ общемъ, и въ частностяхъ развитіе эсхиловой фабулы, прибавилъ отъ себя нѣсколько сценъ и ради ясности, и ради эффекта,—и вышло то, что̀ могло и должно было выйти.

Наша точка зрѣнія однако другая. Насъ преданіе объ Орестѣ-матереубійцѣ интересуетъ не какъ преданіе и не какъ сюжетъ трагедіи или оперы, а исключительно какъ *«носитель» одной изъ важнѣйшихъ и величайшихъ нравственныхъ идей—идеи оправданія преступника.* Дѣйствительно, что̀ такое нравственное оправданіе? Оправданіе— это возстановленіе душевнаго равновѣсія, утраченнаго при совершеніи грѣха или преступленія, это—выздоровленіе заболѣвшей души. Подобно идеѣ выздоровленія, и идея оправданія—идея вѣчная и не старѣющаяся; она такъ же дѣйствительна для насъ, какъ дѣйствительна небесная Лира, ласкающая насъ по ночамъ тѣмъ же тихимъ, таинственнымъ свѣтомъ, какимъ много вѣковъ назадъ она ласкала болѣе чувствительные глаза современниковъ Перикла. И если читатель при чтеніи нижеслѣдующихъ страницъ не почувствуетъ, что рѣчь идетъ о непосредственно близкихъ его сердцу интересахъ, что передъ нимъ раскрывается книга его собственной души, то пусть онъ винитъ лишь неумѣлость толкователя, не справившагося со своею задачей, не смогшаго правильно передать то, что онъ правильно вычиталъ и уразумѣлъ.

Само собою разумѣется, что, говоря о происхожденіи и развитіи идеи оправданія, мы должны перенестись въ тѣ времена, когда вообще зародились и развивались нравственныя идеи, т.-е. въ античность; но, быть можетъ, покажется страннымъ, что авторъ, собираясь прослѣдить происхожденіе и развитіе нравственной идеи, обращается не къ философамъ-моралистамъ, а къ миѳологіи, что онъ беретъ ее не въ отвлеченномъ видѣ, а въ оболочкѣ ея миѳа-носителя. Чтобы выяснить это, необходимо сказать нѣсколько словъ о томъ, что представляетъ эта античная, т. е. греческая миѳологія, и какъ ее слѣдуетъ понимать.

Греческая «миѳологія», какъ ее обыкновенно называютъ, т. е. повѣствовательная часть греческой религіи, представляетъ удивительное, единственное въ своемъ родѣ явленіе; плохо о ней судятъ тѣ, которые видятъ въ ней нѣчто единое, установившееся, недвижное; въ ней все живетъ, все движется, все растетъ, расцвѣтаетъ и вянетъ; отъ величавыхъ концепцій Эсхила до изящныхъ арабесокъ Овидія очень далеко, едва ли не дальше, чѣмъ отъ Овидія до опереточной миѳологіи Оффенбаха. Былъ у древнихъ народовъ красивый обычай, перешедшій позднѣе и къ христіанскимъ,—посвящать трофеи своихъ побѣдъ надъ врагами въ храмъ своего родного божества, такъ что этотъ храмъ давалъ въ вещественныхъ свидѣтельствахъ внѣшнюю исторію дан-

наго народа. Но кромѣ этихъ каменныхъ храмовъ, былъ у нихъ и храмъ незримый, нерукотворный, въ который они посвящали трофеи не внѣшнихъ, а внутреннихъ побѣдъ, живыя свидѣтельства своего нравственнаго и умственнаго прогресса; этимъ храмомъ была ихъ родная миѳологія. Миѳъ—естественная, необходимая форма, въ которую облекалась идея, не находившая еще для выраженія самой себя готоваго отвлеченнаго языка; всякое измѣненіе въ міросозерцаніи имѣло послѣдствіемъ органическое измѣненіе миѳовъ; кто съумѣлъ бы представить намъ греческую миѳологію въ ея историческомъ развитіи, тотъ далъ бы этимъ самымъ—въ иносказательной формѣ—исторію эволюціи греческой народной души. Въ нижеслѣдующемъ данъ опытъ такого развитія на одномъ изъ многочисленныхъ миѳовъ греческой религіи—на миѳѣ объ Орестѣ-матереубійцѣ. Правда, работа, которую я имѣю въ виду, должна быть изслѣдованіемъ, изслѣдованіемъ филологическимъ; здѣсь же дано, для удобства читателей нефилологовъ, не изслѣдованіе, а повѣствованіе. Изслѣдователь отъ извѣстнаго переходитъ къ менѣе извѣстному, руководясь въ нашей области данными этимологіи, исторіи литературы и культуры, сравнительной миѳологіи; повѣствователь переходитъ отъ болѣе ранняго къ болѣе позднему, пользуясь результатами трудовъ изслѣдователя. Въ данномъ же случаѣ именно болѣе позднее является болѣе извѣстнымъ и наоборотъ; нашъ путь, поэтому, прямо противоположенъ тому пути, котораго долженъ былъ бы держаться изслѣдователь. Прошу это помнить при чтеніи нижеслѣдующихъ страницъ.

II.

Первой идеей, представившейся младенческому уму человѣка, когда для него, наконецъ, занялась заря сознательной жизни, была идея его зависимости отъ силъ природы; эти послѣднія, въ сумеркахъ зарождающагося сознанія, стояли предъ нимъ туманными великанами со сверхчеловѣческой мощью, но съ человѣческими страстями и стремленіями. Таковы были боги первобытнаго человѣчества. Ихъ могло быть много; но особенно близкими были ему тѣ, дѣйствія которыхъ, вслѣдствіе своей повторяемости, сильнѣе всего вліяли на его жизнь, власть которыхъ онъ чувствовалъ надъ собой съ особенной силой. Ежедневно ночь убиваетъ день, ежегодно зима убиваетъ лѣто; ежедневно человѣкъ долженъ былъ искать убѣжища отъ страховъ ночи, ежегодно отъ страданій зимы; онъ дѣлалъ это съ твердой надеждой, что царство обоихъ этихъ жизневраждебныхъ началъ будетъ непродолжительно: придетъ Солнце-богатырь и сорветъ сверкающіе доспѣхи побѣжденной ночи; придетъ Солнце-богатырь и разрушитъ туманную твердыню побѣжденной зимы. Таковы были главные миѳы первобытнаго человѣчества; мы встрѣчаемъ ихъ на всемъ протяженіи земного шара.

Новая эра началась тогда, когда человѣчество, оставивъ колею чисто животной, физической эволюціи, вступило на путь сознательнаго умственнаго прогресса; началась только для тѣхъ народовъ, которымъ, по неисповѣдимымъ законамъ природы, былъ назначенъ этотъ путь. Для арійскихъ народовъ этотъ моментъ наступилъ, насколько мы можемъ судить, уже послѣ отдѣленія восточной ирано-индійской вѣтви; вотъ почему тѣ миѳы, о которыхъ рѣчь будетъ тотчасъ, встрѣчаются у греческихъ и германскихъ, но не у персидскихъ и индійскихъ племенъ.

Соотвѣтствующая новой эрѣ новая идея была послѣдовательнымъ развитіемъ тѣхъ двухъ старыхъ идей, перенесеніемъ ихъ въ болѣе высокую, умственную сферу; и здѣсь мы имѣемъ ту же борьбу жизнетворнаго и жизневраждебнаго началъ, дня и ночи, лѣта и зимы, только еще ступенью выше. Временной единицей новой идеи были уже не сутки и не годъ, а болѣе крупный періодъ, относящійся къ году приблизительно такъ же, какъ годъ относится къ суткамъ. *Все, что имѣло начало, будетъ имѣть и конецъ; но за концомъ будетъ новое начало*; эта великая идея, на которую навела человѣка смерть дня подъ натискомъ ночи и смерть лѣта подъ натискомъ зимы съ ожидаемымъ въ обоихъ случаяхъ торжествомъ Солнца-богатыря — эта идея была перенесена на великое лѣто жизни человѣчества. И оно имѣло свое начало: было время, когда и люди, подобно всѣмъ прочимъ животнымъ, жили по законамъ своей родительницы Земли; она ихъ одѣвала, она ихъ кормила, она ихъ надѣляла всѣмъ тѣмъ знаніемъ, въ которомъ они нуждались для того, чтобы, проживъ положенный имъ вѣкъ, передать «факелъ жизни» другому поколѣнію,—тѣмъ загадочнымъ для біолога, чудеснымъ для простого мыслящаго человѣка знаніемъ, которое мы называемъ инстинктомъ. Такъ было нѣкогда, но уже давно, очень давно; то былъ «золотой вѣкъ», царство Земли и ея силъ. Теперь не то: остальныя твари живутъ еще по законамъ Земли, за что и вкушаютъ ея дары и пользуются исходящимъ отъ нея знаніемъ, но человѣкъ ихъ нарушаетъ. Человѣкъ живетъ въ открытой враждѣ съ Землей: онъ остріемъ заступа и плуга разрываетъ широкую грудь Земли, заставляя ее производить посѣянные имъ плоды; онъ остріемъ сѣкиры разрушаетъ ея вѣковой зеленый плащъ; онъ остріемъ кирки пробиваетъ себѣ доступъ въ ея внутренности—in viscera Terrae. Не Земля его научила такъ насиловать ее; это было дѣломъ мятежнаго Духа, возставшаго противъ Земли и ея силъ. Побѣда Духа надъ Землей и ея силами положила начало человѣческой культурѣ; тогда разгнѣванная вѣщая Земля скрыла свое знаніе. Ощупью ищи вѣрнаго пути, страдай, чтобы твой мучительный опытъ пошелъ тебѣ впрокъ, погибай, чтобы твоя смерть послужила урокомъ другимъ,—таковъ былъ новый законъ Духа, за которымъ послѣдовалъ человѣкъ. Этого Духа древніе греки называли Зевсомъ или, вѣрнѣе, возвели въ роль этого Духа своего древнѣйшаго бога неба и дня, предвѣчнаго (выражаясь миѳологиче-

ски) супруга предвѣчной Земли. «Это ты,—говоритъ Эсхилъ въ своей глубокомысленной молитвѣ Зевсу,—повелъ человѣка по пути сознанія, ты повелѣлъ, чтобы слово: *«страданіемъ учись»* стало закономъ».

Итакъ Зевсъ во главѣ своихъ силъ одержалъ побѣду надъ Землей и ея силами—Титанами; Земля смирилась, но не навсегда. Она знаетъ, что великое лѣто человѣческой культуры, имѣя начало, должно имѣть и конецъ; зная это, она «задумала славное дѣло» предательства и убійства противъ своего побѣдоноснаго супруга. Онъ вѣдь не знаетъ, что онъ «обреченъ»; свое знаніе она оставила при себѣ; и вотъ она тайно лелѣетъ своего Змѣя—змѣй былъ у древнихъ символомъ гибельной силы Земли—или своихъ Змѣевъ (число безразлично), своихъ Гигантовъ. Придетъ время, и Зевсъ со своими силами падетъ подъ натискомъ Гигантовъ, наступитъ великая зима въ жизни человѣчества. Но и она не будетъ вѣчной; предсказывая неизбѣжную гибель человѣческой культуры, древняя мудрость и тутъ, какъ это было естественно, открывала ей надежду на возрожденіе; придетъ Солнце-богатырь, придетъ сынъ того убитаго Духа; онъ отмститъ за отца, онъ поразитъ Землю и взлелѣяннаго ею Змѣя—и наступитъ новое свѣтлое царство духа, новое великое лѣто.

Такова общая мысль древнѣйшей германской и греческой миѳологій; несмотря на открывавшуюся въ далекой перспективѣ надежду, ихъ характеръ былъ грустный, такъ какъ гибель представлялась болѣе близкой, чѣмъ возрожденіе, и эта гибель была неотвратима. Да, неотвратима; для выраженія этой неотвратимости былъ созданъ тоже общій обѣимъ миѳологіямъ миѳъ о Гераклѣ-Сигурдѣ, намѣченномъ рокомъ спасителѣ боговъ, который гибнетъ, не успѣвъ совершить свой подвигъ, гибнетъ не отъ руки враговъ, а отъ руки той Дѣвы, для которой онъ дороже всего на свѣтѣ. Германцы покорились неотвратимости своихъ «сумерекъ боговъ», своей Götterdämmerung, но греки преодолѣли ее путемъ новаго прогресса, наступившаго много времени послѣ ихъ отдѣленія отъ остальныхъ вѣтвей арійскаго племени и принадлежащаго поэтому имъ однимъ. Объ этомъ будетъ рѣчь тотчасъ; теперь же окинемъ еще разъ взоромъ только что развитый нами главный миѳъ религіи Зевса, общій германскому и греческому племени.

Земля, «задумавшая славное дѣло» (по гречески: Клитемнестра), живетъ усмиренной, но въ душѣ мятежной супругой Зевса, «обреченнаго» (по гречески Агамемнона). Задумала она свое дѣло при помощи Змѣя-Эгисѳа; придетъ время, когда подъ ихъ ударами погибнетъ Агамемнонъ, и Клитемнестра съ Эгисѳомъ будутъ царствовать надъ людьми. Но и этому царству наступитъ конецъ; придетъ сынъ Агамемнона, Солнце-богатырь, мститель за убитаго; отъ его руки падутъ и Эгисѳъ, и Клитемнестра, и онъ унаслѣдуетъ царство своего отца. Уже въ этой формѣ миѳа мы имѣемъ и мужеубійство, и матереубійство, но оба они еще не ощущаются, какъ нарушенія нравственнаго закона.

Пока названныя лица хоть смутно сознавались, какъ олицетворенія физическихъ началъ, нравственная сторона дѣла оставалась надъ порогомъ сознанія. Нуженъ былъ великій религіозный переворотъ въ жизни греческаго народа для того, чтобы физическая сторона была предана забвенію, и нравственная, въ силу которой нашъ миѳъ сдѣлался носителемъ идеи оправданія, выступила на первый планъ; этимъ переворотомъ была *реформа религіи Зевса подъ вліяніемъ религіи Аполлона.*

III.

Всякая религія, содержащая ученіе о мессіи, содержитъ именно въ немъ зародышъ своего собственнаго разрушенія; рано ли, поздно ли, но обѣщанный мессія долженъ явиться и увлечь за собою сердца. Мессіанскіе элементы древнегерманской религіи подготовили почву для торжества христіанства; для греческой же религіи Зевса необходимость реформы, соотвѣтственно болѣе быстрому росту греческой культуры, явилась много ранѣе. Въ неопредѣлимое точнѣе время, въ эпоху возникновенія древнѣйшихъ гомерическихъ поэмъ, культъ свѣтлой божественной четы, Аполлона и Артемиды (Діаны) сталъ распространяться по Греціи. Проникъ онъ туда съ Востока: для Гомера Аполлонъ еще троянскій богъ. Быть можетъ, его родина еще восточнѣе; по крайней мѣрѣ, персы, вторгаясь въ Элладу, оказывали уваженіе Аполлону и Артемидѣ, признавая въ нихъ своихъ родныхъ боговъ. Но какъ бы тамъ ни было, древнѣйшіе слѣды указываютъ на Трою: тамъ за неприступными утесами Иды есть блаженная страна вѣчнаго свѣта, Ликія (Lycia=Lucia), населенная благочестивымъ «загорнымъ» народомъ—гиперборейцами. Тамъ обычное мѣстопребываніе Аполлона; съ этой своей святой горы спускается онъ къ смертнымъ.

Оттуда его культъ распространился на западъ; въ греческую территорію онъ проникъ чрезъ ту же историческую тѣснину, чрезъ которую и позже вторгались побѣдоносные враги—черезъ Ѳермопилы. Эта мѣстность была полна воспоминаній о Гераклѣ, безвременно погибшемъ спасителѣ боговъ; воспоминанія эти были отличной почвой для воспріятія новой религіи: гдѣ погибъ Гераклъ, тамъ торжествовалъ Аполлонъ. Изъ Ѳермопилъ культъ новаго бога двинулся далѣе на юго-западъ, въ срединную часть Греціи; здѣсь была гора Парнассъ и на ней самое древнее святилище Земли. Его-то и занялъ Аполлонъ, являясь во всѣхъ смыслахъ обѣщаннымъ религіей Зевса мессіей; здѣсь онъ убилъ Змѣя, взлелѣяннаго Землей, исторгъ у нея знаніе, которое она скрывала, и основалъ свой древнѣйшій дельфійскій храмъ и оракулъ. Парнассъ сталъ святой горой Аполлона, главнымъ центромъ его культа рядомъ съ Ѳермопилами. Связь между этими двумя центрами существовала и въ историческое время: всегда собранія такъ называемыхъ амфиктіоновъ (т.-е. представителей отъ государствъ, обязавшихся защищать

Дельфійскій храмъ) начинались въ Ѳермопилахъ или, какъ ихъ проще называли, въ Пилахъ, но продолжались на святой горѣ въ Дельфахъ. Эта же связь получила и миѳологическое выраженіе, довольно своеобразное,—въ раздвоеніи личности Аполлона на Аполлона-представителя Пилъ и Аполлона-представителя горы; первый былъ нареченъ Пиладомъ, второй (отъ греческаго oros—«гора») Орестомъ. Такъ-то возникла въ фантазіи грековъ эта знаменитая и по нынѣ чета.

Подъ вліяніемъ культа Аполлона, древнѣйшая религія Зевса была реформирована. Аполлонъ убилъ Змѣя, взлелѣяннаго Землей, Змѣя, грозившаго гибелью Зевсу,—стало быть, этой гибели не бывать: вѣчность обезпечена царству Зевса. Но все, что началось, должно и кончиться; царство Зевса кончиться не должно,—значитъ, оно не могло имѣть и начала. Зевсъ предвѣченъ и вѣченъ. Нѣтъ ему гибели; нѣтъ и причинъ гибели, нѣтъ вражды между нимъ и Землей; когда религія Аполлона проникла и въ древнѣйшій центръ культа Зевса, въ Додону, она устами вдохновенной жрицы—пророчицы новаго бога—вмѣстила въ двухъ стихахъ сущность происшедшей реформы:

Есть Зевсъ, былъ онъ и будетъ; воистину молвлю, великъ Зевсъ!
Зиждетъ плоды вамъ Земля, величайте же матерью Землю!

Конечно, дореформенная религія, имѣвшая въ своемъ основаніи борьбу Духа и Земли, была глубокомысленнѣе новой, но зато новая была жизнерадостнѣе: можно было свободнѣе вздохнуть, не чувствуя близъ себя пасти Змѣя, не думая о тяготѣющей надъ богами и надъ культурой человѣчества гибели.

Что же касается стариннаго миѳа религіи Зевса, миѳа о Зевсѣ-Агамемнонѣ и Землѣ-Клитемнестрѣ, то и онъ былъ дополненъ подъ вліяніемъ новой религіи. Обѣщанный Солнце-богатырь сталъ, конечно, Аполлономъ, а именно Аполлономъ святой горы, гдѣ былъ убитъ Змѣй, Орестомъ; Аполлонъ же привелъ съ собою и свою сестру, «лучезарную» Артемиду-Электру. Все же роль этой послѣдней была довольно неопредѣленной, такъ какъ она не была органической, первоначальной частью миѳа. Но со всѣми этими дополненіями нашъ миѳъ не могъ долѣе оставаться богословскимъ миѳомъ: Зевсъ-Агамемнонъ вѣдь погибаетъ отъ руки Земли-Клитемнестры; по религіи же Аполлона, Зевсъ былъ вѣченъ и жилъ въ мирѣ съ матерью Землей. И вотъ божественные элементы миѳа мало по малу предаются забвенію: передъ нами уже не Зевсъ-Агамемнонъ, не Земля-Клитемнестра, а просто Агамемнонъ, Клитемнестра, Эгисѳъ, Орестъ, Электра;—къ счастью, въ Спартѣ сохранился до историческихъ временъ культъ «Зевса-Агамемнона», какъ живое доказательство первоначальнаго богословскаго характера всего миѳа. Вмѣстѣ съ Зевсомъ, и царство его спустилось съ неба на землю: тотъ Асгардъ греческой религіи—«бѣлый» городъ боговъ, въ которомъ былъ царемъ Зевсъ-Агамемнонъ, былъ локализированъ въ Греціи то какъ пелазгическій, то какъ ахейскій «Аргосъ». Весь масштабъ

измѣнился: разъ гигантскіе и туманные образы сѣдой старины были низведены до человѣческой нормы и стали ясны и пластичны—къ ихъ дѣяніямъ стала приложима и человѣческая оцѣнка: съ утратой богословскаго элемента выдвинулся на первый планъ элементъ нравственный. Клитемнестра стала просто невѣрной женой, замыслившей вмѣстѣ со своимъ любовникомъ убійство своего супруга; Орестъ сталъ вѣрнымъ сыномъ, отомстившимъ за смерть своего отца... Кстати: онъ сдѣлалъ это по приказанію Аполлона, подъ святой горой котораго онъ воспитывался; въ этомъ сохранился слѣдъ первоначальнаго тожества Ореста съ Аполлономъ святой горы. Всѣ эти человѣческія дѣйствія требовали человѣческой мотивировки; ее далъ первый поэтъ, обработавшій нашъ миѳъ—авторъ такъ называемой киклической поэмы «о возвращеніяхъ богатырей» (Nostoi), приписываемой въ древности Гомеру. Человѣческая же мотивировка разсчитана на возбужденіе человѣческихъ же чувствъ симпатіи и антипатіи; весь миѳъ построенъ такъ, чтобы наши симпатіи были на сторонѣ предательски убитаго царя и его мстителя, юнаго богатыря Ореста; но съ матереубійцей мы симпатизировать не можемъ. Вотъ почему въ поэзіи замѣчается тенденція выдвинуть убійство Орестомъ *Эгисѳа*, безчестнаго обольстителя супруги своего царя, и предать забвенію убійство имъ самой Клитемнестры. «Или ты не слышалъ», говоритъ въ Одиссеѣ Аѳина Телемаху,—

«Славу какую стяжалъ среди смертныхъ Орестъ богоравный
Тѣмъ, что Эгисѳа сразилъ нечестивца, который однажды
Смерти Атрида предалъ? За отца своего отомстилъ онъ;
Такъ же и ты, дорогой,—ты не даромъ могучъ и прекрасенъ—
Мужественъ будь, дабы добрымъ тебя также словомъ почтили».

И мы можемъ быть увѣрены, что современемъ нравственность взяла бы свое. Клитемнестра была бы устранена изъ миѳа и какъ непосредственная исполнительница казни надъ своимъ супругомъ, и какъ жертва мести со стороны своего сына; и тутъ, и тамъ ея мѣсто занялъ бы Эгисѳъ, а ей досталась-бы второстепенная роль—роль кающейся грѣшницы, которую не трудно было бы простить побѣдоносному сыну. Это, повторяю, несомнѣнно случилось бы, если бы не религіозная реакція восьмого и седьмого вѣковъ. Нашъ миѳъ имѣлъ счастье или несчастье попасть въ это реакціонное теченіе, и оно, сохраняя его въ его первоначальной формѣ, придало ему новое содержаніе, такое, о которомъ до тѣхъ поръ и рѣчи не было.

Центромъ этой религіозной реакціи былъ тотъ же дельфійскій оракулъ на святой горѣ Аполлона.

IV.

Въ гомерическомъ гимнѣ въ честь Аполлона-делосскаго богиня острова Делоса, которому суждено было сдѣлаться мѣстомъ рожденія новаго бога, говоритъ по этому поводу родильницѣ:

Властолюбивъ, говорятъ, будетъ сынъ Аполлонъ твой, Латона,
Первымъ онъ быть пожелаетъ боговъ среди сонма безсмертныхъ,
Первымъ средь смертныхъ людей.

Властолюбіе было отличительной чертой культа Аполлона въ Греціи или, говоря правильнѣе, той небольшой кучки жрецовъ и жрицъ, которая вѣдала этотъ культъ въ Дельфахъ. Исторія не сохранила памяти объ индивидуальныхъ дѣяніяхъ каждаго и каждой изъ нихъ, и это жаль: она лишила насъ этимъ знакомства съ цѣлымъ рядомъ выдающихся своимъ умомъ и силой, беззавѣтно преданныхъ своему дѣлу и вѣрующихъ людей... подлинно ли вѣрующихъ? Прошли, къ счастью, тѣ времена, когда передовые люди могли представлять себѣ умныхъ руководителей религіозной силы человѣчества только лицемѣрами; мы знаемъ теперь (или, по крайней мѣрѣ, могли бы знать), что искренней вѣрѣ легко поддержать въ человѣкѣ тотъ священный огонь, благодаря которому его жизнь становится сплошнымъ подвигомъ на благо человѣчества, но что выдержанное въ теченіе цѣлой жизни (не говоря уже о цѣломъ радѣ поколѣній) лицемѣріе есть нѣчто чудовищное, превосходящее человѣческія силы. И если бы дельфійскій храмъ сохранилъ портреты своихъ верховныхъ жрецовъ, мы безъ труда признали бы въ одномъ изъ нихъ—Григорія Великаго, въ другомъ—Григорія VII, въ третьемъ—Иннокентія III. Святая гора въ Дельфахъ и святой престолъ въ Римѣ—поразительно схожія явленія; объ этомъ сходствѣ намъ не разъ придется вспоминать.

Но, какъ я сказалъ, индивидуальныя дѣянія дельфійскихъ жрецовъ забыты; мы можемъ судить только о коллективныхъ дѣяніяхъ дельфійскаго бога. Ихъ цѣлью была, съ одной стороны, духовная гегемонія надъ эллинами и, если возможно, также и надъ другими людьми (по скольку тутъ роль играла политика, о ней рѣчь будетъ ниже); съ другой стороны сочетаніе нравственнаго элемента съ религіознымъ, чуждое древней дореформенной религіи Зевса. Положимъ, въ этомъ отношеніи религія Аполлона стоитъ не особнякомъ—ту же цѣль поставили себѣ и обѣ другія новыя религіи, религія Деметры (Цереры) и Діониса (Вакха). Разница состоитъ однако въ томъ, что эти двѣ религіи старались достигнуть своей цѣли путемъ тайныхъ обществъ; ихъ адепты должны были дать посвятить себя въ элевсинскія или орфическія *таинства*. Напротивъ, религія Аполлона стремилась къ своей цѣли открыто, не зная никакихъ таинствъ; дельфійскій храмъ былъ открытъ для всѣхъ, всѣхъ одинаково встрѣчалъ вырѣзанный надъ его дверями глубокомысленный девизъ: «познай самого себя».

Радостной вѣстью новой религіи былъ, какъ мы видѣли, миръ Зевса и Земли. Самъ дельфійскій храмъ стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда находилось самое славное святилище вѣщей Земли; умилостивленіе Земли стало главнымъ требованіемъ Аполлоновой религіи. Но Земля была не только кормилицей смертныхъ, той, которая «зиждетъ

имъ плоды»: она же принимала ихъ души, когда наступала ихъ смерть. Вотъ почему *культъ душъ* сдѣлался главнымъ предметомъ вниманія Аполлона. Удивительна была въ этомъ отношеніи безпечность въ эпоху паденія религіи Зевса, изображенную въ Гомеровскихъ поэмахъ. Ея главное правило—«мертвый въ гробѣ мирно спи, жизнью пользуйся живущій»,—пока очередь не дойдетъ и до тебя; а тамъ и тебя приметъ обитель Аида, и ты будешь навѣки отдѣленъ отъ міра живыхъ. Убьютъ у тебя сына или близкаго родственника—это причинитъ тебѣ извѣстное огорченіе, въ возмѣщеніе котораго ты можешь требовать отъ убійцы соотвѣтствующей суммы наслажденій, другими словами—виры; но онъ имѣетъ дѣло исключительно съ тобой и съ твоимъ огорченіемъ, а не съ убитымъ. Убитый самъ по себѣ никакихъ правъ не имѣетъ, онъ «въ гробѣ мирно спи».

Теперь не то. Подъ легкимъ слоемъ гомеровской безпечности въ народѣ сохранились смутныя представленія первобытной эпохи анимизма, согласно которымъ мертвый не спитъ мирно въ гробѣ, а требуетъ себѣ дани отъ живущихъ, страшно карая тѣхъ, которые ему въ ней отказываютъ; согласно которымъ онъ, въ случаѣ убійства, не довольствуется ролью простого объекта сдѣлки между убійцей и своимъ ближайшимъ родственникомъ, а требуетъ крови убійцы, страшно карая тѣхъ, которыя ему въ ней отказываютъ. Вотъ эти-то представленія (мы встрѣчаемъ ихъ въ видѣ непонятыхъ пережитковъ даже въ гомеровскихъ поэмахъ) дали религіи Аполлона точку опоры для реформы, которую мы, именно по этой причинѣ, можемъ назвать религіозною реакціей. *Право души* было объявлено священнымъ, независимо отъ правъ переживших покойнаго родственниковъ; принимать виру стало безнравственнымъ. Если гдѣ-нибудь въ Греціи приключалось какое-либо несчастье, будь то чума, или неурожай, или какое-нибудь страшное преступленіе, и люди обращались съ запросомъ въ дельфійскій храмъ, то это несчастье объявлялось карой со стороны души какого-нибудь погибшаго мужа, разгнѣванной за то, что ей отказывали въ уходѣ или что ея убійцы остались безнаказанными. Въ теченіе ближайшихъ за реформой столѣтій вся Греція покрылась могилами такихъ «героевъ», какъ ихъ называли, культъ которыхъ былъ государственнымъ дѣломъ. Спѣшу прибавить, что въ этой примѣси къ новой религіи не было ничего мрачнаго. Правда, живущіе должны были удѣлять часть своихъ заботъ мертвымъ, но зато они сами съ большимъ спокойствіемъ могли думать о своей собственной смерти, зная, что и о нихъ не забудутъ. Этого было для начала достаточно; дальнѣйшіе шаги были сдѣланы религіями Деметры и Діониса, провозгласившими безсмертіе души и вѣчное блаженство добрыхъ и передавшими эти свѣтлые догматы Платону, а через Платона—намъ.

Въ культѣ душъ, повторяю, ничего мрачнаго не было; но вотъ гдѣ была опасность возникновенія мрачнаго, анти-соціальнаго института.

Вѣдь, если убитый могъ быть умилостивленъ только кровью убійцы, пролитой своимъ мстителемъ, то это значило, что теперь мститель долженъ былъ сдѣлаться убійцей, крови котораго вправѣ требовать убитый имъ первый убійца, и такъ далѣе; это значило, что каждое убійство должно сдѣлаться первымъ звеномъ цѣпи убійствъ, имѣющихъ прекратиться лишь съ уничтоженіемъ всего племени, гдѣ оно произошло. А между тѣмъ какой же другой исходъ оставался, разъ принятіе виры считалось безнравственнымъ? Исходъ былъ придуманъ Аполлономъ; онъ былъ такого рода, что, благодаря ему, Аполлонъ дѣйствительно сталъ первымъ среди сонма безсмертныхъ боговъ, руководителемъ совѣсти смертныхъ. Исходъ этотъ гласилъ такъ: «Нельзя откупиться деньгами отъ пролитой крови; *одинъ только Аполлонъ можетъ отпустить человѣку совершенное имъ убійство, очищая его отъ его грѣха*». Самъ Аполлонъ убилъ взлелѣяннаго Землей Змѣя, спустился къ царю преисподней и несъ у него рабскую службу въ теченіе одного «великаго года». Этой службой онъ очистилъ себя и пріобрѣлъ право очищать другихъ. Такимъ образомъ, *религія* устами Аполлона объявляла себя посредницей между человѣкомъ и его совѣстью; чистъ тотъ, кому Аполлонъ отпустилъ его грѣхъ; преступенъ тотъ, кому онъ его не отпустилъ.

Таковы были двѣ новыя истины аполлоновой религіи. Первая объявляла священнымъ право убитаго на кровавую месть; вторая обѣщала убійцѣ прощеніе при посредничествѣ дельфійскаго бога. Или, говоря правильнѣе, таково отвлеченное выраженіе этихъ истинъ; но въ ту эпоху, о которой идетъ рѣчь, люди не были еще пріучены думать отвлеченно—они думали миѳологически. Новыя истины требовали для своего выраженія миѳологической формы.

V.

Шло ли на встрѣчу этому требованію преданіе, которому посвященъ настоящій очеркъ, преданіе объ Орестѣ-матереубійцѣ?

У грековъ, какъ это, впрочемъ, естественно, мать считалась самымъ священнымъ для человѣка существомъ. Когда въ «Облакахъ» Аристофана сынъ, нравственно развинченный новомоднымъ софистическимъ воспитаніемъ, доказываетъ отцу, что, съ точки зрѣнія разума, онъ, сынъ, имѣетъ полное право наставлять своего отца побоями, отецъ его внимательно слушаетъ и даже, не будучи въ состояніи справиться съ его софистикою, соглашается съ нимъ; но когда молодой человѣкъ пытается доказать то же самое и по отношенію къ своей матери, чаша терпѣнія переполняется: отецъ его проклинаетъ и въ отчаяніи отправляется поджечь домъ его учителя. Матереубійство было, поэтому, изъ всѣхъ физически возможныхъ преступленій самымъ страшнымъ, самымъ возмутительнымъ. И вотъ причина, почему миѳъ объ Орестѣ, имѣющій своимъ центромъ матереубійство, былъ какъ нельзя болѣе пригоднымъ для выраженія новыхъ истинъ аполлоновой религіи.

Роковая непреложность какого-нибудь требованія выступаетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ непреодолимѣе представляется то препятствіе, надъ которымъ оно въ концѣ-концовъ торжествуетъ. Въ данномъ случаѣ первое требованіе гласитъ такъ: «сынъ убитаго долженъ умилостивить справедливый его гнѣвъ кровью его убійцы». Возникалъ вопросъ: безусловно ли? «Да,—отвѣчалъ Аполлонъ,—безусловно». Даже если убійцей была родная мать мстителя? «Да». Второе требованіе гласитъ такъ: «если убійца хочетъ, чтобы его грѣхъ былъ отпущенъ, пусть онъ обратится къ Аполлону; кого очиститъ Аполлонъ, тому нечего бояться гнѣва убитаго». Опять возникаетъ вопросъ: безусловно ли? И опять Аполлонъ долженъ былъ отвѣтить: «да, безусловно». Даже если убитой была родная мать? «Да». Эти два отвѣта долженъ былъ заключать миѳъ-носитель новыхъ истинъ аполлоновой религіи. Первый изъ нихъ уже былъ данъ миѳомъ объ Орестѣ, но только въ его первоначальной формѣ, а не въ той, которую, подъ вліяніемъ нравственно-поэтическихъ соображеній, придали ему пѣвцы гомеровской школы. Что касается второго отвѣта, то въ самомъ миѳѣ онъ еще не заключался, но очень легко могъ быть внесенъ въ него; для этого Дельфамъ нужно было только подвергнуть его соотвѣтственной редакціи, что они и сдѣлали. Вотъ какимъ образомъ миѳъ объ Орестѣ-матереубійцѣ попалъ въ реакціонно-реформенное теченіе восьмого вѣка, исходившее изъ дельфійскаго храма; выборъ Дельфовъ долженъ былъ остановиться на немъ тѣмъ болѣе, что онъ уже и безъ того, въ послѣднемъ развитіи своей богословской формы, содержалъ въ себѣ аполлоновскій элементъ въ лицѣ Ореста и его сестры Электры, изъ которыхъ первый былъ, какъ мы видѣли, первоначально самимъ Аполлономъ святой горы, а вторая—сестрой его, Артемидой.

Отношеніе другъ къ другу обѣихъ редакцій нашего миѳа, гомеровской и дельфійской, лучше всякихъ отвлеченныхъ разсужденій покажетъ намъ существенность религіозной реформы, состоявшейся между той и другой; будетъ, поэтому, полезнымъ представить читателю ту и другую. Первую мы можемъ разсказать словами самого Гомера въ «Одиссеѣ»; вторая намъ не сохранилась, но, такъ какъ подъ ея вліяніемъ находились и нѣкоторыя позднѣйшія поэмы, и въ особенности фигурные памятники, то мы имѣемъ и о ней довольно точное представленіе.

Что касается, прежде всего, гомеровской редакціи, то она состоитъ въ слѣдующемъ. Отправляясь подъ Трою, Агамемнонъ оставилъ своего младенца-сына Ореста и свое царство, Аргосъ, подъ властью своей жены Клитемнестры. Воспользовавшись его отсутствіемъ, его двоюродный братъ Эгисѳъ сталъ склонять ее къ измѣнѣ. Она долго сопротивлялась ему: «сердцемъ она одарена была добрымъ», говоритъ Гомеръ, явно стремящійся выгородить ее; къ тому же ея мужъ, уѣзжая, оставилъ ее подъ охраной пѣвца—да, именно пѣвца; въ этой малень-

кой подробности сказывается гордость эпическихъ поэтовъ, чувствовавшихъ себя нравственной силой до тѣхъ поръ, пока этой роли не потребовала для себя религія. Но вотъ неизбѣжное совершилось: пѣвецъ-хранитель былъ удаленъ на пустынный островъ, гдѣ онъ сталъ добычею хищныхъ птицъ, а Клитемнестра стала супругой Эгисөа. Нѣкоторое время спустя Троя пала; Агамемнонъ съ добычей, среди которой находилась троянская царевна Кассандра, вернулся въ свой родной Аргосъ. Эгисөъ, увѣдомленный объ его прибытіи, вышелъ къ нему на встрѣчу и пригласилъ его на пиръ; и вотъ, за дружеской трапезой онъ убилъ его, «какъ быка убиваютъ за яслями». Умирая, Агамемнонъ услышалъ жалобный голосъ—голосъ Кассандры, пораженной на смерть ударомъ Клитемнестры; долго метался онъ на землѣ, Клитемнестра же ушла, не закрывъ даже глаза убитому мужу. Вотъ, значитъ, въ чемъ ея преступленіе; убійцей мужа она по этой редакціи не была. Семь лѣтъ царствовалъ Эгисөъ надъ Аргосомъ; на восьмой годъ Орестъ вернулся изъ Аөинъ (какъ онъ туда попалъ, объ этомъ ниже, § 7), убилъ Эгисөа и торжественно со всѣми аргосцами отпраздновалъ тризну по «преступной матери и безсильномъ Эгисөѣ». Это послѣднее мѣсто очень характерно. Лишь вскользь упоминаетъ пѣвецъ о томъ, что и Клитемнестра погибла, онъ не хочетъ дѣлать изъ нея предмета вниманія; главное—Эгисөъ, онъ былъ и убійцей Агамемнона, и жертвой мести со стороны его сына. Итакъ, тризна отпразднована; что же дальше? Орестъ сталъ царемъ и прославился какъ мститель за своего отца; его ставили въ примѣръ и другимъ, какъ добраго и вѣрнаго сына. А Клитемнестра съ Эгисөомъ? О нихъ далѣе и рѣчи нѣтъ; «спящій въ гробѣ мирно спи». Такова гомеровская редакція; разсмотримъ теперь вслѣдъ за ней редакцію дельфійскую.

Клитемнестра дала себя обольстить Эгисөу и съ нимъ вмѣстѣ задумала убійство Агамемнона, живя въ Лаконикѣ, въ городѣ Амиклахъ, близъ Спарты (эта новая локализація была введена подъ вліяніемъ политической эволюціи, о которой рѣчь будетъ ниже). У Эгисөа, однако, главнымъ побужденіемъ была не любовь и не жажда власти; на немъ лежалъ долгъ кровавой мести за своихъ маленькихъ братьевъ, варварски убитыхъ отцомъ Агамемнона; ихъ тѣнь требуетъ возмездія; за убійцу, котораго уже нѣтъ, долженъ пасть его сынъ. Преступленіе было совершено непосредственно послѣ того, какъ Агамемнонъ со своимъ вѣрнымъ глашатаемъ Талөибіемъ вернулся изъ-подъ Трои; когда онъ вошелъ въ купель, чтобы омыться послѣ долгаго путешествія, Клитемнестра надѣла на него длинный плащъ, на подобіе рубашки безъ рукавовъ, чтобы онъ не могъ защищаться, а затѣмъ сѣкирой убила его; Эгисөъ же непосредственнаго участія въ преступленіи не принималъ. Онъ дѣйствовалъ черезъ Клитемнестру; поэтъ дельфійской Орестеи нарочно выдвигаетъ на первый планъ ее, чтобы объектомъ кровавой мести для сына была родная мать—мы видѣли, почему

именно этотъ пунктъ былъ драгоцѣненъ для Дельфовъ. Сынъ этотъ былъ тогда еще малолѣтнимъ. Разумѣется, Эгисѳъ бы его не пощадилъ, его, въ которомъ онъ долженъ былъ видѣть будущаго мстителя за смерть отца и постоянную угрозу для себя самого; къ счастью, кормилица мальчика во время тайно увела его и передала Талѳибію, а этотъ увезъ его изъ страны къ давнишнему кунаку Агамемнона, царю фокейской Крисы у подножія святой горы Аполлона; тотъ и воспиталъ его вмѣстѣ съ собственнымъ сыномъ, Пиладомъ. Когда онъ выросъ, онъ обратился къ дельфійскому богу съ вопросомъ, что ему дѣлать; богъ пригрозилъ ему страшнымъ наказаніемъ, въ случаѣ, если бы онъ уклонился отъ долга кровавой мести, и велѣлъ ему хитростью бороться съ силой. Послѣ этого отвѣта Орестъ съ Пиладомъ и Талѳибіемъ отправились въ Амиклы. Въ то же время и Клитемнестрѣ приснился страшный сонъ: будто она своей грудью кормитъ маленькаго змѣя, и этотъ змѣй впивается зубами въ ея грудь и вмѣсто молока высасываетъ ея кровь. Встревоженная сномъ, виновникомъ котораго она считаетъ своего покойнаго мужа, она посылаетъ свою дочь Электру вмѣстѣ со старой кормилицей принести умилостивительныя возліянія на его могилу. И вотъ, у могилы Агамемнона, гнѣвная тѣнь котораго незримо стоитъ въ центрѣ событій, происходитъ тайный разговоръ между братомъ и сестрой; цѣль его — открыть троимъ посланцамъ дельфійскаго бога доступъ въ царскія палаты. Это удается; увидѣвъ Эгисѳа на престолѣ своего отца, Орестъ бросается на него съ мечомъ въ рукѣ. Тщетно царскіе тѣлохранители спѣшатъ ему на помощь: Пиладъ не даетъ имъ приблизиться къ царю. Тогда Клитемнестра, съ сѣкирой въ рукахъ,—той самой, которой она раньше убила мужа,—заступается за Эгисѳа; но Талѳибій вырываетъ ее изъ ея рукъ, а Орестъ, покончивъ съ Эгисѳомъ, тутъ же убиваетъ и свою мать, несмотря на всѣ ея мольбы.

А дальше?.. Въ этомъ и заключается характерная черта дельфійской редакціи, что она ставитъ этотъ вопросъ, не существующій для гомеровской эпохи. Убійство матери сыномъ вызываетъ изъ преисподней богинь-мстительницъ Эриній; онѣ преслѣдуютъ убійцу, не давая ему покоя; онъ не можетъ оставаться въ Амиклахъ, онъ бѣжитъ на сѣверъ, къ храму того бога, который руководилъ его душой. И Аполлонъ не оставилъ его и далъ ему лукъ и стрѣлы, чтобы защищаться отъ преслѣдованія Эриній. Преисподняя безсильна противъ стрѣлъ, отъ которыхъ нѣкогда погибъ великій Змѣй; Эриніи вернулись въ свою мрачную обитель, и Орестъ окончательно занялъ престолъ своего отца.

VI.

Съ точки зрѣнія аполлоновой религіи преданіе объ Орестѣ было установлено навсегда въ только что представленной формѣ и болѣе

развиваться не могло; вся Греція, видѣвшая въ Аполлонѣ «бога» вообще, приняла ее въ этомъ видѣ. Дальнѣйшее видоизмѣненіе нашего преданія было послѣдствіемъ дальнѣйшей эволюціи нравственныхъ идей, которая состоялась, однако, не на почвѣ аполлоновой религіи, а какъ протестъ противъ нея. Исходнымъ пунктомъ для этого протеста были Аѳины; такъ какъ ему способствовала политическая эволюція ближайшихъ за дельфійской реакціей столѣтій, то мы должны здѣсь прежде всего поговорить о ней, и въ связи съ ней—*о политическомъ значеніи преданія объ Орестѣ вообще.*

Подъ вліяніемъ эпической поэзіи Агамемнонъ давно успѣлъ превратиться для грековъ въ историческое лицо; это былъ тотъ царь, который, въ силу унаслѣдованной отъ отцовъ власти, призвалъ прочихъ греческихъ царей къ общему походу противъ варваровъ. Всѣ они тогда послушно явились на его зовъ: и престарѣлый владыка мессенскаго Пилоса, и ретивый вождь ѳессалійскихъ мирмидонянъ, и юные начальники аѳинскаго народа, и царь сосѣдней братской Спарты, и хитроумный князь далекой Иѳаки. Иначе и быть не могло: на то у Агамемнона былъ священный, богоданный жезлъ, происхожденіе котораго было прекрасно извѣстно пѣвцамъ-гомеридамъ:

Тотъ жезлъ былъ Гефеста работой;
Мастеръ Гефестъ его Зевсу поднесъ, повелителю неба;
Зевсъ же Гермесу вручилъ, своему быстроногому сыну;
Тотъ его Пелопу-князю, наѣзднику отдалъ лихому;
Пелопъ Атрею оставилъ, народовъ чтобъ былъ властелиномъ;
Царь же Атрей, умирая, богатому отдалъ Ѳіесту;
Тотъ, наконецъ, Агамемнону далъ, дабы правилъ державно,
Многихъ царемъ острововъ и всего его Аргоса ставя.

Такъ-то Агамемнонъ сталъ царемъ надъ царями, управляя «всѣмъ Аргосомъ», т.-е. всей Греціей, земнымъ отраженіемъ небеснаго Аргоса-Асгарда, «бѣлаго города» боговъ. По смерти Агамемнона, богоданный жезлъ захватилъ Эгисѳъ, и народы съ ропотомъ повиновались ему; послѣ Эгисѳа онъ достался законному наслѣднику Оресту, освободившему отъ позора отчій домъ; но что же съ нимъ случилось дальше? Кому, послѣ Ореста, достался богоданный жезлъ, «многихъ царемъ острововъ и всего его Аргоса ставя»? Этого никто не зналъ; по изложеннымъ выше причинамъ имя Ореста было послѣднимъ именемъ генеалогіи Атридовъ.

Греческая исторія начинается съ переселенія племенъ, разрушившихъ доисторическую героическую культуру, о которой намъ дали представленіе раскопки Шлимана—точно такъ же, какъ исторія новой Европы начинается съ великаго переселенія народовъ, разрушившихъ римскую имперію. И здѣсь, и тамъ за эпохой переселенія послѣдовала долгая эпоха броженія, во время которой о главенствѣ одного народа или царя надъ другимъ не могло быть и рѣчи; но мало-по-малу изъ числа племенъ выдѣлилось одно, самое сильное и могущественное, и

выставило требованіе, чтобы другія подчинились ему. Это требованіе поддерживалось прежде всего силою, какъ это и естественно; но не менѣе естественнымъ было и желаніе къ силѣ присоединить право. Право состояло въ возстановленіи связи между новой гегемоніей и старой; чѣмъ для королей франковъ была римская корона, дѣлавшая ихъ наслѣдниками Цезарей и Августовъ, тѣмъ для новыхъ властителей въ Греціи былъ богоданный жезлъ Агамемнона и Ореста, послѣднихъ царей надъ царями, послѣднихъ носителей гегемоніи въ героической Греціи. Тутъ переходъ совершился даже еще естественнѣе: вѣдь замокъ Агамемнона, по разсказамъ поэтовъ, стоялъ въ «златомъ обильныхъ Микенахъ», на восточномъ полуостровѣ Пелопоннеса—немудрено, что ореолъ его славы озарилъ тотъ народъ, который занялъ этотъ полуостровъ. Здѣсь, недалеко отъ разрушенныхъ Микенъ, былъ построенъ городъ Аргосъ, одно имя котораго дѣлало его наслѣдникомъ власти надъ гомеровскимъ Аргосомъ, т.-е. Греціей; первый періодъ греческой исторіи былъ періодомъ преобладанія Аргоса надъ другими племенами—по крайней мѣрѣ, въ Пелопоннесѣ. Оно продолжалось до седьмого вѣка, когда аргивскій царь Фидонъ въ послѣдній разъ воплотилъ въ своей особѣ величіе Аргоса, какъ перваго среди пелопоннескихъ государствъ; но уже при его ближайшихъ потомкахъ Аргосъ потерялъ гегемонію. Она никогда болѣе къ нему не вернулась; отъ всего минувшаго величія ему ничего не осталось, кромѣ воспоминаній и звучавшаго горькой ироніей славнаго имени «бѣлаго города» боговъ.

Паденіе Аргоса было возвышеніемъ Спарты; оно состоялось въ последнюю половину седьмого вѣка. Будучи политически единой,—а не раздѣленной на удѣлы, подобно Аргосу,—завладѣвъ, къ тому же, сосѣдней Мессеніей, она была безъ всякаго сомнѣнія самымъ могущественнымъ въ Греціи государствомъ и могла помышлять о гегемоніи. Сила для этого у нея была; но было ли право? Нѣтъ; право было тамъ, гдѣ стояли развалины древняго города Атридовъ, въ Аргосѣ... Въ этомъ затруднительномъ положеніи Спарта поступила точно такъже, какъ въ средніе вѣка поступали саксонскіе и швабскіе герцоги, мечтавшіе объ императорской коронѣ. Тѣ обращались въ Римъ; Спарта обратилась въ Дельфы. Соперничество германскихъ князей доставило святому престолу въ Римѣ, кромѣ духовной, и свѣтскую власть; соперничество греческихъ племенъ доставило святой горѣ Аполлона, кромѣ духовной гегемоніи, о которой рѣчь была выше, и гегемонію свѣтскую. Спарта стала на два безъ малаго столѣтія мечомъ Эллады; но рука, поднимавшая этотъ мечъ, находилась въ Дельфахъ.

Дѣйствительно, гегемонія Спарты была гораздо болѣе на руку Дельфамъ, нежели гегемонія Аргоса, который, сильный своимъ правомъ, могъ прекрасно обходиться безъ нихъ. Право это имѣло основаніемъ не допускающую никакого сомнѣнія гомеровскую традицію, согласно которой Агамемнонъ, вождь эллиновъ, княжилъ именно въ Аргосѣ и

Микенахъ; недвусмысленность этой традиціи дозволяла аргосцамъ признать въ древнѣйшихъ героическихъ гробницахъ Микенъ гробницы Агамемнона, Клитемнестры и Кассандры. Всему этому съ помощью Дельфовъ былъ созданъ противовѣсъ. Прежде всего была сочинена, въ противовѣсъ гомеровской традиціи, та *дельфійская Орестея*, о которой рѣчь была выше; главная цѣль ея, какъ мы видѣли, была нравственно религіозная, но не трудно было заодно удовлетворить и политическимъ требованіямъ минуты, что̀ и было сдѣлано: вопреки Гомеру, ни Аргосъ, ни Микены, а спартанскія Амиклы были объявлены столицей Агамемнона. Именно Амиклы были очень удобны для этой цѣли; это былъ очень древній городъ; въ немъ были старинныя героическія гробницы, которыя со временемъ могли пригодиться. Все же Дельфы дѣйствовали медленно, исподволь. Въ Амиклахъ правился древній культъ богини Александры: ее-то отожествили съ пророчицей Кассандрой, которая была убита вмѣстѣ съ Агамемнономъ. Спартанскій культъ Зевса Агамемнона, восходившій еще къ космогонической формѣ миѳа, тоже долженъ былъ сослужить свою службу, хотя мы объ этомъ ничего точнаго не знаемъ. Все это было хорошо, но недостаточно: вѣдь богоданный жезлъ Агамемнона по праву перешелъ къ Оресту, онъ былъ послѣднимъ носителемъ эллинской гегемоніи; что же случилось съ Орестомъ? Слабость Аргоса состояла именно въ томъ, что онъ на этотъ вопросъ никакого отвѣта дать не могъ; а Спарта съ помощью Дельфовъ могла. Мы видѣли, что именно въ дельфійской традиціи Орестъ, какъ носитель дельфійской идеи оправданія, игралъ первенствующую роль; его очистилъ Аполлонъ—въ чемъ же состояло это очищеніе? Знать это могли одни только Дельфы, и они это знали: онъ велѣлъ ему привезти изъ Таврической земли кумиръ своей божественной сестры, Артемиды. Теперь дѣло обстояло очень просто; гдѣ находился этотъ кумиръ, тамъ и Орестъ провелъ свои послѣдніе дни. Гдѣ же онъ находился? Въ Греціи было нѣсколько древнѣйшихъ кумировъ этой богини; который же изъ нихъ былъ Таврическимъ? Рѣшить этотъ вопросъ могли одни Дельфы, какъ высшій авторитетъ въ духовныхъ дѣлахъ, и они рѣшили его въ пользу Спарты. Спартанскій кумиръ былъ объявленъ тѣмъ, который нѣкогда былъ привезенъ Орестомъ; въ подтвержденіе этого новаго откровенія была пущена въ оборотъ благочестивая легенда. Кумиръ этотъ, вѣщали Дельфы, былъ забытъ во время всеобщаго смятенія, послѣдовавшаго за переселеніемъ племенъ, но вотъ (въ 9-мъ в.) нѣкто Астрабакъ со своимъ братомъ его открыли и, неосторожно его коснувшись, сошли съ ума; учредите же культъ «герою» Астрабаку! Культъ былъ учрежденъ и подлинность спартанскаго кумира этимъ всенародно засвидѣтельствована. Орестъ кумиръ Таврической Артемиды привезъ въ Спарту—значитъ, онъ царствовалъ здѣсь; любители Гомера могли построить себѣ золотой мостъ предположеніемъ, что онъ здѣсь женился на дочери спартанскаго царя

Менелая. Теперь недоставало только одного, самаго главнаго, недоставало самого Ореста. Гдѣ находились останки послѣдняго носителя всеэллинской гегемоніи? Знать и указать это могъ только Аполлонъ, которому было извѣстно все. Наконецъ, въ 6-мъ вѣкѣ онъ рѣшился выдать Спартѣ великую тайну: по указаніямъ Дельфовъ состоялось «перенесеніе останковъ» Ореста въ Спарту, разсказъ о которомъ, интересный не одной только своей наивностью, сохранился у Геродота.

Такъ-то Дельфы и покровительствуемая ими Спарта шествовали все дальше и дальше по наклонной плоскости, первымъ шагомъ по которой была замѣна Микенъ Амиклами въ дельфійской Орестеѣ; все болѣе и болѣе вѣчные интересы вѣры и нравственности сковывались съ переходящими интересами политики. Дельфійская Орестея облетѣла всю Элладу, находя себѣ распространителей въ лицѣ первостепенныхъ поэтовъ шестого вѣка Стесихора, Симонида, Пиндара, не говоря о художникахъ; въ рукахъ Спарты находились оба палладіума всеэллинской гегемоніи, кумиръ Таврической Артемиды и останки Ореста,—что значило противъ такихъ вѣскихъ доказательствъ свидѣтельство свѣтскихъ пѣвцовъ, прославлявшихъ Аргосъ и Микены? И вотъ священное право Спарты, какъ законной наслѣдницы Агамемнона и Ореста, становится догматомъ въ Элладѣ; когда, въ виду персидскаго погрома, сиракузскій царь Гелонъ условіемъ помощи, о которой его просили, поставилъ требованіе, чтобы его избрали начальникомъ греческихъ войскъ, — спартанскій посолъ гордо отвѣтилъ ему: «застонетъ же Пелопидъ Агамемнонъ, узнавъ, что спартанцы дали отнять у себя гегемонію Гелону и сиракузянамъ!» Такова была незыблемая опора священнаго права Спарты.

Со Спартой торжествовали и Дельфы; ихъ духовная гегемонія въ Элладѣ была неоспорима, мало того: въ качествѣ главнаго распорядителя греческой колонизаціи они въ значительной мѣрѣ руководили внѣшней политикой Греціи. Одно было нехорошо, и дельфійскіе жрецы при своей политической мудрости врядъ ли могли ошибаться на этотъ счетъ: отдавъ Спартѣ Ореста, Дельфы навѣки связали себя съ ней и лишили себя возможности, на случай, если бы этотъ ихъ мечъ притупился, прибѣгнуть къ другому.

VII.

Притупился онъ въ началѣ пятаго вѣка, въ эпоху персидскаго погрома, когда Спарта была вынуждена подѣлиться своей гегемоніей съ новымъ и маловліятельнымъ до тѣхъ поръ государствомъ—Аѳинами. Легко было себѣ представить, что этотъ дѣлежъ не болѣе, какъ временная мѣра, что Аѳины, гордыя своими заслугами и сознаніемъ своей физической и интеллектуальной силы, будутъ стремиться къ тому, чтобы весь богоданный жезлъ Агамемнона оказался въ ихъ рукахъ. При

такомъ положеніи дѣлъ ихъ отношеніе къ Дельфамъ не могло быть дружелюбнымъ: къ нравственному антагонизму, о которомъ рѣчь будетъ въ слѣдующей главѣ, прибавился антагонизмъ политическій.

Въ этомъ отношеніи роль Аѳинъ сильно напоминаетъ роль Венеціи къ исходу среднихъ вѣковъ. Какъ извѣстно, Венеція во всемъ, что касается религіи, была вѣрной дочерью католической церкви—врядъ ли гдѣ-либо можно было найти такое обиліе и богатство храмовъ, такую глубокую и щепетильную набожность, какъ въ городѣ св. Марка; это, однако, не мѣшало ему быть самымъ ярымъ противникомъ расширенія свѣтской власти папъ. Не иначе и «богобоязненныя Аѳины», какъ ихъ называли, относились къ святой горѣ Аполлона. Нигдѣ не было такого количества храмовъ, нигдѣ праздники не обходились съ такимъ благолѣпіемъ, какъ въ городѣ Паллады, мало того—врядъ ли гдѣ-либо такъ часто обращались въ религіозныхъ дѣлахъ къ дельфійскому богу, новый храмъ котораго былъ отстроенъ въ значительной мѣрѣ на аѳинскія деньги. И все это ничуть не мѣшало Аѳинамъ въ политическихъ вопросахъ выступать противъ интересовъ Дельфовъ. Ничто не характеризуетъ лучше оригинальности этого двойственнаго положенія, какъ счастливый для Аѳинъ исходъ «священной войны» пятаго вѣка: этимъ исходомъ, съ одной стороны, уничтожалась свѣтская власть Дельфовъ, т.-е. независимость ихъ территоріи отъ окружающаго ее государства, съ другой стороны аѳинскимъ посламъ выговаривалось право первымъ быть допускаемыми къ дельфійскому оракулу.

Нечего говорить, что Аѳинамъ въ ихъ стремленіи къ гегемоніи на поддержку Дельфовъ нельзя было разсчитывать, а все же было желательно узаконить эти стремленія возстановленіемъ связи между древней гегемоніей Атридовъ и новой, о которой мечтали Аѳины. Было желательно, да, но не болѣе. Время брало свое, и политическая миѳологія начинала терять кредитъ. Все же нѣкоторые шаги въ этомъ направленіи были сдѣланы, хотя, насколько мы можемъ судить, не государствомъ. Въ ближайшемъ сосѣдствѣ со Спартой все еще стоялъ поруганный ею царственный Аргосъ, увѣнчанный ореоломъ своихъ великихъ воспоминаній; стали помышлять о томъ, чтобы по возможности ближе связать его съ Аѳинами. Первый, въ головѣ котораго возникла эта мысль, былъ въ то же время первый аѳинянинъ, задумавшій осуществить идею аѳинской гегемоніи — тиранъ Писистратъ; имѣя уже власть въ своихъ рукахъ, онъ женился на аргивянкѣ и далъ сыну, котораго она ему родила, гордое имя «начальникъ войска» (Гегесистратъ), воскрешая этимъ память о героическомъ начальникѣ греческаго войска Агамемнонѣ; а что эта аргивянка была изъ царскаго рода, видно изъ того, что, вслѣдствіе ихъ брака, аргосцы стали союзниками аѳинянъ. Правда, гомеровская традиція, на которой Аргосъ основывалъ свои права, была вытѣснена дельфійской; тѣмъ желательнѣе было для Писистрата водворить первую во всѣхъ ея правахъ. Его заботы объ

очищеніи и распространеніи гомеровскихъ поэмъ извѣстны; взамѣнъ ихъ онъ могъ требовать, чтобы слѣпой пѣвецъ подтвердилъ своимъ свидѣтельствомъ нѣкоторыя, не вполнѣ достовѣрныя, но любезныя аѳинянамъ вѣрованія. Мы знаемъ о нѣкоторыхъ «поправкахъ», введенныхъ въ текстъ Гомера именно въ правленіе Писистрата и въ Аѳинахъ, и врядъ ли ошибемся, относя къ нимъ и затронутое выше (§ 5) загадочное мѣсто, согласно которому Орестъ вернулся въ Аргосъ не изъ Дельфовъ, а изъ Аѳинъ. А если Аѳины вскормили юнаго птенца убитаго микенскаго орла, то не естественно ли, что, покинувъ Аргосъ послѣ убійства имъ своей матери и давъ себя очистить Аполлону, онъ *вернулся въ Аѳины?* Такъ-то въ Аѳинахъ зарождается вѣрованіе: не въ Аргосъ и подавно не въ Спарту вернулся очищенный богомъ Орестъ, носитель идеи всеэллинской гегемоніи, а въ Аѳины; въ Аѳинахъ богоданный жезлъ Атридовъ пустилъ новые отпрыски. Вернулся же онъ, какъ мы видѣли выше (§ 6), съ древнимъ кумиромъ Таврической Артемиды: и вотъ такой кумиръ, которымъ обладала одна аттическая деревня, былъ объявленъ тожественнымъ съ тѣмъ, который Орестъ привезъ изъ Тавриды; для вящшей вразумительности Писистратъ учредилъ этому кумиру культъ на аѳинскомъ кремлѣ.

Случилось это въ VI вѣкѣ, когда политическая миѳологія еще пользовалась кредитомъ. Дельфы были встревожены; очень вѣроятно, что упомянутое выше «перенесеніе останковъ» Ореста въ Спарту, состоявшееся именно въ эпоху Писистрата, было отвѣтомъ Дельфовъ, на его новшества. Но этого было мало. Писистратъ и его родъ сталъ ненавистенъ Дельфамъ и они настояли на его изгнаніи изъ Аѳинъ. А когда, съ благословенія дельфійскаго бога, состоялся походъ персовъ на Элладу, то въ числѣ добычи, увезенной персами изъ разоренной Аттики, находился мнимо-таврическій кумиръ Артемиды. Ясно, что безобразный чурбанъ ничѣмъ не могъ прельщать царя золотой Персіи, но зато его устраненіе изъ Аттики было очень желательно для Дельфовъ, дѣйствовавшихъ тогда заодно съ персами.

Но и удаленіе кумира не могло ослабить вѣру въ событіе, о которомъ онъ нѣкогда свидѣтельствовалъ; пускай Таврическая Артемида теперь вторично попала къ варварамъ—все же до тѣхъ поръ она была въ Аттикѣ, будучи оставлена въ ней Орестомъ. Аѳинская трагедія пятаго вѣка охотно занималась Орестомъ, намѣренно подчеркивая его связь съ Аѳинами въ пику Дельфамъ и Спартѣ—въ этомъ состоялъ для Аѳинъ *политическій* интересъ преданія объ Орестѣ-матереубійцѣ, независимо отъ *нравственнаго*, къ которому перейдемъ вскорѣ. Понятно, что интересъ этотъ увеличился въ ту войну, которая должна была рѣшить споръ о гегемоніи между Аѳинами и Спартой,—въ войну пелопоннесскую. Спарта все еще владѣла останками, которыя она съ согласія Дельфовъ выдавала за останки Ореста; это безпокоило набожную часть аѳинскаго населенія. Могъ ли Орестъ доставить побѣду тому городу,

который до сихъ поръ еще не учредилъ культа въ его честь? И вотъ требованіе объ учрежденіи культа герою Оресту стало раздаваться все настоятельнѣе; мотивировалось оно тѣмъ, чѣмъ обыкновенно мотивировались такія требованія: гнѣвомъ героя, отъ котораго терпѣли въ глухую полночь запоздалые прохожіе по пустыннымъ неосвѣщеннымъ улицамъ Аѳинъ. Но времена были уже не тѣ: просвѣщеніе свило себѣ прочное гнѣздо въ Аѳинахъ конца V вѣка, и то, что столѣтіемъ назадъ показалось бы важнымъ дѣломъ, теперь возбуждало только смѣхъ; къ сильному огорченію набожныхъ людей, слово: «герой Орестъ» стало кличкой ночныхъ безобразниковъ, надѣлявшихъ робкихъ обывателей побоями съ очень матеріальною цѣлью—стянуть у нихъ хитонъ или плащъ.

Со всѣмъ тѣмъ страна Паллады чувствовала себя дочерью повелителя эллиновъ Агамемнона и законной наслѣдницей его власти. Отчаянно боролась она за нее, но успѣхъ не былъ на ея сторонѣ. Тотъ самый Геллеспонтъ, который видѣлъ нѣкогда торжество Агамемнона, былъ свидѣтелемъ уничтоженія послѣднихъ аѳинскихъ силъ; вскорѣ городъ сдался спартанскому военачальнику Лисандру и его союзникамъ, отдавая въ его руки свою судьбу. Жестокія предложенія дѣлались тогда въ палаткѣ Лисандра и на военномъ совѣтѣ, и за товарищеской трапезой. Чѣмъ болѣе кто раньше дрожалъ передъ могуществомъ Аѳинъ, тѣмъ болѣе желалъ онъ теперь стереть ненавистный городъ съ лица земли, жителей продать въ рабство, а страну обратить въ пастбища. Тогда, говоритъ Плутархъ, одинъ изъ сотрапезниковъ запѣлъ первую хорическую пѣснь изъ Эврипидовой Электры:

Агамемнона славная дочь!
Мы приходимъ, Электра, къ тебѣ,
Въ твой убогій, нецарственный домъ...

Намекъ былъ понятъ; онъ тронулъ присутствующихъ до слезъ. Аѳины не были разрушены, но гегемонію они потеряли: жезлъ Агамемнона перешелъ къ тому городу, въ которомъ находилась признанная могила его сына.

Вторично Спарта стала мечомъ Эллады; подъ ея предводительствомъ возобновилась война съ вѣковымъ восточнымъ врагомъ. Чтобы засвидѣтельствовать передъ всѣми историческую связь спартанской гегемоніи съ героической гегемоніей Атридовъ, спартанскій царь Агесилай вздумалъ открыть походъ, по примѣру Агамемнона, жертвоприношеніемъ въ Авлидѣ. Но Авлида была на беотійской территоріи; Ѳивы, которымъ было суждено пожать плоды раздора между обоими могущественными греческими государствами, воспротивились затѣѣ Агесилая, и она не удалась. Это авлидское жертвоприношеніе—послѣдняя попытка эксплуатировать сбаяніе легенды о гегемоніи Атридовъ, о которой мы знаемъ; въ послѣдовавшее время она окончательно отошла въ область поэзіи: миѳотворная способность греческаго народа изсякла, и кредитъ политической миѳологіи былъ подорванъ навсегда.

VIII.

Изложеніе наше зашло впередъ, чтобы до конца прослѣдить вліяніе политической эволюціи на развитіе интересующаго насъ миѳа; теперь прошу читателя вернуться къ тому мѣсту, гдѣ у насъ оборвалась нить развитія нравственныхъ идей въ связи съ развитіемъ того же миѳа. Дельфійская Орестея должна была возвѣстить міру двѣ новыя истины: во первыхъ, что право души на кровавую месть есть право священное и неукоснительное, чѣмъ бы ни приходился убійца мстителю; во-вторыхъ, что Аполлонъ можетъ очистить преступника во всякомъ случаѣ, какимъ бы грѣхомъ онъ ни запятналъ себя. Опасныя послѣдствія первой истины предупреждались второй: мститель терялъ право на кровавую месть, если убійца былъ очищенъ Аполлономъ; но вторая истина дѣлала Аполлона и его дельфійскихъ замѣстителей руководителями совѣсти всѣхъ вѣрующихъ эллиновъ. Не встрѣтъ дельфійскій богъ отпора этимъ своимъ притязаніямъ, вся исторія греческой культуры получила бы сакральный, теократическій характеръ; политикой Греціи стала бы воля дельфійской коллегіи, ея философіей—дельфійскія славословія въ честь побѣды свѣтлокудраго бога надъ великимъ Змѣемъ, взлелѣяннымъ Землей.

Но онъ встрѣтилъ отпоръ; встрѣтилъ его со стороны Аѳинъ. Аѳиняне по своему справились съ пережитками анимизма въ своихъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ. Съ одной стороны, врожденная ихъ вдумчивость не дозволяла имъ одобрить исходъ, найденный безпечной и легкомысленной Іоніей Гомера, исходъ, при которомъ душа убитаго являлась только объектомъ сдѣлки между его убійцей и его ближайшимъ родственникомъ, и причиненное послѣднему огорченіе уравновѣшивалось соотвѣтственной суммой наслажденій: принимать виру считалось въ Аѳинахъ такимъ же безнравственнымъ поступкомъ, какъ и въ Дельфахъ. Но, съ другой стороны, и найденный въ Дельфахъ исходъ не соотвѣтствовалъ аѳинскому міросозерцанію, такъ какъ онъ оставлялъ безъ вниманія одно изъ важнѣйшихъ началъ аѳинской души, то самое, которое сдѣлало Аѳины источникомъ человѣческой культуры—*гражданственность*. При всемъ своемъ коренномъ различіи, іонійскія и дельфійскія рѣшенія задачи сходились въ одномъ: согласно имъ, человѣкъ былъ въ принципѣ чѣмъ-то обособленнымъ и самодовлѣющимъ. У іонійцевъ убійца имѣлъ дѣло исключительно съ ближайшимъ родственникомъ убитаго; по дельфійскому ученію къ этимъ двумъ сторонамъ прибавлялась третья—душа убитаго, требовательная и мстительная; но ни тамъ, ни здѣсь не принималась во вниманіе община, къ которой принадлежалъ и убитый, и убійца, и мститель. Въ Аѳинахъ именно эта община заявляла о своихъ правахъ. Она говорила убійцѣ: «человѣкъ, котораго ты убилъ, былъ моимъ гражданиномъ; убивая его, ты оскорбилъ меня»; она же говорила и мстителю: «человѣкъ, котораго ты

преслѣдуешь, мой гражданинъ и стоитъ подъ моимъ покровительствомъ; прежде чѣмъ допустить его преслѣдованіе, я должна убѣдиться, что онъ виновенъ. Поэтому, я намѣрена быть судьей между тобой и имъ; если я признаю его виновнымъ, то онъ мною же будетъ наказанъ, но если я его оправдаю, то ты долженъ его простить». Этимъ въ древнюю этику вводилось новое начало; вопреки притязаніямъ Дельфійскаго бога, община себѣ присвоивала отомщеніе и право воздать

Вещественнымъ символомъ этого права былъ аѳинскій *Ареопагъ* великое значеніе этого стариннаго судилища состояло въ томъ, что оно, творя строгій и правый судъ по убійствамъ, дѣлало невозможнымъ и взаимное истребленіе гражданъ, требуемое древнѣйшимъ анимизмомъ, и нравственное ихъ растлѣніе приниманіемъ виры у свѣжей могилы убитаго, дозволяемое іонійскимъ раціонализмомъ, и, наконецъ, униженіе человѣческой совѣсти передъ волей бога и его замѣстителя-жреца, проповѣдываемое въ Дельфахъ. Произошло убійство,—убійца и мститель являлись на Аресовъ холмъ; убійца становился на «камень Обиды», мститель на «камень Непримиримости»; оба излагали дѣло кратко, сухо, безъ всякихъ попытокъ выставить себя въ хорошемъ свѣтѣ и разжалобить судей —такъ требовалъ обычай. Выслушавъ обоихъ, коллегія судей - ареопагитовъ постановляла свой приговоръ по большинству голосовъ; если голоса раздѣлялись, то полагали, что незримо присутствующая богиня - покровительница города, Паллада-Аѳина, присоединяла свой голосъ къ тѣмъ, которые были поданы въ пользу обвиняемаго, и этотъ «голосъ Аѳины» его спасалъ. Вообще же, предвидя осужденіе, преступникъ могъ еще до конца преній оставить городъ: жалкая участь изгнанника была почти равносильна смерти. Но если онъ былъ оправданъ, то онъ возвращался къ своему очагу и продолжалъ состоять подъ покровительствомъ законовъ.

А душа убитаго? Неужели аѳинскій исходъ былъ возвращеніемъ къ іонійскому раціонализму? Нѣтъ, душа убитаго или, вѣрнѣе, ея замѣстительницы и заступницы Эринніи предполагались присутствующими тутъ же, въ мрачной пещерѣ подъ Аресовымъ холмомъ. Вырывая у нихъ убійцу, община сознавала, что она навлекаетъ на себя ихъ гнѣвъ, что процессъ между убійцей и мстителемъ еще не конченъ, а лишь возведенъ на болѣе высокую ступень, на которой сторонами будутъ—она, сама община, и «благосклонныя богини» (Эвмениды), какъ ихъ изъ уваженія называли. Чтобы умилостивить ихъ, имъ учредили культъ и этотъ культъ былъ дѣломъ государства; отъ оправданнаго обычай требовалъ только краткаго жертвоприношенія въ пещерѣ Эвменидъ, послѣ чего онъ могъ спокойно вернуться домой, въ увѣренности, что государство, оправдывая его, беретъ на себя его отвѣтственность передъ грозными силами преисподней.

Таковъ былъ исходъ, найденный въ Аѳинахъ: гуманность, гражданственность и религіозность были имъ одинаково удовлетворены.

Зато же и гордились Аѳины своимъ Ареопагомъ: казалось невозможнымъ, чтобы такое великое, благодѣтельное учрежденіе было создано людьми ради людей; сама Аѳина, гласило преданіе, учредила въ своемъ любимомъ городѣ этотъ судъ, чтобы разсудить двухъ боговъ, Посидона и Ареса, изъ которыхъ первый обвинялъ второго въ убійствѣ своего смертнаго сына. Такъ-то Аресъ согласился предстать передъ судомъ; оттого-то, заключали далѣе. и само судилище получило имя «Аресова холма».

Сознавали-ли благочестивые аѳиняне VII го и VI-го вѣковъ, что, прославляя свой Ареопагъ, они подкапывались подъ самое основаніе могущества всѣми чтимаго дельфійскаго бога? Очень вѣроятно, что нѣтъ: совмѣстимость противорѣчащихъ, другъ другу религіозныхъ понятій свойственна человѣку въ эпоху юности его умственной культуры. Но долго она продолжаться не могла; при тщательности и глубинѣ аѳинскаго мышленія должна была наступить пора, когда противорѣчіе сдѣлалось очевиднымъ, когда совѣсти аѳинянъ былъ предоставленъ выборъ одного изъ двухъ—либо отказаться отъ суда Паллады, либо, удерживая его, вступить въ открытую борьбу съ дельфійскимъ богомъ. Пора эта наступила тогда, когда нравственный антагонизмъ между Аѳинами и Дельфами обострился антагонизмомъ политическимъ. Послѣ всего, что было сказано выше, намъ не покажется удивительнымъ, что сраженіе было дано на почвѣ все того-же преданія объ Орестѣ-матереубійцѣ; знаменосцемъ Паллады былъ въ этомъ сраженіи родоначальникъ трагедіи Эсхилъ.

IX.

Нѣтъ нужды пересказывать содержаніе всей эсхиловой Орестеи. Само собою разумѣется, что права царственнаго Аргоса были возстановлены аѳинскимъ поэтомъ: не лаконскія Амиклы, какъ твердили Дельфы въ угоду своей союзницѣ Спартѣ, а аргосскія Микены были признаны столицей вождя эллиновъ. Но, впрочемъ, Эсхилъ старался держаться гдѣ только можно было, дельфійской Орестеи, чтобы тѣмъ рѣзче оттѣнить различіе въ основномъ пунктѣ. Ради этой своей главной цѣли, онъ пожертвовалъ даже невинной передержкой, внесенной Писистратомъ въ гомеровскую Орестею: не въ Аѳинахъ, а у подножія святой горы Аполлона воспитывался Орестъ. Нужно было представить его любимцемъ и ставленникомъ дельфійскаго бога для того, чтобы немощь этого бога выступила потомъ тѣмъ разительнѣе.

Душа убитаго Агамемнона взываетъ о мщеніи; Аполлонъ возлагаетъ эту обязанность на его сына. Узнавъ о волѣ бога, чистый юноша безропотно идетъ исполнить свой тяжелый подвигъ; на него, на своего владыку и покровителя, уповаетъ онъ въ минуту сомнѣній и душевной борьбы:

Не выдастъ насъ державный Аполлонъ!
Его глаголъ, раскатамъ грома равный,
Святую месть изгнаннику внушилъ.
Ему внималъ я; въ сердцѣ леденѣла

Живая кровь; и онъ мнѣ такъ вѣщалъ:
«За казнь отца убійцъ казнить ты долженъ
И жизнь за жизнь, и кровь за кровь взыскать;
Не то—своей отвѣтишь ты душою
И тяжкихъ бѣдъ обузу понесешь».
Онъ мнѣ сказалъ, какъ родичей караетъ
Убитаго разгнѣванная тѣнь;
Я знаю все: таинственный недугъ
Свирѣпою тутъ челюстью съѣдаетъ
Всю кожу имъ; лишай покроетъ блѣдный
Повисшую, изорванную плоть,
И зацвѣтетъ все тѣло въ язвахъ гнусныхъ.
Другую месть Эринніи нашлютъ,
За кровь отца ослушника терзая:
Нѣтъ болѣ сна мнѣ; рой видѣній страшныхъ
Въ полночной тьмѣ предстанетъ предо мной,
На ложѣ думъ покой мнѣ отравляя.

И все-таки онъ не увѣренъ въ себѣ; вернувшись тайно со своимъ другомъ на родину, онъ хочетъ прежде всего помолиться на могилѣ своего отца,—этимъ начинается дѣйствіе средней драмы эсхиловой трилогіи, вся первая часть которой, происходя у гробницы Агамемнона, насквозь проникнута тяжелымъ, могильнымъ воздухомъ. Но и убитый почуялъ приближеніе мстителя: изъ своей подземной обители онъ наслалъ страшный сонъ на невѣрную жену, и она въ первый разъ рѣшается умилостивить его душу: по ея приказанію, ея дочь Электра съ прислужницами отправляется почтить возліяніями прахъ покойнаго.

Все это мы знаемъ уже изъ дельфійской Орестеи. Но тамъ роль Электры могла оставаться неопредѣленной, такъ какъ она служила лишь внѣшнимъ рычагомъ дѣйствія; здѣсь же мы имѣемъ передъ собой драму, а драма нуждается въ характеристикѣ, въ психологическомъ обоснованіи того, что въ ней происходитъ. Характеристику Электры можно дать въ немногихъ словахъ: въ ней живетъ душа ея убитаго отца. Только въ одномъ чувствуетъ она себя дочерью своей матери: «Точно волкъ кровожадный,—говоритъ она,—неумолима моя душа: въ этомъ мое материнское наслѣдіе». Она знаетъ за собой эту черту и боится ея: трогательна ея молитва на могилѣ отца: «Родитель мой! Не дай мнѣ сдѣлаться такой, какова моя мать; сохрани въ смиреніи мое сердце, въ чистотѣ мои руки». Да, это трагическая фигура; читая ея слова, мы чувствуемъ, что она имѣетъ всѣ данныя для того, чтобы со временемъ самой сдѣлаться героиней трагедіи. Но здѣсь ея роль второстепенная; герой—Орестъ, отъ него зависитъ все. Покорный волѣ бога, онъ рѣшился исполнить возложенный на него подвигъ; но устоитъ ли эта рѣшимость противъ впечатлѣній родной земли, противъ вида дворца, въ которомъ живетъ его мать? Опять сомнѣнія овладѣли его душой; чтобы побороть ихъ, онъ пошелъ помолиться на могилѣ отца. И отецъ внялъ его мольбѣ и выслалъ ему на встрѣчу ту, въ которой живетъ его душа,—Электру. Встрѣча брата и сестры обставлена нѣсколько

сложнѣе, чѣмъ въ дельфійской Орестеѣ; подробности этой обстановки вызвали позднѣе насмѣшку Эврипида, но на современниковъ Эсхила онѣ произвели сильное впечатлѣніе. Электра не знаетъ ни сомнѣній, ни колебаній; жажда мести за отца—основная черта ея характера, она наполняетъ все ея существо. Она рада прибытію брата, но лишь по стольку, по скольку она видитъ въ немъ «возстановителя дома ея отца»; она не чуждается и дѣвичьихъ мечтаній о замужествѣ, о собственномъ домѣ, но потому только, что она надѣется въ день своей свадьбы принести на могилу отца обильныя пожертвованія изъ того отцовскаго наслѣдія, котораго ей теперь не выдаютъ. Такъ-то теперь у гробницы Агамемнона происходитъ свиданіе Ореста и Электры; она (вмѣстѣ со старшей прислужницей) разсказываетъ брату объ участи отца, о своей собственной жалкой жизни, наконецъ о снѣ, навѣянномъ убитымъ на ихъ мать; подъ вліяніемъ этихъ разсказовъ прежняя рѣшимость возвращается къ Оресту.

Этимъ роль эсхиловой Электры кончена; исполнивъ то, чего отъ нея требовалъ отецъ, она возвращается въ домъ матери. На сценѣ остается Орестъ со своимъ другомъ. Планъ ихъ простъ: вызвать изъ чертоговъ царя и царицу, сообщить имъ лживую вѣсть о смерти мстителя и, обманувъ этимъ ихъ подозрительность, добиться возможности исполнить волю бога и убитаго. Но Эгисѳа нѣтъ; къ пришельцамъ выходитъ Клитемнестра, высокая и блѣдная, горделивая въ сознаніи того неслыханнаго, неизгладимаго позора, которымъ она окружила себя. Не радостна ей сообщенная вѣсть; и мы сознаемъ, что не одно только материнское чувство въ ней зашевелилось. Жизнь научила ее гордо носить передъ чужими бремя своего грѣха, но въ уединеніи оно тяготило ее, и къ страху, съ которымъ она вспоминала о Дельфахъ и растущемъ въ нихъ мстителѣ, примѣшивалась нѣкоторая слабая надежда. Вѣдь этотъ мститель—то самое дитя, которое она нѣкогда родила, будучи честной супругой славнаго мужа; онъ былъ единственнымъ символомъ ея потерянной чистоты, онъ одинъ не былъ забрызганъ той «кровавой грязью», въ которую ея новый бракъ втянулъ и ее, и ея дочь, и весь ея домъ. Пока живъ былъ Орестъ, жила надежда на конечное примиреніе съ міромъ чести и добра; его смерть увѣковѣчила ея позоръ.

Все же она не забываетъ и о долгѣ гостепріимства; солнце зашло, пора путникамъ на покой. Посылаютъ за Эгисѳомъ; тѣмъ временемъ сумерки увеличиваются; когда онъ приходитъ, густой мракъ покрылъ всю сцену—самая подходящая обстановка для того, что имѣетъ теперь свершиться. Полный радостнаго нетерпѣнія, Эгисѳъ спѣшитъ во дворецъ къ чужестранцамъ, чтобы услышать подтвержденіе пріятной вѣсти; тамъ его и настигаетъ смерть. Все это происходитъ быстро, какъ нѣчто побочное и маловажное; главное—впереди. Вызванная поднявшимся крикомъ, Клитемнестра выходитъ на сцену: «что случилось?» «Мертвые убиваютъ живыхъ!» слышитъ она въ отвѣтъ. Слова эти

объясняютъ ей все; рѣшившись защищаться до послѣдней возможности, она посылаетъ слугу за сѣкирой—той проклятой сѣкирой, которой она нѣкогда убила мужа. Поэтъ нарочно упоминаетъ объ этой чертѣ дельфійской Орестеи, чтобы оттѣнить свое отступленіе отъ нея въ слѣдующемъ. Еще до возвращенія слуги Орестъ выходитъ изъ мужской половины дворца; въ рукахъ у него обагренный кровью Эгисѳа мечъ, предъ нимъ безоружная мать.

Безоружная, да,—но зато мать. Она знаетъ это. «Остановись!» кричитъ она изступленному сыну, разрывая одежду, покрывающую ея грудь; «пощади лоно, на которомъ я такъ часто тебя убаюкивала, пощади грудь, молокомъ которой я тебя вскормила!» Передъ этимъ видомъ рѣшимость вторично оставляетъ Ореста: «Что дѣлать, Пиладъ?—спрашиваетъ онъ,—могу я пощадить свою мать?» Пиладъ стоитъ тутъ же при немъ; онъ неотступно и молчаливо сопровождалъ его, какъ нѣмой свидѣтель того, о чемъ знали только они, да святая гора Аполлона; здѣсь онъ въ первый и единственный разъ нарушаетъ свое молчаніе. «А воля Феба?—говоритъ онъ,—а клятва твоя? Всякую вражду предпочти враждѣ бога». Вотъ, значитъ, что даетъ рукѣ Ореста рѣшительный толчекъ: не голосъ сердца, не воспоминаніе объ отцѣ, не увѣщанія сестры—все это пересилилъ видъ обнаженной материнской груди; первымъ и послѣднимъ двигателемъ кроваваго дѣла остается воля дельфійскаго бога.

Наконецъ, все свершено; при первомъ свѣтѣ утренней зари мы опять видимъ Ореста, передъ нимъ съ одной стороны—трупы казненныхъ, съ другой—роковой плащъ, въ которомъ былъ убитъ Агамемнонъ. Кругомъ народъ; прежде чѣмъ занять опять престолъ отца, Орестъ долженъ оправдать передъ аргосцами свой поступокъ. Взволнованнымъ голосомъ произноситъ онъ краткое, но сильное слово; народъ его одобряетъ. Да, убійство царя было возмутительнымъ дѣломъ; да, убійцъ постигла поздняя, но справедливая кара. Итакъ, всѣ сочувствуютъ Оресту; что же онъ не сходитъ съ амвона, не возвращается въ свой дворецъ?.. Онъ продолжаетъ стоять на томъ же мѣстѣ, неувѣренно смотря то на убитую мать, то на окровавленный плащъ отца; точно не сознавая, гдѣ онъ находится, слѣдуетъ онъ за своей блуждающей мыслью:

Виновна ты? Иль нѣтъ? Но вотъ свидѣтель,
Кровавый плащъ изобличитъ тебя:
Эгисѳа мечъ оставилъ слѣдъ на ткани,
И бурое старинное пятно
Понынѣ блескъ порфиры разрушаетъ.
Въ чужой землѣ изгнанникомъ я выросъ,
Но этотъ день сознанье мнѣ вернулъ.
Твою, отецъ, оплакалъ я кончину,
Ты отомщенъ; но горю нѣтъ конца—
И въ траурѣ стоятъ передо мною
Сестра и мать и весь мой родъ,—и вашъ
Побѣдный кликъ терзаетъ сердце мнѣ!

Напрасно голоса изъ народа стараются успокоить юношу,—что значатъ ихъ блѣдныя утѣшенія! Да, всякая жизнь полна печалей, никто не вышелъ чистымъ изъ ея омута, но причемъ все это здѣсь?

Нѣтъ, нѣтъ, постойте, дайте досказать!
Чѣмъ кончится все это, я не знаю—
Внѣ колеи умчался конь ретивый
Души моей, поводья ускользаютъ
Изъ рукъ; умомъ не въ силахъ управлять я.
Я слышу: Ужасъ пѣснь свою играетъ,
И сердце пляшетъ подъ ея напѣвъ...
Пока въ умѣ сознанья искры тлѣютъ,
Взываю къ вамъ; я въ правѣ былъ, друзья,
Ее убить, противную богамъ
Преступницу, что мнѣ отца сгубила.
Самъ *Аполлонъ* отвагу мнѣ внушилъ;
«*Послушавшись грѣха не сотворишь ты*»,
Сказалъ онъ мнѣ; «послушавшись...», но нѣтъ!
Тѣхъ ужасовъ языкъ не перескажетъ.
Смотрите же: паломникомъ иду я,
Святую вѣтвь десницей поднимая,
Въ срединный храмъ, на очагѣ гдѣ Феба
Его огонь горитъ неугасимый.
Васъ я прошу, все видѣнное вами
Въ своей душѣ, друзья, запечатлѣть
И разсказать въ тотъ день, когда со странствій
На родину вернется Менелай.
Простите жъ всѣ; оставить васъ я долженъ:
Я мать свою своей убилъ рукою—
Ни жизнь, ни смерть той славы не сотрутъ!

Вотъ, гдѣ впервые изъ подъ дельфійской концепціи мелькаетъ новое невѣдомое доселѣ начало. Самъ богъ внушилъ юношѣ, что онъ не сотворитъ грѣха, исполняя его волю, и юноша повѣрилъ ему; всѣ одобряютъ его: и сестра, и другъ, и весь народъ; всѣ признаютъ волю бога непогрѣшимой, и все же онъ не чувствуетъ себя спокойнымъ. Тщетно старается онъ опереться о тотъ свой посохъ, который до тѣхъ поръ служилъ ему столь надежной опорой,—посохъ ускользаетъ у него изъ рукъ; какая-то таинственная сила говоритъ ему, что онъ все-таки неправъ, что есть нѣчто, противъ чего самъ богъ безсиленъ.

Еще одно мгновеніе—и расшатанный умъ Ореста уступаетъ напору этой новой силы; овладѣвающее имъ *безуміе* поэтъ, слѣдуя народнымъ представленіямъ, воплотилъ въ образъ ужасныхъ богинь-мстительницъ подземной тьмы. Не паломникомъ, нѣтъ, точно звѣрь, преслѣдуемый стаей псовъ, мчится Орестъ къ храму-средоточію Земли, гдѣ надъ останками сраженнаго Змѣя горитъ неугасимый огонь на очагѣ Феба.

X.

И всетаки до сихъ поръ протестъ противъ дельфійской Орестеи заключался въ одномъ только настроеніи, вызванномъ поэтомъ; сама

фабула измѣнена не была. И тамъ Орестъ оставлялъ свою родину, гонимый Эринніями; спасаясь отъ нихъ, онъ бѣжалъ въ Дельфы и Аполлонъ, очистивъ его, далъ ему свои стрѣлы, съ помощью которыхъ онъ отогналъ отъ себя своихъ мучительницъ. Согласится-ли Эсхилъ увѣковѣчить въ своей поэмѣ торжество дельфійскаго бога надъ силами Земли и смутной совѣстью человѣка? Согласится ли онъ подтвердить дельфійскій догматъ, что Аполлонъ властенъ отпускать человѣку его грѣхъ?

Орестъ въ Дельфахъ, но Эринніи съ нимъ; Аполлонъ очистилъ своего просителя, но Эринніи не удаляются; онѣ только заснули и дали преступнику нѣсколько вздохнуть и опомниться, но онѣ не оставляютъ его и готовы вновь его преслѣдовать, лишь только онъ покинетъ священную обитель. И Аполлонъ сознаетъ свое безсиліе. «Бѣги,—говоритъ онъ Оресту,—и не давай усталости побѣдить тебя; онѣ не отстанутъ отъ тебя, все равно, будешь ли ты держать путь по материку, или чрезъ море. Но *иди къ городу Паллады и, подойдя къ ея храму, ухватись обѣими руками за ея старинный кумиръ. Тамъ найдемъ мы судей надъ тобой и ими; властвуя надъ убѣдительнымъ словомъ, мы обрѣтемъ спасеніе для тебя*».

Вся дальнѣйшая драма только развитіе этой новой исторической мысли, которою аѳинская гражданственность восторжествовала надъ дельфійскимъ теократизмомъ. Не полновластнымъ господиномъ совѣсти, нѣтъ,—защитникомъ преслѣдуемаго преступника является Аполлонъ въ Аѳины, передъ судъ Паллады. Вняла Паллада рѣчамъ обѣихъ сторонъ; но и она не рѣшается произнести приговоръ, который явился бы закономъ, извнѣ навязаннымъ человѣческой совѣсти. *Пускай человѣческая личность ищетъ себѣ опоры и оправданія во мнѣніи совокупности лучшихъ изъ равныхъ себѣ*,—вотъ завѣтъ Паллады грядущимъ временамъ—*всѣмъ временамъ*, какъ она сама объявляетъ. Учреждается судъ на «Аресовомъ холмѣ»; сходятся двѣнадцать ареопагитовъ, избранныхъ изъ числа лучшихъ аѳинскихъ гражданъ; выслушавъ увѣщанія обѣихъ сторонъ—Эринній и Аполлона,—они молча подаютъ свои голоса. При счетѣ голосовъ число оказывается равнымъ за и противъ Ореста; но Паллада присоединила свой голосъ къ тѣмъ, которые были поданы въ его пользу, и онъ признается оправданнымъ. Остается одно: умилостивить гнѣвъ Эринній, собирающихся проклясть страну, которая пріютила и оправдала матереубійцу; сама Паллада ихъ умилостивляетъ учрежденіемъ имъ культа на томъ же Аресовомъ холмѣ.

Орестъ чувствуетъ, что грѣхъ ему отпущенъ; съ жаромъ благодаритъ онъ богиню, спасшую его и его домъ, и обѣщаетъ на вѣки вѣчные ей и ея городу дружбу и помощь своихъ потомковъ, т.-е. аргосцевъ. Оставимъ политическій характеръ этихъ послѣднихъ обѣщаній; для насъ достаточно одного: что, будучи оправданъ судомъ Ареопага, Орестъ чувствуетъ себя свободнымъ отъ грѣха; оправданъ же онъ былъ даже не большинствомъ, а только равенствомъ голосовъ. Для

чего понадобилась поэту эта послѣдняя фикція? Почему, желая представить въ своей драмѣ оправданіе Ореста, не представилъ онъ его единогласнымъ? Потому, что онъ хотѣлъ противопоставить рѣзкой и безусловной аксіомѣ дельфійскаго теократизма столь же рѣзкую и безусловную аксіому аѳинской гражданственности. «Ты найдешь себѣ опору и оправданіе во мнѣніи совокупности лучшихъ изъ равныхъ тебѣ», гласилъ завѣтъ Паллады. И тутъ возникалъ вопросъ: безусловно ли? И Паллада отвѣчала: «да, безусловно». Даже если мнѣніе выразится только большинствомъ, даже—если только равенствомъ голосовъ? «Да».

Итакъ одинъ голосъ рѣшаетъ участь подсудимаго и, что̀ важнѣе, сомнѣнія совѣсти грѣшника въ ту или другую сторону. Но если это такъ, то гдѣ же совокупность? Сознавалъ ли поэтъ это затрудненіе? О да, сознавалъ. «Честно ведите счетъ голосамъ, чужестранцы,—говоритъ Аполлонъ ареопагитамъ,—тщательно слѣдя, чтобы при разборѣ не случилось ошибки. Отсутствіе одного голоса можетъ причинить великое горе; прибавленіе одного голоса можетъ вновь поднять пошатнувшійся домъ». Но, говоря такъ, онъ только подчеркиваетъ затрудненіе, а не разрѣшаетъ его. И снова возникаетъ томительный, проклятый вопросъ: «могу ли я считать, что нашелъ себѣ опору и оправданіе во мнѣніи совокупности лучшихъ изъ равныхъ мнѣ, если эта совокупность сводится къ одному лишь голосу?» И на этотъ вопросъ Эсхилъ отвѣта не нашелъ.

Но поэтъ Паллады можетъ утѣшить себя сознаніемъ, что и тѣ двадцать слишкомъ вѣковъ, которые прошли со времени постановки его трагедіи, искомаго отвѣта не нашли. Пока процвѣтала античная культура, идея аѳинской гражданственности росла и крѣпла, заслоняя собой потухающій ореолъ святой горы Аполлона и не давая ожить тлѣющимъ подъ золой искрамъ іонійскаго индивидуализма. Пришло время, пала и она; данный на вѣчныя времена завѣтъ Паллады былъ забытъ; возникъ новый принципъ, который мы, такъ какъ онъ сознательно отдѣлилъ правосудіе отъ нравственности, имѣемъ полное право, именемъ исторіи, назвать безнравственнымъ: принципъ, что правосудіе должно блюсти исключительно интересы государства и его главы и имѣть поэтому своимъ единственнымъ органомъ чиновника, получающаго свою власть отъ главы государства. Возникъ, говоря проще, инквизиціонный судъ императорской эпохи. Въ сравненіи съ нимъ, даже іонійскій индивидуализмъ могъ быть названъ прогрессомъ; гнѣвно стучался онъ въ расшатанныя стѣны римскаго государства, въ лицѣ сѣверныхъ племенъ съ ихъ правомъ сильнаго, съ ихъ вирой. Когда эти стѣны рушились, когда германскіе варвары наводнили всю область римской культуры отъ Каледонскихъ горъ до Сахары, тогда первый циклъ въ исторіи цивилизаціи былъ завершенъ. Человѣчество вернулось на ту ступень своего развитія, на которой мы застали его въ эпоху гомеровскихъ поэмъ. Начинается новый циклъ, новый кругъ;

не смотря на значительное различіе въ радіусахъ, эти два круга концентричны.

Затронутое здѣсь мнѣніе объ отношеніи новой культуры къ древней находится въ полномъ согласіи съ теоріями новѣйшей исторической науки; но оно самымъ рѣзкимъ образомъ противорѣчитъ взглядамъ, усердно распространяемымъ тѣми, которые привыкли черпать свои историческія свѣдѣнія изъ третьихъ и десятыхъ рукъ: согласно этимъ взглядамъ, культура древняго міра представляется—какъ бы дѣтствомъ, культура среднихъ вѣковъ — какъ бы юностью, культура новыхъ временъ—какъ бы возмужалостью человѣчества. Взглядъ этотъ однако ошибоченъ, а такъ какъ ошибка, которую онъ содержитъ, ошибка въ высшей степени вредная, дѣлающая невозможнымъ самое пониманіе исторіи развитія человѣчества, то онъ долженъ быть опровергаемъ самымъ энергичнымъ образомъ. Нѣтъ, древняя культура обнимаетъ всю жизнь южнаго человѣчества, его дѣтство, юность, возмужалость и старость; именно въ этой завершенности заключается ея цѣнность для насъ и еще въ томъ, что она не стоитъ отдѣльно отъ нашей культуры, а заключается въ ней, какъ изъ двухъ концентрическихъ круговъ меньшій заключается въ большемъ. Впрочемъ. указанный выше ошибочный взглядъ, какъ уже было замѣчено, давно оставленъ историками; онъ держится среди экономистовъ, но исключительно вслѣдствіе ихъ недостаточнаго знакомства съ культурой древняго міра. Несомнѣнно правильное мнѣніе, что экономическое развитіе античной эпохи прошло чрезъ всѣ стадіи, которыя суждено было пройти и экономическому развитію новой Европы, уже нашло себѣ авторитетныхъ и энергичныхъ поборниковъ и вскорѣ, надѣюсь, окончательно восторжествуетъ.

Что въ области нравственности дѣло обстоитъ не иначе—на это указываетъ уже самый фактъ связи и взаимодѣйствія культурныхъ силъ. И если бы кто взялся прослѣдить развитіе идеи нравственнаго оправданія въ исторіи культуры сѣвернаго человѣчества, начавшейся съ эпохи переселенія народовъ,—онъ нашелъ бы, конечно, большое число варіацій, подчасъ очень замысловатыхъ, обусловливаемыхъ множествомъ и разнообразіемъ боровшихся между собою въ различныя времена теченій. И если онъ въ этомъ множествѣ и разнообразіи потеряетъ прямую нить органическаго развитія, то вотъ ему нашъ совѣтъ—обратиться отъ новаго міра къ древнему, гдѣ онъ найдетъ, вмѣсто несмѣтнаго числа смущающихъ и утомляющихъ зрѣніе узоровъ—простые и отчетливые контуры рисунка; если онъ твердо запечатлѣвъ въ своей памяти этотъ рисунокъ, затѣмъ вернется къ новому міру, ему такъ же легко будетъ разобраться въ его замысловатыхъ узорахъ, какъ мы въ музыкальныхъ композиціяхъ, помня основную тему, легко разбираемся въ самыхъ трудныхъ и сложныхъ ея варіаціяхъ.

Позволимъ же себѣ, прежде чѣмъ окончательно разстаться съ нашей темой, прослѣдить ее среди того лабиринта узоровъ, которымъ новый міръ покрылъ унаслѣдованныя отъ античности простыя и ясныя нравственныя идеи.

Въ началѣ его развитія, повторяемъ, мы опять встрѣчаемъ идею оправданія въ той безпечной и неглубокомысленной формѣ, которую мы знаемъ еще по гомеровской Іоніи,—согласно ей, оправданіе сводится къ простому возмѣщенію причиненнаго ущерба, къ вирѣ. И трудно сказать, сколько времени продержалась бы эта примитивная форма, если бы германцы продолжали сидѣть за рубежемъ романскаго міра; но, вступивъ на почву романизма, они вступили въ область, озаряемую солнцемъ культуры. Подъ лучами этого солнца и развитіе нравственныхъ идей новыхъ властелиновъ міра пошло быстрѣе; успѣхъ, выпавшій на долю первобытному германскому индивидуализму, оказался непрочнымъ. Дельфійскій ореолъ, потухшій на Парнассѣ, вновь засіялъ на Ватиканской горѣ; снова раздался давнишній кличъ, такъ сладко убаюкивающій человѣческую совѣсть: «чистъ тотъ, кому я отпускаю его грѣхъ; грѣшенъ тотъ, кому я его не отпускаю». И миріады паломниковъ, потянувшихся въ Римъ съ единственной цѣлью получить отпущеніе грѣховъ и вновь обрѣсти утерянную чистоту, дали ясное, непреложное свидѣтельство о могуществѣ нравственной силы, живущей въ сердцѣ человѣка. Ореолъ этотъ сіяетъ и понынѣ, но блескъ его уже не тотъ; разладъ, внесенный эпохой Возрожденія въ единство средневѣковаго міросозерцанія, далъ свои плоды и тутъ. Правда, понадобилось не мало времени, чтобы слабое деревцо, взошедшее въ туманахъ крайняго сѣвера, но подкрѣпленное жизнетворнымъ сокомъ возродившейся античной культуры, могло выросги и осѣнить весь цивилизованный міръ—для насъ это время наступило всего лѣтъ тридцать тому назадъ. Но, какъ бы тамъ ни было, это—наше время; послѣ двухъ слишкомъ тысячелѣтій мы встрѣчаемъ величайшій изъ всѣхъ нравственныхъ вопросовъ на томъ же мѣстѣ, на которомъ его оставилъ Эсхилъ. И мы повинуемся данному на вѣчныя времена завѣту Паллады: «Ищи себѣ опоры и оправданія, человѣческая личность, во мнѣніи совокупности лучшихъ изъ равныхъ тебѣ!» Даже, робко спрашиваетъ наша совѣсть, даже если эта совокупность сводится къ одному только голосу, давшему перевѣсъ тому или другому мнѣнію?—«Что дѣлать—да!»

ИРЛАНДСКІЕ МОТИВЫ.

(Изъ „Пѣсенъ ирландца“ — Патрика Виллогуби)

Переводъ посвящается Л—ѣ.

I.

Два поколѣнія.

Въ эти ненастные дни
Не унывай, дорогая,
Хоть и суровы они,
Осени ты не кляни,
Сходство въ природѣ съ судьбою своей замѣчая!
Также печально прошла
Жизнь въ безобразные годы:
Кромѣ обмана и зла,
Ты ничего не нашла
Средь удручавшей и душу, и тѣло невзгоды...
И за ударомъ ударъ
Грубо вражда наносила:
Стылъ увлеченія жаръ
И обаятельныхъ чаръ
Въ рабствѣ заглохла отважная, гордая сила...
Гибли другіе... А мы
Выйти тогда не съумѣли—
Въ бой противъ гнета и тьмы
Изъ добровольной тюрьмы,
Братьямъ на помощь, въ защиту возвышенной цѣли...
Но не боязнь, а недугъ
Вѣчно мѣшалъ намъ съ тобою,
Бѣдный, усталый мой другъ,—
Тамъ, гдѣ за правду вокругъ
Скромныхъ героевъ не мало легло головою...

Пусть себѣ плачутъ дожди,—
Ты жъ удержи свои слезы:
О, потерпи, погоди,—
Могутъ для насъ впереди
Снова воскреснуть святыя убитыя грезы!
Вѣрь мнѣ, что люди нужны
И пригодятся на свѣтѣ,
Если у нихъ для страны
Выросли въ домѣ должны
Съ дружескимъ чувствомъ къ народу любимыя дѣти!
Въ дѣтяхъ вернется весна,—
Словно бы молодость наша!
Послѣ побѣды она
Будетъ съ удачей дружна,—
Милыхъ намъ устъ не коснется проклятая чаша...
Солнце желаннаго дня
Ярко блеснетъ надъ дорогой,
Гдѣ и тебя, и меня,
Жажду свободы кляня,
Зло подавляло сомнѣньемъ, тоской и тревогой...
Только зачѣмъ унывать,
Если въ другомъ поколѣньи
Будешь съ восторгомъ опять
Видѣть, счастливая мать,
Нѣкогда намъ дорогія мечты и стремленья!
Ихъ и въ народъ проведутъ
Бодрыя, юныя руки,—
И за оконченный трудъ
Дѣти награду найдутъ
Тамъ, гдѣ родители вынесли жгучія муки!..

II.

Цвѣтъ папоротника.

Всякій знаетъ: не мало,
Подъ Ивана-Купала,
Злыхъ чудесъ въ темной чащѣ бываетъ,—
И, среди этой ночи,
Лѣзетъ страшное въ очи
И людей боязливыхъ пугаетъ!
Прямо къ лѣсу родному
Только смѣлый изъ дому
Выйдетъ нынѣ, смущенья не зная:

Напугать, хуже смерти,
Тамъ съ вѣтвей могутъ черти,
Совъ и жабъ, и нетопырей стая...
Стерегутъ они клады,—
Человѣку не рады
Эти гнусныя адскія силы...
Прячутъ въ черной постели,
Что землею одѣли,
Старыхъ дней погреба да могилы...
Заворожены—воля
И мужицкая доля
Здѣсь, должно быть, самимъ сатаною,
И лежатъ онѣ кладомъ
Всюду съ золотомъ рядомъ:
Только жаль, не ухватишь рукою!..
Но надѣются братья,
Затаивши проклятья,
Вновь дождаться могучаго друга:
Путь открыть для насъ новый,
Разбивая оковы,—
Ждетъ героя святая заслуга!
Такъ иди же, спаситель,
За обиженныхъ мститель,
Ты скорѣе въ глухую дубраву;
А, чтобъ нечисть пропала
Подъ Ивана-Купала,
Бѣсъ узнаетъ крутую расправу!
На благую дорогу,
Коль имѣешь въ подмогу
Божій крестъ въ своемъ сердцѣ, ты вступишь
И тогда лишь вернешься,
Какъ побѣды добьешься,—
Ею счастье Ирландіи купишь!
Не роскошную розу
А завѣтную грезу—
Принесешь намъ изъ чащи свободу:
Отдадутъ злыя силы
Цвѣтокъ, огненный, милый,—
Долженъ вновь онъ достаться народу!

К. Михайленко.

НОЧНАЯ СМѢНА.

(очеркъ).

Въ казармѣ четырнадцатой роты давно окончили вечернюю перекличку и пропѣли молитву. Уже одиннадцатый часъ въ началѣ, но люди не спѣшатъ раздѣваться. Завтра воскресенье, а въ воскресенье всѣ, кромѣ должностныхъ, встаютъ часомъ позже.

Дневальный — Лука Меркуловъ, только что „заступилъ на смѣну". До двухъ часовъ пополуночи онъ долженъ не спать, ходить по казармѣ въ шинели, въ шапкѣ и со штыкомъ на боку и слѣдить за порядкомъ: за тѣмъ, чтобы не было покражъ, чтобы люди не выбѣгали на дворъ раздѣтыми, чтобы въ помѣщеніе не проникали посторонніе лица. Въ случаѣ посѣщенія начальства, онъ обязанъ рапортовать о благополучіи и о всемъ происшедшемъ...

Меркуловъ дневалитъ не въ очередь, а въ наказаніе,—за то, что въ прошедшій понедѣльникъ, во время „подготовительныхъ къ стрѣльбѣ упражненій", его скатанная шинель была обвязана не ременнымъ „трынчикомъ" (который у него украли), а веревочкой. Дневалитъ онъ черезъ день, вотъ уже третій разъ, и все ему достаются самые тяжелые ночные часы.

Меркуловъ плохой фронтовикъ. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ лѣнивъ и не старателенъ. Просто, ему не дается сложное искусство „чисто" дѣлать ружейные пріемы, вытягивать при маршировкѣ внизъ носокъ ноги, „подаваясь всѣмъ корпусомъ впередъ", и, въ должной степени, „затаивать дыханіе въ моментъ спуска ударника" при стрѣльбѣ. Тѣмъ не менѣе, онъ извѣстенъ за солдата серьезнаго и обстоятельнаго; въ одеждѣ наблюдаетъ опрятность; сквернословитъ сравнительно мало; водку пьетъ только казенную, какую даютъ по большимъ праздникамъ, а въ свободное время медленно и добросовѣстно тачаетъ сапоги,—не болѣе пары въ полгода, но зато какіе сапоги,—огромные, тяжеловѣсные, не знающіе износа,—„меркуловскіе" сапоги.

Лицо у него шершавое, сѣрое, въ одинъ тонъ съ шинелью, но съ оттѣнкомъ той грязной блѣдности, которую придаетъ про-

стымъ лицамъ воздухъ казармъ, тюремъ и госпиталей. Странное и какое-то неумѣстное впечатлѣніе производятъ на меркуловскомъ лицѣ выпуклые глаза, удивительно нѣжнаго и чистаго цвѣта,— добрые, дѣтскіе и до того ясные, что они кажутся сіяющими. Губы у Меркулова простодушныя, толстыя, особенно верхняя, надъ которой точно прилизанъ рѣдкій бурый пушокъ.

Въ казармѣ гомонъ. Четыре длинныхъ, сквозныхъ комнаты еле освѣщены коптящимъ, красноватымъ свѣтомъ четырехъ жестяныхъ ночниковъ, висящихъ въ каждомъ взводѣ у стѣны, ручкой на гвоздикѣ. По серединѣ комнатъ тянутся въ два ряда сплошныя нары, покрытыя сверху сѣнниками. Стѣны выбѣлены известкой, а снизу выкрашены коричневой, масляной краской. Вдоль стѣнъ стоятъ въ длинныхъ деревянныхъ стойкахъ, красивыми, стройными шеренгами, ружья; надъ ними висятъ въ рамкахъ олеографіи и гравюры, изображающія въ грубомъ, наглядномъ видѣ всю нехитрую солдатскую науку.

Меркуловъ медленно ходитъ изъ взвода во взводъ. Ему скучно, хочется спать, и онъ чувствуетъ зависть ко всѣмъ этимъ людямъ, которые копошатся, галдятъ и хохочутъ въ тяжелой мглѣ казармы. У всѣхъ у нихъ впереди такъ много часовъ сна, что они не боятся отнять у него нѣсколько минутъ. Но всего томительнѣе, всего непріятнѣе—сознаніе, что черезъ полчаса вся рота замолкнетъ, уснетъ, и только Меркуловъ остается бодрствовать,—тоскующій и забытый, одинокій среди ста человѣкъ, перенесенныхъ какою-то ужасной, таинственной силой въ невѣдомый міръ.

Во второмъ взводѣ тѣсно сбились въ кучу около десяти или двѣнадцати солдатиковъ. Они такъ близко разсѣлись и разлеглись другъ возлѣ друга на нарахъ, что сразу не разберешь, къ какимъ головамъ и спинамъ принадлежатъ какія руки и ноги. Въ двухъ, трехъ мѣстахъ то и дѣло вспыхиваютъ красные огоньки „цыгарокъ“. Въ самой серединѣ сидитъ, поджавъ подъ себя ноги, старый солдатъ Замошниковъ,—„дядька-Замошниковъ“, какъ его называетъ вся рота. Замошниковъ маленькій, худой, подвижной солдатикъ, общій любимецъ, запѣвало и добровольный увеселитель. Мѣрно покачиваясь взадъ и впередъ и потирая колѣни ладонями, онъ разсказываетъ сказку, держась все время пониженнаго, медленнаго и, какъ будто бы, недоумѣвающаго тона. Его слушаютъ въ сосредоточенномъ молчаніи. Изрѣдка, одинъ изъ присутствующихъ, захваченный интересомъ разсказа, вдругъ вставитъ, не вытерпѣвъ, торопливое, восхищенно-ругательное восклицаніе.

Меркуловъ останавливается подлѣ кучки и равнодушно прислушивается.

— И посылаетъ этта ему турецкій салтанъ большущую бочку мака и пишетъ ему письмо: „Вашее пріасходительство, славный и

храбрый генералъ Скобелевъ! Даю я тебѣ три дня и три ночи строку, чтобы ты пересчиталъ весь этотъ макъ, до единаго зерна. И сколько, значитъ, ты зеренъ насчитаешь, столько у меня въ моемъ войскѣ есть солдатовъ". Прочиталъ генералъ Скобелевъ салтаново письмо и вовсе даже отъ этого не испужался, а только сейчасъ посылаетъ обратно турецкому салтану горсточку стручковаго перцу.—„У меня, говоритъ солдатовъ куда противъ твоего меньше, всего-на-всего одна малая горстка, а, ну-ко-ся, попробуй-ка,—раскуси!.."

— Ловко повернулъ!— одобряетъ голосъ за спиной Замошникова. Другіе слушатели сдержанно смѣются.

— Да... На-ко, говоритъ, раскуси, попробуй!—повторяетъ Замошниковъ, жалѣя разстаться съ „выигрышнымъ" мѣстомъ.— Салтанъ-то ему, значитъ, бочку мака, а онъ ему горсть перцу: „на-ко-сь, говоритъ, выкуси!" Это Скобелевъ-то нашъ салтану-то турецкому.—У меня, говоритъ, солдатовъ всего одна горсточка, а попробуй-ка, поди-ка, раскуси!..

— Вся, что ли, сказка то, дядька Замошниковъ?—робко спрашиваетъ какой-то нетерпѣливый слушатель.

— А ты... погоди, братецъ мой,— досадливо замѣчаетъ ему Замошниковъ.—Ты не подталдыкивай... Сказку сказывать,—это, братъ, тоже не блохъ ловить... Да...—Затѣмъ, помолчавъ немного и успокоившись, онъ продолжаетъ сказку.—Да... „Хоть и малая, говоритъ, горсточка, а поди-ка, раскуси..." Прочиталъ турецкій салтанъ скобелевское письмо и опять ему пишетъ: „Убери ты, по добру, по здорову, свое храброе войско изъ моей турецкой земли... А ежели ты своего храбраго войска убрать не захочешь, то дамъ я своимъ солдатамъ по чаркѣ водки, солдаты мои отъ этого разсердятся и выгонятъ въ три дня всю твою армію изъ Турціи". А Скобелевъ ему сейчасъ отвѣтъ: „Великій и славный турецкій салтанъ, какъ это смѣешь ты, турецкая твоя морда, мнѣ такія слова писать? Нашелъ чѣмъ тращать: „по чаркѣ водки дамъ!"—А я, вотъ, своимъ солдатушкамъ три дня лопать ничего не дамъ, и они тебя, распротакого-то сына, со всѣмъ твоимъ войскомъ живьемъ сожрутъ, и назадъ не вернутъ, такъ ты безъ вѣсти и пропадешь, собачья образина, свиное твое ухо!.." Какъ услышалъ эти слова турецкій салтанъ, сильно онъ, братцы мои, въ ту пору испужался и сейчасъ подался на замиренье.—„Ну, говоритъ, тебя совсѣмъ къ Богу и съ войскомъ съ твоимъ. Вотъ тебѣ мельонтъ рублей денегъ, и отвяжись ты отъ меня, пожалуйста..." Замошниковъ молчитъ съ минутку и потомъ добавляетъ коротко: „вся сказка, ребята".

Слушатели оживляются и кучка начинаетъ шевелиться. Со всѣхъ сторонъ раздается одобрительная ругань патріотическаго характера:

— Важно онъ яво, братцы!..

— Н-да-а, саданулъ... нѣчего сказать...

— На что лучше... Я, гритъ, своимъ солдатамъ три дни ѣсть не дамъ, такъ они тебя, мерзавца, живьемъ слопаютъ. Какъ онъ ему сказалъ, дядька Замошниковъ? А, дядька Замошниковъ?

Замошниковъ повторяетъ ту же самую фразу слово въ слово.

— Куда жъ противъ нашихъ! — подхватываютъ хвастливые голоса.

— Ку-у-да-а!.. Противъ руцкихъ-то!

— Ежели противъ нашихъ, такъ это еще, братъ, погодить надоть.

— Да еще и какъ погодить-то... Это такое дѣло, что надо благословимшись, да каши сперва поѣмши...

Замошниковъ въ это время тянется къ огоньку „цыгарки", то вспыхивающему, то погасающему подлѣ него, и говоритъ небрежно:

— Дай-ко-сь, братецъ, потянуть разочекъ. Что-й-то смерть покурить хоцца.

Онъ нѣсколько разъ подъ рядъ торопливо и глубоко затягивается, пуская дымъ изъ носа двумя прямыми, сильными струями. Лицо его, особенно подбородокъ и губы, попеременно то озаряются краснымъ блескомъ, то мгновенно тухнутъ, пропадаютъ въ темнотѣ. Чья-то рука протягивается къ его рту за цыгаркой, и чей-то голосъ проситъ:

— А ну-ка, дядька Замошниковъ, оставь, я покурю немножко.

— Кто покурить, а кто и поплюить,—отрѣзаетъ Замошниковъ. Солдаты смѣются. „Ужъ этотъ Замошниковъ... всегда такое ввернетъ!.." Поощренный Замошниковъ продолжаетъ шутить:

— Знаешь, братъ, какъ нонче курятъ? Табачекъ вашъ, бумажку дашь, вотъ и покуримъ.

Однако онъ тутъ же суетъ въ протянутую руку окурокъ, сплевываетъ на сторону, перегнувшись черезъ чью-то спину, и говоритъ:

— А, вотъ, тоже, ребята, знаю я еще одну исторію. Може, кто слышалъ изъ васъ? Про то, какъ солдатъ прицѣпилъ себѣ желѣзные когти и лазилъ къ царевнѣ на башню? Если знаетъ, такъ я лучше и сказывать не буду.

— Не знаетъ... Нѣтъ, нѣтъ... Валяй, дядька Замошниковъ. Никто не слыхалъ.

— Начинается это такъ, что жилъ-былъ на свѣтѣ солдатъ Яшка, мѣдная пряжка. И былъ, братцы мои, этотъ солдатъ удивительный человѣкъ на свѣтѣ.

Меркуловъ вяло отходитъ прочь. Въ другое время онъ самъ съ живымъ удовольствіемъ слушалъ бы сказки Замошникова, но теперь ему даже кажется страннымъ, какъ это другіе могутъ

слушать съ такимъ интересомъ вещи незанимательныя, скучныя и, главное, завѣдомо вымышленныя.

— „Ишь, черти, и ко сну ихъ не манитъ!—злобно думаетъ Меркуловъ.—Будутъ себѣ цѣлую ночь дрыхнуть“...

Онъ подходитъ къ окну. Стекла изнутри запотѣли и по нимъ то и дѣло быстро и извилисто сбѣгаютъ капли. Меркуловъ протираетъ рукавомъ шинели стекло, прижимается къ нему лбомъ и загораживаетъ глаза съ обѣихъ сторонъ ладонями, чтобы не мѣшало отраженіе ночника. На дворѣ осенняя, дождливая, черная ночь. Свѣтъ, падающій изъ окна, лежитъ на землѣ косымъ, вытянутымъ четыреугольникомъ, и, видно, какъ въ этой свѣтлой полосѣ морщится и рябится отъ дождя большая лужа. Далеко впереди и внизу, точно на краю свѣта, чуть-чуть, блестятъ огни мѣстечка. Больше ничего не различаетъ глазъ въ темнотѣ ненастной ночи.

Постоявъ немного у окна, Меркуловъ идетъ дальше, въ четвертый взводъ, обходитъ его и медленно бредетъ по другой сторонѣ казармы, вдоль оконъ. На самомъ концѣ наръ, по бокамъ угла усѣлись, спустивъ внизъ ноги, двое солдатъ—Панчукъ и Коваль. Между ними стоитъ маленькій деревянный сундучекъ, съ замкомъ на кольцахъ. На сундукѣ лежитъ цѣльный хлѣбъ, накроенный толстыми ломтями во всю длину, пятокъ луковицъ, кусокъ свиного сала и крупная, сѣрая соль въ чистой тряпкѣ. Панчукъ и Коваль связаны между собою странной, молчаливой дружбой, основанной на необычайномъ обжорствѣ. Имъ не хватаетъ казенныхъ шести фунтовъ хлѣба; они прикупаютъ его каждый день у товарищей и всегда поѣдаютъ его вмѣстѣ, обыкновенно вечеромъ, не обмѣниваясь при этомъ ни единымъ словомъ. Оба они изъ зажиточныхъ семействъ и ежемѣсячно получаютъ изъ дому по рублю и даже по два...

Каждый изъ нихъ, поочередно, узкимъ ножикомъ, источеннымъ до того, что его остріе даже вогнулось внутрь, отрѣзаетъ нѣсколько тонкихъ, какъ папиросная бумага, кусочковъ сала и аккуратно разпластываетъ ихъ между двумя ломтями хлѣба, круто посоленными съ обѣихъ сторонъ. Потомъ они начинаютъ, молча и медленно, поѣдать эти огромные буттерброды, лѣниво болтая спущенными внизъ ногами.

Меркуловъ останавливается противъ нихъ и тупо смотритъ, какъ они ѣдятъ. Видъ сала вызываетъ у него подъ языкомъ острую слюну, но просить онъ не рѣшается: все равно, ему отвѣтятъ отказомъ и хлесткой насмѣшкой. Однако онъ, все-таки, произноситъ срывающимся голосомъ, въ которомъ слышится почти просьба:

— Хлѣбъ да соль, ребята.

— Ѣмъ, да свой, а ты рядомъ постой,—отвѣчаетъ совершенно серьезно Коваль и, не глядя на Меркулова, обчищаетъ ножемъ отъ

коричневой шелухи луковицу, рѣжетъ ее на четыре части, обмакиваетъ одну четверть въ соль и жуетъ ее съ сочнымъ хрустѣніемъ. Панчукъ ничего не говоритъ, но смотритъ прямо въ лицо Меркулову тупыми, сонными, неподвижными глазами. Онъ громко чавкаетъ, и на его массивныхъ скулахъ, подъ обтягивающей ихъ кожей, напрягаются и ходятъ связки челюстныхъ мускуловъ.

Нѣсколько минутъ всѣ трое молчатъ. Наконецъ, Панчукъ съ трудомъ проглатываетъ большой кусокъ и сдавленнымъ голосомъ равнодушно спрашиваетъ:

— Что, братъ, днивалишь?

Онъ и безъ того отлично знаетъ, что Меркуловъ дневалитъ, и предложилъ этотъ вопросъ ни съ того, ни съ сего, безъ всякаго интереса: просто, такъ себѣ, спросилось. И Меркуловъ также равнодушно испускаетъ, вмѣсто отвѣта, длинное ругательство, неизвѣстно кому адресованное: двумъ ли солдатамъ, которые имѣютъ возможность объѣдаться хлѣбомъ съ саломъ, или начальству, заставившему Меркулова не въ очередь дневалить.

Онъ отходитъ отъ пріятелей, продолжающихъ свою молчаливую, медленную ѣду, и бредетъ дальше. Сырая казарма быстро нагрѣвается человѣческимъ дыханіемъ; Меркулову даже становится жарко въ его шинели. Нѣсколько разъ кряду онъ обходитъ всѣ взводы, со скукой прислушиваясь къ разговору, громкому смѣху, руготнѣ и пѣнію, долго не смолкающимъ въ ротѣ. Ничто его не смѣшитъ и не занимаетъ, но въ душѣ ему сильно хочется, чтобы еще долго, долго, хоть всю ночь, не затихалъ этотъ шумъ, чтобы только ему, Меркулову, не оставаться одному въ ужасной тишинѣ спящей казармы.

Въ концѣ перваго взвода стоитъ отдѣльная нара унтеръ-офицера Евдокима Ивановича Ноги, ближайшаго начальника Меркулова. Евдокимъ Ивановъ—большой франтъ, бабникъ, говорунъ и человѣкъ зажиточный. Его нара поверхъ сѣнника покрыта толстымъ ватнымъ одѣяломъ, сшитымъ изъ множества разноцвѣтныхъ квадратиковъ и треугольниковъ; въ головахъ, къ деревянной спинкѣ прилѣплено хлѣбомъ маленькое, круглое, треснутое посрединѣ зеркальце въ жестяной оправѣ.

Евдокимъ Ивановичъ, безъ мундира и босой, лежитъ сверхъ своего великолѣпнаго одѣяла, на спинѣ, заложивъ за̀ голову руки и задравъ кверху ноги, изъ которыхъ одна уперлась пяткой въ стѣну, а другая черезъ нее перекинута. Изъ угла рта торчитъ у него камышевый мундштукъ со вставленной въ него дымящейся „крученкой“. Передъ унтеръ-офицеромъ, въ понурой, печальной и покорной позѣ большой обезьяны стоитъ рядовой его взвода Шангирей Камафутдиновъ, — бѣдный, грязный, глуповатый татаринъ, не выучившій за три года своей службы почти ни одного

русскаго слова,—посмѣшище всей роты, ужасъ и позоръ инспекторскихъ смотровъ.

Ногѣ не спится и, пользуясь минутой, онъ „репетитъ“ съ Камафутдиновымъ „Словесность“. У татарина отъ умственнаго напряженія виски и конецъ носа покрылись мелкими каплями пота. Время отъ времени онъ вытаскиваетъ изъ кармана грязную ветошку и сильно третъ ею свои зараженные трахомой, воспаленные, распухшіе, гноящіеся глаза.

— Идіётъ турецкій! Морда! Что я тебя спрашиваю? Ну! Что я тебя спрашиваю, идолъ?—кипятится Нога.

Камафутдиновъ молчитъ.

— Эфіёпъ неумытый! Какъ твое ружье называется? Говори, какъ твое ружье называется, скотина подлая!

Камафутдиновъ третъ свои больные глаза, переминается съ ноги на ногу, но продолжаетъ молчать.

— Ахъ ты... Нѣтъ съ тобой никакой моей возможности! Ну, повторяй за мной...—И Нога произноситъ, громко отчеканивая каждый слогъ: ма-ло-ка-ли-бер-на-я, ско-ро-стрѣль-на-я...

— Малякарлй... карастй...—испуганно и торопливо повторяетъ Камофутдиновъ.

— Дура! Не спѣши... Еще разъ: малокалиберная, скорострѣльная...

— Малякалй... скарлястйль...

— У-я! Образина татарская!—И Нога дѣлаетъ на него злобноискаженную физіономію.—Ну, чортъ съ тобой.. Дальше повторяй: пѣхотная винтовка...

— Пихо̀тъ бинто̀фкъ...

— Со скользящимъ затворомъ...

— Заскальзяситво̀ромъ...

— Системы Бердана, номеръ второй...

— Ссемъ бирда̀нъ, номеръ таро̀й.

— Такъ... Ну, катай сначала.

Татаринъ вяло мнется и опять лѣзетъ въ карманъ за тряпкой.

— Ну же!.. Чортъ!

— К... к... калй... к... калибрй... заскальзй... — Камафутдиновъ наугадъ подбираетъ первые попадающіеся ему звуки.

— Заскальзи-и! — перебиваетъ его унтеръ-офицеръ.—Самъ ты—заскальзй. Вставать мнѣ только не хочется, а то бы я тебѣ выутюжилъ морду-то! Весь фасонъ ты у меня во взводѣ нарушаешь!.. Ты думаешь, съ меня изъ-за тебя не зиськуется? Строго, братъ, зиськуется... Ну, повторяй опять: малокалиберная, скорострѣльная...

Въ концѣ перваго взвода, близъ желѣзной печки, разлеглись на нарахъ, головами другъ къ другу, трое старыхъ солдатъ и

поютъ вполголоса, но съ большимъ чувствомъ и съ видимымъ удовольствіемъ вольную, „свою“, деревенскую пѣсню. Первый голосъ высокимъ, нѣжнымъ фальцетомъ выводитъ грустную мелодію, небрежно выговаривая слова и вставляя въ нихъ, для пѣвучести, лишнія гласныя. Другой пѣвецъ старательно и бережно вторитъ ему въ терцію сиплымъ, но пріятнымъ и точнымъ теноркомъ, немного въ носъ. Третій поетъ въ октаву съ первымъ глухимъ и невыразительнымъ голосомъ, въ иныхъ мѣстахъ онъ нарочно молчитъ, пропускаетъ два такта и вдругъ сразу подхватываетъ и догоняетъ товарищей въ своеобразной фугѣ.

Прощай радость моя и покой,—
Слышу уѣзжаетъ отъ меня милой.
Ахы намы долыжно
Съ *та-або ой...

согласно и красиво вытягиваютъ первые голоса, а третій, отставшій отъ нихъ послѣ слова „должно“, вдругъ присоединяется къ нимъ рѣшительнымъ, крѣпкимъ подхватомъ

Съ тобой разстаться...

И затѣмъ всѣ трое поютъ вмѣстѣ:

Тебя мнѣ больше не видать,
Темною ночкой вмѣстѣ не гулять.

Закончивъ куплетъ, голосъ, пѣвшій мелодію, вдругъ беретъ страшно высокую ноту и долго, долго тянетъ ее, широко раскрывъ при этомъ ротъ, зажмуривъ глаза и наморщивъ отъ усилія носъ. Потомъ, сразу оборвавъ, точно отбросивъ эту ноту, онъ дѣлаетъ маленькую паузу, откашливается и начинаетъ снова:

Ахы темыною ночикой
Мнѣ-ѣ не сыпится
Сама я не знаю по-оче-ему...

— Сударь почему!—ввертываетъ вдругъ третій увѣреннымъ речитативомъ, и опять всѣ втроемъ продолжаютъ:

Ахъ буду помнить я
Твои ласковые взоры,
Твой веселый разговоръ..

Пѣсня эта знакома Меркулову еще съ деревни, и поэтому онъ слушаетъ ее очень внимательно. Ему кажется, что хорошо было бы теперь лежать раздѣтымъ, укрывшись съ головой шинелью, и думать про деревню и про своихъ, думать до тѣхъ поръ, пока сонъ тихо и ласково не заведетъ ему глазъ.

Пѣвцы вдругъ замолкаютъ. Меркуловъ долго дожидается, чтобы они опять запѣли. Ему нравится неопредѣленная грусть и жалость къ самому себѣ, которую всегда вызываютъ въ немъ печальные мотивы. Но солдаты лежатъ, молча, на животахъ, голо-

вами другъ къ другу: должно быть, заунывная пѣсня и на нихъ навѣяла молчаливую тоску. Меркуловъ глубоко вздыхаетъ, долго скребетъ подъ шинелью зачесавшуюся грудь, сдѣлавъ при этомъ страдающее лицо, и медленно отходитъ отъ пѣвцовъ.

Казарма затихаетъ постепенно. Только во второмъ взводѣ слышатся, то и дѣло, взрывы буйнаго хохота. Замошниковъ уже окончилъ исторію про солдата съ желѣзными когтями и теперь начинаетъ „приставлять". Онъ самъ—и актеръ, и импровизаторъ. Его любимый номеръ (который онъ сейчасъ и разыгрываетъ)—это полковой смотръ, производимый строгимъ генераломъ Замошниковымъ. Здѣсь онъ является поочередно и толстымъ генераломъ съ одышкой, и полковымъ командиромъ, и штабсъ-капитаномъ Глазуновымъ, и фельдфебелемъ Тарасомъ Гавриловичемъ, и старухой-хохлушкой, которая только что пришла изъ деревни и „восемнадцать літъ москаліевъ не бачила", и кривоногимъ, косымъ рядовымъ Твердохлѣбомъ и, плачущимъ ребенкомъ, и сердитой барыней съ собачкой, и татариномъ Камафутдиновымъ, и цѣлымъ батальономъ солдатъ, и музыкой, и полковымъ врачемъ. Навѣрно, каждый изъ слушателей не менѣе десяти разъ присутствовалъ на „приставленьяхъ" Замошникова, но интересъ вовсе не ослабѣваетъ отъ этого, тѣмъ болѣе, что Замошниковъ всегда нà-ново разукрашиваетъ свои діалоги бойкими риѳмами и, то и дѣло, загибаетъ поговорки, одна другой неожиданнѣй и непристойнѣй... Замошниковъ ведетъ сцену, стоя въ проходѣ между нарами и окномъ; зрители разсѣлись и разлеглись на нарахъ.

— Муз-зыканты по мѣст-а-а-амъ!—командуетъ Замошниковъ хриплымъ, нарочно задушеннымъ голосомъ, преувеличенно разѣвая ротъ и тряся закинутой назадъ головой (онъ, конечно, боится кричать громко, и этими пріемами имитируетъ, до извѣстной степени, оглушительность команды полкового командира). По-олкъ! Слуша-а-ай! На крау-улъ! Музыка играй... Трамъ, па-пимъ, та-ти-ра-рамъ...

Замошниковъ трубитъ маршъ, раздувая щеки и хлопая себя по нимъ ладонями, какъ по барабану. Затѣмъ онъ говоритъ бойкой скороговоркой:

— Вотъ ѣдетъ на бѣломъ конѣ храбрый генералъ Замошниковъ. Смотритъ соколомъ, грудь колесомъ. Весь мундиръ въ орденахъ, посмотришь — прямо тибѣ беретъ страхъ. — „Здорово, молодцы, славные нижнеломовцы-ы!"—„Здра-жела-вассс!"—„Молодцы, ребята!"—„Ради стараться, вассс!.." Сейчасъ полковой къ нему съ рапортомъ: — „Вашему пріасходительству, славному и храброму генералу Замошникову имѣю честь лепортовать... Въ нижнеломовскомъ развеселомъ полкѣ все обстоитъ благополучно. По списку солдатовъ цѣлая тыща. Сто человѣкъ

въ лазаретѣ валяется, сто по кабакамъ шатается, да сто въ бѣгахъ обрѣтаются. Пятдесятъ подъ заборомъ лежатъ, пятдесятъ подъ арестомъ сидятъ, а пятдесятъ — пьяные — на ногахъ не стоятъ... Двѣсти по міру пошли побираться, а другіе и совсѣмъ никуда не годятся. Не стрижены, не бриты, морды у нихъ не умыты, подъ глазами синяки подбиты. Цѣлый годъ ничего не ѣли, не пили, а только все по дѣвкамъ ходили. Нѣтъ нашего полка на свѣтѣ веселѣе!" — „Молодцы, ребята, спасибо красавцы!" — „Ради стараться, васс..." — „Претензій не имѣете?" — „Никакъ нѣтъ, вассс..." — „Хлѣба много ѣдите?" — „Точно такъ, вассс... очинно много: какъ ѣдимъ, такъ за ушами трещить, а съѣдимъ, такъ въ брюхѣ пишшыть". — „Молодцы, братцы. Такъ и надоть. Пой пѣсни, хоть тресни, гляди орломъ, а ѣсть не проси. Выдать кажному солдатику по манеркѣ водки, да по фунту табаку, да деньгами полтинникъ". — „Покорнѣйше благодаримъ вассс"...

„А тутъ с'часъ полковой впередъ выѣзжаетъ. — „По цирмуріальному маршу, по-ротно, на двухвзводную дистанцію... — Первая рота шагомъ!" Музыка. Ту-ру-румъ, ту-румъ... Идуть — ать, два! ать, два... лѣвой... лѣвой... Вдругъ: „сто-ой! на-за-адъ! отстави-ить!" — „Что-т-такое за исторія?" — „Это у васъ какая рота, полковникъ? — „Четырнадцатая-нарѣзная, вассс..." — „А это что за морда кривая стоитъ въ строю?" — „Рядовой Твердохлѣбъ, вассс..." — „Прогнать со смотра и всыпать пятдесятъ"...

Солдаты хохочутъ, и всѣхъ громче рядовой Твердохлѣбъ, котораго со всѣхъ сторонъ толкаютъ подъ бока локтями. Дальше обыкновенно слѣдуетъ разсказъ о томъ, какъ послѣ смотра генералъ Замошниковъ обѣдаетъ у полкового командира. — „Вамъ борщу, или супу, вассс?.. — „Мнѣ бы того и другого... поболѣ..." — „А водочки, васс?.." — „Гм... можно и водочки... стаканчикъ". Затѣмъ идетъ изысканный разговоръ съ полковничьей дочкой. — „Барышня, угостите поцѣлуйчикомъ". — „Ахъ что вы-съ... нешто это можно при папашахъ?.. они увидають... — Нельзя значитъ? — Ахххъ... никакъ невозможно. — Въ такомъ разѣ предпожалуйте ручку. — Ручку извольте. — Ну, и скусно же!.."

Но Замошниковъ не успѣваетъ докончить „приставленья". Внезапно растворяется дверь казармы и въ просвѣтѣ показывается фигура фельдфебеля, Тараса Гавриловича, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, въ туфляхъ на босу ногу и въ очкахъ.

— Чего вы гогочете, словно жеребцы на овесъ? — раздается его сердитый старческій окрикъ. — Когда вы утихомиритесь?! Вотъ я васъ всѣхъ сейчасъ по мордамъ разкассирую. Ну!.. живо... расходись!..

Солдаты медленно, неохотно расходятся по своимъ мѣстамъ. Необыкновенно быстро, въ какихъ-нибудь пять минутъ казарма

совсѣмъ стихаетъ. Гдѣ-то среди наръ слышится торопливый шепотъ молитвы: „Господи, Сусе Христе... Сыне Божій, помилуй насъ... Пресвятая Троица помилуй насъ“.—Гдѣ-то звучно падаютъ одинъ за другимъ на асфальтовый полъ сброшенные съ ногъ сапоги. Кто-то кашляетъ глухо, съ надсадой по овечьи... Жизнь сразу прекратилась.

Меркуловъ продолжаетъ ходить по казармѣ. Онъ идетъ вдоль стѣны, машинально обдирая ногтемъ большого пальца масляную краску. Солдаты лежатъ на нарахъ, покрытые сверху сѣрыми шинелями, тѣсно прижавшись другъ къ другу. При тускломъ, коптящемъ свѣтѣ ночниковъ очертанья спящихъ фигуръ теряютъ рѣзкость, сливаются, и кажется, будто это лежатъ не люди, а сѣрые однообразные и неподвижные вороха шинелей.

Отъ нечего дѣлать, Меркуловъ присматривается къ спящимъ. Одинъ лежитъ на спинѣ, поднявъ и согнувъ подъ острымъ угломъ ноги; онъ полураскрылъ ротъ и дышитъ глубоко и ровно; съ лица его не сходитъ спокойное, глупое выраженіе. Другой спитъ на животѣ, уткнувшись головой въ сгибъ лѣвой руки, между тѣмъ какъ правая протянута вдоль тѣла и выворочена ладонью наружу. Голыя ноги высунулись изъ-подъ короткой шинели; икры на нихъ напружились, а концы пальцевъ сведены, какъ въ судорогѣ. Вотъ, скорчился солдатъ Естифеевъ, землякъ Меркулова и сосѣдъ его по строю. Кажется, нарочно не примешь такой неестественной позы: голова глубоко засунута подъ кумачевую, засаленную подушку, ноги прижаты чуть не къ самому подбородку. Должно быть, кровь прилила Естифееву къ головѣ, потому что изъ-подъ подушки раздаются медленные, мучительные стоны.

Меркулову жутко и тягостно. Всего нѣсколько минутъ назадъ всѣ эти сто человѣкъ ходили, смѣялись, разговаривали, бранились... и вотъ они, всѣ до одного, лежатъ неподвижные, стонущіе и храпящіе, объятые и унесенные какой-то *другой*, непонятной, таинственной жизнью. Для каждаго изъ нихъ уже нѣтъ болѣе ни военной службы съ ея тягостями и напускнымъ весельемъ, ни скучнаго мрака казармы, ни сосѣда, безпокойно мечущагося у него на груди головой, ни одиново бродящаго со своей тоской Меркулова. И мистическій ужасъ заползаетъ понемногу въ сердце Меркулова, съеживаетъ кожу на его черепѣ и волной холодныхъ мурашекъ бѣжитъ по его спинѣ.

Онъ останавливается противъ часовъ, висящихъ въ третьемъ взводѣ подъ ночникомъ, и долго, пристально смотритъ на нихъ. Меркуловъ плохо разбираетъ время, но онъ знаетъ (это ему терпѣливо и пространно объяснялъ сегодня дежурный), что когда большая стрѣлка станетъ прямо вверхъ, а маленькая почти перпендикулярно къ ней вправо, то тогда надо ему смѣняться. Это—

обыкновенные, двухрублевые часы съ бѣлымъ квадратнымъ циферблятомъ, разрисованнымъ по угламъ розонами, съ мѣдными гирьками, къ одной изъ которыхъ подвязаны веревкой камень и желѣзный болтъ, съ избитымъ отъ времени, точно изжеваннымъ, мѣднымъ маятникомъ.

— Ти-та, ти-та,—отсчитываетъ среди тишины маятникъ, и Меркуловъ внимательно прислушивается къ его ходу. Первый ударъ слабѣе и чище, а второй звучитъ глухо и выбивается съ трудомъ, какъ будто бы его что-то задерживаетъ внутри, и слышно, какъ между обоими ударами въ серединѣ часовъ передергивается какая-то цѣпочка. — Ти-к-та, ти-к-та... И Меркуловъ шепчетъ вслѣдъ за ходомъ часовъ: тягота, тягота... Странная духовная связь есть между этими часами и ночнымъ бодрствованіемъ Меркулова: точно оба они—одни въ казармѣ—осуждены какой-то жестокой силой тоскливо отсчитывать секунды и томиться долгимъ одиночествомъ.—„Тягота, тягота", монотонно и устало шепчетъ маятникъ. Въ казармѣ скучно и жутко, ночники еле свѣтятъ, въ углахъ громоздятся безобразныя тѣни, и Меркуловъ сонно шепчетъ вмѣстѣ съ маятникомъ: Тяго-та, тя-го-та...

Потомъ онъ идетъ въ дальній уголъ перваго взвода и садится между печкой и ружейной пирамидой на высокомъ табуретѣ съ залосненнымъ и почернѣвшимъ отъ времени сидѣньемъ. Отъ желѣзной печки идетъ легкое тепло вмѣстѣ съ запахомъ угара. Меркуловъ глубоко засовываетъ руки въ рукава шинели и задумывается.

Вспоминается ему письмо, полученное третьяго дня „съ родины". Это письмо читали ему вслухъ: сначала взводный унтеръ-офицеръ, потомъ ротный писарь, потомъ всѣ грамотные земляки, такъ что текстъ письма Меркуловъ успѣлъ выучить наизусть и даже подсказывалъ чтецамъ неразборчивыя мѣста.

„Письмо солдатское, пѣхотное, очень нужное. Письмо пущено съ родины 20-го сентября настоящаго года. Село Мокрые Верхи, отъ отца вашего.

„Любезный сынокъ нашъ Лука Моисеевичъ!

„Во первыхъ строкахъ сего письма посылаемъ тебѣ родительское наше благословеніе и желаемъ отъ Господа Бога скораго и счастливаго успѣха въ дѣлахъ вашихъ, и увѣдомляемъ васъ, что мы съ матушкой вашей Лукерьей Трофимовной, слава Богу, живы и здоровы, чего и вамъ желаемъ. Еще кланяется вамъ любящая супруга Татьяна Ивановна и посылаетъ свое искренно любящее супружеское почтеніе, съ любовію низкій поклонъ и желаетъ вамъ отъ Бога всего хорошаго. Еще кланяется тебѣ любезный тестечикъ твой Иванъ Ѳедосѣевичъ съ супругой и съ дѣтками и желаетъ вамъ успѣха въ дѣлахъ вашихъ. Еще кла-

няется вамъ братецъ вашъ Николай Моисеевичъ съ супругой и съ дѣтками и съ низкимъ поклономъ желаютъ вамъ отъ Бога всего хорошаго.

„А у насъ все, слава Богу, благополучно, чего и тебѣ отъ всей души желаемъ. Въ деревнѣ у насъ все по старому. На Пречистую сгорѣлъ у насъ Николай Ивановъ съ большой дороги. Безпремѣнно никто, какъ Матюшка спалилъ; такъ и урядникъ сказалъ. Милый Лукаша, прошу я тебя, пропиши пояснѣе, я въ вашемъ письмѣ ничего не поняла, потому что плохо писано, никто не можетъ прочитать, и пропиши, кто ее писалъ и кто писалъ адресъ, нельзя понять, чья это рука писала, но приблизительно вы пишите такую чушь, что не можно и вѣрить такой ерундѣ. За симъ остаюсь любящій отецъ М. Меркуловъ, а за него, безграмотнаго, расписался Ананій Климовъ“.

— Ахъ, бѣда, бѣда,—шепчетъ Меркуловъ и при этомъ качаетъ гловой и горестно прищелкиваетъ языкомъ. Думаетъ онъ о томъ, что еще два года слишкомъ осталось ему „сполнять долгъ отечества“, о томъ, какъ трудно и тяжело жить на чужой сторонѣ, думаетъ и о своей женѣ Татьянѣ Ивановнѣ.—„Бабочка она молодая, веселая, балованная. Тоже, поди, не легко жить четыре-то года безъ мужа, въ чужой семьѣ... Солдатка... Извѣстно, какія онѣ, солдатки-то эти самыя... Вотъ, поручикъ Забіякинъ всегда смѣются... — „Ты женатый?“ спроситъ.—„Точно такъ, вашбродь, женатый“. — „Ну, такъ погоди, погоди, говоритъ, воротишься со службы — въ домѣ новые работники прибудутъ“. Гм... Хорошо ему смѣяться. Толстый, да гладкій... Всталъ утречкомъ — чайку съ булочкой напился... деньщикъ ему сапожки чистые подалъ. Вышелъ на ученье—знай себѣ, папиросочки попаливаетъ. А ты, вотъ, сиди цѣлую ночь... Эхъ, бѣда, бѣда, бѣда-а-а“,—шепчетъ Меркуловъ, оканчивая послѣднее слово длиннымъ глубокимъ зѣвкомъ, отъ котораго у него даже слезы выступаютъ на глазахъ.

Никогда еще Меркуловъ не чувствовалъ себя такимъ покинутымъ, затеряннымъ, жалкимъ... Хочется ему поговорить съ какимъ-нибудь добрымъ и молчаливымъ человѣкомъ, объяснить ему жалостными словами всѣ свои горести и заботы, и чтобы этотъ добрый и молчаливый человѣкъ слушалъ внимательно, все бы понималъ и всему сочувствовалъ... Да гдѣ жъ его найдешь, этого человѣка? Каждому до себя, до своей заботушки. Горько, братецъ мой, думаетъ, покачивая головой Меркуловъ и, вслѣдъ за тѣмъ, произноситъ вслухъ протяжнымъ пѣвучимъ голосомъ: о-охъ и го-о-орько-о...

И вотъ, понемножку, вполголоса, Меркуловъ начинаетъ напѣвать. Сначала въ его пѣснѣ почти нѣтъ словъ. Выходитъ что-то

заунывное, печальное и безтолковое, но размягчающее и пріятно шевелящее душу. „Э-э-а-ахъ ты-ы, да э-э-охъ го-о-рько-о“... Потомъ начинаютъ подбираться и слова—все такія хорошія, трогательныя слова:

О-охъ да ты-ы моя матушка,
Э-охъ да моя родименька-я-а...

Тутъ Меркуловъ окончательно проникается глубокой жалостью къ бѣдному, забытому солдату Лукѣ Меркулову. Кормятъ его впроголодь, наряжаютъ не въ очередь дневалить, взводный его ругаетъ, отдѣленный ругаетъ,—иной разъ и кулакомъ ткнетъ въ зубы,—ученье тяжелое, трудное... Долго ли заболѣть, руку ли, ногу сломать, отъ глазной болѣзни ослѣпнуть—вонъ, у половины роты глаза гноятся? А то, можетъ, и умереть на чужой сторонѣ придется... Что-то горестное подступаетъ Меркулову къ самой глоткѣ, что-то начинаетъ слегка пощипывать ему вѣки, а въ груди подъ ложечкой онъ ощущаетъ приливъ искусственной, замирающей, томной, сладковатой тоски. И еще больше трогаютъ его печальныя слова импровизированной пѣсни, еще нѣжнѣе и прекраснѣе кажется ему свой собственный мотивъ:

Охъ ты моя мамынька,
Положижъ ты минѣ во гро-опъ,
Положи во сосновый да во гропъ,
Во сосновый гропъ, да во осиновый...

Воздухъ въ казармѣ сгустился и сталъ невыносимо тяжелъ. Точно въ банѣ, сквозь завѣсу пара слабыми, расплывчатыми пятнами свѣтятъ ночники, у которыхъ стекла почернѣли сверху отъ копоти. Меркуловъ сидитъ, сгорбившись, переплетя ноги за табуретную перекладину и глубоко вдвинувъ руки въ рукава шинели. Тѣсно, жарко и неловко ему въ шинели,—воротникъ третъ затылокъ, крючки давятъ горло, и спать ему хочется страшно. Вѣки у него точно распухли и зудятъ, въ ушахъ стоитъ какой-то глухой, непрерывный шумъ, а гдѣ-то внутри, не то въ груди, не то въ животѣ, все не проходитъ тягучая, приторная, физическая истома. Меркуловъ не хочетъ поддаваться сну, но, временами, что-то мягкое и властное пріятно сжимаетъ его голову: тогда вѣки вдругъ задрожатъ и сомкнутся съ усталой рѣзью, приторная истома сразу пропадаетъ, и уже нѣтъ больше ни казармы, ни длинной ночи, и на нѣсколько секундъ Меркулову легко и покойно до блаженства. Онъ самъ не замѣчаетъ въ это время, что голова его короткими, внезапными толчками падаетъ все ниже и ниже, и вдругъ... сильно качнувшись всѣмъ тѣломъ впередъ, онъ съ испугомъ открываетъ глаза, выпрямляется, встряхиваетъ головой, и опять вступаетъ ему въ грудь приторная, сосущая истома безсонья.

А память Меркулова въ эти короткія секунды неожиданной полудремоты все не можетъ оторваться отъ деревни, и пріятно ему, и занимательно, что о чемъ бы онъ ни вспомнилъ, такъ сейчасъ же это и видитъ передъ глазами,—такъ ярко, отчетливо и красиво видитъ, какъ никогда не увидишь на яву. Вотъ его старый, бѣлый, весь усѣянный „гречкой“ меринъ. Стоитъ онъ на зеленомъ выгонѣ со своими согнутыми передними ногами, съ торчащими костяжками на крестцѣ, съ выступающими рѣзко на бокахъ ребрами. Голова его уныло и неподвижно опущена внизъ, дряблая нижняя губа, съ рѣдкими, прямыми и длинными волосами, отвисла, глаза, цвѣта линялой бирюзы, съ бѣлыми рѣсницами, смотрятъ тупо и удивленно.

А тутъ, сейчасъ же, за выгономъ идетъ проѣзжая широкая дорога. И кажется Меркулову, что теперь—теплый вечеръ ранней весны и что вся дорога, черная отъ грязи, изборождена слѣдами копытъ, а въ глубокихъ колеяхъ стоитъ вода, розовая и янтарная отъ вечерней зари. Пересѣкая дорогу, вьется изъ подъ бревенчатаго мостка узкая рѣченка, точно сжатая въ невысокихъ, но крутыхъ изумрудно-зеленыхъ берегахъ, гладкая, какъ зеркало, и уже чуть-чуть подернутая вдали легкимъ туманомъ. Вѣрно и рѣзко отразились въ ней, внизъ верхушками, прибрежныя, круглыя, покрытыя желто-зеленымъ лукомъ ветлы и самые берега, которые кажутся въ водѣ еще свѣжѣй, еще изумруднѣй. А, вонъ, вдалекѣ, на ясномъ небѣ стройно и четко рисуется колокольня церкви, деревянная, бѣлая съ розовыми продольными полосами и съ крутой зеленой крышей. Сейчасъ же, рядомъ съ церковью и меркуловскій огородъ: вонъ, даже видно покривившееся на бокъ и точно падающее впередъ чучело въ старомъ отцовскомъ картузѣ, съ растопыренными рукавами, висящею бахрамой на концахъ, навсегда застывшее въ рѣшительной и напряженной позѣ...

И кажется Меркулову, что онъ самъ ѣдетъ по этой черной, грязной дорогѣ, возвращаясь съ пашни. Онъ бокомъ сидитъ на бѣломъ меринѣ, мотая спущенными внизъ ногами и ерзая при каждомъ шагѣ лошади взадъ и впередъ на ея хребтѣ. Ноги лошади звучно чмокаютъ, вылѣзая изъ грязи. Легкій вѣтерокъ чуть задѣваетъ лицо Меркулова, принося съ собой глубокій, свѣжій ароматъ земли, еще не высохшей послѣ снѣга, и хорошо, радостно на душѣ у Меркулова. Усталъ онъ, выбился изъ силъ, взодравъ за нынѣшній день чуть-ли не цѣлую десятину земли; ноетъ у него все тѣло, ломитъ руки, трудно разгибать и сгибать спину, а онъ, небрежно болтая ногами, знай заливается во всю грудь:

Вы сады-ы-ль мои са-ады!...

Ахъ какъ хорошо ему будетъ сейчасъ, когда онъ уляжется въ прохладной ригѣ, на саломѣ, вытянувъ и свободно разбросавъ натруженныя руки и ноги!...

Голова Меркулова опять падаетъ внизъ, чуть не касаясь колѣнъ, и опять Меркуловъ просыпается съ приторнымъ томящимъ ощущеніемъ въ груди.—„Никакъ я вздремалъ?—шепчетъ онъ въ удивленіи.—Вотъ такъ штука!“. Ему страшно жаль только что видѣнной черной, весенней дороги, запаха свѣжей земли и нарядпаго отраженія прибрежныхъ ветлъ въ гладкомъ зеркалѣ рѣчки. Но онъ боится спать и, чтобы ободриться, опять начинаетъ ходить по казармѣ. Ноги его замлѣли отъ долгаго сидѣнья, и при первыхъ шагахъ онъ совсѣмъ не чувствуетъ ихъ.

Проходя мимо часовъ, Меркуловъ смотритъ на циферблятъ. Большая стрѣлка уперлась прямо вверхъ, а маленькая отошла отъ нея чуть-чуть вправо. — „Послѣ полуночи“, соображаетъ Меркуловъ. Онъ сильно зѣваетъ, быстрымъ движеніемъ нѣсколько разъ кряду креститъ ротъ и бормочетъ что-то вродѣ молитвы: „Господи... Царица Небесная... еще, небось, часа два съ половиной осталось... Святые угодники... Петра, Алексѣя, Іоны, Филиппа... добропоживших отцовъ и братій нашихъ“...

Керосинъ догораетъ въ ночникахъ, и въ казармѣ становится совсѣмъ темно. Позы у спящихъ мучительно-напряженныя, неестественныя. Должно быть, у всѣхъ на жесткихъ сѣнникахъ обомлѣли руки и затекли головы. Отовсюду, со всѣхъ сторонъ раздаются жалобные стоны, глубокіе вздохи, нездоровый, захлебывающійся храпъ. Что-то зловѣщее, удручающее, таинственное слышится въ этихъ не человѣческихъ звукахъ, идущихъ среди печальнаго мрака изъ подъ сѣрыхъ однообразныхъ вороховъ.

Обойдя вокругъ казармы, Меркуловъ опять подходитъ къ часамъ и смотритъ на нихъ. Теперь обѣ стрѣлки совпали вмѣстѣ. Меркуловъ пробуетъ сообразить, сколько разъ ему надо обойти всѣ нары, чтобы большая стрѣлка сдѣлала полный оборотъ. Но вычисленіе выходитъ слишкомъ сложнымъ и превосходитъ математическія познанія Меркулова.

— На дворъ выттить, что-ль?—спрашиваетъ онъ самаго себя вслухъ и медленно идетъ къ дверямъ. На дворѣ—густая темень и льетъ не переставая мелкій, частый дождь. На другомъ концѣ двора едва обрисовывается рядъ слабо-освѣщенныхъ оконъ: это казармы пятнадцатой и шестнадцатой ротъ. Дождикъ глухо барабанитъ по крышѣ, стучитъ въ оконныя стекла, стучитъ по меркуловской фуражкѣ. Гдѣ-то вблизи вода бѣжитъ со звономъ и торопливымъ журчаніемъ изъ желоба и потомъ плещется по какимъ-то камнямъ. Сквозь этотъ шумъ Меркулову слышатся порою странные звуки! Точно кто-то идетъ къ нему вдоль казарменной стѣны, часто и тяжело шлепая по лужамъ ногами. Меркуловъ оборачивается въ эту сторону и напрягаетъ зрѣніе. Шлепанье тотчасъ же прекращается. Но едва Меркуловъ отвернется, какъ опять

начинаютъ шлепать по водѣ грузные, спѣшные шаги. „Мерещится!" рѣшаетъ Меркуловъ и подымаетъ кверху голову, подставляя лицо подъ частыя капли... На небѣ нѣтъ ни одной звѣзды...

Вдругъ, рядомъ, въ казармѣ тринадцатой роты, быстро раскрывается наружу входная дверь, и дверной блокъ пронзительно взвизгиваетъ на весь дворъ. На секунду въ слабомъ свѣтѣ распахнутой двери мелькаетъ фигура солдата въ шинели и въ шапкѣ. Но дверь тотчасъ же захлопывается, увлекаемая снова взвизгнувшимъ блокомъ, и въ темнотѣ нельзя даже опредѣлить ея мѣста. Но вышедшій изъ казармы солдатъ стоитъ на крыльцѣ: слышно, какъ онъ крякаетъ отъ свѣжаго воздуха и сильно потираетъ руками одна о другую.

— Тоже дневальный, должно быть,—думаетъ Меркуловъ, и его страстно тянетъ подойти къ этому бодрствующему, *живому* человѣку, посмотрѣть на его лицо, или хоть послушать его голосъ.

— Эй, землячекъ!—окликаетъ Меркуловъ невидимаго въ темнотѣ солдата.—А нѣтъ ли у васъ, землячекъ, спички?

— Кажись, должны быть,—отвѣчаетъ съ крыльца глухой и сиплый голосъ.—Постой... я сейчасъ...—И Меркуловъ слышитъ, какъ солдатъ долго охлопываетъ себя по карманамъ, и какъ, наконецъ, тарахтятъ въ коробкѣ найденныя спички.

Оба солдата сходятся на серединѣ между обѣими казармами, у колодца, отыскивая другъ друга по звуку сапогъ, шлепающихъ по мокрой, скользкой глинѣ.

— Вотъ вамъ спички,—говоритъ солдатъ, и такъ какъ Меркуловъ не можетъ сразу найти его протянутой руки, то онъ слегка погромыхиваетъ коробкой.

Но Меркулову спички вовсе не нужны — онъ не куритъ — ему только хотѣлось хоть минуту побыть около живого человѣка, не охваченнаго этой странной, сверхъестественной силой сна.

— Спасибо вамъ,—говоритъ Меркуловъ,—мнѣ только парочку. У меня въ казармѣ есть коробка, да, вотъ, спички-то, признаться, вышли.

Оба солдата заходятъ подъ высокій навѣсъ, устроенный надъ колодцемъ. Меркуловъ для чего-то трогаетъ огромное деревянное колесо, приводящее въ движеніе валъ. Колесо жалобно скрипитъ и дѣлаетъ мягкій размахъ. Солдаты облокачиваются на верхній срубъ колодца и, свѣсивъ внизъ головы, пристально глядятъ въ зіяющую темноту.

— Спать хочется, братецъ мой,—страсть!—говоритъ Меркуловъ и громко зѣваетъ. Зѣваетъ тотчасъ же и другой солдатъ. Ихъ голоса и зѣвки глухо, раскатисто и усиленно отдаются въ пустотѣ глубокаго колодца.

— Часъ, должно, первый въ началѣ?—спрашиваетъ нехотя, вялымъ голосомъ солдатъ 13-й роты.—Вы съ какого года?

По измѣнившемуся звуку голоса Меркуловъ догадывается, что солдатъ повернулся къ нему лицомъ. Повертывается и Меркуловъ, въ темнотѣ не видитъ даже фигуры своего собесѣдника.

— Я съ девяностаго. А вы?

— И я съ девяностаго. Вы—тоже, орлоцкіе?

— Мы—кромскіе,—отвѣчаетъ Меркуловъ.—Наша деревня Мокрые Верхи прозывается. Можетъ, слышали?

— Не... Мы дальніе... мы изъ подъ самаго Ельца. И скука же, братецъ ты мой!—Послѣднія слова онъ произноситъ вмѣстѣ съ зѣвкомъ, глухимъ, нутрянымъ голосомъ и неразборчиво, такъ что у него выходитъ: „ы гугу ы аатецъ ты мой!"

Оба они замолкаютъ на нѣкоторое время. Солдатъ изъ Ельца плюетъ сквозь зубы прямо въ колодецъ. Проходитъ около десяти секундъ, въ теченіе которыхъ Меркуловъ съ любопытствомъ прислушивается, наклонивъ голову на-бокъ. Вдругъ изъ темноты доносится необычайно чистый и ясный—точно ударъ двухъ гладкихъ камней другъ объ друга,—звукъ шлепка.

— И глыбоко же тута!—говоритъ солдатъ изъ Ельца и опять плюетъ въ колодецъ.

— Грѣхъ въ воду плевать. Не годится это,—поучительно замѣчаетъ Меркуловъ и тотчасъ же самъ плюетъ въ свою очередь. Обоихъ солдатъ чрезвычайно занимаетъ то, что между плевкомъ и звукомъ, раздающимся потомъ изъ колодца, проходитъ такъ много времени.

— А что, ежели туда сигануть?—вдругъ спрашиваетъ солдатъ изъ Ельца.—Небось, покамѣсть, долетишь, такъ объ стѣнки головой изобьешься?

— Какъ не избиться... Изобьешься,—увѣренно отзывается Меркуловъ.—Въ лучшемъ видѣ изобьешься.

— Бяда!—говоритъ другой солдатъ, и Меркуловъ догадывается, что онъ качаетъ головой.

Опять наступаетъ долгое молчаніе и опять солдаты плюютъ въ колодецъ. Вдругъ Меркуловъ оживляется.

— Вотъ штука-то была, братецъ мой! Сижу я сейчасъ въ казармѣ и того... задремалъ, должно быть, немножко... И какой мнѣ, это... чуднóй сонъ приснился.

Ему хочется разсказать свой сонъ со всей прелестью мелкихъ поэтическихъ подробностей, съ чарующимъ колоритомъ родной земли и далекой, привычной, любимой жизни. Но у него выходитъ что-то слишкомъ простое, блѣдное и неинтересное.

— Вижу я—будто бы я, значитъ, у себя въ деревнѣ. И, какъ

будто бы, вечеръ... И все мнѣ скрозь видно... то-есть, такъ видно, такъ видно, точно и не во снѣ...

— Н-на... это бываетъ,—равнодушно и небрежно вставляетъ другой солдатъ, почесывая щеку.

— А я самъ, какъ будто бы ѣду верхомъ на лошади... на меринѣ... Есть у насъ такой меринъ бѣлый, годовъ двадцать ему, небось, будетъ... Можетъ, ужъ поколѣлъ теперь...

— Лошадь видѣть,—это означаетъ ложь... Омманетъ тебя кто-нибудь,—замѣчаетъ солдатъ.

— А я, будто бы, ѣду на меринѣ и все мнѣ скрозь видно... Ну вотъ просто какъ на яву... То-есть, такой это чудной сонъ мнѣ приставился...

— Н-на... разные сны бываютъ,—лѣниво вставляетъ солдатъ.— Одначе прощенья просимъ,—говоритъ онъ, подымаясь со сруба.— У насъ фитьфебель-чортъ по ночамъ шляется. До свиданья вамъ.

— До свиданьичка... Ночь-то, ночь какая... ахъ ты, Господи, Боже мой. Зги не видно.

Со свѣжаго воздуха казарменная атмосфера въ первыя минуты кажется просто невыносимой. Воздухъ весь пропитанъ тяжелыми человѣческими испареніями, ѣдкимъ дымомъ махорки, кислой затхлостью шинельнаго сукна и густымъ запахомъ невыпеченнаго хлѣба. Люди спятъ неспокойно, мечутся, стонутъ и такъ храпятъ, какъ будто бы имъ каждый вздохъ стоитъ громадныхъ усилій. Когда Меркуловъ проходитъ третьимъ взводомъ, какой-то солдатъ быстро вскакиваетъ и садится на нарахъ. Онъ нѣсколько секундъ дико озирается вокругъ, точно въ недоумѣніи, и долго чавкаетъ губами. Потомъ онъ начинаетъ яростно скрести пятерней: сначала голову, затѣмъ грудь и вдругъ, точно подкошенный сномъ, мгновенно падаетъ на бокъ. Другой—деревяннымъ и хриплымъ голосомъ быстро бормочетъ длинную фразу. Меркуловъ прислушивается съ суевѣрнымъ страхомъ и разбираетъ отдѣльныя слова: „не обрывай!.. завяжи узломъ!.. узломъ завяжи, говорятъ тебѣ!..“ Въ бредѣ, раздающемся среди ночи, всегда есть что-то ужасное для Меркулова. Ему кажется, что эти отрывочныя, внезапныя слова произноситъ не человѣкъ, а кто-то другой, *незримый*, вселившійся въ его душу и овладѣвшій ею.

Часы попрежнему тикаютъ неровно, точно задерживая второй ударъ, но стрѣлки ихъ, повидимому, остались все въ томъ же положеніи. Въ головѣ Меркулова вдругъ проносится ужасное, нелѣпое, фантастическое предположеніе, что, можетъ быть, время совсѣмъ остановилось и что цѣлые мѣсяцы, цѣлые года—вѣчно будетъ длиться эта ночь; будутъ такъ же тяжело дышать и бредить спящіе, такъ же тускло будутъ свѣтить умирающіе ночники, такъ же равнодушно и медлительно стучать маятникъ. Это темное, быстрое,

непонятное самому Меркулову ощущеніе переполняетъ его душу злобой и тоской. И онъ грозитъ въ пространство крѣпко сжатымъ кулакомъ и шепчетъ, не раскрывая стиснутыхъ челюстей:

— У-у, дьяволы!.. Погодите ужо-тко!

Онъ опять садится на то же самое мѣсто между печкой и ружейной пирамидкой и почти тотчасъ же мягко и нѣжно сжимаетъ его виски дремота. „О чемъ? О чемъ я теперь?—спрашиваетъ себя шепотомъ Меркуловъ, зная, что теперь въ его власти вызвать передъ глазами что-то очень пріятное и знакомое.—Ахъ—да! деревня... рѣчка... А ну-ка, ну-ка... Ну, пожалуйста, ну, прошу тебя...“

И снова змѣится въ зеленой, свѣжей травѣ рѣчка, то скрываясь за бархатными холмами, то опять блестя своей зеркальной гладью, снова тянется широкая, черная, изрытая дорога, благоухаетъ талая земля, розовѣетъ вода въ поляхъ, вѣтеръ съ ласковой, теплой улыбкой обвѣваетъ лицо, и снова Меркуловъ покачивается мѣрно взадъ и впередъ на остромъ лошадиномъ хребтѣ, между тѣмъ какъ сзади тащится по дорогѣ соха, перевернутая сошникомъ вверхъ.

Вы сады-ыль мои са-ады!..

громко во всю мочь голоса поетъ Меркуловъ и съ удовольствіемъ думаетъ о томъ, какъ сладко ему будетъ сейчасъ вытянуться усталымъ тѣломь на высоко взбитой охапкѣ соломы. По обѣимъ сторонамъ дороги идутъ вспаханныя поля, и по нимъ ходятъ, степенно переваливаясь съ боку на бокъ черно-сизые, блестящіе грачи. Лягушки въ болотцахъ и лужахъ кричатъ дружнымъ, звенящимъ, оглушительнымъ хоромъ. Тонко пахнетъ цвѣтущая верба.

Ахъ и вы сады-ы-ль мои са-ады!..

Одно только кажется Меркулову страннымъ: какъ-то ужъ очень неровно идетъ сегодня бѣлый меринъ. Такъ и шатаетъ его изъ стороны въ сторону... Ишь какъ качнуло. Насилу удержался Меркуловъ, чтобы не полетѣть съ лошади впередъ головой. Нѣтъ, надо усѣсться верхомъ, какъ слѣдуетъ. Пробуетъ Меркуловъ перебросить правую ногу на другую сторону, но нога не шевелится, отяжелѣла—точно къ ней кто привязалъ страшную тяжесть. А лошадь такъ и ходитъ, такъ и шатается подъ нимъ.—„Но, ты, че-ортъ! Засну-улъ!..“

Меркуловъ стремглавъ падаетъ съ лошадиной спины, съ размаху ударяется лицомъ объ землю и... открываетъ глаза.

— Чортъ! заснулъ! — кричитъ надъ Меркуловымъ чей-то голосъ.

Меркуловъ вскакиваетъ съ табуретки и растерянно нащупываетъ на головѣ фуражку. Передъ нимъ стоитъ со взлохмаченной головой, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ фельдфебель Тарасъ Гаври-

ловичъ. Это онъ разбудилъ сейчасъ Меркулова, ткнувъ его кулакомъ въ щеку.

— Заснулъ!—повторяетъ грозно фельдфебель.—Ахъ ты!.. Спать на дневальствѣ? Я-т-тебѣ покажу, какъ спать!..

Меркуловъ отшатывается назадъ отъ быстраго удара по скулѣ, встряхиваетъ головой и хрипло бормочетъ:

— Намаялся, господинъ фитьфебель...

— А-а! Намаялся? Такъ вотъ, чтобы ты не маялся, будешь еще два раза не въ очередь дневалить. Когда смѣняешься?

— Въ два, господинъ фитьфебель.

— Ахъ, мерзавецъ... Ты и смѣну-то свою проспалъ! Ну!.. живо, буди очередного... Маршъ!..

Фельдфебель уходитъ. Меркуловъ бѣгомъ бросается къ той нарѣ, гдѣ спитъ очередной дневальный—старый солдатъ Рябошапка. — „Спать, спать, спать, спать!“ —кричитъ въ душѣ Меркулова какой-то радостный, ликующій голосъ.—„Два лишнихъ дневальства? Это—пустяки, это *потомъ*, а теперь спать, спать!..“

— Дядька Рябошапка, а, дядька Рябошапка,—пугающимъ шепотомъ вскрикиваетъ Меркуловъ, теребя за ногу спящаго солдата.

— Мрмр... брайсь...

— Дядька Рябошапка, вставайте... Смѣна...

— Поди псе...

Безсонница такъ измучила Меркулова, что у него больше не хватаетъ терпѣнія будить Рябошапку. Онъ бѣжитъ къ своему мѣсту на нарахъ, торопливо раздѣвается и протискивается между двумя сосѣдями, которые тотчасъ же грузно, безжизненно наваливаются на него боками...

На секунду встаетъ въ воображеніи Меркулова колодецъ, густая темнота ночи, мелкій дождикъ, журчанье воды, бѣгущей изъ желоба, и шлепанье по грязи чьихъ-то таинственныхъ ногъ. О! Какъ тамъ теперь холодно, непріятно и жутко... Все тѣло, все существо Меркулова проникается блаженной животной радостью. Онъ крѣпко прижимаетъ локти къ тѣлу, съеживается, уходитъ поглубже головой въ подушку и шепчетъ самому себѣ:

— Ну, а теперь... поскорѣе—дорогу... дорогу...

Снова передъ его глазами отчетливо и красиво извивается черная изрытая дорога, снова смотрится въ зеркало рѣки нѣжная зелень вётелъ... И внезапно Меркуловъ летитъ со страшной, но пріятной быстротой въ какую-то глубокую, мягкую мглу.

А. Купринъ.

ЧАРЛЬЗЪ ПАРНЕЛЬ.

(Страница изъ исторіи Англіи и Ирландіи).

(*Продолженіе* *).

Парнеллизмъ и феніанство были явленіями, выросшими на одной и той же политической и экономической почвѣ, и нужно признать, что оба эти движенія давали другъ другу весьма значительную моральную поддержку. Никогда еще парламентскіе гомрулеры не были такъ рѣзко радикально настроены, какъ во времена Парнеля и никогда финіанское движеніе не проявлялось болѣе сильно и послѣдовательно, какъ именно въ эти годы, въ концѣ 70-хъ и въ 80-хъ годахъ. Та борьба, которую затѣялъ Парнель, была войною à outrance, должна была вестись всей ирландской націей противъ англійскаго государства и требовала отъ ирландцевъ, чтобы всѣ они, безъ исключенія, принимали въ ней участіе. «Кто можетъ, пусть идетъ въ парламентъ, кто не можетъ—пусть бойкоттируетъ измѣнниковъ и устраиваетъ демонстраціи, кто желаетъ приложить свои силы въ открытой борьбѣ—пусть начинаетъ её». Вотъ какой лозунгъ давалъ Парнель Ирландіи; при немъ въ первый разъ феніанство почувствовало себя регулярной частью арміи гомрулеровъ и, можетъ быть, тутъ кроется одна изъ причинъ оживленія феніевъ въ эпоху расцвѣта парнеллизма. Главными же причинами нужно, конечно, считать послѣдовательный рядъ неурожаевъ картофеля въ концѣ 70-хъ и началѣ 80 г.г. и обострившуюся нищету и озлобленность населенія. Аграрныя преступленія, въ которыхъ видѣли руку феніевъ, слѣдовали въ 1880 году одно за другимъ, и дали Форстеру, автору законопроэкта объ усмиреніи Ирландіи—богатый цифровой матеріалъ.

Дѣло началось съ того, что 6-го января 1881 года при открытіи сессіи лордъ канцлеръ прочелъ тронную рѣчь королевы, въ которой говорилось слѣдующее **): «Милорды и джентльмены! къ сожалѣнію, я

---

*) См. «Міръ Божій», № 1, январь.

**) The Quen's Speech, January 6, 1881 (Parliament. Deb., 44-й парл. Викторіи, т. 257, стр. 5; изд. Lond. 1881),

должна констатировать, что положеніе Ирландіи приняло тревожный характеръ. Число аграрныхъ преступленій увеличилось на много сравнительно съ предшествующими годами. Широкая система террора воцарилась въ разныхъ частяхъ страны»... Рѣчь кончалась указаніемъ на то, что назрѣла потребность въ новыхъ законодательныхъ мѣрахъ относительно Ирландіи.

Тотчасъ вслѣдъ за прочтеніемъ тронной рѣчи началось обсужденіе отвѣтнаго адреса; это обсужденіе, благодаря парнеллитской обструкціи, длилось ровно двѣ недѣли. Только 24 января законопроектъ Форстера «о защитѣ личности и собственности въ Ирландіи» былъ внесенъ въ палату общинъ *). Форстеръ заявилъ, что, въ общемъ, аграрныхъ преступленій (убійствъ лендлордовъ, поджоговъ, нападеній на лендлордскіе дома) было въ 1880 году—2.590 случаевъ. Мало того, что по процентному отношенію къ общему количеству населенія Ирландіи въ 1880 году аграрныхъ преступленій случилось больше, нежели когда бы то ни было, но на самые послѣдніе мѣсяцы—октябрь, ноябрь и декабрь 1880 года выпало ихъ больше, чѣмъ во всѣ остальные мѣсяцы съ января до октября: изъ 2.590 въ послѣдніе мѣсяцы совершено около 1.700 преступленій. Но и этого мало: въ декабрѣ, аграрныхъ преступленій больше, чѣмъ въ октябрѣ и ноябрѣ, вмѣстѣ взятыхъ **)! Дальше такъ идти не можетъ, потому что цифры говорятъ, что аграрныя преступленія растутъ въ ужасающей прогрессіи; на этомъ основаніи онъ, Форстеръ, секретарь кабинета по ирландскимъ дѣламъ, давно уже ищетъ корни зла и теперь нашелъ ихъ. Аграрныя преступленія суть не что иное, какъ послѣдствія совѣта, даннаго мистеромъ Парнелемъ въ его рѣчи въ Эннисѣ о необходимости не на жизнь, а на смерть бороться съ лендлордами и наказывать отлученіемъ отъ общества всякаго, кто займетъ ферму послѣ изгнанія арендатора. Вмѣсто законовъ настоящихъ въ Ирландіи царятъ неписанные законы (unwritten laws) земельной лиги и ея предсѣдателя Парнеля. Въ виду всего этого Форстеръ полагаетъ, что слѣдуетъ возобновить старые порядки и снабдить лорда-намѣстника Ирландіи правомъ арестовывать иностранцевъ, не могущихъ представить удовлетворительные документы о личности и, вообще, всѣхъ лицъ, которыя будутъ захвачены ночью при обстоятельствахъ, внушающихъ подозрѣніе ***). Кромѣ того, нужно дать лорду намѣстнику полномочія прекращать временно habeas corpus въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ онъ найдетъ необходимымъ это сдѣлать.

Парнель и его товарищи протестовали противъ билля. Засѣданіе

*) Parliam. Deb. т. 257, стр. 1209: protection of person and property Ireland bill.

**) Parl. Deb., т. 257, стр. 1210 (рѣчь Форстера): it is also right to say, that the number, which occured in the month of December, was more, than those for october and November *pat tagether*.

***) Annual Register 1881, part. I, стр. 27.

24 января окончилось ничѣмъ, и вопросъ былъ перенесенъ на 27 число. Засѣданіе 27 длилось безъ перерыва 8, 10, 12, 15 часовъ—и, благодаря Парнелю, законопроектъ былъ такъ же далекъ отъ вотированія, какъ и 24 числа. Наконецъ, всталъ Гладстонъ и въ длинной рѣчи, страшно волнуясь, бросилъ Парнелю въ лицо обвиненіе въ томъ, что онъ своими словами о бойкоттированіи въ Эннисѣ воспламенилъ народныя страсти въ Ирландіи. Парнель началъ его прерывать каждую минуту, говоря, что Гладстонъ подтасовываетъ его слова *). Тогда раздались со всѣхъ сторонъ крики: «къ порядку, къ порядку!» Спикеръ обратился къ Парнелю со внушеніемъ, что прерывать чужую рѣчь нельзя. Но Парнель, не обращая вниманія на спикера, продолжалъ мѣшать Гладстону. А Гладстонъ, разгорячаясь все болѣе и болѣе, говорилъ: «дѣятельность земельной лиги стоитъ въ прямомъ отношеніи къ аграрнымъ преступленіямъ; въ 1879 году митинговъ лиги было мало—и преступленій случилось мало; въ 1880 году митинговъ было много, и преступленій произошло много». Тутъ парнеллитъ о'Гили прервалъ премьера: «а сколько было въ 1880 году изгнаній арендаторовъ? Тоже много?»—По существу парнеллиты не спорили съ министерствомъ. Парнель полагалъ, что, пока Гладстонъ, отрицательно относится къ гомрулю и требованіямъ земельной лиги,—до тѣхъ поръ они съ нимъ говорятъ на разныхъ языкахъ и столковаться не могутъ. Избѣгая общихъ исповѣданій вѣры, онъ только продолжалъ мѣшать прохожденію билля черезъ парламентъ. Послѣ двадцати двухъ часовъ раздраженныхъ дебатовъ палата разошлась, отложивши обсужденіе законопроекта Форстера на 31 января **).

Знаменитое въ парламентскихъ лѣтописяхъ засѣданіе 31 января 1881 года началось съ того, что часть либеральной англійской партіи объявила себя противъ билля объ усмиреніи. Послѣ преній между этими временными союзниками ирландцевъ и министерствомъ,—опять явилась обструкція. Парнель изощрялъ свое остроуміе въ придумываніи новыхъ и новыхъ вопросовъ и задержекъ. Онъ изложилъ весьма подробно чуть ли не всю исторію Ирландіи ***), говорилъ о совершенно посторонних вещахъ, затѣвалъ въ шутку маленькіе споры съ членами своей партіи, вмѣшивался въ чужія рѣчи и заставлялъ еще разъ ихъ говорить,—и наконецъ, объявилъ, что теперь всѣ парнеллиты (30 человѣкъ) произнесутъ каждый отъ имени своего округа по одной рѣчи.

Прошелъ вечеръ понедѣльника (31 янв.), ночь, вторникъ, еще одна ночь и, наконецъ, въ среду, 2-го февраля, послѣ засѣданія, непрерывно длившагося въ продолженіе сорока одного часа, поднялся спикеръ и произвелъ свое coup d'état ****). Онъ заявилъ, что Парнель и его приверженцы

*) Parliam. Debates, т. 257 стр. 1691, 1692, 1693, 1694.

**) Parliam. Deb. т. 257 стр. 1702.

***) Parliam. Debates, т. 257, стр. 1961 и сл.

****) См. Annual Register 1881, p. I, стр. 47, 48 и 49. (The speaker's coup d'état).

нарочно затягиваютъ засѣданіе, что этимъ наносится оскорбленіе парламенту, что большинство стоитъ за принятіе билля и, поэтому, онъ, спикеръ, прекращаетъ дебаты и предлагаетъ приступить къ баллотировкѣ *). Громъ рукоплесканій консерваторовъ и либераловъ встрѣтилъ это заявленіе. Ирландцы были поражены: они никакъ не ожидали такого оборота дѣлъ. Предложеніе спикера было принято. Тогда ирландцы съ сжатыми кулаками и горящими глазами **) стали выкрикивать угрозы по адресу парламента. Явился Гладстонъ, блѣдный, какъ смерть, и сѣлъ на министерскую скамью. Неизвѣстно, на что рѣшились бы ирландцы, еслибъ не Парнель. Онъ счелъ почву для дальнѣйшихъ протестовъ слишкомъ невыгодной и убѣдилъ всѣхъ своихъ приверженцевъ удалиться изъ палаты. Какъ только они ушли, законопроектъ Форстера былъ единогласно принятъ въ первомъ чтеніи.

Второе чтеніе было назначено на слѣдующій день, 3 февраля, въ четвергъ. Сильное и смѣшанное впечатлѣніе произвело въ Англіи извѣстіе о засѣданіи 31 января—2 февраля и о томъ, что случилось въ концѣ его. Не въ англійскихъ правахъ нарушать законы и обычаи, а поступокъ спикера былъ именно нарушеніемъ парламентскихъ традицій. Правда, благодаря этому была сломлена обструкція Парнеля, билль, наконецъ, могъ быть пущенъ на голоса, но все-таки побѣда весьма многимъ казалась купленною слишкомъ дорогой цѣной. Что касается до Ирландіи, по телеграфу узнавшей о происшедшемъ, то здѣсь Парнель окончательно превратился въ національнаго героя, а въ выходкѣ спикера видѣли оправданіе всякихъ насилій со стороны феніевъ и доказательство, что кабинетъ самъ толкаетъ людей на преступленія, не давая имъ пользоваться легальными средствами борьбы. Министерство, съ своей стороны, рѣшило не щадить враговъ и вотъ, 3 февраля какъ разъ за немного времени до начала парламентскаго засѣданія, Парнель получилъ извѣстіе, что Михаилъ Дэвиттъ, иниціаторъ земельной лиги, арестованъ въ Ирландіи за преступныя рѣчи. Послѣ обѣда (3 февраля) началось засѣданіе и билль Форстера долженъ былъ пройти черезъ второе чтеніе.

Но раньше, чѣмъ приступили къ законопроекту, Парнель спросилъ у сэра Вильяма Гаркура ***), правда ли, что Дэвиттъ арестованъ. Сэръ Гаркуръ отвѣтилъ, что это правда, и прибавилъ, что Дэвиттъ, какъ бывшій каторжникъ, освобожденъ условно и теперь онъ нарушилъ условія, на которыхъ былъ выпущенъ ****).

Вслѣдъ за тѣмъ слово было предоставлено премьеру. Гладстонъ только что началъ рѣчь, какъ вдругъ всталъ Диллонъ, одинъ изъ пар-

*) Parliam. Deb. т. 257, стр. 2033.

**) Nemours Godré, Parnell, p. 70—71.

***) Annual, Register 1881, part I, стр. 54.

****) His conduct was not compatible with the ticket of leave of which he was a holder etc, (An. Reg. 1881, 54)

неллитовъ, и принялся съ своей стороны что-то говорить въ одно время съ Гладстономъ. Поднялся страшный шумъ [1]); палата увидѣла, что Парнель выдумалъ нѣчто совсѣмъ новое въ отвѣтъ на вчерашнее coup d'état. Спикеръ громко прокричалъ Диллону, что теперь слово принадлежитъ Гладстону. Но Диллонъ отказался сѣсть на мѣсто и продолжалъ стоять, скрестивши руки и крича во весь голосъ: «я имѣю право говорить!» Наступило полное смятеніе. Раздались крики: «вонъ его, прогнать его!» Спикеръ объявилъ: «мистеръ Диллонъ, я васъ удаляю за неповиновеніе мнѣ». Затѣмъ согласно съ закономъ, вопросъ объ удаленіи Диллона былъ поставленъ на баллотировку и большинствомъ 395 голосовъ противъ 35 было рѣшено предложить Диллону удалиться до конца засѣданія. Но Диллонъ, при аплодисментахъ парнеллитовъ заявилъ, что онъ «почтительнѣйше отказывается удалиться». Тогда спикеръ велѣлъ приставу вывести Диллона силой [2]). Приставъ подошелъ къ Диллону, положилъ руку на его плечо и предложилъ идти съ нимъ. Диллонъ отказался, и приставъ долженъ былъ позвать пять сторожей, чтобы вытащить Диллона въ переднюю. Когда служители явились, Диллонъ, наконецъ, ушелъ.

Какъ только Диллонъ вышелъ, всталъ другой парнеллитъ Сюлливанъ (извѣстный авторъ «Новой Ирландіи») и въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ протестовалъ противъ изгнанія Диллона. Спикеръ оправдывался, Сюлливанъ нападалъ [3]), сравнивалъ гладстоновскій режимъ съ режимомъ имперіи Наполеона III [4]),—и довольно много времени прошло, пока, наконецъ, Гладстонъ получилъ возможность говорить. Но только что онъ произнесъ одну фразу, какъ всталъ Парнель и съ обычною своей невозмутимостью сказалъ спикеру: «Я прошу поставить на баллотировку предложеніе—не слушать дальше этого почтеннаго джентльмэна» [5]). При этомъ онъ указалъ на стоявшаго Гладстона. На секунду палата остолбенѣла, но потомъ раздались яростные крики: «вонъ Парнеля! вонъ Парнеля!» Шумъ и смятеніе продолжались очень долго. Парнель все время стоялъ и скучающимъ взоромъ обводилъ палату. Какъ только начало воцаряться нѣкоторое спокойствіе, спикеръ провозгласилъ: «слово принадлежитъ г. Гладстону». Тогда Парнель снова заявилъ: «я настаиваю на томъ, чтобы мое предложеніе было пущено на голоса».

Спикеръ возразилъ, что онъ принужденъ будетъ удалить Парнеля, если тотъ не перестанетъ мѣшать Гладстону. Спикеру пришлось еще немного препираться съ однимъ парнеллитомъ (о'Донноxомъ) и, наконецъ, онъ опять

---

[1]) Parliam. Deb. m. 258, стр. 67 и 68.

[2]) Parliam. Deb. т. 258, стр. 68.

[3]) Parliam, debates, т. 258, pag. 69, 70.

[4]) I say on my own responsability that we have become a mere parody of third (?) Empire (parliam. Deb. т. 258. стр. 71).

[5]) Parl. Deb. т. 258, стр. 72.

таки объявилъ, что слово за Гладстономъ. Гладстонъ началъ: «Я хочу послѣ тяжелыхъ сценъ, бывшихъ только что, продолжать свою мысль, прерванную въ началѣ. Долгъ, который на мнѣ лежитъ, весьма важенъ...» Но тутъ опять встала громадная фигура Парнеля, и Гладстонъ умолкъ. «Я предлагаю не слушать дальше г. перваго министра». Теперь уже Спикеръ безъ дальнѣйшихъ околичностей предложилъ палатѣ на голосованіе вопросъ объ удаленіи Парнеля. Громаднымъ большинствомъ голосовъ было рѣшено удалить Парнеля до конца засѣданія. Парнель отказался, позвали пристава, тотъ взялъ его за плечо и тогда Парнель ушелъ *).

Тутъ всѣмъ стало ясно, что выдумалъ Парнель въ отвѣтъ на прекращеніе спикеромъ дебатовъ 2 февраля: для того, чтобы выгнать изъ залы депутата, нужно предупрежденіе, голосованіе, подсчетъ голосовъ, да еще призывъ пристава, если изгоняемый не хочетъ добромъ уйти; вся эта процедура можетъ занять около получаса (а съ преніями и больше). Если всѣхъ парнеллитовъ 30 человѣкъ, то вотъ уже на пятнадцать часовъ засѣданіе оттягивается, и это если совсѣмъ не пытаться говорить,—а съ произнесеніемъ рѣчей можно занять и двадцать и двадцать пять часовъ. Дѣйствительно, какъ только послѣ ухода Парнеля Гладстонъ началъ говорить,—та же исторія повторилась последовательно со всѣми парнеллитами, бывшими на засѣданіи. Всѣ они предлагали не слушать премьера и всѣ они были выведены **). Вслѣдъ затѣмъ билль объ усмиреніи прошелъ во второмъ чтеніи.

Министерство рѣшило измѣнить старыя парламентскія порядки такъ, чтобы сдѣлать обструкцію навозможной. Новыхъ правилъ было выработано семнадцать ***); главное нововведеніе заключалось въ томъ, что спикеръ получилъ право собственной властью прервать оратора и немедленно поставить вопросъ на баллотировку. Порядокъ удаленія изъ палаты также значительно упрощался. При такихъ условіяхъ обструкція, по крайней мѣрѣ, вполнѣ откровенная, становилась весьма трудной, если не совершенно невозможной. Билль объ усмиреніи былъ принятъ и въ третьемъ чтеніи, прошелъ въ палатѣ лордовъ и 2 марта 1881 года былъ подписанъ королевою.

Но Гладстонъ не былъ бы тѣмъ Гладстономъ, котораго знаетъ исторія, если бы онъ думалъ, что биллемъ объ усмиреніи можно въ самомъ дѣлѣ успокоить Ирландію. Онъ твердо рѣшилъ тотчасъ же поднять аграрный вопросъ, и 7-го апрѣля (черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ билль объ усмиреніи вошелъ въ силу) министерство внесло въ палату проэктъ объ урегулированіи отношеній между фермерами и лендлордами ****). Билль предлагалъ учредить спеціальные земельные суды, которые бы устанавливали справедливый размѣръ арендной

*) Parliam. debates, т. 258, стр. 78.
**) Parl. deb., томъ 258, стр. 71—80.
***) Annual Register 1881, p. 50. (Lond. 1882).
****) Land Law Greland Bill, Nausard, m. 260 стр. 890—939.

платы въ томъ случаѣ, если лендлордъ и фермеръ не приходятъ къ соглашенію, Другіе пункты билля ограничивали право лендлорда по усмотрѣнію прогонять арендатора съ земли и строго опредѣляли права и обязанности обѣихъ сторонъ. Фермеръ получалъ право продавать свой участокъ на весь арендный срокъ, если найдетъ это выгоднымъ *).

Въ общемъ билль превосходилъ самыя смѣлыя чаянія ирландской партіи 70-хъ годовъ, временъ Исаака Бьюта. Но Парнель съумѣлъ такъ повысить требованія и идеалы ирландцевъ, что теперь, въ 1881 г. законопроэктъ Гладстона разсматривался довольно холодно.—Вождь ирландской партіи обрушился на земельный билль съ такою силою, что привелъ въ недоумѣніе даже многихъ своихъ приверженцевъ. Но главный принципъ его практической политики заключался въ томъ, чтобы становиться требовательнѣе по мѣрѣ уступчивости врага. Парнель желалъ перехода ирландской земли въ руки ирландцевъ и не хотѣлъ рѣшительно ни на чемъ другомъ мириться. Земельная лига требовала, чтобы въ арендной платѣ заключалось и погашеніе стоимости арендуемаго участка такъ, чтобы въ тридцать лѣтъ земля была выкуплена; Гладстонъ этого въ свой билль не внесъ, и Парнель счелъ себя вправѣ назвать проэктъ Гладстона «жалкой хитростью» и «половинчатымъ лѣкарствомъ» **). Онъ требовалъ отъ ирландцевъ, чтобы они воздержались отъ голосованія, тридцать пять человѣкъ (тридцать парнеллитовъ и пять ирландцевъ, до сихъ поръ не примыкавшихъ) послѣдовало его совѣту, остальные голосовали за проэктъ. Билль былъ принятъ и, пройдя черезъ палату лордовъ безпрепятственно, сталъ закономъ. Королева подписала земельный билль 22 августа, а 27 числа того же мѣсяца окончилась эта сессія.

Съ января до августа Парнель держалъ въ напряженіи палату общинъ, и въ то время, какъ члены ея готовились отдыхать, самъ онъ тотчасъ же уѣхалъ для агитаціи въ Ирландію.

VI.

Задача, стоявшая передъ Парнелемъ во второй половинѣ 1881 г., была довольно сложна. Земельный билль Гладстона произвелъ на фермеровъ и на нѣкоторые другіе слои ирландскаго народа впечатлѣніе самое отрадное. Парнель, глубочайшимъ образомъ не довѣряя никакому англійскому правительству, былъ склоненъ думать, что кабинетъ сдѣлалъ эту уступку изъ страха предъ парламентской обструкціей, а еще болѣе предъ аграрными преступленіями и предъ дѣятельностью фенівъ. Онъ опасался, что, если Ирландія успокоится окончательно, тогда на какое бы то ни было движеніе законодательства въ ея пользу нечего и

*) Qhe irish law, part. I, ordinary conditions of tenancies § 1.
**) miserable dole, a half remeby. An. Reg. 1881. p. I стр. 99.

разсчитывать. Война и военныя отношенія, запугиваніе врага и постоянная готовность къ битвѣ—вотъ что нужно было ирландцамъ по мнѣнію ихъ вождя. Но съ другой стороны, когда слишкомъ ярые его адепты предлагали пропагандировать между фермерами ту мысль [1]), что нужно воздерживаться отъ всякихъ дѣлъ съ вновь учрежденными посредническими судами, [2]) Парнель объявилъ, что это было бы непрактично: пусть фермеры все-таки пользуются тѣмъ, что сдѣлалъ для нихъ Гладстонъ, лишь бы только они не забывали, что все это «жалкія хитрости» кабинета и что главная цѣль впереди. Основанная въ 1881 году по настоянію Парнеля газета «Лиги» ревностно распространяла эти мысли. Разъѣзды его по странѣ начались при шумныхъ оваціяхъ въ началѣ сентября. 15-го сентября собрался огромный митингъ въ Дублинѣ; на митингѣ присутствовало 1.700 депутатовъ отъ членовъ «земельной лиги», живущихъ въ разныхъ частяхъ Ирландіи [3]); предсѣдательствовалъ Парнель. Онъ произнесъ длинную рѣчь, въ которой убѣждалъ присутствующихъ не вѣрить добрымъ намѣреніямъ министерства и ни на минуту не допускать мысли, что ирландское населеніе можетъ удовлетвориться земельнымъ биллемъ. Мало того, что билль не разрѣшаетъ аграрнаго вопроса, по мнѣнію Парнеля правительство съ умысломъ не хочетъ его разрѣшить, потому что если классовая борьба въ Ирландіи утихнетъ, тогда всѣ жители острова и лендлорды, и фермеры соединенными силами будутъ требовать гомруля, а этого Англія и боится больше всего. «Пока аграрный вопросъ будетъ открытъ»,—сказалъ ораторъ: «онъ постоянно будетъ представлять источникъ недовольства и раздора между классами [4]), и у меня нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что англійское правительство, предлагая земельный актъ, который оставляетъ вопросъ открытымъ, который ничего не упорядочиваетъ, который напередъ дѣлаетъ необходимымъ періодическое возобновленіе этого вопроса черезъ каждыя 15 лѣтъ,—что англійское правительство, предлагая такую мѣру, имѣло цѣлью [5]) разъединить общественные классы въ Ирландіи и не позволить намъ воспользоваться нашими соединенными силами для пріобрѣтенія утраченныхъ правъ, правъ на самоуправленіе».

Парнель этой рѣчью ясно показалъ, что стоитъ не на исключительно націоналистической точкѣ зрѣнія, и смотритъ на гомруль какъ на дѣло не только природныхъ ирландцевъ, но всего населенія Ирландіи. Продолжая

---

[1]) См. воспоминанія О'Коннора, parn. movement. стр. 234 (Lond. 1889).

[2]) Между лендлордами и фермерами.

[3]) См. превосходный стенографическій отчетъ о митингѣ въ Times 1881, Friday, 16 September стр. 8-я, статья «The national convention» (помѣчена 15 сентября, неподписана).

[4]) as long as his landquestion is left open, it will prove a continuous source of discontent and strife between classes in this country etc., отчетъ, стр. 8-я въ концѣ 1-го столбца.

[5]) had as their object (loco cit).

свою мысль, онъ заявилъ, что пока ирландцы платятъ аренду лендлордамъ — ирландскимъ или англійскимъ все равно — до тѣхъ поръ вопросъ о гомрулѣ будетъ на второмъ планѣ. Твердое экономическое положеніе должно, такимъ образомъ, стать основою и базисомъ для независимаго политическаго существованія. Обращаясь затѣмъ съ угрозами къ кабинету Гладстона, Парнель сказалъ [1]: «ничего, у насъ есть надежные принципы, пригодность которыхъ мы испытали и доказали за послѣдніе два года, и эти принципы представятъ для насъ драгоцѣнное руководство въ нашемъ будущемъ поведеніи. Какъ бы ни дѣйствовали фермеры при условіяхъ, созданныхъ земельнымъ биллемъ, пусть они дѣйствуютъ единодушно, какъ одинъ человѣкъ. Избѣгайте разрозненныхъ дѣйствій [2], пусть ни одинъ фермеръ не будетъ доволенъ, пока всѣ не будутъ удовлетворены».

Митингъ и эта рѣчь произвели большое впечатлѣніе въ Англіи; Парнель уничтожилъ ту моральную побѣду, которую готовило себѣ министерство земельнымъ биллемъ; оставалось только сдерживать слишкомъ яркія проявленія недовольства въ Ирландіи, а на смягченіе самого недовольства разсчитывать было нельзя. Каждому слову Парнеля вѣрили, какъ Евангелію [3], и дѣйствія правительства получали среди народныхъ массъ именно ту мотивировку и то освѣщеніе, какими снабжалъ ихъ агитаторъ. Броженіе въ странѣ замѣтно усилилось со времени пріѣзда Парнеля. Намѣстникъ Ирландіи Форстеръ, облеченный въ силу билля объ усмиреніи, правомъ отмѣнять, гдѣ захочетъ, habeas corpus и арестовывать, кого нужно, пользовался своими прерогативами вполнѣ энергично, такъ что болѣе или менѣе безпокойные люди попадали въ свое время въ тюрьму. Аресты и репрессаліи со стороны Форстера и его помощника Борка быстро смѣняли другъ друга; но отвѣтомъ на рѣчь Парнеля они служить не могли. Парнель былъ дѣйствительно «некоронованнымъ королемъ» Ирландіи и отвѣтить ему d'égal à égal могъ только самъ глава англійскаго правительства.

Ровно черезъ три недѣли послѣ рѣчи Парнеля, 7 октября (1881) Гладстонъ произнесъ въ Лидсѣ, на собраніи представителей либеральныхъ ассоціацій, большой спичъ, который былъ прямо направленъ противъ ирландскаго агитатора и его дѣйствій [4]. «М-ръ Парнель хочетъ убѣдить ирландцевъ, что они нами обмануты [5]. Если этотъ законъ (земельный билль), чистый отъ несправедливостей, все-

---

[1]) Отчетъ, 8-я стр., 2-й столбецъ.

[2]) Avoid isolated action! (loco cit).

[3]) См. признаніе по этому поводу Форстера, Tim. Monday 19 sept. 1881. стр. 9

[4]) Лучшая стенографическая запись первой половины этой рѣчи въ Daily News (Saturday, October 8, 1881, стр. 2-я, столбцы 2, 3, 4 и 5-й), а второй половины въ Times (Mr. Gladstone's speeches at Leeds).

[5]) Times, 8 oct, стр. 7, столбецъ 3-й.

таки не будетъ исполняться, то я безъ колебанія, джентльмены, говорю: «еще не истощены всѣ средства борьбы, которыя даетъ намъ цивилизація». Тутъ въ общихъ выраженіяхъ намекалось на возможность принятія репрессивныхъ мѣръ противъ Парнеля. Аудиторія много разъ прерывала премьера громкими аплодисментами. Консервативная пресса часто и сильно упрекала кабинетъ въ попустительствѣ ирландцамъ, но лидская рѣчь сразу дала Гладстону много приверженцевъ среди консерваторовъ.

Парнель отвѣчалъ на рѣчь перваго министра черезъ два дня послѣ ея произнесенія. 10 октября онъ прибылъ въ Уэксфордъ. Городъ былъ декорированъ самымъ блестящимъ образомъ *), и торжественная многотысячная процессія встрѣтила Парнеля со всѣми знаками горячей признательности и преданности. Вечеромъ того же дня состоялся банкетъ, на которомъ агитаторъ произнесъ одну изъ самыхъ многозначительныхъ своихъ рѣчей. «Первая необходимость для процвѣтанія Ирландіи заключается въ томъ, чтобы выбросить вонъ изъ нея англійское хозяйничаніе» **),—сказалъ онъ. Какъ сдѣлать это? вотъ какъ: демократія, рабочіе классы должны освободить Ирландію. «Если вы съумѣете повиноваться неписаннымъ законамъ, если вы докажете, что меньшинство не можетъ угнетать большинство, вы тѣмъ самымъ обнаружите, способны ли вы къ самоуправленію. Намъ нужно, чтобы ирландцы получали всѣ хорошее и справедливое вознагражденіе за талантъ, умъ и физическую силу, и мы этого не достигнемъ, пока не выгонимъ м-ра Гладстона съ компаніей и его баши-бузуковъ» ***).

Все это Парнель говорилъ въ волнующейся странѣ, гдѣ аграрныя преступленія не прекращались и гдѣ все предвѣщало близкое оживленіе феніанства. Собственно, Форстеръ на основаніи билля объ усмиреніи имѣлъ право арестовать Парнеля немедленно, однако Гладстонъ медлилъ прибѣгать къ такимъ мѣрамъ противъ своего врага, не давши ему сначала рѣшительнаго предостереженія. 12 октября премьеръ опять говорилъ въ Гильдголлѣ, въ Лондонѣ, подчеркивая и повторяя фразу о неистощенныхъ еще средствахъ борьбы съ Парнелемъ, предоставляемыхъ цивилизаціей. Но Парнель все равно уже не могъ оставаться на свободѣ.

Теперь намъ нужно оставить отчеты о политическихъ спичахъ и обратиться къ другого рода источнику. Въ октябрѣ 1892 года появилась въ Лондонѣ книжка подъ названіемъ: «Двадцать пять лѣтъ въ тайной полиціи. Воспоминанія сыщика». Эта книжка въ шесть дней

*) См. Daily News, Tuesday 11 oct. 1881, стр. 6, столбецъ 3.

**) The first necessity for the obtainment of prosperity in Ireland is the banishment of english misrule from Ireland. (Daily N., 11 oct.). Слово misrule нѣсколько сильнѣе понятія «дурное управленіе».

***) ...Until we have banished Messrs Gladstone and company and his Bashibazouks (l. c.).

потребовала трехъ изданій, а за годъ разошлась въ 16-ти изданіяхъ: такъ силенъ былъ возбужденный ею интересъ. Принадлежитъ она перу Томаса Бича *), который подъ названіемъ майора Лекарона служилъ въ свое время въ англійской тайной полиціи и завѣдывалъ тамъ ирландскимъ вопросомъ. Онъ успѣлъ проникнуть въ нѣкоторые феніанскіе кружки, былъ коротко знакомъ съ главнѣйшими дѣятелями легальной и нелегальной оппозиціи и оказалъ англійскому правительству цѣлую массу неоцѣненныхъ услугъ. Что онъ въ своей книжкѣ не лжетъ, явствуетъ изъ того, что она не вызвала никакихъ сколько-нибудь существенныхъ опроверженій, хотя огромное большинство названныхъ въ ней личностей еще живо: что Томасъ Бичъ много зналъ и видѣлъ, это должны были признать даже тѣ, которымъ знакомство и откровенность съ нимъ не принесли особенной выгоды. Итакъ, эти мемуары являются необходимымъ подспорьемъ при изученіи ирландскаго движенія въ 80-хъ годахъ; насъ же они интересуютъ постольку, поскольку касаются Парнеля и его судьбы въ 1881 году.

Томасъ Бичъ познакомился, какъ онъ разсказываетъ, съ Парнелемъ въ 1880 году и, такъ какъ Бича рекомендовали Парнелю суровымъ и фанатическимъ революціонеромъ, то агитаторъ былъ съ нимъ откровененъ вполнѣ. Тогда-то Бичъ и узналъ о томъ, что Парнель находится въ связи съ тайнымъ ирландскимъ республиканскимъ обществомъ и его филіацiей въ Америкѣ **). Въ 1881 году Бичъ по обязанностямъ службы старался держаться поближе къ Парнелю, и тотъ былъ настолько тронутъ интересомъ, который выказывалъ къ его особѣ Томасъ Бичъ, что подарилъ ему даже свой портретъ съ собственноручною надписью: «искренно вашъ Чарльзъ Парнель» ***). Въ 1881 году отношенія между Парнелемъ и разными подозрительными людьми оживились; осенняя агитація заставила его войти въ дѣловыя сношенія съ «революціоннымъ управленіемъ», сидѣвшимъ въ Америкѣ, и Томасу Бичу было поручено передать этому обществу нѣкоторыя инструкціи отъ Парнеля ****). «А между тѣмъ правительство вовсе не было такъ мало освѣдомлено о Парнелѣ, какъ это ему казалось»,—задумчиво замѣчаетъ Бичъ.

Такимъ образомъ намѣстникъ Ирландіи Форстеръ имѣлъ цѣлый рядъ свѣдѣній и документовъ относительно нелегальныхъ сношеній агитатора, какъ разъ въ это время произносившаго запальчивыя рѣчи противъ министерства. 12-го октября, какъ было сказано, происходилъ дублинскій митингъ и Парнель еще разъ обрушился на Гладстона, а на другой день, 13-го, онъ былъ арестованъ по приказанію Форстера. Парнель не обнару-

---

*) Twenty five Jears in the secret service. Recollections of a spy, by Majer Henri Le Caron (Thomas Beach). London 1893. Я пользовался 16-мъ изданіемъ.

**) Twenty five Jears, стр. 172—173.

***) Бичъ очень гордится этимъ подаркомъ, какъ доказательствомъ своего профессіональнаго искусства.

****) Twenty five Jears, 190.

жилъ при арестѣ даже тѣни волненія [1]), но встрѣтилъ это, какъ вещь давно ожидаемую. Тотчасъ послѣ арестованія онъ былъ отвезенъ и заключенъ въ Кильмангэмскую тюрьму. Въ приказѣ Форстера говорилось, что Парнель арестуется за возбужденіе людей къ неуплатѣ арендныхъ денегъ и пр. Истинныя, непосредственныя причины не были преданы гласности.

Это былъ первый ударъ; второй поразилъ уже «земельную лигу» 18-го октября она была объявлена правительствомъ закрытою [2]) Какъ справедливо говоритъ умный и тонкій наблюдатель всего, что тогда творились въ Великобританіи [3]), двѣ націи теперь стояли другъ противъ друга и обѣ были единодушны. «Ни одинъ голосъ не раздался въ Англіи въ защиту Парнеля; ни одинъ голосъ не раздался въ Ирландіи въ защиту Форстера» [4]). Вслѣдъ за тѣмъ были арестованы въ нѣсколько дней Биггаръ, О'Гили и другіе наиболѣе активные члены закрытой лиги.

Но движеніе въ Ирландіи не прекращалось, хотя Парнель сидѣлъ въ тюрьмѣ. До его осенняго путешествія страна была сравнительно спокойна, но теперь движеніе не хотѣло останавливаться и внушало Форстеру самыя серьезныя опасенія. Онъ самъ и его помощникъ Боркъ были заняты розысканіемъ непосредственныхъ причинъ броженія и примѣняли билль объ усмиреніи въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Подъ предсѣдательствомъ сестры Парнеля, миссъ Анны Парнель, образовалась [5]) «женская земельная лига», которая рѣзко нападила на премьера и намѣстника. Аграрныя преступленія шли своимъ чередомъ. Въ самомъ Лондонѣ собралась 23-го октября громадная толпа ирландцевъ съ цѣлью протестовать публично противъ ареста Парнеля [6]). Съ наступленіемъ весны 1882 года положеніе дѣлъ нисколько не улучшилось; избіенія лендлордовъ и поджоги все увеличивались въ числѣ. Всѣ политическіе круги Лондона сходились на томъ [7]), что билль объ усмиреніи не послужилъ ни къ чему, что Форстеръ и его секретарь Боркъ не могутъ достигнуть цѣли несмотря, на всю свою энергію. Въ это время капитанъ О'Ши, одинъ изъ парнеллитовъ, написалъ Гладстону и Чемберлену письмо, въ которомъ говорилъ, что Ирландія волнуется единственно изъ-за бѣдственнаго положенія фермеровъ и изъ-за послѣдствій билля объ усмиреніи. Онъ просилъ, чтобы правительство обратило вниманіе на его письмо. Гладстонъ и Чемберленъ понимали, конечно, что это предложеніе, этотъ первый шагъ, исходитъ отъ са-

---

1) См. Treeman's Journal, 14 oct. 1881.
2) O'Connor, 240.
3) О'Коннорѣ.
4) Parnell-movement 139 (London. 1889).
5) Annual Register 1881, стр. 205.
6) Chronicle, oct. 1881, стр. 3.
7) О полит. кругахъ см. Dictionary of. nat. biogr. т. 43, стр. 330.

мого Парнеля. У нихъ было два выхода: отвѣтать молчаніемъ или предложить свои условія Парнелю. Отвѣтить молчаніемъ для Гладстона значило быть поставленнымъ въ необходимость продолжать желѣзный режимъ въ Ирландіи и компрометтировать этимъ окончательно всю либеральную партію и ея традиціи, притомъ безъ всякой реальной пользы.

Итакъ, оставалось начать мирные прелиминаріи, дѣлать уступки; первый министръ Великобританской имперіи, вошелъ въ переговоры, какъ равный съ равнымъ, съ человѣкомъ, сидѣвшимъ въ одиночномъ заключеніи въ Кильмангэмской тюрьмѣ. Парнель могъ поздравить себя съ побѣдою. То, о чемъ и не мечталъ Исаакъ Бьютъ, всю жизнь старавшійся заслужить для Ирландіи сочувствіе англичанъ, досталось Парнелю послѣ четырехлѣтней ожесточенной борьбы съ ними. 10-го апрѣля 1882 г., послѣ полугодового заключенія Парнель былъ выпущенъ изъ тюрьмы на честное слово: ему нужно было присутствовать при похоронахъ племянника. Онъ видѣлся на свободѣ съ очень многими своими политическими друзьями, но исполняя условіе, не говорилъ съ ними о дѣлахъ. Затѣмъ, 26-го апрѣля, одинъ изъ парнеллитовъ внесъ въ палату предложеніе, касавшееся облегченія участи фермеровъ, которые связали себя арендны́мъ договоромъ до изданія земельнаго билля. Гладстонъ съ живымъ сочувствіемъ отнесся къ этому проекту, и проектъ прошелъ *).

Поведеніе премьера во время обсужденія этого билля могло бы многое сказать и не такой чуткой публикѣ, какъ англійская. Поднялись толки о союзѣ между Парнелемъ и Гладстономъ; консерваторы забили тревогу, намѣстникъ Ирландіи Форстеръ, Боркъ и многіе члены либеральной партіи также не были довольны поворотомъ министерской политики. Парнель, видя свою побѣду, дѣлалъ все, отъ него зависѣвшее, чтобы не оскорбить самолюбія Гладстона. Исполняя слово, онъ вернулся въ тюрьму и оттуда написалъ капитану О'Ши письмо **), въ которомъ говорилъ въ неопредѣленныхъ по формѣ, не вполнѣ ясныхъ по внутреннему смыслу выраженіяхъ объ умиротвореніи Ирландіи, какъ необходимомъ послѣдствіи благопріятныхъ для ирландцевъ реформъ. Затѣмъ Парнель передалъ Глодстону еще слѣдующее дополнительное условіе: Дэвиттъ долженъ быть выпущенъ на свободу; Шериданъ, бѣжавшій агитаторъ, долженъ получить позволеніе вернуться, такъ же, какъ Бойтонъ. Форстеръ возражалъ, что, вѣдь, эти люди собственно и употребляли всѣ силы, чтобы взволновать Ирландію, но Парнель оставался непоколебимъ. «Если они вліятельны»,— говорилъ онъ;—«то пусть только министерство проведетъ нужныя реформы, и они употребятъ свое вліяніе на дѣло мира». Наконецъ, Парнель желалъ удаленія Форстера и прекращенія усмирительнаго режима. Премьеръ согласился.

*) Annual Register 1882, p. I. стр. 12 и 113.

**) The treaty of Kilmaingham (въ An. Reg. 82).

2-го мая (1882 г.) Парнель и съ нимъ нѣкоторые другіе политическіе заключенные были выпущены изъ Кильмангэмской тюрьмы. Они вышли оттуда побѣдителями; министерство было покорно Парнелю; проекты гомруля, аграрныхъ реформъ казались въ эти первые дни мая дѣломъ ближайшихъ мѣсяцевъ. Въ тотъ же день, какъ Парнель вышелъ изъ тюрьмы, Гладстонъ заявилъ въ палатѣ общинъ, что Форстеръ выходитъ въ отставку. Его секретарь Боркъ удержалъ свой постъ; новымъ же намѣстникомъ былъ назначенъ лордъ Кавендишъ. Только и было рѣчи, что о «Кильмангемскомъ договорѣ» между премьеромъ и агитаторомъ; но на первыхъ же порахъ этому договору пришлось выдержать одно изъ тѣхъ испытаній, послѣ которыхъ отъ самыхъ торжественныхъ трактатовъ остаются иногда одни клочки.

Если Ирландія и Англія уже прекрасно знали въ общихъ чертахъ, что Парнель и Гладстонъ вошли въ соглашеніе, если освобожденіе ирландскихъ арестантовъ и отставка Форстера сами по себѣ были фактами въ достаточной мѣрѣ яркими, то назначеніе лорда Кавендиша, человѣка, извѣстнаго своими симпатіями къ Ирландіи, прямо указывало на наступленіе новой эры. Кавендишъ тотчасъ же отправился на мѣсто назначенія *) и, прибывши въ Дублинъ 6-го мая, принесъ утромъ обычную присягу должностныхъ лицъ, а послѣ обѣда поѣхалъ по направленію къ Фениксъ-Парку, гдѣ была приготовлена для него квартира. Увидѣвши на улицѣ Борка (секретаря Форстера), Кавендишъ вышелъ изъ кареты и пошелъ вмѣстѣ съ Боркомъ въ Фениксъ-Паркъ пѣшкомъ. Бульваръ былъ полонъ народа; когда Кавендишъ и Боркъ проходили по главной аллеѣ, изъ-за кустовъ выбѣжали вооруженные люди, бросились на сановниковъ и начали наносить имъ удары кинжалами **) Раньше, чѣмъ кто-нибудь могъ опомниться, нападавшіе скрылись, а Кавендишъ и Боркъ лежали на аллеѣ мертвые.

Трудно передать впечатлѣніе, произведенное этимъ кровавымъ дѣломъ въ Англіи. Самое бурное негодованіе охватило и консерваторовъ, и либераловъ. Приверженцы Форстера могли торжествовать: всего четыре дня прошло послѣ его отставки, всего три недѣли миновало со времени перемѣны режима—и вотъ плоды этихъ измѣненій. «Times» и другіе вліятельные органы (нѣтъ надобности напоминать, что «Times» 1882 года былъ гораздо вліятельнѣе, чѣмъ теперь) указывали на отставку Форстера и примиреніе съ Парнелемъ, какъ на грубѣйшія ошибки премьера; консервативная пресса требовала немедленной отставки либеральнаго кобинета. Общественное мнѣніе было въ особенности возмущено тѣмъ, что убійцы Кавендиша и Борка оставались пока неразысканы. Самые фантастическіе слухи ходили насчетъ участія Парнеля въ преступленіи 6-го мая; но, хотя этимъ слухамъ врядъ ли вѣрили даже лица, рас-

*) Lord Frederick Cavendish, 345 (Dict. of nat. b. vol. IX).
**) Annual Register 1882, стр. 190—191

пускавшія ихъ, однако, для всѣхъ политическихъ партій въ Великобританіи, для общественнаго мнѣнія Европы, для членовъ англійскаго кабинета было ясно, что осуществить теперь хоть какія-нибудь условія «кильмангэмскаго договора» будетъ страшно трудно.

Что касается до настроенія парнеллитовъ, то предоставимъ слово человѣку, близко къ нимъ стоявшему и съ ними пережившему эти дни [1]: «тѣ, которые могутъ вспомнить роковое воскресенье, когда вѣсть объ убійствѣ пришла въ Лондонъ, которые видѣли ирландскаго вождя и его товарищей въ этотъ день, — могутъ найти утѣшеніе въ сознаніи, что никогда болѣе они не переживали такого мрачнаго и тяжелаго момента». Другіе очевидцы говорятъ, что ирландцы-депутаты растерялись совершенно и не знали, что дѣлать.

Только Парнель сохранялъ спокойствіе и самообладаніе. Убійство въ Фениксъ-Паркѣ разомъ уничтожило всѣ его усилія за послѣдніе мѣсяцы. Либеральный кабинетъ, если онъ не хотѣлъ быть уничтоженъ поднявшейся бурей, не могъ и думать о реформахъ для Ирландіи. Понимая это очень хорошо, Парнель тѣмъ не менѣе рѣшилъ сдѣлать все отъ него зависящее, чтобы затруднить для Гладстона отступленіе. 7-го мая 1882 года, на другой день послѣ происшествія въ Фениксъ-Паркѣ, онъ обнародовалъ манифестъ, въ которомъ называлъ убійство Кавендиша ничѣмъ не вызваннымъ и возмутительнымъ дѣломъ. Это заявленіе было подписано (кромѣ Парнеля) Диллономъ Дэвиттомъ и перепечатано всѣми газетами Великобританіи. Черезъ день, 8-го мая, Гладстонъ въ парламентѣ предложилъ [2]) закрыть засѣданіе и этимъ почтить память усопшихъ. Вслѣдъ за нимъ поднялся Парнель и произнесъ маленькую, но очень выразительную рѣчь, въ которой подчеркивалъ, что всякій ирландецъ почувствуетъ, навѣрное, отвращеніе къ дѣлу, совершенному въ Фениксъ-Паркѣ [3]). Затѣмъ Парнель позволялъ себѣ надѣяться, что убійцы Кавендиша не заставятъ министерство свернуть съ того новаго пути, на который оно только что вступило [4]).

Формальность была выполнена, но ирландскій лидеръ былъ слишкомъ опытнымъ политикомъ (несмотря на свою молодость), чтобы ожидать отъ своихъ заявленій какой-нибудь реальной пользы. Кабинетъ палъ бы въ одни сутки, если бы позволилъ себѣ дѣйствовать несогласно съ настроеніемъ парламента, а это настроеніе требовало не примиренія съ Ирландіей, но репрессалій. Черезъ три дня послѣ отсроченнаго въ честь убитыхъ засѣданія, 11-го мая, членъ кабинета Гаркуръ внесъ билль «о предупрежденіи преступленій въ Ирландіи [5]). Тогда Парнель, всегда лю-

---

[1]) O'Connor, p. 249: those, who remember etc.

[2]) Parliam. Deb; 45 парл. Викторіи, т. 269, стр. 322.

[3]) Iwish to express on the part of my Friends and on mz own part, and Ibelieve on the part of every Irishman... my most inqualibied detestation etc. (Parl. deb. т. 269, стр. 323).

[4]) Ibid.

[5]) Prevention of crime Ireland bill, Parliam. Deb. т. 269, стр. 462.

бившій опредѣленность въ отношеніяхъ сразу сталъ прежнимъ Парнелемъ, врагомъ Гладстона и Англіи. Онъ нападалъ на билль Гаркура съ большою силою. «Съ этимъ биллемъ», сказалъ онъ: «вы провалитесь въ десять разъ, во сто разъ хуже, чѣмъ вы провалились съ биллемъ объ усмиреніи. Эти проекты показываютъ только, что Англія не открыла еще секрета разрѣшенія неразрѣшимой задачи: какъ одна нація должна управлять другою» *).

Началась обструкція; два мѣсяца Парнель путемъ запросовъ, рѣчей и придирокъ къ формальной сторонѣ дѣла задерживалъ проведеніе проекта Гаркура; два мѣсяца продолжалась эта изнурительная для обѣихъ сторонъ кампанія. Наконецъ, Парнель истощилъ всѣ средства обструкціи, возможной при тѣхъ правахъ, которыя какъ было сказано, получилъ спикеръ. Билль прошелъ во всѣхъ чтеніяхъ и былъ утвержденъ. Въ Ирландіи учреждались особые суды для политическихъ преступленій и полиціи давалось неограниченное право арестовывать подозрительныхъ лицъ. Вся весенняя сессія почти всецѣло пропала изъ-за Парнеля, такъ что палата рѣшила укоротить свои осеннія каникулы, чтобы поздней осенью еще успѣть кое-что сдѣлать изъ наиболѣе важныхъ и спѣшныхъ дѣлъ **).

Когда палата расходилась въ августѣ 1882 года, положеніе дѣлъ было такое же, какъ въ августѣ 1881 года: та же пропавшая изъ-за обструкціи сессія, тѣ же (только въ усиленной степени) усмирительные законы, та же смертельная вражда между министерствомъ и Парнелемъ и, наконецъ, на заднемъ планѣ, та же голодающая и волнующаяся Ирландія. Ново было лишь разочарованіе, сознаніе, что самыя гордыя надежды готовы были осуществиться,—и одного несчастнаго момента оказалось достаточно, чтобы онѣ разсѣялись, какъ дымъ.

Та трагедія, которая развертывалась въ Ирландіи въ восьмидесятыхъ годахъ, оказала огромное вліяніе на парламентскую политику Ирландской партіи. Мы уже видѣли, какія послѣдствія имѣло убійство въ Фениксъ-Паркѣ; оно было только началомъ феніанскаго движенія 80-хъ годовъ. Парнелю нужно было стать въ опредѣленную позицію относительно феніевъ. Являясь ирландскимъ національнымъ героемъ, сознавая себя несомнѣннымъ кумиромъ своей страны, онъ долженъ былъ отдать отчетъ въ томъ, какъ онъ смотритъ на феніанство. Мы знаемъ, что, когда онъ былъ студентомъ 2-го курса, его потрясло извѣстіе о манчестерскихъ казняхъ; мы знаемъ также, что въ самомъ началѣ свей политической дѣятельности онъ навлекъ на себя подозрѣніе Исаака Бьюта въ тайномъ сочувствіи феніямъ и не особенно старался оправдаться въ этомъ. Теперь наступило время высказаться,—а онъ молчалъ. Его манифестъ объ убійствѣ въ Фениксъ-Паркѣ былъ англичанами

*) Parliam. Deb. т. 269, стр. 483.
**) Annual Reg, p. I.

такъ же холодно принятъ, какъ Парнелемъ редактированъ, его устныя заявленія въ парламентѣ обращали на себя вниманіе тѣмъ, что усиленно подчеркивали невызванность, немотивированность убійства лорда Кавендиша и оставляли въ тѣни принципіальную сторону вопроса о феніяхъ. Ожесточенная борьба съ Гладстономъ, въ которую немедленно вступилъ Парнель, какъ только убѣдился въ неосуществимости «Кильмангэмскаго договора», не могла конечно, заставить забыть объ его двусмысленномъ поведеніи въ майскіе дни. И хотя обвиненія и намеки сыпались на Парнеля со столбцовъ англійскихъ газетъ, какъ изъ рога изобилія, онъ продолжалъ молчать о феніяхъ и феніанствѣ.

Замѣчательна та ligne de conduite, отъ которой Парнель не отступалъ до самой могилы: чѣмъ болѣе ожесточался врагъ, тѣмъ активнѣе и яростнѣе становилась оппозиція ирландскаго лидера. Онъ разъ навсегда отказался понимать и принимать въ соображеніе ту круговую поруку, которая какъ-то невольно установилась въ англійскомъ парламентѣ относительно ирландской партіи: когда заговаривали о Фениксъ-Паркѣ, онъ предлагалъ розыскать убійцъ Кавендиша и Борка и съ ними поговорить обо всемъ, касающемся этого дѣла, а тона своего не думалъ понижать и отъ требованій своихъ не собирался отступать только потому, что и онъ стоитъ за Ирландію, и феніи борятся за нее. Конфузиться и извиняться за кого бы то нибыло не входило въ программу поведенія у Парнеля. Ведя себя такъ въ парламентѣ, онъ, по пріѣздѣ въ Ирландію, медлилъ высказаться. А время стояло тяжелое: новый билль о предупрежденіи преступленій вошелъ въ силу и давалъ уже себя чувствовать; съ весны началась длинная вереница аграрныхъ преступленій. Убійства и поджоги, нападенія и выстрѣлы изъ за угла не давали покою. 17-го августа (1882 г.), т. е. какъ разъ когда кончалась сессія парламента, въ Ирландіи было убито семейство Джонсъ, состоявшее изъ шести человѣкъ *). Они были убиты потому, что знали виновниковъ нѣсколько раньше происшедшаго убійства двухъ судей, и феніи боялись, что Джонсы ихъ выдадутъ. Такимъ образомъ, одно убійство влекло за собой другое и конца этому не предвидилось. На терроръ правительство отвѣчало казнями; убійства, и висѣлицы, и снова убійства—вотъ какіе факты доминировали **) въ ирландской общественной жизни въ тѣ дни, когда Парнель явился въ Ирландію осенью 1882 года.

Онъ сразу постарался перевести испуганное и мятущееся общество на свою точку зрѣнія: легальной оппозиціи не приходится отвѣчать за феніанство, и требованія гомруля и земельныхъ реформъ нужно заявить громко и открыто, не стѣсняясь тѣмъ, что и феніи хотятъ этихъ двухъ вещей. Всѣ заботы его были направлены на то,

*) Ireland since the union. coercion, 306 (Iuin Ml Casthy, Lond, 1887).

**) Ireland since the union, стр. 307, 308, 389, 310.

чтобы снова создать лигу для борьбы за аграрную реформу на подобіе закрытой Форстеромъ въ 1881 году «земельной лиги» *). Помимо давившаго Ирландію кошмара борьбы между феніями и правительствомъ, огромному большинству ирландскихъ фермеровъ приходилось испытывать произволъ со стороны лендлордовъ. Многіе лендлорды злоупотребляли обостренностью политическихъ отношеній и позволяли себѣ самыя беззаконныя выходки относительно фермеровъ; если же послѣдніе дѣлали даже самую слабую попытку протеста, лендлорды, не теряя времени, требовали полицію и войска.

Поэтому, когда ирландцы увидѣли послѣ полугодовой разлуки дорогого имъ человѣка и когда онъ на митингахъ и сходкахъ своимъ увѣреннымъ и спокойнымъ голосомъ сталъ говорить, что незачѣмъ себя запугивать, что за феніанство только сами феніи отвѣтствены и никто больше, что, наконецъ, надо основать новую лигу для борьбы съ лендлордами, когда опять начались разъѣзды его по странѣ, населеніе снова отвѣтило ему тѣмъ же взрывомъ энтузіазма и любви, какъ и въ 1880 году и опять слова — «ирландскій король» въ саркастическихъ ковычкахъ стали украшать столбцы англійскихъ газетъ. Отъ словъ Парнель быстро приступилъ къ дѣлу. 17-го октября въ Дублинѣ состоялось собраніе; **) на немъ сначала парнеллиты громили тѣхъ ирландскихъ членовъ парламента, которые все время не рѣшались принять участіе въ обструкціи, а затѣмъ Парнель еще разъ подвергъ самой разрушительной критикѣ «земельный билль» Гладстона.

Рѣшено было основать ирландскую національную лигу, которая бы поставила своей задачей, во-первыхъ, достиженіе національнаго самоуправленія и, во-вторыхъ, коренную реформу земельныхъ отношеній (т. е. обязательнаго перехода арендуемыхъ участковъ въ руки арендаторовъ), въ-третьихъ, широкаго мѣстнаго самоуправленія, въ-четвертыхъ, расширенія избирательнаго права въ Ирландіи (пока еще приходится посылать депутатовъ въ англійскую палату), и въ-пятыхъ, поощренія и развитія труда и промышленности въ Ирландіи. Нужно замѣтить, что раздавались въ собраніи также голоса въ пользу національзаціи земли; Парнель, соціально-экономическія воззрѣнія котораго никогда не получили вполнѣ опредѣленной формулировки, склонялся къ мысли сдѣлать изъ Ирландіи страну мелкихъ собственниковъ. Это мнѣніе восторжествовало ***).

Прежде всего опять-таки нужно было собрать деньги для «національной лиги»; когда зарождалась земельная лига, Парнель поѣхалъ собирать деньги въ Америку, но теперь времена были слишкомъ бурныя, чтобъ ирландскій лидеръ могъ отлучиться изъ своей

*) См. 6-ю главу настоящаго этюда..

**) Отчетъ цит. по «Times» Wednesdau, Octob. 18, 1882, стр. 9-я столбцы 2 и 3.

***) Ireland since the union, 309.

страны. Онъ ограничился воззваніемъ къ американскому народу и къ американскимъ ирландцамъ, и деньги полились оттуда. Агитація ирландской «національной лиги» длилась всю осень и зиму 1882—1883 года. Лордъ намѣстникъ (Спенсеръ) и его помощникъ (Тревеліянъ), имѣя въ рукахъ такое страшное орудіе, какъ билль о предупрежденіи преступленій, употребляли всѣ усилія, чтобъ положить конецъ дѣятельности лиги **). Но со времени пріѣзда Парнеля атмосфера бодрости и надежды охватывала все шире и шире ирландское общество и запугать его было уже трудно. Борьба локализовалась именно такъ, какъ хотѣлъ Парнель: происходило единоборство только между мѣстной администраціей и феніями, а вся масса ирландскаго народа, имѣя право и возможность открыто поддерживать легальныхъ дѣятелей гомруля и аграрной реформы, дѣлала именно то дѣло, которое было для новой лиги прямо необходимо.

Бѣлый и красный терроръ усиливались, питая и поддерживая другъ друга. Особенную тревогу въ правительственныхъ кругахъ возбуждало новое направленіе революціонной мысли: феніи стали чаще и чаще говорить въ своемъ органѣ, издававшемся въ Америкѣ *), что они намѣрены перенести борьбу въ самую Англію. При такихъ зловѣщихъ предзнаменованіяхъ Великобританія встрѣтила 1883-й годъ. Въ январѣ, наконецъ, полиція арестовала одного изъ лицъ, принимавшихъ участіе въ убійствѣ Борка и Кавендиша. Этотъ человѣкъ, Кэри, разсказалъ, что феніи намѣтили еще рядъ жертвъ, между прочимъ, Форстера, бывшаго намѣстника. Не успѣла публика придти въ себя отъ этихъ откровеній, какъ въ Глэзго былъ произведенъ феніями динамитный взрывъ. Сравнительно болѣе мелкія преступленія уже не обращали на себя вниманія общества. Динамитные взрывы около правительственныхъ мѣстъ и покушенія на должностныхъ лицъ усилили строгости въ Англіи, но феніанство не сдавалось. Въ парламентѣ съ самымъ явнымъ недоброжелательствомъ продолжали относится къ парнеллитамъ и, какъ всегда въ такихъ случахъ, Парнель чувствовалъ себя, повидимому, особенно хорошо и обнаруживалъ всѣ признаки непоколебимой самоувѣренности. 22 февраля (1883 г.) въ палатѣ общинъ обсуждался проектъ адреса въ отвѣтъ на тронную рѣчь, открывшую сессію, и Форстеръ счелъ этотъ случай удобнымъ, чтобы изложить свои воззрѣнія на состояніе страны, въ которой онъ былъ когда то намѣстникамъ.

Никто не можетъ отрицать, что рѣчь его отличалась во многихъ мѣстахъ рѣзко запальчивымъ тономъ ***); онъ и оправдывалъ свою политику, и дѣлалъ колкіе намеки премьеру, лишившему его мѣста, и

*) Diction. of nat biography, т. 43-ій, стр. 331.

**) «Irish World». Это любопытное изданіе является очень интереснымъ источникомъ для исторіи феніанства.

***) Отвѣтъ на милостивую рѣчь Ея Величества стр. 607—608 (Parl. Deb. 46-й парл. Викторіи I т. 276).

обвинялъ гомрулеровъ въ нарушеніи законовъ. Конечно, вся инвектива Форстера вращалась вокругъ личности Парнеля, ораторъ иронизировалъ надъ разными некоронованными королями, говорилъ о людяхъ, наталкивающихъ ирландскій народъ на безумныя выходки,—а Парнель только и дѣлалъ, что издавалъ въ самыхъ щекотливыхъ пунктахъ рѣчи восклицаніе: «слушайте!» Наконецъ Форстеръ съ документами въ рукахъ, держа передъ собою номера газеты Irish World, сталъ читать оттуда выдержки [1]), касавшіяся динамитныхъ покушеній и другихъ фактовъ феніанской дѣятельности. Выдержки были, дѣйствительно, такъ подобраны, что выходила довольна рѣшительная апологія феніанизма. Но Irish World былъ эмигрантскій листокъ, издававшійся въ Америкѣ; доказать сочувствіе къ нему Парнеля являлось затруднительнымъ,—поэтому Форстеръ перешелъ къ другому изданію: «Объединенная Ирландія» [2]). Парнелль состоялъ однимъ изъ дѣятельныхъ руководителей этой газеты. «Въ «Объединенной Ирландіи» аграрныя преступленія назывались обыкновенно «деревенскими случаями» [3]), а иногда отчеты о нихъ печатались подъ общимъ названіемъ «настроеніе страны». Мало того, отношеніе газеты къ жертвамъ преступленій было всегда самое суровое, а къ виновникамъ самое снисходительное.

Форстеръ прямо обратился къ Парнелю съ вопросомъ: «читали вы эти статьи?» Парнель отвѣтилъ: «Читалъ»—«Одобряете вы ихъ?»—«Одобряю». Нѣкоторые члены ирландской партіи пробовали прервать этотъ діалогъ, но безуспѣшно [4]). Форстеръ зналъ, что ему было нужно. «Я хочу поставить вопросъ принципіально. Очень много разъ было констатировано, что аграрныя преступленія слѣдовали за митингами земельной лиги. Что же, почтенный джентльменъ будетъ это отрицать, опровергать? Я снова повторяю, какое обвиненіе я возвожу противъ него; вѣроятно никогда еще одинъ членъ парламента не возводилъ болѣе серьезнаго обвиненія противъ другого: не то, чтобы самъ онъ, г. Парнелль, замышлялъ и упорно осуществлялъ насилія и убійства [5]), но онъ или склонялся къ нимъ, или же»... Тутъ Парнель прервалъ его, крикнувъ на всю залу: «это ложь!» Послѣдовалъ шумъ; одинъ изъ парнеллитовъ продолжалъ кричать: «это ложь, ложь, ложь!» пока его не вывели вонъ [6]).

---

[1]) Отвѣтъ на милостивую рѣчь Ея Величества, стр. 626 и 627. (Parl. Deb., vol. 276-й).

[2]) The United Ireland (изд. 1881—1888 гг.).

[3]) Incidents in the campaign. Форстеръ подчеркнулъ это особенно тщательно (Parl. Deb., vol. cit. стр. 627.

[4]) Parliam. Deb., стр. 627, (томъ 276-й).

[5]) It is not that he himself directly planned or perpetrated outrages and murders... (Рѣчь Форстера, Parl. Deb. l. c., стр. 628).

[6]) Счетъ голосовъ при баллотировкѣ объ изгнаніи O'Келли показываетъ, что парнеллитовъ было въ этотъ день въ палатѣ всего 20. (Parl. Deb. т. 276, стр. 629: Ayes 305. Noes 20).

Характеристично дальнѣйшее поведеніе Парнеля: онъ и не думалъ отвѣчать на рѣчь Форстера немедленно, а ограничился только своимъ энергичнымъ восклицаніемъ, защиту же отложилъ до слѣдующаго засѣданія, къ общему удивленію и раздраженію англичанъ. Они увидали въ этой медлительности умышленное оскорбленіе обвинителя и трибунала, предъ которымъ раздалось обвиненіе. На слѣдующій день Парнель постарался сдѣлать все, чтобы укрѣпить въ нихъ это предположеніе. «Сэръ», обратился онъ къ спикеру [1]): «я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ по поводу вчерашняго инцидента. Я могу почтительнѣйше увѣрить палату общинъ, что дѣлаю это вовсе не вслѣдствіе убѣжденія, что мои слова будутъ имѣть хотя бы даже слабое вліяніе на палату или на общественное мнѣніе Англіи. Я уже привыкъ за свою политическую жизнь заботиться только о мнѣніи тѣхъ, кому я желаю помочь и съ помощью кого я работаю для счастья и свободы Ирландіи». Послѣ такого начала Парнель съ свойственной ему холодной и презрительной ироніей, которая была тѣмъ больнѣе, что не казалась ничуть аффектированною, коснулся обвиненій Форстера, сказалъ, что бывшій намѣстникъ втеченіе всей своей карьеры умѣлъ пользоваться невѣжествомъ палаты въ ирландскихъ дѣлахъ [2]); и, подаривши еще нѣсколько разъ своимъ вниманіемъ Форстера и палату, перешелъ къ существенной сторонѣ вопроса. Онъ сказалъ, что не раздѣляетъ мнѣній феніанскихъ обществъ о пригодности тѣхъ средствъ, которыя они пускаютъ въ ходъ, и что въ частности, не симпатизируетъ динамитнымъ покушеніямъ, къ которымъ феніи начали прибѣгать очень часто въ послѣдніе мѣсяцы (1882 года).

Итакъ, Парнель, наконецъ, высказался; но опять-таки объясненіе вышло какое-то глухое и условное, изобиловавшее оговорками и тѣми фразами въ скобкахъ, которыя иногда мѣняютъ тонъ и характеръ рѣчи. Весь 1883 г. прошелъ въ ожесточенной борьбѣ между феніями и правительствомъ; въ январѣ были дни, когда въ одномъ Дублинѣ арестовывалось больше 20 человѣкъ—цифра, съ англійской точки зрѣнія весьма высокая; въ февралѣ и мартѣ происходилъ рядъ феніанскихъ процессовъ, изъ которыхъ многіе оканчивались казнями. Въ іюлѣ былъ убитъ Джемсъ Кэри, оставившій партію феніевъ и давшій правительству много указаній относительно своихъ бывшихъ товарищей [3]); въ концѣ того же года его убійца былъ повѣшенъ въ Дублинѣ [4]). Всѣ эти происше-

[1]) Отвѣтъ на милостивую рѣчь Ея Величества, заявленіе Парнелля (засѣд. 23 февр. Parl. Deb. m. 276, стр. 716, 717, 718).

[2]) It is a conduct, which marked his career ever since he became chief secretary to take advantage of the ignorance of the members of this house on irish questions. (Рѣчь Парнелля, Parl D. l. c. 718).

[3]) Объ этомъ см. Annual Register, 1883, стр. 197—198—199 (изд. Lond. 1884).

[4]) См. очень интересныя и содержательныя записки фенія Патрика Тинана объ этои эпохѣ и о казни О'Доннеля: The irish invincibles and their times by P. Tynnan (Chatam 1894), стр. 340.

ствія не исключительно приковывали къ себѣ вниманіе ирландскаго общества.

Молодая «національная лига», основанная Парнелемъ въ октябрѣ 1882 года интересовала всѣхъ, кто сочувствовалъ дѣятельности покойной «земельной лиги» и жалѣлъ объ ея закрытіи. Ненормальное положеніе дѣлъ сильно препятствовало дѣйствіямъ новаго общества, но тѣмъ не менѣе, легальная пропаганда была возможна. Что касается до личной популярности Парнеля, то можно сказать, что въ этомъ году она еще увеличилась, если только еще могла увеличаться. Ни для кого не было тайной, что Парнель сильно разстроилъ свои денежныя дѣла *), и ирландское общество рѣшило устроить такъ, чтобы для него не оказалось слишкомъ роковымъ то самоотверженіе, съ которымъ онъ, идя прямо къ раззоренію, работалъ въ парламентѣ и внѣ его. Была устроена подписка для поднесенія ему денежнаго подарка. Во время подписки обнаружилось, что между ирландскимъ духовенствомъ существуетъ нѣкоторый расколъ: архіепископы и, вообще, высшіе сановники католической церкви были противъ Парнеля, а священники за него. Самъ папа счелъ нужнымъ вмѣшаться въ ирландскія дѣла и, по его непосредственному повелѣнію, кардиналъ Симеони написалъ посланіе, въ которомъ указывалось на участіе въ подпискѣ въ пользу Парнеля, какъ на дѣло неподходящее и не подобающее католическому клиру. Несмотря на это посланіе, ирландское духовенство въ огромномъ количествѣ внесло свою лепту на подарокъ человѣку, за котораго оно молилось еще тогда, когда папа не удостоивалъ его своимъ вниманіемъ.

Въ результатѣ письма кардинала Симеони оказалось сильное паденіе папскаго авторитета въ Ирландіи, обостреніе національныхъ чувствъ среди духовенства и, въ особенности, усиленіе любви къ Парнелю и вѣры въ него. Если мы примемъ это къ свѣдѣнію, то согласимся, что благосклонное отношеніе англійскихъ правительственныхъ сферъ къ римской куріи могло, въ самомъ дѣлѣ, показаться папѣ плохой компенсаціей всѣхъ этихъ моральныхъ потерь **). Если даже папскій авторитетъ оказывался неравносильнымъ авторитету Парнеля, то дальнѣйшія событія 1883 года показали, что уже нѣтъ вещи, на которую не могъ бы отважиться ирландскій агитаторъ въ своей странѣ, что нѣтъ ему отказа ни въ чемъ. Эльстерскій округъ, населенный преимущественно англичанами, считался всегда противникомъ парнелизма, и вотъ Парнель поставилъ тамъ кандидатуру свою ревностнѣйшаго приверженца О'Гили. Это было въ глазахъ многихъ просто дерзкимъ вызовомъ судьбѣ. «Если бы»,—говоритъ безпристрастный и безстрастный обозрѣватель Annual Register'а: «если бы кто-нибудь хоть шесть мѣсяцевъ тому назадъ сказалъ, что парнеллитъ можетъ стать предста-

*) Annal Rgister, 1883, стр. 201.

**) Annal Register 1883, стр. 202—203.

вителемъ эльстерскаго округа, то такой человѣкъ подвергся бы осмѣянію за свою глупость» [1]). Но Парнель поѣхалъ въ Эльстеръ, произнесъ тамъ рядъ рѣчей, въ которыхъ просилъ выбрать О'Гили—и О'Гили прошелъ.

Эта побѣда произвела въ Англіи самое сильное и тревожное впечатлѣніе. Уже даже «Times», вѣчный врагъ Парнеля, не скрывалъ отъ своихъ читателей, что этотъ человѣкъ не только силенъ, но просто всемогущъ въ Ирландіи. Послѣдній мѣсяцъ 1883 года окончательно сдѣлалъ его годомъ парнелевскихъ тріумфовъ. Закончилась подписка на подарокъ,—и оказалось, что за девять мѣсяцевъ собрали не четырнадцать тысячъ фунтовъ, какъ разсчитывали, а тридцать восемь тысячъ, т. е. около 380.000 рублей. 11 декабря собрался торжественный митингъ въ Дублинѣ, и здѣсь деньги были вручены Парнелю.

Многіе думали, что въ въ виду безцвѣтной парламентской сессіи этого года, онъ не будетъ слишкомъ нападать въ своей рѣчи на правительство [2]), но жестоко ошиблись. Парнель всегда жилъ не столько парламентской, сколько обще-національной жизнью и для него 1883 годъ не былъ поэтому тихимъ и безцвѣтнымъ. Онъ жестоко обрушился на ирландскихъ управителей, лорда Спенсера и его помощника Тревеліяна [3]), назвалъ ихъ бездарными индивидуумами [4]) и затѣмъ, перейдя къ общему положенію дѣлъ, замѣтилъ, что наступающій годъ нужно будетъ посвятить введенію реформы парламентскихъ выборовъ въ Ирландіи, такъ чтобы Ирландія могла высылать больше депутатовъ, нежели до сихъ поръ и этимъ вліять на перемѣну министерствъ. «Если мы»,—сказалъ онъ: «не можемъ управлять собою сами,—то по крайней мѣрѣ сможемъ заставить ихъ управлять такъ, какъ мы захотимъ» [5]). Намѣтивши низверженіе Гладстона, какъ цѣль, желательную и осуществимую послѣ реформы выборной системы, онъ закончилъ рѣчь словами, вызвавшими бурю энтузіазма и восторга: «мы имѣемъ право быть гордыми, энергичными, полными надеждъ, разъ мы твердо рѣшили, что наше поколѣніе не должно сойти со сцены, не обезпечивши за потомками великаго прирожденнаго права—національной независимости и благосостоянія».

Призывъ къ надеждѣ и бодрости являлся далеко нелишнимъ; кровавая феніанская борьба, кончавшаяся на глазахъ ирландскаго общества висѣлицами и ничѣмъ инымъ, дѣйствовала на политическую атмосферу крайне тяжело. 10-го декабря повѣсили фенія О'Доннеля; 11 де-

---

[1]) Annual Reg. 1883, стр. 204: would be laughed at heartily for his folly.

[2]) Чего ожидали отъ дублинской рѣчи см. An. Reg. 1883, 207.

[3]) The parnell testimonial (Times, Wednesday, December 13, 1883, стр. 6-я, столбцы 1-й и 2-й).

[4]) Individuals characterized by greater incapacity... Times l. c.).

[5]) If we cannot rule ourselves, we cann at least cause them to beruled as we choose («Tim.» l. c.).

кабря, въ Дублинѣ, въ самый день парнелевскаго митинга, повѣсили фенія Джозефа Пулля [1]). Каждый день можно было ожидать новыхъ покушеній и новыхъ казней.

VIII.

До 1884 года министерство Гладстона не преслѣдовало принципіальной политики либеральной партіи; осложненія во внѣшнихъ дѣлахъ, вызванныя борьбою въ Суданѣ и Египтѣ и поступательнымъ движеніемъ русскихъ войскъ въ Средней Азіи, терроръ и борьба съ нимъ въ Ирландіи не давали старому премьеру возможности осуществить одинъ изъ главныхъ пунктовъ либеральной программы—распространить избирательныя права на возможно большее число англійскихъ гражданъ. Но близился срокъ, когда кабинетъ долженъ былъ отдать отчетъ избирателямъ въ томъ, что онъ сдѣлалъ, приближались выборы [2]). Нужно было торопиться съ проведеніамъ избирательной реформы которую давно и настойчиво требовала либеральная партія отъ своего правительства. Гладстонъ самъ по себѣ былъ человѣкомъ слишкомъ крупнаго калибра, слишкомъ твердыхъ и опредѣленныхъ традицій и слишкомъ устойчивыхъ убѣжденій, чтобы довольствоваться ролью главы «дѣловаго министерства», вродѣ австрійскаго кабинета Кильмансегга и жить изо дня въ день.

Въ виду всего этого въ февралѣ 1884 года Гладстонъ внесъ въ нижнюю палату билль о реформѣ. По закону 1867 года (или, правильнѣе 1867—69 гг.) каждый подданный королевы, платящій за квартиру въ городѣ 10 фунтовъ въ годъ или арендующій земельный участокъ, который приноситъ 12 фунтовъ годового дохода, имѣетъ право избирать членовъ нижней палаты [3]). Этотъ законъ исключалъ такимъ образомъ изъ числа избирателей массу крестьянъ, не имѣющихъ аренднаго участка съ 12 фунтами дохода. Гладстонъ, внося свой билль, предложилъ, чтобы избирательныя права распространялись на всѣхъ главъ семействъ безъ исключенія; женщины все-таки не получали правъ, даже если онѣ стояли во главѣ дома [4]). Другими словами устанавливалось нѣчто весьма близкое къ suffrage universel. Разумѣется, эти слова не были произнесены, и

---

[1]) The irish invincibles and their times, by P. Tynuan, Chatam. 1894), стр. 344.

[2]) Вотъ слова внимательнаго наблюдателя этого политическаго момента (т. е. начала 1884 года): il faut donc, qne M. Gladstone se mette en mesure de repondre à cette question: qu'avez-vous fait de la majorité que nous vous avons donnée en 1880? Et si le old great man répond simplemant: «Des conquêtes en Afrique et les lois coercitives en Irlande, l'imbroglio de l'Afrique du sud..: ça sera fini de sa popularité. (M. Gladstone et son gouvernement en 1884, ch. Gavard. Paris, 1884. стр. 12-я).

[3]) Избирательныя реформы эпохи Викторіи изложены очень сжато, но хорошо въ книгѣ Барнета Смита (Barneth Smith, History of the english parliament, 2-ой томъ, 545—546. (London 1892).

[4]) Barneth Smith, Hist. of engl. parl. (vol II, book XIII стр. 547).

законопроэктъ былъ приведенъ въ связь съ прежними избирательными законами [1]), но никто не обманывался относительно истиннаго смысла министерскаго билля.

Консерваторы напали на проэктъ съ тою горячностью, которая отличала ихъ и въ 1830 и въ 31-мъ, 32-мъ и въ 67-мъ годахъ: кажется не было дѣйствія, которое заставило бы ихъ съ большимъ раздраженіемъ отзываться о своемъ наслѣдственномъ противникѣ, чѣмъ именно расширеніе избирательнаго права. Реформъ 1867 и 1884 годовъ они никогда не прощали Гладстону и любопытный консервативный памфлетъ трехъ звѣздочекъ [3]) довольно вѣрно передаетъ чувства своей партіи къ творцу избирательной реформы, когда говоритъ [2]): «по истинѣ, кто можетъ такъ дѣйствовать противъ своей страны. тому слѣдуетъ быть удаленнымъ отъ свѣта и людей такъ,- чтобы даже тѣнь его имени навсегда погрузилась во мракъ забвенія». Три звѣздочки обрушиваются на Гладстона за проведенный имъ принципъ: «одинъ человѣкъ—одинъ вотумъ»,— такъ какъ по ихъ мнѣнію этотъ принципъ можетъ разрушить британскую имперію [3]). Никакого добра, говоритъ памфлетъ, нельзя ждать отъ переполненія палаты уличными политиками [4]).

Три звѣздочки, при всей ихъ суровой рѣшительности, до такой степени являются перомъ консервативной партіи, что мы можемъ не останавливаться больше на характерѣ возраженій, приводившихся противъ гладстоновской реформы. Если у законопроэкта была оппозиція, то у него же была и поддержка, и притомъ очень сильная. Прежде всего либералы единодушно ее поддерживали; за ними шли парнеллиты. Нѣтъ нужды много говорить, почему Парнель считалъ своимъ долгомъ стоять на сторонѣ премьера: билль Гладстона увеличивалъ число англійскихъ избирателей на 1.300.000 человѣкъ, шотландскихъ на 200.000 человѣкъ и ирландскихъ на 400.000 человѣкъ. Въ общемъ же вмѣсто прежнихъ трехъ милліоновъ избирателей, новый билль давалъ Великобританіи пять милліоновъ [5]). Реформа, глубоко демократизующая все государственное устройство, въ особенности должна была отозваться на Ирландіи: здѣсь впервые допускалось къ избирательной урнѣ 400.000 бѣднѣйшихъ гражданъ. Конечно эти новые голоса должны были могущественно содѣйствовать росту парнеллизма. Противъ соединенныхъ усилій либераловъ и парнеллитовъ консерваторы

---

[1]) Рѣчь Гладстона (Parliam. Debates, 1884, (см. 1-ый т. сессіи, зас. 29 февраля).

[2]) M-r W. E. Gladstone, a life misspent, a series of letrets to and on the ubove by *** (London 1893) стр. 90, глава: The right honorable and the house of commons and electorate.

[3]) Три звѣздочки, стр. 90: one man, one vote can crush the empire.

[4]) Три звѣздочки, стр. 89.

[5]) Подсчетъ самого Гладстона. or, in the maiu fo the present aggregate constituency of the United Kingdom, now taken at 3.000.000 it will add 2.000.000 more. Рѣчь Гладстона, parliam. deb. 1884, 1 vol. сессіи, засѣд. 29 февраля).

устоять не могли, но все, что были въ состояніи сдѣлать съ цѣлью помѣшать осуществленію реформы, они сдѣлали. Имѣла мѣсто даже попытка исключить Ирландію изъ сферы воздѣйствія новаго закона, но она осталась вполнѣ безуспѣшной *).

Пораженіе, понесенное консерваторами, не помѣшало имъ поднять вопросъ о томъ, когда билль долженъ войти въ силу? Парнеллиты и правительство хотѣли, чтобы какъ можно скорѣе, а консерваторы предлагали **) отложить до 1887 года,—и опять потерпѣли неудачу. Наконецъ, билль прошелъ въ трехъ чтеніяхъ и поступилъ въ палату лордовъ; здѣсь его отвергли, но когда по всей странѣ стали устраиваться митинги и печататься адресы негодованія, направленные противъ верхней палаты, и когда Гладстонъ обнаружилъ непоколебимое желаніе провести свой проэктъ во что бы то ни стало,—лорды въ Декабрѣ 1884 года приняли билль. Весною 1885 года избирательная реформа была дополнена закономъ о распредѣленіи мандатовъ **), по которому Англія и Уэльсъ получили право выбирать 495 депутатовъ ***), Шотландіи 72 и Ирландія 103 (по прежнему); въ общемъ палата должна была состоять изъ 670 депутатовъ.

Хотя, какъ ужъ было сказано, для Парнеля эта реформа была всецѣло нужна и выгодна, но онъ ограничился исключительно пассивною ея поддержкой. Онъ не сблизился съ Гладстономъ, хотя почва для этого была самая благопріятная; онъ держалъ себя по отношенію къ кабинету, какъ временный и случайный союзникъ, на доброе отношеніе котораго въ будущемъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія разсчитывать. Повидимому, со времени убійства въ Фениксъ-Паркѣ и послѣдовавшаго затѣмъ разрыва между парнеллитами и правительствомъ, Парнель покинулъ всякое намѣреніе сблизиться съ кабинетомъ Гладстона. Низвергнуть премьера собственными силами онъ не могъ; союза съ консерваторами для спеціальной цѣли низвергнуть министерств онъ до 1885 года не искалъ. Но 1884 годъ съ его избирательною реформою такъ расширилъ пропасть, отдѣлявшую консерваторовъ отъ либеральнаго кабинета и такъ обострилъ отношенія партій, что немедленное удаленіе Гладстона отъ власти стало на очередь среди другихъ пунктовъ практической программы торіевъ. Въ виду этого временная торійско-парнеллитская комбинація для низверженія министерства перестала съ самой весны 1885 года считаться невозможностью. Дѣла кабинета къ тому же приходили все болѣе и болѣе въ затруднительное положеніе. Побѣда генерала Комарова надъ афганцами при Кушкѣ страшно осложнила русско-англійскія отношенія; возстаніе Араби-паши

*) The three reforms of parliament by W. Heaton (London 1885), стр. 233.

**) Annual Register 1884, стр. 125.

***) См. текстъ закона; The redistribution of seats act (48 и 49 парл. Викторіи Parl. Deb. 25 іюня 1885); полностью напеч. также въ приложеніи къ книгѣ Heaton'a (The three reform, стр. 280).

****) Цифры въ текстѣ закона, l. c. стр. 303.

въ Египтѣ разрослось до необычайныхъ размѣровъ, на министерство посыпались обвиненія и въ парламентѣ [1]), и внѣ его [2]); говорили объ излишней уступчивости англійской политики, о необходимости имѣть болѣе энергичныхъ руководителей внѣшнихъ дѣлъ. Большинство въ палатѣ еще было въ распоряженіи правительства, но общественное мнѣніе явно охладѣвало къ нему.

Въ 1885 году истекалъ трехлѣтній срокъ дѣйствія билля о предупрежденіи преступленій въ Ирландіи, изданнаго послѣ убійства Борка и Кавендиша; ирландскую партію очень интересовало, будетъ ли билль продолженъ. Премьеръ удовлетворилъ этому любопытству 15 мая, когда онъ по поводу интерпелляціи Бульвера заявилъ, что главныя положенія билля будутъ скоро предложены опять на разсмотрѣніе палаты, чтобы сдѣлать ихъ окончательнымъ закономъ [3]). Тогда Парнель сталъ быстро сближаться съ консерваторами. Правда, для побѣды нуженъ былъ особенно счастливый случай, и то результаты ея могли быть сомнительны, но все устроилось такъ, какъ желалъ Парнель. Его партія [4]) въ полномъ составѣ присутствовала на засѣданіяхъ, поджидая удобнаго времени для предложенія вотума недовѣрія,—и случай представился: 8-го іюня обсуждался министерскій проэктъ о налогахъ на спиртные напитки. Вопросъ нельзя было назвать особенно животрепещущимъ, и поэтому далеко не всѣ либералы находились въ палатѣ. Пренія Гладстона съ оппозиціей приняли неожиданно очень страстный характеръ, парнеллиты обрушились на проэктъ съ поразительною для такого сюжета горячностью [5]), консерваторы поддержали ихъ, и вопросъ былъ немедленно поставленъ на баллотировку. За проэктъ высказалось 252 человѣка, противъ него 264 (изъ этихъ 264-хъ—225 консерваторовъ и 39 парнеллитовъ) [6]). Правительство осталось въ меньшинствѣ, и Гладстонъ на другой же день подалъ прошеніе объ отставкѣ.

Согласно съ конституціонными обычаями Викторія поручила главѣ оппозиціи маркизу Салисбюри сформировать кабанетъ. Все это было такъ неожиданно, что и въ Англіи, и на континентѣ многіе думали, что Гладстонъ все-таки останется у власти, несмотря на случайное пораженіе. Либеральное большинство было на лицо, такъ что министерство могло продержаться. Но Гладстонъ сразу и наотрѣзъ отказался. Можетъ быть онъ дѣйствительно хотѣлъ, какъ предпола-

---

[1]) Parliamentary Deb. 1885, vol. 297 (5-ый т. сессіи), стр. 1474; этотъ же томъ стр. 32, 33, 34; Parl. Deb. томъ 295 (3-ій т. сессіи) стр. 1085, 1086.

[2]) Times, 18—25 march 1885; 1—18 Apr. 1885.

[3]) Рѣчь Гладстона, Parliament business othe house (Parl. Deb., томъ 298-й 6-й т. сессіи, стр. 627-я.

[4]) Она состояла изъ 39 человѣкъ (въ 1885 г.), такъ какъ дополнительные выборы въ Ирландіи неизмѣнно кончались въ пользу парнеллитовъ.

[5]) См., напр., пререканія Сюлливана и Гладстона о пивѣ и виски. (Parliam. Debates, 298 т., стр. 1.510.

[6]) Parl. Deb. т. 298, стр. 1510—11.

гали нѣкоторые вліятельные органы *), избавиться отъ внутреннихъ и внѣшнихъ затрудненій и свалить запутанныя дѣла на плечи маркиза Салисбюри, можетъ быть ему хотѣлось предъ близкими выборами занять мѣсто оппозиціи, мѣсто въ такихъ случаяхъ болѣе удобное, и обезпечить за собою въ будущей палатѣ рѣшительное большинство, но, такъ или иначе, а либеральный кабинетъ ушелъ.

Консерваторы и парнеллиты остались лицомъ къ лицу; до выборовъ нужно было подождать нѣсколько мѣсяцевъ, и эти мѣсяцы Салисбюри могъ держаться только если онъ имѣлъ опору въ парнеллитахъ. И вотъ началась погоня правительства за благосклонностью Парнеля. Прежде всего, послѣдовало назначеніе намѣстникомъ Ирландіи графа Кэрнарвона; Кэрнарвонъ тотчасъ послѣ пріѣзда на мѣсто назначенія объявилъ, что его задача заключается въ примиреніи Ирландіи съ англичанами. Чтобы понять значеніе этихъ словъ, нужно вспомнить что они были сказаны черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ знаменитаго путешествія въ Ирландію принца Уэльскаго, когда наслѣдникъ престола былъ много разъ встрѣченъ самыми несомнѣнными признаками вражды **). Ясно было, что министерство Салисбюри желаетъ непремѣнно выиграть расположеніе ирландской партіи: Далѣе, 14 августа (1885 г.) кончался трехлѣтній срокъ билля о предупрежденіи преступленій, того самого билля, за возобновленіе котораго громогласно высказался павшій премьеръ. Салисбюри сразу заявилъ, что онъ этого закона возобновлять не будетъ и, дѣйствительно, сдержалъ слово. Наконецъ, прошелъ черезъ палату съ замѣчательной быстротой билль, касавшійся облегченія для ирландскихъ фермеровъ пріобрѣтенія земли изъ государственнаго земельнаго фонда.

Въ срединѣ августа парламентъ былъ распущенъ, выборы были назначены на декабрь. Выборная кампанія началась тотчасъ же послѣ закрытія парламента и отличалась особенною живостью и энергіей всѣхъ трехъ партій, принимавшихъ въ ней участіе. Либералы желали отнять власть у консерваторовъ; консерваторы — создать прочное большинство; парнеллиты надѣялись пройти въ такомъ количествѣ, чтобы имѣть возможность держать въ своихъ рукахъ либераловъ и торіевъ, склоняясь то на ту, то на другую сторону ***).

*) См., напр., франц. «Temps», 11 іюня 1885.

**) Напр. при его встрѣчѣ вмѣсто офиціальнаго гимна: «Боже спаси королеву»,— пѣли: «Боже, спаси Ирландію»; слышались свистки. Въ Коркъ, представителемъ котораго состоялъ Парнель, принцъ не поѣхалъ вслѣдствіе угрожающаго настроенія народа.

***) Политическій моментъ изображенъ въ большой карикатурѣ Punch'а (см. «Punch» 5-го декабря 1885, стр. 271). Нарисованы Гладстонъ, Салисбюри и Парнель въ видѣ трехъ макбетовскихъ вѣдьмъ; вѣдьмы ведутъ между собою діалогъ о положеніи дѣлъ въ будущемъ и настоящемъ. Вѣдьма, изображающая Парнеля, говоритъ, чтобы двѣ другія не безпокоились ни о чемъ: она уже позаботится о томъ, чтобы держать ихъ въ равновѣсіи.

Агитація всѣми тремя группами велась тѣмъ болѣе горячо, что не было рѣшительно никакой возможности предугадать результаты голосованія. Либералы имѣли много шансовъ вслѣдствіе проведенной только что демократической реформы; консерваторы—вслѣдствіе неудачной внѣшней политики либераловъ. Парнель обставилъ дѣло такъ, что въ этотъ предвыборный сезонъ консервативная партія, знавшая до какой степени онъ ненавидитъ либераловъ, все таки вполнѣ опредѣленно нé могла сказать, будетъ ли ирландскій лидеръ ее поддерживать *).

Загадочность положенія заставила консервативный кабинетъ прибѣгнуть къ переговорамъ съ Парнелемъ. Намѣстникъ Ирландіи лордъ Кэрнарвонъ имѣлъ свиданіе съ нимъ; о чемъ было говорено во время этого свиданія, до сихъ поръ опредѣленно неизвѣстно. Впослѣдствіи Парнель утверждалъ, что Кэрнарвонъ именемъ лорда Салисбюри обѣщалъ Ирландіи особый парламентъ и радикальную земельную реформу, въ случаѣ если Парнель будетъ поддерживать консерваторовъ во время выборовъ и послѣ нихъ. Кэрнарвонъ отрицалъ это и говорилъ, что онъ опредѣленныхъ обѣщаній не давалъ, а такъ только, разговаривалъ о гомрулѣ. Въ виду того, что Парнель и Кэрнарвонъ имѣли удовольствіе бесѣдовать другъ съ другомъ tête-à-tête,—споръ этотъ врядъ ли окончательно разрѣшимъ; такъ или иначе, все поведеніе кабинета по отношенію къ парнеллитамъ заставляетъ думать, что заключеніе союза съ ирландцами на извѣстныхъ условіяхъ входило въ миссію Кэрнарвона.

А Парнель, дѣйствительно могъ въ это время дорого продать свой союзъ. Оваціи, которыя ему устраивались во всѣхъ избирательныхъ округахъ, показывали, что его кандидаты имѣютъ полное основаніе надѣяться на побѣду. За его благосклонностью гнался маркизъ Салисбюри; съ нимъ въ примирительномъ тонѣ заговаривали либеральныя газеты и либеральные политики. Въ такіе моменты у самыхъ далекихъ отъ компромисса дѣятелей можетъ явиться тенденція до поры до времени не подчеркивать наиболѣе радикальные пункты своей программы, скорое осуществленіе которой можно предвидѣть. Но если мы присмотримся къ образу дѣйствій Парнеля осенью 1885 года, то увидимъ, что онъ ни на іоту не смягчилъ общаго тона своего поведенія. Онъ являлся предъ своею страной въ качествѣ побѣдителя. Земельный билль 1880 года, билль о покупкѣ земли фермерами 1885 года, смѣна Форстера, смѣна лорда Спенсера, назначеніе Кэрнарвона—вотъ были вполнѣ осязательные плоды его дѣятельности. Но мало того, не въ матеріальныхъ пріобрѣтеніяхъ, не въ политикѣ результатовъ лежалъ центръ тяжести пар-

*) См. Sir Richard Temple, life in parliament being the experience of a member in the house of commons from 1886 to 1892 inclusive. (Lond. 1893) Вотъ что пишетъ этотъ консерваторъ:... *The balance was held by the irish party...*; but their attitide was *very dubious*.

нелевскаго престижа: своею обструкціей, упорной борьбой съ Гладстономъ, умѣлымъ лавированіемъ между двухъ великихъ англійскихъ фракцій, онъ низвергнулъ либеральное министерство и заставилъ консерваторовъ смотрѣть на ирландцевъ, какъ на желанныхъ союзниковъ, безъ которыхъ немыслимо оставаться у власти. Вмѣсто ничтожной группы, разрозненной и вялой, вмѣсто полутора десятка джентльменовъ Исаака Бьюта, онъ сформировалъ небольшую, всего въ 39 человѣкъ, но дисциплинированную партію, съумѣвшую заставить считаться съ собой. Наконецъ, онъ и онъ одинъ повысилъ политическіе и экономическіе идеалы страны, поднялъ духъ ирландскаго народа и, впервые послѣ О'Коннеля, т. е. послѣ промежутка въ сорокъ лѣтъ заставилъ Европу смотрѣть на Ирландію, какъ на страну съ національнымъ самосознаніемъ, съ историческимъ прошлымъ и съ готовностью бороться за лучшее будущее.

Вотъ что могъ отвѣтить Парнель на вопросъ, чѣмъ ему обязана Ирландія. Но, повторяемъ, врядъ ли можно опредѣленно уяснить себѣ, почему онъ такъ сразу сталъ первымъ человѣкомъ въ Ирландіи, почему народъ вѣрилъ ему почти такъ же, какъ св. Патрику, почему не только молодежь, но и пожилые люди приходили въ неистовое возбужденіе отъ восторга, когда онъ произносилъ всегда ровнымъ и спокойнымъ голосомъ свои рѣчи на митингахъ и собраніяхъ. Причины той власти, какую онъ съ самаго начала получилъ надъ милліонами людей, кроются въ значительной мѣрѣ въ условіяхъ массовой психологіи, которая еще слишкомъ темна и неизвѣстна. Мы можемъ со словъ лицъ, предъ которыми прошла жизнь Парнеля, констатировать самый фактъ—и только.

Имѣя за собою поддержку всей страны, онъ никогда не соблазнялся заискиваніями англійскихъ партій и, какъ уже было замѣчено, въ 1885 году также не думалъ пойти имъ навстрѣчу, скрадывая наиболѣе непріятные термины своего политическаго символа. Реформа 1884 года еще усиливала его могущество и увѣренность въ себѣ. Нельзя оспаривать тѣхъ государствовѣдовъ, которые говорятъ *), что эта реформа сдѣлала палату общинъ «народной палатой», а въ народной палатѣ народный любимецъ могъ ожидать увидѣть себя сильнымъ человѣкомъ. И Парнель высказывался самымъ положительнымъ образомъ въ пользу полной независимости Ирландіи отъ Англіи, независимости, идущей дальше самоуправленія. «Никто не имѣетъ права,—повторялъ онъ,—сказать своей странѣ: вотъ до какихъ поръ ты должна идти, а дальше не смѣй! Я никогда не пытался ставить грань (to fix the plus ultra) успѣхамъ ирландской національности и никогда не буду пытаться это дѣлать». Добровольнаго съуженія идеаловъ онъ боялся

*) См. Iames Murdoh, History of the constitutional reform (London 1885). стр. 401: the act of 1884 admitting the agricultural and mining classes has made the house of commons in reality *the people's house.*

больше всего. 24 августа въ Дублинѣ Парнелю дали банкетъ и онъ произнесъ на немъ большую рѣчь, въ которой благодарилъ свою партію за все, что она сдѣлала въ послѣднія пять лѣтъ, и обращалъ вниманіе присутствующихъ на то, что коренная задача ждетъ своего разрѣшенія. Ирландія еще не имѣетъ особаго парламента. «Я убѣжденъ,—сказалъ онъ,—что единственная наша великая работа въ новой палатѣ заключается въ возстановленіи нашего собственнаго, національнаго парламента *). Но когда мы получимъ его, каковы будутъ его задачи? Мы требуемъ себѣ особаго парламента, чтобы уничтожить несправедливыя изгнанія фермеровъ съ земли, угнетеніе со стороны лендлордовъ, и чтобы сдѣлать каждаго фермера собственникомъ его участка. Вотъ зачѣмъ намъ нуженъ парламентъ прежде всего. Мы требуемъ его еще и затѣмъ, чтобы поднять промышленность въ нашей странѣ и чтобы не только земледѣльцы, но и ремесленники и городскіе рабочіе имѣли возможность жить и дышать. Итакъ, намъ предстоитъ много дѣла и въ англійской палатѣ общинъ—временно, и въ будущей ирландской палатѣ—постоянно. Я надѣюсь, что у насъ будетъ только одна палата а палаты лордовъ не будетъ!» **).

За этой рѣчью слѣдовали другія, въ которыхъ Парнель настаивалъ на необходимости закрыть Ирландію для ввоза англійскихъ продуктовъ; это онъ считалъ однимъ изъ важнѣйшихъ дѣлъ, предстоящихъ будущему ирландскому парламенту. Этотъ тонъ вывелъ изъ себя англійскую прессу, еще очень недавно старавшуюся ласково относиться къ парнеллизму, чтобы привлечь его благосклонное вниманіе: «Daily News» съ горечью вопрошала, намѣрены ли и впредь консерваторы и либералы сносить «тираннію» Парнеля ***)? «Manchester Guardian» надѣялся, что нѣтъ въ Англіи партіи, которая не заклеймитъ дерзость ирландскаго лидера. «Standart» считалъ себя вынужденнымъ заявить, что просто позоръ (a shame) для либераловъ и торіевъ ссориться на потѣху и пользу опаснаго врага.

Но Парнель, не взирая на эти рѣчи, нашелъ въ себѣ рѣшимость повторить свои слова 5-го октября въ Уиклоу. Здѣсь онъ къ раньше высказаннымъ мыслямъ прибавилъ очень любопытное поясненіе: онъ сказалъ, что ни за что не помирится на какой-нибудь пустой уступкѣ, если, напримѣръ, Ирландіи дадутъ парламентъ съ ограниченными правами: ирландская палата должна имѣть безусловную власть въ дѣлахъ острова. Она должна получить, между прочимъ, право облагать чужіе (т. е. и англійскіе) продукты какими угодно высокими пошлинами. Другими словами онъ требовалъ полнѣйшаго политическаго и экономическаго отдѣленія Ирдандіи отъ Англіи.

Часть либераловъ сразу возстала противъ Парнеля; цѣна союза казалась слишкомъ высокой. Лордъ Гартингтонъ на одномъ изъ митинговъ

*) См. отчетъ въ «Times», 25 aug. 1885.

**) For I hope it will be a single chamber etc. «Times», 25 aug. 1885.

***) «Daily News» 26—30 aug. 1885.

въ своемъ избирательномъ округѣ заявилъ, что такой гомруль, котораго желаетъ Парнель, немыслимъ, и что ирландцы его не получатъ. Тогда Парнель въ новой рѣчи замѣтилъ: «Я думаю, что если хотятъ сдѣлать для насъ невозможнымъ полученіе гомруля, то мы сдѣлаемъ невозможными всѣ дѣла» *). Угроза обструкціей, даже при измѣненныхъ парламентскихъ правилахъ, была не шуткой въ устахъ этого человѣка и произвела большое впечатлѣніе на либераловъ. Консерваторы тоже порицали революціонизмъ Парнеля, но не такъ рѣшительно, какъ либералы: они болѣе страшились результатовъ голосованія.

Чѣмъ ближе подходили выборы, тѣмъ мягче становилось отношеніе обѣихъ боровшихся фракцій къ Парнелю: либералъ Морлей **) заявилъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ ирландскаго самоуправленія въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Либералъ Чайльдерсъ выразилъ мнѣніе, что ирландцы могутъ управляться какъ пожелаютъ, лишь бы таможенная политика находилась въ рукахъ англичанъ. Но Гладстонъ не любилъ вступать въ откровенныя сдѣлки подъ вліяніемъ необходимости и 17 ноября онъ объявилъ на собраніи въ Уэстъ-Кэльдерѣ ***), что Парнель, пока только Парнель и отождествлять его съ Ирландіей не слѣдуетъ; пусть Ирландія выскажется во время голосованія и тогда можно будетъ обсуждать такіе важные вопросы, какъ вопросъ о гомрулѣ. Черезъ четыре дня послѣ заявленія Гладстона, 21 ноября, Парнель издалъ манифестъ, въ которомъ дѣлалъ воззваніе къ Ирландіи, чтобы она голосовала противъ либераловъ безусловно. Что касается до лорда Салисбюри, то онъ не допустилъ такой неосторожности, какъ Гладстонъ. 7-го октября въ Ньюпортѣ и въ ноябрѣ въ другихъ мѣстахъ онъ, не высказываясь въ пользу гомруля, такъ хорошо построилъ свою рѣчь, что, съ одной стороны, никакой сотрудникъ «Times'а» не могъ найти тамъ ничего противорѣчащаго имперіализму, а съ другой — никакой парнеллитъ не былъ въ состояніи обвинить маркиза во враждѣ къ идеѣ ирландскаго самоуправленія.

Въ декабрѣ состоялись выборы; либераловъ было выбрано 335 человѣкъ, консерватовъ 249 и парнеллитовъ 86 (вмѣсто прежнихъ 39-ти). Если бы Парнель примкнулъ къ консерваторамъ, тогда либераловъ, съ одной стороны, и соединенныхъ парнеллитовъ и торіевъ съ другой было бы поровну, по 335 человѣкъ, и правительство Салисбюри могло бы кое-какъ продержаться; если бы онъ сталъ на сторону Гладстона, тогда консерваторы немедленно должны были бы уйти отъ власти. Цѣль Парнеля была достигнута; онъ являлся господиномъ положенія.

Евг. Тарле.

(Окончаніе слѣдуетъ)

---

*) Annual Register 1885, стр. 149. (Изд. Lond. 1886).

**) Объ отношеніяхъ къ Ирландіи см. между прочимъ De Labra, Estudios biografico-politicos, Madrid 1887, стр. 349.

***) Annual Register, 180 (1885). Рѣчь Гладстона.

*
* *

Въ часъ ночи поздній и ненастный,
Въ пустынной улицѣ порой,
Поднявши взоръ свой безучастный,
Я вижу свѣтъ передъ собой.

—

Тамъ высоко, во мглѣ туманной
Мигаетъ блѣдный огонекъ,
Онъ кротокъ, какъ привѣтъ нежданный
И такъ уныло-одинокъ.

—

Меня невольно привлекаетъ
Его неясный, блѣдный свѣтъ,
Тому, кого онъ озаряетъ,
Я сердцемъ шлю нѣмой привѣтъ.

—

Быть можетъ, въ этой жизни блѣдной
Судьба насъ не сведетъ съ тобой
И оба мы пройдемъ безслѣдно,
Исчезнемъ, какъ туманъ ночной,

—

Но въ этотъ мигъ я понимаю
Тебя, мой неизвѣстный другъ,
Съ тобой люблю, съ тобой страдаю,
Мнѣ близокъ тайный твой недугъ.

—

За всю любовь, за всѣ мученья,
Мой братъ усталый и больной,
Я шлю тебѣ благословенья
Среди ненастья, въ часъ ночной.

Allegro.

РЁСКИНЪ И РЕЛИГІЯ КРАСОТЫ.

Роберта Сизеранна.

Переводъ съ французскаго.

Продолженіе *).

Глава III.

Искренность.

При такой широкой и многообразной дѣятельности, этотъ человѣкъ улыбается даже въ минуты страданія, привлекателенъ даже въ своемъ деспотизмѣ и благороденъ даже въ ненависти. Мы видѣли его въ порывахъ экстаза, когда онъ напоминалъ одну изъ фигуръ Анжелико, ослѣпленную цвѣтами на какомъ-нибудь лугу. Мы видѣли его въ пылу битвы, когда онъ напоминалъ одного изъ героевъ Микель Анджело, останавливающаго силою своихъ желѣзныхъ мускуловъ напоръ цѣлой толпы. Посмотримъ на него теперь, какъ смотрятъ на фигуры Гольбейна, до такой степени спокойныя и ясныя, что на ихъ лицахъ можно разсмотрѣть сѣть мельчайшихъ морщинокъ. Быть можетъ, наблюдая его въ частной жизни, въ личныхъ непосредственныхъ отношеніяхъ, мы найдемъ, что и о немъ Данте могъ бы сказать: «И если бы люди узнали, какое сердце билось въ немъ, преклоненіе, которымъ его окружали, смѣнилось бы еще болѣе глубокимъ преклоненіемъ».

Но люди не узнали этого. Ихъ тревожилъ этотъ вѣчно боровшійся энтузіастъ, и они упрекали его въ нетерпимости, ихъ возмущала наивная радость, съ какою онъ возвѣщалъ новыя истины и новую красоту, и они обвиняли его въ гордости. Съ одинаковымъ увлеченіемъ онъ переходилъ отъ одного открытія къ другому, а его уличали въ противорѣчіяхъ; его преклоненіе предъ всѣми великими произведеніями называли непостоянствомъ, его рвеніе—деспотизмомъ, великодушіе—эгоизмомъ. Но кто хочетъ понятно и вѣрно опредѣлить эти особенности, тотъ употребитъ одно лишь слово, которое характеризуетъ всего Рёскина и составляетъ третью отличительную черту его личности,—искренность.

---

*) См. «Міръ Божій», № 1, январь.

«Быть ἐλεύθερος, свободнымъ, или искреннимъ,—говоритъ онъ,—значитъ научиться управлять своими страстями и, убѣдившись, что поступаешь правильно, стоять на своемъ, не смущаясь ничѣмъ, ни общественнымъ мнѣніемъ, ни страданіями, ни радостями. Пренебрегать мнѣніемъ толпы, угрозами противниковъ и искушеніемъ дьявола, вотъ что всякій великій народъ называетъ *быть свободнымъ*. И единственное условіе этой внутренней свободы указано въ псалмахъ: «Я свободенъ, ибо я слѣдовалъ Твоими путями».

Эта грубая прямота въ отношеніяхъ къ другимъ заставляетъ его иногда утрачивать всякое чувство мѣры и забывать всякую вѣжливость. Когда одинъ изъ читателей говоритъ ему, что его произведенія очень заинтересовали его, Рёскинъ рѣзко отвѣчаетъ: «Мнѣ нѣтъ ни малѣйшаго дѣла, интересуютъ ли они васъ! Принесли ли они вамъ пользу,—вотъ что важно».—Одна дама, предсѣдательница общества борьбы за эмансипацію женщинъ, обратилась къ нему съ просьбою о поддержкѣ. «Вы просто глупы съ этимъ вашимъ обществомъ!»—грубо отвѣчаетъ онъ. Студенты Гласго, желающіе избрать его ректоромъ вмѣсто м-ра Фаусетта и маркиза Бута, обращаются къ нему съ просьбою выяснить свои политическія убѣжденія или, по крайней мѣрѣ, сказать, за кого онъ подаетъ голосъ—за Дизраэли или за Гладстона. «Какое вамъ, чортъ возьми, дѣло до Дизраэли и Гладстона?»—пишетъ онъ имъ въ отвѣтъ.—«Вы—студенты университета, и политикой вы должны интересоваться не больше, чѣмъ охотой на крысъ! Если бы вы когда-нибудь прочли и поняли хоть десять строкъ изъ того, что я писалъ вы бы знали, что для меня м-ръ Дизраэли и м-ръ Гладстонъ все равно, что двѣ старыя волынки, и я ровно столько же о нихъ думаю, но что либерализмъ я ненавижу, какъ Вельзевула, и одинъ во всей Англіи, кромѣ Карлейля, стою за Бога и королеву!»

Онъ говоритъ все, что думаетъ, не заботясь о впечатлѣніи, какое это можетъ произвести, не щадя даже своихъ поклонниковъ. Одно духовное лицо, вошедшее въ долги при постройкѣ церкви въ Ричмондѣ, обратилось къ нему за помощью. Вотъ письмо, которое посылаетъ ему Рёскинъ въ отвѣтъ:

«Брантвудъ, Конистонъ, Ланкаширъ, 19 мая 1886 г.

«Милостивый государь!

«Вы меня очень насмѣшили, обратившись именно ко мнѣ, человѣку, менѣе всѣхъ расположенному дать вамъ хоть одинъ фартингъ! Первое, что я говорю всѣмъ, кто придаетъ значеніе моимъ совѣтамъ, какъ взрослымъ, такъ и дѣтямъ: «Не дѣлайте долговъ! Умирайте съ голоду—вы попадете въ рай,—но не занимайте. Пробуйте раньше просить милостыню,—я не запретилъ бы даже украсть, въ случаѣ дѣйствительной крайности. Только не покупайте вещей, за которыя вы не можете заплатить!» И изъ всѣхъ видовъ должниковъ самые ненавистные для меня глупцы—это благочестивые люди, строющіе церкви, не имѣя чѣмъ

заплатить за нихъ. Развѣ вы не можете молиться и проповѣдывать во дворѣ, въ каменоломнѣ, въ угольномъ сараѣ?

«А изъ всѣхъ скверно построенныхъ церквей, желѣзныя церкви по моему хуже всѣхъ.

«И изъ всѣхъ религіозныхъ сектъ, нуждающихся въ храмахъ: индусовъ, турокъ, идолопоклонниковъ, почитателей Мумбо-Жумбо или огнепоклонниковъ,—ваша теперешняя евангелическая секта самая невозможная, нелѣпая и невыносимая! Все это можно найти въ моихъ книгахъ, и членъ всякой другой секты, кромѣ вашей, сдѣлалъ бы это, вмѣсто того, чтобы заставлять меня писать вторично.

«Не смотря на все это, вашъ покорный слуга

«Джонъ Рёскинъ».

Вотъ шероховатая сторона этой искренности; тутъ мы находимъ больше терніевъ, чѣмъ полезной, хорошей травы. Надо, впрочемъ, отмѣтить, что, нападая на другихъ, Рёскинъ не щадитъ и себя. Очень часто въ *Praeterita* онъ говоритъ о глупостяхъ и безумствахъ своей молодости, смѣется надъ напыщеннымъ стилемъ *Современныхъ Живописцевъ*; говоритъ, что если бы въ то время ему пришлось сообщить кому-нибудь, что его домъ горитъ, онъ никогда не сказалъ бы: «Сэръ, вашъ домъ горитъ», а навѣрно началъ бы такъ: «Сэръ, то жилище, въ которомъ, какъ мнѣ извѣстно, протекали лучшіе годы вашей жизни, объято пламенемъ»... Онъ смѣло перепечатываетъ неудачныя мѣста, охотно признается въ своихъ ошибкахъ; выразившись съ своей обычной безцеремонностью о Гладстонѣ, не зная его какъ слѣдуетъ, онъ въ слѣдующемъ же изданіи вычеркиваетъ всѣ рѣзкія фразы, но оставляетъ пустое мѣсто, въ воспоминаніе, какъ онъ говоритъ, несправедливаго мнѣнія. Сознавая свои недостатки, онъ признаетъ и безсиліе литературы вообще. Въ 1870 году друзья убѣждаютъ его написать прусскому королю въ надеждѣ спасти отъ нѣмецкихъ пушекъ готическіе соборы Франціи, которыми Рёскинъ такъ восхищался; но онъ рѣшительно отказывается, называя своихъ друзей «фальшивыми друзьями, которые воображаютъ, будто писатель имѣетъ какое-то право предстательства» передъ германскимъ государемъ, далеко не отличающимся сантиментальностью. Въ то же время онъ вмѣстѣ съ епископомъ Манингомъ, Джономъ Леббокомъ и Гёксли устраиваетъ подписку для снабженія Парижа припасами.

Наконецъ, въ тотъ день, когда онъ приходитъ къ убѣжденію, что критика искусства не можетъ серьезно содѣйствовать процвѣтанію искусства, не можетъ даже передать впечатлѣнія отъ великаго произведенія искусства, онъ открыто объявляетъ это, не смущаясь тѣмъ, что подобное заявленіе можно обратить противъ него же, противъ тѣхъ тридцати томовъ, въ которые онъ вложилъ всю свою жизнь. «Вы пригласили меня говорить съ вами объ искусствѣ, — начинаетъ онъ, — и повинуясь вамъ, я пришелъ. Но прежде всего я долженъ сказать вамъ,

что объ искусствѣ совсѣмъ не надо говорить. Ни одинъ великій художникъ никогда не говоритъ, никогда не говорилъ много о своемъ искусствѣ. А величайшій не говоритъ ничего»... Это одна изъ многихъ фразъ, за которую Рёскина упрекали въ противорѣчіи, называли автора *Камней Венеціи*—Боньи или Чемберленомъ въ эстетикѣ. И дѣйствительно, онъ противорѣчилъ себѣ, потому что въ разное время у него были разныя мысли относительно одного и того же предмета. Мы всѣ это испытываемъ на себѣ, только не признаемся въ этомъ. Кромѣ того, мы не начинаемъ печатать съ пятнадцати лѣтъ, и рѣдкіе изъ насъ продолжаютъ писать въ шестьдесятъ восемь лѣтъ, сохранивъ всю силу и ясность ума. Рёскинъ спѣшилъ высказывать то, что думалъ, и не переставалъ думать. Онъ началъ писать, не ожидая, чтобы мнѣнія его окончательно установились, и не бросилъ писать, когда они измѣнились. Онъ всегда устремлялся туда, гдѣ, какъ ему казалось, загорался новый свѣтъ. Онъ шелъ впередъ безъ опасеній и, не смущаясь, отступалъ, имѣя передъ собой одну цѣль—истину. Многіе проявили бы его неустойчивость, если бы обладали его искренностью. Каждый изъ насъ противорѣчитъ себѣ въ мысляхъ, не будемъ же осуждать его за то, что онъ противорѣчилъ себѣ и въ словахъ.

Но бываютъ случаи, когда его искренность сама по себѣ благотворна. Она открываетъ ему глаза на тѣ бѣдствія, которыя окружаютъ со всѣхъ сторонъ убѣжище дилеттанта, эстетика, и на его обязанность выйти оттуда и помогать имъ. Мы видѣли, какъ эта искренность приводила его къ желчнымъ выходкамъ, посмотримъ, какъ она приводитъ его къ дѣламъ любви. Въ мартѣ 1863 года, живя въ Альпахъ посреди спокойной, великолѣпной природы, Рёскинъ задается вопросомъ, имѣетъ ли онъ право мирно наслаждаться своей страстью къ природѣ. Онъ пишетъ одному изъ своихъ друзей. «Я живу въ полномъ уединеніи, а между тѣмъ я испытываю не больше спокойствія, чѣмъ если бы я лежалъ въ травѣ на полѣ сраженія, залитомъ кровью; стоитъ мнѣ приподнять голову, какъ до ушей моихъ достигаетъ крикъ земли. Я чувствую себя очень плохо; меня мучитъ съ одной стороны жажда покоя и счастливой жизни, а съ другой—этотъ страшный голосъ человѣческихъ преступленій, съ которыми надо бороться, и человѣческихъ бѣдствій, которымъ надо помогать»...

И онъ отрывается отъ эгоистическаго созерцанія; вспоминаетъ, что, кромѣ пейзажей, есть люди, и не только пейзажисты. Онъ не хочетъ больше любоваться Тернеромъ. Онъ читаетъ экономистовъ, находитъ нелѣпой ихъ идею всеобщаго благополучія и въ самомъ центрѣ манчестерства даетъ рѣшительную битву теоріи «laissez faire, laissez passer». Онъ пишетъ свои «*Fors Clavigera*»—ежемѣсячныя письма къ рабочимъ всѣхъ классовъ, и развиваетъ тамъ свои соціальныя идеи. Но онъ не изъ тѣхъ людей, которые принимаютъ слова за дѣла. Онъ открыто признаетъ, что ошибался, давая совѣты, вмѣсто того, чтобы пода-

вать примѣръ. Въ это именно время онъ основываетъ *Гильдію св. Георга*; жертвуетъ миссъ Октавіи Гилль дома для устройства жилищъ рабочихъ; оказываетъ помощь всякаго рода соціальнымъ предпріятіямъ. Наконецъ, наступаетъ день, когда оставленные ему отцомъ пять милліоновъ исчезаютъ, превратившись въ сокровища музеевъ и въ хлѣбъ въ лачугахъ. Тогда онъ принимается за своихъ Тернеровъ и бросаетъ ихъ въ бездну нищеты. Это даетъ возможность его почитателямъ устроить въ честь его благородную манифестацію и спасти отъ крушенія два, три лучшихъ произведенія. Имъ не удается спасти великолѣпнаго *Наполеона* Мейссонье, украшавшаго его комнату,—онъ исчезаетъ вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ. Пока у него остается хоть что-нибудь, онъ считаетъ, что сдѣлалъ мало, что не уплатилъ своего «долга».

Его жестокая искренность прорывается иногда наружу въ очень сильныхъ выраженіяхъ. «Я занимаюсь переустройствомъ міра,—говоритъ онъ однажды въ своей оксфордской квартирѣ одному изъ друзей,—а между тѣмъ мнѣ слѣдовало бы начать съ себя. Я хочу поступать, какъ св. Бенедиктъ, но прежде нужно было бы стать святымъ. А вмѣсто того я сижу здѣсь, любуясь Тиціаномъ и ковромъ Терки и пью чай,—при этомъ онъ налилъ себѣ вторую чашку,—сколько захочется».

«И мы замѣчаемъ это,—написала ему одна изъ его учениць.—Я войду въ Гильдію св. Георга, когда вы сами въ нее войдете. Вы внушаете намъ, кромѣ всего прочаго, исполнять свой долгъ по отношенію къ родинѣ, къ родной мѣстности, къ роднымъ полямъ—жить тамъ, обрабатывать ихъ. А гдѣ же,—простите мнѣ мою нескромность,—гдѣ же вашъ домъ, вашъ садъ? Я знаю,—вы покупали дома, но вы въ нихъ не живете. Чуть не каждый мѣсяцъ вы помѣчаете свои письма новыми мѣстами,—которыя для насъ всегда останутся прекрасной мечтой,—а мы между тѣмъ сидимъ по своимъ домамъ и заботимся о порученныхъ намъ живыхъ существахъ. И когда мы читаемъ ваши упреки, намъ кажется, что мы точно солдаты въ севастопольскихъ траншеяхъ, получающіе распоряженія отъ генерала, обѣдающаго въ своемъ Лондонскомъ клубѣ. Далѣе, я вполнѣ раздѣляю вашу ненависть къ желѣзнымъ дорогамъ, но я подозрѣваю, что иногда вы ими пользуетесь и ѣздите по нимъ. Я этого никогда не дѣлаю. Вы въ вашихъ книгахъ—точно священникъ на амвонѣ. Онъ можетъ упрекать свою паству, а паства не можетъ отвѣчать ему. Но вотъ она отвѣчаетъ!»

Противъ этого страстнаго нападенія онъ не защищается. Въ первомъ же номерѣ «Fors Clavigera» онъ помѣщаетъ письмо непримиримаго члена своей общины и отвѣчаетъ на него.

«Меня обвиняютъ въ томъ, что у меня нѣтъ своего «дома». Это болѣе, чѣмъ справедливо. Причина въ томъ, что мой отецъ, моя мать и моя кормилица умерли, что женщина, которую я надѣялся назвать своей женой,—умираетъ, что мѣстность, гдѣ я мечталъ жить, сдѣла-

лась совершенно необитаемой, благодаря жестокости сосѣдей, уничтожившихъ поля, безъ которыхъ я не могу думать, и свѣтъ, безъ котораго я не могу работать...

«Что касается желѣзной дороги, то я пользуюсь ею постоянно; немногіе, вѣроятно, пользуются ею чаще. Я стараюсь извлекать пользу изъ всего, что мнѣ доступно. Если бы дьяволъ очутился сейчасъ около меня, я употребилъ бы его въ качествѣ чернаго пятна на моей картинѣ. Мудрость заключается въ томъ, чтобы уничтожать то зло, какое можешь, и пользоваться неизбѣжнымъ зломъ въ возможно лучшихъ цѣляхъ. Я пользуюсь своей болѣзнью для такой работы, какой я пренебрегаю, пока здоровъ; я пользуюсь своими врагами, изучая на нихъ философію, благословенія и проклятія, а желѣзной дорогой—поскольку она можетъ служить мнѣ, ожидая съ надеждой то время, когда желѣзнодорожное полотно найдутъ погребеннымъ въ нашихъ англійскихъ поляхъ, какъ древній римскій лагерь».

Иронія—плохой отвѣтъ на этотъ крикъ горя, но онъ не скрываетъ ничего, что можетъ разжечь неослабѣвающій пылъ его враговъ.

Ту же благородную и смѣлую прямоту онъ вносилъ въ вопросы сердца и совѣсти, въ ту область невысказанныхъ чувствъ и неизвѣданныхъ сомнѣній, гдѣ всякій свѣтъ наноситъ рану, а всякая рана убиваетъ. Онъ примѣнялъ ее тамъ, куда всего труднѣе проникнуть анализу—въ любви и въ вѣрѣ. Въ своихъ *Praeterita* онъ въ холодныхъ и острыхъ, какъ сталь, словахъ, говоритъ о своей первой любви. «Я воображаю себѣ,—восклицаетъ онъ съ отчаяньемъ страстнаго человѣка,—чѣмъ бы я могъ стать, если бы въ тотъ день любовь была со мной, а не противъ меня, если бы я узналъ радость дозволенной любви, невыразимое счастье ея симпатіи, ея одобренья!» Но вслѣдъ затѣмъ онъ прибавляетъ, отдавая справедливость судьбѣ: «Такія вещи не случаются въ нашемъ мірѣ. Тѣхъ, кто способенъ на самую высокую страсть, всегда сокрушаютъ ея бурныя волны. Тихія и спокойныя воды находятъ въ ней люди другой породы...» Онъ сохранилъ еще свою вѣру, не ту, конечно, которую онъ почерпалъ въ чтеніи псалмовъ, подъ хернъ-хильскими кустами, а ту, какая явилась у него впослѣдствіи во время восхищенія Джорджемъ Гербертомъ и Ватландцами. Онъ не забываетъ, что однажды нарушилъ четвертую заповѣдь, совершивъ въ воскресенье экскурсію въ свои любимыя горы. И эта побѣда страсти къ природѣ надъ религіозными обязанностями осталась для него навсегда тяжелымъ воспоминаніемъ. Двѣнадцать лѣтъ спустя онъ осмѣлился рисовать въ воскресенье. Позднѣе, отвращеніе къ узкой прямолинейности сектъ, которыя его учили любить, знакомство съ красотами католицизма, который его учили ненавидѣть, и сомнѣнія, которыя сѣетъ на нашемъ пути наука,—все это вмѣстѣ привело его въ состояніе неувѣренности въ себѣ, обрисованное его ученикомъ Маллокомъ въ *Новой Республикѣ*. «Вѣрую ли я? Нѣтъ, такъ

какъ я въ то же время сомнѣваюсь. Раньше я могъ молиться каждое утро и принимался за свою дневную работу укрѣпленный и ободренный. Но теперь я не могу больше молиться... Вы унесли моего Бога и я не знаю, куда вы его спрятали...» По странной случайности, въ самый моментъ этихъ непрестанныхъ, тайныхъ страданій любовь придала ему силу заглянуть въ себя и придти съ своей обычной прямотой къ рѣшенію, котораго онъ больше всего боялся. Это было въ Оксфордѣ. Одна молодая женщина, пользовавшаяся его привязанностью и даже слывшая его невѣстой, умирала. Она была очень религіозна; за послѣдніе годы жизни эта религіозность особенно усилилась и она не хотѣла больше слышать о бракѣ съ «невѣрующимъ». Онъ попросилъ позволенія увидѣть ее послѣдній разъ. Тогда она спросила его: «Осталось ли въ васъ хоть настолько вѣры, чтобы сказать твердо, что вы любите Бога больше, чѣмъ меня?» Онъ внимательно всматривался въ глубь своего сознанія. Какъ морякъ во время труднаго пути, онъ не видѣлъ нигдѣ спасительнаго огня, ни на покинутыхъ имъ берегахъ пресвитерьянства, ни на берегахъ «католическаго христіанства», къ которымъ онъ присталъ нѣсколько лѣтъ спустя. Съ благородной, героической прямотой онъ отвѣтилъ: «Нѣтъ!» И дверь осталась для него закрытой.

Человѣкъ, признающійся съ такой искренностью въ своихъ недостаткахъ, безъ колебаній выражалъ радость по поводу своихъ дѣлъ, когда считалъ ихъ хорошими. Это также можно назвать скромностью, понимая подъ скромностью не то, что подразумѣваетъ подъ ней свѣтское лицемѣріе, а то, что подразумѣвалъ онъ самъ. Для Рёскина скромность состояла не въ томъ, чтобы сомнѣваться въ своихъ способностяхъ и не рѣшаться стоять за свои убѣжденія, а въ томъ, чтобы ясно понимать отношеніе между своими способностями и способностями другихъ людей и правильно оцѣнивать самого себя. «Такъ какъ скромность есть чувство *степени* и *границы*, то Арнольфо остается скромнымъ, говоря, что онъ можетъ выстроить прекрасный соборъ во Флоренціи, а Дюреръ, отвѣчая критику, нашедшему ошибку въ его картинѣ: «Этого нельзя сдѣлать лучше»; онъ ясно сознавалъ это и всякій другой отвѣтъ былъ бы неискрененъ. Истинно скромный человѣкъ прежде всего смотритъ на другихъ взглядомъ, полнымъ восторга; ему доставляетъ такое наслажденіе восхищаться дѣлами другихъ, что онъ не хочетъ тратить времени на стоны и вздохи о себѣ самомъ; въ то же время, испытавъ сладкое чувство удовлетворенія, онъ не боится любоваться на свои собственныя произведенія, какъ и на произведенія другихъ. Онъ говоритъ просто: «Кто бы ни сдѣлалъ это—вы, я или кто-нибудь другой, все равно!—это хорошо сдѣлано!»

Написавъ эти строки, Рёскинъ думалъ, что онъ только высказалъ свою мысль, но онъ проявилъ весь свой характеръ. Трудно найти человѣка, который былъ менѣе скупъ на восхищеніе и болѣе щедръ на

ободреніе. *Современные живописцы* были посвящены авторомъ не какому-нибудь принцу или великому писателю, а «Англійскимъ пейзажистамъ ихъ искреннимъ почитателемъ». «Сравнивая дѣятельность Рёскина, какъ критика,—пишетъ м-ръ Коллингвудъ,—съ дѣятельностью Жеффри и Жиффорда, вы увидите, что ошибки его всегда состояли въ томъ, что онъ слишкомъ легко ободрялъ, но никакъ не въ томъ, что онъ слишкомъ скоро разочаровывалъ». Въ глазахъ молодыхъ критиковъ это, быть можетъ, не составляетъ заслуги, они всегда готовы однимъ почеркомъ пера уничтожить плоды цѣлой жизни труда художника, но это должно служить для нихъ урокомъ.

Когда Рёскинъ считалъ себя обязаннымъ сказать что-нибудь дурное о художникѣ, котораго онъ уважалъ, какъ человѣка, онъ говорилъ это, но въ то же время писалъ ему частное письмо, выражая ему свое сожалѣніе и высказывая надежду, что это «не испортитъ ихъ дружескихъ отношеній». Однажды на подобное письмо онъ получилъ отъ художника слѣдующій отвѣтъ: «Дорогой Рёскинъ, первый разъ, когда я васъ встрѣчу, я убью васъ, но, я надѣюсь, это не испортитъ нашихъ дружескихъ отношеній».

Наивная непосредственность его увлеченій положительно баснословна. Всякій разъ, когда онъ начинаетъ изучать новаго художника или анализировать новое значительное произведеніе, онъ внушаетъ своимъ слушателямъ, что художникъ этотъ величайшій изъ жившихъ на землѣ художниковъ, а это произведеніе самое прекрасное изъ всѣхъ существующихъ, забывая, что на это единственное мѣсто онъ уже помѣщалъ раньше сотню другихъ художниковъ и другихъ произведеній. Одно время въ Оксфордѣ вошло въ обычай спрашивать у *рёскиньянцевъ*: «Кто у васъ сегодня величайшій художникъ въ мірѣ? Вчера былъ Карпачіо»...

Съ такимъ же увлеченіемъ относился Рёскинъ и къ работамъ своихъ учениковъ. Однажды онъ встрѣтилъ молодую американку, которая рисовала прекрасно, такъ прекрасно, что, если раньше онъ воображалъ, будто ни одна женщина не можетъ хорошо рисовать, то теперь склоненъ думать, что только женщина и можетъ дѣйствительно хорошо рисовать. Въ то же время онъ открылъ двухъ молодыхъ итальянцевъ, которые были до такой степени проникнуты духомъ своего стариннаго искусства, что «со временъ Люини и Леонардо подобныя руки еще не касались бумаги»...

Иногда этотъ энтузіазмъ проявляется у него въ комической формѣ. Извѣстно, какую ненависть чувствовалъ Рёскинъ къ одностороннему и педантичному преподаванію въ народныхъ школахъ, не развивающему ни ловкости, ни эстетическаго вкуса работника. Однажды каменщикъ, занимавшійся какими-то работами въ Брантвудѣ, попросилъ у него денегъ впередъ. Рёскинъ даетъ ему деньги и вслѣдъ затѣмъ протягиваетъ квитанцію, чтобы онъ расписался на ней. Этотъ простой жестъ

вызываетъ замѣтное смущеніе рабочаго, онъ мнется, колеблется и, наконецъ, заявляетъ на своемъ своеобразномъ нарѣчіи, что не умѣетъ писать. Тогда Рёскинъ подымается, протягиваетъ обѣ руки изумленному каменщику и говоритъ ему: «Я горжусь знакомствомъ съ вами! Теперь я понимаю, почему вы такой прекрасный рабочій».

По нѣкоторымъ изъ этихъ чертъ, неожиданныхъ и парадоксальныхъ, можно было бы вообразить, что великій писатель въ сущности носитъ маску, что онъ облекается въ тогу оригинальности подобно своимъ заклятымъ врагамъ *эстетикамъ*, на которыхъ онъ всегда такъ жестоко нападалъ. Но на дѣлѣ нѣтъ ничего подобнаго. Искренность, вызывавшая его на самыя очевидныя противорѣчія и на самыя странные поступки, предохраняла его отъ всякой афектаціи. Никто, быть можетъ, не жилъ болѣе буржуазной семейной жизнью англійскаго фермера; любезный и внимательный сосѣдъ, онъ слѣдилъ за тѣмъ, чтобы погребъ его всегда былъ холоденъ, а оранжерея тепла, чтобы онъ могъ предложить сосѣдямъ льду или винограду всегда, когда имъ нужно; ни въ своемъ костюмѣ, ни въ манерахъ, ни въ домѣ онъ не допускалъ ничего, что могло бы удивить деревенскихъ жителей. Ни въ одеждѣ, ни въ мебели, ни въ архитектурѣ онъ не дѣлаетъ никакихъ «эстетическихъ» нововведеній. Онъ не носитъ на головѣ громадную шляпу Вильяма Морриса и въ рукѣ подсолнечника Вивіани. Онъ любитъ, чтобы каждая вещь была красива, но, главное, чтобы она отвѣчала своему назначенію. «Не употребляйте золотыхъ плуговъ и не украшайте эмалью переплетовъ счетныхъ книгъ. Не молотите хлѣбъ рѣзными цѣпами и не дѣлайте барельефовъ на мельничныхъ жерновахъ», говоритъ онъ своимъ ученикамъ. Въ его домѣ стоитъ мебель краснаго дерева, доставшаяся ему отъ родителей. Когда онъ строитъ мельницу въ Лаксеѣ, онъ хлопочетъ, чтобы она была возможно прочнѣе и удобнѣе и могла бы съ честью исполнять свое назначеніе, но не дѣлаетъ на ней ни малѣйшихъ украшеній. Его собственный домъ въ Брантвудѣ совершенно простъ, удобенъ, весь увитъ вьющимися растеніями, но не имѣетъ ни малѣйшей претензіи на стиль. Въ немъ нѣтъ ничего безвкуснаго, но и ничего искусственнаго.

Эта улыбающаяся простота, эта скромность въ личной жизни всегда поражала тѣхъ, кто ближе съ нимъ сталкивался. «Скажу вамъ, — пишетъ м-ръ Джемсъ Сметамъ своему другу послѣ посѣщенія Денмаркъ-Хилля въ 1858 г., — что у него большой домъ со швейцарской, съ лакеемъ и кучеромъ и съ большими залами, наполнеными прекрасными картинами, главнымъ образомъ, Тернера. Отецъ его — красивый старикъ съ большой гривой сѣдыхъ волосъ, съ густыми всклокоченными бровями; у него особая манера выходить къ вамъ на встрѣчу, заложивъ руки въ карманы и сразу же ободрить васъ, отвѣчая на ваши замѣчанія: «Да, да, сочиненія въ прозѣ Джона довольно порядочны». Его мать пожилая дама семидесяти пяти лѣтъ, съ прекраснымъ цвѣ-

томъ лица, величественная и богато одѣтая; она знаетъ Шамуни лучше Кемберваля и, повидимому, дѣйствительно хорошая старушка. Съ «Джономъ» она обращается строго, стоитъ за свои мнѣнія и открыто противорѣчитъ ему. Онъ принимаетъ это съ такой мягкой почтительностью и деликатностью, что пріятно смотрѣть. Мнѣ бы хотѣлось разсказать вамъ, какое хорошее впечатлѣніе производитъ здѣсь «Джонъ», дать вамъ почувствовать его доброту и скромность. Конечно, иногда онъ горячится, возражая вамъ или дѣлая какое-нибудь замѣчаніе, но исключительно потому, что онъ убѣжденъ въ истинѣ своихъ словъ, а никакъ не изъ догматизма и самомнѣнія. Дома онъ совсѣмъ не тотъ, какъ въ собраніяхъ передъ смѣшанной публикой. Въ его глазахъ, нѣсколько застѣнчивыхъ, свѣтится умъ и доброта; когда онъ привѣтствуетъ васъ или пьетъ «за ваше здоровье» его взглядъ—я до сихъ поръ вижу его—какъ будто затуманенъ слезой...»

Но и въ общественномъ собраніи онъ привлекаетъ къ себѣ слушателей тѣмъ особеннымъ, свойственнымъ ему личнымъ очарованіемъ, которое создало ему столько друзей среди лондонскихъ рабочихъ и конистонскихъ крестьянъ. Вотъ онъ всходитъ на каѳедру,—это было въ 1870 году въ Оксфордѣ. Зала уже давно вся переполнена; каждый уголокъ берется съ бою студентами; чтобы послушать его, они уходятъ съ другихъ лекцій, бросаютъ свой завтракъ и, что̀ еще невѣроятнѣе, свой крикетъ. Они сидятъ на окнахъ, на шкафахъ даже. Тутъ и тамъ видны дамы, иногда ихъ не меньше, чѣмъ студентовъ, американки, переѣхавшія Атлантику, чтобы видѣть того, кого Карлейль называетъ *ethereal Ruskin* *). Двери остаются открытыми, ихъ осаждаетъ все приливающая толпа. Когда появляется учитель, весь Оксфордъ привѣтствуетъ его. Тѣ, кто никогда не видалъ его, приподымаются на цыпочки и видятъ высокаго, стройнаго человѣка; за нимъ, какъ за аѳинскимъ философомъ, слѣдуетъ толпа учениковъ. Это, быть можетъ, нарушаетъ правила, но онъ всегда былъ живымъ протестомъ противъ всякой правильности. У него русые волосы, густые и длинные; лучезарные голубые глаза, измѣнчивы какъ волны, тонкій, насмѣшливый ротъ, подвижнѣе, чѣмъ лукъ, пускающій стрѣлу; цвѣтъ лица яркій, брови рѣзко очерчены. Вся его фигура кажется одинаково созданной, чтобы выражать энтузіазмъ и сарказмъ, пламенную страсть и спокойное созерцаніе,—фигура воина и восторженнаго созерцателя. Онъ сдержанно кланяется, обмѣнивается улыбками съ разсѣянными среди публики друзьями и раскладываетъ около себя кучу разнообразныхъ предметовъ: минералы, монеты, рисунки, фотографіи,—«діаграммы», какъ онъ ихъ называетъ, для доказательства своихъ положеній; потомъ онъ откидываетъ свой черный профессорскій плащъ и кажется, что вмѣстѣ съ нимъ слетаетъ съ него вся университетская

*) Небесный Рёскинъ.

ортодоксальность. На немъ синій сюртукъ, широкіе бѣлые рукавчики, воротникъ съ отогнутыми концами à la Гладстонъ, и широкій синій галстухъ—его отличительный признакъ, въ общемъ одѣтъ онъ просто, безъ брелоковъ и колецъ, но съ строгимъ и нѣсколько старомоднымъ изяществомъ.

Онъ говоритъ, и сначала кажется, будто въ залу вошелъ священникъ и началъ духовное чтеніе. И дѣйствительно, онъ читаетъ тщательно написанные періоды: онъ говоритъ размѣреннымъ голосомъ, сдерживаетъ жесты, угашаетъ взглядъ. Мало-по-малу, вчитываясь, онъ одушевляется. Его охватываетъ снова то увлеченіе, какое онъ испытывалъ, когда писалъ. Онъ забываетъ смотрѣть на мертвые листки на столѣ, онъ смотритъ на живыя лица слушателей. Соглашаются ли они съ нимъ? Онъ не можетъ продолжать, пока не убѣдится въ этомъ. Онъ спрашиваетъ ихъ объ этомъ, заставляетъ ихъ подымать руки въ знакъ согласія. Ободренный, онъ обращается къ самому существу вопроса, импровизируетъ, останавливается, показываетъ свои діаграммы. Вотъ, напримѣръ, голова льва, одного псевдоклассическаго скульптора, а вотъ голова тигра изъ зоологическаго сада, нарисованная Миллэ. Аудиторія разражается смѣхомъ при видѣ подобнаго контраста. Но и этого мало: надо давать художественное представленіе о предметахъ. Тутъ уже онъ весь охваченъ увлеченіемъ, благоразумная сдержанность оставляетъ его. Если онъ говоритъ о птицѣ, онъ изображаетъ, какъ она летаетъ и какъ важно прохаживается. Если онъ объясняетъ, что гравированіе есть искусство царапанья, онъ подражаетъ кошкѣ, царапающей когтями. Аудиторія освистала бы всякаго другого на его мѣстѣ, но здѣсь невольно чувствуется, что онъ весь во власти своей идеи. Онъ не декламируетъ, онъ провозглашаетъ истину, ту самую, которую онъ сейчасъ только открылъ; онъ не себя показываетъ, онъ доказываетъ свои положенія. Онъ передаетъ наблюденія, онъ усиливаетъ доводы. Ботаника, геологія, экзегетика, философія,—все служитъ для доказательства его идеи. Но вотъ онъ уже кончилъ убѣждать—онъ пророчествуетъ, и тѣ, кто собирались записывать лекцію, окончательно теряютъ связующую нить. Онъ позабылъ свой планъ, но онъ завладѣлъ своей аудиторіей. Этотъ безпорядочный хаосъ мыслей, ясныхъ и остроумныхъ, захватываетъ и покоряетъ. Что это? инстинктъ или наука, паясничество или геніальность? Никто не можетъ сказать этого, но всѣ слушаютъ, слѣдуютъ за нимъ черезъ рытвины и ухабы по этой извилистой дорогѣ, при каждомъ поворотѣ которой открывается новая долина, неожиданный горизонтъ. Наконецъ, цѣль уже близка, вы подымаетесь выше, горизонтъ все болѣе и болѣе расширяется и посреди дружныхъ аплодисментовъ, лекція, начавшаяся съ микроскопическихъ фактовъ, оканчивается широкой идеей. Изъ скромной деревеньки, пріютившейся на днѣ долины, вашъ проводникъ, съ цвѣткомъ эдельвейса на шляпѣ, вывелъ васъ черезъ тысячу переходовъ на вершину, съ которой открывается весь міръ.

Но, наконецъ, однажды самъ проводникъ остановился у подножія тѣхъ горъ, на которыя онъ столько разъ восходилъ. Посмотримъ, какое впечатлѣніе производитъ теперь этотъ старикъ, голосъ котораго уже не раздается болѣе въ многолюдныхъ собраніяхъ; со смерти своихъ родителей онъ живетъ отшельникомъ въ Брантвудѣ, въ своемъ домикѣ, затерявшемся среди скалъ и лѣсовъ на берегу Конистонскаго озера, тамъ, гдѣ ничто не нарушаетъ его грезы. «Мнѣ кажется,—пишетъ м-ссъ Текерей Ритчи,—что въ молодости Рёскинъ не былъ такъ живописенъ, какъ въ эти послѣдніе дни своей жизни. Быть можетъ, волнистые сѣдые волосы идутъ къ нему больше, чѣмъ темные кудри, но жгучіе, говорящіе глаза, должно быть, всегда были тѣ же, также какъ и звукъ его прекраснаго голоса съ нѣсколько иностраннымъ произношеніемъ «р»; во второе наше посѣщеніе Конистона, долго спустя послѣ перваго, этотъ голосъ уже казался намъ близкимъ, роднымъ. Увидавъ его снова послѣ пятнадцати лѣтъ, я была поражена происшедшей въ немъ перемѣной къ лучшему, тѣмъ величавымъ блестящимъ видомъ, какой пріобрѣтаетъ человѣкъ, живущій среди горъ, лѣсовъ и чистаго воздуха... Въ этотъ вечеръ, первый, который мы проводили въ Брантвудѣ, комнаты были освѣщены косыми лучами заходящаго солнца, отражавшагося въ озерѣ. М-ссъ Севернъ (двоюродная сестра Рескина) заняла свое мѣсто за самоваромъ, а хозяинъ дома, сидя спиной къ окну, предлагалъ гостямъ то оригинальное и разнообразное угощеніе, которое могутъ представить себѣ только бывавшіе у него въ гостяхъ: прекрасный пшеничный хлѣбъ, поджаристые шотландскіе пирожки, хрустящіе на зубахъ, форель изъ озера и землянику, какая растетъ только на брантвудскихъ холмахъ. Былъ ли этотъ напитокъ—чай или фантазія, чувство, вдохновеніе? И выпивая его медленными глотками, мы прислушивались къ своеобразной музыкѣ, переходившей отъ важныхъ, торжественныхъ звуковъ къ легкимъ и нѣжнымъ переливамъ... Можно ли запомнить пріятный разговоръ? Вы можете помнить комнату, гдѣ онъ происходилъ, форму креселъ, но слова улетаютъ на крыльяхъ... Мы говорили о томъ, что земляника должна быть нѣжной и зрѣлой и эту же мѣрку можно примѣнять ко всякимъ явленіямъ жизни; и съ легкимъ, добродушнымъ, порой безпощаднымъ юморомъ, онъ сталъ прилагать эту мѣрку къ людямъ, къ костюмамъ, къ кушаньямъ, къ книгамъ...»

Уже теперь вокругъ этого великаго волшебника слагаются легенды. Разсказываютъ, что однажды въ Лондонѣ онъ зашелъ случайно къ ювелиру. Его узнали и разложили передъ нимъ всѣ драгоцѣнные камни, прося раскрыть ихъ тайный смыслъ. Тогда, стоя посреди внимательныхъ покупательницъ, авторъ *Девкаліона* заговорилъ. Онъ говорилъ съ глубокимъ знаніемъ гнома, похитившаго золото у Рейна, и съ очарованіемъ тѣхъ ундинъ, которыя его стерегли *). Онъ раскрылъ

*) Изъ легенды въ «Кольцѣ Нибелунговъ».

имъ тайный смыслъ рубина—*кроваваго цвѣта* въ геральдикѣ—этой персидской розы цвѣта земной жизни, земной любви и радости, бутонъ которой послужилъ моделью для той вазы съ благовоніями, изъ которой Магдалина поливала ноги Спасителя, и тайну сафира—*голубого поля* въ геральдикѣ—символа небесной любви и радости, камня подобнаго рубину, но другого цвѣта: «подъ ногами его былъ сафиръ», говоритъ писаніе; и тайну жемчуга—этого смягченнаго и побѣжденнаго свѣта, символа терпѣнія, цвѣта голубя, принесшаго вѣсть о томъ, что воды побѣждены,—*маргаритки* въ нормандской геральдикѣ,—сѣраго цвѣта, стоящаго ниже на геральдической лѣстницѣ, но тѣмъ не менѣе очень высоко, такъ какъ смиреніе открываетъ врата рая; говорятъ, что стѣны рая сдѣланы изъ яшмы, а каждыя ворота изъ жемчужины. Онъ разсказалъ имъ о ихъ медленномъ и темномъ зарожденіи въ нѣдрахъ земли или на днѣ морей, потомъ, окинувъ взглядомъ этихъ свѣтскихъ красавицъ, онъ продолжалъ: «Благоразумно ли съ нашей стороны привязываться къ этимъ камнямъ, любить ихъ, считать драгоцѣнными? Да, конечно, если только мы любимъ и считаемъ драгоцѣнными ихъ, а не самихъ себя. Любить черный камень, потому что онъ упалъ съ неба, быть можетъ, не вполнѣ мудро, но все-же это на полъ-пути къ мудрости, такъ какъ мудрость состоитъ въ томъ, чтобы любить само небо. Не вполнѣ безумно думать, что камни видятъ, но думать, что глаза не видятъ—совершенное безуміе. Не вполнѣ безумно думать, что въ день, когда будутъ собраны всѣ драгоцѣнности, стѣны дворца возведены будутъ на нихъ, какъ на краеугольныхъ камняхъ, но безумно воображать, что въ послѣдній день души обратятся въ прахъ вмѣстѣ съ изумрудомъ, и никакой духъ не будетъ безстрашно парить надъ развалинами. Да, прекрасныя дамы, любите драгоцѣнные камни и заботьтесь о нихъ, но еще болѣе любите души ваши и заботьтесь о нихъ, чтобы приготовить ихъ къ тому дню, когда Господь соберетъ всѣ свои сокровища!»

Прекрасныя кліентки ювелира слушали еще эти слова, какихъ не говорилъ имъ ни одинъ изъ ихъ кавалеровъ, но самого пророка уже не было среди нихъ. Онъ направился въ grill room, тамъ, завтракая, онъ все еще продолжалъ говорить, мало-по-малу присутствующіе оставили свои сандвичи и молча столпились вокругъ него, принимая ту духовную пищу, которую онъ раздавалъ имъ.

Итакъ, легенда говоритъ, что онъ проповѣдывалъ не только въ синагогахъ, но и на торжищахъ, среди повседневной жизни и ея мелочныхъ заботъ. Далѣе легенда утверждаетъ, что онъ всегда появлялся неожиданно тамъ, гдѣ какой-нибудь художникъ нуждался въ поддержкѣ или гдѣ надо было не дать угаснуть вдохновенію. Однажды въ Луврѣ два внимательныхъ читателя его произведеній, не знакомые съ нимъ лично, стояли передъ картиной *Ученики въ Эммаусѣ*, которую одинъ изъ нихъ копировалъ. Откуда-то къ нимъ подходитъ старикъ, всту-

паетъ въ разговоръ, говоритъ имъ о картинѣ Рембрандта, признается, что нѣкогда самъ копировалъ ее, одушевляется, точно молодѣетъ при воспоминаніи о героической эпохѣ въ искусствѣ и вдругъ въ глазахъ его вспыхиваетъ молнія, и они ощущаютъ невольный трепетъ... Потомъ онъ приглашаетъ ихъ завтракать въ свой отель и когда онъ преломляетъ хлѣбъ, они узнаютъ, что передъ ними самъ учитель: *Рёскинъ!* И возвращаясь отъ него, они говорили, какъ ученики на старинной картинѣ, которую они разсматривали утромъ: «Не горѣло ли въ насъ сердце наше, когда онъ говорилъ, намъ и когда онъ объяснялъ намъ святое искусство?»

Разсказываютъ также, какъ однажды ночью въ Римѣ онъ увидѣлъ во снѣ, что сдѣлался францисканскимъ монахомъ и посвятилъ себя этому ордену, который онъ прославлялъ при описаніи церкви Santa Croce. Нѣсколько времени спустя, когда онъ поднимался по лѣстницѣ въ Пинчо, у него попросилъ милостыни старикъ, сидѣвшій на ступеняхъ. Онъ подалъ ему и хотѣлъ идти далѣе, но тотъ схватилъ его руку и поцѣловалъ. Рёскинъ быстро наклоняется и обнимаетъ старика. На другой день тотъ же нищій входитъ къ нему и со слезами на глазахъ проситъ его принять кусокъ коричневаго сукна, принадлежавшаго, по его словамъ, Франциску. Быть можетъ, это былъ самъ святой, говоритъ одинъ изъ его біографовъ, явившійся своему ученику, получившему отъ него въ даръ искусство объяснять голосъ природы? Какъ бы то ни было, Рёскинъ вспомнилъ свой сонъ и тотчасъ же предпринялъ паломничество въ монастырь ассизскаго святого, мечтая совершить тамъ какое-нибудь великое дѣло. Это было время покоса, и тамъ... онъ косилъ сѣно.

Онъ не могъ болѣе удачно выбрать себѣ патрона, и мы бы не могли найти для него болѣе чистаго образца. Какъ и святой Францискъ, Рёскинъ совершалъ красивыя чудеса, онъ заставлялъ слушать свои философскія разсужденія не птицъ, правда, но свѣтскихъ женщинъ, что, быть можетъ, еще труднѣе. По слову его розы не разцвѣтали на снѣгу, но онъ бросилъ въ холодныя британскія сердца красный цвѣтокъ энтузіазма, и мы теперь съ изумленіемъ открываемъ его тамъ. Онъ не могъ управлять временами года, но когда онъ однажды выразилъ желаніе, чтобы художники рисовали яблони въ цвѣту, всѣ стѣны академіи покрылись цвѣтущими яблонями. По крайней мѣрѣ существуетъ такое преданіе. Трогательныя воспоминанія, которыя онъ оставилъ въ сердцахъ однихъ и восторженныя улыбки на губахъ другихъ, могли породить много легендъ. Во всякомъ случаѣ, даже среди великихъ людей, быть окруженнымъ при жизни ореоломъ красивыхъ легендъ—участь не совсѣмъ обыкновенная. Облака собираются лишь вокругъ самыхъ высокихъ вершинъ.

Быть можетъ, Конистонская вершина, the Old man of Coniston *), пока-

*) Старый человѣкъ изъ Конистона.

жется намъ еще выше, когда смерть набросить свой высшій таинственный покровъ на созданія человѣческой фантазіи. Быть можетъ, тогда безчисленные пилигримы, для которыхъ Рёскинъ превратилъ въ хлѣба камни Венеціи и въ цвѣты сокровища Аѳины Паллады, захотятъ увидѣть то мѣсто, гдѣ жилъ человѣкъ, призвавшій къ жизни столько человѣческихъ душъ, гдѣ горѣлъ огонь, у котораго зажглось столько факеловъ. Быть можетъ, тогда желѣзныя дороги, съ которыми онъ велъ такую непримиримую борьбу, будутъ привозить туда изъ всѣхъ странъ свѣта этихъ пилигримовъ эстетики. Быть можетъ, наконецъ, если, при помощи науки, безобразіе восторжествуетъ въ мірѣ, мы будемъ считать легендарнымъ героемъ того человѣка, который боролся одинъ противъ всего міра не во имя истины, у которой есть свои пророки, не во имя справедливости, у которой есть свои апостолы, не во имя религіи, у которой есть свои мученики,—а во имя той идеи, у которой нѣтъ другихъ защитниковъ и не будетъ, быть можетъ, другихъ побѣдъ—во имя красоты.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Слова.

Какъ ни удивительна сама по себѣ личность Рескина, но популярность, какую онъ завоевалъ себѣ, вызываетъ въ насъ еще большее изумленіе. Философъ, который въ XIX вѣкѣ съумѣлъ заставить толпу читать себя—это явленіе далеко не обычное. Но если этотъ философъ притомъ же эстетикъ и если предметомъ или поводомъ для его работъ служатъ произведенія искусства, то это становится прямо невѣроятно. Изъ всѣхъ видовъ литературы, по странной случайности писатели всего охотнѣе берутся за критику искусства, между тѣмъ какъ читатели менѣе всего довѣряютъ ей; продолжительный опытъ убѣдилъ ихъ, что по большей части они находятъ въ ней скучную и поверхностную болтовню. Но если для объясненія популярности книгъ Рескина даже среди женщинъ и дѣтей, мы прибавимъ, что въ дѣйствительности онѣ трактуютъ даже не о вопросахъ искусства, а о самыхъ сложныхъ задачахъ политической экономіи, то явленіе это положительно представится намъ чудомъ и объясненіе окажется еще болѣе поразительнымъ, чѣмъ самый фактъ.

Чтобы отыскать какое-нибудь другое объясненіе, послушаемъ его слова. Послушаемъ ихъ не съ тѣмъ, чтобы найти одну основную мысль, управляющую ими, но сначала безъ всякой системы, съ тѣмъ, чтобы подмѣтить, какими новыми пріемами, какими своеобразными способами, какими незамѣтными уловками привлекъ Рескинъ къ этой эстетической идеѣ, къ этой религіи красоты націю, менѣе всѣхъ въ мірѣ склонную къ эстетикѣ. Послушаемъ всякія слова его безъ различія, слова двад-

цатилѣтняго юноши и семидесятишестилѣтняго старца; слова, стремящіяся убѣдить, описать, тронуть; слова писателя, оратора и путеводителя; слова, которыя вы будете читать зимнимъ вечеромъ, прислушиваясь къ треску дровъ въ каминѣ; слова, которыя были произнесены въ шумномъ собраніи, возбуждавшемъ самого оратора, или слова, которыя вы прочтете у подножія далекихъ памятниковъ, на ступеняхъ колоколенъ, на уступахъ горъ—слова, поучающія, возбуждающія, увлекающія, или, наоборотъ, слова, послѣ которыхъ вы молча остановитесь подъ сводомъ, скрывающимъ безконечность, или надъ могилой, скрывающей небытіе. Разобравъ нѣкоторыя изъ этихъ словъ, мы поймемъ, быть можетъ, почему ихъ слушали съ такимъ вниманіемъ.

Глава I.

Анализъ.

Говорятъ, въ 1851 году шотландскіе фермеры, увидѣвъ на окнахъ книжныхъ магазиновъ брошюру, озаглавленную *Замѣчанія объ устройствѣ овчарни* Джона Рескина, подумали, что найдутъ въ ней полезныя указанія, какъ устроить хорошее помѣщеніе для своихъ овецъ, и купили ее за два шиллинга. Они нашли въ ней богословское разсужденіе на текстъ «едино стадо и единъ пастырь», выражающее надежду, что Англія станетъ новымъ Іерусалимомъ.

Итакъ, уже заглавіе произведенія Рескина возбуждаетъ интересъ и путаетъ всѣ соображенія. Названіе у него всегда красиво и непонятно. *Девкаліонъ*, напримѣръ,—что можетъ быть красивѣе и короче, оно часто служитъ адресомъ для телеграммъ автору; или *Королева воздуха*, *Munera Pulveris*, *Оливковый вьюкъ*, *Сезамъ и лиліи*, *Пенteликосскій плугъ* (Aratra Pentelici), *Флорентійская Аріадна* или *На старыхъ дорогахъ*, *Отцы наши говорили намъ*...! Но какъ неясно все это! Можно ли догадаться, что скрывается за этими пестрыми вывѣсками. Если мы перейдемъ къ оглавленію, то и изъ него узнаемъ немногое. Вотъ, напримѣръ, оглавленіе *Сезама и лилій:* 1) *О сокровищахъ королей*; 2) *О садахъ королевъ;* 3) *Тайны и искусства жизни*. Или подзаголовокъ *Замкнутаго сада*: *Посланія лѣса къ саду*. Но человѣческій умъ стремится всегда найти объясненіе всякаго непонятнаго явленія или слова, и въ данномъ случаѣ онъ ищетъ и по большей части находитъ. Иногда смыслъ заглавія выясняется уже изъ предисловія, а иногда надо прочитать книгу до послѣдней страницы, чтобы понять его. Иногда заглавіе заимствовано изъ какой-нибудь оды Горація, иногда изъ Евангельской притчи. *Успокоеніе св. Марка* должно напоминать о реликвіяхъ Венеціанскаго собора, а *La Mesnie de l'Amour*,—опытъ орнитологіи,—заимствовано изъ *Романа Розы*, гдѣ говорится про любовь, что «она была покрыта птицами». Иногда оно взято изъ старинной флорентійской

гравюры (*Флорентійская Аріадна*), иногда изъ поэмы Китса (*Вѣчная радость*). Рескинъ самъ чувствовалъ, какъ часто его заглавія сбиваютъ съ толку читателей, и порой онъ пытается помочь имъ разобраться въ нихъ. Такъ, въ его *Fors Clavigera*—ежемѣсячныхъ письмахъ къ рабочимъ отъ 1871 до 1884 года,—три страницы посвящены этому неблагодарному труду. Въ концѣ концовъ мы узнаемъ только, что Fors происходитъ отъ того же корня, какъ и *fortuna* (судьба), что *Clavi* значитъ въ одно и то же время и ключъ отъ дверей истины (Clavis), и палицу Геркулеса, необходимую для борьбы со зломъ (Clava), и руль, управляющій теченіемъ жизни (Clavus); наконецъ, *gera* означаетъ «носящій». Но къ чему столько этимологіи? Названіе работъ писателя, борющагося во имя искусства и противъ современнаго общественнаго строя, представляетъ собой военный кличъ. Пусть только онъ раздается, не все ли равно, что онъ значитъ? Понимали ли всѣ тѣ, кто шли на приступъ съ крикомъ *Montjoie et Saint Denis*—его смыслъ?

Если отъ заглавія мы перейдемъ къ внутреннему содержанію, насъ будетъ также смущать его безпорядочность и привлекать его богатство. Никакого общаго плана, никакой послѣдовательности, самое большее—извѣстное «стремленіе, проявляющееся какъ законъ кристаллизаціи». «Предметъ, о которомъ я хочу говорить съ вами, такъ разростается, и не только разростается ,но развѣтвляется во столькихъ направленіяхъ, что я съ трудомъ могу рѣшить, за какимъ отросткомъ слѣдить, къ какому узлу прицѣпиться». И онъ сразу цѣпляется за всѣ. Однимъ скачкомъ вы попадаете въ самый центръ вопроса; но оглушенные паденіемъ, вы съ трудомъ можете разобраться въ немъ. Попавъ на эту всемірную ярмарку идей, вы начинаете осматриваться во всѣ стороны, боясь заблудиться, но невольно поддаваясь очарованію этой прогулки. Не то, чтобы вы ощущали недостатокъ въ ярлыкахъ; ихъ, пожалуй, больше, чѣмъ у всякаго другого писателя. Чуть не каждая фраза занумерована; рескиньянцы говорятъ другъ другу: «Помните вы параграфъ 25-й, VI главы II тома *Камней Венеціи*?» или «Обдумаемъ параграфъ 243-й *Пентеликосскаго плуга*». Вы замѣчаете со всѣхъ сторонъ всевозможныя загородки, рѣшетки, подраздѣленія, которыя, повидимому, строго разграничиваютъ разные вопросы: не вѣрьте этому. Нѣкоторыя главы вы найдете перепечатанными нѣсколько разъ въ различныхъ томахъ; другія—то повторяютъ предъидущія, то забѣгаютъ впередъ, нарушая стройность книги. «Это,—заявляетъ онъ отъ времени до времени,—относится къ другой части моего труда». Его произведенія переплетаются, какъ наши бюджеты, его изложеніе запутано, какъ расписанія поѣздовъ на станціяхъ, которыя тщетно пытаются разобрать путешественники. «Одинъ изъ моихъ друзей горько упрекаетъ меня за безпорядочный характеръ моихъ *Fors Clavigera*, и уговариваетъ меня написать вмѣсто нихъ систематическую книгу, но онъ съ такимъ же успѣхомъ могъ бы убѣждать березу, растущую въ расщелинѣ скалы,

опредѣлить заранѣе направленіе своихъ вѣтвей. Вѣтры и горные потоки расположатъ ихъ по своей причудливой фантазіи; дерево можетъ только рости—весело, если это возможно, печально, если веселость невозможна, предоставивъ чернымъ зубамъ и рубцамъ прокусывать свой розовато-бѣлый стволъ, гдѣ угодно судьбѣ...»

Въ его первыхъ произведеніяхъ: *Современные живописцы, Семь лампъ архитектуры, Камни Венеціи*, можно подмѣтить нѣкоторый планъ изложенія, довольно поверхностный, впрочемъ, матеріалы располагаются если не систематически, то все же съ нѣкоторой внѣшней симметріей. Но далѣе, послѣ этихъ крупныхъ ступеней его труда, планъ уже отсутствуетъ и изложеніе вполнѣ безпорядочно. Рёскинъ всегда говоритъ обо всемъ: *of many things* *), какъ озаглавлена одна часть его *Современныхъ живописцевъ*; надъ этимъ много смѣялись, но въ сущности это единственное подходящее заглавіе для его произведеній. Если вы ожидаете найти въ книгѣ цѣльную связную мысль и опредѣленное содержаніе, если вы не можете, принимаясь за нее, отложить въ сторону всякое стремленіе къ логикѣ, всякую склонность къ классификаціи, не пускайтесь лучше въ этотъ дивный лабиринтъ. *Сезамъ* не сможетъ ввести васъ въ него, и нить *Аріадны* не укажетъ вамъ пути.

Тѣмъ не менѣе, многіе отваживаются пускаться туда; пусть цѣлое смутно и безпорядочно, зато каждая идея въ отдѣльности болѣе опредѣленна и ясна, чѣмъ во всякомъ другомъ эстетическомъ трактатѣ. Вамъ не предложатъ тутъ размышлять надъ аксіомами въ родѣ слѣдующей: «Цѣль искусства открыть во внѣшнихъ предметахъ свое собственное я», «толкованіе прекрасной природы и прекрасной силы посредствомъ самыхъ яркихъ ихъ проявленій», или дѣлать рядъ выводовъ изъ той мысли, что «прекрасное есть сіяніе истиннаго»—предложенія, которыя читатель будетъ тѣмъ болѣе остерегаться оспаривать, чѣмъ менѣе онъ ихъ понимаетъ. Нѣтъ. Здѣсь передъ нимъ всегда простая и ясная мысль, въ родѣ слѣдующей:

«Творчество Беллини выражается всего ярче въ двухъ картинахъ въ Венеціи: одна—Мадонна въ ризницѣ церкви Фрари съ двумя святыми по сторонамъ и двумя ангелами у ногъ; другая—Мадонна съ четырьмя святыми надъ вторымъ алтаремъ церкви св. Захаріи.

«По поводу ихъ замѣтьте слѣдующее:

«Прежде всего матеріалы для написанія обѣихъ картинъ взяты были вполнѣ прочные и надежные. Золото на нихъ живописное, а не настоящее. А между тѣмъ живопись оказалась столь устойчивой, что прошло четыреста лѣтъ, не причинивъ имъ, на мой взглядъ, ни малѣйшаго изъяна.

«Во-вторыхъ, фигуры на обѣихъ картинахъ исполнены идеальнаго спокойствія. Тамъ нѣтъ мѣста никакому движенію, кромѣ движенія маленькихъ ангеловъ, играющихъ на музыкальныхъ инструментахъ,

*) О многихъ вещахъ.

но непрерывно и безъ усилій, какъ бы во снѣ. Хоръ поющихъ ангеловъ у Ля-Роббіа или Донателло прислушивался бы къ музыкѣ внимательно или отдавался ей съ минутнымъ, но пламеннымъ увлеченіемъ. Въ маленькихъ хорахъ херувимовъ у Люини на *Поклоненіи пастырей* въ соборѣ Комо мы даже чувствуемъ по ихъ робкой старательности, что они могли бы сдѣлать ошибку, если бы не были такъ внимательны. Но ангелы Беллини, даже самые юные, поютъ съ тѣмъ спокойствіемъ, съ какимъ прядутъ Парки.

«Замѣтьте, пожалуйста, что это спокойствіе есть принадлежность самаго высокаго искусства. Вводя элементъ напряженности и волнующаго безпокойства, художникъ признается въ своей слабости.

«Таковы два главныя свойства наилучшаго искусства. Безупречное исполненіе и совершенная ясность, если дѣйствіе то только непрерывное, а не мгновенное—или полное отсутствіе дѣйствія. Васъ должна интересовать сама жизнь живыхъ существъ, а не то, что съ ними случается.

«Далѣе, третье свойство наилучшаго искусства въ томъ, что оно побуждаетъ васъ размышлять о душѣ живыхъ существъ, слѣдовательно, о ихъ лицѣ болѣе, чѣмъ о тѣлѣ.

«И четвертое заключается въ томъ, что въ лицѣ оно должно показывать вамъ только красоту и радость и никогда не низость, порокъ или страданіе.

«Таковы четыре необходимыя условія величайшаго искусства. Чтобы вамъ ихъ хорошенько заучить, я повторяю ихъ:

«1) Безупречная техника и прочность.

«2) Полная ясность въ покоѣ и въ дѣйствіи.

«3) Главное вниманіе должно устремляться на лицо, а не на тѣло.

«4) Лицо должно быть освобождено отъ порока или страданія».

Вотъ ясно высказанныя положенія. Всякій читатель понимаетъ, о чемъ будетъ рѣчь, къ какимъ ощутимымъ пластическимъ результатамъ, къ какимъ измѣненіямъ въ его сужденіяхъ и дѣлахъ приведетъ въ будущемъ данная точка зрѣнія. Онъ предвидитъ, что это опредѣленіе совершеннѣйшаго искусства исключаетъ и Микель Анджело съ напряженностью его академическихъ фигуръ, и Рафаэля съ его безстрастными нѣмыми лицами и говорящими тѣлами, и Рибера съ выраженіемъ страданія на лицахъ; а старинные мастера и нѣкоторые художники эпохи возрожденія будутъ считаться образцовыми. Если ему болѣе всего нравятся свободныя движенія членовъ, столкновенія человѣческихъ группъ, глубокія морщины, рѣзкія сокращенія личныхъ мускуловъ,—онъ не согласится съ авторомъ. Но не соглашаясь съ его положеніями, онъ отдастъ справедливость ясности его мыслей. Онъ не соглашается съ нимъ, слѣдовательно, онъ его понялъ.

Понявъ его, онъ охотно послѣдуетъ за нимъ и дальше, если учитель поможетъ ему проникнуть еще глубже въ вопросъ и освѣтитъ его собственныя эстетическія впечатлѣнія, которыя онъ долженъ будетъ

выяснить себѣ, чтобы отстоять свое мнѣніе. Въ одной изъ его книгъ мы находимъ, напримѣръ, утвержденіе, что худшій изъ видовъ архитектурной поддѣлки есть поддѣлка работы, т.-е. замѣна ручной формовки машинной. Такого рода обманъ, по его мнѣнію, безчестенъ. Почему? Обратитесь къ своимъ собственнымъ впечатлѣніямъ, онѣ вамъ отвѣтятъ:

«Впечатлѣніе красоты, производимое орнаментомъ, проистекаетъ изъ двухъ совершенно различныхъ источниковъ: одинъ—отвлеченная красота его формъ,—допустимъ на минуту, что онѣ остаются одинаковыми, сдѣланы ли онѣ рукой человѣческой или машиной,— и другой—мысль о трудѣ и вниманіи человѣка, затраченныхъ на него. Насколько велико послѣднее условіе, мы можемъ судить, обративъ вниманіе на то, что всякій пучекъ сорной травы, выросшій изъ щели развалинъ, почти во всѣхъ отношеніяхъ равняется, а въ нѣкоторыхъ безконечно превосходитъ по красотѣ скульптуру этихъ самыхъ развалинъ, и что нашъ интересъ къ произведенію скульптора, наше сужденіе о его красотѣ, хотя оно въ десять разъ менѣе красиво, чѣмъ былинки травы, выросшія рядомъ съ нимъ, о его тонкости, хотя оно въ тысячу разъ менѣе тонко, о его великолѣпіи, хотя оно въ милліонъ разъ менѣе великолѣпно,— зависитъ отъ того, что мы вспоминаемъ о творцѣ его—бѣдномъ, неумѣломъ, но трудолюбивомъ человѣческомъ существѣ. Его истинная красота заключается именно въ томъ, что мы открываемъ въ немъ слѣды мыслей и стремленій, попытокъ и разочарованій сердца, а также утѣшенія и радости успѣха: опытный глазъ можетъ замѣтить все это, но, допуская даже, что это остается скрытымъ, оно во всякомъ случаѣ подразумѣвается... Я предположилъ, что орнаментъ, сдѣланный рукой человѣческой, нельзя отличить отъ орнамента, сдѣланнаго машиной, также какъ брилліантъ нельзя отличить отъ страза. Я допускаю, что на одинъ моментъ онъ можетъ обмануть глазъ каменщика, также какъ стразъ можетъ обмануть глазъ ювелира, и что узнать это можно только послѣ внимательнаго анализа. Тѣмъ не менѣе, точно также, какъ женщина, обладающая вкусомъ, не станетъ носить фальшивыхъ драгоцѣнностей, такъ и строитель, уважающій себя, пренебрегаетъ поддѣльнымъ орнаментомъ».

Вы поняли теперь, что происходитъ въ васъ при видѣ того или другого произведенія, но это еще не все. Нужно понять, что происходило въ душѣ того, кто его создалъ. Не слѣдуетъ предполагать въ немъ мыслей и чувствъ, какихъ у него никогда не было, что Рёскинъ считаетъ наивностью,—хотя въ теченіе пятидесяти лѣтъ это составляло обычный пріемъ цѣлой критической школы,—нужно опредѣлить только основное направленіе его дѣятельности, внимательно изучивъ его произведенія. Чтобы убѣдить васъ въ томъ, что современные архитекторы поступаютъ неправильно, замѣняя человѣка машиной, Рёскинъ приглашаетъ читателя заглянуть въ самого себя и отдать себѣ ясный отчетъ

въ своихъ впечатлѣніяхъ при видѣ того или иного произведенія,—такъ сказать, допросить свою эстетическую совѣсть. Чтобы почувствовать величіе художниковъ древности, ихъ миѳовъ, ихъ религіозныхъ представленій, надо рѣшить еще болѣе трудную задачу—возстановить эстетическую психологію древнихъ грековъ, напримѣръ. Рёскинъ сравниваетъ древняго грека съ ребенкомъ и задается вопросомъ, что видитъ, къ чему стремится, чего желаетъ, о чемъ мечтаетъ ребенокъ:

«Поскольку я могъ замѣтить, отличительная черта ребенка состоитъ въ томъ, что онъ всегда живетъ въ настоящемъ; воспоминанія приносятъ ему мало удовольствія, а ожиданія доставляютъ только мученье; размышленіе и предвидѣніе почти отсутствуютъ у него, но зато онъ со всей полнотой отдается настоящему,—съ такой полнотой, что одинъ день прекраснаго дѣтства тянется дольше, чѣмъ двадцать дней впослѣдствіи; всѣ силы своего сердца и воображенія онъ прилагаетъ къ маленькимъ событіямъ и предметамъ, окружающимъ его, и съ ними онъ можетъ совершать какія угодно превращенія. Запертый въ маленькомъ садикѣ, онъ не мечтаетъ очутиться въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ, но въ воображеніи онъ превращаетъ его въ большой садъ. Найдя чашечку желудя, онъ не отброситъ ея съ презрѣніемъ и не пожелаетъ имѣть вмѣсто нея золотую чашу. Объ этомъ мечталъ бы юноша. Ребенокъ бережетъ чашечку желудя, какъ сокровище, и въ умѣ превращаетъ ее въ золотую чашу; при видѣ его взрослому человѣку не придетъ въ голову спросить по поводу этихъ сокровищъ: «Чего бы тебѣ хотѣлось вмѣсто нихъ?» — у него явится желаніе спросить: «Что можешь ты въ нихъ видѣть?» Когда за нимъ наблюдаешь, то невольно поражаешься удивительнымъ несоотвѣтствіемъ между его словами и дѣйствительностью. Держа въ рукахъ чашечку желудя, маленькое существо пресерьезно говоритъ, что это «корона королевы или лодка волшебницы», и съ очаровательной дерзостью ожидаетъ, что вы ему повѣрите. Но не забудьте, что желудь долженъ быть тутъ, у него въ рукѣ: «Дайте мнѣ его и я превращу его во что-нибудь другое»,—такъ всегда говоритъ ребенокъ.

«Такъ же говоритъ и грекъ: «Дайте мнѣ его. Дайте мнѣ сюда, въ руки, какую-нибудь опредѣленную вещь и я превращу ее во что-нибудь другое, лучшее».

Примѣръ очень убѣдителенъ и ясенъ и въ то же время полонъ прелести; эти маленькія экскурсіи въ область психологіи облегчаютъ задачу писателя и помогаютъ читателю слушать безъ утомленія. Не отступая отъ своей темы, Рёскинъ даетъ намъ отдохнуть отъ эстетики и послушать дѣтскихъ игръ и свободныхъ разговоровъ. Итакъ, проникнуть въ тайный смыслъ произведенія искусства совсѣмъ не трудно и не утомительно, напротивъ, это пріятно—умъ приходитъ на помощь глазамъ и пониманіе—чувству. Устаешь смотрѣть и восхищаться внѣшними предметами, не зная ничего о ихъ строеніи, ихъ исторіи, ихъ на-

значеніи и ихъ символахъ. Когда вы стоите на берегу моря и нѣсколько часовъ подъ-рядъ смотрите, какъ по гавани взадъ и впередъ снуютъ рыбацкія лодки, яхты, корабли и барки, и безсознательно любуетесь ими, вы не испугаетесь, если эстетикъ подойдетъ къ вамъ и начнетъ объяснять причины вашего безсознательнаго восхищенія и невольной симпатіи:

«Носъ лодки представляетъ собой образецъ наивнаго совершенства и безсознательной законченности. Человѣкъ, сдѣлавшій его, не думалъ, что, придавая доскамъ безконечно разнообразные, таинственные изгибы, онъ создаетъ нѣчто прекрасное. Подъ его руками носъ лодки получаетъ сходство съ морской раковиной, точно морской приливъ и великія теченія океана оставили свой слѣдъ на его стройномъ изгибѣ. Когда лодка готова, онъ оставляетъ ее безъ малѣйшаго ощущенія гордости: это простая работа, но она помѣшаетъ водѣ затопить лодку; съ этихъ поръ всякая доска пріобрѣтаетъ характеръ судьбы, она несетъ человѣческія жизни, вплетенныя въ свою древесную ткань, человѣческую смерть, скрытую въ складкахъ своихъ парусовъ.

«Если подумать о величіи исполненнаго дѣла, то оно поразитъ насъ, какъ чудо. Ни одно произведеніе человѣческихъ рукъ не приносило такихъ важныхъ результатовъ. Паровыя машины и телеграфы служатъ дѣйствительно для передвиженія и сообщенія людей; они поднимаютъ тяжести и переносятъ вѣсти съ меньшимъ трудомъ, чѣмъ раньше. Но это сбереженіе труда не представляетъ новой силы: оно только увеличиваетъ наши прежнія силы. Лодка составляетъ даръ иного міра; безъ нея никакія тюремныя стѣны не давили бы на насъ съ такою тяжестью, какъ эта бѣлая, рокочущая кайма морскихъ волнъ! Какими несовершенными существами были бы мы, прикованные, какъ Андромеда, къ своимъ скаламъ. Мы скитались бы вдоль безконечныхъ береговъ, растрачивая безъ пользы для другихъ свои силы и съ тоской окидывая взоромъ непокоренныя волны! Гвозди, связывающіе доски корабля, служатъ узами братства всего міра. Ихъ желѣзо не низводитъ на землю небесную молнію, оно дѣлаетъ больше—оно пролагаетъ любви дорогу въ міръ»...

И когда вы бродите по горамъ, покрытымъ богатой и разнообразной растительностью, встрѣчая на каждомъ шагу, и на высокихъ вершинахъ, и въ расщелинахъ скалъ, и въ сырыхъ пещерахъ, и на берегахъ ручьевъ разнообразныя растенія, на которыхъ не красуются дощечки съ надписями, какъ на садоводныхъ выставкахъ, вамъ хочется не только видѣть, но и знать ихъ. Истинный художникъ можетъ съ удовольствіемъ гулять среди растеній и цвѣтовъ, зная о нихъ только то, что они прекрасны, или проходить по заламъ, наполненнымъ прекрасными незнакомками, но обыкновенный прохожій любитъ освѣдомляться объ именахъ. Среди этихъ неизвѣстныхъ вамъ растеній вы сожалѣете, что рядомъ съ вами нѣтъ ботаника, который далъ бы на-

званія цвѣтамъ и вложилъ мысль въ ихъ формы. Зрѣніе удовлетворено: оно долго наслаждалось, и цвѣтокъ выпадетъ изъ рукъ, если умъ не найдетъ въ немъ себѣ пищи. Но вотъ изъ-за выступа скалы появляется историкъ и начинаетъ говорить:

«Ни одно семейство цвѣтовъ не оказало такого большого и благотворнаго вліянія на человѣка, какъ группа дрозаидъ; вліяніе это зависитъ не отъ того, что нѣкоторые изъ его цвѣтовъ сверкаютъ бѣлизной, а другіе яркостью окраски, оно коренится въ свойствѣ ихъ лепестковъ, принимающихъ безупречно стройныя формы: то въ видѣ чаши, какъ шафранъ, то въ видѣ распустившихся колокольчиковъ, какъ лиліи, то въ видѣ колокольчиковъ, похожихъ на верескъ, какъ гіацинты, то въ видѣ великолѣпныхъ звѣздъ, какъ птицемлечникъ. Поставьте рядомъ съ ними ихъ водяныхъ сестеръ—кувшинокъ, и вы узнаете тогда происхожденіе самыхъ совершенныхъ формъ орнамента и самыхъ распространенныхъ цвѣточныхъ миѳовъ, какіе до сихъ поръ слагалъ человѣкъ на берегахъ Ганга, Нила, Арно или Авона.

«Обратите вниманіе, какое значеніе для человѣка имѣла каждая изъ этихъ группъ. Благородныя лиліи дали лилію Благовѣщенья; златоцвѣтъ — цвѣтокъ Елисейскихъ полей; ирисъ — символъ рыцарства; амарилисъ—«полевую лилію» Христа; между тѣмъ какъ тростникъ, вѣчно попираемый ногами, сталъ эмблемой униженія. Царскій вѣнецъ и лиліи всѣхъ родовъ составляютъ первую группу, лилія мадонны представляетъ типъ ихъ совершенной чистоты; ихъ изящныя формы оказывали постоянное вліяніе на декоративный рисунокъ итальянскаго религіознаго искусства, между тѣмъ какъ французская и флорентійская лиліи обогащали собой военный орнаментъ; трудно опредѣлить размѣръ ихъ вліянія въ средніе вѣка, частью, какъ символъ характера женщины, частью какъ символъ блестящаго и утонченнаго рыцарства, достигшихъ своего высшаго развитія въ томъ городѣ, который былъ цвѣтомъ городовъ».

Прямо съ поля вы входите въ музей, что легко можетъ случиться въ одномъ изъ маленькихъ итальянскихъ мѣстечекъ—на цвѣтущемъ холмѣ Фьезоле или на безлюдномъ островѣ Торчелло; отъ согрѣтыхъ солнцемъ нивъ вы переходите прямо къ старымъ холоднымъ камнямъ, на которыхъ не хочетъ расти даже мохъ. Они также говорятъ сначала только взору. Вы любуетесь формами и линіями, игрою свѣта и тѣней на этихъ обломкахъ, порой смѣлымъ изгибомъ тѣла или благородными складками одежды, но наконецъ ваше вниманіе утомляется, если въ васъ не пробужденъ умственный интересъ. Эти обломки на черныхъ мраморныхъ пьедесталахъ въ холодныхъ залахъ британскихъ музеевъ или въ нишахъ нѣмецкихъ глиптотекъ такъ далеки отъ жизни! Они такъ чужды всему, что насъ интересуетъ въ жизни людей, ихъ страстямъ и страданіямъ, ихъ радостямъ... Нѣтъ, они не чужды! отвѣчаетъ намъ эстетикъ; онъ оставляетъ лиліи и кладетъ палецъ на

холодный мертвый камень, на обломокъ статуи, извлекая изъ него искры оживлявшей его нѣкогда мысли:

«Всякая благородная одежда и въ скульптурѣ, и въ живописи (мы не говоримъ ни о цвѣтѣ, ни о свойствѣ ткани),—поскольку она представляетъ нѣчто большее, чѣмъ простую необходимость, исполняетъ два великія назначенія. Она служитъ выраженіемъ движенія и тяжести. Она помогаетъ изобразить движеніе, которое совершаетъ или только что совершила фигура, и въ то же время только при ея помощи можно дать почувствовать силу тяжести, которую должно преодолѣть это движеніе. Греки злоупотребляли такими складками матеріи, которыя подчеркиваютъ легкость одежды и какъ бы слѣдуютъ за всякимъ движеніемъ тѣла. Христіанскіе скульпторы обращали мало вниманія на тѣло или презирали его и заботились исключительно о выраженіи лица; на одежду они смотрѣли сначала только какъ на покровъ, но скоро они замѣтили, что она можетъ также выражать одну идею, которой греки пренебрегали. Основнымъ элементомъ этого новаго назначенія одежды было полное подавленіе движенія въ томъ, что по самому существу своему способно къ движенію. Съ высоты человѣческаго тѣла одежда прямыми тяжелыми складками падала на землю, скрывая ноги, между тѣмъ какъ греческая одежда часто отлетала въ сторону, начиная съ бедра. Толстыя и тяжелыя матеріи монашескихъ одѣяній, прямо противоположныя легкимъ тканямъ древнихъ, вызывали представленіе о простотѣ линій и о тяжести паденія. Итакъ, мало-по-малу одежда стала выражать идею покоя,—какъ прежде она выражала идею движенія,—покоя строгаго и святого. Вѣтеръ былъ безсиленъ надъ этой одеждой, также какъ страсти надъ душой. Движеніе тѣла придавало только болѣе мягкости спокойнымъ линіямъ ниспадающей ткани; одежда слѣдовала за человѣкомъ, какъ медленный дождь за тихимъ облакомъ. Только сопровождая танцы ангеловъ, ткань ложилась болѣе легкими складками.

«Съ этой точки зрѣнія одежда пріобрѣтаетъ истинное благородство; она становится выраженіемъ иныхъ, болѣе возвышенныхъ идей. Выражая собой силу тяжести, она пріобрѣтаетъ особое значеніе, такъ какъ она является буквально единственнымъ способомъ изобразить эту естественную силу земли (падающая вода менѣе пассивна и менѣе опредѣленна въ очертаніяхъ). Въ парусахъ она также прекрасна, такъ какъ выражаетъ силу другой невидимой стихіи».

Эти слова расширяютъ сферу мысли, раздвигаютъ горизонтъ. Чтобы заставить насъ понять произведеніе искусства, задержать на минуту передъ скульптурнымъ обломкомъ, Рёскинъ обращается къ основнымъ законамъ физическаго міра, также какъ раньше онъ обращался къ нравственнымъ законамъ. Здѣсь въ складкѣ одежды, въ ея паденіи онъ видитъ проявленіе таинственнаго закона, управляющаго міромъ, тамъ—въ изгибѣ лепестка онъ узнавалъ цвѣтокъ, возвѣщающій при-

шествіе Бога. Всѣ научныя и нравственныя понятія, накопленныя вѣками, постепенно группируются вокругъ предмета, который онъ изучаетъ вмѣстѣ съ вами. Для него, болѣе чѣмъ для всякаго другого, «въ раковинѣ вмѣщается весь шумъ Океана», и всякая пылинка есть волшебный Сезамъ для дворца знанія. Его воспринимающій аппаратъ охватываетъ все сразу, какъ въ фотографической панорамѣ. Съ какой бы точки онъ ни смотрѣлъ, онъ видитъ всю совокупность явленій природы и чувствъ человѣка; надъ какой бы чашечкой цвѣтка онъ ни склонялся, въ ней отражается для него все, что происходитъ вверху надъ нашими головами. Здоровая, разумная поэзія возникаетъ изъ этихъ простыхъ сопоставленій. Онъ не создаетъ, не выдумываетъ, не открываетъ и не предполагаетъ,—онъ только связываетъ идеи и быстро переходитъ отъ одной точки зрѣнія къ другой, близость которой никто не подозрѣвалъ; смутныя влеченія онъ соединяетъ въ одно цѣлое. Онъ стоитъ въ центрѣ, гдѣ сходятся выводы науки, искусства, религіи и философіи, и внезапно, однимъ ударомъ, какъ замыкаютъ электрическій токъ, онъ приводитъ въ соприкосновеніе эти различныя идеи. Вспыхиваетъ искра... Вы спрашиваете себя: Что это за новая сила? Эти двѣ идеи лежали неподвижно, лишенныя полета, лишенныя поэзіи. Ничего новаго не произошло, онѣ только сблизились, эти идеи, переполненныя безконечностью, и жизнь возникла тамъ, гдѣ были лишь мертвыя понятія.

19 апрѣля 1861 года Карлейль писалъ: «Прошлую пятницу меня уговорили идти въ Альбермэльскій институтъ слушать лекцію Рёскина о *древесныхъ листьяхъ*, разсматриваемыхъ съ точки зрѣнія физіологической, художественной, нравственной и символической. Считается, что лекція потерпѣла фіаско, но развѣ вслѣдствіе слишкомъ большого обилія идей— случай довольно рѣдкій. Рёскинъ громилъ насъ мыслями по поводу листьевъ, мыслями разнообразными, интересными, геніальными; я не помню, чтобы въ этой знаменитой залѣ какая-нибудь красивая, хорошо построенная лекція понравилась мнѣ такъ, какъ этотъ безпорядочный хаосъ». Дѣйствительно, при такой методѣ нельзя избѣжать хаоса, и вниманіе наконецъ утомляется, воспринимая этотъ непрерывный потокъ идей. Въ своемъ стремленіи все обнять Рёскинъ напоминаетъ иногда того ребенка, котораго встрѣтилъ на морскомъ берегу блаженный Августинъ,—онъ выкопалъ ямку и думалъ, что держитъ въ ней все море. Утомляешься переходить отъ одного понятія къ другому. Подавленные этимъ напоромъ всевозможныхъ знаній и истинъ, напитанный ими умъ и отягощенная память отказываются отъ дальнѣйшаго напряженія. Вы пресытились идеями.

Тогда встаютъ образы...

Т. Богдановичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОБЪ ИЗМѢРЕНІИ ПСИХИЧЕСКИХЪ ЯВЛЕНІЙ.

Профес. Г. И. Челпанова.

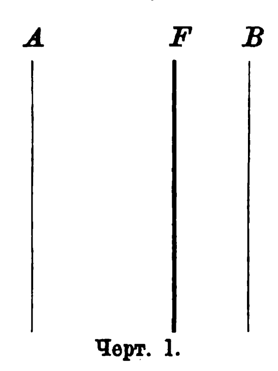
(*Окончаніе* *).

Статья II.

Въ прошлой статьѣ мы разсмотрѣли, какимъ образомъ измѣряется *интенсивность* ощущеній, теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію того, какимъ образомъ измѣряется *скорость* психическихъ процессовъ.

Существуетъ народное воззрѣніе, что «нѣтъ ничего быстрѣе мысли». Но этотъ взглядъ совсѣмъ не вѣренъ. Какъ мы увидимъ, существуютъ процессы, которые протекаютъ гораздо быстрѣе, чѣмъ даже самые простые акты мысли, что скорость мысли собственно даже значительно меньше, чѣмъ скорость многихъ общеизвѣстныхъ явленій.

Было время, когда и ученые думали, что психическіе процессы совершаются внѣ времени или въ безконечно малый промежутокъ времени, но изъ астрономическихъ наблюденій оказалось, что этотъ взглядъ совершенно неоснователенъ. Ознакомленіе съ исторіей этого вопроса, на мой взглядъ, не лишено интереса. Въ прежнее время въ астрономіи моментъ прохожденія звѣзды черезъ меридіанъ данной мѣстности опредѣлялся при помощи телескопа слѣдующимъ образомъ. Въ окулярѣ телескопа помѣщался рядъ вертикальныхъ нитей, изъ которыхъ среднюю, совпадающую съ меридіаномъ даннаго мѣста, назовемъ черезъ F (см. черт. I).



Черт. 1.

*) См. «Міръ Божій» № 1, январь.

Задача астронома заключается именно въ томъ, чтобы опредѣлить часъ, минуты и секунды, въ которыя звѣзда проходитъ черезъ нить *F*. Само собою разумѣется, что опредѣлить часъ и минуты не составляетъ никакой трудности, но за то довольно трудно опредѣлить секунды и дробныя части секунды, въ которыя звѣзда проходитъ черезъ нить *F*. Для рѣшенія этой послѣдней задачи астрономъ направляетъ телескопъ на движущуюся звѣзду, смотритъ на часы, опредѣляетъ минуты, затѣмъ отсчитываетъ секунды по ударамъ секунднаго маятника и въ то же время слѣдитъ за движеніемъ звѣзды. Если бы положеніе звѣзды въ *F* точно совпало съ ударомъ секунднаго маятника, то можно было бы прямо сказать, что звѣзда прошла черезъ данный меридіанъ во столько то часовъ, минутъ и секундъ, но въ большинствѣ случаевъ такого совпаденія не происходитъ, и звѣзда проходитъ черезъ линію *F* въ дробное число секундъ. Чтобы опредѣлить именно это дробное число секундъ, астрономъ долженъ, прослѣживая положеніе звѣзды во время перваго удара и второго, замѣчать, съ какими линіями совпадаютъ эти удары. Положимъ, они совпадаютъ съ линіями *A* и *B* и, положимъ, что разстояніе отъ *A* къ *F* два раза больше, чѣмъ разстояніе отъ *F* къ *B*. Отсюда онъ дѣлаетъ заключеніе, что звѣзда находилась на линіи *F* спустя $^2/_3$ секунды послѣ того, какъ она находилась на линіи *A* потому что разстояніе отъ *A* къ *B* она проходитъ въ $^3/_3$ или 1 секунду.

Въ Гринвичской обсерваторіи въ концѣ прошлаго столѣтія помощникъ астронома Maskelyne'а, наблюдая такимъ способомъ прохожденіе звѣздъ черезъ меридіанъ, получалъ время, отличное отъ времени, которое получалось въ наблюденіяхъ Maskelyne'а, и именно изъ наблюденій помощника Maskelyne'а получалось, что звѣзда проходила на $^1/_2$ секунды *позже*, чѣмъ по наблюденіямъ самого Maskelyne'а. Такого рода разница между его наблюденіями и наблюденіями помощника происходила, по мнѣнію Maskelyne'а, вслѣдствіе небрежности со стороны его помощника, за что, какъ говорятъ, онъ даже удалилъ этого послѣдняго со службы. Но Maskelyne ошибался, приписывая разницу во времени наблюденія небрежности помощника.

Какъ оказалось впослѣдствіи, наблюденія двухъ астрономовъ вообще никогда не могутъ находиться въ полномъ согласіи другъ съ другомъ. Это было бы возможно только въ томъ случаѣ, если бы между дѣйствительнымъ прохожденіемъ звѣзды черезъ точку *A* и воспріятіемъ этого прохожденія не было бы никакого промежутка времени. На самомъ же дѣлѣ оказалось, что такой промежутокъ времени существуетъ и что при томъ онъ различенъ для различныхъ наблюдателей. Другими словами, что воспріятіе момента прохожденія звѣзды различными астрономами совершается съ различной скоростью *). Это неизбѣжно привело

*) Вундтъ. «Душа человѣка и животныхъ». Гл. XVIII.

къ выводу, что мыслительные процессы имѣютъ опредѣленную продолжительность, и, разумѣется, съ этого момента тотъ взглядъ, что психическіе процессы совершаются внѣ времени, былъ оставленъ и усилія ученыхъ были направлены на то, чтобы опредѣлить быстроту психическихъ процессовъ, и это имъ блистательно удалось.

Но какъ измѣряется скорость психическихъ процессовъ? Когда произносятъ фразу «измѣрять скорость психическихъ процессовъ», то, пожалуй, кому-нибудь можетъ представиться такая картина: ученый, сидя съ часами въ рукахъ, наблюдаетъ чьи нибудь психическіе процессы и опредѣляетъ ихъ скорость приблизительно такъ, какъ опредѣляется скорость бѣга лошади на гипподромѣ или что-нибудь въ этомъ родѣ. Въ дѣйствительности измѣреніе скоростей психическихъ процессовъ совершается далеко не такъ непосредственно, какъ въ только что указанномъ примѣрѣ. Намъ, впрочемъ, посредственное измѣреніе скоростей извѣстно и изъ другихъ областей, напр., измѣреніе скорости распространенія звука, скорости паденія тѣлъ и т. п.

Чтобы объяснить, какимъ образомъ происходитъ измѣреніе скорости психическихъ процессовъ, я сначала объясню, что вообще разумѣется подъ словомъ *реакція* на языкѣ психофизіологовъ. Для того, чтобы можно было измѣрить скорость психическихъ процессовъ нужно, чтобы субъектъ, надъ которымъ производится изслѣдованіе, совершалъ реакцію, т. е. производилъ то или иное *движеніе*. Процессъ изслѣдованія располагается слѣдующимъ образомъ. Субъекту говорятъ, что вотъ сейчасъ начнетъ дѣйствовать то или другое возбужденіе, напр., звуковое, свѣтовое, т. е. раздастся какой-нибудь внезапный звукъ, покажется какой-нибудь внезапный свѣтъ и т. под. и онъ долженъ, какъ только восприметъ это возбужденіе, тотчасъ произвести опредѣленное движеніе, какъ знакъ того, что онъ воспринялъ это возбужденіе. Такое движеніе называется реакціей. Время, протекающее между началомъ дѣйствія возбужденія и тѣмъ моментомъ, когда было прозведено движеніе, называется временемъ *реакціи* и именно простой реакціи.

Слѣдовательно, задача экспериментатора заключается именно въ томъ, чтобы опредѣлить время между началомъ дѣйствія *возбужденія* и моментомъ, когда было произведено *движеніе*. Для этого существуютъ различные приборы, но самый употребительный изъ нихъ называется *хроноскопомъ Гиппа*. Чтобы сдѣлать для читателя понятнымъ устройство этого прибора, я сначала опишу его въ самыхъ общихъ чертахъ. Прежде всего замѣчу, что устройство его напоминаетъ обыкновенные часы съ тою только разницею, что стрѣлки хроноскопа могутъ показывать тысячныя доли секунды. Кромѣ того хроноскопъ отличается отъ обыкновенныхъ часовъ еще и тѣмъ, что въ немъ есть приспособленіе, благодаря которому можно сдѣлать то, что часовой механизмъ приходитъ въ дѣйствіе, а стрѣлки могутъ въ то же время оставаться неподви-

ными. Самая существенная часть хроноскопа состоитъ именно въ томъ, что мы можемъ дѣлать стрѣлки независимыми отъ дѣйствія часового механизма. Какимъ образомъ это достигается читатель легко пойметъ, если вспомнитъ, напр., устройство электрическихъ звонковъ; онъ знаетъ, что если, напр., онъ нажимаетъ пуговку звонка, то вслѣдствіе того, что электрическій токъ замкнутъ, слышенъ звукъ. Если онъ не нажимаетъ пуговки, токъ не замкнутъ, и звука нѣтъ. Посредствомъ аналогичнаго приспособленія мы можемъ и въ хроноскопѣ то приводить въ движеніе стрѣлки, то останавливать, замыкая и размыкая электрическій токъ.

Именно въ хроноскопѣ есть приспособленіе такого рода, что если мы желаемъ, чтобы стрѣлки двигались (разумѣется, въ то время, когда часовой механизмъ приходитъ въ движеніе), то мы *замыкаемъ* токъ, если же мы желаемъ, чтобы стрѣлки остановились, то мы *размыкаемъ* токъ. Теперь замѣтимъ слѣдующее.

Положимъ, передъ началомъ опыта мы пускаемъ въ ходъ хроноскопъ, т. е. часовой механизмъ, тогда гиря спускается, но стрѣлки остаются неподвижными.

Но пусть начинаетъ дѣйствовать какой-нибудь звукъ и пусть *въ тотъ же самый моментъ* замкнется токъ, тогда, разумѣется, стрѣлки начнутъ *двигаться*. Пусть субъектъ, надъ которымъ мы производимъ опытъ, какъ только услышитъ звукъ, произведетъ такое движеніе руки, посредствомъ котораго онъ разомкнетъ токъ. Разумѣется, движеніе стрѣлокъ тотчасъ же *прекратится*. Слѣд., стрѣлки начали идти въ тотъ моментъ, когда стало дѣйствовать звуковое возбужденіе и перестали идти въ тотъ моментъ, когда субъектъ произвелъ движеніе. Тогда мы можемъ прочесть на циферблатѣ хроноскопа то *время*, *которое прошло между началомъ дѣйствія звукового возбужденія и движеніемъ, которое произвелъ субъектъ*. Это время называется временемъ *простой реакціи*.

Замыканіе и размыканіе тока въ аппаратѣ, который изображенъ на рис. 2, происходитъ при помощи двухъ такъ-называемыхъ телеграфныхъ ключей. На одинъ изъ нихъ накладываетъ палецъ субъектъ, надъ которымъ производится опытъ, а другой служитъ для того, чтобы производить звуковое возбужденіе (это можно сдѣлать при помощи удара, замыкающаго ключъ). Субъекту говорятъ, что какъ только раздастся звукъ, то онъ долженъ на него реагировать, т. е. въ данномъ случаѣ онъ долженъ отнять руку отъ ключа. При началѣ опыта субъектъ замыкаетъ свой ключъ. Экспериментаторъ пускаетъ въ ходъ часовой механизмъ хроноскопа. Но стрѣлки находятся въ неподвижномъ состояніи, потому что еще не замкнутъ ключъ экспериментатора. Но когда послѣдній производитъ звуковое возбужденіе при помощи удара, замыкающаго ключъ, то токъ замыкается и стрѣлки хроноскопа приходятъ въ движеніе. Субъектъ, воспринявъ звуковое возбужденіе, отнимаетъ

палецъ отъ ключа, токъ размыкается и стрѣлки въ тотъ же моментъ останавливаются. Послѣ этого экспериментаторъ смотритъ на циферблатъ и видитъ на немъ то время, которое прошло *между началомъ дѣйствія звукового возбужденія и дѣйствіемъ реакціи*. Такимъ образомъ опредѣляется время простой реакціи при воспріятіи звукового ощущенія.

Точно такимъ же образомъ нужно поступать, когда мы желаемъ опредѣлить время реакціи на какое-нибудь звуковое возбужденіе и т. п.

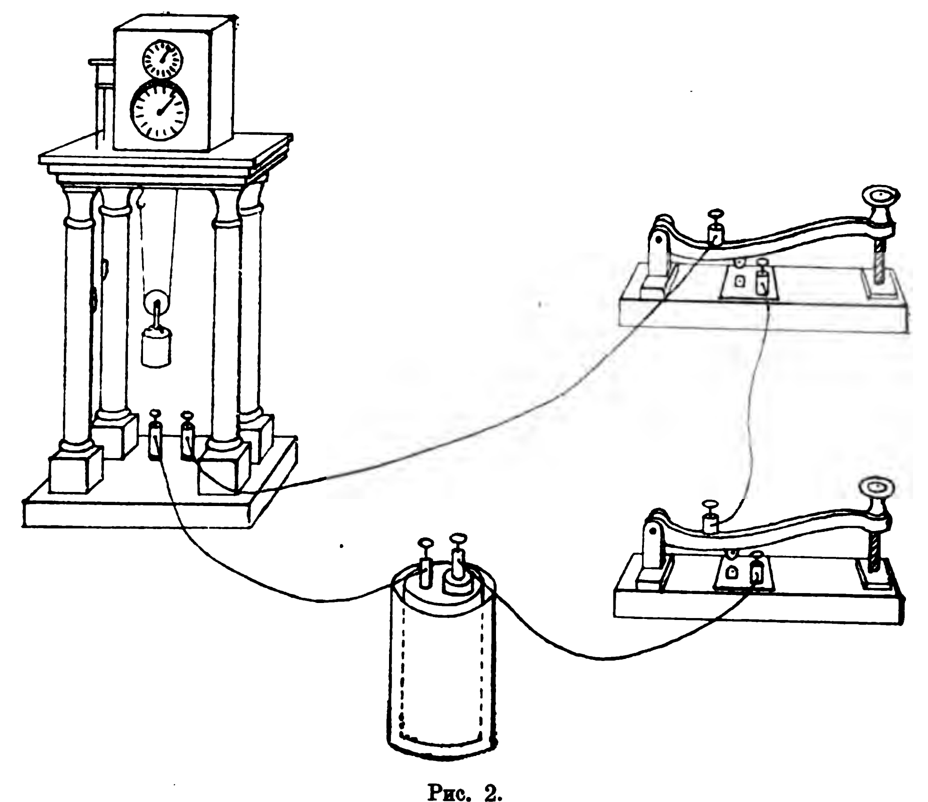


Рис. 2.

Гипповскій хроноскопъ съ приспособленіями для изслѣдованія времени простой реакціи (баттарея и два телеграфныхъ ключа, при помощи которыхъ можно замыкать и размыкать токъ). Въ хроноскопѣ, позади циферблатовъ, изъ которыхъ одинъ показываетъ тысячныя доли секунды, а другой десятыя, находится электромагнитъ съ якоремъ (не видны на рисункѣ), притягиваніе и отталкиваніе котораго при замыканіи и размыканіи тока, производитъ то, что стрѣлки одинъ разъ *включаются* въ часовой механизмъ, а въ другой выключаются.

Мы должны только сдѣлать такъ, чтобы стрѣлки хроноскопа приходили въ движеніе въ тотъ моментъ, когда начинаетъ дѣйствовать свѣтовое возбужденіе, т. е. чтобы появленіе свѣтового возбужденія точно совпадало съ замыканіемъ тока.

Но читатель не долженъ думать, что если намъ удалось измѣрить время *простой реакціи*, то этимъ самымъ мы уже опредѣлили и продолжительность психическихъ процессовъ, потому что вѣдь процессъ

простой реакціи, т. е. совершеніе движеній съ цѣлью показать, что въ насъ совершился извѣстный психическій процессъ, на самомъ дѣлѣ не есть процессъ *чисто психологическій*. Этотъ процессъ складывается какъ изъ элементовъ психологическихъ, такъ и изъ физіологическихъ. Когда мы реагируемъ на какое-либо возбужденіе, то въ насъ происходятъ слѣдующіе процессы:

1) Физіологическое возбужденіе отъ органа чувствъ проходитъ по чувствующему нерву до мозга.

2) Начинается возбужденіе мозговыхъ центровъ. Въ этотъ моментъ возбужденіе сознается, но еще не вполнѣ.

3) Когда затѣмъ возбужденіе доходитъ до лобныхъ долей мозга, то возбужденіе сознается вполнѣ.

Затѣмъ 4) начинается волевое возбужденіе, благодаря которому рождается импульсъ къ движенію.

Наконецъ 5) возбужденіе проводится къ мускуламъ и происходитъ сокращеніе этихъ послѣднихъ.

Отсюда легко видѣть, что процессъ простой реакціи есть собственно не чисто психологическій процессъ, а психофизіологическій, такъ какъ первый и пятый членъ его представляютъ собою чисто физіологическіе процессы, то тому, кто желаетъ измѣрить какой-нибудь чисто психическій процессъ, необходимо прежде всего опредѣлить именно время *простой* реакціи; такъ какъ это время содержится и въ сложныхъ реакціяхъ на чисто психическіе процессы. Если же мы изъ всего времени сложной реакціи вычтемъ время простой реакціи, то мы такимъ образомъ опредѣлимъ *время чисто психическаго процесса*.

Изъ наиболѣе интересныхъ результатовъ изслѣдованій этого рода отмѣтимъ слѣдующіе:

Время простой реакціи доходитъ среднимъ числомъ до $^1/_8$—$^1/_6$ секунды, если только возбужденіе будетъ умѣренной интенсивности. Времена реакцій на впечатлѣнія различныхъ органовъ чувствъ обнаруживаютъ нѣкоторую разницу. Вотъ, напр., времена реакціи, полученные у Вундта.

На звукъ.	0,167	сек.
» свѣтъ.	0,222	»
Электрическое возбужденіе кожи. . .	0,201	»
Осязательное возбужденіе.	0,213	»

Винтчгау и Гёнигшмидъ опредѣляли время реакціи на вкусовыя ощущенія и нашли, что при употребленіи солей онъ равняется 0,159 сек., при употребленіи сахара—0,163, при употребленіи кислотъ—0,167, при употребленіи хинина—0,235. Времена простой реакціи, полученныя при обонятельныхъ возбужденіяхъ отъ масла:

Мятнаго	0,247	сек.
Бергамотнаго.	0,268	»
Сосноваго.	0,267	»

Оказалось также, что время реакціи находится въ зависимости отъ самыхъ различныхъ причинъ, такъ, напр., оно находится въ зависимости отъ индивидуальности и возраста. У стариковъ и у неинтеллигентныхъ время реакціи доходитъ почти до секунды. У дѣтей оно также очень значительно.

Части дня вліяютъ на время реакціи. Такъ время реакціи утромъ меньше, чѣмъ вечеромъ.

Время года вліяетъ на продолжительность реакціи: наименѣе продолжительно время реакціи зимою. Настроеніе тоже вліяетъ на реакцію, напр., удручающая эмоція удлиняетъ время реакціи; у меланхоликовъ иногда это время бываетъ въ три раза больше, чѣмъ у нормальныхъ *).

Теперь, послѣ того, какъ мы показали, какъ опредѣляется время простой реакціи намъ слѣдуетъ показать, какъ опредѣляется время чисто психическаго процесса, именно процесса *различенія*. Этотъ процессъ отличается отъ простой реакціи, именно, въ этомъ случаѣ наблюдатель долженъ воспринять не то опредѣленное возбужденіе, которое ему уже заранѣе извѣстно, какъ это было въ простой реакціи, н[illegible]жень ожидать два или нѣсколько различныхъ впечатлѣнія. Ему [illegible]рять, напр., что можетъ появиться впечатлѣніе чернаго и бѣлаг[illegible]ѣтовъ, но онъ долженъ реагировать только на бѣлое. Очевидно, что онъ можетъ произвести движеніе только въ томъ случаѣ, если онъ [illegible]ершилъ процессъ *различенія* надъ двумя впечатлѣніями. Очевидно [illegible] же, что этотъ процессъ болѣе сложный, чѣмъ процессъ простой реа[illegible].

Для опытовъ съ простымъ различеніемъ, напр., между двумя свѣтовыми впечатлѣніями, поступаютъ слѣдующимъ образомъ. Пусть въ качествѣ возбужденія употребляются бѣлый и черный цвѣтъ (бѣлый кругъ на черномъ полѣ и черный кругъ на бѣломъ полѣ). Они въ неправильной смѣнѣ наносятся на стѣнку темнаго ящика, черезъ переднее отверстіе котораго смотритъ наблюдатель. Въ извѣстный моментъ гесслеровская трубка, находящаяся въ ящикѣ, освѣщаетъ предметъ, и одновременно съ этимъ приводятся въ движеніе стрѣлки хроноскопа. Въ тотъ самый моментъ, когда наблюдатель окончилъ «различеніе», онъ посредствомъ движенія руки, или посредствомъ реакціи прекращаетъ освѣщеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и движеніе стрѣлокъ хроноскопа и такимъ образомъ на хроноскопѣ получается указаніе, сколько времени нужно для *реакціи* въ процессѣ различенія. Если же мы изъ этого времени вычтемъ время простой реакціи, то получимъ время, нужное для самаго акта *различенія* **).

Оказалось, что время различенія между двумя впечатлѣніями равняется приблизительно 0,050—0,079 сек. Вотъ это уже есть время для чисто *психическаго* процесса.

---

*) Подробности объ этомъ см. *Вундтъ*. Grundz. d. physiol. Psych. B. II, гл. XVI.

**) О другихъ пріемахъ изслѣдованія того же процесса см. *Wundt*. «Phys. Psychologie». B. II. Гл. XVI.

Процессъ различенія можно усложнить. Именно, можно сдѣлать такъ, чтобы субъектъ производилъ различеніе не между двумя впечатлѣніями, а между нѣсколькими. Можно взять, напр., четыре цвѣта: черный, бѣлый, красный и зеленый. Субъектъ долженъ реагировать только въ томъ случаѣ, если появится одинъ изъ этихъ четырехъ цвѣтовъ. Конечно и въ этомъ случаѣ требуется опредѣлять время простой реакціи и затѣмъ время реакціи послѣ различенія; вычтя изъ этого послѣдняго времени—время простой реакціи, мы получимъ время акта различенія, Само собою разумѣется, что время сложнаго акта различенія должно быть больше. Именно оно колеблется между 0,73—0,157.

До сихъ поръ мы разсмотрѣли, какъ опредѣляется время чисто интеллектуальнаго процесса различенія, но можно еще изслѣдовать время *волевыхъ* явленій. Здѣсь опять могутъ быть какъ простыя, такъ и сложныя явленія.

Если, напр., я долженъ произвести одно опредѣленное движеніе на заранѣе извѣстное впечатлѣніе, то это будетъ простой волевой актъ. Такой простой волевой актъ составляетъ часть простой реакціи. Какъ процессъ воспріятія усложняется тѣмъ, что вводится вмѣсто одного заранѣе извѣстнаго впечатлѣнія два или нѣсколько, такъ и для акта воли вмѣсто одного извѣстнаго движенія предлагается нѣсколько, изъ которыхъ должно произвести *выборъ*. Назначаютъ, напр., выбрать въ движеніи реакціи правую или лѣвую руку, при чемъ опредѣляютъ, что на одно изъ двухъ данныхъ впечатлѣній можно отвѣчать правою рукой, а на другое—лѣвою. Субъекту, надъ которымъ производятъ опытъ, говорятъ, напр., что онъ получитъ одно изъ двухъ впечатлѣній: или бѣлаго цвѣта или чернаго; если онъ получитъ впечатлѣніе бѣлаго цвѣта, то онъ долженъ реагировать лѣвой рукой, если же получитъ впечатлѣніе чернаго цвѣта, то онъ долженъ реагировать правой. Очевидно, что эти реакціи отличаются отъ простыхъ реакцій тѣмъ, что въ нихъ входятъ: 1) *различеніе* впечатлѣній и 2) *выборъ* опредѣленнаго органа движенія. Если изъ времени, потребнаго для реакціи различенія и выбора (какъ только что было указано), вычесть время простой реакціи и различенія, то, очевидно, мы получимъ время необходимое для выбора между различными способами движенія. Это и будетъ, то, что называютъ *временемъ выбора*. Время выбора между двумя движеніями равняется приблизительно 0,080 сек.

Наиболѣе интересными являются опыты надъ *ассоціаціей представленій*. Извѣстно, что ни одно изъ представленій не появляется въ нашемъ сознаніи самостоятельно, а всегда въ связи съ какимъ нибудь другимъ представленіемъ. Эта связь называется ассоціативною. Само собою разумѣется, что для того, чтобы данное представленіе вызвало другое, требуется извѣстное количество времени. Вотъ это время и принято называть временемъ *воспроизведенія представленій*.

Чтобы опредѣлить это время, поступаютъ слѣд. образомъ. Экспери-

ментаторъ произноситъ односложное слово и въ то же время замыкая токъ пускаетъ въ ходъ стрѣлки хроноскопа; субъектъ долженъ подождать того момента, когда у него явится какое-нибудь представленіе по ассоціаціи и тогда реагировать; въ этотъ моментъ стрѣлки хроноскопа останавливаются и на циферблатѣ можно прочитать время реакціи. Реакція на воспроизведенное представленіе составляется изъ слѣдующихъ звеньевъ: 1) проведеніе нервнаго возбужденія къ центрамъ: 2) перцепція; 3) различеніе слова; 4) появленіе воспроизведеннаго по ассоціаціи представленія, 5) волевое возбужденіе; 6) проведеніе нервнаго возбужденія къ двигательнымъ мускуламъ. Если мы изъ всего времени, нужнаго для совершенія этого процесса, вычтемъ время простой реакціи и время различенія, то получимъ время, нужное для *репродукціи* или *ассоціаціи*.

Изъ этихъ изслѣдованій оказалось, что нѣкоторыя ассоціаціи требовали мало времени, другія—много. Это зависѣло отъ характера самихъ ассоціацій. Всѣ ассоціаціи могутъ быть раздѣлены приблизительно на 3 класса:

1) *Словесныя ассоціаціи*, въ которыхъ извѣстное слово вызываетъ другое только въ силу частаго соединенія съ нимъ, какъ, напр., слова домъ, домашній.

2) *Внѣшняя ассоціація* представленій, въ которой представленіе, соотвѣтствующее слову, вызываетъ другое представленіе, находящееся съ нимъ во внѣшней связи, напр., домъ и окно.

3) *Внутренняя ассоціація* представленій, въ которой представленіе, вызванное словомъ, вызываетъ другое представленіе, находящееся съ нимъ въ какомъ-либо отношеніи подчиненія, соподчиненія, зависимости и т. п., какъ напр. собака и плотоядное.

Для этихъ классовъ получились въ среднемъ слѣдующія времена, напримѣръ:

для словесной ассоціація	. . . .	0,737
» внѣшней »	. . . .	0,810
» внутренней »	. . . .	0,730

Есть группа ассоціацій, въ которыхъ дѣло идетъ собственно о логическихъ актахъ сужденія. И здѣсь, разумѣется, характеръ представленій, съ которыми мы оперируемъ, имѣетъ вліяніе на величину временъ. Такъ скорѣе всего ассоціація совершаются въ сужденіяхъ о *конкретныхъ* предметахъ (напр. сужденіе: «мачта есть часть корабля»), нѣсколько медленнѣе въ понятіяхъ *дѣятельности* и *состоянія*, и медленнѣе всего—въ *абстрактныхъ понятіяхъ* (напр. сужденіе: «искусство есть эстетическая дѣятельность человѣка»).

Такъ напр., у одного изъ наблюдателей получились слѣдующія цифры:

Для конкретныхъ понятій	. . . .	0,823
» понятія состояній	. . . .	0,854
» абстрактныхъ понятій	. . . .	1,317

Я не могу останавливаться долѣе надъ изслѣдованіями продолжительности еще другихъ умственныхъ процессовъ *); это могло бы насъ завести слишкомъ далеко, но я надѣюсь, что уже приведеннаго мною вполнѣ достаточно, чтобы видѣть, что мыслительные процессы дѣйствительно имѣютъ опредѣленную продолжительность и что эта продолжительность вовсе не такъ мала, какъ это принято думать.

Если мы сравнимъ скорость простѣйшихъ актовъ мысли со скоростью распространенія свѣта и электричества, то продолжительность простѣйшаго психическаго процесса уже довольно значительная. Посмотрите, о какихъ цифрахъ идетъ рѣчь, когда говорятъ, напр., о скорости распространенія свѣта, 288.000 верстъ въ секунду!

Было время, когда думали, что голова преступника, уже отдѣленная отъ туловища, можетъ не только ощущать страданіе отъ своего отдѣленія отъ тѣла, но иногда даже можетъ разсуждать о своемъ ужасномъ положеніи. Подобнаго рода соображенія въ настоящее время нужно считать совершенно неосновательными. Какъ бы ни были велики тѣ страданія, которыя предшествуютъ моменту казни, но обезглавленный преступникъ уже не чувствуетъ ихъ болѣе. Когда мечъ сдѣлаетъ свое дѣло, то мозгъ уже не ощущаетъ прикосновенія къ кожѣ, потому что давленіе крови, подъ которымъ долженъ находиться мозгъ для того, чтобы могло сохраняться сознаніе, прекращается скорѣе, чѣмъ сколько необходимо времени для воспріятія впечатлѣнія **).

Итакъ, мы видѣли, что психическіе процессы могутъ измѣряться. Можетъ измѣряться ихъ скорость и ихъ интенсивность, хотя конечно, по отношенію къ измѣренію интенсивности, какъ мы видѣли, понятіе измѣренія употребляется въ совершенно особенномъ смыслѣ. Измѣреніе производится не непосредственно, а посредственно, можно сказать, путемъ умозаключенія и именно при предположеніи, что ощущеніе представляетъ изъ себя нѣчто сложное изъ безконечно малыхъ элементовъ. Я, разумѣется, очень далекъ отъ мысли подвергать критикѣ этотъ взглядъ; я исхожу изъ того положенія, что *измѣреніе возможно* и хочу только отвергнуть неправильные выводы относительно природы психическихъ процессовъ, основанные на возможности ихъ измѣренія.

Мы видѣли, что по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, если психическіе процессы могутъ быть измѣряемы, то это значитъ, что они обладаютъ матеріальной природой, но этотъ выводъ, какъ я сейчасъ покажу, совершенно неправиленъ.

Разберемъ прежде всего то положеніе, что психическіе процессы обладаютъ матеріальной природой, потому что можетъ быть измѣрена ихъ скорость. Такой выводъ можетъ сдѣлать только тотъ, кто не замѣчаетъ

---

*) Объ измѣреніи скоростей см. Wundt, «Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ», Спб. 1894. гл. XVIII. Vorlesungen über die Menschen und Thierseele 3-е изд., 1896. Wundt. Grundzüge d. Psychologie. Изд. 4-е, 1892, гл. XVI.

**) *Wundt*. (Essays стр. 169. Die Messung psychischer Vorgänge).

двусмысленности выраженій: «измѣрять мѣрами протяженности *пространственной*» и «мѣрами протяженности временной». Между явленіями, совершающимися въ пространствѣ и между явленіями, совершающимися *только* во времени, существуетъ различіе, которое совершенно не дозволяетъ отождествлять ихъ другъ съ другомъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, разсмотримъ вопросъ о *природѣ времени*.

Что такое время и существуетъ ли оно реально? Тѣ, которые поставляютъ такой вопросъ, думаютъ, что на него можно отвѣтить только въ томъ смыслѣ, что время существуетъ такъ же, какъ существуютъ матеріальныя вещи, напр., камни, растенія, животныя, вода, воздухъ и т. п. Въ существованіи этихъ послѣднихъ вещей никто не рѣшился бы усомниться, а между тѣмъ, если спросить, существуетъ ли время въ томъ же смыслѣ, въ какомъ существуютъ только что поименованныя вещи, то едва ли можно дать утвердительный отвѣтъ. Получается такимъ образомъ нѣчто парадоксальное. Съ одной стороны несомнѣнно, что время существуетъ, потому что мы о немъ говоримъ, мы имъ пользуемся, мы его измѣряемъ, мы посредствомъ его измѣряемъ. Мы говоримъ, что оно можетъ быть больше, можетъ быть и меньше. Слѣд., несомнѣнно, что оно существуетъ. Съ другой стороны, кажется, что оно вовсе даже не существуетъ. Но если разсмотрѣть этотъ вопросъ ближе, то окажется, что время существуетъ, что оно реально, но что его существованіе отличается отъ существованія такъ называемыхъ объективныхъ вещей.

Если бы спросить человѣка, который никогда не занимался философскими вопросами, существуютъ ли, напр., цвѣта, звуки, твердость и т. п. под. объективно-реально, то онъ навѣрно даже не понялъ бы, что этотъ вопросъ имѣетъ какой-нибудь смыслъ. «Конечно, скажетъ онъ, для меня несомнѣнно, что цвѣта и звуки существуютъ реально. Вотъ я вижу голубое небо, зеленое дерево; и голубой и зеленый цвѣта для меня имѣютъ несомнѣнно реальное существованіе. Неужели кто-нибудь могъ бы сказать, что цвѣта не существуютъ реально? Или, напр., звукъ: онъ, конечно, имѣетъ также реальное существованіе; вотъ колоколъ: при ударѣ въ него получается звукъ, который распространяется во всѣ стороны и между прочимъ достигаетъ и моего уха. Я могу сказать, что сладость, напр., существуетъ въ сахарѣ» и т. д. На это ему слѣдуетъ, конечно, отвѣтить, что на самомъ дѣлѣ ни цвѣтъ, ни звукъ не имѣютъ *объективнаго* существованія, а имѣютъ только лишь *субъективное* существованіе, а объективно имъ соотвѣтствуетъ нѣчто другое.

Чтобы это утвержденіе сдѣлалось для читателя понятнымъ, я приведу ему общеизвѣстный примѣръ изъ физики.

Проведемъ въ темную комнату сквозь узкую щель лучъ солнечнаго свѣта; на пути этого луча поставимъ трехгранную призму. Какъ извѣстно, солнечный лучъ разложится и образуетъ то, что мы назы-

ваемъ спектромъ, состоящимъ изъ ряда цвѣтовъ (краснаго, оранжеваго, желтаго, зеленаго, синяго, фіолетоваго).

Физики говорятъ, что различіе въ цвѣтахъ спектра происходитъ отъ того, что лучи спектра состоятъ изъ волнъ эфира, длина которыхъ различна. Такъ напр., волны эфира, благодаря которымъ созидается фіолетовый цвѣтъ спектра, значительно *короче*, чѣмъ тѣ волны, благодаря которымъ созидается красный цвѣтъ. Волны перваго рода дѣлаютъ въ одно и то же время больше колебаній, чѣмъ волны второго рода: въ то время, какъ первыя дѣлаютъ приблизительно 667 билліоновъ колебаній въ секунду, вторыя дѣлаютъ 456 билліоновъ. Такимъ образомъ ясно, что всѣ лучи спектра отличаются другъ отъ друга только длиной колебаній волнъ эфира.

Спектръ на обоихъ своихъ концахъ не имѣетъ никакихъ опредѣленныхъ границъ, но постепенно переходитъ въ черный цвѣтъ. Не слѣдуетъ думать, что въ черной части спектра не дѣйствуютъ никакіе свѣтовые лучи. Правда, мы ихъ не можемъ видѣть, но доказать ихъ существованіе можно. Именно эти невидимые лучи оказываютъ химическое дѣйствіе на іодистое и хлористое серебро.

Гельмгольцъ показалъ, что при извѣстныхъ условіяхъ мы въ состояніи даже простымъ глазомъ воспринимать ту темную часть спектра, которая лежитъ за фіолетовымъ цвѣтомъ. Такимъ образомъ, физика имѣетъ всѣ основанія предполагать, что и невидимые лучи спектра, т. е. лежащіе по ту сторону краснаго и фіолетоваго состоятъ изъ колебаній свѣтового эфира. Но нашъ глазъ устроенъ такимъ образомъ, что на него могутъ дѣйствовать только лишь волны средней длины; слишкомъ короткія волны и слишкомъ длинныя на него дѣйствовать не могутъ.

Если читатель это ясно понялъ, то онъ согласится съ тѣмъ, что воспріятіе цвѣтовъ находится въ тѣсной зависимости отъ устройства нашего зрительнаго аппарата и что мы можемъ легко представить себѣ существо, зрительный органъ котораго былъ бы такъ устроенъ, что на него дѣйствовали бы очень короткія и очень длинныя волны и не дѣйствовали бы волны средней длины. Для такого существа міръ представился бы въ совсѣмъ другомъ видѣ, чѣмъ намъ.

Теперь легко понять, существуютъ ли, напр., цвѣта *объективно*. Конечно, нѣтъ. Объективно, во внѣшнемъ мірѣ существуютъ только эфирныя волны различной длины. Представьте себѣ, что вы стоите на берегу озера съ спокойной поверхностью и бросаете камни различной величины. Конечно образуются волны: однѣ большія, другія малыя. Онѣ будутъ сталкиваться другъ съ другомъ, сливаться и т. д. Вы видите волны и ничего больше. Вотъ если бы явилось существо, устроенное иначе, чѣмъ мы, то оно въ нашемъ мірѣ восприняло бы только эфирныя волны и ничего больше. Если же мы воспринимаемъ цвѣта, то это объясняется только лишь тѣмъ, что эфирныя волны производятъ то или

иное воздѣйствіе на наши органы. Уже изъ этого примѣра ясно, что то, что мы называемъ цвѣтомъ, не существуетъ объективно, реально.

Намъ кажется, что «цвѣтъ» находится гдѣ-то внѣ насъ и что именно онъ оказываетъ воздѣйствіе на наше сознаніе. На самомъ же дѣлѣ, если мы разсмотримъ, какимъ образомъ возникаетъ въ насъ ощущеніе цвѣта, то мы увидимъ, что ощущеніе цвѣта порождается въ насъ самыми различными способами и что возникаетъ въ насъ только потому, что нашъ зрительный органъ устроенъ такимъ образомъ, что опредѣленное возбужденіе его всегда вызываетъ ощущеніе цвѣта.

Если мы станемъ возбуждать нашъ зрительный органъ какимъ нибудь возбужденіемъ, то мы замѣтимъ, что каково бы то ни было это возбужденіе, всегда будетъ получаться ощущеніе *свѣта*.

Такъ напр., при мгновенномъ *ударѣ* о глазъ возникаетъ подобный молніи яркій свѣтовой образъ на всемъ зрительномъ полѣ. Если придавить глазное яблоко, то получится свѣтящійся образъ, такъ называемый фосфенъ. Если у человѣка перерѣзывается зрительный нервъ съ оперативной цѣлью, то въ моментъ перерѣзки возникаетъ сильный свѣтъ. При возбужденіи при помощи электрическаго тока, когда одинъ полюсъ ставится на верхнее вѣко, а другой на затылокъ, возникаетъ сильный молніеобразный свѣтъ, обнимающій все поле зрѣнія. Слѣд., какъ ни различны всѣ эти возбужденія, они вызываютъ одно и тоже ощущеніе—ощущеніе свѣта.

То же самое справедливо и относительно органа *слуха*. Ощущеніе звука порождается не только раздраженіемъ слухового нерва при помощи воздушныхъ волнъ, но оно получается также при механическихъ, электрическихъ и т. п. раздраженіяхъ слухового нерва.

Для вопроса о *субъективности* ощущеній весьма поучительными являются обратные примѣры, примѣры именно того, что *одно и то же* возбужденіе, дѣйствующее на различные органы чувствъ, вызываетъ различныя ощущенія. Напр., уксусъ, имѣющій на языкѣ вкусъ кислаго, на открытой части кожи или на нѣжной слизистой оболочкѣ производитъ осязательное ощущеніе болевого жженія. Тотъ же самый гальваническій токъ, проведенный черезъ языкъ, вызываетъ кислый вкусъ, черезъ глазъ—ощущеніе краснаго или голубого цвѣта, черезъ кожный нервъ ощущеніе щекотанія, черезъ слуховой нервъ—ощущеніе звука. Тѣ же самыя колебанія эфира, которыя глазъ воспринимаетъ какъ цвѣтъ, кожа воспринимаетъ какъ теплоту.

Изъ этихъ примѣровъ, я думаю, вполнѣ ясно, что качество ощущенія не есть свойство ощущаемаго объекта, но извѣстный видъ *ощущенія*. Каждый нервъ по своей природѣ, когда онъ возбуждается какимъ либо образомъ, обладаетъ способностью отвѣчать совершенно опредѣленнымъ ощущеніемъ; этимъ онъ отвѣчаетъ всегда приблизительно такъ, какъ струна опредѣленной толщины и эластичности отвѣ-

чаетъ всегда однимъ и тѣмъ же тономъ, все равно потянемъ ли мы ее пальцемъ, или проведемъ по ней смычкомъ.

Совокупность нашихъ чувствъ походитъ на клавиши фортепіано; на нихъ играетъ внѣшній міръ; тоны—это качественно отличныя ощущенія, съ этимъ играющимъ внѣшнимъ міромъ не имѣютъ ни малѣйшаго подобія и находятся въ зависимости и опредѣляются своеобразной природой и чувствительностью затронутаго органа чувства *).

Цвѣта, тоны, вкусовыя свойства не существуютъ реально, объективно; они имѣютъ только *субъективное* существованіе, существуютъ только благодаря особенному устройству нашихъ органовъ чувствъ; безъ такого ихъ устройства не было бы ни цвѣтовъ, ни звуковъ, ни иныхъ качествъ. Въ этомъ смыслѣ нужно считать вполнѣ справедливымъ выраженіе, что «солнце нуждается въ глазѣ, чтобы свѣтить». А изъ этого легко сдѣлать выводъ относительно объективной реальности.

Во внѣшнемъ мірѣ существуютъ совсѣмъ не цвѣта, а только лишь различныя колебанія эфира, а цвѣтъ собственно есть лишь своеобразное *ощущеніе*. Это есть нѣчто психическое, на самомъ дѣлѣ во внѣшнемъ мірѣ не существующее. Точно такимъ же образомъ и относительно звука мы должны сказать, что во внѣшнемъ мірѣ существуютъ только воздушныя волны, а звукъ, какъ таковой, существуетъ только лишь въ нашемъ сознаніи. Это разсужденіе можно продолжать и дальше и распространить его и на качества теплоты, твердости, вкуса, запаха и т. д. Обобщая затѣмъ, мы можемъ сказать, что все, нами воспринимаемое во внѣшнемъ мірѣ, есть не болѣе какъ только лишь наше *представленіе*, слѣд. нѣчто *психическое*.

Совершенно такимъ же образомъ я могъ бы утверждать и относительно *пространства* и *времени*. Я могъ бы сказать, что если бы я былъ устроенъ иначе, то пространство, а можетъ быть и время представилось бы мнѣ совсѣмъ въ иномъ видѣ, чѣмъ теперь. Нѣкоторые философы въ послѣднее время, чтобы сдѣлать убѣдительнымъ это воззрѣніе, допускали какъ возможное, что существа, устроенныя иначе, чѣмъ мы, могли бы воспринимать пространство въ четыре, пять и больше измѣреній и этимъ хотѣли сдѣлать нагляднымъ то, что пространство представляетъ собой нѣчто такъ же *субъективное*, какъ цвѣта, звуки и т. под. **).

Итакъ, очевидно, что все нами воспринимаемое обусловливается нашей организаціей и вообще причинами субъективнаго характера. Цвѣтовъ, звуковъ и проч. качествъ въ объективномъ мірѣ нѣтъ: они только лишь въ нашемъ сознаніи. Мы можемъ, слѣдовательно, сказать, что когда мы мыслимъ обо объективномъ, внѣшнемъ такъ называе-

*) См. *Helmholtz*. Physiol. Optik § 17. Его же Thatsachen in der Wahrnehmung (Vorträge u. Reden 1884 стр. 222—226). *Liebmann*. Analysis d. Wirklichkeit. 1880 (Ueber die Phenomenalität des Raumes стр. 36—68).

**) См. приведенную статью Либмана.

момъ физическомъ мірѣ, то мы собственно *оперируемъ съ состояніями нашего сознанія*. Въ этомъ смыслѣ, подобно тому, какъ наши психическія состоянія, т. е. наши чувства, желанія, волевыя рѣшенія представляютъ собой нѣчто субъективное, т. е. состоянія сознанія, такъ и качества: цвѣтъ, звукъ и т. под. представляютъ собой нѣчто *субъективное.*'

Отсюда, я думаю, для читателя сдѣлается ясной та мысль, что міръ какъ духовный, такъ равнымъ образомъ и матеріальный составляютъ (для нашего познанія) *только лишь содержаніе нашего сознанія*.

Но если все нами познаваемое есть только содержаніе моего сознанія, то вѣдь тогда всякое различіе между міромъ психическимъ и міромъ физическимъ должно было бы уничтожиться. Если бы это было такъ, то какимъ образомъ я могъ бы отличить то, что есть *только* лишь мое представленіе, отъ того, что принадлежитъ міру физическому. Такъ можетъ, конечно, подумать читатель. Но такого сомнѣнія въ дѣйствительности не можетъ быть, потому что между тѣмъ содержаніемъ сознанія, которое мы называемъ міромъ психическимъ и между тѣмъ содержаніемъ сознанія, которое мы называемъ міромъ физическимъ, имѣется огромное различіе, существующее въ сознаніи каждаго. Какимъ образомъ устанавливается это различіе, трудно показать въ элементарной формѣ. Но я попытаюсь вкратцѣ это сдѣлать, чтобы хоть въ самыхъ общихъ чертахъ показать, какъ этотъ вопросъ понимаютъ нѣкоторые изъ современныхъ выдающихся писателей.

Постараемся себѣ представить душевную жизнь ребенка на самой элементарной стадіи развитія, представимъ себѣ, что онъ что-нибудь воспринимаетъ и спросимъ себя, можетъ ли онъ воспринимать, что нибудь какъ вещь, какъ что нибудь находящееся внѣ его, какъ нѣчто *объективное?* Конечно, нѣтъ. Для того, чтобы что-нибудь воспринимать какъ объективное или какъ субъективное, нужно, чтобы существовало какое нибудь представленіе о субъектѣ и объектѣ, а этого мы относительно первоначальнаго сознанія допустить никакъ не можемъ. Но какъ же все-таки назвать то, что воспринимается въ такую эпоху, когда нѣтъ сознанія ни субъекта, ни объекта? Мы назовемъ это просто *содержаніемъ*: оно ни объективно, ни субъективно *). Вотъ это недифференцированное содержаніе и есть то единственное, что составляетъ предметъ первоначальнаго сознанія. Но такъ, конечно, не можетъ дѣло всегда оставаться. Начинается дифференціація содержанія. Это происходитъ такимъ образомъ, что часть этого *содержанія* составляетъ отдѣльный *комплексъ* чисто *субъективнаго* характера, часть—комплексъ

*) См. *Wundt*. «System d. Philosophie». 2-е изд. 1897. Abschn. 2. *Arenarius*. «Der menschlizhe Weltbegriff». 1891. *Mach*. «Znr Analyse d. Empfindungen». 1886. *Külpe*. («Einbeitung in die Philosophie». 1894. стр. 223). Первоначальное содержаніе называетъ просто «переживаніемъ» Erlebniss.

чисто *объективный*. По всей вѣроятности это происходитъ оттого, что у развивающагося индивидуума составляется представленіе о его физическомъ «я». Возлѣ этого физическаго «я» группируется рядъ представленій, чувства, ощущенія, связанныя съ дѣятельностью организма, напр., чувство движенія, боли, усталости и т. под. На ряду съ этимъ выдѣленіемъ въ одну группу нашихъ представленій, концентрирующихся вокругъ нашего физическаго «я», составляется и представленіе о мірѣ объективномъ. Напр., мы замѣчаемъ, что нѣкоторыя представленія возникаютъ и продолжаютъ свое существованіе независимо отъ того, совершаетъ ли нашъ организмъ какое-нибудь движеніе или нѣтъ; отсюда получается впечатлѣніе о чемъ-то независимомъ отъ нашего «я». Такого рода представленія, въ свою очередь, выдѣляются въ особую группу, относимую нами къ объекту. Такимъ образомъ получается двѣ группы представленій: *объективныхъ* и *субъективныхъ*; такъ какъ это разграниченіе произошло изъ одного общаго содержанія, то само собою разумѣется, что каждое представленіе можетъ сдѣлаться и субъективнымъ и объективнымъ, смотря по тому, въ какую связь представленій мы его введемъ. Напр., какое нибудь цвѣтовое ощущеніе можетъ быть объективнымъ, если мы будемъ его мыслить въ группѣ объективныхъ представленій, какъ это дѣлаетъ физикъ, который мыслитъ его находящимся въ извѣстной части пространства, или мы можемъ мыслить его безъ этой связи, какъ это дѣлаетъ, напр., психологъ, когда онъ говоритъ о цвѣтѣ какъ о чемъ-то чисто психическомъ.

Такъ, приблизительно, мы можемъ психологически изобразить возникновеніе *субъективнаго* и *объективнаго* міра; но какъ тотъ, такъ и другой (съ точки зрѣнія нашего познанія) есть не что иное, какъ содержаніе сознанія. Конечно, читатель не долженъ думать, что философъ, разсуждающій такимъ образомъ, не признаетъ существованія объективнаго міра. Философъ этого не отрицаетъ, но онъ хочетъ сказать только, что *все*, нами воспринимаемое, есть непосредственно содержаніе нашего сознанія, наши представленія, при чемъ эти представленія другъ отъ друга отличаются тѣмъ, что одинъ разъ мы ихъ связываемъ съ пространствомъ, относимъ въ пространство, въ другой разъ эта связь съ пространствомъ отсутствуетъ. Въ одномъ случаѣ мы говоримъ о чисто психическихъ состояніяхъ, въ другой разъ мы говоримъ о вещахъ, внѣ насъ, въ *пространствѣ* существующихъ. Если, напр., философъ говоритъ, о какой нибудь *идеѣ* (воды напр,). то онъ представляетъ ее себѣ существующей внѣ связи съ пространствомъ, если же онъ говоритъ, напр., о водѣ, какъ о вещи, то онъ опять имѣетъ въ виду тѣ же представленія цвѣта, прозрачности, твердости и т. д., но только приводитъ ихъ въ связь съ пространствомъ. Такимъ образомъ, въ человѣческомъ сознаніи существуетъ различеніе между міромъ физическимъ и міромъ психическимъ. Мы можемъ сказать, что разница между

ними только лишь та, что одинъ разъ представленія приводятся въ связь съ пространствомъ, въ другой разъ не приводятся.

Мы, конечно, не можемъ сказать, что представленія возникаютъ въ насъ безъ воздѣйствія внѣшняго міра, а отсюда для насъ становится понятнымъ, какъ мы должны отвѣтить на вопросъ о природѣ времени *). *Оно реально, но существуетъ только лишь въ нашемъ сознаніи.* Мы могли бы сказать, что оно имѣетъ психическое существованіе, хотя, разумѣется, порождается явленіями внѣшняго міра: оно реально, хотя его реальность ничего общаго не имѣетъ съ реальностью міра физическаго, потому что оно не приводится въ связь съ пространствомъ. И такъ, я утверждаю, что время имѣетъ *субъективное существованіе* и это могу пояснить при помощи слѣдующихъ соображеній.

Мы можемъ сказать, что время есть величина, потому что оно уменьшается и увеличивается, напр., день, проведенный въ интересномъ путешествіи, кажется намъ очень продолжительнымъ, между тѣмъ какъ тотъ же день, проведенный въ однообразномъ дѣйствіи, кажется намъ значительно короче. Отчего же это одинъ и тотъ же день кажется намъ то большимъ, то меньшимъ? Психологи говорятъ, что это находится въ зависимости отъ количества представленій или *образовъ*, которые находятся въ нашемъ сознаніи. Когда мы находимся въ путешествіи, то мы сталкиваемся съ массой новыхъ, интересныхъ вещей, которыя въ насъ вызываютъ тѣ или другія представленія. Когда послѣ этого мы вспоминаемъ о днѣ, проведенномъ въ путешествіи, то всѣ эти многочисленныя представленія появляются въ нашемъ сознаніи. Оттого день кажется продолжительнымъ. День, проведенный среди обыкновенныхъ занятій, не вызываетъ большого количества представленій и оттого кажется короткимъ. Это обстоятельство дало поводъ психологамъ думать, что вообще время въ нашемъ сознаніи *измѣряется количествомъ образовъ*. Чѣмъ больше образовъ, тѣмъ болѣе продолжительнымъ кажется время; чѣмъ менѣе образовъ, тѣмъ менѣе кажется продолжительнымъ время. Это подтверждается также тѣмъ общеизвѣстнымъ явленіемъ, что мы не имѣемъ никакого точнаго представленія о времени, которое мы пережили во снѣ. Существуетъ разсказъ относительно одного господина, который однажды впалъ въ летаргическій сонъ, длившійся короткій промежутокъ времени. Послѣ пробужденія ему казалось, что онъ спалъ чрезвычайно долго, потому что въ этомъ снѣ ему привидилось, что онъ совершилъ продолжительное путешествіе, видѣлъ массу городовъ и т. п.

Этихъ примѣровъ, я надѣюсь, достаточно, чтобы сдѣлать яснымъ для читателя, что время въ нашемъ сознаніи обусловливается количествомъ образовъ или представленій. Но, само собою разумѣется, что эта сово-

*) Объ этомъ см. мою статью «О природѣ времени». «Вопросы философіи и психологіи». № 19.

жупность представленій сама по себѣ еще не составляетъ того, что мы называемъ временемъ. Необходимо, чтобы мы отдѣльныя представленія привели въ связь другъ съ другомъ. Если бы у насъ было три представленія *А*, *В*, *С*, которыя существовали бы въ нашемъ сознаніи отдѣльно, безъ всякой связи, то у насъ еще не было бы никакой идеи времени. Если бы, напр., представленіе *А* исчезло изъ сознанія въ тотъ моментъ, когда появляется представленіе *В*, и представленіе *В* исчезало изъ сознанія въ тотъ моментъ, когда появляется представленіе *С*, то у насъ идеи времени не было бы. Необходимо, чтобы эти представленія были такъ связаны другъ съ другомъ, чтобы когда въ нашемъ сознаніи есть представленіе *В*, то въ немъ же находилось бы и представленіе *А* и *С*, при томъ въ одномъ и томъ же порядкѣ.

Но смѣна и опредѣленная связь представленій сами по себѣ опять-таки не были бы въ состояніи создать представленіе времени. Какъ мы уже видѣли раньше, представленія въ человѣческой душѣ не могутъ рождаться сами по себѣ. Они рождаются вслѣдствіе воздѣйствія внѣшнихъ событій или впечатлѣній. Для представленія времени нужно, чтобы внѣшнія событія измѣнялись однообразно и періодически, и эта именно смѣна и созидаетъ первое представленіе о времени, напр., смѣна дня и ночи является первымъ импульсомъ для созиданія идеи времени, правда грубой, элементарной. Въ такомъ видѣ эта идея находится только у мало культурныхъ народовъ и, можетъ быть, у высшихъ животныхъ. Для точнаго же представленія и опредѣленія времени необходимо какое-нибудь равномѣрное движеніе, различные моменты котораго и служатъ для оцѣнки времени. Періодическое движеніе небесныхъ свѣтилъ, движеніе воды въ водяныхъ часахъ, движеніе стрѣлки въ обыкновенныхъ часахъ и т. п. могутъ являться средствомъ для болѣе точной оцѣнки времени.

Но слѣдуетъ замѣтить, что хотя эти равномѣрныя *движенія* и служатъ для оцѣнки времени, тѣмъ не менѣе временемъ мы считаемъ совокупность тѣхъ *субъективныхъ* образовъ, которые могутъ заполнить собою промежутки между отдѣльными моментами равномѣрнаго движенія. Время все-таки остается субъективнымъ, находящимся въ зависимости отъ количества образовъ нашего сознанія.

Въ какой мѣрѣ оно субъективно, можно показать еще и тѣмъ соображеніемъ, что, по всей вѣроятности, для различныхъ организмовъ оцѣнка времени совершается вполнѣ отлично, что одинъ и тотъ же промежутокъ времени человѣку можетъ казаться совсѣмъ инымъ, чѣмъ, напр., собакѣ, птицѣ; инымъ, чѣмъ какому-нибудь насѣкомому. Новѣйшія экспериментально-психологическія изслѣдованія показываютъ, что оцѣнка времени находится въ зависимости отъ кровообращенія, отъ быстроты пульса, дыханія и т. под. Слѣдовательно, мы въ этомъ еще разъ видимъ подтвержденіе того, что представленіе времени есть нѣчто совершенно субъективное.

Если бы теперь предложили вопросъ, существуетъ ли время реально, то мы получили бы, конечно, утвердительный отвѣтъ. Изъ приведенныхъ соображеній ясно, что реальностью называется не только то, что можно «ощупать руками», не только то, что существуетъ на подобіе матеріальныхъ вещей; къ такого-то рода реальностямъ относится и время.

Теперь мы можемъ отвѣтить на вопросъ, поставленный нами въ началѣ статьи относительно того, могутъ ли психическія явленія измѣряться, и что изъ этого слѣдуетъ? На этотъ вопросъ мы должны отвѣтить: «Конечно, психическія явленія могутъ быть *измѣрены*, но здѣсь понятіе *измѣренія* употребляется совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, который давалъ бы намъ право отождествлять явленія психическія съ явленіями физическими. Для измѣренія скоростей психическихъ процессовъ употребляется обычная единица времени, но, въ виду субъективнаго характера времени, измѣренія при помощи временной протяженности совсѣмъ не доказываетъ тождества явленій психическихъ съ явленіями физическими. Конечно, мы должны сказать, что психическія явленія совершаются во времени, *измѣряются* мѣрами времени, но такъ какъ время имѣетъ только лишь субъективное существованіе, оно существуетъ только лишь въ нашемъ сознаніи, можно было бы сказать въ нашей душѣ, то очевидно, что сказать, что что-либо измѣряется мѣрами времени еще вовсе не значитъ сказать, что явленіе имѣетъ пространственное существованіе, а только въ этомъ послѣднемъ случаѣ и могла бы быть рѣчь о тождествѣ явленій психическихъ съ матеріальными. Сказать, что психическія явленія измѣряются единицами времени значитъ другими словами сказать, что они совершаются въ сознанія, что они имѣютъ только субъективную реальность, а изъ этого слѣдуетъ, что психическіе процессы не матеріальны».

Мы видѣли, что интенсивность ощущеній несомнѣнно можетъ быть измѣряема. Мы даже видѣли, что отношеніе между ощущеніями и возбужденіями можетъ выразиться посредствомъ точной математической формулы. Но читатель самъ легко можетъ отвѣтить на вопросъ, имѣетъ ли это измѣреніе что-нибудь общее съ измѣреніями физическихъ явленій? Имѣется ли здѣсь какая нибудь мѣра въ родѣ той, которая употребляется при измѣреніи физическихъ явленій?

Разсмотрѣніе способа измѣренія интенсивности психическихъ явленій показываетъ, что какъ разъ наоборотъ, психологи предполагаютъ совершенно особенную природу психическихъ процессовъ; они предполагаютъ, что эти послѣдніе измѣняются параллельно физическимъ процессамъ и при томъ совершенно своеобразнымъ способомъ и именно, что между измѣненіемъ однихъ и другихъ не существуетъ пропорціональности, что, слѣд., въ ходѣ психическихъ процессовъ замѣчается какъ бы нарушеніе закона равенства дѣйствія противодѣйствію, которое примѣняется ко всей остальной природѣ. И изъ этого не трудно

было сдѣлать выводъ относительно совершенно особенной природы психическихъ процессовъ, каковой выводъ и сдѣланъ былъ именно *Фехнеромъ*, впервые занимавшимся изслѣдованіемъ этого вопроса. Онъ предложилъ ученіе о душѣ, которое не имѣетъ ничего общаго съ матеріалистическимъ ученіемъ *).

Слѣдовательно, измѣреніе интенсивности психическихъ процессовъ не только не приводитъ къ выводу о ихъ матеріяльности, а какъ разъ наоборотъ, къ выводу о ихъ нематеріальности. Скажу больше. Есть философъ, о которомъ слѣдуетъ сказать, что онъ является защитникомъ матеріализма въ единственно возможномъ въ настоящее время видѣ—это именно *Дюрингъ*. Онъ, говоря о возможности измѣренія ощущеній, находитъ нужнымъ замѣтить, что это измѣреніе собственно ничего общаго не имѣетъ съ измѣреніемъ физическихъ явленій. Вотъ его подлинныя слова:

«Приложеніе механическихъ принциповъ къ субъективному ощущенію кажется невозможностью потому, что въ ощущеніи нѣтъ ничего такого, что, подобно объективному предмету, могло бы быть понимаемо съ точки зрѣнія матеріи и движенія... Поэтому было бы совершенно неправильно переносить механику матеріи непосредственно на составныя части сознанія, разсматриваемыя сами по себѣ». (Dühring. Kritische Geschichte der Principien d. Mechanik § 190).

Такимъ образомъ мы можемъ ясно видѣть, что психическія явленія могутъ измѣряться, но что терминъ «измѣреніе» въ данномъ случаѣ примѣняется совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ примѣняется къ явленіямъ физическимъ, а это, другими словами, означаетъ, что изъ того обстоятельства, что психическія явленія могутъ измѣряться, нельзя дѣлать никакихъ выводовъ относительно родства психическихъ явленій съ физическими.

---

*) См. его Elemente d. Psychophysik, B. II.

СТУДЕНТКА.

Романъ Грэхэмъ Трэверса.

Переводъ съ англійскаго З. Журавской.

(*Продолженіе* *).

VIII.

Bons camarades.

— Вздоръ!

— Не вздоръ, дружище, а фактъ. Я зналъ это раньше, чѣмъ встрѣтился съ ней, а то и я бы не повѣрилъ. Это живое опроверженіе моихъ теорій, взглядовъ на женственность и тому подобное. Я думалъ объ этомъ до того, что усталъ, и все ничего не придумалъ; но, что бы вы тамъ ни говорили, клянусь душой, она славная дѣвушка!

— Я вполнѣ въ этомъ увѣренъ, увѣренъ также, что у нея ума и способностей хватитъ на все.

— О да, она умна! Но развѣ умная женщина непремѣнно должна... Впрочемъ, стопъ, я не хочу опять начинать съизнова. Довольно съ меня. Я прямо сдаюсь; это выше моего пониманія. Пожалуйста, не будемъ больше говорить объ этомъ.

— Вы знаете, я страшно стою за женщинъ-врачей. Когда моя сестра была больна,—помните?—нашъ станціонный докторъ сказалъ, что она на всю жизнь останется калѣкой, и штабный врачъ, проѣздомъ навѣстившій насъ, подтвердилъ это. Я рѣшился на послѣднее средство: съѣздилъ за сто миль за женщиной-врачемъ, и она въ три недѣли поставила Лену на ноги. Эта докторша отлично знала свое дѣло, но она была совсѣмъ не похожа на миссъ Маклинъ.

— Ну вотъ! То-то и дѣло! Я вѣдь знаю, что это необходимое зло. Развѣ я рѣшился бы показать свою Эвелину мужчинѣ-врачу, помимо тѣхъ случаевъ, когда у нея болитъ горло, или порѣзанъ палецъ. Я всегда стоялъ за самый принципъ, несмотря на жертвы, связанныя

*) См. «Міръ Божій», № 1, январь.

съ нимъ, но могъ ли я предвидѣть, что за это дѣло возьмется моя родственница? Видите ли, она была слишкомъ долго предоставлена самой себѣ, бѣдняжка! Некому было предостеречь ее. Теперь я горько упрекаю себя, что не слѣдилъ за ней, но можно ли было ожидать, что она изберетъ именно эту профессію? Когда я подумаю, что̀ эта дѣвушка *обязана* знать, меня тошнитъ, прямо тошнитъ; но когда я говорю съ ней, клянусь душой, мнѣ кажется, что это нисколько ей не повредило!

Разговоръ былъ прерванъ появленіемъ Моны и Эвелины и скоро перешелъ на менѣе серьезныя темы. Утреннее солнышко весело свѣтило въ окна столовой; на столѣ уже ждалъ завтракъ—форель и кофе.

— Вотъ форель, это иное дѣло!—говорилъ сэръ Дугласъ.—Противъ форели я ничего не имѣлъ и не имѣю. Зато, еслибы не форель, отъ насъ до сихъ поръ остались бы кожа да кости. Эвелина, гдѣ же твоя мать?

Было уже восемь часовъ, и коляска ждала у дверей, когда появилась леди Мунро, ясная. улыбающаяся; Эвелина съ Моной побѣжали укладывать ея вещи.

— Вы знаете, я уже давнымъ давно встала,—объяснила она, привѣтливо кивнувъ головкой Сагибу,—но сѣла писать письма...

— Гмъ!—Сэръ Дугласъ пожалъ плечами и, круто повернувшись на каблукахъ, вышелъ изъ комнаты.

Когда, наконецъ, запоздавшій чемоданъ крѣпко привязали веревкой сзади коляски, и *портье* отворилъ дверь, къ леди Мунро подошла хозяйка гостиницы, молодая норвежка, и застѣнчиво выговорила ломанымъ англійскимъ языкомъ, протягивая ей большую фотографію:

— Хотите получить?

Леди Мунро наградила ее самой очаровательной своей улыбкой.

— Неужели это мнѣ? Какъ вы добры! Не умѣю вамъ сказать, какъ я буду дорожить этимъ воспоминаніемъ о чудныхъ дняхъ, проведенныхъ въ вашемъ отелѣ. Какъ хорошо! Да здѣсь всѣхъ можно узнать,—повторяла она, улыбаясь собравшимся слугамъ, которые смотрѣли на нее чуть не съ обожаніемъ.

Минуту спустя Нуббоо торжественно водворился на козлахъ и коляска тронулась. Дикинсонъ-сагибъ слѣдовалъ за ними въ пресловутомъ *каріолѣ*, т. е. попросту въ норвежской таратайкѣ.

Было чудное лѣтнее утро. Ни слѣда облаковъ или тумана не осталось на горахъ. Нэродаль мирно спалъ словно грѣясь на солнышкѣ.

— Я увѣрена, что мы не скоро забудемъ Штальгеймъ,—замѣтила леди Мунро.—Здѣсь испытываешь совсѣмъ новыя ощущенія.

Всѣ согласились съ ней. Отъ этой поѣздки ждали многаго, такъ какъ дорога изъ Фосса въ Эйде, одна изъ красивѣйшихъ въ Норвегіи, но впечатлѣніе было испорчено тѣмъ, что на днѣ одного ущелья порвалась упряжь, и ее пришлось долго чинить; затѣмъ пошелъ дождь и весь послѣдній часъ пути лилъ, не переставая.

Въ отеляхъ Эйде существуетъ милый и примитивный обычай— всѣмъ туристамъ, проживающимъ въ отелѣ, собираться, особенно въ дождливую погоду, на входной верандѣ и въ широкихъ сѣняхъ, для встрѣчи новоприбывшихъ.

— Если бы мы были выставлены за плату и спеціально для ихъ удовольствія, они не могли бы болѣе безцеремонно разглядывать насъ, не правда-ли?—смѣялся Сагибъ, высаживая дамъ изъ коляски.—Они ничуть не скрываютъ своего любопытства.

— Какая честь служить для нихъ предметомъ развлеченія!—ворчалъ сэръ Дугласъ.

— Не хотите ли пройтись по саду?—предложилъ Сагибъ Монѣ, когда всѣ они устроились въ своихъ номерахъ.—До ужина осталось еще пять минутъ. А тамъ съ одного мѣстечка открывается чудный видъ на фіордъ.

— Увы! Какъ это непохоже на милый первобытный Штальгеймъ!—сказала Мона, когда они вышли на крутой берегъ.—Мнѣ такъ и кажется, что мы въ Интерлакенѣ.

— Правда? Но взгляните на фіордъ.

Передъ ними раскинулся заливъ, позолоченный лучами заката; у ногъ ихъ мелкія волны тихо плескались о мраморныя ступени.

У Моны загорѣлись глаза, но выразить словами свой восторгъ она не сочла нужнымъ.

— И все же,—выговорила она минуту спустя,—эти жестокія волны вернутъ насъ обратно въ лоно цивилизаціи.

При этомъ словѣ она едва удержалась отъ смѣха. Цивилизація— ужъ подлинно! Цивилизація въ какой-то лавченкѣ въ Борроунессѣ!

Онъ быстро покосился на нее. Что это значитъ? Она уже жалѣетъ, что избрала этотъ родъ жизни?

— Въ вашей сокровищницѣ знаній заключается и геологія?—спросилъ онъ, блуждая взглядомъ по далекимъ вершинамъ.

— Нѣтъ, не заключается; да и знаній у меня настоящихъ нѣтъ, а есть только обрывки знаній,—отвѣтила Мона, думая про себя:—Ахъ, сэръ Дугласъ, сэръ Дугласъ, какой же вы невѣрный рыцарь!

Дикинсонъ продолжалъ зондировать почву.

— Здѣсь въ гостиницѣ выставлена коллекція старинныхъ серебряныхъ колецъ и другихъ норвежскихъ древностей; между ними есть прелюбопытныя. Интересно, чтò вы о нихъ скажете; вы, кажется, въ этихъ вещахъ компетентный судья.

— Вовсе нѣтъ; но мнѣ интересно взглянуть на нихъ и сравнить то, что мнѣ нравится съ тѣмъ, что должно бы мнѣ нравиться. Пожалуйста,—прибавила она, какъ ребенокъ, глядя на него умоляющими глазами,—не давайте вы себя убѣдить, что я ученая женщина. Я всѣмъ сердцемъ желала бы, чтобъ это было, но этого нѣтъ, а я терпѣть не могу чувствовать себя лицемѣркой.

— Не думаю, чтобъ кто-нибудь могъ упрекнуть васъ въ *этомъ*— сказалъ онъ, улыбаясь.

— Должно быть, я сама виновата, что меня принимаютъ за ученую, продолжала она, поддаваясь желанію высказаться и не слыша его отвѣта.—У меня должно быть такая ужъ манера говорить: догматическая, самоувѣренная. Но что же мнѣ дѣлать? Когда я чѣмъ-нибудь заинтересуюсь, я право не могу думать о тонѣ.

— Если мнѣ дозволено будетъ дать вамъ совѣтъ, я, конечно, скажу: и не старайтесь!

На слѣдующій день отплыли въ Одде. Вѣтра не было ни малѣйшаго. Въ зеркальной глади фіорда явственно отражались лѣса и деревушки, ютившіяся по склонамъ горъ. Въ такіе дни пріятнѣе мечтать, чѣмъ говорить, и наши путники обмѣнивались замѣчаніями только въ тѣхъ случаяхъ, когда передъ ними внезапно открывалась покрытая льдомъ бухта, или проливчикъ—явный слѣдъ близости ледника.

Около часу дня они прибыли въ Одде, красивѣйшій уголокъ Норвегіи, лежащій на самомъ берегу фіорда, въ объятіяхъ высокихъ лѣсистыхъ холмовъ, съ его красивыми яхтами и пароходами, стоящими на якорѣ въ заливѣ, съ его могучимъ величественнымъ ледникомъ, который, возвышаясь среди огромной ледяной пустыни, холодно глядитъ внизъ съ своей неприступной высоты!

— Вотъ мы и опять какъ-будто въ Англіи,—сказала леди Мунро, когда они сѣли завтракать.

— Дѣйствительно,—отозвался сэръ Дугласъ.—Цивилизованные порядки: полдюжины знакомыхъ въ отелѣ, двѣ — цѣлыхъ *двѣ*— лавки, и *обѣды!* Эвелина, ты бы взяла таратайку и лакея и съѣздила на бульваръ что-нибудь купить на память.

— Я только что хотѣла попросить у васъ денегъ, папà,—спокойно сказала Эвелина;—мнѣ нужно купить множество разныхъ разностей.

Кончилось тѣмъ, что всѣ отправились дѣлать покупки, *en famille*, и пошло швырянье деньгами направо и налѣво. Сэръ Дугласъ накупилъ кучу подарковъ «дѣвочкамъ», какъ онъ называлъ Мону съ Эвелиной; леди Мунро готова была, кажется, закупить всю лавку.

— Эти старинныя серебряныя издѣлія такъ красивы!—оправдывалась она съ дѣтской наивностью.

— Въ крайнемъ случаѣ, онѣ пригодятся для базаровъ,— подсказала Эвелина.

Продавщица дѣлалась все любезнѣе и любезнѣе; она пріобрѣла уже большой навыкъ въ обращеніи съ туристами, которые, памятуя свои опыты въ Италіи и Швейцаріи, по большей части торговались съ ней изъ-за каждой копѣйки, и потому была вначалѣ немного рѣзка, но, какъ опытный человѣкъ, скоро поняла, съ кѣмъ имѣетъ дѣло.

Мона наблюдала за ней съ любопытствомъ и сочувствіемъ. — Надо

подмѣчать, какъ она себя держитъ,—думала она, улыбаясь,—я врядъ-ли найду лучшаго учителя.

— Покажите-ка! Вы говорите, одинадцать съ половиною кронъ?—спрашивалъ пестро одѣтый господинъ, вынимая изъ кармана горсть золота и серебра.—Я дамъ вамъ десять шиллинговъ!

Отвѣта не было.

— Хотите десять шиллинговъ?

— Нѣтъ, сэръ (самымъ спокойнымъ тономъ).

Покупатель нахмурилъ брови.

— Одинадцать шиллинговъ? Угодно?

— Нѣтъ, сэръ.

— Сколько же вы спустите?

— Ни одного пенни, сэръ.—Это было сказано тихо, но очень рѣшительно.

Покупатель демонстративно вышелъ, хлопнувъ дверью.

Ни одна жилка не дрогнула въ лицѣ молодой женщины. Она спокойно поставила назадъ на полку хорошенькія игрушки, разбросанныя на прилавкѣ.

— Браво!—сказала себѣ Мона.

— Даю пенни за ваши мысли, милочка!—услыхала она за спиной спокойный голосъ Эвелины.—М-ръ Дикинсонъ уже два раза спрашивалъ васъ, какъ вамъ нравится эта цѣпочка. Онъ хочетъ купить ее въ подарокъ своей сестрѣ.

Мона засмѣялась и покраснѣла.

— Мои мысли стоятъ дороже пенни,—возразила она,—по крайней мѣрѣ, для меня.

Она думала о томъ, будетъ ли входить въ ея обязанности говорить своимъ покупателямъ: «сэръ» и «мадамъ»?

Мунро встрѣтили множество друзей и знакомыхъ; слѣдующіе дни были посвящены разнымъ экскурсіямъ и прошли очень весело. Каждый вечеръ всѣ возвращались домой загорѣлые и утомленные, но усталость не мѣшала веселой болтовнѣ за ужиномъ. Замѣчанія не отличались глубиной, темы серьезностью; собесѣдники предпочитали перепархивать съ одного предмета на другой, но вѣдь міръ и не ждалъ отъ нихъ откровеній. Зато они чувствовали себя прекрасно и были счастливы.

Недѣля пролетѣла незамѣтно; наступило воскресенье; до отъѣзда оставался всего одинъ день; въ понедѣльникъ семейство Мунро должно было уже отплыть въ Бергенъ. Мона сидѣла одна на верандѣ, наблюдая обывателей, отправлявшихся въ церковь. Фіордъ сверкалъ въ лучахъ солнца; отъ прибрежныхъ деревушекъ и хуторовъ то и дѣло отплывали лодки, полныя нарядныхъ пассажировъ; это крестьяне и крестьянки ѣхали къ обѣднѣ въ Одде. Праздничные наряды женщинъ, ярко-красные лифы, пышные бѣлые рукава и широкіе головные уборы,

расходящіеся лучами, выдѣлялись красивыми свѣтлыми пятнами на фонѣ лѣтняго сѣвернаго ландшафта.

Мона слѣдила за ними, не отрываясь. Но вдругъ, въ самый разгоръ удовольствія, изъ груди ея вырвался глубокій, протяжный, унылый вздохъ.

IX.

Дорисъ.

Пароходъ быстро приближался къ Ньюкэстлю.

Въ началѣ пути погода стояла очень свѣжая, но теперь море было гладко, какъ мельничный прудъ, и вся компанія сидѣла на палубѣ, подъ парусиновымъ тентомъ.

— Ужъ и не знаю, какъ мы разстанемся съ тобой, Мона, милая,— начала леди Мунро.

— Ради Бога, не надо!—взмолилась Мона.—Не заставляйте меня искать словъ, чтобы благодарить васъ: я положительно не нахожу ихъ.

Губы ея дрожали; сэръ Дугласъ издалъ сочувственное ворчаніе.

— Ты непремѣнно должна провести у насъ Рождество на Ривьерѣ,— продолжала лэди Мунро.—Отказа мы не примемъ.

— *Пожалуйста!*—поддержала Эвелина, обнявъ кузину за талію.

— Вообще, мы сдѣлали огромную ошибку,—сказалъ сэръ Дугласъ, взглянувъ на жену;—намъ слѣдовало взять къ себѣ Мону десять лѣтъ тому назадъ, когда умерла ея мать.

— Не думаю, чтобы Мона была согласна съ тобой,—сказала леди Мунро, улыбнувшись племянницѣ.

— Нѣтъ, я иного мнѣнія,—сказала Мона, и краска, выступившая у нея на щекахъ, показывала, что эта откровенность стоила ей нѣкотораго усилія.—Человѣку не мѣшаетъ въ молодости побывать подъ ярмомъ. Еслибъ я не испытывала лишеній иногда и одиночества очень часто, я не могла бы оцѣнить, какъ слѣдуетъ, всю прелесть этихъ двухъ недѣль, проведенныхъ въ вашемъ обществѣ. Меня никогда въ жизни такъ не баловали и не ласкали.

— Вы-то ужъ слишкомъ долго были подъ ярмомъ,—возразилъ ея дядя.—Господи прости, вѣдь вы и теперь еще дѣвочка, вѣдь молодость-то въ жизни бываетъ только одна. А вы собираетесь опять цѣлый годъ коптѣть надъ книгами.

— Вы же знаете, что я сначала поѣду къ кузинѣ.

— Да, на нѣсколько недѣль. Кстати, нельзя ли этотъ визитъ по боку? Я увѣренъ, что намъ вы гораздо нужнѣе, чѣмъ ей.

— О нѣтъ! Отъ этого я не могу освободиться, если бы даже и хотѣла.

— Будь вы обыкновенная, дюжинная дѣвушка, я ничего бы не говорилъ, — продолжалъ сэръ Дугласъ; — но съ вашими дарованіями... Знаете ли, что вы имѣли бы страшный успѣхъ въ свѣтѣ?

— Полноте!—вскричала Мона.—Съ вами мнѣ такъ хорошо и легко, что я совершенно забываю о себѣ и болтаю все, что на умъ взбредетъ. Но когда мои друзья хотятъ похвастаться мной и заставляютъ меня говорить, я, при всемъ желаніи, не въ состояніи произнести ни слова.

— Это не удивительно при вашей затворнической жизни. Но стоитъ вамъ захотѣть...

Мона открыла ротъ, чтобы возражать, но раздумала. Къ чему говорить этому человѣку, что успѣха въ свѣтѣ не стоитъ добиваться, что издали онъ, безспорно, заманчивъ, но, добившись его, человѣкъ перестаетъ его цѣнить; что это слишкомъ жалкая награда за цѣлые годы усилій?..

— Сейчасъ же по пріѣздѣ телеграфируй намъ, благополучно ли ты доѣхала; слышишь, Мона, непремѣнно телеграфируй,—говорила леди Мунро.—Ты, вѣроятно, будешь слишкомъ занята, чтобы часто писать намъ зимой, да и мы всѣ плохіе корреспонденты; но слѣдующее лѣто проведемъ вмѣстѣ,—это ужъ рѣшено,—а, если можно, то и раньше пріѣзжай.

— Дальше Эдинбурга вамъ сегодня не уѣхать,—сказалъ сэръ Дугласъ, останавливаясь передъ ними и глядя на часы.

— Боюсь, что нѣтъ, хотя мнѣ очень бы хотѣлось не останавливаться въ Эдинбургѣ.

— Не знаю, почему бы намъ всѣмъ вмѣстѣ не двинуться на сѣверъ?—продолжалъ сэръ Дугласъ, обращаясь къ женѣ.—Вѣдь еще можно успѣть. Вещи твои потомъ привезетъ горничная.

— Голубчикъ, какъ можно такъ говорить! Намъ съ Эвелиной нужно пріобрѣсти массу вещей, прежде чѣмъ отправиться дѣлать визиты.

Сэръ Дугласъ пожалъ плечами и возвелъ глаза къ небу въ знакъ покорности.

— Но нельзя же Монѣ ночевать одной въ гостиницѣ!

— Милый, добрый дядя! Не забывайте, что вы не всегда были со мной, чтобы заботиться обо мнѣ. Притомъ же въ данномъ случаѣ не о чемъ и тревожиться. Если мнѣ придется ночевать въ Эдинбургѣ, я остановлюсь у подруги.

— У какой подруги? Кто она такая?

— Званіемъ нѣсколько ниже герцогини, но даже такой строгій критикъ, какъ вы, не нашелъ бы, къ чему въ ней придраться. Ее зовутъ Дорисъ Колькхунъ.

Сэръ Дугласъ улыбнулся и кивнулъ головой. Въ общемъ, онъ былъ доволенъ, что можетъ провести нѣсколько дней въ своемъ клубѣ, хотя знакомые его почти всѣ разъѣхались.

— По крайней мѣрѣ, я провожу васъ и усажу въ вагонъ,—заключилъ онъ.

Сагибъ разсчитывалъ, что эта обязанность падетъ на него, и въ

томъ, какъ онъ взялъ протянутую ему руку Моны, проглядывалъ чуть замѣтный оттѣнокъ оскорбленнаго достоинства.

— Я буду часто-часто вспоминать о нашихъ прогулкахъ,—сказала Мона, глядя на него съ своей открытой ясной улыбкой, которая такъ красила ея лицо. Дикинсонъ не нашелъ подходящаго отвѣта и молча склонился надъ ея рукой.

— Помните, дитя мое,—говорилъ сэръ Дугласъ, подавая Монѣ въ окно вагона цѣлую кипу газетъ,—если вамъ что-нибудь понадобится, напишите мнѣ или, еще лучше, пріѣзжайте. Можете даже не телеграфировать,—развѣ пожелаете, чтобъ я встрѣтилъ васъ на станціи. Прямо садитесь въ первый попавшійся поѣздъ и пріѣзжайте къ намъ на квартиру, какъ къ себѣ домой. Мы вѣчно рыщемъ по всему свѣту, но, гдѣ бы мы ни были, нашъ домъ всегда будетъ вашимъ.

Мона не отвѣтила. Глаза ея были полны слезъ.

Поѣздъ тронулся; сэръ Дугласъ слѣдилъ за нимъ, пока онъ не скрылся изъ виду. Тогда онъ выругалъ мальчишку-газетчика, который настойчиво предлагалъ ему свой товаръ, и въ отвратительнѣйшемъ настроеніи духа вернулся домой, негодуя на міръ вообще и на свою жену и дочь въ частности.

Мона сидѣла одна въ купэ, но ни на минуту не позволила себѣ уйти мыслью въ жизнь, оставленную ею позади, находя это роскошью. Она отерла слезы и геройскимъ усиліемъ воли заставила себя сосредоточиться на газетахъ. Напрасный трудъ! Передъ нею танцовали залитыя солнцемъ волны фіорда, съ уступа на уступъ прыгали водопады, въ торжественномъ безмолвіи тянулись къ небу выси горъ—синія колонны, поддерживавшія ледяное море;—всѣ эти образы прочно запечатлѣлись въ ея глазахъ и стояли передъ ней, какъ живые.

Ихъ смѣнили человѣческія лица,—образы людей, о которыхъ она *не должна* была позволять себѣ думать.

Съ самаго дѣтства Мона еще ни разу не страдала отъ отсутствія друзей,—друзей вѣрныхъ и преданныхъ. Порой она испытывала странную потребность довѣриться, излить душу; при всемъ томъ ея обычная гордая сдержанность, происходившая наполовину отъ избытка чувствительности, держала на почтительной дистанціи даже неугомонную Люси. Никому изъ ея друзей и въ голову бы не пришло предъявлять на нее какія-либо права, какъ это сдѣлалъ сэръ Дугласъ; и, можетъ быть именно потому, что это было для нея такъ странно и ново, его грубоватая доброта казалась чуткой дѣвушкѣ пріятнѣе утонченно-тактичнаго обхожденія тетки.

Уже смеркалось, когда поѣздъ остановился на станціи Вэверлей. Мона кликнула носильщика.

— Мнѣ нужно въ Борроунессъ. Успѣю я сѣсть на поѣздъ?

Носильщикъ задумался; станція, названная пассажиркой, не пользовалась всемірной извѣстностью.

— Борроунессъ? Да это, сударыня, рукой подать. Если у васъ багажа нѣтъ, то успѣете. Только поторопитесь.

— Ничего подобнаго вы не сдѣлаете,—сказалъ спокойный женскій голосъ, и маленькая рука въ перчаткѣ легла на руку Моны.—Я въ жизнь свою не слыхала болѣе нелѣпыхъ рѣчей.

— Дорисъ!—воскликнула Мона.—Зачѣмъ вы пришли? Я вѣдь писала, что заѣду къ вамъ только въ томъ случаѣ, если пропущу послѣдній поѣздъ.

— Тѣмъ болѣе было основаній пріѣхать сюда, чтобы хоть поглядѣть на васъ. Это мнѣ не часто удается. Но если вы думаете ѣхать дальше съ такимъ усталымъ лицомъ и безъ обѣда, вы очень ошибаетесь.—Мона, я поражена,—*вы*, именно *вы*, одна изъ всѣхъ...

— Если вы это знали, вамъ не слѣдовало пріѣзжать. Это невеликодушно.

— Вовсе нѣтъ. Я буду соблюдать всѣ ваши условія: не стану ни спорить, ни убѣждать васъ, даже не напомню вамъ о вашемъ послѣднемъ письмѣ, пока вы сами о немъ не заговорите; ваша воля будетъ для меня закономъ. Если вы мнѣ скажете, что собираетесь полетѣть на луну съ вершины Монумента, я только пожелаю вамъ пріятнаго пути. И право же, милая, я увѣрена, что вашъ поѣздъ уже ушелъ.

— Дайте мнѣ по крайней мѣрѣ послать телеграмму кузинѣ.—со вздохомъ выговорила Мона.

Дорисъ Колькхунъ была не мало изумлена тѣмъ, что побѣда досталась ей такъ легко; но, правду сказать, Мона была слишкомъ измучена, чтобы противорѣчить.

— Я довезу васъ на своихъ пони,—сказала Дорисъ.—Это такая прелесть! вы еще ихъ не видали. Не расхохочитесь, когда увидите моего грума. Отецъ нарочно выискалъ для меня такого. Онъ настоящій мальчикъ съ пальчикъ.

Она привычной рукой схватила возжи, «мальчикъ съ пальчикъ» необычайно величественно дотронулся до своей шляпы, Мона сѣла, и они помчались.

— Вашъ «мальчикъ съ пальчикъ» несомнѣнно шедевръ въ своемъ родѣ,—начала Мона,—боюсь только, что, въ случаѣ чего-нибудь, онъ не будетъ вамъ особенно полезенъ.

— Такъ и отецъ говоритъ. Но что же можетъ случиться? Лошадки надежныя; править я умѣю; чего бояться? Отецъ радъ потакать всѣмъ моимъ капризамъ, лишь бы я не настаивала на одномъ своемъ желаніи, которое далеко не капризъ.

Мона не отвѣтила. Они подъѣзжали къ ярко освѣщенному дому. Дорисъ, ловко обогнувъ уголъ, остановила лошадокъ передъ крыльцомъ.

Мона знала, что въ этомъ домѣ она желанная гостья, и, очутившись въ уютной столовой, гдѣ огонь весело трещалъ въ каминѣ, въ

обществѣ отца и дочери, непритворно радовавшихся ея пріѣзду, она невольно развеселилась.

М-ръ Колькхунъ былъ типъ шотландскаго стряпчаго, сердитаго съ виду и очень добродушнаго на дѣлѣ. Среди товарищей по профессіи онъ пользовался большимъ авторитетомъ, кромѣ того онъ былъ диллетантомъ въ искусствѣ и былъ твердо убѣжденъ, что изъ него могъ бы выйти выдающійся ученый. По части тщеславія у него было множество разныхъ мелкихъ грѣшковъ, но все искупала врожденная доброта сердца. Красавица дочь, умная, серьезная, съ твердой волей, была его радостью и гордостью. Одинъ только разъ онъ отказался исполнить ея просьбу, и то она, въ своей преданности отцу, готова была простить ему даже это.

— По лицу миссъ Маклинъ я вижу, что она бы не прочь выпить шипучаго,—замѣтилъ м-ръ Колькхунъ, отдавая лакею соотвѣтствующее приказаніе.

Мона улыбнулась.

— Какъ пріятно быть среди людей, которыя знаютъ ваши маленькія слабости!

— Какъ пріятно быть съ людьми, которые умѣютъ отличить одно вино отъ другого! Дорисъ покорно пьетъ мой редереръ, но въ душѣ предпочитаетъ инбирное пиво.

Дорисъ запротестовала.

— Пожалуйста, не воображай, что это оттого, что ты нетронутая натура,—продолжалъ отецъ, глядя на нее съ безконечной гордостью. Въ тебѣ только одно хорошо,—что ты любишь лошадей и собакъ. Много вы рисунковъ привезли изъ Норвегіи, миссъ Маклинъ?

— Очень мало. Норвегія для меня слишкомъ величественна. Впрочемъ, у меня есть нѣсколько *жанровъ:* наброски женщинъ въ національномъ костюмѣ; хижина съ деревомъ, растущимъ на крышѣ, и козой, пасущейся у подножія дерева.

— Какъ? и коза, и дерево на крышѣ?

— И коза, и дерево на крышѣ. Дерево, растущее на крышѣ, тамъ вещь обыкновенная; коза—случайность.

— Я такъ и думала,—сказала Дорисъ. Какъ бы мнѣ хотѣлось взглянуть на этотъ рисунокъ!

— Вы лучше скажите, долго ли вы можете остаться у насъ, миссъ Маклинъ. Во всякомъ случаѣ, до завтрака я васъ не отпущу. Къ завтраку у меня соберутся нѣсколько человѣкъ пріятелей,—товарищей по научнымъ изслѣдованіямъ,—посмотрѣть удивительный микроскопъ, недавно купленный мною. Дороговько онъ мнѣ обошелся. Профессоръ Муррей называетъ его стофунтовымъ орудіемъ. Интересно будетъ услыхать ваше мнѣніе, какъ особы, работавшей въ одной изъ лучшихъ физіологическихъ лабораторій цѣлаго свѣта.

На губахъ Моны уже вертѣлся учтивый отказъ, но описаніе микро-

скопа показалось ей подозрительнымъ. Ей была извѣстна страсть м-ра Колькхуна ко всякимъ научнымъ приборамъ; случалось ей и любоваться его покупками. Она догадывалась, что и на этотъ разъ онъ купилъ фунтовъ за пятьдесятъ громоздкій старинный инструментъ, когда можно за десять купить новый болѣе простого и лучшаго устройства. Она рѣшила, насколько это будетъ отъ нея зависѣть, не дать «товарищамъ» поднять на смѣхъ своего стараго друга. Если мнѣніе «особы, работавшей въ одной изъ лучшихъ физіологическихъ лабораторій цѣлаго свѣта», дѣйствительно что-нибудь значитъ, она можетъ позволить себѣ даже маленькую передержку; въ данномъ случаѣ и это будетъ извинительно.

— Завтракать я останусь, и съ большимъ удовольствіемъ,—объявила она;—но на вечерній поѣздъ я ужъ обязательно должна попасть.

Простившись со старикомъ, обѣ дѣвушки пошли въ комнату, приготовленную для Моны, и нѣсколько времени болтали о разныхъ пустякахъ.

— Ну, я вижу, вы устали,—сказала, наконецъ, Дорисъ.—Спокойной ночи.

Отвѣта не было.

— Все ли у васъ есть. Не лучше ли придвинуть это кресло поближе къ газовому рожку? Вотъ такъ будетъ хорошо. Спокойной ночи.

Отвѣта опять таки не было.

— Вы уже уснули, Мона, или не хотите пожелать мнѣ спокойной ночи?

— Ахъ вы, скверная притворщица!—вскричала Мона, придвигая кресло къ огню и безцеремонно усаживая въ него подругу. Ну, валите! Выкладывайте все, что у васъ на душѣ. Разъ ужъ я здѣсь, надо намъ до чего-нибудь договориться. Беру назадъ всѣ условія. Выскажемся, и дѣлу конецъ.

Дорисъ была поражена стремительностью этихъ рѣчей.

— Вы, конечно, знаете, Мона,—начала она неувѣренно,—что *это* было для меня большимъ огорченіемъ.

— Мой провалъ? Разумѣется. Мнѣ самой онъ достался не очень легко.

— Я не то хотѣла сказать. Провалъ меня ничуть не безпокоитъ; непріятно только, что изъ-за него откладывается моментъ, когда вы начнете практиковать. Что подѣлаешь! Не повезло, и только. Меня тревожитъ другое: я нахожу, что вы теперь поступаете очень дурно.

— Чѣмъ это?

— Тѣмъ, что намѣрены похоронить въ деревнѣ свои рѣдкія способности, или размѣнять ихъ на мелочи.

— Дорисъ, голубушка, я добросовѣстно слушаю васъ, хотя измѣнять свое рѣшеніе я теперь уже не могу, еслибы и хотѣла,—а я вовсе этого не хочу; но, пожалуйста, оставьте вы въ покоѣ мои «рѣдкія способности». Кажется, факты могли бы убѣдить васъ въ противномъ.

— Всѣ экзаменаторы въ мірѣ не могли бы измѣнить моего мнѣнія... Но оставимъ споры. Беру васъ такой, какой вы сейчасъ стоите передо мною...

— Пяти футовъ и пяти дюймовъ росту, въ чулкахъ...

— Пожалуйста, не дурачьтесь. Беру васъ такой, какъ вы есть,— женщина образованная, развитая, хорошо воспитанная...

— Обладающая молодостью, красотой и несмѣтнымъ богатствомъ... Продолжайте! Слова вѣдь дешевый товаръ.

— Вы сказали, что выслушаете меня терпѣливо.

— Я же и слушаю. Простите, дорогая!

— Вы когда-то любили говорить, что «человѣкъ живетъ лишь до тѣхъ поръ, пока онъ играетъ подобающую ему роль въ жизни, т. е. находитъ полное примѣненіе своимъ способностямъ».

— Я и теперь такъ думаю. *Après?* *).

— Ахъ, Мона, вы отлично знаете, что я хочу сказать. Вамъ открытъ доступъ къ такому святому, высокому дѣлу;—я бы отдала все, что имѣю, лишь бы мнѣ только позволили служить ему;—а вы добровольно отворачиваетесь и теряете шесть драгоцѣнныхъ мѣсяцевъ, отдаете ихъ людямъ, которые васъ не поймутъ и не съумѣютъ оцѣнить васъ.

— Мнѣ нравится это выраженіе: «открытъ доступъ»; оно такъ умѣстно по отношенію къ человѣку, у котораго дважды захлопнули дверь передъ носомъ. Но, какъ вы выражаетесь, оставимъ споры. Вы говорите о моей поѣздкѣ, какъ будто я отправляюсь просвѣщать готтентотовъ. Я вѣдь ѣду къ роднымъ. Если я и выше кузины Рэчели, то лишь настолько, насколько Мунро выше меня.

— Вздоръ! пустяки!

— Но вѣдь должны же вы допустить, что это моя родственница по крови. Вы не можете отрицать, что она имѣетъ нѣкоторыя права на меня?

— Я не могу отрицать родства, хотя и родство-то дальнее, но правъ я безусловно не признаю. У всѣхъ у насъ есть такъ-называемые «бѣдные родственники».

— Дорисъ, Дорисъ, да вы сами ни за какія блага въ мірѣ не отреклись бы отъ своихъ бѣдныхъ родственниковъ.

— Ну, не знаю. Дамы по большей части очень милыя, но мужчины!.. Еслибъ я ни съ кѣмъ изъ нихъ не встрѣтилась вторично, это, право, не разбило бы моего сердца.

— Вы говорите, что всѣ женщины «очень милыя»; значитъ, и кузина Рэчель «милая». Полноте, полноте: разсказывайте это другимъ,— развѣ я васъ не знаю!

— Но, Мона, обѣщайте мнѣ, по крайней мѣрѣ, что вы уѣдете оттуда, по истеченіи этихъ несчастныхъ шести мѣсяцевъ.

*) Что же дальше?

Моня сдвинула брови.

— Не имѣю ни малѣйшаго понятія о томъ, что я буду дѣлать черезъ полгода.

— Взяли вы съ собой книгъ?

— Да, классиковъ, и нѣсколько нѣмецкихъ,—ничего больше.

— А изъ медицинскихъ ни одной?

— Ни единой.

Дорисъ глубоко вздохнула.

— Не смотрите на меня такъ грустно, дорогая. Я отъ души желаю вамъ самой сдѣлаться докторомъ.

— Не будемъ объ этомъ говорить. Отецъ никогда не дастъ своего согласія. Зато вы должны учиться за двоихъ. Я живу вашей жизнью. Смотрите, не измѣните мнѣ.

— Вы такъ говорите, какъ будто страждущее человѣчество не въ состояніи обойтись безъ меня.

— Я такъ и думаю,—конечно, до извѣстной степени. Ахъ, Мона,— Дорисъ тяжело перевела дыханіе, и все лицо ея зардѣлось,—объ этомъ мнѣ трудно говорить даже съ вами... Недавно одна моя ученица, молоденькая дѣвушка, заболѣла и слегла,—ничего особеннаго, такихъ случаевъ тысячи; ее отправили въ больницу; еслибъ вы слышали, что она мнѣ разсказывала! Понятно, я знаю, что это обыкновенная вещь. Во всѣхъ госпиталяхъ дѣлается то же самое, но вѣдь отъ этого же не легче. Она говоритъ, что скорѣе умретъ, чѣмъ опять ляжетъ въ больницу. Хуже этого ничего быть не можетъ.

— Голубушка моя, Дорисъ, неужели вы думаете, что я этого не знаю? Но не говорите, что хуже ничего быть не можетъ. Хуже всего нравственный вредъ, а нравственнаго вреда не можетъ быть тамъ, гдѣ не участвуетъ наша воля.

— Вредъ!—гнѣвно повторила Дорисъ.—Нравственный вредъ! А если дѣвушка утратитъ дѣвичій стыдъ,—это не вредъ?—Лицо ея пылало, грудь часто вздымалась.—Вся эта молодежь,—продолжала она, едва слышно,—студенты, мальчишки... Я съ ума схожу,—думая объ этомъ.

Мона встала и поцѣловала ее.

— Родная моя, вы настоящій *preux chevalier* своего пола, и я за это люблю васъ всѣмъ сердцемъ. Вы совершенно правы, но, съ теченіемъ времени, привыкаешь не говорить объ этомъ и даже не думать больше, чѣмъ это необходимо... А все-таки вы напрасно мучаете себя. Среди молодыхъ людей, о которыхъ вы отзываетесь такъ презрительно, есть много беззавѣтно преданныхъ наукѣ; многіе изъ нихъ обладаютъ мягкимъ, добрымъ сердцемъ и очень гуманно обращаются съ больными...

— Не будемъ говорить объ этомъ. Это выше моихъ силъ. Но вы, Мона, *должны* продолжать; умоляю васъ, не оставляйте вашего дѣла!

Дорисъ горячо, почти страстно обняла подругу и вышла изъ комнаты.

X.

Борроунессъ.

На другой день подъ вечеръ сѣрыя пони отвезли Мону въ Грантонъ.

Странно было очутиться снова на палубѣ парохода,—какъ будто то же, что вчера, и вмѣстѣ съ тѣмъ совсѣмъ другое! Вчера она была центромъ своего маленькаго кружка: всѣ ласкали ее, баловали, восхищались ею; сегодня—она никто и ничто, молодая особа, путешествующая безъ провожатыхъ. Мона усердно увѣряла себя, что это «вчера» было аномаліей, исключеніемъ; сегодня же все въ порядкѣ вещей, и жизнь вошла въ свою обычную колею.

Въ головѣ у нея бродили невеселыя мысли, да и странно было бы ожидать другого, а сильная качка, само собой, не улучшала ея настроенія.

Рѣзкій, холодный восточный вѣтеръ пронизывалъ до костей. Мона благодарила Бога, когда они, наконецъ, доѣхали до Бёрнтайлэнда, и она очутилась въ грязномъ и неудобномъ, но защищенномъ отъ вѣтра вагонѣ третьяго класса.

— Когда ѣдешь въ Борроунессъ,—сказалъ ей на прощанье м-ръ Колькхунъ,—вопросъ не въ томъ, пріѣдешь ли туда раньше или позже, а въ томъ, доѣдешь ли вообще до мѣста.—Значеніе этихъ словъ Мона скоро поняла: на каждой маленькой станціи поѣздъ стоялъ цѣлую вѣчность; но ей и не хотѣлось пріѣхать скорѣе. Путь отъ Эдинбурга до Борроунесса казался ей очень короткимъ, въ сравненіи съ разстояніемъ, отдѣлявшимъ ея прошлую жизнь отъ жизни, которая ждала ее впереди.

— Я не имѣю права вступать въ нее мученицей, хотя бы даже отъ этого мнѣ было легче на душѣ,—говорила себѣ Мона.—Худо ли, хорошо ли мнѣ будетъ, все это—дѣло моихъ рукъ, моей воли. И я вовсе не намѣрена предаваться воспоминаніямъ и мечтамъ; напротивъ, намѣрена жить полной жизнью и каждый день хватать обѣими руками, извлекая изъ него все, что̀ можно.

Уже смеркалось, когда, наконецъ, кондукторъ крикнулъ: «Станція Борроунессъ!» Мона вскочила съ мѣста и выглянула въ окно.

Станція была маленькая, тихая и скучная. Нѣсколько мужчинъ, съ виду рыбаковъ, стояли на платформѣ и, поодаль отъ нихъ, одна женщина.

Нѣтъ, не можетъ быть, чтобъ это была кузина Рэчель!

Живя въ Лондонѣ, Мона нерѣдко встрѣчала пожилую даму, настолько эксцентрично одѣтую, что она обращала на себя вниманіе даже въ «богоспасаемомъ Блумсбёри». Короткая юбка, суконная кофта безъ таліи и черная шляпка грибомъ представляли разительный кон-

трастъ съ существующей модой. По какой-то странной ассоціаціи идей, оригинальная фигура старушки обязательно вставала въ памяти Моны каждый разъ, какъ она думала о кузинѣ.

Но женщина, стоявшая на платформѣ, была совсѣмъ въ другомъ родѣ. Лицо у нея было румяное и добродушное; костюмъ ея представлялъ собой безобразную каррикатуру на прошлогоднюю моду. Всѣ характерныя особенности этой моды были подчеркнуты здѣсь до комизма. Такихъ женщинъ Мона встрѣчала сотни на улицѣ и даже не замѣчала, что на нихъ было надѣто, но этотъ неуклюжій покрой юбки, эта кричащая шляпка, всѣ подробности этого пестраго, безвкуснаго наряда запечатлѣлись въ ея памяти навсегда.

— Безъ сомнѣнія, дама, которую я встрѣчала въ Лондонѣ, была герцогиня,—не безъ горечи подумала Мона,—но *не можетъ же быть*, чтобы это была кузина Рэчель.

Она позвала носильщика, вышла изъ вагона и остановилась въ ожиданіи—сама не зная, чего. Она была единственной молодой женщиной, высадившейся на этой станціи, такъ что Рэчели Симпсонъ легко было узнать ее, если только Рэчель вышла ей навстрѣчу.

Такъ оно и случилось.

Но Рэчель подошла не сразу; Мона, въ своемъ изящномъ дорожномъ костюмѣ, смотрѣла недотрогой и напомнила ей знатныхъ молодыхъ лэди, иногда проѣздомъ останавливавшихся въ Тоуэрсѣ.

Поѣздъ, пыхтя, медленно отошелъ отъ станціи; тогда маленькая женщина приблизилась къ Монѣ съ жеманной улыбкой на загорѣломъ румяномъ лицѣ, слегка наклонивъ голову на бокъ и протягивая ей руку въ дешевой перчаткѣ. Впослѣдствіи Мона убѣдилась, что ея кузина всегда такъ держала себя въ обществѣ и находила свои манеры самыми изысканными.

— Миссъ Маклинъ?—освѣдомилась она полузастѣнчиво, полуфамильярно.

— Да, я Мона Маклинъ. А вы, вѣроятно, кузина Рэчель?

Онѣ поцѣловались; затѣмъ наступило неловкое молчаніе.

Рэчель Симпсонъ не безъ удовольствія вспомнила, что видѣла Мону въ окнѣ вагона третьяго класса. Сама она всегда ѣздила во второмъ, и это сознаніе своего превосходства надъ столичной кузиной, хотя бы въ одной только области, было въ данный моментъ очень пріятно и кстати. Впрочемъ, намекнуть объ этомъ она не рѣшилась, не зная, какъ это приметъ Мона; ей, пожалуй, будетъ непріятно, что ее видѣли впервые при такихъ невыгодныхъ условіяхъ.

Кузины пошли домой пѣшкомъ. Дорога была грязная отъ недавнихъ дождей; приходилось все время смотрѣть себѣ подъ ноги, что̀ не особенно способствуетъ оживленному разговору; тѣмъ не менѣе онѣ говорили безъ умолку о погодѣ, урожаѣ, ѣздѣ по желѣзной до-

рогѣ, вообще о самыхъ неинтересныхъ вещахъ. Мона не обмолвилась и словомъ ни о семействѣ Мунро, ни о своей поѣздкѣ въ Норвегію.

Черезъ пять минутъ онѣ были уже на мѣстѣ. Домъ оказался совсѣмъ-таки недуренъ и выходилъ въ крошечный, но хорошо содержащійся садикъ. Два окна въ нижнемъ этажѣ были пожертвованы подъ «витрины»; проходя, Мона мелькомъ видѣла въ одномъ какія-то необыкновенныя наколки и шляпки, въ другомъ—залежавшіеся и пыльные товары—предметы мелочной торговли.

Отворилась стеклянная дверь, рѣзко зазвонилъ прикрѣпленный къ ней колокольчикъ; изъ кухни выглянула неряшливо одѣтая служанка, коротко замѣтила: «Это вы!» и снова скрылась.

Рэчель Симпсонъ ни за что на свѣтѣ не позволила бы себѣ отдать приказаніе по хозяйству въ присутствіи гостьи; поэтому она пошла въ кухню, а Мона осталась ждать въ корридорѣ. До нея доносились шушуканье госпожи со служанкой и громкое тиканье старомодныхъ часовъ; воздухъ въ корридорѣ былъ спертый; пахло сушеными розовыми лепестками и сыростью. Очевидно, здѣсь было не въ обычаѣ провѣтривать комнаты, и окна открывали только въ видѣ исключенія. Прибоя не было слышно; домъ стоялъ, вѣроятно, очень далеко отъ моря, что̀ показалось Монѣ даже страннымъ, въ виду миніатюрности городка.

— Если только изъ окна моей спальни видно море, я буду счастлива и на чердакѣ,—подумала Мона.

Но кузина отвела ее не на чердакъ, а въ большую комнату надъ кухней, всю заставленную безобразной старинной мебелью; изъ окна этой комнаты открывался широкій видъ, но, увы! не на море, а на капустныя гряды.

— Какъ разоблачитесь, приходите въ гостиную попить чайку,—сказала Рэчель.

— Благодарю,—ласково отвѣтила Мона.

Оставшись одна, она въ изнеможеніи опустилась въ кресло, но вдругъ опять вскочила на ноги.

— Это что такое?—съ досадой прикрикнула она сама на себя.—Хандрить! *Теперь*! Ну ужъ нѣтъ! Изволь-ка вставать да мыть руки,—живо!

Но прежде она взяла на себя смѣлость отворить окно. Это оказалось затруднительнымъ. Верхняя рама совсѣмъ не поддавалась; нижняя, каждый разъ, какъ Мона подымала ее, съ грохотомъ падала внизъ. Мона напрасно искала глазами чего-нибудь, чѣмъ бы придержать ее.

— Ты у меня будешь стоять, хотя бы мнѣ пришлось подложить подъ тебя мою собственную голову!—гнѣвно воскликнула дѣвушка;—но прежде попробуемъ обойтись вотъ этой семейной библіей,—добавила она, замѣтивъ на комодѣ толстую книгу.

Въ концѣ концовъ она свернула въ клубокъ свой дорожный плащъ и подложила его подъ раму, говоря:

— Нѣсколько капель дождя тебѣ не повредятъ, а чистый воздухъ пойдетъ этой затхлой дырѣ очень и очень на пользу.

Дѣвушка поискала глазами горячей воды, но ея не было, и она, вздрагивая отъ непріятнаго ощущенія, умылась холодной. Потомъ, поглядѣвъ на себя въ зеркало, чтобъ убѣдиться, что волосы ея лежатъ гладко и выраженіе лица достаточно привѣтливо, она спустилась въ гостиную.

Въ каминѣ огня не было. Пока на окнахъ висѣли бѣлыя занавѣси, т.-е. съ мая до октября, въ этомъ домѣ не принято было топить каминъ. Въ холодные вечера Рэчель нерѣдко позволяла себѣ скромную роскошь погрѣться у камелька въ кухнѣ, и, знай это Мона, она съ радостью сдѣлала бы то же; но Рэчель свято чтила «хорошій тонъ» и пришла бы въ ужасъ при одной мысли предложить такую вещь чужому человѣку. Когда Мона попривыкнетъ, обживется въ домѣ, тогда, пожалуй, можно будетъ и вернуться къ прежнимъ порядкамъ, замѣнить парадный чайникъ старымъ коричневымъ, спрятать въ комодъ накладного серебра ложки и праздничную шляпу надѣвать лишь по воскресеньямъ.

Парадный чайникъ, красовавшійся теперь на столѣ, представлялъ собой, поистинѣ, нѣчто удивительное, и Рэчель преисполнилась гордости, замѣтивъ, что Мона безпрестанно смотритъ на него. Мона же смутно думала, что она въ жизнь свою не видала предмета, который бы такъ абсолютно противорѣчилъ всѣмъ элементарнымъ требованіямъ художественной работы.

Но вдругъ ей припомнились ласковыя письма Рэчели, и сердце ея смягчилось. Эта женщина, съ своей лавкой и безобразной мебелью, съ своимъ добрымъ сердцемъ и вульгарной жеманностью обращенія вдругъ показалась Монѣ такой милой и трогательной, что усталые, черезчуръ натянутые нервы не выдержали, и дѣвушка должна была закусить губы, чтобы не расплакаться.

— Знаете ли, дорогая,—сказала она горячо:—вы очень добры, что выписали меня сюда.

— О, я такъ рада, что вы пріѣхали! Лишь бы только вамъ жилось здѣсь хорошо и счастливо.

— Объ этомъ не безпокойтесь. Дайте мнѣ денекъ-другой, чтобы осмотрѣться, устроиться, и я буду счастлива, какъ царица.

— Да, къ новымъ порядкамъ и къ новымъ людямъ не сразу привыкнешь; ну да ничего, кровь не вода,—я это всегда говорю. Племянница со мной отлично уживалась; мы съ ней такъ подошли другъ къ другу. Она изучила всѣ мои привычки, да и шляпы мастерить была большая искусница; это, должно быть, не по вашей части?

Мона засмѣялась.

— Я хотѣла отвѣтить, какъ въ анекдотѣ, — не знаю, потому что не пробовала, но потомъ вспомнила, что я всегда сама отдѣлываю себѣ

лѣтнія шляпы. Я съ наслажденіемъ займусь этимъ—и приложу всѣ старанія (добавила она про себя), чтобы затмить прелести, выставленныя въ окнѣ.

— Боюсь, — нерѣшительно замѣтила Рэчель, — что мы не можемъ продавать такихъ простенькихъ шляпъ, какъ та, что на васъ была надѣта. Это, безъ сомнѣнія, очень мило и практично, но здѣсь всѣ больше любятъ перья и цвѣты.

— О, я не стану и пытаться дѣлать такія шляпы, какъ моя. Чтобы сдѣлать что-нибудь дѣйствительно изящное и простое, нужно быть прямо геніемъ,—не правда ли?

Рэчель засмѣялась, не зная, принимать ли это въ серьезъ или въ шутку.

— А теперь, кушайте хорошенько; съ дороги-то вы, должно быть, проголодались. Вотъ яйца, ветчина, а вотъ горячія тартинки, — все простыя кушанья, какъ видите. Я вамъ заварила чаю покрѣпче; это васъ подбодритъ.

— Прощай, сонъ!—подумала Мона, и ей показалось, что нѣтъ музыки восхитительнѣе шипѣнья шампанскаго, искрящагося въ бокалѣ. Она густо покраснѣла, когда кузина спросила ее минуту спустя:

— Вы навѣрное членъ общества трезвости? Теперь всѣ записываются въ эти общества. Просто удивительно! даже въ помѣщичьихъ домахъ не подаютъ вина за столомъ,—все больше чай. Оно и лучше: одно стоитъ другого, а для кармана не такъ накладно.

— Не правда-ли?—сочувственно отозвалась, Мона радуясь, что ей не пришлось отвѣчать на первый вопросъ.—Въ сущности,—думала она,— когда живешь одной жизнью съ капустой на огородѣ, такая безумная роскошь и неумѣстна.

— Надѣюсь, вы ничего не имѣетѣ противъ *магазина?*—продолжала Рэчель.—Теперь онъ мнѣ, собственно говоря, ни къ чему, да и раньше я имъ не особенно дорожила; у насъ дѣла всегда хорошо шли и безъ того; да вотъ привыкла: вѣчно народъ толчется, оно и веселѣе; перестали бы ходить, все бы не хватало чего-то. Вѣдь со мной компанію водятъ и настоящіе лэди—жена священника, докторша,—то поболтать зайдутъ, то напиться чайку, и ничуть не считаютъ меня менѣе благородной оттого, что я держу магазинъ. Но я всѣмъ говорю, что я это дѣлаю не по нуждѣ, а по привычкѣ. Это всѣ въ Борроунессѣ знаютъ, и это, конечно, составляетъ разницу.

— Мнѣ кажется,—замѣтила Мона, припоминая письмо Люси,— «благородство» той или другой профессіи зависитъ отъ того, кто ею занимается и почему, а не отъ самой профессіи.

— Вотъ именно. Меня здѣсь всѣ знаютъ, и знаютъ, что я въ сущности къ этой лавкѣ вовсе не привержена. Иной разъ я запираю дверь на замокъ и ухожу на цѣлый день; это же всѣ видятъ.

Мона прикусила губу и на этотъ разъ ужъ не пыталась отвѣчать.

Было еще рано, когда она простилась съ кузиной и ушла въ свою комнату. Нѣсколько минутъ она шагала изъ угла въ уголъ, потомъ вдругъ остановилась передъ зеркаломъ. Живя въ одиночествѣ, она привыкла обращаться къ своему собственному лицу, какъ бы къ постороннему собесѣднику.

— Это не то, что ужасно,—выговорила она съ грустью;—я почти желала бы, чтобы оно было хуже; бѣда въ томъ, что все это такъ страшно вульгарно. О Люси, *я*, *дѣйствительно*, *идіотка*!

И, подобно героинямъ добраго стараго времени, когда передовыхъ женщинъ не было еще и въ поминѣ, она бросилась на широкую кровать съ четырьмя колонками и горько разрыдалась.

XI.

Магазинъ.

Нѣтъ, съ этой спальней, очевидно, ничего не подѣлаешь! Надо терпѣть. Оглядѣвшись кругомъ, при свѣтѣ утренняго солнышка, Мона обрадовалась, что не привезла съ собой картинъ, статуэтокъ и драпировокъ, безъ которыхъ находитъ почти невозможнымъ путешествовать нынѣшняя молодежь. Тяжелую, неуклюжую мебель еще можно было бы разставить такъ, чтобъ она не бросалась въ глаза, но всѣ нѣжные тона драпировокъ, всѣ краски картинъ поблекли бы и стушевались на рѣзкомъ, кричащемъ фонѣ старинныхъ обоевъ.

Мона твердо рѣшила, что «этому вытью» надо положить конецъ и что «вчерашнее» больше не повторится. Она откинулась на стоячія жесткія подушки дивана, заложила руки за голову и мужественно взглянула въ лицо положенію. Привлекательнаго въ немъ, безспорно, было мало, но Мона была молода, полна энтузіазма и рѣшимости.

— Хорошій работникъ во всякой области будетъ полезенъ,—думала она,—а дурной нигдѣ. Все зависитъ отъ меня. Всѣ карты у меня въ рукахъ. Помоги мнѣ, Боже!

— Надѣюсь, вы хорошо выспались?—спросила кузина Рэчель, когда она вышла въ гостиную, гдѣ былъ накрытъ столъ для завтрака.

—Я никогда въ жизни лучше не спала,—сердечно отвѣтила Мона.

— Вотъ это хорошо!

Сама Рэчель проснулась на разсвѣтѣ; ее мучили сомнѣнія, она готова была даже допустить страшную ересь, что кровь не всегда и не при всякихъ обстоятельствахъ гуще воды; слова Моны ободрили ее и вернули ей прежнюю вѣру. Ей все еще трудно было допустить, что она когда-нибудь будетъ чувствовать себя съ Моной такъ же легко, какъ съ племянницей; зато Мона была такая воспитанная, «стильная», «совсѣмъ лэди»; ничего, если она и не выучится отдѣлывать шляпы; будетъ «стоять за конторкой»; это совсѣмъ по ней; у нея такой «приличный», «порядочный» видъ.

— Вы сегодня выйдете?—спросила Рэчель.

— Я сдѣлаю, какъ вы хотите. У меня нѣтъ еще никакихъ плановъ на сегодня.

— Я думала,—погода нынче такая хорошая,—не сходить ли мнѣ въ Кирксгоунъ. У меня тамъ пріятельница, м-рсъ Смитъ; ея мать ужъ съ мѣсяцъ, какъ умерла, а я съ тѣхъ поръ и не была у нея. А она мнѣ, видите ли, сродни: моя сестра Дженъ была замужемъ за двоюроднымъ братомъ ея мужа. Такъ вотъ я и боюсь, какъ бы она не обидѣлась: скажетъ, не по сосѣдски...

— И вы хотите, чтобъ я посидѣла въ лавкѣ, пока васъ не будетъ дома? Съ удовольствіемъ. Это будетъ очень забавно.

— Нѣтъ, въ лавкѣ-то вамъ сидѣть незачѣмъ, да никто, вѣрно и не придетъ, хотя, впрочемъ, сказать трудно. Вы можете сидѣть у окна въ гостиной и смотрѣть на прохожихъ; какъ колокольчикъ зазвонитъ, вы и услышите. А если кто-нибудь придетъ, Салли вамъ скажетъ цѣну каждой вещи; она знаетъ.

— Благодарю васъ.

— Конечно, я могла бы взять васъ съ собой и привѣсить замокъ на дверь, или оставить Салли присматривать за лавкой. Я увѣрена, что м-рсъ Смитъ въ другое время была бы очень рада видѣть васъ, но въ такомъ горѣ....

— О, само собой. Ей пріятнѣе будетъ увидаться съ вами наединѣ и поговорить по душѣ; всякій на ея мѣстѣ думалъ бы также.

— Вотъ именно. Если продержится хорошая погода, такъ чтобъ можно было одѣться понаряднѣе, я сведу васъ на будущей недѣлѣ ко всѣмъ моимъ друзьямъ. А то что за удовольствіе, когда приходится подбирать платье и снимать ватерпруфъ у каждой двери.

— Совершенно вѣрно,—поддержала ее Мона,—красивыя вещи только тогда и пріятно надѣвать, когда можно носить ихъ съ комфортомъ. Боюсь только,—прибавила она съ искреннимъ сожалѣніемъ,—что ни одно изъ моихъ платьевъ не придется вамъ по вкусу.

— О, это ничего. Вы всегда будете хорошо одѣты. Самое главное—имѣть видъ лэди.

Онѣ, молча, кончили завтракать; потомъ Рэчель сказала:

— Послѣ обѣда вы, вѣроятно, пойдете прогуляться на холмы или къ морю. Съ кѣмъ бы вамъ пойти?—не придумаю. Мэри Дженъ Андерсонъ живетъ черезъ дорогу; она всегда рада услужить мнѣ, но у нихъ какъ разъ теперь портниха работаетъ на дому.

— Благодарю васъ, дорогая, мы не будемъ безпокоить миссъ Андерсонъ. Я предпочитаю гулять по новымъ мѣстамъ одна, а потомъ, когда вернусь, разскажу вамъ свои впечатлѣнія. Вы не повѣрите, какое для меня наслажденіе жить возлѣ моря. Оно одно можетъ замѣнить мнѣ общество.

— Что жъ, это очень хорошо, когда человѣкъ малымъ доволенъ.

И вотъ еще что,—Рэчель видимо колебалась,—если кто зайдетъ, вы, душенька, уже не говорите, что собираетесь быть докторшей, а?

Это показалось Монѣ очень забавнымъ.

— И не подумаю. Можете быть спокойны, кузина Рэчель. Пока я живу здѣсь, я и не заикнусь никому о своихъ планахъ на будущее.

Онѣ встали изъ-за стола и, послѣ долгихъ сборовъ, кузина Рэчель ушла, разряженная въ пухъ и прахъ, не боясь дождя. Уже закрывъ за собой дверь, она снова пріотворила ее и заглянула въ комнату, говоря:

— Вы устройтесь поудобнѣе. Садитесь въ качалку; въ гостиной вы найдете нѣсколько переплетенныхъ томовъ «Воскресныхъ Досуговъ», почитаете...

— Благодарю васъ. Я увѣрена, что въ качалкѣ я буду чувствовать себя отлично.

Когда кузина ушла, Мона первымъ дѣломъ велѣла Салли положить хорошую охапку дровъ въ каминъ и растворила настежь всѣ окна, затѣмъ произвела подробный и тщательный осмотръ «магазина».

Привыкшая къ лондонскимъ магазинамъ, гдѣ торговля идетъ бойко, гдѣ, благодаря періодическимъ «распродажамъ» и конкурренціи, товаръ всегда свѣжій и модный, гдѣ малѣйшее жирное или пыльное пятнышко значительно понижаетъ цѣнность вещи, она была поражена при видѣ пыльныхъ, измятыхъ и вышедшихъ изъ моды товаровъ, разложенныхъ въ лавкѣ кузины.

Пока она раздумывала, зазвонилъ колокольчикъ и вошла пожилая женщина.

— Добраго утра,—любезно начала Мона.

Женщина удивилась. Она не желала быть грубой, но не желала быть и смѣшной, а такая чрезмѣрная учтивость со стороны совершенно незнакомаго человѣка, да еще въ такомъ будничномъ дѣлѣ, показалась ей странной; поэтому она промолчала.

— На пенни резиновой тесьмы,—выговорила, наконецъ, покупательница, оправившись отъ изумленія.

Мона поклонилась и достала съ полки коробку съ требуемымъ товаромъ.

— Если вы не получили свѣжей съ тѣхъ поръ, какъ я была у васъ, то не трудитесь и показывать,—объявила старуха, подозрительно косясь на старую изломанную коробку. — Та, старая, только на видъ хороша, а возьмешь въ руки, вся расползется.

Мона критическимъ взоромъ окинула содержимое ящика.

— Этой я, правда, не могу рекомендовать; она слишкомъ стара. Но,—она съ трудомъ удерживалась отъ смѣха, душившаго ее,—но на будущей недѣлѣ мы получимъ свѣжій товаръ.

— Я ужъ два мѣсяца это слышу,—строго выговорила женщина.— А продаете все время старье; вотъ ужъ это не дѣло.

— Совершенно вѣрно,—искренно согласилась Мона.—Мы какъ-то упустили это изъ виду. Вѣроятно, здѣсь есть другіе магазины, гдѣ вы можете получить желаемое. А если не найдете, то ровно черезъ недѣльку приходите къ намъ. Не могу ли предложить вамъ еще что-нибудь? (Хотя въ цѣлой лавкѣ нѣтъ ничего, что я могла бы предложить съ чистой совѣстью,—добавила она мысленно).

Старуха озабоченно наморщила лобъ.

— Мнѣ нужны еще вязальныя спицы вотъ такого размѣра,—сказала она, кладя на конторку наполовину связанный чулокъ,

Мона вздохнула съ облегченіемъ. Вязальныя спицы не могутъ испортиться, какъ резиновая тесьма; если онѣ заржавѣли, она вычиститъ ихъ наждакомъ.

Она выдвинула ящикъ, но, къ ужасу своему, увидала, что спицы всѣхъ величинъ были здѣсь перемѣшаны между собой, а желѣзной палочки съ зарубками, по которой торговцы опредѣляютъ мѣрку, нигдѣ не оказывалось. Она чувствовала, что требовательная старуха не позволитъ ей подобрать спицы на глазъ и шарила по всѣмъ ящикамъ, но напрасно. Снаружи она была спокойна, но въ душѣ страшно волновалась, и у нея уже испарина выступила на лбу, когда ей, наконецъ, посчастливилось найти въ кассѣ пропавшее мѣрило. Бѣдная Мона! При видѣ его она испытала такое же чувство облегченія, какъ, бывало, въ анатомическомъ театрѣ, когда какой-нибудь нервъ, который она уже отчаявалась найти, выступалъ вдругъ подъ ея ножомъ цѣлымъ и невредимымъ.

Не безъ труда она отыскала четыре спицы одинаковой величины, аккуратно завернула ихъ въ бумагу и подала покупательницѣ. Она хотѣла уже отворить ей дверь, но старуха не спѣшила уходить.

— Я привыкла имѣть дѣло съ миссъ Симпсонъ, — сказала она. — Чего вы тамъ такъ долго искали? Вы, кажется, еще новичекъ въ дѣлѣ?

— Это правда, но я очень хочу научиться. Имѣйте со мной терпѣніе; вы увидите, что я скоро исправлюсь.

Мона говорила совершенно искренно. Она забыла, что жизнь ея вовсе не ограничивается этой жалкой лавчонкой, и чувствовала себя именно тѣмъ, чѣмъ она была въ данный моментъ,—очень неопытной продавщицей.

— Это конечно; что и говорить. Такъ я зайду черезъ недѣльку.

Таковъ былъ первый опытъ Моны. По уходѣ покупательницы она съ минуту стояла молча, въ мрачной думѣ, сосредоточено глядя себѣ на ноги, и наконецъ выговорила вслухъ:

— Ну, если мнѣ кто-нибудь скажетъ, что торговать въ лавкѣ— шуточное дѣло, я ему покажу!

Не успѣла она сѣсть, какъ колокольчикъ зазвонилъ снова. На этотъ разъ покупательницей оказалась молоденькая служанка, пестро одѣтая, но съ симпатичнымъ лицомъ, хотя и не обличавшимъ большого ума

или критическаго отношенія къ окружающему. Можетъ быть, именно потому оно сразу понравилось Монѣ. Покупательница видимо чувствовала себя неловко и робко ждала, чтобы съ ней заговорили.

— Чѣмъ могу служить?—спросила Мона.

— Мнѣ нужна новая шляпка.

— Охъ!—вырвалось у Моны. Это было сопряжено съ тяжелой отвѣтственностью.—Вы уже рѣшили, чтò взять, или желаете, чтобы я вамъ посовѣтовала?

— Мнѣ хотѣлось бы посмотрѣть, что у васъ есть.

— Вы желаете шляпу на каждый день, или праздничную.

— Чтобы ходить къ обѣднѣ. Еще недавно у миссъ Симпсонъ были выставлены въ окнѣ крупныя красныя розы. Мнѣ кажется, если бы взять ихъ парочку, къ нимъ хорошо пошло бы вотъ это перо.

Мона взяла изъ рукъ ея небольшой свертокъ, развернула его и принялась такъ же внимательно разсматривать его содержимое, какъ, бывало, она разсматривала препараты подъ микроскопомъ. Предметъ, завернутый въ бумагу, несомнѣнно, былъ нѣкогда страусовымъ перомъ, но теперь онъ больше походилъ на хребтовую кость селедки.

— Д-да,—начала Мона, осторожно зондируя почву,—перо придется поправить; но не думаете ли вы, что жаль класть на одну шляпу и цвѣты, и перья.

Дѣвушка вытаращила на нее глаза. Это была какая-то неслыханная ересь.

— Перо-то вѣдь жиденькое; ну, а если его прикрыть наполовину цвѣтами, оно и выйдетъ наряднѣе.

Мона посмотрѣла на перо, потомъ на покупательницу и снова углубилась въ размышленіе.

— Вы живете въ услуженіи?—спросила она вдругъ.

— Да.

— Здѣсь, въ Борроунессѣ?

— Нѣтъ; меня отпустили съ матерью повидаться; я живу въ судомойкахъ въ Тоуэрсѣ.

— Плохія настали времена, если въ хорошемъ домѣ позволяютъ такъ одѣваться служанкѣ, хотя бы и судомойкѣ,—подумала Мона.

Вслухъ она сказала:

— Въ Тоуэрсѣ? Это большое для васъ счастье, что вы попали въ такой домъ. Если вы приложите все стараніе, современемъ вы можете сдѣлаться первоклассной кухаркой.

Дѣвушка просіяла.

— Знаете ли,—продолжала раздумчиво. Мона,—въ Лондонѣ служанка дѣйствительно изъ хорошаго дома сочла бы ниже своего достоинства носить на шляпѣ цвѣты или перья. Она взяла бы хорошенькій фасонъ вродѣ этого,—Мона достала одну изъ немногихъ изящ-

ныхъ шляпъ, выставленныхъ въ окнѣ,—и отдѣлала бы ее просто, хорошей лентой, или бархатомъ,— вотъ такъ!

Мина приложила къ шляпѣ спереди кусокъ бархата и надѣла ее себѣ на голову. Какъ дополненіе къ простому, но хорошо сшитому платью съ безукоризненнымъ воротничкомъ и рукавчиками, шляпка выглядѣла очень красиво и, къ немалому удивленію Моны, понравилась покупательницѣ.

— Это очень прилично,—одобрила она,—и, должно быть, будетъ дешевле.

— Нѣтъ, она не будетъ стоить дешевле, если вы возьмете хорошую солому, зато продержится дольше полудюжины шляпъ съ цвѣтами и перьями. Надо одѣваться умѣючи. Дешевый атласъ, цвѣты и кружева черезъ недѣлю потеряютъ всякій видъ. Какая-нибудь глупышка одѣнетъ такую нарядную шляпку и воображаетъ, что похожа на лэди. Но за лэди ее никто не приметъ, а между тѣмъ она не смотритъ и служанкой изъ хорошаго дома. Дѣйствительно же порядочная разсудительная служанка покупаетъ вещи простыя, но добротныя, и въ нихъ гораздо больше похожа на лэди, чѣмъ та, другая!

Дѣвушка колебалась.

— Эта-то шляпочка, пожалуй, дольше проносится?

— Конечно, дольше. Но вы не торопитесь, подумайте хорошенько.

— Нѣтъ, ужъ я возьму.

Онѣ сговорились насчетъ подробностей и дѣвушка собралась уходить.

— А когда будете дѣлать себѣ новое платье,—сказала ей вслѣдъ Мона,—сдѣлайте такое, чтобы подходило къ шляпкѣ,—простое, темно-синее или черное. Оно вамъ никогда не надоѣстъ, и вы понятія не имѣете, какая вы въ немъ будете милочка.

Дѣвушка бросила полный восхищенія взглядъ на простенькое платье самой Моны и ушла, улыбаясь.

— Если всѣ мои кліентки будутъ въ этомъ же родѣ, я, пожалуй, готова разбить мой шатеръ въ Борроунессѣ и остаться здѣсь навсегда.

Дождь, какъ зарядитъ, такъ ужъ надолго. Такъ и здѣсь. Не успѣла Мона затворить дверь за № 2, какъ появился № 3, и № 3 оказался мужчиной.

— Здравствуйте,—началъ онъ вѣжливо.

— Здравствуйте, сэръ.

— Не найдется ли у васъ резины—только хорошей, мягкой резины?

Мона взяла съ окна нѣсколько кусковъ, но резина отъ времени сдѣлалась твердой и хрупкой.

— Эта не годится,—сказала она,—но у меня наверху есть еще.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ онѣ съ Люси напали въ одномъ магазинѣ на «цѣлую мину», какъ выразилась Люси, чудеснѣйшей резины, мягкой, эластичной, нарѣзанной маленькими косыми кусочками. Мона въ то время трудилась надъ гистологическими рисунками, тре-

бовавшими большой аккуратности, и купила себѣ большой запасъ ея, которымъ теперь и воспользовалась.

— Этой вы, я думаю, останетесь довольны,—сказала она, кладя передъ покупателемъ листъ бумаги и карандашъ.

Онъ попробовалъ.

— Да я въ жизнь свою не имѣлъ лучшей резины!—воскликнулъ онъ, съ изумленіемъ поднявъ глаза. Взоры ихъ встрѣтились, и оба невольно улыбнулись другъ другу сочувственно, какъ улыбаются люди, когда они сойдутся во мнѣніяхъ, хотя бы и въ пустякахъ.

— Я пользуюсь праздникомъ, чтобы изготовить нѣсколько діаграммъ, а когда спѣшишь, хлѣбъ—весьма плохая замѣна резины.

Діаграммъ! Слово звучало такъ знакомо. Монѣ страстно хотѣлось спросить, что это были за діаграммы, изъ какой области?—ботаники? анатоміи? физіологіи?—но она воздержалась, и покупатель съ вѣжливымъ «До свиданія!» вышелъ изъ лавки.

— Отличилась ты, нечего сказать!—корила себя Мона.—Хорошая продавщица! Во-первыхъ, обѣщала выписать новый товаръ, не зная навѣрное, можно ли будетъ это сдѣлать. Во-вторыхъ, взялась отдѣлывать шляпу и по всей вѣроятности не съумѣешь. Въ-третьихъ, назначила за шляпу такую цѣну, что за работу не останется и шести пенсовъ. Въ-четвертыхъ, продала кусокъ собственной резины, не получивъ за это ни фартинга. Нѣтъ, душа моя, надо сознаться, что послѣ сегодняшняго экзамена ты потеряла въ моихъ глазахъ, по крайней мѣрѣ, пятьдесятъ процентовъ.

XII.

Замокъ Маклинъ.

Поверхность моря вся искрилась и сверкала въ лучахъ солнца; высокія цвѣтущія травы на дюнахъ, словно въ пляскѣ, клонились то въ одну, то въ другую сторону, колеблемыя вѣтромъ. Мѣстами прибрежную полосу песку и гравія перерѣзывали морщинистыя обнаженныя скалы, вдававшіяся въ море; длинные стебли *фукуса* всплывали и прятались съ каждой новой волной.

Мона задыхалась отъ восторга. Первый ранній обѣдъ въ домѣ кузины былъ для нея порядочнымъ испытаніемъ. «Серебро» не отличалось блескомъ, а «хрусталь» чистотой; скатерть была чиста, но лишена всякаго лоска и такъ плохо выглажена, что походила скорѣе на простыню. А здѣсь ей просто не вѣрилось, что въ какой-нибудь сотнѣ шаговъ отъ пыльной лавки и затхлой гостиной кузины разстилался цѣлый міръ свѣжести и красоты. Нѣтъ, нельзя сдѣлаться узкимъ и мелочнымъ тамъ, гдѣ стоитъ только сказать: «Сезамъ, отворись!», чтобы природа величественная, яркая и прекрасная раскрыла вамъ свои объятія.

— Все это мое, мое, мое!—говорила себѣ Мона.—Никто въ мірѣ не

можетъ отнять этого у меня,—пѣла она тихонько на мелодію собственнаго сочиненія.

Эта полоса берега была для нея тѣмъ же, чѣмъ для Монте-Кристо келья аббата; совмѣщала въ себѣ все знаніе, мудрость, общество, неисчислимыя сокровища.

Невдалекѣ на самомъ краю берега высилась скала; къ великому своему удовольствію, Мона открыла, что на нее не трудно взобраться съ помощью грубой естественной лѣстницы, образовавшейся съ одной стороны. Наверху скала была вся изъѣдена моремъ и вѣтромъ, изрыта впадинами и ямками, устлана волшебнымъ ковромъ изъ мелкихъ раковинъ, водорослей и валуновъ. Передъ нею, на цѣлыя мили вокругъ лежало сверкающее, плещущее море; позади высились дюны; налѣво солнце лило потоки свѣта на красныя кровли, играло на окнахъ музея и флюгерахъ Киркстоуна. Мона отыскала роскошное кресло, устроенное самой природой, и комфортабельно расположилась въ немъ.

Старые стѣнные часы били пять, когда Мона вернулась домой.

— Надѣюсь, я не опоздала къ чаю? Я такъ прелестно провела время.

— Вижу, вижу!—невольно улыбнулась Рэчель при видѣ возбужденнаго, сіяющаго личика дѣвушки.—Раздѣвайтесь скорѣе и приходите сюда.

— Смотрите, какое сокровище я нашла,—начала Мона, входя.—кроваво-красный гераніумъ!

— Какъ вы сказали?—Экъ вы его чудно-то зовете! Да у насъ этихъ цвѣтовъ не оберешься—и на берегу они растутъ, и у дороги, въ полѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Можетъ быть, вы говорите о луговомъ гераніумѣ? Онъ очень похожъ на этотъ, только другого оттѣнка, скорѣе пурпуровый, и у него два цвѣтка на одномъ стеблѣ вмѣсто одного.

Рэчель принадлежала къ очень многочисленному классу людей, которые не съумѣли бы отвѣтить, еслибъ ихъ спросили, сколько лепестковъ у лютика и у буквицы—шесть или четыре?—и потому предпочла промолчать. Но,—странное дѣло,—искреннее, дѣтски-неподдѣльное восхищеніе Моны моремъ и цвѣтами болѣе всего прочаго сблизило ее съ кузиной. Рэчель сразу почувствовала себя легче въ ея присутствіи.

— Вотъ что значитъ,—думала она про себя,—для дѣвушки, выросшей въ городѣ, попасть въ деревню, да еще къ кровнымъ роднымъ. Бѣдная дѣвочка, должно быть, порядкомъ скучала въ Лондонѣ, одна одинешенька.

— Когда вы захотите освободиться отъ меня на цѣлый день,—продолжала Мона,—я думаю предпринять ботаническую экскурсію по берегу. Я увѣрена, что найду множество сокровищъ, которыя растутъ невидимками.

— Мы предпримемъ кое-что получше,—сказала Рэчель послѣ минутнаго колебанія; ей не хотѣлось сразу выкладывать свои лучшія карты.—Выберемъ хорошій денекъ, съѣздимъ въ дилижансѣ въ Сентъ-

Рульсъ и осмотримъ все, что тамъ есть хорошаго. Тамъ, на Южной улицѣ есть лавка, гдѣ можно достать пирожковъ и лимонаду, а, вернувшись домой, велимъ сварить себѣ яичекъ къ чаю.

— Мнѣ страшно хотѣлось бы увидать Сентъ-Рульсъ. Мнѣ всѣ уши прожужжали этимъ замкомъ на морѣ, а обѣщанное «яичко къ чаю» дѣлаетъ эту перспективу еще болѣе привлекательной. Это будитъ во мнѣ столько веселыхъ воспоминаній дѣтства—о пикникахъ въ лѣсу, лазаньи на утесы, головоломныхъ экскурсіяхъ по горамъ и т. п., и т. п.

Мона не прибавила, что «пирожки и лимонадъ» не играли никакой роли въ этихъ веселыхъ воспоминаніяхъ, но, по правдѣ говоря, мысль о подобномъ завтракѣ, въ обществѣ Рэчели, въ какой-то грязной лавченкѣ, угнетала ее больше, чѣмъ это можно было бы предположить: съ такими вещами ей было труднѣе мириться, чѣмъ съ настоящими лишеніями.

— Вы что̀ себѣ готовили на ужинъ въ Лондонѣ?—спросила Рэчель.— Я всегда ужинаю похлебкой, но ее не всякій можетъ ѣсть.

— О, пожалуйста, сдѣлайте къ ужину похлебку! Мнѣ кажется, шотландца всегда можно узнать по двумъ характернымъ чертамъ, по его пристрастію къ похлебкѣ и къ волынкѣ. Надѣюсь оказаться достойной своей національности.

— Вы какую же любите, жидкую или густую?

— Волынку? Ахъ да, похлебку. Мнѣ кажется, это вопросъ большой важности и, если вы не возьметесь рѣшить его сами, мнѣ придется отвѣтить наудачу. Я думаю,—лучше бы сдѣлать жидкую.

Рэчель вздохнула съ облегченіемъ.

— Я сама всегда ѣмъ жидкую, а вотъ нѣкоторые—вы неповѣрите!— любятъ такую густую, чтобъ ложка стояла коломъ по серединѣ! Удивительно, какіе разные бываютъ вкусы! Впрочемъ, и то сказать: сколько головъ, столько умовъ!

— Совершенно вѣрно!—серьезно подтвердила Мона.—Но теперь я вамъ разскажу о своемъ первомъ опытѣ. Вы даже не спросите, были ли у меня покупатели, а я, смѣю васъ увѣрить, не имѣла ни минуты покоя.

— Да что вы? Развѣ кто-нибудь заходилъ? А мнѣ и невдомекъ. Очень ужъ мнѣ жалко было м-рсъ Смитъ, бѣдняжки.

— Еще бы. Ну-съ, да будетъ вамъ извѣстно, во-первыхъ, что ко мнѣ явилось цѣлыхъ трое кліентовъ.

И Мона подробно разсказала о своемъ первомъ опытѣ.

— Это навѣрное м-рсъ Диксонъ,—я ужъ догадываюсь. Вздорная, придирчивая старуха. Пусть покупаетъ въ другомъ магазинѣ, мнѣ наплевать. Выдумаетъ тоже: товаръ не хорошъ! Торговаться, небось, умѣетъ: я съ нея за годъ шести пенсовъ не нажила—скареда этакая!

— Вполнѣ вамъ вѣрю,—возразила Мона,—но, знаете ли, дорогая, резиновая тесьма въ самомъ дѣлѣ вся испортилась, и старуха имѣла основаніе быть недовольной. Намъ надо на этой недѣлѣ выписать свѣжую.

— Что такое? Ну ужъ нѣтъ! Вотъ какъ-нибудь зайдетъ разносчикъ, такъ и возьмемъ у него, но ради удовольствія Бетси Диксонъ я пальцемъ не пошевельну. Она отлично знаетъ, что мнѣ нѣтъ необходимости держать магазинъ.

— Но, милая,—Мона сѣла на скамеечку у ногъ кузины и положила свою бѣлую ручку на морщинистую красную руку.—Я не вижу, причемъ тутъ необходимость. Разъ ужъ мы держимъ магазинъ, надо вести дѣло какъ слѣдуетъ.

— А кто же смѣетъ сказать, что я плохо веду его? Никто, кромѣ старой ворчуньи Бетси. Я покупаю все самое лучшее, а не мишурную дрянь, которую у васъ въ Лондонѣ выставляютъ въ магазинахъ только чтобъ заманить покупателя. Вы не умѣете отличить съ перваго взгляда хорошій корсетный шнурокъ или тесьму отъ дурной, а то бы не говорили такъ.

— По всей вѣроятности. Но, знаете ли, дорогая, вѣдь въ Лондонѣ можно достать всякій товаръ, и дурной, и хорошій, притомъ совсѣмъ свѣжій и удивительно дешево. Когда намъ понадобится сразу много разныхъ разностей, вы позвольте мнѣ съѣздить въ Лондонъ. Я увѣрена, что я все куплю дешевле и лучше, чѣмъ вы у своего разносчика и еще привезу вамъ кучу всякихъ модныхъ бездѣлушекъ; тамъ онѣ стоятъ пустяки, а въ провинціи за эти вещи платятъ дорого. Вотъ увидите, наша лавочка прославится на весь околодокъ.

— Господи, помилуй, дѣвочка, что она выдумала!—разсмѣялась Рэчель; идея Моны показалась ей такой же дикой, какъ если бы та предложила съѣздить къ сѣверному полюсу.—Да, вы не въ меня,—прибавила она, снова испытывая пріятное сознаніе своего превосходства надъ Моной;—вы рождены быть магазинщицей! А кто же еще заходилъ?

Мона сдѣлала важное лицо и съ иронической торжественностью протянула:

— *Мужчина.*

— О! Кто бы это могъ быть? Какой онъ изъ себя?

— Высокій,—перечисляла Мона, загибая пальцы,—худой, тощій, некрасивый. Въ общемъ,—она засмѣялась,—производитъ впечатлѣніе человѣка, которому, по выраженію одного изъ нашихъ лекторовъ, «не удалось достичь анатомическаго и физіологическаго идеала». Онъ весь какой-то развинченный, и платье на немъ виситъ, какъ на вѣшалкѣ. (Послѣднее было совершенно несправедливо, какъ могъ бы удостовѣрить портной, одѣвавшій молодого человѣка, но свѣжее воспоминаніе о сагибѣ заставляло Мону относиться ко всѣмъ мужчинамъ слишкомъ критически). Верхняя губа его носитъ нѣкоторые слѣды возмужалости, но нельзя сказать, чтобы слишкомъ обильные; его очки...

— Ахъ, онъ носитъ очки!—Рэчель вздохнула съ облегченіемъ, ощутивъ наконецъ твердую почву подъ ногами.—Неужели же... Это былъ джентльменъ?

— Я думаю. Да.

— Такъ бы вы и сказали. Я бы тогда сразу догадалась. А то говоритъ: мужчина!

— Богъ создалъ его такимъ, за такого я и выдаю его,—какъ отвѣтила Порція. Или вы находите, что это эпитетъ для него слишкомъ лестный?

Рэчель засмѣялась.

— Онъ былъ въ темно-синемъ саржевомъ сюртукѣ?

— Кажется. Да, да, теперь я припоминаю, въ темно-синемъ.

— И обхожденіе у него такое простое, пріятное?

— Да.

— Это, должно быть, докторъ Дудлей. Что ему понадобилось?

— Резина.

— Ну, этого добра у насъ хоть отбавляй. Я какъ-то купила цѣлый ящикъ, ужъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ; ея давно ужъ никто и не спрашиваетъ.

— Я думаю,—мысленно вставила Мона.—Кто разъ попался, въ другой не спроситъ.

— Это мѣстный врачъ?—спросила она вслухъ.

— О нѣтъ! Онъ не здѣшній; онъ изъ Лондона. Вы, какъ ходили на дюны, не замѣтили такого большого бѣлаго дома съ большимъ садомъ и со сторожкой, у самаго поворота на Киркстоунъ?

— Да, красивый домъ.

— Тамъ живетъ его старая тетка, м-ръсъ Гамильтонъ. Прежде она пріѣзжала только на лѣто и привозила съ собой кучу гостей, но теперь живетъ почти круглый годъ, если только ея не пошлютъ въ Спа, или еще куда-нибудь. Она говоритъ, что ей здѣшній воздухъ всего полезнѣе. Онъ ея единственный наслѣдникъ. Носится она съ нимъ страшно; я думаю, она никого на свѣтѣ и не любитъ, кромѣ него. Онъ всѣ вакаціи живетъ у нея, а когда ей случится прихворнуть, такъ и среди зимы пріѣзжаетъ: въ пятницу къ вечеру пріѣдетъ, а въ воскресенье вечеркомъ обратно.

— Ну, должно быть, у него въ Лондонѣ практика не обширная, если онъ можетъ такъ разъѣзжать.

— Да онъ и совсѣмъ не практикуетъ. Онъ былъ сколько-то лѣтъ докторомъ, а теперь опять еще чему-то учится, я его и не пойму. А только онъ знающій: далъ мнѣ порошки отъ ревматизма, такъ въ нѣсколько дней какъ рукой сняло, а докторъ Бёрнсъ пичкалъ меня чуть не всю зиму обмываньями, да припарками, да лимоннымъ сокомъ, да...

— ...щелочами,—мысленно докончила Мона.—Гораздо болѣе научный способъ лѣченія, чѣмъ общепринятая салицилка.

Надо помнить, что Мона была молода и никогда не страдала ревматизмомъ.

— ...бандажами и т. п.—продолжала Рэгель.—Я ужъ давненько не

видала его. Тетка его все лѣто была заграницей, и домъ стоялъ заколоченнымъ.

— У меня была еще кліентка...

И Мона не безъ внутренней тревоги разсказала о судомойкѣ и заказанной ею шляпкѣ.

— Была охота брать на себя такой трудъ!—замѣтила Рэчель.—Не все ли равно, что онѣ носятъ, а нарядныя шляпки лучше окупаются. Извѣстно, молоденькой хочется принарядиться; я, съ своей стороны, не вижу, зачѣмъ маю смотрѣть декабремъ.

Мона вздохнула.

— Можетъ быть, мнѣ не слѣдовало этого дѣлать. Вообще я не имѣю привычки навязывать свои совѣты, но эта дѣвушка показалась мнѣ такой умненькой и симпатичной, несмотря на свой идіотскій нарядъ. Я не привыкла видѣть служанокъ въ такихъ костюмахъ. Впрочемъ, можетъ быть, я, какъ ребенокъ, построила плотину изъ песку, чтобы преградить путь приливу.

— Я одного не понимаю: изъ-за чего вы безпокоитесь. Не все ли вамъ равно, какъ она одѣта? Подумаешь, дѣло идетъ о чести или религіи.

Мона опять вздохнула, потомъ засмѣялась не безъ горечи.

— Здѣшніе обыватели, безъ сомнѣнія, могутъ быть моими наставниками въ области чести и религіи; но нынче утромъ мнѣ показалось, что я могу научить кое-чему эту дѣвочку въ области искусства отдѣлывать шляпы.

— Я увѣрена, что она не дальше, какъ въ понедѣльникъ, придетъ и скажетъ, что передумала.

Наступила пауза, довольно длинная. Рэчель первая нарушила молчаніе:

— Душа моя, откуда у васъ такое необыкновенное имя? Я его первый разъ слышу. Вѣдь вашу мать, кажется, звали Маргаритой?

— Да, и мое второе имя—Маргарита, но меня никто такъ не называетъ. По моему, чѣмъ короче имя, тѣмъ оно лучше.

— Гм.! А я бы на вашемъ мѣстѣ не стала зваться Моной. Чудно́е какое-то имя. Я его и выговорить-то не могу.

И дѣйствительно, во все время, что Мона жила у кузины, та ее не называла иначе, какъ «душа моя».

XIII.

Церковь.

На слѣдующій день утро выпало чудесное; солнце ярко сіяло на безоблачномъ небѣ и прогулка въ Киркстоунъ обѣщала Монѣ много удовольствія. Дорога шла вдоль берега, отдѣленная отъ моря полосой желтыхъ сжатыхъ полей. Ландшафтъ былъ самый будничный и не блиставшій красками, но, послѣ массивнаго величія Норвегіи, взоръ Моны съ удовольствіемъ останавливался на лежавшей передъ ней

шахматной доскѣ пашень, перегороженной на клѣтки живыми изгородями и мшистыми канавами.

Онѣ прошли уже полдороги, когда пріятный баритонъ позади ихъ сказалъ:

— Добраго утра, миссъ Симпсонъ.

— Ахъ, докторъ, здравствуйте. Душа моя, это докторъ Дудлей.

Докторъ приподнялъ шляпу и пошелъ рядомъ съ ними, стараясь приноровить свою размашистую походку къ мелкимъ степеннымъ шажкамъ Рэчели.

— Ну, что нашъ ревматизмъ?

— Удивительное дѣло, докторъ: какъ только заноетъ гдѣ, или заколетъ, сейчасъ я въ аптеку за вашими порошками и вмигъ какъ рукой сниметъ.

— Очень хорошо, отлично. Вы не откажетесь дать мнѣ удостовѣреніе?

— Конечно! отъ всего сердца готова услужить вамъ. Какъ же это вы нынче измѣнили м-ру Юингу? Что онъ скажетъ?

— Дѣйствительно, измѣнилъ, миссъ Симпсонъ. Къ счастью, м-ръ Юингъ въ этомъ отношеніи не особенно обидчивъ. Вашъ м-ръ Стюартъ такъ мило и довѣрчиво просилъ меня придти послушать его, что я, при первомъ же удобномъ случаѣ, воспользовался его приглашеніемъ.

— И очень рада. По крайней мѣрѣ услышите проповѣдь, совсѣмъ не похожую на тѣ, которыя говоритъ м-ръ Юингъ.

Докторъ засмѣялся.

— М-ръ Юингъ безспорно не Златоустъ, но онъ славный малый и джентльменъ, и въ этомъ отношеніи имѣетъ несомнѣнно облагораживающее вліяніе на свою паству.

— Такъ-то оно такъ, докторъ; но не думаете ли вы, что пріятнѣе имѣть воду живую въ красивомъ сосудѣ?...

Докторъ внезапно перешелъ въ серьезный тонъ.

— Ахъ, дали бы намъ только воду живую, а сосудъ не все ли равно, какой!

— Погодите, вотъ послушайте м-ра Стюарта; тогда посмотримъ, что вы скажете.

Чуть замѣтная улыбка скользнула по губамъ доктора. Онъ взглянулъ на Мону и поймалъ ея пристальный взглядъ, устремленный на него, но дѣвушка тотчасъ же отвела глаза. Ей не хотѣлось, чтобъ Рэчель могла упрекнуть ее хотя бы въ самомъ невинномъ предательствѣ; но лицо ея говорило достаточно краснорѣчиво, а его глаза, не смотря на близорукость, были очень зорки.

— *Que diable allait elle faire dans cette galère?* *)—подумалъ онъ про себя.

*) Какъ она сюда попала?

— Душа моя,—обратилась Рэчель къ Монѣ таинственнымъ тономъ, который обязательно принимаютъ люди извѣстнаго сорта, когда говорятъ о вещахъ священныхъ;—мы обыкновенно причащаемся послѣ обѣдни. Вы останетесь?

— А вы хотѣли бы, чтобъ я осталась?

— Вы удивитесь, когда узнаете, какъ мы широко смотримъ на вещи.—Рэчель возвысила голосъ.—У м-ра Стюарта вышли даже непріятности съ другими священниками изъ-за его либерализма. Онъ говоритъ, что считаетъ себя не вправѣ оттолкнуть ни одного обращеннаго христіанина.

Искорки смѣха запрыгали въ глазахъ доктора Дудлея.

— Смѣю думать, что обращенный язычникъ былъ бы еще любезнѣе сердцу Стюарта.

— Разумѣется, разумѣется, докторъ. Вы понимаете, что я хочу сказать. М-ръ Стюартъ находитъ, что въ наше время недостаточно называться просто христіаниномъ, потому что многіе, именующіе себя такъ, боятся самаго слова «обращенный».

Докторъ Дудлей опять взглянулъ на Мону, но на этотъ разъ она была на сторожѣ и не дала поймать себя.

— Я считаю это слово однимъ изъ самыхъ высокихъ по смыслу,—гордо выговорила она, глядя прямо передъ собой.—Но все же сегодня я врядъ ли останусь. Подождать васъ, дорогая?

— Какъ хотите, душа моя, какъ хотите. Изъ церкви всегда есть съ кѣмъ вернуться домой.

Они шли теперь по улицамъ Киркстоуна, маленькаго городка съ старинными зданіями причудливой архитектуры; сильный запахъ рыбы и водорослей ударилъ имъ въ носъ, когда они свернули направо и стали спускаться къ морю. Спускъ былъ крутой; внизу, по берегу, вдоль гавани тянулся рядъ лавокъ и складовъ; гавань смотрѣла весело и оживленно, вся расцвѣченная флагами; контуры искусно заштопанныхъ парусовъ живописно вырисовывались на синемъ фонѣ неба; на самомъ припекѣ грѣлись загорѣлые бѣлоголовые ребятишки; двухколесный гигъ—единственный экипажъ, виднѣвшійся на берегу,—катился по камнямъ съ грохотомъ, совершенно не соотвѣтствовавшимъ его размѣрамъ и виду; мѣстные обыватели, съ молитвенниками въ рукахъ, не спѣша, направлялись въ церковь, бесѣдуя по дорогѣ о послѣднемъ уловѣ селедки.

Рэчель шла впереди, остальные за нею. Свернувъ въ сторону, противоположную морю, и взобравшись на небольшой крутой холмикъ, они вступили въ узкую темную улочку, гдѣ стояла простенькая церковь, напротивъ огромнаго и вонючаго кожевеннаго завода.

Новый уголокъ міра открылся Монѣ, когда она вошла въ церковь. Чистенькая, заново выкрашенная и отлакированная, съ красными бархатными подушками на лавкахъ, она смотрѣла опрятной и респекта-

бельной; большинство молящихся были въ нарядныхъ праздничныхъ платьяхъ: женщины въ старинныхъ шаляхъ и чепцахъ съ красными бридами, дѣвочки въ голубыхъ лентахъ и съ розами у корсажа, мальчики въ наглухо застегнутыхъ, плохо сидящихъ воскресныхъ курточкахъ, съ избыткомъ помады на неровно остриженныхъ дома волосахъ. Въ воздухѣ уже замѣтно попахивало пеперментами; раскрытые молитвенники и библіи были переложены ноготками и полузавядшими вѣточками божьяго дерева.

Ни служба, ни проповѣдь не представляли собой ровно ничего замѣчательнаго. Тысячи точно такихъ же проповѣдей произносились въ этотъ самый часъ по другимъ деревнямъ и селамъ. Люди, симпатизировавшіе проповѣднику, находили въ ней чѣмъ восхищаться, не симпатизировавшіе ему—надъ чѣмъ посмѣяться; но не было въ ней ни единаго слова, которое кого-нибудь поразило бы неожиданностью, или всколыхнуло бы чье-нибудь сердце.

Къ полудню солнце стало припекать. Въ церкви было нестерпимо душно; все сильнѣе пахло свѣжей краской и пеперментами. Мальчуганъ рядомъ съ Моной уснулъ послѣ перваго же псалма, и его обильно умащенная масломъ головенка то и дѣло покушалась опуститься на рукавъ Моны, но докторъ Дудлей, сидѣвшій позади, каждый разъ удерживалъ его во-время. Мона была несказанно рада, что не обѣщала ждать Рэчель, и тотчасъ же послѣ благословенія поспѣшила вырваться на свѣжій воздухъ, какъ птичка изъ клѣтки.

Скоро ее нагналъ докторъ Дудлей.

— Ну-съ, — началъ онъ,—вамъ, безъ сомнѣнія, пріятно будетъ узнать, что ваша резинка оказала мнѣ бездну услугъ.

Мона наклонила голову, не отвѣчая. Такое начало разговора ей не понравилось. Онъ, конечно, воображаетъ себѣ, что такое снисхожденіе очень лестно для «магазинщицы».

Но Дудлей былъ слишкомъ заинтересованъ ея лицомъ, чтобы обратить вниманіе на ея молчаливость. Такое лицо не часто встрѣтишь. Онъ все время изучалъ его въ церкви и теперь не могъ удержаться отъ искушенія позондировать почву.

— Жалкій человѣкъ!—началъ онъ осторожно.

— М-ръ Стюартъ?—равнодушнымъ тономъ спросила Мона.

— Да. Я давно уже наблюдаю за нимъ. Онъ все усиливается выбраться изъ болота посредственности, но смѣло могъ бы себя избавить отъ этого труда.

Мона невольно улыбнулась. Этой мимолетной, но тонкой усмѣшки было достаточно, чтобы докторъ Дудлей не колебался болѣе.

— Пройдя черезъ агонію сомнѣній и основательно изучивъ Іосифа Кука, онъ, наконецъ, рѣшилъ держаться «эволюціи въ границахъ», какъ онъ выражается. Я думаю, онъ каждый разъ, всходя на каѳедру, испытываетъ чувство удовольствія и вмѣстѣ обиды отъ сознанія, что

онъ могъ бы, еслибъ захотѣлъ, наэлектризовать свою аудиторію и что онъ вынужденъ расточать сокровища своего знанія передъ горстью жалкихъ рыбаковъ.

Дудлею было самому смѣшно, что онъ говоритъ съ такимъ жаромъ, но въ данный моментъ онъ былъ въ такомъ настроеніи, что могъ бы говорить о священникѣ съ его лошадью, или собакой, будь та или другая его единственной спутницей; къ тому же, ему интересно было знать, какъ отнесется Мона къ этой характеристикѣ. Пойметъ ли она этотъ жаргонъ конца вѣка?

— Онъ, должно быть, человѣкъ разумный и сдержанный,—спокойно отвѣтила Мона.

Это было умно и ни къ чему не обязывало.

— Да, само собой, онъ не проповѣдываетъ выживанія наиболѣе приспособленныхъ и вліянія среды, но потому-то онъ и жалокъ. Будь онъ тѣмъ, чѣмъ онъ себя считаетъ, онъ не могъ бы удержаться, чтобы не проповѣдовать *этого; это* бы у него сквозило во всемъ. Дѣло въ томъ, что онъ за всю свою жизнь вполнѣ усвоилъ себѣ только двѣ доктрины: оправданіе вѣрой,—или та же доктрина въ его собственной версіи—и крещеніе посредствомъ погруженія, какъ исповѣданіе вѣры. Все же остальное, что онъ пріобрѣлъ или еще пріобрѣтетъ, будетъ только наноснымъ, но не сдѣлается частью его самого, не войдетъ въ его плоть и кровь.

— Другими словами, онъ таковъ же, какъ девяносто девять сотыхъ человѣческой расы?

Дудлей засмѣялся.

— Можетъ быть. Бѣдный Стюартъ! Я увѣренъ, что онъ въ каждомъ новомъ слушателѣ зритъ интереснаго молодого скептика, на которомъ ему хочется попробовать свои силы. Это—*Ultima Thule* *) его честолюбія.

— Жаль, что ему это не удается. Интересный молодой скептикъ въ наше время—видъ довольно распространенный и обыкновенно онъ бываетъ не прочь выступить открыто въ качествѣ таковаго.

Докторъ Дудлей не даромъ изучалъ лицо Моны. Тонъ ея рѣзнулъ его по уху, и онъ быстро окинулъ ее внимательнымъ, испытующимъ взглядомъ.

— Интересно знать, давно ли...—началъ онъ и запнулся: это было ужъ совершенно непозволительно.

Чопорность Моны растаяла въ тихомъ смѣхѣ.

— Давно ли я сама была интереснымъ молодымъ скептикомъ?—докончила она.—Не смущайтесь, вопросъ заслуженъ, и я отвѣчу на него совершенно искренно. О, это было очень, очень давно! Не легко построить новый Римъ на развалинахъ разрушеннаго.

---

*) Крайній предѣлъ.

— Вы думаете? А мнѣ такъ кажется наоборотъ. Такъ ужасно совсѣмъ не имѣть Рима.

Build thee more stately mansions, O my soul,

— Продолжайте,—сказала Мона.

«Build thee more stately mansions, O my soul,
As the swift seasons roll!
Leave thy low vaulted past.
Let each new temple, nobler than the least,
Shut thee from heaven by a dome more vast;
Till thou at length art free,
Leaving thine outgrown shell by life's unresting sea!» *).

Мона вдругъ сообразила, въ чемъ его главная привлекательность: у него былъ необыкновенно звучный и пріятный голосъ.

— Не спуститься ли намъ къ берегу и не вернуться ли домой по дюнамъ? Это было бы гораздо пріятнѣе.

— Не сегодня, когда-нибудь въ другой разъ,—сказала Мона, но это означало въ сущности: не въ вашемъ обществѣ.

Они такъ увлеклись разговоромъ, что и не замѣтили, какъ дошли до воротъ дачи м-рсъ Гамильтонъ. Дудлей уже хотѣлъ предложить своей спутницѣ проводить ее до дому, но вспомнилъ, кто она, и передумалъ. Соображеніе, остановившее его, было не особенно благородно, съ точки зрѣнія вѣчности, но и лучшіе изъ насъ не всегда смотрятъ на жизнь съ этой точки зрѣнія.

— Кто эта молодая особа, которая живетъ у миссъ Симпсонъ?—спросилъ онъ у тетки за завтракомъ. Онъ хотѣлъ было сказать: молодая лэди, но удержался, зная, какъ щепетильна на этотъ счетъ м-съ Гамильтонъ.—Она замѣчательно умна.

— Племянница ея, кажется. Да, толковая дѣвушка. Я въ этомъ году еще не видала ихъ.

— Неужели она дочь сестры миссъ Симпсонъ?

— Кажется, что такъ. А почему бы ей и не быть дочерью миссъ Симпсонъ второй?

— Почему? Да это необычайная игра природы. Эта дѣвушка какой-то скрытый геній.

— Полно, Ральфъ! — засмѣялась старуха, подмигнувъ ему однимъ глазомъ.—Въ Борроунессѣ кумушками хоть прудъ пруди; точатъ язычки и насчетъ племянницы миссъ Симпсонъ, но *этого* о ней навѣрное никто еще не говорилъ!

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

*) Быстрой чередою смѣняются года; ты же, душа моя, съ каждой смѣной строй себѣ жилище обширнѣй и выше. Покинь низкіе своды минувшаго; пусть каждый новый храмъ, будетъ благороднѣе предъидущаго и обширнѣе куполъ его, закрывающій отъ тебя небо,—пока, наконецъ, ты не освободишься, сбросивъ въ вѣчно волнующееся море жизни, оболочку, которая стала для тебя слишкомъ тѣсной.

РАЗСКАЗЫ АЛЛЕНА УАЙТА.

Переводъ съ англійскаго.

I.

Возвращеніе домой.

Небольшая повозка, обтянутая бѣлой парусиной, завернула налѣво по Калифорнійской дорогѣ и направилась къ маленькой степной рѣчкѣ, ютившейся у подошвы длиннаго низкаго холма. У одного изъ изгибовъ этой рѣчки бѣлая повозка остановилась. Изъ нея вышли мужчина и женщина; нѣкоторое время они стояли молча и смотрѣли на луга, поросшіе дикою, зеленою травой, и на далекіе холмы. Онъ былъ очень молодъ, но, не смотря на юношескую внѣшность, въ немъ чувствовалась мужская сила. Она была воплощеніемъ цвѣтущей, здоровой молодости. Въ глазахъ ея блеснули слезы, когда она, взглянувъ на мужа, проговорила:

— Вотъ и кончилось наше свадебное путешествіе, и... и медовый мѣсяцъ, единственный за всю нашу жизнь, прошелъ.

Лошади, начавшіе нетерпѣливо двигаться въ своей пыльной упряжи, помѣшали ему отвѣтить. Онъ поспѣшилъ къ нимъ и, вернувшись, засталъ жену, вынимавшую изъ повозки кухонную посуду, и для нихъ началась обыденная жизнь—суровая и тревожная,

Такъ молодой капитанъ Гёксъ привезъ въ Канзасъ свою жену..

Они были молоды, сильны, бодры, и — побѣдили пустыню. На берегу рѣчки появился домъ. Дѣвственные луга превратились въ распаханныя, засѣянныя хлѣбомъ поля. Лѣтомъ на поляхъ золотилась рожь, вышиною съ лошадиный ростъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ съ холма уже открывался видъ на садъ и огородъ фермы, напоминавшій шахматную доску; все было выравнено, подстрижено и улыбалось на солнцѣ.

Маленькія дѣти бѣгали по саду и отправлялись въ школу по вновь проложеннымъ дорожкамъ, обсаженнымъ съ обѣихъ сторонъ молодыми тополями.

Случалось, огонь въ кухнѣ горѣлъ всю ночь и двѣ головы склонялись надъ счетами, стараясь свести концы съ концами. Въ эти годы

дѣвическая фигура молодой женщины сгорбилась и огонь потухъ въ ея глазахъ; мужъ ея тоже склонился подъ тяжестью борьбы. Временами они ожесточались противъ непосильнаго креста, выпавшаго имъ на долю, потомъ примирялись со своей участью и бодро продолжали работать. Такъ шла жизнь, молодость смѣнилась зрѣлымъ возрастомъ, а потомъ наступила старость. Дѣти выросли и разошлись въ разныя стороны искать счастья.

Въ это-то время Гёксы особенно часто вспоминали покинутую родину. По вечерамъ, сидя вдвоемъ въ опустѣвшемъ домѣ, они любили говорить о родныхъ мѣстахъ, среди которыхъ прошла ихъ молодость. За все время имъ ни разу не удалось съѣздить домой въ Огіо. Отецъ и мать полковника умерли. Родныхъ его жены также уже не было въ живыхъ. И тѣмъ не менѣе, имъ обоимъ хотѣлось съѣздить домой. Много лѣтъ толковали они о красотахъ своего родного уголка. Дѣти ихъ воспитывались въ убѣжденіи, что на свѣтѣ нѣтъ болѣе прекраснаго мѣста, чѣмъ штатъ Огіо. Канзасская трава казалась короткой и лишенной красоты въ сравненіи съ великолѣпіемъ огійскихъ полей. Черныя канзасскія равнины представлялись полковнику и его женѣ безобразными, когда они сравнивали ихъ съ тѣнистыми холмами родины. У м-съ Гёксъ тоска по родинѣ временами мучительно обострялась и не давала ей покою.

Когда они выдали замужъ свою послѣднюю дочь, поселившуюся съ мужемъ въ сосѣдней деревнѣ, м-съ Гёксъ свела всѣ счеты и убѣдилась, что въ банкѣ у нихъ отложено достаточно долларовъ, и они могутъ себѣ позволить маленькій праздникъ.

Въ этомъ году урожай былъ очень хорошъ. М-съ Гёксъ возобновила переписку съ одной изъ кузинъ мужа, жившей въ Огіо, и добилась отъ нея приглашенія погостить на нѣсколько недѣль. Затѣмъ она же осчастливила своего мужа, заказавъ ему для этого торжественнаго случая новый сюртукъ—первый, сшитый имъ со времени свадьбы. Полковникъ Гёксъ охотно согласился на поѣздку, для которой, благодаря экономіи его жены, не пришлось дѣлать никакихъ займовъ и выходить изъ бюджета.

Отъѣздъ ихъ былъ назначенъ въ одинъ изъ свѣтлыхъ осеннихъ дней, какіе бываютъ въ Канзасѣ въ началѣ октября. Лѣтняя пыль, носившаяся надъ полями, была смыта дождемъ и всѣ предметы отчетливо рисовались въ прозрачномъ воздухѣ. Лѣсъ на берегу маленькой рѣчки, протекавшей около фермы, былъ покрытъ яркой зеленой листвой. Хлѣбные колосья на поляхъ отливали сверкающимъ золотомъ, Небо сіяло яркой синевой и большія пушистыя облака, лѣниво плывущія въ глубинѣ его, казались близкими и почти доступными прикосновенію.

М-съ Гёксъ въ послѣдній разъ передъ отъѣздомъ убрала посуду послѣ завтрака и вдругъ почувствовала, что старый домъ опустѣетъ,

когда они уѣдутъ. Молчаніе, которое должно наступить здѣсь, уже охватывало ее, и ей стало немного грустно. Для м-съ Гёксъ каждая мелочь въ домѣ была связана съ особыми воспоминаніями, и въ кухнѣ до сихъ поръ еще стоялъ складной стулъ, который пріѣхалъ съ ними въ бѣлой повозкѣ изъ Огіо. М-съ Гёксъ чувствовала, что она не сможетъ разстаться съ этимъ стуломъ. Мужъ ея въ это время хлопоталъ около риги, въ двадцатый разъ повторяя одному изъ сосѣдей инструкціи насчетъ того, какъ слѣдуетъ беречь хлѣбъ.

Наконецъ, насталъ часъ отъѣзда. Старички вышли на крыльцо и полковникъ заперъ дверь на ключъ.

— Помнишь, отецъ,—сказала м-съ Гёксъ, сходя со ступенекъ,—помнишь, какъ мы пріѣхали съ тобой сюда, 30 лѣтъ тому назадъ? Сколько воды утекло съ тѣхъ поръ, сколько всего было и прошло, и вотъ мы съ тобой опять остались одни.

— Я, матушка...—началъ было полковникъ, но м-съ Гёксъ перебила его:

— Помнишь, какая я была въ тотъ день? О, Вильямъ, ты былъ тогда такой стройный и красивый! Что сталось съ моимъ мальчикомъ, съ моимъ милымъ, молодымъ, сильнымъ мальчикомъ?

Глаза м-съ Гёксъ были влажны и голосъ ея оборвался на послѣднихъ словахъ.

— Подожди минутку, матушка,—сказалъ полковникъ, уходя за уголъ дома,—я посмотрю, заперта ли дверь въ кухню.

Дорогой м-съ Гёксъ и ея мужъ были преисполнены заботами о покинутомъ домѣ. Въ ихъ отрывочномъ разговорѣ сказывалось гораздо больше безпокойства по поводу мѣста, которое они покидали, чѣмъ радости по поводу ожидаемаго возвращенія на родину. Красоты Огіо, ослѣпительная зелень его холмовъ, прохлада луговъ, прорѣзанныхъ журчащими ручьями,—вся эта картина какъ бы померкла передъ духовными очами стариковъ, когда они повернули за уголъ и ихъ канзасскій домъ скрылся изъ виду. М-съ Гёксъ вспоминала свою спальню, которую она оставила въ безпорядкѣ, и эта мысль такъ занимала ее, что для предвкушенія будущихъ удовольствій въ душѣ уже не оставалось мѣста. Въ вагонѣ полковникъ Гёксъ сразу началъ разговоръ о Канзасѣ со своимъ спутникомъ, который оказался обитателемъ Цинцинати. На станціи Канзасъ-Сити они поужинали привезенной изъ дому провизіей; м-съ Гёксъ вспомнила, что они ѣдятъ маленькаго бѣлаго цыпленка Кохинхины, и почувствовала сильную тоску по дому; полковникъ, которому она сообщила о цыпленкѣ, также задумался.

Къ вечеру они пріѣхали къ мѣсту своего назначенія. М-съ Гёксъ возобновила старое знакомство съ женскою половиною семьи, удалившись въ спальню, а полковникъ съ мужчинами сидѣли въ гостиной и перебирали умершихъ и отсутствующихъ родственниковъ и знакомыхъ. Утромъ, въ ожиданіи завтрака, полковникъ отправился побродить по

лугамъ. Ему показалось, что ручеекъ, протекающій по лугу—некрасивъ и маловоденъ. Онъ отыскалъ камень, съ котораго, будучи мальчикомъ, ловилъ рыбу. Камень этотъ представлялся ему въ воспоминаніяхъ чуть ли не утесомъ, и онъ разсказывалъ своимъ дѣтямъ удивительныя вещи про его необычайные размѣры. Теперь же ему казалось, что за 30 лѣтъ камень сталъ вдвое меньше. Мохъ на берегу рѣки былъ выцвѣтшій и старый, и красота, которую онъ искалъ, омрачалась тысячью неправильностей, которыхъ не было въ той картинѣ мѣстности, сохранившейся въ его памяти.

Полковникъ Гёксъ бродилъ по берегу рѣчки, заложивъ руки за спину и насвистывая старую пѣсенку, и старался примирить то, что онъ видѣлъ, съ тѣмъ, что ожидалъ здѣсь найти. За завтракомъ онъ ничего не сказалъ о своемъ разочарованіи, но когда они на минутку остались вдвоемъ съ женою, въ то время какъ ихъ хозяева готовились устроить прогулку въ экипажѣ, м-съ Гёксъ заявила ему:

— Знаешь, я смотрѣла изъ окна, до чего у нихъ здѣсь все засушено. Что это за трава — сухая и короткая! Земля кажется болѣе выжженной и сухой, чѣмъ въ Канзасѣ.

— Гм, да,—отвѣтилъ полковникъ.—Я и самъ тоже замѣтилъ. Хотя урожай здѣсь кажется недуренъ въ этомъ году.

Когда коляска, въ которой сидѣли обѣ семьи, проѣзжала черезъ мостъ, полковникъ, сидѣвшій спереди, обернулся къ женѣ и сказалъ:

— Посмотри-ка, матушка, у нихъ теперь новая мельница, которая будетъ поменьше старой.

На это двоюродный братъ его возразилъ:

— Биль Гёксъ, что съ тобой приключилось? Неужели ты не узнаешь старой мельницы, въ которой мы съ тобой когда-то охотились за голубями?

Полковникъ сталъ ближе присматриваться и пробормоталъ:

— Ахъ, чортъ! почему же она какъ будто стала меньше? Вѣдь правда, она кажется меньше?—обратился онъ къ женѣ.

Такъ они ѣхали съ полчаса, болтая о томъ и о семъ, когда м-съ Гёксъ, внимательно присматривавшаяся къ мѣстности, вдругъ дернула мужа за рукавъ и проговорила:

— Вотъ оно, отецъ! Вотъ то мѣсто.

— Какое мѣсто?—спросилъ полковникъ, увлекшійся разговоромъ о тарифахъ.

— Неужели ты не помнишь, Вильямъ?—проговорила его жена съ дрожью въ голосѣ, которая была замѣчена сидѣвшею рядомъ съ нею кузиною.

Всѣ замолкли, ожидая отвѣта полковника. Тотъ повернулся къ кузинѣ и сказалъ:

— Это то мѣсто, гдѣ я однажды чуть не опрокинулъ повозку, спускаясь съ холма. Намъ съ матерью оно почему-то запомнилось.

Старикъ погладилъ свою сѣдѣющую бороду и многозначительно улыбнулся, и м-съ Гёксъ почувствовала себя очень счастливой. Въ теченіе получаса даже высохшая трава, которая въ воспоминаніяхъ казалась ей такой свѣжей, не могла омрачить ея настроенія духа.

Когда обитатели Канзаса остались вечеромъ наединѣ, полковникъ спросилъ:

— Тебѣ не кажется, что все здѣсь совсѣмъ не то, что мы ожидали увидѣть? Какъ будто все полиняло и сморщилось и постарѣло. Трова какая-то пыльная. Деревья, которыя были такими высокими и тѣнистыми, теперь стали просто ни на что не похожи. Холмы, которые я считалъ чуть ли не горами, оказываются, по правдѣ сказать, даже меньше того пригорка... у насъ дома.

Въ Канзасѣ стало для нихъ теперь «дома». Тридцать лѣтъ изнемогающіе въ борьбѣ люди въ далекой преріи утѣшали себя мыслью «возвращеніи домой» въ Огіо. И вотъ, вернувшись въ Огіо, они оба сразу почувствовали, что здѣсь они не дома.

— Ты жалѣешь, что мы пріѣхали?—спросила м-съ Гёксъ у полковника, начинавшаго уже впадать въ дремоту.

— Не знаю,—отвѣчалъ онъ.—А ты?

— Я, пожалуй, что и жалѣю. Какъ-то мнѣ все здѣсь не нравится и жаль той картины, которая столько лѣтъ хранилась въ памяти и теперь пропала. Лучше бы ужъ не пріѣзжать, чѣмъ видѣть все такимъ измѣнившимся—совсѣмъ не тѣмъ, что было раньше!

Такъ они смотрѣли старыми глазами на обстановку своей юности. Какъ выцвѣли всѣ краски! Какая трагическая разница между сіяніемъ утренней зари и прощальными лучами заката!

По прошествіи перваго дня, полковникъ Гёксъ не въ силахъ былъ болѣе сдерживаться и принялся нестерпимо хвастать своей канзаской фермой; а, слушая его, м-съ Гёксъ тоже дала волю своей хозяйской гордости. Раньше она питала затаенное презрѣніе къ канзасскимъ хвастунамъ и даже желала отправить ихъ всѣхъ въ Огіо, чтобы они могли убѣдиться, до какой степени въ Канзасѣ все ничтожно и недостойно вниманія. Теперь же м-съ Гёксъ ловила себя на разговорахъ о томъ, «какая у васъ въ Огіо плохая рожь», и пр., и пр.

Со второго дня м-съ Гёксъ ощутила непреодолимую тоску по дому. Ее заботила мысль о кладовой, полковникъ же безпокоился главнымъ образомъ о своей собакѣ. Пятый день ихъ пребыванія въ гостяхъ былъ и послѣднимъ. Когда они ѣхали въ экипажѣ на станцію, м-съ Гёксъ услышала, что ея мужъ говорилъ со своимъ двоюроднымъ братомъ, приблизительно, слѣдующимъ образомъ:

— Долженъ сказать тебѣ, Джимъ, я лучше бы сдѣлался чернорабочимъ, чѣмъ маяться всю жизнь, какъ ты маешься съ этимъ хозяйствомъ. Я знаю только одно,—у насъ, въ Канзасѣ, налоги ниже, школы лучше и во всѣхъ отношеніяхъ жизнь легче, чѣмъ здѣсь. А что ка-

сается траваной кобылки, которая будто бы, уничтожаетъ наши луга, мнѣ просто смѣшно слушать такіе разговоры! Да вотъ тебѣ мой сынъ Билль—онъ родился и выросъ въ Канзасѣ и теперь служитъ въ судѣ. Онъ за всю свою жизнь не видѣлъ ни одной кобылки—не съумѣлъ бы отличить ее отъ простого кузнечика, если бы она ему попалась по дорогѣ.

И сама м-съ Гёксъ [поймала себя на слѣдующемъ разговорѣ съ кузиной:

— Фруктовъ у насъ въ этомъ году было столько, что я кормила яблоками свиней; я продала вишень только съ одного дерева, которое растетъ у самаго дома, и ихъ оказалось 16 четвертей.

Когда они усѣлись въ поѣздъ, уносившій ихъ домой, м-съ Гёксъ сказала мужу:

— Не понимаю, какъ они здѣсь ухитряются жить. Я бы хотѣла, чтобы Мэри пріѣхала къ намъ и посмотрѣла, какъ у меня въ кухнѣ проведена прямо горячая и холодная вода. Она чуть въ обморокъ не упала, когда я ей про это разсказала. Но у нихъ такая рутина, они не признаютъ ничего новаго.

Такіе разговоры очень нравились полковнику и онъ охотно поддерживалъ ихъ. Старички чувствовали себя очень счастливыми. Они искали родственныхъ душъ и очень обрадовались, когда, проснувшись на другое утро, услышали рядомъ съ собой пискливый женскій голосъ, говорившій:

— И вотъ, сэръ, когда наконецъ дожди наступили, м-ръ Моррисъ думалъ, что не останется уже ни одной травинки на сѣно, и вдругъ оказалось, что мы собрали больше 40 бушелей съ акра на этомъ полѣ.

Полковникъ окончательно проснулся и подмигнулъ женѣ, между тѣмъ какъ женскій голосъ продолжалъ:

— М-ръ Моррисъ такъ боялся, что за зиму пшеница погибнетъ. Во всѣхъ газетахъ объ этомъ писали. А потомъ настали поздніе морозы и всѣ думали, что ужъ хлѣбъ совсѣмъ погибнетъ. А между тѣмъ оказалось...

М-съ Гёксъ дольше не могла выдержать. Она подсѣла къ дамѣ съ пискливымъ голосомъ и спросила ее:

— Извините, пожалуйста, ма'мъ, вы изъ какой части Канзаса?

Произошло нѣчто подобное встрѣчѣ между дорогими родственниками. Остальную часть пути вся компанія занималась непрерывнымъ славословіемъ Канзаса. Когда они въѣхали въ предѣлы своего штата, полковникъ съ гордостью обращалъ вниманіе своихъ спутниковъ на большіе школьные дома, возвышающіеся въ каждой деревнѣ, и указывалъ на ихъ архитектурныя красоты. Онъ разсказывалъ исторію каждой дороги, проложенной между Кау и Топеко, краснорѣчиво объяснялъ значеніе угольныхъ копей Озажа и съ гордостью указывалъ на многочисленныя природныя богатства Канзаса.

Когда полковникъ и его жена выѣхали изъ Канзасъ-Сити домой

по равнинѣ, на которой ложились длинныя черныя тѣни и голубоватая дымка застилала далекіе холмы, молчаніе объяло ихъ сердца. Каждый изъ нихъ вспоминалъ пройденный жизненный путь. Лай собаки за изгородью не прерывалъ ихъ грёзъ. Безпокойный скотъ, блуждавшій по склону холма, дополнялъ для нихъ ту картину, которую они любили.

— Скоро солнце сядетъ, отецъ,—сказала м-съ Гёксъ, кладя свою руку на руку мужа.

Отъ ея прикосновенія и тона, какимъ она сказала эти слова, что-то дрогнуло въ сердцѣ старика.

Онъ повторилъ, избѣгая ея взгляда:

— Да, скоро солнце сядетъ, скоро!..

— Это былъ длинный день, Вильямъ, но мнѣ было хорошо съ тобой. А ты, Вильямъ, былъ ли ты счастливъ?

Полковникъ отвернулся. Онъ боялся сказать что-нибудь, чтобы не выдать своего волненія. Когда же они въѣхали во дворъ, полковникъ обнялъ свою жену, прижался щекой къ ея лицу и проговорилъ съ усмѣшкой:

— Взгляни на эту собаку—лаетъ, какъ будто никогда не видала бѣлыхъ людей.

Такъ полковникъ Гёксъ вернулся съ женой «домой» въ Канзасъ.

II.

Исторія одной могилы.

Въ большой американской пустынѣ есть одно мѣстечко, гдѣ растетъ зеленая трава. Около устья высохшей рѣки, гдѣ длинная полоска бѣлаго алкали вьется у подножія горъ, стоитъ маленькая гостинница. Она построена на холмѣ. У подножья его находится садъ, въ которомъ мѣстный садовникъ съ помощью привезенной воды, совершилъ настоящее чудо: въ этомъ исскуственномъ оазисѣ растутъ деревья, трава, красивые, яркіе цвѣты. Дѣти и молодежь бродятъ по лужайкѣ, а наверху, на террасѣ передъ домомъ грѣются на солнцѣ усталые, ослабѣвшіе обитатели гостинницы, и смотрятъ внизъ, на безконечную даль бѣлаго песка, причудливыя, волнистыя очертанія котораго сливаются на горизонтѣ съ синевой неба.

Большинство нѣжащихся на террасѣ, посѣтителей гостинницы,—больные люди. Гостинница вообще является прибѣжищемъ для инвалидовъ. Здѣсь собираются сотни измученныхъ людей, преисполненныхъ трагическою любовью къ жизни. Здѣсь они присутствуютъ при мерцаніи и угасаніи чужихъ жизней и все-таки надѣются и ждутъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ солнце и ясный свѣжій воздухъ возвращаютъ къ жизни, но многіе умираютъ. На широкой верандѣ происходитъ ожесточенная борьба жизни и смерти.

Главный клеркъ Гаукинсъ былъ всецѣло поглощенъ этой борьбой. Онъ былъ дѣятельнымъ человѣкомъ, твердымъ, молчаливымъ, сдержаннымъ и отталкивающимъ. Теперь онъ сидѣлъ на террасѣ и съ презрительной усмѣшкой смотрѣлъ на своихъ сосѣдей, старавшихся отнять у вѣчности еще нѣсколько минутъ жизни. Ему не приходило въ голову, что самъ онъ былъ однимъ изъ солдатъ, принимавшихъ участіе въ этомъ смертномъ боѣ; а его между тѣмъ уже отнесли въ разрядъ безнадежныхъ.

Долгое время Гаукинсъ сидѣлъ такимъ образомъ на террасѣ, пока докторъ не предписалъ ему ежедневныхъ прогулокъ. Гаукинсъ нехотя разстался со своими сожителями, проводящими цѣлые дни на террасѣ. Онъ презиралъ ихъ за ихъ глупую вѣру въ то, что они будто бы борятся со смертью. Во время своихъ ежедневныхъ прогулокъ внизъ съ холма и по окраинѣ великаго, сверкающаго моря песку и пыли, онъ злорадно размышлялъ о томъ, котораго изъ этихъ глупцовъ отвезутъ въ больницу ко времени его возвращенія съ прогулки. Первую недѣлю онъ каждый день проходилъ совершенно одинъ и тотъ же путь, замѣчалъ рѣшительно все на этомъ пути и ничѣмъ не интересовался. По дорогѣ онъ проходилъ мимо высокаго холма, желѣзнодорожнаго моста, каменоломни, зубчатой проволочной ограды, окружавшей чью-то могилу, глиняной хижины пастуха, нѣсколькихъ овецъ, перекрестка и нѣсколькихъ сосенъ. Ни одинъ изъ этихъ предметовъ не запечатлѣвался въ его памяти. Но однажды, пораженный какой-то совершенно незначительной подробностью въ окружающей картинѣ, Гаукинсъ свернулъ съ дороги и подошелъ поближе къ могилѣ, защищенной оградой отъ нападенія степныхъ звѣрей.

Бывали дни, когда Гаукинсъ не говорилъ ни съ кѣмъ изъ обитателей гостинницы и это отсутствіе интереса къ окружающему временами тяготило его. Когда онъ послѣ прогулки сидѣлъ на террасѣ и лѣниво смотрѣлъ на холмы, мелькающіе кое-гдѣ въ пустынѣ, его глаза страннымъ образомъ были прикованы къ тому мѣсту, гдѣ находилась могила. Онъ садился спиною къ этому мѣсту, но оно все-таки вставало въ его воображеніи и онъ зеленѣлъ отъ злости. Тогда онъ уходилъ къ себѣ въ комнату и старался забыть о могилѣ до слѣдующаго дня.

Въ концѣ недѣли эта могила начала уже раздражать его. Она возбуждала въ немъ любопытство, которое было ему въ высшей степени непріятно. Онъ гордился тѣмъ, что его не интересовало ничто, не имѣющее къ нему прямого отношенія. Теперь же броня его равнодушія была пробита и онъ чувствовалъ непреодолимое и, какъ ему казалось, совершенно безсмысленное желаніе увидѣть ее поближе. Онъ боролся съ этой причудой, но ему нѣсколько разъ приходилось сворачивать назадъ на свою тропинку, до такой степени эта могила привлекала его. Она стала преслѣдовать его даже ночью, и онъ видѣлъ ее во снѣ. Наконецъ, онъ рѣшился подойти къ оградѣ, думая, что она пе-

рестанетъ интересовать его, если онъ наконецъ разглядитъ ее во всѣхъ подробностяхъ.

Оказалось, что это была могила взрослаго человѣка и на ней былъ посаженъ кактусъ. У изголовья стоялъ деревянный крестъ. Проволочная ограда съ одной стороны была прорвана—вѣроятно, какимъ-нибудь дикимъ животнымъ, совершимшимъ на нее нападеніе ночью. Гаукинсъ не вошелъ въ ограду, а быстро повернулъ назадъ, какъ будто онъ преодолѣлъ свою слабость, собравъ всѣ эти детали.

На другой день онъ подошелъ ближе, а еще черезъ день, послѣ безсонной ночи, проведенной въ мысляхъ о могилѣ, подошелъ къ самой оградѣ и оглянулся на гостинницу, желая знать, могутъ ли его увидѣть съ веранды. Затѣмъ онъ мелькомъ взглянулъ на имя, написанное на крестѣ и поспѣшилъ уйти. Это было имя единственнаго въ мірѣ человѣка, котораго онъ ненавидѣлъ. Вмѣстѣ съ нимъ въ его душѣ встало воспоминаніе о женщинѣ, которую, казалось, онъ давно забылъ и гордился этимъ забвеніемъ.

Взойдя на холмъ, онъ превозмогъ свое нервное напряженіе и спокойно направился къ гостинницѣ. Но все время передъ его умственнымъ взоромъ стояла полустертая надпись: «Заинъ Твеке».

Гаукинсъ сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ на верандѣ, отдыхая послѣ прогулки, и смотрѣлъ на бѣлую равнину, сверкавшую на солнцѣ. То мѣсто, гдѣ была могила, точно гипнотизировало его. Ему казалось, что онъ отсюда видитъ крестъ и надпись на немъ. Онъ старался сбросить съ себя это обаяніе, говорилъ себѣ, что все это была одна случайность, и тутъ-же съ дрожью вспоминалъ, что какая-то неудержимая сила влекла его къ этой заброшенной могилѣ. Придя къ такому выводу, онъ сардонически улыбнулся и зажегъ сигару.

Онъ думалъ, что побѣдитъ свою галлюцинацію, предоставивши ей полный просторъ, но это ему не удалось. До настоящей минуты Гаукинсъ не зналъ, что человѣкъ, отнявшій у него жену, умеръ. Въ немъ воскресла ненависть къ старому врагу и онъ съ удовольствіемъ думалъ о кактусѣ, посаженномъ на его могилѣ. Докторъ, увидя, что Гаукинсъ сидитъ на террасѣ съ сигарою въ зубахъ въ то время, когда солнце заходитъ, остался очень недоволенъ и отправилъ его въ комнату. Мрачный человѣкъ послушался: онъ гордился тѣмъ, что живъ, и эта гордость почти граничила съ радостью.

Эту ночь Гаукинсъ рано легъ спать. Когда огни въ отелѣ были потушены, онъ проснулся послѣ сна о цифрахъ и конторскихъ дѣлахъ и почувствовалъ, что произошло нѣчто важное. Тогда ему вспомнилось недавнее открытіе. Онъ испытывалъ извѣстное нравственное удовлетвореніе при мысли о смерти этого человѣка. Очевидно, есть какая-то высшая справедливость, говорилъ онъ себѣ; иначе почему же его такъ влекло къ этому уединенному пригорку изъ песку, камней и травы пустыни? Что, кромѣ какой-то силы внѣ его, оторвало его отъ всѣхъ его привычекъ

и поставило лицомъ къ лицу съ этой надписью на досчечкѣ. И въ настоящую минуту досчечка съ надписью явственно вырисовывалась на стѣнѣ у его кровати. Что привело его туда?—думалъ онъ въ недоумѣніи. И онъ не рѣшался формулировать другого вопроса, который смутно зарождался въ его душѣ. Онъ мысленно насмѣхался надъ собой за страхъ передъ сверхъестественнымъ, старался думать о чемъ-нибудь другомъ, началъ даже считать въ умѣ, и все-таки не могъ отогнать отъ себя назойливой мысли, которая, наконецъ, вылилась въ формѣ вопроса: «а что, если его все время толкалъ къ этой могилѣ духъ умершаго человѣка?».

Когда онъ всталъ, онъ былъ весь въ поту и во рту у него пересохло. Разсудокъ опять вступилъ въ свои права и ненависть къ умершему врагу загорѣлась съ новою силой. Ему хотѣлось знать, была ли «она» вмѣстѣ съ нимъ въ пустынѣ, гдѣ онъ умеръ. Онъ представлялъ себѣ ихъ вмѣстѣ на террасѣ. Потомъ его больное воображеніе рисовало ему ихъ пребываніе въ этой самой комнатѣ, гдѣ онъ теперь лежалъ. На мгновеніе онъ точно перенесся въ адъ. Онъ позвонилъ, чтобы удостовѣриться, имѣютъ ли его фантазіи какое-нибудь фактическое основаніе, но когда пришелъ слуга, спросилъ у него только воды со льдомъ. Онъ медленными глотками пилъ ее, стоя у окна, смотрѣлъ на тихія звѣзды и луну, слушалъ колокольчики овецъ и лай собакъ, доносившійся издалека, изъ пустыни, окружавшей могилу. Это успокоило его и онъ заснулъ.

Слѣдующіе дни Гаукинсъ подолгу простаивалъ около некрасивой песчанной насыпи, окруженной зубчатой рѣшеткой, и съ упоеніемъ думалъ о смерти этого человѣка. Минуты, которыя онъ проводилъ здѣсь, были почти счастливыми для него. Его воображеніе рисовало ему мрачныя картины, фигуры жены и врага вставали передъ нимъ, какъ ужасный кошмаръ.

Но постепенно, къ этимъ двумъ ненавистнымъ людямъ прибавился третій, и это былъ онъ самъ. Онъ началъ удивляться, за что его жена могла когда-то любить и уважать его. Ему вспоминались злыя слова, которыя онъ говорилъ ей, вспоминалась своя собственная низость и жестокость, вспоминалось блѣдное лицо, съ мольбою смотрѣвшее на него, и дрожащій голосъ, просившій его быть добрымъ къ ней. Онъ съ содроганіемъ вспомнилъ всю эту сцену и взрывъ дикой ревности, которымъ онъ отвѣтилъ на ея мольбу. Раскаяніе зашевелилось въ его душѣ.

Сознаніе непоправимаго зла, причиненнаго имъ другому человѣку, начинало тяготить его. Лицо женщины, которую онъ старался забыть, встало въ памяти и заслонило собою все остальное. Ему слышались разговоры, которые они когда-то вели между собой, и въ каждой сценѣ, въ каждомъ словѣ онъ видѣлъ свой собственный эгоизмъ. Гаукинсъ начиналъ узнавать себя такимъ, какимъ его знали другіе.

Однажды онъ пошелъ къ могилѣ и остался около нея дольше, чѣмъ обыкновенно. Назадъ онъ шелъ, опустивши голову, тихими шагами, отчасти по своему желанію, а отчасти и потому, что силы его уменьшались. На террасѣ всѣ были увѣрены, что дни его сочтены.

Для тѣхъ, кто встрѣчался съ Гаукинсомъ въ его обыденной жизни, онъ сохранялъ прежнюю холодную внѣшность. Но странныя вещи происходили въ его душѣ. Онъ прожилъ свою жизнь одинъ, и никто, кромѣ него самого, не могъ знать о смягченіи его сердца. Посѣщенія могилы сдѣлались необходимыми для его счастья. Въ первый разъ въ жизни Гаукинсъ почувствовалъ ужасъ своего одиночества. Онъ навѣщалъ могилу, какъ человѣкъ при обыкновенныхъ обстоятельствахъ посѣщалъ бы близкаго друга. Когда силы его упали и ему уже не каждый день можно было выходить, онъ сидѣлъ въ своей комнатѣ и смотрѣлъ изъ окна на далекіе холмы и на приковывающую его взоры маленькую насыпь, затерянную среди песковъ.

Въ эти-то часы Гаукинсъ начиналъ припоминать, какія достоинства могли быть у его мертваго врага. Онъ вспомнилъ, какъ при первомъ же знакомствѣ сурово осуждалъ его за то, что у него не калиграфическій почеркъ. Вспомнилось ему также, что онъ насмѣхался надъ нимъ за его закрученные усы, особенно же возненавидѣлъ онъ новаго сослуживца за то, что тотъ умѣлъ играть на фортепьяно. Вспомнивъ всѣ эти свои предубѣжденія, Гаукинсъ старался припомнить и какія-нибудь положительныя его качества.

Смерть все ближе и ближе витала вокругъ угрюмаго человѣка, теперь уже почти не покидавшаго своей комнаты, и его страхъ передъ мертвецами исчезалъ. Однажды онъ поймалъ себя на томъ, что ждетъ какого-нибудь знака изъ могилы, и ждетъ не съ ужасомъ, а со страстнымъ желаніемъ. Онъ говорилъ себѣ, что необъяснимая сила, противъ воли привлекавшая его къ этой заброшенной могилѣ, и то вліяніе, которое она на него оказала, указывали на присутствіе какой-то посторонней силы. Онъ создалъ себѣ цѣлую теорію о гипнотическомъ дѣйствіи умершихъ и ожидалъ какого-нибудь матеріальнаго проявленія этого духа, съ которымъ онъ все время находился въ общеніи. Въ этомъ настроеніи онъ не замѣчалъ потери силъ. Онъ сидѣлъ у окна, смотрѣлъ на пустыню и думалъ о жизни и о приближеніи конца. Все существо его смягчилось передъ близкимъ разрушеніемъ тѣла.

Онъ молилъ о какомъ-нибудь знакѣ, который доказалъ бы ему, что между нимъ и человѣкомъ въ могилѣ установилась связь. Но никакого знака не было. Такъ онъ сидѣлъ молча, прислушивался и ждалъ наступленія великаго молчанія.

Наконецъ настало время, когда ему сдѣлалось совсѣмъ плохо и онъ не могъ больше сидѣть у окна. Тогда его охватило страстное желаніе послѣдній разъ сходить на могилу, прилечь на нее и плакать, какъ ребенокъ. Онъ не могъ объяснить себѣ этого стремленія и не

пробовалъ анализировать его, но смутно чувствовалъ, что именно такъ поступила бы его жена. Солнце весело сіяло надъ пустыней, но ему было холодно на верандѣ. Тѣмъ не менѣе, онъ началъ гулять по ней взадъ и впередъ и его сожители находили, что онъ какъ будто опять сталъ поправляться. Однажды онъ два раза обошелъ кругомъ отеля.. Это былъ для него день торжества. Ночью онъ строилъ планы, что на другой день отправится къ могилѣ.

Нравственное возбужденіе временно точно задержало болѣзнь. На другой день онъ, не говоря никому ни слова, ушелъ изъ дому. Медленно, очень медленно спустился онъ съ холма. По дорогѣ онъ нѣсколько разъ присаживался. Мысль о томъ, что онъ совершаетъ своего рода паломничество, и что «она» навѣрное одобрила-бы его, если бы знала, согрѣвала его угрюмое сердце и вызывала въ немъ нѣчто похожее на нѣжность. Онъ былъ очень слабъ и съ трудомъ шелъ шагъ за шагомъ, но мальчишеская радость сжимала его горло, когда онъ думалъ о томъ, что навѣрное она осталась бы имъ довольна. Онъ зналъ, что послѣдній разъ увидитъ могилу, но не грустилъ объ этомъ. Онъ былъ радъ, что идетъ туда во имя ея. Гордость исчезла изъ его души, онъ чувствовалъ себя ребенкомъ, и бормоталъ безумныя, отрывочныя молитвы, прося Бога дать ему силу дойти до цѣли. Когда онъ достигъ ея, онъ вошелъ за проволочную рѣшетку и прилегъ въ изнеможеніи. На другой день тамъ нашли Гаукинса, такого же угрюмаго и одинокаго, какъ при жизни. Люди говорили, что это была достойная его смерть.

Л. Давыдова.

РАВНОДУШНЫЕ.

РОМАНЪ.

(*Продолженіе* *)

Глава четвертая.

I.

Эту стройную, изящную молодую женщину лѣтъ двадцати пяти, шести на видъ, съ пепельными волосами, причесанными въ древне-греческомъ стилѣ, съ сверкающими зубами, слегка возбужденную и отъ сознанія своей привлекательности, и отъ того, что на нее обращено общее вниманіе,—нельзя было назвать красавицей. Черты ея лица не отличались правильностью, но въ немъ было что-то чарующее, невольно притягивающее. И этимъ магнитомъ были, конечно, глаза, большіе, сѣрые, ласково улыбающіеся глаза, осѣненные длинными рѣсницами.

Инна Николаевна поздоровалась съ матерью съ нѣжностью ласковаго ребенка. Она цѣловала ея руку, потомъ лицо нѣсколько разъ.

— Что такъ поздно, Инночка? — спрашивала растроганная Антонина Сергѣевна, любуясь своей нарядной красивой дочерью.

— Изъ Александринскаго театра. Были съ Иртеньевыми. Но что за глупая пьеса, мама!

— А мужъ?

— Вѣрно скоро пріѣдетъ. Онъ повезъ Иртеньеву домой.

— А какъ же ты?

— Меня сюда довезъ Иртеньевъ...

И, оставивъ мать, молодая женщина стала обходить гостей. Всѣ движенія ея хорошо сложенной фигуры были мягки и полны граціи. Здороваясь, она всѣхъ дарила ласковымъ, улыбающимся взглядомъ, точно всѣ были одинаково ей симпатичны, и она хотѣла всѣхъ очаровать.

---

*) См. «Міръ Божій», № 1, январь.

Разцѣловавшись съ сестрой, она шепнула, указывая на Гобзина:

— Папинъ кандидатъ?

Татьяна Николаевна кивнула головой и, смѣясь, спросила:

— Хорошъ экземпляръ?

— Невозможный...

— Но не хуже твоего супруга.

— Ну нѣтъ. Мой хоть и глупъ, но все-таки не похожъ на поросенка...

Бросивши эти слова, Инна Николаевна прошла въ кабинетъ.

Когда она подошла къ отцу, партнеры встали и поклонились. Никодимцевъ чуть не замеръ отъ восхищенія при видѣ молодой женщины.

— Наконецъ-то?—воскликнулъ Козельскій, оглядывая довольнымъ взглядомъ элегантный костюмъ Инны.

Ни отецъ, ни дочь, казалось, не были смущены, увидѣвшись послѣ недавней щекотливой встрѣчи.

Инна Николаевна поцѣловала отца въ щеку. Онъ прикоснулся пушистыми усами ея лба и проговорилъ:

— Садись, пожалуйста, за меня, Инна... Вы позволите, господа?

Толстый полковникъ генеральнаго штаба и высокій, худощавый инженеръ сказали, что будутъ очень рады. Никодимцевъ почтительно наклонилъ свою черную остриженную голову...

— Инна Николаевна отлично играетъ!—замѣтилъ инженеръ, цѣлуя протянутую ему руку.

Полковникъ подтвердилъ слова инженера.

Козельскій представилъ дочери Никодимцева и шутя примолвилъ:

— Смотри, играй внимательно... Григорій Александровичъ превосходный игрокъ. Тебѣ съ Григорьемъ Александровичемъ играть.

— А вы не будете бранить меня? — спросила Инна Николаевна, протягивая ему руку.

Никодимцевъ густо покраснѣлъ и застѣнчиво произнесъ:

— Я... помилуйте...

— Ну тогда я сажусь за тебя, папа, но не на долго... На одинъ, два роббера.

— Только-то! —воскликнулъ инженеръ.

— Боюсь, что вамъ, господа, будетъ неинтересно играть съ такой неумѣлой партнершей! — сказала молодая женщина, опускаясь на стулъ.

Инженеръ и полковникъ горячо протестовали, взглядывая на Инну Николаевну загорѣвшимися глазами. Никодимцевъ строго взглянулъ на нихъ.

Молодая женщина замѣтила впечатлѣніе, произведенное ею на Никодимцева, перехватила недовольный взглядъ его темныхъ

глазъ и не безъ пріятнаго удивленія посмотрѣла на этого серьезнаго, корректнаго господина съ умнымъ усталымъ лицомъ, который не разглядывалъ ее, какъ большая часть мужчинъ.

Она сняла перчатки, и всѣ партнеры невольно взглянули на ея красивыя холеныя руки съ длинными породистыми пальцами, на которыхъ сверкали кольца, и въ ту же минуту почувствовали тонкій ароматъ духовъ.

Никодимцевъ сдѣлался еще серьезнѣе. А между тѣмъ радостное чувство охватило его, благодаря присутствію Инны Николаевны. И онъ украдкой взглядывалъ во время игры на красивую молодую женщину и вдругъ словно бы почувствовалъ прелесть жизни и понялъ, что эта жизнь не въ одномъ только департаментѣ, которому онъ отдавалъ все свое время. Понялъ и безъ обычной внимательности слушалъ переговоры.

— Я сказала четыре трефы, Григорій Александровичъ.

— Виноватъ... Простите... Я... Пять трефъ!..—вдругъ стремительно проговорилъ онъ.

— Пять безъ козырей! — вымолвила Инна Николаевна и словно бы приласкала партнера своими ласково улыбающимися глазами.

— Малый шлемъ въ трефахъ!—объявилъ Никодимцевъ.

И ему вдругъ стало весело, какъ школьнику.

Но онъ тщательно скрывалъ свое душевное настроеніе и, серьезный, казалось весь отдавался игрѣ.

Шлемъ былъ выигранъ.

Инженеръ значительно проговорилъ:

— Вамъ во всемъ везетъ, Инна Николаевна!

— Вы думаете?

— Увѣренъ.

— И даже увѣрены?.. Впрочемъ, вы, кажется, вообще самоувѣренный человѣкъ!—не безъ иронической нотки сказала Инна Николаевна.

И затѣмъ, обратившись къ Никодимцеву, спросила:

— Я не очень скверно разыграла шлемъ?

— Напротивъ... Превосходно, Инна Николаевна.

— Это комплиментъ или правда, Григорій Александровичъ?

— Я комплиментовъ не умѣю говорить!—серьезно замѣтилъ Никодимцевъ.

— Въ такомъ случаѣ вы оригинальный человѣкъ...

— Ну, какой оригинальный... Самый обыкновенный!—краснѣя, промолвилъ Никодимцевъ.

И подумалъ:

„Вотъ ты необыкновенная красавица! И я буду ѣздить сюда на журъ-фиксы!"

И опять почувствовалъ, что ему отчего-то необыкновенно пріятно. И эта пріятность какая-то особенная, совсѣмъ не похожая на ту, которую онъ испытываетъ отъ своихъ служебныхъ успѣховъ.

Онъ разсѣянно игралъ слѣдующую игру и сдѣлалъ крупную ошибку.

— Выпустили насъ, ваше превосходительство!—не безъ злорадства замѣтилъ инженеръ.

— Дѣйствительно... выпустилъ... Прошу извинить меня, Инна Николаевна!

— Не извиняйтесь, а то и мнѣ придется извиняться! Лучше не будемъ взыскательны другъ къ другу!

Козельскій вышелъ изъ кабинета довольный.

Онъ видѣлъ, что Никодимцевъ, этотъ холостякъ-схимникъ, недоступный никакимъ вліяніямъ, равнодушный къ женскимъ чарамъ и имѣвшій репутацію необыкновенно хорошаго работника и человѣка неподкупной честности, былъ очарованъ Инной.

— „Клюнулъ!"—мысленно проговорилъ его превосходительство и вошелъ въ гостиную.

Тина запѣла „Ночи безумныя".

Пѣла она этотъ затасканный романсъ съ цыганскимъ блескомъ, съ особеннымъ выраженіемъ затягивая ферматы и подчеркивая болѣе пикантныя слова. Ея свѣжій молодой голосъ звучалъ красиво и былъ полонъ нѣги и страсти этихъ безумныхъ ночей. Ея каріе глаза зажглись огонькомъ и въ нихъ было что-то вакхическое.

Разговоры сразу оборвались. Всѣ съ восторгомъ слушали пѣніе. Мужчины такъ и впились глазами въ хорошенькую пѣвицу съ рыжими волосами и ослѣпительно бѣлымъ лицомъ, подернутымъ румянцемъ, которая воспѣвала безумныя ночи и, казалось, призывала къ нимъ.

Молодой артиллеристъ закрылъ лицо руками, чтобы скрыть навертывавшіеся слезы. Ему было жутко отъ этого пѣнія и невыносимо грустно, что Тина, на которую онъ молился и которую любилъ, имѣя нѣкоторыя основанія надѣяться, что и его любятъ, поетъ такъ нехорошо и нисколько не стѣсняется пѣть такъ при публикѣ.

Онъ возмущался не разъ и пробовалъ говорить ей, но она приказывала ему молчать, и онъ молчалъ.

И вспомнивъ объ этомъ, онъ слушалъ Тину, полный тоски и думалъ, что она совсѣмъ его не любитъ... Эти поцѣлуи, которыми она дарила его и послѣ которыхъ смѣялась надъ нимъ, когда онъ просилъ Тину быть его женой, казались ему теперь чѣмъ-то ужаснымъ, оскверняющимъ его любовь...

„Завтра же онъ категорически и въ послѣдній разъ объяснится съ ней!“—рѣшилъ двадцатипятилѣтній красивый поручикъ.

Гобзинъ просто-таки замеръ отъ восхищенія и не спускалъ своихъ маленькихъ, заплывшихъ глазъ съ Татьяны Николаевны и только теперь, когда она пѣла, почувствовалъ, какъ хороша эта „рыжая“. И въ эту минуту онъ совсѣмъ забылъ свою сосѣдку Ольгу Ордынцеву, которая весь вечеръ кокетничала съ нимъ и уже легкомысленно мечтала о побѣдѣ надъ молодымъ милліонеромъ, женой котораго она сдѣлается съ большимъ удовольствіемъ. Гобзинъ уже просилъ позволенія пріѣхать къ Ордынцевымъ съ визитомъ, разсчитывая, конечно, быть у нихъ въ отсутствіе отца.

Теперь Ольга была полна злобнаго, завистливаго чувства къ Тинѣ. Всѣ ея старанія пропали, казалось, даромъ. Этотъ толстякъ даже невѣжливо повернулся къ ней спиной. И веселое настроеніе ея исчезло. Она думала, что она несчастная и что въ этомъ виноватъ отецъ. Онъ скупой и не даетъ денегъ на уроки пѣнія. А, учись она, конечно, она пѣла бы лучше Тины и съ большимъ выраженіемъ.

Его превосходительство стоялъ на порогѣ и съ удовольствіемъ смотрѣлъ, какъ Гобзинъ пожираетъ глазами его дочь.

И въ головѣ его пробѣгали мысли о томъ, какъ хорошо было бы замужество Тины. Стоитъ только ей захотѣть, Гобзинъ женится, и тогда всѣ долги были бы уплачены. Не надо было бы служить въ разныхъ мѣстахъ. Можно устроиться иначе и устроиться отлично. Тина, конечно, не откажетъ отцу въ денежной помощи, имѣя мужа милліонера.

„Захочетъ ли только Тина вытти замужъ за Гобзина?..»

Сомнѣніе омрачило пріятное настроеніе его превосходительства, когда онъ подумалъ, что Тина вообще не хочетъ выходить замужъ и, пожалуй, упуститъ такой случай... Совсѣмъ странная эта Тина! Онъ рѣшительно отказывается ее понимать. Надо же выходить замужъ. Гобзинъ хоть далеко не Антиной, но не противенъ. Если послать его въ Карлсбадъ, похудѣетъ и выправится. А милліонера не скоро найдешь. И, наконецъ, у Тины такой характеръ, что мужъ у нея не пикнетъ и, слѣдовательно, можетъ устроить потомъ свою жизнь, какъ хочетъ... И еслибъ она когонибудь любила, тогда еще понятно отказаться отъ милліонера, а то и этого нѣтъ. Бѣднаго артиллериста она только изводитъ и держитъ около себя для флирта... Чего она въ самомъ дѣлѣ хочетъ?

И его превосходительство въ эту минуту досадовалъ на „странную дѣвушку“, бывшую его дочерью, которая, чего добраго, упуститъ случай и не поможетъ отцу поправить его разстроенныя дѣла. Съ добродушной невмѣняемостью эгоиста и циника

онъ даже и не подумалъ о томъ, что желаетъ продать дочь милліонеру. Напротивъ, онъ полагалъ, что заботится объ ея счастьѣ. Для этого онъ и пригласилъ Гобзина.

Когда Тина кончила пѣть, раздался взрывъ рукоплесканій. Гости подходили къ ней, благодарили и просили спѣть еще. Особенно упрашивали мужчины.

— Осчастливьте, Татьяна Николаевна!—восторженно проговорилъ Гобзинъ.

„Эка какъ она сводитъ всѣхъ съ ума этой пошлой цыганщиной!" не безъ презрѣнія подумалъ Козельскій, большой любитель музыки, посѣщавшій симфоническіе концерты.

Тина обѣщала спѣть еще романсъ. Многіе изъ мужчинъ остались стоять у фортепіано, чтобы ближе видѣть пѣвицу. Гобзинъ тоже остался, и Ольга готова была заплакать отъ зависти и досады.

Когда Тина запѣла „Полюблю разумно", гости притихли, восхищенные.

Увидавши, что „святая женщина" вышла изъ гостиной, его превосходительство направился къ Ордынцевой, около которой было пустое мѣсто. Онъ присѣлъ около и, показывая глазами на дочь, будто говорилъ о ней, шепнулъ:

— Завтра придешь?

Анна Павловна утвердительно опустила рѣсницы.

— Въ три часа?

— Да. И мнѣ нужно въ вами поговорить.

Глаза Николая Ивановича слегка затуманились. Онъ не особенно любилъ, когда Анна Павловна обѣщала „поговорить". Это значило, что ей нужны были деньги сверхъ тѣхъ двухсотъ рублей въ мѣсяцъ, которые Козельскій дарилъ на булавки, не считая подарковъ. А денегъ у него не было. Придется занимать.

— Отлично. Поговоримъ!

И взглядывая на нее, онъ чуть слышно прибавилъ:

— А ты сегодня особенно прелестна. Ты это знаешь?

— Я знаю, что одѣлась и пріѣхала для тебя, не смотря на то, что совсѣмъ разстроена.

— Опять твой благовѣрный?

— Да. Онъ ненавидитъ семью.... Онъ... Однако уходите... Завтра поговоримъ... Ольга все время на насъ смотритъ... И жена можетъ войти... А ты для кого такой нарядный?

— Точно не знаешь?..

Онъ поднялся съ мѣста и подсѣлъ къ Ольгѣ.

— О чемъ задумались, барышня? Вамъ скучно у насъ?

— Напротивъ... У васъ всегда весело...

— То-то... И вамъ еще рано скучать, такой молодой и хорошенькой...

— Какая я хорошенькая, Николай Ивановичъ... Вотъ мама, такъ красавица. Не правда ли?—съ наивнымъ видомъ спросила Ольга, глядя прямо въ глаза Козельскому.

— И вы, и ваша мама... Обѣ вы прелестны... А вы споете намъ?

— Что вы... Послѣ Татьяны Николаевны?

— У васъ чудный голосъ... Спойте... Только не цыганщину... Я ее терпѣть не могу... Споете?

— Ни за что. Вы знаете, я не училась... А мнѣ такъ хотѣлось бы учиться, Николай Ивановичъ... Скажите мамѣ, чтобы она позволила мнѣ учиться... Она васъ послушаетъ...

Его превосходительство обѣщалъ поговорить не только съ мамой, но и съ папой о томъ, что грѣшно зарывать такой талантъ, и не безъ досады подумалъ, что придется прибавить Аннѣ Павловнѣ еще двадцать пять рублей въ мѣсяцъ на развитіе таланта этой лукавой дѣвчонки, умѣвшей, не смотря на свои молодые годы, отлично пользоваться обстоятельствами. Для Козельскаго было ясно, что Ольга догадывается объ его отношеніяхъ къ матери и надо было чѣмъ-нибудь закупить дочь.

И онъ проговорилъ:

— Вѣрьте, что буду горячимъ вашимъ адвокатомъ.

— Вотъ спасибо, Николай Ивановичъ.

И Ольга бросила на его превосходительства быстрый ласковый взглядъ, заставившій Николая Ивановича невольно взглянуть на Анну Павловну. Та смотрѣла на него.

Ольга это замѣтила и усмѣхнулась.

— Вы чему смѣетесь?

— Радуюсь, что, благодаря вамъ, не зарою своего таланта, какъ ваша дочь... Она прелестно поетъ...

— Не въ моемъ вкусѣ... Однако, простите... И то я надоѣлъ вамъ...

— Нисколько... Впрочемъ, идите... идите... А то на васъ разсердятся...

— Кто и за что?..

— Другіе гости, къ которымъ вы еще не подходили... вотъ кто!

„Однако и шельма ты!“ — мысленно проговорилъ Козельскій и сказалъ:

— Вы правы! Надо исполнять долгъ хозяина какъ слѣдуетъ...

И его превосходительство всталъ и направился въ другой конецъ большой гостиной сказать нѣсколько словъ старичку адмиралу.

Тина между тѣмъ окончила романсъ и снова вызвала бурю восторговъ. Не смотря на усиленныя просьбы, она болѣе не хотѣла пѣть. Оживившаяся, съ загорѣвшимися глазами, она подошла къ артиллеристу, сидѣвшему въ уголкѣ, и сказала:

— Что вы, Борисъ Александровичъ, въ печальномъ уединеніи и

въ образѣ рыцаря печальнаго образа? Пройдите въ мою комнату черезъ пять минутъ!—прибавила она чуть слышно и отошла.

Онъ сразу повеселѣлъ и слѣдилъ влюбленными счастливыми глазами за Тиной, которая болтала уже съ какой-то дамой. Черезъ двѣ, три минуты молодая дѣвушка скользнула въ прихожую.

Артиллеристъ прошелъ черезъ столовую въ открытую настежь комнату Тины, и какъ только очутился за портьерой, Тина обвила его шею и страстно прильнула къ его губамъ.

И, оттолкнувъ молодого человѣка, шепнула:

— Ну что, меланхолія прошла? Не сердитесь? Уходите! Завтра утромъ буду у васъ!

И съ этими словами исчезла за драпировкой.

Офицеръ вернулся въ гостиную, ошалѣвшій отъ неожиданнаго счастья и не сомнѣвавшійся, что Тина его любитъ и будетъ его женой. Ея обѣщанный визитъ казался ему знакомъ высокаго довѣрія къ нему.

Безконечно счастливый, онъ не испытывалъ даже мукъ ревности, когда увидалъ, что Тина уже оживленно бесѣдуетъ съ Гобзинымъ.

Былъ первый часъ на исходѣ, а обѣщанный гостямъ баритонъ Нерпи не пріѣзжалъ, и хозяинъ мысленно выругалъ баритона скотиной.

Еще бы!

Николай Ивановичъ, старавшійся, чтобы его фиксы были оживленны, видѣлъ, что наступаетъ тотъ критическій періодъ, когда, въ ожиданіи ужина, гости приходятъ въ удрученное состояніе, томясь отъ скуки. Онъ зналъ, что именно въ это время пѣвцы и пѣвицы являются спасителями, избавляющими гостей отъ каторжной обязанности передавать другъ другу газетныя новости и поднимающими бодрость духа у тѣхъ добрыхъ знакомыхъ, которые пріѣзжаютъ на фиксы исключительно для того, чтобы вкусно поужинать и выпить хорошаго вина.

II.

Извѣстная пьянистка уже уѣхала. Отрывать Тину отъ бесѣды съ молодымъ милліонеромъ заботливый отецъ не хотѣлъ, да и заставить ее пѣть, если она не хочетъ, не такъ-то легко.

Николай Ивановичъ поморщился, когда, вмѣсто жданнаго баритона, явился Лева, его зять, тщедушный маленькій молодой брюнетъ въ смокингѣ, развязный и самоувѣренный, съ нѣсколько выкаченными глазами, придававшими его безцвѣтному, пошловатому лицу съ модными узкими бачками и взъерошенными жидковатыми усами,—глупый и нѣсколько растерянный видъ.

Онъ поцѣловалъ руки тещи и нѣсколькихъ знакомыхъ дамъ и налетѣлъ на Козельскаго. Крѣпко пожавъ ему руку, онъ сталъ подробно разсказывать, чуть взвизгивая, торопясь и захлебываясь, что опоздалъ потому, что его задержали Иртеньевы, у которыхъ онъ пилъ чай.

Словно не понимая, что Козельскій нисколько не былъ бы въ претензіи, еслибъ зять и совсѣмъ не пріѣхалъ, и что тестю не было ни малѣйшаго дѣла до незнакомыхъ ему Иртеньевыхъ, Лева Травинскій извинялся, что пріѣхалъ поздно, и затѣмъ сталъ объяснять, что Иртеньевы вполнѣ приличные люди и платятъ за квартиру тысячу восемьсотъ рублей.

— А самъ Иртеньевъ умный, очень умный... Куда умнѣй меня.

— Неужели?—спросилъ Козельскій, подумавшій въ то же время, что такіе идіоты, какъ зять, встрѣчаются не очень часто.

— Долженъ согласиться... И вообразите—зарабатываетъ до двадцати тысячъ. Онъ предлагаетъ быть его компаньономъ. Какъ вы думаете, дорогой Николай Ивановичъ, сдѣлаться его компаньономъ?—нежиданно спросилъ Лева.

— Мы объ этомъ въ другой разъ лучше поговоримъ.

— Такъ я завтра пріѣду посовѣтоваться, а? Вѣдь не вредно къ шести тысячамъ, которые я получаю, имѣть еще четыре тысячи дополнительнаго заработка... Иртеньевъ говоритъ, что это не трудно... Я хочу съ васъ брать примѣръ и думаю, что умные люди всегда могутъ хорошо устроиться... Не правда ли?

Николай Ивановичъ, не разъ удивлявшійся, что его зять отлично идетъ по службѣ и вообще преуспѣваетъ, все таки удивился, что такого глупаго болтуна берутъ въ компаньоны, и снова повторилъ:

— Въ другой разъ поговоримъ... Въ другой разъ... А теперь...

Его превосходительство съ удовольствіемъ прибавилъ бы: „убирайся къ чорту!“ если бы только это было возможно.

— А Инна развѣ не здѣсь? Она не была здѣсь?—вдругъ тревожно спросилъ Травинскій, оглядывая гостиную.

— Она играетъ въ карты.

— Въ карты? Удивительно!

И онъ пошелъ въ кабинетъ.

Легкая складочка на лбу обнаружила неудовольствіе Инны Николаевны, когда ея мужъ подошелъ къ ней и, цѣлуя ея руку, проговорилъ:

— Не думалъ, что ты въ карты... А я отъ Иртеньевыхъ... Не пускали...

— Мой мужъ!—проговорила она, обращаясь къ Никодимцеву.—Никодимцевъ... Григорій Александровичъ.

Травинскій поклонился особенно почтительно. Никодимцевъ при-

всталъ, подавая ему руку, и едва скрылъ изумленіе при видѣ этого молодого человѣка—до того ничтоженъ казался онъ передъ своей женой.

„Какъ могла она выйти за такого замужъ?"—невольно пронеслось у него въ головѣ.

— А ты давно здѣсь, Инна?..

— Изъ театра прямо!

— Я думалъ ты каталась... Погода такая хорошая.

— Ты намъ мѣшаешь!—мягко проговорила Инна Николаевна.

— Мужья всегда мѣшаютъ женамъ!—смѣясь, проговорилъ мужъ.

Партнеры переглянулись. Никодимцевъ опустилъ глаза.

— Особенно, когда жены играютъ въ карты,—шутливо замѣтила Инна Николаевна...

— Виноватъ... Я не буду мѣшать!

Травинскій ушелъ.

Никодимцевъ взглянулъ на Инну Николаевну. Ни черточки неудовольствія въ ея лицѣ.

„Неужели она любитъ мужа?" подумалъ Никодимцевъ.

Подобный вопросъ невольно задавали себѣ всѣ, видѣвшіе Инну Николаевну и ея мужа.

Во второмъ часу позвали ужинать. Передъ тѣмъ, что садиться, Козельскій сказалъ дочери:

— Я посажу около тебя Никодимцева.

Инна охотно согласилась и спросила:

— Кто онъ такой?

— Ты развѣ не знаешь? Директоръ департамента. Человѣкъ съ блестящей будущностью. Говорятъ, его скоро назначатъ товарищемъ министра... Не дай ему скучать... Онъ застѣнчивъ особенно въ дамскомъ обществѣ, и, кажется, избѣгаетъ женщинъ...

— Будто?

— Говорятъ, живетъ схимникомъ...

— Это интересно!—усмѣхнулась Инна Николаевна!

Она дѣйствительно не дала скучать своему застѣнчивому сосѣду. Онъ оживился, слушая ея остроумный пересказъ новой пьесы, которую она видѣла въ этотъ вечеръ, и почти не дотрогивался до форели, лежавшей у него на тарелкѣ.

— А вы любите театръ?—спросила она.

— Люблю, но рѣдко бываю...

— Отчего?

— Во-первыхъ, нечего смотрѣть.

— А во-вторыхъ?

— Некогда. Я очень занятъ, Инна Николаевна.

— И вамъ не скучно все время проводить въ работѣ?

— Работа, я думаю, и спасаетъ отъ скуки... Чѣмъ наполнить иначе жизнь?

— А личное счастье?

— Оно трудно достижимо, Инна Николаевна, особенно теперь, въ мои годы.

— Да развѣ вы старикъ?

— Сорокъ два года... Настоящій старый холостякъ.

— Жениться еще не поздно...

— Поздно, Инна Николаевна... На такую глупость я не согласенъ.

— Отчего глупость?

— Я смотрю на бракъ очень серьезно... Потому-то и счелъ бы глупостью думать о немъ теперь... Жениться, конечно, не трудно, но каково жить потомъ...

— А какъ же вы смотрите на бракъ, Григорій Александровичъ?..

— Я думаю, что жениться можно только тогда, когда дѣйствительно любишь и когда уважаешь того, кого любишь... Когда оба правдивы на столько, чтобы могли честно разстаться, если на несчастье перестанутъ любить и уважать другъ друга... Иначе это... это...

— Договаривайте...

— Безнравственный компромиссъ...

— Вы правы!—проговорила Инна Николаевна и что-то скорбное мелькнуло въ ея глазахъ.

Никодимцевъ замѣтилъ эту внезапную перемѣну. И съ сердечною ноткой въ голосѣ прибавилъ:

— Разумѣется, во всѣхъ такихъ бракахъ виноваты почти всегда мужчины, а не женщины. Для нихъ часто нѣтъ выхода...

— И женщины виноваты!—сказала Инна Николаевна.

— Григорій Александровичъ! Шабли передъ вами!—обратился хозяинъ къ Никодимцеву.

— Благодарю васъ.

Но онъ не налилъ себѣ вина.

— Что жъ вы? Налейте мнѣ и себѣ!—сказала Инна Николаевна.

— Я вообще не пью, но съ удовольствіемъ выпью за ваше здоровье и... счастье!—промолвилъ Никодимцевъ.

И, наполнивъ двѣ рюмки, чокнулся съ сосѣдкой.

— А я пью за то, чтобы вы нашли тотъ идеалъ, о которомъ говорили... Вѣдь и одиночество тоскливо... Или честолюбіе для васъ выше всего?..

Никодимцевъ покраснѣлъ.

— Да, я честолюбивъ. А объ идеалѣ можно только мечтать...

— И стараться осуществить мечты... Полюбить...

— Чтобъ нарушить тотъ покой, какимъ я теперь пользуюсь?.. Это... недоброе пожеланіе, Инна Николаевна.

— Вы, вѣрно, никогда не любили, если такъ заботитесь о своемъ покоѣ... Вѣрно, некогда было?..

— Почти что такъ...

Къ концу ужина между Никодимцевымъ и Инной Николаевной какъ-то самъ собой установился задушевный тонъ. Никодимцевъ говорилъ съ ней о своихъ путешествіяхъ за границу, о своихъ литературныхъ вкусахъ и ни разу ни обмолвился ни однимъ комплиментомъ, которые обыкновенно говорятъ красивымъ женщинамъ. И это очень понравилось Иннѣ Николаевнѣ, до сихъ поръ не встрѣчавшей ни одного мужчины, который говорилъ бы съ ней, какъ равный съ равнымъ, безъ тѣхъ игривыхъ, болѣе или менѣе остроумныхъ любезностей, за которыми скрывается легкое отношеніе къ женщинѣ. Это было въ диковину молодой женщинѣ и льстило ея самолюбію. И когда въ три часа встали изъ-за стола, Никодимцевъ еще нѣсколько времени разговаривалъ съ Инной Николаевной.

Наконецъ онъ поднялся съ дивана и, низко кланяясь, проговорилъ:

— Позвольте сердечно поблагодарить васъ, Инна Николаевна. Я давно не проводилъ такъ пріятно вечера, какъ сегодня.

— Надѣюсь, мы видимся не послѣдній разъ?

— Я былъ бы несказанно радъ.

— Быть можетъ, вы когда-нибудь заглянете ко мнѣ, если не боитесь разочароваться въ моей способности бесѣдовать съ такимъ умнымъ человѣкомъ. Отъ трехъ я почти всегда дома. Моховая, 10.

Никодимцевъ вспыхнулъ отъ радости. Онъ горячо благодарилъ за приглашеніе и сказалъ, что сочтетъ за счастіе воспользоваться имъ.

— И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Не правда ли?—промолвила Инна Николаевна, протягивая свою красивую руку и ласково улыбаясь.

— Если позволите, я надняхъ буду у васъ...

И, почтительно пожавъ руку, онъ пошелъ прощаться съ хозяйкой и хозяиномъ.

Козельскій проводилъ гостя и въ передней, поблагодаривъ за посѣщеніе, сказалъ:

— Не забывайте нашихъ скромныхъ вторниковъ, Григорій Александровичъ, если сегодня не очень проскучали. Партія всегда будетъ.

Никодимцевъ обѣщалъ не забывать.

Когда всѣ гости разъѣхались и Инна Николаевна собиралась

уѣзжать съ мужемъ, Козельскій позвалъ ее на два слова въ кабинетъ.

Инна Николаевна пошла за отцомъ, нѣсколько смущенная, думая, что отецъ будетъ говорить съ ней о недавней встрѣчѣ.

Но вмѣсто того, отецъ съ заискивающей улыбкой сказалъ ей:

— Я къ тебѣ съ большой просьбой, Инна.

— Въ чемъ дѣло, папа?

— Затѣвается одно большое коммерческое предпріятіе, и я въ немъ негласнымъ участникомъ. Если это предпріятіе осуществится, я могу имѣть большія деньги... А онѣ мнѣ нужны, охъ, какъ нужны. Долговъ много, и вы не обезпечены... Такъ вотъ, видишь ли, голубушка, надо провести уставъ, а для этого нужно хлопотать... Мнѣ самому неудобно, а еслибъ ты поѣхала въ департаментъ къ Никодимцеву.

— Мнѣ не надо и ѣздить въ департаментъ... Никодимцевъ будетъ у меня надняхъ.

— Значитъ, еще лучше. Ты сдѣлаешь большое одолженіе, если попросишь объ уставѣ... Онъ будетъ польщенъ твоей просьбой и не откажетъ такой хорошенькой женщинѣ...

— Но, папа... Развѣ это возможно?.. Развѣ ты не понимаешь, о чемъ просишь?.. Нѣтъ, ты, вѣрно, хуже обо мнѣ думаешь, чѣмъ я на самомъ дѣлѣ... Я не буду говорить съ Никодимцевымъ, папа... И мнѣ больно, что отецъ...

Слезы вдругъ брызнули изъ глазъ Инны. Николай Ивановичъ растерялся и полный стыда, виновато проговорилъ, цѣлуя дочь:

— Инночка! Ты не такъ меня поняла... Я... я ничего дурного не имѣлъ въ виду... И наконецъ, Никодимцевъ порядочный человѣкъ... Онъ не обидѣлъ бы тебя оскорбительными подозрѣніями... Не надо... не надо... Не говори ничего... Я самъ съ нимъ поговорю... Не надо... Утри глаза, а то мама... увидитъ и будетъ тревожиться... Если спроситъ, скажи, что я говорилъ съ тобой о... твоихъ семейныхъ дѣлахъ. Вѣдь, я вижу, ты несчастлива съ твоимъ мужемъ.

Иннѣ Николаевнѣ стоило большого труда, чтобъ не разрыдаться...

— Если хочешь, я переговорю съ твоимъ мужемъ.

— Не нужно... Къ чему?

— Инночка!.. Но если въ самомъ дѣлѣ тебѣ не въ моготу, то... можно, наконецъ, и развестись съ нимъ... Конечно, это крайняя мѣра... Но знай, что ты всегда желанная гостья у насъ въ домѣ... Знай это!—проговорилъ отецъ, вытирая слезу.

Инна вытерла слезы и холодно простилась съ отцомъ.

Антонина Сергѣевна, обнимая дочь, спросила:

— О чемъ это отецъ говорилъ?

— О моихъ семейныхъ дѣлахъ, мама... Онъ съ чего-то взялъ, что я несчастлива...

— А развѣ нѣтъ?..

— Въ другой разъ поговоримъ... А теперь перекрести меня, дорогая...

Антонина Сергѣевна перекрестила дочь, и Инна Николаевна уѣхала.

III.

— Ну, что, подковали Никодимцева, а?—спрашивалъ на извозчикѣ мужъ.

— Что это значитъ?

— А значитъ, что твой фатеръ имѣетъ нужду въ Никодимцевѣ и хочетъ при твоей помощи околпачить его... Порадѣй и для меня, Инна...

— Молчи... Не смѣй такъ говорить.

— Чего ты сердишься... Это самое обыкновенное дѣло...

— Для тебя, можетъ быть...

— А ты что жъ?.. Недосягаемая добродѣтель, что ли...

Инна Николаевна молчала.

Когда она пріѣхала домой и, быстро раздѣвшись, расчесывала волосы въ своемъ будуарѣ, у дверей раздался голосъ мужа:

— Инна. Позволь войти...

— Я раздѣта.

— Тѣмъ лучше. Пусти меня... Я, кажется, не чужой... Я твой мужъ и, смѣю думать, очень снисходительный мужъ...

— Уходи...

— Инна... Милая... Я больше не могу терпѣть этой муки... Я люблю тебя, и если ты не хочешь быть моей женой, я...

За дверьми слышны были всхлипыванья...

Инна Николаевна равнодушно стояла у туалета, машинально продолжая расчесывать свои длинные, красивые волосы.

Ея не оскорбляли эти выходки мужа. Она знала, что скажи она слово, и этотъ самый человѣкъ, поносившій ея, будетъ валяться въ ногахъ, вымаливая у нея прощенія. И не о немъ задумалась она въ настоящую минуту.

Она думала о своей жизни. И она чувствовала презрѣніе не только къ мужу, но и къ себѣ и сознавала, что безвольная и безсильная, не можетъ измѣнить жизнь и что нѣтъ на свѣтѣ человѣка, который вырвалъ бы ея изъ болота.

Глава пятая.

I.

Когда Ордынцеву бывало особенно жутко послѣ семейныхъ сценъ, онъ обыкновенно отправлялся къ своей старой знакомой, Вѣрѣ Александровнѣ Леонтьевой, дружба съ которой вызывала въ его женѣ оскорбительныя предположенія и насмѣшки, или къ своему пріятелю Верховцеву, одному изъ тѣхъ немногихъ стойкихъ и убѣжденныхъ литераторовъ, которые остались разборчивы и брезгливы и не шли работать въ журналы мало-мальски нечистоплотные. Онъ былъ изъ „стариковъ“, не умѣвшій утѣшать себя компромиссами. Хотя жизнь его шла далеко не на розахъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ прекратилось изданіе журнала, въ которомъ Верховцевъ былъ постояннымъ сотрудникомъ, и ему нерѣдко приходилось бѣдовать съ женою и двумя дѣтьми, онъ не бросалъ любимаго дѣла. Всю жизнь проработавшій перомъ, онъ отказывался отъ предложеній поступить на службу въ одно изъ министерствъ, въ которое охотно брали смирившихся литераторовъ, и не соблазнялся утѣшительной мыслью проводить свои идеи въ запискахъ и изслѣдованіяхъ, одобренныхъ канцеляріей, предпочитая дѣлать это въ статьяхъ, печатаемыхъ въ журналахъ.

Все это хорошо зналъ Ордынцевъ, и еще болѣе уважалъ стараго пріятеля и вчужѣ завидовалъ ему. То ли дѣло его положеніе! Работа по душѣ. Свободенъ и независимъ. Не знаетъ никакихъ Гобзиныхъ!

Ордынцевъ любилъ отвести душу съ Верховцевымъ за бутылкой, другой дешеваго краснаго вина и хотѣлъ было ѣхать съ Офицерской на Пески. Но, вспомнивъ, что у него въ карманѣ всего два рубля и что у пріятеля до выхода книжки тоже едва ли есть капиталы, отложилъ посѣщеніе Верховцева до двадцатаго числа, когда можно будетъ роспить вмѣстѣ нѣсколько бутылокъ, и поѣхалъ въ Ковенскій переулокъ къ Вѣрѣ Александровнѣ Леонтьевой.

Его отвлекали отъ тяжелыхъ думъ эти визиты къ женщинѣ, къ которой онъ раньше питалъ не одни только дружескія чувства, а нѣчто гораздо большее, что онъ тщательно скрывалъ, хотя разумѣется не скрылъ. И тогда его частыя посѣщенія далеко не были такими спокойными для него. Но со временемъ это чувство улеглось, чему не мало помогъ и отъѣздъ Ордынцева на югъ, гдѣ получилъ мѣсто, и когда онъ вернулся, отношенія ихъ приняли совершенно другой характеръ. Они искренно были привязаны другъ къ другу, полные взаимнаго уваженія. Въ ней онъ

вспоминалъ свою безкорыстную любовь. Леонтьева видѣла въ немъ истиннаго друга и благодарно помнила о самоотверженномъ влюбленномъ поклонникѣ, съумѣвшемъ не испортить отношеній и не внести смуты въ дружную семью. Этого она никогда не забывала, сознаваясь себѣ самой, что была такая полоса, когда и она могла увлечься имъ—не держи онъ себя тогда съ такою рыцарской сдержанностью.

Когда Ордынцевъ вошелъ въ небольшую квартиру на дворѣ, въ которой Леонтьевы жили лѣтъ десять, и очутился въ хорошо знакомой ему гостиной въ три окна съ простенькой зеленой мебелью, съ большимъ шкафомъ съ книгами и множествомъ цвѣтовъ, освѣщенную мягкимъ свѣтомъ лампы подъ краснымъ абажуромъ, на него такъ и повѣяло уютомъ и тѣмъ впечатлѣніемъ порядочности и внутренняго тепла, которое чувствуется не только въ людяхъ, но и въ комнатахъ. И ему сдѣлалось легче на душѣ, когда онъ присѣлъ въ кресло и въ ожиданіи хозяевъ взялъ со стола послѣдній номеръ одного изъ лучшихъ толстыхъ журналовъ.

Ему не удалось даже прочесть оглавленіе, такъ какъ изъ сосѣдней комнаты вышла небольшого роста женщина въ черномъ шерстяномъ платьѣ, не молодая, худощавая, но крѣпкая и сильная, съ темными живыми глазами. Ея лицо съ крупными чертами, еще моложавое и пригожее, свѣтилось одухотворенной красотой чистой натуры, умомъ и чѣмъ-то открытымъ, внушающимъ довѣріе.

— И какъ же не стыдно такъ пропадать!—ласково проговорила Вѣра Александровна.—Отчего не были долго? Что съ вами?—участливо спрашивала она, пожимая Ордынцеву руку и пытливо заглядывая ему въ глаза.—Садитесь и разсказывайте, и будемъ чай пить... Намъ Ариша сюда подастъ...

Ордынцевъ никогда никому не жаловался на свою семейную жизнь, и Вѣра Александровна никогда не спрашивала его объ этомъ. Она, разумѣется, понимала, что Ордынцевъ несчастливъ, но не представляла себѣ той каторги, которую онъ переносилъ. Она давно ужъ не бывала у Ордынцевой. Онѣ съ первой же встрѣчи не понравились другъ другу, и Вѣра Александровна удивлялась, какъ Ордынцевъ могъ жениться на такой женщинѣ. Удивлялась и жалѣла Ордынцева, считая виноватой въ его несчастіи не его, а жену.

— Занятъ, Вѣра Александровна, отъ этого и не былъ давно... Вотъ сегодня выпалъ свободный вечеръ и собрался...

— А здоровье какъ? А живется какъ?

— Здоровье ничего... Скриплю... А живется...

Ордынцевъ попробовалъ было улыбнуться, но, вмѣсто улыбки на его худомъ, болѣзненномъ лицѣ появилась страдальческая гримаса.

— Не особенно хорошо живется, Вѣра Александровна! — уныло произнесъ онъ.

— Отчего не хорошо?—спросила Леонтьева, и въ голосѣ ея звучала тревога.

— Вообще... Да и рѣдко кому хорошо живется.

И, словно бы спохватившись, прибавилъ:

— На службѣ непріятности. Гобзинъ сегодня меня раздражилъ... Великолѣпный образчикъ самодовольнаго животнаго въ современномъ вкусѣ.

— Что такое? Разскажите.

— Обыкновенная исторія по нынѣшнимъ временамъ.

И Ордынцевъ сталъ разсказывать свою „исторію“ съ Гобзинымъ. Разсказывая, онъ снова волновался.

Возмущенная слушала Вѣра Александровна, и когда Ордынцевъ окончилъ, воскликнула, вся раскраснѣвшаяся отъ негодованія:

— Какая гадость!

И, взглядывая съ уваженіемъ на Ордынцева, прибавила:

— И какъ вы хорошо его осадили, Василій Николаевичъ.

— Одобряете?—радостно промолвилъ Ордынцевъ, вспоминая, какъ дома отнеслись къ его поступку и какую нотацію прочелъ ему сынъ.

— Что за вопросъ? Вы иначе не могли поступить!

— О, я знаю, для васъ непонятно, какъ иначе поступить, но для другихъ...

Леонтьева догадалась, кто эти „другіе“, и ничего не сказала.

— И знаете ли что, Вѣра Александровна?

— Что?

— Вы не повѣрите, какъ мнѣ хотѣлось плюнуть въ эту самодовольную физіономію моего принципала... Но не посмѣлъ. Струсилъ. Пять тысячъ, жена и дѣти... Это, я вамъ скажу, большая гарантія для Гобзиныхъ. Ну, а вы какъ живете? Аркадій Николаевичъ гдѣ? Дѣти здоровы? — круто перемѣнилъ Ордынцевъ разговоръ.

— Аркадій только что ушелъ. Сегодня интересный докладъ въ Вольно-Экономическомъ Обществѣ. Дѣтвора учится. А я за переводомъ сидѣла.

— Значитъ, все благополучно?

— Благополучно.

— И вы, по обыкновенію, за кого-нибудь хлопочете, устраиваете безпризорныхъ дѣтей и даете уроки!

— Все, какъ было, по прежнему... Помогаю немножко Аркадію.

— Да... вы не мѣняетесь!—горячо промолвилъ Ордынцевъ.

— Въ мои годы поздно мѣняться, Василій Николаичъ.

Оба примолкли.

Пожилая горничная Ариша, давно жившая у Леонтьевыхъ, принесла чай и варенье.

И то, и другое показалось Ордынцеву необыкновенно вкуснымъ.

„Вотъ это семья!“ думалъ Ордынцевъ не безъ завистливаго чувства... Жена любитъ и уважаетъ мужа. Онъ души не чаетъ въ женѣ и, благодаря ей, легче несетъ тяготу жизни. Она не упрекнетъ его за то, что онъ порядочный человѣкъ. И за прежнія его увлеченія, благодаря которымъ они прокатились въ Иркутскую губернію и бѣдовали три года, она еще болѣе цѣнитъ и бережетъ его. И дѣти у нихъ славныя.

— Коля, не бойсь, хорошо учится? — спросилъ онъ.

— Ничего себѣ...

— И Варя по прежнему. Изъ первыхъ?

— Да...

— Это что... А главное... славные они оба у васъ... добрые... Изъ нихъ современные бездушные эгоисты не выйдутъ... Много теперь такихъ, Вѣра Александровна,

— Да... Жаловаться на дѣтей не смѣю... Добрые они и необыкновенно деликатные... Надѣюсь, что будутъ вѣрными нашими друзьями и не заставятъ краснѣть за себя ни отца, ни мать! — съ горделивымъ материнскимъ чувствомъ проговорила Вѣра Александровна.

Ей тотчасъ же стало совѣстно, что она такъ хвалила дѣтей Ордынцеву. Онъ говорилъ съ ней только объ одной Шурѣ; о другихъ молчалъ. И Леонтьева понимала почему. Она какъ-то встрѣтила у однихъ общихъ знакомыхъ Алексѣя и Ольгу и говорила съ ними.

И Вѣрѣ Александровнѣ стало безконечно жаль Ордынцева. Ей хотѣлось какъ-нибудь утѣшить его, выразить участіе, но она была не изъ тѣхъ друзей, которые, ради участія, безцеремонно бередятъ раны, и притихла.

Но ее безпокоила исторія съ Гобзинымъ и черезъ нѣсколько минутъ она спросила:

— А Гобзинъ не захочетъ отмстить вамъ за свое униженіе?

— Вѣроятно захочетъ.

— И вамъ придется тогда искать другого мѣста?

— Не въ первый разъ... Одна надежда на то, что мной дорожатъ въ правленіи и что Гобзинъ побоится отца... Тотъ умный мужикъ...

— Ну, слава Богу! — вырвалось радостное восклицаніе у Вѣры Александровны.

Ордынцевъ благодарно взглянулъ на нее... Она встрѣтила его взглядъ взглядомъ участія.

„Вотъ съ такой женщиной можно быть счастливымъ" — невольно пронеслось у него въ головѣ.

Вѣра Александровна заговорила о своихъ дѣлахъ. Она разсказывала, что Аркадій утомляется отъ своей статистики, и знакомый докторъ совѣтуетъ ему отдохнуть. Лѣтомъ они думаютъ поѣхать куда-нибудь въ деревню, подальше отъ Петербурга, если мужъ получитъ отпускъ на два мѣсяца. Должны дать. Онъ три года не бралъ отпуска. И жалованье должныбы прибавить. Но Аркадій, конечно, не пойдетъ выпрашивать. Сами должны догадаться. Разсказывала Вѣра Александровна и о маленькомъ пріютѣ, который она устроила при помощи добрыхъ людей, о своихъ урокахъ, о переводѣ большаго романа, который она получила, благодаря Верховцеву, о томъ, какъ недѣлю тому назадъ напугалъ ее Коля своимъ горломъ.

Обо всемъ она разсказывала просто, скромно, стушевывая себя, точно все то, что она дѣлала, было самымъ легкимъ и обыкновеннымъ дѣломъ, а не большимъ и неустаннымъ трудомъ, отнимавшимъ все ея время.

— Вотъ такъ за своими маленькими дѣлами и не видать, какъ бѣжитъ время!—заключила Вѣра Александровна, словно бы оправдываясь въ чемъ-то.—И не замѣчаешь, какъ старишься и какъ быстро растутъ дѣти. Иногда не вѣрится, что Коля на будущій годъ будетъ студентъ, а Варя окончитъ гимназію.

— А Варя куда потомъ?

— Собирается въ медицинскій институтъ... Иногда и читать какъ слѣдуетъ не успѣваешь, а хочется духовной пищи... Вотъ, недавно вышла книжка журнала, а я еще ничего не читала. А тамъ интересная, должно быть, статья нашего общаго знакомаго Верховцева. Читали?

— Нѣтъ...

— И онъ пропалъ что-то... Вы давно его видали?

— Давно... Не соберешься... День въ правленіи, вечеръ дома работаешь... А въ праздники почитываю...

Ордынцевъ взялъ со стола книгу и сказалъ:

— Хотите прочту статью Сергѣя Павловича?

— Очень буду рада...

И, помолчавъ, прибавила:

— Помните, вы, бывало, часто мнѣ читали?

— Еще бы не помнить!—задушевно промолвилъ Ордынцевъ.

— А теперь... никому не читаете?

— Некому!—грустно отвѣтилъ Ордынцевъ.

Вѣра Александровна вышла и черезъ минуту вернулась съ работой.

— Одѣяло вяжу Колѣ урывками. Вы читайте, а я буду слушать и вязать.

Ордынцевъ вздохнулъ и принялся читать статью Верховцева по поводу самоубійствъ молодыхъ людей отъ безнадежной любви и безнадежнаго пессимизма.

Эта живая, талантливая статья, объясняющая причины самоубійствъ отсутствіемъ серьезныхъ интересовъ, дряблостью характеровъ и печальными условіями жизни, произвела на Вѣру Александровну сильное впечатлѣніе.

— Верховцевъ правъ... Вотъ, тоже, мой братъ, влюбился и... сходитъ съ ума... Точно весь смыслъ жизни для него въ предметѣ его любви!—проговорила она.

— Несчастная любовь, что ли?—освѣдомился Ордынцевъ.

— Право, и не разберешь, какая это любовь, но во всякомъ случаѣ не хорошая. То онъ придетъ ко мнѣ возбужденный и восторженный, то угнетенный и какой-то потерянный и говоритъ, что не стоитъ жить... Это въ двадцать пять лѣтъ!.. Признавался, что до сихъ поръ не знаетъ: любитъ его или нѣтъ эта странная дѣвушка... А безъ нея, онъ, видите ли, жить не можетъ...

— А она можетъ, конечно?

— Она не отпускаетъ его отъ себя, а выйти замужъ за него не хочетъ. И эти странныя отношенія продолжаются у нихъ полгода. Совсѣмъ извела бѣднаго... Играетъ чужой привязанностью и...

— И занимается со своимъ поклонникомъ флиртомъ?.. Это нынче, говорятъ, въ модѣ!—вставилъ Ордынцевъ съ раздраженіемъ въ голосѣ.

— Богъ ихъ знаетъ, но только братъ тревожитъ меня. Онъ, какъ вы знаете, добрый, привязчивый человѣкъ, но неуравновѣшенный, слабовольный, не имѣетъ никакой цѣли въ жизни и ничѣмъ не интересуется, кромѣ своей мучительницы, и, конечно, считаетъ ее необыкновенной... И она, дѣйствительно, необыкновенная...

— Чѣмъ?

— Тѣмъ, что проповѣдуетъ смѣлую этику—этику пріятныхъ впечатлѣній. Что пріятно, то и пусть дѣлаетъ всякій... Свобода наслажденій и никакихъ обязательствъ... Что-то декадентское. Братъ приводилъ ее къ намъ и она поучала насъ съ Аркадіемъ въ этомъ направленіи... Говоритъ бойко, самоувѣренно... И при этомъ умна и хороша собой... Признаюсь, я считала бы несчастіемъ для брата, еслибъ она вышла за него замужъ... Я первый разъ встрѣчаю такую дѣвушку... И это у ней не напускное... вотъ что ужасно!..

— Дѣйствительно ужасно!—проговорилъ Ордынцевъ и вспомнилъ дочь.

— Вы, вѣрно, видѣли эту барышню?.. Ваши знакомы съ ней... Это барышня Козельская...

— Какъ же, имѣлъ честь видѣть, — съ ироніей отвѣчалъ онъ. — Она бываетъ у насъ и вмѣстѣ съ дочерью распѣваетъ цыганскіе романсы... И отецъ ея бываетъ у жены... И наши посѣщаютъ ихъ вторники... Боже избави Бориса Александровича жениться на ней... Остановите его... Посовѣтуйте уѣхать... Что можетъ быть ужаснѣе несчастнаго супружества... А съ такой... Впрочемъ, она, къ счастью вашего брата, не пойдетъ за него замужъ... Для чего ей бѣдный артиллерійскій офицеръ?.. Ей нуженъ мужъ съ состояніемъ... А потомъ для пріятныхъ впечатлѣній любовники.

— Однако, братъ говорилъ, что она отказывала богатымъ женихамъ...

— Вѣрно, недостаточно богаты...

— Нѣтъ, это не то, Василій Николаевичъ... Это что-то другое, нѣчто возмутительно-эгоистичное и распущенное, возведенное въ теорію...

— Да... теперь молодые люди имѣютъ теоріи... довольно пакостныя теоріи! — со злобой проговорилъ Ордынцевъ. — Нѣтъ, вы спасите брата... Спасите... Онъ васъ послушаетъ... Спасите, пока не поздно! — взволнованно прибавилъ Ордынцевъ и закашлялся.

Леонтьева съ участіемъ смотрѣла на него.

Въ эту минуту въ передней затрещалъ электрическій звонокъ.

— Вотъ и Аркадій! — промолвила она.

Въ гостиную вошелъ не одинъ Леонтьевъ, высокій, худощавый брюнетъ въ очкахъ, съ утомленнымъ лицомъ. За нимъ появилась и приземистая, крѣпкая фигура Верховцева, человѣка лѣтъ за сорокъ, съ большой, засѣдѣвшей бородой и бѣлокурыми волнистыми волосами, зачесанными назадъ. Его лицо, съ большимъ облысѣвшимъ лбомъ, было довольно красиво. Прищуренные, близорукіе глаза свѣтились умомъ. Одѣтъ онъ былъ въ поношенный черный сюртукъ.

Оба обрадовались Ордынцеву и расцѣловались съ нимъ.

— Вотъ, что называется, не было ни гроша, и вдругъ алтынъ! — Не правда ли, Вѣра? И Василій Николаевичъ пришелъ, и Сергѣя Павловича я затащилъ съ засѣданія! — весело говорилъ Леонтьевъ.

— А рефератъ интересный былъ?

— Ничего себѣ... А вѣдь мы, Вѣра, ѣсть хотимъ. Не найдется ли чего-нибудь?

— Найдется. Сейчасъ я васъ позову, господа! — проговорила, выходя изъ комнаты, Вѣра Александровна.

— А я красненькаго принесъ, Вѣра! — крикнулъ ей въ догонку Леонтьевъ.

II.

Черезъ нѣсколько минутъ хозяйка позвала мужчинъ въ столовую.

На столѣ шумѣлъ самоваръ и на тарелкахъ были разложены закуски, ветчина, колбаса и холодное мясо. Нѣсколько бутылокъ дешеваго краснаго вина и графинчикъ съ водкой пріятно ласкали взоры Ордынцева и Верховцева. И все глядѣло такъ аппетитно на бѣлоснѣжной скатерти.

Ордынцевъ опять невольно подумалъ о „домѣ“.

— А Коля и Вѣра?—спросилъ Леонтьевъ.

— Они не хотѣли ужинать и спать легли.

— Ну, господа, приступимъ!

Леонтьевъ налилъ водки въ три рюмки. Пріятели чокнулись и закусили селедкой.

— Отлично у васъ приготовляютъ селедку, Вѣра Александровна!—похвалилъ Ордынцевъ.

— И я присоединюсь къ мнѣнію Василія Николаевича, хотя долженъ замѣтить, что въ чужомъ домѣ все всегда кажется вкуснѣе, чѣмъ въ своемъ!—пошутилъ Верховцевъ.

— Аркадію Дмитріевичу этого не кажется, я думаю!—замѣтилъ Ордынцевъ.

— Ты правъ... не кажется... Вѣра избаловала своими кулинарными талантами.

— И какое множество у васъ талантовъ, Вѣра Александровна!.. Аркадій! Налей еще—мы выпьемъ за таланты Вѣры Александровны!—сказалъ Верховцевъ.

Выпили еще. Потомъ Верховцевъ и Ордынцевъ выпили по третьей рюмкѣ—уже безъ Леонтьева.

Ордынцевъ незамѣтно выпилъ и четвертую.

Верховцевъ оживленно разсказывалъ о засѣданіи, высмѣялъ нѣсколько ораторовъ и одного молодаго профессора, изнемогающаго подъ бременемъ популярности, („Такъ вѣдь и объявилъ мнѣ. И дѣйствительно, имѣлъ изнемогающій видъ отъ жары“!—вставилъ Верховцевъ) и потягивалъ красное вино.

Не отставалъ отъ него и Ордынцевъ и чѣмъ больше пилъ, тѣмъ становился мрачнѣе.

— Ты что это, Василій Николаевичъ, пріунылъ?.. Или твое правленіе доняло тебя... Заработался?—участливо спросилъ Верховцевъ.

— У Василія Николаича сегодня была непріятная исторія съ Гобзинымъ!—вставила Леонтьева...

— Опять?.. Разскажи, братъ, въ чемъ дѣло?

Ордынцевъ снова разсказалъ и прибавилъ:

— Вѣдь этакое животное!

— Ты не кипятись. Нынче спросъ на животныхъ не въ одной твоей лавочкѣ. Вотъ спроси Аркадія Дмитріевича. И у нихъ въ статистикѣ даже не безъ этого... Жаль, что они не ведутъ статистики всѣхъ животныхъ въ образѣ человѣческомъ, населяющихъ Россійскую Имперію... Статистика вышла бы поучительная...

— Вѣдь университетскій и... молодой! Вотъ въ чемъ дѣло... Молодые-то люди... Понимаешь ли... молодость! О, еслибъ вы только знали, Вѣра Александровна, какіе есть молодые люди!— съ какимъ-то страстнымъ возбужденіемъ и со скорбью воскликнулъ Ордынцевъ и хлебнулъ изъ стакана.

Подъ вліяніемъ водки и вина, его такъ и подмывало обнажить свою душу и сказать, какая у него жена, и что за сынокъ и дочка, но стыдливое чувство остановило его. Но онъ все-таки не могъ молчать и продолжалъ:

— На-дняхъ еще я видѣлъ одного студента... племянника.

— Хорошъ?—проговорилъ, усмѣхнувшись, Верховцевъ, не догадываясь, о комъ идетъ дѣло.

Одна только Вѣра Александровна догадалась и съ тревогой ждала, что скажетъ про сына этотъ несчастный мужъ и отецъ.

— Великолѣпенъ! О Боже, какая скотина! И съ какою основательностью говорилъ онъ, что главный принципъ—собственная его натура. И во-первыхъ, и во-вторыхъ, и въ-третьихъ... Все выходило такъ, что самотверженіе, долгъ, любовь къ ближнему—все это пустыя слова, а что есть только законы физіологіи и ничего болѣе... Этотъ экземпляръ получше той барышни будетъ, Вѣра Александровна!

Всѣ молчали.

А Ордынцевъ неожиданно спросилъ, обращаясь къ Верховцеву:

— Что, если бы у тебя да такой сынокъ?

— Это несчастіе.

— То-то и есть... Именно несчастіе. И въ этомъ виноваты отцы... Да, отцы... А вѣдь такихъ молодыхъ стариковъ, какъ мой племянникъ, много.

— Всякіе есть!..

— Нѣтъ, ты возьми средній типъ.

— Положимъ, средній типъ не изъ блестящихъ. Но большинство всегда и вездѣ приспособляется къ даннымъ условіямъ... Есть и теперь, братъ Василій Николаевичъ, славная, честная, работящая молодежь, и напрасно мы, какъ старики, брюзжимъ на нее... Есть она и ищетъ правды... Жадно ищетъ...

— Не видалъ я что-то такихъ!—проговорилъ Ордынцевъ, вспоминая пріятелей сына.

— А я знаю. Да иначе и быть не можетъ... Иначе скотство давно бы заѣло насъ... Кто ѣздилъ на холеру? Кто ѣздилъ на

голодъ? Кто сегодня вотъ толпился на засѣданіи? Кто посѣщаетъ литературные вечера, на которыхъ участвуютъ любимые писатели?.. Все молодежь... И если, быть можетъ, она слишкомъ на вѣру принимаетъ всякія новыя слова только потому, что они кажутся ей новыми, то и въ этомъ развѣ не видно стремленіе найти правду... найти исходъ неразрѣшимымъ загадкамъ жизни, какъ-нибудь согласовать идеалы съ житейской этикой... Вотъ только правда-то эта самая кусается... Не всякую можно говорить... Ну да не всегда же литература будетъ безшабашной... Очнется и она!..

Рѣчь Верховцева звучала бодростью и вѣрой.

— Твоими устами да медъ бы пить, Сергѣй Павловичъ... И счастливый ты, что вѣришь и что можешь перомъ бороться за правду и бодрить людей.

— Ну, голубчикъ, какіе мы борцы!—горько усмѣхнулся Верховцевъ.—Иной разъ пишешь и стыдъ беретъ... Эзопствуй, изворачивайся для того лишь, чтобы сказать элементарныя истины... А ты думалъ: „куда влечетъ свободный геній“?

— Знаю... И вы подъ началомъ... Пиши да оглядывайся....

— То-то оглядывайся... Да еще бойся, какъ бы безъ работы не остаться.

— Но, по крайней мѣрѣ, ты отъ животныхъ, вродѣ Гобзина, не зависишь. У тебя имя... Не смѣютъ.

— Да ты изъ Аркадіи, что ли, пріѣхалъ?.. Да нынче въ литературѣ похуже твоего Гобзина завелись антрепренеры. Теперь ихъ праздникъ. Откроетъ какой-нибудь непомнящій родства литературное заведеніе, пригласитъ повадливыхъ господъ да и начнетъ тебя же, стараго литератора, исправлять да сокращать. Онъ не понимаетъ, скотина, что въ душу твою такъ съ сапогами и лѣзетъ. А тебѣ каково? Ну, отплюйся и бѣги вонъ. А куда убѣжишь? Два-три журнала и шабашъ. А то не угодно ли въ какую-нибудь литературную помойную яму. Молодые литераторы не брезгливы. Куда угодно „поставятъ“ и романъ, и повѣсть, и статью... Получилъ гонораръ и правъ. Ну, а мы, старики, еще конфузимся... А ты говоришь: „Имя. Не смѣютъ!..“ Святилище въ конюшню обратили... Вотъ оно что! Выпьемъ-ка лучше, Василій Николаевичъ!

— Василію Николаевичу вредно пить!—замѣтила Вѣра Александровна.

— Я, Вѣра Александровна, рѣдко позволяю себѣ... И мало ли что̀ вредно... Я еще послѣдній стаканъ, съ вашего позволенія.

И, чокаясь съ Верховцевымъ, Ордынцевъ воскликнулъ:

— И все-таки я завидую твоему положенію.

— Нашелъ чему завидовать!

— Завидую!—съ какимъ-то ожесточеніемъ воскликнулъ Ор-

дынцевъ.—И ты не спорь. Какъ подчасъ ни тяжело, а не уйдешь ты изъ литературы... Я знаю, тебѣ предлагали обрабатывать матеріалы въ одномъ министерствѣ, но ты сказалъ: „очень благодаренъ. Я обработаю ихъ, если захочу, и самъ...“ Вѣдь вѣрно?

— Положимъ, не уйду, и обрабатывать матеріаловъ не стану...

— Вотъ видишь.

— Привыкъ... Давно бумагу извожу... Не уйду, хоть иногда и жутко... Охъ, какъ жутко россійскому писателю, если онъ не переметная сума и уважаетъ свое дѣло... Вѣдь мы живемъ вѣчно въ воздушномъ пространствѣ. Не своевременна статья и... зубы на полку.

— Все это отлично...

— Ну, братъ, отличнаго мало!—засмѣялся Верховцевъ.

— Отлично... Понимаю. Превосходно... И времена, и вашихъ мерзавцевъ, и все такое... все понимаю... И все-таки ты счастливый человѣкъ... И Аркадій Дмитріевичъ счастливый человѣкъ... И оба вы превосходные люди... И Вѣра Александровна святая женщина... И вы умѣли выбрать себѣ женъ... А то другіе женятся... Подруга жизни... Благодарю! Очень благодаренъ! А тянутъ каторгу. Нынче семейная-то жизнь, а?.. Вы, Вѣра Александровна, брата-то вашего остановите!

— Д-да... Надо подумать съ семейной-то жизнью!—согласился и Верховцевъ.—Всяко бываетъ...

— Тутъ не Крейцерова Соната... Нѣтъ, не то... Понимаешь? Сошлись мужчина и женщина... видятъ духовный разладъ. Расходись, пока молоды, а то другъ друга съѣшь. А то какъ люди женятся? Ты какъ женился, Сергѣй Павловичъ?

— Да какъ всѣ. Влюбился въ Вареньку, ну и „такъ и такъ“ по формѣ.

— А вѣдь Варенька могла сказаться и не Варенькой.

— То-есть, какъ?

— А напримѣръ, съ позволенія сказать, Хавроньей.

— Случается.

— И надо бѣжать?

— Обязательно...

— А вы какъ думаете, Вѣра Александровна?..

— И я думаю, что бѣжать обязательно...

— То-то... обязательно? Но ты влюбленъ, то-есть, не любишь, какъ слѣдуетъ, а только физически... Вотъ и не обязательно! А потомъ—поздно. И выходитъ: оба виноваты. Нѣтъ! Мужчина болѣе виноватъ. Онъ... онъ. Она барышня глупая, жизни не понимаетъ, убѣжденій не полагается... Но влюбилась и думаетъ, что ты за ея любовь долженъ сдѣлаться форменнымъ подлецомъ, то-есть, по ея мнѣнію, хорошимъ мужемъ. Ей-то простительно, а мужчина

чего смотритъ? Чего онъ смотритъ, влюбленная каналья? Вѣдь жизнь не прогулка по апельсинной рощѣ... Нѣтъ, тутъ не Соната. Вздоръ... Ты женщину поставь въ уровень съ мужчиной... Тогда...

Ордынцевъ смолкъ и увидѣлъ, что всѣ опустили глаза... Наступило неловкое молчаніе. Верховцевъ пробовалъ было что-то разсказывать, но разсказъ не вышелъ. Скоро онъ поднялся и сталъ прощаться...

Всталъ и Ордынцевъ, и когда Леонтьевъ и Верховцевъ прошли въ переднюю, онъ подошелъ къ Вѣрѣ Александровнѣ и, крѣпко пожимая ей руку, проговорилъ:

— О, еслибъ вы знали, что у меня за жизнь... Еслибъ вы знали!..

— Я знаю теперь...

— Нѣтъ, вы не знаете... Но больше я не могу... Нѣтъ силъ. Я разведусь, а если бы она не захотѣла, я во всякомъ случаѣ не буду жить вмѣстѣ съ ними... Одной только Шуры жаль... Ну, прощайте... и простите, что я выпилъ лишнее....

— Бѣдный!—промолвила Вѣра Александровна.

Когда Ордынцевъ вернулся домой, онъ нѣсколько времени еще просидѣлъ въ своемъ кабинетѣ. Онъ о чемъ-то шепталъ, о чемъ-то вспоминалъ, слышалъ, какъ жена и дочь вернулись, слышалъ, какъ Ольга говорила матери, что Козельскій далъ слово, что она будетъ учиться пѣнію, слышалъ, какъ мать назвала дочь наглой дѣвченкой, и, заткнувъ уши, бросился на отоманку и заснулъ тяжелымъ сномъ нѣсколько захмелѣвшаго человѣка.

К. Станюковичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПИСАРЕВЪ, ЕГО СПОДВИЖНИКИ И ВРАГИ

(«молодая россія» шестидесятыхъ годовъ).

(*Продолженіе* *).

X.

Имя Писарева въ теченіе всей его дѣятельности окружено необыкновеннымъ блескомъ и шумомъ. Изъ мѣсяца въ мѣсяцъ оно испещряетъ страницы журналовъ, вызываетъ длящіяся волненія среди читателей, превращается въ нарицательное понятіе исключительной и въ высшей степени отважной умственной силы. Можно не признавать ея благодѣтельныхъ вліяній на публику, можно даже отрицать за ней вообще положительныя достоинства, но не считаться съ ней, пренебрегать ею нѣтъ ни малѣйшей возможности. Удивительный писатель ежемѣсячно поставляетъ отъ пяти до семи печатныхъ листовъ, пишетъ о самыхъ разнообразныхъ вопросахъ съ одинаковой легкостью, бойкостью и неотразимой самоувѣренностью. Очевидно, все это жадно поглощается подписчиками, журналъ преуспѣваетъ, его презрѣніе къ противникамъ становится величественнѣе чуть не съ каждымъ днемъ, и вполнѣ основательно. Впослѣдствіи журналъ будетъ прекращенъ, и, по свидѣтельству менѣе всего дружественнаго лица, это событіе вызоветъ небывало-рѣзкое единодушное недовольство общества [27]).

Задолго до катастрофы именно враги успѣютъ вполнѣ опредѣленно засвидѣтельствовать великую роль Писарева. Этихъ свидѣтельствъ безчисленное множество; возьмемъ для примѣра два на разныхъ полюсахъ современной публицистики. Въ началѣ 1862 года, т. е. въ первый же періодъ писаревскихъ подвиговъ въ нигилистическомъ направленіи, журналъ *Время* настойчиво рекомендовалъ читателямъ статью *Схоластика XIX вѣка*. По мнѣнію «почвеннаго» органа Достоевскаго, Писарева слѣдуетъ

*) См. «Міръ Божій», № 1, январь.

[27]) Никитенко. III, 106.

читать: «онъ самое новое, самое выразительное проявленіе нашей современной литературы; въ немъ обнаруживаются глубочайшія ея тайны». Статья Писарева ставится выше даже *Полемическихъ красотъ* Чернышевскаго [28]).

Три года спустя, *Современникъ*, яростно воевавшій съ *Русскимъ Словомъ*, сообщилъ своимъ читателямъ о письмѣ въ редакцію отъ неизвѣстнаго корреспондента. Авторъ письма совѣтовалъ *Русскому Слову* обращаться съ Писаревымъ крайне бережно, поправлять его ошибки «снисходительно, осторожно и со всей деликатностью». Писаревъ — разсуждаетъ корреспондентъ — «можетъ увлекаться, можетъ ошибаться, дѣлать промахи, но все-таки это лучшій цвѣтокъ изъ нашего сада. Грубо сорвавъ его цвѣтъ и неделикатно отнесясь къ нему, вы возстановите окончательно противъ себя всю молодежь» [29]).

Нѣтъ ни малѣйшихъ основаній сомнѣваться въ дѣйствительности этой корреспонденціи: *Современникъ*, дѣлалъ сообщеніе на свою голову и молодежь на самомъ дѣлѣ усердно поддерживала пышный разцвѣтъ Писарева. Такое положеніе вещей ставило Писарева не только на первое мѣсто среди новыхъ людей, но неминуемо должно было создать вокругъ него цѣлую школу. Благосвѣтловъ могъ сообщать своему юному сотруднику какія угодно идейныя вдохновенія, даже производить надъ ними радикальные психологическіе опыты, но онъ не обладалъ публицистическимъ талантомъ. Его отвѣты *Современнику* поражаютъ первобытной грубостью, самымъ откровеннымъ наборомъ ругательствъ, не прикрытыхъ ни остроумнымъ краснорѣчіемъ, ни какими бы то ни было принципіальными соображеніями и доказательствами. Его литературныя способности не шли дальше компилятивнаго отчета о чужой книгѣ или молодецкаго чисто-физическаго размаха сильнаго кулака.

Совершенно другое полемическіе пріемы Писарева. Онъ всегда умѣетъ жестокое издѣвательство надъ противникомъ обставить чрезвычайно живописными подробностями, бранный мотивъ уснастить разнообразными музыкальными фіоритурами, и статья произведетъ на читателя несравненно болѣе пріятное и даже болѣе основательное впечатлѣніе. Писареву, напримѣръ, потребуется заклеймить враждебныхъ критиковъ Базарова. Это значитъ они будутъ осыпаны градомъ вдохновеннѣйшихъ опредѣленій по части ихъ нравственныхъ и умственныхъ качествъ, «Ахъ ты, коробочка доброжелательная! Ахъ ты, обличительница копѣечная! Ахъ ты, лукошко россійскаго глубокомыслія!..» [30]). Превосходно, но въ чи-

[28]) *Время*. 1862, январь, авторъ И. Косица (Н. Страховъ).
[29]) *Современникъ*, 1865, апрѣль. *Русская литература*, 280.
[30]) *Реалисты. Сочиненія*. IV, 21.

стомъ, неукрашенномъ видѣ нѣсколько жостко, и Писаревъ подастъ трудносъѣдобное блюдо въ обильномъ соусѣ. На него будутъ потрачены рѣшительно всѣ фигуры, какія только извѣстны теоріи словесности. Чрезвычайно легкая и плавная рѣчь блещетъ сравненіями, иносказаніями, восклицаніями, діалогами съ публикой и героями авторовъ. Читатель не можетъ не поддаться такому стремительному и увлекательному потоку. Самый процессъ чтенія необыкновенно усладителенъ. Писатель не предъявляетъ рѣшительно никакихъ запросовъ къ умственнымъ силамъ читателя. Его задача рѣшить вопросъ возможно *проще* и *легче*, беллетристической формой и доступнѣйшимъ содержаніемъ. Вся полемика—настоящее свободное искусство. Статья, будто лирическое стихотвореніе, переполнена своими художественными и стилистическими красотами, не имѣющими ничего общаго съ самой идеей, своими куплетами, своимъ драматизмомъ и своимъ «безпорядкомъ», и все это существуетъ само по себѣ, независимо отъ логики разсужденія и окончательнаго вывода. Недаромъ авторъ началъ свое поприще беззаботно и весело: начало, достойное свободнаго художника!

И онъ останется на этомъ поприщѣ до самаго конца. Онъ невыразимо счастливъ чисто-внѣшней стороной своей работы. Нанизывать такія звучныя фразы, изобрѣтать такія необыкновенныя изреченія, снабжать противниковъ такими забавными ярлыками и эпитетами, вѣдь это цѣлое блаженство! Ужасно смѣшно представить, какъ бѣдный Антоновичъ почувствуетъ себя вдругъ «лукошкомъ россійскаго глубокомыслія»! Ничего не можетъ быть остроумнѣе и полезнѣе для успѣховъ «реальной» критики. И изобрѣтатель принимается рисовать въ своемъ воображеніи потрясающія трагическія страданія врага, сраженнаго «лукошкомъ».

Дѣйствія сего орудія поразительныя. Оно «подобно шпанской мушкѣ», оно сохраняетъ раздражающую силу въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, съ каждымъ мѣсяцемъ страданія жертвы становятся невыносимѣе и, наконецъ, она впадаетъ въ горячечный бредъ и начинаетъ свои видѣнія принимать за существующіе факты...[31]). Все это въ яркихъ картинахъ возстаетъ предъ умными очами критика, поощряетъ его на дальнѣйшее творчество, и сколько художественныхъ страницъ можно создать при такихъ благодарныхъ обстоятельствахъ! Русскій словарь достаточно богатъ, а русскій читатель безъ мѣры благосклоненъ, и образцовый жанръ критики водворился по всей линіи русской печати.

Жанръ чрезвычайно оригинальный и совершенно-неожиданный. Предъ нами что ни авторъ, то завѣдомый реалистъ, т. е. усерднѣйшій и убѣжденный поклонникъ *факта* и *дѣла*. Ничего фанта-

---

[31]) *Прогулка по садамъ россійской словесности.* IV, 372—3.

стическаго, ничего ненужнаго, только одна непосредственная и наглядная польза. Слова строгой науки и правила здраваго смысла, все остальное эстетика, невѣжество и умственная ограниченность. Цѣнность каждой печатной страницы соотвѣтствуетъ количеству научныхъ свѣдѣній, сообщаемыхъ авторомъ, все равно, будетъ ли это статья или романъ. Мы не должны забывать о телеграфной проволокѣ: ей не полагается никакихъ извилинъ и арабесокъ, чтобы передавать депеши. Такъ и литература: пусть она учитъ публику прямолинейно и просто, безъ разныхъ хитростей и безполезныхъ изворотовъ.

Правило—вполнѣ ясное и дѣльное. Но, вѣроятно, *теорія* всегда и для всѣхъ—предметъ очень, даже нестерпимо *сухой* и, слѣдовательно, неосуществимый. Реалисты въ этомъ отношеніи не ушли дальше гетевскаго героя, пожалуй, отстали. Гёте сухой теоріи противопоставлялъ «цвѣтущее дерево жизни», т. е. подлинный фактическій реализмъ; русскіе новые люди теорію принесли въ жертву словамъ, отнюдь не дѣлу. Полемическая литература шестидесятыхъ годовъ поражаетъ обиліемъ чисто-словеснаго, идейно совершенно безплоднаго матеріала. На каждомъ шагу эта литература превращается въ искусство для искусства, даже не въ личное взаимное разоблаченіе противниковъ, а въ безсодержательную игру фразами и крѣпкими словами. Мы не желаемъ сказать, будто вся молодая журналистика—сплошной реторическій турниръ. Такой результатъ прямо немыслимъ, независимо отъ личной воли публицистовъ. При какой угодно безцѣльной запальчивости и непозволительномъ пристрастіи къ частнымъ перебранкамъ, имъ, несомнѣнно, по временамъ удавалось бы коснуться вопросовъ общаго, дѣйствительно просвѣтительнаго содержанія.

Такъ это и было, конечно. Но, кромѣ счастливыхъ случайностей, у публицистовъ жило искреннее желаніе учить и просвѣщать своихъ читателей. Доказательство — обиліе популярныхъ статей по исторіи и естествознанію. Оно должно считаться незабвенной исторической заслугой шестидесятыхъ годовъ. Но реалисты отнюдь не желали ограничиться работой компиляторовъ, слишкомъ безличной и скромной. Они—«мыслящія личности» и, слѣдовательно, ихъ назначеніе—самостоятельная философская разработка вопросовъ литературы, науки, личной и общественной нравственности. И вотъ на этомъ-то пути независимаго мышленія безграничнымъ потокомъ разлилась самобытная журнальная полемика, въ теченіе многихъ лѣтъ наносившая тяжкіе удары реальнымъ задачамъ молодыхъ писателей.

Этотъ фактъ долженъ быть выдвинутъ на первый планъ въ нашей исторіи: такое положеніе будетъ вполнѣ соотвѣтствовать

исторической правдѣ. Полемическія красоты играютъ подавляющую роль въ нигилистической литературѣ и не столько существенна рѣзкость, безпримѣрная откровенность ея тона, сколько именно чистая художественность ея пріемовъ и результатовъ. Шестидесятники, послѣдовавшіе Добролюбову и Чернышевскому, безпрестанно полемизировали ради самой полемики, наводняли свои журналы совершенно праздными словопреніями, на десяткахъ и сотняхъ страницъ пережевывали разныя «лукошки» и «бутерброды». Можно удивляться особенной психологіи русской публики, воспринимавшей подобную литераторскую дѣятельность и благодушно терпѣвшей пространныя доказательства, какъ такой-то критикъ удачно смазалъ другого «размазней», обозвалъ «гнилымъ и заразительнымъ бутербродомъ» и «шалопаемъ», а тотъ въ отместку изобличалъ «полемическое шулерство» своего противника, заткнулъ ему ротъ неотразимыми комплиментами. «Ахъ вы, лгунишка! Ахъ вы, сплетникъ литературный! и даже «лгунъ, помноженный на три» [32]). И эти блестки краснорѣчія украшаютъ весь критическій отдѣлъ журналовъ, врываются даже въ *Обозрѣнія. Внутреннее*, по крайней мѣрѣ, весьма часто является только продолженіемъ нарочито воинственныхъ *Литературныхъ мелочей* и фельетоновъ подъ всевозможными крылатыми наименованіями.

И Писарева слѣдуетъ считать главой направленія. Въ *Русскомъ Словѣ* онъ представлялъ соблазнительнѣйшій примѣръ для всѣхъ другихъ сотрудниковъ, на *Современникъ* и другія изданія онъ дѣйствовалъ крайне раздражающимъ образомъ. Положимъ, сотрудники *Современника* не нуждались въ особенныхъ внѣшнихъ раздраженіяхъ, чтобы производить свои собственныя посильныя полемическія красоты, но въ хронологіи военныхъ нападеній первенство принадлежитъ *Русскому Слову*. Писаревъ открылъ аттаку на писателей *Современника* и повелъ ее въ высшей степени упорно и безпощадно.

Какъ могло произойти это по истинѣ противоестественное событіе?

Современникъ служилъ органомъ Чернышевскаго и Добролюбова, т. е. признанныхъ учителей молодого поколѣнія. По смерти Добролюбова, мѣсто ихъ главнаго критика занялъ М. А. Антоновичъ, около двухъ лѣтъ работалъ рядомъ съ Чернышевскимъ, а послѣ устраненія его съ литературной сцены сталъ однимъ изъ редакторовъ журнала. Преданія, повидимому, вполнѣ ясныя и свѣжія, и Антоновичъ, казалось бы, никакъ не могъ нарушить ихъ.

По образованію семинаристъ и академикъ, молодой писатель

---

[32]) *Современникъ*. 1865, апрѣль. *Литературныя мелочи. Русское Слово*. 1865, февраль.

еще раньше—студентомъ—увлекался идеями *Современника*, началъ писать въ немъ при Добролюбовѣ и удостоился весьма одобрительнаго отзыва Чернышевскаго, какъ человѣкъ передовой и способный къ быстрому умственному развитію. Естественно, основное эстетическое уложеніе молодой критики—диссертація Чернышевскаго, невозбранно признавалось преемникомъ Добролюбова. Впослѣдствіи его статья объ этой книгѣ представитъ чисто ученическое почтительное изложеніе ея содержанія, безъ всякихъ попытокъ сомнѣваться и критиковать священные завѣты учителя [33]).

Та же эстетика царствовала и въ *Русскомъ Словѣ*: по крайней мѣрѣ, такъ заявлялъ Писаревъ, неоднократно и очень краснорѣчиво. И вдругъ то же *Русское Слово* пишетъ статью *Глуповцы, попавшіе въ «Современникъ»*, *Современникъ* сочиняетъ сказаніе *Барскіе лакеи въ «Русскомъ Словѣ»*! Эффектный обмѣнъ любезностями! И онъ длится цѣлые годы, приводя въ смущеніе дружественную публику и въ неподдѣльную радость недоброжелателей и равнодушныхъ.

Расколъ въ нигилистахъ! злобно провозглашали *Отечественныя Записки*, *Эпоха* и прочіе «филистеры»! И они имѣли всѣ основанія торжествовать: нигилистическая междоусобица обильно снабжала ихъ перлами небывалой публицистики въ полемическомъ родѣ. Косица могъ ежемѣсячно сдабривать свои лѣтописныя замѣтки въ изданіи семьи Достоевскихъ нигилистическимъ перцемъ, цѣльными пригоршнями разсыпаннымъ по страницамъ двухъ передовыхъ журналовъ. У Косицы не оказывалось остроумія, соотвѣтствовавшаго траги-комическому приключенію юныхъ борцовъ. Но достаточно было просто отмѣчать факты, чтобы въ сильнѣйшей степени поколебать писательское достоинство яростно поѣдавшихъ другъ друга представителей одного и того же направленія. И на самомъ дѣлѣ, болѣе диковиннаго и болѣе грустнаго зрѣлища русская литература не представляла ни раньше, ни позже. Никакой филистеръ въ мірѣ не могъ бы причинить болѣе глубокаго нравственнаго ущерба передовой публицистикѣ, чѣмъ это совершали наперебой ревностными усиліями публицисты *Современника* и *Русскаго Слова*. И здѣсь одинаково замѣчательны и поводы междоусобицы, и ея характеръ, и ея результаты. Все вмѣстѣ поразительно выпуклыми чертами рисуетъ типъ критика и мыслителя, представляемый личностью перваго человѣка среди «новыхъ людей».

XI.

Мы знаемъ раннюю статью Писарева о Базаровѣ. Она можетъ быть признана наиболѣе удачнымъ произведеніемъ писа

[33]) *Современникъ*. 1865, мартъ.

ревскаго пера. Она, не въ примѣръ прочимъ, носитъ явные слѣды обдуманности, критической проницательности и даже художественнаго вкуса, а главное—личной нравственной независимости критика отъ характеризуемаго героя и спокойнаго, достойнаго отношенія къ автору и его произведенію. Всѣ достоинства, какихъ, вскорѣ тщетно станетъ искать иной требовательный читатель въ разсужденіяхъ неограниченно-властнаго публициста! Особенно горько онъ пожалѣетъ объ этихъ навсегда исчезнувшихъ достоинствахъ, когда сравнитъ писаревскую статью съ откликами *Современника* на тургеневскій романъ.

Зрѣлище безпримѣрное даже въ лѣтописяхъ нигилистической журналистики! И виновникъ его, Антоновичъ, отнынѣ сначала затаенный, потомъ открытый врагъ *Русскаго Слова*.

Удивительный артистъ прочиталъ романъ и съ его мыслительными способностями произошло нѣчто непостижимое: будто сказочный герой выпилъ волшебной воды и утратилъ свой естественный образъ. Въ его глазахъ все вывернулось наизнанку и стало вверхъ ногами. Всего нѣсколько дней или даже часовъ тому назадъ существовалъ Тургеневъ, всѣми признанный за писателя, по меньшей мѣрѣ, умнаго, терпимаго и свободомыслящаго. Недаромъ же онъ началъ *Записками охотника* и продолжалъ *Рудинымъ*. Вдругъ настоящая революціонная перемѣна докорацій!

Стоило Тургеневу написать *Отцовъ и дѣтей*, онъ мгновенно сталъ рядомъ съ Аскоченскимъ, издателемъ *Домашней Бесѣды*. Во всей русской литературѣ послѣ Булгарина не было болѣе опозореннаго имени и безнадежнѣе высмѣяннаго изданія. Даже Катковъ призналъ нужнымъ направить на темную и дикую фигуру маньяка-мракобѣса уничтожающіе удары насмѣшки и гнѣва. Аскоченскій превратился въ нарицательное имя, и оно уже давно совмѣщало въ себѣ всѣ рѣшительно понятія, какія только могутъ кровно оскорбить писателя, какъ человѣка и литературнаго дѣятеля. И вотъ этотъ-то Терситъ русской журналистики оказывался предшественникомъ и даже учителемъ Тургенева!

Да, фактъ внѣ сомнѣній. Аскоченскій всего за четыре года до *Отцовъ и дѣтей* написалъ романъ подъ названіемъ *Асмодей нашего времени*. Само собой понятно, какія цѣли могли быть у сочинителя. Онѣ ясны изъ самого заглавія: Асмодей—никто иной, какъ молодой герой, представитель новаго отрицательнаго направленія, однимъ словомъ «нигилистъ». У него только нѣтъ знаменитой клички, а всѣ поступки и всѣ идеи нигилистической вѣры и нравственности предвосхищены въ совершенствѣ Аскоченскимъ. Критикъ *Современника* доказываетъ это обильными сопоставленіями и приходитъ къ выводу, разбивающему въ прахъ

умственныя способности и гражданскіе задатки автора *Отцовъ и дѣтей.*

«Какъ угодно,—пишетъ критикъ,—но г. Аскоченскій болѣе безпристрастенъ къ отрицательному направленію и лучше его понимаетъ, чѣмъ г. Тургеневъ». Это объ авторахъ; то же самое можно сказать и объ ихъ герояхъ. Пустовцевъ, герой Аскоченскаго, «все-таки выше, по крайней мѣрѣ гораздо умнѣе и основательнѣе Базарова». Этого мало. Аскоченскій «гораздо послѣдовательнѣе» Тургенева, т. е., надо понимать, гораздо честнѣе и искреннѣе.

Онъ, не сочувствуя отрицательному направленію, заканчиваетъ свой романъ проклятіями на голову своего Асмодея, а Тургеневъ, такой же ненавистникъ своего Базарова, мечтаетъ о молодыхъ елкахъ, невинныхъ взглядахъ цвѣтковъ и всепримиряющей любви съ «отцами и людьми».

Таковы основныя идеи Антоновича о тургеневскомъ романѣ. Онѣ развиты въ громадной статьѣ, представляющей послѣднее слово разносительной критики. Все, что только можно отыскать отрицательнаго и позорнаго вообще въ какомъ бы то ни было литературномъ произведеніи, все это заполняетъ каждую тургеневскую страницу, бросается въ глаза и угнетаетъ душу скучающаго и раздраженнаго читателя. «Крайне неудовлетворительно въ художественномъ отношеніи», «удушливый зной странныхъ разсужденій», «за исключеніемъ одной старушки, нѣтъ ни одного живого лица и живой души, а все только отвлеченныя идеи и разныя направленія, олицетворенныя и названныя собственными именами», все это для критика стало совершенно ясно, лишь только онъ прочиталъ романъ. Убѣдился онъ также безповоротно и въ другой, еще болѣе роковой для автора истинѣ. Авторомъ руководила единственная цѣль показать публикѣ, какіе *негодяи* его враги и противники. Достигается она часто крайне наивно, по дѣтски. Тургеневъ мститъ Базарову во всѣхъ рѣшительно мелочахъ и пустякахъ, заставляетъ его проигрываться въ карты, обнаруживать предосудительное пристрастіе къ шампанскому. Месть идетъ и дальше: Базаровъ непочтителенъ къ родителямъ, вызываетъ ужасъ и омерзѣніе у *доброй и возвышенной по натурѣ женщины*, всѣхъ, кто подчиняется его вліянію, учитъ безнравственности и безсмыслію. Результаты, конечно, получаются самые плачевные. «Въ цѣломъ выходитъ не характеръ, не живая личность, а каррикатура, чудовище съ крошечной головкой и гигантскимъ ртомъ, съ маленькимъ лицомъ и пребольшущимъ носомъ, и притомъ каррикатура самая злостная».

Прекрасно! Но какъ же всѣ эти ужасы романа и преступленія Тургенева примирить съ прежними его произведеніями. За

Аскоченскимъ вѣдь ничего не числится, кромѣ юридическихъ бумагъ и инквизиторскихъ сысковъ, а вѣдь имя Тургенева съ гордостью помѣщалъ *Современникъ* въ спискѣ своихъ сотрудниковъ, Какъ же это объяснить?

Очень просто, отвѣчаетъ критикъ. Раньше не понимали смысла тургеневскаго творчества, и литераторы и публика *ошибались* въ объясненіи этого смысла. Теперь все объяснилось—*напрямки, безъ околичностей*, въ настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ. Тургеневъ завѣдомый врагъ новыхъ умственныхъ движеній и, слѣдовательно, современнаго молодого поколѣнія. Онъ вмѣстилъ это поколѣніе въ лицѣ изверга и глупца, не понявъ самой сущности дѣла и обрадовавшись случаю сочинить пасквиль на ненавистныхъ людей [34]).

Такъ судилъ передовой журналъ объ *Отцахъ и дѣтяхъ*, судилъ критикъ, рекомендованный Чернышевскимъ, и произведеніе критика печаталось рядомъ со статьей учителя! Какъ могло случиться подобное стеченіе обстоятельствъ? Не могъ же Чернышевскій раздѣлять галлюцинаціи своего юнаго собрата. Невѣроятно, чтобы автору статей о гоголевскомъ періодѣ тургеневскій нигилистъ показался глупцомъ и пошлякомъ, чтобъ въ его картежномъ проигрышѣ онъ усмотрѣлъ злостную месть автора! Не требовалось, повидимому, никакой особенной критической способности, чтобы постигнуть всю безсмыслицу и гомерическую наивность такого обвинительнаго акта. И Чернышевскій, несомнѣнно, постигалъ, но въ данную минуту дѣйствовали болѣе настойчивыя причины политическаго свойства, чѣмъ здравый смыслъ и литературная справедливость.

Современникъ находился въ непримиримой войнѣ съ Тургеневымъ. Она началась немедленно, лишь только *Наканунѣ* было напечатано въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Пламя сначала разгоралось тайно и медленно и вспыхнуло открыто и бурно, когда Тургеневъ съ января 1860 года, послѣ напечатанія въ журналѣ Некрасова рѣчи о Гамлетѣ и Донъ-Кихотѣ, окончательно прервалъ свое сотрудничество въ *Современникѣ*. Журналъ принялся доказывать братьямъ-писателямъ и публикѣ, что разрывъ произошелъ изъ-за убѣжденій, Тургеневъ слишкомъ отсталъ отъ міросозерцанія *Современника:* редакція «уволила» его!... Заявленіе вопіющимъ образомъ извращало факты, и тѣмъ, конечно, ревностнѣе подтверждалось дѣйствіями журнала.

Свистокъ, издававшійся при *Современникѣ*, избралъ Тургенева своей мишенью, не только какъ писателя, но и какъ частную личность, именно его отношенія къ Віардо. По поводу *Рудина*

---

[34]) *Современникъ*. 1862, мартъ.

читателямъ давалось понять, что авторъ желалъ въ своемъ романѣ угодить литературнымъ друзьямъ.

Тургеневъ возмутился и вздумалъ публично отвѣчать *Современнику*. Отвѣтъ не возъимѣлъ желаемаго успѣха: журналъ пользовался непоколебимымъ авторитетомъ среди своей публики и Тургеневу пришлось раскаяться въ своемъ плохо разсчитанномъ рѣшеніи—бороться съ такимъ противникомъ. Впослѣдствіи онъ даже совѣтовалъ «молодымъ литераторамъ» дѣлать свое дѣло и не разстраиваться дрязгами. Совѣтъ подкрѣплялся именно неудачной полемикой съ *Современникомъ*.

Послѣ этого намъ становится понятнѣе упражненіе Антоновича, усилія критика въ конецъ унизить и разбить Тургенева, поставивъ его рядомъ съ Аскоченскимъ. Редакція журнала должна была горячо сочувствовать этому предпріятію. Помимо указанныхъ данныхъ, мы можемъ тоже заключеніе сдѣлать на основаніи сообщеній лица, близкаго редактору *Современника* [35]). Сообщенія эти, вообще преизобилующія неправдами по недоразумѣнію и еще чаще по заранѣе обдуманному намѣренію, и нарочито взвинчинной страсти, любопытны, какъ яркій и откровенный показатель воинственныхъ намѣреній редакціи *Современника* по отношенію къ Тургеневу. Антоновичъ явился образцово усерднымъ отголоскомъ этихъ чувствъ и не побоялся статьей объ *Отцахъ и дѣтяхъ* навсегда подписать смертный приговоръ своимъ критическимъ способностямъ и писательскому безпристрастію. Некрасову суждено было испытать жестокое возмездіе за пріятное усердіе его критика. Впослѣдствіи, всего шесть лѣтъ спустя, ему самому пришлось поссориться съ Антоновичемъ, и тотъ отомстилъ ему убійственнымъ *Объясненіемъ*, оставлявшимъ далеко за собой даже *Асмодея*. Личность и вся литературная дѣятельность Некрасова пригвождалась къ позорному столбу, знаменитый поэтъ обвинялся въ тягчайшихъ нравственныхъ и литературныхъ преступленіяхъ, прежде всего—въ торгашескомъ, спекулятивномъ характерѣ своего либерализма и народничества... Столь оказалось удобнымъ и привлекательнымъ пользоваться услугами бойкаго молодого пера съ полемическими цѣлями противъ лично неповиннаго писателя!

Но пока Антоновичъ дѣйствовалъ на полной свободѣ и въ ненарушимомъ единодушіи съ редакціей, онъ не пропускаетъ случая обозвать публично Тургенева излюбленнымъ именемъ Аскоченскаго, пріурочить его къ компаніи Стебницкихъ, Клюшниковыхъ и Писемскихъ, завѣдомыхъ гонителей нигилистическаго направленія. Можно бы, конечно, многое возразить противъ не

---

[35]) *Воспоминанія* Головачевой, *Ист. Вѣст.*

по разуму стремительной наклонности критика сваливать въ одну кучу всѣ цвѣта и оттѣнки изъ лагеря *не нашихъ*, но, очевидно, съ самаго начала вопросъ заключался не въ принципахъ правды и справедливости и не въ интересахъ собственно литературной критики и общественныхъ идеаловъ. *Современникъ* становился на военное положеніе противъ Тургенева и велъ себя *какъ на войнѣ*, т. е. стрѣлялъ и рубилъ направо и налѣво, не разбирая средствъ и не различая въ станѣ противника ни добра, ни зла. Послѣдствія должны были выйти менѣе всего почетныя для запальчиваго воина и для всей современной публицистики.

Современникъ прежде всего столкнулся съ Писаревымъ. Критикъ *Русскаго Слова* не усмотрѣлъ въ лицѣ Тургенева преступника и не призналъ Базарова негодяемъ умственнаго и нравственнаго идіотизма. Это послужило началомъ «раскола» и жесточайшей междоусобицы на нѣсколько лѣтъ. Въ настоящее время подобный поводъ къ журнальной войнѣ можетъ показаться крайне легкомысленнымъ, совершенно безцѣльнымъ и юношески-комическимъ, даже больше, мало вѣроятнымъ съ точки зрѣнія здраваго смысла и самой простой публицистической политики. Въ основѣ лежало или явно вопіющее недоразумѣніе, лишавшее критика *Современника* права на какое бы то ни было серьезное вниманіе со стороны публики, или еще горшее зло—партійная и личная злоба. Изъ-за чего же было ломать оружіе съ подобнымъ героемъ? Доказывать ему, что Тургеневъ не Аскоченскій—не имѣло никакого смысла: человѣкъ, усвоившій эту идею, этимъ самымъ доказывалъ полную безнадежность своего ума и нравственнаго чувства. Поднимать брошенную имъ перчатку—значило цѣнить не по достоинству его особу и его дѣйствія.

Единственное соображеніе могло бы заставить очевидцевъ вступить въ бой съ невмѣняемымъ рыцаремъ—популярность *Современника* среди молодой публики. Популярность не подлежала сомнѣнію и, мы видѣли, Тургеневу пришлось отступить предъ ней, какъ непреодолимой силой. Но именно фактъ отступленія геніальнаго художника показывалъ всю стихійность, всю безотчетность увлеченій *Современникомъ*. Загипнотизированные читатели, очевидно, отказывались даже выслушивать противную сторону. Приговоръ у нихъ былъ составленъ раньше процесса и безповоротно на все время гипнотическаго состоянія. Антоновичъ могъ безнаказанно изъ мѣсяца въ мѣсяцъ совершать какія угодно насилія надъ общечеловѣческой логикой, надъ общедоступными фактами и надъ непосредственнымъ чувствомъ художественной и нравственной красоты: онъ былъ правъ во что бы то ни стало, разсудку вопреки и наперекоръ стихіямъ. Диктатура въ двадцать семь лѣтъ—вещь чрезвычайно заманчивая и авторъ *Асмодея*

быстро потерялъ всякое представленіе о перспективѣ и мѣрѣ, лишь бы пропустила цензура да не притянули къ суду. Недалекое будущее безжалостно возмѣстило воину его азартъ. Фейерверочный шумъ и бенгальскій блескъ, по самой природѣ, скоротечны и безплодны. Имени Антоновича—столь громкому и эффектному въ теченіе трехъ-четырехъ лѣтъ—предстояло печальное, ничѣмъ неотвратимое забвеніе, оскорбительно холодное равнодушіе даже со стороны прежнихъ участниковъ зрѣлища, теперь подросшихъ и созрѣвшихъ. Уже въ 1868 году самъ Некрасовъ отказался отъ литературныхъ услугъ Антоновича въ *Отечественныхъ Запискахъ*, и этого было достаточно, чтобы навсегда похоронить всѣ военные доспѣхи и всю героическую славу бывшаго перваго артиста *Современника*. Краснорѣчивѣйшее доказательство, на какихъ призрачныхъ устояхъ покоилась эта слава и какъ мало заключалось *разума* и *справедливости* въ мимолетной авторитетности неудержимо запальчиваго приговорщика.

Но какъ бы то ни было, запальчивость принесла свои плоды. Тургеневскій романъ сталъ яблокомъ раздора между двумя передовыми органами русской печати, и публика очутилась предъ своего рода бенефиснымъ спектаклемъ нигилистической публицистики.

XII.

Едва успѣла разгорѣться брань изъ-за Базарова и Тургенева, на поле битвы подоспѣлъ новый *casus belli*. На первый взглядъ онъ не представлялся особенно важнымъ: зажигательный снарядъ былъ брошенъ мимоходомъ, случайно, но при высокой температурѣ борцовъ, и онъ быстро наполнилъ сцену дѣйствія огнемъ и дымомъ.

На этотъ разъ виновникъ—Щедринъ, а вина—легкомысленное отношеніе сатирика къ роману *Что дѣлать? Современникъ* и *Русское Слово* уже состояли въ войнѣ другъ съ другомъ и Щедрину было естественно парапнуть идоловъ враждебнаго журнала, только сдѣлалъ онъ это очень неразсчетливо и опрометчиво.

Никакимъ писательскимъ авторитетомъ Щедринъ не владѣлъ въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ, по очень простой причинѣ: онъ все еще *искалъ* своихъ убѣжденій и—мы знаемъ—даже въ лагерѣ крайнихъ славянофиловъ. Смѣхъ сатирика съ трудомъ различалъ толки и направленія и беззаботно разгуливалъ по головамъ нашихъ и вашихъ, лишь бы находилась пожива для болѣе или менѣе забавнаго издѣвательства. Таковъ общій голосъ критики шестидесятыхъ годовъ. Умѣренный и сдержанный Страховъ на этотъ счетъ вполнѣ согласенъ съ Писаре-

вымъ и Зайцевымъ, и нельзя было не согласиться особенно послѣ выходки противъ романа Чернышевскаго.

Зачѣмъ собственно потребовалось Щедрину метнуть стрѣлу своего остроумія въ этотъ романъ—трудно рѣшить, тѣмъ болѣе, что самая стрѣла отнюдь не отличается остротой и пролетѣла она въ сущности мимо цѣли: сатирикъ задѣлъ слишкомъ второстепенный предметъ и притомъ весьма легкомысленно и слишкомъ беззаботно.

Въ *Современникѣ* появилась такая веселая картинка, равно разсчитанная на ядовитость:

«Когда я вспомню, напримѣръ, что «со временемъ» дѣти будутъ рождать отцовъ, а яица будутъ учить курицу, что «со временемъ» зайцевская хлыстовщина утвердитъ вселенную, что «со временемъ» милыя нигилистки будутъ безстрастной рукой разсѣкать человѣческіе трупы и въ то же время подплясывать и подпѣвать: «Ни о чемъ я, Дуня, не тужила» (ибо, «со временемъ», какъ извѣстно, никакое человѣческое дѣйствіе безъ пѣнія и пляски совершаться не будетъ), то спокойствіе окончательно водворяется въ моемъ сердцѣ и я забочусь только о томъ, чтобы до тѣхъ поръ совѣсть моя была чиста. Съ чистой совѣстью я надѣюсь прожить сто лѣтъ и ничего, кромѣ чистоты совѣсти, не ощущать» [36])...

Сатирикъ долго распространяется на счетъ чистой и нечистой совѣсти: вопросъ, не подлежавшій обсужденію заинтересованныхъ читателей, они предпочли заподозрѣть у автора другого рода чистоту и въ другомъ смыслѣ, именно полнѣйшую неприкосновенность сатирика къ какому-либо опредѣленному міросозерцанію. *Эпоха* примѣняла къ сатирику *Современника* изреченіе Хлестакова: «у меня легкость въ мысляхъ необыкновенная» [37]). *Русское Слово* выражалось несравненно рѣзче, знакомя своихъ читателей съ понятіями *Современника* о нигилисткахъ. Понятія выяснялись изъ драматической, весьма веселой сценки, уличавшей бѣдныхъ нигилистокъ въ зависти къ богатымъ кокоткамъ. Съ одной изъ этихъ несчастныхъ сатирику довелось вести разговоръ о театрѣ. Нигилистка сидѣла въ пятомъ ярусѣ, а «пресловутая Шарлота Ивановна, вся блестящая и благоухающая, роскошествовала въ бель-этажѣ и безстыдно предъявляла алкающей публикѣ свои обнаженныя плечи и «мятежный груди валъ».

— И какъ она смѣла, эта скверная!—визгливо заключала нигилистка, топая ножкой.

---

[36]) *Современникъ*. 1864, январь, *Наша общественная жизнь*, 26.

[37]) *Эпоха*. 1864, октябрь. *Послѣдніе два года въ петербургской журналистикѣ*. *Русское Слово*. 1864, февраль. *Глуповцы, попавшіе въ Современникъ*, 37.

Авторъ изумился; какое дѣло его собесѣдницѣ до счастья Шарлоты Ивановны?

— Помилуйте! Я, честная нигилистка, задыхаюсь въ пятомъ ярусѣ, а эта дрянь, эта гадость, эта жертва общественнаго темперамента... смѣетъ всенародно показывать свои плечи... гдѣ же тутъ справедливость? И неужели правительство не обратитъ, наконецъ, на это вниманія?

Авторъ въ отвѣтъ принялся развивать ей свою теорію о чистой и нечистой совѣсти и спросилъ у нигилистки:

— Ну согласились бы вы промѣнять вашу чистую совѣсть на ложу въ бэль-этажѣ?

— Конечно, нѣтъ, — отвѣчала она, но какъ-то невнятно. И авторъ долженъ былъ повторить свой вопросъ.

Немедленно вслѣдъ за этой сценкой разсказывалась соотвѣтствующая бесѣда съ нигилистомъ, и нигилистъ, при одномъ намекѣ даже на *Русскій Вѣстникъ*, уже прямо заявлялъ:

— Э, батюшка, всѣ *тамъ* будемъ!..

Такъ упражнялся сатирикъ журнала, гдѣ всего семь мѣсяцевъ назадъ закончилось печатаніемъ *Что дѣлать*? Было отчего придти въ негодованіемъ даже самымъ хладнокровнымъ поклонникамъ Чернышевскаго. Сатирикъ дѣйствительно совершалъ нѣчто несообразное и редакція пускала его по всей волѣ, очевидно, въ явное противорѣчіе своему собственному азарту противъ Тургенева. Если Базаровъ — злостная каррикатура на нигилистовъ, что же остается сказать о нигилисткѣ и нигилистѣ Щедрина? И зачѣмъ же тогда Антоновичъ изъ года въ годъ потрясалъ воздухъ яростными воплями во славу молодого поколѣнія, если одновременно съ нимъ это поколѣніе подвергалось издѣвательству совершенно въ духѣ джентльменовъ изъ *Русскаго Вѣстника*. Это соединеніе естественно несліянныхъ теченій еще ярче оттѣняетъ чисто-полемическій, а не идейный характеръ войны *Современника* съ Тургеневымъ. Къ нашему удивленію, *Русское Слово* не отмѣчало этого противорѣчія, но оно всѣми силами налегло на полное несоотвѣтствіе щедринскаго смѣха направленію *Современника*, какъ бывшаго органа Добролюбова и Чернышевскаго.

И *Русское Слово* было право.

Если Щедрину пришла охота уничтожить нигилизмъ и высмѣять мечтанія и увлеченія молодого поколѣнія,—идти къ этой цѣли надлежало отнюдь не путемъ фантастическихъ веселыхъ діалоговъ, не воздѣйстіемъ на смѣшливыя наклонности веселой публики, не эксплуатаціей забавныхъ словечекъ и еще менѣе— мнимо-остроумной и рѣшительно ничего не означавшей болтовней о чистой и нечистой совѣсти. Съ такими пріемами критики Щедринъ становился ниже Писемскаго. У автора *Взбаломученнаго*

моря и фельетоновъ Никиты Безрылова говорило, по крайней мѣрѣ, сильное и глубокое чувство; онъ, видимо, волновался и мучился, преслѣдуя ненавистное общественное явленіе. А здѣсь—подлинно «легкость необыкновенная», пріятнѣйшее саморазвлеченіе и именно беззаботность сатирика, радостно глумившагося надъ безразличными для него фактами, вызвала ядъ и желчь юношей *Русскаго Слова*. Вопросъ всталъ рѣзко и для обѣихъ сторонъ въ высшей степени отвѣтственно: какъ *Современникъ* относится къ Чернышевскому? Дѣйствительно ли авторъ *Эстетическихъ отношеній* общій учитель двухъ молодыхъ редакцій, или одна изъ нихъ поворачиваетъ направо, влекомая беззавѣтной веселостью и невмѣняемымъ сатирическимъ зудомъ своего фельетониста?

Русское Слово немедленно, по прочтеніи діалоговъ *Современника*, отвѣчало со всей энергіей, какою только обладала полемическая рѣчь Зайцева.

«Омерзительно видѣть самодовольнаго балагура, дошедшаго изъ любви къ безпричинному смѣху, до осмѣиванія того, чѣмъ былъ вчера, и провозглашающаго глуповскую мораль, въ родѣ слѣдующей: «яйца курицу не учатъ!» Ну что жъ, читатели *Современника*, бросайте Добролюбова, отворачивайтесь отъ него—вѣдь онъ принадлежалъ къ числу птенцовъ и осмѣливался учить и даже проучивать такихъ почтенныхъ куръ, какъ г. Погодинъ или г. Аксаковъ, или даже г. Щедринъ, который не можетъ до сихъ поръ простить ему и въ отместку старается ущипнуть его въ своемъ курятникѣ...»

Зайцевъ указывалъ на «скользкій путь», выбранный *Современникомъ* подъ руководствомъ Щедрина, прямо говорилъ о ренегатствѣ, не щадилъ личности самого «эксъ-администратора» и заключалъ свою рѣчь не безъ эффекта и убѣдительности: «совмѣстить въ себѣ тенденціи остроумнаго фельетониста съ идеями Добролюбова журналъ, уважающій себя, не можетъ. Надо выбирать одно изъ двухъ: или идти за авторомъ *Что дѣлать?* или смѣяться надъ нимъ».

Отповѣдь Зайцева—только начало возмездія. Дѣло въ руки взялъ Писаревъ, и быстро возникъ рядъ статей, колебавшихъ всѣ краеугольные камни *Современника*. Прежде всего пришлось поплатиться самому Щедрину. *Цвѣты невиннаго юмора* разсчитывали совершенно уничтожить сатирика, какъ серьезнаго и мыслящаго писателя. Большого труда не предстояло критику. Ранній юморъ Щедрина на самомъ дѣлѣ преисполненъ наивнаго шаржа, манернаго, напряженно-остроумнаго пустословія, усиленно придуманныхъ, до послѣдней степени откровенныхъ, но по существу вполнѣ безплодныхъ словечекъ и прибаутокъ. Писареву оставалось только вязать въ букеты и гирлянды всѣ эти «цвѣты»—

въ родѣ «греческаго человѣка Трредандоса», «фики», «ахъ матушка!»... Задача очень благодарная, и Щедринъ, читая статью, врядъ ли чувствовалъ себя въ сатирическомъ настроеніи. Къ сожалѣнію, Писаревъ не нашелъ лучшаго средства вылѣчить Щедрина отъ легкомысленнаго безотчетнаго глумленія, какъ рекомендовать ему переводить и компилировать сочиненія по естественнымъ наукамъ.

Несомнѣнно, Щедринъ годился на что-нибудь помимо компиляцій, и его Глуповъ не былъ послѣднимъ словомъ его писательской психологіи. Критикъ легко могъ бы придти къ такому заключенію на основаніи уже имѣвшагося подъ его руками матеріала. Но онъ предпочелъ разомъ и навсегда покончить съ противникомъ въ томъ же духѣ, какъ это сдѣлалъ Антоновичъ съ Тургеневымъ. Отъ рѣшительности критика не выигрывала ни истина, ни даже его цѣль. Сатирическій талантъ Щедрина не могъ быть вычеркнутъ изъ русской литературы какой угодно остроумной статьей, и читающая публика, довѣряя критику *Русскаго Слова*, пріобрѣтала только новое недоразумѣніе.

А между тѣмъ, Писаревъ находился въ очень выгодномъ положеніи. *Современникъ* явно подлежалъ уликѣ въ двусмысленности дѣйствій, Щедринъ обнаруживалъ поразительную незрѣлость идей и легковѣсность смѣха: все это представляло богатую пищу для обличительнаго краснорѣчія. Но все это не давало Писареву права обобщать нѣсколько отдѣльныхъ фактовъ, взлетать на олимпійскую высоту предъ своимъ противникомъ и доставлять зрѣлище «филистерамъ».

Они поспѣшили воспользоваться случаемъ, и Достоевскій напечаталъ въ *Эпохѣ* сатирическій разсказъ подъ заглавіемъ: *Господинъ Щедринъ или расколъ въ нигилистахъ*. Онъ прежде всего собралъ крылатыя рѣчи *Русскаго Слова* по адресу Щедрина и *Современника*, а потомъ изобразилъ въ драматической формѣ появленіе *Щедродарова*—«шавки лающей и кусающейся»—въ числѣ сотрудниковъ нигилистическаго органа. Достоевскій искусно воспользовался общими положеніями писаревской реальной критики и высмѣялъ ихъ одновременно съ безпринципностью сатирика. «Филистеры» убивали двухъ зайцевъ, исключительно благодаря безтактности самихъ передовыхъ публицистовъ [38]).

Но для насъ поучительны не столько успѣхи сатиры Достоевскаго, сколько общіе результаты жестокой войны. Ихъ отмѣчала тоже *Эпоха* и вполнѣ основательно. Результаты сводились къ нулю. Полемика не дала «ни единой крупицы пищи для ума и сердца... Что сказалъ или хотѣлъ сказать г. Щедринъ впродол-

---

[38]) *Эпоха*. 1864, май.

женіе года? Зачѣмъ онъ напалъ на романъ *Что дѣлать?* Какая разница между *Современникомъ* и *Русскимъ Словомъ?*»

Отвѣта не получилось, и фактъ, по мнѣнію *Эпохи*, прекрасно характеризовалъ *стоячее* положеніе петербургской журналистики. «Обнаружилось внутреннее броженіе, не имѣющее никакой цѣли и свидѣтельствующее объ отсутствіи настоящей дѣятельности, настоящихъ интересовъ» [39]).

Интересы, конечно, были, но запальчивые юноши воинственные личные счеты предпочли идейной работѣ. Она, несомнѣнно, выходила болѣе легкой и доставляла болѣе крѣпкое наслажденіе молодому вкусу и воображенію. Оно покупалось за счетъ положительныхъ и прочныхъ задачъ публицистики; но гдѣ же было заниматься этимъ вопросомъ, когда представлялась возможность пошумѣть и подраться безъ всякихъ усилій мышленія, при помощи хлесткаго, болѣе или менѣе терпимаго браннаго словаря!

Къ такимъ же результатамъ привела междоусобица *Русскаго Слова* и *Современника* и въ спорѣ объ *Отцахъ и дѣтяхъ*. Предметъ еще болѣе значительный и явно вызывавшій на приготовленіе пищи для ума и сердца, и обѣ стороны съумѣли свести его къ личной перебранкѣ, даже не затрогивая принциповъ.

XIII.

Писаревъ рѣзко разошелся съ Антоновичемъ въ оцѣнкѣ *Отцовъ и дѣтей* и самого Тургенева: естественно было бы выяснить идейныя основы этого разногласія, доказать, что Тургеневъ дѣйствительно не имѣетъ ничего общаго съ Аскоченскимъ и что въ Базаровѣ заключены подлинныя черты современнаго молодого поколѣнія. Писаревъ *узналъ себя въ Базаровѣ*: это существенный фактъ, и Герценъ, отнюдь не поклоняясь ни Писареву, ни Тургеневу, призналъ его въ высшей степени поучительнымъ; въ своемъ сужденіи о Тургеневѣ, какъ авторѣ романа, повторилъ взглядъ Писарева: Тургеневъ, лично несочувствуя Базарову, какъ художникъ остался правдивымъ и честнымъ изобразителемъ своего героя [40]).

Герценъ могъ бы кое въ чемъ исправить мнѣнія Писарева, особенно послѣ личной близкой освѣдомленности на счетъ тургеневскихъ сочувствій и не-сочувствій, но, несомнѣнно, писаревская статья о Базаровѣ заключала въ себѣ много удачныхъ замѣчаній и мѣткихъ указаній, какъ истинное самопризнаніе молодого критика. На этой почвѣ и предстояло, повидимому, разыграться полемикѣ. Въ дѣйствительности вышло нѣчто совершенно обратное.

Антоновичъ непоколебимо усѣлся на своемъ открытіи, что Ба-

---

[39]) *Эпоха*. 1864, іюль, октябрь.

[40]) *Еще разъ Базаровъ*. Сочиненія X, 417 etc.

заровъ каррикатура, а Тургеневъ—Аскоченскій. Защищать подобную истину логикой и фактами нѣтъ никакой возможности, и *Современникъ* прибѣгъ совершенно откровенно къ личной брани и даже къ личнымъ сыскамъ съ пристрастіемъ. Онъ поставилъ своей мишенью «критиковъ-дѣтей»—безнадежныхъ глупцовъ и принялся осыпать ихъ отборными укоризнами во всевозможныхъ нравственныхъ изъянахъ. Въ его распоряженіе съ самаго начала попала вѣрная мысль о зависимости Писарева отъ Базарова, о наклонности *Русскаго Слова*, вмѣсто независимой вдумчивости въ вопросы литературы, философіи и русской дѣйствительности, пользоваться нигилистическими уроками изъ романа. На этотъ фактъ указывало *Время* еще раньше Антоновича. Оно находило, что нигилизмъ рѣшительно ничего не сдѣлалъ для себя, не разъяснилъ даже своего міросозерцанія и не опредѣлилъ своего мѣста въ исторіи общественной мысли. Все сдѣлано его противниками, и особенно Тургеневымъ. Именно онъ «изобразилъ живьемъ, съ кровью и плотью, представителя, образцоваго члена загадочной толпы. Мнѣнія и чувства этого представителя были превосходно сгруппированы и доведены до возможной отчетливости и гармоніи. Въ довершеніе всего Тургеневъ открылъ и создалъ самое трудное: онъ угадалъ имя этого человѣка, онъ назвалъ его нигилистомъ» [41]).

Антоновичъ, слѣдовательно, не открывалъ Америки, и Писаревъ, подчиняясь художественному образу, проявлялъ только сущность своей природы, а вовсе не становился въ положеніе случайнаго компилятора. Онъ, по справедливому замѣчанію Герцена, дѣйствовалъ до наивности откровенно, но въ его дѣйствіяхъ заключался извѣстный психологическій и культурный смыслъ. Въ вылазкѣ Антоновича не было ничего, кромѣ личной злобы и непостижимаго непониманія совершенно яснаго предмета. И эти же мотивы критикъ положилъ въ основу своей полемики съ *Русскимъ Словомъ*.

Онъ не могъ или не хотѣлъ понять *органическую* связь Писарева, какъ личности, и Базарова, какъ извѣстнаго типа. Онъ сосредоточилъ все свое вниманіе на исключительно полемической цѣли, т. е. на внѣшней сторонѣ вопроса, притомъ совершенно извращеннаго собственнымъ толкованіемъ. Базаровъ—злостная каррикатура, а Писаревъ рабская копія съ нея: таковъ смыслъ многочисленныхъ страницъ, исписанныхъ Антоновичемъ за все время полемики. Онъ предоставлялъ автору полное раздолье по части все того же поносительнаго словаря, и погоня за энергіей и крѣпостью формы отодвинула на послѣдній планъ сущность разногласія.

Современникъ безповоротно увѣровалъ, что поклонники Базарова и тургеневскаго таланта только «вислоухіе», «дѣти» и «юрод-

---

[41]) *Время*, 1863, январь, ст. о комедіи О. Устрялова *Слово и дѣло*,—И. Косицы.

ствующіе», больше ничего; *Русское Слово* не стерпѣло удара, хотя бы совершенно безсмысленнаго, и закусило удила. На Антоновича посыпался градъ соотвѣтственныхъ эпитетовъ, въ журнальной атмосферѣ стонъ стоялъ отъ брани и чисто личныхъ препирательствъ. *Современникъ* заявлялъ, что онъ «принялъ за правило наказывать всякую литературную ракалію тѣмъ же орудіемъ, которымъ она сама согрѣшаетъ», а *Русское Слово* усерднѣйше соревновало сопернику и станъ нигилистовъ на цѣлые мѣсяцы превратился въ своего рода гладіаторскую арену.

А между тѣмъ, у обѣихъ сторонъ были безусловно принципіальные поводы спорить и взаимно оправдываться. Писаревъ, по всей справедливости, могъ бы взять на себя оцѣнку таланта и направленія Тургенева. Вмѣсто того, чтобъ опровергать Бѣлинскаго и разносить Пушкина, онъ могъ бы съ точки зрѣнія реальной критики *перерѣшить* вопросъ о Тургеневѣ, остававшійся открытымъ для критиковъ всѣхъ направленій и эстетическаго, и нигилистическаго. Но Писаревъ предпочелъ даже отказаться отъ собственныхъ воззрѣній на Базарова, вступить съ самимъ собой въ рѣзкое противорѣчіе, критическое отношеніе къ герою смѣнить на восторженный культъ. Въ смѣнѣ не было ничего искусственнаго и притворнаго, Писаревъ оставался по-прежнему искреннимъ и увлеченнымъ, но въ ущербъ спокойному проникновенному мышленію. И Антоновичъ получилъ возможность дѣлать параллели и сопоставленія прежнихъ и позднѣйшихъ взглядовъ *Современника* на Базарова и отчасти на Тургенева [42]).

Все это производилось отнюдь не съ цѣлью уяснить вопросъ, представить анализъ психологіи героя и его критика, а исключительно ради пущаго униженія враждебнаго журнала. Писаревъ съ своей стороны, доискивался, читалъ ли редакторъ *Современника* романъ Тургенева до статьи Антоновича объ Асмодеѣ? По соображеніямъ Писарева, не читалъ и «г. Антоновичъ обманулъ довѣріе». Антоновичъ немедленно возопилъ о «пошлой выдумкѣ» и «злонамѣренной клеветѣ» и постарался доконать врага всяческими средствами.

На сцену выступилъ уже вообще Писаревъ, какъ человѣкъ, и его сильнѣйшій авторитетъ—Благосвѣтловъ. Его признанія на счетъ ранняго невѣжества и неразвитія, письмо его матери объ его зависимости отъ поученій и руководства Благосвѣтлова—все это пущено въ ходъ съ самыми откровенными поясненіями и толкованіями. Искренность Писарева, а, можетъ быть, и нѣкоторая рисовка въ изображеніи своихъ школьныхъ испытаній и удручающей незрѣлости ума въ гимназіи и въ университетѣ, сослужили драгоцѣнную службу *Современнику*: «реалистъ» былъ поднятъ

[42]) *Современникъ*. 1865, апрѣль. *Русская литература*, 304 etc.

на смѣхъ, какъ существо едва вмѣняемое и до жалости ограниченное. А дальше подъ руку подвернулся Благосвѣтловъ, и здѣсь уже окончательно потонули всѣ принципіальные вопросы въ «черной» и «бѣлой» грязи. Такое распредѣленіе сдѣлано Благосвѣтловымъ для характеристики своихъ разнообразныхъ непріятелей изъ *Отечественныхъ Записокъ* и *Современника*. Характеристика, вполнѣ примѣнимая къ самому *Русскому Слову*.

Благосвѣтловъ бился съ открытымъ лицомъ, Антоновичъ подъ забраломъ Посторонняго сатирика. Это emploi Антоновичъ посвятилъ преимущественно издателю *Русскаго Слова* и цѣлый рядъ статей подъ названіемъ *Литературныя мелочи*. Статьи чрезвычайно обширныя, запальчивыя, безпрестанно утрачивающія литературную форму и украшаемыя бранью, намеками и совершенно откровенными нападеніями на частныя дѣла противника. Вся цѣль обоихъ соратниковъ наговорить возможно больше «поносныхъ словъ» въ глаза другъ другу, и цѣль блистательно достигается. Антоновичъ изъ силъ выбивается доказать, что не его назвали лукошкомъ, а онъ назвалъ Благосвѣтлова бутербродомъ, и что онъ никогда не назоветъ издателя «съ крайней безсовѣстностью» душкой и милашкой, что онъ раскроетъ всю подноготную Благосвѣтлова и повѣдаетъ міру, какъ онъ вдругъ сдѣлался издателемъ журнала и вообще что онъ праздношатающійся шалопай.

Противная сторона также не постѣснится по части военныхъ пріемовъ. Рядомъ съ Антоновичемъ къ слѣдствію будетъ привлеченъ также издатель *Современника*, публика узнаетъ, что этотъ издатель проигрываетъ въ карты деньги своихъ подписчиковъ, заводитъ псовыя охоты. Въ отвѣтъ Антоновичъ сообщитъ, что у Благосвѣтлова имѣются, по слухамъ, двѣ кошки и что у него «прошедшее» самое позорное, у него—графскаго прихлебателя и лакея...

Какое впечатлѣніе подобная литература могла производить на публику? Едва ей удавалось услышать одно-два общихъ замѣчанія, какъ ее немедленно привлекали къ судебному процессу и заставляли присутствовать при перемываніи грязнаго литераторскаго бѣлья. Она могла, повидимому, разсчитывать поучиться у *Современника*, какъ слѣдуетъ смотрѣть на реальную критику, какой практическій смыслъ заключенъ въ книгѣ Чернышевскаго и какія преступленія совершаетъ Писаревъ въ качествѣ разрушителя эстетики?

Обязанность въ высшей степени не хитрая—раскрыть увлеченія и ошибки критиковъ-дѣтей, и *Современникъ* подходилъ совсѣмъ близко къ рѣшенію этой задачи. Онъ брался защищать Добролюбова, желалъ доказывать «лже-реализмъ» *Русскаго Слова*, стремился выставить въ забавномъ свѣтѣ войну Писарева съ эстетикой, но только брался, желалъ, стремился... Въ результатѣ ничего не выходило поучительнаго, заслуживающаго признательности читателей. Защита Добролюбова сводилась къ оправданію

его взгляда на Катерину Островскаго, улика въ лже-либерализмѣ переходила въ брань на Тургенева и *Отцовъ и дѣтей*, покушенія на эстетическое варварство Писарева закончились обвиненіемъ того же критика за его отзывъ о тургеневскомъ романѣ, за «непониманіе самыхъ ясныхъ вещей», т. е. будто Тургеневъ—Аскоченскій, а Базаровъ—Асмодей...

Очевидно, критикъ *Современника* оказывался прямо неправоспособнымъ вести литературную полемику съ *Русскимъ Словомъ* даже на самой для себя благодарной почвѣ. Его ежеминутно обуревалъ неукротимый забіяческій азартъ и на десяткахъ его бойкихъ страницъ можно найти едва нѣсколько строкъ дѣйствительно идейной работы мысли. Мы можемъ указать собственно только на одно цѣнное мѣсто среди всѣхъ критическихъ и фельетонныхъ нашествій Антоновича на *Русское Слово*, именно указаніе, что *Мертвыя души* и *Ревизоръ* принесли обществу несомнѣнно осязательную пользу. Антоновичъ желалъ сказать, что эти художественныя произведенія полезнѣе реалистическихъ статей Писарева и Зайцева. Мысль правильная и, при всей своей непосредственности, очень почтенная въ эпоху писаревскихъ гоненій на эстетику. Весьма кстати также обобщалъ Антоновичъ отдѣльные факты и указывалъ на искусство, какъ на драгоцѣнное средство распространять идеи.

Все это неопровержимо, но, къ сожалѣнію, столь разумныя соображенія высказывались крайне рѣдко, потомъ не принадлежали изобрѣтателю Асмодея и, наконецъ, уснащались попутно исключительно личной бранью и, слѣдовательно, утрачивали свою нравственную цѣну и авторитетность.

Такими средствами боролся Антоновичъ и со всѣми другими противниками, съ тѣми, кто на языкѣ *Русскаго Слова* именовался сплошь «журнальнымъ стадомъ».

Отечественныя Записки стояли здѣсь на первомъ планѣ. Для Антоновича онѣ означали сіамскихъ близнецовъ: Кра-ев-скаго и Ду-дыш-кина, и уже самыя эти фамиліи казались ему нестерпимо позорными звуками. Корыстолюбіе и проходимство Краевскаго не сходятъ со страницъ *Современника*: недобросовѣстность, лживость, безсовѣстность, обманъ, крики объ увеличеніи издержекъ на изданіе журнала—все это обычные метательные снаряды Антоновича противъ близнецовъ. Бросаются они опять, повидимому, ради идеи: Антоновичъ стремится защитить Бокля, Чернышевскаго и Милля, но въ результатѣ для всѣхъ этихъ почтенныхъ именъ несравненно было бы выгоднѣе не имѣть подобнаго защитника. Безпристрастный читатель могъ заключить: плохи, должно быть, дѣла авторитетовъ *Современника*, если для возстановленія ихъ

[43]) *Современникъ*. 1865. іюль. *Русская литература*. 87 etc.

чести требуется такой обширный ругательный словарь и такія беззастѣнчивыя экскурсіи въ область личныхъ дѣлъ враговъ [44]).

Но самый пышный вѣнокъ Антоновичъ сплелъ себѣ въ полемикѣ съ Достоевскимъ. Гнѣвъ вызвала *Эпоха* памфлетомъ на расколъ въ *Современникѣ* и насмѣшками надъ Щедринымъ. Памфлетъ явился безъ подписи, Антоновичъ узналъ автора Ѳедора Достоевскаго и написалъ статью *Стрижамъ—посланіе оберъ-стрижу, господину Достоевскому*. О тонѣ статьи можно судить по обращенію: «Вы оберъ-стрижъ, птица... виноватъ... человѣкъ болѣзненный и больной... Статья ваша точно докторомъ вамъ прописана, по рецепту, и докторъ-то вашъ, видно, такая же «дуракова плѣшь»! Статья ваша пахнетъ аптекой, гофманскими каплями, уксусомъ и лавровишневой водой»...

Дальше слѣдовало изображеніе писателей *Эпохи*, между прочимъ, Аполлона Григорьева подъ именемъ Бельведерскаго. Портретъ его характеризуетъ вообще остроуміе Посторонняго сатирика и, благодаря именно своей откровенности, избавитъ насъ отъ дальнѣйшаго знакомства съ сатирами этого автора.

«Бельведерскій 24 раза испускалъ необыкновенную отрыжку и затѣмъ 5 разъ плюнулъ усиленнымъ и напряженнымъ манеромъ, потому что слюна его была очень густа, прилипала къ языку и губамъ и не отлетала по воздуху прочь, какъ бываетъ обыкновенно, а повисала на усахъ и бородѣ»...

Антоновичъ, видимо, усиливался побить враговъ самыми чувствительными подробностями изъ ихъ личной жизни: нервной болѣзнью—Достоевскаго и пристрастіемъ къ выпивкѣ—Григорьева.

Эпоха горько обидѣлась и обратилась къ публикѣ съ жалобой на столь необыкновенный способъ разрѣшать литературные вопросы. Антоновичъ отвѣтилъ новой статьей *Стрижи въ западнѣ—истинное происшествіе*. Западня означала очень хитрую штуку: Антоновичъ брался доказать, что его посланіе составлено по рецепту *Эпохи*, т. е. вся брань заимствована у журнала Достоевскаго. Для доказательства приводились длинныя параллельныя сопоставленія. Изъ нихъ было ясно, что Достоевскій также не стѣснялся въ эпитетахъ—въ родѣ «шавки лающей и кусающейся» по адресу Щедрина. Но еще яснѣе оказывалось, что Антоновичъ далеко оставилъ за собой своего соперника и по части эпитетовъ, и по части слуховъ и сплетенъ. Изъ воображаемой смѣхотворной сцены у Достоевскаго о волненіяхъ критика *Современника* при чтеніи статьи *Эпохи* у Антоновича вышло совсѣмъ не воображаемый и не смѣхотворный укоръ больного въ его болѣзни, и никакія параллели не могли оправдать разыгравшагося фельетониста въ постыдной личной выходкѣ противъ автора *Записокъ*

---

[44]) *Современникъ*. 1865, февраль. *Русская литература*.

изъ мертваго дома. Не могъ же веселый сатирикъ не знать его біографіи и смысла его недуга! И врядъ ли самыя радикальныя идеи могли когда-либо смыть это пятно съ литературной физіономіи двадцати-восьми-лѣтняго публициста! [45]).

Впрочемъ, вопросъ о какихъ бы то ни было положительныхъ идеяхъ Антоновича—и въ его подлинномъ образѣ, и въ образѣ Посторонняго сатирика—въ высшей степени темный. Въ критикѣ *Асмодей*—самое крупное его произведеніе, а публицистика переполнена извѣстными намъ образчиками полемическаго жанра. *Современникъ* послѣ смерти Добролюбова не внесъ въ русскую критику ни одной идеи, ни одного факта, заслуживающихъ исторической памяти. Участіе Антоновича создало пропасть въ славныхъ преданіяхъ журнала и покровительствовать подобной молодой силѣ со стороны Чернышевскаго было такимъ же практическимъ грѣхомъ, какой знаменитый публицистъ совершилъ въ теоріи статьей *Антропологическій принципъ.* И оба грѣха привели къ одинаково печальнымъ результатамъ. Статья наплодила задорныхъ метафизиковъ-матеріалистовъ, въ теченіе двухъ-трехъ часовъ постигавшихъ всѣ тайны жизни, покровительство осудило журналъ на многолѣтнее безплодное, въ полномъ смыслѣ нелитературное забіячество. И Некрасовъ могъ привѣтствовать свою рѣшимость—избавиться навсегда отъ такого сотрудничества,—какъ истинный актъ здраваго смысла и гражданскаго долга.

И все-таки, какъ бы ни была пустопорожня литературная дѣятельность критика *Современника*, она второстепенное явленіе эпохи. Все буйство Антоновича кажется чисто школьнической шалостью, сравнительно съ отрицательнымъ содержаніемъ критики и публицистики *Русскаго Слова.* Антоновича быстро забыли его же читатели и въ настоящее время только историческая точность и полнота заставляетъ насъ заниматься этимъ героемъ. Не такова судьба Писарева и его сподвижниковъ. Съ ихъ именами неразрывно обычное представленіе о шестидесятыхъ годахъ. Врядъ ли кто когда-либо рѣшится издать сочиненія Антоновича, а Писаревъ числится едва ли не среди *обязательныхъ*, въ извѣстномъ смыслѣ, классическихъ авторовъ. Рѣдкая участь! И вотъ она-то налагаетъ исключительную отвѣтственность на писателя. На Посторонняго сатирика можно указать и пройти мимо, съ Писаревымъ совершенно немыслимо подобное обращеніе. Онъ подлежитъ строгому и всестороннему суду, и не только Писаревъ, какъ отдѣльная личность, а какъ представитель извѣстнаго направленія, вліятельнаго органа печати, вдохновитель другихъ, менѣе одаренныхъ или болѣе скромныхъ. *Современникъ* черпалъ свою общественную силу не въ статьяхъ Антоновича: его первостепенными двигателями и

[45]) *Современникъ.* 1864. іюль, сентябрь.

украшеніями были Некрасовъ, Островскій, Щедринъ. Предъ этими именами, особенно предъ именемъ Некрасова, Антоновичъ являлся артистомъ на вторыя или даже третьи роли, и Некрасову не трудно было замѣнить его въ *Отечественныхъ Запискахъ.*

Другое положеніе *Русскаго Слова.*

Ни одного крупнаго художественнаго таланта. Беллетристика представляется какими-то вѣчными незнакомцами и подающими надежды юными талантами. Въ настоящее время всѣ эти имена не вызываютъ у читателя никакихъ представленій: рѣка забвенія поглотила ихъ безвозвратно. Исключеніе одинъ Г. И. Успенскій и отчасти Рѣшетниковъ.

Весь блескъ журнала сосредоточенъ на критикѣ. Писаревъ и Зайцевъ—звѣзды первой величины въ редакціи *Русскаго Слова,* за ними сіяютъ менѣе яркимъ, но для публики столь же привлекательнымъ свѣтомъ—экономистъ Соколовъ и популяризаторъ Шелгуновъ. Его компиляціи написаны не столь живымъ и энергическимъ языкомъ, какъ статьи Писарева, но онѣ занимаютъ въ журналѣ очень много мѣста; онъ, очевидно, цѣнный и необходимый сотрудникъ, хотя бы по своей искренней вѣрѣ въ реальную мысль, опытную науку и по своему горячему стремленію просвѣщать толпу, быть ей полезнымъ и нравственно-близкимъ. Но всѣ эти dii minores преклонялись предъ Писаревымъ, какъ властной и неотразимой силой. Писаревскій духъ вѣялъ надъ *Русскимъ Словомъ.* Предварительно вдохновленный Благосвѣтловымъ, «реалистъ» самъ превратился въ вдохновителя и вождя, прежде всего благодаря своему литературному таланту.

Этотъ талантъ долженъ былъ глубоко и мучительно волновать товарищей Писарева, и еще больше его соперниковъ. Писаревскій жанръ неизбѣжно становился классическимъ не только для своего времени. Русская публицистика въ теченіе очень многихъ лѣтъ будетъ обнаруживать присутствіе писаревской манеры и доказывать прочность реалистическихъ преданій. Подражатели и послѣдователи долго не переведутся и послѣ смерти главнаго героя, не исчезнутъ окончательно даже до послѣднихъ дней. Такой непреодолимый соблазнъ таится въ героическомъ писательствѣ «самаго послѣдовательнаго» русскаго реалиста!

Естественно, рядомъ съ Писаревымъ пышнымъ цвѣтомъ разцвѣтали однородные таланты, усердно соревнуя образцу и, какъ это всегда водится съ подражателями, воплощая его недостатки въ вящей степени.

Таковъ именно талантъ — Варѳоломей Александровичъ Зайцевъ, въ свое время чрезвычайно громкое имя и, несомнѣнно, достойное вниманія исторіи, какъ имя одного изъ самыхъ породистыхъ птенцовъ писаревскаго гнѣзда. **Ив. Ивановъ.**

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

КАРАНДАШОМЪ СЪ НАТУРЫ.

(Изъ путешествія вокругъ свѣта чрезъ Корею и Манджурію).

9-го іюля 1898 г.

Съ петербургскимъ курьерскимъ поѣздомъ сегодня утромъ мы прибыли въ Москву.

Сегодня же съ прямымъ сибирскимъ поѣздомъ мы выѣхали изъ Москвы.

Нашъ путь далекій: чрезъ всю Сибирь, чрезъ Корею и Манджурію до Портъ-Артура. Оттуда чрезъ Шанхай, Японію, Сандвичевы острова, Санъ-Франциско, Нью-Іоркъ, чрезъ Европу обратно въ Петербургъ.

Главная цѣль путешествія — Портъ-Артуръ и устройство въ немъ дока для одного изъ петербургскихъ судостроительныхъ заводовъ. Передъ самымъ отъѣздомъ явилось еще одно предложеніе со стороны нѣсколькихъ крупныхъ московскихъ фирмъ—ознакомиться съ производительностью мѣстъ между Владивостокомъ и Портъ-Артуромъ. Я съ величайшимъ удовольствіемъ вмѣстѣ съ своими товарищами принялъ это попутное для меня предложеніе посѣтить Корею и Манджурію и посмотрѣть, что тамъ дѣлается.

Все остальное путешествіе представляетъ изъ себя дневникъ самаго зауряднаго туриста, который сидитъ у окна вагона или на перекладной, или на палубѣ парохода, смотритъ, слушаетъ окружающихъ, читаетъ. Это отдыхъ отъ работы, это впечатлѣніе настроенія даннаго мгновенія.

Я могъ сдѣлать такое путешествіе и дѣлюсь впечатлѣніями съ тѣми, кто почему-либо сдѣлать его не могъ.

Насъ ѣдетъ нѣсколько человѣкъ.

Андрей Платоновичъ С., это сосредоточенный, лѣтъ 30 блондинъ, широкоплечій, сильный, выше средняго роста, малороссъ.

Николай Евстигнѣевичъ Б.—молодой, лѣтъ 22, съ голубыми глазами, тихими и задумчивыми.

Иванъ Николаевичъ А.—докторъ, необходимый членъ всякой экспедиціи. Это совсѣмъ еще молодой ученый. Мы вызвали его изъ-за границы, гдѣ онъ занимался своей спеціальностью—хирургіей.

Онъ пріѣхалъ съ солиднымъ ящикомъ разныхъ операціонныхъ инструментовъ. Жутко смотрѣть на нихъ: кому-то понадобятся они?

Докторъ подвиженъ, веселъ и прекрасно поетъ. Мы уже поднесли ему гитару.

Подъ вечеръ онъ поетъ подъ нея свой богатый репертуаръ пѣсенъ, а мы слушаемъ, любуясь заходящимъ солнцемъ, съ щемящимъ сердцемъ уносясь все дальше и дальше отъ дорогихъ и милыхъ лицъ...

А то разсказываетъ онъ намъ про свои заграничныя впечатлѣнія, гдѣ, проживъ семь мѣсяцевъ и съ переѣздами истративъ всего 700 руб., за это время успѣлъ изъѣздить Швейцарію, Италію, южную Австрію, изучить французскій и итальянскій языки.

Онъ, конечно, не роскошествовалъ: ѣздилъ въ третьемъ классѣ, съ вокзала самъ носилъ свой маленькій чемоданъ и, останавливаясь передъ отелемъ, говорилъ:

— Вы видите, мнѣ не составитъ труда пройти и дальше, поэтому не запрашивайте и говорите рѣшительную и самую дешевую цѣну за номеръ. И съ него брали лиру *), много полторы за номеръ.

Такъ жилъ онъ, пѣлъ свои пѣсни, дружилъ съ рабочими, художниками, товарищами, студентами и студентками, занимался въ клиникахъ, когда вдругъ получилъ нашу телеграмму слѣдующаго содержанія: «за 4—5 мѣсяцевъ вокругъ свѣта вамъ предлагаютъ 5 тыс. руб. Дорога на вашъ счетъ».

— Дорога? Это туда и обратно 1.200—1.500 р. Ѣду, конечно.

И въ тотъ же день онъ выѣхалъ.

Докторъ показываетъ намъ свои покупки: сапоги 10 р. (съ сильнымъ запахомъ), куртка 7 р.

— Но почему же 7?—обижается А. П.,—я тоже дешево покупалъ и торговался и заплатилъ 9 р.

— Вы гдѣ покупали? Въ магазинѣ? А я узналъ, кто ихъ шьетъ: нашелъ и купилъ за 7 р.

Докторъ киваетъ головой, нахлобучиваетъ свою итальянскую, съ широкими полями, шляпу на глаза и прогуливается передъ А. П., то подмигивая, то ухарски закручивая усы.

— Вотъ какъ у насъ.

— Дѣйствительно,—смущенно ретируется А. П.,—ловко это у васъ...

Слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ нашемъ попутчикѣ до Владивостока Н. А., симпатичномъ влюбленномъ въ свое дѣло специалистѣ.

11-го іюля.

Сегодня Самара—моя злополучная родина.

Опять неурожай и мнѣ сообщаютъ печальныя подробности. Въ общемъ ожидается такой же, какъ и 91 годъ.

---

*) Лира въ Италіи 37 к.

Память о немъ читаешь на испуганныхъ лицахъ встрѣчающихся крестьянъ.

Итоги урожая на лицо: мелкорослые, чахоточные, занесенные пылью хлѣба мелькаютъ въ окнахъ. Уже кое-гдѣ приступили къ ихъ уборкѣ. Скоро кончится жатва и потянется длинная пустая осень среди черныхъ полей. Кончится осень и бѣлымъ саваномъ покроется земля. Тамъ за сугробами снѣга исчезнутъ всѣ эти испуганныя крестьянскія лица, будутъ сидѣть тамъ въ своихъ задымленныхъ логовищахъ, въ смрадѣ и голодѣ до тѣхъ дней, когда снова растворятся ворота мастерской, когда снова они, оголодалые, истощенные и изнуренные съ такой же скотиной примутся опять за свое пустое дѣло.

«Пустое дѣло»—слова теперешняго моего сосѣда, одного мѣстнаго дѣятеля.

Вѣрнѣе—бывшаго дѣятеля. Онъ ярко блеснулъ было, но скоро сталъ въ разрѣзъ и съ мѣстной обывательской буржуазной жизнью, и съ господствующими у насъ воззрѣніями интеллигентной части общества.

Онъ говоритъ и голосъ его звучитъ такъ же уныло, какъ вѣтеръ въ трубѣ.

Онъ говоритъ, какъ заученный и въ то же время намозолившій ему самому языкъ, урокъ:

— Міровые конкурренты сбили цѣны,—въ урожайный годъ хлѣбъ не оправдываетъ больше расходовъ примитивнаго производства, а въ голодный, въ силу тѣхъ же примитивныхъ условій, въ тридорога обходится доставляемый хлѣбъ... Все такъ ясно и кто этого не знаетъ? Мы теперь вѣдь все знаемъ... Но пусть въ Америкѣ будетъ девизъ: «кто силенъ, кто способенъ, кто любитъ дѣло», зато у насъ—община. Сильный везетъ слабаго, неспособнаго, ненавидящаго до вѣчнаго пьянства свое дѣло. И если разорившійся крестьянинъ и разорившійся помѣщикъ коммерческое дѣло превращаютъ въ ерунду, если гибнетъ и сильный, и слабый, если собственникъ живетъ въ такой нечеловѣческой обстановкѣ, какую въ Америкѣ самый слабый неимущій не пожелаетъ и псу своему, то что намъ? Форма, звукъ нашихъ словъ дороже всего намъ... Да не удержать все-таки... Жизнь, сама жизнь порветъ всѣ путы... А эта жизнь, несмотря на всѣ голодовки, идетъ впередъ...

Съ размаху останавливается поѣздъ у станціи, мой сосѣдъ озабоченно вскакиваетъ и, стоя у окна своего вагона, я уже вижу его сгорбленную фигуру на станціонномъ дворѣ у плетушки.

Дальше мчится поѣздъ, и опять поля,—изможденныя, чахлыя, какъ больной въ послѣднемъ градусѣ чахотки.

13-го іюля.

Въ окнѣ вагона Уфимская губернія съ ея грандіозными работами Уфа-Златоустовской желѣзной дороги, съ ея башкирами, лѣсами и желѣзными заводами.

Какъ змѣя извивается поѣздъ и съ высоты обрывовъ открывается безпредѣльная даль долинъ Бѣлой, Уфы, Сима, Юризани съ панорамой синеватой мглой покрытыхъ лѣсистыхъ, вѣчно зеленыхъ горъ Урала.

Въ этой мглистой синевѣ щемящій и захватывающій просторъ, покой и тишина.

Въ этихъ таинственныхъ лѣсныхъ дебряхъ, въ сумрачной тьмѣ ихъ прячется фанатикъ отшельникъ, бродяжка, прятался прежде дѣлатель фальшивыхъ денегъ.

И здѣсь, и въ Сибири эти запрятанные въ дебряхъ дѣлатели фальшивыхъ денегъ положили основаніе многимъ крупнымъ состояніямъ, получая сами въ награду всегда смерть,—отъ ножа ли, отъ удара ли топоромъ сзади или во снѣ, а то дверь одинокой кельи, мастерская несчастнаго мастера,—подопрутъ снаружи, обложатъ келью соломой и зажгутъ солому...

— О какой перекосъ! О какъ страшно! А смотрите, смотрите, совсѣмъ нависла та гора: вотъ, вотъ полетятъ оттуда камни... Ничего хуже этой дороги я не знаю... А вотъ на ровномъ мѣстѣ зачѣмъ понадобились всѣ эти извороты... мошенничество очевидное, чтобъ больше верстъ вышло... Вѣдь они, всѣ эти инженеры, какъ-то отъ версты у нихъ: чѣмъ больше верстъ... понимаете? Ужасно, ужасно...

— Но, помилуйте, это образцовая дорога. Поразительная техника, смѣлость пріемовъ.

— Вы, вѣроятно, тоже инженеръ?

— Д-да.

Веселый смѣхъ.

Вотъ и участокъ моего пріятеля. Одинъ изъ самыхъ трудныхъ.

Какъ рѣдкіе зубы старой вѣдьмы, торчатъ надъ пропастью сѣрыя скалы и, словно приклеенный вьется тамъ въ высотѣ желѣзнодорожный путь по рѣкѣ Юризани.

Зато выброшены громадныя работы: тоннель, два моста. Сколько денегъ удалось ему съэкономить казнѣ и сколько непріятностей получить за это.

А еслибъ онъ вдругъ явился здѣсь и сказалъ этому извѣрившемуся обществу:

— Господа, это я строилъ...

Весьма возможно, что кто-нибудь спросилъ бы его:

— И сколько въ карманъ положили себѣ?

Благопріятныя условія для дѣятельности.

Жаль дѣятеля, но еще больше жаль общества.

Не я обвиняю его, потому что я понимаю его...

Желѣзнодорожное дѣло—дѣло коммерческое прежде всего. И если и при такихъ условіяхъ инженеры умудряются дѣлать изъ него тайну, то общество въ правѣ не довѣрять этой тайнѣ.

Скажутъ: а контролеръ? Но вѣдь рѣчь не о контролерѣ, къ тому же несвѣдущемъ неспеціалистѣ, котораго легко всякій спеціалистъ обманетъ, а объ обществѣ.

Я помню время постройки этой дороги: масса рабочихъ, оживленіе, жгучіе вопросы мгновенія...

Міръ постройки такой своеобразный, напряженный, больной міръ...

Нигдѣ, какъ здѣсь, въ этомъ мірѣ не вырисовываются такъ ярко контрасты души человѣческой—алчный дѣлецъ, смѣющійся цинично надъ всѣмъ святымъ, фанатикъ-идеалистъ съ безумной отвагой донъ-кихота ратующій за общественное достояніе, и рѣшитель дѣлъ—чиновникъ, блюститель буквы закона, своей награды, своего я.

Это «я» у всѣхъ впрочемъ.

Идеалистъ строитель, ратуя объ общественномъ дѣлѣ, кричитъ:

— Это я.

Чиновникъ рѣшитель, ужъ этимъ однимъ оззленный, властно кричитъ:

— Я.

Дѣлецъ—тонкій психологъ за вырванный кусокъ шепчетъ злорадно:

— Я жъ тебѣ!

И когда тотъ, кто вырвалъ, платится, какое торжество злыхъ чувствъ.

Но все исчезло, какъ дымъ, какъ сонъ и нѣтъ былого оживленія постройки, отлетѣли больныя души и въ другихъ мѣстахъ уже рвутъ себя и другихъ, и снова тихо здѣсь, какъ прежде.

А тамъ, межъ синихъ горъ орелъ паритъ и тянетъ вдаль...

Поѣздъ гулко мчится и притихли навѣки загадочными сфинксами залегшія здѣсь насыпи-гиганты, темныя, какъ колодцы, выемки, мосты и отводы рѣкъ... Смирились камнемъ и цементомъ скованныя рѣки,—не рвутся больше и только тихо плачутъ, тамъ внизу, о былой свободѣ.

А въ окнахъ все тѣже башкирскіе лѣса—въ долинахъ ободранныя отъ коры береза и липа, на горахъ—сосна и лиственница; тѣже вымирающіе башкиры.

Вотъ знакомая станція Мурсалимкино.

Здѣшнихъ башкировъ лѣса уже не башкирскіе теперь.

Эту новость сообщаетъ мнѣ на платформѣ группа знакомыхъ крестьянъ деревни Вязовой.

А башкиры смущенно, но упрямо стоятъ на своемъ:

— Наши лѣса...

— Ваши, такъ почему-же,—раздраженно возражаютъ имъ крестьяне,—казенные полѣсовщики?

— Чтобъ никто не воровалъ,—отвѣчаютъ не совсѣмъ увѣренно башкиры.

— Да вѣдь воры-то кто здѣсь, какъ не вы? Первые воры и жулики... Палецъ объ палецъ не ударитъ: «я дворянинъ», а свести ло-

шадь, да въ котлѣ сварить—первое его дворянское дѣло, сколько ты его ни корми и ни пои.

Смущенные худые башкиры спѣшатъ уйти отъ насъ, а Василій, мой ямщикъ когда то, продолжаетъ съ той же энергіей:

— Землю на пять лѣтъ сдастъ, а уже зимой опять идетъ: дай чаю, дай хлѣба, дай денегъ... «Да вѣдь ты всѣ деньги взялъ уже?».—Ну, снимай еще на пять лѣтъ впередъ... Чего же станешь дѣлать съ нимъ? И снимаешь...

— Дорого?

— Да вѣдь какъ придется... Ужъ, конечно, за пять лѣтъ впередъ больше двугривеннаго за десятину не приходится платить.

Я смотрю въ веселые глаза говорящаго со мной Василія.

— Худого вѣдь нѣтъ,—говорю я ему.

Василій усмѣхается довольно:

— Да вѣдь не былобъ, коли-бъ другой народъ былъ...

— Васъ-то, русскихъ, много теперь?

-- Пятьсотъ въ нашей деревнѣ.

— Прибавилось за семь лѣтъ...

— Вотъ только эти хозяева донимаютъ...

— Выморите вѣдь ихъ скоро,—утѣшаю я.

— Дай Богъ скорѣе,—смѣется крестьянинъ, смѣются другіе окружившіе насъ крестьяне.

— А я, вотъ, слышалъ,—говорю я,—что у башкиръ землю отберутъ и изъ васъ и башкиръ одну общину сдѣлаютъ.

Лица крестьянъ мгновенно вытягиваются и перестаютъ сіять.

— Богъ съ ней и съ землей тогда: уйдемъ... Отъ своихъ ушли, а ужъ на башкиръ еще заставятъ работать... Уйдемъ, свѣтъ за очи уйдемъ...

— Но вѣдь башкиры тоже люди...

— Ахъ, господинъ хорошій, а мы кто? Довольно вѣдь мы и на барина, и на нашу бѣдноту поработали,—пора и честь знать. Въ этакой работѣ и путный обезпутится, а безпутный и вовсе изъ кабака не выйдетъ.

— Хоть путный, хоть безпутный,—дѣловито перебиваетъ другой,— а ужъ гдѣ нужно, къ примѣру сказать, тройку запречь, а онъ съ одной клячей—толковъ не будетъ... Хуже да хуже только и будетъ... Книзу пойдетъ. Онъ-те одной пашней загадитъ землю такъ, что безъ голоду голодъ выйдетъ... земля какъ жена—по рукамъ пошла, дрянью стала. Изъ за чего же ушли? Чего пустое говорить: отбилась земля, народъ отбился. На жертвенный хлѣбъ больше, какъ на урожай стали надѣяться. Люди башкиры, кто говоритъ... Всѣ люди, да не всякій къ землѣ годится. У другого топоръ самъ ходитъ, а я вотъ, золотомъ меня засыпь — не столяръ, хоть ты что.

— Это можно понять,—уткнувшись въ землю, поясняетъ третій.

— Вы вотъ здѣсь такъ говорите,—отвѣчаю я,—а въ Россіи скажи крестьянамъ, что общину уничтожатъ, разрѣшатъ продавать участки,—я думаю, они запечалились бы.

Свѣтлый блондинъ, неопредѣленныхъ лѣтъ носъ кверху, Василій задорно тряхнулъ кудрями:

— Такъ вѣдь съ чего же печалиться? Нужда придетъ, погонитъ—также уйдешь... Насъ погнало... Тридцать лѣтъ за землю платили,—кому досталось? На обзаведенье пригодились бы теперь денежки наши.. кровныя денежки отъ дѣтей отнимали, а чужимъ осталось.

Послѣдній звонокъ и я спѣшу въ вагонъ.

Тамъ, въ Россіи я не слыхалъ еще такихъ рѣчей, тамъ пока только мѣткія характеристики: «пустое дѣло», «безкорыстная суета».

14-го іюля.

На станціяхъ и въ вагонахъ то и дѣло встрѣчи съ горными инженерами, со многими изъ которыхъ во время прежнихъ своихъ путешествій я перезнакомился.

Все это радушный гостепріимный народъ, и когда вы попадаете къ нимъ на заводъ, они съумѣютъ васъ принять и накормить.

И инженеровъ, и заводовъ здѣсь очень много.

Желѣзные заводы Балашева, князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, Садкинскій, Златоустовскій, Киштымскій и десятки другихъ, ушедшихъ отъ дороги влѣво, на сѣверъ по Уралу.

— Оживила желѣзная дорога заводы?

— Да, конечно, она сократила расходы перевозки, дала возможность исполнять срочные заказы.

— Увеличила производство?

— Нѣтъ.

И мнѣ разсказываютъ то, что я уже слышалъ нѣсколько разъ и здѣсь, и на Уралѣ, и отъ людей заинтересованныхъ и не заинтересованныхъ.

Суть въ томъ, что при теперешнихъ пошлинахъ производство даетъ большую выгоду, не смотря даже на всю первобытность его.

Распорядки на заводахъ и до сихъ поръ со слѣдами временъ Екатерины II, съ громадными штатами и маленькимъ производствомъ. Самое большое годовое производство нашего завода равняется суточному производству заграничнаго завода... И понятно, какимъ тяжелымъ расходомъ ложатся здѣсь громадные штаты, администрація, воровство желѣза населеніемъ, разнаго рода непроизводительные расходы и пр., и пр.

Объ усиленіи производства при теперешнихъ условіяхъ и думать нечего, потому что топливо—лѣсъ, а онъ ограниченъ и вырубленъ.

Есть каменный уголь, но его надо добывать, тратить деньги на переустройство заводовъ, тогда какъ лѣсъ даровой, казенный. И по-

тому до времени уже разысканный уголь (я самъ видѣлъ на тайныхъ картахъ заводовъ) предпочитаютъ держать подъ спудомъ. Есть залежи и всѣмъ извѣстныя. Въ 20 верстахъ отъ станціи Богдановичъ (Пермь-Тюменской ж. д.) въ селѣ Егорьевскомъ громадная залежь этого угля, вполнѣ годнаго для работъ, вслѣдствіе послѣднихъ усовершенствованій металлургическаго дѣла. Тутъ же, близъ самой станціи Богдановичъ неисчерпаемыя залежи желѣзной руды съ 60 и больше % желѣза.

И несомнѣнно, пока каменноугольному производству не будетъ отдано энергичное предпочтеніе въ смыслѣ покровительства передъ древеснымъ, все здѣшнее желѣзное дѣло будетъ находиться въ условіяхъ, выгодныхъ только для данныхъ владѣльцевъ и ихъ рабочихъ, но убыточныхъ для всей остальной страны, такъ какъ только производство въ большихъ размѣрахъ можетъ повести къ существенному и столь необходимому для государства пониженію покровительства пошлинъ.

15-го іюля.

Все дальше и дальше. Вотъ и Сибирь... Челябинскъ...

Помню эти мѣста, гдѣ проходитъ теперь желѣзная дорога, въ 91 г., когда только производились изысканія.

Здѣсь въ этой ровной, какъ ладонь, мѣстности царила тогда Николаевская глушь,—полосатые шлагбаумы, желтые казенные дома, кувшинныя таинственныя чиновничьи лица, старинный судъ и весь распорядокъ Николаевскихъ временъ.

Тогда еще, какъ послѣдняя новость, сообщался разсказъ объ исправникѣ, который, скупивъ у киргизъ вѣтеръ, продавалъ киргизамъ же его за большія деньги (не позволяя вѣять хлѣбъ. молоть его на вѣтрянкахъ и пр., и пр.).

Я помню наше обратное возвращеніе тогда.

Была уже глубокая осень. Мы ѣхали по самому послѣднему колесному пути. По двѣнадцати лошадей впрягали въ нашъ экипажъ, и шагъ за шагомъ онѣ мѣсили липкую грязь: уѣхать 30 верстъ въ сутки было идеаломъ.

Надвигалась голодная зима 91 года и деревня за деревней, которыя мы проѣзжали, стояли наполовину съ заколоченными избами; это избы разбѣжавшихся во всѣ концы свѣта отъ голодной смерти людей.

Рѣдкій крестьянинъ, торчавшій тогда у своихъ воротъ, имѣлъ жалкій растерянный видъ, провожая пустыми глазами насъ, послѣднихъ путниковъ.

Одинъ растерянно подошелъ къ нашему экипажу, когда мы выѣзжали изъ грязной околицы его деревушки.

— А вы постойте-ка...

Мы остановились.

— Вы чиновники? Это что жъ такое?

Такъ и замеръ этотъ крикъ, вопль, стонъ въ невылазныхъ лужахъ далекой Сибири.

Имъ не привозили хлѣба—это фактъ. Нечѣмъ было везти за сотни и тысячи верстъ. Подохла скотина отъ безкормицы и на оставшихся въ живыхъ, никуда не отшатившихся мужикахъ и бабахъ пахали они весной свою землю.

А теперь уже прошла здѣсь желѣзная дорога и мы мчимся въ вагонахъ. И въ какихъ вагонахъ: вагонъ-столовая, вагонъ-библіотека, ванная, гимнастика, рояль. Почти исчезаетъ впечатлѣніе утомительнаго при другихъ условіяхъ желѣзнодорожнаго пути. Тогда при проектировкѣ только дороги едва, едва натягивали 11 милліоновъ пудовъ возможнаго груза. Такъ и строили въ увѣренности, что не скоро еще дойдетъ дѣло до этихъ 11 милліоновъ пудовъ.

И въ первый же годъ 30 милліоновъ пудовъ.

Фактъ, съ одной стороны, очень пріятный, но съ другой—несомнѣнно, что дорога, въ теперешнемъ своемъ видѣ, совершенно несостоятельна.

И сколько, сколько еще не перевезеннаго груза въ одномъ Челябинскѣ.

16-го іюля.

Все та же ровная, какъ ладонь, степь, прямая по 150 верстъ, вода отвратительная до самой Оби. До Омска солоно-горькая, въ Барабинской степи—родина сибирской язвы—отвратительная на вкусъ и запахъ.

Тамъ и сямъ, около станцій уже видны поселки переселенцевъ. Конечно, пройди дорога южнѣе верстъ на двѣсти, она захватила бы болѣе производительный районъ и въ эти два, три года тамъ эти поселки успѣли бы уже разростись въ большія села.

Здѣсь же только сравнительно узкая полоса кое-гдѣ годна подъ посѣвы, все остальное налѣво къ сѣверу—тайга и тундры, направо верстъ на сто—солончакъ и соляныя озера.

Вотъ и Омскъ съ мутнымъ Иртышемъ.

Я сижу у окна и вспоминаю прежнія свои поѣздки по этимъ мѣстамъ.

Помню этотъ безконечный переѣздъ къ сѣверу внизъ по теченію Иртыша.

Иртышъ сѣрый, холодный, весь въ меляхъ. Ночи осеннія, темныя. Пароходъ грязный, маленькій.

На его носу однообразно выкрикиваетъ матросъ, измѣряющій глубину:

— Четыре! Три съ половиной! Три!..

И команда въ рупоръ:

— Тихій ходъ.

— Два съ половиной!

— Самый тихій ходъ.

— Два съ половиной... Три... Пять!.. Не маячитъ!.. Не маячитъ!..

— Полный ходъ.

— Два!?

— Самый тихій ходъ.

Поздно: пароходъ уже врѣзался съ размаху въ неожиданную мель, мы уже стукнулись всѣ лбами, и будемъ опять сидѣть нѣсколько часовъ, пока снимемся.

Мрачный контролеръ, нашъ тогдашній спутникъ, когда и водка вышла, упалъ совершенно духомъ и не хотѣлъ выходить изъ своей каюты.

— Сибирь вѣдь это,—звали его на палубу,—сейчасъ будемъ проѣзжать мѣсто, гдѣ утонулъ Ермакъ.

— Какая Сибирь,—мрачно твердилъ контролеръ,—и кого покорялъ здѣсь Ермакъ, когда и теперь здѣсь ни одной живой души нѣтъ.

И чѣмъ дальше, тѣмъ пустыннѣе и печальнѣе этотъ Иртышъ, а тамъ при сліяніи его съ Обью это уже цѣлое море мутной воды въ топкихъ тундрахъ того, что будетъ землей только въ послѣдующій геологическій періодъ.

Тамъ и въ іюнѣ еще голы деревья, тамъ вѣчное дыханіе Ледовитаго океана.

Иныя картины встаютъ въ головѣ, когда вспоминается Иртышъ къ югу отъ Омска.

Частыя богатыя станицы зажиточныхъ иртышскихъ казаковъ. Бѣленькіе домики, чистенькія, какъ зеркало, комнатки, устланныя половиками, съ расписанными печами и дверями. Рослый красивый народъ, крѣпкій патріархальный бытъ. Чувствуется сила, мощь, вѣетъ патріархальной стариной, своеобразной свободой и равенствомъ среди казаковъ.

Здѣсь югъ и яркія краски юга чувствуются даже зимой, когда земля покрыта снѣгомъ.

Что это за яркій снѣгъ и какими переливами играетъ онъ, когда солнце начинаетъ спускаться съ безбрежно голубого неба къ своему закату.

Тогда снѣжная даль отливаетъ всѣми цвѣтами радуги: тамъ она нѣжно лиловая, здѣсь зеленоватая, гдѣ выступаетъ жнива—окраска золота. Къ сѣверу потянулись холодные голубоватые тона и стальными переливами на горизонтѣ напоминаютъ уже безбрежную поверхность какого-то оледенѣвшаго моря. Къ западу еще богаче краски, еще ярче подчеркиваютъ красоту неба и земли. Небо кажется выше и весь куполъ его, вылитый изъ лазури, наполненъ искорками яркаго свѣта—золотистыми, бирюзовыми, нѣжно прозрачными.

Со скоростью двадцати четырехъ верстъ въ часъ по ровной, какъ скатерть, дорогѣ мчитъ васъ тройка, хотя и мелкорослыхъ, но поразительно выносливыхъ лошадей. Звонъ колокольчика сливается въ какой-то сплошной гулъ. Этотъ гулъ разливается въ морозномъ свѣжемъ воздухѣ и уже несется откуда-то издалека назадъ, напѣвая какія-то нѣжныя забытыя пѣсни, нагоняя сладкую дрему. Иногда разбудитъ вдругъ обычный дикій вопль киргиза-ямщика, съ головой, одѣтой въ характерную цвѣтную мѣховую шапку съ широкимъ хвостомъ сзади,—откроешь глаза и не сразу сообразишь и вспомнишь, что это иртышскихъ казаковъ сторона, что старается на облучкѣ работникъ казака—киргизъ.

Туда къ Каркалинску, тамъ самъ киргизъ хозяинъ.

Тамъ вгоняютъ въ хомуты (надо ѣздить съ своими хомутами, у киргизовъ ихъ нѣтъ), совершенно необъѣзжанныхъ лошадей, вгоняютъ толпой съ дикимъ рычаньемъ, наводящимъ звѣриный страхъ на лошадей, и когда дрожащія съ прижатыми ушами лошади готовы, вся толпа издаетъ сразу рѣзкій пронзительный вопль. Ошеломленные кони мнутся на мѣстѣ, взвиваются на дыбы, рвутся сперва въ стороны и, наконецъ все оглушаемые воплями, стрѣлой вылетаютъ въ единственный, оставляемый имъ среди толпы проходъ, по прямому направленію къ слѣдующему кочевью.

Такъ и мчатся они по прямой линіи, ни на мгновеніе не замедляя [illegible] а тѣмъ болѣе не останавливаясь.

[illegible]зъ стали,—конецъ, надо новыхъ лошадей.

Будь овраги, горы и гибель съ такими лошадьми неизбѣжна, но худосочная, солончаковатая степь ровна, какъ столъ, и нѣтъ опасности опрокинуться.

Хлѣбородна только полоса верстъ въ 15 у Иртыша, вся принадлежащая казакамъ.

Эта земля да киргизы—все основаніе экономическаго благосостоянія казака. Земля хорошо родитъ, киргизъ за безцѣнокъ обрабатываетъ ее.

Зависимость киргиза отъ казака полная.

И казакъ, не хуже англичанина, умѣетъ соки выжимать съ инородца. Но казакъ лѣнивѣе англичанина, онъ сибаритъ, не желаетъ новшествъ.

Казакъ здѣсь тотъ же помѣщикъ, а киргизъ его крѣпостной, получающій отъ своего барина хлѣбъ и работу.

Киргизъ при казакѣ забитъ, робокъ и больше похожъ на домашнее животное.

Очень полезное животное при этомъ и не для одного только казака, такъ какъ безъ киргиза эти солончаковатыя никуда негодныя степи пропали бы для человѣчества, тогда какъ киргизъ разводитъ тамъ милліоны скота и не только всю жизнь свою тамъ проводитъ, но и любитъ всей душой свою дикую голодную родину.

Одинъ киргизъ, ѣздившій на коронацію, говорилъ мнѣ:

*

— Много видалъ я городовъ, и земли, и людей, а лучше нашихъ мѣстъ что-то нигдѣ не нашелъ.

Зимой киргизы перекочевываютъ ближе къ населенной казаками полосѣ и строятъ тамъ свои временныя изъ земляного кирпича юрты-зимовки.

Скотъ же пасется на подножномъ корму, отрывая его ногами изъ снѣга.

Въ юртахъ темно, сыро, дымно и холодно. Есть, впрочемъ, и богатыя юрты, сдѣланныя срубами безъ крышъ, устланныя внутри коврами, увѣшанныя одеждами и звѣриными шкурами.

Иногда рядъ юртъ-зимовокъ составляетъ цѣлое село-зимовье.

Съ первыми лучами весенняго солнца киргизъ со своимъ скотомъ и запасами хлѣба откочевываетъ въ степь вплоть до китайской и даже за китайскую границу.

Часть же мужского населенія отправляется на все лѣто на звѣриную охоту въ горы.

Отправляются безъ всякой провизіи, съ своими ножами, ружьями и стрѣлами.

Тамъ они ѣдятъ звѣрей, недѣлями обходятся безъ воды, а къ зимѣ уцѣлѣвшіе возвращаются домой со шкурами оленей, медвѣдей, и изюбровъ, а иногда и тигровъ.

Киргизы большіе мастера по части насѣчки изъ серебр[illegible] ихъ сарты, отъ которыхъ и заимствована вся киргизска[illegible]

Киргизъ высокъ, строевъ, добродушенъ и красивъ.

Темное лицо и жгучіе глаза производятъ сначала обманч[illegible] чатлѣніе людей, легко воспламеняющихся.

Но загораются они легко только въ пьяномъ состояніи, и пьянство, къ сожалѣнію, становится довольно распространеннымъ между ними порокомъ.

Прошлая зима 1897—1898 года для киргиза была особенно тяжелой: выпало много снѣга, и скотъ не могъ доставать себѣ корма.

— У кого было 400 головъ осталось 40.

Совершенно опять новую картину представляетъ мѣстность изъ Семипалатинска къ Томску.

Это—кабинетскія земли до 40 мил. десятинъ.

Земля здѣсь сказочно плодородна. Урожай въ 250 пудовъ съ десятины (2.400 кв. саж.)—только хорошій.

Качество пшеницы выше самыхъ высокихъ сортовъ самарской.

Тамъ южнѣе еще выше сорта могутъ произростать, но, за отсутствіемъ желѣзной дороги, продажная цѣна такой пшеницы—8 к. за пудъ, что даже при урожаѣ въ 300 пуд. не оправдываетъ расходовъ производства.

Не только пшеница, ленъ, подсолнухъ, здѣсь произростаетъ рисъ и

цѣна его здѣсь 45 к. за пудъ, въ то время, какъ у насъ онъ 3, 4, 6 рублей пудъ.

Несомнѣнно, что съ проведеніемъ здѣсь желѣзной дороги всѣ эти милліоны десятинъ, теперь праздно лежащихъ, наводнили бы и рисомъ и масличными продуктами, и хлопкомъ міровой рынокъ, и изъ Туркестанскаго края и этого создалась бы одна изъ самыхъ цвѣтущихъ колоній міра.

На кабинетскихъ земляхъ живутъ кабинетскіе крестьяне.

Они имѣютъ 15 десятинъ на душу; могутъ еще арендовать до 50 десятинъ по 20—30 к. за десятину.

Живутъ очень зажиточно, но типъ крестьянъ иной, чѣмъ сосѣди ихъ иртышскіе казаки. Казакъ не торопится гнуть свою спину, въ то время, какъ здѣшній крестьянинъ не лѣнится кланяться и не скупится величать проѣзжающихъ «ваше превосходительство».

Какъ киргизъ у иртышскихъ казаковъ, такъ здѣсь бѣглые каторжники являются главнымъ подспорьемъ ихъ зажиточности.

Каторжникъ по преимуществу бѣжитъ сюда и живетъ здѣсь по мѣстному выраженію, какъ въ саду.

Житье, впрочемъ, мало завидное: зимой на задахъ гдѣ-нибудь, въ баняхъ. Лѣтомъ на свѣжемъ воздухѣ, въ тяжелой, очень плохо опла-
·емой работѣ.

гношеніе къ этимъ бѣглымъ, какъ къ полулюдямъ: съ одной сто-
конечно, люди—«несчастные», но съ другой—живи себѣ тамъ въ
, или банѣ, но въ избу не смѣй порога переступить, не смѣй съ бабой слова сказать и т. д.

Достаточно посмотрѣть на бѣлье этихъ несчастныхъ: оно всегда черно, какъ земля, и съ отвратительнымъ запахомъ.

Гдѣ-то между Барнауломъ и Томскомъ живетъ въ глуши какой-то крестьянинъ.

Ежегодно въ день Благовѣщенья, 25 марта, онъ раздаетъ этимъ бѣглымъ хлѣбъ и разныя вещи.

Говорятъ, въ этотъ день приходятъ къ нему, этому крестьянину, за сотни верстъ нѣсколько тысячъ бродягъ.

Они получаютъ кто рубаху, кто шарфъ, кто сапоги, кто пудъ-два хлѣба.

Очевидно, изъ-за этого одного за сотни верстъ, рискуя замерзнуть или попасться въ руки правосудія, не пошли бы эти холодные, голодные, передвигающіеся только ночью, а дни проводящіе гдѣ-нибудь на задахъ или въ баняхъ, если пустятъ.

Тянетъ этотъ обездоленный людъ ласка этого жертвователя, видящаго въ нихъ такихъ же, какъ и онъ, людей, тянетъ свидѣться другъ съ другомъ и узнать всѣ новости таежной жизни.

Какъ-то я разъ проѣзжалъ здѣсь передъ Благовѣщеніемъ, и ямщики наотрѣзъ отказались везти меня ночью:

— Никакъ нельзя: ни узды, ни креста нѣтъ на немъ,—какъ ни какъ бродяжка бродяжка и есть.

Я знакомъ съ этими темными фигурами бывшаго большого сибирскаго тракта.

По два, по три бредутъ они сгорбленные съ котомкой за плечами, съ чайникомъ, съ громадной сучковатой палкой.

То стоитъ и смотритъ на васъ, а то вдругъ неожиданно покажется изъ лѣсной чащи.

Въ блескѣ солнца и веселаго дня онъ вызываетъ сожалѣніе и ямщикъ, вздыхая, говоритъ:

— Несчастная душа.

Но ночью страшна его темная фигура, и разсказы ямщика о ихъ продѣлкахъ рисуютъ уже не человѣка, а звѣря и самаго страшнаго—человѣка, потерявшаго себя.

И сколько ихъ стоятъ и смотрятъ—темныя точки на свѣтломъ фонѣ, загадочные іероглифы Сибири.

— Да-съ, батюшка,—вспоминаю я слова одного сибиряка,—надо знать и понимать Сибирь. Во многихъ футлярахъ она: казенная, чиновничья Сибирь, купеческая, крестьянская, инородческая, переселенческая и раскольничья и глубже и глубже до самой коренной бродяжнической Сибири. Вотъ она какая эта вольная недѣленная ... И что въ ней, въ самой коренной, того никто еще не зн... вѣдаетъ, и еслибъ нашелся человѣкъ, который повѣдалъ бы, д... бы разсказать о томъ, что тамъ, тогда бы только узнали, г... дѣлъ силѣ и мученичеству русскаго человѣка, какими страдан... и горемъ вынашиваетъ онъ любовь свою къ волѣ волюшкѣ вѣковѣчной.

Кабинетская земля граничитъ съ Алтаемъ, и когда ѣдешь изъ Семипалатинска въ Томскъ, онъ все время на правомъ горизонтѣ гигантскими декораціями уходитъ въ ясную лазурь неба. Въ немъ новыя сказочныя богатства—богатства горъ: золото, серебро, желѣзо, мѣдь, каменный уголь.

Пока здѣсь, вслѣдствіе отсутствія капиталовъ, желѣзныхъ дорогъ все спитъ или принижено, захваченное безсильными и неискусными руками, но когда-нибудь ярко и сильно сверкнетъ еще здѣсь на развалинахъ старой—новая жизнь.

16-го іюля.

Низко нависли тучи, заходящее солнце придавлено ими и, словно изъ пещеры, ярко смотритъ оттуда тревожно своимъ огненнымъ глазомъ. Нѣсколько отдѣльныхъ деревьевъ залиты багровыми лучами и далекая тѣнь отъ нихъ и отъ тучъ заволакиваетъ землю преждевременной мглой.

Напряженная тишина.

Какое-то проклятое мѣсто, гдѣ низко небо, низки деревья, гдѣ словно чуется какое-то преступленіе.

Это Каинскъ.

Населеніе его почти все ссыльные. И ремесло странное. Говорятъ, въ какой-то статистикѣ, въ рубрикѣ «чѣмъ занимаются жители», противъ Каинска стоитъ отмѣтка «воровствомъ».

Несомнѣнно, что и до сихъ поръ часть ссыльнаго населенія города Каинска исключительно занимается тѣмъ, что, отправляясь въ Томскъ, заявляетъ о себѣ. Изъ Томска такого сейчасъ же отправляютъ обратно въ Каинскъ, выдавая по положенію ему, халатъ, одежду, сапоги... За все это можно выручить 15—20 рублей. Нѣсколько такихъ путешествій и человѣкъ на годъ обезпеченъ. Зато мѣстные крестьяне, на обязанности которыхъ лежитъ везти такихъ обратно въ Каинскъ, и конвоирующіе солдаты ненавидятъ ссыльныхъ.

Еще бы: они сидятъ на возахъ, а жалѣющіе своихъ лошадей крестьяне и солдатики при своихъ ружьяхъ и ранцахъ все время маршируютъ возлѣ пѣшкомъ.

17-го іюля.

Рѣка Обь, село Кривощеково, у котораго желѣзнодорожный путь ·сѣкаетъ рѣку.

[а] 60-верстномъ протяженіи это единственное мѣсто, гдѣ Обь, говорятъ крестьяне, въ трубѣ. Другими словами, оба берега рѣки и ложе скалисты здѣсь. И притомъ это самое узкое мѣсто разлива,—у Колывани, гдѣ первоначально предполагалось провести линію, разливъ рѣки—12 верстъ, а здѣсь 400 саженъ.

Измѣненіе первоначальнаго проекта—моя заслуга, и я съ удовольствіемъ теперь смотрю, что въ постройкѣ, намѣченная мною линія не измѣнена.

Я съ удовольствіемъ смотрю и на то, какъ разросся на той сторонѣ бывшій поселокъ въ 91 году, называвшійся Новой Деревней. Теперь это ужъ цѣлый городокъ и я уже не вижу среди его обитателей прежней кучки смиренныхъ мелкорослыхъ вятичей, годъ другой до начала постройки поселившихся было здѣсь.

За Обью исчезаетъ ровная, какъ скатерть, Западная Сибирь.

Мѣстность взволновалась, покрылась лѣсомъ и глубокими падями (оврагами), повалилась вдаль, открывая глазу безпредѣльные горизонты.

Здѣсь и тайга, и пахатныя мѣста (гривы) государственная земля и общественники-крестьяне.

Села зажиточныя, но грязныя. Въ избахъ гнутая мебель, цвѣты, особенно герань; всякая баба приготовитъ вамъ и вкусныя щи, и запечетъ въ тѣстѣ такую стерлядь, какую только здѣсь и умѣютъ готовить. Но не обижайтесь, если рядомъ съ стерлядью очутится и чер-

ный таракань, а то и клопъ, которыхъ множество здѣсь и которые особенно любятъ (или не любятъ?) иностранцевъ.

Не обижайтесь, если лѣтомъ, кромѣ клоповъ, васъ заѣдятъ комары, слѣпни, овода, мошкара,—все, что называется здѣсь «гнусомъ» зимой 50-градусный морозъ отморозитъ вамъ носъ, а ночью нападутъ бродяги.

Такъ и говорятъ здѣсь сибиряки:

— Три грѣха у насъ: гнусъ, морозъ и бродяжка.

Все остальное хорошо:

— Пашемъ—не видимъ другъ дружку, косимъ—не слышимъ, мясо каждый день.

Здѣшній Сибирякъ не знаетъ даже слова «баринъ», почти никогда ни видитъ чиновника и не рѣдко ямщикъ, получивъ хорошо «на водку», въ знакъ удовольствія протягиваетъ вамъ для пожатія свою руку.

Здѣсь нѣтъ киргиза, не прививается къ осѣдлости бродяжка и мѣсто ихъ въ экономической жизни мѣстнаго населенія замѣняетъ свой же братъ побѣднѣе, и эксплутація бѣднаго богатымъ здѣсь такая же, какъ и вездѣ.

Иногда бѣдные уходятъ на заработки, а богатые скупаютъ участки, платя имъ гроши за это.

Въ общемъ же все-таки, и это несомнѣнный фактъ, что от къ бѣднякамъ здѣсь неизмѣримо болѣе гуманное, чѣмъ въ р деревняхъ, и благотворительность въ Сибири крупная.

Что до отвратительныхъ сценъ грабежа,—попавшагося ли въ лапы міра бѣдняка, осиротѣвшей ли матери семейства, у которой за долги міру покойнаго мужа отнимаютъ все, не смотря на то, что земля, за которую покойный всю жизнь выплачивалъ, поступаетъ тому же міру,— то здѣсь въ Сибири и помину о нихъ нѣтъ.

Это и понятно: оголодалые волки злѣе рвутъ.

Другое дѣло—задѣтое самолюбіе, и здѣсь сибирскій міръ не уступитъ русскому: выскочку, талантливаго ли человѣка заѣстъ также, какъ и русскій, безъ сожалѣнія и остатка.

Въ послѣднее время распорядки пошли иные и богатѣи угрюмо ворчатъ:

— Доведутъ, какъ въ Россіи: ни хлѣба, ни денегъ не станетъ.

Вообще о Россіи осталось впечатлѣніе сбивчивое.

Говорятъ съ уваженіемъ:

— Рассейскій плугъ, рассейскій пахарь...

А, поджавъ руки, баба кричитъ мнѣ:

— А что въ глупой Рассеи умнаго можетъ быть?

Впрочемъ, что до бабъ, то отношеніе къ нимъ тоже смѣшанное: иные хозяева иначе не называютъ своихъ домочадцевъ-женщинъ, какъ среднимъ родомъ: «женское», но въ то же время говорятъ: вы.

— Женское, насыпьте чаю!

— Женское, плесните гостю!

Насыпьте—налейте, плесните—дайте умыться.

18-го іюля.

Вотъ и станція Тайга, откуда идетъ вѣтка на Томскъ.

Завѣдуя въ этомъ районѣ участкомъ сибирскихъ изысканій, я навлекъ на себя тогда гнѣвъ томскихъ газетъ за то, что провелъ магистраль не черезъ Томскъ, ограничившись вѣткой къ нему.

Но дѣло въ томъ, что вѣтка вышла короче удлиненія магистрали, если бы она прошла черезъ Томскъ. При такихъ условіяхъ, принимая во вниманіе транзитное значеніе Сибирской дороги, не было никакихъ основаній заставлять пробѣгать транзитные грузы лишнихъ 120—150 верстъ.

Основное правило идеальной дороги—кратчайшее разстояніе и минимальные уклоны.

Въ этомъ отношеніи—образецъ, какъ это ни странно, наша первая Николаевская желѣзная дорога.

Затѣмъ мы точно разучились строить и московско-казанское общество дошло въ этомъ отношеніи до обратнаго идеала, умудрившись накрутить между Москвой и Казанью лишнихъ 200 верстъ.

18-го іюля.

...не-Сибирской желѣзной дорогѣ дѣлаютъ упреки за то, что она ...рутыми уклонами.

Это, конечно, большой недостатокъ, но не надо забывать, что такіе уклоны допущены только для скорѣйшей прокладки желѣзнодорожнаго пути.

А затѣмъ неизбѣжно будетъ сейчасъ же приступить къ дополнительнымъ работамъ по уменьшенію этихъ уклоновъ.

Послѣднія знакомыя еще мнѣ мѣста.

Коренная тайга, напоминающая хламъ стараго скряги, гиганты деревья, поросшіе мохомъ, лежатъ на землѣ, тонкая же непролазная чаща, давя другъ друга, тянется кверху: сухая уже тамъ вверху и подгнившая отъ стоялаго болота здѣсь внизу: запахъ сырости и гнили.

Но ближе къ сухимъ пригоркамъ попадается поразительной красоты лѣсъ, ушедшій вершинами далеко въ небо. Желтые стволы сосенъ, тамъ вверху заломившіе, какъ руки, свои вѣтви. Нѣжная лиственница съ своимъ серебрянымъ стройнымъ стволомъ. Могучій кедръ темнозеленый, пушистый. Цѣлая куртина нарядныхъ кедровъ: большихъ, стройно поднявшихся кверху, маленькихъ, какъ дѣти, окружившія своихъ отцовъ. Между ними сочная мурава и яркія солнечныя пятна на ней и ароматъ, настой аромата въ неподвижномъ, млѣющемъ воздухѣ. Поднимешь голову и гдѣ-то тамъ вверху, въ безпредѣльной высотѣ видишь надъ собой кусочекъ яркаго голубого неба. Все притихло и спитъ въ веселомъ днѣ. Но трескъ вѣтки гулкимъ

эхомъ разбудитъ вдругъ праздничную тишину и проснется все: какой-то звѣрекъ прошмыгнетъ, отзовется рѣдкая птица, а то, ломая сухіе побѣги, прокатитъ и самъ хозяинъ здѣшнихъ мѣстъ—косолапый, проворный и громадный мишка.

А то зашумитъ иногда тамъ вверху, какъ море въ бурю, тайга, но по прежнему все тихо внизу.

22-го іюля.

До Иркутска мы не доѣхали по желѣзной дорогѣ всего 72 версты, хотя путь уже и былъ уложенъ до самаго города. Но приходилось ждать поѣзда до утра и мы рѣшили проѣхать это пространство на лошадяхъ.

За это мы и были наказаны, потому что ѣхали эти 72 версты ровно сутки, безъ сна, на отвратительныхъ перекладныхъ, платя за каждую тройку по 45 рублей... На эти деньги по желѣзной дорогѣ въ первомъ классѣ мы сдѣлали бы свыше трехъ тысячъ верстъ.

А впереди такихъ верстъ на лошадяхъ свыше тысячи: если такъ будемъ ѣхать, когда пріѣдемъ и что̀ это будетъ стоить?

Въ Иркутскѣ мы останавливаемся на два дня, такъ какъ для такой большой лошадиной дороги, какая предстоитъ намъ, надо запасти многое: экипажи, телѣги, провизію.

Иркутскъ третій большой сибирскій городъ, который я вижу. П вый, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я увидѣлъ Томскъ и онъ прои на меня тогда очень тяжелое впечатлѣніе: вся Сибирь представля тогда какимъ-то адомъ мнѣ, а Томскъ, черезъ который я вступалъ въ Сибирь, достойнымъ входомъ съ дантовской надписью: lasciate ogni speranza...

Когда я подѣлился этимъ впечатлѣніемъ съ однимъ своимъ пріятелемъ, онъ сказалъ:

— Слишкомъ громко для Томска и Сибири,—просто россійская живодерня.

Помню это ужасное съ казарменными корридорами и висячими замками на дверяхъ номеровъ «Сибирское подворье», эти домики съ маленькими окнами и дверями, которые и лѣтомъ имѣютъ такой же нахлобученный видъ, какъ и зимой, когда снѣгъ засыпетъ ихъ крыши.

Въ девять часовъ вечера уже весь городъ спитъ, темно на улицахъ и спущены собаки съ цѣпей.

Обыватель, погрязшій въ разсчетахъ, прозаичный, некультурный, ничѣмъ посторонимъ, кромѣ вина, ѣды и картъ, не интересующійся. Сплетни, какъ въ самомъ захолустномъ городкѣ.

Развлеченій никакихъ; вездѣ грязь; молодеческіе разсказы о похожденіяхъ исправниковъ и становыхъ; торговля краденымъ золотомъ и всякой гнилью московской залежи.

Словомъ, за двѣ недѣли жизни въ Томскѣ тогда я такъ истосковался, что когда выѣхалъ наконецъ изъ него и увидѣлъ опять поля,

лѣса, небо, я вздохнулъ, какъ человѣкъ, вдругъ вспомнившій въ минуту невзгоды, что навѣрно за этой невзгодой, какъ за ночью день, придетъ и радость.

Эта радость заключалась въ томъ, что я больше не въ Томскѣ и, вѣроятно, никогда больше не увижу его.

Можетъ быть, этому скверному впечатлѣнію содѣйствовало и то, что все время я былъ подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ нападокъ мѣстной прессы на меня за обходъ Томска.

Другой большой городъ Сибири—Омскъ я увидѣлъ, возвращаясь въ Россію, и своимъ открытымъ видомъ, широкими улицами онъ очень понравился мнѣ.

Впрочемъ, здѣсь тоже нужно сдѣлать оговорку: я возвращался въ Россію.

Одинъ мой пріятель, наоборотъ—попалъ въ Сибирь черезъ Омскъ и возвратился въ Россію черезъ Томскъ. Омскъ ему очень не понравился, а Томскъ произвелъ очень хорошее впечатлѣніе.

Говорятъ, къ Сибири надо привыкнуть и кто долго живетъ въ Сибири всегда кончаетъ тѣмъ, что сильно привязывается къ ней. Лично мнѣ кажется, что въ Сибири неизбѣжные процессы культуры,—жизнь за счетъ других, бродяжническій элементъ, золото со всѣмъ его зломъ ...митивный по его эгоизму купецъ, крестьянинъ, — такъ обнажены, ...римитивны, что привыкнуть къ нимъ никогда нельзя.

...ы ѣдимъ, конечно, бифштексъ, но присутствіе наше на той бойнѣ, ...убиваютъ быка, бифштексъ котораго мы ѣдимъ, не прибавляетъ аппетита.

Пусть это нужно, но пилюля должна быть позолочена.

Хотя, конечно, такое отношеніе въ достаточной степени обнаруживаетъ человѣка сантиментальнаго и наивнаго.

Что до Иркутска, то это такой же городокъ въ шубѣ, какъ и всѣ сибирскіе города.

Маленькія зданія, деревянныя панели, деревяные дома, грязныя бани и еще болѣе грязныя гостинницы съ ихъ нечистоплотной до послѣдняго прислугой.

Изъ интеллигентнаго кружка города видѣлъ только П. (остальные вслѣдствіе лѣта въ разъѣздѣ), который и показалъ намъ интеллигентную работу города: музей, дѣтскій пріютъ.

Вопросъ, занимающій теперь жителей Иркутска: останется ли у нихъ генералъ-губернаторство.

Въ виду теперешняго уже не окраиннаго положенія генералъ-губернаторства, прежнее его значеніе несомнѣнно утратилось.

25-го іюля. Озеро Байкалъ.

Выѣхали изъ Иркутска. Тянемся, какъ на волахъ.

Желѣзная дорога кончилась, а съ ней сразу, какъ ножомъ, отрѣ-

зало и отъ всѣхъ удобствъ. Почтовыя станціи не въ состояніи удовлетворять и третьей части предъявляемыхъ къ нимъ требованій.

Ожидающіе очереди пассажиры всѣхъ видовъ и оттѣнковъ.

Вотъ сидитъ купеческая семья: онъ, она и нѣсколько подростковъ дѣтей,—сидятъ, пьютъ чай съ горя, въ ожиданіи. Напряженіе на дѣтскихъ лицахъ. Маленькій ребенокъ съ заботой взрослаго въ глазахъ. Единственный выходъ двигаться дальше на вольныхъ. Но и ихъ скоро не сыщешь: сѣнокосъ. За перегонъ въ двадцать верстъ—5—10 р., т. е. въ 50 разъ дороже, что по желѣзной дорогѣ. А сколько времени пропадаетъ: два часа ищутъ, два запрягаютъ, два ѣдутъ и опять такая же исторія. Въ результатѣ скорость 3 версты въ часъ, а на всѣ сутки и того меньше, потому что дни и недѣли въ дорогѣ нельзя же проводить совсѣмъ безъ сна.

Переѣхавъ Байкалъ, разбились на два отряда: Б. и С. уѣхали, а я, К. и А. сидимъ и ждемъ лошадей.

Темный вечеръ. Монотонно и однообразно барабанитъ въ окна мелкій осенній дождикъ. Все небо обложено сплошными низкими тучами. Въ памяти встаютъ картинки пережитаго дня. Въ общемъ, впрочемъ бѣдныя и несодержательныя. Многаго ждали отъ Байкальскаго озера,—говорятъ о его буряхъ, таинственныхъ волненіяхъ безъ вѣтра, объясняя ихъ вулканическими или иными подземными причинами; но г нашемъ переѣздѣ озеро было тихо, былъ туманъ, шелъ дождь и чатлѣніе отъ переѣзда черезъ Байкалъ получилось не бо̀льшее, і отъ переѣзда на паромѣ черезъ любую холодную лужу-рѣку.

Въ каютѣ дрянного парохода или, вѣрнѣе, въ черный цвѣтъ окрашенной баржи, холодно и сыро, какъ въ подмоченномъ погребѣ, тускло освѣщенномъ верхнимъ окошечкомъ.

Вода въ Байкалѣ съ постоянной температурой около 12°. Такая же температура и въ красивой Ангарѣ, вытекающей изъ него, вдоль которой вчера всю ночь мы ѣхали.

Красивая, но холодная съ своими ледяными туманами. Каждый разъ, какъ спускались къ ней, насъ обдавало туманнымъ холодомъ глубокой осени. Иногда часть рѣки обнажалась и ярко сверкала, но остальная рѣка и крутой противуположный берегъ, поросшій лѣсомъ, все время были окутаны облаками непроницаемаго тумана. Молчаливо, быстро несетъ рѣка свои зеленовато-прозрачныя воды.

Пустынно: поросшіе лѣсомъ косогоры, никакихъ посѣвовъ, селенія рѣдки, малонаселенныя съ нищенскими постройками. Среди жителей много сосланныхъ съ Кавказа.

И холодъ сѣвера не охлаждаетъ этихъ южанъ: бьютъ, рѣжутъ другъ друга и чужихъ. Самые сильные разбои и грабежи всегда дѣло ихъ рукъ и другія народности только ихъ неискусные ученики.

Физіономіи нехорошія: разсказовъ много о ихъ дѣлахъ,—не только,

впрочемъ, о кавказцахъ,—все Забайкалье кишитъ теперь всякимъ бродячимъ народомъ.

Желѣзнодорожныя работы подходятъ къ концу, приближается зима, денегъ нѣтъ, нѣтъ жилья и крова и идетъ сплошная облава по большимъ дорогамъ.

Цѣнности жизни—никакой.

Топоромъ разсѣкаетъ головы тремъ за то только, что тѣ улеглись на его полушубкѣ.

На дняхъ повѣшенный здѣсь разбойникъ Бенъ-Оглы поражалъ своими цинично равнодушными отвѣтами на судѣ и наконецъ заявилъ, что и такихъ не намѣренъ больше давать.

Спитъ душа и не человѣкъ, а звѣрь, самый страшный изъ всѣхъ, рыскаетъ здѣсь по этой трущобѣ.

Плохо и мѣстному населенію: у нихъ голодъ и пудъ овса доходитъ до 2 р., сѣно до 1 р. 80 к.

Мы слушаемъ разсказы изъ мѣстной жизни, а дождь льетъ и льетъ.

Мы въ номерѣ: столикъ, кровать, два деревянныхъ стула. Я сижу и думаю, какъ остроумно я распорядился. Въ вагонѣ было жарко и вотъ, теплыя вещи я отправилъ съ багажемъ, а теперь на дворѣ холодъ и ..ъ. Въ своихъ прюнелевыхъ ботинкахъ и съ кушакомъ, вмѣсто жи-..-хорошъ я буду. Съ багажемъ же уѣхало и оружіе мое, Богъ .. для чего купленное, обычная, впрочемъ, судьба такихъ моихъ по-..ъ. Потомъ я все это раздарю. Бекиру подарю карабинку Маузера.

..екиръ—кавказецъ—нашъ слуга. Онъ былъ сперва въ восторгѣ отъ ..трѣчи съ своими здѣсь. Радостно удивлялся и говорилъ:

— Все земляки и близко отъ нашей деревни.

При его протекціи эти земляки вздули насъ самымъ безбожнымъ образомъ: за провозъ 60 верстъ на шести тройкахъ взяли 120 р., подъ всякими предлогами выудили еще 15 р., пользуясь моимъ отсутствіемъ сорвали еще семь рублей, всучили за тридцать рублей уже поломанную телѣгу, стащили купленную для экипажей мазь и, еслибъ мы не уѣхали, наконецъ, на пароходѣ, то, вѣроятно, не отпустили бы насъ до тѣхъ поръ, пока брать было бы нечего.

При всемъ желаніи быть терпимыми, мы всѣ разочаровались въ здѣшнихъ восточныхъ людяхъ. Одинъ Бекиръ еще отстаивалъ ихъ. Но они умудрились и у Бекира стащить его узелъ съ револьверамъ. Узелъ и вещи—пустяки, но съ потерей револьвера Бекиръ не могъ примириться.

— 12 лѣтъ,—твердилъ онъ,—12 лѣтъ. Я пристрѣлялъ его къ себѣ я знаю его, какъ себя...

И какъ ни отговаривали мы его, онъ уѣхалъ назадъ за своимъ револьверомъ съ тѣмъ, чтобы нагнать насъ гдѣ-нибудь.

Глаза Бекира мечутъ искры, и кто знаетъ, чѣмъ кончится у нихъ тамъ. Я предсказывалъ ему худой конецъ, но онъ твердилъ одно:

— Мнѣ только револьверъ...

2-го августа.

Вотъ и Срѣтенскъ.

Срѣтенскъ, что̀ такое Срѣтенскъ? Срѣтенскъ—село на одной параллели съ Харьковомъ, на рѣкѣ Шилкѣ. Шилка впадаетъ въ Амуръ и т. д. Утро. Тихо и ясно. Я сижу въ тѣни террасы; не смущайтесь названіемъ,—терраса простая, сколоченная изъ лѣса, подъ тонъ всей остальной простой и деревянной сибирской архитектурѣ.

Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ меня пристань амурскаго пароходства и въ настоящую минуту снизу ползетъ пассажирскій пароходъ: родъ арестантской барки съ краснымъ колесомъ сзади; онъ пыхтитъ и шумитъ, но плохо подвигается впередъ.

А на той сторонѣ въ тѣснотѣ, между нависшими камнями надвинувшихся холмовъ видны зданія желѣзнодорожной станціи.

Самого Срѣтенскаго еще не видѣлъ и даже не справлялся въ календарѣ о значеніи и исторіи его.

Мы въ гостинницѣ «Вокзалъ». Привезли насъ въ эту гостинницу ночью послѣ тысячи верстъ перекладныхъ и мы моментально уснули на грязныхъ до нельзя матрацахъ.

И. Н. освѣдомился у прислуживавшаго бойкаго мальчугана:

— Клоповъ хватитъ на каждаго?

Подмываемый ласковымъ тономъ, мальчикъ фыркнулъ и въ тонъ лукаво отвѣтилъ:

— Хватитъ...

Засыпая, я думалъ: какой въ сущности грязный и неопрятный родъ мы русскіе.

Чуть выѣдешь изъ Петербурга или Москвы и уже начинается эта непролазная грязь вездѣ: и въ роскошныхъ вагонахъ перваго класса, и въ залитыхъ отвратительной карболкой третьяго, и на станціяхъ, и въ городахъ во всѣхъ этихъ гостинницахъ.

Иркутскъ — большой городъ, столица восточной Сибири, а какая грязь, опущенность въ лучшей изъ ея гостинницъ Деко. А Чита? Теперь этотъ «Вокзалъ»? А въ избахъ крестьянъ, не смотря на цвѣты, ковры, гнутую мебель?

Во дворахъ вонь и негдѣ въ селахъ вздохнуть свѣжимъ воздухомъ.

Но эта же баба, которая вытащила только что изъ вашего стакана таракана, обтирая палецъ о свой пропитанный саломъ сарафанъ, съ пренебрежительнымъ выраженіемъ лица говоритъ объ аборигенахъ здѣшнихъ мѣстъ, бурятахъ:

— Грязно живутъ... Падаль у нихъ первое блюдо... Вотъ отъ язвы лошадь и скотъ валятся—жрутъ. Другая собака рыло отвернетъ, а ему все Богъ далъ...

Передъ падалью, конечно, и клопъ, и тараканъ—идеалъ гигіены. И. Н. говоритъ:

— Я разъ какъ-то студентомъ отъ нечего дѣлать въ одной де-

ревнѣ началъ практиковать, а по воскресеньямъ публичныя лекціи читать...

— Съ разрѣшенія?

— Кто бы мнѣ позволилъ? Безъ всякаго, конечно, разрѣшенія. Приходитъ баба: нога вотъ. Оказывается, порѣзала и лѣчила жженымъ навозомъ да навозной жижей—это у нихъ первое лѣкарство—ну, вздуло, конечно: во. И замѣтьте, къ фельдшеру ходила и фельдшеръ ей хорошее лѣкарство прописалъ,—бросила лѣкарство и вотъ свой способъ. Я отказался ее лѣчить. Что жъ лѣчить такую? Все равно, не послушаетъ. Какъ разъ въ это же время одна дѣвочка тоже порѣзала ногу и въ три дня я залѣчилъ ея рану. Приходитъ воскресенье. На лекціи и дѣвчонка, и баба съ своей вотъ этакой ногой... «Вотъ, говорю, смотрите, господа, лѣченье навозной жижей и чистой водой». Ну, фактъ на лицо. «Извѣстно, говорятъ, что̀ вода чистая, что̀ грязь... Дура баба..» Сами же ругаютъ. Баба оправдывается: «Такъ мы вѣдь откуда знаемъ, теперь вотъ сказалъ..» Приходитъ опять на другой день: «лѣчи». То-то. Сейчасъ чикъ-чикъ, прорѣзалъ, обмылъ, чистой тряпочкой перевязалъ, присыпалъ слегка іодоформомъ—черезъ недѣлю опять человѣкомъ стала...

И. Н. еще говоритъ, но я уснулъ, какъ убитый, безъ словъ и движенья.

Я не могу сказать, чтобы не было у меня впечатлѣній въ этотъ переѣздъ на лошадяхъ отъ Иркутска до Стрѣтенска, но на перекладныхъ нельзя ихъ записывать.

Теперь сижу и вспоминаю.

Забайкалье рѣзко отличается отъ всего предъидущаго. На вашемъ горизонтѣ почти вездѣ хребты горъ. Высота ихъ колеблется между 50 и 200 саженями. Вѣрнѣе, это еще холмы, но уже съ острыми, иззубренными иногда вершинами. Они такъ и застыли, неподвижные, при закатѣ розово и фіолето-прозрачные, а всегда темно-синіе, далекіе, разсказывающіе вамъ сказки изъ далекаго прошлаго.

Да, эта необъятная малонаселенная мѣстность съ плохой почвой, съ богатѣйшимъ лиственнымъ лѣсомъ, пораженнымъ безнадежнымъ червемъ (все, что̀ видѣлъ глазъ, на двѣ трети уже посохшія, никуда негодныя дырявыя деревья), хранящая въ своихъ земляхъ много минеральныхъ богатствъ, но пока съ точки зрѣнія культуры вообще и переселенчества въ частности, не стоющая, какъ говоритъ Тартаренъ, ослинаго уха,—въ свое время изрыгнула изъ нѣдръ своихъ всѣ тѣ орды монголовъ, которые надолго затормозили жизнь Востока Европы.

Здѣсь рѣка Ононъ—родина великаго Чингизъ-хана.

Откуда взялись тогда эти толпы? Все пусто здѣсь, тихо и дико. Шныряетъ голодный волкъ, шатается бѣглый каторжникъ, да медвѣдь ворочается въ этихъ лѣсныхъ трущобахъ. Всѣ въ разбросъ, въ одиночку, каждый самъ для себя, каждый врагъ другому.

Только ближе къ тракту жмутся поселки, а тамъ въ глубь... Никто не былъ тамъ и никто ничего не знаетъ.

Часть этой полосы занимаютъ бурята—остатокъ того же монгола изъ 200-тысячнаго войска Чингизъ-хана. Трудолюбивый, воздержный народъ, очень честный. Оставляйте ваши вещи на улицѣ и спите спокойно. Ихъ одежда, ихъ косы, темныя лица дѣлаютъ ихъ похожими на китайцевъ.

Въ ихъ храмахъ Будда съ тысячью руками и тринадцатью головами. Это значитъ, что надо было-бы, чтобъ исполнить все задуманное, чтобъ одна голова превратилась въ тринадцать, и нужно тысячу рукъ, чтобъ успѣть дѣлать то, что думаютъ эти тринадцать головъ.

Ламы бурятъ для отвращенія отъ зла надѣваютъ въ особые праздники уродливыя маски и такъ появляются передъ народомъ. Помогаетъ и молитва отъ этого, и бурята не скупятся вертѣть катокъ съ написанными молитвами, что равносильно тому, какъ будто бы они ихъ читали.

Бурятъ тихъ, покоренъ и большой дипломатъ съ администраціей. Но во внутреннюю жизнь никого не пускаетъ и умѣетъ заставить уважать себя.

Когда русскіе рабочіе нагрянули на строющуюся здѣсь желѣзную дорогу, а съ ними и всякій сбродъ, бурята быстро дисциплинировали ихъ при первомъ удобномъ случаѣ. Этотъ случай представился очень скоро. Рабочіе поймали двухъ коровъ бурятскихъ и зарѣзали ихъ. Двое рѣзавшіе коровъ исчезли безслѣдно и навсегда. Это нагнало такой паническій ужасъ на рабочихъ, что воровство прекратилось сразу, а вѣра во всевѣдѣніе бурятъ дошла до суевѣрнаго страха.

Источникъ этого всевѣдѣнія—сплоченность и хорошая внутренняя организація бурятъ. Они, какъ и китайцы, склонны къ тайнымъ союзамъ и разнаго рода тайнымъ обществамъ.

Несомнѣнно, бурята народъ способный къ культурѣ. Между ними и теперь не мало людей образованныхъ. Эти люди—общественное мнѣніе страны, и наивно думать, что бурята не поймутъ смысла и значенія разнаго рода административныхъ мѣръ за и противъ нихъ. Изъ числа такихъ предполагаемыхъ мѣръ больше всего пугаетъ бурятъ возможность земельныхъ ограниченій (они владѣютъ землями по грамотѣ Екатерины Великой), воинская повинность и отчасти православіе. Страхъ передъ послѣднимъ, впрочемъ, послѣ успокоительныхъ дѣйствій генерала-губернатора барона Корфа значительно ослабѣлъ.

Чтобы закончить съ проѣханнымъ краемъ надо сказать нѣсколько словъ о почтовомъ трактѣ.

Откровенно говоря, вся почтовая организація никуда не годится. Нѣсколько станцій, напримѣръ, подъ-рядъ съ количествомъ лошадей въ 15 паръ (пара не меньше трехъ лошадей) и вдругъ перерывъ, и двѣ, три станціи съ 5 парами. Если и 15 паръ не удовлетворяютъ, то

можно судить, что дѣлается на такихъ, еще болѣе ограниченныхъ станціяхъ: ожиданія по недѣлямъ, отчаянныя проклятія и брань ожидающихъ.

Вотъ одна изъ обычныхъ картинокъ. Ночь. Въ сѣняхъ и двухъ маленькихъ комнаткахъ такъ тѣсно на диванахъ и на полу отъ лежащихъ, что пройти нельзя. Воздухъ ужасный,—здѣсь дѣти, женщины, мужчины,—семьи офицеровъ переселенцевъ, ѣдущихъ по казенной и частной надобности.

Мы пріѣхали и сидимъ въ писарской. Присланный изъ Читы чиновникъ (а на другой станціи, вмѣсто чиновника, полицеймейстеръ города Читы) объясняетъ намъ положеніе дѣла и свое безсиліе:

— Девять сутокъ ни минуты не сплю, перестаю понимать...

Слушаешь и думаешь: зачѣмъ прислали сюда этого мученика, когда надо было прислать сюда тѣхъ недостающихъ 10 паръ, изъ за которыхъ и загорѣлся весь сыръ-боръ.

А нѣтъ этихъ 10 паръ потому, что охотниковъ на назначенную почтовымъ вѣдомствомъ цѣну не нашлось. Ну, не нашлось, заводи казенныхъ лошадей, но не рѣшеніе же и это вопроса, вмѣсто лошадей, чиновниковъ посылать.

Въ писарскую доносятся ворчанья и жалобы. Одинъ, какъ потомъ оказалось, старый священникъ долго говоритъ и горько жалуется. Онъ бѣдный человѣкъ, онъ не можетъ платить по 15 р. за каждыя 20 верстъ, онъ ѣдетъ съ семьей и, ожидая очереди, они сидятъ уже седьмой день. Раздраженный и въ то же время основательно, справедливо раздраженный голосъ его рѣзко нарушаетъ тишину ночи.

— Но зачѣмъ же,—говоритъ онъ,—бросать насъ всѣхъ на грабежъ?

Чиновникъ шепчетъ мнѣ:

— Совершенно вѣрно все это...

Голосъ священника:

— За фунтъ хлѣба 20 к., поросенокъ семь рублей... Но я нищій попъ, откуда я возьму? Я мѣсяцъ три станціи ѣду... Я съ ума, наконецъ, сойду...

Священникъ обрывается.

Мертвая тишина. Очевидно теперь, никто больше не спитъ и съ жуткимъ ощущеніемъ прислушивается.

Чиновникъ шепчетъ:

— Вѣрно, все вѣрно... Въ нервахъ разстроился... А тутъ еще сибирская язва, падежъ, ямщики возить не хотятъ, голодъ, кони истощенные, такіе и падаютъ больше отъ язвы,—запряжетъ и пала дорогой. Овесъ 2 р., какъ ихъ тутъ кормить? Ну и выпустили лошадей въ поле,—говорятъ: везите на насъ, а лошадей морить не дадимъ... Вотъ почта второй день лежитъ.

Послѣ всѣхъ такихъ доводовъ остается одно: вольные, по какой угодно цѣнѣ!

Такъ среди этого сплошного грабежа, и воплей отчаянія мы какъ-нибудь подвигаемся все дальше и дальше.

Что здѣсь осенью будетъ во время распутицы?!...

Черезъ годъ, два, конечно, пройдетъ желѣзная дорога и весь этотъ ужасъ отлетитъ сразу въ область тяжелыхъ невозвратныхъ преданій, но дорога дойдетъ только до Срѣтенска, а тамъ остается еще двѣ съ половиной тысячи верстъ, гдѣ дорога не предполагается. Тамъ ли только нѣтъ дорогъ у насъ?!

А какія цѣны! Прислуга—20—30 рублей въ мѣсяцъ, мясо—20—25 к., хлѣбъ ржаной 2—3 рубля пудъ. И это въ маленькомъ захолустномъ сибирскомъ городкѣ Читѣ. Порція цыпленка (половина)—рубль, десятокъ яицъ—60 к.

Какъ же живутъ здѣсь мелкіе служащіе? Всѣ эти несчастные телеграфисты, почтовые чиновники, лѣсничіе, доктора, мелкіе желѣзнодорожные служащіе? Это мученики.

На желѣзной дорогѣ да и вездѣ плата поденному доходитъ до 2 р. Этимъ еще лучше другихъ было, но и у нихъ уже явился конкуррентъ-китаецъ.

Появленіе китайцевъ здѣсь въ большихъ массахъ связано съ началомъ постройки Забайкальской желѣзной дороги. Манджурская дорога, конечно, усилитъ движеніе китайцевъ къ намъ.

Уже съ Иркутска появляются китайцы; но тамъ ихъ, сравнительно, мало еще, они нарядны. Ихъ національный голубой халатъ, длинная, часто фальшивая коса тамъ и сямъ мелькаетъ у лавокъ. Движенія ихъ лѣнивы, женственны, ихъ лица удовлетворенны, увѣренны.

Но чѣмъ дальше на востокъ отъ Иркутска, тѣмъ рѣже видишь эти нарядныя фигуры и взамѣнъ все больше и больше встрѣчаешь грязныхъ, темныхъ, полунагихъ обитателей Небесной Имперіи.

Русскій рабочій говоритъ:

— Вотъ и тягайся съ нимъ: тутъ и одѣтому не знаешь, куда дѣваться отъ комара, слѣпня и паута, а ему и голому ни почемъ.

И цѣну китаецъ беретъ, что̀ дадутъ.

Мы смотримъ на ихъ бронзовыя грязныя тѣла, заплетенныя косы—обмотанныя вокругъ головы. Это здоровое, красивое тѣло, и когда оно питается мясомъ, оно сильно и работаетъ лучше русскаго.

Китайца здѣсь гонятъ всѣ и въ то же время здѣсь въ восточной Сибири китаецъ неизбѣжно необходимъ, и этого не отрицаетъ никто.

Чревато событіями переживаемое здѣсь мгновеніе.

Со включеніемъ Манджуріи въ кругъ нашего вліянія и занятіемъ Портъ-Артура широко растворились ворота, вѣками со временъ Чингизъ-хана запертые. Въ нихъ уже хлынула волна чернокосыхъ, смуглолицыхъ, бронзовыхъ китайцевъ и съ каждымъ часомъ, съ каждымъ днемъ, мѣсяцемъ и годомъ волна эта будетъ расти.

Китаецъ мало думаетъ о политическомъ владычествѣ, но экономи-

ческая почва—его, и искуснѣе его въ этимъ отношеніи нѣтъ въ мірѣ націи.

Пока это еще какіе-то паріи, напоминающіе героевъ хижины дяди Тома. Ихъ видъ забитый, угнетенный. Завоеваніе края на экономической почвѣ дается не даромъ, и они, эти первые фаланги піонеровъ своего дѣла, какъ бы сознавая это, отдаются добровольно въ какую угодно кабалу.

Гдѣ-то сдѣланное опредѣленіе какимъ-то бродягой рабочимъ стихійнаго движенія китайцевъ постоянно вспоминается:

— Онъ вѣдь лѣзетъ, лѣзетъ... Онъ самъ себя не помнитъ: на то самое мѣсто, гдѣ товарищу его голову отрубили—лѣзетъ, знаетъ, что и ему отрубятъ, и лѣзетъ. Ничего не помнитъ и лѣзетъ. Одного убьешь—десять новыхъ...

Можетъ быть, черезъ десять лѣтъ китаецъ будетъ такъ же необходимъ на Волгѣ, какъ необходимъ онъ здѣсь въ восточной Сибири. Это дешевый рабочій, честный, дешевый и толковый приказчикъ прекрасный хозяинъ и приказчикъ торговаго магазина, кредитоспособный купецъ, образцовый мастеровой, портной, сапожникъ; самая толковая, самая честная и самая дешевая прислуга.

Нѣтъ экономической почвы, на которой можно бороться съ китайцемъ. Сонный казакъ-абориrенъ тупо воспринимаетъ переживаемое мгновеніе. Къ гнусу, морозу, бродягамъ прибавились и эти желтокожіе, оспаривающіе его право получать поденщину—1, 2, 5, 10 р.— все, что угодно. Зачѣмъ стѣсняться? Тамъ всплываетъ тѣло пристрѣленнаго китайца, тамъ изуродованнаго его находятъ въ лѣсу...

Въ Стрѣтенскѣ въ этомъ году взорвали цѣлый баракъ, гдѣ спали китайцы-рабочіе. Вчера въ Стрѣтенскѣ же нашли подъ другимъ баракомъ, то же китайскимъ, 15 фунтовъ динамиту и уже горѣвшій фитиль.

Но самъ казакъ мрачно, какъ съ похмелья безнадежно говоритъ:

— Проклятая сила: одного прикончишь—десять новыхъ вмѣсто него...—и самъ же казакъ пользуется дешевкой китайца и нанимаетъ его на свои работы.

Китаецъ жизнью не дорожитъ: онъ равнодушенъ къ этимъ покушеніямъ,—если онъ умретъ, ему ничего не надо, но если онъ живъ, то онъ получитъ свое.

Недавно буквально изъ за недополученнаго пятака толпа китайцевъ чуть не убила желѣзнодорожнаго техника и его защитниковъ. Китайцевъ было 50 человѣкъ, у техника—25, и часть изъ нихъ вооруженная револьверами и ружьями, тогда какъ у китайцевъ огнестрѣльнаго оружія не было. И тѣмъ не менѣе, побѣдителями остались китайцы, хотя раненыхъ у нихъ оказалось больше и былъ даже убитый.

Это не говоритъ, во всякомъ случаѣ, о безпредѣльной трусости китайцевъ.

— Китаецъ робокъ, а озлится—нѣтъ его лютѣе,—опредѣляютъ здѣсь китайца.

— Проклятые дьяволы... сатана васъ изъ пекла прислалъ къ намъ.

Китайцы, живущіе въ Россіи, подчиняются какой-то своей внутренней организаціи, они очень зорко слѣдятъ другъ за другомъ и съ каждымъ деморализующимся своимъ сочленомъ быстро сводятъ счеты:

— Кантоми...

То-есть: рубятъ голову. Или въ лѣсу повѣсятъ. Обыкновенно признакомъ такой расправы служитъ то обстоятельство, что китайцы при обнаруженіи такого трупа не жалуются и молчатъ.

На одномъ изъ пріисковъ здѣсь произошло на-дняхъ загадочное преступленіе.

На пріискѣ между прочими работали и китайцы (и тамъ они, конечно, замѣнятъ всѣхъ другихъ). Нашли убитымъ маленькаго, лѣтъ 11 мальчика. Подозрѣніе пало на двухъ китайцевъ. Ихъ пытали, насѣкая имъ тѣло отъ шеи и до живота.

Китайцы не выдержали и заявили то, что̀ требовали отъ нихъ ихъ палачи. Тогда ихъ отправили въ Срѣтенскъ, но, придя туда, они сказали, что неповинны въ смерти мальчика и сдѣлали на себя поклепъ только, чтобъ избавиться отъ дальнѣйшихъ пытокъ.

Много толковъ вызвало это происшествіе. Казаки, да и не одни казаки, увѣряютъ, что китайцы убили мальчика съ цѣлью сварить и съѣсть его.

— Это первое блюдо у нихъ: православныхъ дѣтей ѣсть.

(Замѣчательно, что китайцы у себя въ томъ же обвиняютъ иностранцевъ).

Нѣтъ сомнѣнія, что это ложь, но такая же ложь относительно евреевъ жила вѣками и дѣлала свое страшное дѣло.

Мѣстное населеніе здѣсь—казаки. Это крупный въ большинствѣ народъ, причемъ подмѣсь бурятской и другихъ кровей ощутительна; женщины некрасивы.

Казаки зажиточны; имѣютъ множество немѣрянной земли, на которой и пасутся ихъ табуны лошадей и скота.

Хлѣбопашество процвѣтаетъ менѣе. Сѣютъ рожь, пшеницу, овесъ.

Но главный доходъ ихъ отъ скотоводства...

Начиная отъ Читы къ востоку, эти казачьи поселки тянутся непрерывно. Отъ самаго маленькаго мальчика до самаго стараго всѣ жители поселковъ въ шапкахъ съ желтымъ околышемъ и въ штанахъ съ желтыми лампасами. Вмѣсто же мундира, большое разнообразіе: отъ рубахи до пиджака. Въ костюмахъ значительная щеголеватость: шелковыя рубахи, у женщинъ даже корсеты, ботинки въ 12 р. не рѣдкость, шляпы.

Читая здѣшнія газеты, надо придти къ заключенію, что нравы,

однако, не смотря на эти внѣшніе признаки цивилизаціи, дики и грубы; пьянство, поединки, кулачные бои. Грамотныхъ мало и никому грамота не нужна. Казакъ лѣнивъ, суевѣренъ и апатиченъ.

Въ свое время казачество здѣсь сослужило большую службу. Безъ нихъ, конечно, нельзя было бы Россіи удержать въ своихъ рукахъ весь этотъ край.

Но наступаютъ другіе времена и по Гёте, счастье одного поколѣнія—страданіе послѣдующихъ, казаки являютъ уже въ теперешнемъ видѣ серьезные тормозы дальнѣйшей культурѣ края.

Это и само собой дѣлается. Мы уже видѣли, какъ трудъ ихъ парализированъ китайцами. Въ этомъ отношеніи казацкую силу можно считать уже сломанной.

Но въ борьбѣ съ переселенцами казаки пока имѣютъ сильный перевѣсъ. Вся хорошая земля оказывается принадлежащей имъ и переселенцевъ пускаютъ только въ такія трущобы, откуда нельзя не бѣжать. Этихъ обратныхъ переселенцевъ много встрѣчается.

На одной изъ станцій съ нами ночевали двое изъ нихъ. Это собственно ходоки. Они уроженцы Кіевской губерніи, поселились на Кавказѣ, а оттуда товарищи послали ихъ въ Сибирь и, главнымъ образомъ, на Амуръ. Теперь они возвращаются назадъ съ отрицательными отвѣтами. Толковые, увѣренные.

— Ничего не стоитъ Амуръ для нашего хозяйскаго дѣла. Первое, казаки оттираютъ, что получше, поближе къ рѣкѣ и къ городамъ—въ ихъ рукахъ. Второе—земля. Аршина два копнулъ и уже мерзлота. Въ самую уборку дожди. Да и уборка въ сентябрѣ, въ морозъ.

— Какъ же молотятъ?

— Зимой, на льду, когда градусовъ 40 морозу. Въ рукавицахъ жать, какое ужъ тутъ хозяйство? Опять овощь всякая: яблоки, груши, арбузы, дыни или что тамъ: ничего нѣтъ. Такъ что-то вродѣ тюрьмы. Не годится для нашего брата крестьянина... Дѣвки и парни перемрутъ съ тоски.

— Но селятся же все-таки?

— Мало же. Непріютная сторона, казаки непріютны... Богъ съ ними, земли не размежеваны—все захватили.

Жалуются на казаковъ и города.

Въ Стрѣтенскѣ, напримѣръ, несмотря на всю наличность города—село, принадлежащее казакамъ. Право селиться, строиться—все отъ казаковъ. Аренда высока и, кромѣ того, гнетъ неграмотной и алчной администраціи несносенъ.

— Помилуйте, будь Стрѣтенскъ городомъ, въ три года удесятерился бы, а такъ, кто порядочный сюда пойдетъ.

Теперь же это улица вдоль рѣки Шилки съ цѣлымъ рядомъ магазиновъ.

— А теперь для кого же эти магазины?

Вамъ шепчутъ на ухо:

— Магазины эти только для виду; главная же торговля здѣсь тайнымъ золотомъ.

Это тайное золото, промываемое хищниками. Золото въ этомъ краѣ вездѣ, а съ нимъ вездѣ и воровство, и грабежъ, и убійство, и тайная торговля этимъ золотомъ.

Оно сбывается въ Китай. Сколько его сбывается—неизвѣстно, но вотъ факты, по которымъ можно кое-что сообразить.

Изъ Манджуріи въ Китай оффиціально (помимо, слѣдовательно, наворованнаго китайскими чиновниками и хищническаго добыванія, оно существуетъ и тамъ) ежегодно идетъ до 400 пудовъ золота *). Частная разработка золота до послѣднихъ дней не разрѣшалась въ Манджуріи. На казенныхъ пріискахъ добыча его ничтожна.

Путешественники по Манджуріи (Стрѣльбицкій и другіе) удостовѣряютъ, что хищническая добыча тамъ ничтожна и едва оправдываетъ нищенское существованіе искателей. Откуда же эти 400 пудовъ на сумму до 8 милліоновъ рублей?

Непричастные здѣсь къ дѣлу люди того мнѣнія, что это наше золото. Если къ этому прибавить до 5 милліоновъ оффиціальныхъ, которые составляютъ излишекъ въ нашей торговлѣ по амурской границѣ съ Китаемъ въ пользу Китая, то очевидно, что пока мы заберемъ еще китайцевъ въ руки, они во всѣхъ отношеніяхъ хорошо отъ насъ пользуются.

Городъ Кяхта, половина котораго русская, а другая китайская, несмотря на барьеры, бойко и легко торгуетъ этимъ запрещеннымъ товаромъ. Какъ анекдотъ, разсказываютъ, что тамъ устроены даже особыя кареты китайцами, въ которыхъ купцы ихъ возятъ къ себѣ въ гости русскихъ чиновниковъ и въ этихъ же каретахъ ѣдетъ въ Китай золото, а изъ Китая шелкъ, или переносятъ ночью, перебѣгаютъ и днемъ, рискуя выстрѣлами даже.

Чтобы кончить съ проѣханнымъ путемъ, два слова о Нерчинскѣ. Утромъ, часовъ въ восемь, мы подъѣхали къ рѣкѣ Нерчѣ. Все еще было окутано сѣрымъ, какъ солдатское сукно, туманомъ. Едва виднѣется тотъ берегъ—пустынный, голый, неуютный, такой же, какъ и вся природа здѣсь.

Этотъ же берегъ крутой, скалистый. Молча, угрюмо, торопливо и озабоченно убѣгаютъ волны рѣки, мелкими струйками, обгоняя другъ друга.

Холодно и неуютно.

Встаютъ фигуры декабристовъ.

Они тоже переплывали эту рѣку, сидѣли, какъ и мы, на паромѣ, смотрѣли въ воду и думали свою думу.

Вотъ и другой берегъ пологой степью исчезаетъ въ туманѣ даль...

Въ этомъ туманѣ тамъ гдѣ-то Нерчинскъ.

*) «Описаніе Манджуріи», изданіе Министерства Финансовъ.

По этой степи шагали они и въ мертвой тишинѣ, точно слышишь лязгъ ихъ цѣпей.

Можетъ быть, будь здѣсь жилье, не такъ вспоминалось бы, но это безмолвіе и одиночество сильнѣе сохраняетъ память о нихъ.

Самый Нерчинскъ поражаетъ тѣмъ, что среди сѣрыхъ, бѣдной архитектуры домиковъ, вдругъ выростаетъ какой-то бѣлый оригинальный дворецъ, въ средневѣковомъ стилѣ, съ громаднымъ дворомъ, обнесеннымъ красивой рѣшеткой.

Тюрьма? Нѣтъ, зданія какого-то купца. Зданія, которыя украсили бы и столицу.

Бѣдный купецъ, впрочемъ, уже разорился и зданія эти пріобрѣтаетъ тюремное вѣдомство.

4-го августа.

Въ Стрѣтенскѣ мы просидѣли дня три.

Можно было бы умереть съ тоски, если бы не товарищъ мой С. Г. К. Онъ строитель 12 участковъ Забайкальской желѣзной дороги. Его участкомъ и кончается эта Забайкальская желѣзная дорога и дальше отъ Стрѣтенска къ Хабаровску и Владивостоку единственнымъ путемъ служитъ рѣка Шилка и Амуръ: лѣтомъ на пароходѣ, зимой на саняхъ. Почтовыя лошади содержатся, впрочемъ, круглый годъ и въ мелководье эти лошади перевозятъ почту и пассажировъ въ лодкахъ. Лодка плыветъ по рѣкѣ, а лошади тянутъ ее вдоль берега. Когда попадаются скалистые берега, а ихъ здѣсь очень много, принимаются за весла, а лошадей вплавь перегоняютъ на другой, болѣе пологій берегъ или гонятъ ихъ въ обходъ скалъ.

Въ періодъ весенняго и осенняго ледоходовъ ѣздятъ сухимъ путемъ, такъ называемой тропой. Эта тропа вьется тутъ же вдоль рѣки, тамъ гдѣ-то на обрывахъ скалъ, высота которыхъ достигаетъ до 1.500 футовъ. На этой головокружительной высотѣ тропа съуживается иногда до аршина. Привычная верховая или вьючная лошадь осторожно шагаетъ, а непривычный путникъ, сидя на ней, сбиваетъ ее своими нервными движеніями и иногда летятъ они оба внизъ на острые камни, разбиваясь, конечно, на смерть.

Лучше ужъ пѣшкомъ идти, но и то при условіи, если не кружится голова. Въ противномъ случаѣ, лучше всего сидѣть въ Стрѣтенскѣ и терпѣливо ждать прохода льда: весной въ концѣ апрѣля нѣсколько дней, осенью больше мѣсяца,—отъ половины октября до конца ноября.

На это время такимъ образомъ вся остальная восточная Сибирь остается отрѣзанной отъ своего центра. Положеніе неудовлетворительное и даже съ точки зрѣнія политической опасное.

Выбирая между шоссе и разными типами желѣзныхъ дорогъ, самый дешевый будетъ, конечно, узкоколейная желѣзная дорога. Если гдѣ она умѣстна, то, конечно, здѣсь, среди этихъ неприступныхъ скалъ,

занимая мѣсто не болѣе $1^1/_2$ саженъ въ ширину, тогда какъ для ширококолейной нужно $2^1/_2$, а для шоссе не меньше $3^1/_2$. А количество земляныхъ работъ на этой дорогѣ имѣетъ рѣшающее значеніе въ смыслѣ стоимости ея. Такъ на Забайкальской желѣзной дорогѣ, близъ Срѣтенска,—на версту земляныхъ работъ приходилось 4 т. к. с. при цѣнѣ 6 р. за кубъ. Здѣсь же мѣсто болѣе трудное и надо считать ихъ не менѣе 6 тысячъ кубическихъ саженъ при цѣнѣ 8 р. (больше скалистыхъ работъ). Для узко же колейной желѣзной дороги потребуется 2 тысячи кубическихъ саженъ (она уже и радіусъ ея, вмѣсто 150, можетъ быть 35 саженъ, вслѣдствіе этого является возможность обходить многія скалы). И такимъ образомъ на одинъ излишекъ земляныхъ работъ (32 т.) хватитъ выстроить рельсы, шпалы, подвижной составъ и пр.

Что касается до провозоспособности этой узкоколейной желѣзной дороги, то она не уступитъ ширококолейной здѣсь, такъ какъ уклоны ея по рѣкѣ будутъ незначительны, а при такихъ условіяхъ и разницы нѣтъ въ силѣ тяги.

Благодаря, какъ я сказалъ, любезности С. Г., мы не только не скучали, но провели наше время незамѣтно въ Срѣтенскѣ.

Съ С. Г. мы старые пріятели, лѣтъ 12 назадъ работали вмѣстѣ на постройкѣ одной дороги. Тогда мы оба были еще молодыми строителями. Теперь С. Г. занимаетъ большое отвѣтственное мѣсто самаго труднаго участка дороги.

Года три назадъ онъ женился здѣсь на мѣстной жительницѣ. Во время нашего пребыванія у него гостила сестра его жены. Если прибавить сюда А. М. К. съ его супругой, то вотъ общество, въ которомъ провели мы время въ Срѣтенскѣ.

Докторъ нашъ пѣлъ подъ аккомпаниментъ гитары и рояли свои русско-цыганско-итальянскія пѣсни, пѣлъ съ обычнымъ увлеченіемъ и страстностью. И даже болѣе чѣмъ съ обычнымъ.

Свояченица С. Г. на пылкое сердце нашего доктора, кажется, произвела впечатлѣніе, и голосъ его дрожалъ нѣжнѣе, когда пѣлъ онъ:

Глаза твои, что звѣзды,
Уста душистый медъ...

Пегасовъ въ «Рудинѣ» говоритъ: «говори женщинѣ десять дней, что глаза ея звѣзды, а ротъ рай и она лучшая изъ женщинъ, и на десятый день повѣритъ и скажетъ: мои глаза звѣзды, уста душистый медъ—и полюбитъ...» Тургеневъ прибавляетъ: можетъ быть, это и такъ. Но на этотъ разъ нашъ докторъ теперь, когда опять одинъ, машетъ рукой и говоритъ:

— Правъ А. П. Здѣсь въ Сибири птицы безъ голоса, цвѣты безъ запаха, а у сибирскихъ женщинъ, какъ и въ ихъ грунтѣ, вѣчная мерзлота.

Она коренная сибирячка, кромѣ Сибири не бывавшая нигдѣ и обожающая свою Сибирь. Живетъ съ мужемъ гдѣ-то въ Нерчинскомъ заводѣ, въ 12 верстахъ отъ китайской границы. У нихъ растутъ тамъ альпійскіе эдельвейсы, дикій макъ и рододендры, всѣ тѣ сибирскіе цвѣты, у которыхъ меньше запаха, чѣмъ нѣжной красоты, изящества и тонкихъ красокъ.

И если житель Альпъ влюбленъ въ свой эдельвейсъ и любитъ свою природу, то понимаешь эту любовь къ своей родинѣ и въ устахъ этой красивой, умненькой, образованной сибирячки.

Я не упомянулъ объ энергіи и силѣ: это отличительная черта всѣхъ сибирячекъ.

Вотъ общій типъ сибирячки, какъ мнѣ онъ представляется: средняго роста, хорошо сложенная, русая, глаза сѣро-синіе, лучистые. Носъ тонкій, слегка вздернутый, тонкія, характерныя губы. Лицо продолговатое, кожа едва-едва смуглая, нѣжная. Въ обращеніи свободна и смѣла. Тихаго болота и водящихся въ немъ чертей нѣтъ и въ поминѣ. Музыку и пѣніе любятъ: гитару нашего доктора украсили лентами.

Пока молодежь поетъ свои пѣсни, С. Г., его гости и я ведемъ дѣловые разговоры.

Среди гостей крупный золотопромышленникъ, уже глубокій старикъ, но энергичный, бодрый, сухой, какъ мумія, съ длинной, какъ у черномора, сѣдой, вьющейся бородой.

Онъ помнитъ основаніе Благовѣщенска, Владивостока, онъ знаетъ всю эту Сибирь, какъ себя, и пользуется большимъ значеніемъ здѣсь. Его зять изъ молодыхъ технологовъ. Онъ устроилъ здѣсь цементный заводъ на милліонъ пудовъ выдѣлки въ годъ и въ одинъ годъ пустилъ его въ ходъ. Что это для Сибири, какая энергія нужна для этого, пойметъ и оцѣнитъ только здѣшній житель.

Заводъ въ 15 верстахъ отъ Срѣтенска и я, Н. А., докторъ и С. Г. ѣздили на этотъ заводъ.

Громадное четырехъэтажное зданіе изъ дерева съ желѣзной обшивкой, все въ удушливой ѣдкой пыли отъ глины, песка, размолотаго камня и угля. Въ этомъ адѣ всѣ работники только китайцы. Грязные, потные, съ косой, обмотанной вокругъ головы, полунагіе, они лежатъ каждый около своей печи, и ихъ поднимаетъ владѣлецъ завода рѣзкимъ, короткимъ: «хэ!»

И это «хэ», какъ эхо бича изъ хижины дяди Тома, тяжело рѣжетъ ухо.

Владѣлецъ экономный, разсчетливый человѣкъ. Онъ напоминаетъ типъ героя изъ «Паяцовъ» Леонковалло въ первомъ дѣйствіи, когда торжествующій хозяинъ въѣзжаетъ на сцену: онъ бьетъ въ барабанъ и смотритъ, бьетъ и опять смотритъ, словно считаетъ: и эта телѣга, и этотъ оселъ, и этотъ весь циркъ и жена въ тележкѣ—все это его

и только его. И все это дастъ ему денежки: круглыя золотыя и всѣ онѣ будутъ его и только его.

Домъ владѣльцевъ со всѣми удобствами и даже электричествомъ, но впечатлѣніе опять: все это такъ, между прочимъ, какъ и сама жизнь въ домѣ, а главное тамъ, въ этой пыли и вони, гдѣ затраченъ милліонъ и все къ нему приспособлено и самой жизни нѣтъ, не чувствуется.

Не хочется ни милліоновъ этихъ, ни всей этой прозаичной жизни. Докторъ привезъ было свою гитару, но она такъ и пролежала на пароходикѣ.

Двѣ женскихъ фигурки—миловидныя—мелькали передъ глазами. Но это какъ-то такъ, какъ второстепенное.

Тоже «женское», какъ величалъ сибирскій ямщикъ своихъ женщинъ.

У рабочаго человѣка, безъ капитала, С. Г. куда теплѣе и веселѣе.

8-го августа.

Третій день на маленькомъ буксирномъ пароходѣ. Мы единственные пассажиры.

Ночевали сегодня посреди Шилки. По обыкновенію, въ три часа ночи спустился туманъ и простояли до восьми утра.

Ночь тихая, сырая и гулкая. Это вода Шилки мутная, озабоченная, обгоняетъ насъ. Скорость воды здѣсь, по опредѣленію капитановъ, до 100 верстъ въ сутки. Вѣроятно, это такъ и есть, такъ какъ плесовъ, то-есть, тихихъ мѣстъ на рѣкѣ, гдѣ нѣтъ струекъ и водяныхъ вихрей, очень мало.

Часамъ къ десяти утра выяснилось и холодъ сразу смѣнился порядочной жарой,—одна параллель съ Харьковомъ чувствуется.

Все тѣ же гористые, пористые лѣса, пустынные берега. Въ нихъ медвѣди, козы. Ниже верстъ на 600 начнутся тигры. Черезъ 20—30 верстъ попадаются одинокіе домики—это почтовыя станціи, ихъ семь или какъ называютъ ихъ здѣсь,—семь смертныхъ грѣховъ.

Онѣ тянутся до села Покровскаго, тамъ, гдѣ сливаются Аргунь и Шилка, откуда, какъ извѣстно, и начинается уже Амуръ.

Переѣздъ отъ такой почтовой станціи до другой въ лодкѣ занимаетъ около сутокъ.

Мѣста живописны, иногда горы громоздятся и ближе жмутся къ рѣкѣ, иногда расходятся и, покрытыя синей дымкой, далекой декораціей стоятъ на горизонтѣ.

Но все пустынно: нѣтъ людей и не тянетъ къ себѣ своей пустыней эта далекая сторона: увидѣть и забыть.

Было пять часовъ вечера, когда мы подошли къ устью Аргуни.

Аргунь вышла подъ острымъ угломъ изъ за ряда высокихъ, зе-

леныиъ лѣсомъ покрытыхъ сопокъ (или салачковъ, какъ здѣсь называютъ).

На мгновеніе мелькнула высокими горами сжатая долина Аргуни и даль уже китайскихъ владѣній.

На острой косѣ, между Аргунью и Шилкой, расположилось наше небольшое казацкое селеніе—Устъ-Стрѣлка *). Отсюда, ниже весь правый берегъ уже китайскій.

Такой же пустынный, покрытый рублеными лѣсами, какъ и нашъ. На его берегу стога сѣна—это казаки наши снимаютъ у китайцевъ ихъ угодья въ аренду.

По китайскому берегу въ голубой блузѣ и широкихъ штанахъ съ косой сзади пробирается китаецъ — это ноіонъ, — начальникъ пограничнаго поста. Вотъ его избушка. Этому ноіону пароходчики даютъ нѣсколько рублей и рубятъ китайскій лѣсъ на дрова, на сплавы и такъ же поэтому мало лѣса у китайцевъ, какъ и у насъ. Молодняжникъ растетъ, а отъ стараго только слѣды,—дорожка, по которой спускали его со ста-саженной высоты. Много такихъ слѣдовъ. Спущенный къ рѣкѣ лѣсъ вяжется въ плоты и спускается къ Благовѣщенску.

А еще черезъ полчаса мы пристали и къ станціи Покровской.

На мгновеніе улыбнулась было надежда, что стоявшій у берега большой пароходъ повезетъ насъ внизъ по рѣкѣ. Но, увы! большой пароходъ идетъ вверхъ, а внизъ часа четыре тому назадъ ушелъ почтовый, слѣдующій же пойдетъ не раньше трехъ дней.

По истинѣ, въ нашей злополучной поѣздкѣ какая-то скачка съ непреодолимыми препятствіями: и чѣмъ больше напряженія съ нашей стороны, тѣмъ все хуже выходитъ.

На нашъ вопросъ: сколько нашъ пароходъ взялъ бы за доставку насъ въ Благовѣщенскъ, отвѣтъ: «500—600 рублей».

Этого барьера, по крайней мѣрѣ, не перескочишь. Сегодня ночуемъ на пароходѣ, а завтра перебираемся на берегъ, если, впрочемъ, найдемъ квартиру, такъ какъ ни гостинницъ, ни постоялыхъ дворовъ нѣтъ. Ни того, ни другого не желаютъ всесильные здѣсь казаки.

Вечерѣетъ. Мы стоимъ у берега. Зеркальная поверхность воды, прекрасный закатъ и тишина. Изрѣдка только нарушается она вздохами нашего парохода. Какъ загнанное животное при послѣднемъ издыханіи, онъ вздыхаетъ тяжело-тяжело.

---

*) Та самая Усть-Стрѣлка, къ которой пристали аргонавты бывшаго фрегата «Паллады» на сдѣланной ими самими въ Японіи шкунѣ «Хедѣ». Какъ извѣстно, остовъ фрегата «Паллады» за ветхостью былъ оставленъ въ Амурскомъ заливѣ, а экипажъ перешелъ на фрегатъ «Діану». Вслѣдствіе землетрясенія, бывшаго въ Японіи, «Діана» потерпѣла крушеніе и ее замѣнила самодѣльная «Хеда» («Фрегатъ Паллада», томъ седьмой, стр. 554, соч. И. А. Гончарова).

Вотъ розовой мглой охватило воду, вспыхнула она на мгновеніе въ отвѣтъ небу яркимъ заревомъ и задымилась вечернимъ туманомъ.

Огоньки загораются на берегу нашемъ и китайскомъ.

Село Покровское на небольшомъ отъ берега возвышеніи—все, какъ на ладони: двѣ церкви, нѣсколько зажиточныхъ домовъ, но большинство бѣдныхъ.

— Вотъ казаки, прямо сказать, грабятъ, а нищими живутъ: все въ кабакъ...

Это говоритъ пришедшій къ нашему капитану въ гости капитанъ большого парохода, на который мы возлагали было наши надежды. Мелкая фигурка, блондинъ, лѣтъ 35. Полный контрастъ съ нашимъ. Нашъ капитанъ старый морской волкъ, громадный, съ кожей темной и блестящей, какъ у моржа, 62 лѣтъ, молчаливый и несообщительный. Новый же капитанъ охотникъ поговорить и въ полчаса онъ разсказалъ много интереснаго. Онъ самъ казакъ, но признаетъ, что лѣнивѣе казака ничего нѣтъ на свѣтѣ.

Съ постройки Забайкальской и Уссурійской дорогъ, когда появались въ качествѣ рабочихъ китайцы, казаки возненавидѣли китайцевъ. Въ борьбѣ съ ними всѣ мѣры дозволительны. Ихъ убиваютъ, обкрадываютъ.

— Вы слыхали, вѣроятно, что вотъ китайцы дѣтей въ котлахъ варятъ. Выдумка голая: знаетъ, что вретъ и вретъ,—вретъ и вѣритъ уже самъ: самъ себя разжигаетъ... Вчера пришелъ я съ пароходомъ сюда: атаманъ на пароходъ: такъ и такъ, на какомъ основаніи китайцевъ пассажировъ на пароходѣ везете, паспорты у нихъ неисправные.—А я откуда знаю? Я не полиція... Пассажиръ сѣлъ, деньги отдалъ, больше до меня не касается. А вся штука въ томъ, что эти пассажиры взялись по три копѣйки съ пуда выгружать нашъ грузъ. Такъ вотъ откажи имъ, а казакамъ по пятаку отдай. А дай по пятаку, по гривеннику запросятъ, сами себя не помнятъ. Составилъ протоколъ, къ мировому тянетъ меня. Ну, однако, мировой не то, что было: можно сказать, съ ними пришелъ и законъ, наконецъ, старое пора и забыть.

— Хорошее было старое?

— Денной грабежъ былъ. У какого-нибудь полицейскаго чина въ полной власти... Какъ вотъ у китайцевъ, такая же организація...

— А китайцы ваши дѣйствительно были безъ паспортовъ?

— А безъ паспортовъ, шельмецы... Есть у нихъ что-то по ихнему написанное, а что такое, кто разберетъ? Настоящихъ паспортовъ ни у одного нѣтъ, у всѣхъ, кто здѣсь работаетъ... идутъ и идутъ... и нельзя ихъ не брать въ работу: кто жъ работать будетъ? Изъ-за чего же? Мы все изъ Манджуріи покупаемъ: и хлѣбъ, и мясо, и водку, а безъ нихъ мы досидѣлись бы до 20 рублей за пудъ говядины, какъ было во время Желтухинской республики...

На берегу въ раздумьи, слегка покачиваясь, стоитъ рабочій въ блузѣ, высокихъ сапогахъ, и слушаетъ, что говоритъ капитанъ.

Лицо его слегка вспухло, онъ свѣтлый блондинъ, маленькіе, умные глаза его впились въ говорящаго.

На послѣднія слова капитана онъ раздраженно говоритъ:

— Не придется...

— Что не придется?

— Не придется, и господинъ прокуроръ господъ китайцевъ, прохвостовъ и жуликовъ, вонъ выселитъ всѣхъ до послѣдняго на ту сторону (онъ показываетъ на китайскую границу)... Чтобы и казаки могли ѣсть хлѣбъ, который имъ посылается судьбой. И не для того посылается, чтобы его китайскимъ тварямъ отдавать. Такъ-съ... На копѣйку бы просилъ казакъ всего больше, и того нельзя уважить...

— Вотъ и слушайте его... А скажите имъ, что въ Россіи за пятачекъ 70 верстъ везутъ, да нагрузятъ и выгрузятъ...

— Россія намъ не указъ.

— Не указъ? А въ Америкѣ копѣйку за это самое платятъ.

— И Америка не указъ, а что вотъ господа пароходчики не достаточно гуманны къ рабочему русскому человѣку и въ свое время поплатятся за это, такъ это тоже вѣрно-съ.

— Ты рабочій? Пропойца чиновникъ...

— Вотъ...

Пропойца проговорилъ это съ горечью, протянулъ руку и вскрикнулъ патетически:

— О, незабвенный Некрасовъ... Помните-съ? Кому вольготно, весело живется на Руси? Купчинѣ толстопузому...

Съ трагическимъ жестомъ и энергично покачивая головой, онъ отошелъ къ небольшой группѣ казаковъ.

— Вотъ и разговаривайте съ ними,—съ не меньшей горечью сказалъ мой собесѣдникъ,—китаецъ въ день зарабатываетъ до 10 рублей на выгрузкѣ, русскому мало: дай двадцать, а за 1.000 верстъ провоза мы беремъ всего 20 копѣекъ. Изъ нихъ за нагрузку отдай пятакъ, да пятачекъ за выгрузку, что жъ останется? И вѣдь такъ и будутъ сидѣть, такъ и сидятъ, поджавши колѣни, вотъ какъ на... Ну-съ, мнѣ пора...

Капитанъ ушелъ, а я остался. Темнѣетъ. Синеватый, прозрачный туманъ заволакиваетъ горы, даль, село. Дымится рѣка, все такъ же тяжело стонетъ пароходъ. Какая-то фигура подошла къ берегу.

— Господинъ...

Я подхожу. Пропойца чиновникъ.

— У васъ выгрузки не будетъ?

— Завтра...

— Вы намъ?

— Вамъ...

— Я интеллигентный человѣкъ: копѣйки денегъ нѣтъ...

Я бросаю монету, онъ ловко ловитъ и съ ужимками быстро скрывается.

Пока стоялъ онъ, слушая разговоръ нашъ, прошло больше часа.

Въ это время шла выгрузка и онъ могъ бы заработать ровно въ десять разъ больше, чѣмъ то, что получилъ отъ меня.

-- Истинно образованнаго человѣка сейчасъ видно,—раздается его поощрительный голосъ изъ темноты.

Мнѣ стыдно и за себя, и за него, и я быстро ухожу въ каюту.

Н. Гаринъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Послѣднія произведенія Ан. Чехова: «Случай изъ практики», «Новая дача», «По дѣламъ службы».—Тревожно-грустное настроеніе этихъ разсказовъ.—Гармоничное сліяніе художника и мыслителя.—Напряженность творчества и энергія въ изображеніи темныхъ сторонъ жизни.—Общественное значеніе этихъ произведеній.

Въ новыхъ произведеніяхъ Ан. Чехова, появившихся въ теченіе послѣдняго мѣсяца въ «Рус. Мысли», «Рус. Вѣдомостяхъ» и «Недѣлѣ», опять тревожно стучатся въ душу читателя неразрѣшимые вопросы жизни, которые съ особой болью и остротой даютъ себя чувствовать въ минуты глубокаго общественнаго затишья.

Бываютъ такія времена, когда кажется, будто телѣга жизни остановилась, застрявъ въ какомъ то болотѣ, изъ котораго не выбраться—ни влѣво, ни вправо податься некуда, и при каждой попыткѣ только глубже и глубже засасываетъ тина. Такое впечатлѣніе, конечно, обманчиво по существу, и процессъ жизни не останавливается. Только онъ совершается гдѣ-то глубоко-глубоко, носитъ почти молекулярный характеръ, и въ этомъ, пожалуй, заключается его огромное органическое значеніе. Но на поверхности, гдѣ мы только и можемъ наблюдать этотъ процессъ,—эта обманчивая тишина, отсутствіе движенія и мертвящая гладь вызываютъ нѣчто въ родѣ мистическаго ужаса при мысли, что жизнь такъ и замерла въ своей современной уродливой формѣ. Чувство неопредѣленной тревоги сжимаетъ сердце, а больная совѣсть возбуждаетъ вопросъ за вопросомъ, на которые текущая жизнь вовсе не даетъ отвѣта, и вниманіе все болѣе и болѣе сосредоточивается на жизни внутри насъ. Кажется, именно здѣсь скрыта причина всѣхъ причинъ, и важнѣйшіе *общіе* вопросы сводятся къ рѣшенію прежде всего вопроса *личной* жизни. Какъ будто каждый изъ насъ живетъ внѣ времени и пространства, какъ будто окружающее не имѣетъ ни малѣйшаго къ намъ отношенія, есть лишь отраженіе нашего *я*, которое властно повернуть жизнь такъ и этакъ! И нужно много стойкости, усилій воли, той особой дисциплины ума, которая вырабатывается опытомъ, наблюденіемъ и размышленіемъ, чтобы поставить вопросъ совершенно обратно, взглянуть на себя, какъ на маленькую часть огромнаго общественнаго организма, часть, которая всецѣло подчинена законамъ этого организма, вліяющимъ на нее такъ же стихійно, какъ законъ тяготѣнія, какъ солнце и воздухъ.

Въ своихъ произведеніяхъ послѣдняго времени Ан. Чеховъ даетъ рядъ такихъ типовъ съ чуткой душой и больной совѣстью, на которыхъ тягота жизни давитъ съ особой силой, именно потому, что они воспріимчивѣе другихъ, чувствительнѣе и нѣжнѣе. Въ первомъ изъ этихъ чудесныхъ по яркости художественнаго выполненія разсказовъ предъ нами настоящая больная, нервная и разбитая, хрупкое и симпатичное существо, на которое судьба взвалила тяжесть пяти огромныхъ фабричныхъ корпусовъ, гдѣ тысячи рабочихъ вырабатываютъ гнилые ситцы для азіатскихъ рынковъ. Огромные доходы отъ этой каторжной

работы камнемъ ложатся на душу бѣдной владѣлицы, которой въ сущности такъ мало нужно. Умный и вдумчивый врачъ, приглашенный къ этой оригинальной больной, раздавленной ея милліонами, невольно останавливается передъ этимъ вопіющимъ противорѣчіемъ.

Паціентка возбуждаетъ въ немъ глубокую жалость. Вначалѣ она кажется ему неинтересной и незначительной, но когда въ нервномъ припадкѣ она зарыдала, «впечатлѣніе существа убогаго и некрасиваго вдругъ исчезло, и Королевъ (врачъ) уже не замѣчалъ ни маленькихъ глазъ, ни грубо развитой нижней части лица; онъ видѣлъ мягкое страдальческое выраженіе, которое было такъ разумно и трогательно, и вся она казалась ему стройной, женственной, простой, и хотѣлось уже успокоить ее не лѣкарствами, не совѣтомъ, а простымъ, ласковымъ словомъ».

Окружающая обстановка, мать, любящая и ничего не понимающая, богатство, не скрашенное даже внѣшнимъ лоскомъ культуры, угрюмый гулъ фабричныхъ корпусовъ, и среди этого неуютнаго, ничѣмъ не осмысленнаго міра чахнущая отъ безсмыслицы жизни бѣдная дѣвушка—наводятъ доктора на размышленія. Зачмъ все это? Кому это нужно?

«Тутъ недоразумѣніе, конечно...—думалъ онъ, глядя на багровыя окна.—Тысячи полторы—двѣ фабричныхъ работаютъ безъ отдыха, въ нездоровой обстановкѣ, дѣлая плохой ситецъ, живутъ впроголодь и только изрѣдка въ кабакѣ отрезвляются отъ этого кошмара; сотня людей надзираетъ за работой и вся жизнь этой сотни уходитъ на записываніе штрафовъ, на брань, на несправедливости, и только двое-трое, такъ называемые хозяева, пользуются выгодами, хотя совсѣмъ не работаютъ и презираютъ плохой ситецъ. Но какія выгоды, какъ пользуются ими? Ляликова и ея дочь несчастны, на нихъ жалко смотрѣть; живетъ въ свое удовольствіе только одна Христина Дмитріевна (гувернантка больной дѣвушки), пожилая, глуповатая дѣвица въ pince-nez. И выходитъ такъ, что, значитъ, работаютъ всѣ эти пять корпусовъ и на восточныхъ рынкахъ продается плохой ситецъ для того только, чтобы Христина Дмитріевна могла кушать стерлядь и пить мадеру»...

И докторъ совершенно правъ, когда, разсматривая всю эту нелѣпую картину жизни съ исключительно личной точки зрѣнія, приходитъ къ оригинальному выводу, что и Христина Дмитріевна тутъ только подставное лицо, а «главное, для кого здѣсь все дѣлается—дьяволъ».

«И онъ думалъ о дьяволѣ, въ котораго не вѣрилъ... Ему казалось, что этими багровыми глазами на него смотрѣлъ самъ дьяволъ, та невѣдомая сила, которая создала отношенія между сильными и слабыми, эту грубую ошибку, которую теперь ничѣмъ не исправить. Нужно, чтобы сильный мѣшалъ слабому жить—таковъ законъ природы, но это понятно и легко укладывается въ мысль только въ газетной статьѣ или въ учебникѣ, въ той же кашѣ, какую представляетъ изъ себя обыденная жизнь, въ путаницѣ всѣхъ мелочей, изъ которыхъ сотканы человѣческія отношенія, это уже не законъ, а логическая несообразность, когда и сильный, и слабый одинаково падаютъ жертвой своихъ взаимныхъ отношеній, невольно покоряясь какой-то направляющей силѣ, неизвѣстной, стоящей внѣ жизни, посторонней человѣку»...

Отъ этихъ грустныхъ мыслей докторъ возвращается къ своей паціенткѣ, которую застаетъ еще болѣе слабой и разбитой послѣ нервнаго припадка. Она, какъ бы провидя его думы, сама идетъ ему на встрѣчу, жалуется на одиночество, на пустоту жизни. Ему кажется, что есть только одинъ хорошій совѣтъ, который могъ бы улучшить ея душевное настроеніе—бросить всю эту жизнь, фабрику, милліоны и уйти.

«— Вы въ положеніи владѣлицы фабрики и богатой наслѣдницы недовольны, не вѣрите въ свое право и теперь вотъ не спите, это, конечно, лучше, чѣмъ

если бы вы были довольны, крѣпко спали и думали, что все обстоитъ благополучно. У васъ почтенная безсонница; какъ-бы ни было, она хорошій признакъ. Въ самомъ дѣлѣ, у родителей нашихъ былъ бы не мыслимъ подобный разговоръ, какъ вотъ у насъ теперь; по ночамъ они не разговаривали, а крѣпко спали, мы же, наше поколѣніе, дурно спимъ, томимся, много говоримъ и все рѣшаемъ, правы мы или нѣтъ. А для нашихъ дѣтей или внуковъ вопросъ этотъ, — правы они или нѣтъ, — будетъ уже рѣшенъ. Имъ будетъ виднѣе, чѣмъ намъ. Хорошая будетъ жизнь лѣтъ черезъ пятьдесятъ, жаль только, что мы не дотянемъ. Интересно было бы взглянуть.

«— Что же будутъ дѣлать дѣти и внуки?

« — Не знаю... Должно быть, побросаютъ все и уйдутъ.

«— Куда уйдутъ?

»— Куда?.. Да куда угодно, — сказалъ докторъ и разсмѣялся. — Мало ли куда можно уйти хорошему, умному человѣку»...

...Эти общія замѣчанія позволяемъ себѣ сдѣлать мимоходомъ, потому что къ разсказу Ан. Чехова прямого отношенія они не имѣютъ. «Случай изъ практики» есть именно только «случай», не поддающійся обобщенію Въ разсказѣ превосходно очерчено настроеніе «мятущейся души», подавленной непосильнымъ бременемъ жизни. Выхваченъ изъ сложной картины жизни одинъ яркій моментъ, въ которомъ съ особой силой проявляются противорѣчія, непримиримыя ни съ какой логикой, нелѣпыя сами по себѣ и тѣмъ болѣе тягостныя. Такіе моменты важны и поучительны всегда, и дорогъ художникъ, умѣющій съ поразительной живостью воспроизвести ихъ. Они важны, потому что именно тогда, какъ глубокою ночью при блескѣ молній, вырѣзывается на хаотическомъ фонѣ житейской неурядицы вся нелѣпость исключительно личной жизни, не осмысленной и не упорядоченной одной общей, все объединяющей идеей, которая могла бы служить руководящей нитью сквозь мракъ и хаосъ удручающей современности. Они поучительны, потому что съ особой силой чувствуется въ эти моменты вся слабость уединенной личности, ея роковая зависимость отъ стихійной силы, дѣйствительно оказывающейся «дьяволомъ» для личности, не понимающей значенія этой силы. Въ темныхъ легендахъ средневѣковья только магъ и волшебникъ, близко изучившій тогдашняго дьявола, могъ справляться съ нимъ. Такихъ же пріемовъ—изслѣдованія и изученія — требуетъ и современный «дьяволъ», который при свѣтѣ науки оказывается вовсе не такъ страшенъ, какъ его малюютъ...

Уѣзжая отъ своей паціентки въ ясное воскресное утро, мечтательный докторъ «думалъ о томъ времени, быть можетъ, уже близкомъ, когда жизнь будетъ такою же свѣтлой и радостной, какъ это тихое, воскресное утро». И мы раздѣляемъ съ нимъ ту же надежду, иначе и жить бы не стоило, — но способъ, къ которому, по его мнѣнію, прибѣгнутъ дѣти и внуки для достиженія этой жизни, намъ представляется мало дѣйствительнымъ, не говоря уже объ его неосуществимости.

Въ другомъ разсказѣ «Новая дача» Чеховъ рисуетъ не менѣе яркую картину житейской нелѣпости, которая разыгрывается въ деревнѣ, гдѣ такая же «мятущаяся душа» желаетъ найти примиреніе съ жизнью въ работѣ для деревни—и не находитъ.

По художественности «Новая дача», пожалуй, лучшая вещь изъ написанныхъ за послѣднее время Чеховымъ. Въ ней все движеніе и жизнь, крестьянскіе типы очерчены съ тонкимъ юморомъ, смягчающимъ рѣзкость и неприглядность мрачной деревенской жизни. Разсказъ, какъ и всѣ произведенія Чехова, не замысловатъ и простъ. Въ глухую деревушку, вблизи которой проводятъ желѣзную дорогу, пріѣзжаетъ строитель моста и устраиваетъ себѣ усадьбу. Его небольшая дача, лежащая въ сторонѣ, ни мало не мѣшаетъ деревнѣ, но

жители сразу настраиваются къ новымъ поселенцамъ враждебно. Они и сами не знаютъ, что имъ такъ мѣшаетъ новая дача. Но при первой возможности они устраиваютъ инженеру пакость, загоняютъ его лошадей и дорогой скотъ, хотя сами травятъ его лугъ и лѣсъ. Инженеръ пытается уладить эти отношенія и при встрѣчѣ съ крестьянами заводитъ длинное объясненіе.

«— Я давно уже хочу поговорить съ вами, братцы,—говоритъ онъ,—дѣло вотъ въ чемъ. Съ самой ранней весны каждый день у меня въ саду и въ лѣсу бываетъ ваше стадо. Все вытоптано, свиньи изрыли лугъ, портятъ огородъ, а въ лѣсу пропалъ весь молоднякъ. Сладу нѣтъ съ вашими пастухами; ихъ просишь, а они грубятъ. Каждый день у меня потрава, и я ничего, я не штрафую васъ, не жалуюсь,—между тѣмъ вы загнали моихъ лошадей и бычка, взяли пять рублей. Хорошо ли это? Развѣ это по сосѣдски?—продолжалъ онъ, и голосъ у него былъ такой мягкій, убѣдительный, и взглядъ не суровый.— Развѣ такъ поступаютъ порядочные люди? Недѣлю назадъ кто-то изъ вашихъ срубилъ у меня въ лѣсу два дубка. Вы перекопали дорогу въ Ереснево, и теперь мнѣ приходится дѣлать три версты кругу. За что же вы мнѣ вредите на каждомъ шагу? Что я сдѣлалъ вамъ дурного, скажите ради Бога? Я и жена изо всѣхъ силъ стараемся жить съ вами въ мирѣ и согласіи, мы помогаемъ крестьянамъ, какъ можемъ. Жена моя сердечная, добрая женщина, она не отказываетъ въ помощи, это ея мечта быть полезной вамъ и вашимъ дѣтямъ. Вы же за добро платите намъ зломъ. Вы несправедливы. братцы. Подумайте объ этомъ. Убѣдительно прошу васъ, подумайте. Мы относимся къ вамъ по человѣчески, платите и вы намъ тою же монетой».

Такое патетическое воззваніе къ добрымъ чувствамъ крестьянъ остается ими, конечно, не понятымъ и получаетъ совершенно иное истолкованіе въ пересказѣ добродушнаго кузнеца Родіона: «Платить, говоритъ, надо... Монетой, говоритъ... Монетой не монетой, а ужъ по гривеннику со двора надо бы. Ужъ очень обижаемъ барина. Жалко мнѣ»...

Родіонъ человѣкъ душевный, любитъ миръ, тишину, врагъ пьянства и буйства. Зато другіе, въ особенности его сынъ, Володька, и Лычковы, отецъ съ сыномъ,—это буйные протестанты. Они вѣчно противъ всего и всѣхъ, хотя, конечно, и сами рѣшительно не могутъ понять, почему ихъ возмущаетъ и строющійся мостъ («не надо намъ моста... жили безъ него»...), и новая дача, такая нарядная и красивая, и пришлая барыня, тихая, добрая, ласковая. Они несчастны, вѣчно избиты, пьяны, грязны, голодны, и въ этомъ противорѣчіи между собой и новыми непонятными имъ явленіями чувствуютъ поводъ для постояннаго раздражительнаго недовольства. Оно вспыхиваетъ съ особенной силой въ тѣ минуты, когда обращаются къ ихъ добрымъ чувствамъ. Безотчетно, но съ тѣмъ большею жестокостью проявляется эта враждебность по отношенію къ барынѣ, которая всей душой стремится быть полезной, нужной именно имъ, такимъ забитымъ нуждою, всѣми забытымъ людямъ.

Барыня дѣлаетъ попытки личнаго непосредственнаго сближенія съ деревней. Она просто и откровенно объясняетъ, что ее влечетъ сюда. Придя въ деревню, она въ бесѣдѣ съ Родіономъ изливаетъ душу. На замѣчаніе Родіоновой жены, добродушной старухи, что богатымъ и на этомъ, и на томъ свѣтѣ живется лучше, она отвѣчаетъ отрицательно и въ примѣръ приводитъ себя.

«Это только такъ кажется, что богатымъ легко... У каждаго человѣка свое горе. Вотъ мы, я и мой мужъ, живемъ не бѣдно, у насъ есть средства, но развѣ мы счастливы? Я еще молода, но у меня уже четверо дѣтей; дѣти все болѣютъ, я тоже постоянно больна, все лѣчусь... Я вотъ сижу, говорю, а въ головѣ нехорошо, слабость во всемъ тѣлѣ, и я согласна, пусть лучше самый тяжелый трудъ, чѣмъ такое состояніе. И душа тоже непокойна. Постоянно боишься за дѣтей, за мужа. У каждой семьи есть свое какое-нибудь горе, есть

оно и у насъ. Я не дворянка. Дѣдъ мой былъ простой крестьянинъ, отецъ торговалъ въ Москвѣ и тоже былъ простой человѣкъ. А у моего мужа родители знатные и богатые. Они не хотѣли, чтобы онъ женился на мнѣ, но онъ ослушался, поссорился съ ними, и вотъ они до сихъ поръ не прощаютъ насъ. Это безпокоитъ мужа, волнуетъ, держитъ въ постоянной тревогѣ; онъ любитъ свою мать, очень любитъ. Ну я и безпокоюсь. Душа болитъ.

«Около избы Родіона уже стояли мужики и бабы и слушали. Подошелъ и Козовъ (мѣстный скептикъ) и остановился, потряхивая своей узкой бородкой. Подошли Лычковы, отецъ и сынъ.

«— И то сказать, нельзя быть счастливымъ и довольнымъ, если не чувствуешь себя на своемъ мѣстѣ, — продолжала Елена Ивановна.—Каждый изъ васъ имѣетъ свою полосу, каждый изъ васъ трудится и знаетъ, для чего трудится: мужъ мой строитъ мосты, однимъ словомъ, у каждаго свое мѣсто. А я? Я только хожу. Полосы у меня своей нѣтъ, я не тружусь и чувствую себя, какъ чужая. Все это я говорю, чтобы вы не судили по наружному виду, если человѣкъ богато одѣтъ и имѣетъ средства, то это еще не значитъ, что онъ доволенъ своей жизнью.

«Она встала, чтобы уходить, и взяла за руку дочь.

«— Мнѣ у васъ здѣсь нравится,—сказала она и улыбнулась; и по этой слабой, несмѣлой улыбкѣ можно было судить, какъ она въ самомъ дѣлѣ нездорова, какъ еще молода и какъ хороша собой; у нея было блѣдное, худощавое лицо съ темными бровями и бѣлокурые волосы. И дѣвочка была такая же, какъ мать, худощавая, бѣлокурая и тонкая. Пахло отъ нихъ духами.

«— И рѣка нравится, и лѣсъ, и деревня...—продолжала Елена Ивановна.—Я могла бы прожить тутъ всю жизнь, и мнѣ кажется, здѣсь бы я выздоровѣла и нашла свое мѣсто. Мнѣ хочется, страстно хочется помогать вамъ, быть вамъ полезной, близкой. Я знаю вашу нужду, а то, чего не знаю, чувствую, угадываю сердцемъ. Я больна, слаба, и для меня, пожалуй, уже невозможно измѣнить свою жизнь, какъ я хотѣла бы. Но у меня есть дѣти, я постараюсь воспитать ихъ такъ, чтобы они привыкли къ вамъ, полюбили васъ. Я буду внушать имъ постоянно, что ихъ жизнь принадлежитъ не имъ самимъ, а вамъ. Только прошу васъ убѣдительно, умоляю, довѣряйте намъ, живите съ нами въ дружбѣ. Мой мужъ добрый, хорошій человѣкъ. Не волнуйте, не раздражайте его... Прошу васъ,—продолжала она умоляющимъ голосомъ и сложила руки на груди,—прошу, относитесь къ намъ, какъ добрые сосѣди, будемъ жить въ мирѣ! Сказано вѣдь, худой миръ лучше доброй ссоры, и не купи имѣніе, а купи сосѣда. Повторяю, мой мужъ добрый человѣкъ, хорошій; если все будетъ благополучно, то мы, обѣщаю вамъ, сдѣлаемъ все, что въ нашихъ силахъ, мы починимъ дороги, мы построимъ вашимъ дѣтямъ школу».

Этотъ трогательный, хотя и такой наивный призывъ къ любви, миру и согласію, не вызываетъ сочувствія, разбиваясь о скептицизмъ глупаго Козова и враждебное настроеніе прирожденныхъ протестантовъ Володьки («не надо намъ школы!..») и пьяныхъ Лычковыхъ. Бѣдная барыня совсѣмъ съеживается, пугается и спѣшитъ уйти. Толпа тупо глядитъ ей въ слѣдъ, и только добродушно-глуповатый Родіонъ пытается по своему утѣшить ее, разъяснить, что дѣло не въ грубости Козова или Володьки, а въ чемъ-то другомъ.

«— Не обижайся, барыня! чего тамъ, ты потерпи. Года два потерпи. Поживешь тутъ, потерпишь, и все обойдется. Народъ у насъ хорошій, смирный... Народъ ничего, какъ передъ Истиннымъ говорю... Иной, знаешь, радъ бы слово сказать по совѣсти, вступиться, значитъ, да не можетъ. И душа есть, и совѣсть есть, да языка въ немъ нѣтъ... Ты ничего...—бормоталъ онъ.—Потерпи годика два. И школу можно, и дороги можно, а только не сразу. Хочешь, скажемъ къ примѣру, посѣять на этомъ бугрѣ хлѣбъ, такъ сначала выкорчуй, выбери комки всѣ, да

потомъ вспаши, ходи да ходи .. И съ народомъ, значитъ, такъ... ходи да ходи, пока не осилишь»...

Въ концѣ концовъ инженеръ не выдерживаетъ постоянной мелкой травли сосѣдей и бѣжитъ, продавъ дачу чиновнику, который огородился, заперся и знать не знаетъ ни мужиковъ, ни ихъ нуждъ и желаній. Изрѣдка, возвращаясь съ работы, крестьяне вспоминаютъ прежнихъ господъ и думаютъ. «Въ ихъ деревнѣ,— думаютъ они,— народъ хорошій, смирный, разумный, Бога боится, и Елена Ивановна тоже смирная, добрая, кроткая, было такъ жалко глядѣть на нее, но почему же они не ужились, а разошлись, какъ враги? Что это былъ за туманъ, который застилалъ отъ глазъ самое важное, и видны были только потравы, уздечки, клещи, и всѣ эти мелочи, которыя теперь при воспоминаніи кажутся такимъ вздоромъ? Почему съ новымъ владѣльцемъ живутъ въ мирѣ, а съ инженеромъ не ладили»?

Авторъ не даетъ отвѣта на эти думы, которыя вызываютъ цѣлую вереницу другихъ, тоже невеселыхъ и безотвѣтныхъ. Почему труднѣе всего подойти къ человѣку открыто, прямо, внѣ всякихъ рамокъ, въ которыя поставленъ каждый изъ насъ,—какъ это хотѣла сдѣлать Еленя Ивановна? Объясненіе добродушнаго Родіона, можетъ быть, и вѣрно, но оно не менѣе нелѣпо, чѣмъ самый фактъ. Чтобы дѣлать людямъ добро, надо ходить около нихъ цѣлые годы, «терпѣть» предварительно и путемъ терпѣнія добиться права быть добрымъ, не возбуждая злобныхъ выходокъ и подозрѣній...

Тема, затронутая Чеховымъ, не новая и часто служила для Гл. Успенскаго иллюстраціей непримиримости деревенскаго міросозерцанія и кающагося интеллигента, который вмѣсто распростертыхъ объятій встрѣчаетъ въ деревнѣ вражду. Только Успенскій обобщалъ эти столкновенія, видя въ нихъ продуктъ старыхъ крѣпостныхъ отношеній, не допускающихъ вполнѣ человѣчныхъ отношеній въ деревенскомъ людѣ, для котораго и самый искренній интеллигентъ все же представлялся бариномъ. Теперь эти старыя воспоминанія значительно сгладились, но не создалась зато и новая почва, на которой обѣ стороны могли бы сойтись, какъ равныя. Такая почва создается только общностью интересовъ, а они такъ еще спутаны и не ясны для обѣихъ сторонъ, что если и есть какая почва для взаимныхъ отношеній, то безъ крупныхъ недоразумѣній дѣло никогда не обходится. Деревня можетъ понять только опредѣленный, матеріально выражающійся интересъ, и трогательныя наивныя рѣчи Елены Ивановны ей чужды и непонятны, какъ показались бы странны такія же рѣчи со стороны деревни по адресу того или иного интеллигента, котораго деревня не знаетъ и къ которому обратилась бы вдругъ съ изъявленіями любви, дружбы и всяческихъ симпатій. Теперь между нами и деревней существуютъ тысячи перегородокъ, и можно годами жить въ деревнѣ и не быть съ ней связаннымъ непосредственно хотя бы въ пустякахъ, въ родѣ, напримѣръ, выбора общаго сотскаго. А интересы такіе существуютъ несомнѣнно, и время все настойчивѣе указываетъ на необходимость разбить перегородки, окружающія деревню, какъ своего рода стеклянныимъ колпакомъ. Теперь существуетъ назойливо бьющая въ глаза ненормальность, что масса лицъ, живущихъ въ предѣлахъ деревни, лишены правъ обсуждать вмѣстѣ съ нею общія дѣла, какія встрѣчаются на каждомъ шагу. Послѣдній пропойца можетъ принимать участіе въ сходѣ и подавать голосъ, выбирать судей и должностныхъ лицъ, но не принадлежащій къ обществу, хотя неменѣе его заинтересованный мѣстный обыватель, живи онъ тутъ хоть сто лѣтъ,—лишенъ права и возможности непосредственнаго воздѣйствія на дѣла міра. Идетъ ли вопросъ объ учрежденіи школы, въ которой будутъ учиться и его дѣти, или о проведеніи новой общей для всѣхъ дороги, или о необходимости столь важныхъ для деревни противопожарныхъ мѣръ, выборѣ новыхъ должностныхъ лицъ, на которыхъ и съ него идетъ слѣдуемая

сумма,—все равно, такой обыватель, кто бы онъ ни былъ, стоитъ въ сторонѣ. А между тѣмъ, за послѣдніе годы такихъ не приписанныхъ къ обществамъ жителей можно встрѣтить въ любой деревни,—есть такія села, гдѣ они составляютъ особыя поселенія,—и по большей части это самый культурный слой деревенскаго населенія, прямое участіе котораго въ жизни деревни не только желательно, но необходимо. Къ сожалѣнію, имъ можно фигурировать въ деревенской жизни только въ роли разныхъ благотворителей,—почва, самая ненадежная, даже при самыхъ искреннихъ отношеніяхъ съ обѣихъ сторонъ.

Жизнь стучится въ замкнутыя двери деревенскаго міра, и въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ эти двери откроются, только не для слабыхъ и больныхъ душою, хотя такихъ искреннихъ и добрыхъ людей, какъ бѣдная Елена Ивановна. Здѣсь нужны здоровые, сильные люди, которые были бы живо заинтересованы всѣми неурядицами современной деревни и могли бы принять непосредственное участіе въ борьбѣ съ ними. До сихъ поръ ихъ деревня знаетъ лишь въ образѣ случайно занесеннаго человѣка—«По дѣламъ службы», какъ называется третій разсказъ Чехова, напечатанный въ «Недѣлѣ». Какъ два предъидущіе, разсказъ проникнутъ однимъ общимъ для нихъ настроеніемъ печали, грустнаго сознанія ненужности того, что дѣлается, и тоски о лучшихъ человѣчныхъ отношеніяхъ между людьми, теперь такими чуждыми другъ другу, разрозненными и одинокими.

Въ деревнѣ застрѣлился молодой человѣкъ, земскій страховой агентъ, и на слѣдствіе пріѣзжаютъ два молодыхъ чиновника, докторъ и слѣдователь. Они запоздали, явились только на третій день, да и то къ ночи, и слѣдствіе опять откладывается на утро. Докторъ уѣзжаетъ къ сосѣднему знакомому помѣщику, а слѣдователь рѣшается заночевать въ земской квартирѣ, гдѣ въ другой половинѣ лежитъ трупъ самоубійцы подъ охраной понятыхъ и сотскаго. Этотъ сотскій, или, какъ онъ самъ себя величаетъ «цоцкай», Лошадинъ, суетливый, добродушный старикъ, принимаетъ живѣйшее участіе во всемъ дѣлѣ и является центральной фигурой разсказа. Приготовивъ слѣдователю постель и самоваръ, онъ занимаетъ его разговоромъ, повѣтствуя и о своей несложной жизни, и о покойномъ земскомъ агентѣ Лѣсницкомъ, трупъ котораго сторожатъ за перегородкой понятые. Вся жизнь сотскаго ушла въ ходьбу. «Послѣ воли черезъ пять лѣтъ сталъ ходить, вотъ и считай. Съ этого время каждый день хожу. У людей праздникъ, а я все хожу. На дворѣ Святая, въ церквахъ звонъ, Христосъ воскресе, а я съ сумкой... Въ казначейство, на почту, къ становому, къ земскому, къ податному, въ управу, къ господамъ, къ мужикамъ, ко всѣмъ православнымъ христіанамъ. Ношу пакеты, повѣстки, окладные листы, письма, бланки разные, вѣдомости и, значитъ, господинъ хорошій, ваше высокоблагородіе, нынче такіе бланки пошли, чтобы цифры записывать—желтые, бѣлые, красные,—и всякій баринъ, или батька, или богатый мужикъ безпремѣнно записать долженъ разъ десять въ годъ, сколько у него посѣяно и убрано, сколько у него четвертей, или пудовъ ржи, сколько овса, сѣна и какая, значитъ, погода и разныя тамъ насѣкомыя. Конечно, пиши, что хочешь, тутъ одна форма, а ты ходи, раздавай листки, а потомъ ходи и собирай. Вотъ, къ примѣру сказать, барина потрошить не къ чему, самъ знаешь, пустое дѣло, только руки поганить, а ты вотъ потрудился, ваше высокоблагородіе, пріѣхалъ, потому форма; ничего тутъ не подѣлаешь. Тридцать лѣтъ хожу по формѣ»... Разсказываетъ онъ и про Лѣсницкаго, земскаго агента, который все тосковалъ... «Ходитъ и все въ землю глядитъ, глядитъ и молчитъ; окликнешь его у самаго уха: «Сергѣй Сергѣичъ!»—а онъ оглянется этакъ:—«А?»—и опять глядитъ въ землю. А теперь, видишь, руки на себя наложилъ. Нескладно, ваше высокоблагородіе, неправильно это самое и не поймешъ, что это такое на свѣтѣ, Господи милостивый»...:

Эти разговоры, вой мятели на дворѣ, неуютная обстановка мѣшають слѣдователю спать, досаждають ему. Ему думается, «какъ все это—и метель, и изба, и старикъ, и мертвое тѣло, лежавшее въ сосѣдней комнатѣ,—какъ все это было далеко отъ той жизни, какой онъ хотѣлъ для себя, и какъ все это было чуждо для него, мелко, неинтересно. Если бы этотъ человѣкъ убилъ себя въ Москвѣ, или гдѣ-нибудь подъ Москвой, и пришлось бы вести слѣдствіе, то тамъ это было бы интересно, важно и, пожалуй, даже было бы страшно спать по сосѣдству съ трупомъ; тутъ же, за тысячу верстъ отъ Москвы, все это какъ будто иначе освѣщено, все это не жизнь, не люди, а что-то существующее только «по формѣ», какъ говоритъ сотскій Лошадинъ, все это не оставитъ въ памяти ни малѣйшаго слѣда и забудется, едва только онъ, Лыжинъ, выѣдетъ изъ деревни. Родина, настоящая Россія—это Москва, Петербургъ, а здѣсь провинція, колонія; когда мечтаешь о томъ, чтобы играть роль, быть популярнымъ, быть, напримѣръ, слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ, или прокуроромъ окружного суда, быть свѣтскимъ львомъ, то думаешь непремѣнно о Москвѣ. Если жить, то въ Москвѣ, здѣсь же ничего не хочется, легко миришься со своей незамѣтной ролью и только ждешь одного отъ жизни—скорѣе бы уйти, уйти»...

Пріѣздъ доктора отрываетъ его отъ полудремотныхъ мыслей на эту тему. Докторъ зоветъ его къ сосѣду, у котораго можно пріятно провести вечеръ и съ удобствомъ переночевать. Быстрый переходъ отъ унылой земской квартиры съ ея покойникомъ, понятыми, сотскимъ, къ яркой, веселой и спокойной жизни сосѣда помѣщика вызываетъ еще болѣе раздражающее чувство безсвязности этой жизни, въ которой все какъ-то само по себѣ, безъ всякаго отношенія другъ къ другу. Сосѣдъ Тауницъ, бывшій прокуроръ, его милая интеллигентная семья, хорошая обстановка какъ-то бередятъ мысли Лыжина, разрываютъ ихъ, не даютъ ему найти какой либо центръ въ его собственной жизни, центръ, съ котораго онъ могъ бы осмыслить все, привести въ порядокъ и найти мѣсто для самого себя. Подъ шумъ и вой разыгравшейся метели сонъ его безпокойный. Ему мерещится во снѣ земская квартира, самоубійца и сотскій.

«Потомъ ему представилось, будто Лѣсницкій и сотскій Лошадинъ шли въ полѣ по снѣгу, бокъ-о-бокъ, поддерживая другъ друга; метель кружила надъ ними, вѣтеръ дулъ въ спины, а они шли и подпѣвали: «Мы идемъ, мы идемъ, мы идемъ».—Старикъ былъ похожъ на колдуна въ оперѣ, и оба въ самомъ дѣлѣ пѣли точно въ театрѣ: «Мы идемъ, мы идемъ, мы идемъ... Вы въ теплѣ, вамъ свѣтло, вамъ мягко, а мы идемъ въ морозъ, въ метель, по глубокому снѣгу... Мы не знаемъ покоя, не знаемъ радостей... Мы несемъ на себѣ всю тяжесть этой жизни, и своей, и вашей... У-у-у! Мы идемъ, мы идемъ, мы идемъ...»

«Лыжинъ проснулся и сѣлъ въ постели. Какой смутный, нехорошій сонъ! И почему агентъ и сотскій приснились вмѣстѣ? Что за вздоръ! И теперь, когда у Лыжина сильно билось сердце и онъ сидѣлъ въ постели, охвативъ голову руками, ему казалось, что у этого страхового агента, и у сотскаго въ самомъ дѣлѣ есть что-то общее въ жизни. Не идутъ-ли они и въ жизни бокъ о-бокъ, держась другъ за друга? Какая-то связь невидимая, но значительная существуетъ между обоими, даже между ними и Тауницемъ, и между всѣми, всѣми; въ этой жизни, даже въ самой пустынной глуши, ничто не случайно, все полно одной общей мысли, все имѣетъ одну душу, цѣль, и чтобы понимать это, мало думать, мало разсуждать, надо еще, вѣроятно, имѣть даръ проникновенія въ жизнь, даръ, который дается, очевидно, не всѣмъ. И несчастный, надорвавшійся, убившій себя «неврастеникъ», какъ называлъ его докторъ, и старикъ мужикъ, который всю жизнь каждый день ходитъ отъ человѣка къ человѣку,—это случайности, отрывки жизни для того, кто и свое существованіе считаетъ случай-

нымъ, и это части одного организма, чудеснаго и разумнаго, для того, кто и свою жизнь считаетъ частью этого общаго и понимаетъ это. Такъ думалъ Лыжинъ, и это было его давней затаенной мыслью и только теперь она развернулась въ его сознаніи широко и ясно.

«Онъ легъ и сталъ засыпать; и вдругъ опять они идутъ вмѣстѣ и поютъ:

«— Мы идемъ, мы идемъ, мы идемъ... Мы беремъ отъ жизни то, что въ ней есть самаго тяжелаго и горькаго, а вамъ оставляемъ легкое и радостное, и вы можете, сидя за ужиномъ, холодно и здраво разсуждать, отчего мы страдаемъ и гибнемъ, и отчего мы не такъ здоровы и довольны, какъ вы.

«То, что они пѣли, и раньше приходило ему въ голову, но эта мысль сидѣла у него какъ-то позади другихъ мыслей и мелькала робко, какъ далекій огонекъ въ туманную погоду. И онъ чувствовалъ, что это самоубійство и мужицкое горе лежатъ и на его совѣсти; мириться съ тѣмъ, что эти люди, покорные своему жребію, взвалили на себя самое тяжелое и темное въ жизни— какъ это ужасно! Мириться съ этимъ, а для себя желать свѣтлой, шумной жизни среди счастливыхъ, довольныхъ людей и постоянно мечтать о такой жизни—это значитъ постоянно мечтать о новыхъ самоубійствахъ людей, задавленныхъ трудомъ и заботой, или людей слабыхъ, заброшенныхъ, о которыхъ только говорятъ иногда за ужиномъ, съ досадой или усмѣшкой, но къ которымъ не идутъ на помощь... И опять:

«— Мы идемъ, мы идемъ, мы идемъ...»

Метель задерживаетъ доктора и слѣдоватоля на цѣлыя сутки у сосѣда, а на третій день, когда они садятся въ сани, чтобы ѣхать на слѣдствіе, передъ ними выростаетъ сотскій Лошадинъ съ неизмѣнной сумкой черезъ плечо, безъ шапки, весь въ снѣгу и убѣдительно-заискивающе докладываетъ:

— «Ваше высокоблагородіе, народъ безпокоится... Народъ очень безпокоится, ребята плачутъ... Думали, ваше благородіе, что вы опять въ городъ уѣхали... Явите божескую милость, благодѣтели наши»...

Насъ всегда чрезвычайно интересовалъ вопросъ, почему наша молодежь, повидимому, такая бодрая, полная готовности къ самопожертвованію на благо другихъ,— съ такой поразительной легкостью превращается въ зауряднѣйшихъ людей, живущихъ и дѣйствующихъ «по формѣ». Лыжинъ только типичный представитель молодыхъ дѣятелей въ русскомъ вкусѣ. Въ годы университетской жизни человѣкъ кипитъ, горитъ, всѣмъ сердцемъ чувствуетъ свою связь съ общей массой не только своего народа, но даже всего міра. Мысли, навѣянныя сномъ Лыжина, это постоянный предметъ разговоровъ и споровъ о всякихъ «измахъ». Но вотъ человѣкъ вступаетъ въ жизнь, сталкивается въ дѣйствительности съ «соціальными факторами», только не въ видѣ священныхъ формулъ того или иного признаннаго учителя, а въ видѣ живыхъ людей, страдающихъ и борющихся,—и ничего не понимаетъ, не видитъ и не слышитъ. Получается именно то, что мѣтко выражаетъ Чеховъ въ думахъ Лыжина: все это мелочь, пустяки, не жизнь, а такъ себѣ, а важное, существенное гдѣ-то тамъ—въ книгѣ, въ спорахъ, въ увлекательныхъ стройныхъ положеніяхъ разработанной научной системы.

Въ героѣ разсказа старыя задушевныя мысли всплываютъ подъ вліяніемъ страннаго сна, но врядъ ли надолго. Какъ и огромное большинство, онъ подчинится условіямъ жизни, гдѣ нѣтъ мѣста этимъ важнымъ мыслямъ, гдѣ нѣтъ почвы для ихъ проведенія въ жизнь. Чтобы чувствовать на каждомъ шагу живую связь съ массою, надо, чтобы между людьми были постоянно живыя нити взаимнаго общенія, взаимныхъ интересовъ. Гдѣ каждый живетъ въ перегородкахъ, отдѣляющихъ его живую личность отъ другихъ, гдѣ форма на первомъ планѣ, а содержаніе сводится къ бумагѣ, къ отношеніямъ и предписаніямъ, властно подчинившимъ себѣ живую жизнь, тамъ не на чемъ развить мысль въ дѣло. Огромное большинство, масса, составляющая націю, народъ,

состоитъ не изъ героевъ, а изъ среднихъ людей, которые подчиняются охотнѣе чѣмъ борются, и всегда идутъ въ направленіи наименьшаго сопротивленія. И пока незамѣтно созидающіеся новые запросы и требованія не разобьютъ этихъ перегородокъ, до тѣхъ поръ наталкивать и наводить на эти мысли будетъ литература, а не жизнь.

Тѣмъ цѣннѣе для насъ эти чудные разсказы Чехова, въ которыхъ столько острой боли и щемящей сердце тоски.

Мучительно-тревожное настроеніе чуткаго и вдумчиваго художника отдается въ душѣ читателя, будитъ его притупившуюся къ житейскимъ неурядицамъ чувствительность, заставляетъ дать отчетъ въ своей жизни и дѣятельности. Художникъ является въ данномъ случаѣ выразителемъ тѣхъ глубоко скрытыхъ общественныхъ настроеній, которыя назрѣваютъ въ массѣ общества, еще безсознательныхъ, но уже властныхъ и многозначительныхъ. «Такъ жить дольше нельзя»,—этотъ горькій выводъ воплощается въ рядѣ грустныхъ картинъ, понятныхъ всѣмъ, кто еще имѣетъ уши, чтобы слышать, и глаза, чтобы видѣть.

А. Б.

Русскіе переводы I тома «Капитала» Маркса.

(ЗАМѢТКА).

На нашемъ книжномъ рынкѣ появилось одинъ за другимъ 3 перевода главнаго труда Маркса. Въ концѣ марта 1898 года вышелъ 2 изданіемъ значительно переработанный переводъ 1872 г. Тотъ же переводъ въ сентябрѣ вышелъ 3-мъ изданіемъ. Нѣсколько раньше вышелъ переводъ нѣкоего доктора математики Любимова. И, наконецъ, въ концѣ сентября появился первый выпускъ «Капитала» въ переводѣ подъ редакціей П. Струве.

Такимъ образомъ, передъ русскимъ читателемъ 3 перевода (вѣрнѣе, какъ увидитъ читатель, два перевода); какому же слѣдуетъ отдать предпочтеніе?

Остановимся пока на двухъ переводахъ—анонимнаго переводчика и подъ редакціей г. Струве.

При сравненіи этихъ переводовъ прежде всего бросается въ глаза различіе терминологіи: нѣмецкіе термины Werth, Tauschwerth, Gebrauchswerth, Mehrwerth первый русскій переводчикъ передаетъ словами «стоимость», «мѣновая стоимость», «потребительная стоимость», «прибавочная стоимость». П. Б. Струве для тѣхъ же понятій употребляетъ выраженія—«цѣнность», «мѣновая цѣнность», «потребительная цѣнность», «прибавочная цѣнность». Спрашивается, имѣлъ ли г. Струве достаточныя основанія, чтобы разойтись съ установившейся въ нашей литературѣ терминологіей и ввести иную? Не нужно забывать, что первый русскій переводъ Маркса въ теченіе болѣе 25 лѣтъ былъ единственнымъ. Большинство русскихъ читателей знакомилось съ Марксомъ по этому переводу. Термины этого перевода вошли въ общее употребленіе, стали привычными нашему уху и тѣсно ассоціировались съ выражаемыми ими понятіями. Удачно или неудачно выбранъ былъ русскій терминъ для передачи того или иного нѣмецкаго выраженія Маркса, за пользованіе этимъ терминомъ говоритъ уже фактъ продолжительности такого пользованія. Новая терминологія всегда имѣетъ то неудобство, что съ ней не соединяется никакихъ привычныхъ ассоціацій, или даже эти ассоціаціи противодѣйствуютъ правильному пониманію термина. Читателю приходится переучиваться, выражать обычныя понятія новыми словами—что непріятно, обременительно и неудобно. Только крайняя необходимость можетъ оправдать измѣненіе обычной терминологіи.

Въ предисловіи ко второму изданію анонимный переводчикъ касается во-

проса, какъ слѣдуетъ передавать на русскомъ языкѣ понятія Werth, Valeur, Value,—«стоимость» или «цѣнность» и рѣшительно высказывается въ пользу перваго термина. Переводъ подъ редакціей г. Струве, къ сожалѣнію, не имѣетъ предисловія. Читатель остается въ невѣдѣніи, почему г. Струве, не взирая на доводы перваго переводчика, призналъ нужнымъ переводить Werth словомъ «цѣнность». Такъ какъ мы считаемъ терминологію г. Струве вполнѣ правильной, а терминологію перваго перевода не только не удачной, но и прямо невѣрной, вводящей читателя въ заблужденіе и затемняющей смыслъ излагаемыхъ ученій, то мы и возьмемъ на себя обязанность г. Струве и постараемся показать, почему понятію Werth, Valeur, Value на русскомъ языкѣ должно соотвѣтствовать слово «цѣнность», а никакъ не «стоимость».

Обратимся прежде всего къ разговорному языку. Оба выраженія «цѣнность» и «стоимость» не изобрѣтены наукой, а заимствованы изъ обыденный рѣчи. Дѣлаетъ ли обычное словоупотребленіе различіе между этими выраженіями, и если дѣлаетъ, то какое? Легко замѣтить, что въ разговорномъ языкѣ «стоимость» и «цѣнность» отнюдь не синонимы. Съ понятіемъ *стоимости* всегда соединяется представленіе о нѣкоторой затратѣ, пожертвованіи. Когда я спрашиваю, «сколько *стоитъ* эта вещь», я хочу узнать, какую сумму денегъ требуется *затратить* для пріобрѣтенія вещи. Вещи, которыя пріобрѣтаются безъ всякихъ затратъ, ничего не стоятъ. Такъ, никакой стоимости не имѣетъ вода на берегу рѣки.

Напротивъ, понятіе *цѣнности* имѣетъ въ виду отнюдь не элементъ затраты. Оцѣнить что либо—это значитъ установить значеніе, важность оцѣниваемаго. Если я скажу, что художественныя произведенія графа Толстого я *цѣню* выше, чѣмъ его педагогическія статьи, то этимъ я утверждаю, что произведеніямъ перваго рода я придаю большее значеніе, чѣмъ вторымъ, но отнюдь не касаюсь вопроса, какого количества труда *стоило* графу Толстому произведенія того или иного рода. Признаніе работы того или иного автора *цѣнной* отнюдь не равносильно признанію ея исполненной съ большой затратой труда. Плоды упорной работы могутъ быть признаны имѣющими ничтожную цѣнность и обратно.

Не подлежитъ сомнѣнію, что разговорный языкъ проводитъ различіе между понятіями «цѣнность» и «стоимость», при чемъ подъ первымъ разумѣются затраты, пожертвованія, а подъ вторымъ значеніе, важность оцѣниваемой вещи. «Эта картина *стоитъ* мнѣ дешево, но *цѣню* я ее высоко»—въ этой фразѣ содержится противопоставленіе цѣнности и стоимости.

Спрашивается, должна ли экономическая наука удержать оба эти понятія, и если да, то какъ слѣдуетъ переводить Werth, Value, Valeur—«цѣнность» или «стоимость»? Такъ какъ понятія «затраты» и «значенія» логически, по существу, различны, то и наука никоимъ образомъ не можетъ ихъ отождествить.

И съ точки зрѣнія экономической науки «стоимость» и «цѣнность» представляются намъ различными категоріями. Но чему же соотвѣтствуетъ въ системѣ Маркса терминъ Werth—понятію цѣнности или понятію стоимости?

Отвѣтъ будетъ намъ ясенъ, если мы вспомнимъ, что Марксъ различаетъ двоякаго рода Werth—Gebrauchswerth и Tauschwerth. Предметы, какъ созданные, такъ и не созданные трудомъ (воздухъ, вода и т. д.), обладаютъ Gebrauchswerth. Что-же такое Gebrauchswerth—есть-ли это потребительная *цѣнность*, или потребительная *стоимость?* Такъ какъ воздухъ ничего мнѣ не *стоитъ*, то онъ не можетъ и имѣть потребительной *стоимости*. Но такъ какъ воздухъ необходимъ для моей жизни, имѣетъ для меня величайшее значеніе, величайшую важность—то онъ имѣетъ и величайшую потребительную *цѣнность*.

Точно также Tauschwerth или просто Werth у Маркса означаетъ собой не мѣновую *стоимость* или просто *стоимость*, а мѣновую *цѣнность* или

просто *цѣнность*. Цѣнность, по ученію Маркса, создается только трудомъ. Но тѣмъ не менѣе, *цѣнность* отнюдь не тождественна съ трудовой затратой' иначе говоря съ трудовой *стоимостью*. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить, что, по ученію Маркса, Werth есть *историческая* категорія. Хозяйственная дѣятельность человѣка предполагаетъ извѣстную затрату труда. Имѣемъ-ли мы передъ собой первобытное коммунистическое, или современное товарное хозяйство, продукты нашего хозяйства всегда будутъ имѣть трудовую *стоимость*, какъ результатъ труда. Но *цѣнность* они будутъ имѣть не всегда. Продукты труда пріобрѣтаютъ цѣнность лишь въ товарномъ хозяйствѣ: «непосредственное общественное производство, какъ и непосредственное распредѣленіе продукта, исключаютъ товарный обмѣнъ, исключаютъ превращеніе продуктовъ въ товары (по крайней мѣрѣ, внутри общины) и тѣмъ самымъ превращеніе ихъ въ цѣнности (Werthe)»....

Какимъ образомъ передать цитированное мѣсто, въ высшей степени характерное для ученія о цѣнности Маркса, если мы Werth будемъ переводить «стоимость»? Мыслимъ ли такой хозяйственный строй, въ которомъ трудовые продукты не будутъ имѣть никакой трудовой *стоимости?* Очевидно, нѣтъ. Продуктъ труда всегда eo ipso имѣлъ, имѣетъ и будетъ имѣть трудовую стоимость. Но лишь въ *товарномъ хозяйствѣ* трудовой продуктъ пріобрѣтаетъ *цѣнность*. Цѣнность, какъ опредѣляетъ Марксъ, есть «объективная форма общественнаго труда, затраченнаго на производство товара»—опредѣленная *форма*, въ которой проявляется стоимость. Трудовая стоимость продукта находитъ себѣ непосредственное выраженіе въ рабочемъ времени производства продукта. Въ товарномъ хозяйствѣ непосредственное выраженіе трудовой стоимости продукта временемъ работы невозможно, ибо никакой отдѣльный производитель не знаетъ и не можетъ знать, сколько общественно необходимаго времени заключено въ данномъ продуктѣ. Но такъ какъ опредѣленіе трудовой стоимости продуктовъ необходимо для всякаго планомѣрнаго хозяйства, то общество, при господствѣ товаро-хозяйственныхъ отношеній, достигаетъ той же цѣли окольнымъ путемъ: приравнивая одни трудовые продукты другимъ трудовымъ продуктамъ, присваивая продуктамъ опредѣленную *цѣнность*, объективируя въ отношеніяхъ продуктовъ свои собственныя отношенія.

Итакъ, «цѣнность» и «стоимость»—два понятія, по ученію Маркса совершенно различныя и подъ понятіемъ Werth Марксъ разумѣлъ именно цѣнность. Переводить Werth словомъ «стоимость»—это значитъ затемнять ученіе Маркса и даже дѣлать нѣкоторыя, весьма важныя особенности этого ученія совершенно непонятными для читателя. Извольте, напр., растолковать читателю, что продукты труда, по Марксу, пріобрѣтаютъ «трудовую *стоимость*» лишь въ товарномъ хозяйствѣ. Для читателя все это останется настоящей абракадаброй и онъ увидитъ въ подобныхъ утвержденіяхъ, расходящихся со здравымъ смысломъ, лишь подтвержденіе обычному, хотя и совершенно несправедливому мнѣнію, что Марксъ—писатель до такой степени неясный и темный, что понимать его дано лишь немногимъ избраннымъ, спеціально посвящающимъ себя этому трудному дѣлу. Но если не путать «стоимости» съ «цѣнностью», то легко понять, что въ обществѣ, гдѣ нѣтъ обмѣна, нѣтъ и цѣны, гдѣ нѣтъ цѣны, нѣтъ и цѣнности, какъ внѣшняго выраженія факта трудовой затраты.

Впрочемъ, неправильность терминологіи перваго русскаго перевода можетъ быть доказана и болѣе непосредственно; для понятія «стоимость» Марксъ употребляетъ особый терминъ «Kost». Такъ, напр., въ 3-мъ томѣ «Капитала» Марксъ говоритъ: Die kapitalistische Kost der Waare misst sich an der Ausgabe in Kapital, die wirkliche Kost der Waare an der Ausgabe in Arbeit (Das Kapital, B. III, S. 2). Эта фраза передана въ русскомъ переводѣ (того же переводчика) такъ: «Капиталистическая *стоимость* товара измѣряется затратой капитала, дѣйствитель-

ная *стоимость* товара затратой труда» (русскій переводъ 1896 г., стр. 2). Такимъ образомъ переводчикъ передаетъ однимъ русскимъ терминомъ «стоимость» два совершенно различныхъ термина Маркса—Kost и Werth—иными словами, смѣшиваетъ въ одно два разныхъ понятія. На англійскомъ языкѣ точно также имѣются два выраженія cost и value, которымъ вполнѣ соотвѣтствуютъ наши «стоимость» и «цѣнность». Англійскій языкъ проводитъ строгое различіе между этими двумя терминами. Такъ, напр., Бентамъ упрекалъ Рикардо въ томъ, что послѣдній, желая изслѣдовать цѣнность, изслѣдовалъ стоимость. «He confounded (заявлялъ Бентамъ о Рикардо) *cost* with *value*» (Letters of David Ricardo to Malthus, 55). Упрекъ Бентама былъ совершенно неоснователенъ. Я привожу его лишь для доказательства, что на англійскомъ языкѣ cost (стоимость) есть понятіе, логически различное отъ value (цѣнность). Любопытно, какъ перевелъ бы первый переводчикъ Маркса фразу Бентама, придерживаясь своей терминологіи. Эту фразу ему пришлось бы передать такъ: «онъ (Рикардо) смѣшалъ *стоимость* со *стоимостью*», другими словами—придать совершенно безсмысленный видъ вполнѣ опредѣленному (хотя и невѣрному) утвержденію Бентама.

Итакъ, терминологія г. Струве представляется намъ не только правильной, но и единственно правильной. Терминологія перваго перевода Маркса, несмотря на то, что она имѣетъ за себя право 25-лѣтней давности и до извѣстной степени стала общепринятой, вводитъ читателя въ заблужденіе, не передаетъ смысла подлинника, и потому подлежитъ измѣненію, какъ бы ни было такое измѣненіе неудобно для читателя, привыкшаго къ неправильнымъ терминамъ перваго перевода.

Неправильную передачу нѣмецкаго понятія Werth мы считаемъ самымъ крупнымъ недостаткомъ перваго перевода. Вообще же этотъ переводъ имѣетъ несомнѣнныя достоинства. Въ большинствѣ случаевъ (хотя и далеко не всегда) онъ точенъ и ясенъ, написанъ живымъ, мѣстами даже изящнымъ языкомъ и читается легко. Переводчикъ, навѣрное, много поработалъ надъ этимъ переводомъ. Къ сожалѣнію, нельзя не отмѣтить (какъ уже было указано въ нашей литературѣ), встрѣчающіяся мѣстами неточности перевода, иногда основанныя на непониманіи смысла подлинника. Нѣкоторыя изъ этихъ неточностей исправлены въ 3-мъ изданіи перевода, другія остались. Такъ, напр., на стр. 99 (3 изданія) прим. 112, англійская цитата переведена невѣрно: Exchanges rise and fall every week, не значитъ «*обмѣны* увеличиваются или уменьшаются каждую недѣлю» (такъ переведено это мѣсто въ русскомъ изданіи), а «*вексельный курсъ* повышается или понижается каждую недѣлю». Примѣчаніе 182 на стр. 246 гласитъ въ русскомъ изданіи: «извѣстно, какъ рѣшительно англійское freetraders отказали фабрикантамъ шелковыхъ издѣлій въ покровительственной пошлинѣ». Въ оригиналѣ читаемъ: Man weiss wie widerstrebend die englischen Freihändler dem Schutzzol für Seidenmanufactur entsagten, что значитъ по-русски: «Извѣстно, какъ неохотно англійскіе фритредеры *отказались* отъ покровительственной пошлины въ пользу шелковой промышленности». Въ русскомъ изданіи смыслъ подлинника совершенно искаженъ.

Первая глава Маркса, посвященная анализу товара и формъ цѣнности, представляетъ особыя трудности для пониманія. На точность перевода этой главы переводчику слѣдовало бы обратить особое вниманіе. Однако, и въ переводѣ этой главы мы встрѣчаемъ многочисленныя неточности и ошибки. Такъ, совершенно ясная фраза оригинала: «Es ist also nur das Quantum gesellschaftlich nothwendiger Arbeit oder die zur Herstellung eines Gebrauchswerthes gesellschaftlich nothwendige Arbeitszeit, welche seine Werthgrösse bestimmt»—переведена такъ, что можетъ совершенно сбить съ толку читателя. А именно, на стр. 5 (3-го рускаго изданія) мы читаемъ: «Слѣдовательно, величину стоимости товара, *потребительной стоимости* (курсивъ нашъ), опредѣляетъ лишь количество по-

траченнаго на его изготовленіе общественно-необходимаго труда или стоившаго его общественно-необходимаго рабочаго времени». Такимъ образомъ, по русскому переводу выходитъ, что Марксъ опредѣляетъ величину *потребительной* стоимости товара трудомъ, затраченнымъ на производство, между тѣмъ какъ все ученіе о цѣнности Маркса основывается на строгомъ различеніи потребительной цѣнности («стоимости» по терминологіи переводчика), величина которой отнюдь не опредѣляется трудомъ,—отъ мѣновой цѣнности, создаваемой трудомъ. Вставка «потребительной стоимости» въ цитированную фразу совершенно исказила ея смыслъ. Въ переводѣ подъ редакціей г. Струве мѣсто это передано вполнѣ вѣрно. «Потому величина цѣнности какой-либо полезной вещи опредѣляется только количествомъ общественно-необходимаго труда или общественно-необходимаго для ея производства рабочаго времени».

На стр. 31 мы читаемъ: «Развитая форма относительной стоимости, выраженіе стоимости какого-нибудь одного товара во всѣхъ другихъ товарахъ придаетъ ему форму особаго эквивалента, различнаго по роду» — эта фраза совершенно непонятна. Какимъ образомъ одинъ и тотъ-же товаръ можетъ быть «особымъ эквивалентомъ, различнымъ по роду»? Но читатель напрасно сталъ бы винить въ безсмысленности этой фразы Маркса. Марксъ говоритъ совершенно иное: Die entfaltete Form des relativen Werthes, dieser Ausdruck des Werthes einer Waare in allen anderen Waaren, prägt ihnen die Form verschiedenartiger besonderer Aequivalente auf—«развернутая форма относительной цѣнности, это выраженіе цѣнности одного товара во всѣхъ другихъ товарахъ, придаетъ *этимъ послѣднимъ* форму различныхъ особыхъ эквивалентовъ».

На слѣдующей страницѣ русскаго 3-го изданія мы встрѣчаемъ новую ошибку перевода: «если бы холстъ или какой-нибудь другой товаръ, служащій всеобщимъ эквивалентомъ, долженъ быть въ то же время также общей относительной формой стоимости»... и т. п. Не говоря уже о грамматической неправильности фразы («если бы холстъ... долженъ быть»), она и логически неправильна. У Маркса сказано иное: Sollte die Leinwand d. h. irgend eine in allgemeiner Aequivalentform defendliche Waare, auch zugleich an der allgemeinen relativen Werthform theilnemen... что значитъ по-русски: «Если бы холстъ, т. е. любой товаръ, находящійся въ формѣ всеобщаго эквивалента, въ то же время *входилъ въ составъ* всеобщей относительной формы цѣнности» и т. д.

Въ концѣ знаменитой главы о фетишизмѣ товарнаго хозяйства Марксъ сравниваетъ разсужденія экономистовъ, проникнутыя этимъ фетишизмомъ, съ глубокомысленнымъ замѣчаніемъ одного изъ героевъ Шакспира, Догберри: «Ein gut aussehender Mann zu sien, ist eine Gabe der Umstände, aber lesen und schreiben zu Können, kommt von Natur»—по-русски: «быть мужчиной привлекательной наружности—дѣло благопріятныхъ обстоятельствъ, но умѣнье читать и писать дается природой». Въ русскомъ изданіи это мѣсто переведено такъ, что вся нелѣпость замѣчанія Догберри и иронія Маркса исчезаетъ: «быть человѣкомъ пріятнымъ — это даръ судьбы, а умѣнье читать и писать дается природою» (стр. 46). Въ признаніи даромъ судьбы свойства человѣка быть пріятнымъ ничего нелѣпаго нѣтъ и читатель можетъ только недоумѣвать, для чего Марксъ приводитъ эту цитату изъ Шекспира. Подобныхъ неточностей, искажающихъ смыслъ оригинала, можно было бы привести много. Благодаря имъ, первая глава «Капитала» врядъ ли можетъ быть вполнѣ понята читателемъ, знакомымъ только съ разсматриваемымъ переводомъ.

Неточности перевода другихъ главъ «Капитала» менѣе важны. Вообще, какъ мы уже замѣтили, разсматриваемый переводъ, несмотря на свои недостатки, отнюдь не можетъ быть признанъ неудачнымъ. Хотя переводчикъ не стремился къ полной близости къ подлиннику, вставлялъ иногда самъ отъ себя слова и цѣлыя фразы, отсутствующія въ оригиналѣ, другія фразы переводилъ настолько

вольно. что мѣстами мы имѣемъ скорѣе пересказъ, приблизительное изложеніе, чѣмъ переводъ Маркса, но все же переводъ вышелъ вполнѣ литературнымъ, и въ большинствѣ случаевъ правильно воспроизводящимъ смыслъ подлинника. Если бы русская литература не имѣла теперь другого перевода Маркса, вышедшаго подъ редакціей г. Струве, первый переводъ могъ бы быть смѣло рекомендованъ читателю. Не нужно забывать къ тому же, что этотъ переводъ былъ *первымъ* на русскомъ языкѣ. Переводчикъ долженъ былъ преодолѣвать значительныя трудности, которыхъ не встрѣчаетъ второй переводчикъ. Задача последняго облегчалась уже тѣмъ, что онъ имѣлъ передъ собой готовый русскій переводъ, и переводъ исполненный съ большою тщательностью и знаніемъ дѣла.

Какъ бы то ни было, но если сравнивать первый переводъ со вторымъ, то придется безъ всякаго колебанія отдать предпочтеніе послѣднему: переводъ подъ редакціей г. Струве исполненъ еще тщательнѣе и почти совершенно точенъ. Г. Струве очевидно, поставилъ себѣ задачей воспроизвести Маркса на русскомъ языкѣ съ возможно большимъ приближеніемъ къ оригиналу. И это ему вполнѣ удалось. Никакихъ вставокъ отъ себя, никакихъ отступленій отъ подлинника. Въ переводѣ анонима нерѣдко замѣчается многословіе—переводчикъ не могъ справиться съ сжатостью выраженія мысли у Маркса. Переводъ г. Струве многословіемъ совершенно не страдаетъ.

Точность и сжатость—главныя преимущества второго русскаго перевода. При внимательномъ сличеніи съ нѣмецкимъ текстомъ, мы могли замѣтить очень мало неточностей и совсѣмъ не нашли ошибокъ. Только въ первой главѣ попадаются неудачныя фразы, не передающія съ полной отчетливостью смысла оригинала. Неточно переданы, напр,. нѣкоторыя фразы Маркса на стр. 31 и 32 перевода г. Струве. Слова Маркса: «Alle Waaren sind von der allgemeinen Aequivalentform ausgeschlossen или die Waare, die als allgemeines Aequivalent figurirt ist von der allgemeinen relativen Form ausgeschlossen, слѣдуетъ переводить, какъ видно изъ всего изложенія Маркса, такъ: «всѣ товары *исключены* изъ общей эквивалентной формы»; «товаръ, фигурирующій въ качествѣ всеобщаго эквивалента, *исключенъ* изъ всеобщей относительной формы цѣнности» (или *не входитъ въ составъ ея*, *не участвуетъ въ ней*). Между тѣмъ, г. Струве слово ausschliessen переводитъ (по нашему мнѣнію, въ полномъ разногласіи со смысломъ подлинника) словомъ «лишать». Соотвѣтствующія фразы передаются имъ поэтому слѣдующимъ образомъ: «всѣ товары... *лишены* эквивалентной формы», «товаръ, фигурирующій въ качествѣ всеобщаго эквивалента, *лишается* всеобщей относительной формы цѣнности». Неправильность подобнаго перевода обнаруживается, между прочимъ, сличеніемъ съ французскимъ переводомъ: во французскомъ текстѣ (провѣренномъ Марксомъ) мы читаемъ: «Toutes les marchandises... sont *exclues* de la forme équivalent», «La marchandise qui fonctionne comme équivalent général... ne saurait *prendre part* à la forme générale de la valeur relative». Мы указываемъ на эти неточности перевода потому, что онѣ затемняютъ смыслъ и безъ того труднаго изложенія труднѣйшей главы «Капитала».

Въ главѣ о фетишизмѣ товарнаго производства Марксъ ставитъ вопросъ—отчего зависитъ загадочный характеръ трудового продукта, какъ только онъ принимаетъ форму товара? — и отвѣчаетъ: «Offenbar aus dieser Form selbst. Die Gleichheit der menschlichen Arbeiten erhält die sachliche Form der gleichen Werthgegenständlichkeit der Arbeitsprodukte» и т. д. По-русски это слѣдовало бы перевести такъ: «Очевидно, отъ этой самой (товарной) формы. Равенство разныхъ видовъ человѣческаго труда получаетъ вещественную форму равенства продуктовъ труда, какъ предметовъ цѣнности» и т. д. У Струве послѣдняя фраза передана неточно и съ затемненіемъ смысла: «Равенство всѣхъ видовъ человѣческаго труда выражается въ вещной формѣ—въ торжествѣ матеріальной

основы цѣнности всѣхъ продуктовъ труда» (стр. 34). Подъ матеріальной основой цѣнности товаровъ можно подразумѣвать ихъ матеріальныя тѣла. Марксъ же здѣсь говоритъ о тожественности продуктовъ труда не какъ матеріальныхъ тѣлъ, а какъ носителей, объектовъ цѣнности.

Подобныя незначительныя неточности не мѣшаютъ второму русскому переводу въ общемъ быть чрезвычайно точнымъ. Мы не можемъ не пожалѣть, впрочемъ, что въ нѣкоторыхъ частностяхъ этого превосходнаго перевода сказалось вліяніе перваго перевода. Слово Mehrwerth г. Струве переводитъ—«прибавочная цѣнность». На нашъ взглядъ, лучше было бы перевести «сверхцѣнность»—хотя этотъ терминъ и необыченъ. Марксъ часто называетъ трудъ, воплощенный въ цѣнности товара «eine Gallerte von Arbeit» — сгусткомъ, студнемъ труда. Г. Струве, вслѣдъ за первымъ переводчикомъ, передаетъ это характерное для Маркса выраженіе совсѣмъ иначе: «сгустокъ труда» онъ замѣняетъ «кристалломъ труда», Получается совершенно иной образъ,

До сихъ поръ мы говорили о двухъ переводахъ Маркса. Есть еще и третій—доктора математики В. Д. Любимова въ изданіи Н. С. Аскарханова. Но *судъ* надъ этимъ переводомъ принадлежитъ не литературѣ. Переводъ этотъ является почти дословной перепечаткой 2-го изданія перваго русскаго перевода. Первыя 5—6 страницъ еще нѣсколько измѣнены. «Докторъ математики» чувствовалъ нѣкоторый стыдъ или необходимость осторожности и старался скрыть свое «заимствованіе». Но очень скоро онъ отложилъ въ сторону всякій стыдъ и забылъ объ осторожности и сталъ дословно списывать страницу за страницей изъ готоваго перевода. Для чего трудиться надъ новымъ переводомъ, когда уже есть вполнѣ хорошій старый — такъ, вѣроятно, разсуждалъ «ученый» переводчикъ и выпустилъ въ свѣтъ чужой переводъ за своей подписью. Онъ сдѣлалъ хорошую аферу—изданіе Аскарханова пошло ходко — но, быть можетъ, судъ вмѣшается въ это дѣло и докажетъ издателю, что предпріимчивость и беззаботность въ пользованіи чужимъ имуществомъ не всегда увѣнчиваются успѣхомъ.

М. Туганъ-Барановскій.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Изъ голодающихъ губерній. Также какъ и въ прошломъ мѣсяцѣ, приходится отмѣтить тяжелое положеніе населенія голодающихъ губерній. Изъ Самарской губ. предсѣдатель Бугульминской уѣздной управы, г. Дмитріевъ, пишетъ въ «Петерб.Вѣд.»: «Недороды 1891—1892 годовъ не могутъ итти въ сравненіе съ полнымъ неурожаемъ хлѣбовъ и травъ минувшаго года, который тѣмъ болѣе ужасенъ, что предшествующіе неурожайные годы истощили продовольственные запасы.

«Голодаютъ люди, но и скотъ погибаетъ. Не говоря о рогатомъ скотѣ, который въ настоящее время является уже роскошью, погибаетъ лошадь, теперь уже большею частью единственная въ хозяйствѣ и безъ которой нѣтъ крестьянства, а остается батрачество. Убыль лошадей грозитъ и дальнѣйшимъ бѣдствіемъ: къ веснѣ необходимо доставить въ уѣзды около 600 тыс. пудовъ яровыхъ сѣмянъ, столько же на продовольствіе населенія, и только что разрѣшенные 108 тыс. пудовъ на поддержаніе лошадей въ однолошадныхъ хозяйствахъ.

«Неотложнымъ является вопросъ, какъ развезти эти 1.308.000 пуд. по уѣзду, когда разстояніе отъ станціи желѣзной дороги измѣряется сотнями верстъ, кормы по дорогѣ всѣ съѣдены, а лошади такъ изнурены, что нерѣдки случаи, когда лошадь, везущая продовольственный паекъ въ село, гибнетъ по дорогѣ.

«На нашъ уѣздъ предполагается пріобрѣсти изъ киргизскихъ степей 2 тыс. лошадей; но остается открытымъ вопросомъ, придутъ ли онѣ во-время, такъ какъ пригнать ихъ возможно только по подножному корму, который появляется, когда полевыя работы давно должны быть начаты, и насколько лошади эти будутъ пригодны къ немедленной пашнѣ.».

Въ Саратовской губ. къ числу наиболѣе пострадавшихъ уѣздовъ принадлежитъ Хвалынскій. Въ «Сарат. Земск. Недѣлѣ» опубликованы донесенія ветеринарныхъ врачей о размѣрахъ неурожая и о положеніи скотоводства въ названномъ уѣздѣ. Донесенія эти были присланы въ земскія управы еще лѣтомъ минувшаго года.

Въ концѣ іюля ветеринарный врачъ г. Кольцовъ писалъ: «Въ моемъ участкѣ (т. е. въ 6 волостяхъ), кромѣ Ѳедоровской волости, корма для скота нѣтъ и купить его, по отзывамъ крестьянъ, негдѣ. При неоднократномъ объѣздѣ своего участка я имѣлъ возможность вполнѣ убѣдиться въ ужасной истощенности всѣхъ животныхъ. Изъ моихъ разспросовъ помѣщиковъ и зажиточныхъ мужиковъ, я вывожу одинъ общій отвѣтъ, что никто изъ вышепоименованныхъ лицъ, живущихъ въ предѣлахъ моего участка, не продастъ ни сѣна, ни соломы, ни за какую цѣну. На вопросы—скоро ли понадобится кормъ и когда нужда заставитъ продавать скотъ, крестьяне всѣхъ волостей поголовно отвѣчали, что «прикармливать» начали уже и теперь, потому что на выгонѣ голая земля, продать же готовы даже и теперь, только жаль—некому, а то, все равно, кормить нечѣмъ». Въ концѣ сентября г. Кольцовъ писалъ: «Для замѣны корма у крестьянъ заготовлены листья съ вѣтвями (вѣники), перекати поле (катунъ), ковыль степной, подсолнечныя шляпки, но пока крестьяне не кормятъ скотъ этими суррогатами и берегутъ ихъ только на то время, когда не будетъ никакихъ кормовъ... Помочь данному бѣдствію, по моему мнѣнію, нельзя никакимъ другимъ способомъ, какъ только подвозомъ кормовыхъ продуктовъ. Кормъ долженъ быть или въ видѣ сѣна, или соломы съ посыпкой. Выдача одной посыпки не достигнетъ своей цѣли: крестьянинъ ее съѣстъ самъ, а скотъ все-таки останется голоднымъ. Насколько бережно относятся сельскіе хозяева къ соломѣ видно изъ того, что крышъ въ нынѣшнемъ году соломой не кроютъ, наоборотъ, раскрываютъ соломенныя, замѣняя ихъ глинобитными или тесовыми, или же оставляя совсѣмъ безъ крышъ (татары), старую же солому складываютъ въ ометы, или продаютъ на кормъ».

Другой врачъ, г. Теселкинъ, доносилъ губ. управѣ въ концѣ сентября относительно неурожая въ томъ же Хвалынскомъ уѣздѣ: «Неурожай кормовъ, по моему мнѣнію, отразится уменьшеніемъ лошадей до половины и рогатаго скота до $^1/_2$ части. Часть этого скота пойдетъ на убой, а часть, съ трудомъ прокормленная зиму, при переходѣ весной на подножный кормъ и въ работу, падетъ отъ болѣзни желудочно-кишечнаго катарра. Цѣны на скотъ въ теченіе сентября упали противъ прошлаго года на сытый скотъ на половину. Худыя же и изморенныя лошади продаются по цѣнѣ отъ 5 до 10 р., рогатый скотъ—отъ 1 съ полов. до 6 руб.».

Въ Белебеевскомъ уѣздѣ, Уфимской губ., уже питаются вмѣсто хлѣба суррогатами. «Сарат. Дневникъ» сообщаетъ, что «изъ молодой лебеды, желудей и мелкорубленной соломы, съ незначительною примѣсью муки, играющей роль цемента, пекутъ «хлѣбы», почти безъ хлѣба, и этимъ питаются старый и малый».

Изъ всѣхъ суррогатовъ, говоритъ, г. Н. С. въ той же газетѣ, самая безвредная замѣна хлѣба,—это лебеда, но, къ несчастью, она тоже не уродилась.

Въ октябрѣ и ноябрѣ, сообщаетъ тотъ же авторъ, были произведены подворныя изслѣдованія не только въ Белебеевскомъ, но и въ другихъ уѣздахъ Уфимской губ.

Обслѣдовавъ нѣсколько деревень въ разныхъ уѣздахъ Уфимской губ., Н. С. раздѣлилъ всѣ дворы на двѣ группы. Первая,—лишенные уже лошадей, вторая—имѣющая еще кое какихъ лошадей.

Принадлежащихъ къ первой группѣ 61 проц., причемъ 16 проц. изъ нихъ не имѣли въ 1897—1898 гг. никакого посѣва.

Собранный урожай распредѣлился между обѣими группами очень неравномѣрно: 1-я собрала около 12 пуд. ржи на дворъ, 2-я—около 40 пуд., при чемъ число душъ тоже различно: въ первой группѣ ѣдоковъ—4—5, во второй 5—6.

Въ настоящее время (январь) у обѣихъ группъ есть еще очень немного картофеля, но никакихъ другихъ пищевыхъ продуктовъ не имѣется.

Изслѣдователя занялъ вопросъ, чѣмъ и какъ питаются эти люди, и получились слѣдующія цифры: 3 проц. нищенствуютъ, 17 ушло на заработки, остальные—недоѣдаютъ и болѣютъ. Изъ 2 ой группы на заработки отправились всего 1 проц., нищенствующихъ—ни одного.

Плохое питаніе, продолжаетъ Н. С., отразилось особенно сильно на дѣтяхъ до 2-хъ лѣтъ. Но особенно тяжко приходится матерямъ, имѣющимъ грудныхъ дѣтей.

Одна шестнадцатая лошади на дворъ—вотъ какое положеніе 1-й группы, говоритъ г. Н. С., а во 2-ой группѣ еще остается пока 1 и 1/2 лошади на дворъ. «Какъ видно изъ приведенныхъ цифръ, заключаетъ авторъ, только скорая и значительная помощь со стороны можетъ поддержать мѣстности, пораженныя недородомъ, какъ въ смыслѣ прокормленія населенія, такъ и ради поддержанія его хозяйственныхъ силъ».

Въ «Русскихъ Вѣдом.» членъ попечительства Краснаго Креста, г. Афанасьевъ, даетъ слѣдующую картину Мамадышскаго уѣзда, Казанской губерніи. «Грустную, тяжелую картину представляетъ въ настоящее время нашъ обездоленный край. У многихъ послѣднія строенія изрублены на топливо, послѣдняя скотинка сведена на базаръ или пала отъ безкормицы, послѣдняя одеженка растащена по закладамъ міроѣдамъ-кулакамъ. Камера земскаго начальника, мѣстное участковое попечительство, волостныя правленія и продовольственные попечители находятся буквально въ осадномъ положеніи: со всѣхъ сторонъ бредутъ толпы несчастныхъ алчущихъ, но это только еще авангардъ голодной арміи. Всюду, куда ни взглянешь, одни и тѣ же истомленныя, испитыя отъ истощенія и опухшія отъ голода лица. Всюду, гдѣ ни прислушаешься, раздается одинъ и тотъ же душу надрывающій вопль: хлѣба! хлѣба! хлѣба!

«Два селенія въ участкѣ уже поражены тифомъ—этимъ неразлучнымъ спутникомъ недостатка питанія. На мѣстахъ эпидеміи работаетъ медицинскій отрядъ Краснаго Креста. На помощь несчастнымъ пришли правительство, земство, россійское Общество Краснаго Креста и частная благотворительность. Велики и неисчислимы заслуги, но еще болѣе велики и неисчислимы нужды обездоленнаго народа».

Предсѣдатель земской управы Елабужскаго уѣзда, Вятской губ., г. Алишеевъ, въ частномъ письмѣ къ одному лицу въ Москвѣ (отъ 5-го декабря) такъ описываетъ мѣстную нужду:

«Какъ вамъ извѣстно, земство выдаетъ ссуду нуждающимся крестьянамъ рожью въ количествѣ 35 ф. на ѣдока; исключительно въ этомъ состоятъ его права и обязанности. Законъ предоставляетъ намъ провѣрку нужды по приговорамъ сельскихъ обществъ, но фактически провѣрку эту дѣлаютъ земскіе начальники, такъ какъ приговоры поступаютъ черезъ нихъ. Но Елабужская управа не стѣсняется формальностью и, исходя изъ принципа, что лучше пе-

редать, чѣмъ недодать, удовлетворяетъ нужду даже вопреки указаніямъ земскихъ начальниковъ. Но здѣсь и кончаются наши полномочія. Земской ссуды не хватитъ на полмѣсяца, какъ оно и бываетъ на самомъ дѣлѣ, и крестьяне толпами приходятъ въ управу и просятъ, нельзя ли выдать еще впередъ. Средство помочь этой вопіющей нуждѣ одно: устроить столовыя, въ которыхъ наиболѣе нуждающіеся могли бы кормиться, причемъ ихъ доля ссуды въ 32 ф. могла бы остаться съ семьѣ и распредѣлиться между тѣми ея членами, которые въ столовую не пойдутъ. Но средствъ на это нѣтъ и нѣтъ надежды привлечь ихъ въ необходимомъ количествѣ. Помощь Краснаго Креста очень скромная, и надняхъ уполномоченный отъ Краснаго Креста по Елабужскому уѣзду г. Юрьевичъ получилъ изъ Казани отъ ген. Шведова телеграмму, что средствъ будетъ отпущено мало и что надо быть экономичнымъ. Есть множество лицъ среди крестьянъ, не имѣющихъ права на полученіе ссуды отъ земства: не приписанные къ сельскому обществу люди, старики, вдовы, сироты, не владѣющіе землею, арендаторы и другіе, которые могутъ умереть съ голоду, и все-таки управа не можетъ имъ выдать ни фунта. На нихъ прежде всего обращена помощь Краснаго Креста, причемъ далеко не всѣ удовлетворены, и въ каждой деревнѣ найдется не одинъ десятокъ лицъ такой категоріи, ничего не получившихъ. Они являются къ намъ, осаждаютъ управу, со слезами просятъ хлѣба, а мы вынуждены отказывать. У Краснаго Креста пока всего 4 тыс. руб., а лицъ, не имѣющихъ права на земскую ссуду, нѣсколько тысячъ. Еще другая вопіющая нужда—дѣти-школьники! Изъ $^3/_4$ ф. хлѣба въ день на ихъ долю придется всего меньше. А они растутъ, ходятъ по морозу въ школу, учатся. Учителя повсюду жалуются, что школы начинаютъ пустѣть, что дѣти туда приходятъ голодными, что многіе пошли «въ кусочки».

Изъ далекой Сибири тоже приходятъ неутѣшительныя вѣсти. Изъ Вилюйска пишутъ въ «Вост. Обозрѣніе»: «Населеніе Сунтарскаго и Мархинскаго ул. голодаетъ уже 3 года. Голодъ прежнихъ лѣтъ якуты вынесли на своихъ плечахъ. Только въ прошломъ году населеніе Сунтарскаго улуса получило отъ общественной благотворительности хлѣбомъ, сѣномъ и деньгами 6.684 р. $32^1/_2$ к. На долю Мархинскаго улуса тоже немного досталось. Благодаря тому, что помощь не была оказана, скотоводство значительно посократилось. Часть скота пала, часть была убита на мясо. Свѣдущіе люди говорятъ, что количество скота въ этихъ улусахъ за послѣдніе 3 года сократилось до $^1/_4$ прежняго. Изъ 2.100 домохозяевъ только около 600 имѣютъ по 20 штукъ и болѣе скота; явилось много такихъ, которые совсѣмъ лишились скота. Сократилась и площадь посѣвовъ. Конечно, упущено уже время помочь якуту сохранить хоть тотъ скотъ, который остался у него отъ прежнихъ голодныхъ годовъ. Его ужъ нѣтъ: часть свезена на пріиски, часть убили для собственнаго употребленія, часть на продажу. Мясо въ городѣ продается теперь по 1 р. 50 к. и даже по 1 р. 30 к. пудъ, а раньше нельзя было купить дешевле 3 р.—2 р. 80 к. Оставили столько скота, сколько можно прокормить имѣющимся сѣномъ. Помощь зимой нужна будетъ главнымъ образомъ въ видѣ хлѣба и на это не нужно скупиться, чтобы избѣжать голоднаго тифа и проч. болѣзней. Якутъ прежде главнымъ образомъ питался молочными продуктами. Теперь, благодаря тому, что количество скота уменьшилось, уменьшились молочные продукты и ихъ нужно будетъ замѣнить хлѣбомъ. Нужно надѣяться, что голодъ послѣднихъ трехъ лѣтъ, уменьшеніе скота, заставитъ якутовъ обратить вниманіе на земледѣліе. Нужно ожидать увеличеніе запашекъ, а слѣдовательно, потребуется значительное количество зерна на обсѣмененіе. Но еще большія средства потребуются для того, чтобы весной снабдить скотомъ хозяйства, лишившіяся его за три года голодовокъ. На это нужно обратить серьезное вниманіе. Вѣдь якутъ еще полукочевникъ, полуземледѣлецъ и нельзя ожидать, чтобы онъ сразу перешелъ къ земледѣлію».

Отходъ и грамотность (по даннымъ ярославской статистики). «**Русскія Вѣд.**» сообщаютъ объ опубликованныхъ секретаремъ ярославскаго губернскаго статистическаго комитета г. Свирщевскимъ данныхъ о народномъ образованіи въ Ярославской губ. Судя по числу грамотныхъ новобранцевъ по призыву 1896 г. (85,5%), Ярославская губ. занимаетъ въ настоящее время въ отношеніи грамотности населенія первое мѣсто среди всѣхъ земскихъ губерній, уступая вообще только прибалтійскимъ губерніямъ (Лифляндской съ 97,5%. Эстляндской съ 97,2%). Причина такого первенства—не обиліе школъ въ Ярославской губ. По доступности для населенія учебныхъ заведеній она занимаетъ пятое мѣсто среди земскихъ губерній. Въ ней одна школа приходится на 1.046 чел., тогда какъ въ Олонецкой—на 733 ч., въ Тульской—на 941 ч. и въ Петербургской (безъ столицы) — 950 ч. Въ отношеніи затратъ на народное образованіе со стороны земства она занимаетъ седьмое мѣсто (17,4 коп. на каждаго жителя). Грамотностью своего населенія Ярославская губ. обязана развитію въ ней наземледѣльческихъ отхожихъ промысловъ. Это доказываетъ и сравненіе грамотности новобранцевъ по отдѣльнымъ уѣздамъ. Такъ, Угличскій уѣздъ, дающій наибольшій процентъ отхожепромышленниковъ по губерніи (не менѣе 40%), въ теченіе 1892—1894 г. не поставилъ ни одного неграмотнаго новобранца. Напротивъ, уѣзды Мологскій, Ярославскій и Пошехонскій, отличающіеся наименьшимъ по губерніи развитіемъ отхода, доставили наибольшій процентъ неграмотныхъ. Просвѣтительная дѣятельность земствъ, городовъ и правительства шла только навстрѣчу народному сознанію, только удовлетворяла назрѣвшую въ населеніи потребность, причемъ она даже отставала отъ роста послѣдней. Число учебныхъ заведеній въ губерніи увеличилось съ 1892 по 1897 г. всего на 6%, тогда какъ число учащихся возрасло на 18,2%. Усиленное стремленіе населенія къ образованію вызываетъ съ его стороны все болѣе интенсивное пользованіе предоставленными ему просвѣтительными средствами. Занимая, какъ сказано, пятое мѣсто среди земскихъ губерній въ отношеніи числа школъ, по разсчету на общее число жителей, Ярославская губернія стоитъ на второмъ мѣстѣ среди тѣхъ же губерній въ отношеніи числа учащихся къ населенію (5,3%), уступая только Московской (5,6%). За послѣдніе 23 года (время дѣйствія устава о всеобщей воинской повинности) грамотность населенія развивалась очень быстро. Процентъ грамотныхъ среди новобранцевъ за этотъ періодъ повысился на 25,5% (съ 60% до 85,5%), процентъ неграмотныхъ упалъ почти въ три раза (съ 40% до 14%). Наиболѣе быстрые успѣхи дѣлаютъ наиболѣе (прежде) отсталые уѣзды, причемъ нѣкоторые изъ нихъ работали за послѣдніе годы такъ энергично, что догнали и даже обогнали своихъ раньше далеко ушедшихъ впередъ сосѣдей. Рядомъ съ утилитарнымъ, практическимъ значеніемъ грамотности въ населеніе проникаетъ и крѣпнетъ въ немъ признаніе ея общекультурнаго значенія. Это выражается въ быстромъ увеличеніи распространенія грамотности среди женскаго населенія. Съ 1892 по 1894 годъ число учащихся дѣвочекъ увеличилось на 30%, число же учащихся мальчиковъ—только на 12,8%. Среди другихъ земскихъ губерній, въ отношеніи числа учащихся дѣвочекъ къ числу учащихся мальчиковъ (33%), Ярославская губернія занимаетъ второе мѣсто (Московская даетъ 34,7%). Внутри губерніи какъ наибольшее относительно количество учащихся вообще, такъ и наибольшее относительно количество учащихся дѣвочекъ приходится на уѣзды съ наибольшимъ развитіемъ отхожихъ промысловъ (Рыбинскій и Угличскій).

Школьное дѣло на Алтаѣ. Общество любителей изслѣдованія Алтая, задавшись цѣлью изслѣдовать положеніе мѣстной народной школы, выработало программу съ запросными пунктами и разослало эту программу по всѣмъ школамъ Алтайскаго округа, прося учителей дать соотвѣтствующія свѣдѣнія объ

нихъ школахъ. Результаты этого изслѣдованія напечатаны въ III томѣ «Алтайскаго сборника» (Барнаулъ 1898).

Приведемъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ этой работы, пользуясь изложеніемъ ея въ «Восточномъ Обозрѣніи».

По приблизительному подсчету общества во всемъ Алтайскомъ округѣ числится около 260 начальныхъ школъ. Отвѣты на программу получены изъ 114, т. е. менѣе, чѣмъ изъ половины всѣхъ школъ округа. Тѣмъ не менѣе и имѣющійся матеріалъ даетъ болѣе или менѣе яркую характеристику мѣстнаго начальнаго обученія.

Всѣ начальныя школы Алтайскаго округа распредѣляются на 7 категорій:

1) Школы сельско-волостныя, 2) церковно-приходскія, 3) грамоты, 4) горнозаводскія, 5) миссіонерскія, 6) казачьи и 7) частныя (одна — Константиновская).

Первыя три категоріи довольно обыденны въ Сибири и не требуютъ отдѣльныхъ характеристикъ. Укажемъ лишь, что школы церковно-приходскія за послѣднее время стали значительно увеличиваться въ своемъ числѣ, благодаря тому, что въ 1887 г. на ихъ устройство стали ассигновываться спеціальныя и довольно значительныя суммы изъ губернскихъ и волостныхъ средствъ.

Горнозаводскія школы на Алтаѣ ведутъ свое начало еще съ прошлаго столѣтія. Какъ хозяйственною, такъ и педагогическою частями въ нихъ завѣдуетъ главное управленіе Алтайскаго округа. Курсъ 3-хъ-годичный; окончившіе получаютъ льготное по воинской повинности свидѣтельство IV разряда.

Миссіонерскія школы служатъ спеціально для религіознаго обученія инородцевъ; грамотность и письмо служатъ въ нихъ лишь подспорьемъ.

Большая часть алтайскихъ школъ не имѣетъ собственныхъ помѣщеній, и ютятся въ плохихъ хибаркахъ, не отвѣчающихъ самымъ примитивнымъ требованіямъ гигіены.

Интересныя свѣдѣнія сообщаются въ сборникѣ о составѣ учителей и объ ихъ образовательномъ уровнѣ.

Въ изслѣдованныхъ обществомъ школахъ преподавателей съ достаточной подготовкой, т. е. окончившихъ какой-либо курсъ среднеучебнаго или спеціальнаго заведенія, 48 проц., причемъ въ нѣкоторыхъ школахъ проц. учащихъ безъ подготовки къ общему числу преподавателей необычайно великъ. Наибольшей величины—до 70 проц.—онъ достигаетъ въ церковно-приходскихъ школахъ, гдѣ среди преподавателей встрѣчаются люди, уволенные изъ 1—2 класса семинарій. Впрочемъ, такой низкій уровень образовательнаго ценза преподавателей замѣчается во всѣхъ школахъ духовнаго вѣдомства.

Въ миссіонерскихъ школахъ, которыя призваны подготовить культурный переворотъ въ средѣ инородцевъ, расширить кругозоръ дикаря, какъ это ни странно, учителей съ нѣкоторой подготовкой всего менѣе, именно только 20 проц. Большинство учителей настолько безграмотны, что присланные ими отвѣты по программѣ едва можно прочитать. Вотъ образцы ихъ знакомства съ русской орѳографіей.

«Въ пріемѣ отказа не было, приглашенія къ одаче было нѣсколько разъ»...

Или «пять персмѣновъ, каждый перемѣнъ пять минутъ»...

Или... «По неимѣнію библіотеки для чтенія выдается учебныя книги—евангеліе напр...»

Интересно, какую грамоту могутъ насадить столь «грамотные» учителя!

Впрочемъ, низкій образовательный уровень алтайскихъ учителей не въ малой степени зависитъ отъ ихъ жалкаго матеріальнаго обезпеченія и той обстановки, въ какой имъ приходится жить и работать.

Въ среднемъ на каждаго учителя жалованья въ годъ приходится 184 р.,

причемъ въ нѣкоторыхъ школахъ оно опускается до 40—60 р. въ годъ, т. е. до такой мизерной цифры, при которой учителю приходится голодать.

Далеко не всѣ учителя имѣютъ готовыя квартиры. Около 34 проц. всего персонала вынуждены на свое скудное содержаніе нанимать себѣ квартиры на сторонѣ.

Имѣющіяся при школахъ квартиры тѣсны, холодны и общій отзывъ о нихъ сливается въ вопль о невозможности въ нихъ жить человѣку.

Одинъ изъ учителей, прослужившій въ своей должности 17 лѣтъ, рисуетъ свое положеніе самыми мрачными красками: бѣдность, подчасъ форменный голодъ, полное отсутствіе какихъ-либо развлеченій или удовольствій, вѣчная дума о необезпеченной старости—все это дѣлаетъ службу невыносимой... «Я знакомъ достаточно съ положеніемъ другихъ учителей; они, можетъ быть, никогда не напишутъ, отчего школьное дѣло стоитъ на плохой почвѣ. Я же въ настоящее время писать осмѣлился».

Народныя чтенія и библіотеки находятся на Алтаѣ въ самомъ печальномъ состояніи.

Народныхъ чтеній въ школахъ Алтайскаго округа почти не существуетъ, если не считать попытокъ отдѣльныхъ учителей устроить таковыя. Изъ школы Николаевской учитель пишетъ по этому поводу: «Народныя чтенія очень желали открыть, но ихъ не разрѣшилъ смотритель, который не нашелъ возможнымъ ходатайствовать о разрѣшеніи чтеній потому, что, по его мнѣнію, не нашлось человѣка, который могъ бы вести (sic!) контроль надъ этими чтеніями»...

По отношенію къ школьнымъ библіотекамъ дѣла также не блестящи. Большинство школъ почти не имѣетъ книгъ для чтенія, хотя потребность въ чтеніи громадна. Имѣется школа, гдѣ «библіотека» состоитъ изъ 8 книгъ и учитель ея заявляетъ: «берутъ всѣ, читаютъ охотно»...

Городскія безплатныя читальни Петербурга. Къ 1898 году на средства города было открыто для всеобщаго пользованія шесть безплатныхъ читаленъ, которыя насчитывали у себя 26.840 томовъ, на сумму 30.788 р. 58 к., и прочаго имущества на 7.410 рублей; содержаніе этихъ читаленъ: наемъ помѣщенія, служащихъ и т. п. обходится городу въ 18.000 р. ежегодно.

При такихъ сравнительно крупныхъ затратахъ на симпатичное дѣло, невольно ожидаешь не менѣе крупныхъ результатовъ, но при ближайшемъ знакомствѣ это оказывается не совсѣмъ такъ.

Прежде всего каталогъ разрѣшенныхъ книгъ для безплатныхъ народныхъ читаленъ настолько ограниченъ, что даже при не строгомъ подборѣ книгъ, пригодныхъ для чтенія наберется самое большее на 500—600 рублей. Изъ отчетовъ видно, что покупаютъ и раздаютъ читателямъ такія книги, какъ произведенія Жаколіо, Дедю, Викторова, Фелье, Бутовскаго, Чичагова, Перка, Рангада, Аблессимова и пр. (что это за книги?!), которыя для всѣхъ грамотныхъ людей, не считая коммиссіи по народному образованію, являются цѣлымъ открытіемъ. Затѣмъ, вся масса книгъ, — почти двадцать семь тысячъ томовъ,— сосредоточена въ шести пунктахъ города, почему бѣднотѣ, ютящейся на всемъ пространствѣ Петербурга и въ его окресностяхъ и работающей по 10—12 ч. въ день, все это книжное богатство просто не доступно.

Изъ отчета коммиссіи по народному образованію за 1897 г. видно, что берущихъ книги на домъ было въ среднемъ въ каждой читальнѣ всего-навсего 437 человѣкъ, изъ которыхъ 158 человѣкъ было прислуги и рабочихъ, а остальные читатели принадлежали къ чиновникамъ, учащимъ, учащимся, живущимъ на свои средства и даже къ «живущимъ своимъ капиталомъ». Кромѣ отдаленности читаленъ, отталкиваетъ отъ нихъ малоимущій людъ, живущій и близко, то обстоятельство, что для полученія права чтенія книгъ на дому необ-

ходимо внести залогъ (отъ 2 р. 50 к. до 4 р. 26 к. въ среднемъ на читателя) или же представить поручительство хозяина, домовладѣльца, учителя и т. п., что не можетъ не стѣснять рабочаго.

Изъ числа сорока трехъ тысячъ посѣщеній во всѣхъ шести читальняхъ за 1897 г. только на долю четырехъ человѣкъ приходится въ среднемъ свыше десяти посѣщеній (офицеръ—77, учащаяся въ высшемъ учебномъ заведеніи—40, живущій своимъ капиталомъ—20 и живущая на средства семьи—18 разъ), всѣ же остальные посѣтители бывали отъ одного до семи разъ въ годъ, заходя въ читальни совершенно случайно.

Отчетъ коммиссіи по народному образованію указываетъ на быстрое сокращеніе числа посѣтителей. И дѣйствительно, съ 51,5 тысячъ посѣтителей четырехъ первыхъ читаленъ въ 1895 г., это число упало въ 1896 г. до 48,2 тысячъ въ пяти читальняхъ, а въ слѣдующемъ 1897 году даже до 43 тысячъ человѣкъ во всѣхъ шести читальняхъ.

Особенно рельефно выдѣляется указанное сокращеніе въ I Пушкинской читальнѣ; тамъ въ 1889 г. было 26,2 тысячи посѣтителей, а въ 1897 г. число посѣщеній упало до 18,5 тысячъ. Такое значительное паденіе цифры посѣтителей въ I Пушкинской библіотекѣ отчетъ объясняетъ «послѣдовавшимъ въ 1892 году распоряженіемъ о сокращеніи допускаемыхъ въ читальню журналовъ и газетъ». «Первоначально, въ первые годы по открытіи читальни, она не была въ этомъ отношеніи ни мало стѣснена и выписывала и получала даромъ всѣ почти журналы и газеты, чѣмъ въ значительной мѣрѣ привлекла къ себѣ публику, читавшую прежде эти же газеты въ трактирахъ и портерныхъ; съ воспрещеніемъ же читальнѣ имѣть газеты и журналы, наиболѣе доступные по своему содержанію средней публикѣ, эта публика пошла во прежнему читать ихъ безъ всякаго контроля, со стороны библіотекаря, въ отношеніи возраста, пола и развитія, въ тѣ же трактиры и портерныя». (Отчетъ коммиссіи по нар. обр. за 1897 г., стр, 156). Несомнѣнно, что это распоряженіе имѣло на ряду съ указаннымъ уже неудобствомъ значительное вліяніе на сокращеніе числа посѣтителей; тѣмъ не менѣе оказывается, что сокращеніе это должно быть отнесено къ интеллигентнымъ посѣтителямъ, рабочій же людъ упорно продолжаетъ ходить въ читальни. Число рабочихъ, читавшихъ въ помѣщеніи читаленъ, возрасло съ 2.830 человѣкъ въ 1895 г. до 2.967—въ 1896 и 2.920—въ 1897 г., при этомъ число рабочихъ, бравшихъ книги на домъ, съ каждымъ годомъ еще болѣе увеличивалось: въ 1895 году число читавшихъ дома было 575 рабочихъ, въ слѣдующемъ—747 и въ 1897 г.—751.

Интересны данныя о книгахъ, которыя берутъ для прочтенія на дому читатели безплатныхъ читаленъ, на половину рабочій народъ. Остановимся на произведеніяхъ хотя бы оригинальной беллетристики. Наибольшимъ спросомъ во всѣхъ шести читальняхъ пользуются: Л. Толстой — 1.213 требованій, Н. Данченко—1.133, Гоголь—1.056. Саліасъ — 1.016, Соловьевъ — 854, Писемскій—788, Гончаровъ—770, Тургеневъ—748, Лейкинъ—697, Пушкинъ—415, Достоевскій—368, Некрасовъ—219, Лермонтовъ—176.

Рѣжущее на первый взглядъ предпочтеніе произведеній Лейкина передъ произведеніями Пушкина, Достоевскаго, Некрасова и Лермонтова объясняется присутствіемъ среды читателей интеллигентовъ, читавшихъ этихъ авторовъ ранѣе и развившихъ свои вкусы до произведеній Дедю и Лейкина; что касается сравнительно слабаго спроса Некрасова и Лермонтова, то не надо забывать, что произведенія этихъ авторовъ вмѣщаются въ 2-хъ или 1-мъ томѣ, тогда какъ сочиненія Л. Толстого, Тургенева, Н. Данченко, Саліаса помѣщены въ 15—20 томахъ и потому даютъ большее число требованій, вслѣдствіе чего на одного читателя Тургенева и Некрасова приходится 10 требованій перваго и 2 второго.

Павловскіе кустари. Въ «Нижегор. Листкѣ» сообщаются интересныя свѣдѣнія объ отношеніяхъ между кустарями и скупщиками въ селѣ Павловѣ. Авторъ корреспонденціи изъ Павлова пишетъ:

«Не безъизвѣстно, что наше мѣстное и окрестное кустарное населеніе, занимающееся выдѣлкой замковъ, ножей, ножницъ и др. т. п. издѣлій, почти всецѣло зависитъ отъ скупщиковъ, которые перекупаютъ готовый товаръ изъ рукъ кустарей и затѣмъ отправляютъ его въ разные города Имперіи по требованіямъ или же сами непосредственно сбываютъ по ярмаркамъ. Скупка товара бываетъ обыкновенно по понедѣльникамъ и передъ большими праздниками, какъ Рождество, Пасха и нѣкоторые другіе, и наканунѣ этихъ праздниковъ. При покупкѣ товара у кустаря скупщики строго держатся укоренившагося въ ихъ средѣ правила прижать, насколько только возможно, кустаря въ цѣнѣ за товаръ и выдать ему при раздѣлкѣ часть деньгами, а часть какимъ-нибудь товаромъ, высокимъ по цѣнѣ (опредѣленной, конечно, самимъ скупщикомъ), но сомнительнымъ по качеству. Въ особенно грубой формѣ обнаруживается это притѣсненіе передъ праздниками Рождества и Пасхи. Кустарь въ послѣднія недѣли передъ этими праздниками работаетъ, не покладая рукъ, не досыпаетъ ночей, чтобы только «выгнать» побольше готоваго товара и увеличить свой скудный заработокъ, а скупщикъ, пользуясь удобнымъ случаемъ, выказываетъ на дѣлѣ все свое мастерство въ прижимательствѣ и ужъ дѣйствительно жметъ кустаря въ это время по всѣмъ правиламъ искусства: цѣна на товаръ передъ упомянутыми праздниками падаетъ обыкновенно до крайнихъ размѣровъ, кустарю при продажѣ товара ставится многими изъ скупщиковъ въ непремѣнное условіе взять за товаръ около трехъ четвертей или даже только около половины его стоимости деньгами, а остальную часть забрать различными продуктами, состоящими изъ сырого желѣза, или чая, мяса, мыла и всякихъ другихъ, въ большинствѣ случаевъ, залежалыхъ товаровъ, которые скупщикъ заблаговременно постарался пріобрѣсти различными путями за безцѣнокъ, а самъ сбываетъ къ праздникамъ кустарямъ по цѣнѣ, вполтора раза дороже рыночной. Все это продѣлывается въ скупщицкой средѣ спокойно и настойчиво, какъ явленіе совершенно нормальное, да и чего особенно скупщику безпокоиться при твердомъ его убѣжденіи въ томъ, что кустарь изъ его рукъ никуда не вывернется, такъ какъ не имѣетъ достаточной поддержки, которая дѣлала бы его при продажѣ готоваго товара хотя бы немного независимымъ отъ давленія скупщика. Былъ, впрочемъ, одно время періодъ, когда, по настоянію мѣстнаго исправника г. Ржевскаго, подобныя продѣлки скупщиковъ строго преслѣдовались и на время прекратились почти совершенно, въ то время покончилъ свое существованіе и такъ называемый скупщицкій «промѣнъ», представлявшій изъ себя удержку скупщикомъ у кустаря отъ каждаго рубля отъ 2 до 3-хъ копѣекъ. Эти 2 или 3 недодававшіяся копѣйки изъ каждаго рубля, составлявшія наглое обирательство, назывались у скупщиковъ «промѣномъ». Съ теченіемъ времени обстоятельства, однако, измѣнились, скупщики сначала понемногу, а потомъ больше и больше стали потихоньку пускать въ ходъ выдачу продуктовъ, пока не вошли опять въ прежнюю колею».

Авторъ корреспонденціи отмѣчаетъ развитіе общественной жизни въ Павловѣ: существующее тамъ общество потребителей задалось также цѣлью открывать торговыя отдѣленія въ удаленныхъ отъ базара окраинахъ села и торговать тамъ товарами по базарнымъ цѣнамъ; въ настоящее время, въ видѣ опыта, существуетъ полгода пока еще одно отдѣленіе и дѣйствуетъ прекрасно, благодаря тому, что доставляетъ жителямъ полную возможность пріобрѣтать товаръ хорошаго качества и по дешевой цѣнѣ подъ рукой безъ ходьбы на базаръ за версту и болѣе и безъ потери дорогого каждому рабочаго времени. Въ виду очень солиднаго торговаго оборота отдѣленія за первые полгода его

дѣйствія, общество для расширенія своей дѣятельности и для еще большаго расширенія своихъ торговыхъ оборотовъ, цѣликомъ вліяющихъ на успѣхъ общественнаго торговаго дѣла, постарается, вѣроятно, принять всѣ мѣры къ тому, чтобы открыть еще нѣсколько торговыхъ своихъ отдѣленій въ тѣхъ мѣстахъ села, кои удалены отъ базара, такъ какъ успѣхъ этихъ отдѣленій и польза отъ нихъ несомнѣнны. При всемъ томъ, на каждый рубль, забранный продуктами въ лавкахъ общества, оно, по истеченіи отчетнаго года, выдаетъ членамъ изъ прибылей около 2—3 копѣекъ дивиденда. Съ переходомъ, съ годъ тому назадъ, на нормальный уставъ, выработанный правительствомъ для всѣхъ обществъ потребителей, общество дало возможность вступать въ число членовъ и бѣдному кустарному населенію, значительно облегчивъ взносъ пая. По прежде существовавшему уставу желающій вступить въ члены общества долженъ былъ сразу внести пай въ 10 рублей и вступную плату—1 руб. 20 коп.; теперь же каждый изъявившій желаніе вступить въ члены вноситъ единовременно только вступную плату 1 руб. 20 коп., а пай можетъ платить въ разсрочку въ теченіе цѣлаго года, причемъ имѣетъ право кредитоваться въ обществѣ на $^{3}/_{4}$ сдѣланныхъ имъ паевыхъ взносовъ, пользуется изъ прибыли дивидендомъ на заборъ и другими выгодами, приносимыми обществомъ, и лишь на общихъ собраніяхъ участвуетъ до уплаты полнаго пая съ правомъ совѣщательнаго, а не рѣшающаго голоса. Затѣмъ, пользуясь примѣчаніемъ къ § 1 нормальнаго устава, разрѣшающимъ организовать при обществѣ «учрежденія, имѣющія цѣлью различными средствами и способами улучшать матеріальныя и *нравственныя* условія жизни членовъ общества», послѣднее въ недалекомъ прошломъ приступило къ устройству для своихъ членовъ ссудо-вспомогательной кассы съ выдачею членамъ общества %-ныхъ ссудъ а также возвратныхъ и безвозвратныхъ пособій; правила этой кассы посланы на утвержденіе подлежащему начальству; въ настоящее же время особая коммиссія при обществѣ занята разработкой устава похоронной кассы, предполагаемой къ устройству при обществѣ.

Памяти М. С. Корелина. (Некрологъ). 3-го января скончался извѣстный историкъ, профессоръ московскаго университета М. С. Корелинъ. Приводимъ краткія свѣдѣнія о его жизни и научной дѣятельности, пользуясь некрологомъ «Русск. Вѣдом.». Покойный родился въ 1855 году и происходилъ изъ *крестьянской семьи*. Окончивъ курсъ въ 1-й московской гимназіи, М. С. поступилъ на историко-филологическій факультетъ московскаго университета и во время прохожденія университетскаго курса спеціально занимался всеобщей исторіей, преимущественно культурной ея стороною въ связи съ исторіей всеобщей литературы и искусства. За изслѣдованіе легенды о Фаустѣ (часть этой работы была затѣмъ напечатана въ *Вѣстникѣ Европы*) онъ получилъ, золотую медаль и, окончивъ курсъ со степенью кандидата по историческому отдѣленію, былъ оставленъ при университетѣ. По возвращеніи изъ-за границы онъ написалъ и напечаталъ обширную диссертацію «Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія»; въ основу этого двухтомнаго сочиненія положены были данныя, собранныя авторомъ во время его заграничныхъ занятій. М. С. Корелинъ представилъ въ московскій университетъ свое изслѣдованіе «Ранній итальянскій гуманизмъ», какъ диссертацію на степень магистра всеобщей исторіи; но за особыя научныя достоинства этой диссертаціи, историко-филологическій факультетъ далъ М. С. Корелину степень доктора исторіи,—это былъ первый случай примѣненія въ московскомъ университетѣ правила новаго университетскаго устава о дарованіи степени доктора за диссертацію, представленную на степень магистра. По возвращеніи изъ-за границы М. С. возобновилъ чтеніе лекцій на высшихъ женскихъ курсахъ, а когда курсы были закрыты, принялъ

участіе въ систематическихъ публичныхъ лекціяхъ, читавшихся московскими профессорами въ 1890—1892 гг., выступивъ съ курсами по римской и средневѣковой исторіи. Съ 1889 г. М. С. началъ читать лекціи въ московскомъ университетѣ въ качествѣ приватъ-доцента, а затѣмъ послѣ защиты диссертаціи и полученія докторской степени былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ всеобщей исторіи; эту каѳедру онъ и занималъ до своей кончины. Первоначально покойный читалъ лекціи по исторіи искусства, затѣмъ по исторіи Востока; позднѣе его курсы касались различныхъ эпохъ исторіи Европы. Кромѣ разнообразной преподавательской дѣятельности, М. С- занимался литературной работой; въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ имъ напечатанъ рядъ статей по древней, средней и новой исторіи (преимущественно культурной) въ *Вѣстникѣ Европы*, *Историческомъ Вѣстникѣ*, *Русской Мысли*. Помимо историческихъ работъ, М. С. печаталъ статьи по педагогическимъ вопросамъ. Онъ также принималъ участіе въ изданіяхъ петербургскаго кружка для развитія самообразованія, и для той же цѣли были предназначены изданные имъ отдѣльно очерки по культурной исторіи Востока и по исторіи искусства. Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить, что покойный профессоръ живо интересовался вопросами народной литературы и, между прочимъ, онъ въ особой статьѣ разработалъ вопросъ о томъ, какія свѣдѣнія и какія темы по всеобщей исторіи подходятъ для народныхъ изданій. Изъ приведенныхъ краткихъ свѣдѣній видно, какъ широка и разнообразна была научная и литературная дѣятельность профессора М. С. Корелина.

Чествованіе памяти Мицкевича. 12 декабря 1898 года, въ Варшавѣ состоялось открытіе памятника Адаму Мицкевичу въ день столѣтія его рожденія. Открытіе состоялось при торжественномъ молчаніи собравшагося народа, толпы котораго молча дефилировали мимо памятника, украшая его массой цвѣтовъ, вѣнковъ и букетовъ. На бывшихъ затѣмъ въ честь поэта собраніяхъ, объединившихъ самые различные слои польскаго народа, были произнесены многочисленныя рѣчи, изъ которыхъ приводимъ по «Нов. Времени» рѣчь Сенкевича, посвященную создателю памятника, скульптору Годебскому.

«Дорогой и любимый маэстро! Тому, который любилъ и чувствовалъ за милліоны, сердца этихъ милліоновъ отвѣтили величайшимъ почетомъ и любовью, а когда настала благопріятная минута, пожелали дать этимъ своимъ чувствамъ прочное и вѣчное выраженіе. Но, какъ это ты могъ видѣть нѣсколько дней назадъ,—чѣмъ глубже у насъ коллективное чувство, тѣмъ глубже молчанье, а слѣдовательно, этотъ почетъ и эту любовь къ памяти нашего великаго Адама Мицкевича могъ выразить только одинъ изъ такихъ избранныхъ сыновъ народа, которымъ Богъ далъ для этого соотвѣтственную мощь. Этимъ избранникомъ явился ты, маэстро, и, дѣйствительно, счастливъ былъ выборъ, потому что ты понялъ чувствомъ и угадалъ, что милліоны хотятъ, чтобы твое произведеніе было великимъ и величественнымъ, настолько болѣе вдохновеннымъ и болѣе народнымъ, насколько болѣе вдохновеннымъ и болѣе народнымъ въ сравненіи съ другими поэтами былъ нашъ великій и любимый пророкъ Адамъ Мицкевичъ. И ты исполнилъ задачу. Ни одинъ поэтъ ни въ одномъ городѣ не имѣетъ большаго и болѣе величественнаго памятника, чѣмъ Мицкевичъ въ Варшавѣ. Честь и хвала тебѣ за это! Твое имя, уже ранѣе славное и громкое, теперь окружитъ благодарная память общества, которое высказываетъ тебѣ ее моими устами. Прими въ доказательство этой благодарности медаль, пусть она будетъ для тебя памяткой великаго гражданскаго подвига и свѣтлымъ воспоминаніемъ на вѣчные дни твоего живота. Знай при этомъ, что на медали отчеканенъ не только твой ликъ, не только видъ твоего шедевра, но и наши сердца,

которыя отнынѣ будутъ тебя любить и будутъ соединять твое имя съ однимъ изъ лучшихъ дней нашей общественной жизни».

Памятникъ представляетъ бронзовую фигуру Мицкевича на высокомъ гранитномъ пьедесталѣ. Поэтъ стоитъ съ открытой головой, въ широкомъ плащѣ, который онъ придерживаетъ лѣвою рукой, правую поэтъ прижалъ къ груди, какъ бы сдерживая порывъ сердца. На лицѣ, задумчивомъ и вдохновенномъ, видна затаенная скорбь. Поэтъ какъ бы прислушивается и присматривается къ міру земныхъ страстей, распростертому у его ногъ. На лицевой сторонѣ памятника, на пьедесталѣ надпись: «Адаму Мицкевичу—земляки». Надъ надписью лира, лавры и закрытая книга, годъ рожденія и смерти поэта—1798—1855.

Въ Петербургѣ память поэта чествовалась торжественнымъ обѣдомъ, устроеннымъ 27 декабря, по иниціативѣ Союза русскихъ писателей. Присутствовали болѣе 100 литераторовъ и ученыхъ, въ ихъ числѣ были: Стасюлевичъ, Боборыкинъ, Потѣхинъ, Арсеньевъ, Владиміръ Соловьевъ, Спасовичъ, Михайловскій, Мордовцевъ, Леонидъ Полонскій, Суворинъ, Анненскій, Андреевскій, Мякотинъ, Ухтомскій, Загуляевъ, Скалонъ, Василевскій, Потапенко; писательницы: Шапиръ, Крестовская, Софія Смирнова и Калмыкова, художникъ Рѣпинъ, редакторъ «Края» Пильцъ; профессора: Буличъ, Коркуновъ, Свѣшниковъ и другіе. Предсѣдателемъ обѣда избранъ былъ старшій изъ присутствовавшихъ литераторовъ Потѣхинъ; рядомъ съ нимъ занималъ мѣсто авторъ памятника Мицкевичу въ Варшавѣ, скульпторъ Годебскій, бывшій ученикъ петербургской академіи художествъ. Прочитаны были телеграммы, присланныя въ отвѣтъ на приглашеніе Союза польскими писателями Сенкевичемъ, Оржешко и Прусомъ. Въ программѣ обѣда значилось 10 рѣчей. Говорили Спасовичъ, Мякотинъ, Потѣхинъ, Боборыкинъ, Вл. Соловьевъ и др.

По желанію присутствовавшихъ была послана привѣтственная телеграмма сыну поэта, Владиславу Мицкевичу, въ Парижъ, на которую, спустя нѣсколько дней, въ Союзѣ было получено прочувствованное письмо Вл. Мицкевича, съ выраженіемъ симпатій русской литературѣ и всѣмъ ея представителямъ

На 6-е февралѣ назначенъ вечеръ въ память Мицкевича, въ Петербургѣ. Вечеръ устраиваетъ Союзъ русскихъ литераторовъ. Въ вечерѣ принимаютъ участіе весь цвѣтъ столичной литературы, съ гг. Короленко и Михайловскимъ во главѣ.

Домъ Трудолюбія въ Самарѣ и его дѣятельность.

(Письмо изъ Самары).

Съ времени учрежденія въ 1881 году перваго Дома Трудолюбія въ Кронштадтѣ, по иниціативѣ отца Іоанна Сергіева, эти дома стали возникать и въ другихъ городахъ, и домъ въ Самарѣ, открытый въ 1894 году, былъ уже четырнадцатымъ по порядку. Исторію его можно разсказать въ немногихъ словахъ. Еще въ 1888 году, извѣстный пропагандистъ домовъ трудолюбія, баронъ Буксгевденъ, познакомилъ самарское общество съ дѣятельностью ранѣе открытыхъ домовъ, и при немъ была избрана коммиссія для выработки надлежащаго устава. Голодъ 1891—1892 года отвлекъ все вниманіе и всѣ силы общества на борьбу съ народнымъ бѣдствіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ нельзя болѣе ясно доказалъ желательность существованія такого дома, гдѣ лишившіеся работы люди могли бы найти временную поддержку. Уставъ общества былъ утвержденъ еще въ 1892 году, но дѣйствительно учредить общество удалось только въ 1894. Весною этого года, самарскій губернаторъ А. С. Брянчани-

новъ собралъ у себя нѣсколько лицъ, на дѣятельное участіе которыхъ можно было разсчитывать, и поставилъ на обсужденіе вопросъ объ осуществленіи давно задуманнаго плана. Присутствовавшіе на этомъ совѣщаніи представители самарскаго купечества тутъ же разрѣшили всѣ сомнѣнія относительно возможности найти средства подписавъ болѣе 13.000 рублей, а одинъ изъ нихъ пожертвовалъ возникавшему обществу мѣсто съ двухъ-этажнымъ каменнымъ домомъ и двумя небольшими флигелями. 30 марта уже образовалось «Общество Дома Трудолюбія», въ которомъ пожелало участвовать болѣе 350 человѣкъ.

Тутъ же было избрано правленіе изъ двѣнадцати человѣкъ подъ предсѣдательствомъ начальника губерніи, и 1 мая, на первомъ общемъ собраніи новаго общества, правленіе уже представило программу предполагаемой дѣятельности и примѣрную смѣту. Эти программа и смѣта были приняты, въ маѣ же начались работы по ремонту пожертвованнаго дома и по устройству въ немъ мастерскихъ, и 14 ноября, послѣ молебна, отслуженнаго въ новомъ Домѣ преосвященнымъ Гуріемъ, Домъ Трудолюбія былъ объявленъ открытымъ. На другой же день, 15 ноября, въ его двери уже стучались первые кліенты...

Теперь, когда прошло уже четыре года съ этого дня, даже поверхностный обзоръ дѣятельности Дома можетъ дать болѣе или менѣе опредѣленное представленіе о немъ и основанія для нѣкоторыхъ общихъ заключеній о значеніи этой новой формы общественной филантропіи.

Правленіе общества Дома Трудолюбія въ Самарѣ, представляя первому общему собранію программу предполагаемой дѣятельности Дома, указывало на то, что въ имѣющемся помѣщеніи можно будетъ устроить мастерскія только на 200 человѣкъ рамотающихъ обоего пола; но такъ какъ можно предвидѣть — особенно въ зимнее время—наплывъ бо́льшаго числа нуждающихся, и желательно, чтобы въ Домѣ Трудолюбія никому не отказывали въ работѣ, то необходимо учредить какія-либо работы и внѣ Дома.

При выборѣ работъ правленіе руководствовалось тремя основными принципами: а) чтобы работы были по возможности, просты, не требуя, для своего исполненія ни предварительной подготовки, ни дорогихъ или сложныхъ инструментовъ; б) чтобы продукты Дома могли имѣть обезпеченный сбытъ на мѣстномъ рынкѣ, и в) чтобы въ мастерскихъ Дома не производились работы, представляющія обычный предметъ занятій бѣднаго населенія города, во избѣжаніе раззорительной для послѣднихъ конкурренціи.

Плата за трудъ должна также быть установлена въ такомъ размѣрѣ, чтобы она обезпечивала существованіе трудящихся, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могла служить приманкой для людей, уже имѣющихъ сколько-нибудь достаточный заработокъ.

Принимая во вниманіе всѣ эти условія, намѣчены были слѣдующія работы въ мастерскихъ: для мужчинъ: производство деревянныхъ упаковочныхъ ящиковъ по заказу торговцевъ; щитовъ для охраненія желѣзнодорожныхъ путей отъ заносовъ; простыхъ рѣшетокъ для деревьевъ на городскихъ улицахъ; производство изъ лыка: укладокъ, котомокъ, пестерей и проч. Для женщинъ: шитье рубахъ, портовъ, чапановъ на заказъ и для базара; тканье половиковъ и холстовъ разнаго рода; пряденье нитокъ и шерсти; вязанье чулокъ, рукавицъ и шарфовъ. Для дѣтей: щипанье мочалы для обойщиковъ и на банныя мочалки, клейка картонныхъ коробокъ и т. п.

Внѣ Дома предполагалось посылать артели со старшимъ рабочимъ по требованію частныхъ лицъ: для очистки дворовъ и садовъ отъ снѣга и мусора, для пилки и колки дровъ, переноски мебели и проч., нагрузки и выгрузки вагоновъ, баржей и проч. Въ случаѣ особаго наплыва рабочихъ, отсутствія частныхъ требованій на нихъ и переполненія мастерскихъ Дома, правленіе предла-

гало предпринимать общеполезныя работы, напр., очистку улицъ и площадей города на счетъ самого общества.

Плату предположено было установить поденную за всѣ простыя работы въ Домѣ и внѣ Дома въ размѣрѣ 15 коп., за болѣе сложныя работы въ мастерскихъ предположено испробовать задѣльную плату. Рабочій день установленъ въ 9 часовъ зимой и 10 часовъ лѣтомъ.

На первомъ же собраніи правленіе указывало на необходимость устройства при Домѣ Трудолюбія дешевой столовой, ночлежнаго пріюта не менѣе, какъ на 200 человѣкъ, бани, прачечной и сушильни, и ясель для маленькихъ дѣтей, гдѣ послѣднія могли бы проводить день подъ надзоромъ опытной няни, пока матери находятся на работѣ. Какъ мы увидимъ, все это осуществилось, да и то не вполнѣ, значительно позже.

Штатъ служащихъ въ Домѣ Трудолюбія былъ принятъ такой:

Смотритель Дома, съ жалованьемъ въ	500	р.	при	квартирѣ.
Помощникъ, онъ же конторщикъ	» 240	»	»	»
Смотрительница	» 240	»	»	»
Два сторожа - дворника	» 200	»	»	»
Няня при ясляхъ	» 72	»	»	»
Два мастера для мастерскихъ . .	» 480	»	безъ квартиры.	

Правленіе Дома Трудолюбія не было особенно счастливо въ выборѣ перваго смотрителя Дома. Эту должность припялъ на себя одинъ маіоръ въ отставкѣ, который и управлялъ Домомъ около года. Этотъ господинъ былъ несомнѣнно распорядителенъ и энергиченъ, но, къ сожалѣнію, совершенно не могъ усвоить основныхъ принциповъ и цѣлей Дома. Желая, во что бы то ни стало, добиться дохода отъ мастерскихъ, онъ всѣми мѣрами старался держать въ Домѣ только знающихъ дѣло работниковъ, а такъ какъ среди самарскихъ нищихъ такіе не составляютъ большинства, то, конечно, это большинство и не имѣло ничего общаго съ Домомъ Трудолюбія. Результаты такого взгляда были именно тѣ, которыхъ слѣдовало ожидать: работы въ Домѣ убытка не дали, зато среднее число работниковъ въ теченіе всей первой зимы не превысило 25 человѣкъ въ день, а были дни, когда въ мастерскихъ трудно было насчитать ихъ и десятокъ. Общее число рабочихъ дней за эту зиму (съ 15 ноября по 1 марта) было 2.606, причемъ 150 дней пришлось на работы внѣ Дома, по требованіямъ частныхъ лицъ.

Кромѣ перечисленныхъ выше работъ, въ Домѣ ткались рогожи, шились матрацы, щипалась пакля и клеились конверты. Главной работой была щипка пакли. Всего расхода на матеріалы и плату работавшимъ было 1.409 рублей, а выручено за издѣлія и осталось матеріаловъ на сумму 1.655 р., т. е. получилось прибыли отъ работъ 246 рублей. Средній заработокъ работавшихъ былъ около 15 коп., въ день. Общій приходъ Общества въ первый годъ (включая первоначальныя пожертвованія) равнился 17.745 руб., а общій расходъ— 8.378 руб.

Ночлежнаго пріюта при Домѣ устроено не было; для дешевой столовой начата была постройка особаго дома, который однако потомъ былъ отведенъ подъ мастерскія. Но еще въ іюнѣ 1894 г. правленіе устроило дешевую чайную-столовую въ баракѣ на берегу Волги, а съ осени перенесло эту столовую въ особое помѣщеніе, нанятое для нея близь городского базара. Столовая не стоила Обществу ни копѣйки денегъ, не смотря на крайнюю дешевизну продававшейся въ ней пищи и чая. Съ 11 іюня по 1 марта, эта столовая отпустила (по 2 коп. за порцію) чая—83.050 порціи, щей или похлебки 15.487 порцій и каши 10.901 порцію, на сумму 2.818 рублей. Съ 1895 года, эта столовая перешла въ вѣдѣніе Общества трезвости.

Лѣтомъ 1895 года на должность смотрителя Дома Трудолюбія былъ приглашенъ Е. Е. Блосфельдъ. Новый домъ былъ отданъ подъ мужскія мастерскія, а въ

старомъ домѣ остались женскія мастерскія; было устроено помѣщеніе для столовой и ночлежный пріютъ.

Перемѣна смотрителя рѣзко отразилась на всей дѣятельности Дома. Двѣ цифры это покажутъ лучше всякихъ словъ: за ноябрь—февраль 1894—1895 года, какъ мы видѣли, число всѣхъ рабочихъ дней было 2.606; за то же время въ 1895—1896 года ихъ было 13.462, т. е. оно увеличилось болѣе, чѣмъ въ пять разъ! Всего же въ 1895—1896 году рабочихъ дней было 17.696. Въ самое трудное время года, т. е. въ январѣ и февралѣ, наплывъ рабочихъ былъ иногда такъ великъ, что многимъ пришлось отказывать за недостатокъ помѣщеній. Работы Дома Трудолюбія пріобрѣтаютъ значительное разнообразіе, вводится производство щетокъ и швабръ, дверныхъ матовъ, садовой и дѣтской мебели, шитье мѣшковъ и проч.; въ число дѣтскихъ работъ—дѣланіе лампадныхъ поплавковъ, которыхъ продается болѣе 27.000 штукъ. Всего издѣлій разнаго рода произведено въ этомъ году 111.850 штукъ и на вѣсъ (мочало, пакля и т. п.) еще 108 пудовъ. Заработной платы выдано 2.051 рубль, и выручено отъ работъ въ Домѣ 7.687 рублей. Общій доходъ Дома (включая остатокъ капитала отъ прошлаго года) достигаетъ 20.842 рублей, а валовой расходъ—13.425 рублей.

Устроенная при Домѣ Трудолюбія пекарня дала чистаго дохода 126 рублей. Въ ночлежномъ пріютѣ Дома ночевало 13.443 человѣкъ.

Чтобы не загромождать этотъ очеркъ статистикой, я пропущу цифры за 1896—97 годъ, указавъ только, что работы дали въ этомъ году чистой прибыли болѣе 600 рублей, число рабочихъ дней было уже 33.614 и ночлежнымъ пріютомъ воспользовались 25.214 человѣка.

Въ 1897—1898 году мы снова видимъ значительное увеличеніе этихъ уже достаточно внушительныхъ цифръ. Число рабочихъ дней уже было болѣе 45.800, причемъ среднее число рабочихъ въ февралѣ и мартѣ 1898 года уже 283 въ день, т. е. въ десять разъ больше, чѣмъ въ первый годъ; а въ ночлежномъ пріютѣ проведено работавшими и посторонними бѣдняками 65.184 ночи. Работы внѣ Дома развиваются на столько, что въ 1897—1898 году ихъ уже было 7.600 дней. Пекарня даетъ также 1.940 рублей чистой прибыли, при годовомъ оборотѣ въ 10.200 рублей.

Количество выдѣланныхъ въ мастерскихъ Дома предметовъ достигаетъ крупной цифры 726.700 штукъ, кромѣ 1.200 пудовъ товаровъ, продаваемыхъ на вѣсъ. Главное количество предметовъ падаетъ на коробки для чая, которыхъ по заказу изготовлено 506.980 штукъ, затѣмъ мѣшковъ сшито и починено почти 100.000 штукъ, ящиковъ деревянныхъ сдѣлано больше 11.000, коробокъ картонныхъ разныхъ больше 33.000, корзинъ больше 800 и множество другихъ издѣлій; всего 56 названій. Заработной платы выдано уже 4.223 рубля. Общій доходъ Дома, считая капиталъ, оставшійся отъ прошлаго года, равнялся 38.991 рублю, а общій расходъ—26.852 рублямъ, изъ которыхъ однако 10.200 рублей истрачено на постройку новаго большого двухъ-этажнаго дома для мастерскихъ, кухни и столовой.

Благодаря частнымъ пожертвованіямъ спеціально на обѣды для нуждающихся, работавшимъ въ Домѣ Трудолюбія съ 1897 года выдавались обѣды безплатно, и выдано ихъ 84.548, не затрачивая на это ни копѣйки изъ общихъ суммъ Общества.

Постоянно изыскивая новые способы для усиленія средствъ Дома Трудолюбія, г. Блосфельдъ придумалъ взять въ аренду у города право расклейки афишъ. Въ теченіи перваго года, городъ бралъ половину чистаго дохода себѣ, но теперь, вслѣдствіе заявленія начальника губерніи, пожертвовалъ весь доходъ Дому Трудолюбія на пять лѣтъ. Наклейка афишъ на особыхъ витринахъ, построеныхъ «трудолюбцами»—дала въ настоящемъ году 1.008 руб. чистаго дохода.

Считая, что бѣдняки, работающіе въ Домѣ, не менѣе нуждаются въ отдыхѣ и развлеченіи, чѣмъ ихъ болѣе обезпеченные собратья, Е. Е Блосфельдъ уговорилъ кружокъ любителей изъ мѣстной молодежи устроить въ теченіе зимы нѣсколько спектаклей въ Домѣ, для каковой цѣли въ одной изъ большихъ мастерскихъ была построена добровольцами рабочими временная сцена и написаны декораціи. Спектакли привлекали массу бѣднаго люда, вслѣдствіе номинальной платы за входъ, а игра любителей вскорѣ достигла сравнительно высокой степени совершенства. Спектакли эти не только окупались, но и дали Дому 380 рублей прибыли.

Кромѣ театра, въ Домѣ каждый четвергъ устраивались чтенія для работающихъ; читали поочередно священникъ Альбицкій и С. С. Чернышевъ.

Всякое описаніе Дома будетъ неполнымъ, если мы не скажемъ нѣсколько словъ о его пестромъ населеніи. Главный контингентъ людей, обращающихся къ помощи Дома, доставляютъ, конечно, бѣднѣйшіе классы населенія: крестьяне, которыхъ нужда вынудила искать заработковъ въ городѣ, разорившіеся мѣщане, мелкіе ремесленники и рабочіе безъ дѣла, прислуга безъ мѣста, переселенцы изъ другихъ губерній, которыхъ безденежье или болѣзнь задержали въ пути, и т. п. Но не только бѣдный рабочій людъ идетъ въ Домъ Трудолюбія въ періоды безработицы; суровыя вьюги и лютые морозы гонятъ въ его теплыя мастерскія и ночлежный домъ бродячее населеніе набережной, кирпичныхъ сараевъ и развалившихся лачугъ; весь тотъ бездомный, шатущій людъ, безъ котораго не стоитъ ни одинъ большой городъ. Профессіональные нищіе, безпріютныя женщины, брошенныя дѣти; а подчасъ и профессіональные воры и воришки зарабатываютъ кусокъ хлѣба и мѣсто на нарахъ честнымъ трудомъ. Двери Дома открыты всякой нуждѣ; для входа въ нихъ требуется только одно условіе—согласіе работать.

Но не одни только крестьяне, мѣщане и нищіе сколачиваютъ ящики, щиплютъ паклю и шьютъ мѣшки въ мастерскихъ Дома. Нужда не разбираетъ ни званія, ни происхожденія, и если вы внимательно всмотритесь въ эту толпу людей, съ утра до ночи переполняющую Домъ, вы разглядите (и не очень рѣдко) въ ней и бывшаго учителя, и чиновника въ отставкѣ, и актера, а иногда даже и дочь «бѣдныхъ, но благородныхъ» родителей. Нужно ли говорить, что самой обычной причиной, приводящей образованныхъ людей въ мастерскія Дома—является вино? Но это далеко не единственная причина,—бѣда всякая бываетъ,—поэтому ужъ если гдѣ не слѣдуетъ судить по первому впечатлѣнію, такъ это въ Домѣ Трудолюбія.

Невольно бросается въ глаза одно обстоятельство, которое нѣсколько опредѣляетъ отношеніе самарскаго общества къ Дому Трудолюбія. Въ 1894 году, когда только что открылось Общество Дома Трудолюбія, въ немъ было 370 членовъ, черезъ годъ ихъ было уже 279, а въ 1898 году ихъ осталось всего 190, считая почетныхъ... Старое, знакомое явленіе!

Общественныя учрежденія, однако, нѣсколько лучше смотрятъ на Дома Трудолюбія, видя въ немъ одно изъ средствъ для борьбы съ нищенствомъ. Земство и городское управленіе увеличили свою помощь Дому; крупную субсидію дало ему также и общество трезвости.

Домъ Трудолюбія взялъ на себя также рекомендацію прислуги,—конечно безплатно. Доказательствомъ довѣрія, съ которымъ относятся къ Дому, можетъ служить дѣятельность этого бюро. Въ 1897—1898 году оно помѣстило на должности кухарокъ 637 женщинъ, на должности горничныхъ—367 и въ няни—208, не считая другихъ.

Теперь опять неурожай въ злополучной Самарской губерніи, опять улицы Самары переполняются мужиками, бабами и дѣтьми, которыхъ голодъ гонитъ

изъ ихъ убогихъ деревень на поиски какой-нибудь работы въ городъ, и опять Домъ Трудолюбія биткомъ набитъ этими несчастными.

Дай Богъ, чтобы общая бѣда вновь соединила всѣхъ думающихъ и чувствующихъ людей; чтобы тѣ, которые давно не знаютъ, что такое нужда, почувствовали непривычное движеніе въ сердцѣ и рѣшились бы наконецъ отдать часть своихъ лишнихъ рублей туда, гдѣ они помогутъ поддержать здоровье и жизнь менѣе счастливыхъ собратьевъ. Н. Ш.

За границей.

Народные театры въ Нью-Іоркѣ. Ни одинъ изъ европейскихъ городовъ не можетъ, конечно, сравниться съ Нью-Іоркомъ по количеству театровъ; тамъ существуетъ болѣе сотни англійскихъ театровъ и ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ права пожаловаться на равнодушіе публики. Но кромѣ этихъ обыкновенныхъ театровъ, каждая иностранная колонія въ Нью-Іоркѣ имѣетъ еще свой національный и притомъ непремѣнно народный театръ. Даже китайцы имѣютъ свой собственный театръ, подобно другимъ иностраннымъ поселенцамъ. Эти народные національные театры пользуются большою популярностью въ народныхъ кварталахъ огромнаго американскаго города. Наиболѣе интересные изъ этихъ театровъ, это—нѣмецкій и итальянскій, въ особенности послѣдній, который смѣло можно причислить къ числу лучшихъ народныхъ театровъ. Онъ посѣщается исключительно мелкими торговцами, разносчиками, чистильщиками сапоговъ, парикмахерскими учениками и т. д. Женщины являются въ театръ вмѣстѣ со своими маленькими дѣтьми, но, по словамъ американскаго журналиста, описывающаго эти театры въ «Harper's Magazine», маленькія дѣти не служатъ помѣхой и не стѣсняютъ зрителей. Вообще видъ зрительной залы итальянскаго народнаго театра носитъ чисто семейный характеръ: ремесленники приходятъ туда цѣлыми семьями и принимаютъ самое живое участіе въ томъ, что происходитъ на сценѣ. Репертуаръ этого театра указываетъ на высокое развитіе драматическихъ вкусовъ публики и посѣтитель, ожидающій увидѣть какія нибудь мелодрамы или грубое фиглярство съ цѣлью увеселенія толпы, очень ошибется, такъ какъ въ театрѣ даются по преимуществу трагедіи Шекспира и пьесы лучшихъ современныхъ итальянскихъ и другихъ авторовъ. Нѣкоторые изъ актеровъ итальянскаго народнаго театра, по словамъ журналиста, могутъ соперничать съ лучшими исполнителями шекспировскаго репертуара, но сценическая обстановка оставляетъ желать многаго. Театръ не обладаетъ большими средствами и такъ какъ посѣщающая его публика принадлежитъ къ бѣднѣйшимъ классамъ рабочаго населенія, то, разумѣется, театръ не можетъ приносить такихъ доходовъ, которые давали бы возможность дирекціи возобновить старыя ветхія декораціи. Очень часто декораціи совершенно не соотвѣтствуютъ пьесѣ, но публика съ этимъ мирится и не обращаетъ вниманія на то, напримѣръ, что въ дыру, находящуюся въ стѣнѣ какой-нибудь декораціи, можно видѣть, что дѣлается за сценой. Но хорошая игра главныхъ актеровъ заставляетъ забывать всѣ эти подробности, и создаетъ полную иллюзію.

Праздничные и воскресные дни театръ всегда бываетъ полонъ и юные чистильщики сапоговъ, продавцы банановъ и т. п. цѣлую недѣлю копятъ деньги, чтобы потомъ взять билетъ въ театръ. Каждый ремесленникъ итальянецъ считаетъ своимъ долгомъ пойти въ воскресенье со своею женою и дѣтьми въ театръ и благодаря тому, что дирекція вовсе не старается угождать низменнымъ вкусамъ толпы, а напротивъ, стремится ихъ возвысить, развить и познакомить толпу съ выдающимися драматическими произведеніями, народный

итальянскій театръ въ Нью-Іоркѣ дѣйствительно имѣетъ воспитательное значеніе и можетъ служить образцомъ для всякого другого народнаго театра.

Совсѣмъ иначе отзывается американскій журналистъ о народномъ театрѣ нѣмецкой колоніи въ Нью-Іоркѣ. Тутъ и публика, и обстановка, и театральный репертуаръ—все совершенно другое. Въ противоположность итальянской публикѣ, нѣмецкая даже во время представленія держитъ себя неспокойно. Тутъ также много семействъ съ дѣтьми, но дѣти эти производятъ шумъ и часто вызываютъ громкіе протесты со стороны зрителей. Иногда шумъ въ зрительной залѣ бываетъ такъ силенъ, что актеры прерываютъ представленіе, пока не возстановится порядокъ, и въ это время мирно бесѣдуютъ другъ съ другомъ на сценѣ.

Но и этотъ театръ всегда бываетъ полонъ по праздникамъ, такъ что въ виду такой потребности въ Нью-Іоркѣ былъ открытъ еще другой, тоже нѣмецкій народный театръ. Послѣдній посѣщается не только нѣмцами; русскіе и поляки ремесленники, работающіе ежедневно до изнеможенія силъ, отказываютъ себѣ во многомъ въ теченіе недѣли, чтобы только имѣть возможность купить билетъ въ нѣмецкій народный театръ, который они посѣщаютъ по преимуществу, такъ какъ ни русская, ни польская колонія не имѣютъ своего собственнаго театра. Замѣчательно, что оба театра посѣщаются главнымъ образомъ, только старыми поселенцами или такими, которые недавно переселились въ Америку. Молодое же поколѣніе, выросшее и воспитанное въ Америкѣ, предпочитаетъ обыкновенно чисто американскіе театры, такъ какъ они больше отвѣчаютъ его вкусамъ и болѣе соотвѣтствуютъ всему строю жизни въ Соединенныхъ Штатахъ, нежели международные театры.

У президента Трансваальской республики. Года четыре тому назадъ Трансваальская республика, благодаря столкновенію боеровъ съ англичанами и нашествію доктора Джемсона, обратила на себя вниманіе общей европейской печати и заинтересовала европейскую читающую публику. Личность президента этой республики, старика Крюгера, сдѣлалась исторической и съ тѣхъ поръ въ телеграммахъ и корреспонденціяхъ, печатающихся въ газетахъ, его имя стало часто упоминаться.

Старикъ Крюгеръ или «Oom Paul» (дядя Поль), какъ его называютъ боеры, несмотря на свои 72 года, отличается бодростью и энергіею духа. Популярность его очень велика среди населенія Трансвааля и его въ третій разъ почти единогласно выбираютъ на постъ президента. По словамъ всѣхъ европейскихъ корреспондентовъ, имѣвшихъ случай бесѣдовать съ нимъ, онъ—одна изъ самыхъ любопытныхъ личностей въ Трансваалѣ и соединяетъ въ себѣ всѣ достоинства и недостатки боеровъ, этого маленькаго народа, такъ упорно боровшагося за свою независимость. «Оомъ Поль» живетъ очень скромно, въ маленькомъ одноэтажномъ домикѣ, окруженномъ, какъ и всѣ боерскіе дома, широкою верандою. Единственнымъ отличіемъ этого дома служитъ то, что у рѣшетки стоятъ двое часовыхъ, но, въ противоположность тому, что мы привыкли видѣть въ Европѣ, солдаты эти, прислонивъ ружье къ рѣшеткѣ и сами облокотившись на нее, непринужденно бесѣдуютъ между собою или разговариваютъ съ прохожими и не измѣняютъ своей удобной позы даже тогда, когда президентъ показывается на верандѣ.

Но старикъ Крюгеръ не очень-то любитъ иностранцевъ и далеко не всѣмъ корреспондентамъ иностранныхъ газетъ удавалось добиться у него аудіенціи. Онъ также неохотно довѣряетъ и свое здоровье иностраннымъ врачамъ и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, уступая настояніямъ своихъ приближенныхъ, рѣшается пригласить къ себѣ кого-нибудь изъ иностранныхъ врачей, пользующихся

извѣстностью въ Преторіи. Но и тогда онъ предпочитаетъ обращаться къ нѣмецкимъ врачамъ, а не къ англійскимъ, которыхъ въ Трансваалѣ довольно много. Одинъ изъ нѣмецкихъ врачей, недавно побывавшій въ Преторіи, былъ приглашенъ къ Крюгеру для врачебнаго совѣта и сообщаетъ нѣкоторыя подробности своего посѣщенія, характерно обрисовывающія личность президента южно-африканской республики.

Крюгеръ давно уже страдаетъ глазами и это обстоятельство нѣсколько разъ заставляло его обращаться къ иностраннымъ врачамъ, аллопатамъ и гомеопатамъ и даже миссіонерамъ, занимающимся лѣченіемъ различныхъ недуговъ. Однако болѣзнь не поддавалась лѣченію, тѣмъ болѣе что Крюгеръ ограничивался лишь консультаціей съ врачами и не приглашалъ ихъ пользовать его болѣе или менѣе продолжительное время. Проѣзжій нѣмецкій врачъ, котораго онъ пригласилъ къ себѣ, нашелъ у него такое страданіе глазъ, для излѣченія котораго необходима небольшая операція. Онъ сказалъ это Крюгеру, но тотъ рѣшительно отклонилъ предложеніе врача сдѣлать ему эту операцію, хотя Крюгера ни въ какомъ случаѣ нельзя упрекнуть въ недостаткѣ мужества. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ онъ самъ, перочиннымъ ножомъ, отрѣзалъ себѣ на охотѣ первый суставъ большого пальца на лѣвой рукѣ, раздробленный взрывомъ ружейнаго заряда. Помощь была далека и чтобы избѣжать омертвѣнія раны, Крюгеръ самъ сдѣлалъ себѣ операцію и произвелъ ампутацію сустава съ такимъ искусствомъ, что докторъ, накладывавшій ему потомъ перевязку, былъ просто этимъ пораженъ. Однако довѣрить свои глаза иностранному врачу Крюгеръ все таки не рѣшился и взамѣнъ этого попросилъ врача осмотрѣть его уши, такъ какъ его безпокоитъ постоянный шумъ и звонъ въ ушахъ.

Врачъ разговаривалъ съ президентамъ черезъ переводчика, такъ какъ голландскій языкъ боеровъ, благодаря примѣси къ нему множество готтентотскихъ и кафрскихъ словъ, превратился въ настоящій мѣстный діалектъ, трудно понятный для европейца. По мнѣнію врача, президентъ могъ вести разговоръ какъ на нѣмецкимъ, такъ и на англійскомъ языкѣ, но почему-то не пожелалъ этаго. Когда врачъ досталъ инструменты, чтобы осмотрѣть уши президента, то этотъ послѣдней сказалъ ему ворчливо-добродушнымъ тономъ:

— Смотри же. Если послѣ твоего изслѣдованія у меня разболятся уши, то я безъ всякой церемоніи перерѣжу тебѣ горло!

Врачъ, однако, не испугался угрозы и приступилъ къ изслѣдованію слуха президента. Должно быть онъ понравился президенту, потому что тотъ довольно любезно разговорился съ нимъ и жаловался ему на то, что иностранные врачи, когда онъ ихъ приглашаетъ къ себѣ, всегда требуютъ съ него за это очень большіе гонорары. Правда ли, что въ Европѣ имъ платятъ такія громадныя деньги за совѣтъ? спросилъ президентъ. Врачъ назвалъ ему цифры гонораровъ, получаемыхъ нѣкоторыми европейскими знаменитостями. Крюгеръ удивленно покачалъ головой и замѣтилъ, что вообще онъ находитъ европейцевъ довольно расточительными людьми. Никогда европейцы, маломальски зажиточные, не станутъ вести такой скромный образъ жизни, какой ведетъ, напримѣръ онъ— глава республики. Врачъ согласился съ этимъ при взглядѣ на скромную обстановку президентскаго дома, мало отличающуюся отъ обстановки болѣе или менѣе зажиточныхъ боеровъ, обитающихъ въ своихъ фермахъ. Да и весь наружный обликъ президента скорѣе напоминалъ крестьянина, привыкшаго къ земледѣльческому труду, нежели главу государства. А между тѣмъ «Оомъ Поль» получаетъ въ качествѣ президента 7000 ф. ст. въ годъ содержанія, да еще 300 фунтовъ на представительство. Это такъ называемыя «деньги на кофе» и поэтому на пріемахъ у президента никогда не бываетъ другого угощенія, кромѣ кофе и пирожковъ. Но все это не мѣшаетъ Крюгеру пользоваться любовью и преданностью всѣхъ гражданъ маленькой республики, прежде

всего видящихъ въ немъ «своего человѣка», понимающаго ихъ нужды и стремленія, къ которому они имѣютъ доступъ во всякое время и могутъ разговаривать такъ просто, какъ обыкновенно разговариваютъ другъ съ другомъ.

Публичная лекція Эрнеста Лависса. Парижскій университетъ организовалъ рядъ публичныхъ лекцій въ Сорбоннѣ для студентовъ различныхъ факультетовъ по разнымъ отраслямъ знанія. Еще до начала лекцій на нихъ записалось 700 человѣкъ и первая лекція, прочитанная профессоромъ исторіи Лависсомъ, предсѣдателемъ ассоціаціи французскихъ студентовъ, имѣла громадный успѣхъ. Громадная аудиторія была полна слушателями, которые устроили профессору восторженную овацію, какъ только онъ появился на каѳедрѣ.

Лависсъ избралъ темою своей лекціи книгу Мишле «L'Etudiant». Извѣстно, что подъ этимъ названіемъ были изданы лекціи, прочитанныя Мишле во французской коллегіи и заключавшія въ себѣ, по его собственному опредѣленію, «Курсъ соціальной философіи для юношества». Мишле излагаетъ въ нихъ нравственныя и интеллектуальныя обязанности студентовъ и предлагаетъ имъ дополнять образованіе и знанія, которыя они черпаютъ изъ книгъ, прямымъ наблюденіемъ жизни, подготовительнымъ для его будущей дѣятельности равноправнаго гражданина.

Лависсъ съ радостью привѣтствуетъ образованіе различныхъ ассоціацій во Франціи. Матеріальные интересы, идеи и страсти одинаково вызываютъ стремленіе къ единенію общихъ усилій. Организуются синдикаты противъ синдикатовъ, лиги противъ лигъ и т. д., и многіе готовы видѣть въ этомъ доказательство смуты, господствующей въ умахъ, и сильнаго броженія. Лависсъ признаетъ, что Франція переживаетъ великій кризисъ, но опасность, которую раньше не замѣчали, теперь уже выплыла наружу и поэтому съ нею можно бороться и побѣдить. «Я вѣрю,—сказалъ въ заключеніе Лависсъ,—что изъ хаоса господствующаго въ данную минуту, должны выдѣлиться чистыя, свѣтлыя, гуманитарныя идеи, которыя всегда составляли про:уктъ французской мысли и которыми Франція по праву можетъ гордиться!»

Заключительныя слова Лависса были покрыты оглушительными и долго несмолкавшими аплодисментами. Этотъ пріемъ, сдѣланный Лависсу студенческою молодежью, не безъ основанія считается доказательствомъ поворота во взглядахъ молодежи на то темное дѣло, которое волнуетъ Францію въ данную минуту. Лависсъ—сторонникъ пересмотра и въ его рѣчи нѣсколько разъ проскальзывали намеки на это и на опасность клерикальной реакціи. Его рѣчь какъ разъ совпала съ бурными засѣданіями въ палатѣ депутатовъ и во времена процесса Золя студенты, безъ сомнѣнія, устроили бы Лависсу кошачій концертъ, но теперь они встрѣтили его нескончаемыми аплодисментами.

Тагалы. Мужество, съ которымъ главное племя Филиппинскихъ островов вступило въ борьбу съ могущественною республикою Запада, чтобы обезпечить свободу и независимость своей родины, невольно привлекаетъ симпатіи большинства европейскаго общества и заставляетъ его принимать особенное участіе въ судьбѣ архипелага. Храброе племя, не отступившее передъ такимъ сильнымъ противникомъ, каковы Соединенные Штаты, состоитъ въ настоящее время не изъ чистокровныхъ тагаловъ, которыхъ осталось очень мало, а преимущественно изъ помѣси китайцевъ и европейцевъ съ тагалами, давшей, съ точки зрѣнія расы, превосходныя результаты. Дѣйствительно, нынѣшніе тагалы очень выгоднымъ образомъ отличаются отъ прежнихъ качествами своего характера и ума. Эта смѣшанная раса отличается храбростью и гораздо большими способ-

ностями къ развитію и усвоенію европейской культуры, нежели аборигены островов и поэтому тагаловъ смѣло можно назвать носителями цивилизаціи на всемъ архипелагѣ. Родина тагаловъ—Люцонъ, но они вытѣсняютъ мало-помалу другія малайскія племена, такъ что тагаловъ можно найти всюду, отъ Люцона до Миндана включительно. Тагалы обнаруживаютъ вездѣ большое стремленіе къ просвѣщенію и съ тѣхъ поръ, какъ испанское духовенство должно было уступить силѣ обстоятельствъ и не противиться больше тому, чтобы тагалы обучались читать и писать по-испански, эти послѣдніе сдѣлали большіе успѣхи въ дѣлѣ образованія. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще главное честолюбіе тагаловъ заключается въ достиженіи духовнаго сана и поэтому каждый тагалъ-отецъ непремѣнно стремится сдѣлать своего сына духовнымъ лицомъ, но, благадаря развращающему вліянію испанскаго духовенства, нравы тагальскаго духовенства оказываются ничуть не лучше тѣхъ, какіе существовали въ средѣ итальянскаго и нѣмецкаго духовенства до властнаго вмѣшательства Григорія VII.

Однако, годы испанскаго владычества, не смотря на злоупотребленія испанскаго духовенства и на всяческія вымогательства и притѣсненіи и старанія удержать тагаловъ въ умственномъ и нравственномъ порабощеніи, не прошли все-таки безслѣдно для этой расы и мало-по-малу тагалы начали усваивать себѣ нѣкоторыя стороны европейской цивилизаціи, хотя, благодаря испанскому режиму, усвоеніе это шло медленнѣе, чѣмъ могло бы идти при другихъ условіяхъ. Стремленіе къ независимости и свободѣ не только не заглохло, но продолжало развиваться. Ставъ христіанами, тагалы усвоили себѣ только внѣшнія формы и въ душѣ остались такими же дикими сынами природы, стремящимися изъ душныхъ стѣнъ монастырей къ простору горъ и родныхъ лѣсовъ. Доведенные до крайности испанскимъ режимомъ, тагалы возстали противъ испанцевъ и теперь, въ свою очередь, возстаютъ противъ американцевъ, посягающихъ на ихъ независимость. Исходъ борьбы пока невозможно предвидѣть. Американцамъ, очевидно, легче было одержать побѣду надъ слабыми испанцами, нежели овладѣть территоріей вопреки ея коренному населенію.

Одинъ изъ корреспондентовъ англійской газеты «Daily Graphic», долго жившій среди тагаловъ, описываетъ этотъ народъ слѣдующимъ образомъ: «Тагалъ—истинное дитя природы, несмотря на нѣкоторый внѣшній лоскъ. Онъ охотно сбрасываетъ свой европейскій костюмъ и замѣняетъ его туземнымъ, въ которомъ чувствуетъ себя свободнѣе. Онъ остался язычникомъ въ душѣ, несмотря на то, что по наружности это самый ревностный изъ католиковъ, мечтающій о духовной карьерѣ. Быть можетъ, именно потому, что старая вѣра такъ сильно живетъ въ немъ, католическіе монахи и не могли окончательно поработить его и убить въ немъ всякое проявленіе индивидуальности».

Главная страсть тагаловъ, это—пѣтушіе бои и театръ. Тагалъ можетъ проиграть все свое имущество на пѣтушиныхъ бояхъ и продаетъ послѣднее платье, чтобы только купить и воспитать хорошаго пѣтуха. Къ театру онъ относится также страстно. Представленія, преимущественно мистерій, обыкновенно даются на открытой сценѣ, и публика до такой степени принимаетъ участіе въ дѣйствіи, происходящемъ на сценѣ, что совершенно забываетъ о томъ, что передъ нею только актеры. Не такъ давно, по случаю какого-то церковнаго торжества, была представлена борьба христіанъ съ магометанами и публика пришла въ такое неистовство, что чуть не произошло кровопролитное столкновеніе. Публика ни за что не хотѣла расходиться и представленіе продолжалось до поздней ночи при факелахъ, до тѣхъ поръ, пока христіане не одержали, наконецъ, побѣды надъ мусульманами и публика, успокоившись, разошлась по домамъ.

Двухсотлѣтній юбилей княжества Лихтенштейнъ. Самое маленькое, послѣ Монако, независимое государство Европы, это—княжество Лихтенштейнъ, заключенное между Швейцаріей и Австріей и состоящее изъ владѣній Вадуцъ и Шелленбергъ. Столица этого маленькаго государства, имѣющаго не болѣе $9^1/_2$ тысячъ жителей и занимающаго пространство въ 159 кв. километровъ,—Вадуцъ собирается въ этомъ году праздновать 200-лѣтній юбилей княжества, и по этому случаю въ нѣмецкихъ газетахъ печатаются разные эпизоды и воспоминанія изъ исторіи маленькаго государства. Изъ всѣхъ этихъ воспоминаній самыя интересныя тѣ, которыя касаются отношеній Лихтенштейнскаго народа къ своему главѣ. Въ 1816 году старшины города Вадуца отправили депутацію къ своему князю Іоганну I, которая объявила ему, что лихтенштейнцы ничего не имѣютъ противъ того, чтобы онъ правилъ ими, но не хотятъ платить ему за это изъ собственной кассы, такъ какъ князь и безъ того богатъ. Кромѣ того они не желаютъ также поставлять изъ своей среды 50 человѣкъ солдатъ и одного барабанщика въ союзную армію; этихъ послѣднихъ князь Лихтенштейнъ обязанъ былъ доставлять германскому союзу, къ которому княжество его принадлежало. Лихтенштейнцы находили, что это безполезная трата денегъ, и люди, которыхъ они отправляютъ въ армію, гораздо больше принесутъ пользы княжеству, оставаясь дома.

Князь Іоганнъ дѣйствительно былъ не только богатый, но и очень хорошій и умный человѣкъ. Онъ вполнѣ согласился съ точкою зрѣнія своихъ подданныхъ и сказалъ имъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ не нуждается, чтобы они платили ему деньги, и согласенъ управлять ими даромъ. Относительно 50-ти человѣкъ и барабанщика онъ также согласился съ ними и сказалъ, что найметъ на свой счетъ эти 50 человѣкъ въ другомъ мѣстѣ и поставитъ ихъ въ союзное войско. Такимъ образомъ князь управлялъ своими подданными къ взаимному удовольствію. Народъ не платилъ никакихъ налоговъ, не содержалъ двора и войска и спокойно занимался своими дѣлами. Когда, въ 1836 году, умеръ князь Іоганнъ и на престолъ вступилъ его сынъ Алоизій, то въ Вадуцѣ была устроена, по случаю въѣзда въ столицу новаго князя, роскошная иллюминація и даже выстроена тріумфальная арка. Отцы города раскошелились, но послѣ того, собравшись на совѣщаніе, порѣшили, что хотя они и не выплачиваютъ никакого жалованья своему князю, но все-таки удовольствіе имѣть его у себя обходится имъ не даромъ; они тратятъ деньги и время на пріемы, а это отзывается на дѣлахъ. Все это надо хорошенько разъяснить князю. «Ему вѣдь доставляетъ удовольствіе управлять нами и онъ богатъ!» рѣшили они.

Снова была отправлена депутація къ князю, которая съумѣла расчувствовать его, доказавъ ему, что князь, правящій княжествомъ ради собственнаго удовольствія, все-таки обходится княжеству дорого, хотя бы онъ и не бралъ съ него никакихъ денегъ на свое содержаніе, такъ что добрый монархъ согласился съ ними, что дѣйствительно онъ долженъ выплачивать лихтенштейнцамъ извѣстное вознагражденіе за то, что стоитъ во главѣ государства. Послѣ непродолжительныхъ переговоровъ князь установилъ вмѣстѣ съ депутатами, какую сумму онъ долженъ выплачивать ежегодно, и съ тѣхъ поръ очень аккуратно выплачивалъ ее своимъ подданнымъ. Такимъ образомъ въ маленькомъ княжествѣ образовалось такое политическое положеніе, какого никогда еще не существовало и не существуетъ ни въ одномъ государствѣ на свѣтѣ. Вмѣсто того, чтобы содержать свое правительство, лихтенштейнцы не только имѣютъ его даромъ, но еще, кромѣ того, получаютъ за это деньги. Однако лихтенштейнцы этимъ не удовольствовались. Князь Іоганнъ II, соскучившись въ Вадуцѣ, рѣшилъ перенести свою резиденцію въ Вѣну, гдѣ у него былъ роскошный дворецъ. Его подданные ничего не имѣли противъ этого, такъ какъ онъ оставлялъ имъ вмѣсто себя министра, но однажды къ нему явились въ Вѣну двѣ-

надцать депутатовъ изъ Вадуца и сказали ему, что такъ какъ онъ постоянно живетъ въ Вѣнѣ и тратитъ много денегъ въ чужомъ государствѣ, которое извлекаетъ изъ этого большія выгоды, тогда какъ его собственная столица ничѣмъ не пользуется, то они просятъ его, чтобы онъ исполнилъ желаніе своихъ вѣрноподданныхъ и проводилъ бы въ Вадуцѣ нѣсколько мѣсяцевъ въ году. Кромѣ того, въ виду его постояннаго отсутствія, они просятъ его дать имъ конституцію. «Это такая малость,—прибавили они,—что князь, безъ сомнѣнія, не откажетъ имъ».

И князь дѣйствительно не отказалъ имъ. Онъ далъ имъ конституцію, на основаніи которой они имѣютъ право выбирать ландтагъ изъ 15-ти депутатовъ, облеченный законодательною властью, и этимъ пятнадцати депутатамъ князь лихтенштейнскій выплачиваетъ содержаніе опять-таки изъ собственнаго кармана.

Женское университетское поселеніе въ Лондонѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одномъ изъ бѣднѣйшихъ кварталовъ Лондона (Southwark) было основано женское университетское поселеніе. Нѣсколько женщинъ съ высшимъ образованіемъ, стремящихся къ осуществленію соціальныхъ идеаловъ, организовали сначала небольшое общество, члены котораго посвятили себя служенію бѣднѣйшимъ и наиболѣе нуждающимся въ поддержкѣ и помощи классамъ населенія британской столицы. Мало-по-малу дѣло разрослось и къ этимъ первымъ піонершамъ на поприщѣ соціальной дѣятельности присоединились другія, такъ что въ настоящее время около шестнадцати женщинъ поселились въ одномъ изъ бѣднѣйшихъ кварталовъ Лондона и отдаютъ все свое время и всѣ свои способности великому дѣлу соціальной помощи. Кромѣ этихъ постоянныхъ резидентовъ университетскаго поселенія, еще около пятидесяти человѣкъ работаютъ въ разныхъ отдѣлахъ и поселеніе уже ознаменовало свою дѣятельность учрежденіемъ школъ, ссудосберегательной кассы, народныхъ развлеченій и клубовъ для мальчиковъ и дѣвочекъ, а также организовало помощь больнымъ, фондъ для вакаціоннаго отдыха и надзоръ за дѣтьми-калѣками.

Дѣятельность поселенія распадается на три отдѣла: первый отдѣлъ исключительно только вѣдаетъ нужды больныхъ, слабыхъ и несчастныхъ и соединяетъ свою дѣятельность съ дѣятельностью благотворительнаго общества: «Charity Organisation Society». Члены поселенія заботятся объ организаціи правильнаго ухода за больными, о помѣщеніи ихъ въ больницы и оказаніи своевременной помощи заболѣвшимъ рабочимъ. Главное вниманіе членовъ поселенія обращено на больныхъ дѣтей и калѣкъ, которымъ они стараются доставить наивозможно лучшій уходъ и облегчить существованіе.

Ко второму отдѣлу относятся такъ называемыя предупредительныя мѣры, имѣющія цѣлью предупредить насколько возможно развитіе соціальныхъ золъ и пороковъ. Къ числу этихъ мѣръ принадлежитъ устройство сберегательныхъ кассъ и клубовъ и посѣщеніе школъ въ видахъ наивозможно лучшей организаціи школьнаго дѣла. Сюда же относится и посѣщеніе семействъ рабочихъ, причемъ вмѣняется въ обязанность членамъ поселенія отнюдь не быть навязчивыми и поступать съ большимъ тактомъ, стараясь прежде всего пріобрѣсти довѣріе рабочей семьи и сдѣлаться ея совѣтникомъ и другомъ. Занявъ такое положеніе въ семьѣ рабочаго, уже не трудно будетъ вліять и на воспитаніе дѣтей и на домашнія дѣла. При посѣщеніи школъ члены поселенія должны обращать вниманіе какъ на способы преподаванія, такъ и на гигіеническія условія и здоровье дѣтей. Больнымъ дѣтямъ или страдающимъ какими-нибудь физическими недостатками или слабостью зрѣнія, немедленно должна быть оказана помощь и для этой цѣли существуетъ общество попеченія о больныхъ дѣтяхъ, которое всегда готово оказать поддержку членамъ поселенія.

Къ третьему отдѣлу принадлежатъ всѣ мѣропріятія, направленныя къ удо-

влетворенію нравственныхъ и умственныхъ потребностей рабочихъ классовъ и къ развитію моральной культуры. Сюда относится организація публичныхъ чтеній и бесѣдъ, библіотеки и ассоціаціи, устройство поѣздокъ и различныхъ увеселеній, вносящихъ разнообразіе и веселье въ грустную жизнь бѣдняка, тяжелымъ трудомъ добывающаго право на существованіе.

Поселеніе устроило окландскій школьный клубъ, быстро достигшій большой популярности во всемъ кварталѣ. Въ этомъ клубѣ уже теперь насчитывается больше 200 членовъ, мальчиковъ и дѣвочекъ школьнаго возраста. Всѣ они собираются въ большой залѣ клуба или во дворѣ, въ хорошую погоду, и устраиваютъ общественныя игры, гимнастику, или слушаютъ чтеніе и принимаютъ участіе въ бесѣдахъ по поводу разныхъ предметовъ. Благодѣтельное вліяніе этого клуба уже теперь замѣтно на дѣтскомъ населеніи рабочаго квартала, такъ какъ, благодаря существованію этого клуба, огромная масса дѣтей, которыя при другихъ обстоятельствахъ скиталась бы по улицамъ или толпились бы около грязныхъ притоновъ и кабаковъ, теперь проводитъ время въ клубѣ, въ здоровой обстановкѣ и избавляется до нѣкоторой степени отъ растлѣвающаго вліянія среды.

Члены поселенія возлагаютъ огромныя надежды въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія молодого поколѣнія на подобные клубы и поэтому дѣятельно пропагандируютъ ихъ идею вездѣ, гдѣ только можно. Кромѣ этого клуба для здоровыхъ дѣтей, члены поселенія устроили школу и клубъ для дѣтей калѣкъ, и это въ высшей степени симпатичное учрежденіе значительно способствуетъ облегченію участи и дальнѣйшаго существованія юныхъ страдальцевъ.

Дѣятельность народныхъ библіотекъ и народное образованіе въ Австріи. Извѣстный дѣятель по народному образованію и организаторъ народныхъ библіотекъ въ Австріи, профессоръ вѣнскаго университета Эдуардъ Рейеръ, напечаталъ въ вѣнскихъ газетахъ воззваніе къ культурнымъ классамъ австрійскаго общества, приглашая ихъ всѣми средствами содѣйствовать народному образованію и улучшенію быта народныхъ классовъ, такъ какъ только это одно можетъ обезпечить будущность страны. Профессоръ глубоко возмущается эгоизмомъ культурныхъ классовъ, гдѣ во многихъ политическихъ лагеряхъ не хотятъ признавать связи, существующей между народнымъ образованіемъ и благосостояніемъ и культурнымъ развитіемъ государства. Ему не разъ приходилось слышать такія фразы въ великосвѣтскихъ салонахъ: «Образованіе создаетъ недовольныхъ, поэтому не надо просвѣщать народныя массы». Не разъ ему приходилось также слышать и восхваленія добраго стараго времени, когда человѣкъ спокойно и безъ всякаго ропота на судьбу исполнялъ то, что предписывалъ ему долгъ и съ восхищеніемъ и подобострастіемъ взиралъ на зажиточные и привилегированныя классы общества, вполнѣ мирясь со своею участью и не стремясь выйти изъ своего положенія.

Конечно, такое положеніе вещей можетъ быть выгодно и удобно для отдѣльныхъ лицъ, для извѣстныхъ партій, извлекающихъ изъ этого свою пользу и строющихъ на невѣжествѣ народныхъ массъ свое собственное могущество. Но выгодно ли это для государства? Узкій эгоизмъ правящихъ классовъ, во всемъ видящихъ только свою пользу, въ концѣ концовъ приводилъ къ упадку цѣлыя государства—этому учитъ насъ исторія, восклицаетъ профессоръ. Да и въ современныхъ государствахъ прочнаго благосостоянія и развитія достигаютъ только тѣ, гдѣ дѣло народнаго образованія поставлено правильно и гдѣ общество мало-по-малу отрѣшилось отъ своихъ заскорузлыхъ взглядовъ на народное образованіе. Примѣромъ такого государства можетъ служить Англія, гдѣ, безъ сомнѣнія, народное образованіе достигаетъ болѣе высокой степени чѣмъ въ другихъ

странахъ. Поэтому-то соціальные вопросы, которые приводятъ къ яростной борьбѣ и насиліямъ въ другихъ странахъ, въ Англіи вызываютъ совершенно иное отношеніе. Борьба между консервативными и либеральными элементами страны ведется на законной почвѣ, противники взаимно уважаютъ другъ друга и, будучи вполнѣ равноправными, сражаются одинаковымъ оружіемъ, подвергая спорные пункты всестороннему обсужденію и достигая соглашенія большею частью путемъ взаимныхъ уступокъ и компромиссовъ. Благодаря такому положенію дѣлъ, культурное развитіе государства ничѣмъ не задерживается и политическая борьба партій не отражается на благосостояніи страны, которое несомнѣнно возрастаетъ. «Взгляните же на государства, гдѣ народное образованіе стоитъ на очень низкой ступени,—говоритъ далѣе профессоръ—на такой низкой, что даже самые заклятые враги народнаго образованія въ Австріи лучшаго и желать не могутъ. Что же видимъ мы въ этихъ государствахъ? Дѣйствительно ли тамъ господствуетъ всеобщее довольство и никто не ропщетъ? Наоборотъ, несмотря на ограниченность народнаго образованія, на низкую степень развитія народа, на власть тьмы, обезпеченные, образованные классы не чувствуютъ себя въ безопасности и вѣчно боятся за себя и за безопасность государства. Можно ли считать такое положеніе выгоднымъ для государства? Въ Англіи каждый недовольный какимъ бы то ни было порядкомъ вещей, можетъ спокойно высказывать свои мысли; никто не запрещаетъ ему этого. Развѣ мало произносилось въ Англіи зажигательныхъ рѣчей, но онѣ не вызывали никакихъ опасеній за безопасность государственныхъ основъ! Всякому извѣстно, что предохранительный клапанъ, служащій для выпусканія лишнихъ паровъ, предупреждаетъ взрывъ парового котла, который неминуемо долженъ былъ бы произойти, еслибъ паръ скоплялся внутри котла. Подобныя соображенія надо всегда имѣть въ виду и только при такихъ условіяхъ возможно правильное развитіе цивилизованнаго государства!

«У насъ, въ Австріи,—продолжаетъ профессоръ,—къ сожалѣнію, многіе поддерживаютъ реакціонерный принципъ: не допускать свѣта въ народныя массы и задерживать всякое проявленіе недовольства. На этомъ принципѣ сходятся приверженцы различныхъ политическихъ партій. Одни изъ нихъ противятся на вышеизложенномъ основаніи народному образованію, другіе же вовсе не интересуются имъ. Но есть и такіе, которымъ кажется, что при существующемъ строѣ всякія старанія безплодны, и поэтому не хотятъ трудиться въ пользу народнаго образованія. И тѣ, и другіе конечно, только помогаютъ реакціи такъ, какъ могли бы только помогать ей самыя ярые приверженцы средневѣковой культуры. Но, къ счастью, находятся все-таки люди, которые, не взирая на это, ведутъ борьбу съ такимъ враждебнымъ и безразличнымъ отношеніемъ къ важному дѣлу народнаго образованія. Я приведу вамъ поучительный примѣръ: маленькій кружокъ любителей просвѣщенія основалъ въ Вѣнѣ въ 1898 году центральную народную библіотеку съ пятью филіальными отдѣленіями. Въ теченіе года это учрежденіе, снабжающее народные классы хорошимъ чтеніемъ, зарегистрировало семь тысячъ читателей! Этому предпріятію оказало большую поддержку нѣмецкое общество книгопродавцевъ, но городское управленіе зато отнеслось совершенно равнодушно къ этому дѣлу и ассигновало пособія народной библіотекѣ только 70 флориновъ! Мы не отчаяваемся, впрочемъ,—заключаетъ свое воззваніе профессоръ,—мы надѣемся что общество пойметъ, какъ важно снабжать хорошимъ чтеніемъ народъ и какъ велика эта потребность въ народѣ. Потребность эта доказывается готовностью, съ которою наши читатели изъ народа уплачиваютъ 20 крейцеровъ въ мѣсяцъ за право получать книги изъ библіотеки. Вездѣ, гдѣ «общество народныхъ библіотекъ» приступаетъ къ организаціи отдѣленій, оно встрѣчаетъ самое сочувственное отношеніе въ народныхъ классахъ и до сихъ поръ ему приходится бороться только или съ равно-

душіемъ, или же прямо съ враждебнымъ отношеніемъ другихъ классовъ австрійскаго общества, но сила свѣта должна побѣдить и побѣдитъ!»

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«The Geographical Journal»—«Revue des Revues».—«Revue de Paris».—«Review of Reviews».

Въ лондонскомъ королевскомъ географическомъ обществѣ профессоръ Патрикъ прочелъ рефератъ о вліяніи географическихъ условій на соціальное развитіе, извлеченіе изъ котораго напечатано въ «Geographical Journal». Авторъ реферата стремится выяснить отношенія, существующія между природою и человѣкомъ и опредѣлить вліяніе физическихъ условій на экономическое и умственное развитіе расъ, на ихъ коммерческую и военную исторію, а также на ихъ соціальную организацію. Физическія условія вынуждали человѣка къ занятіямъ извѣстнаго рода и вслѣдствіе этихъ занятій человѣческое общество получало соотвѣтствующую соціальную организацію, возникали племена и касты и зарождались политическія и религіозныя формы. Первоначальные обычаи, возникшіе подъ вліяніемъ условій окружающей обстановки, мало-по-малу превращались въ законы или обряды и удерживались долго спустя послѣ того, какъ исчезли условія, ихъ вызвавшія. Такимъ образомъ, чтобы понять характеръ расы, ея соціальную организацію и т. п., необходимо нетолько изучить ея исторію, но изслѣдовать также географическія условія, вліявшія на ея развитіе, такъ какъ теперь уже не подлежитъ сомнѣнію, что даже высшія проявленія человѣческой индивидуальности находятся столько же въ зависимости отъ физическихъ и географическихъ условій, сколько и отъ условій расы и культуры.

Далѣе авторъ доказываетъ, что изученіе исторіи человѣчества должно носить двоякій характеръ. Изслѣдователь долженъ, съ одной стороны, постараться опредѣлить наиболѣе точнымъ образомъ, насколько въ данной области природа вліяла на образованіе извѣстнаго расоваго типа; съ другой стороны, онъ долженъ опредѣлить насколько данный типъ человѣческой расы, въ свою очередь, вліялъ на окружающую среду. Для такихъ изслѣдованій въ настоящее время собрана масса матеріала, но, къ сожалѣнію, матеріалъ этотъ недостаточно систематизированъ. Для этой цѣли могутъ служить и наблюденія путешественниковъ, а также выводы антропологовъ и соціологовъ. Авторъ перечисляетъ цѣлый рядъ сочиненій, которыя могутъ быть полезны изслѣдователю, задавшемуся цѣлью изучить вопросъ о вліяніи географическихъ условій на соціальное развитіе.

Взаимное отношеніе, существующее между земными рельефами, почвой, климатами и животнымъ и растительнымъ міромъ, конечно, не подлежитъ сомнѣнію. Каждому ботанику извѣстны физическія условія, ограничивающія или благопріятствующія развитію растительной жизни данной области и вліяющія на характеръ ея растительности. Извѣстно также вліяніе лѣсовъ на формы мелкой растительности и даже на животную жизнь. Въ лѣсахъ водятся извѣстныя насѣкомыя, извѣстныя позвоночныя и проч. Но характеръ лѣса оказывается не безъ вліянія и на своего обитателя—человѣка. Обитатель дѣвственныхъ лѣсовъ Америки, канадскій охотникъ, баварскій лѣсничій или лѣсничій индійскаго лѣсного департамента—все это разные и вполнѣ опредѣленные человѣческіе типы, принимая во вниманіе степень цивилизаціи каждаго, и, безъ сомнѣнія, заслуживаютъ вниманія географа, также какъ личинка жука заслуживаетъ вниманія натуралиста, изучающаго ея превращенія.

Если мы оставимъ лѣса и займемся обитателями зеленыхъ равнинъ и лу-

говъ, то увидимъ, что и здѣсь также преобладаютъ извѣстные типы. Швейцарскій скотоводъ, шотландскій пастухъ и мусульманскій погонщикъ—все это отдѣльные типы, и если мы отправимся на востокъ, въ великія степи, откуда происходили нашествія пастушескихъ племенъ, то увидимъ еще болѣе рѣзко выраженные типы, сохранившіе до сихъ поръ свою индивидуальность, сложившуюся подъ вліяніемъ окружающихъ географическихъ условій.

То же самое мы можемъ наблюдать по берегамъ морей. Норвежскій рыбакъ представляетъ столь же опредѣленный отдѣльный типъ, какъ и американскій китоловъ и ловецъ губокъ въ Эгейскомъ морѣ, и каждому изъ этихъ типовъ соотвѣтствуютъ характерныя семейныя отношенія и соціальныя черты. Эта разница особенно рѣзко выступаетъ, если мы возьмемъ для сравненія шотландскую рыбачку и восточную женщину.

Изслѣдуя нетолько простые элементарные типы общества, но и тѣ измѣненія, которыя они претерпѣвали въ соотвѣтствующихъ областяхъ, мы можемъ видѣть, какъ эти типы охотника, пастуха, земледѣльца и рыбака развивались далѣе или вырождались подъ вліяніемъ внутреннихъ причинъ, качествъ и недостатковъ, присущихъ данному соціальному устройству и какъ эти первоначальные типы приспособлялись сами и, въ свою очередь, реагировали на окружающія условія, въ какія комбинаціи они вступали другъ съ другомъ, какія вызывали превращенія и какъ подчиняли, уничтожали и замѣняли другъ друга въ одной области за другой. Но, говоря о зависимости интеллектуальныхъ и нравственныхъ качествъ расы отъ чисто-экономическихъ условій ея существованія, мы не должны забывать, что хотя человѣкъ, какъ физически, такъ и нравственно, измѣняется подъ вліяніемъ окружающихъ условій, но, по мѣрѣ развитія матеріальной стороны цивилизаціи, онъ мало-по-малу освобождается отъ власти окружающей его среды и, въ свою очередь, получаетъ возможность дѣйствовать на эту среду и не только перестаетъ быть рабомъ природы, но до нѣкоторой степени становится ея господиномъ. Географическія вліянія, безъ сомнѣнія, были однимъ изъ главныхъ факторовъ въ первобытныхъ стадіяхъ общества, но, по мѣрѣ развитія цивилизаціи, ихъ вліяніе ослабѣваетъ и взамѣнъ все болѣе и болѣе возрастаетъ вліяніе человѣка на окружающія условія.

«Revue des Revues» въ нѣсколькихъ номерахъ печатаетъ очерки объ американскихъ мильярдёрахъ и въ одномъ изъ нихъ говоритъ о богатыхъ американскихъ наслѣдницахъ, принесшихъ уже Европѣ, судя по статистикѣ приданаго, болѣе 200 милліоновъ долларовъ. Почти половину этой крупной суммы получила Франція въ видѣ приданаго, и во главѣ списка стоитъ дочь американскаго мильярдера Гульда, вышедшая замужъ за графа Кастелляна и принесшая ему въ приданое 75 милліоновъ долларовъ.

Описывая жизнь американской наслѣдницы милліоновъ, авторъ статьи очень рѣзко осуждаетъ систему воспитанія, господствующую въ семьяхъ американскихъ богачей. Наслѣдница милліоновъ рано пріучается придавать цѣну только деньгамъ и съ юныхъ лѣтъ уже въ ней развивается чудовищный эгоизмъ и преклоненіе передъ титуломъ. Никогда почти не бывало случая, чтобы американская милліонная наслѣдница вышла замужъ за нетитулованнаго бѣдняка европейца. За свои милліоны она всегда стремится получить то, чего ей недостаетъ, т. е. титулъ. Авторъ подтверждаетъ свою строгую критику цѣлымъ рядомъ фактовъ и событій, обрисовывающихъ ту или другую изъ американскихъ богатыхъ наслѣдницъ, причемъ онъ, не стѣсняясь, называетъ ихъ по имени, разсказывая про нихъ различные анекдоты и эпизоды изъ ихъ интимной жизни, дающіе болѣе или менѣе ясное понятіе объ ихъ характерѣ и міровоззрѣніи. Картина получается весьма мрачная и свѣтлый лучъ вноситъ въ нее только разсказъ автора объ Еленѣ Гульдъ, старшей сестрѣ графини Кастел-

лянъ, упорно отказывающей въ своей рукѣ и милліонахъ разнымъ титулованнымъ искателямъ богатыхъ наслѣдницъ. Зато на дѣла благотворительности миссъ Елена Гульдъ тратитъ не скупясь свои милліоны и даже у нѣкоторыхъ возникаютъ опасенія, что отъ ея богатства ничего не останется, если только она будетъ продолжать въ такомъ же родѣ.

Въ заключеніе своего очерка авторъ дѣлаетъ оговорку, что, разумѣется, съ европейской точки зрѣнія, можетъ показаться страннымъ, что онъ такъ, не стѣсняясь, цитируетъ имена и приводитъ разныя подробности, касающіяся характера, домашней жизни и обстановки американскихъ милліонершъ. Но эта точка зрѣнія, говоритъ онъ, непримѣнима къ Америкѣ. Въ Европѣ ни одна женщина не простила бы подобной нескромности и того, что ея имя напечатано «en toutes lettres». Но въ Америкѣ на это дѣло смотрятъ иначе и въ этомъ опубликованіи имени и подробностей частной жизни видятъ только рекламу, противъ которой американцы вообще ничего не имѣютъ. Американскія же милліонерши, въ особенности, ничего не имѣютъ противъ строгости сужденій и критики, лишь бы только о нихъ говорили въ печати и въ обществѣ и имя ихъ сдѣлалось бы извѣстно, по возможности, всему читающему міру.

«Revue de Paris», изслѣдуя организацію политическихъ партій въ Германіи, говоритъ объ огромномъ успѣхѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ партій за послѣднія тридцать лѣтъ. Успѣхъ этотъ въ особенности становится замѣтнымъ, если сравнить цифры голосовъ, полученныхъ соціалъ-демократической партіей на общихъ выборахъ въ рейхстагъ, начиная съ 1871 года. Въ этомъ году въ пользу этой партіи было подано 124.685 голосовъ, на выборахъ 1890 года—1.427.298, а на выборахъ 1898 года—1.786.738. Результаты эти отчасти могутъ быть объяснены экономическою эволюціею Германіи, чудовищнымъ развитіемъ фабричнаго производства и развитіемъ капитализма, а также періодическими кризисами и безработицей.

Но партія пріобрѣла такую силу и вліяніе въ народѣ, конечно, благодаря своей организаціи. Во главѣ партіи находится комитетъ, облеченный полномочіями общимъ собраніемъ. Благодаря этому, комитету обезпечивается единство дѣйствій партіи, вполнѣ обезпеченной, кромѣ того, и въ финансовомъ отношеніи. Каждый членъ партіи уплачиваетъ извѣстную контрибуцію, служащую для покрытія мѣстныхъ расходовъ и цѣлей агитаціи. Доходы, получаемые отъ газеты, главнаго органа партіи, и книжнаго склада, также идутъ на нужды партіи и даютъ ей возможность обезпечить средства къ существованію своимъ дѣятелямъ и поставить ихъ въ болѣе независимое положеніе.

Каждая изъ политическихъ партій Германіи пользуется для распространенія своихъ идей печатью, издаетъ памфлеты и устраиваетъ публичныя собранія. Кромѣ того, члены политической партіи состоятъ въ то же время и членами какого-нибудь хорового, гимнастическаго и др. обществъ и всегда принимаютъ участіе въ загородныхъ прогулкахъ и увеселительныхъ собраніяхъ. Благодаря такой системѣ, партія получаетъ возможность распространять въ нѣсколько дней сотни и тысячи воззваній и подготовить такимъ образомъ успѣхъ большихъ митинговъ и публичныхъ собраній, устраиваемыхъ ею.

Но политическое движеніе въ Германіи отличается еще и тѣмъ, что оно до нѣкоторой степени ставитъ своею цѣлью также и умственное развитіе и распространеніе культуры въ народѣ, а не только имѣетъ въ виду одни экономическія условія. Поэтому-то сплошь да рядомъ политическая партія организуетъ курсы и лекціи, посвященные не только экономическимъ и соціальнымъ проблемамъ, но также и различнымъ научнымъ вопросамъ.

Въ Берлинѣ за послѣдніе четыре года возникли такимъ образомъ клубы чтенія, литературныя общества и общества для самообразованія: устроены были

также три народныхъ театра и институтъ для обученія рабочихъ. У германскихъ народныхъ классовъ уже возникъ большой интересъ къ литературнымъ вопросамъ и они читаютъ и обсуждаютъ Ибсена, Гауптмана, Золя и Мопассана, интересуясь также соціальными и научными вопросами. Эта именно сторона дѣятельности политической партіи оказываетъ несомнѣнно огромное вліяніе на успѣхъ умственнаго развитія германскаго народа, тѣмъ болѣе, что примѣру Берлина послѣдовали провинціи, а также Гамбургъ и Гановеръ, устроившіе свободные народные театры. Дѣятели партіи говорятъ, что они стремятся поднять нравственный и умственный уровень народа и сдѣлать для него доступной какъ область науки, такъ и область искусства, такъ какъ только сильныя натуры, солидный умъ и идеальная душа могутъ служить залогомъ успѣха и осуществленія тѣхъ соціальныхъ идеаловъ, къ которымъ стремится партія.

Неутомимый Паоло Монтегацца обращается съ воззваніемъ къ ученымъ всего міра, приглашая ихъ заняться вмѣстѣ съ нимъ отысканіемъ способовъ опредѣленія различныхъ національныхъ характеровъ. Въ этомъ воззваніи, воспроизведенномъ изъ итальянскаго журнала «Nuova Antologia» англійскимъ журналомъ «Review of Reviews», итальянскій ученый разсказываетъ о своихъ изслѣдованіяхъ въ этомъ направленіи. Въ прошломъ году онъ прочелъ лекцію о человѣческихъ характерахъ и теперь собирается издать книгу, но въ этой книгѣ не хватаетъ главы о національныхъ характерахъ. Въ своей лекціи онъ не коснулся этой темы, опасаясь показаться «нелюбезнымъ» той международной аудиторіи, передъ которою онъ прочелъ свою лекцію, но въ книгѣ онъ опустилъ эту главу, потому что нашелъ, что задача, которую онъ себѣ поставилъ, превышаетъ его силы.

Главныя препятствія при опредѣленіи національнаго характера заключаются въ трудности найти достаточное количество общихъ признаковъ, на основаніи которыхъ можно было бы сдѣлать общій выводъ, и въ недостаткѣ объективизма. Ни одинъ изслѣдователь, по мнѣнію Монтегаццы, какъ бы онъ ни старался быть объективнымъ, не можетъ отрѣшиться отъ національныхъ предубѣжденій и даже великіе умы не совершенно отъ нихъ избавлены. Доказательствомъ можетъ служить, напримѣръ, «Race prussienne» Катрфажа и «Misogallo» Альфіери, а также многія научныя нѣмецкія сочиненія, появившіяся послѣ войны 1870 г. Даже такой большой ученый, какъ Вирховъ, не свободенъ отъ національныхъ предубѣжденій въ своихъ сужденіяхъ и это сказалось въ его сужденіи о французахъ. Далѣе Монтегацца, въ подтвержденіе своихъ словъ, приводитъ цитаты изъ сочиненій разныхъ знаменитѣйшихъ писателей, высказывавшихъ свои сужденія о различныхъ націяхъ: итальянцахъ, французахъ, англичанахъ, нѣмцахъ, славянахъ и американцахъ. Изъ сопоставленія этихъ цитатъ видно, что даже великіе писатели въ своихъ сужденіяхъ объ иностранной націи легко могутъ ошибаться. Монтегацца приводитъ, между прочимъ, сужденія Гейне, Жоржъ Зандъ и Бальзака о нѣмцахъ и указываетъ на то, что изъ всѣхъ трехъ сужденій нельзя составить себѣ яснаго представленія о нѣмцахъ и въ нихъ явно кроется противорѣчіе Монтегацца говоритъ, что внѣшніе признаки національнаго характера легко бросаются въ глаза, но если бы на основаніи этихъ чисто внѣшнихъ проявленій сдѣлать общіе выводы и составить таблицу національныхъ характеровъ, то это привело бы къ явному абсурду.

Монтегацца указываетъ источники, которые могутъ служить для опредѣленія истинныхъ чертъ характера націи. Во-первыхъ, статистика преступленій и не столько число преступленій, сколько отношеніе этого числа къ возрасту преступника, происхожденію и соціальной средѣ. Во-вторыхъ, статистика благотворительности. Въ-третьихъ, статистика расходовъ на религію въ сравненіи съ расходами на благотворительность. При этомъ Монтегацца указываетъ также

на нѣкоторые способы опредѣленія степени распространенія суевѣрій въ средѣ націи и т. п. Далѣе данными къ опредѣленію національнаго характера, по его словамъ, можетъ служить также статистика самоубійствъ, статистика библіотекъ и читалень, театральная, газетная статистика и др. Монтегацца полагаетъ, что только изъ этого «океана цифръ» могутъ быть получены болѣе или менѣе правильные выводы о національномъ характерѣ, и поэтому приглашаетъ ученыхъ приступить къ собиранію и изслѣдованію данныхъ и цифръ, доставляемыхъ имъ статистикой.

Доктрина Монроэ («Америка для американцевъ»).

Этимъ принципомъ руководились до сихъ поръ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты въ своей внѣшней политикѣ; война великой заатлантической республики съ Испаніей явилась однимъ изъ случаевъ примѣненія его. Не безъинтересенъ краткій историческій очеркъ происхожденія и случаевъ примѣненія доктрины Монроэ. Впервые она была провозглашена президентомъ Соединенныхъ Штатовъ, Джемсомъ Монроэ 2 декабря 1823 года въ посланіи къ конгрессу. Обстоятельствомъ, вызвавшимъ это событіе, было стремленіе «священнаго союза» европейскихъ государей помѣшать освободительному движенію въ Южной и Центральной Америкѣ.

Задачей «священнаго союза» было возстановленіе порядка, т. е. абсолютизма, господствовавшаго до французской революціи 1789 года, и подавленіе революціонныхъ началъ. Во всѣхъ государствахъ Европы абсолютизмъ былъ возстановленъ, только въ Испаніи дѣла шли все хуже и хуже. Уже 10 лѣтъ, какъ ея американскія колоніи находились въ возстаніи, сначала противъ Іосифа Бонапарта, затѣмъ противъ либеральной кадикской конституціи 1812 года, послѣ реставраціи 1814 года—противъ короля Фердинанда «Обожаемаго», возстановленнаго на своемъ тронѣ англійскими штыками. Было ясно, что одному Фердинанду никогда не подавить этого возстанія. Когда всѣ рессурсы короля были использованы тщетно, когда послѣдній полкъ солдатъ, отправленный въ Америку, погибъ отъ желтой лихорадки, и послѣдняя пезета была извлечена изъ казначейства, Фердинандъ обратился за помощью къ монархамъ Европы. Они возвратили ему его тронъ,—пусть же возвратятъ ему и его колоніи.

Императоръ Александръ I, не разъ выражавшій желаніе, чтобы власть королевская утвердилась и въ Старомъ, и въ Новомъ Свѣтѣ, первый откликнулся на эту просьбу и отправилъ королю свой военный флотъ. Когда послѣдній прибылъ въ Кадиксъ, оказалось, что русскій флотъ не въ состояніи переплыть черезъ океанъ, такъ какъ состоялъ изъ старыхъ кораблей, не способныхъ пуститься въ дальнее плаваніе.

Вскорѣ Испаніи стало не до покоренія колоній: въ ней самой вспыхнула революція. Войска, собранныя въ Кадиксѣ и предназначавшіяся для отправленія въ Америку, 1-го января 1820 года возстали и провозгласили конституцію 1812 года. Революція быстро охватила всю страну, и испуганный Фердинандъ былъ принужденъ дать конституцію. Революція не ограничилась одной Испаніей, она захватила Неаполь и Португалію, нѣкоторое время была опасность, что она вспыхнетъ и во Франціи. «Священному союзу» пришлось заняться подавленіемъ этого движенія. Австрійскія войска заняли Неаполь и возстановили въ немъ абсолютизмъ. Затѣмъ на веронскомъ конгрессѣ, въ октябрѣ 1822 года, былъ поднятъ вопросъ о возстановленіи порядка и въ Испаніи. «Священный союзъ» потребовалъ перемѣнъ въ испанской конституціи, и, когда это требованіе не было уважено, французская армія вступила въ Испанію и заняла Мадридъ въ маѣ, а Кадиксъ въ августѣ 1823 года. Абсолютизмъ снова былъ востановленъ въ Европѣ.

Въ это время Каннингъ, министръ Англіи, обратился къ Ричарду Рэшу, представителю Соединенныхъ Штатовъ въ Лондонѣ, съ предложеніемъ, чтобы Соединенные Штаты примкнули къ Англіи и издали совмѣстно декларацію, въ которой заявили бы, что какъ одно, такъ и другое государства не будутъ относиться пассивно къ вмѣшательству европейскихъ державъ подъ какимъ бы то ни было предлогомъ въ дѣла Америки: Каннингъ зналъ, что разъ «священный союзъ» занялся дѣлами Испаніи, то онъ будетъ послѣдователенъ и займется ея прежними американскими колоніями, уже признанными, какъ независимыя государства правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ. И дѣйствительно, вскорѣ послѣ этого Каннингъ былъ формально извѣщенъ, что конгрессъ, назначенный на слѣдующій годъ, будетъ обсуждать положеніе испанской Америки, Каннингъ просилъ у Рэша опредѣленнаго отвѣта. Рэшъ не имѣлъ инструкцій, но со смѣлостью, которая дѣлаетъ ему честь, отвѣтилъ, что Соединенные Штаты будутъ считать весьма несправедливой и чреватой гибельными послѣдствіями всякую попытку любой европейской державы завладѣть подъ какимъ бы то ни было предлогомъ территоріей новыхъ республикъ, и обѣщалъ присоединиться къ деклараціи, если Великобританія сперва признаетъ независимость вновь образовавшихся государствъ. Англія тогда этого не сдѣлала и совмѣстная декларація не была объявлена.

Изъ писемъ Рэша къ секретарю Адамсу видно, что Каннингъ имѣлъ въ виду не временную политику, вызванную преходящими событіями. «Они, Соединенные Штаты,—говоритъ онъ,—были первымъ государствомъ, установившимся на этомъ континентѣ, и теперь являются безспорно по всеобщему признанію главной державой въ Америкѣ. Они связаны съ Южной Америкой положеніемъ, съ Европой ихъ сношеніями. Возможно ли, чтобы они остались равнодушны къ тому, что судьба ихъ рѣшается Европой? Не должна ли настать новая эра въ отношеніяхъ Соединенныхъ Штатовъ къ Европѣ, которую послѣдняя должна признать? Развѣ должны великіе политическіе и коммерческіе интересы, зависящіе отъ судьбы новаго континента, обсуждаться и рѣшаться на этомъ полушаріи безъ сотрудничества и даже вѣдома Соединенныхъ Штатовъ?»

Получивъ письма Рэша, президентъ Монроэ сталъ втупикъ. Что настало время занять опредѣленную позицію и сдѣлать соотвѣтствующее заявленіе, въ этомъ не было сомнѣнія. Но какъ это сдѣлать? Если соединиться съ Великобританіей, то это будетъ нарушеніемъ завѣта Вашингтона, чтобы Соединенные Штаты не связывали себя какими бы то ни было союзами съ Европой; съ другой стороны, Монроэ не хотѣлъ нарушать ту политику невмѣшательства въ дѣла колоній, которой онъ самъ совѣтовалъ держаться. Находясь въ такомъ затруднительномъ положеніи, онъ обратился за совѣтомъ къ престарѣлому Джефферсону, ветерану войны за независимость, и послалъ ему письма Рэша. Въ октябрѣ Морноэ получилъ отвѣтъ:

«Вопросъ, какой поставленъ въ письмахъ, посланныхъ вами, самый многозначительный, который когда-либо былъ на моемъ разсмотрѣніи со времени самой независимости. Послѣдняя сдѣлала насъ націей. Это будетъ служить намъ компасомъ и указывать направленіе, котораго мы должны держаться въ плаваніи по океану времени. Мы никогда не сядемъ на корабль при болѣе попутномъ вѣтрѣ. Нашей первой и основной задачей должно быть: никогда не вмѣшиваться въ дѣла Европы, второй—не позволять Европѣ вмѣшиваться въ дѣла Америки. Америка, Сѣверная и Южная, имѣетъ свои собственные интересы, отличные отъ европейскихъ. Она должна, поэтому, имѣть государственное устройство свое собственное, особое и отличное отъ европейскаго. Европа становится страной деспотизма, мы должны стараться сдѣлать наше полушаріе страной свободы».

Этотъ отвѣтъ положилъ конецъ колебаніямъ Монроэ. Онъ посовѣтовался со своими секретарями и провозгласилъ новую политику Соединенныхъ Штатовъ.

«Политическія стремленія союзныхъ державъ,—писалъ онъ конгрессу,—существенно отличны отъ американскихъ. Это различіе вытекаетъ изъ различія системы правленія. На защиту нашей собственной системы правленія, которую мы пріобрѣли съ потерей такой массы крови и денегъ, которая охраняется мудростью самихъ просвѣщенныхъ гражданъ, при которой мы пользуемся безпримѣрнымъ счастіемъ,—на защиту ея готова стать вся нація. Во имя справедливости и во имя дружественныхъ чувствъ между Штатами и государствами Европы мы должны объявить, что мы будемъ признавать всякую попытку со стороны европейскихъ державъ къ расширенію ихъ системы правленія на какую бы то ни было часть американскаго континента угрожающей нашему миру и нашей безопасности. Мы не касались и не будемъ касаться теперешнихъ колоній и владѣній европейскихъ государствъ. Но что касается правительствъ, которыя провозгласили и отстояли свою независимость и независимость которыхъ нами признана послѣ обстоятельныхъ размышленій на основаніи справедливыхъ соображеній, то мы будемъ признавать всякое вмѣшательство со стороны европейской державы съ цѣлью ихъ притѣснять или тѣмъ или инымъ образомъ вліять на ихъ судьбы, мы будемъ считать это проявленіемъ далеко не дружественныхъ чувствъ къ Соединеннымъ Штатамъ. По отношенію къ Европѣ та политика, которой мы держались во время недавнихъ войнъ, волновавшихъ такъ долго ту часть земного шара, остается той же самой, т. е. не вмѣшиваться во внутреннія дѣла каждой изъ ея державъ, то правительство, которое фактически существуетъ, считать за законное, развивать дружественныя отношенія съ каждой изъ нихъ и сохранять эти отношенія независимой, твердой и мужественной политикой, дѣлая взаимныя уступки въ справедливыхъ требованіяхъ каждой изъ державъ, не перенося несправедливости отъ какой бы то ни было. По отношенію къ этимъ континентамъ обстоятельства, очевидно, отличны. Невозможно допустить, чтобы союзныя державы распространяли ихъ политическую систему на какую-нибудь часть этого континента, такъ какъ это будетъ нарушеніемъ нашего мира и благоденствія. Никоимъ образомъ нельзя вѣрить тому, что наши южные братья признаютъ это вмѣшательство Европы въ своихъ итересахъ, когда ихъ предоставятъ самимъ себѣ. Поэтому мы не можемъ смотрѣть равнодушно на такое вмѣшательство, въ какой бы формѣ оно ни проявилось».

«Священный союзъ» былъ немедленно извѣщенъ о провозглашеніи новой доктрины. Это можно было бы сдѣлать подъ покровомъ оффиціальнаго увѣдомленія, но Монроэ предпочелъ провозгласить ее предъ всѣмъ свѣтомъ въ своемъ посланіи къ конгрессу и предупреждалъ, что всякая попытка поколебать значеніе доктрины будетъ встрѣчена вооруженной силой всей свободной націи.

На родинѣ провозглашеніе доктрины было встрѣчено съ гордостью и удовлетвореніемъ; хотя и были въ конгрессѣ попытки ограничить ее однимъ частнымъ случаемъ, но онѣ не имѣли успѣха.

Державы «священнаго союза», кромѣ Англіи, отнеслись, напротивъ, неодобрительно къ новой доктринѣ, хотя никто не рѣшился противодѣйствовать ей. Только въ Англіи не скрывали величайшей радости. Англійскій народъ, англійскіе государственные люди, англійская пресса громко восхваляли твердую позицію, занятую Соединенными Штатами. «Южно-американскій вопросъ рѣшенъ или близокъ къ рѣшенію,—писалъ лордъ Брумъ,—благодаря событію, исполнившему величайшей радостью, торжествомъ и благодарностью всѣхъ свободолюбивыхъ людей Европы. Этимъ событіемъ, опредѣляющимъ положеніе Южной Америки, является посланіе президента Соединенныхъ Штатовъ къ конгрессу». Всѣ газеты были переполнены прославленіемъ новой доктрины, и когда французскій оффиціальный органъ «L'Étoile», порицая доктрину, назвалъ Монроэ

диктаторомъ, лондонскій «Times» поспѣшилъ защитить президента. Южно-американскіе делегаты въ Лондонѣ ликовали, южно-американскія цѣнныя бумаги сразу поднялись въ цѣнѣ.

Уже чрезъ два года представился случай для примѣненія доктрины Монроэ. Осенью 1825 года приближеніе французскаго флота къ берегамъ Вестъ-Индіи внушило опасеніе, что Франція желаетъ покорить Кубу и Порторико, съ цѣлью захватить для себя одинъ или оба острова. Тогда республика Мексика обратилась къ Соединеннымъ Штатамъ съ приглашеніемъ выполнить ручательство президента Монроэ. Тотчасъ послѣ этого представитель Соединенныхъ Штатовъ во Франціи извѣстилъ правительство послѣдней, что Соединенные Штаты не потерпятъ занятія этихъ острововъ какой-либо другой державой, кромѣ Испаніи, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Мексика была приглашена поддерживать и защищать доктрину Монроэ во всѣхъ надлежащихъ случаяхъ. Попытка Франціи не удалась.

Не прошло и двухъ лѣтъ послѣ провозглашенія доктрины Монроэ, какъ Соединеннымъ Штатамъ пришлось точно опредѣлить свое отношеніе къ юнымъ республикамъ Америки. Мексико и Колумбія пригласили правительство Соединенныхъ Штатовъ прислать уполномоченныхъ на конгрессъ всѣхъ американскихъ государствъ въ Панамѣ. На этомъ конгрессѣ долженъ былъ обсуждаться вопросъ о томъ, какія общія мѣры должны быть приняты, чтобы осуществить принципъ президента Соединенныхъ Штатовъ и воспрепятствовать разъ и навсегда захвату какой-нибудь части американскаго континента какой-либо не американской державой, а также вмѣшательству извнѣ въ домашнія дѣла американскихъ правительствъ. Соединенные Штаты отказались отъ участія на этомъ конгрессѣ, рѣшивъ, что они не должны заключать ни оборонительнаго, ни наступательнаго союза со всѣми или хотя съ однимъ изъ южно-американскихъ государствъ и связывать себя чѣмъ бы то ни было, но что народу Соединенныхъ Штатовъ должна быть предоставлена полная свобода дѣйствій въ каждомъ такомъ кризисѣ такъ, какъ чувство дружбы къ этимъ республикамъ, честь и интересы Соединенныхъ Штатовъ будутъ диктовать въ каждомъ данномъ случаѣ.

Въ Англіи всѣ радовались провозглашенію доктрины Монроэ, однако эта радость была не продолжительна, такъ какъ принципъ, положенный въ основу доктрины, вскорѣ и затѣмъ не разъ обращался противъ самой Англіи. Въ 1840 году Англія пыталась овладѣть островомъ Кубой,—Соединенные Штаты протестовали и Англія должна была уступить.

Съ теченіемъ времени доктрина Монроэ стала пользоваться почти всеобщимъ признаніемъ. Даже тѣ политическіе дѣятели, которые считали ее имѣющей лишь временный характеръ, относящійся къ одному событію, именно къ стремленію «Священнаго союза» подавить освободительное движеніе въ бывшихъ испанскихъ колоніяхъ, которые полагали, что президентъ не имѣлъ власти связывать націю такимъ ручательствомъ, даже эти люди, когда наступало время примѣнять доктрину, ни мало не задумывались, какъ, напримѣръ, Полькъ и Бухананъ. Первый, будучи членомъ конгресса въ то время, когда обсуждался вопросъ объ отношеніяхъ Соединенныхъ Штатовъ къ новымъ республикамъ, доказывалъ, что доктрина Монроэ исполнила свое назначеніе, давъ отпоръ европейскому вмѣшательству, и болѣе не имѣетъ никакого значенія для будущаго. Въ бытность же Полька президентомъ произошло столкновеніе Соединенныхъ Штатовъ съ Англіей въ 1845 году изъ-за Орегона. Эту мало населенную, но богатую страну долго эксплуатировали и американцы, и англичане, и никто изъ нихъ не заботился о томъ, кому она въ дѣйствительности принадлежитъ. Но послѣ того, какъ жители долины Миссисипи перебрались черезъ Скалистыя горы, достигли береговъ Тихаго океана и стали тамъ селиться, выгодное положеніе прибреж-

ныхъ странъ для торговли съ Азіей для всѣхъ стало ясно. Соединенные Штаты и Англія одновременно предъявили свои притязанія на вновь заселившіяся земли. Соединенные Штаты требовали проведенія границы сѣвернѣе 54 градусовъ 40 минутъ сѣверной широты, а Англія,—чтобы граница была проведена южнѣе рѣки Колумбіи. Считая, что настало время возобновить доктрину Монроэ, Полькъ писалъ къ конгрессу: «...существующія права каждой европейской державы должны быть почитаемы, но послѣднія не должны основывать на будуще время новыхъ колоній, или вновь учреждать свое господство на какой-нибудь части американскаго континента». Только благодаря уступчивости и умѣренности Англіи спорный вопросъ былъ разрѣшенъ не силой оружія, а путемъ соглашенія.

Протесты противъ попытокъ европейцевъ захватить часть американской территоріи не мѣшали Соединеннымъ Штатамъ округлять свои владѣнія. Европа не имѣетъ права вмѣшиваться въ домашнія дѣла Америки. Съ 1846 года возникла кровопролитная война между Соединенными Штатами и Мексикой изъ-за Техаса. Послѣдній раньше принадлежалъ Мексикѣ, благодаря успѣшному возстанію сталъ независимымъ, присоединился къ Соединеннымъ Штатамъ и вошелъ въ составъ ихъ, какъ отдѣльный штатъ. Изъ-за этого и возникла война. Она окончилась взятіемъ мексиканской столицы, Соединенные Штаты завладѣли Новой Мексикой, Калифорніей и расширили свои владѣнія до береговъ Тихаго океана. Когда же въ Европѣ раздались протесты противъ такого поведенія Соединенныхъ Штатовъ, Полькъ на это отвѣтилъ посланіемъ, въ которомъ писалъ: «...Націи Америки обладаютъ такими же правами, какъ и націи Европы: онѣ независимы отъ всякаго иностраннаго вмѣшательства, имѣютъ право вести войну, заключать миръ и регулировать свои внутреннія дѣла. Народъ Соединенныхъ Штатовъ не можетъ поэтому смотрѣть равнодушно на попытки Европы вмѣшиваться въ независимыя дѣйствія націй этого континента».

Немного спустя Полькъ опять обратился съ посланіемъ къ конгрессу. Между индѣйцами и бѣлыми на полуостровѣ Юкатанѣ началась междоусобная война. Послѣдніе, будучи побѣждены, обратились за помощью къ Англіи, Испаніи и Соединеннымъ Штатамъ, предлагая часть Юкатана за оказаніе помощи. Такимъ образомъ полунезависимый народъ, борющійся за жизнь, просилъ помощи у двухъ европейскихъ государствъ и предлагалъ за это свою страну. Но Полькъ, не совѣтуя пріобрѣтать Юкатанъ самимъ Соединеннымъ Штатамъ, писалъ, что всякая европейская держава, пріобрѣтающая хоть пядь земли на американскихъ континентахъ больше, чѣмъ она имѣла въ 1823 году, хотя бы и съ согласія и по просьбѣ самихъ собственниковъ этой страны, тѣмъ самымъ распространяетъ свою систему и угрожаетъ миру и благополучію Соединенныхъ Штатовъ. Юкатанъ былъ предоставленъ самому себѣ.

Бухананъ, сначала тоже противникъ доктрины Монроэ, поступилъ также точно и взялъ республику Мексико подъ свою защиту противъ европейскаго вмѣшательства въ ея дѣла. Какъ извѣстно, вся исторія Мексики, съ тѣхъ поръ, какъ она возстала противъ Испаніи въ 1820 году и сдѣлалась независимой, представляетъ безпрерывную, кровопролитную борьбу монархистовъ съ республиканцами. Послѣдніе въ 1860 году восторжествовали и избрали президентомъ Мексики своего главу Бенито-Хуареса, индѣйца по происхожденію. Хуаресъ отказался отъ всѣхъ конвенцій и договоровъ, заключенныхъ прежними правительствами и обременительными для экономическаго положенія разоренной Мексики, лишилъ многихъ европейскихъ колонистовъ ихъ земельной собственности и изгналъ изъ предѣловъ Мексики французскаго консула, папскаго нунція и испанскаго посла. Англія, Франція и Испанія, возмущенныя этимъ, рѣшили вмѣшаться въ мексиканскія дѣла. Противъ этого Бухананъ, тогда президентъ Соединенныхъ Штатовъ, протестовалъ: «Мы не отрицаемъ права какой-либо европейской державы вести враждебныя дѣйствія противъ Мексики, но мы будемъ

противиться всѣми силами захвату ея территоріи и стремленіямъ силой контролировать ея политическую жизнь». А въ посланіи къ конгрессу, въ декабрѣ 1860 года, онъ говорилъ, что Соединенные Штаты не должны останавливаться даже предъ употребленіемъ вооруженной силы для защиты и поддержки доктрины Монроэ.

Вскорѣ послѣ этого въ Соединенныхъ Штатахъ вспыхнула междоусобная война за освобожденіе негровъ. Англія и Франція рѣшили тогда прибѣгнуть къ военнымъ мѣрамъ для возстановленія нарушенныхъ правъ, не допуская, однако, вмѣшательства во внутреннія дѣла Мексики. Послѣдняя уже согласилась на то, чтобы нарушенныя права были разсмотрѣны европейскими уполномоченными, но Наполеонъ III въ это время рѣшилъ завладѣть Мексикой и превратить ее въ монархію. Австрійскаго эрцгерцога Максимиліана онъ избралъ на этотъ тронъ и заручился его согласіемъ. 40 тысячъ французовъ вступили въ предѣлы Мексики, войска Хуареса были разбиты, самъ онъ съ остатками своей партіи бѣжалъ въ Соединенные Штаты и французы вступили въ столицу. Немедленно было созвано собраніе народныхъ представителей изъ монархической партіи. Собраніе постановило ввести монархическое правленіе и корону предложить Максимиліану. Послѣдній прибылъ въ Мексику лѣтомъ 1864 года, но въ это время судьба его монархіи была уже рѣшена. Соединенные Штаты, занятые своей собственной междоусобной войной, могли помочь Хуаресу только деньгами и совѣтами. По окончаніи войны президентъ Джонсонъ открыто сталъ на сторону республиканцевъ въ Мексикѣ. Правительство Соединенныхъ Штатовъ потребовало, на основаніи доктрины Монроэ, чтобы Наполеонъ отозвалъ свои войска и этимъ доставилъ мексиканскому народу возможность ввести у себя такую форму правленія, какую онъ самъ пожелаетъ, угрожая въ противномъ случаѣ войной. Война съ Соединенными Штатами была не по душѣ Наполеону и онъ отозвалъ свои войска, не смотря на всѣ просьбы Максимиліана и его супруги Шарлотты, прибывшей для этого въ Парижъ и на колѣняхъ умолявшей Наполеона не оставлять безъ поддержки ея мужа. Съ удаленіемъ французскихъ войскъ Мексика постепенно стала переходить во власть республиканцевъ. Вскорѣ Максимиліанъ былъ взятъ въ плѣнъ, преданъ военному суду, осудившему его на смерть, какъ узурпатора, и въ іюлѣ 1867 года онъ былъ разстрѣлянъ при восторженныхъ крикахъ во множествѣ собравшагося народа. Такъ кончилась попытка вмѣшательства европейцевъ въ американскія дѣла. Доктрина Монроэ восторжествовала.

Предшественнику Макъ-Кинли, президенту Клевеленду, пришлось также опереться на принципы доктрины Монроэ. Въ 1895 году возникъ споръ между Англіей и Венецуеллой. Причиной столкновенія было желаніе каждой изъ этихъ державъ захватить пограничную долину рѣки Юранъ, богатую золотыми розсыпями. Президентъ Клевелендъ въ посланіи къ конгрессу потребовалъ, чтобы для разрѣшенія этого спора былъ назначенъ третейскій судъ. Это предложеніе не было принято Англіей, и тогда Клевелендъ опубликовалъ посланіе, въ которомъ говорилъ, что Соединенные Штаты «должны противодѣйствовать всякому незаконному расширенію территоріальныхъ владѣній Англіи, какъ посягательству на права и интересы Соединенныхъ Штатовъ». Поэтому онъ предложилъ назначить коммиссію, которая установила-бы пограничную линію между Венецуеллой и Британской Гвіаной. Посланіе президента было встрѣчено американцами съ восторгомъ. Англія уступила, были назначены коммиссіи для разсмотрѣнія этого дѣла, которыя выбрали третейскимъ судьей профессора петербургскаго университета г. Мартенса.

Три года тому назадъ вспыхнуло возстаніе на островѣ Кубѣ противъ испанскаго владычества. Это не первое возстаніе. Они начались еще съ прошлаго столѣтія, благодаря жестокому, разорительному, деспотическому управленію остро-

вомъ и благодаря неспособности испанцевъ установить въ своей колоніи правильную гражданственность и здоровыя экономическія отношенія. Испанія видѣла въ Кубѣ, какъ раньше въ Америкѣ, дойную корову и, извлекая изъ нея все, никогда и ничего ей не давала, кромѣ огня и меча. Самымъ значительнымъ было возстаніе съ 1868 года по 1878. Испанское владычество висѣло тогда на волоскѣ и, только благодаря обѣщанію широкихъ реформъ, Испанія сохранила островъ. Во время этой войны общественное мнѣніе Соединенныхъ Штатовъ не разъ требовало вмѣшательства своего правительства въ эту борьбу, но правительство Соединенныхъ Штатовъ съумѣло сдержать негодованіе общественнаго мнѣнія и только потребовало реформъ. Испанія обѣщала дать ихъ, но исполнять ихъ медлила и ввела далеко не всѣ изъ тѣхъ, которыя обѣщала и которыхъ требовало населеніе. И вотъ, 11 апрѣля 1895 года вспыхнуло новое возстаніе. Благодаря многочисленнымъ нарушеніямъ правъ гражданъ Соединенныхъ Штатовъ, благодаря полному разоренію острова, находящагося въ оживленныхъ сношеніяхъ съ Сѣверной Америкой, благодаря тому, что трехлѣтняя ожесточенная война крайне вредила интересамъ Соединенныхъ Штатовъ, благодаря настоятельному требованію общественнаго мнѣнія послѣднихъ, возмущенному страшными жестокостями со стороны испанцевъ во время этой войны и гибелью броненосца «Мэна», вѣроломно взорваннаго испанцами,—правительство Соединенныхъ Штатовъ рѣшило вмѣшаться и прекратить невыносимое положеніе. Президентъ Макъ-Кинли обратился къ конгрессу съ посланіемъ, и резолюція, принятая совмѣстно американскимъ сенатомъ и палатой, гласитъ: «Народъ острова Кубы правомѣрно является и долженъ быть свободнымъ и независимымъ, на Соединенныхъ Штатахъ лежитъ долгъ потребовать и правительство ихъ симъ требуетъ, чтобы испанское правительство немедленно отказалось отъ своей власти и управленія на Кубѣ и чтобы оно отозвало изъ Кубы и кубинскихъ водъ свои сухопутныя и морскія силы, и Соединенные Штаты симъ заявляютъ, что они не имѣютъ намѣренія или склонности присвоить себѣ верховную власть, юрисдикцію или контроль надъ названнымъ островомъ въ какихъ-либо иныхъ цѣляхъ, помимо его умиротворенія, и заявляютъ о своемъ рѣшеніи предоставить управленіе и контроль надъ островомъ его собственному населенію, когда это умиротвореніе будетъ достигнуто». Президентъ подписалъ эту резолюцію и война началась. Кончилась она, какъ извѣстно, побѣдой Соединенныхъ Штатовъ, и теперь не можетъ быть сомнѣнія, что геройское населеніе острова Кубы, борющееся за свою свободу и права болѣе ста лѣтъ, наконецъ получитъ ихъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что доктрина Монроэ сохранила до сихъ поръ свою жизненность, правительство Соединенныхъ Штатовъ проводитъ ее послѣдовательно въ жизнь и каждый гражданинъ великой заатлантической республики безъ различія убѣжденій готовъ стоять за нее. Но теперь сами Соединенные Штаты вступаютъ на опасную дорогу, нарушая вторую часть доктрины Монроэ—не вмѣшиваться въ дѣла другихъ континентовъ и не проводить завоевательной политики внѣ американскаго континента. Завоеваніе Филиппинскихъ острововъ, населеніе которыхъ не желаетъ подчиненія американцамъ, грозитъ блестящему до сихъ поръ ходу внутренней жизни Штатовъ огромными осложненіями и можетъ вовлечь ихъ въ такія международныя затрудненія, которыя надолго нарушатъ правильное теченіе американской жизни. И не разъ, быть можетъ, пожалѣютъ впослѣдствіи свободолюбивые «янки», что въ увлеченіи временнымъ успѣхомъ они забыли великій принципъ Монроэ: отстаивать свою свободу и не посягать на чужую.

Д. Неточаевъ.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Децимальное дѣленіе часа и универсальное время.—Отчетъ о засѣданіи коммиссіи для составленія интернаціональнаго научнаго каталога.—Общества покровительства растеній и альпійскіе сады для сохраненія рѣдкихъ и вымирающихъ видовъ растеній горныхъ областей. — Медицинскія суевѣрія у китайцевъ. — Смертная казнь посредствомъ электричества въ Америкѣ.

Уже болѣе столѣтія тому назадъ Франція ввела у себя такъ-называемую метрическую систему, основаніемъ которой для различныхъ мѣръ послужило десятичное или децимальное дѣленіе. Въ то же самое время декретомъ конвента отъ 10-го фримера II года въ принципѣ было принято также децимальное дѣленіе дня на 10 децимальныхъ часовъ, а также и дѣленіе круга на 10 или на 100 градусовъ. Всѣмъ извѣстно, насколько метрическая система оказалась практичной и какое широкое примѣненіе она получила въ настоящее время, сдѣлавшись почти интернаціональной. Упомянемъ, кстати, что секціей статистики на съѣздѣ естествоиспытателей въ августѣ 1898 года въ Кіевѣ возбужденъ вопросъ о ходатайствѣ передъ правительствомъ о введеніи децимальной системы мѣръ и у насъ, въ Россіи.

Нигдѣ, однако, не было приведено въ исполненіе на практикѣ децимальное дѣленіе дня, часа и окружности, если не считать «Системы міра» Лапласа, гдѣ день раздѣленъ на 10 часовъ, а окружность на 400 градусовъ.

Въ обыденной жизни дѣленіе дня на 10 часовъ не было принято, и до сихъ поръ сохраняется его дѣленіе на 24 часа, которое имѣетъ уже за себя привычку, освященную давностью, по меньшей мѣрѣ, двухъ тысячелѣтій. Не говоря уже о наслѣдственныхъ привычкахъ, которыя связали съ различными періодами 24-хъ-часовыхъ сутокъ разные моменты нашей общественной и частной жизни, число 24 имѣетъ еще математическое преимущество предъ всякимъ децимальнымъ числомъ, какъ, напр., 10 или 20: въ самомъ дѣлѣ, оно имѣетъ 6 дѣлителей—2, 3, 4, 6, 8 и 12, тогда какъ у десяти ихъ всего 2, у двадцати—4.

Къ тому же, и астрономы не приняли новаго измѣренія времени, предложеннаго конвентомъ, хотя и были устроены часы новаго образца.

Въ семидесятыхъ годахъ вопросъ этотъ, однако, вновь былъ поставленъ на очередь, и нужно признать, что онъ вполнѣ заслуживаетъ того вниманія, которое онъ привлекъ въ особенности въ самое послѣднее время; французы хотятъ подготовить всѣ необходимые матеріалы и проекты къ 1900 году, когда вопросъ этотъ можно будетъ поставить на разрѣшеніе интернаціональныхъ конгрессовъ, которые соберутся въ Парижѣ во время всемірной выставки. По самому существу вопросъ только и можетъ получить интернаціональное рѣшеніе, такъ какъ весьма понятно, что, при существующихъ международныхъ сообщеніяхъ, нація, которая одна ввела бы у себя такую серьезную реформы, испытывала бы крайнія неудобства. Одновременно будетъ поставленъ также вопросъ о введеніи одного универсальнаго времени для всѣхъ націй, взамѣнъ національныхъ часовъ, при-

чемъ новые часы получать, по проекту, такое устройство, что будутъ показывать одновременно универсальное время и мѣстное.

Въ чемъ же заключается выгода этихъ двухъ реформъ и какіе предложены проекты для ихъ проведенія въ жизнь? Прежде всего получится большая экономія во времени, требуемомъ для производства вычисленій: она равняется минимумъ 2,5 того времени, которое требуется для вычисленій при дѣленіи часа на 60 минутъ, минуты на 60 сек. и т. д. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы отвѣтить на вопросъ, сколько секундъ въ 11 час. 37 мин. и 45 сек. достаточно будетъ поставить всѣ цифры рядомъ и отвѣтъ будетъ: 113.745 секундъ, тогда какъ при современномъ дѣленіи часа нужно продѣлать слѣдующій подсчетъ:

11 ч. × 60 = 660 м.
+ 37 »
697 м. × 60 = 41.820 секундамъ.
+ 45 »
11 ч. 37 м. 45 сек. = 41,865 секундамъ.

Въ первый разъ вопросъ о децимализаціи дня и часа былъ возобновленъ въ 1875 году на географическомъ конгрессѣ по иниціативѣ Yvon-Villarceau и Champcourtois. Уже тогда мнѣнія раздѣлились. Одни настаивали на дѣленіи окружности на 400°, слѣдовательно, для соотвѣтствія градуса съ децимальною частью времени, нужно было бы раздѣлить день на 40 часовъ. Нечего и говорить, что публика воспротивилась бы такому дѣленію дня, слишкомъ далекому отъ принятаго въ настоящее время. Другіе возстали противъ такого дѣленія на томъ основаніи, что нѣтъ никакихъ данныхъ принимать прямой уголъ за единицу=100°, и предлагали дѣленіе всей окружности на 100°.

Въ теченіе 2-хъ или 3-хъ послѣднихъ лѣтъ вопросъ этотъ поднимался во многихъ географическихъ обществахъ, причемъ среди горячихъ защитниковъ реформы упомянемъ Rey-Pailhade'a и Sarrauton'a. Первый стоитъ за дѣленіе дня на 100 часовъ, а окружности на 100 градусовъ; такимъ образомъ, по его проекту, градусъ соотвѣтствуетъ часу. Мы уже говорили, что проектъ дѣленія сутокъ на 40 часовъ имѣетъ мало шансовъ на успѣхъ; тѣмъ менѣе публика склонна будетъ принять дѣленіе сутокъ на 100 часовъ. Такимъ образомъ ни одинъ изъ проектовъ децимализаціи сутокъ не имѣетъ, повидимому, шансовъ на успѣхъ практическаго примѣненія. Вотъ почему другой защитникъ реформы Sarrauton пришелъ къ тому убѣжденію, что децимализація сутокъ есть утопія и что слѣдуетъ сохранить вѣками установленное дѣленіе сутокъ на 24 часа. Но онъ горячо защищаетъ дѣленіе часа не на 60 минутъ, а на 100, дѣленіе минуты на 100 секундъ и т. д. Чтобы было соотвѣтствіе съ дѣленіемъ окружности, онъ предлагаетъ раздѣлить ее на 240 градусовъ: 10 градусовъ будутъ соотвѣтствовать одному часу. Такимъ образомъ проектъ Sarrauton'a является наиболѣе удобнымъ для практическаго примѣненія. Число 240 имѣетъ лишь очень немногимъ менѣе дѣлителей, чѣмъ 360, а потому принятіе дѣленія окружности на 240 градусовъ не будетъ доставлять серьезныхъ затрудненій. Далѣе, промежутки времени въ $^1/_4$ часа, $^1/_2$ часа и $^3/_4$ часа сохраняютъ свою прежнюю величину, къ которой всѣ мы ужъ такъ привыкли. Разница лишь въ томъ, что вмѣсто 15 минутъ четверть часа будетъ заключать 25 мин., полъ-часа 50 и $^3/_4$—75; привыкнуть къ этому будетъ далеко не такъ трудно: публика даже не замѣтила бы этой минимальной, повидимому, реформы, которая въ дѣйствительности оказалась бы богатой плодотворными результатами. Переходъ отъ одной системы къ другой совершился бы почти незамѣтно.

Ch. Duprat, одинъ изъ горячихъ защитниковъ идеи Sarrauton'a, говоритъ слѣдующее: «Если бы этотъ прогрессъ былъ реализованъ въ недалекомъ будущемъ, онъ выразился бы въ большомъ количествѣ полезныхъ и элегантныхъ

упрощеній и научныхъ примѣненій: въ астрономіи, геодезіи, географіи, мореходствѣ и пр. многіе длинные и требующіе большого труда подсчеты сдѣлались бы элементарно-легкими; въ особенности много ясности и простоты пріобрѣтаетъ географія. Земной шаръ, раздѣленный на 24 такъ-называемыхъ «fuseaux horaires», по 10 градусовъ въ каждомъ, становится, нѣкоторымъ образомъ, громаднымъ циферблатомъ съ 24 часами; блестящая стрѣлка этого циферблата, показывающая одновременно часы и градусы долготы—есть солнце!» И онъ приглашаетъ своихъ коллегъ по Société astronomique de France, во имя любви къ научному прогрессу, взять на себя пропаганду этой идеи и добиваться проведенія реформы въ жизнь черезъ правительство.

Такимъ образомъ реформа по проекту Sarrauton'а выразится въ слѣдующемъ:

1) Земной экваторъ будетъ раздѣленъ на 24 части 24-мя главными меридіанами. Разстоянія между двумя главными меридіанами равно 10 градусамъ или одному «fuseau horaire». 10 градусовъ или 1 fuseau соотвѣтствуетъ 1 часу времени.

Децимальные часы.

2) Градусы долготы считаются съ востока на западъ по видимому движенію солнца отъ 0° до 240°.

3) Первый меридіанъ (0°) долженъ быть избранъ по интернаціональному соглашенію. Пока всѣ географы, занимавшіеся этимъ вопросомъ, согласны съ тѣмъ, что этотъ меридіанъ долженъ избѣгать материковъ, а потому Sarrauton предлагаетъ провести первый меридіанъ черезъ Беринговъ проливъ.

4) Сутки состоятъ изъ 24 часовъ, которые считаются отъ 1 до 24 ч., какъ это уже введено въ Италіи и Бельгіи даже въ настоящее время. Часъ содержитъ 100 минутъ, минута 100 секундъ и т. д. Чтобы не нарушать привычки, дѣленіе циферблата часовъ можетъ остаться старымъ и подъ римскими цифрами отъ 0 до XI можно подписать арабскія отъ 12 до 23. Приложенный рисунокъ объясняетъ намъ новое устройство циферблата часовъ, которые уже и изготовлены Brisebart'омъ, фабрикантомъ точныхъ инструментовъ въ Безансонѣ. Послѣдній, разсмотрѣвъ всѣ до сихъ поръ предложенные проекты децимализа-

ціи часа, пришелъ къ заключенію, что, съ точки зрѣнія практика, единственнымъ логическимъ, практичнымъ и желательнымъ является проектъ H. de Sarrauton'а.

Приготовленные Brisebart'омъ новые часы удовлетворяютъ къ тому же основнымъ требованіямъ, выставленнымъ коммиссіею, созванною министерствомъ народнаго просвѣщенія во Франціи; эта коммиссія была составлена изъ представителей палаты мѣръ, двухъ членовъ центральной администраціи министерства народнаго просвѣщенія, двухъ представителей отъ управленія почтой и телеграфомъ, двухъ представителей желѣзныхъ дорогъ и двухъ представителей географическихъ обществъ.

Какъ видно изъ нашего рисунка, новые часы устроены такъ, что позволяютъ между арабскими цифрами отсчитывать по старому по 5 минутъ между каждой цифрой часа: это является временной уступкой старинѣ, пока новое дѣленіе часа на 100 минутъ не войдетъ окончательно въ привычку. Такимъ образомъ изъ сказаннаго видно, что крупная реформа обойдется безъ всякой ломки вѣками установленныхъ привычекъ и будетъ едва замѣтной и почти неощутимой въ практической жизни.

Выгоды новаго способа дѣленія часа и окружности легко оцѣнить, если мы припомнимъ, какъ трудно рѣшаются при нашемъ дѣленіи круга и часа всѣ задачи на время.

Предложимъ на рѣшеніе задачу слѣдующаго рода:

Петръ умеръ въ Токіо 7 августа въ 3 ч., 18; Павелъ умеръ въ Алжирѣ 6 августа въ 18 ч., 82. Иванъ получаетъ наслѣдство отъ Петра лишь въ томъ случаѣ, если Петръ умеръ послѣ Павла. Имѣетъ ли Иванъ право на наслѣдство послѣ Петра?

Нѣтъ ничего проще рѣшенія этой задачи при введеніи универсальнаго времени и даты, къ которой придется свести мѣстное время въ Токіо и Алжирѣ. Если принять за первый меридіанъ тотъ, который предложенъ Sarrauton'омъ и проходитъ черезъ Беринговъ проливъ, то географическая долгота Токіо будетъ 3,51, Алжира 12,63,—если выразить эту долготу въ главныхъ меридіанахъ, которые соотвѣтствуютъ часамъ или 35°1′ (Токіо) и 126°3′ (Алжиръ).

Такъ какъ главные меридіаны соотвѣтствуютъ часамъ, то для приведенія къ универсальному времени смерти Петра въ Токіо, а Павла въ Алжирѣ требуется лишь:

Петръ умеръ по унив. времени	3,51 + 3,18 =	6 ч. 69;	7 авг.
Павелъ » » »	12,63 + 18,82 = 31,45, т. е.	7 » 45;	7 »

Петръ, какъ видно изъ этого простого подсчета, умеръ раньше на 76 децимальныхъ минутъ, т. е. на 3/4 часа. Иванъ, слѣдовательно, не имѣетъ правъ на наслѣдство послѣ Петра.

Предложимъ задачу другого рода: Телеграмма принята для отправки изъ Астрахани (геогр. долгота, считая по главн. мерид. = 9,63) въ Парижъ (12,68) во вторникъ, 3 августа, въ 12 ч. 25 и получена въ Парижѣ въ тотъ же день въ 11 ч. 22 м. Сколько времени потребовалось для передачи? Сведемъ парижское и астраханское время къ универсальному—получимъ:

Парижъ	12,68 + 11 ч. 22 =	23 ч. 90
Астрахань	9,63 + 12 » 25 =	21 » 88
		2 ч. 02

Телеграмма пробыла въ пути 2 ч. 2 секунды.

Предлагаемъ для сравненія скорости рѣшить тѣ же задачи при дѣленіи экватора на 360°, когда нѣтъ соотвѣтствія между часами и главными меридіанами, да еще при сексагезимальномъ дѣленіи часа.

Предстоящій въ 1900 г. научный конгрессъ долженъ будетъ рѣшить вопросъ о принятіи этой реформы или же отвергнуть ее. Серьезное препятствіе можетъ встрѣтить введеніе интернаціональнаго, универсальнаго времени со стороны Англіи, которая очень консервативна въ этомъ отношеніи и до сихъ поръ сохраняетъ, напр., у себя нелѣпую во всѣхъ отношеніяхъ дуодецимальную систему мѣръ. Захотятъ-ли англичане примкнуть къ этой, столь раціональной реформѣ? Нѣкоторые изъ ея защитниковъ уже заранѣе ищутъ себѣ союзниковъ, напр., въ Россіи, владѣнія которой доходятъ какъ разъ до Берингова пролива, такъ что Россія имѣетъ прямой интересъ въ выборѣ первымъ того меридіана, который проходитъ черезъ этотъ проливъ. Другіе же, между ними и Sarrauton, горячо рекомендуютъ Франціи взять на себя починъ и въ этой реформѣ, какъ сто лѣтъ тому назадъ при введеніи метрической системы, въ увѣренности, что раціональность ея не подлежитъ сомнѣнію и что это обстоятельство мало-помалу заставитъ и другія націи примкнуть къ Франціи, какъ это уже и случилось съ децимальной, метрической системой мѣръ.

Съ 16-го по 18-е октября прошлаго года въ Лондонѣ происходили засѣданія коммиссіи по составленію интернаціональнаго научнаго каталога. Напомнимъ, что первое засѣданіе этой коммиссіи было въ 1896 году и было постановлено, что Лондонъ будетъ постояннымъ пунктомъ будущихъ засѣданій. Въ октябрьской сессіи участвовали 31 представитель отъ слѣдующихъ 12 государствъ: Германіи, Австро-Венгріи, Великобританіи, Франціи, Соединенныхъ Штатовъ, Бельгіи, Японіи, Мексики, Голландіи, Швеціи, Норвегіи, Швейцаріи.

Вотъ наиболѣе интересныя постановленія коммиссіи, принятыя всѣ почти единогласно.

Постановленіе 14. Предполагается вести текущую библіографію по слѣдующимъ 14 областямъ: математикѣ, астрономіи, метеорологіи, физики, химіи, минералогіи, кристаллографіи, геологіи и палеонтологіи, анатоміи, физіологіи съ экспериментальной патологіей и фармакологіей, бактеріологіи, психологіи и антропологія. Постановленіе 16 и 18. Для каждой изъ этихъ наукъ (даже для нѣкоторыхъ отдѣловъ ихъ) будетъ введена спеціальная библіографія. Въ ней заглавія трудовъ будутъ даны на оригинальномъ языкѣ, если они изданы на слѣдующихъ пяти языкахъ: англійскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, итальянскомъ и латинскомъ. Всѣ заглавія на прочихъ языкахъ должны быть переведены на одинъ изъ перечневыхъ 5 языковъ.

Постановленіе 22. Коммиссія высказываетъ пожеланіе, чтобы всѣ делегаты сдѣлали необходимыя ходатайства передъ своимъ правительствомъ объ организаціи мѣстныхъ національныхъ коммиссій, гдѣ бы изучались вопросы, относящіеся къ составленію каталога. Делегаты же составятъ отчетъ о работахъ мѣстныхъ коммиссій и представятъ его на разсмотрѣніе интернаціональнаго комитета. Этотъ комитетъ былъ избранъ въ спеціальномъ засѣданіи коммиссіи и состоитъ въ настоящее время изъ восьми лицъ: Armstrong'a, Descomps'a, Forster'a, Langley'a, Poincaré, Rucker'a, Waldeyer'a и Weiss'a. Собраніе этого комитета назначено на апрѣль 1899 года, причемъ ему вмѣнено въ обязанность представить не позже 31 іюля 1899 года отчетъ, предназначенный для третьяго собранія интернаціональной коммиссіи по составленію каталога, которое рѣшитъ въ окончательной формѣ всѣ сомнительные вопросы.

Частнымъ образомъ представители разныхъ странъ дали отчетъ о приготовленіяхъ, сдѣланныхъ въ каждой странѣ для общаго дѣла, а также о той матеріальной поддержкѣ, на которую предпріятіе можетъ разсчитывать. Оказывается, что повсюду идетъ организація мѣстныхъ комитетовъ и можно надѣяться также и на денежную поддержку, въ видѣ опредѣленной суммы денегъ для под-

держки предпріятія, либо въ видѣ подписки на нѣкоторое количество экземпляровъ каталога.

Одинъ изъ делегатовъ Франціи J. Deniker высказываетъ надежду, что въ первомъ году XX вѣка появятся первые выпуски каталога, если такія продуктивныя въ этомъ смыслѣ страны, какъ Франція, Англія, Германія, Бельгія, Италія, Австро-Венгрія, Соедин.-Штаты, Голландія, Швейцарія, Россія и проч., организуютъ у себя мѣстные комитеты и если подписка на 350 полныхъ экземпляровъ каталога будетъ гарантирована.

Многіе виды растеній и животныхъ, нѣкогда широко распространенные въ той или иной области земного шара, нерѣдко подъ вліяніемъ измѣнившихся внѣшнихъ условій, сдѣлавшихся неблагопріятными для ихъ осуществленія, постепенно уменьшаются въ числѣ и наконецъ вымираютъ окончательно. Часто дѣятельнымъ агентамъ, содѣйствующимъ вымиранію, кромѣ внѣшнихъ условій, является также человѣкъ. Достаточно указать, напр., на полное уничтоженіе волковъ въ нѣкоторыхъ культурныхъ странахъ, на сохранившихся лишь благодаря защитѣ закона зубровъ, нынѣ живущихъ лишь въ Бѣловѣжской пущѣ и являющихся въ наше время единственными представителями тѣхъ породъ быковъ, какъ, напр., Bos primigenius, которые далеко не были рѣдкостью въ Европѣ въ четвертичную геологическую эпоху, населяя эту страну наряду съ человѣкомъ и другими нынѣ вымершими животными видами, какъ, напр., мамонтъ, насорогъ и пр.

То же самое справедливо не только относительно животныхъ, но и растеній. Достаточно припомнить, въ какомъ количествѣ уничтожается ежегодно туристами прекрасное альпійское растеніе edelweiss, сдѣлавшееся даже предметомъ торговли, чтобы понять, какую большую роль можетъ играть человѣкъ въ этомъ процессѣ уничтоженія видовъ. Понятно, отчего, напр., нѣкоторыми кантональными правительствами Швейцаріи изданы законы, имѣющіе спеціальною цѣлью охраненіе edelweis'а. Излишнимъ было бы доказывать здѣсь важность интереса, который представляетъ, въ особенности для науки, сохраненіе видовъ, которымъ угрожаетъ полное вымираніе. Выше мы уже указали примѣры охраненія законами вымирающихъ видовъ, теперь же укажемъ на любопытное проявленіе частной инициативы, которое пошло гораздо дальше и выразилось въ организаціи такъ называемыхъ альпійскихъ садовъ. Въ 1883 году, въ Женевѣ, основалось «Общество покровительства растеній», которое горячо принялось за дѣло и обратило особенное вниманіе на защиту растеній, которымъ грозитъ вымираніе. Наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ оказалась организація упомянутыхъ альпійскихъ садовъ, предназначенныхъ для разведенія и сохраненія рѣдкихъ горныхъ растеній. Съ этой цѣлью прежде всего устроенъ былъ садъ для акклиматизаціи и разведенія рѣдкихъ растеній, которыя затѣмъ продавались въ видѣ сѣмянъ и растеній садоводамъ и любителямъ. Далѣе были устроены настоящіе ботаническіе сады съ чисто научной цѣлью на значительныхъ горныхъ высотахъ, чтобы быть увѣренными въ томъ, что разные представители альпійской флоры дѣйствительно хорошо сохраняются въ нихъ. Въ 1885 году президентъ «Общества покровительства растеній», Correvon, организовалъ первый такой садъ на высотѣ 2.300 метровъ въ Val d'Anniviers. «Эти сады,—сказалъ онъ,—будутъ истинными убѣжищами, живыми музеями, помѣщенными въ разныхъ центрахъ распространенія альпійской флоры». Въ 1889 году тѣмъ же обществомъ открытъ второй садъ въ Bourg-Saint-Pierre на высотѣ 1.693 метровъ, получившій названіе *Linnaea*, отъ названіе растенія Linnaea borealis, свойственнаго арктическимъ областямъ и достаточно рѣдкаго въ Альпахъ. Растенія въ этомъ саду расположены не по семействамъ; администрація сада отдала предпочтеніе распредѣленію по географическимъ областямъ: на одномъ

естественномъ плато сосредоточена флора Пиренеевъ, на другомъ, въ западной части сада—флора Кавказа; въ другомъ мѣстѣ расположены флоры Гималайскихъ горъ, Сибири, Андовъ и Кордильеровъ, арктическихъ областей и антарктическихъ. Роскошно представлена флора Альпійская, Юры, Судетъ и проч. Восемь большихъ уступовъ занимаютъ послѣднія флоры, причемъ нѣкоторые участки предназначены для отдѣльныхъ родовъ растеній. Общее количество культивируемыхъ въ этомъ саду горныхъ растеній доходитъ до 2.500 видовъ, если считать тѣ, которые принадлежатъ мѣстной флорѣ. Среди рѣдкихъ и наиболѣе замѣчательныхъ растеній упомянемъ о тѣхъ, которые доставлены нашимъ соотечественникомъ, ботаникомъ Альбовымъ *) и привезены имъ съ экскурсій въ горныя области Кавказа, горъ Огненной Земли и Патагоніи.

Опытъ Linnaea, какъ пробной станціи, оказался очень удачнымъ и въ настоящее время подумываютъ объ устройствѣ на Bourg-Saint-Pierre лабораторіи, которая могла бы служить ботаническою станціей для изученія біологіи растеній высокихъ горныхъ областей. Въ особенности хороша будетъ новая станція для изученія связи, существующей между климатомъ и альпійской флорой.

Вскорѣ примѣру Швейцаріи послѣдовали другія страны и въ 1891 году открытъ садъ Daphne итальянскимъ альпійскимъ клубомъ на Monte-Baro (800 метровъ). Въ 1893 году французское общество туристовъ Дофинэ открыло подобный же садъ на высотѣ 1.850 метровъ, и съ тѣхъ поръ открыто еще нѣсколько альпійскихъ садовъ для пріюта и разведенія рѣдкихъ горныхъ растеній.

Страна рутины и застоя, Китай является также страною, гдѣ чрезвычайно развиты разнаго рода суевѣрія, суевѣрные обычаи и привычки. Быть можетъ, не найдется въ мірѣ другой страны, которая находилась бы настолько, какъ «Небесная Имперія», во власти самыхъ сложныхъ и фантастическихъ вѣрованій, самыхъ невѣроятно превратныхъ предубѣжденій и представленій. Существуютъ суевѣрія, связанныя со всѣми актами частной и общественной жизни: съ рожденіемъ, смертью, бракомъ, пріемомъ пищи и питья, сномъ и т. д. Никто не можетъ вырваться изъ подъ власти различныхъ суевѣрныхъ страховъ, которые держатъ умъ несчастнаго китайца, какъ въ тискахъ. Всѣ, отъ перваго вельможи до послѣдняго нищаго, страдаютъ отъ нихъ и никто не жалуется, безропотны перенося наложенныя добровольно путы.

Интересная замѣтка о нѣкоторыхъ медицинскихъ суевѣріяхъ китайцевъ сообщена д-ромъ J. Matignon въ «Bulletin de la Société d'Anthropologie» (Fasc. IV, 1898).

Начнемъ съ того, что всѣ медицинскіе трактаты переполнены суевѣрными идеями: въ нихъ говорится о таинственныхъ скрытыхъ, но несомнѣнныхъ «вліяніяхъ», которыя играютъ вполнѣ опредѣленную роль въ генезисѣ многихъ болѣзней. Но въ особенности интересны эти суевѣрія въ связи со способами лѣченія.

Много болѣзней приписывается вредоносному вліянію злыхъ духовъ. Съ такими болѣзнями можно успѣшно бороться при помощи маленькихъ кусочковъ бумаги желтаго цвѣта, кусочковъ матеріи краснаго цвѣта съ извѣстными, кабалистическими надписями. Достаточно помѣстить такіе предметы подъ подкладкой платья или, еще лучше, сжечь и проглотить пепелъ вмѣстѣ съ чаемъ.

Можно также испугать злыхъ духовъ и заставить ихъ покинуть тѣло больного, выбивая матрацъ и одѣяло его постели вѣточкой персиковаго дерева или

*) Въ прошломъ году Н. М. Альбовъ, отличавшійся изумительной энергіей и любовью къ наукѣ, умеръ въ Буэносъ-Айрессѣ въ возрастѣ немногимъ болѣе 30 л. Почти безъ всякихъ средствъ онъ сдѣлалъ много научныхъ трудовъ и изслѣдованій, между прочимъ въ горныхъ областяхъ Кавказа и Арменіи.

вѣтвями плакучей ивы, или-же хлыстомъ съ веревкой, напоминающей по формѣ змѣю.

Въ особенности много суевѣрныхъ способовъ леченія примѣняется при родахъ. Тяжелые роды приписываются злымъ намѣреніямъ духовъ, которые препятствуютъ появленію на свѣтъ ребенка. Въ случаѣ тяжелыхъ родовъ приглашается священникъ, который, смотря по требованіямъ даннаго случая, производитъ цѣлый рядъ самыхъ безсмысленныхъ церемоній. Есть средства, которыя считаются абсолютно радикальными, и если примѣненіе ихъ остается безуспѣшнымъ, китаецъ, вмѣсто того, чтобы усомниться въ ихъ дѣйствительности, приписываетъ отрицательный результатъ исключительно неумѣлому примѣненію вѣрнаго средства.

Отъ самаго рожденія ребенка его нужно оберегать отъ дѣйствія злыхъ духовъ, которые могутъ оказать вредное вліяніе на будущую судьбу его и разрушить счастіе. Для огражденія отъ этихъ духовъ служатъ особыя цѣпочки, къ которымъ подвѣшиваются старыя монеты, маленькіе серебряные ножики, гвозди, служившіе прежде для заколачиванія гроба. Всѣмъ этимъ предметамъ свойственна особая сила, защищающая нравственное и физическое существо ребенка, гарантирующая его отъ несчастныхъ случаевъ, болѣзней и т. д.

Оспа, которая производитъ сильныя опустошенія среди населенія Китая, естественно должна была вызвать цѣлый рядъ суевѣрныхъ обычаевъ, назначеніе которыхъ—защита дѣтей отъ свирѣпой эпидеміи. Китайцы болѣе чѣмъ прививкамъ Дженнера довѣряютъ слѣдующимъ способамъ предохраненія. Маленькое растеніе съ двумя вздутіями лучше, чѣмъ всякая прививка, предохраняетъ отъ оспы. То же растеніе, засушенное и очищенное отъ сѣмянъ, подвѣшивается въ послѣднюю ночь китайскаго года у мѣста, гдѣ спитъ ребенокъ, еще не перенесшій оспы. Богъ эпидеміи, по представленію китайца, наполнитъ заразою пустое растеніе, вмѣсто тѣла ребенка. Если бы, несмотря на всѣ такія предосторожности, ребенокъ заболѣлъ оспою—болѣзнь можетъ проявиться лишь въ очень слабой степени. Растеніе можетъ быть замѣнено маленькимъ фонарикомъ также съ двумя вздутіями, подвѣшеннымъ на шею ребенка.

Богъ оспы находитъ злое удовольствіе въ томъ, чтобы обезобразить рубцами лицо ребенка, въ особенности въ томъ случаѣ, если ребенокъ отличается красотою. Китайцы не останавливаются поэтому передъ обманомъ бога: для этой цѣли лицо нѣкоторыхъ дѣтей, отличающихся красотою, покрывается въ послѣднюю ночь года страшною маскою. Находя столь безобразныя лица, богъ проходитъ мимо, считая, что трудно какою угодно болѣзнью обезобразить ихъ еще болѣе.

Въ Китаѣ практикуются также и прививки. Часто, если ребенку въ домѣ привита оспа, на дверяхъ приклеивается слѣдующее объявленіе: «остерегайтесь оспы!» Цѣль этого объявленія не заключается въ томъ, чтобы предупредить людей, входящихъ въ домъ, о возможности заразиться оспою, какъ можно было бы подумать. Смыслъ объявленія совсѣмъ иной. «Въ домѣ находится ребенокъ, которому привита оспа. Не входите, такъ какъ вашъ глазъ могъ бы оказать вредное вліяніе на развитіе пустулъ»—вотъ, что говоритъ объявленіе.

Очень охотно китайцы приписываютъ цѣлебныя свойства извѣстнымъ деревьямъ, источникамъ, которые поэтому становятся священными. Такъ, напримѣръ, у одной изъ гробницъ императоровъ,—мѣсто, куда обязательно заходятъ всѣ паломники, находится буддійскій алтарь изъ камней. Въ одномъ изъ угловъ алтаря находится щель, которая ведетъ къ маленькому источнику: вода его дѣлаетъ чудеса, излѣчивая глазныя болѣзни. Толпы китайцевъ приходятъ сюда, берутъ небольшую палочку, къ которой на концѣ привязана тряпка, просовываютъ ее въ щель, и держатъ до тѣхъ поръ, пока она не напитается водою; этой тряп-

кой смачиваютъ затѣмъ глаза больныхъ. Этотъ способъ лѣченія несомнѣнно можетъ лишь сильно содѣйствовать распространенію многихъ болѣзней.

Китайцы вѣрятъ не только въ цѣлебныя свойства нѣкоторыхъ средствъ, но они увѣрены также, что извѣстныя, въ сущности безвредныя, средства могутъ вредить тѣмъ лицамъ, которыхъ удается заставить съѣсть ихъ. Они не только могутъ вызвать болѣзнь, но и смерть врага. Однако этими средствами располагаютъ далеко не всѣ, такъ какъ они, обыкновенно, очень дороги. За хорошія деньги можно добыть въ нѣкоторыхъ храмахъ листики желтой бумаги, на которыхъ напечатаны изображенія либо быка, либо собаки; иногда оба изображенія вмѣстѣ. Такую бумагу нужно сжечь и заставить своего врага выпить пепелъ отъ нея съ чаемъ такъ, чтобы у него не явилось никакого подозрѣнія.

Это суевѣріе вызвало, въ свою очередь, другое. Случается, что больной вообразитъ себя жертвой такихъ чаръ. Сейчасъ же, не теряя ни минуты, стараются уничтожить дѣйствіе пагубныхъ чаръ. Призываютъ двухъ, трехъ священниковъ, смотря по состоянію паціента; они должны посредствомъ таинственныхъ тѣлодвиженій и молитвъ удержать душу паціента въ тѣлѣ, если онъ уже находится въ агоніи. Церемонія сопровождается барабаннымъ боемъ, сожиганіемъ желтой бумаги съ тѣми же изображеніями, которыя повредили больному.

Крупныя проявленія суевѣрія вызываютъ эпидеміи. Лѣтомъ 1895 года эпидемія холеры унесла въ могилу болѣе 50.000 жителей Пекина. Китайцы были страшно напуганы. Для борьбы съ эпидеміей организовались блестящія процессіи съ фейерверками, было сожжено болѣе пороха, чѣмъ во время войны съ японцами. Всюду циркулировали подписные листы и каждый подписывалъ сколько могъ, чтобы принять участіе въ расходахъ на фейерверки. Тотъ, кто подписывалъ крупную сумму, имѣлъ право помѣстить у себя надъ дверью слѣдующую надпись: «такой-то господинъ внесъ деньги для прославленія бога эпидеміи». И довольный своей безопасностью, купленной столь просто, китаецъ спокойно набивалъ свой желудокъ дынями, пилъ грязную воду... и, конечно, зачастую заболѣвалъ холерой.

Самое приготовленіе лѣкарствъ часто связано съ суевѣріями. Такъ, часто на крышку, прикрывающую горшокъ, въ которомъ приготовляется лѣкарство, помѣщается небольшой ножикъ съ цѣлью помѣшать злымъ духамъ приподнять крышку и прибавить ядовитыхъ веществъ къ цѣлительному лѣкарству.

Вѣковой опытъ долженъ былъ бы убѣдить китайцевъ, насколько ложны, смѣшны и часто опасны ихъ суевѣрія. И тѣмъ не менѣе они держатся очень упорно.

Можно ли надѣяться освободить Китай отъ этой сѣти суевѣрій, которыя давятъ всякую мысль и препятствуютъ всякому прогрессу? Вотъ тотъ вопросъ, который ставитъ авторъ въ концѣ своей замѣтки.

Все таинственное, часто ошибочное и глупое имѣетъ такую власть надъ китайцемъ, говоритъ Matignon, такъ привлекаетъ его, что онъ откажется лишь съ большими трудностями отъ своихъ, часто нелѣпыхъ вѣрованій. Для доказательства цитирую еще одинъ примѣръ. Въ случаѣ перелома какого-нибудь члена лучшимъ средствомъ является слѣдующее: берутъ живого пѣтуха, разсѣкаютъ его пополамъ и прикладываютъ къ переломанному члену. Жизненная сила должна перейти изъ пѣтуха въ поврежденный членъ и вызвать непосредственное заживленіе. Китайскіе врачи несомнѣнно имѣли достаточно случаевъ видѣть, что примѣненіе ихъ средства никогда не сопровождается успѣхомъ. Тѣмъ не менѣе они продолжаютъ примѣнять его и, если замѣтить имъ, что способъ, безъ сомнѣнія, не дѣйствителенъ, они отвѣтятъ вполнѣ убѣжденнымъ тономъ, что средство великолѣпно и если примѣненіе его не сопровождается желаемымъ результатомъ, то это потому, что пѣтухъ не достаточно быстро былъ приложенъ къ переломанному органу.

На предстоящей въ 1900 году всемірной парижской выставкѣ, въ витринѣ штата Нью-Іоркъ, въ американскомъ отдѣлѣ будетъ выставленъ, между прочимъ, электрическій аппаратъ, назначеніе котораго отправлять на тотъ свѣтъ преступниковъ, приговоренныхъ къ смертной казни. Читателямъ, быть можетъ, извѣстно, что этотъ способъ смертной казни введенъ въ употребленіе штатомъ Нью-Іоркъ уже съ 1890 года, т. е. восемь лѣтъ тому назадъ. Электрическая смертная казнь примѣняется въ трехъ тюрьмахъ. Изъ опубликованныхъ недавно, оффиціальныхъ, статистическихъ данныхъ слѣдуетъ, что за этотъ періодъ всего подвергнуто электрокуціи сорокъ два человѣка, такъ что въ среднемъ приходится 6 человѣкъ казненныхъ на годъ. Любопытно, что за 100 предшествовавшихъ введенію электрокуціи лѣтъ было казнено черезъ повѣшеніе 230 человѣкъ, т. е. въ среднемъ отъ 2 до 3 человѣкъ въ годъ. Такимъ образомъ сопоставленіе этихъ цифръ показываетъ, что число смертныхъ казней увеличилось болѣе чѣмъ вдвое, послѣ введенія смертной казни посредствомъ электричества.

Въ послѣдніе годы нѣкоторые города въ Америкѣ начали примѣнять электричество для уничтоженія пойманныхъ бродячихъ собакъ; животныхъ съ этой цѣлью загоняютъ въ небольшую узкую клѣтку, въ которой они становятся передними лапами на одну, а задними—на другую изъ двухъ изолированныхъ, металлическихъ пластинокъ, соединенныхъ съ электрическими проводами. При замыканіи электрической цѣпи токъ пронизываетъ собаку и моментально убиваетъ ее *).

Съ своей стороны замѣтимъ, что американцамъ больше чести принесла бы полная отмѣна смертной казни, чѣмъ хвастовство усовершенствованными орудіями казни.

Н. М.

---

*) См. «Русск. Вѣдом.» № 278.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Февраль. 1899 г.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Allegro. «Стихотворенія».—*Г. Гауптманъ.* «Одинокіе люди».— *Е. Балабанова.* «Легенды о замкахъ Бретани».

Allegro. Стихотворенія. Съ виньетками автора. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. Небольшая, изящно изданная книжечка стихотвореній Allegro рѣзко выдѣляется среди массы сборниковъ, quasi-поэтическихъ по содержанію и весьма претенціозныхъ по внѣшности. Отличительная черта этихъ многочисленныхъ сборниковъ—прозаическая блѣдность и версификоторскія натяжки, всецѣло отсутствуетъ въ произведеніяхъ Allegro. Съ значительной частью ихъ наши читатели знакомы, такъ какъ многія стихотворенія, вошедшія въ сборникъ, были помѣщены въ нашемъ журналѣ. Это очень облегчаетъ нашу задачу, и намъ достаточно подчеркнуть главныя особенности поэтическаго творчества Allegro.

Каждому знакомы неуловимыя, скоро преходящія, но, тѣмъ не менѣе, оставляющія глубокій слѣдъ въ душѣ—настроенія, которые внезапно охватываютъ васъ при видѣ-ли поразившаго насъ оригинальнаго пейзажа, подъ вліяніемъ-ли всплывшихъ воспоминаній, или въ сумеречную минуту, когда среди затихающаго шума дня внезапно, съ особой яркостью блеснетъ какой-либо образъ, рѣзко выдѣляющійся на сѣромъ фонѣ приближающейся ночи. Кажется, въ такія минуты раскрывается предъ нами на мигъ то нѣчто, что лежитъ за предѣлами видимаго міра, блеснетъ и исчезнетъ, какъ свѣтъ молніи, сверкнувшій среди глубокаго мрака и освѣтившій съ необычайной отчетливостью и облака, и лѣсъ, и поле, и далекую линію горизонта. И долго потомъ вы усиливаетесь вернуть это странное, неуловимое настроеніе, чтобы внимательнѣе вникнуть въ чудный міръ, лежащій за предѣлами видимыхъ явленій,—но напрасно. Это настроеніе приходитъ помимо вашей воли; его нельзя задержать, закрѣпить въ памяти, вернуть своевольно. Послѣ него остается чувство глубокой грусти, какъ если бы мы утратили нѣчто очень дорогое, цѣнное, все значеніе чего мы лишь теперь поняли, но слишкомъ поздно. Въ поэзіи, истинной поэзіи, всегда чувствуется отголосокъ этого неуловимаго настроенія,—и въ стихотвореніяхъ Allegro почти всегда отдается это трепетное вѣяніе изъ другого, такого близкаго и такого далекаго міра.

Среди красотъ ликующей природы
Я чувствую порой,
Что близко, близко счастіе трепещетъ
Незримо предо мной.

Когда звучатъ согласные напѣвы,
Я сердцемъ ихъ ловлю,
И кажется такъ близко и возможно
Все то, что я люблю.

Мнѣ чудится среди земныхъ тумановъ
Заря и день иной...
Еще лишь мигъ и я сорву завѣсу
— И вѣчность предо мной!

Этотъ мотивъ звучитъ въ большинствѣ стихотвореній, придавая имъ оттѣнокъ меланхоліи и глубокаго чувства, не находящаго удовлетворенія въ жизни. Образы Allegro слегка задрапированы, они представляются въ колеблющихся, легкихъ, прозрачныхъ облакахъ тумана, они нѣсколько таинственны и тѣмъ болѣе обаятельны. Ничего рѣзко очерченнаго, строгаго, пластическаго, — это одни измѣнчивыя очертанія, воздушныя и нѣжныя, такія пугливыя и неясныя, какъ смутныя грезы перваго легкаго сна, когда дѣйствительность еще борется съ сновидѣніями.

Я не знаю покоя, въ душѣ у меня
Небывалыя пѣсни дрожатъ
И, незримо летая, неслышно звеня,
Просятъ жизни и свѣта хотятъ.

И, быть можетъ, на вѣкъ я страдать осужденъ:
Я боюсь, что цвѣтущей весной
Эти пѣсни въ могилѣ встревожатъ мой сонъ,
Эти пѣсни, не спѣтыя мной...

Стихъ Allegro очень простъ, безъискусственъ, иногда даже небреженъ, но онъ необыкновенно подходитъ къ выраженію этихъ неуловимыхъ, «не спѣтыхъ пѣсенъ», звучитъ такъ нѣжно, какъ тихіе переливы прозрачнаго ручья среди камешковъ, или легкій шелестъ листьевъ чуть-чуть колеблемыхъ вѣтромъ. Прекрасныя виньетки работы самого автора удивительно гармонируютъ своимъ легкимъ, прозрачно-меланхолическимъ тономъ съ общимъ настроеніемъ книжечки Allegro, дополняя едва намѣченнымъ рисункомъ впечатлѣніе воздушной граціозности и задумчивой грусти, столь характерныя для этого оригинальнаго, нѣжнаго таланта.

Гергартъ Гауптманъ. Одинокіе люди. Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Посвящается тѣмъ, кто ее пережилъ. Переводъ О. Н. Поповой. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1899 Съ рис. Скиргелло. Ц. 1 р. «Одинокіе люди»—одна изъ лучшихъ драмъ Гауптмана, послѣ «Ткачей», пожалуй, единственная, въ которой талантъ Гауптмана достигаетъ наибольшей полноты, по глубинѣ обрисовки характеровъ и мысли, положенной въ основу драмы. Въ драмѣ нѣтъ ничего мистическаго или символическаго, какъ въ «Ганеле» или въ «Утонувшемъ колоколѣ»,—драма глубоко реальна и вполнѣ оправдываетъ посвященіе автора: «тѣмъ, кто ее пережилъ». А переживать ее приходится многимъ, потому что въ основѣ ея лежитъ старый личный вопросъ, но разработанный по новому, при новыхъ условіяхъ, вызывающихъ и новую окраску старой драмы.

Содержаніе ея очень несложно. Въ моментъ великаго торжества семейнаго начала, въ день крестинъ первенца любящей, мирной и согласной семьи, въ домъ входитъ, въ качествѣ случайной гостьи, молодая посторонняя дѣвушка, и вмѣстѣ съ нею въ тихую, повидимому, вполнѣ счастливую жизнь буржуазной семьи вносится какое-то новое начало, которое разбиваетъ это счастье и благополучіе. Іоганнесъ и Кэтъ, до тѣхъ поръ счастливые супруги, словно просыпаются, и одинъ съ изумленіемъ, другая съ глубокимъ горемъ чувствуютъ всѣмъ существомъ, что они—чужды другъ другу, что связь ихъ чисто внѣшняя, что ихъ сожительство основывается на привычкѣ, на тысячѣ условностей, изъ которыхъ сплетается обыденная жизнь обыденныхъ людей. Каждый изъ нихъ одинокъ, ихъ семейная жизнь просто оболочка для двухъ замкнутыхъ въ себѣ, чуждыхъ душъ, между которыми нѣтъ ни пониманія, ни общенія. Кэтъ—простое, наивное дитя, любящее мужа всѣмъ существомъ, но без-

сознательно, инстинктивно, какъ любятъ солнце и воздухъ,—и только въ минуту глубочайшаго страданія, когда она видитъ крушеніе своей любви, она понимаетъ, что мужа отдѣляетъ отъ нея не эта, случайно встрѣтившаяся на пути незнакомая ей женщина, а что-то большее, неизмѣримо болѣе сильное, непостижимое и непреодолимое, что древніе греки назвали бы рокомъ, «ананке» (судьба), и что заключается въ глубокой разницѣ душевнаго склада, думъ, стремленій, темперамента, словомъ, въ томъ, что составляетъ *сущность* человѣка. Іоганнесъ могъ прожить годы бокъ-о-бокъ съ милой, такой женственной и изящной женой, какъ его Кэтъ, не замѣчая, какая пропасть ихъ раздѣляетъ. Лишь временами онъ испытываетъ какое-то ощущеніе неловкости, неуютности въ собственномъ семейномъ очагѣ, чувствуетъ, что не можетъ всецѣло отдаться семьѣ, ея радостямъ, интересамъ и маленькимъ горестямъ. Но онъ скользитъ по поверхности жизни, его судно, какъ кажется, прочно устроено и хорошо и навсегда отдѣляетъ его отъ таинственныхъ глубинъ, скрытыхъ подъ тихой и ровной гладью поверхности. Подчасъ его возмущаютъ банальности его друга, ортодоксальность вѣры его матери и отца, безразличіе жены и ихъ общее равнодушіе къ его умственнымъ запросамъ, его работѣ и взглядамъ, столь существеннымъ для него и пустымъ по ихъ мнѣнію. Окруженный тысячью милыхъ бездѣлицъ, составляющихъ жизнь, онъ, быть можетъ, никогда не дошелъ бы до полнаго прозрѣнія, до столкновенія съ этой жизнью, и, постепенно поддаваясь усыпляющему вліянію тихой и сытой обстановки, самъ превратился-бы въ такого же правовѣрнаго буржуа, добродѣтельнаго, полнаго нехитрыхъ, но цѣнныхъ достоинствъ, какъ его отецъ, добродушный, веселый и жизнерадостный «папа Фокератъ», у котораго на всякій случай есть всегда спасительная сентенція и незыблемая опора въ крайности... пасторъ.

Но случилось не такъ. Одинокая душа столкнулась съ другой, еще болѣе одинокой, только сильной, гордой, незнакомой съ компромиссами, живущей безъ всякой опоры, кромѣ своего сознанія, яснаго, цѣльнаго и стойкаго. Анна—главное лицо въ драмѣ, но, какъ греческая «мойра», она мало видна на сценѣ, хотя все время чувствуется холодное вѣяніе этого духа новой жизни. Съ перваго же момента ея появленія въ мирной семьѣ почуялось приближеніе смерти. Все какъ-то съеживается, окружающіе робко и недоумѣло жмутся другъ къ другу, ища опоры въ этомъ тѣсномъ, не высказанномъ, но всѣми ими сознаваемомъ заговорѣ противъ чуждой силы. Среди образовавшейся пустоты тѣмъ ярче выдѣляется непреодолимое стремленіе Іоганнеса и Анны другъ къ другу, союзъ двухъ одинокихъ душъ, понимающихъ взаимное одиночество и всю силу вытекающаго отсюда влеченія. Сначала оно безсознательно съ обѣихъ сторонъ, какъ радость ребенка, внезапно встрѣтившаго товарища игръ. Но далѣе оно опредѣляется вполнѣ. Это союзъ двухъ людей, стоящихъ неизмѣримо выше окружающей жизни, ясно сознающихъ свою отчужденность и невозможность слiянія съ нею. Это отнюдь еще не любовь, какъ простодушно подозрѣваетъ мама Фокератъ, предупреждающая сына объ опасности. Іоганнесъ любитъ жену и выше, и лучше, чѣмъ прежде, но понимаетъ и чувствуетъ, что его «я» находитъ откликъ и пониманіе не въ женѣ. Въ минуту душевной смуты, когда онъ стремится къ сближенію съ нею, инстинктивно ищетъ въ ней опоры противъ нахлынувшихъ на него новыхъ думъ и впечатлѣній, внесенныхъ въ его жизнь Анной,—Кэтъ пристаетъ къ нему съ денежными счетами, безсознательно и тѣмъ больнѣе подчеркивая раздѣляющую ихъ пропасть отчужденности и непониманія. Кэтъ видитъ, какъ другая женщина властно захватила то, что она считала своей неотъемлемой собственностью, но не понимаетъ ни этой власти, ни мужа. Она бьется, растерянная, какъ спугнутая птичка, и возбуждаетъ великое чувство жалости въ Аннѣ. Ради этого Анна отказывается отъ дальнѣйшаго пребыванія въ домѣ Іоганнеса, гдѣ ея душа, замерзшая отъ вѣчнаго оди-

ночества, оттаяла, ожила и расцвѣла. Анна великодушна, потому что сильна. Ей безконечно жаль Кэтъ, она плачетъ надъ ея разбитымъ сердцемъ, хотя сама уходитъ съ холодомъ отчаянія въ душѣ. На робкую попытку Іоганнеса оставить все по старому, дѣлать видъ, что ничего не случилось, она смѣло указываетъ ему на наболѣвшія мѣста, открываетъ ему глаза на опасность для нихъ обоихъ—«спуститься съ высокихъ горъ, съ широкимъ кругозоромъ, въ тѣсную долину, гдѣ все такъ узко, такъ обыденно». Она не только уважаетъ чужое страданіе, готова скорбѣть о немъ,—хотя и не согласна признать своей вины и не признаетъ,—но и не скрываетъ своего опасенія, что въ ихъ отношеніяхъ съ Іоганнесомъ, пока возвышенныхъ и чистыхъ, есть «нѣчто враждебное тѣмъ высокимъ понятіямъ, которыя мы предчувствуемъ, можетъ подчинить ихъ себѣ». Неизбѣжность разлуки дѣлаетъ ее тверже, спокойнѣе, и она уходитъ съ холодомъ смерти въ душѣ и съ увѣренностью, что выдержитъ эту муку до конца. Для нея не надо «зацѣпокъ» жизни, чтобы жить,—сама жизнь по себѣ есть долгъ и его надо выполнить наилучшимъ образомъ. Въ утѣшеніе она говоритъ Іоганнесу о духовной связи, которая ихъ соединила навсегда. «Предпишемъ себѣ законъ и будемъ дѣйствовать. Мы одни въ цѣломъ свѣтѣ, на всю жизнь, если бы даже никогда не свидѣлись. Ничѣмъ другимъ мы не можемъ связать себя. Все прочее насъ только разъединяетъ». За нее мы можемъ быть спокойны,—она найдетъ для себя цѣль и содержаніе жизни, съумѣетъ примѣнить свои выдающіяся силы и въ борьбѣ найдетъ спокойствіе. Она вышла побѣдительницей изъ самаго жестокаго испытанія и никакое новое ей не страшно.

Иное дѣло Іоганнесъ. Остаться опять одинокимъ, среди людей столько же любящихъ его, сколько и не понимающихъ,—выше его силъ. Его смерть неизбѣжна, онъ слишкомъ слабъ, чтобы, подобно Аннѣ, видѣть въ долгѣ смыслъ жизни, въ своемъ одиночествѣ—миссію, возложенную на него судьбой, и утѣшиться сознаніемъ, что много такихъ же одинокихъ душъ борются, каждая за свой счетъ и страхъ, во имя лучшаго будущаго, когда житейскія условности падутъ и освобожденныя души людей сольются въ гармоничномъ союзѣ. «Мы можемъ предчувствовать эти высшія отношенія,—говоритъ Анна,—и передать эти предчувствія нашимъ преемникамъ». Онъ не въ силахъ отдѣлить себя отъ *личнаго* ради *общаго* и видѣть въ послѣднемъ грандіозную задачу и своей жизни. Въ озарившемъ его свѣтѣ онъ могъ увидѣть только ничтожество *своей* жизни и дальше не увидѣлъ ничего. Съ уходомъ Анны ушелъ свѣтъ, и въ наступившемъ мракѣ его бѣдная одинокая душа погибаетъ окончательно. Его самоубійство неизбѣжно,

Драма кончена. Кто же виноватъ?—спрашиваетъ зритель и не находитъ виновныхъ. Не Кэтъ—бѣдная жертва, возбуждающая наибольшее сожалѣніе, какъ все слабое и беззащитное, и не ея мужъ, тоже жертва собственной слабости, и меньше всего Анна, играющая роль судьбы. Причины драмы глубоко скрыты въ самой жизни, не позволяющей обыкновеннымъ, слабымъ людямъ быть вполнѣ людьми. Современная форма семьи не есть нѣчто, установившееся на вѣки, незыблемое и прочное. И въ ней совершается эволюція, жертвой которой являются прежде всего наиболѣе чуткіе люди, слишкомъ чувствительные, чтобы не испытывать тяжести сковывающихъ ихъ цѣпей, слишкомъ еще слабые, чтобы ихъ порвать...

Такова сущность этого превосходнаго произведенія Гауптмана, какъ мы его понимаемъ. По художественности выполненія оно безупречно. Съ первой же сцены васъ охватываетъ чувство тревоги, которое усиливается и растетъ постепенно, доходя до высшаго напряженія въ сценѣ разлуки Анны и Іоганнеса. Характеры очерчены сжатыми, сильными штрихами, съ оттѣнкомъ глубокой нѣжности въ обрисовкѣ характера Кэтъ, выписаннаго съ любовью и удивитель-

нымъ пониманіемъ такихъ кроткихъ женственныхъ типовъ. Гауптманъ любитъ такіе женскіе характеры и отдѣлываетъ ихъ съ особой тщательностью, какъ бы желая показать, какъ прекрасны эти женщины, на которыхъ безвинно обрушивается вся тяжесть неустройствъ современной жизни. Въ противоположность Кэтъ, Анна очерчена нѣсколькими смѣлыми штрихами, яркими и выпуклыми, какъ мраморный барельефъ. Она—вся движеніе и стремленіе, и рядомъ съ ней надломленная фигура Іоганнеса производитъ тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе своимъ контрастомъ. Не менѣе хороши и окружающіе, хотя это обычные нѣмецкіе типы доброй мѣщанской семьи, въ одно и то же время жалкіе и симпатичные своимъ добродушіемъ и дѣтской слабостью. Только въ массѣ они внушаютъ чувство вражды, но каждый въ отдѣльности достоинъ скорѣе жалости, тѣмъ болѣе, что и они страдаютъ, хотя и въ самомъ ихъ страданіи есть много комичнаго, когда они, какъ страусы, прячутъ голову въ надеждѣ, что судьба ихъ не замѣтитъ и пощадитъ. Но судьба пощады не знаетъ, и приговоръ ихъ написанъ и подписанъ...

Е. Балобанова. Легенды о замкахъ Бретани. Изданіе 2-е съ 7-ю картинами и иллюстраціями въ текстѣ Е. Лансере. Спб. 1899 г. Стр. III+122 gr. in 8°. Цѣна 2 р. 25 к. Давно сказано великимъ поэтомъ— «нѣтъ боли сильнѣе той, какъ вспоминать о счастіи въ горѣ», а человѣкъ все вспоминаетъ, старается какъ можно больше жить воспоминаніями, и не только вспоминаетъ то, что было на самомъ дѣлѣ или, вѣрнѣе, что могло быть на самомъ дѣлѣ, но даже воображаетъ себѣ то, что «должно» было случиться. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Никогда еще такъ не собирали остатки прошлой жизни, какъ теперь, никогда ими такъ не дорожили. Конечно, этого требуетъ и наука, которая стремится все больше связать прошлое съ настоящимъ, чтобы объяснить это загадочное настоящее и заглянуть въ еще болѣе загадочное будущее. Но одними научными стремленіями не объяснить современнаго интереса къ прошлому—человѣку скучно и узко въ рамкахъ современности и онъ ищетъ чего-нибудь совсѣмъ другого, совсѣмъ новаго. И очень обвинять его за это, право, трудно.

Легенды рисуютъ намъ прошлое, какъ оно «могло быть» или какъ намъ хотѣлось бы, чтобъ могло быть, и сборникъ хорошихъ, красивыхъ легендъ всегда желанный даръ, особенно, если страна, откуда онѣ идутъ, намъ еще мало извѣстна и въ ея преданіяхъ звучатъ струны, рѣдко затронутыя.

Бретань у насъ почти неизвѣстна и еще меньше извѣстно о легендахъ этого уголка Франціи, такъ мало похожаго на все французское. Въ сѣверо-западномъ углу Франціи, подъ хмурымъ, сѣрымъ небомъ у береговъ океана поселились кельты, пришлецы изъ-за моря, небольшіе остатки великаго народа. Рѣзко отличаются они всѣмъ отъ сосѣдей—и видомъ, и нравами, и даже въ незначительной степени вѣрой, потому что любимыхъ бретонскихъ святыхъ не знаютъ католическіе святцы и обряды и праздники Бретани во многомъ свои. Въ тѣ годы, когда вся Франція рѣшила покончить со старымъ порядкомъ и жила только желаніемъ свободы, равенства и братства, Бретань упорно стала за старое и умирала за короля, котораго почти не знала. Бретань любитъ старину и неохотно принимаетъ новое: новое вноситъ слишкомъ много разнообразія, а бретонецъ, человѣкъ сосредоточенный съ богатымъ внутреннимъ міромъ, не любитъ разнообразія. Произведенія его литературы бѣдны фантазіей, все, что въ нихъ болѣе ярко и разнообразно—чужое, привнесенное со стороны. Сама природа какъ будто заставляетъ его уйти въ себя, лишаетъ возможности развить фантазію: все сѣро—и небо, и ланды, и скалы, и даже море, когда оно не пѣнится; бретонецъ любитъ свои храмы - и даже украсить ихъ хорошенько не можетъ, потому что бретонскій камень—гранитъ, едва поддающійся рѣзцу художника.

Тѣмъ богаче зато развернулся внутренній міръ бретонца, для него существуютъ такія глубины чувства, такіе тонкіе, почти неуловимые оттѣнки, какихъ не знаютъ его сосѣди. Онъ любитъ облекать эти чувства въ пѣсни и легенды: большого разнообразія сюжетовъ искать, конечно, нечего, но зато онѣ полны «настроенія». Е. В. Балобанова вполнѣ вѣрно оцѣнила эту основную черту бретонскихъ легендъ и постаралась поэтому представить ихъ русскому читателю не въ простой, механической записи отдѣльныхъ варіантовъ, важныхъ для изслѣдователя, но затемняющихъ часто всю прелесть разсказа, а въ вольномъ пересказѣ человѣка, знающаго Бретань и умѣющаго схватывать то, что наиболѣе характерно. Легендъ въ книгѣ двадцать одна и во всѣхъ почти только двѣ ноты, которыя, какъ это ни странно при большомъ разстояніи, раздѣляющемъ ихъ, не звучатъ почти диссонансомъ—смерть и любовь. Можетъ быть, это впечатлѣніе гармоніи такихъ противоположностей получается отъ того, что все въ этихъ легендахъ видно черезъ какую-то дымку. Начинается сборникъ съ разсказа объ утопленникѣ, подавшемъ передъ смертью вѣсть роднымъ—бретонцы особенно вѣрятъ въ эту способность умирающаго въ минуты, предшествующія смерти, перенестись душою къ близкимъ и дать имъ почувствовать, что близкому человѣку грозитъ гибель. Впрочемъ, не одни бретонцы въ это вѣрятъ и англійская Society for Psychical Research собрало богатый матеріалъ по этому любопытному вопросу о возможности общенія на разстояніи въ критическія минуты жизни.

«Бабушкинъ домъ» говоритъ о таинственномъ путешествіи живого человѣка въ другой міръ, — тема, знакомая и встрѣчающаяся у всѣхъ христіанскихъ народовъ. Здѣсь путешествуетъ молодая женщина съ своимъ мужемъ, пришельцемъ съ того свѣта. Она живетъ тамъ сто лѣтъ, которыя ей кажутся короткимъ мгновеніемъ, какъ тому средневѣковому монаху, который заслушался пѣнія чудной птички.

Ло-Кристъ—трогательная легенда, очень удачно переданная полупрозой, съ постоянно повторяющимся «было то въ старые, старые годы». Здѣсь замѣчательно тонко указывается на то, какъ горе дѣлаетъ и хорошаго человѣка жесткимъ и заставляетъ его пренебрегать бѣдою ближняго.

Въ «Кипарисѣ» мы опять встрѣчаемся съ повѣрьемъ, что, въ минуту отхода изъ міра, душа человѣка можетъ перенестись въ родныя ей мѣста.

И дальше во всѣхъ разсказахъ какая-нибудь красивая мысль, глубокое, тонкое чувство. Мы только хотѣли бы возразить противъ оттѣнка жизненности, который разсказчица старалась вложить въ разсказы и котораго въ нихъ по самому существу быть не можетъ. Они грустные, тяжелые, на нихъ лежитъ рука смерти и только иногда по нимъ скользитъ свѣтлый лучъ короткаго счастія—любви. Подтвержденіе нашимъ словамъ мы, такъ намъ, по крайней мѣрѣ, кажется, найдемъ въ полной мѣрѣ въ тѣхъ прекрасныхъ иллюстраціяхъ, которыми Е. В. Балобанова снабдила второе изданіе своей книги. Въ нихъ не видно того оттѣнка «новой жизни», которая должна кипѣть свѣжая и молодая на старыхъ развалинахъ, по словамъ разсказчицы. Картинъ семь: на первой испуганныя мать и дочь прислушиваются къ шуму таинственныхъ веселъ—мрачную комнату освѣщаютъ свѣчи на столѣ, а въ окно льется лунный свѣтъ, отъ холоднаго блеска котораго часто такъ жутко въ ночной тишинѣ. Вторая картина какъ будто веселѣе: въ очаровательномъ уголкѣ, подъ тѣнью густого дерева сидятъ милая съ милымъ; крѣпко держитъ она его руку въ обѣихъ своихъ и смотрятъ они другъ на друга. Но тамъ вдали изъ-за крыши дома виднѣется море: черное, бурное, и чувствуется, что грозитъ бѣда Катинѣ и Кадо—царица бурь протянетъ къ нимъ властную руку и увлечетъ Кадо въ пучину морскую и конецъ тогда тихому счастію жизни. Третья картина совсѣмъ страшная: Графиня-убійца сына и невѣстки стоитъ въ высокомъ залѣ, гдѣ со

стѣнъ на нее смотрятъ угрюмыя лица предковъ, передъ ней зажженныя свѣчи надъ покойниками. Слѣдующая картина опять при первомъ взглядѣ какъ будто и веселая: по саду гуляютъ женихъ и невѣста—но вы вглядываетесь—она невеселая, и когда вы перенесете глазъ на высокія крѣпкія стѣны замка, которыя высятся за молодыми людьми, вы все поймете: тамъ живетъ «Кровавый баронъ» и вѣщее сердце Клотильды подсказываетъ ей, что не переступитъ она никогда порога того счастія, на которомъ стоитъ. Дальше идетъ картина съ привидѣніями: привидѣнія несутъ молодого пѣвца, умершаго отъ холода и голода на парижскомъ чердакѣ далеко отъ родного замка. Шестая картина опять представляетъ лунную ночь: старый замокъ у моря облитъ бѣлымъ свѣтомъ, облитъ имъ и песокъ, заносящій замокъ, и огромные валуны, которые точно брошены сюда исполинскою рукою. По песку идетъ старый гугенотъ, и черный его плащъ рветъ вѣтеръ; за нимъ боязливо выступаетъ старый контрабандистъ Жозонъ. Тѣмъ же замогильнымъ холодомъ вѣетъ и отъ послѣдней картины: черезъ триста лѣтъ, прошедшихъ какъ мгновеніе на небѣ, у милаго, тамъ, гдѣ «время не имѣетъ значенія», вернулась въ свой замокъ Гіацинта—стѣны полуразрушены, плющъ, макъ, чертополохъ, сорныя травы заполонили все; на развалинахъ прошлаго стоитъ въ старинномъ одѣяніи Гіацинта, схватившись за голову, точно не можетъ она понять, что съ нею сталось.

Рисунки въ текстѣ тоже какѣ будто нѣсколько спорятъ съ жизнерадостнымъ взглядомъ разсказчицы: это—равнодушная улитка, гербы, поросшіе плющемъ, распятіе, и больше всего маки, маки забвенія; и точно они возражаютъ и говорятъ: «что ваша память и ваше воспоминаніе, когда есть на свѣтѣ забвеніе?»

ПУБЛИЦИСТИКА.

Н. Сергѣенко. «Какъ живетъ и работаетъ гр. Л. Н. Толстой» —*А. Метенъ.* «Соціализмъ въ Англіи».

Какъ живетъ и работаетъ гр. Л. Н. Толстой. П. Сергѣенко. Москва. 1898 г. Ц. 2 р. 50 к. Великій писатель земли русской составляетъ давно уже центръ всеобщаго вниманія и интереса, не только не слабѣющихъ, но все растущихъ съ каждымъ днемъ. Желаніе знать ближе обстановку, при которой живетъ геніальный человѣкъ, вполнѣ законно и естественно, посмотрѣть на него, какъ на человѣка, познакомиться съ нимъ не только какъ съ писателемъ и общественнымъ дѣятелемъ—такъ понятно. Книга г. Сергѣенко даетъ многое въ этомъ отношеніи, и мы прочитали ее съ величайшимъ интересомъ. Въ ней изложены не случайныя бѣглыя замѣтки захожаго человѣка, не отчетъ юркаго интервьюера, наболтавшаго и навравшаго возможно бойчѣе, чтобы занять больше мѣста въ пославшемъ его «органѣ» и ошеломить нехитраго читателя разговоромъ съ «самимъ Толстымъ». Работа г. Сергѣенки совсѣмъ иного рода. Будучи знакомъ съ графомъ и его семействомъ давно, авторъ собралъ не только личныя впечатлѣнія и замѣтки, но дополнилъ ихъ многимъ матеріаломъ, тщательно подобраннымъ и провѣреннымъ, оживилъ книгу массой потретовъ Л. Н., его семейныхъ, родственниковъ, картинами его обстановки, обрисовалъ въ живомъ и талантливомъ разсказѣ его жизнь и работу. Получилась въ высшей степени занимательная картина, въ центрѣ которой стоитъ графъ. Мы видимъ его то за работой въ его кабинетѣ, то въ оживленномъ разговорѣ съ многочисленными посѣтителями, то въ семейномъ кругу слушающаго музыку своихъ дочерей и добродушно шпыняющаго мальчиковъ, которые своимъ шумомъ мѣшаютъ слушать. То онъ встаетъ передъ нами какъ живой, въ минуту горячаго спора или въ интимной бесѣдѣ, трогательный въ своей простотѣ или до-

глубины души волнующiй сильными, мѣткими словами, рѣзкими и яркими, какъ удары грома. Или мы видимъ его на прогулкѣ, съ юношеской ловкостью перескакивающаго черезъ рвы и канавы, бодрымъ шагомъ отмахивающаго сотни верстъ отъ Москвы до своей усадьбы, въ сопровожденiи случайныхъ спутниковъ мастеровыхъ, которые, не подозрѣвая даже, кто ихъ товарищъ, говорятъ о немъ потомъ: «божественный старикъ»... Многочисленныя черты личной и семейной жизни, разсѣянныя въ книгѣ, слагаются въ концѣ концовъ въ вполнѣ опредѣленный и ясный образъ, привлекательный и величавый,—образъ человѣка, стоящаго на одномъ уровнѣ съ тѣмъ представленiемъ, какое слагается у васъ о писателѣ на основанiи его произведенiй.

Таково общее впечатлѣнiе о книгѣ г. Сергѣенко.

Но главный все-таки интересъ сосредоточивается на мысляхъ графа по разнообразнѣйшимъ вопросамъ. Искусство, наука, политика, мораль, характеристики писателей и ученыхъ—все это въ формѣ бѣглаго разговора, отдающей горячимъ тономъ живой рѣчи—интереснѣе и поучительнѣе цѣлыхъ трактатовъ, написанныхъ о работахъ и произведенiяхъ графа. Мы какъ бы сами присутствуемъ при этихъ горячихъ спорахъ, когда графъ съ юношескимъ увлеченiемъ нападаетъ на противника, а льющiйся свободно разговоръ выдвигаетъ все новыя и новыя темы, въ обсужденiи которыхъ Л. Н. всегда оригиналенъ и интересенъ. Заходитъ рѣчь, напр., о русской литературѣ, въ частности о Герценѣ.

«При имени Герцена Л. Н. оживился и разсказалъ, какъ видѣлся съ нимъ въ Лондонѣ... Литературный даръ его онъ цѣнитъ очень высоко.

«— Если бы выразить въ процентныхъ отношенiяхъ,—сказалъ онъ,—влiянiе нашихъ писателей на общество, то получилось бы, приблизительно, слѣдующее: Пушкинъ 30%, Гоголь 15%, Тургеневъ 10...

«Л. Н. перечислилъ всѣхъ выдающихся русскихъ писателей, кромѣ себя, и, отчисливъ на долю Герцена 18%, съ убѣжденностью сказалъ:—Онъ блестящъ и глубокъ, что встрѣчается очень рѣдко».

Подходитъ къ разговаривающимъ художникъ, завязывается разговоръ объ искусствѣ, и Л. Н. начинаетъ горячо и пылко нападать на современныхъ художниковъ. Кто-то упомянулъ о большой картинѣ одного московскаго художника (время, къ которому относится разговоръ,—начало 90-хъ годовъ).

«— Ну, вотъ, хотя бы эта картина!—сказалъ, возбуждаясь, Л. Н.—Кому нужна эта грубая мазня, отъ которой такъ и вѣетъ кнутомъ? Не выношу я подобныхъ «рассейскихъ» произведенiй! И зачѣмъ эти глупыя рожи? Кто же этого не знаетъ, что глупыя рожи бываютъ на свѣтѣ? А вѣдь искусство всегда должно говорить что-нибудь новое, потому что оно есть выраженiе внутренняго состоянiя художника и только тогда осуществляетъ свое назначенiе, когда художникъ даетъ намъ нѣчто такое, чего никто еще раньше не давалъ и чего никакимъ инымъ способомъ нельзя лучше выразить. Вотъ *Христосъ передъ Пилатомъ* Ге—это настоящее искусство, хотя картина и плохо написана. Но никто до Ге *такъ* не говорилъ этого и никакимъ другимъ способомъ нельзя сказать это такъ, какъ сказалъ Ге своимъ замученнымъ Христомъ и сытымъ, упитаннымъ Пилатомъ. И всегда и вездѣ Христы и Пилаты были и будутъ именно такiе. И посмотрите, какъ работаетъ Ге надъ своими сюжетами! Онъ десятки лѣтъ изучаетъ жизнь Христа, да не съ внѣшней палестинской стороны, какъ другiе, а съ внутренней. Придешь бывало, ночью къ нему, а онъ сидитъ съ своими взвихренными висками на диванѣ и читаетъ Евангелiе. Да иначе и нельзя. Вѣдь искусство—огромное, могущественное средство»...

Самъ Толстой очень требователенъ къ себѣ. По его словамъ, у него масса темъ, не дающихъ ему покоя.

«Боже мой!—восклицаетъ онъ:—какъ мнѣ писать хочется! Голова моя кишитъ образами!»

Но чтобы засѣсть вплотную за работу, нужно, чтобы тема *захватила* его цѣликомъ. Тогда онъ работаетъ лихорадочно, не отрываясь, но потомъ много разъ переработываетъ, исправляетъ написанное, стараясь добиться возможной ясности, кристальности работы. А темъ у него, дѣйствительно, масса. Видно, какъ кипитъ и волнуется этотъ умъ и душа художника.

«...Еще интересуетъ меня одна тема: это тѣсное соединеніе разнообразныхъ духовныхъ качествъ въ одномъ и томъ же человѣкѣ. Тотъ самый человѣкъ, который, въ сущности, очень уменъ, проницателенъ и благороденъ, въ то же время и очень ограниченъ, и мелокъ, и ничтоженъ. Еще есть интересная тема, касающаяся характеровъ ума. Какъ бываютъ характеры страстей, такъ есть и характеры умовъ. Иной, очень крупный умъ, но видитъ только извѣстнымъ образомъ. И вещи, легко доступныя для болѣе мелкаго ума, для него недостижимы. Отсюда вытекаютъ различныя острыя столкновенія въ общественной жизни»...

«... Никакою мелочью нельзя пренебрегать въ искусствѣ, потому что иногда какая-нибудь полуоторванная пуговица можетъ освѣтить извѣстную сторону жизни даннаго лица. И пуговицу непремѣнно надо изобразить. Но надо, чтобы и всѣ усилія, и полуоторванная пуговица были направлены исключительно на внутреннюю сущность дѣла, а не отвлекали вниманія отъ главнаго и важнаго къ частностямъ и пустякамъ, какъ это дѣлается сплошь и рядомъ. Какой-нибудь изъ современныхъ писателей, описывая исторію Іосифа съ женой Пентефрія, навѣрно ужъ не пропустилъ бы случая блеснуть знаніемъ жизни и написалъ бы: «Подойди ко мнѣ, — томно произнесла жена Пентефрія, протягивая Іосифу свою нѣжную отъ ароматическихъ притираній руку съ такимъ-то запястіемъ и т. д.» И всѣ эти подробности не только не освѣтили бы ярче сущности дѣла, но непремѣнно затушевали бы».

Узнавъ отъ одного собесѣдника, что молокане, которыми графъ сильно интересуется, чуждаются свѣтскихъ книгъ, Л. Н. въ раздумьи проговорилъ:

«— Да слѣдуетъ ли ихъ осуждать за это? Какъ подумаешь иной разъ, сколько лжи нагромождено въ нашихъ книгахъ, то затрудняешься сказать, гдѣ ея больше—въ жизни или въ книгахъ. И возмешься иногда за перо, напишешь въ родѣ того, что «рано утромъ Иванъ Никитычъ всталъ съ постели и позвалъ къ себѣ сына...» — и вдругъ совѣстно сдѣлается и бросишь перо. Зачѣмъ врать, старикъ? Вѣдь этого *не было*, и никакого Ивана Никитыча ты не знаешь. Зачѣмъ же на старости лѣтъ ты прибѣгаешь къ неправдѣ? Пиши о томъ, что было, что ты дѣйствительно видѣлъ и пережилъ. Не надо лжи. Ея и такъ много».

Размѣры нашей замѣтки не позволяютъ привести еще другихъ оригинальныхъ и мѣткихъ мыслей графа о литературѣ, поэзіи, различныхъ писателяхъ, о взаимныхъ отношеніяхъ людей. Въ особенности, въ концѣ книги интересно мнѣніе графа о бракѣ, отчасти уже извѣстное по «Крейцеровой сонатѣ», но здѣсь высказанное съ особой теплотой, душевностью и человѣчностью безъ всякихъ пессимистическихъ выходокъ Позднышева.

Альберъ Метенъ. Соціализмъ въ Англіи. Пер. съ французскаго. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. 1898. Ц. 1 р. 50 к. Подъ такимъ заглавіемъ вышелъ переводъ труда молодого французскаго ученаго, уже обратившаго на себя вниманіе своими лекціями въ Парижскомъ, такъ называемомъ, Collège libre des sciences sociales.

Не примыкая по своимъ воззрѣніямъ къ правящимъ классамъ и скорѣе относясь отрицательно къ современной оффиціальной Франціи, авторъ извѣстенъ своимъ безпристрастіемъ ко всѣмъ борющимся за власть партіямъ, и потому на его историческихъ работахъ лежитъ отпечатокъ скептическаго объективизма, отразившагося и въ настоящемъ трудѣ. Эта книга, богатая фактами и живымъ

матеріаломъ, написана такимъ безстрастно-объективнымъ тономъ, что читая ее, въ особенности въ русскомъ переводѣ, совсѣмъ забываешь, что авторъ парижанинъ,—до того она напоминаетъ добросовѣстныя описанія какого-нибудь англичанина, изучающаго «чуждыя страны, нравы и обычаи».

Желая прослѣдить возникновеніе и развитіе соціальныхъ ученій, начиная съ Годвина, этого англійскаго Руссо, старавшагося разрѣшить соціальный вопросъ на почвѣ естественнаго права, до современныхъ представителей рабочаго движенія — Тома Манна, Керъ Гарди, Гиндмана и друг. — авторъ предлагаетъ много цѣнныхъ указаній и даетъ собраніе фактовъ и извѣстій, разбросанныхъ по многочисленнымъ журнальнымъ статьямъ, газетнымъ листкамъ и брошюрамъ, Изъ этого обзора современныхъ соціалистическихъ ученій, читатель знакомится съ новымъ общественнымъ движеніемъ, которое такъ рѣзко отдѣляетъ Англію отъ континента, какъ по практической постановкѣ вопросовъ, выдвинутыхъ развитіемъ труда и капитала, такъ и по разнообразію тѣхъ формъ и тенденцій, въ которыхъ это общественное движеніе выражается.

Весьма понятно, что въ настоящее время во Франціи, запутавшейся въ противорѣчивыхъ теченіяхъ общественныхъ настроеній, гдѣ жизнь—дѣйствующія силы и власти — остались такъ далеко позади элементарнѣйшихъ требованій вѣка, замѣчается пробужденіе интереса къ англійскому, островному, укладу жизни, гдѣ при широчайшей терпимости рука объ руку съ всестороннимъ развитіемъ теорій неустанно течетъ и развивается практическая дѣятельность, нерѣдко расчищающая мѣсто новымъ поправкамъ и началамъ въ теоретическихъ построеніяхъ.

Но, увлекшись обзоромъ широкаго развитія соціальныхъ движеній въ Англіи, авторъ не старается объединить эти разнообразныя современныя теченія общей идеей и въ изложеніи разнохарактерныхъ соціалистическихъ ученій не руководится никакой научной доктриной, вслѣдствіе чего весь трудъ страдаетъ отсутствіемъ систематичности и стройности изложенія.

Такой обзоръ различныхъ общественныхъ теченій, куда на ряду съ теоріями Рескина и Генри Джорджа вошли ученія фабіанцевъ и анархистовъ, врядъ ли соотвѣтствуетъ тому названію, которое далъ своей книгѣ авторъ, а то широкое опредѣленіе, которое авторъ даетъ англійскому соціализму, едва ли поможетъ читателю найти перспективу въ этомъ разнообразномъ собраніи фактовъ и дѣятелей.

Тѣмъ не менѣе, и для русской публики не безъинтересно будетъ познакомиться съ книгой, излагающей современное развитіе рабочихъ движеній въ Англіи, гдѣ, по словамъ автора, «квалифицированный рабочій изъ всѣхъ въ Европѣ получаетъ самую повышенную плату и его рабочій день самый короткій».

«Въ Англіи — заканчиваетъ свое изслѣдованіе авторъ, — соціализмъ въ періодѣ образованія; интересъ, который представляетъ его изученіе, состоитъ въ томъ, чтобы показать измѣненіе въ соціальномъ сознаніи народа, достаточно одареннаго умомъ и потому постоянно развивающагося, но слишкомъ мало склоннаго къ внезапнымъ перемѣнамъ, чтобы сразу измѣниться, привыкшаго при помощи ассоціацій и политической свободы добиваться необходимыхъ реформъ. Сомнительно, чтобы Англія сдѣлалась революціоннымъ соціалистическимъ центромъ. Возможно, что программа минимума предварительныхъ реформъ, требуемыхъ различными соціалистическими партіями, будетъ выполнена въ ней болѣе полно и раньше, чѣмъ во всѣхъ другихъ странахъ».

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

А. Н. Пыпинъ. «Исторія русской литературы».

А. Н. Пыпинъ. Исторія русской литературы. Томъ III. X + 535 стр. Спб. 1899. Въ третьемъ томѣ своей «Исторіи русской литературы» А. Н. Пыпинъ изучаетъ значеніе эпохи преобразованій Петра Великаго и тотъ, завершенный дѣятельностью Ломоносова, переходный періодъ въ исторіи русской культуры, который характеризуется «исканіемъ новыхъ литературныхъ формъ» и «установленіемъ новой литературы». Говоря объ эпохѣ преобразованій, авторъ, согласно съ результатами изслѣдованій послѣдняго времени, указываетъ на связь новыхъ явленій съ ихъ подготовкой въ до-петровскій періодъ. также на живучесть старины въ русскомъ обществѣ XVIII в. И, тѣмъ не менѣе, переходъ отъ старой Руси къ новой Россіи получаетъ въ трудѣ А. Н. Пыпина болѣе рѣзкій характеръ, чѣмъ, напримѣръ, у Тихонравова. Сопоставленіе общихъ воззрѣній Пыпина на главные вопросы исторіи русской литературы съ воззрѣніями Тихонравова—напрашивается само собой. А. Н. Пыпинъ недавно напечаталъ прекрасную статью о научной дѣятельности Н. С. Тихонравова, въ которой съ большимъ сочувствіемъ изложилъ взгляды и требованія покойнаго профессора—одного изъ крупнѣйшихъ представителей русской науки. А, между тѣмъ, нельзя не признать, что въ трудѣ А. Н. Пыпина едва ли выполнены требованія, которыя Тихонравовъ предъявлялъ всякой научной исторіи русской литературы еще въ 1876 г., по поводу книги Галахова. А. Н. Пыпинъ не даетъ своимъ читателямъ такого цѣльнаго представленія о внутренней жизни русскаго народа въ до-петровскій періодъ, который выяснилъ бы органическій ростъ лучшихъ силъ русской народности, приведшій къ новой постановкѣ основныхъ вопросовъ русской культуры въ XVIII в. Слишкомъ мало выяснена та глухая борьба новыхъ живыхъ стремленій, которыя еще въ XVI вѣкѣ подкапывали устарѣвшіе устои «московской» культуры, подорвали ихъ въ корень въ эпоху смуты и въ теченіе XVII вѣка,—полнаго глубокимъ броженіемъ, поисковъ новыхъ путей и попытокъ выйти на новую дорогу.

Новый томъ дѣлаетъ вполнѣ яснымъ общій взглядъ автора на взаимное отношеніе двухъ періодовъ въ исторіи русской культуры. «Обычныя обвиненія противъ XVIII в., что онъ отрекся отъ народнаго преданія, вступивъ на путь подражанія, оказываются несправедливыми». И даже напротивъ: именно московскій періодъ со своимъ осужденіемъ народной пѣсни и народнаго преданія, какъ «бѣсовскихъ», со своимъ стремленіемъ подчинить весь народный бытъ византійско-церковному режиму, оказывается антинароднымъ. А въ XVIII вѣкѣ начинается «исканіе народной почвы, сначала полусознательное, потомъ все болѣе опредѣленное». Движеніе это объясняется совпаденіемъ—«счастливымъ, но логичнымъ»—инстинктивныхъ сочувствій къ народу и народности со внушеніями новаго, болѣе глубокаго и содержательнаго европейскаго образованія. Эта защита XVIII вѣка и указаніе на его заслуги въ отношеніи къ народности—весьма цѣнная сторона труда А. Н. Пыпина. Также цѣнно и справедливо указаніе на ошибочность мнѣнія, будто московскія тенденціи, тѣ, какія сказались въ «Стоглавѣ», «Домостроѣ» и т. п., заслуживаютъ признанія ихъ подлинно народными. Понятіе «народности» у А. Н. Пыпина не мертвое понятіе замкнутаго въ себѣ и неподвижнаго въ своихъ существенныхъ отличіяхъ «культурно-историческаго типа». Народъ, понимаемый, какъ живая духовная индивидуальность, тѣмъ полнѣе и глубже развернетъ свои національныя особенности, чѣмъ выше и свободнѣе развивается его культура.

Съ этой точки зрѣнія, тѣ писатели (и, вообще, добавимъ, дѣятели общаго дѣла) могутъ стать народными или національными, у которыхъ «сильнѣе лич-

ная воспріимчивость» и «строже нравственныя требованія». XVIII вѣкъ, впервые давшій нѣкоторый просторъ сознательной работѣ личной мысли и личнаго творчества, и установившій въ общемъ научномъ и художественномъ образованіи основу для достиженія, путемъ постоянныхъ усилій, возможной высоты умственнаго и нравственнаго достоинства,—тѣмъ самымъ подготовлялъ разцвѣтъ истинно національной литературы высокаго достоинства.

Понятно, что рука объ руку съ этимъ движеніемъ усиливается интересъ къ народному быту и къ судьбамъ народной массы, подсказанный болѣе широкими общественными воззрѣніями, а также и интересъ къ народной поэзіи, подсказанный болѣе здоровымъ эстетическимъ вкусомъ. Если и вѣрно, что XVIII в. недалеко ушелъ въ этомъ направленіи, то это потому, что «вѣкъ псевдо-классицизма» шелъ за старыми книжниками въ пренебреженіи къ народной пѣснѣ; вѣдь «исторія нашего псевдо-классицизма начинается не съ Кантемира и Ломоносова, а съ Симеона Полоцкаго и другихъ книжниковъ XVII вѣка». Да, хотя этого авторъ не указываетъ, и самый сословный строй XVIII вѣка,—это выродившееся и подкрашенное на западный ладъ наслѣдіе стараго, вѣками сложившагося крѣпостного режима,—не могъ не тормозить правильнаго развитія новыхъ культурныхъ направленій.

Такое пониманіе взаимнаго отношенія московскаго періода и XVIII вѣка въ судьбахъ русской «народности», повліяло, между прочимъ, на планъ изложенія А. Н. Пыпина, оригинальный въ томъ отношеніи, что онъ помѣщаетъ обзоръ судебъ народной поэзіи въ началѣ своего III тома, «на границѣ двухъ главныхъ періодовъ нашей литературы,—границѣ, отмѣченной концомъ XVII и началомъ XVIII вѣка». По мнѣнію автора, здѣсь, для народной поэзіи,—характеристическій пунктъ исторіи завершеніе ея развитія и начало ея литературнаго вліянія. «Около этой эпохи надо принимать послѣднюю живую пору эпической пѣсни: историческія пѣсни XVIII вѣка носятъ уже иной характеръ; съ этой поры сталъ, вѣроятно, усиливаться и упадокъ народной лирики». На причинахъ этого явленія авторъ не останавливается: ихъ пришлось бы искать въ общихъ соціальныхъ условіяхъ народнаго быта, въ развитіи крѣпостничества и т. п., а также въ развитіи раскола, поглотившаго, повидимому, наиболѣе творческія силы народной массы. Съ другой стороны, съ конца XVII вѣка начинаются и первыя записи народной поэзіи, заботы объ ея сохраненіи, первыя проявленія интереса къ ней и нѣкоторой эстетической ихъ оцѣнки, подготовлявшія усвоеніе ея типическихъ чертъ поэзіей искусственной.

А. Н. Пыпину удалось органически и цѣлесообразно ввести обзоръ народной поэзіи въ курсъ исторіи литературы, тогда какъ обыкновенно этотъ обзоръ предпосылается курсу и остается внѣ связи съ общимъ его построеніемъ. Но свою постановку дѣла авторъ самъ называетъ «внѣшней». Остается пожалѣть, что онъ не нашелъ возможнымъ пойти другимъ путемъ, на который указываетъ, не изложилъ судебъ народной поэзіи въ связи съ судьбами той книжной литературы, которая находилась во взаимодѣйствіи съ народнымъ творчествомъ. Задача величайшей трудности, но такому знатоку старой письменности, какъ А. Н. Пыпинъ, она могла бы быть по плечу.

Три главы, посвященныя народной поэзіи, представляютъ законченное цѣлое, такъ какъ авторъ, послѣ характеристики народно-поэтическаго творчества и его судебъ, доводитъ обзоръ изученій и литературныхъ воздѣйствій до новѣйшихъ временъ. Научныя и художественныя изученія народной поэзіи и старины—объединялись мыслью о необходимости сознательно отнестись къ народной жизни, усилить «развитіе элементовъ народности въ литературѣ и въ жизни общественной». Шла работа надъ вопросомъ «о широкихъ путяхъ для развитія народныхъ силъ и просвѣщенія», который былъ рѣшительно поставленъ Петровской эпохой—и до сихъ поръ не получилъ сколько-нибудь полнаго рѣ-

шенія. Судьбы этого вопроса, постепенное углубленіе и расширеніе его постановки, разныя его рѣшенія въ теоріи и на практикѣ—составляютъ основную тему исторіи русской жизни за послѣдніе два вѣка. И намѣчая его въ началѣ второй половины своего труда, А. Н. Пыпинъ какъ бы указываетъ основную задачу своего дальнѣйшаго изложенія...

Съ Петровской эпохой «кончаются наши средніе вѣка» — таковъ тезисъ, развиваемый въ главѣ: «Время Петра Великаго». Авторъ вѣрно и настойчиво указываетъ на то, что при Петрѣ только завершилось вѣковое «стремленіе выбиться изъ заколдованнаго круга стараго содержанія національной жизни». И тутъ опять чувствуется недостатокъ полнаго опредѣленія культурнаго содержанія русскаго средневѣковья и разлагавшихъ его теченій. Былъ ли «заколдованный кругъ» московскаго просвѣщенія подлиннымъ «содержаніемъ національной жизни»? Самъ же авторъ справедливо даетъ отвѣтъ отрицательный, и жаль, что эта точка зрѣнія въ его трудѣ не выдержана. Обратныя указанія на то, что и въ московскую пору «въ народѣ жили и сказывались энергія и дарованія, способныя къ широкому развитію» и т. п. — не подготовятъ читателя въ пониманію новыхъ явленій XVIII в., такъ какъ постепенность перхода къ новой свѣтской, индивидуалистической культурѣ недостаточно выяснена предъидущимъ изложеніемъ. Это отразилось и на самой работѣ автора. Характеристика, какую А. Н. Пыпинъ даетъ Петровской эпохѣ, оставляетъ читателя неудовлетвореннымъ. Много тутъ вѣрнаго, мѣткаго, цѣннаго. Но ни одно явленіе не изучено съ желательной полнотой. Особенно чувствуется это въ характеристикахъ Стефана Яворскаго, Ѳеофана Прокоповича, Посошкова, въ общемъ вѣрныхъ, но не полныхъ и лишенныхъ генетическаго выясненія типовъ, выросшихъ независимо отъ реформы. Большую цѣнность представляетъ глава о «путешествіяхъ за границу», дающая понятіе о глубокихъ, хоть и наивныхъ впечатлѣніяхъ русскаго человѣка, вырвавшагося впервые на широкую сцену европейской жизни; въ связи съ ней стоитъ обзоръ «книжной дѣятельности при Петрѣ В.», впрочемъ, разбивающійся на множество частностей, не поставленныхъ въ должную перспективу. Для вопроса объ отношеніи народа къ Петру Великому, А. Н. Пыпинъ на ряду съ проявленіями суевѣрнаго ужаса къ «антихристу» и раскольничьей сатирой—привлекаетъ народныя пѣсни объ «удаломъ добромъ молодцѣ, православномъ царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ», въ которомъ народъ узналъ національнаго героя, прощая ему даже «стрѣлецкія головушки» и ту «келейку», гдѣ томилась Евдокія Лопухина. Всѣ эти этюды читаются съ большимъ интересомъ, но требованія полноты изображенія эпохи къ труду А. Н. Пыпина даже не приходится прилагать — по общему его характеру. «Первое время послѣ Петра» — время нѣкотораго затишья. А. Н. Пыпинъ намѣчаетъ «картину броженія, гдѣ стихійно смѣшиваются элементы стараго и новаго, преданіе и порывъ къ новой наукѣ». Вниманіе автора особенно останавливается на Ѳеофанѣ, Кантемирѣ и Татищевѣ, какъ представителяхъ этого времени. Можно было бы больше сказать объ этихъ представителяхъ, объ ихъ внутреннемъ складѣ. Особенно Татищевъ заслуживалъ бы болѣе глубокаго анализа. Его политическія воззрѣнія изложены едва-ли вѣрно: авторъ упустилъ изъ виду проектъ Татищева «о правленіи государственномъ», напечатанный въ литературномъ сборникѣ «Утро» (1859 г.) и разсмотрѣнный П. Н. Милюковымъ въ статьѣ: «Попытка государственной реформы при воцареніи императрицы Анны Іоанновны» (въ сборникѣ: «Въ пользу воскресныхъ школъ». М. 1894); сопоставленный съ общими разсужденіями Татищева о значеніи шляхетства, этотъ проектъ русской конституціи едва ли позволяетъ изображать его защитникомъ «историческихъ основъ русскаго самодержавія». Сословная тенденція была у Татищева сильнѣе опредѣленныхъ политическихъ убѣжденій. Вообще, въ характеристикахъ дѣятелей XVIII в. чувствуется недостатокъ не-

обходимаго для нихъ фона—культурной физіономіи создавшаго ихъ общественнаго слоя. Богатый матеріалъ, доставляемый мемуарами XVIII в. для изображенія той «картины броженія», на которую намекаетъ авторъ, остался внѣ круга его интересовъ. А развѣ этому матеріалу нѣтъ мѣста въ исторіи литературы, которая хочетъ быть исторіей духовной культуры?

Заключительныя главы посвящены вопросу о томъ, какъ трудомъ многихъ поколѣній было пріобрѣтено и стало національнымъ достояніемъ пониманіе поэзіи и искусства вообще, а также науки, какъ средства обогатить содержаніе національной жизни. Разработка литературнаго языка и новыхъ литературныхъ формъ, постепенно подготовлявшаяся съ XVII в. — становится вполнѣ сознательной въ дѣятельности Тредьяковскаго. Страницы, посвященныя Тредьяковскому—однѣ изъ лучшихъ въ книгѣ. Зато Сумароковъ вышелъ блѣднѣе, чѣмъ было бы желательно для такой типичной фигуры. Послѣ Тредьяковскаго и Сумарокова — новые запросы выражены уже ясно и «броженіе» переходитъ въ систематическую, сознательную работу надъ развитіемъ языка и литературы слѣдующихъ поколѣній.

Синтезъ этихъ запросовъ—въ Ломоносовѣ. Глава о немъ—лучшая во всей книгѣ. Правда, нѣтъ тутъ детальнаго изложенія его дѣятельности, нѣтъ и обзора его внутренняго склада. Но оцѣнка его значенія—очень содержательна. Оно въ томъ, что Ломоносовъ впервые сознательно поставилъ «свободное философствованіе» въ основу выработки новаго міровоззрѣнія, и этимъ раскрылъ «внутренній смыслъ» великихъ преобразованій Петра. Свободная научная работа мысли и свободное выраженіе личности въ литературномъ творчествѣ—таковы задачи дальнѣйшей культурной работы. Ихъ формулировка, особенно второй изъ нихъ, не была ни полна, ни глубока; но—какъ бы то ни было—потребность въ новыхъ путяхъ для развитія болѣе широкой и именно индивидуалистической культуры была мощно выражена и пути эти—намѣчены.

Содержательность общаго построенія, цѣнность отдѣльныхъ мыслей и указаній, между прочемъ, и критико-библіографическаго характера — позволяютъ назвать книгу А. Н. Пыпина трудомъ, намѣчающимъ, какъ достоинствами, такъ и недостатками своими, путь для дальнѣйшихъ изслѣдованій въ исторіи русской духовной культуры.

Въ концѣ книги приложены «дополненія» къ первымъ двумъ томамъ, преимущественно библіографическаго и полемическаго характера. Между прочимъ, А. Н. Пыпинъ, по поводу помѣщеннаго въ нашемъ журналѣ (1898 г., іюнь) отзыва о 2-мъ томѣ его книги, предлагаетъ вопросъ: отразились ли тѣ перемѣны въ соціально-политическихъ отношеніяхъ, какія пережиты были русскимъ обществомъ на рубежѣ XVI и XVII в., въ народномъ міровоззрѣніи и въ литературныхъ памятникахъ? Наша замѣтка имѣла цѣлью указать на такое отраженіе ихъ въ сказаніяхъ и повѣстяхъ о смутномъ времени, гдѣ сказалось глубокое броженіе и политическихъ и религіозныхъ идей, подорвавшее и безъ того порасшатавшуюся московскую старину. А. Н. Пыпинъ этого кризиса не замѣтилъ. Не потому ли кажутся ему слова: «Бесѣды валаамскихъ чудотворцевъ» о «всегоднемъ посту и каяніи міра всего», какъ одной изъ заботъ земскаго собора,—«очень странной программой всеобщей отдачи народа подъ церковно-полицейскій надзоръ»,—будто бы не вяжущейся съ самой идеей земскаго собора? Авторъ забываетъ, что и соборъ 1612 г., который трудно заподозрить въ «церковно-полицейскихъ» настроеніяхъ, началъ свое дѣло съ трехдневнаго всенароднаго поста. Иначе пришлось бы понять эту черту, если бы автору удалось лучше понять то покаянно-мистическое движеніе, которое началось издавна, а высшей интенсивности достигло въ эпоху смуты. Въ немъ выразилось броженіе неудовлетвореннаго и встревоженнаго чувства, возбужденнаго сперва предчувствіемъ, а потомъ испытаніями «великой разрухи москов-

скаго государства». Но эти явленія, принадлежащія къ тѣмъ сложнымъ движеніямъ, въ коихъ (какъ, напр., въ романтизмѣ новаго времени) реакціонныя и освободительныя тенденціи переплетались крайне сложно—не нашли серьезной оцѣнки у автора.

ИСТОРІЯ КУЛЬТУРЫ.

Э. Гроссе. «Формы семьи и формы хозяйства».

Эрнстъ Гроссе. Формы семьи и формы хозяйства. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе магазина «Книжное дѣло». Москва. 1898. Цѣна 1 р. Книга Эрнста Гроссе носитъ весьма интересное и заманчивое заглавіе. На связь организаціи семьи съ формами хозяйства указывалось очень часто, и подвергнуть этотъ вопросъ спеціальному обслѣдованію — задача очень важная, но и очень трудная. Въ предисловіи авторъ сообщаетъ, что, приступая къ работѣ, онъ собирался написать «исторію развитія человѣческой семьи», но пришелъ къ заключенію, что эта задача въ настоящее время невыполнима, и потому ограничился изслѣдованіемъ связи формъ семьи съ соотвѣтствующими формами хозяйства. «Мы покажемъ,—говоритъ авторъ въ началѣ своего изслѣдованія, — что различнымъ формамъ семьи соотвѣтствуютъ различныя формы хозяйства, что характеръ каждой отдѣльной формы семьи въ существенныхъ ея чертахъ слѣдуетъ объяснять характеромъ формы хозяйства, изъ которой она выросла». Особенностью своей работы сравнительно съ работами своихъ предшественниковъ авторъ считаетъ то, что онъ ограничивается «фактически данными формами», между тѣмъ какъ его предшественники «прежде всего задавались вопросомъ, чѣмъ могла быть семья среди такихъ отношеній. которыя лежатъ внѣ круга нашихъ наблюденій». Особенно въ этомъ отношеніи погрѣшилъ, по мнѣнію автора, знаменитый Морганъ, съ которымъ онъ считаетъ долгомъ полемизировать, присуждая «пальму первенства» въ полемикѣ противъ Моргана профессору Штарке. Однимъ словомъ, по заявленію автора, его трудъ долженъ указать новые пути, поставить вопросъ на почву фактовъ и отрезвить прежнихъ мечтателей-изслѣдователей. Авторъ желаетъ, чтобы соціологія не «почивала на лаврахъ Моргана».

Конечно, какъ общія фразы, всѣ эти заявленія не лишены нѣкоторой серьезности подобно правиламъ прописной морали, но вскользь брошенные упреки по адресу Моргана можно назвать прямо неприличными. Морганъ большую часть своей жизни посвятилъ изслѣдованіямъ семейныхъ отношеній различныхъ народовъ, не въ кабинетѣ, а въ жизни изучалъ общественную организацію американскихъ краснокожихъ, имѣлъ учениковъ, которые продолжали его дѣло и подъ его руководствомъ производили самостоятельныя наблюденія въ другихъ частяхъ свѣта, и этого человѣка упрекаютъ въ томъ, что онъ фантазеръ! Какъ можно говорить, что соціологія «почивала на лаврахъ Моргана», когда онъ имѣлъ учениковъ-наблюдателей, когда онъ своими работами такъ взбудоражилъ кабинетныхъ «изслѣдователей», что они стали получать «пальмы первенства» за полемику противъ Моргана? И этотъ упрекъ бросаетъ Моргану Э. Гроссе, который, сидя у себя въ кабинетѣ, надѣется своею работой «доставить новый матеріалъ»! (стр. 7). Конечно, Морганъ имѣлъ гораздо болѣе ясное представленіе о «новомъ матеріалѣ», нежели г. Гроссе.

И, дѣйствительно, обратившись къ самому изслѣдованію, мы не находимъ въ немъ никакого новаго матеріала, въ смыслѣ новыхъ свѣдѣній о соціальномъ строѣ какого либо народа земного шара. А иначе понимать слово «матеріалъ» и невозможно. Но, конечно, это еще не составляетъ недостатка книги г. Гроссе:

изслѣдованіе можетъ быть направлено на детальное изученіе уже собраннаго матеріала и на его освѣщеніе. Посмотримъ же теперь, какъ выполнилъ авторъ эту задачу.

Во-первыхъ, авторъ нѣсколько странно смотритъ на «подробности» разбираемыхъ имъ вопросовъ. Онъ думаетъ, что для изученія «явленія въ его основныхъ чертахъ» не слѣдуетъ «теряться въ подробностяхъ», (стр. 186). Поэтому авторъ изслѣдуетъ явленія въ самыхъ общихъ чертахъ. Но такое отношеніе къ «подробностямъ» уже съ перваго взгляда возбуждаетъ сомнѣніе въ его справедливости. Изслѣдуя явленія, человѣкъ не можетъ заранѣе рѣшить, гдѣ «основныя черты» и гдѣ «подробности»: это должно выяснить самое изслѣдованіе. Въ естественныхъ наукахъ наиболѣе важныя открытія основныхъ явленій производились или подъ микроскопомъ, или въ области весьма малыхъ величинъ: молекулъ, атомовъ и клѣтокъ. И наиболѣе серьезные соціологи настоящаго времени утверждаютъ, что новые результаты могутъ дать теперь только *детальныя* изслѣдованія общественныхъ явленій *отдѣльныхъ* народовъ; только они могутъ дать возможность правильно понять соціальныя явленія и ихъ исторію. Уже такое отношеніе автора къ своему изслѣдованію даетъ поводъ думать, что онъ въ самомъ лучшемъ случаѣ удачно уловитъ внѣшній обликъ явленій, но врядъ ли проникнетъ въ ихъ основу. Мы увидимъ далѣе, что это предположеніе вполнѣ оправдалось.

Чтобы выяснить связь формъ семьи съ формами хозяйства, нужно, конечно, уловить основныя черты тѣхъ и другихъ. Авторъ, очевидно, понималъ необходимость этого, но, вмѣсто установленія серьезнаго критерія для различенія формъ семьи и формъ хозяйства, онъ разъяснилъ уже употребляемые термины и указалъ, въ какомъ смыслѣ онъ будетъ ихъ употреблять. Онъ объясняетъ, какъ онъ понимаетъ «индивидуальную семью», «большую семью», «родъ» (материнскій и отцовскій), «союзъ родовъ», «племя» и «націю». Въ дѣленіе формъ хозяйства онъ тоже не внесъ ничего новаго: онъ удержалъ старое, давно признанное неудовлетворительнымъ, дѣленіе народовъ на «охотниковъ, пастуховъ и земледѣльцевъ» и только раздѣлилъ охотниковъ и земледѣльцевъ на «высшихъ» и «низшихъ». Мы не возставали бы противъ такого дѣленія, если бы оно вытекало изъ результатовъ изслѣдованія автора, но дѣло въ томъ, что мы не нашли въ книгѣ ничего, что бы указывало на необходимость такого дѣленія.

Перечисляя затѣмъ факторы, создающіе различныя формы семьи, авторъ указываетъ на бракъ, какъ на основу семьи; затѣмъ здѣсь играетъ роль рожденіе и воспитаніе потомства, хозяйственный интересъ главы (продажная цѣна дочери-невѣсты, рабочая сила членовъ семьи), привязанность родителей и дѣтей, религіозныя представленія и кровное родство, которое объединяетъ родъ. Разсматривая эти мотивы, мы прежде всего замѣчаемъ, что хозяйственный интересъ понимается слишкомъ узко, какъ будто авторъ имѣетъ въ виду только патріархальную семью съ неограниченной властью старшаго въ родѣ. Въ другихъ мѣстахъ своей книги авторъ понимаетъ хозяйственный интересъ нѣсколько шире, но нигдѣ не даетъ яснаго представленія о томъ, что собственно онъ понимаетъ подъ этимъ терминомъ. А вѣдь это коренной вопросъ его изслѣдованія. Слѣдовательно, и здѣсь мы встрѣчаемъ ту же неясность въ самой постановкѣ вопроса.

Послѣ этого авторъ приступаетъ къ своему изслѣдованію формъ хозяйства и формъ семьи у низшихъ охотниковъ, высшихъ охотниковъ и т. д., по установленной схемѣ. Сначала мы посмотримъ, къ какимъ выводамъ приходитъ нашъ авторъ. У низшихъ охотничьихъ народовъ существуетъ «патріархальная обособленная семья», «браки—моногинны». Патріархальный характеръ первобытной обособленной семьи объясняется «естественнымъ и хозяйственнымъ превосходствомъ мужчины» (стр. 88 и сл.). У высшихъ охотниковъ «основныя

черты» семьи «тѣ же, что и установленныя нами относительно низшихъ охотничьихъ племенъ». (стр. 123). Если такъ, то къ чему же дѣлить охотниковъ на низшихъ и высшихъ? Въ такомъ случаѣ оказывается, что установленное различіе хозяйственныхъ формъ не оказываетъ вліянія на форму семьи, и какъ бы авторъ ни старался сгладить это впечатлѣніе, замѣчая, что, «однородность семейныхъ формъ... соотвѣтствуетъ однородной формѣ хозяйства», несомнѣнно, что либо въ различеніи формъ семьи, либо въ различеніи формъ хозяйства есть значительные недостатки. Далѣе. У номадовъ — «строгая патріархальная семья». «Родъ въ жизни пастушескихъ народовъ по практическому значенію стоитъ далеко позади обособленной, а тѣмъ болѣе общей семьи». (стр. 184 и сл.). Слѣдовательно, и тутъ та же патріархальная семья, но появляется и родъ по большей части «въ качествѣ наступательно-оборонительнаго союза» (стр. 178). У низшихъ земледѣльцевъ родъ является господствующей формой семьи въ связи съ общиннымъ хозяйствомъ, а у высшихъ земледѣльцевъ родъ уже приходитъ въ упадокъ подъ вліяніемъ развитія промышленности. Такимъ образомъ послѣднія части изслѣдованія изображаютъ извѣстную исторію родовой организаціи. Свой окончательный выводъ авторъ выражаетъ слѣдующимъ положеніемъ: «на каждой ступени культуры господствуетъ форма семьи, болѣе всего соотвѣтствующая экономическимъ отношеніямъ и потребностямъ» (стр. 336). Что же новаго дала намъ книга г. Гроссе? Въ чемъ заключается это соотвѣтствіе формъ семьи съ формами хозяйства, такъ и осталось невыясненнымъ. Мы не хотимъ этимъ сказать, что въ книгѣ вовсе не встрѣчается вѣрныхъ замѣчаній относительно этой связи. Мы утверждаемъ только, что эти замѣчанія случайны и, что важнѣе всего, вовсе не новы. Притомъ авторъ часто высказываетъ ихъ такъ, что не разъясняетъ, а затемняетъ вѣрную мысль. Такъ, уже давно было указано на связь между земледѣліемъ и такъ называемымъ материнскимъ правомъ. Авторъ тоже указываетъ на нее, но, вмѣсто разъясненія этого интереснаго явленія, онъ нѣсколько разъ повторяетъ, что «патріархальные и матріархальные роды издавна существовали рядомъ» (стр. 232) и притомъ даже у самыхъ низшихъ народовъ. Такимъ образомъ, вмѣсто разъясненія этого явленія, читатель долженъ вынести убѣжденіе, что, вѣрнѣе всего, нѣтъ никакой связи между земледѣліемъ и материнскимъ правомъ. Авторъ удовлетворяется тѣмъ, что приписываетъ материнскому праву характеръ «аномаліи» или «исключенія».

Впрочемъ, мы, пожалуй, и не имѣемъ права требовать, чтобы авторъ объяснилъ намъ что бы то ни было. Онъ вообще держится особаго мнѣнія по этому вопросу. Такъ, по поводу свадебныхъ обрядовъ, имитирующихъ похищеніе невѣсты, авторъ задается вопросомъ, какъ ихъ объяснить, и отвѣчаетъ: «Слѣдовало бы сначала спросить, нужно ли ихъ вообще объяснять? Мы держимся того мнѣнія, что въ области соціологіи во многихъ случаяхъ слѣдуетъ щадить свое остроуміе» (стр. 148). И авторъ все таки не щадитъ его и даетъ объясненіе, котораго мы не станемъ разбирать. Отъ автора, держащагося такихъ взглядовъ, трудно ожидать, чтобы онъ что-нибудь объяснилъ: нужно ли еще вообще объяснять? Не удивительно поэтому, что авторъ въ концѣ книги признается: «полное пониманіе формъ семьи»... «никогда не казалось намъ такъ далеко, какъ теперь, послѣ того, какъ мы сдѣлали нѣсколько шаговъ по тому длинному пути, который къ нему ведетъ». Утѣшительно!

Но, не заключая въ себѣ ничего новаго, книга г. Гроссе не отличается и достоинствами компилятивнаго труда. Она могла бы оказаться полезною тѣмъ, кто захотѣлъ бы познакомиться съ современнымъ положеніемъ вопроса о связи формъ семьи съ хозяйственными отношеніями. Но авторъ не сдѣлалъ даже и этого. Въ отношеніи своемъ къ трудамъ другихъ изслѣдователей авторъ не отличается послѣдовательностью. Отрицательно относясь къ трудамъ Моргана, онъ хвалитъ

Куно, автора превосходнаго изслѣдованія родственныхъ организацій австралійскихъ негровъ, который является продолжателемъ дѣла, начатаго Морганомъ. Кромѣ того, авторъ какъ будто не знаетъ даже того, что Морганъ въ своемъ «Первобытномъ обществѣ» не мало говоритъ о вліяніи экономическихъ условій на форму семьи и что у него многіе вопросы выяснены очень хорошо.

Неудача автора объясняется на нашъ взглядъ тѣмъ, что онъ держался старой системы изслѣдованія: не разобралъ вопроса, подробно изучивъ общественную организацію одного или небольшой группы родственныхъ народовъ, а хотѣлъ прослѣдить явленіе у всѣхъ народовъ земного шара. Тѣмъ не менѣе мысль, положенная въ основу его работы, по нашему мнѣнію, вѣрна. И въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ очень близко подходитъ къ истинѣ. Такъ, онъ указываетъ, что родъ у земледѣльцевъ является, «какъ общинная организація жилища, имущества и хозяйства» (стр. 221). Но авторъ не видитъ того, что всѣ формы семьи въ существѣ своемъ и не могутъ быть ничѣмъ инымъ, кромѣ хозяйственныхъ формъ. Поэтому, авторъ не твердъ въ своей мысли и иногда допускаетъ такія выраженія, какъ «кровное родство создаетъ общежитіе» (стр. 196). Конечно, слѣдовало бы сказать, что общежитіе создаетъ кровное родство.

Русскій переводъ книги очень плохъ. Нѣмецкій текстъ во многихъ случаяхъ понятъ совершенно невѣрно; напр., «семья пустила свои корни въ бракѣ» вмѣсто «коренится въ бракѣ» (19), «чтобы создать (fortzuplanzen) (sic!) семью» (24) «культурный продолжатель»—Culturvorfahr (28) и т. д. Такихъ ошибокъ очень много. Не лучше и слогъ перевода. Достаточно одного примѣра. «Пользуясь въ изслѣдованіи лишь данными формами культуры... такимъ способомъ передъ нашими глазами раскрывается отъ начала до конца весь тотъ путь, который прошло человѣчество». Наконецъ, и предисловіе переводчика не блещетъ ни знаніемъ, ни глубокомысліемъ. Такъ, на стр. VIII въ примѣчаніи онъ считаетъ «Urgesellschaft» Моргана переводомъ его «Systems of consanguinity and affimity...»; а въ самомъ началѣ онъ заявляетъ: «Цѣлая плеяда такихъ знаменитыхъ ученыхъ, какъ Бахофенъ, Макъ-Ленанъ... посвятили этому вопросу (возникновеніе брака и семьи) труды многолѣтнихъ изслѣдованій, а многіе изъ нихъ создали себѣ имя». Интересно было бы знать, кто же изъ этихъ «знаменитыхъ» ученыхъ «создалъ себѣ имя» и кто сдѣлался знаменитымъ, не создавъ себѣ имени. Вообще переводчику, очевидно, хочется обладать хорошимъ слогомъ.

ФИЛОСОФІЯ И ПСИХОЛОГІЯ.

Ш. Рибо. «Философія Шопенгауэра».—*Кэрдъ.* «Гегель».—*І. Гобчанскій.* «Опытная психологія».

Т. Рибо. Философія Шопенгауэра. Перев. съ фр. М. Суперанскаго. Спб. 1898 г. Ц. 80 к. Излагая систему философіи Шопенгауэра., Рибо имѣетъ въ виду, что основныя положенія ея недостаточно извѣстны во Франціи, гдѣ о Шапенгауэрѣ судятъ, главнымъ образомъ, по странностямъ его морали. Но въ концѣ книги онъ и самъ высказываетъ заключеніе, что особенное значеніе Шопенгауэръ имѣетъ какъ моралистъ, что хотя онъ и предлагаетъ намъ систему метафизики, но истинная оригинальность его въ подробностяхъ, а не въ цѣломъ, въ томъ, что онъ соединяетъ въ своемъ характерѣ самыя противуположныя черты. И. дѣйствительно, нуженъ особый складъ ума, чтобы, принявъ за точку отправленія кантовское «міръ есть представленіе», придти къ возрожденію въ нѣмецкой философіи идей и настроеній буддизма. Истина «міръ—это мое представленіе»—истина неполная, болѣе глубокое изслѣдованіе, отвле-

ченіе различнаго и обобщеніе тождественнаго, приводитъ къ болѣе полной истинѣ: «міръ—это моя воля». Это сведеніе всего къ волѣ Шопенгауэръ считаетъ самъ «стовратными Өивами» своей философіи. Въ краткихъ словахъ Рибо такъ излагаетъ доктрину Шопенгауэра: «Міръ объясняется неизвѣстнымъ началомъ x, котораго нельзя передать никакимъ терминомъ, но наименѣе неточнымъ выраженіемъ котораго служитъ слово «воля», въ самомъ общемъ смыслѣ силы. Въ себѣ самой воля едина и тождественна; множество феноменовъ (міръ) нечто иное, какъ видимость, слѣдствіе строенія интеллекта, способности вторичной и производной; но, благодаря этой способности, безсознательная воля дѣлается сознательной и переходитъ изъ существованія въ себѣ въ существованіе для себя самой. Узнавъ же, что она, въ своей сущности, нечто иное, какъ желаніе, слѣдовательно, потребность и, значитъ страданіе, она не находитъ другого идеала жизни, какъ самоотрицаніе» (стр. 117). Освобожденіе отъ ига воли, совершающееся посредствомъ интеллекта проходитъ двѣ ступени: искусство останавливается на первой, аскетизмъ переходитъ на вторую. Такъ какъ тѣло есть не что иное, какъ сдѣлавшаяся видимою воля, то уничтожать его посредствомъ аскетизма значитъ уничтожать волю. И такъ какъ рожденіе продолжаетъ жизнь и страданіе, то прекращеніе его посредствомъ цѣломудрія является и прекращеніемъ рода.

Это послѣднее заключеніе вытекаетъ у Шопенгауэра изъ его «метафизики любви», которую самъ онъ считалъ, и не безъ основанія, «перломъ» своей философіи. Даже въ изложеніи и выдержкахъ Рибо она не можетъ не производить впечатлѣнія своей несравненной яркостью, силой выраженія и безпощадностью анализа. Передавая эту, по его выраженію, «единственную въ исторіи философіи теорію любви», Рибо находитъ за ней большую заслугу въ томъ, что, за всѣми метафизическими гипотезами, Шопенгауэръ поставилъ вопросъ на научную почву, пытаясь привести всѣ проявленія любви къ одному физіологическому факту, къ одной изъ основныхъ жизненныхъ функцій. Хотя, увлеченный своимъ принципомъ, онъ, можетъ быть, недостаточно видѣлъ то, что приходитъ сюда въ самыхъ возвышенныхъ видахъ любви.

Въ заключительной главѣ своей книги Рибо даетъ рядъ критическихъ замѣчаній объ основныхъ идеяхъ величайшаго нѣмецкаго пессимиста-философа. Онъ приходитъ къ выводу, что «подобная философія скорѣе останется какъ любопытный фактъ, чѣмъ какъ живая доктрина, которой суждено создать долговременную школу. Метафизика есть система гипотезъ, служащихъ къ нѣкоторому удовлетворенію и къ значительному возбужденію ума. Теорія Шопенгауэра лишена всѣхъ этихъ преимуществъ; въ то же время ей свойственны почти всѣ недостатки метафизики: субъективный характеръ, злоупотребленіе гипотезой, невозможность повѣрки. Ея важное и единственное достоинство—это трудъ уясненія понятія *силы* подъ именемъ воли» (стр. 123). Однако, самъ же Рибо ставитъ Шопенгауэру упрекъ въ двусмысленности понятія «воли».

Книга Рибо представляетъ удачную разработку и изложеніе философіи Шопенгауэра. Наименѣе ясно изложены имъ эстетическія теоріи философа. Во всякомъ случаѣ, ее можно рекомендовать, тѣмъ болѣе, что переводъ вполнѣ удовлетворителенъ и цѣна изданія не дорога.

Проф. Кэрдъ. Гегель. Перев. подъ ред. и съ предисловіемъ кн. С. Н. Трубецкаго, съ прилож. статьи о Гегелѣ Вл. С. Соловьева. стр. XLI+306. М. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к. Въ послѣдніе годы можно было отмѣтить въ нашей литературѣ усилившійся интересъ къ гегельянству. Разныя причины содѣйствовали этому. Съ одной стороны, «діалектическій матеріализмъ», ставшій злобой дня, какъ побочное дѣтище гегельянства, потребовалъ вниманія къ философской системѣ великаго учителя и ея позднѣйшимъ отпрыскамъ. Съ другой,—несомнѣнное оживленіе реминисценцій 40-хъ годовъ также вызываетъ по-

требность освѣжить нашу память о той идеалистической философіи, которая въ былые годы воспитала многихъ лучшихъ представителей русской мысли. Наконецъ, и въ спеціально-философской литературѣ все чаще раздается мнѣніе, что философія, переживъ «возвращеніе къ Канту», можетъ выйти на новый широкій путь—систематическимъ пересмотромъ основъ и результатовъ гегелевскаго логическаго субъективизма.

Современное значеніе гегельянства велико—гораздо больше, чѣмъ мы, обыкновенно, думаемъ. Какъ систематическая доктрина, гегельянство не долго держалось, но его вліяніе проникаетъ труды по обществовѣдѣнію, исторіи, эстетикѣ, этикѣ, даже тѣ, авторы которыхъ не подчеркиваютъ, а иной разъ, и не сознаютъ своего родства съ гегельянствомъ. Стремленіе согласить идею съ фактомъ, логическую формулу съ жизненнымъ впечатлѣніемъ реальности, слить въ одномъ идеалистическомъ міровоззрѣніи конкретное историческое и психологическое пониманіе съ философской систематичной и строгой логичностью мысли—этотъ главный нервъ гегелевской философіи далъ ей силу глубокаго и плодотворнаго вліянія на работу мысли во всѣхъ почти ея областяхъ.

Изученіе Гегеля—трудъ плодотворный теперь, какъ и 50 лѣтъ тому назадъ. Но этотъ трудъ тяжелъ, въ силу крайней отвлеченности и сложности изложенія. Популяризація Гегеля для тѣхъ, кто не имѣетъ возможности тратить годы на его изученіе,—задача весьма существенная. И Кэрдъ—мастеръ этого дѣла. Онъ сосредоточиваетъ вниманіе читателя на основной, руководящей идеѣ Гегеля, воспроизводя ея послѣдовательное развитіе. Обозрѣніе всей системы Гегеля не входило въ его намѣреніе и издатели перевода отлично дополнили трудъ Кэрда статьей о Гегелѣ Вл. С. Соловьева, дающей такое обозрѣніе въ сжатомъ видѣ. Кэрдъ выясняетъ, главнымъ образомъ, тѣ стороны философіи Гегеля, которымъ она обязана своей крупной исторической ролью и широкимъ вліяніемъ. Чтеніе книги Кэрда, изданной въ прекрасномъ переводѣ, не требуетъ особенной подготовки: онъ ясно и просто развиваетъ самыя сложныя мысли. Кэрдъ не только изучилъ Гегеля—онъ сжился съ нимъ и потому излагаетъ его свободно и отчетливо, съ той побѣдой надъ матеріаломъ, которая хорошему популяризатору, быть можетъ, еще нужнѣе, чѣмъ ученому спеціалисту. Кэрдъ вѣритъ въ существенное современное значеніе гегельянства: «тенденціи и идеи,—говоритъ онъ про философію Гегеля,—которыя она стремится привести къ единству, все еще борются за главенство вокругъ насъ и въ насъ самихъ». И дѣйствительно, излагая Гегеля, онъ касается многихъ волнующихъ современнаго человѣка вопросовъ: иначе и не можетъ быть при изученіи мыслителя, который «сдѣлалъ существенно важное дополненіе къ доказательству, что тѣ идеи, которыя составляютъ корни поэзіи и религіи, суть въ то же время принципы науки».

«Философія Гегеля должна была умереть, чтобы жить». Она умерла, какъ система, но жива, какъ исходный пунктъ для цѣлаго ряда плодотворныхъ умственныхъ теченій, съ которыми счеты еще не сведены. Высшій синтезъ, къ которому стремился Гегель, побѣда надъ противорѣчіемъ холодной абстракціи и живого воспріятія—не былъ имъ достигнутъ. Одинъ элементъ—логическое мышленіе—получилъ чрезмѣрный перевѣсъ надъ другими въ гегелевскомъ панлогизмѣ; синтезъ получился неуравновѣшенный, или, лучше сказать, вмѣсто синтеза, получилась система. Не координированные въ ней элементы стали развиваться въ различныхъ фракціяхъ гегельянства. Предисловіе кн. С. Н. Трубецкаго раскрываетъ суть раскола въ школѣ Гегеля и черты системы, которыя сдѣлали этотъ расколъ неизбѣжнымъ.

Въ цѣломъ, разбираемся книга—хорошій вкладъ въ русскую библіотеку для самообразованія.

І. Гобчанскій. Опытная психологія въ двухъ частяхъ. Спб. Изданіе К. Риккера. 1898 г. Ц. 1 р. 60 к. Русская литература бѣдна оригинальными курсами психологіи. За послѣднихъ пятнадцать лѣтъ такихъ сочиненій появилось всего два: Попова «Очерки психологіи», для изучающихъ педагогику, 1886 г., и Снегирева «Психологія» 1893 г., академическія лекціи Нельзя поэтому пройти молчаніемъ выходъ въ истекшемъ году «Опытной психологіи» І. Гобчанскаго, тѣмъ болѣе, что она является у насъ единственнымъ въ своемъ родѣ трудомъ.

Съ недавняго времени въ русскомъ образованномъ обществѣ замѣчается пробужденіе сильнаго интереса къ психологіи. Петербургскія и московскія программы для самообразованія отвели ей у себя не послѣднее мѣсто. Но ознакомленіе съ этой наукой встрѣчаетъ то затрудненіе, что у насъ не было общедоступно написанной полной (но не обширной) системы психологіи. Съ появленіемъ труда г. Гобчанскаго такое затрудненіе теряетъ свою силу.

Трудъ этотъ вполнѣ соотвѣтствуетъ современному состоянію психологической науки. При его составленіи авторъ пользовался лучшими сочиненіями по психологіи, принадлежащими русскимъ и иностраннымъ ученымъ, какъ-то: Вундту, Бэну, Тэну, Гефдингу, Рибо, Рише, Джэмсу, Ушинскому, Свѣтилину, Снегиреву, Лопатину, Гроту и др. Книга Гобчанскаго дѣйствительно полный курсъ психологіи. Ни одинъ сколько-нибудь важный вопросъ не оставленъ безъ разсмотрѣнія. Вотъ краткій перечень содержанія «Опытной психологіи». Послѣ общаго понятія о наукѣ (ея опредѣленіе, отличіе отъ другихъ сродныхъ доктринъ, методъ и источники, отношеніе къ физіологіи, значеніе) помѣщено о сознаніи и самосознаніи. Далѣе слѣдуетъ первая часть, гдѣ излагается ученіе объ ощущеніяхъ и ихъ видахъ, воззрѣніи пространства и времени, иллюзіяхъ и галлюцинаціяхъ, представленіяхъ, воображеніи, памяти и воспоминаніи, разсудкѣ и разумѣ, языкѣ и творчествѣ (1-й отдѣлъ); о чувствованіяхъ вообще (ихъ происхожденіе, элементы, отличіе отъ ощущеній, степеняхъ чувствительности, зависимости отъ органической жизни тѣла), въ частности о формальныхъ чувствованіяхъ, предметныхъ—интеллектуальныхъ, эстетическихъ, нравственныхъ— и аффектахъ (2 отдѣла), объ инстинктахъ и ихъ видахъ, желаніи, хотѣніи, волѣ, свободѣ, склонностяхъ, привычкахъ, страстяхъ и характерѣ (3 отдѣлъ). Во второй части разсматривается связь души съ тѣломъ, полъ, темпераментъ, расы и народности, наслѣдственность; возрасты жизни, сонъ и сновидѣнія; душевныя болѣзни и ихъ причины, экстазъ, сомнамбулизмъ, гипнотизмъ и въ приложеніи—спиритизмъ.

«Опытная психологія» написана общедоступно и читается легко безъ особаго умственнаго напряженія. Излагается она преимущественно положительнымъ методомъ. Критикѣ мнѣній, не согласныхъ съ взглядами автора, отведено немного мѣста (§ 7, 19, 51, 54, 74 не весь, и 97). Впрочемъ, при чтеніи книги сама собой становится очевидной несостоятельность многихъ неправильныхъ взглядовъ на душевную жизнь. Опредѣленія различныхъ психическихъ факторовъ отличаются ясностью и отчетливостью. См., напр., понятіе о самонаблюденіи, сознаніи, памяти и представленіяхъ или же о склонностяхъ, привычкахъ и страстяхъ. Хотя сравнительно небольшое сочиненіе Гобчанскаго (256 стр.) раздроблено на 117 параграфовъ, но всѣ они связаны внутренней логической связью. Языкъ правильный. Рѣчь краткая. Печать и бумага хорошія. Вообще книга производитъ на читателя благопріятное впечатлѣніе.

Къ ея недостаткамъ относится только слабая разработка вопросовъ объ экспериментѣ въ психологіи и о разсудкѣ, отсутствіе изображеній нервной центральной системы и органовъ чувствъ и, наконецъ, нѣсколько опечатокъ, затемняющихъ смыслъ. Напр.: «Вліяніе чувствованій и желаній на дѣятельность воображенія и подлежитъ сомнѣнію»... вмѣсто «не подлежитъ сомнѣнію» (90 стр.).

НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ.

Дешевыя изданія О. Н. Поповой.—№ 1. *Л. Толстой* «Кавказскій плѣнникъ». № 2. *Г. Успенскій*. «Неизлѣчимый». № 3. *Наумовъ*. «Умалишенный». № 4. *Пушкинъ* «Братья разбойники». № 5. *Станюковичъ* «Максимка». № 6. *Г. Успенскій* «Будка». № 7. *Нефедовъ* «Неустрашимый Галлей». № 8. *Наумовъ* «Фургонщикъ». № 10. *Лермонтовъ* «Бэла». № 11. *Г. Успенскій*. «Нужда пѣсенки поетъ». № 13. *Станюковичъ* «Рождественская ночь». № 14. *Г. Успенскій* «Про счастливыхъ людей». № 15. *Пружанскій* «Бѣглый». № 18. *Дмитріева* «Отъ совѣсти». № 19. *Нефедовъ* «Безоброчный». № 20. *Пушкинъ* «Дубровскій». № 21. *Станюковичъ* «Матросская расправа». № 22. *Г. Успенскій* «Книжка чековъ. № 23. *Нефедовъ* «Лѣшій обошелъ» *). Спб. 1898 года.

Дешевыя изданія г-жи Поповой являются одною изъ попытокъ пустить въ широкую народную массу сочиненія писателей, писавшихъ не «*для народа*», а для интеллигенціи или вообще читающей публики. Такая попытка должна быть признана вполнѣ своевременной. Огромная, не причисляемая къ интеллигенціи, масса людей грамотныхъ и читающихъ растетъ съ каждымъ годомъ и съ каждымъ годомъ поглощаетъ все больше и больше книгъ. Не такъ далеко еще время, когда считалось, что для читателей подобнаго рода совершенно недоступна обще-художественная литература, что они нуждаются въ спеціально сочиненныхъ повѣстяхъ, разсказахъ, быляхъ, сказкахъ и т. п. Такія книги фабриковались и продолжаютъ фабриковаться до нынѣ; сантиментальность, нравоучительность и непремѣнно особенный, обильно уснащенный чисто мѣстными выраженіями, языкъ—вотъ рецептъ для составленія подобныхъ книгъ. А между тѣмъ опытъ показалъ, что народной массѣ доступно пониманіе истинно художественныхъ произведеній русской литературы. И если существованіе популярной научной литературы для народа надолго еще, вѣроятно, сохранитъ свои права, то художественная литература не можетъ и не должна дѣлиться на написанную для народа и не для народа. Могутъ быть только изданія дорогія и дешевыя, выборъ произведеній болѣе или менѣе доступныхъ по формѣ, интересныхъ по темѣ и т. п.

Изданныя г-жею Поповой книжки, если не ошибаемся, всѣ являются перепечаткой произведеній, уже раньше вышедшихъ въ свѣтъ, а отчасти появлявшихся уже и въ болѣе дешевыхъ изданіяхъ (Спб. Комитета Грамотности, Правда и др.). Въ числѣ 19 изданныхъ г-жею Поповою книгъ 4 принадлежатъ перу классиковъ русской литературы. Изъ нихъ *Кавказскій плѣнникъ Толстого* пользуется уже огромною популярностью въ самыхъ глухихъ деревенскихъ углахъ; интересная фабула и высокохудожественная простота разсказа говорятъ сами за себя. Тѣми же достоинствами отличаются и *поэма Пушкина Братья-разбойники* и повѣсть его *Дубровскій*. Повѣсть эта можетъ служить, къ тому же, однимъ изъ яркихъ изображеній крѣпостного быта стараго времени; для этого въ особомъ примѣчаніи необходимо было указать на время, къ какому относится дѣйствіе разсказа; такого поясненія не сдѣлано, несмотря даже на то, что первая фраза повѣсти «Нѣсколько лѣтъ тому назадъ»... можетъ ввести читателя въ большое заблужденіе. Повѣсть *Лермонтова Бэла* «Герой нашего времени», при всѣхъ своихъ художественныхъ достоинствахъ, уступаетъ въ простотѣ изложенія 3-мъ предъидущимъ книжкамъ, но, нужно думать, будетъ все же доступна и среднему по развитію читателю.

---

*) Изъ 24 названій появилось пока 19, номера-же 9, 12, 16, 17 и 24 въ продажѣ не имѣются.

Далеко не съ такой увѣренностью можно сказать это о произведеніяхъ Г. Успенскаго, которымъ удѣлено видное мѣсто въ серіи разбираемыхъ изданій: изъ 19 названій ему принадлежатъ 5. Глѣбъ Успенскій занимаетъ совсѣмъ особое мѣсто въ ряду другихъ великихъ писателей. Его блестящій художественный талантъ сопровождается такой силой логическаго анализа, такой глубокой вдумчивостью и отзывчивостью на всѣ явленія окружающей жизни, что произведенія его перестаютъ быть только художественно-литературными и превращаются въ той же мѣрѣ въ публицистическія. Благодаря этому, очерки его остались, большею частью, необработанными, въ видѣ отрывковъ и набросковъ, въ которыхъ часто мимоходомъ указывается на самые больные, мучительные вопросы нашего времени, двумя-тремя словами намѣчаются очертанія самыхъ тяжелыхъ житейскихъ драмъ. Вотъ почему, несмотря на то, что языкъ героевъ Гл. Успенскаго и самые сюжеты его очерковъ взяты почти исключительно изъ среды, близко знакомой тѣмъ читателямъ, для которыхъ предназначаются всѣ дешевыя и народныя изданія, несмотря на это, невольно возникаетъ сомнѣніе, поймутъ ли, оцѣнятъ ли эти читатели писателя, столь дорогого и близкаго интеллигенціи? Не давая на этотъ вопросъ утвердительнаго отвѣта, можно однако и теперь съ увѣренностью сказать, что изъ народной среды выдѣлились уже болѣе развитые читатели, которые не только способны понять Гл. Успенскаго, но знаютъ и цѣнятъ его—успѣхъ прежняго дешеваго изданія нѣкоторыхъ очерковъ доказываетъ это.

Изъ пяти очерковъ Г. Успенскаго самымъ простымъ и общедоступнымъ можно считать святочный разсказъ *Про счастливыхъ людей*. Отставной солдатъ въ назиданіе своимъ спутникамъ разсказываетъ три сказки про счастье; въ разсказѣ его много комизма, а основная мысль прекрасно выражена слѣдующими словами солдата: «Это не счастье, коли его на тебя нанесло или ты случаемъ на него набѣжалъ. То счастье неизмѣнное, которое въ тебѣ самомъ лежитъ, а не со стороны бѣжитъ». Разсказъ *Нужда пѣсенки поетъ* со всѣми трагикомическими подробностями повѣствованія «пиро-и-гидротехника» Иванова возбудитъ, вѣроятно, интересъ и не представитъ затрудненій для пониманія и средняго читателя. Гораздо болѣе сложнымъ представляется *Книжка чековъ*—эпизодъ изъ жизни недоимщиковъ. Въ этомъ очеркѣ въ немногихъ словахъ, сжато и сильно разсказывается вся исторія русской деревни послѣ реформы: мертвая дореформенная атмосфера, послѣреформенные земельные счеты съ помѣщикомъ, полное разореніе крестьянъ и царство капитала въ лицѣ купца новаго типа съ его книжкой чековъ. Но эта-то сжатость (см., напримѣръ, разговоръ Ивана Кузьмича съ лакеемъ и замѣчанія бабы въ заключительной сценѣ) и можетъ сдѣлать разсказъ «Книжка чековъ» мало доступнымъ для читателя средняго уровня развитія. Въ очеркѣ *Будка* передъ глазами читателя проходитъ цѣлый рядъ драмъ изъ жизни обывателей глухого уѣзднаго города. Всѣ эти драмы въ началѣ или въ концѣ приводятъ своихъ героевъ какъ бы къ естественному центру—къ полицейской будкѣ съ ея представителемъ «неспособнымъ» Мымрецовымъ. Исторія «Будки» такъ же сложна и сжата, какъ и «Книжка чековъ», и въ такой-же мѣрѣ будетъ, вѣроятно, доступна лишь наиболѣе развитому читателю, притомъ городскому скорѣе, чѣмъ деревенскому. *Неизлѣчимый*—одинъ изъ лучшихъ и наиболѣе извѣстныхъ разсказовъ Гл. Успенскаго. Въ наивной повѣсти діакона о постигшей его болѣзни авторъ тонко очертилъ одну характерную особенность нашего времени. Эта особенность общая болѣзнь—проснувшаяся совѣсть и ея деспотическія требованія къ насловившемуся вѣками «свинству» обычной жизни. Подъ вліяніемъ проснувшейся совѣсти діаконъ мучительно ищетъ средствъ, какъ-бы «фундаментально излѣчить и душу, и тѣло?»—«Душу свою изъ свиной въ человѣческую обратить?» Другая общая болѣзнь, о которой говоритъ Успенскій въ заключеніе разсказа,

стоитъ не въ меньшемъ противорѣчіи съ понятіями «свинской» жизни. По словамъ автора, «эта болѣзнь—мысль. Тихими, тихими шагами, незамѣтными, почти непостижимыми путями, пробирается она въ самые мертвые углы русской земли, залегаетъ въ самыя неприготовленныя къ ней души». Разъ проснувшись, работа мысли тоже не останавливается и идетъ все дальше; она готовитъ все новые ряды читателей, ищущихъ и въ жизни, и въ книгѣ одной лишь правды. Эти читатели съумѣютъ понять и оцѣнить Г. Успенскаго, потому что въ его произведеніяхъ они найдутъ только одну «самую строгую правду»... Сдѣлать сочиненія Успенскаго доступными по цѣнѣ для самой большой массы читателей—прекрасная задача; и можно быть увѣреннымъ, что съ каждымъ годомъ кругъ его читателей будетъ все расширяться.

Морскіе разсказы Станюковича, всегда проникнутые гуманнымъ чувствомъ, пользуются вообще вполнѣ заслуженной извѣстностью. Хотя два изъ нихъ, выбранные для изданія г-жи Поповой, и не принадлежатъ къ числу лучшихъ, но все же и трогательно-забавный разсказъ о маленькомъ негрѣ—*Максимка*, картина взаимныхъ товарищескихъ отношеній между матросами стараго времени въ разсказѣ *Матросская расправа* *), навѣрное въ большей или меньшей степени заинтересуютъ читателя. Нужно только замѣтить, что разсказы Станюковича, изобилующіе морскими терминами, особенно нуждаются въ объясненіяхъ. Въ изданіи же г-жи Поповой разсказы хотя и снабжены подстрочными поясненіями, но частью недостаточно (особенно разсказъ «Максимка»), частью требующими, въ свою очередь, объясненій, напр., «международная конвенція» и др. Третій изъ разсказовъ Станюковича «Рождественская ночь» **) переноситъ насъ въ совсѣмъ иной міръ отношеній. Эти два маленькихъ разсказа, объединенныхъ однородностью среды, въ которой происходитъ дѣйствіе, тепло и правдиво рисуютъ горести и радости тѣхъ маленькихъ существъ, которыя уже съ дѣтства обречены попасть въ разрядъ «бывшихъ людей».

Разсказъ «Рождественская елка» приводитъ насъ уже къ той категоріи изданій разбираемой серіи, которыя представляютъ значительно меньше художественнаго интереса, но имѣютъ значеніе, какъ болѣе или менѣе правдивое изображеніе быта и нравовъ нашего общества. Изъ 7 книжекъ различныхъ авторовъ, относящихся къ этой категоріи, только 2 рисуютъ городскую жизнь, пять же говорятъ о деревенской. Любопытно, что почти всѣ изъ этихъ разсказовъ изображаютъ болѣе или менѣе ярко разладъ личности съ обществомъ—міромъ, рисуютъ намъ людей, выбитыхъ изъ строя, не подошедшихъ подъ укладъ общей жизни и потому признаваемыхъ помѣшанными, порченными, гулящими, пропащими и т. п. Такъ, въ разсказѣ Нефедова «Безоброчный»—нѣжный, вдумчивый мальчикъ Гришута, только благодаря необычности своего душевнаго склада, считается порченымъ и погибаетъ жертвою преслѣдованія бурмистра и тупого равнодушія сельскаго общества. Психологія героя и окружающихъ его очерчена достаточно ярко и разсказъ читается съ интересомъ, но дѣйствіе разсказа относится главнымъ образомъ ко времени крѣпостного права, однако и тутъ читатели не найдутъ никакихъ поясненій. Въ разсказѣ Наумова *Умалошенный* выведенъ крестьянинъ, котораго сдѣлали сумасшедшимъ односельчане, по своей темнотѣ и забитости не съумѣвшіе поддержать его въ упорной борьбѣ со всякой сельской неправдой. Горячія филиппики Осипа Дехтярева, его мѣткія выраженія и прибаутки, вѣроятно, придутся по вкусу большинству читателей изъ народной среды. Если Григорій Безоброчный и умалишенный Дехтяревъ погибли вслѣдствіе непониманія ихъ окружающими, то Прасковья въ расказѣ Дмитріевой *Отъ совѣсти* погибаетъ отъ неумѣнья совла-

---

*) «Между матросами». Изд. С.-Петербургскаго Комитета Грамотности.
**) «Двѣ ёлки». Изд. С.-Петербургскаго Комитета Грамотности.

дать съ порываніемъ своей молодой натуры къ болѣе яркой и легкой жизни. Ея мечты о томъ, чтобы «хоть денечекъ пожить такъ, какъ баре, да попы живутъ», настолько противорѣчатъ общему сѣрому и убогому фону деревенской жизни, а въ особенности безотрадному житью замужней женщины, что Прасковья постепенно опускается до положенія всѣми презираемой «гулящей бабенки», не выноситъ позорнаго мучительнаго существованія и самоубійствомъ спасается отъ укоровъ совѣсти. Очеркъ г-жи Дмитріевой правдиво и непритязательно, безъ излишней сантиментальности, рисуетъ бытъ и психологію деревенскихъ обывателей.

Картину иного быта—городского—даетъ намъ разсказъ Пружанскаго *Бѣлый*. Послѣ вступленія, написаннаго какъ-то непонятно, больше намеками, идетъ разсказъ бѣглаго каторжника о тяжелой семейной драмѣ, приведшей его—честнаго, добродушнаго юношу—къ тяжелому преступленію. Разсказъ бѣглаго написанъ совсѣмъ просто и производитъ очень сильное впечатлѣніе. Несравненно слабѣе, хотя и близокъ ему по темѣ, разсказъ Наумова *Фургонщикъ*. Здѣсь разсказъ тоже ведется отъ лица человѣка, совершившаго преступленіе, но и самый поводъ и вся обстановка этого преступленія далеко не вызываетъ того сочувствія, какъ въ разсказѣ Пружанскаго. Вообще, весь разсказъ Наумова является какимъ-то наброскомъ, не имѣющимъ самостоятельнаго значенія и поэтому нисколько не нуждался въ новомъ дешевомъ изданіи. Еще меньше смысла было извлекать изъ «праха забвенія» совершенно ничтожный по сюжету и не интересный по выполненію разсказъ Нефедова *Лѣшій обошелъ*.

Послѣдній изъ разбираемыхъ нами разсказовъ *Неустрашимый Галлей* принадлежитъ перу того же автора. Башкирская легенда разсказываетъ о молодомъ князѣ Галлеѣ, который, по требованію любимой имъ княжны, доказалъ силу своей любви неустрашимымъ подвигомъ спасенія всего башкирскаго народа отъ козней злого духа. Легенда эта, какъ и всякая другая, не лишена извѣстной доли романтизма, но написана поэтично и читается легко и съ интересомъ. Къ сожалѣнію, и въ данномъ случаѣ многочисленныя мѣстныя названія и выраженія остались необъясненными.

Всѣ 19 книжекъ изданы достаточно хорошо; 4 изъ нихъ снабжены недурными рисунками; лучше всѣхъ остальныхъ книжекъ изданъ «Кавказскій плѣнникъ» Толстого. Цѣна книжекъ колеблется между 3-мя и 13-ю копѣйками, вѣроятно, въ зависимости отъ размѣровъ каждой книги, но во всякомъ случаѣ не высока.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

съ 15-го декабря 1898 г. по 15-е января 1899 года.

Н. С. Тихонравовъ. Сочиненія, т. III, ч. II. Изд. Сабашникова. Москва. 1898. Ц. за три тома 7 р. 50 к.

Подснѣжникъ. Сборникъ для дѣтей. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1899. Ц. 2 р.

Ворисгоферъ. Образовательное путешествіе. Перев. съ нѣм. 73 рис. Изданіе Павленкова. Ц. 1 р. 25 к. 1898. Спб.

Асбырнсонъ. Норвежскія сказки. Изданіе О. Н. Поповой. 74 рис. Ц. 1 р. 25 к. Спб. 1899.

Альфонсъ Додэ. Исторія одного ребенка. Пер. съ франц. Изданіе Сытина. Москва. 1898 г.

Его же. Прекрасная Нивер ева. Изд. О. Н. Поповой. Ц. 30 к. Спб. 1899 г.

Шарль Летурно. Эволюція торговли. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1899. Ц. 2 р.

Тимофѣевъ. Очерки по исторіи краснорѣчія. Спб. 1899. Ц. 1 р.

Богданова. Бесѣды о жизни растеній. Изд. А. Девріена. Спб. 1899. Ц. 40 к.

Бернштейнъ. Общественное движеніе въ Англіи XVIII вѣка. Изд. Л. Пантелѣева. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Е. Каро. Жоржъ-Зандъ. Москва. 1899 г. Ц. 60 к.

А. Петрункевичъ. Маргарита Ангулемская и ея время. (Въ пользу Общества вспоможенія окончившимъ курсъ на Спб. высшихъ курсахъ. Спб. 1899 г. Ц. 1р. 50к.

А. Крымскій. Мусульманство и его будущность. Изд. маг. «Книжное Дѣло». Москва. 1899. Ц. 75 к.

Н. Веригинъ. Іоганнъ Песталоцци. Изд. 2-е маг. «Книжное Дѣло». Москва. 1899 г. Ц. 40 к.

Шульце-Геверницъ. Крупное производство въ Россіи. Перев. съ нѣм. Изд. маг. «Книжное Дѣло». Москва. 1899. Ц. 75 к.

Н. Каблуковъ. Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи. Изд. маг. «Книжное Дѣло». Москва. 1899 г. Ц. 1 р. 75 коп.

А. Новицкій. Исторія русскаго искусства. Вып. I. Изд. маг. «Книжное Дѣло». Москва. 1899. Ц. за 12 вып. безъ пересылки 10 руб.

И. Козловскій. Краткій очеркъ исторіи русской торговли. Вып. I. Кіевъ. 1898. Ц. 50 к.

В. Казанскій. Учебникъ всеобщей исторіи. Часть I. Древній міръ. Орелъ. 1899. Ц. 60 к.

Дѣло. Сборникъ въ пользу Спб. Женскаго Медицинскаго Института. Москва. 1899. Ц. 2 р. 50 к.

Э. Реклю. Земля и люди. Вып. IV. Соединенные Штаты (Часть II). Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1899. Ц. 2 р.

Рубакинъ. Вѣчная слава. Историческая хроника. Изд. т-ва Сытина. Москва. 1899. Ц. 75 к.

Проф. У. Ранке. Человѣкъ. Вып. 19—20. Изд. т-ва «Просвѣщеніе». Спб. 1898 г. Ц. отд. вып. 50 коп.

Проф. Козловъ. «Свое Слово», сборникъ № 5. Спб. 1898. Ц. 1 р. 50 коп.

Ремезовъ. Эпилоги византійскихъ драмъ (по Шлюмберже). Изд. ред. жур. «Русская Мысль». Москва. 1898. Ц. 50 коп.

А. Мошинъ. Очерки и наброски. Саратовъ. 1898. Ц. 60 к.

Prof. R. Stinizing. Сонъ и безсонница. Москва. 1899. Ц. 35 коп.

А. Д. Стихотворенія. Москва. 1898 г. Ц. 50 коп.

Злотчанскій. Прямолинейная тригонометрія для среднихъ учебныхъ заведеній. Одесса. 1899. Ц. 75 коп.

Проф. І. Конрадъ. Очеркъ основныхъ положеній политической экономіи. Изд. т-ва Сытина. Москва. 1898. Ц. 1 руб.

Шавровъ. Шелковица и ея разведеніе. Изд. 2-е. Девріена. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 коп.

А. Янъ-Рубанъ. Пѣсни любви и печали. Москва. 1899. Ц. 50 коп.

Дружининъ. Общедоступное руководство къ изученію законовъ. Часть I и II. Изд. 2-е О. Н. Поповой. Спб. 1899. Ц. 75 к.

Жиркевичъ. Друзьямъ. Стихотворенія. Спб. 1899. Ц. 1 руб.

П. Лащенко. Практическія занятія по неорганической химіи. Съ 59 рис. въ текстѣ. Харьковъ. 1898. Ц. 80 к.

О. Л. Женскія медицинскія учрежденія въ Сѣв.-Амер. Штатахъ. Изд. 2-е. Москва. 1898. Ц. 50 коп.

Шафровъ. Учебникъ ариѳметики для начальныхъ народныхъ училищъ. Изд. Тихомірова. Москва. 1898. Ц. 25 коп.

Проф. К. Рекламъ. Средство быть здоровымъ. Съ 12 рис. въ текстѣ. Вып. I. Одесса 1898.

Ж. Блондель. Экономическій подъемъ Германской Имперіи. Изд. книжнаго маг. «Знаніе». Спб. 1899. Ц. 25 к.

Проф. В. Щегловъ. Положеніе и права женщины въ семьѣ и въ обществѣ (2 публ. лекціи). Ярославль. 1898. Ц. 85 к.

Р. Гвоздевъ. Кулачество - ростовщичество. Изд. Н. Гарина. Спб. 1899.

Высшія горныя школы за границей. Спб. 1898 г.

Мольеръ. Иллюстрированное собраніе сочиненій. Безплатное приложеніе къ «Вѣстнику Иностранной Литературы. Спб. 1899 г.

Овсянико-Куликовскій. Л. Н. Толстой, какъ художникъ. Вып. I. Спб. 1899. Ц. 60 к.

Памяти Ѳ. И. Буслаева (съ портретомъ). Москва. 1898. Ц. 75 к.

Миттельштейнеръ. Къ вопросу о подготовкѣ учителей среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. Тихомірова. Москва. 1899. Ц. 50 к.

Родина. Сборникъ избранныхъ стихотвореній русск. поэтовъ. Москва. 1898. Ц. 20 к.

Смирновъ. Высокоторжественные дни. Тифлисъ. 1898. Ц. 50 к.

Шамшиновъ. Краткое руководство для изученія правилъ перспективы. Тифлисъ. 1899. Ц. 1 руб.

Тиличеева. Ванинъ дѣдушка. Москва. 1898.

Ея же. Какъ мы жили. Москва. 1898.

Г. Е. Лессингъ. Лаокоонъ или о границахъ поэзіи и живописи. 2 вып. Изд. книгоизд. «Знаніе». Одесса. 1898. Ц. 1-го вып. 20 коп., 2-го вып. 15 коп.

Я. Новиковъ. Война и ея мнимыя благодѣянія. Вып. I. Ц. 15 коп. Изд. книгоизд. «Знаніе». Одесса. 1899.

Д-ръ Пантюховъ. Вліяніе малярія на колонизацію Кавказа. Тифлисъ 1899. Ц. 30 к.

И. Рябковъ. Краткій историческій очеркъ Елисаветградскаго о-ва распространенія грамотности и ремеслъ 1873—1898.

О постоянствѣ чувствъ. Психологическій очеркъ по поводу романа Гёте. «Сродство душъ». Пер. съ франц. Ц. 20 к.

М. Кроль. Матеріалы Высочайше учрежденной коммиссіи для изслѣдованія землевладѣнія въ Забайкальской обл. Вып. 10.

М. Огіевскій. Справочная книга по военносудебнымъ дѣламъ. Спб. 1898. Ц. 1 р. 50 коп.

Матеріалы къ вопросу объ участіи псковскаго губернскаго земства въ развитіи начальнаго образованія. Вып. I. Псковъ. 1898 г.

Отчетъ нижегородскаго городского санитарнаго врача Н. А. Граціанова за 1897 г. Н.-Новгородъ. 1898.

ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ.

КУЛЬТУРНАЯ ЗАДАЧА ГРЯДУЩАГО ВѢКА.

По поводу статьи Gabriel'я Tarde'а—*Le publik et la foule*, «Révue de Paris», 1898.

I.

Нашему вѣку безчисленное число разъ старались подъискать достойное и мѣткое опредѣленіе: называли его нервнымъ вѣкомъ, желѣзнымъ, серьезно и иронически, вѣкомъ великихъ изобрѣтеній и положительной мысли, скоро, пожалуй, назовутъ совершенно наоборотъ — вѣкомъ отчаянія въ наукѣ, вѣкомъ мистицизма и исканія новой вѣры.

Но всѣ эти наименованія имѣютъ одинъ крупный недостатокъ: каждое изъ нихъ можно въ большей или меньшей степени приложить къ какому-либо другому столѣтію, и въ особенности два самыя излюбленныя — нервный и положительно-мыслящій вѣкъ. Нервами европейское человѣчество страдало неизмѣримо опаснѣе лѣтъ пятьсотъ или даже шестьсотъ назадъ, критически мыслить начало также очень давно, уже въ шестнадцатомъ столѣтіи доходило до крайнихъ предѣловъ современнаго отрицанія. Заканчивающемуся вѣку, въ интересахъ исторической оригинальности, необходимо подыскать себѣ другое имя, и, мы думаемъ, искать далеко не приходится. Оно подсказывается едва ли не каждымъ фактомъ рѣшительно по всѣмъ направленіямъ современной умственной и практической жизни, и особенно краснорѣчиво первыми культурными шагами нашего столѣтія.

Вспомните, какія думы и чувства владѣли людьми наканунѣ его. Сколько блестящихъ созданій воображенія, сколько надеждъ на будущее и вѣры осуществить ихъ! И источникъ всего этого—героическое представленіе личности о силѣ своего творчества и своей мысли.

Послушайте Руссо, когда онъ любуется восходомъ солнца и съ вершины холма упивается чарующимъ видомъ просыпающейся долины. Въ теченіе пятидесяти лѣтъ, говоритъ онъ, подобныя картины замѣняли ему богатство и славу и для наслажденія ими не требовалось ничего, кромѣ времени.

Его уста невольно шепчутъ молитву. Онъ вступаетъ въ открытую бесѣду съ Верховной Силой, развертывающей предъ нимъ такую волшебную жизнь. И этотъ человѣкъ на своемъ холмѣ увѣренъ, всѣ чары—ради него, въ эту минуту этотъ холмъ—централь-

ная точка, управляющая силами природы. И человѣкъ обращается къ божеству въ восторженномъ порывѣ любви, какъ къ другу, къ старшему брату, къ всепрощающему отцу. Немного позже, ученики философа, члены революціоннаго собранія, предъ многочисленной толпой также за-просто будутъ бесѣдовать съ верховнымъ существомъ, будто оно ихъ обязательный и благосклоннѣйшій слушатель.

Что̀ злого, не цѣлесообразнаго можетъ создать такая природа? Зло существуетъ, но въ немъ она неповинна. Изъ ея рукъ человѣкъ вышелъ божественно-прекраснымъ. Его обезобразили время, собственныя ошибки и онъ теперь точно античная статуя, брошенная безъ призора. Надъ ней пронеслась буря, прокатились морскія волны, и она стала походить больше на дикаго звѣря, чѣмъ на бога... Но всегда возможно смыть пыльный илистый налетъ, и геніальное произведеніе заблещетъ первобытной прелестью.

Произойдетъ это въ высшей степени просто. Все можетъ исправить тотъ же человѣкъ, вооруженный мудрымъ, побѣдоноснымъ словомъ. Стоитъ пробудить заснувшія на время естественныя чувства, и на землю вернется золотой вѣкъ.

Все такъ ясно. Придетъ геній-философъ, облеченный неограниченной силой и властью, герой изъ героевъ, черкнетъ перомъ и вселенная обновится. Люди снова начнутъ любить другъ друга, какъ братья, снова станутъ свободными, довѣрчивыми, вѣчно счастливыми.

И превращеніе скорѣе всего совершится тамъ, гдѣ до сихъ поръ сильна власть природы и первобытной простоты—въ толпѣ простыхъ людей, въ народѣ.

Онъ, теперь такой ничтожный, часто раболѣпный и преданный грубымъ инстинктамъ, по зову новаго пророка воспрянетъ къ новой свѣтлой жизни. Онъ въ глубинѣ души до сихъ поръ хранитъ исконное чувство правды и неподкупный здравый смыслъ. Народъ можно иногда обмануть, но его нельзя совратить съ путей правды и справедливости, Онъ—верховный и непогрѣшимый судья нравственности и разума, потому что близокъ природѣ.

Мечтатель наканунѣ нашего вѣка не зналъ, какъ выразить свое счастье въ званіи человѣка и какой комплиментъ сказать человѣчеству. Кончилъ тѣмъ, что человѣка поставилъ выше ангеловъ, а народъ объявилъ «истинно-человѣческой породой».

За идеей быстро слѣдовали факты. Пришли творцы революціи...

Какое *вдохновенное* законодательство! Сколько рѣчей, похожихъ на гимны, и гимновъ, признанныхъ за политическія программы! Сколько созданій художественнаго воображенія и лирическаго чувства, принятыхъ за продуктъ строгой логической мысли! Законодатели не различали правды отъ поэзіи и дѣлали исторію по часамъ, ослѣпленные вѣрой въ материнское сочувствіе природы и дѣтскую воспріимчивость народа.

Отрезвленіе не заставило ждать себя и похмелье оказалось безпощадно-горькимъ и ядовитымъ. Вожди революціи гибли одинъ за другимъ. Гильотина съ одинаковымъ желѣзнымъ упорствомъ рубила головы политикамъ и философамъ, ученымъ и поэтамъ...

Кто управлялъ ею? Кто могъ стерпѣть столько крови? Какъ могла сорокатысячная толпа смотрѣть спокойно, когда ея короля везли на казнь и вскорѣ затѣмъ привѣтствовать смерть его же убійцъ?

Очевидно, надъ событіями царствовала сила, невѣдомая и недоступная ни одной изъ жертвъ, сила—новая и страшная своей новизной и загадочностью. Падали благороднѣйшія головы, и божество, рѣявшее надъ ними, представлялось смутнымъ, неумолимымъ призракомъ. Видѣли только, что призракъ бросалъ громадную тѣнь и тѣнь выростала съ каждымъ мгновеніемъ, грозила охватить весь міръ и поглотить все, что̀ до сихъ поръ считалось на землѣ блестящимъ, великимъ, даже священнымъ.

Вскорѣ увидѣли и другое, уже совершенно неожиданное.

Таинственный духъ, очевидно, нисколько не былъ заинтересованъ ни въ личностяхъ, ни въ ихъ идеяхъ. Онъ шелъ какимъ-то особеннымъ, своимъ путемъ, будто буря, уничтожая на пути все рослое и упругое.

Раздавивъ идеалистовъ революціи, онъ теперь присутствовалъ при трагической судьбѣ ея уродливѣйшаго дѣтища—перваго французскаго цезаря. Сначала онъ вознесъ корсиканца на вершину славы, увѣнчалъ его короной, потомъ допустилъ изнывать въ униженіи и неволѣ. А пока вѣнчалъ другихъ избранниковъ, также свергалъ ихъ одного за другимъ, забывая о нихъ на другой день послѣ событія...

Чего хотѣла эта сила? Ясно было одно: для нея не было ни героевъ, ни боговъ, завѣщанныхъ преданіемъ. Всѣхъ, кто мечталъ безъ ея вѣдома устроить ея благополучіе, или кто, созданный ею, дерзалъ отдѣлиться отъ нея,—всѣхъ одинаково постигала карающая рука. «Всѣ, кто не со мной—тотъ противъ меня», говорилъ новый дѣлатель исторіи, и не хотѣлъ терпѣть ничего индивидуальнаго, ничего обособленнаго, будь это подвижники идеи или герои войны.

Тогда страшная тоска охватила человѣка. Личность, въ теченіе вѣковъ и еще такъ недавно самоувѣренно располагавшая судьбами міра, теперь почувствовала себя безнадежно-униженной.

«Героевъ больше не надо», «преобразователи и вожди—старый бредъ, непригодный къ жизни», «все исключительное и обособляющееся подлежитъ упраздненію»,—такія рѣчи звучали непрерывно въ каждомъ новомъ событіи, скрѣплялись каждымъ шагомъ вновь явившейся власти.

Вы помните одну изъ остроумнѣйшихъ сценъ русской комедіи? Герой, переполненный пламенными чувствами, принимается поучать толпу, изливать скорби наболѣвшей души. Его нѣкоторое время слушаютъ, но скоро всѣ одинъ за другимъ расходятся и рѣчь героя тонетъ въ звукахъ вальса, и мысли его развѣяны танцемъ... Какое совпаденіе смѣха и слезъ!

То же самое произошло въ Европѣ въ началѣ нынѣшняго вѣка. Послѣ многолѣтнихъ проповѣдей и поученій вдругъ оказалось безцѣльнымъ проповѣдывать и учить. Не стало ни учениковъ, ни слушателей. Всѣ идеалы, теоріи, системы смывались могучимъ потокомъ безъ разбора и безъ пощады. Волна исторіи неслась куда-то къ другой цѣли, какая не грезилась политикамъ и философамъ.

Что долженъ былъ почувствовать Чацкій, увидѣвъ бѣгство

толпы въ отвѣтъ на его страстныя рѣчи? Онъ долженъ былъ въ ту же минуту сообразить, что ему нѣтъ здѣсь мѣста и враждебное чувство къ этимъ людямъ невольно наполнило его сердце.

То же произошло съ отдѣльными личностями въ началѣ нашего вѣка. Тоскующіе и розочарованные герои заполонили литературу. И имъ предстояло множиться и все глубже отчаяваться въ своей силѣ. Чѣмъ дальше развивалась исторія, тѣмъ все шире сцена ея захватывалась толпой и тѣмъ меньше оставалось мѣста избраннымъ мыслителямъ и свободно вдохновеннымъ художникамъ. И, наконецъ, политическая власть и власть увѣнчивать таланты и создавать возможную на землѣ справедливость окончательно перешла въ руки силы безличной, смутной, но непобѣдимой въ своемъ стихійномъ могуществѣ. Имя этой силы—*толпа* и она своимъ значеніемъ сообщила рѣзкій своеобразный характеръ девятнадцатому вѣку.

Вѣнцомъ ея усилій было узаконеніе всеобщей подачи голосовъ въ конституціяхъ. Отнынѣ она становилась распорядительницей государственнаго порядка и общественнаго благополучія. Она— истинный монархъ современнаго свободнаго государства, она— первоисточникъ всякой власти и ея единственный верховный судья. Естественно, все, что способно служить обществу умомъ, талантомъ, ученостью является слугой этого государя. Писатель творитъ ради его одобренія, политикъ составляетъ программы своей дѣятельности и произноситъ краснорѣчивыя рѣчи въ разсчетѣ на его вниманіе и сочувствіе, ученому грозитъ одиночество, забвеніе и упреки въ тунеядствѣ и гражданскомъ равнодушіи, если онъ вздумаетъ затворить двери своего кабинета предъ тѣмъ же господиномъ и дѣлиться сокровищами своей науки только съ одними избранными.

Когда-то вполнѣ безнаказанно можно было бросать презрительные взоры на сѣрое скопище людей, именуемое на поэтическомъ языкѣ чернью, на политическомъ—толпой. У поэтовъ имѣлись благородные покровители и тонкіе цѣнители, государственные люди отличались предъ своими повелителями и предъ мнѣніемъ почтеннаго и высшаго общества, какое имъ было дѣло до настроеній улицы? Даже Шекспиръ, отнюдь не изящный франтъ и не блюдолизъ, истинный англійскій плебей по широтѣ натуры, по непосредственности вкусовъ, по свободѣ здраваго вкуса, даже онъ съ пренебреженіемъ толкуетъ о привѣтствіяхъ толпы и съ уваженіемъ о судѣ знатоковъ. Даже онъ не понимаетъ и не желаетъ понимать разумныхъ стремленій, политической мудрости, иногда присущихъ собранію простого народа. И онъ—сынъ крестьянина—не жалѣетъ красокъ для изображенія грубыхъ наклонностей, тупоумія и нравственной посредственности, будто бы неизбѣжно отличающихъ толпу. Онъ желаетъ быть для нея аристократомъ, человѣкомъ не ея міра и не ея ума.

Такъ мыслилъ и чувствовалъ свободнѣйшій поэтъ свободной Англіи! Что же было на континентѣ, гдѣ не смѣли и думать о свободѣ и о гражданскомъ достоинствѣ человѣка безъ мундира и предковъ? Вотъ одинъ краснорѣчивый примѣръ.

Знаменитый испанскій поэтъ Аларконъ, многому научившій Мольера, печатно обращался къ толпѣ съ самой откровенной

бранью, называлъ ее дикимъ звѣремъ, канальей, изобличалъ въ тупости и несправедливости, заранѣе признавалъ свои произведенія никуда не годными, если они понравятся ей, и находилъ утѣшеніе только въ джентльменахъ, всегда проницательныхъ и благосклонныхъ.

Эта удивительная рѣчь—образчикъ вообще всѣхъ молчаливыхъ или громкихъ чувствъ старыхъ поэтовъ. На ихъ языкѣ за словомъ народъ непремѣнно слѣдуетъ опредѣленіе тупоумный, *le peuple stupide,* за выраженіемъ толпа еще болѣе сильная характеристика—неблагодарная, безстыдная, не знающая упрековъ совѣсти, ненавидящая своихъ доброжелателей и бѣгущая за льстецами...

Политики также не стѣснялись ни въ словахъ, ни въ дѣйствіяхъ. Тамъ, гдѣ поэты сочиняли жестокіе стихи, они пускали въ ходъ соотвѣтствующія мѣры или просто не желали считаться съ двуногимъ стадомъ въ своихъ самыхъ мудрыхъ предначертаніяхъ. Панюржъ у Раблэ отлично представляетъ эту породу правителей народовъ: имъ достаточно знать 63 способа получать доходы и 214 способовъ дѣлать расходы, а что думаютъ на этотъ счетъ жуки, улитки и ягнята—это касается исключительно ихъ самихъ.

И вдругъ столь покойный и благородный порядокъ вещей рѣзко мѣняется! Улитки не желаютъ больше хорониться въ своихъ раковинахъ и ягнята блистать кротостью и молчаливымъ послушаніемъ. Они проявляютъ очень назойливый интересъ къ способамъ своихъ пастуховъ получать доходы и дѣлать расходы. Этимъ самымъ они выражаютъ притязаніе вмѣшиваться вообще въ ходъ государственной и общественной жизни и косвенно посягаютъ на свободу и аристократическую неприступность искусства и науки.

Потокъ ростетъ неудержимо. Толпа врывается всюду и требуетъ къ себѣ самаго пристальнаго вниманія. Сначала она становится госпожей въ театрѣ. Она занимаетъ партеръ и налагаетъ властную руку на поэзію и сцену. Она требуетъ, чтобы писатели занимались ею, ея интересами и ея идеями. Разные герои, короли и принцы должны очистить мѣсто простымъ мѣщанамъ и даже мужикамъ. И эти люди явились на всенародное зрѣлище со всею непринужденностью своего языка и своихъ маперъ и принялись поучать изощренныхъ эстетиковъ естественности творчества, житейской правдѣ и даже государственной мудрости и всякимъ другимъ идеаламъ.

И тотъ же канунъ нашего столѣтія увидѣлъ поразительныя сцены не на сценѣ, а среди самой публики. Раньше, чѣмъ революція создала свободу и равенство, театральный партеръ уже давно присвоилъ себѣ эти права. Онъ, по собственному усмотрѣнію, распоряжался содержаніемъ и смысломъ пьесъ, ихъ судьбой и славой авторовъ. Онъ не стѣснялся выражать какія угодно свои чувства, и непремѣнно въ свою, плебейскую пользу, вызывающе хохоталъ надъ глупымъ господиномъ, свисталъ развратному придворному и восторженно рукоплескалъ честному буржуа, разсудительному крестьянину и неприступной крестьянской дѣвушкѣ. Онъ дѣлалъ политику, еще не имѣя права быть политическимъ собраніемъ. Онъ производилъ сильнѣйшее впечатлѣніе на прави-

тельство путемъ аплодисментовъ и свистковъ. Это было вѣрнымъ предзнаменованіемъ другихъ, несравненно болѣе внушительныхъ воздѣйствій и на другомъ, менѣе всего увеселительномъ поприщѣ.

И толпа, дѣйствительно, скоро увидѣла себя на ораторскихъ трибунахъ, на депутатскихъ скамьяхъ, въ министерскихъ креслахъ. Всюду явились ея избранники, ея близкіе знакомые, покорные и родные ей люди.

Съ первыхъ же дней новой исторіи — толпа настоящая властительница положенія. Подъ ея контролемъ и крайне напряженнымъ вниманіемъ народные представители развиваютъ основы новаго государственнаго строя. Въ началѣ она сравнительно скромно и спокойно присутствуетъ при непривычномъ для нея зрѣлищѣ, но проходитъ всего нѣсколько мѣсяцевъ, и галлереи управляютъ ходомъ всего движенія. Тотъ ораторъ великъ и знаменитъ, кого онѣ осыпаютъ рукоплесканіями, наоборотъ—опозоренный криками негодованія долженъ заживо умереть и покинуть сцену дѣйствія. Никакія благія намѣренія и блескъ таланта не спасутъ его отъ трагической участи: онъ не угодилъ народу, онъ врагъ народа, и часто до отдаленнаго потомства съ его именемъ будетъ неразлученъ этотъ небывалый смертный приговоръ.

Пусть обиженные и уничтоженные какъ угодно обзываютъ своего врага: populace, canaille miserable, troupeau humain: чѣмъ рѣзче наименованіе—тѣмъ краснорѣчивѣе безсиліе побѣжденныхъ. И съ этихъ поръ народится особая порода гордыхъ отшельниковъ и одинокихъ протестантовъ. Они прямые потомки прежнихъ тонко-художественныхъ натуръ и недосягаемо возвышенныхъ мыслителей, но какая несоизмѣримая разница въ положеніи и чувствахъ!

Раньше можно было презирать спокойно и къ великому собственному удовольствію, ни слава, ни земныя блага отъ этого не страдали, напротивъ, презрѣніе къ черни окружало ученаго и поэта особо-возвышеннымъ ореоломъ. Не то теперь.

Толпа стала силой, совершенно неуязвимой для какого угодно олимпійскаго пренебреженія. Приходится волноваться болѣе глубокими и мучительными чувствами, надо поискать въ словарѣ болѣе убѣдительныхъ и серьезныхъ словъ. И современные аристократы идей усиленно ищутъ. Они стараются раскрыть опасности, какими грозитъ толпа міровой цивилизаціи. Поражающими красками они рисуютъ ея варварскіе вкусы, ея вѣчную наклонность къ вандализму и грубѣйшимъ матеріалистическимъ вожделѣніямъ. Въ такой средѣ идеальный мыслитель и художникъ являются мучениками своего генія, существами высшей породы, попавшими въ рабство къ дикарямъ и полуживотнымъ.

И сколько гнѣва и страсти умѣлъ высказать даже вѣчно ясный и радостно-безразличный Ренанъ, сочиняя своего Калибана! Какой ужасъ разсчитывалъ онъ внушить своимъ просвѣщеннымъ читателямъ, изображая гибель искусства подъ мертвящимъ безсмысленнымъ деспотизмомъ толпы! Цѣлый свѣтлый міръ готовъ погибнуть безслѣдно со всѣми волшебными образами поэзіи и чарующими звуками музыки, со всей несказанной красотой вѣ-

ковой цивилизаціи. И не будь Ренанъ по природѣ такимъ неизлѣчимо жизнерадостнымъ эпикурейцемъ, въ его рѣчи звучали бы слезы и проклятія: онъ вѣдь искренно вѣрилъ въ смерть высокихъ идеаловъ предъ натискомъ толпы.

У другихъ и звучатъ эти проклятія. Ни одна эпоха не знала такой мучительной погони за чистымъ искусствомъ. Никогда міръ не видалъ ничего, похожаго на болѣзненное отвращеніе современнаго символизма къ публикѣ, къ рядовому человѣчеству, къ «филистимлянамъ» и «самаритянамъ» и никогда не возникало философскаго пессимизма на почвѣ ненависти и презрѣнія—не къ жизни, не къ человѣческой природѣ вообще, а именно къ толпѣ, къ улицѣ.

Прочтите искреннѣйшія признанія Шопенгауэра, вы будете поражены какимъ-то органическимъ, безотчетнымъ отвращеніемъ къ самой идеѣ объ обыкновенномъ, заурядномъ человѣкѣ. Смотритъ ли философъ на Аполлона Бельведерскаго, ему грезится, будто страстное негодованіе и презрительный жестъ бога музъ направленъ на «филистимлянъ», т. е. въ толпу, этотъ «источникъ вѣчной глупости», божество только что метало свои стрѣлы. Вдумывается ли философъ въ теченіе человѣческой исторіи, онъ убѣждается въ необыкновенномъ, въ высшей степени гордомъ аристократизмѣ *природы*. Именно она крайне скупо создаетъ избранныхъ личностей и пригоршнями сѣетъ плебеевъ. На десять тысячъ черни приходится развѣ только одинъ патрицій и на цѣлые милліоны—одинъ принцъ. Все и всюду—*толпа* и, по естественному закону, аристократы по природѣ не должны смѣшиваться съ толпой, все равно, какъ живутъ отдѣльно и недосягаемо высшія привилегированныя сословія государства. Терпимость великихъ людей къ посредственностямъ—не добродѣтель, а просто высшая степень презрѣнія. Великій человѣкъ не смотритъ на другихъ, какъ на подобныхъ себѣ и, конечно, не можетъ предъявлять имъ серьезныхъ требованій. Онъ такъ же терпимо относится къ нимъ, какъ и къ животнымъ; нельзя же животныхъ упрекать въ безсмысліи и животности!

И сколько разъ философъ принимался оплакивать судьбу генія рядомъ съ толпой! Живетъ онъ будто въ пожизненной ссылкѣ на пустынномъ островѣ, никогда ему не приходится встрѣтиться съ существомъ близкимъ и родственнымъ, кругомъ одни только обезьяны и попугаи. И сколько усилій ему требуется, чтобы вѣчно подавлять свое настоящее мнѣніе о жалкихъ ничтожествахъ, даже когда они изъявляютъ свои восторги предъ его величіемъ и силой!

Вслѣдъ за Шопенгауэромъ явится аристократъ по природѣ, еще болѣе откровенный. Презрѣніе къ толпѣ, къ человѣческому стаду подскажетъ Нитче образъ сверхчеловѣка, особаго существа, имѣющаго законное право бросать себѣ подъ ноги тысячи «ариѳметическихъ единицъ» и строить пьедесталъ своей власти на человѣческихъ жизняхъ, будто на извести и камняхъ. Философъ закончитъ свою духовную жизнь сумасшествіемъ, онъ убѣдится, что онъ никто иной, какъ творецъ міра. И умственный свѣтъ навсегда исчезнетъ для несчастнаго генія...

Странная участь! Повидимому, нѣтъ ничего спокойнѣе и завиднѣе для человѣка глубокой увѣренности въ личномъ недося-

гаемомъ превосходствѣ надъ всѣмъ окружающимъ міромъ. Къ чему волноваться надеждами или лишеніями, разъ все человѣческое до такой степени ничтожно и пошло? Мудрецъ доволенъ самимъ собой,—говорили стоики и безукоризненно слѣдовали этой истинѣ. Они дѣйствительно сторонились отъ современной толпы и не переживали въ своемъ одиночествѣ никакихъ драмъ, мирно и счастливо занимались перепиской другъ съ другомъ, читали сочиненія лучшихъ писателей и боялись только одного: какъ бы какой-нибудь Неронъ не заставилъ ихъ умереть именноза это слишкомъ полное и обособленное счастье.

А въ наше время одинъ аристократъ мысли сходитъ съ ума, съ другимъ совершается нѣчто еще болѣе удивительное. Ужъ, кажется, на что̀ краснорѣчивѣе аристократической гордости Шопенгауэра, а между тѣмъ этотъ геній въ теченіе всей жизни страдальчески изнываетъ о славѣ, о популярности какъ разъ среди столь презираемаго человѣческаго стада. И самый гнѣвъ его возростаетъ и становится надменнѣе не потому, что философъ видитъ все худшихъ «филистимлянъ», а потому, что эти несчастные долго не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на честолюбиваго пессимиста. А когда, наконецъ, начинается слава, у Шопенгауэра нѣтъ высшаго интереса, какъ слѣдить именно за ростомъ этой славы.

Какимъ наивнымъ, юношески влюбленнымъ трепетомъ дышитъ его переписка съ преданнымъ ученикомъ! Онъ желаетъ знать, въ какомъ количествѣ экземпляровъ расходятся его портреты, высчитываетъ, сколько храмовъ будетъ ему воздвигнуто послѣ его смерти, едва не падаетъ въ обморокъ, когда восхищенный поклонникъ цѣлуетъ ему руку...

И все это имѣетъ прямое отношеніе къ тѣмъ самымъ плебеямъ, какіе, въ глазахъ мудреца, равны животнымъ! Противорѣчіе, убійственное для нашего аристократа, но, очевидно, неизбѣжное. Попугаи и обезьяны своими гримасами и крикомъ способны смутить даже единственнаго человѣка на пустынномъ островѣ и заставить его внимательно прислушиваться и присматриваться къ дикому зрѣлищу. Какая, надо думать, великая притягательная сила заключена въ толпѣ, столь бѣдно одаренной и столь безнадежно неразвитой!

II.

Утвердительные отвѣты идутъ со всѣхъ сторонъ. Толпа становится столь же избраннымъ мотивомъ литературы и любопытнѣйшимъ предметомъ психологіи, какимъ раньше были герои и люди. Казалось бы, совершенно немыслимо представить драму безъ центральной фигуры, безъ единой личности, сосредоточивающей на себѣ интересы окружающаго міра, и между тѣмъ современные драматурги рѣшаютъ задачу совершенно обратную.

Они желаютъ показать публикѣ величайшія историческія событія, безъ вождей и единоличной управляющей силы. Попытка Гауптмана въ *Ткачахъ* привлекла всеобщее вниманіе тамъ, гдѣ искони создавались всевозможныя, философски-развитыя теоріи искусства, и ученые соотечественники драматурга готовы про-

возгласить его основателемъ новой драмы, соотвѣтствующей общему духу нашего вѣка: драмы толпы, массы, вмѣсто трагедіи личности.

И на помощь искусству идетъ наука. Она безпощадно уничтожаетъ, одну героическую легенду за другой, развѣнчиваетъ все тѣхъ же бѣдныхъ героевъ ради все той же безличной толпы и посягаетъ какъ разъ на самыя поэтическія преданія прошлаго.

Ей не жаль отнять у романтическаго воображенія Вильгельма Телля, Орлеанскую Дѣву. Ея *правда* гласитъ: всюду дѣятелемъ и вдохновителемъ была народная масса, именно то стадо, какое даже стыдились выводить классики на свою сцену. И будущій дѣйствительно реальный поэтъ долженъ отодвинуть на второй планъ красивыя сказки о сверхчеловѣческомъ героизмѣ и заполнить сцену «цифрами». Для него это будетъ несравненно труднѣе, чѣмъ изобразить самаго грознаго и знаменитаго генія.

Проникнуть въ душу толпы, прослѣдить причины ея столь измѣнчивыхъ и столь мощныхъ нравственныхъ движеній гораздо болѣе сложная психологическая задача, чѣмъ раскрыть душевныя тайны хотя бы даже Лира, Гамлета, Юлія Цезаря. Здѣсь можно сосредоточиться на опредѣленныхъ идеяхъ героя, на его заранѣе установленныхъ инстинктахъ и свойствахъ, а толпа... Она у Шекспира устами одного изъ своихъ вожаковъ говоритъ о себѣ: «умы наши слишкомъ пестры». И пестрота, очевидно, до такой степени сложная и трудно уловимая, что величайшій драматургъ предпочитаетъ отдѣлаться отъ нея мимолетными замѣчаніями, односложными перебранками и превратить толпу въ смутный фонъ для величественной фигуры героя.

И до сихъ поръ всемірная литература не знаетъ поэта, умѣвшаго проникнуть въ таинственный міръ массовой психологіи. Не знаетъ такого Колумба и наука. Она, повидимому, твердо рѣшила отречься отъ культа героевъ и часто даже наноситъ совершенно неосновательныя оскорбленія великимъ людямъ, укорачивая и принижая ихъ въ интересахъ разныхъ вліяній, среды и обстановки. Исторія старается создать новое направленіе во имя «почвы» и «атмосферы» и въ ущербъ личной оригинальности и иниціативы историческихъ дѣятелей. Но это значитъ, она только предчувствуетъ свою истину, разобраться въ ней не можетъ. Безчисленное число разъ изображалась, напримѣръ, фигура Лютера, описывалась съ величайшими подробностями личность Наполеона. Обѣ темы были чистымъ утѣшеніемъ для историковъ-художниковъ. Безъ сомнѣнія, онѣ еще долго будутъ разрабатываться любителями пріятной, но, по нынѣшнимъ временамъ, мало благодарной и слишкомъ элементарной работы.

Мы не вѣримъ больше въ геніальное, непреодолимо могущественное вдохновеніе личности, мы твердо помнимъ предѣлы человѣческой воли, разъ ей приходится встрѣчаться съ равнодушіемъ и враждой. По нашему мнѣнію, только на театральной сценѣ да еще развѣ у наивнаго историка-анекдотиста толпу можно двинуть на какое угодно дѣло басней о желудкѣ или дѣтскими посулами. Мы увѣрены, толпа дѣйствовала такъ, а не иначе, не по одному мгновенному увлеченію, не подъ неотразимой властью человѣка—полубога, а на основаніи давнишнихъ стремленій и инстинктовъ, воспитанныхъ, можетъ быть, годами и десятилѣтіями и только

ждавшихъ случая обнаружиться. Герой сказалъ толпѣ нужное ей слово и двинулъ ее не столько силой своей рѣчи, сколько удачнымъ совпаденіемъ своихъ словъ съ ея уже готовыми представленіями.

Да, это внѣ сомнѣнія, и только такимъ соображеніемъ можно объяснить множество фактовъ, весьма нелестныхъ для героической славы вождей и вдохновителей. Почему, напримѣръ, герои, бывшіе сначала явно впереди толпы и влекшіе ее за собой, весьма скоро становятся ея рабами, идутъ за ней часто противъ воли или съ ужасомъ отступаютъ въ сторону отъ движенія, ими же, повидимому, и вызваннаго?

Это именно повторялось со всѣми вождями революціи. Неудержимый потокъ или влекъ ихъ вплоть до террора, или смылъ ихъ съ пути и они съ ужасомъ слѣдили за бурной стихіей, не имѣя средствъ остановить ее, ни силъ пристать къ ней. А Лютеръ, такъ тотъ даже изрекъ проклятіе на толпу, вздумавшую свободу религіознаго чувства основать на гражданской свободѣ.

И неужели вы поставите этихъ людей въ центрѣ историческаго движенія послѣ того, какъ они стали его жертвами или въ лучшемъ случаѣ его слугами? Неужели вы все еще будете заставлять ихъ произносить громкія рѣчи и показывать толпу, гипнотически подчиняющуюся оратору? Вы. напротивъ, должны признать,—вся сила оратора въ способности и готовности толпы отозваться на его рѣчь и судьба его задачи зависитъ исключительно отъ нравственныхъ связей, заранѣе существовавшихъ между его идеями и затаенными желаніями его слушателей. Вы, слѣдовательно, обязаны направить всю силу психологическаго анализа на массу и здѣсь прежде всего выяснить тайну величія и успѣховъ героя.

И мы начинаемъ усердно заниматься вопросомъ. Мы знаемъ, значеніе толпы будетъ расти непрестанно и все настоятельнѣе придется считаться съ ней рѣшительно во всѣхъ областяхъ современной умственной и практической жизни. Въ политикѣ—все начинается и кончается толпой. Она выбираетъ представителей народа, она же потомъ возникаетъ среди этихъ самыхъ представителей. А страшныя экономическія задачи нашего столѣтія? Эти безпрестанныя забастовки, стачки, нерѣдко настоящіе бунты. Здѣсь самое подлинное и неограниченное царство толпы, со всей ея стремительной, загадочной психологіей, со всей грозой неожиданныхъ вспышекъ и потрясающихъ преступленій. Наконецъ, современная университетская аудиторія, хотя бы въ ученѣйшей европейской странѣ, въ Германіи... Преданіемъ сѣдой старины приходится считать спокойное и кабинетно-ученое слово какого-нибудь Ранке. Теперь съ каѳедры безпрестанно раздается пароль той или другой политической партіи, часто прямое воззваніе къ молодежи. И она привѣтствуетъ профессора, будто оратора въ парламентѣ или на митингѣ и по его политикѣ распредѣляетъ свою признательность и свое равнодушіе. Развѣ она также не толпа? Развѣ ея не волнуютъ страсти данной минуты и развѣ *историческое* прославленіе Фридриха *прусскаго* менѣе способно взволновать прусскія сердца, чѣмъ открытое славословіе Вильгельму II? И развѣ судьбу города Страсбурга при Людовикѣ XIV

нельзя разсказать съ самымъ современнымъ патріотическимъ волненіемъ?

И университеты ежедневно внимаютъ этимъ рѣчамъ и разсказамъ и заранѣе воспитываютъ въ своихъ аудиторіяхъ политическую толпу. Студенты являются въ парламентъ, на народную сходку готовыми бойцами и повторяютъ все тѣ же сцены изъ своей молодости, только съ еще большей свободой и авторитетомъ.

Да, толпа—истинный герой нашего времени, и естественно ея психологія становится излюбленнымъ вопросомъ ученыхъ и публицистовъ. На всѣхъ языкахъ появляется множество статей, цѣлыхъ книгъ на жгучую тему. Авторы собираютъ факты, стараются объяснить ихъ съ помощью закона, какой-нибудь общей истины. Это необходимо не только въ научныхъ цѣляхъ. Толпа безпрестанно совершаетъ противозаконія, необъяснимыя ни нравственно. ни логически.

Французскіе углекопы предаютъ жестокой казни инженера. менѣе всего виноватаго въ ихъ бѣдствіяхъ. Неаполитанское населеніе разрѣзываетъ на части гражданина, отдавшаго голоднымъ все свое достояніе и раньше никогда не проявлявшаго безсердечія и жадности... За что эти жертвы? Какая злая сила могла подвинуть массу людей на безцѣльное и не заслуженное кровопролитіе? И притомъ, достовѣрно можно сказать, каждый порознь изъ нихъ врядъ ли совершилъ бы убійство. Надъ нимъ будто отяготѣла какая-то темная власть, лишь только онъ явился однимъ среди тысячи·

Еще поразительнѣе сцены не на улицѣ, не съ героями-пролетаріями, а съ культурнѣйшими гражданами страны. На Западѣ въ рѣдкомъ парламентѣ не происходило за послѣднее время самыхъ отталкивающихъ сценъ. Даже англійскій не можетъ устоять предъ искушеніемъ и даетъ спектакли, не имѣющіе имени на парламентскомъ языкѣ. И послушайте, какъ одну изъ подобныхъ сценъ описываетъ очевидецъ, знаменитый вождь ирландской партіи, Макъ-Карти! Въ описаніи нѣтъ ни одной преувеличенной черты. Представьте, вамъ пришлось бы услышать его безъ названія времени и мѣста дѣйствія? Могли бы вы догадаться, что драма совершалась въ конституціонномъ собраніи свободнѣйшей и политически-даровитѣйшей націи всего міра?

«Какъ дико забавны были лица!—разсказываетъ депутатъ.— Казалось невѣроятнымъ, что эти люди, орущіе, привскакивающіе, мечущіеся, размахивающіе руками, какъ сумасшедшіе, джентльмэны, отцы семействъ, ученые, люди высшаго положенія въ обществѣ, образцовые денди, аристократы... Ни одинъ изъ этихъ людей, взятый отдѣльно, не былъ способенъ къ грубому оскорбленію, всѣ вмѣстѣ они представляютъ безпорядочно мятущуюся толпу вырвавшихся на волю паціентовъ Бедлама. Эти люди которые воютъ, будто спущенныя съ цѣпи собаки, не выказали бы ни малѣйшаго волненія, если бы имъ пришлось броситься со шпица св. Павла. Этотъ великій человѣкъ желѣзныхъ дорогъ, который теперь глядитъ какъ бѣшеный, сохранилъ бы невозмутимую физіономію и пріятную улыбку, если бы ему объявили крахъ его дорогихъ спекуляцій и банкротство»...

Молодая дѣвушка, видѣвшая эту картину—не могла, говоритъ авторъ, придти въ себя отъ изумленія, какъ разумныя существа могутъ дѣлать изъ себя такое грубое и низменное зрѣлище?

Французскій парламентъ множество разъ былъ свидѣтелемъ еще болѣе удивительныхъ происшествій. Удивительны они не энергіей жестовъ и криковъ: въ этомъ отношеніи врядъ ли когда какое политическое собраніе превзойдетъ современный австрійскій рейхсратъ. Несравненно любопытнѣе порывъ видимой безотчетности въ словахъ и дѣйствіяхъ, овладѣвающій толпой законодателей. Какъ, напримѣръ, разобраться въ такомъ фактѣ?

Депутаты явились въ палату спокойные, твердо знающіе программу своихъ отношеній къ министерству. Они ни подъ какимъ видомъ не желаютъ его гибели: напротивъ, они его признанное и испытанное большинство. Вдругъ во время преній всплываетъ какой-нибудь совершенно ничтожный вопросъ, просто даже министръ неудачно выразился или депутаты оппозиціи ловко изловили министра на пустяшной ошибкѣ или, что особенно ужасно, мнимомъ укрывательствѣ фактовъ. Начинаются дебаты. Температура поднимается. Присущее всякому народному представителю желаніе не совершить поруху своему депутатскому достоинству, не прослыть угодникомъ власти и администраціи, вступаетъ во всѣ свои права. Вопросъ принимаетъ критическій. конституціонный характеръ, идетъ на голоса, и министерство оказывается въ меньшинствѣ.

Какъ это случилось? Никто изъ виновниковъ сцены, всего нѣсколько минутъ назадъ дружественныхъ министерству, не въ состояніи объяснить. Исторія помнитъ въ особенности одинъ поразительный случай въ этомъ духѣ, именно наканунѣ февральской революціи. Вопросъ шелъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ о судьбѣ династіи. У власти стояло либеральное министерство и только оно могло предотвратить катастрофу. Фактъ сознавала почти вся палата, за исключеніемъ совершенно невмѣняемыхъ реакціонеровъ.

И все-таки непоправимый шагъ къ революціи былъ сдѣланъ въ нѣсколько минутъ. Дебаты начались по третьестепенному вопросу и увлекли умѣренныхъ либераловъ и завѣдомыхъ роялистовъ. Въ порывѣ протеста всѣ они или голосовали противъ министерства, или совсѣмъ не голосовали. Голосованіе состоялось и въ палатѣ, разсказываетъ очевидецъ, воцарилось мучительное волненіе. Съ замираніемъ сердца ждали рѣшенія министровъ и не одинъ депутатъ, только что помогшій ихъ паденію, чувствовалъ жестокое раскаяніе. Министровъ быстро окружила толпа съ соболѣзнованіями и изумленіями. Но дѣло проиграно, собраніе законодателей закрылось при конфузѣ большинства, неожиданно для себя совершившаго преступную шалость.

И такихъ приключеній множество. Правда, они возможны преимущественно въ очень политически неопытной средѣ, гдѣ страсти идутъ впереди идей и впечатлѣнія минуты сильнѣе принциповъ и убѣжденій. Но знаменательна не эта связь незрѣлости съ опрометливостью. Любопытна внезапность событій, отсутствіе въ нихъ видимаго смысла даже для самихъ виновниковъ. Любопытна въ особенности нравственная перемѣна, охватившая каждаго человѣка отдѣльно и толкнувшая его на поступокъ, вовсе ему не нужный и въ его же собственныхъ глазахъ безразсудный.

Есть здѣсь какая-нибудь логика? Говорятъ, всѣ факты имѣютъ свою причину и, слѣдовательно свое разумное объясненіе. А между тѣмъ, предъ нами нѣчто необъяснимое не только для насъ, но и для самихъ героевъ. Попавъ въ толпу, они будто хватили отравляющаго газа, утратили ясность мысли и способность отдавать отчетъ въ своихъ словахъ и поступкахъ. Гдѣ же скрывался этотъ ядъ? Вѣдь толпа состояла изъ такихъ же здоровыхъ и разсудительныхъ людей. Они это наглядно доказываютъ, раздѣляя общее негодованіе на совершившійся фактъ и со стыдомъ вспоминая свое участіе въ немъ.

Скажутъ, всѣ эти люди грубы отъ природы, прирожденные бойцы и гладіаторы и рады случаю развернуть силу легкихъ и мускуловъ. Но тогда чѣмъ же объясняется фактъ, засвидѣтельствованный исторіей всѣхъ историческихъ движеній? Женская толпа оказывается самой жестокой и кровожадной. Во время французской революціи ужаснѣйшія преступленія совершались женщинами. Онѣ превращались въ настоящихъ каннибаловъ, разрывали на части убитыхъ и, случалось, поѣдали ихъ сердца. Именно женщины обнаруживали неукротимую ярость противъ Маріи-Антуанетты, требовали четвертовать ее, изъ внутренностей надѣлать кокардъ и отдать на съѣденіе толпѣ ея сердце. И только женщинамъ приходили на умъ эти каннибальскія рѣчи.

То же самое свидѣтельствуетъ и исторія народнаго движенія при реформаціи. Толпы подъ предводительствомъ женщинъ, совершали самыя жестокія опустошенія и заклинаніями фанатизировали людей до полной потери человѣческаго чувства. И такъ дѣйствовали даже молодыя и красивыя дѣвушки.

Какое можно вывести заключеніе? Можно ли признать, что природа женщинъ сама по себѣ болѣе наклонна къ жестокости и крови? Доказать этого нельзя на основаніи наблюденій надъ обычными фактами преступности. Слѣдовательно, и здѣсь вся тайна въ какой-то силѣ, обнаруживающей себя только при извѣстныхъ условіяхъ. Стоило нѣсколькимъ личностямъ сойтись вмѣстѣ и получилось нѣчто новое, чего раньше нельзя было подозрѣвать ни въ одной изъ нихъ порознь. Будто два газа, въ извѣстномъ соединеніи дающіе жидкость.

И какое громадное участіе эта сила принимала въ величайшихъ событіяхъ исторіи! Возьмите, напримѣръ, біографію Наполеона, удалите со сцены толпу, вы этимъ самымъ вычеркните изъ исторіи рядъ ужаснѣйшихъ страницъ, какія только были написаны въ ней руками такъ называемыхъ великихъ людей. Эта ликующая парижская улица, встрѣчающая тріумфомъ генерала Бонапарта по возвращеніи изъ египетскаго, менѣе всего доблестнаго похода, это скопище людей, замирающее въ идолослужительскомъ восторгѣ предъ краснымъ консульскимъ мундиромъ, развѣ все это не пьедесталъ для сверхъчеловѣка! И вопросъ, сталъ ли бы этотъ просто человѣкъ сверхъчеловѣкомъ, если бы ему не подставило затылковъ и спинъ имъ же глубоко презираемое стадо?

И кто поручится, что подобное творчество толпы немыслимо и въ наше время, и въ отдаленномъ будущемъ. Никакіе Ренаны съ своей аристократической надменностью и божественной ясно-

стью души не спасутъ людей отъ громадной, всеохватывающей власти толпы. Презирать, обращаться въ бѣгство, пренебрегать весьма часто—значитъ свидѣтельствовать о безсиліи или неумѣньѣ бороться.

Мы должны совершенно иначе считаться съ историческимъ явленіемъ, какимъ бы ненавистнымъ и дикимъ оно ни казалось намъ. И врядъ ли какой еще вопросъ въ современной психологіи и общественной мысли можетъ поспорить своимъ всестороннимъ практическимъ значеніемъ съ вопросомъ о психологіи толпы, о нравственномъ и политическомъ значеніи этой отнынѣ первенствующей силы.

III.

Мы все время говоримъ по поводу статьи французскаго публициста Тарда и между тѣмъ не могли извлечь изъ нея ни одного поучительнаго факта, ни одного цѣннаго замѣчанія. Написано громадное разсужденіе, совершенно призрачнаго, неуловимаго содержанія. Писатель съумѣлъ только обнаружить обычныя аристократическія чувства большинства современныхъ литературныхъ знаменитостей. Онъ ненавидитъ и презираетъ толпу. Онъ собираетъ о ней скандальныя исторіи по сочиненіямъ Тэна, и ему и на умъ не приходитъ задать себѣ вопросъ, какой же смыслъ этихъ скандаловъ? И была ли капля логики и историческаго пониманія событій у автора, задавшагося цѣлью величайшее движеніе новаго времени свести къ нарушенію общественной тишины и порядка?

Жалкій народъ эти литературные аристократы мѣщанской крови! На каждомъ шагу факты бьютъ ихъ наповалъ, парламентъ даетъ самыя несообразныя представленія, періодическая печать безпрестанно лжетъ, клевещетъ, играетъ на низменныхъ инстинктахъ улицы, политическіе дѣятели занимаются словеснымъ фехтованіемъ на сценѣ и заушеніемъ уголовнаго кодекса за кулисами... А они, эти господа въ академическихъ кафтанахъ, пробавляются презрительными улыбками и крѣпкими словами. Будто когда-нибудь эти средства доставляли кому-либо пользу или удовольствіе, кромѣ самихъ улыбающихся и бранящихся!

Такъ и нашъ авторъ.

Его образецъ Тэнъ могъ сквозь свои очки не видѣть самыхъ яркихъ явленій современной дѣйствительности и совершенно спокойно, съ помощью непарламентскихъ выраженій, уничтожать не только толпу, но даже всю демократію и созданный ею порядокъ вещей. Наивнѣйшій педантъ воображалъ, будто содержимое его чернильницы вполнѣ довлѣетъ противъ всѣхъ теченій жизни. Тардъ уже не можетъ раздѣлять ослѣпленія учителя.

Онъ искренне ужасается предъ неотразимымъ вліяніемъ толпы. Онъ понимаетъ, что современному писателю, поэту, философу нѣтъ ни малѣйшей возможности уберечься отъ гипнотизирующей власти улицы. Будь какая угодно оригинальная и сильная личность, она непремѣнно тѣсно соприкасается съ толпой: иначе она утратитъ всѣ пути идеями воздѣйствовать на внѣш-

вій міръ, т. е. потеряетъ даже право считаться сильной и творческой единицей.

Ужасное положеніе! Авторъ не желаетъ примириться съ нимъ. Ему нужны непремѣнно Манфреды, ораторствующіе на одинокихъ скалахъ, Демоны, снисходящіе до земли только ради какого-нибудь «одного созданія», ну хотя бы нѣсколькихъ сенъ-жерменскихъ дамъ, и ужъ никакъ ради «людского стада». Вопросъ, какъ же сохранить эту породу смертныхъ?

Нѣкоторые думаютъ, высшіе экземпляры человѣческой расы будутъ пощажены той же толпой. Она во имя благодарности къ ихъ благодѣяніямъ и въ восторгѣ предъ ихъ исключительными умами — предохранитъ ихъ отъ позорнаго приравниванія ихъ шалостей къ общему уровню.

Вы понимаете? Если нѣтъ, можете быть спокойны: и сами изобрѣтатели идеи, навѣрное, не понимаютъ ея, по крайней мѣрѣ, практическаго смысла. Недурна и логика. Толпа одарена непреодолимой властью привлекать къ себѣ всякую дѣятельную и даровитую личность и та же толпа будетъ ограждать одинокое самосозерцаніе избранныхъ умовъ. Какъ это она разрушитъ собственную свою природу и предастъ себя самоубійству—философы наши не входятъ въ подробности.

Тардъ разсчитываетъ на другое средство.

Земледѣльцы щадятъ вершины горъ, не обезображиваютъ нивами и виноградниками не потому, чтобы они щадили родники воды въ нѣдрахъ этихъ горъ, а просто потому, что поверхность ихъ слишкомъ тверда и недоступна ихъ заступамъ. То же самое и великіе одинокіе геніи.

Они должны разсчитывать исключительно на свою способность сопротивляться уравнительнымъ вліяніямъ толпы. Только въ ихъ собственной устойчивости ихъ спасеніе.

И нельзя не сознаться, просвѣщенные соотечественники автора весьма широко примѣняютъ это средство. Они стараются создать изъ своихъ ученыхъ кабинетовъ и аудиторій своего рода Ѳиваиду, воздвигнуть непроницаемую стѣну между интересами и задачами внѣшняго міра и своими изысканными вкусами и умственными наслажденіями. Они представляютъ особую расу эстетическихъ трутней, счастливыхъ при единственномъ условіи: лишь бы ихъ не трогали въ ихъ углахъ. А тамъ пусть на улицѣ царитъ стонъ, даже льется кровь, избранная личность закроетъ поплотнѣе окно и создастъ развѣ новый трактатъ на тему звѣрской психологіи толпы и безплодныхъ надеждъ мудрецовъ дождаться отъ нея когда-либо человѣческихъ чувствъ и поступковъ.

Но, къ несчастью, толпа весьма наклонна врываться даже въ закрытыя помѣщенія и обшаривать самые укромные углы. Она уже это неоднократно совершала и съ дикими воплями взывала: намъ не надо ученыхъ и поэтовъ! И она бросала ихъ въ тюрьмы, рубила головы на гильотинѣ...

И кто знаетъ, покончила ли она навсегда съ этой дикой ненавистью даже въ культурнѣйшихъ странахъ міра? Кто поручится, что парижская улица, когда-то участвовавшая въ гибели первостепенныхъ ученыхъ прошлаго вѣка, откажется современемъ достойно возместить литературнымъ и ученымъ поносителямъ

Калибана? И развѣ мы не видимъ, какъ дешево цѣнитъ народъ современныхъ умственныхъ знаменитостей и какъ онъ при всякомъ удобномъ случаѣ готовъ привѣтствовать «человѣка на лошади» и освистать самаго основательнаго философа и блестящаго писателя?

И послѣ этого проповѣдывать отщепенство и устойчивость, убѣждать личность сторониться и спасать свое *я* отъ посягательствъ массы! Не значитъ ли это давать самый роковой совѣтъ и углублять и безъ того зіяющую пропасть между представителями таланта и знанія и рядовымъ человѣчествомъ? И не только рядовымъ. Даже такъ-называемое современное общество въ сущности такая же толпа, даже менѣе серьезная и нравственно-устойчивая, чѣмъ народная масса.

Подойдите къ этому обществу въ моментъ, когда его охватываетъ какое-нибудь общее чувство, когда оно во власти одного всѣмъ доступнаго интереса, вы будете поражены первобытностью и низменностью его впечатлѣній. Въ сравненіи съ нимъ народныя массы, принимавшія участіе въ историческихъ событіяхъ, покажутся вамъ величественной, хотя и стихійной силой. Тамъ дѣйствительно власть и стремительность во имя безусловно жизненнаго идеала, годами, можетъ быть, вѣками назрѣвшей національной политической и общественной задачи. Стремится къ ней толпа дико, по варварски сокрушаетъ препятствія, не отступаетъ предъ преступленіями, но вы знаете цѣль стремленій и знаете, что эта цѣль ляжетъ въ основу новой исторической эпохи.

А эта—культурная, усовершенствованная толпа! Лучше всего наблюдать ее въ любимѣйшемъ ея положеніи, на театральныхъ зрѣлищахъ. Она считаетъ ихъ украшеніемъ своей цивилизаціи, необходимой умственной и художественной пищей развитого гражданина, она щедро награждаетъ славой и деньгами своихъ увеселителей, она лучше знаетъ имена артистовъ и драматурговъ, чѣмъ самыхъ геніальныхъ ученыхъ и мыслителей. Очевидно, это лучшее ея изобрѣтеніе, и краснорѣчивѣйшій пробный камень ея духовныхъ силъ и ея идеаловъ.

Чтò же показываетъ этотъ пробный камень?

Около года назадъ отвѣтъ далъ безусловно почтенный знатокъ дѣла. Сказалъ онъ очень мало новаго, но замѣчательно, что именно онъ все это сказалъ, съ непосредственной самоуслаждительной откровенностью прирожденнаго фельетоннаго болтуна и типичнѣйшаго представителя просвѣщенной толпы.

Франциско Сарсэ извѣстенъ въ Парижѣ такъ же, какъ Эйфелева башня, и любимъ искренне и безгранично. Его умъ какъ разъ на уровнѣ среднихъ мыслительныхъ способностей интеллигентнаго француза, его вкусъ—общее достояніе всѣхъ, кто въ состояніи носить свѣжія перчатки и новые цилиндры. Почти полвѣка онъ провелъ въ театрѣ, въ залѣ или за кулисами. Это—живое метрическое свидѣтельство всѣхъ отечественныхъ этуалей и фуроровъ, но до послѣдней степени любезное и снисходительное. Онъ не выдастъ своей публики, и если что ужъ онъ говоритъ про нее, значитъ онъ это считаетъ безусловно въ порядкѣ вещей и не прочь приписать самому себѣ.

И вотъ Сарсэ вздумалъ изобразить психологію современной

театральной толпы. Сдѣлалъ онъ это очень подробно и дѣльно: вѣдь психологическое изслѣдованіе на каждомъ шагу переходило въ самопризнаніе. Что же получилось въ результатѣ?

По наблюденіямъ Сарсэ, для театральной публики не существуетъ заранѣе никакихъ достоинствъ какой-угодно пьесы. Все зависитъ исключительно отъ впечатлѣній на мѣстѣ, въ театральной залѣ. Такъ опытные директоры театровъ и говорятъ: на свѣтѣ нѣтъ ни хорошихъ, ни дурныхъ драматическихъ произведеній, а есть только благосклонныя и враждебныя впечатлѣнія театральной залы. Пьеса нравится,—вотъ единственно разумная критика, всѣ другіе разговоры объ ея содержаніи, о талантливости автора совершенно излишни. Поведеніе театральной толпы часто повергаетъ въ недоумѣніе самыхъ свѣдущихъ наблюдателей. Сарсэ изъ своей рецензентской практики знаетъ множество случаевъ, свидѣтельствующихъ чуть не мгновенное умопомѣшательство просвѣщенныхъ зрителей.

Вдругъ имъ понравится какая-нибудь фраза, три-четыре стиха,— и успѣхъ пьесы обезпеченъ надолго. Потомъ эффектъ забывается, и пьеса предается забвенію. Вообще нѣтъ ни малѣйшей возможности установить принципы общественнаго суда надъ авторами, драмами и даже артистами.

Въ этомъ случаѣ можно совершенно серьезно говорить о такого сорта вліяніяхъ, какія должны показаться пошлыми въ исторіи народной толпы, даже прямо невозможными.

Вы знаете, отчего зависитъ вкусъ интеллигентной публики и степень ея идеальныхъ построеній?

Вы думаете—отъ болѣе или менѣе животрепещущихъ идей писателя, отъ его творческой силы. Ничего подобнаго. Причинъ очень много и ни одной *психологической* въ прямомъ смыслѣ слова.

Во-первыхъ, весьма важно, давно или недавно пообѣдали зрители. Если недавно—никакой геній не вызоветъ у нихъ благосклоннаго вниманія. Пищевареніе вещь непримиримая съ эстетикой и пониманіемъ. И знаете, почему изъ современнаго репертуара почти окончательно исчезла серьезная, *высокая комедія* прежняго времени? Вовсе не потому, что некому писать такихъ комедій, а потому, что публика обѣдаетъ передъ самымъ спектаклемъ. Обѣдай они часа въ четыре—драматическая литература представляла бы совсѣмъ другой видъ. А теперь поневолѣ авторамъ приходится сочинять водевили и фарсы и еще худшіе драматическіе фокусы въ духѣ какого-нибудь Сарду.

Но существуетъ и еще болѣе удивительная причина, почему даже большой талантъ можетъ оказаться забракованнымъ и вчерашнее ничтожество сегодня стать именемъ. Стóитъ, напримѣръ, поставить драму въ томъ театрѣ, куда публика привыкла ходить смѣяться, и все дѣло проиграно. Толпа изумлена неожиданнымъ къ ней запросомъ, у нея нѣтъ почвы подъ ногами, нѣтъ обычной руководящей нити: потому что она *животное привычки*, и блестящая драма на водевильной сценѣ погибнетъ неминуемо.

Вообще вліяніе мѣста на интеллигентную толпу громадно. Достаточно какому-нибудь несчастному театру неудачно начать свою дѣятельность, поставить скучную пьесу, и за нимъ немед-

ленно устанавливается роковая репутація, онъ чахнетъ и гибнетъ отъ безсмысленнаго предубѣжденія публики. Наоборотъ, если театръ или какой-нибудь театральный жанръ въ модѣ, всякая посредственность имѣетъ успѣхъ.

Напримѣръ, въ теченіе, по крайней мѣрѣ, тридцати лѣтъ царила оперетка. Всякое либретто, зауряднѣйшая музыка встрѣчались восторженно.

— Ахъ, это оперетка!—восклицала толпа и наполняла театръ. Даже Сарсэ, по его словамъ, впадалъ въ ярость, но молчаливую. У него сердце обливалось кровью при видѣ, какъ окончательно гибла комедія, какъ сцену заполняли куплеты и легкомысленные мотивы. Но какъ бороться съ врагомъ?

Критика совершенно безсильна предъ увлеченіями толпы. Она будто начальникъ отряда, поддавшагося паникѣ. Ему волей-неволей приходится бѣжать вмѣстѣ съ своими солдатами. Остановить ихъ нѣтъ возможности; хорошо, если удастся установить какой-нибудь порядокъ въ бѣгствѣ. Такъ и критика.

Она видитъ бѣшеную стремительность публики къ предмету—явно предосудительному и пошлому. Ей остается бѣжать за толпой и только предупреждать ее въ особенно опасные моменты. Больше ничего она не въ состояніи сдѣлать и должна ждать, когда толпа остановится сама собой и приметъ другое направленіе. Тогда съ ней можно говорить!

Все это фактически вѣрно, но сколько же униженія и стыда заключается для критики въ подобномъ ея признаніи! Зачѣмъ же она тогда существуетъ, если у нея нѣтъ никакого самостоятельнаго вліянія, если она всякую минуту можетъ оказаться въ хвостѣ публики, вовсе даже не желающей и знать о настроеніяхъ критиковъ? Да въ сущности, такое положеніе не обычно ли вообще для критики? Вѣдь она не выдерживаетъ позиціи въ критическіе моменты. Слѣдовательно, если при извѣстныхъ обстоятельствахъ намъ кажется, будто она руководитъ толпой, не просто ли это потому, что толпа даннаго времени вяла и равнодушна или критика умѣла подладиться подъ ея вкусы?

Ставя эти вопросы, мы ни на минуту не должны забывать жизненнаго значенія фактовъ. Дѣло идетъ о той самой силѣ, какая управляетъ всей современной общественной и политической жизнью. Театральная толпа можетъ совпадать до мельчайшихъ подробностей съ толпой парламентскихъ избирателей и съ толпой въ самомъ парламентѣ, но она составляется изъ тѣхъ же элементовъ, пожалуй, даже во многихъ случаяхъ болѣе культурныхъ. Театромъ увлекаются именно тѣ интеллигенты, для которыхъ не существуютъ политическія бури и совершенно безразличны парламентскія происшествія.

Очевидно, психологія театральной залы можетъ считаться весьма достовѣрнымъ показателемъ духовнаго уровня вообще современной просвѣщенной толпы. И мы видимъ, до какой степени безъидейна, безотчетна и часто жалко смѣшна эта толпа. У нея нѣтъ настолько устойчивыхъ, даже литературныхъ вкусовъ, что она способна обвинить или оправдать какое угодно яркое художественное явленіе подъ внушеніемъ самыхъ фантастическихъ или грубо матеріальныхъ мотивовъ. Она неуловима

и непостижима въ своихъ приливахъ и отливахъ, но въ то же время она грозная, самодержавная сила. Критика даже вынуждена отказаться отъ борьбы съ ней и покорно слѣдовать за ней.

Поставьте теперь на мѣсто театральной залы другую залу митинга или парламента. Развѣ министерства торжествуютъ и падаютъ не подъ такими же внезапными порывами настроенiй депутатской толпы? Развѣ рѣчи ораторовъ освистываются или заслуживаютъ чести быть афишированными по всей странѣ не на основанiи впечатлѣнiй даннаго момента? Развѣ чуть не ежедневно перетасовываются группы и преобразовываются ихъ комбинацiи не подъ влiянiемъ все того же мгновеннаго внушенiя, часто мы видѣли, едва объяснимаго даже для самихъ артистовъ сцены?

Дальше. Критика устами одного изъ своихъ влiятельнѣйшихъ представителей слагаетъ оружiе предъ театральной толпой. А сколько разъ мы наблюдали и наблюдаемъ, когда государственный дѣятель умолкаетъ и стушевывается предъ натискомъ массоваго настроенiя? Мы отлично знаемъ, во Францiи и въ Италiи въ настоящее время нѣтъ недостатка въ политическихъ дѣятеляхъ, превосходно понимающихъ бѣдственное положенiе народнаго представительства. Не всѣ они лишены мужества публично выяснять пороки и предлагать средства исцѣленiя. Но кто ихъ слушаетъ?

Толпа поглощаетъ безслѣдно и безплодно разумныя рѣчи и продолжаетъ въ Италiи чествовать Криспи, во Францiи въ теченiе цѣлыхъ лѣтъ изъ-за одного судебнаго вопроса забывать важнѣйшiя задачи государственнаго управленiя и общественнаго порядка. Въ другихъ государствахъ еще печальнѣе: парламентская толпа уже прямо превращается въ уличную и чисто уличными средствами спасаетъ свою партiйную честь и оскорбляетъ чужую.

Что остается дѣлать *политической* критикѣ?

То же самое, что однажды сдѣлалъ Гладстонъ, присутствуя при одной изъ самыхъ драматическихъ сценъ англiйскаго парламента. Онъ сталъ въ сторонѣ отъ зрѣлища и, грустно созерцая дикую картину, произнесъ: «Я слишкомъ слабъ чтобы принять участiе въ генеральной битвѣ».

И безпрестанно современнымъ даже самымъ влiятельнымъ политикамъ приходится повторять Гладстона. Они безсильны предъ толпой, хотя бы даже она состояла изъ самыхъ развитыхъ и передовыхъ людей страны. Они безпрестанно вынуждены или подчиняться ей, или давать дорогу ея стихiйному движенiю и съ разбитымъ сердцемъ и озлобленнымъ умомъ взирать на слѣпо мятущуюся дикую силу.

Послушайте отчеты властей и печати о современныхъ народныхъ собранiяхъ: вы будете оскорблены въ лучшихъ своихъ человѣческихъ чувствахъ. Несомнѣнно, весьма часто дѣло обходится какъ и подобаетъ въ цивилизованной средѣ, но также весьма нерѣдко вопросъ объ идеяхъ переходитъ въ вопросъ о физической силѣ и поиски истины смѣняются покушенiемъ на личную честь противниковъ. И попробуйте спросить у свидѣтелей фактовъ,

чѣмъ объясняются такія происшествія? Вамъ отвѣтятъ: толпа опьянѣла отъ страстей, толпу съумѣли раздражить и натравить, толпу обманули и увлекли...

Вездѣ толпа и толпу. Она причина всѣхъ варварствъ, совершающихся на свободной почвѣ конституціонныхъ странъ, она виновница нравственнаго разложенія, проникающаго въ народное представительство, она выноситъ на поверхность авантюристовъ и дѣльцовъ. И не предвидится конца ея разрушительной и растлѣвающей дѣятельности.

Въ нѣкоторыхъ государствахъ уже существуетъ всеобщая подача голосовъ, другіе постепенно идутъ къ той же цѣли. Право голоса на парламентскихъ выборахъ все расширяется и этотъ пунктъ стоитъ во всѣхъ радикальныхъ программахъ. Рано или поздно, онъ непремѣнно осуществится, и тогда толпа станетъ истинной властительницей культурнаго міра.

Измѣнится ли ея практика на такой идеальной высотѣ? Отъ самихъ политическихъ центровъ—никоимъ образомъ. Напротивъ, психологія толпы можетъ стать еще грознѣе и стихійный характеръ ея власти еще шире и могущественнѣе. Права толпы на пути къ росту и полному торжеству, можно ли тоже сказать о нравственномъ улучшеніи толпы, о подъемѣ ея человѣческаго достоинства, о пониженіи ея способности къ безотчетнымъ увлеченіямъ и нерѣдко непоправимымъ ошибкамъ?

Врядъ ли, и по очень простой причинѣ.

Толпа до сихъ поръ остается дѣвственной почвой. Мы видѣли, какъ недавно стали изучать ея психологію и какъ ничтожны результаты изученія. Толпа продолжаетъ играть роль сфинкса, страшной загадки, чреватой какими угодно, самыми странными и неожиданными разрѣшеніями. Ее или презираютъ, или идутъ за ней, съ покорностью отчаянія, или льстятъ ей и ищутъ средствъ воспользоваться ея инстинктами, вовсе не съ цѣлью просвѣтить и облагодѣтельствовать ее.

Но это не значитъ рѣшать вопросъ, все энергичнѣе и безповоротнѣе надвигающійся на человѣчество. Оно цѣлые вѣка изучало личность всяческими способами. Оно творило всевозможныхъ героевъ въ искусствѣ, анализировало ихъ душу, въ наукѣ, преклонялось предъ ихъ волей въ политикѣ...

Все это стало прошлымъ. Больше не быть на свѣтѣ маркизу Позѣ и не восклицать ему въ лицо какому-нибудь всемогущему единоличному деспоту: «Государь! перомъ черкнуть вамъ стоитъ и земля обновлена»...

Самъ деспотъ расхохотался бы въ отвѣтъ на эту идеально-героическую рѣчь. Онъ предложилъ бы своему совѣтнику справиться, какъ думаютъ на счетъ почерка пера и обновленія земли тѣ самыя ариѳметическія цифры, которыя горячему воображенію идеалиста представляются столь послушнымъ и впечатлительнымъ матеріаломъ?

Идеалистъ увидѣлъ бы, что это вовсе не матеріалъ, хотя онъ и обозначается кратко—цифрой. У него есть свой нравственный міръ, совершенно своеобразный: онъ не походитъ на психологію каждой отдѣльной личности, входящей какъ единица въ общее число, его нельзя открыть и путемъ сравненія и комбинаціи нрав-

ственныхъ качествъ всѣхъ этихъ единицъ. Однимъ словомъ это—совсѣмъ особенный индивидуумъ и ради него слѣдуетъ открыть новый отдѣлъ психологіи, изобрѣсти новые пріемы анализа, короче, создать науку о толпѣ.

Тогда, можетъ быть, и откроются способы примирять ея душу съ идеями и чувствами личности, устранить съ общественной сцены недостойныя проявленія дикости, безразсудства и преступности. Тогда станетъ тяжелымъ воспоминаніемъ современный разладъ между благороднѣйшими личностями и массой и не будетъ больше самихъ наименованій—герои и толпа: будутъ только разумныя существа, взаимно понимающія другъ друга и во всякую минуту отвѣчающія за свои слова и дѣйствія. Одинаково трудная и неизбѣжная задача для наступающаго вѣка!

Ив. Ивановъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Ethics of the Great Religions» by Charles T. Gorham. (Watts and C°). London. (Этика великихъ религій). Въ этой книгѣ проводится параллель между этическими принципами всѣхъ важнѣйшихъ религій человѣчества. Авторъ относится съ уваженіемъ и безпристрастіемъ ко всѣмъ великимъ религіямъ и стремится найти между ними взаимную этическую связь. Въ литературѣ объ этикѣ книга эта должна занять выдающееся мѣсто.

(The Ethical World).

«Religion in Greek Literature» by the Res. Lewis Compbell. (Longmans and C°). London. (Религія въ греческой литературѣ). Въ этой книгѣ заключаются двадцать четыре лекціи профессора Кэмпбеля, посвятившаго сорокъ лѣтъ своей жизни на изученіе предмета, о которомъ идетъ рѣчь. Профессоръ придаетъ огромное значеніе древнимъ религіямъ и относится безпристрастно ко всякой формѣ религіозной мысли. Онъ въ особенности возстаетъ противъ той ошибки, въ которую впадаетъ большинство изслѣдователей сравнительной религіи, обыкновенно сравнивающихъ только совершенства одной религіи съ недостатками другой. Авторъ заканчиваетъ свое изслѣдованіе краткимъ обзоромъ періода между Аристотелемъ и возникновеніемъ христіанства и обсуждаетъ проблемы, порожденныя этимъ смутнымъ временемъ, отыскивая связь между ними и современными проблемами. (The Ethical World).

«Naturwissenschaftliche Plaudereien» von D-r Budde. Zweite Auflage. (George Reimes). Berlin. (Бесѣды по естественной исторіи). Авторъ предназначаетъ свою книгу для большого круга читателей, не получившихъ спеціальнаго научнаго образованія, но интересующихся естественною исторіей. Свои бесѣды о различныхъ представителяхъ міра животныхъ, какъ крупныхъ, такъ и самыхъ мелкихъ, авторъ ведетъ очень увлекательно и живо, но въ то же время строго основывается на точныхъ научныхъ наблюденіяхъ и фактахъ. Книга эта несомнѣнно должна возбудить интересъ въ читателяхъ и побудить ихъ къ дальнѣйшему изученію естественной исторіи.

(Frankfurter Zeitung).

«Der Alkoholismus nach Wesen, Wirkung und Verbreitung» von Alfred Grotjahn. Georg H. Wigand's Verlag. Bibliothek für Socialwissenschaft. (Алкоголизмъ, его вліяніе и распространеніе). Авторъ постарался собрать въ своей книгѣ весь матеріалъ, касающійся вопроса объ алкоголизмѣ и мѣрахъ борьбы съ нимъ, причемъ выдвигаетъ на первый планъ соціальныя стороны этого вопроса. Послѣ краткаго историческаго обзора автора переходитъ къ изученію дѣйствія алкоголя и причинъ алкоголизма, вліянія климата, расы и невропатическаго сложенія, и главнымъ образомъ, соціальныхъ условій. Въ заключеніе онъ обсуждаетъ мѣры, принимаемыя для борьбы съ алкоголизмомъ, и въ особенности указываетъ на то, что извѣстныя соціальныя и политическія условія служатъ главными причинами развитія алкоголизма, и тѣ, кто желаетъ успѣшно бороться съ алкоголизмомъ, должны прежде всего обратить вниманіе на эти условія. (Frankfurter Zeitung).

«L'île du diable» par Jean Hess. Paris. (Librairie Nelson). (Островъ дьявола). Интересное описаніе острововъ Спасенія и острова Дьявола по преимуществу, на которомъ содержится въ заключеніи пресловутый узникъ Дрейфусъ, дѣло котораго такъ волнуетъ Францію въ данную минуту. Авторъ книги, французскій журналистъ и сотрудникъ газеты «Matin», отправился прошлою осенью на острова Спасенія; спеціально, чтобы собрать свѣдѣнія о Дрейфусѣ. Самого Дрейфуса онъ, конечно, не могъ интервьюировать, но путемъ разспросовъ ему удалось узнать много интересныхъ фактовъ, касающихся жизни въ ссыльной колоніи и спеціально относящихся къ Дрейфусу и его заключенію на маленькомъ островѣ.

(Journal des Débats).

«Ethik» von D-r Thomas Achelis. Sammlung Gischen. Leipzig. (Этика). Авторъ этого небольшого томика излагаетъ въ очень сжатой формѣ исторію этики и кри-

тическій обзоръ ея основныхъ принциповъ. Главы, относящіяся къ исторіи возникновенія принциповъ нравственности, надо признать особенно удачными въ книгѣ. Авторъ приближается въ своихъ воззрѣніяхъ къ Герберту Спенсеру и ищетъ въ исторіи развитія человѣчества историческихъ основъ для всѣхъ соціальныхъ и этическихъ учрежденій.

(Frankfurter Zeitung).

«Zeiten und Menschen» Erlebnisse und Meinungen, von Rudolph Genée. (Berlin. Ernst Siegfried Mittler und Sohn). (Времена и люди). Въ этой книгѣ заключаются воспоминанія очевидца и участника событій 18-го марта 1848 года. Но авторъ въ своихъ воспоминаніяхъ касается не только этихъ историческихъ событій, а описываетъ также современное ему общество и многихъ изъ политическихъ и общественныхъ дѣятелей, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло, и такъ какъ онъ посвятилъ себя впослѣдствіи драматической литературѣ, то въ очеркахъ его отводится большое мѣсто театру и свѣдѣнія, сообщаемыя имъ, могутъ служить богатымъ матеріаломъ для исторіи театра въ Германіи.

(Frankfurter Zeitung).

«Eine Biographie von Ludwig Philippson». Von M. Kayserling (Mendelssohn). Leipzig. (Біографія Лудвига Филиппсона). Большинству читателей, конечно, очень мало извѣстна личность іудейскаго теолога Филиппсона, исторія котораго, однако, находится въ довольно тѣсной связи съ исторіей современной германской культуры. Лудвигъ Филиппсонъ былъ основателемъ спеціально еврейской публицистики въ Германіи, занимавшей не послѣднее мѣсто въ исторіи развитія общественнаго духа въ этой странѣ. Положеніе, которое занималъ Филиппсонъ среди современнаго еврейства, его литературное значеніе и вліяніе—все это придаетъ общій интересъ біографіи этого выдающагося человѣка.

(Frankfurter Zeitung).

«L'Art d'écrire, enseigné en vingt leçons» par Antonie Albalat (Armand Colin et C⁰). Paris. (Искусство сдѣлаться писателемъ въ двадцать уроковъ). Заглавіе этой книги можетъ внушить нѣкоторыя подозрѣнія, такъ какъ авторъ взялъ на себя довольно трудную и рискованную задачу—научить искусству писать книги, преподавъ нѣсколько полезныхъ совѣтовъ насчетъ способовъ писанія и технической стороны писательскаго дѣла. Но несмотря на то, что многое можно было бы возразить противъ такого пониманія писательскаго искусства, тѣмъ не менѣе нельзя отрицать пользы, которую можетъ принести эта книга, очень живо и толково написанная, въ особенности всѣмъ начинающимъ писателямъ и облегчить имъ первые шаги на литературномъ поприщѣ.

(Journal des Débats).

«L'Ouvrier du temps passé» (XV et XVI siècle) par H. Hauser. Professeur à la Faculté des Lettres de l'Université de Clermont-Ferrand (Felix Alcan). (Рабочій прошлыхъ временъ). Этотъ томъ входитъ въ составъ серіи изданій подъ заглавіемъ «Bibliothèque générale des sciences sociales» и заключаетъ въ себѣ изслѣдованіе положенія и организація труда въ XV и первые годы XVI вѣка. Авторъ изучаетъ вліяніе экономическаго переворота, вызваннаго открытіемъ новыхъ міровъ и вліяніе соціальнаго переворота, вызваннаго зарожденіемъ буржуазіи на измѣненіе положенія рабочаго, а также политическія, промышленныя и религіозныя причины, въ свою очередь вліявшія на измѣненія условій труда.

(Journal des Débats).

«Das Litterarische Echo». Berlin (Fontane und C⁰). (Литературное эхо). Въ этомъ библіографическомъ журналѣ, выходящемъ два раза въ мѣсяцъ читатели найдутъ, кромѣ статей о разныхъ современныхъ вопросахъ, и критическихъ статей, посвященныхъ тому или другому изъ современныхъ писателей, также рецензіи о всѣхъ новостяхъ нѣмецкой литературы и списокъ книгъ, только что появившихся на книжномъ рынкѣ.

(Frankfurter Zeitung).

«Through Arctic Lapland» by Cuteliffe Hyne. Illustrated. (Black and C⁰). (Черезъ арктическую Лапландію). Интересно написанное путешествіе по Лапландіи, знакомящее читателей съ этою малоизвѣстною суровою страной и ея обитателями. Къ книгѣ приложены очень недурныя иллюстраціи.

(Athaeneum).

«Life and her children» by Arabella Buckley (Edward Stanford). (Жизнь и ея дѣти). Одна изъ лучшихъ научно-популярныхъ книгъ по естественной исторіи, заключающая въ себѣ описаніе развитія животной жизни, начиная отъ низшихъ животныхъ къ высшимъ, отъ амёбы къ насѣкомымъ. Многочисленныя иллюстраціи служатъ прекраснымъ дополненіемъ къ тексту.

(The Athaeneum).

«The way the world ment then» by Isabella Barday. With illustrations. (Edward Stanford). (Какъ образовался міръ). Въ книгѣ заключается очень живо написанная и популярно изложенная исторія образованія земного шара и постепеннаго развитія культуры, образованія племенъ и націй, каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣка, свайныхъ построекъ и т. д. Книга иллюстрирована.

(The Athaeneum),

«Instinct and Reason» by Henry Rutgers Marshall. (Macmillan and C⁰). (Инстинктъ и разумъ). Авторъ задался цѣлью изслѣдовать отношенія, существующія между инстинктомъ и разумомъ, и опредѣлить значеніе, которое они имѣютъ въ жизни человѣка и вліяніе ихъ на образованіе и развитіе религій.

(Literary World).

«The Land of the Pigmies» by Capt. Guy Burrows (*Pearson*). (*Страна пигмеевъ*). Интересное путешествіе, авторъ котораго описываетъ вообще всѣ малоизвѣстныя племена округа Арувима и не только однихъ пигмеевъ. Что же касается этихъ послѣднихъ, то хотя авторъ и сообщаетъ о нихъ много любопытныхъ фактовъ, но факты эти не бросаютъ никакого новаго свѣта на это странное племя, такъ какъ авторъ не сдѣлалъ никакихъ серьезныхъ научныхъ антропологическихъ или лингвистическихъ изслѣдованій. (Literary World).

«Women and Economics» by M-rs Charlotte Perkins Stetson. (*Женщины и экономика*). Въ этой книгѣ авторъ изучаетъ экономическія отношенія, существующія между женщинами и мужчинами, и ихъ вліяніе, какъ факторовъ въ соціальной эволюціи. Авторъ, между прочимъ, находитъ, что женщины должны быть лучшими гражданками, чѣмъ онѣ есть, и должны быть еще болѣе полезны обществу не только какъ хозяйки и стряпухи, но какъ матери и соціальныя единицы, играющія роль благодѣтельныхъ факторовъ въ дѣлѣ соціальной эволюціи. (Athaeneum).

«Historie New-York» Edited by Maud Wilder Goodwin, Alice Carrington Royce, Ruth Putnam and Eva Palmer Brownell, Illustrated. (*Putnam's Sons*). *1899. New-York and London. Price 2,50 sh.* (*Исторія Нью-Іорка*). Прекрасно изданная и интересно составленная исторія огромнаго американскаго города, въ которой разсказывается, какъ голландскіе переселенцы устроили маленькую колонію на мѣстѣ нынѣшняго громаднаго города и какъ постепенно изъ этой колоніи выросъ Нью-Іоркъ со всѣми его особенностями и разнообразными учрежденіями и превратился въ огромную метрополію и главныя ворота континентальной иммиграціи. Книга эта, снабженная прекрасными иллюстраціями, представляетъ цѣнный вкладъ въ исторію Америки. (Literary World).

«Problems of Modern Industry» by Sidney and Biatrice Webb (*Longman's Green and C°*). (*Проблемы современной промышленности*). Вопросы, разбираемые въ этой книгѣ, служили не разъ за послѣднія десять лѣтъ предметомъ очень горячихъ споровъ и обсужденій. Оба автора, совмѣстно занимающіеся изслѣдованіемъ этихъ вопросовъ, помѣщаютъ въ книгѣ отдѣльные очерки, въ которыхъ разбираютъ отдѣльныя стороны этихъ вопросовъ. Мистриссъ Веббъ описываетъ, между прочимъ, жизнь эмигрантовъ, послѣ ихъ пріѣзда въ Англію, и сообщаетъ свои наблюденія надъ жизнью бѣднѣйшаго населенія восточнаго Лондона и главнымъ образомъ описываетъ бѣднѣйшій еврейскій кварталъ британской столицы. Чтобы лучше изучить бытъ рабочихъ классовъ, она сама поступила поденщицей въ портняжную мастерскую, гдѣ проработала около недѣли и за это время дѣйствительно пріобрѣла массу свѣдѣній и наблюденій, такъ какъ ея сотоварищи по работѣ не стѣснялись ея присутствія и не имѣли никакихъ подозрѣній насчетъ ея личности, принимая ее за такую же работницу, какъ и онѣ. (Literary World).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

ВЕРОНИКА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ШУМАХЕРА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

З. А. Венгеровой.

С-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1899.

Глава I.

Это было въ первые дни мѣсяца Шевата, въ тринадцатый годъ правленія цезаря Нерона, три съ половиною мѣсяца послѣ того дня, какъ въ Іерусалимѣ возсталъ долго и жестоко порабощенный народъ и изгналъ оттуда всѣхъ римлянъ. И теперь, исходя изъ храма святого города, по всей странѣ раздавался одинъ общій крикъ мести. Отъ снѣжныхъ вершинъ Гермона до пустыни Беерсебской, отъ истоковъ Ябока до морскихъ волнъ, бушевала гроза возмущенія противъ римскаго ига, и рокотаніе ея слышно было за моремъ въ Олимпіи, гдѣ повелитель міра, занятый своими жалкими актерскими успѣхами, весь раздутый отъ пресыщенія, блѣднѣлъ подъ румянами отъ далекой угрозы. Буря слышна была и въ желѣзномъ Римѣ и заставляла дрожать, какъ въ лихорадкѣ, утопавшаго въ безумной роскоши разслабленнаго потомка Гракховъ.

Свобода! Богъ!

Казалось, воскресло для новой жизни время героевъ, время Деборы и Самсона, Саула и Давида, великое время Маккавеевъ.

Весь Израиль стоялъ подъ оружіемъ, а тѣ, которые были на сторонѣ чужестранцевъ, спасались бѣгствомъ или притворялись ненавистниками римлянъ, фанатиками свободы.

Наконецъ, пришла вѣсть съ моря, что Флавій Веспасьянъ, самый храбрый и опытный римскій полководецъ, побѣдоносный покоритель дикихъ жителей Британіи, прибылъ, посланный Императоромъ, въ Птолемаиду, т. е. въ старинное Акко. Съ нимъ пришло огромное войско, и онъ ждетъ только прибытія молодого Тита, своего сына, и его александрійскихъ легіоновъ, чтобы какъ бурный потокъ затопить святую землю своими полчищами.

Но и это, казалось, не могло ослабить увѣренность въ побѣдѣ и религіозное воодушевленіе ополчившихся. Въ сердце народа, воспламененнаго любовью къ родинѣ, не вкрадывалось опасенія за будущее, и даже въ самыхъ отдаленныхъ долинахъ верхней Галлилеи поселяне пѣли старыя боевыя пѣсни подъ удары молота, которыми они превращали мирный серпъ въ воинственныя пики.

Обитатели Птолемаиды ходили кучками и группами по улицамъ и площадямъ, занятые оживленными разговорами и спорами. Не было недостатка въ темахъ. Римская армія и присутствіе Флавія Веспасіана привлекло туда всѣхъ, кто только имѣлъ кой-какое имя и положеніе въ округѣ. Вчера только явился въ городъ Малихосъ, король арабовъ, со своими знаменитыми стрѣлками, а сегодня вслѣдъ за нимъ явился Соемъ, повелитель Эмесса. Въ ближайшемъ времени ожидали Тиберія Александра, управителя Египта, и Тита, сына главнаго полководца; они должны были прибыть изъ Александріи. Агриппа царь іудеевъ, уже нѣсколько времени находился въ стѣнахъ города.

— Царь іудеевъ? — насмѣшливо переспрашивалъ маленькій Теофилъ, греческій торговецъ пряностями изъ ближайшаго портоваго города.—Какъ этотъ Агриппа можетъ себя называть царемъ страны, въ которую нашъ побѣдоносный цезарь ежегодно посылаетъ намѣстниковъ и управителей?

Его сосѣдъ, римскій судебный писарь Анній, придалъ своему лицу выраженіе важности.

— И все-таки Агриппа царь, ска-

залъ онъ.—Цезарь Клавдій самъ далъ ему это званіе, при чемъ однако страну оставилъ себѣ. Впрочемъ,—прибавилъ онъ многозначительно,—бѣднягѣ, я полагаю, плохо придется.

— Это ты про Агриппу? Что ты этимъ хочешь сказать, Анній? Развѣ что-нибудь ему угрожаетъ?—стали спрашивать подходившіе къ нему граждане.

Судебный писарь выпрямился.

— Развѣ вы не слыхали, что жители Тира и Цезареи принесли на него жалобу, какъ на врага римлянъ? Прибыли послы, чтобы обжаловать Юста изъ Тиверіады, а, какъ извѣстно, Юстъ личный секретарь Агриппы. Такимъ образомъ, уже вывѣдаютъ, кто былъ тайнымъ зачинщикомъ возстанія въ Тиверіадѣ. Юстъ закованъ въ цѣпи и его завтра будутъ судить.

— Вотъ ужъ кого не жалко! Если бы Агриппѣ положили голову къ ногамъ, всей войнѣ былъ бы конецъ—сказалъ Боасъ, огромнаго роста кузнецъ.

— Рука палача тутъ помочь не можетъ, знай это, любезный Боасъ. Агриппа не имѣетъ никакого значенія у іудеевъ, ни даже настолько,—засмѣялся Теофилъ, дунувъ себѣ на ладонь.—Они не очень поблагодарили бы цезаря, вздумай онъ въ самомъ дѣлѣ передать ему власть. Знаешь, какъ они его называютъ? Портнымъ, потому что онъ доставлялъ левитамъ полотняныя одежды, или дровосѣкомъ, потому что онъ срубалъ ливанскіе кедры, чтобы воздвигнуть новый фундаментъ для іерусалимскаго храма, или же, наконецъ, каменьщикомъ, потому что онъ покрывалъ улицы іудейскаго города бѣлыми камнями.

— А еще что онъ дѣлалъ?

— Еще? Ничего.

— Mehercle,—засмѣялся кузнецъ.—Вотъ въ самомъ дѣлѣ великій царь!

— И опасный врагъ римлянъ! Ха-ха!

Бесѣдующіе дошли до большой площади. Одна ея сторона граничила съ портовымъ кварталомъ, а другая, обращенная къ крѣпости, застроена была дворцами знатныхъ жителей города. Около одной виллы, построенной въ тонкомъ греческомъ вкусѣ, толпился народъ.

— Что тамъ происходитъ, Анній?—спросилъ Боасъ.

Анній отвѣтилъ съ важностью:

— Эта вилла,—поучалъ онъ,—принадлежитъ сестрѣ Агриппы; ее ожидаютъ сегодня вечеромъ изъ Цезареи.

— Это ты про прекрасную Веронику,—воскликнулъ Боасъ, сильно заинтересованный,—супругу Полемона Понтійскаго?

— Она уже давно удрала отъ него,—сказалъ Теофилъ, снова вмѣшиваясь въ разговоръ.—Славная семейка, эти потомки Ирода. Братецъ высасываетъ кровь у своихъ подданныхъ, чтобы задавать пышные пиры, а сестрица его, Вероника, безстыднѣе Клеопатры египетской и Мессалины римской.

— Ты лжешь, грекъ,—крикнулъ съ бѣшенствомъ Боасъ.—Вероника благочестивѣе всѣхъ женъ іудейскихъ. Я самъ въ этомъ убѣдился, когда весной прошлаго года служилъ въ Іерусалимѣ кузнецомъ при конницѣ Флора. Она произнесла обѣтъ благочестія и ей при всѣхъ остригли въ храмѣ ея длинные великолѣпные волосы.

— Остричь волосы! — воскликнулъ Теофилъ.—Какая глупость!

— Я еще видалъ ее, когда она молила о пощадѣ своему народу Гессія Флора, іерусалимскаго намѣстника. Босая, въ разорванномъ платьѣ, она пошла навстрѣчу пьяному Флору, который съ руганью оттолкнулъ ее. Что за женщина! Мои глаза никогда не видали ничего болѣе прекраснаго!

— Однако,—насмѣшливо возражалъ грекъ:—парки уже довольно долго прядутъ нить ея жизни; вѣдь она только на годъ моложе Агриппы, брата ея.

— Агриппа!—презрительно воскликнулъ Боасъ.—Ночи, проведенныя въ кутежахъ, ясно отпечатлѣлись на его лицѣ. У Вероники же,—восхищенно продолжалъ онъ, — нѣтъ на складочки на дивномъ лицѣ. Сама Афродита дала ей это лицо. Какъ сіяющее солнце свѣтитъ ярче блѣднаго мѣсяца, такъ она свѣтитъ ярче всѣхъ, даже самыхъ молодыхъ красавицъ!

Со стороны галилейской караванной улицы послышался шумъ, положившій

конецъ разговору. Караванъ Вероники вступалъ въ городъ. Пестро разодѣтые мавры, нумидійскіе всадники и скороходы открывали шествіе. За ними шли конвойные въ панцыряхъ, сіяющихъ золотомъ и серебромъ, а потомъ слѣдовали двадцать арабскихъ коней, подкованныхъ золотомъ. Ихъ вели за уздцы конюхи. На колесницѣ ѣхала домашняя капелла, наполнявшая воздухъ оглушительными трубными звуками. А затѣмъ, въ двухъ стахъ роскошныхъ коляскахъ, слѣдовала свита царицы: женщины, врачи, чтецы, актеры, домашніе жрецы и пажи.

— Клянусь Юпитеромъ, — воскликнулъ Боасъ, съ изумленіемъ глядя на пажей царицы, — я никогда не видалъ такихъ лицъ. Скажите, друзья, откуда родомъ эти юноши, которые всей фигурой похожи, однако, на нашихъ?

Никто не могъ разрѣшить его недоумѣнія. Остроты глазящей толпы доказывали, что новѣйшее изобрѣтеніе Рима еще не дошло до этой части Востока, достаточно однако привыкшаго ко всякаго рода пышности. Для греческаго торговца это было новымъ предлогомъ высказать свое превосходство.

— Они такіе же люди, какъ и мы,— сталъ онъ объяснять, возвышая голосъ.— Но только имъ наклеили тѣсто на лица, чтобы охранить кожу отъ холода и жары.

Оглушительный хохотъ послѣдовалъ за его словами. Боасъ съ изумленіемъ глядѣлъ на нихъ, а Теофилъ насмѣшливо апплодировалъ.

— Я все беру назадъ,—кричалъ онъ, подмигивая Боасу, — что сказалъ противъ Вероники. Вероника набожна, говоритъ Боасъ, очень набожна. Ага, да вотъ и ослицы Поппеи. И у нея онѣ есть!

— Ослицы? Поппеи?

— Ну, да. Поппеи, прежней супруги нашего божественнаго цезаря. Она открыла, что ежедневная ванна въ молокѣ ослицъ даетъ неувядаемую красоту. Вероника слѣдуетъ ея примѣру. Истинно королевская затѣя! Да этихъ ослицъ, по крайней мѣрѣ, шестьсотъ штукъ. Еслибы Поппея была жива, она велѣла бы задушить іудейскую царицу, потому что она сама могла себѣ позволить только какихъ нибудь жалкихъ пятьсотъ ослицъ.

Въ эту минуту пронесли носилки, занавѣски которыхъ были такъ плотно задвинуты, что невозможно было увидать, кто въ нихъ находился. Только звукъ похожій на человѣческій стонъ слышался оттуда, несмотря на шумъ шествія.

Теофилъ, стоявшій впереди другихъ, сталъ прислушиваться.

— Кто знаетъ, — насмѣшливо говорилъ онъ:—можетъ быть, это сама благочестивая Вероника въ тоскѣ ломаетъ нѣжныя руки, скорбя о попранномъ величіи своего безумнаго народа и о пошатнувшемся храмѣ своего капризнаго Бога.

Боасъ нахмурился.

— Эй, ты! Побереги свой языкъ, назойливая оса! Бога іудеевъ почитаютъ даже въ Римѣ, и Флавій Веспасьянъ послалъ ему жертвы и дары.

— И все-таки затѣялъ противъ него войну?

Замѣчаніе это было столь мѣткимъ, что кузнецъ ничего не смогъ отвѣтить. Ему только хотѣлось, вмѣсто отвѣта, опустить всю тяжесть своихъ могучихъ кулаковъ на плечи маленькаго грека.

Приближался конецъ шествія, и его странность обратила на себя всеобщее вниманіе.

Въ бѣдныхъ одеждахъ, посыпавъ пепломъ волосы, распущенные по гордымъ плечамъ, шла высокая, стройная, величественно - прекрасная женщина, опустивъ покрытую платкомъ голову на грудь. Руки ея безсильно висѣли и обнаженныя ноги, казалось, съ трудомъ двигались по уличной грязи.

— Вероника!

Какой странный контрастъ, послѣ царственнаго блеска свиты, эта разбитая, поглощенная своимъ собственнымъ горемъ, какъ бы подавленная отчаяніемъ, фигура кающейся грѣшницы.

Толпа безмолвно глядѣла на нее. Ея видъ разстроилъ эти впечатлительныя души, готовыя къ воспріятію всего необычайнаго.

Рѣзкій голосъ греческаго торговца вдругъ нарушилъ тишину:

— Это она оплакиваетъ свой народъ, своего Бога, римляне! На вашихъ же глазахъ. Это насмѣшка надъ Римомъ! Зачѣмъ она явилась сюда? Каменьями ее, каменьями!

Какъ молнія эти слова зажгли взволнованныя сердца. Толпа заволновалась и стала подступать къ шествію. Тысячи голосовъ повторяли страшный крикъ:

— Каменьями ее! Каменьями!

Вероника остановилась. Ея блѣдное лицо гордо глядѣло на притѣснителей. Но ни одно слово не вышло изъ ея замкнутыхъ устъ. Только презрительная усмѣшка освѣтила ея черты. Она, казалось, ожидала перваго камня.

Въ этотъ моментъ раздались со стороны крѣпости мѣрные шаги военнаго шествія. Всѣ отступили. И только когда впередъ выступилъ воинъ въ простомъ вооруженіи и пошелъ навстрѣчу Вероникѣ, общее напряженіе разрѣшилось тысячеголоснымъ торжественнымъ кличемъ:

— Да здравствуетъ Флавій Веспасьянъ! Слава великому полководцу! Слава вѣчному Риму!

Вероника упала на колѣни передъ военоначальникомъ и съ мольбой подняла къ нему руки. Онъ испытующимъ взглядомъ окинулъ пышность и богатство шествія, и улыбка мелькнула на его серьезномъ лицѣ. Онъ поднялъ Веронику и ввелъ ее въ домъ. У входной рѣшетки онъ еще разъ остановился и посмотрѣлъ поверхъ ликующей толпы на то мѣсто, гдѣ стояла на колѣняхъ Вероника. Это казалось ему знаменьемъ будущаго.

Такъ будутъ лежать въ прахѣ Іерусалимъ и Іудея передъ Римомъ.

Глава II.

— Саломея, сестрица, о чемъ ты опять думаешь?

Молодая дѣвочка лѣтъ четырнадцати просунула тонкую головку, съ непокорными завитками на бѣломъ лбу, полуробко, полулукаво въ дверь женской половины дома.

Саломея выпрямила свой высокій стройный станъ, приподнявшись съ низкой подушки, на которой она покоилась.

— Это ты, Тамара?— спросила она, и усталый звукъ ея голоса странно гармонировалъ съ неподвижнымъ, безжизненнымъ выраженіемъ полузакрытыхъ глазъ на ея благородномъ, мертвенно-блѣдномъ лицѣ.

— Я тебѣ не помѣшаю? сказала дѣвочка, проскользнувъ въ комнату.—О, злая! проговорила она съ упрекомъ, падая къ ногамъ подруги и обнимая ее нѣжными обнаженными руками.—Ты опять грустила. Почему? Развѣ ты не молода? Ты не больше чѣмъ на годъ старше меня. Хороша ли? Да рядомъ со мной ты какъ солнце рядомъ со скромной звѣздочкой. Умна-ли? Недаромъ ты въ этой огромной шумной Птолемаидѣ съ ея чужестранцами, стекающимися отовсюду, научилась всѣмъ обычаямъ міра. А я въ нашей тихой горной Гишалѣ только тогда видѣла и слышала о чемъ нибудь новомъ, когда къ намъ являлся старый, угрюмый дѣловой пріятель отца купить масла для своихъ соплеменниковъ, живущихъ среди язычниковъ. А между тѣмъ я бы не хотѣла съ тобой помѣняться, если отъ красоты и ума глаза твои глядятъ такъ грустно, а губы твои такъ слабо улыбаются!

Саломея провела рукой по ея разгоряченному личику.

— Да сохранитъ тебѣ Богъ твой веселый нравъ,—мягко прошептала она.— Но меня ты не брани, я не родилась для радости.

Дѣвочка весело засмѣялась.

— Ты опять говоришь, какъ во снѣ, Саломея?

— Нѣтъ, это не сонъ, дитя. Развѣ ты забыла, что я испытала въ жизни? Всѣмъ, кто относился ко мнѣ съ любовью, судьба приносила лишь зло. Это уже началось съ моего рожденія. Моя мать, сестра твоего отца, поплатилась за мое рожденіе смертью. Когда я была ребенкомъ и играла съ другими дѣтьми на улицѣ, я чуть не попала подъ лошадей мчавшейся римской конницы. Мой единственный братъ увидѣлъ это, отки-

нулъ меня въ сторону, и самъ былъ растоптанъ безжалостными копытами. Тѣло его превратилось въ безформенную массу, и мы его даже не могли узнать. Потомъ я сдѣлалась невѣстой, по желанію отца, самаго виднаго члена нашей колоніи, ученаго знатока вѣры, Іакова бенъ Іуды. Въ день нашей свадьбы, когда я уже готовилась къ вѣнцу, на насъ напали язычники изъ Птолемаиды. Моего жениха одинъ римлянинъ убилъ среди площади камнемъ, а отецъ мой— онъ еще не излѣчился до сихъ поръ отъ раны, которую ему нанесъ мечомъ языческій юноша, преслѣдовавшій меня любовью. Вотъ что было до сихъ поръ, а что будетъ еще?

Все это она говорила страннымъ, однообразнымъ голосомъ, вліянію котораго не могла не поддаться даже веселая Тамара.

— Да, намъ плохо пришлось,—отвѣтила она серьезно,—когда язычники напали на насъ, какъ хищные звѣри. Всѣ улицы покрыты были трупами убитыхъ, и я еще теперь вся дрожу, вспоминая ужасное зрѣлище. Но все-таки,—поспѣшила она прибавить, замѣтивъ, что Саломея снова впадаетъ въ раздумье,—развѣ не безуміе скорбѣть душой о прошлыхъ горестяхъ, когда будущее лежитъ передъ нами въ такомъ радостномъ свѣтѣ? Радуйся, дорогая, жизнь твоего отца спасена, и мы оставимъ этотъ безбожный городъ, какъ только онъ сможетъ отправиться въ путь, и пріѣдетъ за нами мой братъ Рэгуелъ. А въ Гишалѣ, въ домѣ моего отца, на чистомъ воздухѣ нашихъ горъ, твое лицо снова расцвѣтетъ, и ты снова станешь распѣвать веселыя пѣсни.

Саломея отрицательно покачала прекрасной головой.

— Никогда.

— Подожди, невѣрующая!—воодушевилась дѣвочка. — Вотъ увидишь, я окажусь правой. Или... скажи мнѣ... Или ты его очень любила?

— Кого?

— Твоего жениха?

Саломея взглянула на нее съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Любила?—Она произнесла это слово задумчиво, какъ бы про себя.—Онъ былъ достоенъ большого уваженія и былъ предназначенъ мнѣ отцомъ. Какъ же мнѣ было не любить его?

Дѣвочка откинула съ досадой головку назадъ.

— Ты не хочешь меня понять, Саломея. Уваженіе и любовь, развѣ это тоже самое? Вотъ, напримѣръ, у насъ есть въ Гишалѣ старый Іонафанъ-бенъ-Садукъ, богатый и очень почтенный человѣкъ. Когда онъ приходитъ къ отцу, онъ мнѣ привѣтливо улыбается, хлопаетъ меня по щекѣ, приноситъ мнѣ иногда цѣпочку или пряжку. Я его уважаю, очень уважаю. Но любить? Онъ горбатъ, косой, у него скверные зубы. Поцѣловать его? Брр. . .

Она такъ смѣшно затряслась отъ отвращенія, что на губахъ Саломеи невольно показалась легкая разсѣянная улыбка.

— А что же ты называешь любовью, Тамара?—спросила она, безсознательно поддаваясь легкому тону болтовни дѣвочки.

Лицо Тамары приняло серьезное задумчивое выраженіе.

— Любовью?—Онъ долженъ быть бѣденъ, совсѣмъ бѣденъ, какъ Іовъ,— а я—богата, какъ Соломонъ. Тогда я взяла бы большой, большой мѣшокъ наполнила бы его серебромъ, золотомъ и драгоцѣнностями, пошла бы къ нему и сказала: вотъ, бери, все это твое. Развѣ онъ не повѣрилъ бы, что я его люблю?

— Ты его, да. А онъ тебя? Что, если тебѣ придетъ мысль, что онъ любитъ не тебя, а твое богатство?

Дѣвочка наклонила головку съ печальнымъ видомъ.

— Да, да. Это бы пожалуй выглядѣло, какъ будто я его купила себѣ. Ну, а какъ ты думаешь, если бы я была прекрасна, прекрасна, какъ Далила, и всѣ мужчины лежали бы у ногъ моихъ и онъ также, а я пошла бы къ нему и сказала: бери, вся моя красота—твоя?

— А будетъ ли онъ тебя еще любить, когда ты станешь старой и уродливой?

— Старой и уродливой? Правда,—сказала она, озабоченная.—Одна красота еще не создаетъ настоящей любви. Мнѣ нужно еще быть мудрой, какъ королева Савская. А онъ тоже долженъ былъ бы быть не глупымъ, простымъ, добрымъ человѣкомъ. И если бы я писала стихи про него и книги...

— Такъ онъ бы даже тебя не понялъ, дурочка. Бремя твоей мудрости придавило бы его къ землѣ.

Темные глаза Тамары засвѣтились гнѣвомъ.

— Не понялъ бы меня!—воскликнула она, вскакивая и топнувъ ногой отъ гнѣва. — Тогда бы онъ былъ глупъ, какъ.... Ахъ, да,—прибавила она, успокоившись,—боюсь, ты права; мужчинамъ менѣе всего нужна умная женщина. Что же тогда любовь? Впрочемъ, я знаю.

— Ну, что?

— Любовь... Это безуміе и величіе, глупое и мудрое, смѣшное и серьезное, необъяснимое... О ней нельзя говорить, а можно только пѣть!

Все это она проговорила быстро, потомъ схватила восьмиструнную цитру со стѣны, взяла нѣсколько быстрыхъ аккордовъ и пропѣла свѣжимъ, яснымъ голосомъ импровизированное четверостишіе:

Для любви не нужно красоты, ума:
Счастіе приноситъ намъ любовь сама.
Нужно отъ блаженства про весь міръ забыть,
Нужно только нѣжно, горячо любить.

Она хотѣла закончить веселымъ смѣхомъ, но звукъ ея голоса понемногу затуманился и послѣднее слово, которое должно было завершить торжествующую мелодію, закончилось едва внятнымъ, дрожащимъ звукомъ, такъ что Саломея съ изумленіемъ взглянула на странную дѣвочку, которая неподвижно остановилась посреди комнаты и глядѣла въ пустоту широко раскрытыми глазами.

Вдругъ Тамара вздрогнула и уронила съ тихимъ стономъ цитру, упала сама на коверъ и съ судорожнымъ рыданіемъ закрыла лицо руками.

Саломея поднялась съ испугомъ съ подушекъ и наклонилась надъ плачущей дѣвочкой.

— Что съ тобою, дитя?—спросила она съ искренней тревогой, стараясь приподнять дрожащую головку.—Довѣрься мнѣ, ты знаешь, у тебя нѣтъ болѣе вѣрнаго друга, чѣмъ я!

Ласковыя слова не остались безъ вліянія. Тамара подняла головку и положила ее на колѣни Саломеѣ.

— Я такъ несчастна, такъ несчастна!—шептала она со слезами въ голосѣ.

— Кто обидѣлъ моего милаго, маленькаго жаворонка?

Слабая улыбка показалась на скорбномъ личикѣ дѣвочки и искривила тонкія губы.

— Твой жаворонокъ! Ахъ, Саломея,— снова вздохнула она.—Твой жаворонокъ уже не будетъ пѣть больше. Развѣ ты не замѣтила? Даже эта маленькая глупая пѣсня застряла у меня въ горлѣ. Вся веселость моего сердца исчезла, вся беззаботность прошла. Ты удивляешься и качаешь головой. Ты этого не замѣтила, говоришь ты. Повѣрь мнѣ, я только представлялась веселой. Я не хотѣла показать тебѣ, какъ темно у меня на душѣ. Ты улыбаешься? О, если бы ты знала, Саломея!

Она замолчала, какъ будто дрожа передъ чѣмъ то страшнымъ, и вся покраснѣла до корней волосъ.

— Но я не могу переносить одна все это,—снова сказала она.—Я должна говорить, если бы даже въ этомъ была моя гибель—иначе у меня разорвется сердце!

— Да говори же, родная, говори!

— И ты не станешь смѣяться надо мной, Саломея?

— Нѣтъ.

— Можетъ быть, это покажется тебѣ дѣтскимъ, а все-таки..,

Опять она остановилась въ нерѣшимости и потомъ вдругъ обняла подругу и сказала едва слышнымъ голосомъ:

— Если бы ты знала, какъ я его люблю.

Саломея почувствовала, какъ нѣжное тѣло дѣвочки задрожало въ ея объятьяхъ.

— Скажи мнѣ все,—прошептала она едва дышащей дѣвочкѣ. — О комъ ты говоришь? Я его знаю?

— Знаешь ли ты его, Саломея? Еще бы, конечно, знаешь. Мы обѣ обязаны ему спасеніемъ.

Саломея вздрогнула и широко раскрыла глаза, а щеки ея еще больше поблѣднѣли.

— Обязаны ему спасеніемъ?—повторила она, сдерживаясь съ трудомъ.

— Ну да, развѣ ты не помнишь тотъ вечеръ, когда Веспасіанъ въѣзжалъ въ Птолемаиду. Плотно закутавшись, мы пошли въ портовый кварталъ, къ Симеону, старому врачу нашей колоніи, взять у него бальзама гилеадскаго, масла и фиговаго пластыря для раны твоего отца. На обратномъ пути, проходя мимо дворца городского управителя, мы вдругъ натолкнулись на нѣсколькихъ римлянъ съ факельщиками впереди. Это были, повидимому, знатные люди, и за ними шла большая толпа кліентовъ.

— Это былъ Этерній Фронтонъ, пріятель и вольноотпущенникъ Тита.

— Да, и очень грубый, невоспитанный человѣкъ. Онъ, вѣроятно, возвращался съ пирушки, качался изъ стороны въ сторону, и голосъ его глухо звучалъ. Мы хотѣли проскользнуть мимо нихъ, какъ вдругъ ты споткнулась о камень.

— На одинъ изъ тѣхъ камней,—мрачно прибавила Саломея,—которыми незадолго передъ тѣмъ бросали въ людей нашей общины.

— Пузырекъ съ бальзамомъ,—продолжала Тамара,—выпалъ у тебя изъ рукъ, ты нагнулась поднять его, и твое покрывало сдвинулось и свѣтъ факела освѣтилъ твое лицо. Этерній Фронтонъ устремилъ на тебя взоръ, какъ на небесное явленіе. Глаза его засверкали и съ отвратительнымъ смѣхомъ онъ схватилъ тебя за руку и потянулъ къ себѣ. Ты молча сопротивлялась, я же забыла всякую предосторожность, забыла, что намъ, евреямъ, угрожаетъ смерть за обиду римлянина, и бросила повѣсѣ фиговый пластырь въ раскраснѣвшееся лицо.

Она на минутку замолчала и, несмотря на свое грустное настроеніе, засмѣялась при воспоминаніи о комичномъ, одураченномъ лицѣ могущественнаго Этернія Фронтона, когда пластырь залѣпилъ ему лепечущій о любви ротъ. Потомъ она снова заговорила серьезно.

— Онъ зарычалъ, какъ тигръ подъ ударомъ кнута, и велѣлъ своимъ людямъ схватить насъ. Тогда,—въ минуту самой страшной опасности, когда грубыя руки рабовъ уже хватали насъ за платье—тогда явился—онъ!

— Флавій Сабиній!

Саломея выговорила это имя такимъ страннымъ тономъ, что Тамара взглянула на нее изумленная. Въ голосѣ ея почувствовалась рѣзкая ненависть и тайное влеченіе—величайшее счастье и глубокое отчаяніе, и все-таки лицо ея оставалось неподвижнымъ и сжатыя губы не дрожали.

— Флавій Сабиній!—повторила Тамара тихо, и продолжала съ возбужденнымъ румянцемъ на щекахъ и съ блестящими глазами.

— Какъ онъ былъ прекрасенъ, когда, воодушевленный благороднымъ гнѣвомъ, всталъ между нами и рабами. Какъ мужественно звучалъ его голосъ, сколько величія было въ его осанкѣ! Дерзновенные преклонились передъ нимъ, какъ слабые колосья передъ надвигающейся бурей. Даже надменный Фронтонъ долженъ былъ принудить себя скрыть подъ беззаботной улыбкой досаду на помѣху, но я видѣла по его дрожащимъ губамъ, какъ онъ былъ взбѣшенъ, и мнѣ было бы страшно за нашего спасителя, еслибы онъ самъ не былъ племянникомъ Веспасьяна. Ну, а такъ, Фронтону же приходится беречься, чтобы Сабиній не раздавилъ его... Но когда Флавій Сабиній, — она густо краснѣла, когда называла его имя,—повернулся въ нашу сторону, какъ онъ вдругъ измѣнился! Въ немъ исчезъ гордый воинъ, какимъ онъ держался относительно вольноотпущенника, исчезъ повелительный тонъ, съ которымъ онъ обращался къ рабамъ. Это былъ только кроткій защитникъ угнетенныхъ, добрый покровитель женщинъ. Какъ онъ былъ добръ, когда провожалъ насъ въ домъ твоего отца, и какъ деликатно избѣгалъ всякаго намека на отвратительное происшествіе. Я не понимала

тебя, Саломея. Ты шла безмолвная, задумчивая рядомъ съ нами и предоставляла мнѣ отвѣчать на его вопросы. Ни единымъ словомъ ты его не поблагодарила, когда онъ прощался у нашихъ дверей, и я сердилась на тебя за твою холодность.

Она остановилась, какъ бы давая возможность подругѣ оправдаться отъ упрека, заключавшагося въ ея словахъ, но Саломея молчала, и на ея прекрасномъ лицѣ было то же замкнутое выраженіе, какъ и прежде. Тамара глядѣла на нее съ осужденіемъ.

— И если бы ты знала, — заговорила она съ воодушевленіемъ, — какъ много онъ меня распрашивалъ потомъ о тебѣ. Я его видѣла два раза послѣ того. Если бы ты знала, что всѣ мы, твой отецъ, ты и я, обязаны нашей странной невредимостью среди враждебно настроеннаго, кровожаднаго народа только его заступничеству передъ Веспасіаномъ, ты бы навѣрное не была столь равнодушна и безучастна. Саломея!

Она произнесла это имя съ испугомъ, увидѣвъ, какъ Саломея внезапно преобразилась. Все ея тѣло задрожало, какъ будто эти слова ее смертельно ранили. Схвативъ судорожнымъ движеніемъ Тамару за руку, она подняла ее съ ковра и потянула ее за собой къ узкому рѣшетчатому окну комнаты. Она отдернула занавѣски, впуская свѣтъ зимняго солнца, и заговорила, задыхаясь отъ душившаго ее волненія:

— Ты говоришь, я равнодушна и безучастна, Тамара, потому что я закрывала слухъ для вкрадчивыхъ словъ римлянина. Да знаешь ли ты, каковы римляне?

— Боже мой, Саломея, что съ тобой?— бормотала дѣвочка, съ ужасомъ глядя на поблѣднѣвшее, горѣвшее страстью лицо Саломеи.

— Слушай! — рѣзко отвѣтила та. — Не время теперь для легкомысленной игры въ любовь. Развѣ ты никогда не думала о томъ, почему Іоаннъ-бенъ-Леви, твой собственный отецъ, который можетъ жить въ богатствѣ и спокойствіи, который боленъ и имѣетъ полное основаніе оберегать свое тѣло, почему онъ безпокойно мечется изъ города въ городъ, почему онъ, миролюбивый купецъ, взялъ мечъ въ руку, чуждую битвъ? Развѣ ты не обратила вниманія на то, что дѣти Израиля ходятъ съ помутившимися, глазами озабоченными лицами. и ни одного слова веселья не слышно въ домахъ? Посмотри, какъ мать прощается съ сыномъ, который уходитъ на нѣсколько часовъ изъ дому. Она плачетъ и молится, не зная, увидитъ ли его вновь. И неужели ты ничего не знаешь о томъ, что съ достовѣрностью дошло до насъ о событіяхъ въ Іерусалимѣ, святомъ городѣ, и во всей странѣ? Изъ-за чего все это? Хочешь, я скажу тебѣ, укажу?

Она подвела изумленную дѣвушку къ окну и указала ей рукою на виднѣвшійся изъ окна видъ.

— Видишь, вотъ Кармель, Божія гора. Въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ Всевышній обиталъ въ уединенномъ величіи эту священную кущу. Туда Элія призывалъ народъ предъ лицо Божье и выстроилъ алтарь. И что же? Святилище покинуто, и если теперь кто нибудь подходитъ къ нему, это нечестивый язычникъ, вопрошающій о низменныхъ личныхъ интересахъ. Гдѣ вѣрующіе, которые прежде ходили поклоняться туда? Кто изгналъ ихъ оттуда огнемъ и мечомъ? Римляне... А тамъ, видишь, огромный садъ съ могильными камнями и мавзолеями—прежде мало могилъ тамъ стояло, Божья рука хранила и благословляла жителей Птолемаиды,—а теперь—камень на камнѣ, могила на могилѣ, не найдешь и мѣстечка для могилы маленькаго ребенка. Все еврейское населеніе Птолемаиды перебралось на кладбище, и всѣ они, нѣмые обитатели этого подземнаго города мертвыхъ, носятъ слѣды на своихъ тѣлахъ. У одного тяжкая рана въ груди, у другого голова пробита бревномъ, упавшимъ съ горящаго дома, у другаго поломаны кости отъ града камней, которые бросала толпа. Кто убилъ ихъ, спросишь ты? Римляне. Римляне убили моихъ отца и мать, брата и сестру, убили народъ, убили самое свя-

щенное—моего Бога, а я—чтобы я полюбила римлянина?

Возбужденная гнѣвомъ, она высоко подняла руки къ небу и страннымъ, грознымъ голосомъ, раздающимся какъ бы изъ другого міра, она произнесла молитву мести:

— Великій Богъ, богъ мести, властитель и судія міра!—Возстань и отомсти надменнымъ, какъ они того заслужили!—Какъ долго будутъ гордиться эти нечестивцы и радоваться своимъ злодѣяніямъ? Они уничтожили твой народъ и надругались надъ твоимъ наслѣдіемъ. Они душатъ вдовъ и чужеземцевъ, умерщвляютъ сиротъ.—Отлично, говорятъ они, нужно истребить ихъ, чтобы они не были больше живымъ народомъ, чтобы исчезло имя израилево. Они заключили союзъ противъ Тебя и говорятъ: Господь этого не видитъ и Богъ Іакова не обращаетъ на это вниманія. Но, горе вамъ! Тѣ, которые надѣятся на Господа, не падутъ, а будутъ вѣчны, какъ крѣпость Сіона. Іерусалимъ окруженъ горами, и Господь охраняетъ собой свой народъ, и Онъ, Праведный, разрубитъ всѣ нити нечестивцевъ, и позоръ покроетъ тѣхъ, кто возсталъ противъ Сіона, и будутъ они, какъ трава на крышахъ, которая высыхаетъ, прежде чѣмъ ее вырываютъ. Боже, Господи, защитникъ мой! Изъ глубины души молю Тебя, поступи съ ними, какъ съ мидійцами, какъ съ Ябиномъ у Кишонскаго источника; какъ съ тѣми, которые были уничтожены въ Эндорѣ и стали грязью земной. Пусть властители ихъ будутъ какъ Себа и Сальмуна, которые говорили: завладѣемъ домами Божьими. Какъ огонь пожираетъ лѣсъ, какъ пламя зажигаетъ гору, такъ покарай ихъ, и пусть лица ихъ покроются позоромъ, чтобы они все болѣе и болѣе ужасались въ душѣ и погибли въ униженіи. Тогда они узнаютъ, что власть Твоя велика, что Ты единый и высшій властелинъ міра!

Она остановилась въ изнеможеніи и оперлась лихорадочно дрожащими руками на деревянную рѣшетку, которая поддалась и сломалась. И какъ будто бы Богъ, царящій надъ облаками, хотѣлъ дать отвѣтъ ея мольбѣ,—внезапно засверкала молнія и за ней послѣдовалъ грохочущій ударъ грома.

Изъ незначительнаго облака, висѣвшаго надъ вершиной Кармеля, съ внезапной быстротой разразилась ужасающая буря. Надъ моремъ и городомъ растянулась непроницаемая тьма, лишь на минуту озаряемая синевато-желтымъ блескомъ молній, которыя прорѣзывали пламенными полосами весь горизонтъ.

Тамара, полумертвая отъ ужаса, опустилась на полъ и плотно прижала руки къ лицу. Ей было страшно бури и еще страшнѣе горячности пламенныхъ словъ Саломеи. Она чувствовала себя такой несчастной въ этотъ моментъ. Она уже не думала о Флавіи Сабиніи, избавителя отъ бѣды, о Флавіи, прекрасномъ юношѣ, который побѣдно овладѣлъ ея маленькой капризной головкой и ея невиннымъ сердцемъ.

Но другая думала о немъ.

— Флавій Сабиній! А я—я его люблю, все-таки люблю.

И Саломея прикладывала сжатыя руки къ горячему лбу. Но мысли, тѣснившіяся тамъ, не давали покоя.

Серебристая мгла уже поднималась съ Кишона тамъ, гдѣ Вадди Мелекъ приноситъ ему весеннія воды съ галлилейскихъ горъ. Наростая и вздуваясь, она покрывала тихую зеленую равнину берега, поднимая свои развѣвающіяся крылья къ высотѣ блѣднаго неба и вступая въ борьбу съ близящимся свѣтиломъ дня. Уже первые лучи его покрывали розовымъ свѣтомъ вѣчные снѣга надвигающагося изъ глубокой дали Гермона, а близкіе ряды утесовъ могучаго Чермака окутывались пылающимъ пламенемъ. Вершинъ Кармеля лучи касались мягкимъ поцѣлуемъ и спускались своими зарумяненными полосами свѣта къ морю, шумящему тихо, какъ бы сквозь сонъ.

Часовой у галлилейскихъ воротъ Птолемаиды открылъ тяжелыя желѣзныя ворота и вышелъ, чтобы оглянуть дорогу утомленными глазами. Все было тихо, только издали, сквозь туманъ, слышался надвигающійся грохотъ колесъ и тяжелое дыханіе лошадей.

— Деревенскій людъ,—бормоталъ солдатъ про себя.—Пріѣхали взглянуть на въѣздъ Тита. Глупый народъ. Они рады даже врагу, если только онъ окруженъ блескомъ.

Онъ остановился и сталъ вслушиваться. Ему послышалось, что кто то стонетъ отъ боли. Онъ тверже ухватился за копье, оправилъ ремень щита на плечѣ и сталъ вглядываться въ густые кусты, окаймлявшіе дорогу. Шумъ, казалось, исходилъ оттуда.

Опять все затихло, и солдатъ уже подумалъ, что онъ ошибся, когда снова до него долетѣлъ звукъ, на этотъ разъ несомнѣнно похожій на предсмертный стонъ. Онъ осторожно подошелъ и раздвинулъ копьемъ кусты.

Тамъ, съ лицомъ обращеннымъ внизъ, зарывая руки въ землю отъ боли, лежалъ въ судорогахъ старикъ. Его длинные, бѣлые волосы слипались отъ крови, и простое крестьянское платье, было разорвано, какъ бы отъ долгихъ скитаній по полямъ и тернистымъ кустарникамъ.

Солдатъ повернулъ его концомъ копья, чтобы взглянуть ему въ лицо. Глаза старика уставились на него остеклѣвшимъ взглядомъ, потомъ въ нихъ обозначился ужасъ при видѣ римскаго вооруженія, и онъ судорожно попытался подняться, но члены не слушались его. Рана въ плечѣ его была слишкомъ глубока и потеря крови обезсилила его. Онъ со стономъ откинулся назадъ и глаза его снова затуманились.

— Іудей,—презрительно сказалъ солдатъ, и хотѣлъ вонзить остріе копья въ грудь несчастнаго. Но потомъ онъ одумался.

— Да ему и такъ скоро конецъ. Жаль блестящей стали. Отъ крови она ржавѣетъ, а Сильвій, нашъ декуріонъ, и такъ сердитъ на меня съ тѣхъ поръ, какъ Веспасьянъ на послѣднемъ смотру замѣтилъ пятно на моемъ шлемѣ.

Онъ сдвинулъ снова кусты надъ раненымъ и вернулся къ воротамъ. Туда со стороны города подъѣзжала небольшая группа всадниковъ. Во главѣ ѣхалъ высокій молодой человѣкъ въ бѣлой туникѣ, на которой алѣла широкая пурпурная полоса,—знакъ сенаторскаго званія. Ноги его были обуты въ черную обувь, стянутую четырьмя ремнями и украшенную золотой пряжкой въ формѣ полумѣсяца.

— Самъ Флавій Сабиній, префектъ ночной стражи,—воскликнулъ солдатъ и быстро ударилъ копьемъ о металическую доску, висѣвшую у воротъ. Потомъ онъ вышелъ на средину воротъ.

Воины выстроились въ боевомъ порядкѣ, а Сильвій, ихъ предводитель, выступилъ на нѣсколько шаговъ впередъ, чтобы передать префекту пароль.

— Удали твоихъ солдатъ,—повелѣлъ консуларій, видимо озабоченный.—Мнѣ нужно переговорить съ тобой о важномъ дѣлѣ.

Когда декуріонъ исполнилъ порученіе, Сабиній отошелъ съ нимъ въ сторону отъ свиты и продолжалъ пониженнымъ голосомъ:

— Надѣюсь, другъ, я могу довѣриться твоей преданности.

Сильвій молча положилъ руку на грудь и поклонился.

— Моя жизнь къ твоимъ услугамъ, господинъ,—отвѣтилъ онъ просто.

— Даже если мои велѣнія опасны и трудны?

— Повелѣвай.

— Такъ слушай. Сегодня, или можетъ быть завтра, будутъ просить входа въ эти ворота одинъ іудей, молодой человѣкъ съ тонкимъ лицомъ, одѣтый въ платье галлилейскаго купца; съ нимъ будутъ два спутника. Ты впустишь его, но только ночью и такъ, чтобы никто не видалъ. Тогда же проведи его прямо ко мнѣ и вели дать мнѣ знать черезъ Лепида, моего вѣрнаго раба, если я не буду дома.

— А если чужестранецъ откажется отъ моихъ услугъ? Ты вѣдь знаешь, какъ іудеи намъ, римлянамъ, не довѣряютъ?

— Тогда шепни ему одно имя и онъ послѣдуетъ за тобой.

— Какое имя, господинъ?

Флавій Сабиній еще разъ оглянулся на свою свиту и потомъ на сторожевого солдата. Они были достаточно далеко, и звукъ его голоса не могъ дойдти до

нихъ. И все-таки, префектъ наклонился къ уху декуріона и почти неслышно шепнулъ ему:—Іоаннъ изъ Гишалы.

Сильвій отшатнулся съ ужасомъ.

— Галлилейскій мятежникъ?! — воскликнулъ онъ.—Ты хочешь оказать содѣйствіе приверженцу величайшаго врага римлянъ?

— Не такъ громко, Сильвій, — тревожно отвѣтилъ префектъ.— Конечно, это такъ, какъ ты говоришь, но вѣдь дѣло идетъ не о войнѣ. Сюда явится Регуэль, сынъ Іоанна. Ты пораженъ? Пойми въ чемъ дѣло. Помнишь, мы разъ бродили вдвоемъ съ тобой по улицамъ Клавдіевой колоніи?

— Да, и ты скрылся потомъ въ саду Іакова-бенъ-Леви, еврея, торгующаго оливковымъ масломъ,—дополнилъ Сильвій съ усмѣшкой.— Я вѣдь тогда былъ вѣрнымъ часовымъ, охранявшимъ Флавія Сабинія, котораго ждали тамъ нѣжныя дѣвичья объятія.

Префектъ пришелъ въ нѣкоторое замѣшательство.

— Да ты развѣ знаешь?—пробормоталъ онъ.

Сильвій усмѣхнулся.

— Римскій солдатъ, — сказалъ онъ шутливо,—имѣетъ не только глаза, чтобы видѣть, но и уши, чтобы слышать. А сквозь легкій шелестъ листьевъ мнѣ слышался иногда серебристый смѣхъ и нѣжный шопотъ.

— Я и не отрицаю,—отвѣтилъ Флавій Сабиній болѣе серьезно,—что я тамъ видался съ іудейской дѣвушкой, но о любви между нами и рѣчи не было. Какъ это случилось, я тебѣ разъясню потомъ. Моя сегодняшняя просьба имѣетъ отношеніе къ той дѣвушкѣ. Регуэль, сынъ Іоанна изъ Гишалы, ея братъ.

— А, онъ ѣдетъ за ней.

— Да. Какая опасная попытка! Если бы жители Птолемаиды или кто-нибудь изъ любимцевъ цезаря узналъ, что дочь мятежника среди насъ...

Онъ не закончилъ. Его лобъ омрачился при мысли объ опасности, которой подверглись бы Саломея и Тамара, если бы Этерній Фронтонъ узналъ про нихъ.

Сильвій покачалъ головой въ раздумьи.

— Если дѣвушка красива, тѣмъ хуже. Іудейки стоятъ высоко въ цѣнѣ. Потому, господинъ, поторопись упрятать для себя красотку.

Флавій Сабиній изумленно взглянулъ на него. Внезапная краска залила ему щеки.

— Не полагаешь ли ты, что у меня что нибудь дурное въ мысляхъ противъ этой дѣвушки? Было бы преступно подступить съ нечистыми помыслами къ этой невинной дѣвушкѣ, чище которой нѣтъ другой во всемъ Римѣ. Помоги же мнѣ,—продолжалъ онъ спокойнѣе,—устроить, чтобы Регуэль и его родственники безпрепятственно оставили городъ.

Онъ остановился и сталъ прислушиваться. Съ другой стороны воротъ послышалась громкая перебранка. Они поспѣшили туда.

Старикъ лежавшій въ кустахъ, съ трудомъ приподнялся и дотащился до стоянки часового и тамъ опять опустился въ изнеможеніи. Солдатъ съ ругательствами ударилъ его копьемъ, чтобы заставить его подняться: приближалось идущее изъ города длинное шествіе вооруженныхъ людей. Посрединѣ шли рослые рабы и несли открытые носилки. Въ нихъ Флавій Веспасіанъ отправлялся въ укрѣпленный лагерь ожидать прибытія сына своего Тита. По извѣстіямъ, принесеннымъ гонцами, Титъ долженъ былъ вскорѣ прибыть по дорогѣ, шедшей вдоль морского берега изъ Александріи, черезъ Пелузій, Газу, Ябнеель и Цезарею.

— Прочь съ дороги, іудейская собака! — ругался солдатъ и всадилъ конецъ копья въ ногу изнеможеннаго старца, который вскочилъ, захрипѣвъ отъ боли.—Если бы я зналъ, что ты, какъ все ваше гнусное племя, живучъ, какъ кошка, я бы уже давно замѣнилъ своимъ копьемъ лѣкарскія смертоносныя снадобья.

Онъ собирался нанести второй ударъ копьемъ, но Флавій Сабиній удержалъ его.

— Какъ ты смѣешь, Фотинъ?—крикнулъ префектъ, дрожа отъ гнѣва.—Развѣ ты не знаешь, что Веспасіанъ справедливъ ко всѣмъ.

Солдатъ съ изумленіемъ взглянулъ на него.

— Но, господинъ,—сказалъ онъ, беззаботно смѣясь и указывая рукой на старика,—вѣдь онъ іудей.

Флавій Сабиній поблѣднѣлъ отъ благороднаго возмущенія.

— Будь онъ тысячу разъ іудей, онъ все-таки человѣкъ. И вотъ, что я тебѣ скажу. Если ты хочешь уберечь себя отъ фустуарія *), возьми этого іудея, котораго ты такъ презираешь, и снеси въ караульный покой. Тамъ я перевяжу его раны.

— Я свободный гражданинъ,—проворчалъ Фотинъ, упрямо заложивъ руки за спину.

На лбу префекта вздулась жила отъ гнѣва.

— Ты солдатъ и теперь военное время! Отними у него оружіе, Сильвій, — приказалъ онъ.—И скажи центуріону, чтобъ его отправили нести тюки **).

Въ то время какъ Сильвій исполнялъ порученіе, Сабиній наклонился къ раненому. Онъ увидѣлъ потухшіе глаза, устремленные въ пустоту. Только слабое дыханіе обнаруживало присутствіе жизни въ тѣлѣ.

Префектъ подозвалъ къ себѣ декуріона, чтобы съ его помощью поднять умирающаго. Въ тотъ же моментъ Фотинъ бросился впередъ, упалъ на колѣни среди улицы и, воздѣвъ руки съ мольбою, сталъ кричать:

— Правосудія! Правосудія!

Веспасіана въ это время проносили въ носилкахъ черезъ ворота. Услышавъ крикъ, онъ приподнялся и спросилъ, въ чемъ дѣло. Флавій Сабиній подошелъ, чтобъ дать ему объясненіе.

Полководецъ выслушалъ до конца, не прерывая. Потомъ легкая усмѣшка показалась у него на устахъ.

— Фотинъ,—сказалъ онъ солдату,—ты заслужилъ наказаніе за ослушаніе начальника, за это ты восемь дней будешь ѣсть ржаной хлѣбъ вмѣсто пшеничнаго. Но все-таки твое усердіе похвально, и за ненависть къ врагамъ я дарю тебѣ это запястье. Большую цѣпь *) ты можешь заслужить себѣ въ бою.

Онъ снялъ золотое запястье и отдалъ его солдату, который гордо выпрямился и бросилъ торжествующій взглядъ въ сторону префекта.

Веспасіанъ обратился къ послѣднему.

— Не забывай, племянникъ, что полководцу уже по простому внушенію разума не слѣдуетъ подавлять ненависти своихъ воиновъ къ врагамъ.

— Прости, дядя, — отвѣтилъ Флавій Сабиній, и губы его дрожали отъ негодованія,—я не зналъ, что мы ведемъ войну также со стариками, женщинами и дѣтьми.

Изъ носилокъ послышался насмѣшливый смѣхъ. Посмотрѣвъ въ ту сторону, префектъ замѣтилъ Этернія Фронтона, который сопутствовалъ полководцу, докладывая ему объ извѣстіяхъ, привезенныхъ Титомъ.

— Неужели ты такъ презираешь жрицъ Афродиты, Флавій,—воскликнулъ вольноотпущенникъ. — Не забывай, что Епафродитъ **), покровитель учителей исторіи, разсказывалъ намъ про іудейку Юдифь, которая отсѣкла голову Олоферну. Но я знаю, ты недоступенъ стрѣламъ Эрота. Минерва и мудрость греческихъ философовъ слишкомъ опутали твой разумъ и въ сердцѣ твоемъ нѣтъ мѣста восторгу передъ поясомъ, головной повязкой, а тѣмъ болѣе нѣжнымъ запястьемъ красивой дѣвушки.

Флавій понялъ намекъ на свое ночное приключеніе съ Тамарой и Саломеей, но былъ слишкомъ гордъ чтобъ отвѣчать въ томъ же тонѣ. Къ тому же все его вниманіе было поглощено раненымъ, которому Сильвій пытался влить въ ротъ глотокъ воды. Старикъ очнулся отъ долгаго забытья и растерянно глядѣлъ на сверкавшихъ воиновъ, окружавшихъ его.

---

*) Позорное наказаніе, состоявшее въ ударахъ плетью. Въ мирное время ему подвергали только рабовъ.

**) Военное наказаніе.

*) *Catella*, запястье и *torques*, цѣпь на шею—военныя награды.

**) Епафродитъ изъ Херонеи, учитель риторики и грамматики въ царствованіе Нерона. У него было два дома и библіотека въ 30.000 рѣдкихъ книгъ.

Эти люди въ блестящихъ панцыряхъ, съ суровыми лицами и холодными глазами-развѣ это не тѣ же, которые увели въ рабство его жену и ребенка, не тѣ, что пришли уничтожить отечество и стереть съ лица земли имя Израиля. Вѣдь тотъ благодѣтель, противникъ намѣстника Іосифа, простой купецъ, предвидѣлъ все, предупреждалъ, призывалъ къ оборонѣ и теперь...

Онъ пошатнулся и поднялъ обѣ руки ко лбу; потомъ онъ произнесъ нѣсколько безсвязныхъ словъ,—какъ бы предсмертный крикъ падающаго стража:

— Іоаннъ изъ Гишалы! Они идутъ, они идутъ!—И онъ со стономъ упалъ на землю.

Веспасіанъ приподнялся и глаза его засверкали.

— Іоаннъ изъ Гишалы,—проговорилъ онъ.—Не его ли Маркъ Агриппа называлъ самымъ дѣятельнымъ врагомъ Рима?

Вольноотпущенникъ утвердительно кивнулъ головой.

— Позволь мнѣ, господинъ,—сказалъ онъ шепотомъ,—остаться и заняться раненымъ. Это несомнѣнно шпіонъ, подосланный врагами, чтобы узнать о силѣ твоего войска и о твоихъ военныхъ замыслахъ.

Полководецъ утвердительно кивнулъ головой. Фронтонъ однако еще былъ въ нерѣшительности.

— Ну что-же? — нетерпѣливо спросилъ Веспасіанъ, давая знакъ продолжать путь.

— Можетъ быть, ты сочтешь удобнымъ, чтобы Флавій Сабиній взялъ на себя тѣмъ временемъ должность чтеца. Вспомни, что я говорилъ тебѣ о его слабости къ іудеямъ.

Ихъ глаза встрѣтились, потомъ вольноотпущенникъ вышелъ изъ носилокъ.

Молодой префектъ вздрогнулъ, услышавъ странный крикъ раненаго. Потомъ онъ быстро опустился возлѣ него, чтобы, наклонившись къ его рту, схватить, быть можетъ, еще нѣсколько словъ. Ему было ясно, что неизвѣстный находится въ какомъ-то отношеніи къ Іоанну изъ Гишалы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ Саломеѣ и Тамарѣ. Быть можетъ, даже, черезъ него можно будетъ получить свѣдѣнія о томъ, когда Регуэль явится въ Птолемаиду.

Но напрасно онъ прислушивался. Губы раненаго были крѣпко сжаты и тѣло его лежало неподвижное, застывшее, какъ будто душа покинула его.

Голосъ Веспасіана окликнулъ молодого человѣка.

— Прошу тебя, племянникъ, — ласково сказалъ ему полководецъ,—побудь со мною и помоги мнѣ справиться съ нѣсколькими дѣлами.

— А Этерній Фронтонъ, — спросилъ Флавій Сабиній, еле удерживая свое неудовольствіе.

— Я ему поручилъ изслѣдовать это дѣло, — холодно заявилъ полководецъ.

Префектъ долженъ былъ повиноваться желанію дяди, которое равнялось приказу полководца.

— Будь остороженъ, — прошепталъ онъ Сильвію, проходя мимо него. Потомъ онъ сѣлъ рядомъ съ Веспасіаномъ. Шествіе двинулось впередъ.

Сильвій еще нѣсколько минутъ поглядѣлъ ему въ слѣдъ. Потомъ онъ обернулся къ вольноотпущеннику, и указывая на іудея, спросилъ:

— Что прикажетъ Этерній Фронтонъ?

Тотъ наклонился къ раненому, лежавшему безъ сознанія, и пощупалъ его пульсъ.

— Онъ недолго протянетъ,—сказалъ онъ снова выпрямившись. Снести его въ караульный покой, а ты, Сильвій, приведи скорѣе врача. Нужно заставить его еще разъ очнуться, а говорить я уже его заставлю.

Злая улыбка появилась на его жестокомъ лицѣ.

Сильвій не самъ пошелъ за врачомъ, а послалъ одного изъ солдатъ.

Потомъ онъ взялъ тощее тѣло стараго еврея на плечи и послѣдовалъ за Этерніемъ Фронтономъ въ караульный домъ.

Глава III.

— Не понимаю тебя, Вероника, зачѣмъ ты такъ прямодушна съ ковар-

нымъ Веспасіаномъ? Ты вѣдь понимаешь, въ какомъ опасномъ и двойственномъ положеніи очутились я и весь мой домъ изъ-за этого несчастнаго мятежа.

Вероника пожала своими бѣлоснѣжными плечами, выступавшими изъ полуоткрытаго платья, и даже не перемѣнила положенія на своемъ ложѣ.

— А кто же, если не ты самъ, поставилъ себя въ это положеніе? Нужно было или стать вполнѣ на сторону римлянъ и всѣми силами затушить возстаніе въ самомъ зародышѣ, если это было возможно, или же нужно было слѣдовать моему совѣту, и стать на сторону своего народа, поднять общую войну противъ дерзкаго вторженія Рима и самому въ концѣ-концовъ воздѣть на себя корону Азіи.

— Опять ты съ этими дерзкими замыслами?

— Чѣмъ они плохи? Развѣ нашъ отецъ не къ тому же стремился? Ты самъ ловко съумѣлъ усыпить подозрѣніе Рима, и тебѣ нужно было только составить живую цѣпь изъ всѣхъ властителей, стонущихъ подъ игомъ Рима. Тогда было бы легко задушить безумнаго императора-актера. По одному твоему знаку всѣ сердца забились бы для тебя, и всѣ вооружились бы для твоей защиты.

Агриппа насмѣшливо засмѣялся.

— Кто этотъ народъ? Несовершеннолѣтніе или мечтатели. Они сами не знаютъ, чего хотятъ—сегодня одно, завтра другое. И неужели ты говоришь это серьезно? Прежде ты такъ не думала.

Вероника откинулась назадъ и мечтательно глядѣла вдаль.

— Прежде я была легкомысленнымъ, жизнерадостнымъ существомъ,—медленно заговорила она.—Я жила только мыслями о своей красотѣ и о весельи. Что знала я объ отчизнѣ, о вѣрѣ въ Бога? Міръ казался мнѣ садомъ, благоухающимъ для меня, приносящимъ плоды для одной меня. Только когда наступило то страшное время въ Іерусалимѣ, я стала понимать, что значитъ долгъ, и узнала, что садъ жизни не можетъ приносить ни цвѣтовъ, ни плодовъ, если его раньше не засѣять и не воздѣлать его. А кто же это дѣлалъ? Не мы, а какъ разъ тѣ жалкіе люди низшихъ классовъ, которыхъ убивали потомъ у насъ на глазахъ. Развѣ эти бѣдняки не имѣли права требовать тоже своей части общей жатвы?

Благородство мысли, волновавшей ее, придало чертамъ Вероники величавое и печальное выраженіе, страннымъ образомъ противорѣчившее выраженію ея полныхъ чувственныхъ губъ и подвижности ея нервныхъ рукъ.

Агриппа усмѣхнулся.

— Вижу, — сказалъ онъ, — во время твоего одиночества въ Цезареѣ ты опять занималась чтеніемъ греческихъ философовъ.

Она его не слушала.

— И если,—продолжала она съ возмущеніемъ,—если мы такъ жестоки и себялюбивы, что ставимъ свое благо выше блага другихъ, то почему не оставить, по крайней мѣрѣ, этимъ несчастнымъ единственную неопасную и намъ самимъ полезную вѣру въ награду въ другомъ мірѣ, ожидающую ихъ тамъ за всѣ ихъ труды и мученія? Зачѣмъ замѣнять эту блаженную дѣтскую вѣру призрачными богами Египта, жалкимъ греческимъ Олимпомъ и каменными идолами Рима? Нашъ народъ силенъ и непобѣдимъ именно тѣмъ, что онъ долженъ отстаивать величайшія блага человѣческой души отъ животныхъ страстей Рима. Тутъ ведется война не изъ-за свѣтскихъ выгодъ, а война за самое великое—за Бога!

Казалось, она упивалась своими собственными словами. Она вскочила въ порывѣ негодованія и встала передъ братомъ, высоко поднявъ правую руку. Ея длинное темное одѣяніе придавало высокой гордой фигурѣ что-то пророческое и царственное.

— А теперь,—продолжала она съ горечью:—вмѣсто того, чтобы думать и сожалѣть о легкомысліи минувшаго, вмѣсто того, чтобы преклониться передъ великой силой народа, ты еще жалуешься на меня. Ты говоришь, я возбудила подозрѣнія этого римскаго наемника. Флавій Веспасіанъ! Да кто онъ такой, чтобы глаза іудейской царицы, внучки великаго Ирода, слѣдили за движе-

ніемъ его рѣсницъ? Онъ могъ побѣждать лѣнивыхъ и невѣжественныхъ бриттовъ и германцевъ, но тутъ передъ нимъ высится нѣчто иное, святое. Въ суевѣрномъ страхѣ, онъ старается жалкими жертвами снискать расположеніе этой святыни, но если бы онъ даже побѣдилъ, Богъ Израиля сотретъ его своей рукой съ земли и не останется слѣда отъ него.

Она произнесла эти слова страстно и гнѣвно и опустилась въ изнеможеніи на подушки. Насмѣшка Веспасіана при встрѣчѣ оскорбила ее и возбудила всю гордость царицы изъ рода Ирода, всю гордость ея народа, который съ брезгливостью отворачивался отъ всѣхъ, не познавшихъ истиннаго Бога. Веспасіанъ шутливо укорялъ ее за то, что она не стала римской гражданкой.

— Римъ покорилъ весь міръ, а Вероника покорила бы Римъ, — сказалъ онъ.

Она гордо выпрямилась и отвѣтила дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ.

— Вероника царица и іудейка.

Тогда онъ расхохотался грубымъ и насмѣшливымъ смѣхомъ и сказалъ:

— Царица — это ничего, іудейка — это кое-что, а римлянка — это все.

Эти слова еще жгли ея душу, и ей казалось, цѣлая рѣка крови не смогла бы смыть позора съ ея лба.

Агриппа поблѣднѣлъ отъ внезапныхъ гнѣвныхъ словъ сестры. Глаза его безпокойно забѣгали. Неожиданная перемѣна въ легкомысленной женщинѣ, которая вдругъ стала фанатически преданной Богу, казалась ему опаснымъ препятствіемъ для его сложныхъ плановъ. Но онъ обладалъ средствомъ склонить ее на свою сторону. Онъ наклонился къ разгнѣванной женщинѣ и прижался къ ней щекой къ щекѣ, какъ это дѣлалъ всегда, когда просилъ ее о чемъ-нибудь. Онъ зналъ, что это льстило ея гордости, и что ее можно было покорить внѣшней покорностью ея волѣ.

Въ этотъ моментъ сходство сестры и брата было поразительно. То же благородство линій и тотъ же отпечатокъ чувственности — сочетаніе, которое составляло прославленную красоту потомковъ Ирода. Но тѣ же черты, сильныя и энфгичныя у Вероники, были у Агриппы слабыми и вялыми. Природа, какъ бы слѣдуя странному капризу, дала женщинѣ то, что должна была дать мужчинѣ, и наоборотъ.

Вероника позволила брату погладить свои пышные волосы и приложить узкую холодную руку къ ея вискамъ.

— Я, ты думаешь, — сказалъ онъ почти шопотомъ, — легко сношу униженіе? Во мнѣ тоже течетъ властная кровь нашихъ предковъ. И во мнѣ тоже что-то возмущается, хочется крикнуть и уничтожить все вокругъ себя. Но я прошелъ тяжкую школу и научился сдерживать гнѣвный духъ. Когда отецъ нашъ умеръ, царство его было могущественнымъ и раскинулось гораздо дальше границъ наслѣдія Иродова. Но я былъ молодъ, жилъ въ Римѣ, меня тамъ держали заложникомъ, обезпечивающимъ вѣрность отца. У меня все отнимали и посылали римскихъ намѣстниковъ туда, гдѣ ждали меня, законнаго властелина. Тогда я понялъ, что съ Римомъ нельзя честно бороться. Я притворился покорнымъ, преданнымъ и сталъ замышлять хитрые планы. Ты знаешь, чего я этимъ достигъ. Клавдій поддался моей хитрости и отдалъ мнѣ послѣ смерти Ирода, нашего дяди и твоего перваго супруга, его царство въ Халкидѣ. Тогда я сталъ неустанно дѣйствовать и добился того, что мнѣ порученъ былъ надзоръ надъ іерусалимскимъ храмомъ. Это важный шагъ впередъ, — онъ привелъ меня въ соприкосновеніе съ народомъ нашихъ предковъ. Клавдій умеръ, я предусмотрительно оказывалъ услуги Нерону и его матери, и мое вліяніе усилилось. Я все ближе подвигался къ Іерусалиму, мнѣ бы несомнѣнно дали во владѣніе Іудею, если бы не этотъ проклятый мятежъ. Не напрасно вѣдь я добился дружбы прокураторовъ, не напрасно укрѣпилъ довѣріе цезаря подарками и преданнотсью. Незамѣтнымъ образомъ увеличилось мое вліяніе на сосѣдей. Наши родственники, Тигранъ и Аристобулъ, получили черезъ меня

Арменію. Король Ацица Эмезскій женился на одной изъ нашихъ сестеръ Друзиллѣ, а Алабархъ Деметрій Александрійскій женился на другой сестрѣ, Маріамнѣ, Ты же вышла замужъ за Палемона, царя сицилійскаго. Еще болѣе: я узналъ, что недалеко время, когда можно будетъ начать мщеніе. Нужно было подготовить народъ. Я приблизилъ къ себѣ самыхъ видныхъ людей, посвятилъ ихъ въ свои планы. Всѣ они были тайно на моей сторонѣ и готовы были содѣйствовать мнѣ. А теперь пропала долголѣтняя работа, тщательно подготовленные въ теченіи долгихъ ночей планы уничтожены, разбиты нѣсколькими безумцами, которые, въ своемъ ослѣпленіи считаютъ римлянъ карликами, а себя великанами. Даже Юстъ бенъ-Пистосъ, мой собственный тайный секретарь, увлекся и проповѣдуетъ открытую войну противъ императора.

Онъ дико захохоталъ и сжалъ кулаки. Вероника поглядѣла на него съ ироніей.

— Бѣдный Агриппа,—сказала она и погладила его по лицу.—Вотъ видишь, къ чему привела тебя твоя римская змѣиная мудрость. Еслибы ты раньше попробовалъ узнать свой народъ, кототорый такъ презираешь, ты бы зналъ, что нельзя легкомысленно играть его святынями. Твоя ошибка въ томъ, что ты призвалъ къ себѣ на помощь жрецовъ храма.

— Помимо нихъ нельзя было бы ничего сдѣлать.

— Знаю, но Бога слѣдовало касаться лишь въ послѣдній моментъ, когда все другое было бы готово.

Агриппа въ отчаніи опустилъ озабоченную голову на руки.

— Ты права, все потеряно. Мы должны перейти на сторону римлянъ!

— Противъ родины, Агриппа, противъ Бога?

Его глаза безумно глядѣли вдаль. Онъ самъ былъ потрясенъ мыслью о низкомъ предательствѣ святыни его народа.

Въ его душѣ, испепеленной суетной жизнью Рима, горѣла еще невѣдомо для него самого искорка преданности вѣрѣ его отцовъ. И развѣ онъ самъ не имѣлъ твердаго намѣренія тогда, когда осуществятся всѣ его планы и онъ сможетъ назвать себя властелиномъ Азіи, раздуть эту искру въ свѣтлое пламя и сдѣлаться тѣмъ, чего таинственно ждали іудеи въ теченіе всей своей исторіи, тѣмъ, что казалось, осуществилось на минуту, въ его отцѣ—избранникомъ Божіимъ, царемъ и служителемъ Божіимъ, избавителемъ по Мессіанскому пророчеству. Изъ ничего стать всѣмъ! Страданіями купить величіе.

А теперь?!

Онъ сжалъ губы въ безсильной злобѣ, но не могъ сдержать криковъ ужаса, безумнаго ужаса.

И Вероникѣ казалось, — все величіе ея дома, а съ нимъ весь народъ израильскій, окутывалось сѣрымъ густымъ туманомъ.

Агриппа разсказалъ ей, что всѣ члены тайнаго союза отказались отъ него потому, что Веспасіанъ взглянулъ на нихъ своимъ холоднымъ пронизывающимъ взглядомъ, казавшимся имъ угрозой смерти. Римъ обвиняетъ его въ измѣнѣ, и ему тѣмъ труднѣе оправдаться, что Юстъ - бенъ - Пистосъ захваченъ Веспасіаномъ и ему грозятъ смертью, если онъ во всемъ не сознается. Юстъ же былъ повѣреннымъ царя, зналъ всѣ его планы, и по его порученію собралъ вокругъ себя бунтовщиковъ Тиверіады. Хотя открытый мятежъ вовсе не былъ въ намѣреніяхъ Агриппы, но враги обвиняли его и въ этомъ.

Веспасіанъ, казалось, вѣрилъ имъ. Была несомнѣнная преднамѣренность въ томъ, что до военнаго смотра онъ повелъ Агриппу смотрѣть на казнь солдата, ослушавшагося своего начальства.

— Такъ Римъ наказываетъ мятежниковъ,—сказалъ онъ, и зловѣщая угроза свѣтилась въ его глазахъ, устремленныхъ на царя.

— Вотъ почему, Вероника,—закончилъ Агриппа съ искаженнымъ отъ ужаса лицомъ,—я призвалъ тебя къ себѣ. Ты мнѣ уже часто помогала умнымъ совѣтомъ и быстрыми рѣшительными дѣйствіями. На этотъ разъ я тоже молю тебя...

Сестра взглянула на него съ нѣкоторымъ злорадствомъ.

— Что же можетъ сдѣлать такая слабая женщина, какъ я,—проговорила она.

— Ты одна можешь спасти меня,—проговорила Агриппа, приблизивъ губы къ ея уху, и сталъ говорить шопотомъ:— Въ погребахъ твоихъ замковъ скоплены несмѣтныя богатства, а Веспасіанъ любитъ чужія деньги. Ты прекрасна, красивѣе всѣхъ римскихъ женщинъ, умнѣе и обаятельнѣе Клеопатры египетской. А Марсія, жена Тита, холодна и ему ненавистна. Еслибы ты хотѣла, тебѣ было бы легко... привѣтливо взглянуть, улыбнуться, удержать подольше руку въ рукѣ. Прежде чѣмъ онъ успѣлъ бы оглянуться, бѣдняга лежалъ бы у ногъ твоихъ и былъ бы счастливъ, если бы ему дозволено было поцѣловать край одежды богини. И все это ни къ чему не обязываетъ. Когда веселая игра надоѣла, ее прекращаютъ. Да вѣдь вы женщины знаете это въ сто разъ лучше, чѣмъ мужчина можетъ разсказать. Въ этомъ вся ваша жизнь, то оружіе, которымъ вы ведете войну.

Лицо Вероники странно измѣнилось, когда братъ заговорилъ съ ней легкимъ тономъ. Грозная складка между бровей исчезла, она опустила длинныя рѣсницы, изъ подъ нихъ блестѣлъ горячій торжествующій лучъ, устремленный въ пространство, какъ бы созерцая тамъ яркую, обаятельную картину.

— Это опасное, иногда обоюдоострое оружіе, —пробормотала она про себя.

Агриппа напряженно смотрѣлъ на нее.

— Я лучше знаю Веронику, — медленно произнесъ онъ.—Она не положитъ руку въ огонь, который сама зажгла. Она будетъ покойно смотрѣть на сгорающаго тамъ врага и потушитъ своими нѣжными пальчиками остатки тлѣющей золы.

Голосъ его становился все болѣе и болѣе вкрадчивымъ, было какое-то обаяніе въ его мягкомъ, мелодичномъ звукѣ,—какъ во взорѣ змѣи, которая гипнотизируетъ свою жертву. Вероника не тронулась съ мѣста, когда онъ кончилъ. Она только тихо положила полную бѣлую руку подъ откинутую голову и грудь ея учащенно поднималась и опускалась.

— А если я исполню то, чего ты желаешь?

Онъ пристально взглянулъ въ ея глаза, снова устремленные на него.

— Только одного Веспасіана цезарь еще уважаетъ и боиться. Онъ единственный можетъ принести вредъ іудейскому племени и намъ. Веспасіанъ же любитъ своего Тита до безумія. Если Титъ скажетъ, что обвиненіе противъ Агриппы ложно, Веспасіанъ скажетъ то же самое. Если Титъ будетъ того мнѣнія, что войну надо вести осторожно, чтобы оставить противникамъ время для раскаянія,—Веспасіанъ будетъ того же мнѣнія, и если Титъ сочтетъ Агриппу подходящимъ, достойнымъ правителемъ Іудеи,—Веспасіанъ возвѣститъ цезарю, что Агриппа единственный человѣкъ, кому слѣдуетъ довѣрить это мѣсто.

— Ну, а дальше?

— Затѣмъ Титъ будетъ правителемъ Сиріи и глаза Тита будутъ устремлены на улыбку Вероники. Онъ не замѣтитъ, какъ властители Азіи снова соберутся вокругъ Агриппы, онъ не услышитъ звона оружія, которымъ іудейскій народъ снова начнетъ опоясываться, не увидитъ, какъ стѣны Іерусалима будутъ возвышаться до небесъ и какъ на вершинахъ горъ поднимутся крѣпости, а въ гавань войдутъ тысячи гребцовъ, управляющихъ флотомъ Агриппы.

— А потомъ?

— Потомъ Вероника откроетъ тайныя хранилища своихъ богатствъ, и какъ подземный потокъ золотая рѣка разольется, заливая далекую Британію, Панонію, Германію. И повсюду возстанутъ варвары противъ трепещущаго Рима. А когда всѣ эти воинства поднимутся на Рейнѣ, Дунаѣ и у Гальскаго моря, когда солнце Азіи, Африки и Эллады будетъ уже рѣдко освѣщать римскаго орла, тогда Вероника взойдетъ на самую высокую ступень священнаго храма іерусалимскаго, и какъ пророчица издастъ трубные звуки, передъ которыми падетъ иго римлянъ, какъ нѣкогда пали іерихонскія стѣны.

Онъ холодно и спокойно развернулъ передъ Вероникой гигантскій планъ, исполненіе котораго должно было потрясти весь міръ въ его основахъ. И чѣмъ глубже было его обаяніе, тѣмъ менѣе чувствовалась дерзость замысла. И къ тому же Агриппа выражалъ только собственныя мечты Вероники, облекая ихъ въ осязательное одѣяніе возможности.

И все-таки неужели позоръ можетъ породить славу?

А ее покроетъ позоръ, открытый позоръ, если она, надругавшись надъ божескимъ завѣтомъ, отдастся врагу и язычнику. Неужели величіе можетъ быть куплено позоромъ? Она невольно сдѣлала отклоняющій жестъ.

Агриппа не обратилъ на это вниманія. Онъ спѣшилъ объяснить Вероникѣ, чего онъ смертельно боялся. Завтра день обвиненія и суда. До тѣхъ поръ все должно быть сдѣлано. Тотчасъ по прибытіи Тита Веспасіанъ отправится съ нимъ на вершину Кармеля вопрошать іудейскаго Бога о рѣшеніи судьбы. Тамъ все должно свершиться. Онъ ей это предоставляетъ. Ея дѣло воспользоваться минутой.

Она едва слышала его слова. Ей казалось, что она далеко отъ земли. Внутреннее волненіе отдѣляло ее отъ дѣйствительности. Совершенно безсознательно она поднялась и направилась къ выходу.

Агриппа послѣдовалъ за ней.

Тогда жесткая складка появилась у ея губъ и она пламеннымъ взглядомъ окинула брата. Онъ отшатнулся и долго съ изумленіемъ глядѣлъ ей вслѣдъ. Потомъ онъ насмѣшливо улыбнулся.

— Она борется, но всетаки согласится.

Глава IV.

— Воды, воды,—стоналъ старикъ.

Врачъ вопросительно взглянулъ на Этернія Фронтона.

— Онъ еще слишкомъ живучъ,—отвѣтилъ тотъ, отрицательно кивая головой, глаза его сверкнули холодной насмѣшкой.

Сильвій дрожалъ отъ негодованія, ставя на мѣсто уже взятый имъ въ руки кувшинъ съ водой.

Это было ужасно.

Врачъ перевязалъ рану іудея и далъ ему успокоительное лѣкарство, чтобы сохранить въ немъ сознаніе. Тогда къ нему подошелъ Этерній Фронтонъ и сталъ допрашивать, откуда онъ пришелъ, что ему нужно въ Птолемаидѣ и состоитъ ли онъ въ сношеніяхъ съ Іоанномъ изъ Гишалы.

Старикъ крѣпко сжалъ губы, чтобы не испустить ни звука, и глаза его съ презрѣніемъ глядѣли на римлянина.

— Будешь ты отвѣчать?—спросилъ тотъ.

Раненый только улыбнулся.

Вольноотпущенникъ тогда тоже улыбнулся странной зловѣщей улыбкой. Потомъ онъ шепнулъ врачу одно только слово.

— Соли...

Сильвій это слышалъ и поблѣднѣлъ, а врачъ съ ужасомъ отшатнулся отъ Фронтона. Но тотъ еще разъ сдѣлалъ ему знакъ головой—властный, нетерпѣливый, угрожающій.

Дрожащими руками врачъ снова развязалъ повязку и наложилъ на рану платокъ, пропитанный соленою водой.

Это произошло часъ тому назадъ.

Съ тѣхъ поръ видъ іудея измѣнился до неузнаваемости. Тѣло его извивалось въ страшныхъ судорогахъ, со лба струился холодный потъ и глаза выступали изъ орбитъ. У него внутри горѣло адское пламя, отъ котораго высыхалъ языкъ.

— Воды! воды!

— Будешь отвѣчать?

Крикъ и вопросъ повторялись уже сто разъ и каждый разъ снова старикъ сжималъ кулаки и пробовалъ улыбаться презрительно и насмѣшливо. И каждый разъ Этерній Фронтонъ дѣлалъ знакъ врачу.

— Еще.

Врачъ прибавлялъ соленой воды до тѣхъ поръ, пока она начала стекать съ тѣла, но старикъ не говорилъ.

— Жаровню съ углемъ, Сильвій.

Декуріонъ не смѣлъ ослушаться и принесъ жаровню. Фронтонъ зажегъ соб-

ственными выхоленными руками древесные уголья и сталъ ихъ раздувать.

Потомъ онъ поставилъ ихъ подъ ложе, на которомъ пытали старика, для того, чтобы послѣднія капли пота вышли изъ его тѣла. Старикъ сталъ рваться, стараясь высвободить руки и ноги изъ ремней, которыми его прикрѣпили къ постели. Онъ скрежеталъ зубами и рычалъ какъ звѣрь.

— Воды! воды!

— Будешь говорить?

Черное облако спустилось на глаза іудея.

— Спрашивай!—крикнулъ онъ.

Этерній Фронтонъ немножко отодвинулъ жаровню.

Барухъ заговорилъ.

Онъ отправился въ Птолемаиду съ Регуэлемъ, сыномъ Іоанна изъ Гишалы, за сестрой Регуэля, Тамарой, которая жила въ домѣ своего дяди, торговца оливковымъ масломъ, Іоанна-бенъ-Леви. Нужно было доставить семью въ Гишалу, гдѣ имъ не грозило больше опасности, и въ то же время Барухъ и его спутникъ должны были привезти точныя свѣдѣнія о величинѣ и состояніи римскаго войска и о планахъ Веспасіана. За часъ до конца ихъ пути, на ихъ отрядъ напала конница галилейскаго намѣстника, Іосифа-бенъ-Маттія. Въ наступившемъ неравномъ бою пали Регуэль и Эліазаръ. Барухъ же, тяжело раненый, упалъ на землю и пролежалъ всю ночь въ обморокѣ. Только утренній холодъ привелъ его въ сознаніе. Припомнивъ случившееся, онъ сталъ озираться, ища своихъ спутниковъ. Но онъ нашелъ только Эліазара, мертваго, лежавшаго тамъ, гдѣ онъ упалъ. Регуэль исчезъ. Огромная лужа крови обозначала мѣсто, на которомъ его повалилъ на земь ударомъ меча Хлодомаръ. Остался-ли Регуэль въ живыхъ и уведенъ всадниками намѣстника, или же онъ смогъ продолжать путь въ Птолемаиду?

Этого Барухъ не зналъ.

Слѣдуя не столько разумной мысли, какъ безсознательному инстинкту, онъ потащился къ городскимъ воротамъ, гдѣ...

Больше онъ ничего не могъ сказать. Кровь хлынула у него изъ горла и заглушила звуки его голоса.

Этерній Фронтонъ нѣсколько времени внимательно глядѣлъ на него. Потомъ онъ отошелъ, пожалъ плечами и уступилъ мѣсто врачу, который старался облегчить страданія старика, истерзаннаго пыткой.

— Ничего не поможетъ,—сказалъ онъ небрежно.—Да теперь все равно. Вѣдь онъ все сказалъ. Открытіе однако важное. Веспасіанъ будетъ благодаренъ богу случая, который сразу предалъ въ его руки семью его злѣйшаго врага. Безумствуй, Іоаннъ изъ Гишалы, противъ Рима! Всякій новый мечъ, который ты поднимешь противъ Рима, опустится на голову твоего сына.

Онъ хладнокровно смотрѣлъ на ужасныя судороги умирающаго.

Сильвій глядѣлъ на вольноотпущенника съ чувствомъ изумленія и ужаса.

— Такъ вотъ что такое Римъ! Даже для рабовъ его—вѣдь Фронтонъ, хотя и получилъ свободу, всетаки только рабъ,—человѣческая жизнь не имѣетъ никакой цѣны. Какую же цѣну могла имѣть жизнь цѣлаго народа для властелиновъ этой земли?

— Не болѣе, чѣмъ жизнь каждаго отдѣльнаго человѣка.

Старый іудей облегченно вздохнулъ, когда врачъ развязалъ ремни. Его потухающій глазъ слѣдилъ за свѣтлымъ солнечнымъ лучемъ, который врывался въ окно.

— Развѣ этотъ лучъ не игралъ въ золотыхъ кудряхъ тонкой дѣвичьей головки и не сверкалъ тамъ золотой искрой?

И темные глаза ея улыбались, и нѣжныя ручки манили, и нѣжный ротъ открывался сверкая жемчужными зубами, и напѣвалъ легкую веселую пѣсенку.

Барухъ жадно вглядывался въ родной образъ, потомъ пошевелилъ поблѣднѣвшими губами, закрылъ глаза и прошепталъ:—Юдифь, дитя мое!

Съ этимъ шепотомъ душа его оставила тѣло.

Этерній Фронтонъ показался на порогѣ комнаты.

— Фотинъ,—сказалъ онъ уходящему стражу, — приготовься сопутствовать мнѣ. Я отправлюсь къ Іакову-бенъ-Леви, торговцу оливковымъ масломъ.—Было бы забавно, прибавилъонъ про себя,— еслибы Тамара, дочь Іоанна изъ Гишалы была тѣмъ маленькимъчертенкомъ, который съигралъ со мной такую штуку въ тотъ вечеръ. Въ такомъ случаѣ—бѣдный Іоаннъ.

Вероника быстро прошла длинный рядъ своихъ покоевъ. Она какъ бы хотѣла спастись бѣгствомъ отъ соблазна того плана, который развернулъ передъ нею ея братъ. Она полна была горечи и почти ненависти къ недавно такъ нѣжно любимому брату.

— Такъ вотъ зачѣмъ онъ ее звалъ сюда! Онъ хотѣлъ продать ее, какъ уже продалъ разъ, когда выдалъ замужъ за Палемона Понтійскаго, какъ продалъ и двухъ ея другихъ сестеръ.

И все это онъ дѣлалъ изъ честолюбія, только для того, чтобы достигнуть трусливой женской хитростью того, чего можно было лишь добиться смѣлымъ мужественнымъ поведеніемъ. Но на этотъ разъ онъ увидитъ...

Когда она вошла въ послѣднюю комнату, на встрѣчу ей поднялась съ подушекъ гигантская фигура эфіопа Стефана, любимаго раба Вероники, повѣреннаго всѣхъ ея тайнъ. Рѣзкій нечленораздѣльный звукъ радости вырвался у него при видѣ красавицы Вероники.

Стефанъ былъ нѣмъ и глухъ. Онъ не родился такимъ, а, по римскому обычаю, былъ подвергнутъ Агриппой такому наказанію за то, что выдалъ тайну.

Вероника сжалилась надъ умиравшимъ послѣ пытки рабомъ и, благодаря ея заботамъ, а также искусству врача Андромаха, удалось сохранить жизнь Стефана. Странныя отношенія установились съ тѣхъ поръ между госпожей и рабомъ. Она одна умѣла объясняться съ нимъ. Казалось, онъ читалъ каждую самую сокровенную мысль у нея на лбу, такъ что она сама иногда приходила въ ужасъ. Если же кто-нибудь чужой подходилъ къ ней, онъ обращалъ на него дикіе грозные взгляды и скрежеталъ зубами. Онъ казался Вероникѣ подобнымъ льву своей родины, когда она встрѣчалась съ его глазами, въ которыхъ сверкало грозное пламя. Вся его дикая душа отражалась въ его глазахъ. Она пугалась иногда его дикой страсти, но иногда забавлялась ею. На этотъ разъ Вероника не подумала о его страсти. Она положила ему руку на плечо и повелительнымъ жестомъ указала на подушку, на которой онъ сидѣлъ.

Онъ ее понялъ. Безшумно оттолкнувъ подушку ногой, онъ уперся всѣмъ своимъ могучимъ тѣломъ объ одинъ изъ камней стѣны, пока тотъ, повернувшись на скрытой оси, открылъ узкій проходъ, который велъ въ скрытую комнату. Потомъ Стефанъ отступилъ назадъ и наклонился, чтобы поцѣловать край одежды Вероники. Вероника ласково потрепала его курчавые волосы и взглянула на него повелительно, указывая пальцемъ на землю. Потомъ она исчезла въ проходѣ.

Стефанъ укрѣпилъ камень въ прежнемъ положеніи, положилъ передъ нимъ подушку и усѣлся на ней, не теряя изъ виду незамѣтную пуговицу, скрытую въ украшеніяхъ стѣны.

Онъ зналъ, что эта пуговица придетъ въ движеніе, когда госпожа захочетъ вернуться.

Вереника безшумно прошла въ скрытый покой и подошла къ ложу, спрятанному за пологомъ. Андромахъ, ея лейбъ-медикъ, подошелъ, къ ней съ поднятой кверху рукой.

— Онъ еще спитъ,—прошепталъ онъ.

Она кивнула головой въ знакъ довольства и осторожно опустилась на стулъ, увѣшанный золотыми цѣпочками. Сидя на немъ, она была скрыта отъ взора лежащаго на постели.

— И у тебя еще есть надежда, Андромахъ?—спросила она тихо.

— Я еще разъ осмотрѣлъ его раны,—отвѣтилъ врачъ.—Жизнь его внѣ опасности. Онъ бы давно уже проснулся,

если бы не былъ истощенъ сильной потерей крови.

Она сдѣлала ему знакъ замолчать и наклонилась, чтобы удобнѣе разсмотрѣть больного черезъ отверстіе въ занавѣси.

Какъ онъ былъ прекрасенъ!

Женственно нѣжныя руки лежали закинутыя подъ голову, нѣсколько приподнятую. Вероника могла замѣтить мягкій овалъ подбородка и благородную линію бровей. Блѣднорозовое покрывало придавало больному въ мягкомъ свѣтѣ комнаты нѣжный, теплый колоритъ вѣчной юности.

Вероника жадно вглядывалась въ эту картину и машинально нагнулась къ полураскрытымъ устамъ юноши, какъ будто бы для того, чтобы впитать ароматъ его дыханія. Но она во время остановилась. Больной пошевелился. Руки его выскользнули изъ-подъ головы и протянулись впередъ. Вѣки широко раскрылись и глаза мечтательно вглядывались вдаль, туда, гдѣ стояла Вероника, разсматривая его черезъ отверстіе полога.

Онъ блаженно улыбнулся и губы его шептали:—«Гелель, это ты? Такой я видѣлъ твою красоту, когда она сіяла надо мной въ долгую ночь. Она освѣщала мнѣ путь къ звѣздамъ, къ тебѣ, Гелель, о Гелель!»

Руки его тянулись къ ней и она невольно отступила. Онъ вскрикнулъ и поднесъ руку ко лбу.

«Ея уже нѣтъ»,—простоналъ онъ,—она ушла отъ меня!» Руки его дрожащимъ движеніемъ скользили по одѣялу и касались полога.

Только тогда къ нему вернулось сознаніе и онъ понялъ, что не спитъ.

Но неужели этотъ дивный женскій образъ, явившійся ему, былъ тоже правдой?

Вероника замѣтила вопрошающее выраженіе его лица.

Она медленно отдернула тяжелую занавѣску съ маленькаго рѣшетчатаго окна, и дневной свѣтъ освѣтилъ комнату; тогда она раздвинула пологъ у постели.

— «Регуэль!»

Съ крикомъ восторга онъ приподнялся и пламенный румянецъ освѣтилъ его блѣдныя щеки:

— Если ты будешь такъ волноваться,—сказала Вероника съ мягкимъ упрекомъ,—я буду принуждена уйти.

— О, я буду лежать совсѣмъ спокойно,—молилъ онъ:—только подожди, не уходи!

Она пододвинула свой стулъ къ постели и мягкимъ движеніемъ откинула голову Регуэля на подушки. Ея прикосновенія обожгло его. Но онъ сдержалъ восторгъ и съ блаженной улыбкой продолжалъ спокойно лежать. Только глаза его, продолжали любоваться ея фигурой, ея нѣжнымъ лицомъ, всей ея обаятельной красотой.

Вероника съ улыбкой слѣдила за нимъ. Опять красота ея побѣдила, какъ всегда и вездѣ.

Передъ ней стояли на колѣняхъ самые избалованные мужи Рима. Ей поклонялись властители Азіи. Передъ ней мятежная іерусалимская толпа отступала въ благоговѣніи и ей же поддался теперь этотъ неопытный мальчикъ.

Каждый его робкій взглядъ, дрожащій звукъ его голоса, смущенный румянецъ, ясно говорили о его чувствахъ. Она вздохнула. Ей казалось, что въ его нѣжныхъ чистыхъ чертахъ воскресла ея собственная юность,—то время, когда она играла съ другими дѣтьми въ дворцѣ отца. Съ тѣхъ поръ ея жизнь стала погоней за успѣхомъ, унизительнымъ служеніемъ чужимъ интересамъ, и она уже перестала внимать болѣе тонкимъ побужденіямъ души. Но здѣсь передъ ней незатронутая жизнью душа, полная вѣры и чистоты. Какъ бы ей хотѣлось вылѣпить мягкій воскъ этого молодого, неиспорченнаго сердца по собственному желанію. Но развѣ мыслимо, чтобы Регуэль когда-нибудь узналъ, кто его спасительница? Іоаннъ изъ Гишалы былъ самымъ ея строгимъ судьей, безпощадно осудившимъ ее. Неужели же Регуэль не раздѣляетъ мнѣнія своего отца?

Наканунѣ, въ первомъ побужденіи гнѣва, когда она и свита ея встрѣтили Хлодомара и узнали отъ него имя захваченныхъ путниковъ, она рѣшила удержаться отъ всякаго вмѣшательства. Но потомъ

она взглянула въ лицо потерявшему сознаніе юношѣ и вдругъ почувствовала неопреодолимое влеченіе къ нему. Она потребовала, чтобы Регуэля отдали въ ея распоряженіе. Хлодомаръ повиновался, хотя и очень неохотно; но онъ зналъ отношенія своего господина къ царскому дому и понималъ, что если не исполнить просьбу Вероники, она съумѣетъ ему отомстить.

Такимъ образомъ Регуэль очутился во власти Вероники.

И теперь—какимъ торжествомъ будетъ для нея влюбить въ себя сына того человѣка, который такъ гнушался ею.

Нѣтъ, Регуэль не долженъ знать, кто она, кому онъ обязанъ жизнью, кто та, которую онъ полюбилъ со всей непосредственностью молодой души. Она выпрямилась и взглянула на юношу тѣмъ пламеннымъ взоромъ, передъ которымъ еще никто не могъ устоять до сихъ поръ.

И она поняла, что онъ тоже не устоялъ.

— Ты ничего не спрашиваешь?—прошептала она.—Тебѣ не хочется знать, какъ ты попалъ сюда, въ Птолемаиду?

— Въ Птолемаиду?

Онъ хотѣлъ вскочить, но она прикоснулась къ нему рукой, такъ легко, что онъ едва почувствовалъ прикосновеніе. Она разсказала, что нашла его среди дороги, во власти грабителей; они обшаривали его платье, ища драгоцѣнностей. Когда приблизилась ея вооруженная свита, они разбѣжались и она благодарила Бога за то, что ей удалось спасти соплеменника.

Глаза Регуэля зажглись радостнымъ блескомъ.

— Такъ ты іудейка? —спросилъ онъ.

— Какъ и ты іудей— спокойно подтвердила она и улыбнулась, замѣтивъ, что онъ облегченно вздохнулъ.

— Но какимъ образомъ—спросилъ онъ съ недоумѣніемъ,—рѣшаешься ты выходить изъ города на открытую дорогу, гдѣ даже отважнымъ мужчинамъ ежеминутно и ежечасно угрожаетъ опасность? Я трепещу при одной мысли о судьбѣ, которая ожидала бы тебя, еслибы ты попалась въ руки одного изъ этихъ нечестивыхъ римлянъ.

Она, вспыхнула.

— Развѣ ты такъ мало знаешь, какъ іудейки дорожатъ своей честью—сказала она.—Знай, прежде, чѣмъ римлянинъ сдѣлалъ бы меня своей возлюбленной, вотъ этотъ послѣдній другъ нашелъ бы путь къ моему сердцу.

Она вынула изъ складокъ платья маленькій кинжалъ въ драгоцѣнной оправѣ и небрежно коснулась имъ своей груди.

Регуэль поблѣднѣлъ и потянулся къ острому клинку, чтобы отнять его у нея.

— Тамъ ядъ на остріѣ—крикнула она, вскочивъ, и бросилась къ Регуэлю, отнимая у него кинжалъ.

Взоръ ея при этомъ погрузился въ его глаза и теплое дыханіе коснулось его лица.

— Оставь его мнѣ,—взволнованно прошепталъ онъ.—Когда я подумаю, какъ легко несчастіе...

Она усмѣхнулась насмѣшливо и обольстительно.

— А тебѣ что за дѣло, мальчикъ?

— Ты права,—сказалъ онъ грустно.—Какое дѣло мнѣ, если твой супругъ позволяетъ...

Онъ не закончилъ, бормоча про себя что-то непонятное. Скрытый вопросъ, который слышался въ его словахъ, позабавилъ ее.

— Мой супругъ,—медленно проговорила она съ серьезнымъ выраженіемъ лица:— еслибы онъ зналъ, что я шучу здѣсь съ юношей, онъ бы... Онъ былъ ревнивъ, какъ тигръ...

— Былъ?—взволнованно проговорилъ Регуэль, дѣлая удареніе на этомъ словѣ.—Значитъ онъ уже умеръ? и ты...

Она вскочила, засмѣявшись свѣтлымъ, дѣвичьимъ смѣхомъ и поклонилась ему степеннымъ глубокимъ поклономъ.

— Старая, старая вдова,—сказала она.

Онъ ничего не отвѣтилъ, а только глядѣлъ на нее долгимъ взглядомъ, потомъ наклонился и поцѣловалъ ей руку.

— Что ты дѣлаешь, Регуэль?

— Ты такъ прекрасна,—прошепталъ онъ съ искреннимъ восхищеніемъ.

Она слегка отодвинулась отъ него и

посмотрѣла задумчиво на свои узкіе, тонкіе пальцы. Много мужскихъ устъ касалось ихъ, но никогда никто ихъ не цѣловалъ такимъ горячимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ чистымъ поцѣлуемъ.

— Регуэль,—начала она прерванную бесѣду.—Я должна пожурить тебя. Такъ то ты исполняешь обязанности? Ты даже не спросилъ о судьбѣ письма, даннаго тебѣ отцомъ. Успокойся,—быстро прибавила она, видя, какъ онъ поблѣднѣлъ. Вотъ оно.—Она взяла со стола пергаментный свитокъ и дала ему.

— Прости,—прибавила она,—что я сломала печать.—Я вѣдь не знала, когда ты очнешься и боялась замедлить порученіе, которое тебѣ было дано. По содержанію письма я узнала къ моей великой радости, кому я смогла оказать небольшую услугу. Я узнала, что ты Регуэль, сынъ Іоанна изъ Гишалы А его я ставлю выше всѣхъ другихъ. Онъ одинъ въ состояніи побѣдить римлянъ, грозящихъ нашему несчастному народу.

— Ты знаешь отца моего?—воскликнулъ радостно Регуэль, и то легкое недовѣріе, которое овладѣло имъ при видѣ распечатаннаго письма, исчезло.

— Я только одинъ разъ и видѣла его,—отвѣтила Вероника.—Это было въ Тиверіадѣ, когда онъ обвинялъ публично Іосифа бенъ-Маттія. Лицо его сверкало благороднымъ вдохновеніемъ. Народъ восторженно привѣтствовалъ его и намѣстнику едва удалось спастись бѣгствомъ. Тогда я поняла, что рука Божія покоится на отцѣ твоемъ.

Юноша внималъ ей, не обращая вниманія на то, что она говорила.

Потокъ ея рѣчей звучалъ такъ мощно и лицо ея свѣтилось особымъ обаяніемъ!

— Скажи мнѣ, какъ тебя зовутъ?—спросилъ онъ вдругъ, когда она кончила.

Она изумленно взглянула на него.

— Зачѣмъ это?—спросила она отрывисто.

— Я хотѣлъ бы знать, подходитъ ли имя твое къ тому, чѣмъ ты мнѣ кажешься.

— А чѣмъ я кажусь?

Она это сказала шутливымъ тономъ, но голосъ ея былъ странно взволнованъ.

Онъ снова покраснѣлъ.

— Я вспомнилъ старыя преданія нашего народа,—пробормоталъ онъ.

— И съ кѣмъ ты сравнивалъ меня?

— Съ Деборой.

Это слово взволновало ее. Какъ разъ объ этомъ она думала во все время своей одинокой жизни въ Цезареѣ. Это было то, что безсознательно проходило черезъ всѣ ея мысли о будущемъ величіи ея народа, то, что звучало въ ея словахъ, сказанныхъ брату.

Дебора!

Ей вспомнилась побѣдная пѣснь пророчицы. Она такъ часто повторяла ее ребенкомъ въ мрачныя бурныя ночи и при этомъ трепетала отъ восторга. Воображенію ея рисовалось былое величіе; она вдыхала упоительный запахъ крови, слышала шумъ колесницъ, топчущихъ трупы враговъ.

Неужели то, что удалось простой женщинѣ изъ народа, не можетъ быть осуществлено ею, могущественной царицей.

Дебора!

— А что если ты угадалъ,—сказала она изумленному Регуэлю.—Что если въ самомъ дѣлѣ мое имя Дебора и я стану Деборой для нашего народа?

— Ты навѣрное станешь ею и народъ израильскій будетъ восхвалять тебя до конца дней.

— А ты?

Онъ ничего не отвѣтилъ. Онъ ухватился за ея блестящую одежду, чтобы скрыть въ ней пылающее лицо. Но она подняла голову и, погружая странный взглядъ въ его чистыя благородныя черты, прижала его къ своей груди.

— Регуэль!

Звукъ ея голоса былъ такой мягкій, обаятельный и многообѣщающій. Онъ не могъ дольше выдержать ея чаръ, когда она нагнулась къ нему. Ослѣпленный, онъ закрылъ глаза.

И вдругъ онъ весь вздрогнулъ и упалъ безъ сознанія на подушки.

Губы пророчицы коснулись его устъ.

Андрòмахъ быстро подошелъ и нагнулся надъ юношей, лежащимъ въ обморокѣ.

— Ты могла убить его,—сказалъ онъ Вероникѣ съ укоризной.

— А ты не думаешь, что смерть его была бы блаженной? — отвѣтила она, странно улыбаясь.

Глава V.

Когда Вероника вернулась въ свои покои, на встрѣчу ей вышелъ Агриппа.

— Не думай,—сказала царица, обращаясь къ брату,—что тебѣ удастся уговорить меня. Мое рѣшеніе твердо. Я не вступлю на путь позора. Пусть лучше погибнетъ домъ Ирода, чѣмъ израильскій народъ. А спасеніе только въ самомъ народѣ. Мы, слабые потомки сильныхъ предковъ. ничего не добьемся ни хитростью, ни силой. Мой совѣтъ тебѣ—поступай, какъ я! Забудь искушенія Рима, вернись къ здоровой простотѣ твоего народа. Въ этомъ, и только въ этомъ твое спасеніе.

Агриппа поблѣднѣлъ, слушая взволнованныя слова сестры.

— А ты думаешь,—отвѣтилъ онъ,—что Веспасіанъ меня такъ и отпуститъ? Стража его ходитъ вокругъ нашихъ дворцовъ, пробирается въ наши покои, и кто поручится, что римское золото не купило уже уста и уши нашихъ собственныхъ слугъ?..

— Брось продажныхъ людей, бѣги отъ нихъ, какъ я убѣгу—темной ночью. Будемъ изгнанниками, не все ли равно? Лишь бы вернуться побѣдителями!

Царь взглянулъ на нее сверкающимъ взоромъ и закусилъ губу.

— Ты безумствуешь, Вероника. Подумай, кто сдѣлалъ меня царемъ? Римъ.

— Возврати ему царство и снова завоюй его самъ.

Онъ ее уже не слушалъ.

— Кто единственно въ состояніи сохранить мнѣ власть? Тотъ же Римъ. Народъ? О, не думай, что эта война ведется только противъ вторгнувшихся чужеземцевъ. Чернь Іерусалима и другихъ городовъ требуетъ большаго. Они возмущаются противъ всего, что стоитъ выше ихъ—противъ меня, ихъ царя, противъ знатныхъ, захватившихъ всѣ должности, противъ богачей, овладѣвшихъ рынками посредствомъ своего золота. Если не сдержать неистовства толпы сильной рукой,—она всѣхъ насъ затопчетъ, уничтожитъ.

— Пусть. Если знать не умѣетъ защитить родины, а пользуется своимъ положеніемъ только для собственной выгоды, то я первая готова кричать вмѣстѣ съ народомъ: долой знатныхъ, губящихъ отечество!

Она проговорила эти слова внѣ себя отъ гнѣва и сжимала руки въ кулаки.

Агриппа упалъ въ кресло уничтоженный.

— Ты безумствуешь,—простоналъ онъ.

— Да вѣдь ты,—продолжала Вероника послѣ короткаго молчанія,—не можешь судить о людяхъ, которыхъ называешь чернью. Ты слишкомъ мало ихъ знаешь. Это не римская чернь, которая требуетъ хлѣба и зрѣлищъ. Нашему народу нужна иная жизнь — въ немъ духъ силенъ. Онъ жаждетъ истины, стремится къ Богу. Да къ чему говорить тебѣ это?—прибавила она съ горечью.—Ты, все равно, не поймешь. Ты уже не іудей. Римъ сдѣлалъ тебя рабомъ: всѣхъ, кто къ нему приближается, онъ унижаетъ, повергаетъ въ прахъ, до тѣхъ поръ, пока они начинаютъ считать самымъ высокимъ и желаннымъ милостивую улыбку одного изъ римскихъ тирановъ. Но я не хочу потонуть въ этой грязи. Лучше погибнуть, какъ загнанный звѣрь, гдѣ-нибудь въ темной пещерѣ галлилейскихъ горъ, чѣмъ цѣловать руку притѣснителя.

Она рѣзкимъ движеніемъ отвернулась отъ брата, который сидѣлъ погруженный въ мысли и растерянными глазами глядѣлъ въ даль. Наступила долгая, тягостная тишина; наконецъ, съ улицы раздались тяжелые шаги мимо проходящей когорты. Это были тѣлохранители, которыхъ отрядили сопровождать Веспасіана въ поѣздкѣ на Кармель.

Царь опустилъ голову на грудь.

Съ ужасающей ясностью ему представилась страшная картина, которую онъ видѣлъ мальчикомъ въ Римѣ. Захваченъ былъ въ плѣнъ вождь возмутившагося племени. Это былъ высокій, сильный человѣкъ, съ гордымъ взглядомъ и

смѣлой осанкой. Такимъ онъ проходилъ, гремя цѣпями, черезъ Аппійскіе ворота. А нѣсколько недѣль спустя вся его отвага была разбита пребываніемъ въ подземномъ сыромъ погребѣ; съ тупымъ равнодушіемъ онъ позволялъ продѣлывать съ собой все, что хотѣли его мучители: ему прикрутили руки къ спинѣ, привязали его къ хвосту лошади и волочили по улицамъ Рима. Толпа бросала въ него камни и куски грязи и пѣла ему вслѣдъ грубыя пѣсни. Такъ онъ приблизился къ Тарпейской скалѣ и, когда предъ нимъ разверзлась бездонная пропасть, онъ издалъ крикъ безумнаго, смертельнаго ужаса. Блестящій, страшный Римъ еще разъ восторжествовалъ надъ однимъ изъ своихъ враговъ.

Развѣ Агриппу не ожидала та же участь, если Веспасіанъ, внявъ жалобамъ городовъ, учинитъ допросъ Юсту бенъ Пистосу, его тайному секретарю, и заставитъ его выдать скрытые замыслы его господина.

Агриппа содрогнулся и глухо прошепталъ:

— Я тогда погибъ.

Его внутренняя борьба произвела, однако, впечатлѣніе на Веронику. Несмотря на свой гнѣвъ, она не могла отрѣшиться отъ привязанности къ брату и теперь въ сердцѣ ея проснулась жалость. Но въ ушахъ ея снова раздался какъ бы издалека и все-таки совершенно отчетливо чей-то зовъ:

— Дебора!

— Малодушный!—прошептала она съ презрѣніемъ.

Онъ это услышалъ. Лицо его исказилось бѣшенствомъ и онъ съ трудомъ удержался, чтобы не броситься на оскорбившую его женщину. Но прошла минута—и онъ лежалъ у ея ногъ и молилъ о пощадѣ.

Этого она все-таки не ожидала. Неужели всѣ его честолюбивыя мысли о завоеваніи міра были только забавой, а на самомъ дѣлѣ онъ такъ безпомощенъ и жалокъ?

— О если бы я была мужчиной!—пробормотала она и топнула ногой, сгорая отъ стыда.

И этому-то жалкому, ничтожному человѣку она должна была принести себя въ жертву?

Никогда. Какъ Дебора, она готова перешагнуть черезъ трупы. Она оттолкнула отъ себя брата, обнимавшаго ея колѣни. и посмотрѣла въ даль, черезъ него, какъ будто взоръ ея могъ проникнуть сквозь стѣны, туда. гдѣ лежалъ въ отдаленномъ покоѣ раненый юноша.

— Иду.—прошептала она почти про себя, и черты ея озарились улыбкой счастья.

Она поднялась и прервала мольбы лежащаго у ея ногъ царя.

— Брось нытье,—сказала она рѣзко.—Я сегодня же покидаю Птолемаиду.

Стонъ вырвался изъ его груди.

— Вероника!

Она не обернулась, а подошла къ дверямъ, у которыхъ долженъ былъ ждать ее Таумастъ. Она открыла дверь и подозвала его, чтобы велѣть готовиться къ отъѣзду, но въ это время раздались поспѣшные шаги на ступеняхъ ведущей со двора мраморной лѣстницы. Поднявъ глаза, она увидѣла передъ собой римскаго воина, украшеннаго знаками консульскаго сана. При видѣ ея онъ еще болѣе ускорилъ шаги и взволнованнымъ голосомъ заговорилъ еще издали:

— Прости, царица, что я осмѣлился проникнуть въ твои покои. Но дѣло чрезвычайной важности приводитъ меня къ тебѣ и къ твоему брату Агриппѣ, котораго я напрасно искалъ въ его дворцѣ.

При первыхъ звукахъ его голоса царь вздрогнулъ и взглянулъ на пришедшаго искаженнымъ отъ ужаса взоромъ.

Неужели Римъ уже протягиваетъ мстительную руку, чтобы схватить измѣнника?!

— Флавій Сабиній! — пробормоталъ онъ.—Тебя послалъ Веспасіанъ или?!.

— Мой дядя не долженъ знать, что я былъ у тебя, — сказалъ торопливо префектъ и робко оглянулся вокругъ себя. Указывая на Таумаста, который ждалъ въ глубинѣ двора, онъ тихо спросилъ:—Ты увѣрена въ преданности и молчаніи этого раба?

— Не безпокойся,—отвѣтила Вероника и подала знакъ управителю дома стать у двери и никого не впускать. Потомъ она пригласила римлянина послѣдовать за нею во внутренніе покои.

— Вамъ навѣрное покажется страннымъ мой поступокъ,—началъ тотчасъ же Флавій Сабиній.—Я, римлянинъ, прихожу просить васъ помочь и защитить одного изъ вашихъ же соплеменниковъ противъ римскаго насилія.

Флавій Сабиній разсказалъ имъ съ полной открытостью о своемъ знакомствѣ съ Тамарой и Саломеей, о томъ, какъ ему удалось оградить ихъ отъ преслѣдованій Этернія Фронтона. Онъ замѣтилъ, что Агриппа насмѣшливо улыбнулся, когда онъ говорилъ о красотѣ и душевной чистотѣ обѣихъ дѣвушекъ; но теперь ему было не до скрыванія своей тайной любви. Дѣло шло о болѣе важномъ. Въ короткихъ словахъ онъ разсказалъ то, что зналъ со словъ Сильвія объ исходѣ допроса, которому подвергнутъ былъ Барухъ, провожатый Регуэля

Флавій Сабиній и Сильвій хотѣли, по крайней мѣрѣ, предупредить объ опасности Іакова бенъ Леви, торговца оливковымъ масломъ, и, если возможно, увести дѣвушекъ куда-нибудь до прихода Фронтона. Но уже было слишкомъ поздно.

По дорогѣ къ дому Іакова они встрѣтили шумную толпу; въ центрѣ ея были обѣ дѣвушки и еще совершенно больной Іаковъ бенъ Леви. Ихъ заковали въ цѣпи и вели подъ конвоемъ въ городскую тюрьму. Народная толпа сдѣлала попытку броситься на захваченныхъ іудеевъ, такъ что Этерній Фронтонъ долженъ былъ призвать для охраны плѣнниковъ рыночную стражу.

Вольноотпущенникъ шелъ во главѣ шествія и лицо его сіяло злорадствомъ, когда онъ увидѣлъ испуганнаго префекта. Послѣдній предложилъ свое поручительство, но Этерній Фронтонъ отказался подъ предлогомъ исключительной важности захваченныхъ іудеевъ.

Теперь ихъ можно было спасти только при помощи самого Веспасіана. Нужно его разжалобить, но Флавій Сабиній не думалъ, что ему это могло бы удасться. Рѣзкое обращеніе съ нимъ Веспасіана по утру ясно доказало, что онъ утратилъ всякое вліяніе на дядю. Веспасіанъ, очевидно, рѣшилъ съ неумолимой строгостью карать возмутившійся народъ. Онъ, конечно, воспользуется счастливымъ случаемъ. Захватъ родственниковъ Іоанна изъ Гишалы отдавалъ и его самаго во власть Веспасіана, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣхъ тѣхъ, которые считали Іоанна главой своихъ мятежныхъ стремленій.

Вероника облегченно вздохнула еще прежде, чѣмъ префектъ кончилъ. Имя Регуэля не было упомянуто. Значитъ Этерній Фронтонъ ничего не зналъ о спасенномъ ею юношѣ. И въ будущемъ тоже рука его не коснется Регуэля—объ этомъ она позаботится. Но вѣдь опасность грозила ближайшимъ родственникамъ Регуэля...

Она знала, какъ сильно развито семейное чувство у іудеевъ. Благодѣяніе, оказанное одному члену семьи, обязываетъ всю семью къ благодарности на всю жизнь. Какой случай еще болѣе привязать къ себѣ прекраснаго юношу! И кромѣ того, развѣ эта удача вольноотпущенника не убьетъ въ зародышѣ всего возстанія? Оно такъ счастливо началось и такъ глубоко ее радовало. Она познакомилась со всѣми выдающимися участниками возстанія и имѣла возможность ихъ оцѣнить. Для нея не было отнынѣ сомнѣнія, что только одинъ Іоаннъ изъ Гишалы сможетъ выполнить великое дѣло. Въ немъ энергія іудея соединялась съ умомъ и сообразительностью купца, увлекательное краснорѣчіе народнаго трибуна съ проницательностью полководца и государственнаго человѣка. И неужели все это окажется тщетнымъ, изъ-за дѣвушки, которая понравилась Фронтону.

Кровь ей бросилась въ голову. У нея закружилась голова — такъ ясно она вдругъ поняла, что нужно сдѣлать, и такъ страшенъ былъ настойчивый голосъ совѣсти. Напрасно она ломала себѣ голову, чтобы найти другой исходъ. Все потеряно, если Вероника сама...

— Сдѣлать *это?* А мечты стать Деборой?!.

Опа откинулась назадъ и закрыла

глаза. Этимъ она какъ бы отдѣлялась отъ всего міра, и мысли становились болѣе острыми.

— Если не сама Вероника...

Флавій Сабиній продолжалъ свой разсказъ:

— Я проводилъ глазами шествіе и не зналъ, что дѣлать. У меня сердце сжималось отъ жалости. Блѣдный, дряхлый старикъ съ трудомъ передвигалъ ноги подъ тяжестью цѣпей; оскорбленная женская гордость видна была въ благородныхъ чертахъ Саломеи, а прелестная Тамара съ испугомъ прижималась къ старшей подругѣ, ища у нея защиты отъ беззастѣнчивыхъ шутокъ грубой толпы. Я не зналъ, какъ помочь имъ. Тогда декуріонъ Сильвій навелъ меня на мысль обратиться за помощью къ тебѣ, Агриппа. Мы дали іудеямъ царя,—сказалъ Сильвій,—и на что онъ имъ, если у него нѣтъ достаточно власти, чтобы защитить безпомощныхъ женщинъ отъ нашихъ нечестивцевъ.—Сильвій замѣтилъ нечистый взглядъ, которымъ Этерній Фронтонъ оглядывалъ обѣихъ дѣвушекъ.—Я пришелъ къ тебѣ, Агриппа,— закончилъ префектъ, глядя царю прямо въ глаза,—просить, чтобы ты заступился передъ Веспасіаномъ за твоихъ соплеменниковъ.

Агриппа пожалъ плечами.

— Я ничѣмъ не могу помочь! Твой Сильвій былъ правъ, говоря о моемъ безсиліи. Да Птолемаида, къ тому же, не входитъ въ составъ моихъ владѣній и у меня даже нѣтъ предлога...

— Но употреби хоть твое вліяніе для того, чтобы съ заключенными лучше обращались,—уговаривалъ его консулярій. — Я вѣдь знаю Этернія Фронтона, онъ не упуститъ ни одного средства, даже самаго жестокаго, для достиженія своихъ тайныхъ цѣлей.

— Мое вліяніе,—сказалъ Агриппа съ горькой усмѣшкой. — Я былъ бы доволенъ, если бы хоть могъ самого себя оправдать отъ нелѣпыхъ обвиненій враговъ. Но я боюсь, очень боюсь... Право, Сабиній, мнѣ жаль отказать человѣку съ такимъ высокимъ положеніемъ, какъ ты, но ты требуешь отъ меня невозможнаго. И прости,—прервалъ онъ себя, взглянувъ на солнце, которое уже прошло зенитъ. — Я долженъ тебя оставить. Мнѣ время готовиться къ поѣздкѣ на Кармель.

Онъ поднялся и бросилъ умоляющій взоръ на Веронику. Она все еще сидѣла, откинувшись назадъ и закрывъ глаза. Она какъ будто бы почувствовала взглядъ царя, встала и, выпрямившись, подняла руку.

Ея глаза вдругъ широко раскрылись; въ нихъ блеснулъ мрачный лучъ, устремленный на брата, въ то время, какъ она крѣпко прижала руки къ громко бьющемуся сердцу. Она направилась къ двери.

— Таумастъ!

Правитель дома появился на ея зовъ.

— Что прикажешь, царица?

— Носилки!.. скорѣе!..

Онъ быстро вышелъ. Агриппа вздрогнулъ и подался впередъ, чтобы въ избыткѣ радости заключить сестру въ свои объятія.

— Вероника! ты согласна...

Она отошла отъ него съ каменнымъ выраженіемъ лица,—онъ внушалъ ей отвращеніе. Руки ея судорожно схватились за одну изъ колонъ дверей.

— Не ради тебя! — проговорила она сдавленнымъ голосомъ.

Она знакомъ попросила его и Флавія оставить ея покой. Флавій Сабиній съ удивленіемъ взглянулъ на царя, который крѣпко жалъ ему руки на прощаніе. Агриппа былъ теперь совершенно инымъ.

— Надѣйся, Сабиній,—радостно проговорилъ онъ. — Самъ Богъ внушилъ Этернію Фронтону это покушеніе противъ дочери Іоанна изъ Гишалы.

— Я не понимаю,—прошепталъ префектъ въ изумленіи,—объясни мнѣ, пожалуйста.

— Да развѣ я самъ понимаю,—возразилъ со смѣхомъ Агриппа,—развѣ кто-нибудь можетъ понять женщинъ? Но не все ли равно, изъ-за чего Вероника поѣдетъ на Кармель, лишь бы она поѣхала.

Онъ поспѣшилъ впередъ легкими, окрыленными шагами. Флавій Сабиній послѣдовалъ за нимъ, качая головой.

Въ покояхъ Вероники ловкія руки

греческихъ рабынь одѣвали повелительницу для поѣздки. Рабыни тоже перекидывались украдкой изумленными взглядами.

Обыкновенно, Вероника, какъ всѣ избалованныя римлянки, бранила и строго наказывала прислужницъ за всякую неосмотрительность, сердилась, когда ея волосы противились новому убору, или когда ей не нравился выборъ цвѣтовъ. Сегодня она ни на что не обращала вниманія и, занятая своими мыслями, позволяла продѣлывать съ собой все, что угодно. Она даже не разсердилась, когда Харміона, полировальщица ногтей, уколола ей палецъ такъ, что показалась крупная капля крови.

Она долго разглядывала красное пятно, и надавливала его пальцемъ, чтобы вышло еще больше крови.

Потомъ она рѣзко и презрительно засмѣялась, высосала кровь и произнесла непонятное гречанкамъ слово:

— Дебора!

. . . .

Послѣдніе богомольцы спустились еще до полуденнаго жара тѣнистыми тропинками съ Кармеля; они направлялись отчасти въ долину Изрееля, отчасти къ заливу Акко; тамъ по голубымъ волнамъ носились въ разныя стороны сотни бѣлыхъ парусовъ.

Пророкъ Базилидъ съ насмѣшливой улыбкой проводилъ взглядомъ богомольцевъ. Потомъ онъ вернулся затушить огонь на жертвенникѣ, нѣкогда воздвигнутомъ израильскому Богу. Его желтое, окаймленное клинообразной черной бородой лицо, имѣло недовольный видъ, когда онъ взглянулъ на приношенія у алтаря.

— Ничего порядочнаго, — ворчалъ онъ. — Нѣсколько жалкихъ динаровъ среди всякой дряни—вотъ и все, а между тѣмъ моя слава скорѣе выросла въ глазахъ глупой толпы, чѣмъ уменьшилась. Видно, тяжко давитъ народъ рука Рима.

Онъ сталъ на колѣни, чтобы отобрать изъ груды денежныя монеты и кольца.

— Если мнѣ не выдастся скоро какая-нибудь особенная удача, — продолжалъ онъ, говоря самъ съ собой, — то придется или умереть съ голода, или вернуться въ Римъ. Жаль, что меня еще тамъ знаютъ въ лицо — да, многіе бы дорого заплатили, чтобы увидѣть мою голову посаженной на колъ! А все-таки, несмотря на всѣ преслѣдованія, наша наука приноситъ еще въ Римѣ огромныя выгоды. Эти гордые римляне, повелители міра, только стараются убѣдить себя, что не вѣрятъ въ боговъ. Какъ они ни прикидываются вольнодумцами, а все-таки дрожатъ передъ всякой мелочью, которая имъ кажется необычной, и приносятъ жертвы Юпитеру и Минервѣ, Изису и Озирису, Астартѣ и Богу іудеевъ. О глупцы!

Онъ злобно и презрительно засмѣялся и, собравъ жертвоприношенія въ кучку, уложилъ ихъ въ складки своего длиннаго, причудливаго плаща. Затѣмъ онъ направился къ уединенной пещерѣ, скрытой среди густой зелени. Осторожно оглянувшись вокругъ себя, онъ толкнулъ ногой массивную желѣзную дверь.

Его стрѣтилъ дикій, раздирающій уши крикъ. У потолка сидѣли на шестѣ два орла. Головы ихъ были покрыты жестяными колпаками. Они неутомимо бились крыльями о шестъ. На простывшемъ очагѣ поднимались изъ цѣлаго клубка змѣиныхъ тѣлъ головы со сверкающими глазами и шипѣли длинными разсѣченными языками. Въ стѣну вдѣлано было желѣзное кольцо, съ котораго слетѣлъ черный воронъ и, сѣвши на плечо своего господина, прокричалъ охрипшимъ голосомъ:

— Да здравствуетъ цезарь!

— Ѣсть хотите?—со смѣхомъ обратился Базилидъ къ звѣрямъ.—Погодите, еще не время набивать вамъ животы. Еще, можетъ быть, кто-нибудь да придетъ до вечера внимать предвѣщаніямъ свыше. А я долженъ быть увѣренъ въ моихъ слугахъ.

Онъ вытряхнулъ все, что принесъ въ складкахъ плаща, на простой деревянный столъ и звонъ серебра заглушилъ крикъ звѣрей. Они вдругъ замолкли. Душа ихъ хозяина, казалось, переселилась въ нихъ—такъ жадно сверкали глаза змѣй и вытягивались шеи орловъ. Воронъ бросился на кучку бле-

стящаго металла и, схвативъ кусокъ серебра, снова вспорхнулъ на свое кольцо. Базилидъ засмѣялся.

— Подожди, воришка,—крикнулъ онъ, вынимая монету у него изъ клюва.—Къ чему тебѣ эта твердая штука? Или ты опять хочешь ее унести въ потаенный уголокъ, гдѣ я недавно нашелъ порядочную кучку золотыхъ и серебряныхъ монетъ и колецъ.

Онъ прикрѣпилъ ворона тоненькой цѣпочкой къ кольцу. Птица отбивалась крыльями и клювомъ, глаза ядовито сверкали и безъ умолку раздавался ея хриплый крикъ:

— Да здравствуетъ цезарь!

Наконецъ, пророкъ взялъ кусокъ сырого мяса и укрѣпилъ его на остромъ крюкѣ, вбитомъ въ стѣну, на такомъ разстояніи однако, что воронъ не могъ его достать. Тогда привѣтный крикъ ворона превратился въ сдавленное клокотаніе; разсвирѣпѣвъ отъ голода, онъ не переставалъ жадно тянуться къ недосягаемому лакомому куску.

Точно также Базилидъ поступилъ и съ орлами.

Такъ онъ приручалъ своихъ звѣрей, и они настолько привыкли къ своей пещерѣ, что возвращались въ нее, когда онъ выпускалъ ихъ на волю.

Извнѣ раздался крикъ, который прервалъ его занятія.

— Базилидъ, святѣйшій изъ пророковъ, гдѣ ты?

Эти слова были произнесены высокимъ, тонкимъ голосомъ и горное эхо стократно повторило рѣзкій звукъ. Онъ казался хихиканьемъ злорадныхъ бѣсовъ. Пророкъ вздрогнулъ. Голосъ и зовъ показались ему странно знакомыми. Онъ поспѣшно заглянулъ за тяжелую занавѣсь, скрывавшую глубину пещеры, съ довольнымъ видомъ кивнулъ головой и спустился внизъ по нѣсколькимъ ступенямъ; попавъ въ длинный, узкій проходъ, онъ вышелъ на свѣтъ уже съ совершенно другой стороны.

Базилидъ съ большимъ усиліемъ высѣкъ этотъ проходъ въ каменистой почвѣ, чтобы имѣть два выхода изъ пещеры.

Выйдя на воздухъ, онъ безшумно пробрался въ чащу, изъ которой могъ видѣть все, что происходило около жертвеннаго алтаря. Наконецъ, онъ увидѣлъ окликнувшаго его человѣка.

Къ одному изъ роговъ алтаря *) привязанъ былъ мулъ и ѣлъ траву, которую ему подавалъ маленькій, уродливый человѣкъ въ пестрой одеждѣ. Съ дерзкимъ презрѣніемъ къ святости мѣста, уродецъ забрался на самую площадку алтаря. Его огромная голова, составлявшая смѣшной контрастъ съ тѣломъ карлика, была опущена, такъ что Базилидъ не видѣлъ его лица. Дѣйствія свои онъ сопровождалъ такими же словами, съ какими прежде пророкъ обращался къ своимъ звѣрямъ.

Какъ и голосъ, такъ и вся фигура карлика напоминали пророку что-то очень знакомое. Но, все-таки, нельзя было допустить глумленія надъ святыней, которую Базилидъ съумѣлъ обратить въ постоянный источникъ доходовъ. Что, если бы кто-нибудь изъ вѣрующихъ увидалъ эту сцену?

Онъ бросился впередъ и закричалъ въ притворномъ гнѣвѣ:

— Какъ ты смѣешь, несчастный, сидѣть на алтарѣ Всевышняго? Трепещи— тебя можетъ сразить молнія.

Карликъ спокойно поднялъ глаза на разгнѣваннаго пророка.

— Молнія изъ такого яснаго неба, добрѣйшій Базилидъ?

Увидавъ лицо карлика, пророкъ отшатнулся и поблѣднѣлъ.

— Это ты, Габба?

Карликъ состроилъ насмѣшливую гримасу.

— Какъ видишь, почтеннѣйшій изъ отцовъ, — отвѣтилъ онъ, соскользнувъ на землю и разразившись рѣзкимъ смѣхомъ. — Это я, Габба, твой сынъ, котораго ты такъ долго считалъ погибшимъ и такъ горько оплакивалъ. И почему ты такъ испугался? Ужъ не боишься ли ты и въ самомъ дѣлѣ, что старый Илья спустится внезапно внизъ на своей

*) Жертвенники обыкновенно сооружались изъ неотесанныхъ камней и съ четырехъ сторонъ верхніе концы торчали въ видѣ роговъ.

колесницѣ, чтобы наказать меня за дерзновеніе?

Онъ прищурилъ одинъ глазъ и лукаво подмигнулъ другимъ Базилиду. Пророкъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ и не могъ ни слова выговорить поблѣднѣвшими губами.

— Клянусь всѣми богами, у кототорыхъ ты уже состоялъ пророкомъ,— продолжалъ Габба тѣмъ же тономъ, — я не понимаю, чѣмъ тебя такъ взволновалъ мой неожиданный приходъ. Ужъ не похожъ ли я, самъ того не зная, на покойнаго цезаря Клавдія? Правда, голова и ноги трясутся у меня, какъ у него, когда онъ еще былъ живъ, но клянусь Вельзевуломъ и Асмодеемъ, языкъ мой не дрожитъ, какъ у него, и, кромѣ того, не любитъ грибовъ и трюфелей съ тѣхъ поръ, какъ Клавдій изъ-за нихъ попалъ въ число боговъ *).

Базилидъ застоналъ, смертельно блѣдный и протянулъ впередъ руки, какъ бы для того, чтобы остановить потокъ страшныхъ словъ.

Но Габба продолжалъ свое.

— Не безпокойся же, нѣжно любимый Базилидъ, заботливѣйшій изъ всѣхъ отцовъ,—сказалъ онъ, злобно хихикая,— я не думаю опустошать твою кладовую. И такъ у тебя мало чего осталось послѣ смерти матушки Локусты, которая была тебѣ такъ полезна своимъ знаніемъ цѣлебныхъ травъ. Не думай также, что меня привлекла къ тебѣ тоска по дѣтской доскѣ **); вѣдь съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались,—прибавилъ онъ, съ горькой насмѣшкой поднимаясь на кончикахъ пальцевъ, — я уже такъ выросъ, что могу самъ пробиться въ жизни.

— Чего же тебѣ нужно отъ меня?— спросилъ, наконецъ, Базилидъ, собравшись съ духомъ.

— Мнѣ хотѣлось только освѣдомиться, какъ поживаетъ мой дорогой батюшка.— сказалъ карликъ съ насмѣшкой.—И я хотѣлъ тоже остеречь его по старой дружбѣ. Вѣдь еще не забыто, что Базилидъ жилъ нѣкогда въ Римѣ и съ помощью своей добродѣтельной супруги Локусты помогъ любящей Агриппинѣ устроить Клавдію божественный пиръ. Что, если бы подозрѣвали въ Римѣ, что тотъ Базилидъ и святой пророкъ горы Кармеля одно и то же лицо! Божественный Неронъ вѣдь обѣщалъ высокую награду тому, кто доставитъ ему болѣе близкое знакомство съ кудесникомъ. Онъ даже удовольствовался бы видомъ одной только головы чародѣя. Какой завидный отецъ у карлика Габбы!

Базилидъ вздрогнулъ и его темные глаза стали высматривать, пришелъ ли Габба одинъ, или съ кѣмъ-нибудь. Рука его ощупывала при этомъ кинжалъ, спрятанный въ складкахъ пояса.

— Оставь это успокоительное снадобье, батюшка,—насмѣшливо сказалъ ему карликъ.—Ты бы только нажилъ себѣ этимъ смертельнаго врага въ парѣ Агриппѣ. Онъ знаетъ, что Габба, его любимый карликъ, отправился на Кармель обнять отца, о которомъ онъ сильно тоскуетъ. Царь былъ бы въ отчаяніи, еслибы лишился своего шута. Ну, а теперь бросимъ шутки,—продолжалъ онъ серьезнѣе.—Скажи, хочешь заработать порядочную кучку серебряныхъ динаріевъ. Дѣло, конечно, идетъ не о грибахъ и не о дѣтской доскѣ. Я вѣдь пришелъ къ пророку.

Онъ сдѣлалъ удареніе на послѣднемъ словѣ. Базилидъ недовѣрчиво глядѣлъ въ землю.

— Объясни мнѣ сначала,—пробормоталъ онъ,—и если я смогу...

— Развѣ есть для тебя невозможное?— возразилъ Габба.—Но здѣсь неудобно оставаться. Солнце слишкомъ печетъ. Пройдемъ лучше въ твой прохладный уголокъ и потолкуемъ тамъ въ тѣни.

Пророкъ сдѣлалъ рѣзкое уклончивое движеніе. Развѣ могъ онъ довѣрить тайны пещеры тому, кого сдѣлалъ уродомъ. Онъ не могъ ждать ничего добраго отъ Габбы, котораго онъ такъ мучилъ въ дѣтствѣ, что тотъ воспользовался сус-

*) Императора Клавдія отравила блюдомъ ядовитыхъ грибовъ его вторая жена, Агриппина, мать Нерона; ея сообщницей была колдунья Локуста. Послѣ смерти Клавдій причисленъ былъ, по римскому обычаю, къ богамъ.

**) Аппаратъ для искусственной, очень мучительной, остановки роста у дѣтей, съ цѣлью дѣлать изъ нихъ карликовъ; они были въ цѣнѣ, какъ шуты.

той послѣ смерти Клавдія и ареста Локусты и спасся бѣгствомъ.

Габба замѣтилъ его нерѣшимость. Онъ подошелъ ближе и сталъ шептать ему съ видомъ превосходства:

— Я вѣдь знаю, отецъ мой любитъ сверкающее золото, и если онъ послушается совѣта Габбы, то у него будетъ цѣлый кошель золота. Скорѣе, Базилидъ, идемъ. Мнѣ, кромѣ того, нужно убѣдиться, что у тебя есть средства узнать волю Всевышняго относительно Веспасіана.

Пророкъ вздрогнулъ, услышавъ имя полководца, извѣстнаго своей вѣрой въ оракулы.

А вѣдь Габба пользовался довѣріемъ Агриппы.

Съ тѣмъ большимъ знаніемъ людей и свѣта, которое Базилидъ съумѣлъ пріобрѣсть среди всевозможныхъ приключеній своей жизни, онъ понялъ, что за словами Габбы скрывается обширный планъ. Быть можетъ, если онъ съумѣетъ воспользоваться случаемъ, ему откроется неисчерпаемый источникъ дохода. Но все-таки его недовѣріе не исчезло совсѣмъ, пока Габба не положилъ конецъ его нерѣшимости.

— Если ты мнѣ не вѣришь,—нетерпѣливо сказалъ онъ,—такъ подумай, что у меня есть всѣ причины не желать быть съ тобой наединѣ, еслибы дѣло не касалось чего-нибудь очень важнаго. И такъ, впередъ! Отведи моего мула куда-нибудь подальше и затѣмъ—онъ не могъ удержаться отъ того, чтобы снова не впасть въ насмѣшливый тонъ—покажи мнѣ святую святыхъ твоего храма, богоспасаемый пророкъ!

Базилидъ повиновался, устроилъ мула въ тѣни и повелъ Габбу въ пещеру. Карликъ сталъ пытливо оглядываться и потомъ усмѣшка показалась на его рѣзко очерченномъ лицѣ.

— А,—сказалъ онъ, указывая на ворона, который все еще тянулся съ безумной жадностью за кускомъ мяса, — Зоребъ, старый знакомецъ, священный воронъ, съѣвшій тысячу лѣтъ тому назадъ Илью у Хритскаго источника. Какъ низко ты палъ, если Базилидъ могъ заставить тебя послѣ смерти Агриппины привѣтствовать Нерона именемъ цезаря.

При знакомомъ звукѣ воронъ встрепенулся и каркнулъ:

— Да здравствуетъ цезарь!

Габба расхохотался.

— А вѣдь Неронъ считалъ это тогда несомнѣннымъ предзнаменованіемъ,—продолжалъ онъ задумчиво.—Почему же бы Веспасіану, не имѣвшему Сенеку учителемъ, не вѣрить этому? А, — продолжалъ онъ, обращаясь къ двумъ орламъ,— Касторъ и Полуксъ, вѣстники Юпитера. А вотъ и кобры, змѣи египетскихъ заклинателей. Я вижу, батюшка, всѣ твои небесные знаки на лицо и въ хорошемъ состояніи, но всетаки я боюсь—Веспасіанъ нѣсколько избалованъ богами!

Базилидъ гордо выпрямился.

— Не безпокойся Габба,—проговорилъ онъ, ухмыляясь.—У меня есть нѣчто убѣдительное хотя бы для самаго Сенеки. Смотри сюда!

Онъ откинулъ занавѣсъ и крикнулъ рѣзкимъ повелительнымъ голосомъ:

— Мероэ!

Габба вздрогнулъ, услышавъ это имя и съ напряженіемъ сталъ вглядываться въ темную часть пещеры. Зовъ пророка заставилъ приподняться лежащую на полу, на львиной шкурѣ, полураздѣтую молодую дѣвушку. Губы карлика непроизвольнымъ движеніемъ повторили имя, которое вызывало далекое воспоминаніе изъ давно, казалось ему, забытой поры дѣтства.

— Мероэ!

Онъ никогда не могъ узнать, откуда она была родомъ.

Локуста принесла ее однажды съ собой съ улицы въ Римѣ. Она была тогда четырехлѣтнимъ ребенкомъ, съ тонкой, молочнаго цвѣта кожей, темно-синими глазами и шелковистыми волосами, которые блестѣли на солнцѣ, какъ серебро.

Она, конечно, была германскаго происхожденія. Это видно было по тѣмъ немногимъ, никому не понятнымъ словамъ, которыя она умѣла произносить.

Мероэ была для Габбы тѣмъ, чѣмъ бываетъ для выздоравливающаго отъ долгой болѣзни первый солнечный лучъ.

Когда Габба лежалъ привязанный къ твердой доскѣ и, не смотря на страш-

ныя муки, не рѣшался плакать, боясь Базилида, тогда Мероэ усаживалась около него съ своей куклой и такъ долго играла и шутила, пока на посинѣвшихъ губахъ Габбы появлялась улыбка.

Когда Мероэ подросла, она оплакивала вмѣстѣ съ Габбой его печальную участь и старалась, какъ могла, утѣшить его. Однажды, когда, въ наказаніе за его упрямство, его заставили дольше обыкновеннаго лежать на доскѣ, Мероэ воспользовалась отсутствіемъ мучителей Габбы, чтобы своими острыми зубками перегрызть связывавшіе его шнуры. Базилидъ за это еще безпощаднѣе избилъ обоихъ дѣтей и Габба, который уже привыкъ къ побоямъ, страдалъ только за Мероэ.

Мероэ ни однимъ звукомъ не выра зила раскаянія.

И вотъ опять передъ нимъ та, которая въ его жалкомъ дѣтствѣ была единственнымъ лучомъ любви и сострадапія.

Онъ бросился къ ней, чуть не рыдая отъ радости. Голосъ его утратилъ всю свою рѣзкость и насмѣшливость. Онъ упалъ передъ ней на колѣни и прижалъ ея руки къ своей задыхающейся груди.

Мероэ тупо взглянула на него. Она его не узнала Потомъ она провела рукой по глазамъ смертельно уставшимъ движеніемъ и вдругъ вся встрепенулась.

— Молчи, онъ, кажется, зоветъ меня. Я должна идти, удары его бича ужасны, и кровь. . кровь...

Она вздрогнула и громко застонала.

Габба съ ужасомъ глядѣлъ на дикое выраженіе ея глазъ.

Онъ видѣлъ въ блѣдныхъ чертахъ страшные слѣды голода, которымъ Базилидъ приручалъ всѣхъ своихъ слугъ, звѣрей и людей. Сквозь легкое одѣяніе Мероэ, видны были на ея нѣжной спинѣ кровавые слѣды бича.

Что сдѣлалъ злодѣй изъ Мероэ, его маленькой дивной Мероэ, которая умѣла такъ задушевно смѣяться!

Его пламенный взглядъ снова остановился на желтыхъ рѣзкихъ чертахъ пророка и руки его судорожно сжимались. Когда же наступитъ день мщенія?

Базилидъ наблюдалъ за происходящимъ съ глухой злобой. Но теперь онъ долженъ еще щадить Габбу. Дѣло шло о слишкомъ важномъ. Но потомъ...

— Сюда, Мероэ,—сказалъ онъ съ необычной мягкостью.

Еле передвигая ноги, она дотащилась до него, скрестила стройныя руки на дрожащей груди и наклонилась такъ низко, что сіяющая масса волосъ коснулась земли.

— Что прикажешь, господинъ.

— Готова ты къ обряду жертвоприношенія?

Ея тѣло затрепетало отъ ужаса.

— Пощади, повелитель,—простонала она прерывающимся голосомъ —Ты видѣлъ, какъ тяжело мнѣ было въ прошлый разъ. Когда теплая струя крови течетъ мнѣ въ горло, мнѣ кажется, что адскій пламень сжигаетъ мнѣ сердце. Все кружится около меня. Лучше умереть, лишь бы не этотъ ужасъ...

Она съ мольбой опустилась передъ нимъ на колѣни. Базилидъ грубо поставилъ ее на ноги.

— Ты смѣешь возражать, негодница.—крикнулъ онъ. - Слишкомъ долго щадилъ я тебя. Подумай, какая у меня власть.

Она снова вздрогнула и наклонила голову съ безмолвной покорностью.

Базилидъ съ торжествующимъ видомъ кивнулъ головой и вынулъ изъ стѣнной ниши маленькій кувшинъ, въ которомъ была прозрачная какъ вода жидкость. Онъ отлилъ нѣсколько капель въ бокалъ, на половину полный вина и далъ его Мероэ.

Она съ жадностью выпила его и, ощупывая дорогу, пробралась обратно на львиную шкуру и, свалившись на нее, уснула глубокимъ сномъ.

— Раньше чѣмъ черезъ часъ она не проснется,—сказалъ Базилидъ сыну съ улыбкой.—Надѣюсь, ты удѣлишь мнѣ столько времени для приготовленій къ жертвоприношенію. Ну, а теперь, скажи мнѣ наконецъ, что отъ меня требуется.

Габба не могъ придти въ себя. Бѣдному калѣкѣ, котораго всѣ обижали, казалось, что не можетъ быть ничего прекраснѣе и чище его Мероэ, подруги его дѣтства.

Но какъ печальна ея судьба! Въ немъ горячо закипало негодованіе, когда онъ глядѣлъ на ея нѣжное тѣло, на блѣдныя очертанія ея щекъ, на нѣжно поднимающуюся и опускающуюся грудь и на бѣлые острые зубки, сверкающіе изъ за благородно очерченныхъ губъ.

Габба шатаясь, послѣдовалъ за пророкомъ въ переднюю часть пещеры.

— Ты видѣлъ Мероэ,—сказалъ Базилидъ, когда Габба сѣлъ,—и теперь можешь мнѣ повѣрить, что я въ состояніи удовлетворить всѣмъ требованіямъ Веспасіана. Скажи же, въ чемъ дѣло.

Габба передалъ порученіе Агриппы. Когда онъ кончилъ, глаза пророка засверкали торжествомъ.

— И сколько, говоришь ты, мнѣ заплатитъ Агриппа?.

— Годовое жалованье прокуратора римскихъ водопроводовъ *), отвѣтилъ Габба.

Базилидъ прищелкнулъ языкомъ.

— Пусть придетъ твой Веспасіанъ—смѣясь, сказалъ онъ; — богъ Израиля благосклонно приметъ жертву язычника.

Онъ вышелъ приготовить алтарь. Габба прокрался снова за занавѣсъ и присѣлъ возлѣ спящей дѣвочки. Онъ осторожно проводилъ пальцемъ по ея щекѣ, по благородной линіи руки и продолжалъ шептать съ восхищеніемъ и ужасомъ:

— Мероэ!

Онъ боялся за нее.

Глава VI.

— Посмотри, Агриппа,—сказалъ, указывая на море, молодой римлянинъ, носившій знакъ императорскаго легата.— Видишь тамъ этотъ маленькій корабль съ ослѣпительнымъ парусомъ? Онъ разсѣкаетъ волны, какъ пламенный конь разсѣкаетъ воздухъ, и обходитъ искусно всѣ утесы. Я бы хотѣлъ знать, кто въ немъ ѣдетъ. Корабль какъ-бы нарочно хочетъ насъ обогнать и очевидно спѣшитъ, какъ и мы, къ Кармелю.

Агриппа тревожно взглянулъ на корабль, который все время шелъ почти рядомъ со всадниками, ѣхавшими вдоль берега, а теперь приближался къ скрытой у подножья Кармеля бухтѣ. Онъ зналъ, что Вероника хочетъ этимъ путемъ опередить Веспасіана.

— Это, вѣрно, какой-нибудь купецъ везетъ свои товары горнымъ обитателямъ,—отвѣтилъ онъ съ напускнымъ равнодушіемъ,—или богомолецъ, задолжавшій жертву богу.

Титъ съ сомнѣніемъ покачалъ курчавой головой и приподнялся въ сѣдлѣ. чтобы ближе разсмотрѣть убѣгавшій корабль.

— Вѣрно, твой взоръ уже потускнѣлъ,—сказалъ онъ, смѣясь,—или сердце стало равнодушнымъ. Неужели же ты не можешь отличить женщины отъ жалкаго продавца или ползающаго на колѣняхъ богомольца. Подъ стройной мачтой лежитъ женщина на пышномъ коврѣ; она задумчиво опустила руку въ голубыя волны и я готовъ побожиться, что она красива. Свѣтлые волосы сверкаютъ на солнцѣ, какъ корона, а рука у нея узкая и бѣлая.

— Однако, Титъ, ты полонъ мыслей о богинѣ, рожденной изъ пѣны морской,—сказалъ Агриппа съ легкой насмѣшкой.—Одинъ видъ показавшагося вдали края одежды или развѣвающейся пряди волосъ волнуетъ твою кровь.

Титъ, въ юношескомъ нетерпѣніи, поѣхалъ съ Агиппой впередъ, оставляя позади себя тяжеловѣсное шествіе Веспасіана. Онъ пришпорилъ теперь своего горячаго коня. Тотъ взвился на дыбы и помчался впередъ, какъ стрѣла.

— Если твой каппадокійскій конь,—задорно крикнулъ Титъ царю,—въ самомъ дѣлѣ 429 разъ одержалъ побѣду въ Антіохіи, какъ ты прежде похвалялся, такъ докажи теперь его удаль. Кто первый примчится туда, куда причалитъ корабль? Мнѣ сильно хочется взглянуть въ лицо отважной мореплавательницѣ.

Агриппа неохотно послѣдовалъ за нимъ.

Онъ зналъ, какъ Вероника любила очаровывать чужихъ, окружая себя ореоломъ, на видъ совершенно случайнымъ, но подготовленнымъ до малѣйшей по-

*) 100.000 сестерцій — около 10.000 руб.

дробности. Стремясь опередить римлянъ на Кармелѣ, она навѣрное слѣдовала заранѣе обдуманному плану, а непредвидѣнное вмѣшательство Тита могло все испортить. Но какъ удержать его?

Молодой легатъ былъ отличнымъ наѣздникомъ и Агриппа невольно восхищался силой и дикой энергіей его движеній. Но когда онъ увидѣлъ, что только маленькая роща отдѣляетъ безумно несущагося Тита отъ бухты, въ которую корабль только что входилъ, онъ выпрямился на сѣдлѣ и громко свистнулъ.

Тускъ, его конь, на минуту остановился какъ вкопанный, потомъ вдругъ вскочилъ и могучими прыжками, которыми стяжалъ себѣ славу непобѣдимости, промчался мимо Тита со своимъ господиномъ. Титъ крикнулъ отъ изумленія и задѣтаго самолюбія, и пришпорилъ своего Виктора.

Съ громкимъ ржаніемъ гирпинскій конь закусилъ удила. Началось бѣшеное состязаніе.

Вероника замѣтила намѣреніе всадниковъ.

— Я отпущу васъ на волю,—крикнула она гребцамъ,—если мы причалимъ къ берегу раньше, чѣмъ они.

Гребцы налегли на весла, дерево затрещало и маленькій корабль помчался вдвое быстрѣе. Царица стояла у мачты, гордо выпрямившись и гнѣвнымъ взоромъ слѣдила за всадниками.

Кто побѣдитъ, іудей или римлянинъ, Агриппа или Титъ? Ей казалось, что отъ этого зависитъ ея судьба и судьба ея народа. Корабль входилъ уже въ спокойныя воды бухты, когда изъ-за деревьевъ на берегу стали мелькать все ближе и ближе бѣлыя развѣвающіяся одежды всадниковъ.

На минуту губы ея стиснулись, потомъ она расхохоталась дикимъ торжествующимъ смѣхомъ. Агриппа ѣхалъ впереди. Онъ побѣдилъ.

Но Титъ ѣхалъ за нимъ слѣдомъ и можетъ застигнуть ее здѣсь врасплохъ.

Она иначе представляла себѣ ихъ первую встрѣчу.

Корабль врѣзался съ трескомъ въ каменистый берегъ. Съ быстрой рѣшимостью Вероника прыгнула на берегъ, приподнявъ одной рукой край длинной одежды.

— Назадъ,—крикнула она гребцамъ, и сама стала быстро взбираться на ближайшій утесъ, куда всадники не могли слѣдовать за ней. Наверху она, тяжело дыша, опустилась на мохъ и стала пристально глядѣть назадъ.

Какъ мучительно медленно отчаливаетъ отъ берега корабль съ гребцами. Если Титъ успѣетъ настигнуть ихъ еще у берега, онъ узнаетъ, что женщина, которая бѣжала отъ него, и есть Вероника.

Та же мысль пришла въ голову Агриппѣ во время ихъ бѣшеной скачки. Нужно было во что бы то ни стало задержать Тита.

У послѣдняго изгиба что-то загородило имъ путь. Это было огромное широколиственное лавровое дерево. Дождь и весеннія воды, вѣроятно, размыли почву, на которой оно стояло, а недавняя гроза повалила дерево на земь

На озабоченномъ до того лицѣ Агриппы показалась улыбка. Ему вспомнилась уловка Авла Виталія *) въ состязаніяхъ съ цезаремъ Нерономъ. Побѣждать властителя міра было опасно и приносило скорѣе смерть, чѣмъ почетъ.

Агриппа пустилъ Туска болѣе медленнымъ шагомъ, пока они не доѣхали до дерева. Тогда онъ вдругъ вонзилъ ему шпоры такъ глубоко, что брызнула кровь. Конь взвился, но въ тотъ моментъ, когда онъ уже поднялся надъ деревомъ, Агриппа дернулъ его назадъ и смѣлымъ движеніемъ бросился съ лошади на землю. Тускъ перекувырнулся, и упалъ съ трескомъ въ густыя вѣтви дерева, ломая все вокругъ себя въ неистовствѣ.

— Что это, Агриппа,—крикнулъ Титъ, сдерживая своего коня, который чуть не растопталъ лежащаго на землѣ царя, и быстро съ лошади сходя Агриппа украдкой бросилъ взглядъ въ сторону бухты; маленькій корабль уже далеко отплылъ отъ берега и Вероники не было на немъ. Облегченно вздохнувъ,

*) Впослѣдствіи императора.

онъ поднялся, и встрѣтивъ озабоченный взглядъ молодого легата, шутливо сказалъ ему.

— Что со мной, Титъ? Я благодарю боговъ, что они не позволили моей отвагѣ забыть долгъ гостепріимства. Вѣдь я такъ горжусь моимъ Тускомъ, что чуть было не позволилъ себѣ опередить гостя. Но я долженъ извиниться передъ тобою за то, что, быть можетъ, испортилъ тебѣ, хотя и нечаянно, пріятное приключеніе. Кажется красавица исчезла; по крайней мѣрѣ, тамъ, на кораблѣ, я ея больше не вижу.

— Она, вѣроятно, вышла на берегъ отвѣчалъ Титъ, и тѣмъ легче будетъ намъ найти ее.

— Какъ, ты все-таки хочешь?..—пробормоталъ Агриппа, растерявшись.

— Конечно,—надменно возразилъ молодой римлянинъ.—Только вѣчные боги могутъ удержать Тита отъ того, что онъ предпринялъ.

Свита царя тѣмъ временемъ приблизилась и помогла Туску подняться на ноги. Благородное животное стояло все въ поту и дрожало, страннымъ образомъ совершенно не пострадавъ отъ внезапнаго паденія.

Титъ смотрѣлъ на Туска восторженными глазами любителя.

— Какой конь!—воскликнулъ онъ въ восхищеніи.—Я невольно останавливался среди бѣга, чтобы смотрѣть, какъ онъ беретъ препятствія: какіе мускулы, какая сила! Клянусь богами, Агриппа, твой Тускъ достоинъ носить на спинѣ властителя міра.

— Въ такомъ случаѣ пора мнѣ,—отвѣтилъ, засмѣявшись, царь,—отказаться отъ него. Надѣюсь, ты мнѣ позволишь, благородный Титъ, — продолжалъ онъ, благоговѣйно преклоняясь передъ молодымъ легатомъ, какъ это было предписано при утреннихъ пріемахъ цезаря,— преподнести его тому, кто мнѣ кажется предназначеннымъ самими богами стать властителемъ міра.

Онъ схватилъ поводья коня и вложилъ ихъ въ руку невольно отступившаго римлянина.

— На колѣни, Тускъ, — крикнулъ Агриппа, гладя гриву благороднаго коня, и прищелкивая языкомъ.

Тускъ свѣтло и радостно заржалъ и опустился на колѣни.

— Агриппа, — крикнулъ Титъ притворяясь разгнѣваннымъ, и яркій румянецъ залилъ его молодое, прекрасное лицо,—ты льстишь мнѣ.

— Неужели, — отвѣтилъ серьезно царь,—выражать то, чего жаждетъ душа, значитъ льстить?

Титъ ничего не отвѣтилъ, но глаза его жадно засверкали. Онъ взглянулъ на Туска, потомъ вдругъ, слѣдуя внезапному порыву, взвился на спину коня. Тотъ какъ будто понималъ рѣчь Агриппы, гордо вытянулъ стройную шею и сталъ бить копытомъ землю. Молодой легатъ сидѣлъ въ царственной позѣ на конѣ, и въ чертахъ его, въ особенности въ рѣзко очерченномъ подбородкѣ обозначилось выраженіе жестокости и энергіи, скрытое обыкновенно мягкостью свѣжаго молодого лица. Агриппа, очевидно коснулся глубоко затаенной въ душѣ Тита мысли, или, можетъ быть, пробудилъ въ немъ впервые мысль о власти. Отецъ его Веспасіанъ, вышедшій изъ темной среды, сталъ первымъ римскимъ полководцемъ; имя его всѣ арміи міра произносили съ восторгомъ и преклоненіемъ. Почему же Титу, его сыну, не подняться на плечахъ своего отца еще выше, почему бы то, что удалось Юлію Цезарю и Октавію-Августу, не удалось Титу?

Да, Титъ достигнетъ вершины славы и могучія крылья молодого орла поднимутъ вмѣстѣ съ собой и Агриппу. Весь міръ будетъ безсильно лежать у ихъ ногъ.

Вѣдь умеръ же Британникъ, который долженъ былъ, согласно волѣ отца своего Клавдія, быть цезаремъ вмѣсто Нерона.

Въ Римѣ легко умираютъ.

Царь прервалъ нахлынувшій на него потокъ мыслей, когда увидѣлъ, что Титъ сошелъ съ лошади и передалъ ее одному изъ всадниковъ свиты. Потомъ молодой легатъ дошелъ до края бухты и громкимъ протяжнымъ звукомъ сталъ звать назадъ гребцовъ Вероники.

— Я хочу спросить ихъ,—сказалъ онъ, указывая на маленькій корабль, неподвижно стоявшій теперь на волнахъ,—кто красавица, которая такъ лукаво отъ насъ ускользнула.

Но никто изъ гребцовъ не откликнулся: они лежали лѣниво на палубѣ и не двигались.

Титъ тщетно повторилъ призывъ: онъ гнѣвно топнулъ ногой, руки его сжались въ кулаки.

— И все-таки,—рѣзко проговорилъ онъ,—я это узнаю. Прошу тебя, Агриппа, обратился онъ къ царю, останься здѣсь съ нашими людьми ждать отца.

— Неужели ты хочешь одинъ?...

— Тамъ, гдѣ женщина можетъ одна бродить по лѣсу, тамъ не можетъ грозить опасности,—засмѣялся Титъ, устремившись впередъ по узкой тропинкѣ, по которой до него поднималась Вероника.

Въ кустахъ что-то зашевелилось и оттуда послышался тонкій звукъ похожій на серебристый смѣхъ лѣсной нимфы.

Титъ на минуту остановился, потомъ быстро пошелъ впередъ. Агриппа насмѣшливо глядѣлъ ему въ слѣдъ.

— Титъ выполняетъ,—пробормоталъ онъ,—то, что онъ задумалъ? О нѣтъ, Титъ,—не то, что ты, а что Агриппа задумалъ.

. . . .

Солнечные лучи рѣдко проникали сквозь чащу лавровыхъ и оливковыхъ деревьевъ, распространяющихъ густую тѣнь вокругъ святого источника пророка Иліи, и создающихъ таинственный прохладный полумракъ. И даже проникая въ чащу, лучи не доходили до глубины источника. Но поднимающіеся на поверхности его пузырьки воздуха блестѣли какъ серебряныя капли въ полосахъ свѣта и лопались, безслѣдно исчезая.

Вероника лежала у края источника бросала въ воду лавровые листы, падавшіе ей на колѣни съ деревьевъ, подъ которыми она лежала.

Вдругъ по камнямъ утеса раздались поспѣшные шаги. Она испугалась и обернулась въ ту сторону, откуда шумъ доходилъ до нея.

По огромной каменной глыбѣ, у подножія которой источникъ спускался въ долину, за маленькой лѣсной опушкой, покрытой сочной зеленью, шелъ, озираясь по сторонамъ и что-то выглядывая, тотъ, кто побудилъ ее отправиться на гору Кармель.

Лежа на травѣ, озаренная скользящими лучами, смягчающими жесткость ея чертъ, она мысленно сравнивала двухъ людей, съ которыми ее столкнула судьба.

Регуэль и Титъ — она уже знала, какъ раздѣлить между ними свою жизнь. Одному изъ нихъ, ея соплеменнику и единовѣрцу, ея возлюбленному, будетъ принадлежать ея сердце, ея обольстительный смѣхъ, теплое пожатіе руки, быстрое біеніе сердца,—все, что есть высокаго и прекраснаго въ ея душѣ. Другому, римлянину, тоже будетъ она отдавать сердце, но не преданное и вѣрное, а разсчетливое и хитрое. Его тоже она будетъ встрѣчать улыбками и ласковымъ выраженіемъ глазъ, но заученнымъ по утру передъ зеркаломъ. И его она будетъ дарить пожатіемъ руки, но лишь такимъ, вліяніе котораго она часто наблюдала на мужскихъ лицахъ. Вероника, женщина съ любящей мягкой душой, будетъ женщиной и только женщиной для одного Регуэля; для Тита она будетъ Діаной, которая видитъ, что красота ея губитъ Актіона, и рада этому. Подобно Юдифи, она будетъ наряжаться, идя убивать!...

Приближающійся Титъ не видѣлъ еще Вероники. Какъ опытный охотникъ, онъ искалъ слѣдовъ ея ногъ на мягкой землѣ и на пышномъ коврѣ зелени.

Она имѣла еще время разглядѣть его безпрепятственно.

Конечно, Титъ былъ тоже красивъ, но совершенно иной красотой, чѣмъ Регуэль. Сила и пламенность натуры была одинаковая у обоихъ—это видно было по эластичной походкѣ и прямой осанкѣ Тита. Но у римлянина эти черты уже переходили въ нетерпѣливое властолюбіе завоевателя, въ избалованное равнодушіе любимца женщинъ. У іудея же пламень исходилъ изъ глубины сердца; оно было молодо и горѣло самыми высокими мечтами, еще не затронутыми эгоизмомъ и честолюбіемъ.

Поднявши глаза, она увидѣла, что Титъ совсѣмъ близко. Ее отдѣлялъ отъ него только могучій стволъ лавроваго дерева, подъ которымъ она лежала. Тогда незамѣтнымъ движеніемъ она положила голову на камень, обросшій темнымъ мохомъ. На немъ золотистый цвѣтъ ея волосъ выдѣлялся яркимъ сіяніемъ. Маленькая ножка, въ тоненькомъ римскомъ башмакѣ, немного выдвинулась изъ подъ края длинной одежды. Тонкую бѣлую руку она опустила внизъ и закрыла глаза, такъ что длинныя, черныя рѣсницы бросали тѣнь на матово-блѣдную щеку. Потомъ она полуоткрыла губы, улыбаясь, какъ ребенокъ въ счастливомъ снѣ.

Грудь ея ровно и мѣрно поднималась и опускалась подъ мягкой, прозрачной бѣлоснѣжной тканью.

Она слышала приближающіеся шаги по шелестящей листвѣ; наконецъ раздвинутый возлѣ нея кустарникъ слегка шевельнулся. Она кинула туда быстрый взглядъ изъ подъ узкой щели опущенныхъ вѣкъ.

Она встрѣтила изумленный взглядъ Тита, и съ тайною радостью и легкимъ волненіемъ слѣдила за смѣной ощущеній на его лицѣ.

Изумленіе превратилось въ восхищеніе, а восхищеніе въ страсть.

Она показалась ему Діаной, отдыхающей отъ охоты у тихаго ручья.

Что-то непонятное, никогда не испытанное, тѣснило ему грудь, останавливало дыханіе. Кровь, отхлынувшая отъ сердца, бросилась ему въ голову. Глаза его пламенно оглядывали спящую женщину и старались проникнуть сквозь одежду, которая ревниво оберегала отъ него красоту тѣла, скорѣе, впрочемъ, выдавая ее, чѣмъ скрывая.

Въ сравненіи съ пышностью этого тѣла что значила незрѣлая красота Арицидіи Тертуллы, его первой жены. Онъ взялъ ее въ жены почти ребенкомъ и она умерла въ самомъ короткомъ времени. Какой ничтожной казалась ему теперь ледяная красота Марціи Фурнилы, гордой дочери римскаго сенатора. Она теперь въ Римѣ едва ли тоскуетъ о далекомъ супругѣ. Она не стала ему ближе даже, когда у нихъ родилась дочь.

А римскія сирены?

Выросшій въ обществѣ Британика, Титъ давно уже трезвымъ взглядомъ понялъ сущность римской красоты, купленной у продавца косметическихъ товаровъ. Театральная мишура внушала ему отвращеніе.

Но здѣсь...

Онъ осторожно отодвинулъ маленькое деревцо, подкрался къ спящей женщинѣ и опустился на колѣни около нея, вглядываясь въ ея сіяющее красотою лицо.

Вероника почувствовала горячее дыханіе на лицѣ, но осталась неподвижной. Она только улыбалась еще обольстительнѣе и уста ея шептали мелодичные звуки іудейской свадебной пѣсни:

«Ты самый прекрасный изъ сыновъ человѣческихъ. Губы твои благодатны и на нихъ покоится благословеніе Господа».

И еще тише, какъ легкій вздохъ, раздались слова «Пѣсни Пѣсней»:

«Поцѣлуй меня поцѣлуемъ устъ твоихъ. Любовь твоя слаще вина»...

Титъ не понималъ смысла словъ, но мягкость звуковъ еще болѣе опьяняла его. Горя страстью, онъ нагнулся поцѣловать спящую женщину.

Губы ея страстно потянулись на встрѣчу ему и руки ея обвили его шею. Онъ прижалъ ея лицо къ своему дрожащими руками, и крикнулъ, охваченный дикимъ восторгомъ.

Она проснулась и взглянула ему въ глаза, потомъ вскрикнула, какъ безумная, и оттолкнула его такъ, что онъ упалъ на землю. Но онъ быстро вскочилъ на ноги и охватилъ сильной рукой ея станъ. Она рванулась, чтобы убѣжать, но онъ удержалъ ее.

— Теперь ты въ моей власти, отважная мореплавательница,—крикнулъ онъ,—и клянусь Юпитеромъ, — во второй разъ ты не убѣжишь отъ меня.

Снова онъ приблизилъ свои губы къ ея губамъ. Но онъ до нихъ не дотронулся. Та, которая его сначала любовно обнимала во снѣ, а потомъ гнѣвно оттолкнула, теперь лежала недвижимо въ его объятіяхъ и глядѣла на него широко раскрытыми глазами, блѣдная и безстрастная. Ему сдѣлалось жутко и онъ отпустилъ ее.

— Почему же ты меня не цѣлуешь?— спросила она глубокимъ голосомъ.—Ты видишь, я не сопротивляюсь съ тѣхъ поръ, какъ тебя увидѣла.

— Съ тѣхъ поръ, какъ меня увидѣла? — спросилъ онъ съ удивленіемъ.

Она высокомѣрно засмѣялась и медленно откинула спутанные волосы съ бѣлаго лба.

— Я увидѣла, что ты римлянинъ,— проговорила она.—Почему же римлянину не напасть на беззащитную женщину? Почему бы ему сдерживать свою разнузданную жадность и отказаться отъ чего либо, что ему хочется? Вѣдь мы всѣ безвольныя низменныя существа, съ которыми вы можете поступать, какъ вамъ захочется.

Ея насмѣшливый тонъ оскорблялъ его.

— А что, если я такъ поступлю,— сказалъ онъ приближаясь къ ней.

Она выпрямилась и смѣрила его взглядомъ съ головы до ногъ.

— А ты свободный человѣкъ? —спросила она.

— Странный вопросъ,—сказалъ онъ въ изумленіи.

— Только свободный человѣкъ имѣетъ право коснуться свободной женщины,— сказала она рѣзко.

— Римляне свободны.

— Римляне? переспросила она со смѣхомъ.—Конечно, вы считаете себя господами міра, а все-таки въ Римѣ есть человѣкъ, предъ которымъ всѣ вы, гордецы, пресмыкаетесь.

Полупрезрительная улыбка показалась на его лицѣ.

— Цезарь...—пробормоталъ онъ, пожимая плечами.

— Да, цезарь. Одного только цезаря я и считаю свободнымъ. А ты цезарь?

— Что, если бы я имъ былъ?

— Твой вопросъ показываетъ, что ты не цезарь. Тотъ бы не спрашивалъ.

Она равнодушно отвернулась и прислонилась къ стволу лавроваго дерева, повидимому вглядываясь въ пустоту. А между тѣмъ отъ нея не ускользало ни малѣйшее измѣненіе въ его чертахъ. Она замѣтила, какъ онъ былъ пораженъ — вѣдь уже второй разъ въ этотъ день въ немъ пробуждали мысль о царствѣ. Она видѣла также, какъ тонъ ея рѣчи оскорблялъ въ немъ мужскую гордость. Онъ боролся съ влеченіемъ страсти, охватившей его такъ внезапно и съ такой стихійной силой: но гордость въ немъ казалась сильнѣе страсти и онъ невольно отступилъ на шагъ.

Вероника это замѣтила и знала, что если онъ уйдетъ, то ея дѣло проиграно.

Поэтому она еще рѣшительнѣе отвернулась отъ него.

— Уходи,—рѣзко проговорила она, указывая ему рукой на дорогу, по которой онъ пришелъ.

Ея дерзость привела его въ бѣшенство. Однимъ прыжкомъ онъ очутился около нея.

— А что, если я не уйду,—проговорилъ онъ, задыхаясь,—если я тебя заставлю покориться мнѣ, какъ ты готова покориться цезарю. Что, если ты будешь принадлежать не цезарю?

Онъ взглянулъ на нее пылающимъ взоромъ и глаза ея не отвернулись.

Какъ прекрасенъ онъ былъ въ своей страсти, какъ дрожали его руки! Онъ простиралъ ихъ къ ней, готовый броситься на нее.

Она медленно отступила и подошла къ водѣ.

— Тамъ, въ глубинѣ, вѣдь покойно и тихо, не правда-ли?—проговорила она беззвучно.

— Ты хочешь... — сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

— Развѣ ключъ не чище рукъ несвободнаго? Онъ вольный сынъ горъ. Лишь спустившись въ долину, онъ смѣшиваетъ свои воды съ чужими... Я вѣдь уже сказала: только рука свободнаго можетъ коснуться царицы.

— Царицы?

— Ты не вѣришь, конечно,—прервала она его. — Да какъ тебѣ и вѣрить? Вѣдь ты, римлянинъ, видишь царей только, когда они являются, окруженные блестящей свитой, въ Римъ на поклоненіе. Что же это за царица, которая одна, безъ свиты и вооруженныхъ тѣлохранителей, бродитъ по городамъ? Не такъ-ли? Но знай, царицы іудейскія не походятъ на другихъ: онѣ не любятъ

льстить язычникамъ изъ за внѣшнихъ выгодъ.

— А Друцила. сестра Агриппы, вышла вѣдь замужъ за римскаго прокуратора Феликса.

— Она полюбила его.

— Ну, такъ полюби меня.

Онъ сказалъ это, смѣясь, и все-таки въ шутливомъ тонѣ слышалась глубокая страсть,

Она взглянула на него съ насмѣшкой.

— Ты хочешь, чтобы Вероника...

Онъ вздрогнулъ и величайшее изумленіе отразилось на его лицѣ.

— Вероника! Такъ это ты была...

Она безмолвно кивнула головой.

— Это ты была въ кораблѣ, за которымъ я мчался?

— Значитъ, ты тотъ римлянинъ, котораго я видѣла на берегу, рядомъ съ моимъ братомъ Агриппой?—равнодушно спросила она.

Его снова оскорбилъ ея тонъ. Онъ изъ гордости назвалъ себя.

— Я—Титъ!

— Титъ?—переспросила она съ пренебрежительнымъ удивленіемъ.—Кто это Титъ?

Онъ закусилъ губу.

— Титъ—сынъ Флавія Веспасіана,—рѣзко сказалъ онъ.—Имя отца вѣдь ты слыхала?

Она не измѣнила тона.

— Веспасіанъ,—повторила она, какъ будто припоминая что-то. — Ахъ да, это посланный Нерономъ полководецъ. Онъ хочетъ завоевать Іерусалимъ.

— Онъ его завоюетъ.

— Да?

Онъ гнѣвно топнулъ ногой. Она не обратила на это вниманія и, медленно поднявъ руку, продолжала разспросы какъ бы только для того, чтобы не молчать.

— Такъ ты—Титъ. И больше ничего. Только сынъ Веспасіана?

— Германія и Британія могли бы тебѣ разсказать о подвигахъ Тита, а Галилея и Іудея, надѣюсь, будутъ помнить тотъ день, когда Титъ переступилъ ихъ границы.

Она не разслышала послѣднихъ словъ.

— Германія и Британія? Ахъ да, это какія-то дикія страны на сѣверѣ?

Онъ почувствовалъ скрытую иронію въ ея словахъ и не могъ сдержать накипавшей злобы.

— Какая цѣль твоихъ вопросовъ,—проговорилъ онъ,—и этого мучительнаго тона? Ты хочешь вывести меня изъ терпѣнія, или оскорбить, что ли? Не забудь, что я римлянинъ, а римляне умѣютъ мстить.

Онъ схватилъ ея руку и насильно опустилъ ее, глядя прямо въ глаза. Вероника выдержала его взглядъ.

— Развѣ римляне мстятъ и женщинамъ,—медленно проговорила Вероника, подчеркивая каждое слово.

Она улыбнулась, когда онъ отшатнулся и отпустилъ ея руку. Его замѣшательство росло. Это женщина,—какъ все это было странно.

Сначала она казалась ему только прекрасной, прекраснѣе всѣхъ, кого онъ зналъ и чьей любви добивался. Теперь же онъ увидѣлъ, какой мощный духъ въ этомъ тѣлѣ. Странный, жестокій, своенравный и обаятельный духъ.

Вероника казалась ему подобной таинственному богу ея народа, неприступному, холодному.

А между тѣмъ, она не была холодна, когда отдавала свои губы его поцѣлуямъ.

Это было во снѣ, и она думала о комъ-нибудь другомъ.

— Кто, же былъ тотъ, кому предназначалась любовь божественной женщины?

Это, вѣроятно, была сказочная, не земная любовь. Таковой не знали поэты Греціи и Рима.

Кого же любила іудейка Вероника?

Имъ овладѣло непонятное страстное желаніе узнать его имя. Не будучи въ силахъ сдержаться, онъ спросилъ Веронику.

Она не подняла глазъ, а сорвавъ листъ съ лавроваго дерева надъ ея головой, стала теребить его въ рукахъ. Мягкое мечтательное спокойствіе разлилось по ея чертамъ. Она снова показалась ему такой же обаятельной, какъ въ первую минуту, когда онъ увидалъ ее спящей. Онъ не могъ отвести отъ нея глазъ.

— Кого я люблю? — повторила она задумчиво.—Да развѣ я сама это знаю?

*

— Но когда ты спала,—проговорилъ онъ смущенно,—ты говорила во снѣ... У тебя горѣли щеки, голосъ твой былъ полонъ тоски... какъ у дѣвушки, которая зоветъ изъ далека своего возлюбленнаго.

— А если бы я тебѣ и сказала, что было бы?

Странный гнѣвъ овладѣлъ имъ. Руки его сжались въ кулаки.

— Я бы этого человѣка...—вспылилъ онъ и вдругъ остановился, увидавъ, что Вероника смѣется.

— Неужели такъ легко овладѣть твоей любовью?—проговорила она съ насмѣшкой. — Ты отдаешь ее первой встрѣчной женщинѣ, которую увидѣлъ въ лѣсу. Ну да, темные глаза и золотистые волосы! - Бѣдный мальчикъ. Вероника можетъ полюбить только одного человѣка.

— Кто онъ?

— Цезарь,—отвѣтила она, глядя ему прямо въ лицо.

Онъ съ изумленіемъ взглянулъ на нее.

— Цезарь?—пробормоталъ онъ.—Неронъ?

— Развѣ Неронъ цезарь?—спросила она въ отвѣтъ.

— Я тебя не понимаю.

— Да развѣ я себя понимаю?—Я не о такомъ цезарѣ говорю. Предъ нимъ весь міръ склоняется, а онъ все-таки дрожитъ, боясь кинжала кого-нибудь изъ своихъ рабовъ. Мой цезарь не таковъ.

— Каковъ же онъ?

Она глядѣла куда-то вдаль.

— Быть можетъ, онъ еще не родился,—проговорила она задумчиво.

Онъ не зналъ, что думать о ней; его ослѣпляла ея душа, ежеминутно мѣнявшая свой цвѣтъ. И все-таки его влекло къ ней, какъ бабочку, которая летитъ на огонь и сгораетъ.

Наступило долгое молчаніе у священнаго источника. Только слышно было журчаніе ручья и жужжаніе жуковъ. Издали раздался громкій звукъ трубъ. Это значило, что Веспасіанъ прибылъ на Кармель и приближался къ алтарю іудейскаго бога.

Вероника поднялась и направилась къ опушкѣ лѣса.

— Куда?—спросилъ Титъ.

Она не обернулась къ нему.

— Глядѣть на римлянина передъ алтаремъ нашего бога,—отвѣтила она съ ядовитой усмѣшкой.—Если хочешь, можешь идти за мной.

Въ одинъ мигъ онъ очутился около нея и взглянулъ въ ея спокойное лицо.

— Ты еще гнѣваешься на меня, Вероника?—спросилъ онъ мягкимъ, вкрадчивымъ голосомъ.

— За что? За то, что ты поцѣловалъ меня во снѣ. Я уже объ этомъ забыла.

— Будетъ время, когда ты объ этомъ вспомнишь,—отвѣтилъ онъ мрачно.

— Вотъ какъ?

— Да. Это будетъ тогда, когда Римъ украситъ меня вотъ этимъ за разрушеніе Іерусалима,—отвѣтилъ онъ, вынимая изъ-за пояса лавровую вѣтвь, которую Вероника не замѣтила раньше.

Она взглянула и поблѣднѣла.

— Лавровая вѣтвь...—пробормотала она.—Гдѣ ты нашелъ ее?

Онъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ взглянулъ на нее.

— Ручей пронесъ ее мимо меня, когда я выслѣживалъ исчезнувшую мореплавательницу.

Титу не хотѣлось, чтобы вода пригнала лавры въ Римъ, прежде чѣмъ онъ ихъ заслужилъ.

Она сжала губы и поспѣшила впередъ. Глубокая складка образовалась между ея тонко очерченными бровями, придавая лицу мрачное и демоническое выраженіе.

Но онъ не обратилъ на это вниманія, думая все время только объ одномъ: кого она любитъ?

Когда они приближались къ полянѣ, гдѣ посрединѣ сооруженъ былъ алтарь, Вероника вдругъ обернулась къ Титу.

— Отдай мнѣ лавръ,—глухо проговорила она и потянулась за вѣткой.

— Зачѣмъ тебѣ?

— Эта вѣтка моя, я бросила ее въ ручей. Значитъ...

Глаза его засверкали. Быстрымъ движеніемъ онъ спряталъ вѣтку подъ верхнюю одежду.

— То, до чего дотронулась рука Вероники,—сказалъ онъ съ улыбкой,—драго-

цѣнно для Тита. Я ни на одну минуту не разстанусь съ твоей вѣткой.

— Всетаки я требую лавръ. Онъ предназначается не тебѣ.

— А кому?

— Побѣдителю!

— Значитъ мнѣ.

Въ ея упрямствѣ было для него новое обаяніе. Она капризничала, какъ дитя.

— Когда же ты мнѣ его отдашь?— спросила она.

— Въ тотъ день, когда уста Вероники добровольно прильнутъ къ устамъ Тита.

— Никогда.

Они вышли изъ лѣсу и очутились на широкой полянѣ. Имъ на встрѣчу шелъ Агриппа. Онъ изумленно взглянулъ на нихъ.

— Вероника, ты съ Титомъ?

Она не отвѣчала. Титъ разсказалъ царю, гдѣ они встрѣтились, но не говорилъ о томъ, что между ними произошло.

Когда Агриппа послѣ того обратился съ тайнымъ страхомъ къ сестрѣ, прося объясненій, она только пожала плечами.

И все-таки Агриппа успокоился, потому что вокругъ губъ Вероники складывалась странная улыбка, когда она останавливала свой взоръ на Титѣ. Когда Вероника такъ смѣялась...

Глава VII.

— Базилидъ!

Глубокое молчаніе на всемъ протяженіи равнины было отвѣтомъ на зовъ Веспасіана. Только эхо ущелій и лѣсовъ сотни разъ повторило звукъ его голоса. Другого отвѣта онъ не получилъ. Тѣлохранители полководца окружили опушку лѣса широко раскинутымъ кругомъ. Ихъ щиты и копья сіяли въ солнечномъ свѣтѣ. Самъ Веспасіанъ вмѣстѣ съ Агриппой и Титомъ стояли вблизи алтаря, на которомъ сложены были въ огромномъ количествѣ дрова. Недалеко отъ полководца два трабанта держали на пурпурныхъ шнурахъ двухъ годовалыхъ козловъ и теленка. Принося ихъ въ жертву, римлянинъ надѣялся снискать благосклонность единаго бога и по возможности отвлечь его благоволеніе отъ избраннаго народа.

—Базилидъ!

Пророкъ не являлся.

Слѣдуя приглашенію Веспасіана, Вероника заняла мѣсто въ его носилкахъ и съ насмѣшкой слѣдила за тѣмъ, что происходило вокругъ.

Она вѣдь отлично знала, что Базилидъ, знаменитый пророкъ горы Кармель, тотъ, которому язычники приписывали сверхъестественное знаніе, на самомъ дѣлѣ ничтожный служитель господняго храма въ Іерусалимѣ. Его нѣкогда изгнали изъ храма за разные проступки, и онъ лишенъ былъ права взывать къ имени Бога.

Веспасіанъ этого не подозрѣвалъ. Но если бы онъ даже и зналъ, то все-таки какъ всѣ греки и римляне готовъ былъ видѣть во всякомъ, даже ничтожнымъ, іудеѣ существо особенное, одаренное необычайными способностями, и состоящее въ таинственныхъ сверхъестественныхъ отношеніяхъ къ творцу міра. Такое отношеніе къ іудеямъ создалось у римлянъ вслѣдствіе вѣковой строгой обособленности іудеевъ въ своей вѣрѣ. Велика была таинственность ихъ исторіи и странность религіи. Основная идея іудейства—жертва всѣми земными благами ради единаго высшаго существа—и связанная съ этимъ самоотверженность іудеевъ поражала римлянъ своей противоположностью жизнерадостному міросозерцанію язычниковъ. Такимъ обаяніемъ іудейства пользовались для своей выгоды и люди вродѣ Базилида, всячески обирая легковѣрныхъ язычниковъ.

Веспасіанъ, при всей своей трезвой насмѣшливости, былъ очень неразвитъ и готовъ, какъ и всѣ, считать самое незначительное событіе своей жизни, предусмотрѣннымъ божественной волей. Онъ видѣлъ во всемъ предзнаменованіе будущаго.

Случай, казалось, оправдывалъ его вѣру.

Въ одномъ изъ помѣстій семьи Флавіевъ, старый освященный Марсомъ дубъ пускалъ новые отростки при рожденіи трехъ дѣтей Веспасіи—матери полководца. Каждый изъ отростковъ былъ яснымъ предсказаніемъ будущей судьбы дѣтей. Первый

отростокъ былъ слабый и скоро засохъ, вслѣдствіе чего и дѣвочка, рожденная Веспасіей, не прожила даже одного года. Второй былъ очень сильнымъ и обѣщалъ счастливый ростъ. Третій отростокъ сталъ цѣлымъ деревомъ. И тогда отецъ Веспасіана, Сабиній, укрѣпленный въ своей вѣрѣ изреченіемъ оракула, повезъ своей матери извѣстіе, что у нея родился внукъ, который нѣкогда будетъ императоромъ. Та однако только расхохоталась и удивилась тому, что сынъ ея уже сталъ слабоумнымъ, когда сама она еще при полномъ разсудкѣ.

Впослѣдствіи, когда императоръ Кай однажды разсердился на Веспасіана, бывшаго въ то время эдиломъ, за неисправное состояніе улицъ и велѣлъ за это солдатамъ наполнить уличной грязью складки его тоги, то и въ этомъ видѣли предзнаменованіе: говорили, что настанетъ время, когда пришедшее въ запущеніе и презираемое всѣми государство во время какой-нибудь революціи обратится къ помощи Веспасіана и найдетъ у него защиту.

Было еще много другихъ предзнаменованій. Веспасіанъ вспомнилъ, какъ еще недавно, когда онъ съ Нерономъ отправлялся на олимпійскія игры въ Ахайю, ему привидѣлся вѣщій сонъ: ему казалось, что благополучіе его и его семьи начнется тогда, когда Нерону вырвутъ зубъ. А на слѣдующій день, когда Веспасіанъ шелъ съ докладомъ къ императору, онъ встрѣтилъ въ атріумѣ врача, и тотъ показалъ ему зубъ, только что вырванный у императора.

Все это снова пронеслось въ душѣ Веспасіана. Онъ теперь намѣревался прибавить новое предзнаменованіе къ прежнимъ. Съ жгучимъ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ прибытія пророка, который долженъ былъ раскрыть его моленіямъ слухъ страшнаго іудейскаго Бога.

— Базилидъ!

Онъ въ третій разъ произнесъ это имя и пророкъ вдругъ появился передъ нимъ какъ бы изъ подъ земли. Вероника вздрогнула и чуть не крикнула отъ возмущенія: Агриппа едва успѣлъ удержать ее. Базилидъ,—изгнанный служитель храма, преступникъ и дерзкій нечестивецъ — осмѣлился одѣть бѣлое льняное платье, мантію и головной уборъ священнослужителя храма и препоясанъ былъ поясомъ, который имѣлъ право носить только верховный служитель храма.

— Вероника!—съ волненіемъ прошепталъ Агриппа,—не губи меня изъ за глупаго предразсудка.

Вероника откинулась назадъ и закрыла глаза руками, чтобы ничего не видѣть. Грудь ея дрожала отъ внутреннихъ рыданій. Почему она такъ безсильна противъ оскверненія самыхъ священныхъ обычаевъ ея народа!

За пророкомъ слѣдовала Мероэ, одѣтая въ такія же, какъ онъ, одежды, окружавшія причудливыми складками ея нѣжные члены. Она держала въ рукахъ драгоцѣнный кубокъ.

Узкое личико было мертвенно блѣдно, огромные глаза глядѣли потухшимъ взглядомъ. Она какъ бы носилась по воздуху,—ноги ея едва касались земли.

Когда Веспасіанъ увидѣлъ пророка, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ назадъ и, въ знакъ благоговѣнія, преклонилъ колѣно.

— Чего желаетъ Флавій Веспасіанъ отъ Базилида, пророка всемогущаго, вѣчнаго бога,—спросилъ полководца выходецъ изъ Эфеса.

— Ты меня знаешь?—сказалъ Веспасіанъ.

— Пророку Всевѣдущаго все извѣстно.

Природная насмѣшливость Веспасіана проснулась въ немъ при звукѣ торжественнаго голоса пророка.

— Зачѣмъ же ты меня спрашиваешь?—отвѣтилъ онъ, саркастически улыбаясь.

Лицо Базилида не дрогнуло.

— Потому что тотъ, кто приноситъ жертву, долженъ объявить передъ всѣмъ народомъ, о чемъ онъ молитъ Всевышняго.

Римлянинъ насмѣшливо пожалъ плечами.

— Тогда вамъ, конечно, легко все нать.

— Ты безъ вѣры пришелъ сюда и

хочешь испытать волю божію,—отвѣтилъ строго Базилидъ.—А что, если Богъ тебя будетъ испытывать? Не тревожься,—прибавилъ онъ, замѣтивъ безпокойство Веспасіана.—Тотъ, кому я служу, отпускаетъ тебѣ твое признаніе, ибо ничего ты не можешь скрыть отъ его глазъ. Онъ знаетъ, что ты пришелъ вопрошать объ исходѣ войны, которую ты по велѣнію цезаря долженъ вести противъ іудеевъ. Развѣ это не такъ?

Опять у Веспасіана явилось желаніе посмѣяться надъ пророкомъ.

— Конечно,—подтвердилъ онъ со смѣхомъ.—Да твой богъ былъ бы болѣе слѣпъ, чѣмъ Эдипъ, если бы не видѣлъ сверканія копій и шлемовъ вокругъ насъ.

У Базилида появилась на лбу мрачная складка и глаза его засверкали.

— Ты кощунствуешь, римлянинъ,—произнесъ онъ глухимъ гнѣвнымъ голосомъ.—Знай, что Богу легко уничтожить тебя и всѣ твои легіоны, если на то была бы его воля. Истреби послѣднюю искру недовѣрія въ душѣ твоей, полководецъ. Въ противномъ случаѣ, дымъ отъ твоей жертвы не поднимется къ небу, а будетъ стлаться по землѣ. И недостойно священнослужителя класть дары сомнѣвающагося на алтарь Всевышняго. Сказать тебѣ, о чемъ твое сердце думаетъ и мечтаетъ въ тайникахъ своихъ? Открыть ли тебѣ, что ты пришелъ узнать про иное и болѣе важное, чѣмъ судьба маленькаго презрѣннаго племени?

Мощный, громоподобный звукъ его голоса внушилъ полководцу ужасъ предъ чѣмъ-то неопредѣленнымъ, необъяснимымъ, и тайный смыслъ, который слышался ему въ словахъ пророка, заставилъ его поблѣднѣть.

Откуда этотъ человѣкъ знаетъ то, что онъ съ такимъ страхомъ таилъ отъ всѣхъ. Свои завѣтныя желанія и надежды онъ не открывалъ самымъ близкимъ друзьямъ, зная, что ему неминуемо грозитъ смерть, если одинъ звукъ достигнетъ человѣческихъ ушей.

Быстрымъ тревожнымъ движеніемъ онъ велѣлъ Базилиду замолчать.

И на темномъ лицѣ пророка промелькнула торжествующая улыбка. Онъ продолжалъ говорить почти шепотомъ, такъ что только одинъ Веспасіанъ могъ понять его.

— Флавій Веспасіанъ,—сказалъ онъ съ мягкимъ упрекомъ.—Твое сердце было полно невѣрія и сомнѣнія, когда ты поднимался на Кармель. Поэтому ты изрекалъ хулу на Бога, но Всевышній хочетъ, чтобы ты позналъ его. Вотъ почему я долженъ возвѣстить тебѣ то, что среди бурной ночи и блеска молній мнѣ говорилъ голосъ Всевышняго. Слушай же: Глухое броженіе въ душѣ Веспасіана. Онъ страшится опасности и въ немъ все болѣе и болѣе горитъ желаніе достичь самаго высокаго, что земля даетъ людямъ. Но должно свершиться то, что вписано въ книгу судебъ кровавыми письменами. Разслабленный сластолюбецъ долженъ пасть съ дерзко захваченнаго трона, а на тронъ взойдетъ человѣкъ темнаго происхожденія, родомъ изъ Іудеи.

Онъ замолчалъ на минуту, чтобы дать время оправиться пораженному римлянину.

— Сказать тебѣ также, Флавій Веспасіанъ, пришедшій покорить Іудею,—продолжалъ Базилидъ, впиваясь своимъ острымъ взглядомъ въ лицо полководца,—сказать тебѣ, въ чемъ цѣль твоихъ стремленій?

Веспасіанъ отшатнулся съ сѣрымъ отъ ужаса лицомъ и сдѣлалъ отстраняющее движеніе рукой.

Базилидъ усмѣхнулся. Больше уже нечего было бояться насмѣшекъ Веспасіана.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ пророкъ, поворачиваясь къ алтарю—ты можешь приносить жертву.

Полководецъ вернулся, шатаясь, къ своему креслу, приготовленному его свитой изъ камней и моха вблизи алтаря. Затѣмъ онъ далъ знакъ трабантамъ, подвести жертвенныхъ животныхъ пророку.

Базилидъ тщательно осмотрѣлъ ихъ и одобрительно кивнулъ головой. Онъ обнажилъ затѣмъ свою мускулистую руку и схватилъ ножъ, торчавшій за поясомъ. Острый ударъ ножа съ быстротой молніи

перерѣзалъ горло животнымъ. Съ глухимъ воемъ они упали на землю.

Мероэ, блѣдная, какъ смерть, съ блуждающимъ взглядомъ, собирала въ кубокъ льющуюся кровь. Часть ея Базилидъ брызнулъ на алтарь, произнося непонятныя изреченія.

Наконецъ судорожныя движенія жертвенныхъ животныхъ замедлились, кровь стала литься въ меньшемъ количествѣ.

У Мероэ въ рукахъ былъ послѣдній кубокъ чернокрасной дымящейся крови. Базилидъ же въ это время быстро и умѣло сдиралъ кожу съ труповъ, разрѣзалъ на куски мясо и, посыпавъ его солью, положилъ на костеръ.

Все это онъ сопровождалъ изреченіями на странномъ чуждомъ языкѣ.

Затѣмъ онъ поджегъ костеръ и густой дымъ заслонилъ отъ зрителей пророка и дѣвушку.

Мероэ съ расширенными отъ ужаса глазами смотрѣла на своего господина, который стоялъ, не глядя на нее. При каждомъ его движеніи она вся вздрагивала. Наконецъ, раздалось грозное слово:

— Пей!

Холодящій ужасъ сковалъ все ея тѣло и взглядъ ея съ мольбой обратился на пророка.

— О повелитель...—прошептала она.

— Пей!—повторилъ онъ.

Она пошатнулась и рука съ кубкомъ дрожала, какъ въ лихорадкѣ.

— Я не могу, повелитель. Я не могу...

Она опустилась передъ нимъ на колѣни. Ея длинные свѣтлые волосы разсыпались по землѣ и въ глазахъ свѣтилось безуміе.

Базилидъ произнесъ страшное проклятіе, потомъ вырвалъ кубокъ изъ рукъ Мероэ и бросился на нее, такъ что она упала на землю.

Желѣзныя руки втиснули ей край кубка между зубами.

Дымящаяся густая струя жертвенной крови вылилась въ горло Мероэ.

Базилидъ выпустилъ изъ рукъ ея дрожащее тѣло, упавшее на землю, и подошелъ къ алтарю, чтобы оглянуть сцену испытующимъ взоромъ.

Заходящее солнце бросало кровавые лучи сквозь облака дыма. Легкое дуновеніе вѣтра разносило дымъ во всѣ стороны и вся широкая поляна была покрыта туманной завѣсой, то сгущавшейся до непроницаемости, то открывающей отдѣльныя полосы дрожащаго волшебнаго свѣта. Всѣ предметы казались призраками въ этомъ странномъ освѣщеніи.

Искры то вспыхивали мелкими огненными язычками, то потухали какъ бы отъ руки призрака, танцовали на верхушкахъ высокихъ деревьевъ, появлялись на возвышеніяхъ почвы и свѣтились на оружіи и шлемахъ солдатъ.

Таинственная тишина разлита была вокругъ. Ее прерывалъ только трескъ догорающаго костра на алтарѣ и шипѣніе жертвеннаго мяса, отъ котораго подымался блѣдно-желтый, пропитанный копотью дымъ.

Пророкъ кивнулъ головой въ знакъ полнаго довольства и потомъ скользнулъ сквозь клубы дыма въ маленькую чащу, скрывающую входъ въ его пещеру.

Вскорѣ послѣ того раздался шумъ крыльевъ въ глубинѣ лѣса. Мощный орелъ поднялся высоко надъ вершинами деревьевъ и сталъ кружить вокругъ алтаря. Веспасіанъ вышелъ изъ мрачнаго раздумья и поднялъ взоръ на царственную птицу. Она была эмблемой власти Рима надъ всѣмъ міромъ.

— Не было ли это знаменіемъ, посланнымъ іудейскимъ богомъ?

Видъ птицы разрѣшилъ тягостное молчаніе, томившее душу зрителей. Они указывали другъ другу на птицу. Поднялся стоголосый шепотъ, перешедшій въ общій громкій крикъ торжества:

— Да здравствуетъ вѣчный Римъ!

Вѣтеръ улегся и жертвенный дымъ поднялся прямой колонной къ небу.

Орелъ, какъ бы пораженный крикомъ толпы, на минуту отлетѣлъ въ сторону, потомъ сталъ спокойно и твердо кружить надъ манящей его добычей.

Его глаза жадно сверкали и, съуживая круги все болѣе и болѣе, онъ почти неподвижно повисъ на одинъ мигъ въ воздухѣ.

Раздался хриплый жадный звукъ, и орелъ бросился въ дымъ и пламя.

Изъ дыма и пламени онъ снова взвил-

ся на воздухъ, держа въ когтяхъ кусокъ мяса.

Тогда—неизвѣстно откуда—появился второй орелъ, какъ молнія кинулся на него и сталъ отбивать добычу.

Завязалась яростная борьба на воздухѣ. Птицы дрались когтями, клювами и крыльями.

Глаза изумленной толпы съ жаднымъ суевѣрнымъ напряженіемъ слѣдили за борцами.

— Навѣрное іудейскій богъ послалъ и соперника! Если первый орелъ боролся за Римъ, то что означаетъ второй?

Неужели Веспасіану, императорскому полководцу, предстоитъ бороться еще съ однимъ врагомъ, кромѣ іудеевъ? Откуда онъ возьмется—не изъ самого ли римскаго стана?

Птицы казались равными по силѣ и хитрости.

Когда одинъ орелъ, нападая, старался схватить за горло другого, тотъ искусно и быстро ускользалъ отъ него. Первый снова ударами крыльевъ привлекалъ второго къ себѣ и впивался когтями въ добычу. Наконецъ оба они медленно опустились рядомъ на землю вблизи Веспасіана, который вскочилъ съ мѣста и, сдвинувъ брови, ждалъ исхода знаменательнаго боя.

Новое чудо! Истощились ли силы соперниковъ, или они повиновались таинственному высшему велѣнію? Мирно и безъ драки они сообща бросились на добычу и раздирая ее острыми клювами, жадно проглатывали куски съ громкимъ крикомъ.

Полководецъ въ изумленіи сдѣлалъ шагъ назадъ.

Что значитъ этотъ странный знакъ? Съ кѣмъ ему придется дѣлить торжество побѣдителя?

Агриппа тихо подошелъ къ нему. Взоръ его слѣдилъ за выраженіемъ лица римлянина.

Указывая на второго орла, онъ произнесъ какъ бы невольно одно только слово:

— Титъ!

Веспасіанъ встрепенулся, пораженный правдоподобностью пророчества.

— Конечно, его горячо любимый сынъ предназначенъ самимъ небомъ дѣлить съ нимъ власть.

Лицо его просвѣтлѣло. Онъ радостно подозвалъ къ себѣ Тита и указалъ ему на обоихъ орловъ. Они только что сня лись съ земли и поднимались все выше и выше, медленными величественными кругами и наконецъ исчезли изъ виду.

Они вернулись къ тому, кто ихъ послалъ.

Титъ всего этого не видѣлъ. Онъ отошелъ въ тѣнь и прислонился къ носилкамъ своего отца, на которыхъ покоилась Вероника. Онъ видѣлъ только ее и больше ничего.

Но она, казалось, не обращала на него вниманія, хотя ея рука покоилась рядомъ съ его головой у края носилокъ. Его горячее дыханіе касалось ея блѣдныхъ пальцевъ, проникало подъ широкій рукавъ ея платья, обдавая пламенемъ ея руку.

Столбъ дыма на алтарѣ прояснился и вскорѣ совсѣмъ разсѣялся, но огонь еще горѣлъ, даже сильнѣе, чѣмъ прежде. Сухой слой дерева, лежащій на нижнемъ сыромъ слоѣ не производилъ удушливаго дыма. Поднималось тонкое прозрачное пламя; въ немъ какъ въ зеркалѣ водъ, отражались стоящія за алтаремъ деревья дрожащими призрачными очертаніями.

Базилидъ увидѣлъ, что настало время дѣйствовать. Онъ вернулся уже раньше подъ прикрытіемъ послѣднихъ облаковъ дыма и принесъ плетеную корзинку, которую поставилъ рядомъ съ Мероэ.

Онъ опустился передъ лежащей безъ чувствъ дѣвушкой и натеръ ей виски и руки какой-то жидкостью съ ѣдкимъ запахомъ.

Кровавая пѣна тотчасъ же показа лась на блѣдныхъ губахъ дѣвушки. Все ея тѣло забилось въ судорогѣ. Она раскрыла испуганные широкіе глаза, въ которыхъ свѣтилось сверхъестественное пламя. Казалось, что глаза ея сейчасъ выйдутъ изъ орбитъ.

Руки Мероэ въ безуміи рвали одежды.

— Пламя, пламя...—бормотала она сдавленнымъ голосомъ.

Базилидъ взялъ ея руки въ свои. Его прикосновеніе произвело странное магнетическое дѣйствіе на дѣвушку.

Тѣло ея перестало биться, а на лицѣ показалось восторженное выраженіе. Душа ея, казалось, погрузилась въ экстазъ высшаго бытія. Пророкъ зорко взглянулъ на нее и съ довольной улыбкой протянулъ къ ея глазамъ указательный палецъ правой руки. На немъ блистало драгоцѣнное кольцо со сверкающимъ камнемъ. Тѣло Мероэ оставалось неподвижнымъ, но взоръ ея устремился на камень, который Базильдъ все ближе и ближе подносилъ къ ней, приблизивъ его наконецъ къ самой срединѣ лба промежъ бровей. Мероэ слѣдила за его медленными движеніями и мало-по-малу на лицѣ ея проступило выраженіе неземного блаженства. Оно застыла на ея чертахъ, когда пророкъ наконецъ опустилъ свою руку. Но глаза остались въ томъ же почти косомъ положеніи, обнаженныя руки медленно поднялись надъ головой и ноги стали подниматься и опускаться въ странномъ ритмическомъ танцѣ. Казалось, она какъ дуновеніе поднялась бы на небо, но таинственная сила приковывала ее къ землѣ.

Базилидъ повторялъ ея движенія и шепталъ странныя отрывочныя слова, сопровождая ихъ невнятнымъ напѣвомъ.

— Слушайте, слушайте. Звѣзды поютъ на пламенномъ пути...

Крышка корзинки приподнялась и изъ нея вынырнула голова змѣи, за ней другая, третья...

Влажныя сверкающія тѣла змѣй перекинулось черезъ край и потомъ поднялись съ земли въ безмолвномъ страшномъ танцѣ.

Лобъ Мероэ омрачился, когда мелодія достигла ея слуха. Она казалась идущей издалека. Губы Мероэ открывались и старались механически воспроизводить слова, все яснѣе и яснѣе, чѣмъ чаще Базилидъ ихъ повторялъ.

Она казалось, хотѣла ухватиться за какое-то отдаленное воспоминаніе, принимающее все болѣе и болѣе опредѣленный образъ.

Вдругъ Мероэ вздрогнула и лицо ея утратило напряженность: она нашла потерянную нить.

Пророкъ это замѣтилъ, схватилъ ее за руку и провелъ къ алтарю. Позади его была узкая лѣстница, ведущая на большую площадку.

И змѣи слѣдовали мелодіи, извиваясь, кивая головами и шипя.

Подойдя къ нижней ступени, Базилидъ отошелъ въ сторону и замолчалъ. Мероэ болѣе не обращала на него вниманія. Продолжая двигаться подъ звукъ прежней мелодіи, она поднялась на площадку алтаря, свободную въ глубинѣ отъ пламени.

Зрителямъ однако казалось, что Мероэ какъ будто вышла изъ пламени. Ихъ охватилъ ужасъ. Все казалось чудомъ, странная музыка ея голоса, загадочность и ужасъ происходящаго. Мероэ увлекала всѣхъ за собой въ безумномъ вихрѣ.

Чувствовалась присутствіе божественной тайны.

Тѣла змѣй обвивались вокругъ Мероэ, вокругъ груди и бедръ, вокругъ шеи и рукъ.

Голосъ ея звучалъ сначала какъ журчаніе лѣсного ручья, бѣгущаго по камнямъ и мхамъ; но постепенно онъ становился болѣе сильнымъ, подобнымъ горнымъ водамъ и наконецъ ропоту бурнаго пѣнящагося моря.

— Слышите, слышите... Звѣзды поютъ на огненномъ пути... блестящіе сонмы ангеловъ спускаются въ огненномъ облакѣ... Это ты, архангелъ Михаилъ, князь высотъ... глаза твои жгутъ, какъ пламя, охватившее весь міръ, крылья шумятъ какъ бурный океанъ... Или это ты, родоначальникъ, ты законодатель, судья!.. Вотъ видите! онъ явился, герой избавитель: онъ вышелъ изъ Іудеи, изъ священнаго Іерусалима! все повергается передъ нимъ во прахъ и все-таки онъ милосердъ и добръ, мой властелинъ... какъ сладостное вино—какъ освѣжающая лѣтняя заря... Божій ликъ свѣтится надъ нимъ. Его мудрыя мысли—я вижу ихъ. Они не разсѣются, какъ плевелы, по вѣтру. Богъ вѣчности исполнитъ всѣ его желанія... я слышу голосъ Всевышняго. Меня душитъ дыханіе твоихъ устъ... только вокругъ устъ избранника оно вѣетъ, какъ мягкій лѣтній вѣтерокъ. О, зачѣмъ повергаешь ты меня и народъ твой вмѣстѣ со мной, къ ногамъ великаго

врага. Горе, мнѣ, горе Израилю! Боже, Боже...

Голосъ Мероэ замеръ въ неясномъ лепетѣ. Огонь въ послѣдній разъ вспыхнулъ, рѣзкое колеблющееся пламя освѣтило глубокій мракъ. Съ безумнымъ крикомъ Мероэ вскинула руки кверху и бросилась назадъ, прячась за груду пепла у догорѣвшаго жертвенника. А змѣи снова поднялись, танцуя, кивая головами и шипя.

Наконецъ что-то темное и призрачное прошумѣло крыльями предъ Веспасіаномъ, потомъ снова кинулось къ пламени и вдругъ взвилось надъ головой потрясеннаго ужасомъ полководца.

Какъ бы съ высоты звѣзднаго вечерняго неба раздались слова, произнесенныя не человѣческимъ, каркающимъ голосомъ:

— Да здравствуетъ цезарь!

Веспасіанъ вскочилъ и поднялъ руку; онъ хотѣлъ что-то отвѣтить, но слова его были заглушены сотней голосовъ. Солдаты вторили ликующимъ крикомъ:

— Да здравствуетъ цезарь!

Бряцаніе оружія и щитовъ сопровождало крики.

Къ кому относился возгласъ: къ далекому императору или..?

Вероника молчаливо позволила Титу проводить ее до дверей дворца. На прощаніе она молча кивнула ему головой, не замѣчая протянутой имъ руки.

— Ты не хочешь помириться со мною?—мягко спросилъ онъ.

Она горько засмѣялась въ отвѣтъ.

— Развѣ побѣжденные могутъ мириться? Вѣдь даже Богъ, Богъ нашего народа, предсказалъ римлянамъ побѣду.

— Что для меня значитъ Богъ!—пламенно воскликнулъ онъ.—Титъ преклоняется только предъ богиней.

Не обращая вниманія на свиту, онъ хотѣлъ опуститься на колѣни предъ ней. Глаза ея сверкнули.

— Это только слова.

— Не слова. Повелѣвай, и ты увидишь...

— Да? А что, если бы я поймала тебя на словѣ... Берегись, надменный, Вероника умѣетъ просить только объ очень большомъ.

— И будь это выше всего на свѣтѣ—скажи?

— Догадайся самъ.

— А если я догадаюсь, я могу тебѣ сказать?

— Можешь.

Онъ облегченно вздохнулъ и отошелъ. Вероника исчезла у входа, не оглянувшись больше на него.

. . . .

Веспасіанъ не могъ заснуть въ эту ночь. Онъ безпокойно ходилъ взадъ и впередъ по своей опочивальнѣ: его обыкновенно блѣдное лицо покрылось густымъ румянцемъ и глаза сверкали.

Предвѣщанія іудейскаго бога относились несомнѣнно къ нему. Слишкомъ ясно указывали на него слова ясновидящей. Всѣ прежнія предзнаменованія были извѣстны лишь немногимъ, и тѣхъ, кто знали про нихъ, здѣсь не было. Значитъ Базилидъ возвѣстилъ ему истину. Всѣ тайныя желанія и мысли Веспасіана должны исполниться и...

Онъ не могъ продолжать думать объ этомъ. Предъ его внутреннымъ взоромъ выступали блестящія картины: слава и честь несутъ ему лавры... Вода и земли сулятъ могущество. Все лежитъ у его ногъ...

И громче всего звучитъ знакомый привѣтъ: такъ часто раздавался онъ при появленіи другого и только сегодня Веспасіанъ познalъ его сладость.

— Да здравствуетъ цезарь!

. . . .

Базилидъ сидѣлъ въ своей пещерѣ на Кармелѣ. Пламя очага освѣщало яркими полосами свѣта желтое, острое, довольное лицо пророка. Онъ сидѣлъ на коврѣ въ передней части пещеры. Въ углу, на кольцѣ, сидѣлъ воронъ, а на землѣ собраны были въ клубокъ лѣниво покоющіяся тѣла змѣй.

Недоставало только двухъ орловъ. Они не вернулись. Можетъ быть, они въ самомъ дѣлѣ остались у іудейскаго бога. Базилидъ разсмѣялся.

— Не все ли равно. — пробормоталъ онъ.—Теперь мнѣ они не нужны. Базилидъ, пророкъ Кармеля, умеръ сегодня, чтобы уступить мѣсто Базилиду, госу-

дарственному человѣку. Послѣ того, что Агриппа сказалъ мнѣ на прощанье..

Съ дикимъ крикомъ торжества Базилидъ бросился на кучку золота, которое лежало предъ нимъ на коврѣ. Онъ сталъ разбрасывать по полу благородный металлъ, такъ что Зоребъ, «вѣстникъ іудейскаго бога», проснулся отъ своего тяжелаго сна и насмѣшливо каркнулъ то слово, которое не давало спать римскому полководцу въ эту ночь.

— Да здравствуетъ цезарь!

. . . .

На полянѣ у алтаря Всевышняго лежалъ карликъ Габба. Онъ держалъ въ рукахъ трепещущее тѣло Мероэ и съ ужасомъ вглядывался въ безумныя черты дѣвушки.

Мероэ повторяла все тѣ же слова:

— Слушайте, слушайте... Звѣзды поютъ на пламенномъ пути... свѣтила... свѣтила...

Нить порвалась. Мероэ не могла собрать своихъ мыслей. Густая, темнокрасная отвратительная струя крови все увлекла за собой.

Габба привлекъ ея голову къ себѣ на грудь. Онъ только безмолвно молился о мщеніи. Сердце его разрывалось отъ несказанныхъ мукъ.

Никогда болѣе онъ не увидитъ въ любимыхъ глазахъ Мероэ лучъ сознанія, не услышитъ сладостныхъ словъ: «Габба, дорогой Габба».

Душа Мероэ умерла.

Вдругъ дѣвушка вырвалась отъ Габбы и расхохоталась. Дикими безумными прыжками помчалась она чрезъ поляну, чрезъ терніи, кусты и камни.

Габба едва могъ услѣдить за ней. Только ея безумный хохотъ указывалъ ему путь. Онъ страшно звучалъ среди ночи и Габба холодѣлъ отъ ужаса.

— Да здравствуетъ цезарь!

Глава VIII.

Въ домѣ, Этернія Фронтона, вольноотпущенника Тита, кипѣла веселая жизнь еще поздно ночью послѣ путешествія Веспасіана на Кармель.

На плоской крышѣ, обращенной къ тѣнистому саду, была устроена терраса. На ней, за колоннами, обвитыми вѣнками, расположились гости Фронтона— пестрое общество, состоявшее изъ военачальниковъ въ перемежку съ танцовщиками, мимами и пѣвцами, которые сопровождали на войну своихъ покровителей.

Гости, разгоряченные виномъ и полураздѣтые, лежали на пурпурныхъ подушкахъ: ихъ озаряло матово-красное мелькающее пламя высокихъ свѣтиленъ.

Слуги подавали кубки съ испанскимъ виномъ, прекрасные юноши, одѣтые дѣвушками, съ кокетливой улыбкой разносили вѣнки и яства. Блѣдныя гречанки лежали опьяненныя на пышныхъ коврахъ въ углахъ покоя и бросали въ гостей шелухой плодовъ. Съ круглыхъ столовъ лилось на полъ вино, падали смятыя розы, разбитые кубки, разорванныя женскія покрывала. На запятнанномъ мраморѣ валялись раздавленныя кольца и запястья.

Надъ всѣмъ этимъ носился сѣрый дымъ отъ аравійскихъ благовоній. Одна изъ рабынь жгла ихъ на серебряномъ треножникѣ. Подушки и лежащія на нихъ гости окутаны были тяжелыми облаками, и все пространство между колоннъ было задернуто туманомъ.

Большинство гостей были уже пьяны, а между тѣмъ пиръ только начинался.

— Это что такое, божественный Этерній?—бормоталъ заплетающимся голосомъ Секстъ Панза, знавшій только по наслышкѣ о пышной жизни богачей. Онъ указалъ на двухъ рабовъ, вносившихъ на подносѣ корзины. Тамъ на соломѣ сидѣла деревянная курица съ распущенными крыльями.

Фронтонъ засмѣялся и хлопнулъ въ ладоши; рабы стали вынимать изъ соломы павлиньи яйца, выпеченныя изъ тѣста, и стали раздавать ихъ гостямъ.

Толстый вольноотпущенникъ Гай лукаво подмигнулъ наивному трибуну и сталъ разсматривать какъ бы съ недовѣріемъ свое яйцо.—Я боюсь, что въ немъ есть уже выводокъ, сказалъ онъ.—Этерній любитъ такія шутки.

Секстъ поблѣднѣлъ отъ отвращенія,

не смотря на то, что былъ пьянъ. Онъ хотѣлъ бросить яйцо на полъ, но оно вдругъ лопнуло у него въ рукахъ.

Онъ крикнулъ отъ изумленія: изъ скорлупы выкатился жирный бекасъ, зажаренный въ коркѣ изъ яичнаго желтка.

Едва присутствующіе успѣли выразить одобреніе хитрой выдумкѣ повара, какъ уже второй сюрпризъ смѣнилъ первый. Въ залу внесли новое блюдо на кругломъ подносѣ.

— Клянусь духомъ покойнаго Тантала,—воскликнулъ тощій Петроній, помощникъ городского префекта,—я боюсь, что Фронтонъ уморитъ насъ съ голоду еще при жизни.—На подносѣ лежали двѣнадцать знаковъ зодіака и около каждаго изъ нихъ соотвѣтствующее блюдо. Около знака тельца—кусокъ мяса, около знака рыбы—два морскихъ краба.

Ожиданіямъ гостей мало соотвѣтствовали такія простыя блюда, и они съ не доумѣніемъ приступили къ ѣдѣ. Но въ эту минуту четыре раба подбѣжали подъ звуки оркестра и быстро сняли верхнюю часть блюда.

Раздался громкій крикъ изумленія.

Посреди блюда оказался заяцъ, имѣвшій видъ пегаса съ распущенными крыльями, а съ четырехъ сторонъ—изображенія Марсія: изъ скрытыхъ крановъ лился ароматный бульонъ на мясо и рыбъ, плавающихъ въ расположенномъ вокругъ каналѣ.

Росцій Манолій, богатый поставщикъ хлѣба въ армію, извѣстный своими пышными пирами, началъ опасаться соперничества Фронтона. Онъ морщилъ отъ недовольства свой маленькій вздернутый носъ.

— Хотѣлъ бы я знать,—проговорилъ онъ сосѣду,—какъ Этерній можетъ послѣ такихъ эффектовъ слѣдовать закону постепеннаго наростанія впечатлѣній.

Его послѣднія слова заглушены были шагами рабовъ, которые разстилали предъ гостями, ковры; на нихъ изображены были охотники съ копьями и всякія принадлежности охоты. Раздался лай и вдругъ въ залу ворвалась свора собакъ. За ними слѣдовали рабы. Они несли на подносѣ гигантскаго вепря съ шапочкой на головѣ. Съ его роговъ свѣшивались двѣ плетеныя корзиночки, одна наполненная свѣжими, другая сухими финиками. Затѣмъ явился гигантскаго роста бородатый эфіопъ, одѣтый охотникомъ. Онъ разрѣзалъ вепря сильнымъ ударомъ ножа въ бокъ—изъ зіяющей раны вылетѣли жареныя птицы; птицеловы, стоявшіе на готовѣ, подхватили ихъ и обносили ими гостей вмѣстѣ съ финиками, игравшими роль желудей.

— Но почему,—спросилъ наивный Секстъ хозяина дома,—у вепря на головѣ шапочка вольноотпущенника?

Этерній разсмѣялся. Вопросъ доказывалъ, до чего Секстъ не зналъ обычаевъ, распространенныхъ на пирахъ богатыхъ римлянъ.

— Этотъ звѣрь былъ на вчерашнемъ нашемъ пиру главнымъ блюдомъ,—отвѣтилъ Этерній,—но его унесли въ кухню нетронутымъ, поэтому онъ возвращается сегодня на столъ вольноотпущенникомъ.

Секстъ Панза въ глубинѣ души сердился на свою глупость. Онъ уже болѣе не предлагалъ вопросовъ, чтобы не имѣть вида человѣка, никогда не обѣдавшаго въ порядочномъ обществѣ.

Вскорѣ новое зрѣлище привлекло общее вниманіе. Этерній Фронтонъ воспользовался этимъ, чтобы незамѣтно уйти изъ комнаты. У него мелькнула мысль, отъ которой закипѣла его кровь, уже и безъ того достаточно разгоряченная виномъ и лестью гостей.

Онъ вспомнилъ о своихъ плѣнницахъ.

Стараго Іакова бенъ Леви, не смотря на его слабость, заключили въ одинъ изъ сырыхъ погребовъ городской префектуры. Себѣ же вольноотпущенникъ выговорилъ право распорядиться судьбой Тамары и Саломеи. Онъ помѣстилъ обѣихъ дѣвушекъ въ одномъ изъ отдаленныхъ покоевъ женской половины своего дома.

Онъ шелъ теперь по слабо освѣщеннымъ проходамъ, куда не проникалъ шумъ пиршества, и его разгоряченному взору представились образы двухъ іудейскихъ дѣвушекъ. Онъ уже ихъ часто видѣлъ со времени первой встрѣчи.

Ему переступилъ дорогу Флавій Сабиній съ его притворной добродѣтелью.

Онъ этого не забылъ. Этерній Фрон-

тонъ никогда ничего не забывалъ. Настанетъ когда-нибудь время, когда онъ сможетъ отомстить.

Онъ сжалъ руки въ кулаки и произнесъ проклятіе, а потомъ засмѣялся надъ самимъ собой. Время ли теперь было думать о такихъ пустякахъ? Онъ сравнивалъ мысленно между собой обѣихъ іудеекъ: мрачную Саломею съ ея рѣзкой строгой красотой и изящную Тамару съ ея лукавымъ изяществомъ.

Обѣ казались ему привлекательными; выборъ между ними былъ труденъ. Но зачѣмъ однако выбирать?

Жестокая улыбка легла вокругъ его узкихъ губъ, когда онъ раздвинулъ занавѣсь и вошелъ въ переднюю часть покоя, служившаго тюрьмою для дѣвушекъ.

Гликерія, старая прислужница, поднялась при его входѣ. Ея увядшее и всетаки строго выточенное лицо было полно подобострастія.

— То-то было плачу и визгу,—заговорила она шепотомъ и злобно хихикая.— Мои старые глаза видѣли много дикихъ голубокъ, которыя бились о рѣшетку. Ты это самъ знаешь, господинъ. Но такихъ я еще не видала. У младшей глаза распухли отъ безпрерывныхъ слезъ; она умерла бы отъ отчаянія, еслибы старшая не ободряла ее.

— О чемъ онѣ говорили?

— Я не понимаю ихъ словъ. Да какъ и понять безсмысленную болтовню іудеевъ! Кажется мнѣ, онѣ не молились о благѣ моего милостиваго господина. Но уже и то хорошо, что послѣ того маленькій звѣрекъ заснулъ.—Что дѣлаетъ старшая,—«царица», какъ ее хочется назвать?—Еще недавно я слышала ея голосъ, и если ты велишь, я пойду посмотрѣть...

Онъ остановилъ ее.

— Я самъ пойду,—нетерпѣливо сказалъ онъ и подошелъ къ двери.

Но онъ остановился у порога.

— А что съ ѣдой и виномъ, которыя я послалъ имъ?—спросилъ онъ.

— Не тронули,—съ лицемѣрнымъ вздохомъ и тайнымъ злорадствомъ сказала старуха.—Ты вѣдь знаешь, іудеи брезгуютъ пищей язычниковъ... Но завтра, когда ихъ одолѣетъ голодъ и жажда...

— Я не могу такъ долго ждать,— вскипѣлъ онъ.—Я считалъ тебя умнѣе, старуха! Вѣдь не въ первый разъ тебѣ приходится приручать дикарокъ.

Онъ гнѣвно отвернулся отъ испуганной старухи и безшумно отворилъ дверь.

Саломея не слышала, какъ онъ вошелъ.

Она стояла, прислонившись къ рѣшеткѣ единственнаго окна. Сквозь обвивавшій его плющъ пробивался блѣдный лунный свѣтъ, окутывая сіяніемъ ея тонкую головку. Все остальное—голая стѣна, жесткая скамейка въ глубинѣ, на которой спала Тамара, и входная дверь оставались въ глубокой тѣни.

Этерній Фронтонъ остановился на порогѣ ослѣпленный. Видъ этой мраморной красоты, оживленной выраженіемъ глубокой грусти, производилъ на него неотразимое вліяніе. Имъ овладѣло темное, загадочное чувство стыда, давно уже имъ не испытанное. Вѣдь онъ пришелъ опозорить эту благородную, нетронутую чистоту.

Онъ невольно отступилъ назадъ... Но развѣ онъ самъ не былъ чистъ и добръ, прежде чѣмъ грубая сила Рима вырвала его изъ объятій матери? И вотъ что съ нимъ стало теперь.

Каждый разъ, когда онъ объ этомъ думалъ, у него сжималось горло отъ бѣшенства и кружилась голова... Онъ хватался рукой за бичъ и безжалостные удары сыпались на дрожащія тѣла рабовъ. И мысль его въ это время придумывала тысячу казней, чтобы растоптать и уничтожить враговъ.

Всѣ добрые и непорочные люди, всѣ кому жизнь улыбалась и кто жилъ надеждами, были его врагами.

Съ мрачнымъ хохотомъ вошелъ онъ въ комнату, захлопнувъ за собою дверь. Тамара вздрогнула со сна и взглянула на него глазами, полными ужаса. Ея нѣжныя руки съ мольбою поднялись къ нему, изъ блѣдныхъ устъ вырвалось сдавленное рыданіе. Онъ не обратилъ на нее вниманія. Величественная красота Саломеи заполонила его душу. Съ волненіемъ направился онъ къ ней.

Она едва обернулась къ нему. Она знала что такъ будетъ, знала, зачѣмъ онъ пришелъ.

Только на минуту глаза ея затуманились; потомъ она опять взглянула на него ясно и спокойно, готовая снова начать борьбу.

Онъ близко подошелъ къ ней; его горячее дыханіе касалось ея лица.

— Тебѣ Гликерія передала мое порученіе?—спросилъ онъ грубо и властно.

— Да.

— И что ты отвѣтила?

— Нѣтъ.

Онъ вздрогнулъ.

— Нѣтъ,—повторилъ онъ, какъ бы не вѣря себѣ.—Да знаешь ли ты, дѣвушка, что значитъ это «нѣтъ»? Жизнь твоего отца въ моей рукѣ.

— Я знаю.

— И твоя жизнь также.

Она ничего не отвѣтила, отвернулась отъ него и медленно протянула руку къ рѣшеткѣ, такъ что ее освѣтилъ блѣдный лучъ мѣсяца.

Она глядѣла какъ во снѣ на свою руку. Блѣдный цвѣтъ ея въ лунномъ сіяніи гипнотизировалъ ее и она не могла отвести глазъ. Фронтонъ тоже глядѣлъ на ея руку.

— Нѣжная, тонкая рука, — глухо проговорилъ онъ.—И все таки сильная. Она держитъ три жизни. И даже не три, а четыре. Вѣдь отклоняющее движеніе этой руки сотретъ съ лица земли не только Іакова бенъ Леви, Тамару, самую тебя, но еще одного—Регуэля, сына Іоанна изъ Гишалы.

Она быстро обернулась къ нему въ безконечномъ изумленіи.

— Регуэль...

— Въ нашей власти. Онъ пришелъ въ Птолемаиду, чтобы спасти отъ опасности сестру и семью своего дяди. Безумецъ! Онъ забылъ о бдительности Рима.

Этерній чувствовалъ, какъ кровь бросилась ему въ лицо подъ ея упорнымъ взглядомъ. Онъ разозлился на себя самого. Даже передъ Нерономъ онъ могъ стоять безстрастно, а теперь опускаетъ глаза передъ беззащитной іудейкой.

Саломея прочла на его лицѣ неправду.

— Ты лжешь,—крикнула она ему.

Онъ притворно разсмѣялся.

— Совѣтую тебѣ не раздражать меня, красавица Саломея. Въ моихъ рукахъ твоя судьба. Но ты, вѣроятно, не понимаешь, какая опасность грозитъ тебѣ. У меня есть тысяча средствъ сломить твое упрямство. Ты не вѣришь? Смотри: нѣсколькихъ капель этой жидкости—онъ вынулъ изящный флаконъ изъ складокъ своего платья — въ твоемъ вечернемъ питьѣ достаточно, чтобы...

— Я не буду пить.

— Можетъ быть, не будешь и ѣсть?—спросилъ онъ насмѣшливо.—Ты, вѣроятно, никогда не голодала и не испытывала жажды, что такъ легко говоришь объ этомъ. Когда у тебя будутъ горѣть внутренности и засохнетъ языкъ...

— Я разобью себѣ голову объ эту стѣну.

Она такъ просто это сказала, что онъ понялъ безполезность своихъ словъ. Гнѣвъ его усилился. Красное облако застлало ему глаза.

— Хорошо!—крикнулъ онъ,—я тебѣ покажу свою власть. Видишь это окно? Оно выходитъ на тихій запустѣлый дворъ. Если Гликерія черезъ часъ не принесетъ твоего согласія, то дворъ этотъ освѣтится удушливымъ свѣтомъ факеловъ и рабы мои устроятъ помостъ. Тамъ воздвигнутъ крестъ. Видѣла ты когда-нибудь человѣка на крестѣ. Слыхала ты его стоны, когда ему вбиваютъ острые гвозди въ ноги и руки? Тебѣ страшно подумать? Ну, такъ ты увидишь твоего собственнаго отца на крестѣ и когда послѣдній потухающій взоръ старика обратится въ твою сторону, то знай, что ты одна виновата въ его смерти.

Она стояла на минуту уничтоженная и разбитая, потомъ выпрямилась гордая и непреклонная.

— Мой отецъ,—сказала она, и глаза ея восторженно сіяли,—предпочтетъ умереть, чѣмъ видѣть свою дочь въ объятіяхъ римлянина. И къ тому же...

— Къ тому же?

Она насмѣшливо усмѣхнулась.

— Такого человѣка, какъ Іаковъ бенъ Леви, брата Іоанна изъ Гишалы, Веспасіанъ не дастъ умертвить ради прихоти одного изъ вольноотпущенниковъ. Ему не нуженъ мертвецъ, а нуженъ живой.

Этерній Фронтонъ закусилъ губы.

Веспасіанъ! Онъ самъ далъ въ руки дѣвушки это орудіе и увидѣлъ, что она умѣетъ имъ пользоваться. Но все-таки...

Страшная мысль блеснула въ его головѣ. Озираясь въ комнатѣ, онъ увидѣлъ устремленный на него тревожный взглядъ Тамары.

— Ты очень ее любишь?—спросилъ онъ съ кажущимся спокойствіемъ, указывая на ребенка.

Чувство ужаса сковало грудь Саломеи. Она только безмолвно кивнула головой.

— Ты очень любишь Тамару?—настойчиво повторилъ онъ.

Она закрыла лицо руками и отвернулась. Онъ громко захохоталъ.

— Скоро ты перестанешь ее любить.

Онъ повернулся къ двери. Она однимъ прыжкомъ очутилась около него.

— Что ты намѣренъ дѣлать?

— Увидишь сама. Довольно словъ.

На его зовъ Гликерія показалась въ дверяхъ.

— Позови служанокъ и принеси киѳару. Эта дѣвочка будетъ пѣть.

Онъ указалъ на Тамару. Гликерія вдрогнула и взглянула на дѣвочку почти съ участіемъ.

— Она такая нѣжная, слабая,—пробормотала она.

— Тѣмъ чище будетъ звучать ея голосъ,—угрюмо засмѣялся онъ.

Старуха безмолвно скрылась.

Вольноотпущенникъ прислонился къ двери. Онъ сложилъ руки на тяжело дышащей груди. Глаза его сверкали, глядя на темную группу обѣихъ дѣвушекъ. Губы безшумно двигались. Казалось, онъ считалъ минуты.

Душная тишина наполняла тѣсный покой; ни одинъ звукъ ни проникалъ снаружи. Никакого движенія, только плющъ передъ окномъ колебался отъ тихаго вѣтра. Лунный свѣтъ бросалъ скользящія тѣни на противоположную стѣну.

Вдругъ послышался глухой топотъ, какъ бы отъ множества приближающихъ шаговъ.

Саломея нагнулась къ Тамарѣ.

— Хочешь, чтобы я тебя спасла отъ этого?

Тѣло дѣвочки затрепетало.

— Боже!—простонала она.—Боже! — Потомъ она вдругъ вся преобразилась и сдѣлала попытку подняться.

— Лучше умереть, Саломея!—крикнула она,—лучше умереть.

Блѣдное лицо Саломеи просіяло гордой улыбкой.

— Слышишь, римлянинъ, лучше умереть!

Онъ засмѣялся.

— Умереть? Только умереть?

Онъ открылъ дверь.

Яркій свѣтъ затмилъ луну. У Саломеи закружилась голова; смертельный ужасъ охватилъ ее и силы оставили ее; она едва замѣтила, какъ вырвали у нея Тамару, прижавшуюся къ ней. Страшный раздирающій крикъ ребенка пробудилъ ее отъ оцѣпенѣнія; она бросилась впередъ и подняла глаза.

Красный дымъ факеловъ наполнялъ комнату, бросая странныя тѣни на лица окружающихъ.

У желѣзнаго столба, подпиравшаго потолокъ комнаты, стояла Тамара. Руки и ноги ея были привязаны къ столбу, длинные волосы падали съ плечъ. Одежды были сорваны и тѣло обнажено. Багровый свѣтъ факеловъ на бѣлоснѣжномъ дѣтскомъ тѣлѣ производилъ удивительно нѣжное, обаятельное сочетаніе цвѣтовъ. Казалось, что розовая вечерняя заря пронизывала бѣлоснѣжный мраморъ.

Саломея, пораженная красотой Тамары, не могла оторвать отъ нея глазъ. У нея закружилась голова и, шатаясь, она прислонилась къ стѣнѣ, чтобы не упасть.

Рѣзкій голосъ Фронтона прервалъ молчаніе.

— Гликерія, киѳару.

Старуха вышла изъ угла. Въ рукахъ у нея былъ кнутъ, изготовленный изъ тонкихъ струнъ, снабженныхъ множествомъ узловъ, съ тонкими острыми шипами.

Киѳара!

Саломея уже слыхала о ней отъ гостей, пріѣзжавшихъ къ отцу изъ Рима.

Киѳара не наносила смертельныхъ ранъ, но человѣкъ не выдерживалъ безумныхъ мученій, производимыхъ ма-

леньками шипами, которые вгонялись въ живое тѣло. Кнутъ обвивался вокругъ тѣла, какъ змѣя, и раздиралъ его тысячью уколовъ до тѣхъ поръ, пока исколотая кожа не разрывалась на куски.

А теперь на ея глазахъ Тамара, нѣжная, кроткая Тамара...

Этерній Фронтонъ поднялъ руку. Въ воздухѣ раздался свистъ.

Тѣло Тамары рванулось изъ державшихъ ее веревокъ. Тонкая полоса протянулась по ея бѣлому плечу, дѣтски нѣжной груди и стройному тѣлу—полоса маленькихъ красныхъ капель. То были капли крови.

Тамара не кричала; она твердо закусила нижнюю губу ослѣпительно бѣлыми зубами.

Крикъ вырвался изъ груди Соломеи. Такимъ громкимъ раздирающимъ голосомъ никакъ бы не могла крикнуть нѣжная Тамара.

Саломея быстро вскочила, чтобы броситься на дѣвочку, защитить ее собственнымъ тѣломъ.

Но желѣзные кулаки рабовъ отбросили ее и не давали двинуться. Ударъ сыпался за ударомъ.

Головка Тамары склонилась на грудь. Одна только слеза показалась на ея поблѣднѣвшей щекѣ и въ ней свѣтъ факеловъ переломился кровавымъ лучомъ, Гликерія остановилась, взглянувъ на свою жертву.

— Не прекратить ли, господинъ,—сказала она задыхающимся голосомъ. обращаясь къ Фронтону.—Она этого больше не выдержитъ.

Вольноотпущенникъ посмотрѣлъ на Саломею взбѣшеннымъ взглядомъ, потомъ крикнулъ хриплымъ голосомъ:

— Продолжать!

Старуха подняла кулакъ.

Снова Саломея хотѣла крикнуть и не могла. Только глухой хрипъ вырвался изъ ея горла.

Когда снова раздался свистъ бича въ воздухѣ, опущенная голова Тамары поднялась и ея смертельно грустные глаза обратились къ Саломеѣ; неземная покорная улыбка освѣтила лицо мученицы.

Саломея не могла этого больше вынести.

— Нѣтъ, нѣтъ! довольно!—крикнула она, вырываясь изъ державшихъ ее рукъ. Она упала къ ногамъ Фронтона и подняла руки съ мольбой.

Фронтонъ сдѣлалъ знакъ; рука Гликеріи остановилась въ воздухѣ. Вольноотпущенникъ съ улыбкой обратился къ упавшей передъ нимъ на колѣни женщинѣ:

— Прежде ты сказала нѣтъ, ну а теперь?

Саломея закрыла лицо руками.

Глава IX.

Черезъ часъ Этерній былъ снова среди своихъ гостей. Онъ недавно вернулся и незамѣтно занялъ прежнее мѣсто.

— Ваше одобреніе, друзья, мнѣ очень льститъ, хотя оно до сихъ поръ относилось къ очень незначительнымъ заслугамъ. Самое лучшее я, какъ предусмотрительный хозяинъ, приберегъ къ концу, чтобы соблюсти законъ художественнаго наростанія.

— Какъ, еще что-нибудь новое, божественный Фронтонъ?—заплетающимся языкомъ бормоталъ одинъ изъ опьянѣвшихъ гостей.—Берегись, я разскажу Нерону, великому цезарю, о блескѣ твоихъ пировъ. Ты можешь дорого поплатиться за то, что ты его превзошелъ.

— Пустяки!—засмѣялся вольноотпущенникъ.—Онъ самъ меня этому научилъ. Могу сказать, не хвастаясь, что я часто пировалъ съ Нерономъ и послѣ того бродилъ по римскимъ улицамъ, нападая на запоздавшихъ пѣшеходовъ... Да къ тому же, цезарь далеко, и есть золотые замки, такъ плотно запирающіе ящикъ съ топоромъ палача, что никто его не сможетъ открыть. Но серьезно, друзья, какъ вы думаете, что бы я могъ еще предложить вашему вниманію?

— Бой быковъ!—крикнулъ одинъ изъ гостей.—Это снова возбуждаетъ аппетитъ.

— Или комедію Петронія въ исполненіи греческихъ актеровъ, сказалъ другой.

— Вовсе нѣтъ! казнь рабовъ—вотъ что, лепеталъ третій.—Ты можешь вѣдь

пожертвовать нѣсколькими дюжинами рабовъ, божественный Фронтонъ!

— Да, да! отдать ихъ на растерзаніе твоихъ нумидійскихъ львовъ!

— На маленькой аренѣ въ твоемъ саду, при свѣтѣ факеловъ, это будетъ замѣчательнымъ зрѣлищемъ.

Этерній Фронтонъ гордо улыбнулся.

— Что вы, друзья мои! Все это было бы слишкомъ ничтожно для вашаго изысканнаго вкуса. Вы не догадываетесь еще? Ну такъ вотъ,—прибавилъ онъ, увидѣвъ общее напряженіе.—У меня въ рукахъ уже есть первая добыча войны, которая еще только начнется. Іудейка чистѣйшей крови, молодая, прекрасная знатная.

— Іудейка! Ихъ можно купить сколько угодно въ Римѣ.

— Но не такую. Ибо слушайте,—Саломея—такъ ее зовутъ—племянница самаго опаснаго врага между іудеями—Іоанна изъ Гишалы.

Услышавъ имя мятежника, всѣ вскрикнули отъ изумленія.

— Клянусь молніей Юпитера!—подтвердилъ Фронтонъ, увидѣвъ недовѣріе на лицахъ гостей,—я сказалъ полную правду. Саломея, дочь Іакова бенъ Леви, торговца оливковымъ масломъ, брата Іоанна изъ Гишалы, явится предъ вами и для увѣнчанія празднества повторитъ танецъ, который нѣкогда танцовала дочь Иродіады, чтобы получить голову безумнаго пророка.

— Вино твое слишкомъ хмельное, Этерній, вотъ что!—сказалъ съ насмѣшкой одинъ изъ гостей. — Племянница Іоанна изъ Гишалы! твоя фантазія слишкомъ далеко залетаетъ и мы не можемъ за ней слѣдовать.

Вмѣсто отвѣта, Фронтонъ сдѣлалъ знакъ одному изъ рабовъ и тотчасъ послѣ того раздвинулась задняя стѣна залы, впуская цѣлую толпу легко одѣтыхъ танцовщицъ и пѣвицъ. Среди нихъ была Саломея. Греческое одѣяніе облекало стройный станъ; ея благородная красота выступала въ полномъ блескѣ. Присутствующіе привѣтствовали ее криками восторга.

Этерній Фронтонъ съ торжествомъ оглянулся на своихъ гостей, потомъ поднялся, пошелъ на встрѣчу іудейкѣ и съ театральнымъ паѳосомъ склонилъ передъ ней голову, какъ передъ царицей.

— Прости,—сказалъ онъ льстивымъ голосомъ, — что я рѣшился нарушить твое уединеніе. Но слава о твоей красотѣ и твоемъ очарованіи уже перешла за порогъ твоего тихаго покоя и проникла въ сердца моихъ друзей. Я не могъ долѣе противиться ихъ желанію увидѣть тебя.

На блѣдномъ лицѣ Саломеи не дрогнула ни одна черта, какъ будто эти слова не относились къ ней. Только глаза ея медленно поднялись на говорившаго—странно измѣнившіеся глаза. Въ нихъ не было никакой жизни. Умерло все, что имъ прежде придавало страсть и выраженіе.

— Чего ты отъ меня требуешь?—спросила она и губы ея едва шевелились, произнося эти слова.

Вольноотпущенникъ усмѣхнулся. Это было ему знакомо. Всѣ онѣ таковы, а потомъ...

— Исполни танецъ дочери Иродіады,—попросилъ онъ.

Она взяла у одной изъ пѣвицъ восьмиструнную киннору и ударила нѣсколько страстныхъ безумныхъ аккордовъ.

Инструменты опытныхъ пѣвицъ вторили ей.

Саломея пѣла полуоткрытыми губами опьяняющую пѣсню любви. Отбросивъ киннору послѣ первой строфы, она вступила на коверъ среди залы. Но она не танцовала; стоя на одномъ мѣстѣ, она только качалась, слѣдуя ритму мелодіи. И въ этомъ движеніи было однако нѣчто неотразимое.

Глаза гостей неотступно слѣдили за ней.

Она ни на кого не обращала вниманія. Взоръ ея былъ устремленъ только на Этернія Фронтона. Она чувствовала въ душѣ безграничную пустоту. Радость и печаль, страсть и холодъ, любовь и ненависть — все исчезло.

Любовь и ненависть? А онъ—Флавій Сабиній? Чѣмъ онъ могъ быть для нея теперь?

Она стала одной изъ тѣхъ холодныхъ мраморныхъ статуй, которыя стояли въ

углахъ комнаты, безчувственныя, безжизненныя. Всѣ видѣли ея позоръ.

И опять она встрѣтилась съ пламеннымъ взоромъ Фронтона. Онъ былъ, очевидно, изумленъ перемѣной, свершившейся въ ней, и гордился легкостью побѣды надъ ней.

Неужели не все въ ней умерло?

Безумное чувство смертельной радости душило ее, кружило ей голову.

— О да, онъ долженъ ее полюбить, полюбить ту, которую опозорилъ и погубилъ! полюбить до бѣшенства и тогда... О сладость мести!

Ея глаза пламенно устремились на него, манящая улыбка освѣтила ея мраморное лицо; радостно и легко несясь въ пляскѣ, она рѣшительнымъ холоднымъ движеніемъ отстегнула пряжки на своихъ одеждахъ.

— Саломея!

Крикъ этотъ раздался у входныхъ дверей. Она вздрогнула и холодный потъ выступилъ у нея на лбу. Рука обезсиленно опустилась, послѣдній звукъ пѣсни замеръ въ горлѣ.

Флавій Сабиній!

Онъ устремился къ ней, раздвигая толпу рабовъ и пѣвицъ. Она отшатнулась. Когда же онъ протянулъ руки, чтобы поддержать ее, она выпрямилась и глаза ея скользнули по немъ холоднымъ чуждымъ взглядомъ.

Этерній Фронтонъ тоже вздрогнулъ. Видъ врага взволновалъ его до того, что онъ схватилъ тяжелый серебряный кубокъ, чтобы бросить его въ голову ненавистнаго.

Но онъ вдругъ остановился. Знакомый голосъ, котораго онъ такъ боялся, дошелъ до его слуха, и чья-то сильная рука удержала его руку.

— Благодарю тебя, другъ Фронтонъ, за привѣтственный кубокъ вина, который ты мнѣ предлагаешь!

На лицѣ Фронтона показалась рабская улыбка.

— Титъ!

— Ты изумленъ, что я такъ поздно ночью пришелъ къ тебѣ?—со смѣхомъ сказалъ сынъ Веспасіана.—Но развѣ ты не знаешь, что Титъ никогда не брезгуетъ прохладительной струей стараго фалернскаго вина и пламеннымъ взоромъ изъ прекрасныхъ глазъ. Извѣстіе о твоемъ пирѣ дошло до меня какъ разъ во-время. Богъ Кармеля и, ха-ха! еще кое-что, взволновало мнѣ кровь, и я уговорилъ Флавія Сабинія пойти со мной сюда.

Онъ опустился на подушки въ отдаленномъ углу покоя и велѣлъ одному изъ рабовъ принести ему вина.

— Не лучше ли тебѣ сѣсть за большой столъ, — сказалъ нерѣшительно Фронтонъ.—Мои гости никогда мнѣ не простятъ, если я лишу ихъ случая быть замѣченными Титомъ.

— На что мнѣ эти болтуны!—отвѣтилъ Титъ. — Мнѣ нужно серьезно поговорить съ тобой.

— Я хочу надѣяться,—пробормоталъ вольноотпущенникъ смущенно, бросивъ безпокойный взоръ въ сторону Саломеи и Флавія Сабинія — они незамѣтно отъ другихъ уединились въ отдаленной нишѣ,—я надѣюсь, что буду въ состояніи слѣдить за твоими словами. Говоря откровенно, я нѣсколько... вино и...

— Женщины, не правда ли? — сказалъ Титъ, грозя ему въ шутку пальцемъ. — Не притворяйся, другъ! Не боишься ли ты, что мой двоюродный братецъ отобьетъ у тебя красотку? Не бойся, онъ слишкомъ добродѣтеленъ не опасенъ.

Онъ посадилъ слегка сопротивлявшагося Фронтона около себя и началъ говорить ему что-то тихимъ голосомъ.

Титъ былъ не богатъ и нуждался въ деньгахъ. Не въ первый разъ онъ обращался за ними къ Этернію Фронтону, своему бывшему рабу. Правда, Фронтонъ не давалъ денегъ даромъ, но за меньшіе проценты, чѣмъ ростовщики. Этимъ онъ покупалъ себѣ расположеніе Тита и это было ему выгодно.

По мѣрѣ того, какъ Титъ излагалъ свою просьбу, недовольное лицо Фронтона все болѣе просвѣтлялось. Наконецъ онъ съ торжествомъ взглянулъ въ сторону Флавія Сабинія и Саломеи. У него возникла мысль: если бы она осуществилась, онъ получилъ бы безграничную ненарушимую власть надъ обѣими плѣнницами.

Для него было очень кстати, что Титъ нуждался въ деньгахъ.

. . . .

— Саломея, молю тебя! что значитъ эта внезапная страшная перемѣна?

— Не спрашивай.

Онъ съ жаркой мольбой глядѣлъ на нее, но она не поднимала глазъ.

Неужели онъ ошибся въ этой дѣвушкѣ, неужели ея невинность и сердечная чистота были лицемѣріемъ и ложью?

— Если бы ты знала... все это долгое время я думалъ только о томъ, какъ спасти...

Она покачала головой,

— Спасти? Зачѣмъ?

Онъ поблѣднѣлъ.

— Я не понимаю тебя. Ты бы хотѣла... Фронтонъ для тебя болѣе, чѣмъ...

Она по прежнему стояла недвижимо и ничего не говорила. Она какъ бы ничего не слышала, а между тѣмъ каждое его слово, каждый звукъ его голоса впивался ей въ сердце.

— Неужели я тебѣ такъ ненавистенъ? — шепталъ онъ. — Конечно... та маленькая услуга, которую случай помогъ мнѣ разъ оказать тебѣ, не даетъ права на твою дружбу. Я все-таки римлянинъ — врагъ твоему народу, и ты должна меня ненавидѣть...

Одну минуту казалось, что она хочетъ говорить, губы ея зашевелились. Онъ наклонился къ ней, затая дыханіе, но ни одинъ звукъ не достигъ его слуха.

— Не знаю, — бормоталъ онъ растерявшись. — Но ты не была такой молчаливой и странной въ тотъ вечеръ, когда я увидѣлъ тебя впервые. Теперь же... Саломея, если бы ты могла взглянуть мнѣ въ душу... Я вѣдь не могу отдѣлить мысли о тебѣ отъ мысли о моей матери. Она уже умерла давно; она была простая, старая женщина, не очень умная, не красивая, но она любила меня и я ее любилъ; съ тѣхъ поръ, какъ помню себя, я былъ окруженъ тихимъ дыханіемъ ея души. И теперь, когда я гляжу на тебя, мнѣ кажется... что-то перешло къ тебѣ отъ умершей, что то высокое, неопредѣленное, теплое. Мнѣ кажется, будь она жива, она бы, взглянувъ на тебя, сказала мнѣ: видишь, сынъ мой, вотъ жена для тебя.

Едва дыша, онъ замолчалъ и напряженно вглядывался въ ея черты, ища въ нихъ отвѣта.

Она провела по глазамъ, какъ бы просыпаясь отъ тяжелаго сна.

— Зачѣмъ ты мнѣ это говоришь? — глухо сказала она.

— Зачѣмъ? Саломея, если бы была возможность, если бы ты хотѣла...

— Что?

Онъ взглянулъ на нее удивленно, растерянно и печально.

— Развѣ ты не понимаешь, о чемъ я говорю? Я часто представлялъ себѣ, какъ это будетъ. Тихій домикъ у берега моря... Тѣнистый садъ... Чистый ручей... Тихій шелестъ деревьевъ вдали отъ шума и суеты, и среди всего только насъ двое, какъ будто всѣ другіе люди вымерли на земномъ шарѣ. Только ты и я, я и ты!

— Римлянинъ и іудейка?..

Она проговорила это беззвучно, безъ горечи, но въ голосѣ ея было что-то безконечно трогательное, смертельно печальное и страдальческое.

— Объ этомъ я тоже думалъ, — поспѣшно прибавилъ онъ. — Я много думалъ съ тѣхъ поръ, какъ сталъ понимать жизнь. Ученіе греческихъ и римскихъ философовъ, таинственныя мистеріи египтянъ проходили предъ моимъ сознаніемъ. Они меня не удовлетворяютъ, мнѣ чего то въ нихъ не достаетъ, нѣтъ въ нихъ глубины, человѣчности. Можетъ быть, я бы нашелъ это въ твоей вѣрѣ.

Въ ея чертахъ отразилось глубокое волненіе; кровь отхлынула отъ сердца и залила блѣдныя черты. Какъ онъ ее любитъ! Но тепрь слишкомъ поздно...

Она содрогнулась, отошла въ тѣнь занавѣси и закрыла глаза. Но она не сопротивлялась, когда Флавій Сабиній взялъ ее за руку. Его мягкое прикосновеніе доставляло ей странное пріятное чувство. Она еле могла удержаться отъ слезъ.

Ея тонкая рука была неподвижна и холодна какъ ледъ; пульсъ едва бился. Но странная возбужденность въ лицѣ пробуждала въ немъ нѣкоторую надежду.

— Видишь ли, — продолжалъ онъ — несчастье постигшее тебя и твою семью,

показало мнѣ всю глубину моей любви Я прежде никогда не чувствовалъ злобы. Этерній Фронтонъ — первый человѣкъ, котораго я возненавидѣлъ. При одной мысли объ опасности, угрожающей тебѣ, я весь дрожалъ. Я бросился отъ Веспасіана къ Титу, отъ Тита къ Агриппѣ— вашему царю, и отъ него наконецъ къ сестрѣ его, Вероникѣ. Повсюду тоже безотрадное равнодушіе. Одна Вероника подала мнѣ слабую надежду. Вчера, поздно вечеромъ, вернувшись съ Кармеля, она позвала меня къ себѣ, чтобы посовѣтоваться о тебѣ и о твоей семьѣ. Она хотѣла повліять на Тита, чтобы онъ отдалъ тебя и Тамару ей на поруки. Только съ этой цѣлью она и приняла участіе въ поѣздкѣ Веспасіана на Кармель. Но ей не удалось выполнить своего намѣренія. Титъ не такой человѣкъ. Онъ не исполнитъ подобной просьбы ради чужой для него женщины. Вероника все-таки обѣщала помочь, не словомъ, а дѣломъ: она развила предо мной странный, смѣлый планъ, но исполнимый именно благодаря своей смѣлости... Въ городѣ, занятомъ римскими войсками, никто не станетъ остерегаться разбоя и нападенія... Я поспѣшно сдѣлалъ всѣ приготовленія и воспользовался случаемъ, чтобы придти съ Титомъ сюда. Я надѣялся увидѣть тебя или, по крайней мѣрѣ дать тебѣ знать какимъ нибудь образомъ о томъ, что готовится.

Онъ остановился. Въ первый разъ Саломея взглянула ему прямо въ лицо своими большими, глубокими, печальными глазами. Въ нихъ дрожало отраженіе усталой души.

— А ты не подвергнешься опасно?— спросила она.

Маленькій знакъ ея участія глубоко обрадовалъ его.

— Если бы вся моя жизнь понадобилась для твоего спасенія, я охотно отдалъ бы ее за тебя,—воскликнулъ онъ и глаза его засверкали. Потомъ онъ изложилъ ей планъ Вероники.

Нужно было, чтобы все свершилось въ ту же ночь. Декуріонъ Сильвій прокрался во время пира въ домъ Фронтона. Его приняли за раба одного изъ гостей. Онъ узналъ, гдѣ содержатся Тамара и Саломея. Привратница Гликерія была въ соглашеніи съ нимъ. Флавій Сабиній подкупилъ ее огромной суммой денегъ. Рѣшено было связать ее, чтобы сдѣлать нападеніе правдоподобнымъ, и дать возможность Гликеріи притвориться невиновной. Они смогутъ уѣхать изъ Птолемаиды безъ всякихъ препятствій — самъ Флавій Сабиній префектъ ночной стражи. Одинъ изъ людей Вероники, хорошо знающій окрестности, проводитъ ихъ дальше, до горъ, а тамъ уже бѣглецы будутъ въ полной безопасности, и спокойно доберутся до Гишалы.

— Когда ты будешь далеко отъ меня, среди твоего народа,—закончилъ Сабиній взволнованнымъ голосомъ,—можетъ быть ты вспомнишь обо мнѣ, какъ о другѣ. И тогда, какъ только кончится война и снова наступитъ миръ, тогда...

Она остановила его быстрымъ движеніемъ руки.

— А мой отецъ,—спросила она взволнованно,—его тоже?..

— Невозможно освободить его изъ тюрьмы городской префектуры, — отвѣтилъ онъ упавшимъ голосомъ.—Но я клянусь тебѣ памятью моей матери: я сдѣлаю для него все, что въ моихъ силахъ. Да вѣдь и ему будетъ легче переносить свою судьбу, когда онъ будетъ спокоенъ относительно тебя и Тамары.

Титъ и Фронтонъ поднялись съ своихъ мѣстъ.

— Насъ сейчасъ разлучатъ,—сказалъ Сабиній.—Скажи скорѣе, Саломея, ты будешь готова?

Глазамъ ея представилось окровавленное тѣло Тамары, и она вспомнила, какъ глаза дѣвочки улыбались среди мукъ.

Она не допуститъ, чтобы Тамара подверглась такой же участи, какъ она сама.

Она встала и рѣшительнымъ голосомъ отвѣтила:

— Я жду тебя.

Она медленно отошла отъ него и рука ея коснулась на минуту наклоненнаго къ ней лица Флавія Сабинія.

Еще долго послѣ того ему казалось, что онъ чувствуетъ легкое прикосновеніе мягкихъ холодныхъ пальцевъ.

Глава X.

Глубокое молчаніе царило надъ старымъ городомъ филистимлянъ. Только изрѣдка у воротъ слышались шаги ночныхъ стражниковъ. Мѣсяцъ зашелъ. Звѣзды тускло сіяли сквозь туманныя ночныя облака. Въ домѣ Этернія Фронтона тоже всѣ огни были потушены уже болѣе часу. Огромное зданіе было погружено въ непроницаемую тьму. Привратникъ лежалъ въ нишѣ, скрывавшей входную дверь, и спалъ глубокимъ сномъ. Копье выскользнуло изъ его рукъ и скатилось на землю. Вино, которымъ угостилъ его декуріонъ Сильвій, какъ бы по порученію Фронтона, было очень хмельное.

Съ востока, изъ-за галилейскихъ горъ надвигался блѣдный свѣтъ. Прохладный предъутренній вѣтеръ вѣялъ надъ успокоенной землей, возвѣщая приближеніе дня.

Темныя мужскія фигуры пробирались вдоль домовъ площади осторожно, избѣгая всякаго шума.

Вдругъ раздался сдавленный шипящій звукъ.

Рядомъ съ привратникомъ показался гигантскаго роста человѣкъ. Онъ поглядѣлъ въ лицо спящаго, потомъ быстро наклонился. Привратникъ захрипѣлъ подъ сильными руками, сдавившими ему горло...

Тамара шептала несвязныя слова; въ нихъ слышался сначала смертельный ужасъ, потомъ ликующее счастье.

Флавій Сабиній!

Саломея внимала бреду ребенка, но не слышала ея словъ. Даже любимое имя безслѣдно скользило мимо нея, легче, чѣмъ дуновеніе вѣтра.

Шумъ у входной двери привелъ ее въ себя. Въ комнату вошло двое людей; одинъ изъ нихъ приблизился къ ней, другой остановился у входа. Черезъ открытую дверь Саломея увидѣла Гликерію, связанную и лежащую на полу.

Одинъ изъ вошедшихъ приподнялъ маску и она узнала его.

Флавій Сабиній!

Саломея наклонила голову, не произнося ни звука. Ей казалось, что все это сонъ.

Какъ во снѣ, она подняла ребенка съ постели и закутала въ одѣяло, которое Гликерія какъ бы нечаянно оставила рядомъ съ кувшиномъ воды.

Потомъ Саломея отошла къ оконной рѣшеткѣ.

— Иди!—сказала она беззвучно.

Флавій Сабиній вздрогнулъ. Лицо его поблѣднѣло подъ маской.

— А ты, Саломея?—проговорилъ онъ.

Она покачала головой.

— Я остаюсь.

— Ты... ты хочешь, — крикнулъ онъ,—остаться во власти этого звѣря, у этого?..

Она подняла руку, останавливая его.

— Зачѣмъ бѣжать?—отвѣтила она, и раздирающая душу улыбка показалась на ея губахъ.—Развѣ можно бѣжать отъ самой себя?

Кровь бросилась ему въ голову.

— Но тогда... Я не понимаю,—бормоталъ онъ, задыхаясь.—Прежде я думалъ, я надѣялся, а теперь... ты не любишь меня, Саломея! ты играешь со мной жестокую игру!

Она прислонилась къ стѣнѣ и прижала дрожащія руки къ задыхающейся груди. Ей казалось, что у ней разрывается сердце отъ безконечной боли.

— Я тебя люблю,—простонала она,—я тебя люблю!

— И все-таки... Саломея!

Она опустила голову, чтобы не видѣть на его лицѣ мукъ сомнѣнія.

— И все-таки,—продолжала она беззвучно,—именно потому, что я тебя люблю...

Онъ съ ужасомъ взглянулъ на нее. Онъ ее не понималъ, и она это видѣла по его растерянному виду. Сказать ему про то? И все-таки онъ долженъ узнать, но не такъ, не теперь.

Она поднялась и бросилась къ постели Тамары. Сорвавъ покрывало и легкую сорочку съ тѣла ребенка, она указала на вздутыя кровавыя полосы, покрывавшія ея нѣжную спину.

— Я не могла этого вынести,—бормотала она,—не могла глядѣть на муки невиннаго ребенка и тогда...

Съ тихимъ беззвучнымъ рыданіемъ она упала на край постели.

Флавій Сабиній все понялъ.

Крикъ бѣшенства и безконечной жалости вырвался изъ его груди.

Онъ опустился на колѣни рядомъ съ Саломеей, обнялъ ея дрожащій станъ и положилъ ей голову на колѣни.

Наступило долгое молчаніе. Только съ устъ Тамары раздавался отъ времени до времени блаженный шепотъ:

— Флавій Сабиній!

Страданія Сабинія вызвали у Саломеи первыя слезы облегченія.

Послышался шумъ шаговъ. Человѣкъ у двери вздрогнулъ.

— Скорѣе, господинъ. Идутъ.

Саломея вскочила.

— Иди,—торопила она его,—иди!

— Я не пойду безъ тебя,—крикнулъ онъ и схватилъ ее за руку, чтобы потащить за собой.

Она вырвалась.

— Я остаюсь, повторила она твердо.—Моя судьба связана съ судьбой Фронтона, неразрывно и вѣчно. Развѣ ты этого не понимаешь? Но,—прибавила она, задыхаясь,—если ты меня любишь, спаси эту дѣвочку, чтобы она здѣсь не погибла. Спаси ее, молю тебя. Ради меня!

Она заставила его взять на руки лежащую безъ чувствъ Тамару и потащила его за собой къ двери.

Раздался громкій крикъ, потомъ глухіе звуки борьбы и наконецъ призывъ о помощи. Саломея поблѣднѣла.

— Это Фронтонъ, пробормотала она.— Слишкомъ поздно!

— Не слишкомъ поздно,—крикнулъ Флавій Сабиній съ дикой, ему самому непонятной радостью и передалъ ребенка своему спутнику.

— Впередъ, Сильвій! крикнулъ онъ. Я иду за тобой!

Декуріонъ выбѣжалъ съ Тамарой на рукахъ.

Нѣсколько секундъ Сабиній и Саломея молча стояли другъ противъ друга. Потомъ на губахъ префекта показалась мягкая, печальная и все-таки радостная улыбка, голосъ его дрожалъ и былъ странно глубокъ и мягокъ.

— О Саломея, возлюбленная,—шепталъ онъ,—прости, что я печалю тебя! но я уйду только съ тобой.

Съ непобѣдимой силой онъ взялъ ее на руки и унесъ съ собой.

Саломея недвижимо лежала на груди его. Она не слышала ничего, что происходило, ничего, кромѣ біенія его сердца и чувствовала невыразимое блаженство. Она обняла руками шею Сабинія и притянула къ себѣ его лицо. Долгій нескончаемый поцѣлуй соединилъ ихъ уста.

Послышался крикъ рабовъ Фронтона, поспѣшившихъ на зовъ господина; они загородили дорогу бѣглецамъ.

— Взять его!—кричалъ Этерній Фронтонъ, обезумѣвъ отъ бѣшенства.—Положить его на землю, но не убивать разбойника. Онъ мнѣ нуженъ живой. Я сожгу его на медленномъ огнѣ на глазахъ его возлюбленной.

Флавій Сабиній опустилъ Саломею на землю.

— Держись позади меня,—шепнулъ онъ ей, обнажая мечъ.

Началась страшная борьба одного противъ десяти, и все-таки побѣда, казалось, была на сторонѣ одного. Трусливыя толпы рабовъ отступали передъ ударами префекта. Вдругъ Фронтонъ схватилъ въ бѣшенствѣ мечъ одного изъ рабовъ и бросился на Флавія Сабинія, цѣлясь ранить его въ лицо; но Сабиній ловко уклонился отъ удара и остріе меча коснулось только его маски. Она упала.

Этерній Фронтонъ насмѣшливо расхохотался.

— Флавій Сабиній!—крикнулъ онъ. —Тебѣ, видно, захотѣлось познакомиться съ палачемъ, что ты убиваешь и грабишь, какъ гладіаторъ? Что, если я донесу объ этомъ цезарю? Бѣдный Сабиній! Неронъ давно ненавидитъ Флавіевъ и охотно начнетъ съ тебя...

Онъ не успѣлъ докончить. Мечъ префекта проникъ ему въ грудь; струя крови покрыла руку, державшую рукоять меча. Съ глухимъ шумомъ тѣло вольноотпущенника упало на землю.

Флавій Сабиній стоялъ нѣсколько секундъ въ оцѣпенѣніи. Потомъ, очнувшись, онъ провелъ рукой по глазамъ и,

увлекая за собой Саломею, выбѣжалъ изъ дому мимо отступавшихъ въ ужасѣ рабовъ.

Сильвій ждалъ ихъ внизу. Тамара лежала, вся дрожа, у него на рукахъ и бормотала дикія слова.

Флавій Сабиній торопливо разсказалъ о случившемся.

Саломея молча шла рядомъ со своими провожатыми, спѣшившими къ галилейскимъ воротамъ.

Декуріонъ поблѣднѣлъ, услышавъ разсказъ Флавія.

— Какое несчастіе! — встревоженно сказалъ онъ. — Этерній Фронтонъ былъ однимъ изъ любимцевъ цезаря, и ты знаешь, какъ жестоко Неронъ мститъ за своихъ любимцевъ. Строже, чѣмъ за преступленія противъ себя. Даже Веспасіанъ не можетъ тебя защитить. Онъ самъ въ немилости у Нерона. Онъ ему поручилъ начальство надъ войскомъ только потому, что никто другой не смогъ бы побѣдить іудеевъ. Неронъ не упуститъ случая унизить Веспасіана въ твоемъ лицѣ. Я вижу только одинъ исходъ, господинъ. Ты долженъ бѣжать, тотчасъ же бѣжать. Веспасіанъ не задумается ни на одну минуту арестовать тебя, какъ только узнаетъ о случившемся.

— Бѣжать, — пробормоталъ Флавій Сабиній въ мрачномъ раздумьѣ, — но куда?

— Къ Мукіану, намѣстнику Сиріи, — посовѣтовалъ Сильвій. — Онъ другъ твоего отца и сумѣетъ укрыть тебя, пока не забудется это несчастное происшествіе.

Взоръ префекта просвѣтлѣлъ.

— Да, къ Мукіану, — повторилъ онъ. — Туда нужно теперь пробраться черезъ Галилею, потому что береговой путь осажденъ войсками Веспасіана. По тому же пути должны слѣдовать Тамара и Саломея въ Гишалу.

Сильвій улыбнулся, не смотря на опасность положенія.

Они пришли къ Галилейскимъ воротамъ. На сторожевомъ посту стоялъ знакомый декуріону солдатъ. Они безпрепятственно прошли черезъ ворота и очутились на большой дорогѣ. Тамъ, изъ одного полуразрушеннаго домика вышелъ имъ на встрѣчу человѣкъ.

— Вероника? шепнулъ ему Сильвій, проходя мимо.

Человѣкъ остановился.

— Гишала! отвѣтилъ онъ.

Это былъ проводникъ, присланный царицей.

Во дворѣ домика стояли осѣдланныя лошади. Проводникъ сѣлъ на одну изъ нихъ, декуріонъ собирался передать ему Тамару, но вдругъ остановился. Раздался безумный крикъ Флавія Сабинія.

— Саломея!

Она только что была около него и вдругъ...

Никакого отвѣта. Съ трудомъ декуріону удалось убѣдить префекта не возвращаться въ Птолемаиду. Только услышавъ шумъ приближающихся копытъ, Флавій Сабиній пришелъ въ себя; онъ далъ себя усадить на лошадь и, погруженный въ свои мысли, не замѣтилъ, что ѣдетъ слѣдомъ за Тамарой и проводникомъ по направленію къ Галилейскимъ воротамъ.

Рана Регуэля начала заживать. Въ первый разъ Андромахъ, врачъ царицы, позволилъ раненому оставить тайный покой. Царица позаботилась о томъ, чтобы паркъ, окружавшій внутреннюю часть дворца, былъ окруженъ широколиственными растеніями и рѣшетками, обвитыми зеленью, такъ чтобы ни чей взоръ не могъ проникнуть туда.

Кромѣ, того вѣрный Стефанъ долженъ былъ стоять на стражѣ въ узкой аллеѣ, которая вела къ скрытому уголку.

Опираясь на руку Андромаха, Регуэль вышелъ изъ своей комнаты и, пройдя потайными ходами очутился на воздухѣ. Уставъ отъ непривычнаго движенія, онъ опустился на скамейку изъ дерна и послѣ ухода врача, прислонилъ голову къ стволу дерева.

Наступилъ полдень. Темная зелень кипарисовъ беззвучно терялась въ глубокой синевѣ небесъ. Листья, вѣтви, цвѣты проникнуты были солнечнымъ свѣтомъ. Птицы молчали въ кустахъ, раздавалась только сонная пѣснь цикадъ.

Передъ Регуэлемъ сверкалъ на солнцѣ маленькій прудъ; на его недвижимой поверхности отражалась статуя Венеры. Бѣлое тѣло богини ярко свѣтились на темномъ фонѣ кустовъ. А подъ блеста-

щимъ зеркаломъ воды мелькали золотисто-багровыя пятна, когда маленькія рыбки въ бассейнѣ скользили подъ лучомъ солнца.

Сладостное томное чувство овладѣло Регуэлемъ—отрадное, бездумное чувство выздоровленія. Онъ закрылъ глаза и только отъ времени до времени лѣниво приподнималъ вѣки, вглядываясь въ мирную картину.

Тамъ... въ яркихъ переливахъ воды движется стройное тѣло богини; снѣжная бѣлизна ея свѣтится сквозь складки одежды, нѣжная рука поднимается и манитъ... окруженная сіяніемъ голова нагибается къ нему... Глаза улыбаются, губы шепчутъ нѣжныя, манящія слова... Она несется на солнечномъ лучѣ... все ближе и ближе, она вышла изъ влажнаго зеркала... Платье ея шуршитъ, когда она склоняется къ нему.

— Дебора!

Онъ не вскочилъ, когда дыханіе волосъ окружило его нѣжнымъ свѣтомъ и ароматомъ.

Онъ потянулся за золотистой струей волосъ, погрузилъ въ нее руки и на лицѣ его засіяла улыбка блаженства. Онъ забылъ весь міръ.

— Дебора!—повторилъ онъ.

— Еще счастье,—сказала она съ задорнымъ смѣхомъ,—что волосы эти держатся твердо у меня на головѣ. Подъ твоими пальцами всякій обманъ открылся бы. Но скажи мнѣ, Регуэль,—прибавила она, садясь около него,—о чемъ ты думаешь?

Онъ улыбнулся, какъ во снѣ.

— О тебѣ,—шепнулъ онъ.

– Это правда? Ты въ самомъ дѣлѣ страдалъ бы, если бы меня не стало.

Онъ съ ужасомъ взглянулъ на нее.

— Если бы тебя не стало?—вскрикнулъ онъ.—Я бы этого не вынесъ, Дебора.

Она пристально взглянула ему въ глаза.

Вотъ человѣкъ, который ее любитъ. Онъ не знаетъ, что она царица, не знаетъ про ея богатство и любитъ ее безконечной, пламенной любовью.

Отъ этой мысли сердце ея переполнилось страстнымъ чувствомъ блаженства и вмѣстѣ съ тѣмъ никогда неиспытанной печалью: ей хотѣлось плакать отъ радости и ликовать отъ скорби. Безъ словъ она наклонилась къ отдыхающему юношѣ и стала гладить его свѣсившуюся тонкую руку. И вдругъ...

Она спустилась со скамейки на землю, опустила низко голову и положила его руку себѣ на шею, какъ рабъ, преклоняющійся предъ своимъ властелиномъ. Прерывающимся голосомъ она говорила какъ бы про себя:

— Я тебя такъ люблю, такъ люблю!

Они даже не поцѣловали другъ друга.

Имъ достаточно было, что руки ихъ касались и сердца били согласно. Долго сидѣли они безъ словъ, безъ движенія. Солнце разбивалось тысячью сіяющихъ лучей въ неподвижномъ зеркалѣ водъ. Статуя богини бѣлѣла издали, вѣтви деревьевъ склонялись надъ ними, замолкла даже пѣснь цикадъ. Время отъ времени они обмѣнивались нѣжными словами.

— Скажи, милый, кого ты любишь больше меня?

— Больше тебя?—задумчиво говорилъ онъ.—Никого и ничего.

— А родину?

Онъ вздрогнулъ и омрачился.

— Родину! — ужаснулся онъ. — Да вѣдь я забылъ ее... Ей нужны теперь всѣ ея сыны среди великихъ опасностей, а я... я.

— Ты тоже исполнишь свой долгъ,—поспѣшно прервала его Вероника. Голосъ ея дрожалъ отъ страха.—Но вѣдь ты еще не окрѣпъ, прибавила она, успокаивая его и какъ бы оправдывая. Тебѣ еще нужно беречься!

Онъ слабо улыбнулся, радуясь въ глубинѣ души тому, что она такъ боится потерять его.

— Ты, кажется, говоришь, какъ женщина, Дебора, а не какъ іудейка.

— Какъ женщина и какъ іудейка,—отвѣтила она съ особеннымъ удареніемъ.—Родина нуждается въ сильныхъ защитникахъ. Можетъ ли быть болѣе возвышенное, скорбное, но блаженное счастье для женщины, чѣмъ беречь жизнь своего возлюбленнаго для того, чтобы онъ умеръ, защищая родину?

Дебора взглянетъ на Регуэля гордымъ сіяющимъ лицомъ, когда онъ уйдетъ отъ нея для борьбы и смерти.

Онъ глядѣлъ на нее съ восхищеніемъ.

— Какъ ты велика, Дебора!

Она наклонилась къ нему.

— Но теперь еще не настало время,— проговорила она съ мольбой, и опять въ глазахъ ея появилось тревожное испытующее выраженіе.—И все-таки не безъ цѣли я спросила тебя: можешь ли ты жить безъ меня?

— Ты хочешь покинуть меня,—прервалъ онъ ее.

— Не я тебя, а, быть можетъ, ты меня, если ты не исполнишь моей просьбы.

— Твоей просьбы?

Она остановилась на минуту, потомъ продолжала шепотомъ:

— Кажется, начинаютъ подозрѣвать о твоемъ пребываніи. За нами слѣдятъ, и не одни только римляне. И мнѣ самой не безопасно оставаться въ Птолемаидѣ съ тѣхъ поръ, какъ Агриппа сталъ на сторону римлянъ. Онъ отдалъ насъ этимъ на произволъ враговъ.

Она остановилась, чтобы судить о впечатлѣніи ея словъ на Регуэля.

— Агриппа! — проговорилъ онъ съ невыразимымъ презрѣніемъ. — Неужели онъ вступилъ въ союзъ съ разбойниками, сталъ врагомъ бога и отчизны? Значитъ, отецъ мой былъ правъ. Онъ никогда не довѣрялъ царю, считалъ его игрушкой въ рукахъ Рима и его сестры.

Вероника вздрогнула и отвернула лицо, чтобы онъ не замѣтилъ, какъ она поблѣднѣла.

— Его сестры, съ трудомъ проговорила она,—Вероники?

Онъ кивнулъ головой, глаза его засверкали гнѣвомъ...

— Да, Вероники. Это самая презрѣнная женщина изъ дома Ирода. Она ненавистна всѣмъ сынамъ Израиля.

— Такъ говоритъ твой отецъ,—беззвучно проговорила она,—но ты самъ, знаешь ли ты ее?

Затаивъ дыханіе, она ждала его отвѣта.

— Я никогда ея не видалъ,—отвѣтилъ онъ,—и не хочу видѣть. Говорятъ, она прекрасна, какъ духъ зла, и умѣетъ покорять сердца людей своей пагубной красотой.

— Какъ ты ее ненавидишь!

— Ненавижу?—со смѣхомъ сказалъ онъ.—Нѣтъ, я ее презираю.

Она вздрогнула отъ его словъ, какъ отъ удара въ лицо.

Кровь отхлынула отъ сердца. Она сидѣла и не могла двинуться.

Сердце сжималось у нея отъ смертельной муки.

Потомъ она пришла въ себя и гордо откинула голову; брови ея сжались. Чувство гордости боролось съ любовью.

Что, если она ему броситъ въ лицо: Вотъ Вероника, та, которую ты презираешь; вѣдь ты любишь ее!..

Но если начнется борьба, побѣдитъ ли въ немъ любовь?

Теперь только она чувствовала, какъ близокъ и дорогъ ей Регуэль. Она боится утратить его. Ей хочется испытать до конца счастье первой въ ея жизни чистой любви. И все-таки она съ мучительнымъ злорадствомъ растравляла раны, которыя наносилъ онъ ей своимъ презрѣніемъ.

Она положила голову на грудь Регуэля, чтобы онъ не могъ прочесть правду на ея лицѣ, и прошептала дрожащими губами:

— Скажи, что сдѣлала тебѣ Вероника? почему ты ее такъ презираешь?

Онъ отвѣтилъ съ выраженіемъ брезгливости.

— Какъ, ты не слышала про ея позорныя дѣла? Я не могу передать всего тебѣ. Про ея первый бракъ съ Иродомъ изъ Колхиды извѣстны ужасающія вещи. Она имѣетъ пагубное вліяніе на Агриппу и пользуется его слабостью для своего честолюбія. Отъ своего второго мужа, Полемона Понтійскаго, она убѣжала. Это низкая женщина. А тѣмъ, что она слѣдуетъ внѣшнимъ правиламъ нашей вѣры, она еще болѣе вредитъ намъ въ глазахъ язычниковъ. Вѣдь они могутъ подумать, что наши законы потворствуютъ ея безпутной жизни.

Она не защищалась противъ его обвиненій, которыя терзали ея сердце. Дрожь пробѣгала по всему ея тѣлу.

— Ты, можетъ быть, правъ,—глухо отвѣтила она.—Можетъ быть, Вероника въ самомъ дѣлѣ такая, какъ ты говоришь. Но,—прервала она себя, вставая, и проводя рукой по глазамъ,—что намъ до этого за дѣло, что намъ Вероника? Будемъ жить пока можно только для себя, для себя однихъ...

Она съ трудомъ удерживалась, чтобы не зарыдать. Быстрымъ движеніемъ она схватила со скамейки плетеную коробочку, которую принесла съ собой. Тамъ лежали мелко-нарѣзанные кусочки хлѣба.

— Да вѣдь я чуть не забыла,—сказала она,—накормить моихъ рыбокъ. Ты будешь виноватъ, злое дитя, если онѣ погибнутъ.

Какъ она вся измѣнилась!

Она громко и весело разсмѣялась и побѣжала легкими дѣтскими шагами къ пруду, таща за собой Регуэля. Ея золотые волосы горѣли въ солнечномъ свѣтѣ, а глаза манили своимъ томнымъ блескомъ. Онъ не могъ налюбоваться на нее. Она стояла воздушно-легкая на краю бассейна и бросала крошки хлѣба золотымъ рыбкамъ, манила ихъ и бранила, весело напѣвая.

— Помоги мнѣ, милый,—сказала она и протянула ему корзиночку. Но когда онъ потянулся за хлѣбомъ, она быстро отдернула корзинку, такъ что рука его очутилась на воздухѣ. Она продолжала дразнить его до тѣхъ поръ, пока лицо его просвѣтлѣло. Увлеченный ея дѣтской прелестью, Регуэль вторилъ ея веселому смѣху и вмѣсто того, чтобы тянуться за корзинкой. погнался за ней самой и старался притянуть ее къ себѣ.

Она положила голову на его плечо и не двигалась нѣсколько времени. Когда онъ поднялъ ея голову, чтобы поцѣловать ее въ губы, онъ увидѣлъ, что глаза ея полны слезъ.

Онъ испуганно хотѣлъ спросить о причинѣ слезъ, но она остановила его, улыбнувшись скорбной, ласковой улыбкой сквозь слезы.

Когда Регуэль наклонился, чтобы поцѣловать ее, лицо ея вдругъ приняло лукавое выраженіе. Она быстро схватила между губъ маленькій кусочекъ хлѣба, откинула голову и проговорила:

— Возьми, вотъ твой хлѣбъ насущный!

Что-то зашевелилось въ кустахъ за статуей Венеры, но они не обратили вниманія.

Они не замѣтили эѳіопа Стефана. Онъ стоялъ за кипарисовымъ деревомъ, охвативъ дрожащими руками стволъ; глаза его дико сверкали, онъ жадно глядѣлъ сквозь листву на влюбленныхъ и въ глазахъ его свѣтилась ненависть и любовь.

Что, если онъ кинется впередъ и однимъ ударомъ мощнаго кулака повалитъ на землю ненавистнаго чужеземца?

Вероника никогда ему этого не проститъ. Боязнь утратить ее удерживала теперь безумца. Онъ скрежеталъ зубами въ безсильномъ гнѣвѣ, и холодный потъ выступалъ на его лбу.

Наступитъ ли когда-нибудь день, когда эта женщина будетъ покоиться въ его объятіяхъ, какъ теперь въ объятіяхъ безбородаго юноши? Что день этотъ наступитъ, Стефанъ твердо вѣрилъ. Безъ этой надежды онъ бы навѣрное давно уступилъ своей бѣшеной страсти и уничтожилъ цвѣтущее тѣло Вероники.

Нужно ждать!

Онъ удерживалъ свой гнѣвъ и потемнѣвшими глазами слѣдилъ за своей госпожей и Регуэлемъ. Они вернулись къ скамейкѣ и, усѣвшись тамъ, отдались счастливымъ мечтамъ о будущемъ. Стефанъ совсѣмъ забылъ, что Таумастъ нетерпѣливо ждетъ возвращенія царицы у входа въ аллею.

Какъ краснорѣчиво Вероника убѣждаетъ своего возлюбленнаго.

— Каждый лишній день здѣсь, среди враговъ, увеличиваетъ опасность. Если ты попадешь въ руки римлянъ, ты погибъ. Самъ Агриппа не смогъ бы, если бы и захотѣлъ, спасти сына Іоанна изъ Гишалы отъ плѣна или отъ еще худшаго.

— Если бы захотѣлъ,—съ горькимъ смѣхомъ проговорилъ Регуэль.—Но вѣдь онъ не захочетъ.

Она не обратила вниманія на слова Регуэля. Ей было все равно. Что ей до Агриппы и до благополучія дома Ирода! Лишь бы скорѣе уѣхать отсюда, гдѣ съ каждымъ днемъ опасность все ближе надвигалась. Она уже не могла спра-

виться съ обстоятельствами, они грозили увлечь ее за собой.

Но она уѣдетъ только вмѣстѣ съ Регуэлемъ. Безъ него жизнь казалась ей пустой, не имѣющей цѣны.

— Мы послѣдніе іудеи здѣсь въ Птолемаидѣ, продолжала она убѣждать его. И я боюсь, что наша тайна откроется. Вотъ почему я часто грустна. Только благодаря вліянію Андромаха за мной не такъ слѣдятъ. Андромахъ вѣдь однажды вылѣчилъ Веспасіана отъ тяжелой болѣзни.

Регуэль ее не слушалъ. Съ первыхъ ея словъ онъ смертельно поблѣднѣлъ и глубоко задумался. Она замѣтила безучастное выраженіе его лица.

— Что съ тобой? спросила она тревожно.

Онъ взглянулъ на нее смертельно блѣдный.

— Ты говоришь, что мы послѣдніе іудеи въ Птолемаидѣ? а Тамара—сестра моя, а Іаковъ бенъ Леви, мой дядя, и Саломея, его дочь? Великій Боже, что если они погибли? Тамара любимое дитя моего отца, единственный лучъ свѣта среди его тяжелыхъ заботъ о родинѣ. Я вѣдь пріѣхалъ сюда спасти ихъ, а между тѣмъ... Онъ закрылъ себѣ лицо руками, въ порывѣ горя. Я никогда не смогу больше взглянуть въ глаза отцу.

Онъ опустилъ глаза въ глубокомъ отчаяніи. Вероника пристально слѣдила за нимъ, потомъ она рѣшительно выпрямилась, и чтобы скрыть легкую краску на лицѣ, прижала голову юноши къ груди. Глядя ему прямо въ довѣрчивые глаза, она не смогла бы лгать.

— Успокойся, милый,—шептала она ему нѣжно.—Изъ письма, которое было при тебѣ, я узнала, зачѣмъ ты пріѣхалъ въ Птолемаиду. Мнѣ легко было поэтому предотвратить несчастье, тѣмъ болѣе, что путь въ Галилею еще не былъ занятъ римскими войсками.

Все его тѣло дрожало въ ея объятіяхъ.

Съ радостнымъ возгласомъ онъ поднялъ голову и взглянулъ на нее...

— Какъ, Дебора, ты...

Она опять отвернула голову, чтобы избѣгнуть его прямого взгляда.

— Проводникъ, съ которымъ я сюда пришла,—отвѣтила она,—долженъ былъ вернуться на родину и ему поручены твои родственники. Тамара, Іаковъ бенъ Леви и его дочь, вѣроятно, давно въ Гишалѣ. Нѣтъ, не благодари меня,—глухо проговорила она, когда онъ бросился къ ея ногамъ и въ безмолвномъ восторгѣ цѣловалъ ея руки и платье.—Подумай лучше о нашемъ спасеніи! вѣдь я надѣюсь,—сказала она, дѣлая слабую попытку шутить,—что ты не отпустишь меня одну и безъ защиты.

Регуэль думалъ о томъ, что она сдѣлала для него и для его семьи, думалъ о своей любви къ ней и рѣшилъ, что онъ никогда, никогда не оставитъ ее.

Обезумѣвъ отъ счастья, онъ прижималъ къ сердцу плѣнившую его женщину. Имъ овладѣло гордое, опьяняющее сознаніе своэй силы. Свѣтлымъ торжественнымъ голосомъ онъ произнесъ свою клятву.

— Чрезъ утесы и льды, чрезъ пламя и терны—съ тобой, Дебора, куда ты захочешь.

Онъ не подозрѣвалъ, что вся его сила уже погибла, не успѣвъ расцвѣсть.

. . . .

Песокъ заскрипѣлъ и приближающіеся шаги испугали Веронику и Регуэля. Показался Стефанъ, давая знать царицѣ условнымъ знакомъ, что ее требуютъ во дворцѣ.

Глаза эѳіопа оглянули Регуэля и съ мрачнымъ блескомъ остановились на Вероникѣ. Стефанъ съумѣетъ ждать.

Вероника встала.

— Готовься въ путь,—прошептала она Регуэлю.—Мы должны покинуть Птолемаиду еще сегодня вечеромъ.

Она сдѣлала знакъ Стефану провести юношу незамѣтно въ тайный покой дворца. Стефанъ рабски наклонилъ голову въ знакъ послушанія, но губы его дрожали. Передъ дверью покоя, гдѣ ожидали царицу, она остановилась на минуту, что-то соображая. Потомъ вдругъ она тихо засмѣялась про себя.

— Одинъ еще разъ повидаюсь съ Титомъ и тогда...

Глава XI.

Когда Вероника вошла въ комнату, гдѣ находились Титъ и ея братъ, она казалась совершенно иной. Небрежнымъ, холоднымъ кивкомъ головы она привѣтствовала молодого легата и медленно опустилась на кресло.

— Я пришелъ за твоей благодарностью,—сказалъ Титъ, поднимаясь ей на встрѣчу. Она съ притворнымъ удивленіемъ взглянула на него.

— Благодарностью?—повторила она,—за что?

Агриппа опустился на одно изъ мягкихъ сидѣній.

— Развѣ ты забыла,—сказалъ онъ, нѣсколько задѣтый ея невниманіемъ,—что сегодня утромъ Веспасіанъ выслушивалъ обвиненія моихъ враговъ?

— А, отвѣтила она съ прежней холодностью. —Ты говоришь объ исторіи Юста бенъ Пистоса — твоего тайнаго секретаря, и о нелѣпомъ возстаніи въ Тиверіадѣ... Ну и что же?

— Титъ спасъ меня,—отвѣтилъ царь радостнымъ голосомъ,—нашъ великій Титъ! Онъ доказалъ Веспасіану, какъ важно для него быть въ союзѣ съ нами во время войны; онъ его убѣдилъ не обращать вниманія на бредни нѣсколькихъ безумцевъ. Меня оправдали.

— А Юста бенъ Пистоса?

— Веспасіанъ рѣшилъ, что онъ одинъ во всемъ виноватъ, и передалъ его въ руки правосудія.

Насмѣшка показалась на губахъ Вероники. Она слегка поклонилась въ сторону молодого легата.

— Прими нашу благодарность, Титъ, —сказала она небрежно и снова обратилась къ Агриппѣ.—На чемъ основывалъ Веспасіанъ свой приговоръ? Мнѣ хотѣлось бы ознакомиться съ римскими законами правосудія.

Царь откинулся на подушки и засмѣялся. Титъ закусилъ губы и въ глазахъ его мелькнуло выраженіе гнѣва. Но онъ одумался и тоже засмѣялся.

Вероника взглянула на обоихъ съ притворнымъ изумленіемъ.

— Но... я не понимаю... сказала она вопросительно.

— Это было очень смѣшно,—благодушно сказалъ Агриппа.—Жители Декаполиса слишкомъ неловко дѣйствовали. Они хотѣли подкупить Веспасіана. Въ обвинительной рѣчи они намекнули на то, что воздвигнутъ ему, справедливѣйшему изъ судей, колоссальную статую на счетъ города.

— А Веспасіанъ?

— Онъ протянулъ оратору руку и предложилъ ему тотчасъ же воздвигнуть эту статую, такъ какъ фундаментъ, какъ онъ видитъ, уже готовъ.

Вероника не улыбнулась.

— Эта неумѣлость твоихъ обвинителей была, быть можетъ, твоимъ счастьемъ, Агриппа,—сказала она и прибавила серьезнѣе:—Веспасіанъ вѣдь неподкупенъ.

Она медленно поднялась и подошла къ окну, изъ котораго видѣнъ былъ большой свѣтлый дворъ.

Нѣсколько сильныхъ людей навьючивали огромные тяжелые мѣшки на муловъ. Въ эту минуту какъ разъ одинъ изъ мѣшковъ выскользнулъ изъ дрожащихъ рукъ раба и упалъ на мраморныя плиты, разсыпая свое содержимое. Потокъ блестящихъ золотыхъ монетъ, звеня, разсыпался по мрамору.

— Что это значитъ, Агриппа? — спросила царица у брата, который вслѣдъ за ней подошелъ къ окну вмѣстѣ съ Титомъ.

— Знакъ моего преклоненія предъ Веспасіаномъ,—шутя отвѣтилъ царь. Короткое молчаніе послѣдовало за его словами, потомъ всѣ трое переглянулись и разсмѣялись, Титъ тоже засмѣялся.

— Я хотѣлъ,—продолжалъ Агриппа болѣе серьезно,—доказать отцу Тита, какъ несправедливы обвиненія моихъ враговъ. Если бы я былъ въ самомъ дѣлѣ врагомъ Рима, какимъ меня выставляютъ, неужели бы я предложилъ деньги моему противнику, содѣйствуя такимъ образомъ войнѣ противъ меня и моего народа.

— Царственное доказательство!—сказалъ Титъ.—Ты, вѣрно, очень богатъ, Агриппа.

— Богатъ?—отвѣтилъ онъ шутливо и покачалъ головой.—Да у меня едва хватаетъ на самое необходимое. Во всемъ остальномъ я завишу отъ Вероники, ко-

торая имѣетъ маленькую слабость къ своему негодному брату. Ты удивленъ? прибавилъ онъ, придавая своимъ словамъ какой-то скрытый смыслъ.—Вѣдь въ рукахъ Вероники сосредоточены всѣ сокровища нашей семьи. Тотъ, кому достанется ея рука — будетъ счастливъ. Ему будетъ принадлежать власть надъ всей Азіей.

Молодой легатъ взглянулъ на него съ изумленіемъ.

— Берегись, Агриппа,—медленно произнесъ онъ.— Если только это дойдетъ до слуха Нерона, то всѣ богатства дома Ирода не спасутъ тебя отъ вѣрной гибели. Развѣ ты не знаешь, что и отца твоего подозрѣвали въ этомъ намѣреніи? Да и тебя изъ за этого не выпускали изъ Рима.

Агриппа принужденно засмѣялся.

— Я былъ заложникомъ, знаю,—сказалъ онъ, съ трудомъ сдерживая гнѣвъ, который каждый разъ овладѣвалъ имъ при этомъ воспоминаніи.—Но меня Нерону нечего опасаться. Римъ можетъ быть побѣжденъ только Римомъ.

Титъ отвелъ взоръ отъ царя, который пристально глядѣлъ на него.

— Я тебя не понимаю,—пробормоталъ онъ.

— А между тѣмъ это такъ ясно, отвѣтилъ Агриппа въ прежнемъ шутливомъ тонѣ.—Вѣдь одинъ разъ Риму уже угрожала опасность быть поглощеннымъ Римомъ. Вспомни Марка Антонія! Если бы онъ не растратилъ сокровищъ Клеопатры въ безумныхъ оргіяхъ, а употребилъ ихъ на то, чтобы снарядить сильное войско, то мечта великой египетской царицы осуществилась бы и возродилось бы второе азіатское царство, подобное царству Александра Македонскаго. Конечно, я не отрицаю, что мечта отца моего соблазняла и меня. Я былъ молодъ и не зналъ, что всемірное владычество Рима основано на его сильномъ, опытномъ, всегда готовомъ къ дѣйствію войскѣ. Но я вскорѣ это понялъ. Мы, азіаты, слишкомъ изнѣжились среди роскоши и бездѣлья. Мы не можемъ вдохнуть въ нашихъ подданныхъ желѣзнаго воинственнаго духа. Это можетъ сдѣлать только человѣкъ, владѣющій римской твердостью, только римлянинъ. Но, зато, если бы таковой оказался, подумай, въ какомъ онъ теперь выгодномъ положеніи! Государство гибнетъ, истощенное жадностью безсердечныхъ распутниковъ; сенатъ, старый, строгій катоновскій сенатъ сталъ сборищемъ продажныхъ, трусливыхъ и слабыхъ рабовъ. Войско разбросано по далекимъ окраинамъ, занято безконечными войнами съ дикими народами, которые простираютъ грубыя руки за сверкающими сокровищами культурной жизни. Наконецъ, самъ цезарь, Неронъ! ты вѣдь его хорошо знаешь, даже лучше, чѣмъ я.

Онъ на минуту остановился, чтобы посмотрѣть, какое впечатлѣніе его слова производятъ на молодаго легата.

Титъ не глядѣлъ на царя и казался безучастнымъ, но Агриппа отлично видѣлъ, что пальцы его, игравшіе вѣеромъ Вероники, слегка дрожали, и горячій румянецъ медленно покрывалъ благородныя черты его лица. Агриппа засмѣялся какъ бы для того, чтобы придать своимъ словамъ шутливый характеръ.

— Я знаю только одного, закончилъ онъ, кто могъ бы разрушить великій Римъ. И это даже не Веспасіанъ,—поспѣшно прибавилъ онъ, увидѣвъ, что легатъ вспыхнулъ при его словахъ. Вѣдь, говоря откровенно, Веспасіанъ слишкомъ остороженъ, слишкомъ боязливъ, не смотря на свою несомнѣнную храбрость. Онъ не сможетъ выполнить до конца и даже обнять мыслью такую великую затѣю. Нѣтъ, я говорю о другомъ! Нужно для этого соединять выдержку воина отъ рожденія съ дерзновеннымъ пыломъ юности, нужно быть Титомъ.

Молодой легатъ вздрогнулъ и глаза его широко раскрылись; въ нихъ засверкалъ горячій лучъ.

— Ты шутишь, Агриппа,—пробормоталъ онъ.

— Шучу?—отвѣтилъ царь со странной улыбкой.—Впрочемъ, ты правъ, Титъ, конечно, шучу. Одинъ только Титъ могъ бы помѣшать исполненію подобнаго замысла, но и одинъ только онъ могъ бы...

...Исполнить его! Такъ хотѣлъ онъ закончить свою мысль, но онъ не договорилъ. Вероника прервала его быстрымъ движеніемъ. Онъ понялъ, что она сдѣлала это нарочно, и была права.

Вероника присутствовала при разговорѣ, повидимому, безучастно. Она прервала брата, притворно зѣвнувъ.

— Какой Агриппа мечтатель,—сказала она,—обращаясь съ улыбкой къ Титу. Онъ любитъ безплодныя грезы. Развѣ сынъ Веспасіана способенъ отнять у Рима его лучшія владѣнія и ограбить свою собственную мать? Нѣтъ, Титъ слишкомъ любитъ свою родину. Онъ не далъ бы Риму погибнуть отъ голода. А такъ бы случилось, если бы онъ завладѣлъ Египтомъ — житницей Рима. Семихолмный городъ погибъ бы отъ дороговизны и нищеты. А самъ Неронъ, вдоль голодающей толпы? Вѣдь онъ дрожитъ за свою жизнь, когда прибытіе хлѣба изъ Александріи запаздываетъ на нѣсколько дней. Да развѣ не безумно,—прервала она себя, увидѣвъ по лицу Тита, какъ онъ борется съ самимъ собой, — развѣ не безумно говорить даже въ шутку о такихъ опасныхъ и высокихъ затѣяхъ? Судьба міра въ рукѣ цезаря. Никто другой не можетъ измѣнить ее. Время титановъ и героевъ на всегда ушло. А все-таки — исторія Флавія Сабинія, о которой мнѣ говорили, перенесла меня въ міръ древнихъ сказаній и миѳовъ. Забыть обо всѣхъ личныхъ цѣляхъ, идти на встрѣчу опасности и гоненіямъ изъ за любви къ дѣвушкѣ—въ этомъ есть геройство, напоминающее борьбу гигантовъ противъ Хроноса.

Она откинулась въ креслѣ и разглядывала молодого легата. На лицѣ его отражалась борьба самыхъ противоположныхъ чувствъ.

— Я только боюсь,—насмѣшливо замѣтилъ Аграппа,—что Флавій Сабиній раздѣлитъ судьбу гигантовъ и будетъ уничтоженъ молніями Юпитера.

— А Фронтонъ? — обратилась Вероника къ Титу, чтобы обойти опасный пунктъ въ разговорѣ.—Ты обѣщалъ мнѣ узнать подробности этого интереснаго происшествія.

— Самая обыкновенная любовная исторія,—отвѣчилъ молодой легатъ, съ трудомъ отрываясь отъ своихъ мыслей. Но для меня и моего отца все это крайне непріятно: Фронтона цезарь очень любитъ.

— Вольноотпущенникъ уже здоровъ?

— Онъ медленно поправляется. Странно, что онъ обязанъ своимъ спасеніемъ той самой дѣвушкѣ, изъ за которой загорѣлся нелѣпый споръ. Саломея, племянница Іоанна изъ Гишалы, ухаживаетъ за раненымъ съ трогательной преданностью, какъ будто бы это не былъ римлянинъ, и не былъ Этерній Фронтонъ. Говорю по совѣсти, послѣ той, которую я не смѣю назвать,—глаза его съ восхищеніемъ и страстью обратились къ Вероникѣ, — я никогда не видалъ болѣе красивой женщины, чѣмъ Саломея, не смотря на ея угрюмость и замкнутость.

— А Флавій, что слышно о немъ?

— Къ сожалѣнію, ничего.

— Къ сожалѣнію?

— Ты думаешь, потому, что онъ нашъ родственникъ? Повѣрь, это не имѣетъ никакого вліянія на рѣшенія моего отца. Конечно, мы жалѣемъ о судьбѣ несчастнаго. Мы всѣ его любимъ, не смотря на его странные взгляды. Но теперь нужно было доказать цезарю, который вообще, какъ ты знаешь, очень подозрителенъ, что у насъ исчезаютъ всякія личныя чувства, всякіе интересы, когда дѣло идетъ о службѣ государству. Поэтому отецъ выбралъ самыхъ опытныхъ соглядатаевъ для погони за бѣглецомъ. Во главѣ онъ поставилъ декуріона Сильвія, который, къ тому же, случайно встрѣтилъ префекта, когда тотъ бѣжалъ изъ Птолемаиды по направленію къ галилейскимъ горамъ.

Вероника отвернулась, чтобы скрыть злорадную улыбку. Она не могла удержаться отъ нея, когда услышала отъ Тита, кто посланъ въ погоню.

— Ну и что же,—прибавила она небрежно,—этотъ—Сильвій, что ли—настигъ бѣглеца?

— Онъ уже былъ совсѣмъ близокъ отъ него, отвѣтилъ молодой легатъ. — Ихъ раздѣляли какіе-нибудь полдня пути.

— Ну и что же?

— И все-таки декуріонъ вернулся ни съ чѣмъ. Послѣ трехъ дней ѣзды по лѣсамъ, Сильвій и его люди попали въ узкое темное ущелье. Тамъ стоялъ заброшенный домикъ, гдѣ, очевидно, переночевали бѣглецы: Сабиній, Тамара — дочь Іоанна изъ Гишалы, и какой-то незнакомецъ, служившій имъ, вѣроятно, проводникомъ. Видно было, что они только что снялись съ мѣста; въ очагѣ еще догорали уголья и предъ домомъ видны были слѣды римской обуви на почвѣ, размытой ночными дождями. Слѣды двухъ коней вели оттуда обратно въ лѣсъ. Сильвій бросился въ ту сторону, но скоро слѣды исчезли, пересѣченные слѣдами большого коннаго отряда. Изъ кого отрядъ состоялъ, неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ это не были сторонники Іоанна изъ Гишалы, иначе дѣло не дошло бы до битвы въ присутствіи Тамары.

— До битвы?—тревожно спросила Вероника. Агриппа лежалъ, вытянувшись на подушкахъ и не обращалъ вниманія на ихъ разговоръ. Что ему за дѣло до судьбы Флавія Сабинія и посторонней женщины, дочери Іоанна изъ Гишалы. Ему важно было склонить Тита къ своему замыслу, воспользоваться имъ для созданія азіатской имперіи. А уже потомъ — не всегда будетъ мечь имѣть послѣднее слово.

— Да, до битвы,—подтвердилъ молодой легатъ.—Въ какихъ-нибудь стахъ шагахъ дальше Сильвій нашелъ часть вооруженія Флавія, а въ травѣ зарытъ былъ трупъ неизвѣстнаго іудея.

Онъ остановился и зорко посмотрѣлъ на Веронику. Царица нѣсколько поблѣднѣла, но выдержала его взглядъ.

— Да ты разсказываешь это въ стилѣ трагедій Софокла и Эврипида,—сказала она, пытаясь улыбнуться.

— Фотинъ, одинъ изъ нашихъ соглядатаевъ, утверждаетъ, что этотъ іудей былъ въ твоей свитѣ при въѣздѣ въ Птолемаиду.

— Въ моей свитѣ?—повторяла она, какъ бы стараясь припомнить. — Я до сихъ поръ не замѣтила чьего либо отсутствія.

Легкая улыбка показалась на губахъ Тита.

— Фотинъ навѣрное ошибся,—сказалъ онъ. — Я такъ и говорилъ отцу. Да и зачѣмъ бы тебѣ оказывать услуги Іоанну изъ Гишалы, нашему общему врагу?

— Услугу Іоанну изъ Гишалы?—повторила она съ изумленіемъ.—Я не думаю, чтобы онъ былъ мнѣ благодаренъ, если бы я содѣйствовала бѣгству его дочери съ римляниномъ.

Титъ съ пламенной страстью глядѣлъ въ ея глаза, обращенные къ нему. Каждое чувство мѣняло цвѣтъ этихъ глазъ и снова молодой легатъ почувствовалъ тревогу и блаженство — какъ тогда, на Кармелѣ, у источника Иліи.

— Развѣ такой большой позоръ для іудейки полюбить римлянина?—спросилъ онъ.

Глаза ея холодно и вмѣстѣ съ тѣмъ обольстительно взглянули на него.

— Конечно,—отвѣтила она, — смертельный позоръ. По крайней мѣрѣ, въ глазахъ тѣхъ, кто выше всего ставитъ велѣнія Бога.

— А ты, Вероника, тоже такъ думаешь?

Она засмѣялась.

— Я? Смотря по тому, кто бы это былъ. Если бы онъ былъ достоенъ—но зачѣмъ спрашивать? нѣтъ такого человѣка.

— То же самое ты говорила, когда мы въ первый разъ видѣлись. Онъ вѣрно еще не родился—твой цезарь?

Она пожала плечами, потомъ медленно поднялась и подошла къ окну.

Титъ послѣдовалъ за ней. Его влекла къ ней таинственная, непобѣдимая сила. Агриппа очнулся отъ своей дремоты и растерянно посмотрѣлъ на сестру и Тита. Потомъ онъ что-то сообразилъ и тихо вышелъ изъ комнаты.

Вероника чувствовала горячее дыханіе римлянина на своей щекѣ, и его пламенный взоръ на плечахъ и шеѣ; но она стояла не оборачиваясь. Гордое сознаніе своей красоты кружило ей голову.

Онъ повторилъ еще разъ прерывающимся голосомъ то же слово:

— Твой цезарь—онъ еще не родился?

Она немного повернула голову къ нему, такъ что ароматъ ея волосъ касался его губъ, и проговорила медленно, почти шепотомъ:

— Какъ знать?

Но глаза ея обращены были не къ нему. Она глядѣла куда-то въ невѣдомую даль. Кого она тамъ видѣла?

Сердце Вероники было полно не Титомъ. А все-таки...

Быть владычицей Азіи, быть можетъ, владычицей всего міра, видѣть, какъ римскіе орлы склоняются предъ богомъ іудеевъ!

И надъ всѣмъ этимъ власть единаго Бога—Бога Вероники!

— Неронъ вѣдь тоже сталъ цезаремъ не по праву,—слышала она страстный шепотъ надъ ухомъ.

И почти противъ воли она проговорила въ отвѣтъ:

— Благодаря Агриппинѣ.

— А Маркъ Антоній могъ стать цезаремъ Азіи.

— Благодаря Клеопатрѣ!

— А Вероника будетъ принадлежать тому, кто станетъ...

— Цезаремъ!

Выговоривъ это слово, она какъ бы почувствовала облегченіе. Она обернулась къ легату, опьяненному страстью, и взглянула ему прямо въ горящіе глаза. Они поняли другъ друга, не произнеся ни слова.

— А Марція Фурнила, твоя жена?—прочелъ онъ въ ея взорѣ и сдѣлалъ рѣзкое движеніе, какъ бы устраняя нѣчто уродливое.

Холодная Марція была вычеркнута изъ его жизни.

— А мой Богъ?—читалъ онъ дальше.

Онъ пожалъ плечами. Что ему до Бога? Поступай какъ знаешь, означало его пожатіе плечами.

— А Веспасіанъ?

Лицо его омрачилось и глаза смотрѣли безпомощно.

Вероника улыбнулась и повела молодого легата къ оконной ниши, чтобы онъ видѣлъ, что дѣлалось внизу.

Тамъ уже не было рабовъ Агриппы, складывавшихъ знаки его вниманія къ Веспасіану, но на дворѣ кипѣла работа. Таумастъ, управитель дома, стоялъ посреди выложеннаго мраморомъ двора, и подъ его начальствомъ рабы готовили носилки царицы, снаряжали въ путь муловъ, укладывали провизію въ дорожные мѣшки.

Титъ отступилъ отъ окна и поблѣднѣлъ. Вероника увидѣла въ его глазахъ лучъ недовѣрія.

Она снова улыбнулась и произнесла вслухъ нѣмой вопросъ, который онъ прочелъ раньше въ ея взорѣ:

— А Веспасіанъ, твой отецъ?

Теперь онъ ее понялъ.

Да, конечно, лучше, чтобы Вороника уѣхала. Веспасіанъ не долженъ подозрѣвать, чѣмъ она стала для Тита, потому что иначе онъ не допуститъ развода съ Марціей Фурнилой.

Развѣ онъ можетъ согласиться на бракъ сына съ іудейкой?

Веспасіанъ, закоренѣлый римлянинъ, выходецъ изъ народа, боялся всего, что могло возбудить насмѣшку надъ нимъ или его семьей у гордыхъ римскихъ патриціевъ. Онъ бы никогда не позволилъ Титу оттолкнуть отъ себя дочь знатнаго дома. Конечно, если бы дѣло шло о замѣнѣ ея болѣе знатной и могущественной женой, онъ согласился бы, но изъ за іудейки—никогда. Но развѣ необходимо связать себя съ Вероникой, чтобы обладать ею?

Прощаясь, они глубоко глядѣли другъ другу въ глаза и губы ихъ улыбались. Титъ вынулъ изъ складокъ верхняго платья маленькій предметъ и передалъ его царицѣ.

Эта была дактіотека, маленькая круглая шкатулочка, оправленная рядомъ драгоцѣнныхъ жемчужинъ и зеленыхъ бериловъ. Посреди крышки находилось мастерское произведеніе знаменитаго рѣзчика Плутарха: всевластный амуръ верхомъ на львѣ.

Для чего Титъ показалъ ей эту картину, какъ насмѣшку надъ самимъ собой? Вероника засмѣялась. Но лицо ея стало серьезнымъ, когда молодой легатъ открылъ крышку.

Внутри лежалъ увядшій лавровый листъ—кармельскій лавръ.

— Побѣдителю?—спросилъ Титъ.

— Побѣдителю, отвѣтила Вероника.

— Прощай, Вероника!

— Прощай, Титъ!

. . . .

На встрѣчу уходившей царицѣ бросился Агриппа.

Онъ внизу узналъ отъ Таумаста, что сестра готовится къ отъѣзду.

— Какъ, Вероника!—вскричалъ онъ въ величайшемъ волненіи.—Теперь, какъ разъ теперь, когда наши планы и надежды начинаютъ осуществляться, ты уходишь отъ меня?

Она едва обернулась къ нему.

— Развѣ ты не думаешь, мой мудрый братъ, что товаръ поднимается въ цѣнѣ, когда онъ становится рѣдкимъ?

— Ты полагаешь?.. — пробормоталъ онъ растерянно.

— Конечно, я полагаю,—насмѣшливо сказала она.—Разлука усилитъ чувство Тита и возбудитъ его рѣшимость. Тогда твое дѣло дать мнѣ знать во-время. Къ тому же самъ Титъ одобряетъ мой отъѣздъ.

Онъ облегченно вздохнулъ.

— Куда же ты ѣдешь?—спросилъ онъ.

— Куда, если не въ Цезарею Филиппійскую, въ старый дворецъ. Я болѣе, чѣмъ когда-либо, нуждаюсь въ уединеніи.

— Въ старый дворецъ?—удивленно воскликнулъ онъ.—Но онъ совсѣмъ не устроенъ и тебѣ будетъ неудобно.

— Тѣмъ лучше. Я всей душой ненавижу роскошь и изнѣженность, которыя дѣлаютъ насъ неспособными противиться врагамъ. Впрочемъ, хорошо, что ты напомнилъ мнѣ, я забыла попросить у Тита пропускное письмо для пограничной римской стражи. Таумастъ сейчасъ отправится къ Титу.

Она спустилась внизъ, гдѣ Таумастъ ждалъ ее на дворѣ. Агриппа посмотрѣлъ ей вслѣдъ съ недоумѣніемъ. Онъ совершенно растерялся. Какой капризъ заставляетъ Веронику покинуть его въ такую важную минуту? Онъ отлично понималъ, что заигрыванье съ Титомъ и мнимая потребность въ одиночествѣ только предлогъ, за которымъ кроется нѣчто иное. Но что именно?

На лѣстницѣ онъ встрѣтилъ Стефана. Рабъ шелъ не со двора. Онъ стоялъ внизу, у въѣзда съ улицы, и смотрѣлъ вслѣдъ удаляющемуся Титу.

Обыкновенно онъ избѣгалъ встрѣчи съ царемъ, не умѣя скрыть своего ужаса и ненависти при видѣ его. Но на этотъ разъ глаза его странно сверкнули, когда онъ увидѣлъ Агриппу. Онъ пробормоталъ что-то непонятное и похожее на угрозу.

Агриппа остановился. Онъ понялъ, что рабъ хочетъ ему что-то сообщить. И то, что онъ обратился именно къ нему, котораго имѣлъ полное основаніе ненавидѣть, показалось Агриппѣ знаменательнымъ.

Онъ пошелъ безпрекословно за Стефаномъ, когда тотъ коснулся его платья и повелъ за собою вверхъ.

У окна, изъ котораго видѣнъ былъ дворъ, глухонѣмой остановился и показалъ на Веронику, оживленно говорившую съ Таумастомъ. Потомъ онъ кивнулъ головой и повелъ царя по уединенному длинному проходу къ потайному ходу въ покоѣ Вероники.

Агриппа остановился въ нерѣшимости на минуту. Стефанъ выдвинулъ камень изъ стѣны и предложилъ ему слѣдовать за собой.

Онъ на минуту испугался за себя. Быть можетъ, изуродованный рабъ хочетъ затащить его куда-нибудь въ уединенное мѣсто, чтобы отомстить ему. Но что бы мѣшало ему напасть на него открыто при первой встрѣчѣ? Царь едва ли смогъ бы устоять противъ огромной силы ѳіопа.

Онъ рѣшительно послѣдовалъ за Стефаномъ и остановился изумленный у двери. Въ полумракѣ завѣшанной комнаты лежалъ на пышномъ ложѣ юноша рѣдкой красоты. Онъ подложилъ руку подъ голову и на лицѣ его было разлито блаженство какъ бы отъ счастливаго сновидѣнія.

Агриппа хотѣлъ подойти ближе, но Стефанъ потянулъ его за собой.

Спящій юноша сдѣлалъ движеніе и, казалось, просыпался.

Вскорѣ послѣ того царь и рабъ вернулись въ покой Вероники и камень вдвинутъ былъ на прежнее мѣсто.

Царь взглянулъ на раба, требуя глазами объясненія. Стефанъ его понялъ. Онъ быстро вынулъ изъ складокъ платья свертокъ и передалъ его Агриппѣ. Это было письмо, найденное Вероникой у раненаго юноши. Царь развернулъ письмо и прочелъ его. Онъ вскрикнулъ отъ изумленія. Регуэль — сынъ Іоанна изъ Гишалы!

И Вероника... Агриппа понялъ теперь все: ея сопротивленіе Титу, ея быстрый, непонятный отъѣздъ.

Онъ подумалъ, потомъ отвелъ раба въ уголъ и заговорилъ съ нимъ знаками. Стефанъ напряженно слѣдилъ за пальцами царя.

Его уродливое лицо вдругъ озарилось торжествомъ злорадства. Онъ кивнулъ головой въ знакъ согласія и поцѣловалъ руку того, кто изуродовалъ его. Онъ его понялъ.

. . . .

При послѣднихъ лучахъ заката на сѣверной границѣ горы Чермака показались среди деревьевъ два всадника. Они остановились для отдыха подъ широкой огромной сосной, наполнявшей воздухъ сильнымъ свѣжимъ смолистымъ запахомъ. Въ глубокомъ молчаніи они привязали къ дереву своихъ муловъ и вглядывались въ сумрачную даль.

— Ты видишь отсюда мостъ, Базилидъ?—спросилъ одинъ изъ нихъ, человѣкъ могучаго сложенія. Свѣтлые волосы и борода окаймляли его лицо, въ которомъ свѣтились задумчивые молодые глаза.

Спутникъ его вздрогнулъ.

— Не называй меня по имени, Хлодомаръ,—сказалъ онъ тревожнымъ шипящимъ голосомъ —Жителямъ Гишалы совсѣмъ не нужно знать, кто я. Если я не ошибаюсь,—продолжалъ онъ, указывая на темную черту, виднѣвшуюся въ туманѣ надъ рѣкой,—то вотъ тамъ нужное намъ мѣсто.

Хлодомаръ безшумно пошелъ въ указанномъ направленіи.

— Берегись,—шепнулъ ему вслѣдъ Базилидъ.—На стѣнѣ сверкаетъ копье.

Хлодомаръ быстро спрятался въ высокую траву у берега. Въ воздухѣ просвистала стрѣла и вонзилась въ землю, рядомъ съ Хлодомаромъ. Но онъ не шевельнулся, а Базилидъ успокаивалъ муловъ, гладя ихъ по ноздрямъ.

Нѣсколько минутъ часовой вглядывался въ темноту, потомъ что то произнесъ, какъ бы смѣясь надъ собой, и продолжалъ свой путь вдоль стѣны, скрывшись вскорѣ за угломъ. Хлодомаръ быстро вскочилъ и, подойдя къ мосту, наклонился надъ одной изъ свай, поддерживающихъ его. Найдя, что ему было нужно, онъ тихо свистнулъ.

Базилидъ быстро привязалъ поводья муловъ къ соснѣ и осторожно пробрался къ мосту.

— Камень въ фундаментѣ у первой сваи выдвигается,—прошепталъ Хлодомаръ.—Какъ разъ такъ, какъ описывалъ Іосифъ бенъ Матія. А вотъ отверстіе,—продолжалъ онъ, направляя туда руку Безилида.

— Отлично, сюда можно будетъ вкладывать всѣ наши вѣсти. Скажи же намѣстнику, чтобы онъ посылалъ освѣдомляться сюда черезъ каждые три дня. Пусть онъ также извѣститъ объ этомъ Агриппу. А теперь, скорѣе въ лѣсъ,—закончилъ онъ,—осторожно поднимаясь. Мнѣ пора ѣхать, чтобы попасть еще сегодня въ городъ и разсказать свою баснію Іоанну.

Онъ заторопился. Хлодомаръ медленно пошелъ вслѣдъ за нимъ. Имъ овладѣло непріятное чувство. Пророкъ внушалъ ему отвращеніе выраженіемъ змѣинаго коварства въ желтомъ остромъ безбородомъ лицѣ и въ безпокойныхъ глазахъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и другое что-то мучило его: онъ не разъ участвовалъ въ опасныхъ и менѣе всего честныхъ предпріятіяхъ, но теперь—сердце его было на сторонѣ человѣка, противъ котораго ему приходилось бороться. Онъ страдалъ отъ затѣяннаго предательства.

Если бы только это касалось когонибудь другого, не его, не Іоанна изъ Гишалы. Вѣдь и такъ уже Хлодомаръ отнялъ у него сына, а теперь...

Съ первой минуты своего прибытія въ Галилею въ качествѣ намѣстника, Іосифъ бенъ Матія ополчился на Іоанна, единственнаго человѣка, равнаго ему по уму и превосходившаго его храбростью.

Неужели Іосифъ бенъ Матія правъ, а Іоаннъ въ самомъ дѣлѣ только изъ гордости и властолюбія противится во всемъ избраннику іерусалимскаго синедріона.

Хлодомаръ—исполнитель тайныхъ порученій намѣстника, отлично зналъ, что Іоаннъ бенъ Леви совершенно правъ, не довѣряя намѣстнику, и все время остерегая своихъ соплеменниковъ противъ него. Іосифъ бенъ Матія пользовался большимъ обаяніемъ въ глазахъ невѣжественнаго и легковѣрнаго галилейскаго населенія, благодаря своему высокому происхожденію изъ рода асмонейскихъ правителей, своей принадлежностью къ аристократическому духовенству святаго города, и всѣмъ этимъ онъ пользовался для того, чтобы тайно содѣйствовать измѣннику царю, вступившему въ союзъ съ Римомъ.

Іоаннъ изъ Гишалы первый обличилъ двойственность намѣстника и теперь онъ сталъ въ глазахъ болѣе разумныхъ галилеянъ единственнымъ твердымъ оплотомъ въ будущемъ. Остерегая своихъ соплеменниковъ, онъ собралъ вокругъ себя разсѣянныя силы, и теперь волны слились въ шумномъ, кипучемъ, неотразимомъ потокѣ.

Сможетъ ли возмутившееся племя разбить цѣпи, которыми Римъ сковалъ его?

Хлодомаръ прислонился къ стволу сосны и думалъ объ Іоаннѣ изъ Гишалы, объ его самоотверженной честности и не обращалъ вниманія на то, что дѣлалъ Базилидъ. Когда «пророкъ» сталъ прямо противъ него въ полосѣ луннаго свѣта, онъ вздрогнулъ отъ неожиданности.

— Я тебѣ удивляюсь, Хлодомаръ,—сдержанно смѣясь, сказалъ пророкъ.—Спать среди опасностей—на это я не способенъ, клянусь останками моей матери, которую я никогда не зналъ. Но вотъ видишь ли, прервалъ онъ себя, указывая на плащъ, въ который онъ завертывался, однимъ я превосхожу тебя—хитростью. Скажи самъ, съумѣлъ ли бы ты превратить свою могучую фигуру Геркулеса въ жалкій образъ изнуреннаго, уставшаго набожнаго странника, съумѣлъ ли бы ты изъ своего молодого сильнаго лица сдѣлать морщинистое лицо старика.

— Храброму мужу не подобаетъ,—съ явнымъ презрѣніемъ въ тонѣ отвѣчалъ Хлодомаръ, нападать на противника исподтишка.—Нужно сражаться лицомъ къ лицу, мечомъ къ мечу.

— О простота германская!—смѣялся надъ нимъ Базилидъ.—Ты только умѣешь сражаться въ бояхъ. Но между битвами бываютъ промежутки. Чтобы сталось съ вами, кулачными бойцами, если бы мы не приходили къ вамъ на помощь своимъ умомъ и не вывѣдывали для васъ слабыхъ сторонъ враговъ. Іосифъ бенъ Матія отлично это знаетъ, и только потому и принялъ меня такъ хорошо, не смотря на то, что я пришелъ къ нему посланникомъ отъ Агриппы—его врага. И порученіе, съ которымъ онъ меня послалъ къ могущественному Іоанну, болѣе почетно для меня, чѣмъ для тебя смерть сотни враговъ отъ твоего меча.

Онъ самодовольно поднялъ голову и стукнулъ себѣ своими длинными желтыми пальцами въ грудь.

— Вотъ ты смѣешься надъ умомъ,—продолжалъ онъ,—а сознайся, ни за что бы тебѣ не узнать въ этомъ жалкомъ старикѣ, съ трудомъ переводящемъ дыханіе, гордаго, величественнаго пророка горы Кармеля. Если бы ты не присутствовалъ при томъ, какъ совершилось превращеніе, ты бы самъ не повѣрилъ, что это одно и то же лицо. Нѣтъ уже длинныхъ падающихъ по плечамъ волосъ, исчезла величественная борода. А мой невидимый панцырь изъ тонкихъ гибкихъ волосъ лучше охранитъ царя и Іосифа бенъ Матію, чѣмъ сотня такихъ мечей, какъ твой, отважный Хлодомаръ. Оружіе Іоанна безсильно противъ него, а руки его запутаются въ невзрачной ткани, такъ что сила ихъ ослабѣетъ и удары не будутъ попадать въ цѣль.

Онъ злорадно разсмѣялся, быстро накинулъ изношенный, запыленный плащъ на грязное, протертое отъ долгихъ скитаній платье странника. Его высокій прямой станъ согнулся, колѣни подались, спина сгорбилась, лицо сморщилось и глаза безсмысленно устремились

вдаль. Онъ ухватился дрожащими руками за крѣпкую узловатую палку и, шатаясь, пошелъ, едва волоча ноги. Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ остановился и обернулся къ Хлодомару, глядѣвшему ему вслѣдъ съ нескрываемымъ отвращеніемъ.

— Прощай, честный Хлодомаръ, — проговорилъ онъ прерывающимся отъ кашля голосомъ.—Привѣтъ тебѣ отъ единственнаго уцѣлѣвшаго члена Клавдіевой колоніи.

Хлодомаръ стоялъ, не двигаясь, у ствола сосны и смотрѣлъ вслѣдъ уходившему. Ему слышалось отвратительное хихиканіе Базилида еще долго послѣ того, какъ сгустившійся туманъ скрылъ уродливую фигуру странника.

. . . .

Іоаннъ изъ Гишалы, сынъ Леви, вернулся больной послѣ поѣздки въ Тиверіаду, которую онъ тщетно пытался защитить отъ намѣстника. Жители Тиверіады до сихъ поръ твердо стояли за Іоанна и были вѣрны своей родинѣ, хотя они не входили въ составъ Галилеи, а находились подъ непосредственной властью Агриппы. Но теперь самый надежный изъ ихъ предводителей, Юстъ бенъ Пистосъ, тайный секретарь царя, измѣнилъ дѣлу возстанія и отправился въ Птолемаиду, чтобы перейти на сторону римлянъ. Жители Тиверіады послѣ этого пали духомъ и не оказали серьезнаго сопротивленія войскамъ намѣстника. Іоаннъ такимъ образомъ потерялъ сильнѣйшихъ союзниковъ и эта потеря подточила его болѣзненный отъ природы организмъ.

Кромѣ того, безпокойство о семьѣ усиливало изнурявшую его лихорадку. Тщетно ждалъ онъ со дня на день возвращенія дѣтей и родственниковъ. Среди постоянной тяжкой борьбы ему нужна была нравственная поддержка. Молодой пылъ Регуэля такъ же какъ безоблачная веселость Тамары придавали ему бодрость въ тяжелыя минуты.

Но напрасно разсылалъ онъ гонцовъ на встрѣчу путешественникамъ. Всѣ они возвращались ни съ чѣмъ: имъ не удавалось пробраться сквозь двойной рядъ соглядатаевъ намѣстника и римской пограничной стражи.

Кромѣ того, онъ страдалъ отъ неопредѣленности внѣшнихъ обстоятельствъ. Онъ видѣлъ, что наступающая опасность поколебала рѣшимость его прежнихъ друзей и единомышленниковъ. Они не знали, принять ли участіе въ двойномъ возстаніи Іоанна противъ намѣстника, избраннаго синедріономъ, и противъ Рима, или лучше повременить, пока не выяснится, на чью сторону склоняется успѣхъ.

Холодный потъ покрывалъ тѣло больнаго. Онъ метался въ постели, не находя себѣ мѣста. Тщетно пытался врачъ дать ему лѣкарство, понижающее жаръ. Іоаннъ отклонялъ его услуги съ горькой улыбкой.

— Да ты развѣ не понимаешь,—говорилъ онъ,—что не эта ничтожная болѣзнь гложетъ мнѣ сердце и зажигаетъ кровь. Я измученъ неизвѣстностью о судьбѣ дѣтей и родины. О, какъ тяжело лежать здѣсь и знать, что зрѣетъ измѣна, которая все отниметъ у насъ. Они не слушали меня, глупцы, когда я говорилъ, что у нихъ подкапываютъ почву подъ ногами. Теперь, когда наступила опасность, они хотятъ твердо ступить, но земля подастся и поглотитъ ихъ всѣхъ.

Онъ на минуту остановился, изнеможенный, и горящими глазами глядѣлъ вдаль. Рѣзкія темнокрасныя пятна выступили на его худощавыхъ щекахъ.

Врачъ съ испугомъ взглянулъ на него.

— Молю тебя, Іоаннъ, успокойся, возьми себя въ руки. Подумай, вѣдь только покой можетъ побѣдить болѣзнь.

— Болѣзнь!—нетерпѣливо прервалъ его Іоаннъ:—Да время ли теперь болѣть, когда каждая минута...

Онъ остановился, услышавъ шумъ со двора.

Послышались проклятія и крикъ сотни голосовъ. Прежде чѣмъ врачъ смогъ удержать его, Іоаннъ однимъ прыжкомъ очутился у окна и широко растворилъ его.

Свѣтъ факеловъ освѣщалъ группу галилейскихъ юношей. Они окружили

какого-то человѣка, который спускался съ лошади. Онъ что-то невнятно говорилъ, но каждое его слово еще увеличивало волненіе толпы. Наконецъ раздался общій крикъ: къ Іоанну!—и на лѣстницѣ раздались тяжелые шаги вооруженныхъ людей.

Іоаннъ поблѣднѣлъ и отступилъ отъ окна. Онъ узналъ гонца, котораго послалъ къ единовѣрцамъ въ Нижнюю Галилею, возбуждая ихъ къ общему возстанію противъ Іосифа бенъ Матіи и римлянъ.

Онъ быстро одѣлся и вошелъ въ залу собранія, гдѣ его ждали сторонники.

— Гонецъ изъ Нижней Галилеи вернулся, друзья,—быстро сказалъ онъ.— Готовьтесь къ добрымъ вѣстямъ и, быть можетъ, и къ самымъ дурнымъ.

Всѣ угрюмо молчали, опустивъ глаза. Можно ли было ожидать чего-нибудь хорошаго, пока намѣстникъ сѣетъ въ сердцахъ вражду и упадокъ духа своей нерѣшительностью.

Іоаннъ стоялъ около стола и ухватился за край его, ища поддержки для своего тѣла, изнуреннаго лихорадкой. Его большіе горящіе глаза устремились на дверь, въ которую долженъ былъ войти гонецъ.

Въ покоѣ, блѣдно освѣщенномъ красноватымъ пламенемъ факеловъ, была глухая тишина ожиданія. Наконецъ, все ближе и ближе раздался шумъ приближающихся шаговъ. Дверь отворилась, и въ нее вбѣжалъ гонецъ, а за нимъ толпа взволнованныхъ людей... Они наполнили комнату смятеніемъ и криками. Но раздался голосъ Іоанна и все затихло.

— Какія вѣсти ты принесъ?—спросилъ вождь.

Гонецъ упалъ предъ нимъ на колѣни.

— Не карай за вѣсти неповиннаго вѣстника, повелитель!—молилъ онъ и, вынувъ изъ складокъ верхняго платья свитокъ, развернулъ его и подалъ Іоанну.

Іоаннъ бросилъ взглядъ на посланіе и глаза его гнѣвно засверкали, а вокругъ блѣдныхъ устъ показалась горькая усмѣшка. Потомъ онъ обратился къ собравшимся.

— Хотите знать, что пишетъ Іосифъ бенъ Матія?—спросилъ онъ, гордо выпрямившись.

Это имя вызвало взрывъ негодованія.

— Смерть предателю!—гнѣвно вскричали воины, хватаясь за мечи.—Долой союзника римлянъ, сторонника малодушныхъ!

Іоаннъ снова улыбнулся, потомъ движеніемъ руки возстановилъ молчаніе и началъ читать:

«Іосифъ бенъ-Матія, намѣстникъ, шлетъ галилеянамъ пожеланія всѣхъ благъ. Когда священный синедріонъ назначилъ меня вашимъ начальникомъ въ военное и мирное время, онъ далъ мнѣ власть судить и миловать. и укрѣплять въ васъ любовь къ родинѣ. Я поклялся именемъ всемогущаго Бога исполнять свои обязанности и старался не нарушать мой обѣтъ. Съ помощью Божіей мнѣ это удалось: я приготовилъ къ бою болѣе ста тысячъ воиновъ и обучилъ ихъ всѣмъ наукамъ, которымъ самъ учился у римлянъ. Много городовъ я окружилъ стѣнами, чтобы они могли обороняться отъ враговъ. Я построилъ крѣпости, устроилъ въ нихъ склады хлѣба, а для большей безопасности въ будущемъ, построилъ арсеналы. Все это я сдѣлалъ. Но когда про это узналъ Іоаннъ бенъ Леви, живущій въ Гишалѣ, когда онъ увидѣлъ, что мнѣ все удается, что подчиненные любятъ меня, а враги боятся, онъ сталъ мнѣ завидовать, думая, что моя удача будетъ его гибелью. Онъ подумалъ, что счастье измѣнитъ мнѣ, если онъ возбудитъ противъ меня ненависть подвластнаго мнѣ народа. Онъ сталъ сѣять измѣну, окружилъ стѣной свой родной городъ—Гишалу. Нѣкоторые поддались ему и пошли за нимъ, но большинство отвернулось отъ него—и оставило его покрытымъ позоромъ. Вѣдь, если бы я хотѣлъ предать родину римлянамъ, развѣ бы я сдѣлалъ для Галилеи все, что перечислилъ. Слушайте: Врагъ подходитъ къ нашимъ границамъ съ огромнымъ войскомъ и число его военныхъ сооруженій неизмѣримо. Отступитесь же отъ Іоанна бенъ Леви, вернитесь ко мнѣ, вашему избранному намѣстнику. Тѣмъ же, кто держалъ сторону Іоанна, я обѣщаю именемъ вѣч

наго Бога сохранность и защиту, если они одумаются, и даю имъ двадцать дней времени, чтобы вернуться на путь истинный. Если же они за это время не сложатъ оружія, я сожгу ихъ дома и отдамъ народу ихъ достояніе. Въ истинѣ моихъ словъ клянусь Всевышнимъ. Іоанна бенъ Леви изъ Гишалы и дѣтей его я, намѣстникъ, объявляю внѣ защиты законовъ. Всякій имѣетъ право убить его, гдѣ только застигнетъ его. И кто доставитъ мнѣ его живымъ или мертвымъ, того я объявляю другомъ и благодѣтелемъ родины и вознагражу его тысячью серебряныхъ шекеловъ. Имя его будетъ благословляться, какъ имя освободителя... И я требую отъ васъ, чтобы вы послушались моихъ словъ и соединились со мной, вашимъ намѣстникомъ, для блага родины и для славы Всевышняго».

Іоаннъ кончилъ и оглянулся въ кругу своихъ приверженцевъ. Онъ усмѣхнулся и глубоко вздохнулъ.

— Кто изъ васъ хочетъ заслужить награду и стать освободителемъ родины?— кротко спросилъ онъ и нагнулъ голову, такъ что его шея обнажилась для чьего угодно меча.

Общій ликующій крикъ былъ ему отвѣтомъ, и прежде чѣмъ онъ успѣлъ воспротивиться, юноши выхватили у него изъ рукъ посланіе намѣстника. Оно было разорвано па куски и растоптано въ сѣрую безформенную массу.

Іоаннъ отошелъ отъ стола, за который держался, и наклонился къ вѣстнику.

— Встань,—сказалъ онъ мягко.—Тебѣ прощаются твои вѣсти.

Тотъ не шевелился.

— Ты еще не все знаешь, повелитель,—глухо пробормоталъ онъ.

— Говори!

Опять наступила глубокая, напряженная тишина.

— Ты послалъ меня къ войску твоихъ союзниковъ изъ Нижней Галилеи,—продолжалъ вѣстникъ.—Они были на пути къ тебѣ. Я ихъ встрѣтилъ въ трехъ дняхъ пути отсюда. Все это были сильные, отважные, рѣшительные воины. Ихъ было четыре тысячи, но...

Онъ остановился въ нерѣшимости и отвернулся. Іоаннъ подошелъ къ нему и схватилъ его за плечо.

— Да говори же!—дико вскричалъ онъ,—говори!

— Посланіе намѣстника дошло и до нихъ... и...

Іоаннъ отшатнулся и лицо его страшно поблѣднѣло.

— Они отступились?—съ трудомъ проговорилъ онъ.—Измѣнили родинѣ? Скажи скорѣе, что это неправда!

Вѣстникъ еще разъ взглянулъ въ страдальческое лицо вождя и опустилъ голову.

— И все таки это такъ, какъ ты говоришь.

Іоаннъ бенъ Леви прижалъ дрожащія руки къ блѣдному лицу. Это пораженіе уничтожило долгую тяжелую работу цѣлыхъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ неутомимомъ воздѣйствіи на умы галилеянъ. Погибла возможность продолжать войну. Эти отступившіяся четыре тысячи—перейти къ Іосифу бенъ Матія значило въ глазахъ Іоанна быть отступникомъ—непремѣнно заразятъ своимъ примѣромъ всю народную массу. Рознь, намѣренно или ненамѣренно созданная намѣстникомъ, распространится, не смотря на сопротивленіе Іоанна, и Галилея легко станетъ жертвой римлянъ. Галилея же была для Іерусалима неистощимымъ источникомъ силы.

Когда онъ потемнѣвшимъ взоромъ обвелъ лица своихъ сторонниковъ, онъ на всѣхъ ихъ прочелъ ту же мысль—гнѣвъ и безнадежность, отчаянное желаніе мести и боязнь грядущаго. И въ эту минуту...

Одинъ изъ сторонниковъ, человѣкъ съ большимъ вліяніемъ, служившій Іоанну въ надеждѣ на лучшее будущее, пробрался сквозь толпу воиновъ, стоявшихъ у стѣнъ, и покинулъ залу. Первый, утратившій вѣру въ успѣхъ войны. А сколько еще послѣдуетъ за нимъ?

Горькая усмѣшка показалась на губахъ Іоанна. Но онъ быстро оправился и всталъ на возвышеніе среди комнаты. Мрачный огонь искрился въ его глазахъ; онъ медленно оглянулъ онѣмѣвшее собраніе, распахнулъ на груди

платье и, указывая на мѣсто своего сердца, сказалъ твердымъ голосомъ:

— Еще разъ спрашиваю васъ: кто хочетъ получить награду отъ Іосифа бенъ Матіи?

Тягостное молчаніе наступило на минуту, потомъ раздался общій многоголосый крикъ возмущенія, засверкали мечи. Какъ бы повинуясь тайному паролю, всѣ эти испытанные въ бояхъ грубые горцы бросились къ вождю, окружили его, моля не покидать ихъ, вѣрить въ ихъ преданность и не думать, что среди нихъ возможны предатели ..

Худощавая фигура Іоанна дрожала въ лихорадочномъ возбужденіи и все-таки онъ выпрямился, ободренный новой надеждой. Онъ поднялъ руку, требуя вниманія, и наступавшая на него масса успокоилась.

Но Іоаннъ бенъ Леви ничего не сказалъ: глаза его, горящіе вдохновеніемъ, устремились на среднюю дверь покоя. Ее въ эту минуту кто-то отворилъ извнѣ. Два вооруженныхъ стражника ввели въ комнату неизвѣстнаго человѣка.

Это былъ старикъ. Длинныя, бѣлыя спутанныя пряди волосъ спускались по его сгорбленной спинѣ; худое лицо было покрыто морщинами отъ старости, заботъ и долгихъ скитаній. Его опустившаяся фигура была одѣта въ изорванный, запыленный, испачканный кровью плащъ странника. Дрожащія руки съ трудомъ опирались на сучковатую палку.

— Мы нашли его у южныхъ воротъ. Онъ лежалъ безъ чувствъ, пояснялъ одинъ изъ приведшихъ его, въ отвѣтъ на удивленный взглядъ Іоанна. Мы не видѣли, какъ онъ пришелъ. Можетъ быть, онъ уже давно тамъ лежалъ. Въ отвѣтъ на наши вопросы, онъ только называлъ твое имя, господинъ; поэтому мы и привели его сюда.

Старикъ не двигался во время объясненія. Только тусклые глаза его устремились на лицо стоявшаго предъ нимъ вождя.

— Іоаннъ бенъ Леви,—пробормоталъ онъ какъ бы безсознательно.

— Чего ты отъ меня желаешь—?сказалъ Іоаннъ, подходя ближе.

— Кто говоритъ? Этотъ голосъ...

— Это я, Іоаннъ бенъ Леви.

Странникъ вздрогнулъ; глаза его широко раскрылясь и впились въ лицо стоявшаго предъ нимъ вождя.

— Да, это ты,—проговорилъ онъ странно дрожащимъ, жалобнымъ голосомъ.—Горе мнѣ, что именно я долженъ принести тебѣ страшную вѣсть!

Іоаннъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ. Предчувствіе новаго горя сжало ему сердце.

— Страшныя вѣсти?—съ трудомъ проговорилъ онъ.—Говори же, откуда ты, кто ты?

Старикъ провелъ рукой по глазамъ, какъ бы пробуждаясь отъ сна.

— Я съ трудомъ пробрался по утесамъ и пѣнистымъ горнымъ ручьямъ, среди ночного холода. Глаза мои видѣли дымящуюся кровь и трупы убитыхъ. Мое имя Оній, я бѣглецъ, лишившійся родного крова, послѣдній изъ моихъ единовѣрцевъ въ Птолемаидѣ!

Іоаннъ вздрогнулъ и поднялъ руку, какъ бы для того, чтобы отстранить ужасное извѣстіе.

— Изъ Птолемаиды? Послѣдній? А Іаковъ бенъ Леви, мой братъ?

— Спроси римлянина съ холоднымъ лицомъ. Они зовутъ его Веспасіаномъ.

— Великій Боже! онъ казнилъ его?

Старикъ медленно покачалъ бѣлой головой.

— Нѣтъ, не казнилъ,—глухо сказалъ онъ,—онъ его хранитъ, какъ свидѣтеля торжества римлянъ надъ іудеями.

— Онъ въ плѣну?

— Въ плѣну.

Іоаннъ закрылъ лицо руками. Потомъ онъ вдругъ снова задрожалъ, руки его опустились, а глаза со страхомъ стали вглядываться въ старика.

— Въ домѣ моего брата... была молодая дѣвушка.... еще дитя... невинное и чистое... зовутъ ее Тамарой...

Старикъ печально покачалъ головой.

— Я ее хорошо зналъ,—пробормоталъ онъ.—Часто она помогала старому Онію усаживаться въ тѣни кипариса, растущаго въ саду Іакова бенъ Леви Тамара! Мы звали ее солнечнымъ лучомъ.

Отецъ Тамары зашатался, потомъ бросился къ старику и схватилъ его за руку.

— Вы *звали* ее,—проговорилъ онъ, задыхаясь. Скажи—скорѣе, что съ ней случилось?

— Спроси Веспасіана.

— И она?

Тотъ же мрачный отвѣтъ: Въ плѣну.

— Для торжества...

Онъ не могъ продолжать: голосъ ему измѣнилъ и перешелъ въ страшное рыданіе. Но онъ продолжалъ твердо стоять на ногахъ и въ глазахъ его не было слезъ.

Страшная, душная тишина стояла въ комнатѣ, переполненной людьми. Ни звука, ни движенія, кромѣ мельканія факеловъ и медленно поднимающихся рукъ дряхлаго странника. Онъ закрылъ лицо старымъ разорваннымъ плащемъ, чтобы не видѣть безумной печали несчастнаго отца. Казалось, что Іоаннъ бенъ Леви одинокъ среди огромнаго собранія своихъ приверженцевъ; никто изъ его товарищей и друзей не рѣшался подойти къ нему въ такую минуту. Видъ его окаменѣлой отъ скорби фигуры сковывалъ всѣхъ.

Наконецъ Іоаннъ заговорилъ, почти беззвучно.

— Скажи мнѣ все. Ты что-то еще скрываешь. Не слыхалъ ли ты чего-нибудь о Регуэлѣ, моемъ сынѣ. Я послалъ его за сестрой.

Опять раздалось страшное, безнадежное слово.

— Спроси Веспасіана.

Іоаннъ бенъ Леви больше не спрашивалъ. Онъ отшатнулся, дрожащими руками ища опоры, хватаясь за стѣну, предъ которой стоялъ. Онъ медленно опустился на землю и его блѣдное лицо касалось плитъ. Долго онъ лежалъ и слушалъ, что чужеземецъ, склонившись къ нему, говорилъ беззвучнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзкимъ голосомъ, который слышно было въ отдаленныхъ углахъ большой комнаты.

— Самъ Веспасіанъ шлетъ меня къ тебѣ. Онъ избралъ меня, самаго стараго, слабаго и безопаснаго изъ всѣхъ, пережившихъ гибель колоніи Клавдіевой. Отправься къ Іоанну, заклятому врагу римлянъ,—сказалъ онъ,—и разскажи ему, что ты видѣлъ его сына и дочь, брата и племянницу въ моихъ рукахъ. Ихъ судьба въ моей власти. Если отецъ будетъ бороться противъ Рима, то дѣти будутъ плѣнниками Рима и украсятъ торжество побѣды. Сынъ будетъ бороться и умреть на аренѣ, въ лапахъ тигровъ и львовъ, въ честь римскаго побѣдителя. Дочь же будетъ одной изъ наложницъ во дворцѣ цезаря. Та же участь постигнетъ брата и племянницу.

Онъ остановился на минуту, какъ бы подавленный тяжестью словъ. Онъ еще ниже нагнулся къ лежащему на полу, чтобы тайно прослѣдить за впечатлѣніемъ своихъ словъ на него.

Іоаннъ не двигался. Отъ времени до времени тѣло его вздрагивало; холодъ сковывалъ ему члены, лихорадка усилилась.

— Если же Іоаннъ перестанетъ сопротивляться,—продолжалъ старикъ, медленно отчеканивая каждое слово,—то онъ станетъ другомъ Рима. Его будутъ охранять и почитать, какъ драгоцѣннѣйшаго изъ союзниковъ. Дѣти друзей считаются дѣтьми Рима, родственники друзей—родственники Рима. Имъ не причинятъ никакого зла. Кто ихъ коснется, тотъ будетъ имѣть дѣло съ вѣчнымъ Римомъ. Поэтому, говоритъ Веспасіанъ Іоанну, брось вражду, не ссорься съ нами, а приди ко мнѣ, какъ другъ къ другу и братъ къ брату. Дѣтей и родственниковъ ты получишь изъ рукъ моихъ невредимыми. Въ знакъ того, что все это истинно, возьми то, что было найдено у Регуэля, твоего сына—доказательство твоей измѣны Риму и Веспасіану. Все это будетъ забыто и прощено, если ты оставишь ряды враговъ.

Онъ вынулъ изъ подъ плаща свитокъ и передалъ его Іоанну. Это было письмо, найденное Вероникой у раненаго Регуэля. Агриппа получилъ его отъ Стефана.

Іоаннъ не принялъ подарка отъ римскаго полководца.

Онъ всталъ, выпрямился, какъ бы просыпаясь отъ смертнаго оцѣпенѣнія и отступилъ на шагъ отъ старика. Его скорбное лицо освѣтилось какимъ-то внутреннимъ свѣтомъ и онъ обратился къ окружающимъ его людямъ.

— Слышите, друзья,—сказалъ онъ, почти улыбаясь, и голосъ его звучалъ глубоко и полно.—Что вы мнѣ совѣтуете, долженъ я принять предложеніе римлянина?

Шумъ прошелъ по собранію, но никто не говорилъ, всѣ глядѣли напряженно на вождя.

Онъ же спокойнымъ шагомъ вышелъ впередъ и взялъ изъ руки одного изъ присутствовавшихъ обнаженное копье. Потомъ онъ всталъ на возвышеніе среди залы. Онъ казался болѣе высокимъ и грудь его болѣе широкой, когда съ пылающимъ взоромъ онъ высоко поднялъ мечъ въ правой рукѣ, а лѣвой коснулся блестящей стали.

Онъ началъ торжественно и строго; постепенно воодушевляясь, онъ дошелъ до бурнаго вдохновеннаго пафоса, и всѣ были потрясены его клятвой.

— По Твоей волѣ я сталъ одинокимъ и покинутымъ въ моемъ домѣ, Господь Богъ мой. Ты отдалъ дѣтей моихъ и родственниковъ въ руки врага. Сердце мое разрывается отъ муки, но я знаю, Боже— Ты не велишь мнѣ покинуть тебя и сѣсть у ногъ твоихъ противниковъ. Ты хочешь испытать меня. Я познала Тебя и душа моя вѣрна Тебѣ. Приношу обѣтъ, великій Богъ: Пусть я буду одинокимъ въ домѣ моемъ, и пусть все отпадетъ отъ меня, къ чему привязано мое сердце: сына и дочь, брата и племянницу, я отдаю Тебѣ и отчизнѣ. Она мнѣ будетъ сыномъ и дочерью, и до тѣхъ поръ я не успокоюсь, пока снова не раздастся радостная свободная пѣснь избраннаго народа въ родныхъ горахъ. Всѣ вы, которые видѣли меня удрученнымъ земной скорбью, воспряньте вмѣстѣ со мной, возьмите оружіе, забудьте все, что не есть единое и нераздѣльное, великое: Богъ и родина!

Воздухъ наполнился единогласнымъ торжествующимъ крикомъ: Богъ и родина! Даже Оній, невольный посолъ Веспасіана, послѣдній іудей Клавдіевой колоніи, жалкій старикъ, охваченъ былъ общимъ воодушевленіемъ. Онъ пытался выпрямить свою согбенную старческую фигуру и дрожащими руками ухватился за мечъ, поднятый около него Іоанномъ. Дотронувшись до его лезвія, онъ вдругъ упалъ среди залы на колѣни и съ мольбой поднялъ руки къ человѣку, который воспламенилъ всѣ сердца словами своихъ устъ.

— Великій вождь! воскликнулъ онъ.— Прости, что уста мои служили орудіемъ страшной вѣсти. Я пришелъ сюда, отчаявшись въ благѣ нашего народа, согбенный горемъ о его погибели. Теперь же измѣнились мои мысли, и я молю тебя: дай мнѣ принять участіе въ твоемъ дѣлѣ. Не велики мои силы, но и слабый можетъ быть орудіемъ Господа. Не отталкивай меня, Іоаннъ, дай мнѣ идти по твоимъ слѣдамъ, радоваться великому дѣлу и повторять слабыми устами геройскій кличъ твоихъ приверженцевъ: «Богъ и родина!»

Іоаннъ бенъ Леви спустился съ возвышенія, поднялъ колѣнопреклоненнаго старца и прижалъ его къ груди:

— Будь мнѣ отцомъ, Оній.

Глава XII.

Флавій Веспасіанъ выступилъ изъ древняго Акко, и, по зрѣлому обсужденію, перенесъ войну въ самую сильную изъ іудейскихъ провинцій—Галилею, извѣстную природной храбростью и неослабной силой своихъ жителей. Двойственность намѣстника Іосифа бенъ Матіи и вызванная ею смута въ умахъ обѣщали первый и легкій успѣхъ римскому оружію. Войско Веспасіана состояло изъ шестидесяти тысячъ человѣкъ, не считая толпы неправильнаго войска, не уступавшаго однако настоящимъ воинамъ по храбрости и умѣнію владѣть оружіемъ.

Ужасъ охватилъ сердце галилейскихъ іудеевъ, и вмѣсто того, чтобы сопротивляться вступленію врага въ ихъ землю, они разсыпались по всѣмъ направленіямъ, распространяя смятеніе по всей странѣ. Обитатели деревень скрывались въ лѣсахъ или искали спасенія отъ надвигающейся опасности за стѣнами крѣпостей. Когда же туда являлись римскіе воины, они сдавались, не помышляя объ сборонѣ. Дыханіе страшнаго чудовища— Рима стерло съ лица земли сразу и

упованіе на Бога, и прежнюю пламенную любовь къ родинѣ. Напрасно такіе люди, какъ Іоаннъ бенъ Леви пытались укрѣпить духъ своихъ соотечественниковъ, въ виду надвигающейся опасности. Самъ Іосифъ бенъ Матія, намѣстникъ, измѣнилъ всѣмъ своимъ блестящимъ обѣщаніямъ, своей безграничной самонадѣянности и, увлеченный общимъ потокомъ бѣглецовъ, укрылся не столько отъ римлянъ, сколько отъ негодованія своихъ соотечественниковъ, въ Тиверіадѣ, городѣ у Генисаретскаго озера, собственности измѣнившаго родинѣ царя Агриппы.

Разгромъ Іудеи начался съ цвѣтущей Гандары. Веспасіанъ овладѣлъ этимъ городомъ почти безъ боя. Но хотя почти никто въ городѣ не оказалъ сопротивленія, Веспасіанъ велѣлъ умертвить всѣхъ взрослыхъ горожанъ, а самъ городъ и всѣ лежащія вокругъ деревни были сожжены, такъ что едва остался камень на камнѣ.

Этерній Фронтонъ, едва оправившійся отъ болѣзни, началъ тогда свое страшное дѣло: среди плѣнныхъ онъ отбиралъ однихъ для отдачи въ рабство, а другихъ предназначалъ для борьбы на аренѣ. Подъ вліяніемъ ужаса, охватившаго Іудею послѣ этого перваго подвига римскаго оружія, Іосифъ бенъ Матія временно воспрянулъ и съ лихорадочнымъ рвеніемъ собралъ остатки силъ, удерживая отъ бѣгства всѣхъ, кто попадался ему на пути. Онъ рѣшилъ отстоять крѣпость Іотапату. Она построена была на высокихъ утесахъ и откружена долинами. Доступъ открытъ былъ только съ сѣвера, гдѣ Іотапата упиралась въ подошву горы, но эта сторона была укрѣплена сильной стѣной.

Іосифу удалось долго продержаться въ избранномъ имъ укрѣпленномъ пунктѣ, благодаря своей неистощимой находчивости и хитрости. Веспасіанъ велъ осаду неутомимо и осторожно, но много разъ приходилъ въ замѣшательство отъ неожиданныхъ шаговъ Іосифа и отъ возрастающей храбрости защитниковъ Іотапаты.

Осажденные отразили нѣсколько открытыхъ нападеній и дѣлали сами счастливыя вылазки. Во время одной изъ нихъ Веспасіанъ былъ даже серьезно раненъ.

Но ни храбрость защитниковъ Іотапаты, ни изворотливость намѣстника, не смогли отвратить отъ города его неизбѣжную судьбу и справиться съ превосходствомъ римскаго военнаго искусства. Все тѣснѣе становился желѣзный поясъ, охватывающій крѣпость, все слабѣе отпоръ обезсиленныхъ осажденныхъ. Метательные снаряды расшатали самыя крѣпкія стѣны и башни, и камни, проникая въ городъ, вносили смерть и разрушеніе въ дома жителей.

Защитники однако не теряли мужества, хотя силы ихъ ослабѣвали и страданія увеличивались отъ недостатка въ водѣ и съѣстныхъ припасахъ. Іосифъ бенъ Матія, отважный и находчивый среди удачъ, сразу опустился, когда счастье измѣнило іудеямъ. Его воинственный пылъ исчезъ, уступивъ мѣсто природному эгоизму. Онъ думалъ только о томъ, чтобы подъ-какимъ нибудь предлогомъ оставить крѣпость. Онъ даже уговаривалъ самыхъ видныхъ гражданъ бросить безполезную борьбу. Но это возбудило всеобщее негодованіе. Іосифъ могъ ожидать для себя самыхъ печальныхъ послѣдствій, если бы онъ не отказался отъ мысли о побѣгѣ.

Борьба возобновилась съ удвоеннымъ ожесточеніемъ, но іудеи, ослабленные потерями и ночными стражами на стѣнахъ, держались лишь съ величайшими усиліями. Все-таки они бы еще долго не уступили врагу, если бы ихъ не сразила измѣна.

Веспасіанъ узналъ отъ перебѣжчиковъ, что осажденные обыкновенно засыпаютъ подъ утро; въ это время и стража дремлетъ на стѣнахъ. Римлянамъ будетъ поэтому легко овладѣть городомъ, напавъ на него врасплохъ.

Веспасіанъ сначала не повѣрилъ доносчику—онъ зналъ, какъ іудеи преданны своимъ соплеменникамъ и не боятся смерти. Но извѣстіе, принесенное іудейскимъ перебѣжчикомъ, совпадало съ наблюденіями римскихъ стражей, и Веспасіанъ рѣшилъ сдѣлать попытку, выпустивъ тайно, на разсвѣтѣ, войско изъ лагеря.

Сѣрый густой туманъ лежалъ на злополучномъ городѣ, когда Титъ въ сопровожденіи двухъ начальниковъ и нѣсколькихъ солдатъ пятнадцатаго легіона взобрался первый на стѣну. Благополучно пробравшись туда, онъ закололъ спящихъ стражей и вошелъ въ крѣпость. Жители и воины лежали еще въ глубокомъ снѣ, когда римляне начали рѣзню. Іудеи защищались съ храбростью отчаянія, дошедшей до безумія. Но прижатые въ узкихъ улицахъ къ отвѣсной стѣнѣ горы, они были уничтожены подавляющимъ большинствомъ римлянъ. Лучшіе воины намѣстника, увидѣвъ, что всякое сопротивленіе напрасно, бросались на мечи, чтобы умереть добровольной смертью за родину.

И та вѣсть, которую разнесъ по странѣ пожаръ Гандары, подтвердилась паденіемъ Іотапаты: Веспасіанъ пришелъ не для того, чтобы вести простую войну противъ враждебнаго племени. Онъ пришелъ, чтобы стереть съ лица земли все, что носитъ имя іудеевъ.

Лишь немногіе жители Іотапаты были взяты въ плѣнъ, всѣ же остальные были безпощадно умерщвлены. Такъ пала Іотапата въ первый день мѣсяца тамуза (1-го іюля 67 года по Р. Х.), на тринадцатомъ году царствованія цезаря Нерона. Число іудейскихъ героевъ, которые пали на стѣнахъ, доходило до сорока тысячъ.

Іосифъ бенъ Матія избѣгъ меча. Среди битвы ему удалось убѣжать и скрыться въ глубокой цистернѣ, которая вела къ мало кому извѣстной пещерѣ. Тамъ онъ нашелъ нѣсколькихъ видныхъ гражданъ города, принесшихъ съ собой жизненныхъ припасовъ на долгое время. Три дня Веспасіанъ, не смотря на тщательные розыски, не могъ найти намѣстника, пока наконецъ одна изъ плѣнныхъ женщинъ не указала римлянамъ его тайнаго убѣжища. Веспасіанъ послалъ къ Іосифу трибуна Никанора, друга намѣстника, съ предложеніемъ сдаться.

Стыдъ предъ другими, или, быть можетъ, недовѣріе къ Веспасіану, заставили Іосифа сначала отвѣтить отказомъ. Когда же ему обѣщана была неприкосновенность, а воины грозили поджечь пещеру, если онъ долго будетъ колебаться, намѣстникъ потребовалъ нѣсколько времени для обсужденія. Послѣ этаго Никаноръ со своими людьми удалились извѣстить Веспасіана.

Возмущенные трусостью намѣстника, спасшіеся вмѣстѣ съ нимъ іудеи стали упрекать его и угрожать смертью, если онъ сдастся римлянамъ. Они требовали, чтобы онъ вмѣстѣ съ ними умеръ добровольной смертью за родину. Іосифъ дрожалъ отъ ужаса, слушая ихъ возбужденныя рѣчи и со змѣинымъ коварствомъ искалъ выхода изъ опаснаго положенія.

— Самоубійство позорно,—кричалъ онъ, какъ бы охваченный религіознымъ ужасомъ.—Это величайшее преступленіе противъ Бога и природы. Души самоубійцъ осуждены на вѣчную адскую муку. Чего намъ страшиться отъ римлянъ—смерти? Но если бояться смерти, зачѣмъ искать ея? Если мы хотимъ жить, то не позорно быть обязанными жизнью тѣмъ, кому мы доказали свою доблесть. Если же мы хотимъ умирать, то чтó можетъ быть почетнѣе, чѣмъ смерть отъ рукъ враговъ? Я не сдамся римлянамъ, чтобы никто не подозрѣвалъ меня въ измѣнѣ, но я хотѣлъ бы возбудить ихъ ненависть, чтобы они убили меня, хотя и обѣщали даровать мнѣ жизнь.

Эти слова еще болѣе возмутили слушателей, вмѣсто того, чтобы успокоить ихъ. Они уже надвигались съ мечами на Іосифа, когда вдругъ у него въ умѣ мелькнула послѣдняя спасительная мысль.

— Хорошо,—сказалъ онъ, гордо выпрямившись.—Я готовъ умереть съ вами. Но предоставимъ рѣшеніе волѣ Всевышняго. Кинемъ жребій, кому первому умереть. На кого жребій выпадетъ, того пусть заколетъ его ближайшій сосѣдъ и такъ далѣе, по очереди, до самаго послѣдняго.

Іосифъ сдѣлалъ это безумное предложеніе только для того, чтобы устрашить другихъ, но къ его ужасу, они не только его приняли, но тотчасъ же стали выполнять. Съ дикой рѣшимостью несчастные вынимали жребій и безъ ропота, даже съ особеннымъ радостнымъ

экстазомъ, принимали смерть изъ рукъ братьевъ.

По странному случаю, послѣдними остались самъ намѣстникъ и одинъ цвѣтущій юноша—храбрѣйшій изъ всѣхъ принявшихъ смерть. Наступила минута, когда они должны были кинуть жребій—кому заколоть другого, а потомъ себя.

Смертельная блѣдность покрыла черты намѣстника, когда онъ сталъ вынимать роковой жребій. Онъ уже собирался молить о пощадѣ, но вдругъ въ душѣ его мелькнула безумная надежда. Юноша ослабѣлъ подъ вліяніемъ происходившаго вокругъ. Онъ едва держалъ мечъ, на которомъ была кровь убитаго имъ только что съ невѣроятнымъ напряженіемъ воли единоплеменника—его собственнаго отца.

Іосифъ бенъ Матія воспользовался минутой слабостью юноши, прислонившагося къ стѣнѣ, и бросился на него, чтобы вырвать оружіе изъ его рукъ.

Во время ихъ бѣшеной борьбы подкрался незамѣтно трибунъ Никаноръ и его воины, и покончилъ страшную распрю.

Іосифъ бенъ Матія отведенъ былъ плѣнникомъ въ римскій лагерь, который онъ нѣкогда обѣщалъ своимъ приверженцамъ, какъ богатую военную добычу. Душа его была полна теперь ужаса и сомнѣній.

Сдержитъ-ли Веспасіанъ свое слово?

Глава XIII.

Вероника и Регуэль жили странной, похожей на сонъ жизнью. Демоническими чарами царица съумѣла превратить юношу въ своего раба. Ей удалось то, къ чему она страстно стремилась, ухаживая за раненымъ въ маленькомъ тайномъ покоѣ въ Птолемаидѣ. Она вылѣпила по своему желанію мягкій воскъ его сердца и придала ему форму, которая казалась ей самой прекрасной и желанной. Она радостно дышала, чувствуя свою неограниченную власть и видя свой образъ на алтарѣ его сердца. Она была для него страннымъ сочетаніемъ женщины и богини.

Они жили, какъ будто кромѣ нихъ не было никого во всемъ мірѣ. Нѣмой тихій Стефанъ не выводилъ ихъ изъ очарованнаго сна: другимъ рабамъ Вероника тоже велѣла молчать и они повиновались, зная, что царица умѣетъ карать и награждать.

Для Регуэля и для всѣхъ другихъ Вероника въ это время была Деборой, вдовой богатаго купца.

Шумъ войны не доходилъ до уединеннаго Бетъ-Эдена, но сама царица получала свѣдѣнія о ходѣ римскаго завоеванія. Между нею и Агриппой шелъ правильный обмѣнъ вѣстей. И отъ Тита она иногда получала небольшія посланія.

Вероника равнодушно присоединяла ихъ къ прочимъ. Что ей за дѣло теперь до Тита, Агриппы и до судьбы ея народа?

Всѣ ея чувства и мысли были заняты первой страстной молодой любовью. Съ жадностью она хваталась за настоящее, намѣренно забывала прошлое, и старалась отвратить отъ себя грозное будущее. Теперь она ясно сознавала: ихъ скрытое отъ міра счастье не можетъ длиться вѣчно. Тайна, на которой оно основано, дѣлаетъ его непрочнымъ. Долго ли удастся ей еще обманывать возлюбленнаго относительно событій, которыя надвигались гигантскими шагами? Съ какимъ трудомъ достигала она того, что онъ до сихъ поръ полудремотно относился ко всему, что не касалось Деборы!

Онъ думалъ, что война еще не началась, что Веспасіанъ, устрашенный единодушнымъ возстаніемъ цѣлаго народа, ждетъ въ Птолемаидѣ, чтобы улегся первый пылъ его противниковъ. Онъ былъ увѣренъ, что Тамара и его родственники невредимо прибыли въ Гишалу, и что отецъ его продолжаетъ дѣло освобожденія родины, стоя во главѣ галилейскихъ патріотовъ.

Ни на секунду у него не возникало сомнѣнія въ словахъ Деборы. Къ тому же, письма отца подтверждали истину того, что она говорила. Онъ не зналъ, что, по приказу Вероники, эти письма искусно поддѣлывались и передавались ему заранѣе подготовленными къ расспросамъ вѣстниками. Въ этихъ письмахъ оаннъ бенъ Леви повелѣвалъ сыну оста-

ваться тамъ, гдѣ онъ находился, пока его не позовутъ, и Регуэль охотно повиновался.

Стефанъ ждалъ. Чрезъ его руки проходило все, что относилось къ царицѣ. Отъ его зоркаго взгляда ничего не укрывалось. Вѣстники Агриппы тоже приходили къ нему, онъ велъ ихъ къ повелительницѣ, уже обмѣнявшись съ ними тайнымъ знакомъ. Но тотъ, кого онъ ждалъ, еще не приходилъ.

Наконецъ однажды пришелъ въ Бетъ-Эденъ Хлодомаръ.

Во время одной изъ стычекъ у стѣнъ Іотапаты, онъ попалъ въ руки солдатъ Агриппы, и его привели къ царю. Онъ тогда перешелъ на службу царя: и до того Хлодомаръ былъ носителемъ тайныхъ вѣстей отъ Іосифа бенъ Матія къ Агриппѣ. Царь зналъ, что Хлодомару извѣстны его тайныя отношенія къ намѣстнику и былъ увѣренъ въ его честности и скрытности. Эти рѣдкія качества были особенно цѣнны среди общаго предательства, и Агриппа добился того, что Хлодомаръ поступилъ къ нему на службу.

Хлодомаръ принесъ обстоятельныя вѣсти Вероникѣ отъ царя. Когда онъ передалъ объемистый свитокъ эѳіопу, вѣстникъ и рабъ пристально взглянули другъ другу въ глаза. Хлодомаръ какъ будто бы вспомнилъ о чемъ-то забытомъ, вынулъ таблицы, на которыхъ было что то написано, и показалъ ихъ Стефану. Рабъ прочелъ: «Вывѣдай, что рѣшила Вероника и скажи вѣстнику». Глаза Стефана сверкнули, потомъ онъ пошелъ передавать царицѣ письмо Агриппы. При видѣ посланія Вероника почуяла грозящую опасность. Она знала, что паденіе Іотапаты вопросъ времени, и что вмѣстѣ съ ней вся Галилея подпадетъ подъ власть Рима. Тогда же ей придется принять рѣшеніе,—Іерусалимъ или Римъ! Она могла избрать лишь одинъ изъ нихъ, и оба рѣшенія были одинаково опасны: Іерусалиму принадлежало сердце ея, съ Римомъ связывали ее интересы ея семьи, вѣра въ успѣхъ. Разрывая съ Римомъ, она должна была пожертвовать Агриппой и всѣми царскими владѣніями семьи Ирода; отрекаясь отъ Іерусалима, она предавала свой народъ, своего Бога, свою любовь.

Время рѣшенія настало: Іотапата пала.

Агриппа писалъ ей въ приподнятомъ отъ радости тонѣ: онъ теперь меньше ненавидѣлъ Римъ, чѣмъ іудеевъ; возставая противъ языческихъ притѣснителей, они тѣмъ самымъ объявляли войну и честолюбивой политикѣ Агриппы, послѣдняго и слабѣйшаго изъ дома Ирода. Враждебно настроенные іудеи ненавидѣли его за всѣ неискупленныя преступленія его предковъ. Это наслѣдіе было тѣмъ болѣе подавляющимъ, чѣмъ менѣе было смѣлости у Агриппы открыто прибавить новые, большіе грѣхи къ старымъ. Онъ былъ даже лишенъ ореола истинной жестокости, которая внушила бы ужасъ его врагамъ.

Іотапата пала — быть можетъ, это откроетъ глаза ослѣпленнымъ жителямъ Іерусалима относительно того, что ихъ ожидаетъ. Агриппа писалъ, что онъ вполнѣ согласенъ съ рѣшеніемъ Веспасіана: съ возставшими галилеянами нужно поступить самымъ строгимъ образомъ, нуженъ устрашающій примѣръ. Слишкомъ долго этотъ упрямый народъ злоупотреблялъ терпѣніемъ властителей. Эта кара принесетъ пользу самимъ іудеямъ; они должны понять, что спасеніе только въ мирномъ подчиненіи. Агриппа же надѣялся получить отъ римлянъ покоренныя провинціи въ царственное владѣніе. Конечно, въ началѣ за нимъ еще будутъ слѣдить, но достиженіе полной независимости только вопросъ времени. Теперь для Вероники наступило время дѣйствовать. Ея роль та же, какая нѣкогда выпала на долю Эсфири. Агриппа извѣщалъ ее, что снова представился случай укрѣпить въ душѣ Веспасіана и Тита пробужденную на горѣ Кармелѣ вѣру въ ихъ божественное предназначеніе, въ то, что имъ долженъ достаться кесарскій тронъ.

«Я воспользовался для этой цѣли, писалъ царь, нашимъ старымъ другомъ, Іосифомъ бенъ Матія. Я узналъ, что онъ взятъ въ плѣнъ и послалъ къ нему тайно Хлодомара, человѣка вполнѣ вѣрнаго, съ посланіемъ на арамейскомъ нарѣчіи. Іосифъ бенъ Матія прочелъ посланіе и

сталъ дѣйствовать съ обычной ловкостью по моимъ указаніямъ. Я былъ при томъ, когда его привели къ Веспасіану, въ припадкѣ полнаго, быть можетъ, даже непритворнаго, раскаянія. Онъ упалъ къ ногамъ полководца и сталъ молить, какъ о милости, о томъ, чтобы ему позволено было дать доказательство его дружескаго расположенія къ римлянамъ. Мольба его обращалась и ко мнѣ. Я исполнилъ его просьбу, но такъ равнодушно, что Веспасіану не могла въ голову придти мысль о нашемъ тайномъ соглашеніи. То, что я имѣлъ при этомъ въ виду, вполнѣ осуществилось. Веспасіанъ сообщилъ мнѣ, что непремѣнно долженъ отправить человѣка, столь высоко стоящаго, какъ Іосифъ бенъ Матія, въ Грецію, къ Нерону. Только самъ императоръ можетъ рѣшить его участь. Я въ нѣсколькихъ словахъ выразилъ свое сожалѣніе и съ притворнымъ безучастіемъ повернулся къ Титу, который стоялъ около меня; я сталъ его спрашивать, доволенъ ли онъ своимъ конемъ Туекомъ. Въ то же время я подалъ Іосифу условный знакъ. Тотчасъ же, съ ловкостью опытнаго актера, Іосифъ обратился къ Веспасіану съ вдохновеннымъ видомъ пророка. «Ты думалъ,—сказалъ онъ, что взялъ въ плѣнъ только Іосифа бенъ Матію, намѣстника Галилеи, но я вѣдь являюсь къ тебѣ вѣстникомъ болѣе высокихъ и важныхъ вѣстей. Развѣ бы я стоялъ теперь передъ тобой, еслибъ не былъ посланъ свыше и не понималъ бы тайныхъ пророчествъ іудейскаго Бога? Я вѣдь знаю, какъ долженъ умереть полководецъ! Зачѣмъ тебѣ посылать меня къ Нерону? Не цезарь Неронъ, а ты самъ господинъ моей жизни и повелитель моей судьбы. Не много пройдетъ времени, и ты самъ будешь носить имя цезаря, властителя земли, моря и всего человѣческаго рода, а Титъ, твой сынъ, будетъ твоимъ преемникомъ на всемірномъ престолѣ». Веспасіанъ поблѣднѣлъ отъ изумленія и на лицѣ его я прочелъ воспоминаніе о томъ, что было на горѣ Кармелѣ. Но онъ еще не вѣрилъ.—«Ты безумствуешь, крикнулъ онъ, отступая отъ Іосифа, или хочешь обмануть меня, чтобы вернуть себѣ свободу». Плѣнникъ усмѣхнулся.—«Зачѣмъ мнѣ лгать? сказалъ онъ. Развѣ жизнь моя не въ твоей рукѣ? Ты можешь присудить меня къ величайшимъ пыткамъ, чтобы вырвать у меня признаніе истины, и все же я буду твердъ. Я жрецъ великаго бога и знаю, что свобода должна мнѣ быть даромъ твоихъ рукъ». Твердость Іосифа бенъ Матія внушила полководцу большее довѣріе. Чтобы усилить впечатлѣніе, я сказалъ въ легкомъ тонѣ, обращаясь къ Титу, но такъ, что Веспасіанъ могъ меня слышать, что Іосифъ въ самомъ дѣлѣ жрецъ. Упомянулъ также, что, какъ извѣстно, большая часть жрецовъ обладаетъ даромъ пророчества. Это замѣчаніе положило конецъ колебаніямъ Веспасіана. Онъ велѣлъ, конечно, держать плѣнника подъ строгимъ надзоромъ, но уже отмѣнилъ его отправку къ цезарю, гдѣ конечно его ожидала смерть. Благодарность Іосифа ко мнѣ безгранична, какъ онъ передавалъ чрезъ другихъ, и онъ готовъ служить мнѣ, чѣмъ только можетъ. Я, конечно, не придаю большого значенія этимъ увѣреніямъ, но его необычайная хитрость и ловкость сможетъ сослужить мнѣ службу. Тебѣ же, Вероника,—писалъ Агриппа въ заключеніе,—я напоминаю данное мнѣ слово. Болѣе чѣмъ когда-либо важно склонить Тита на нашу сторону,—чѣмъ бы война ни кончилась. Поэтому я пригласилъ Веспасіана и его сына отпраздновать покореніе Галилеи въ Цезареѣ Филиппійской; оба они согласились, тѣмъ болѣе, что войско страдаетъ отъ жары. Веспасіанъ уже ранѣе рѣшилъ дать ему нѣсколько недѣль отдыха. Поэтому, когда Хлодомаръ придетъ къ тебѣ, сдѣлай всѣ приготовленія, чтобы встрѣтить римлянъ по царски. А болѣе всего я совѣтую тебѣ удалить все, что можетъ казаться подозрительнымъ Веспасіану и въ особенности Титу. Надѣюсь, что ты поймешь меня. Вѣдь мои интересы на этотъ разъ совпадаютъ съ твоими».

Внѣ себя отъ бѣшенства Вероника смяла письмо въ рукахъ. Никогда эгоизмъ брата не проступалъ такъ обнаженно и грубо. Притворяться теперь, когда сердце ея полно любви къ другому? Помогать Агриппѣ, который измѣняетъ родинѣ, и губитъ народъ израильскій, народъ Регуэля!

Никогда! Она не позволитъ отнять у себя свое сокровище, она защититъ его противъ всѣхъ, противъ собственнаго брата, противъ всего міра.

Единственное средство спасенія—бѣгство, быстрое, безотлагательное бѣгство... Она вскочила и съ гадливостью оттолкнула ногой письмо брата. Бросившись къ Стефану, который стоялъ у дверей, она стала говорить съ нимъ знаками.

— Бѣжать... въ тотъ же вечеръ... Только съ Регуэлемъ и Стефаномъ. Но куда?

Вдругъ ее озарилъ свѣтъ.

Куда?

Конечно въ Іерусалимъ. Тамъ сердце ея народа, мѣсто Регуэлю и дочери Асмонеевъ у враговъ Рима. Она во всемъ признается возлюбленному, въ перемѣнѣ имени, въ обманѣ съ письмами отца. Онъ ее проститъ, и тогда—любовь за любовь. Она признается ему дорогой, темной ночью, когда краска стыда не замѣтна будетъ на ея щекахъ.

Ея поспѣшность заразила раба... Какъ безумный, бросился онъ изъ комнаты. Она вздрогнула и вышла собрать въ дорогу драгоцѣнности. Хлодомаръ ждалъ еще отвѣта. Когда Стефанъ вернулся, онъ вопросительно взглянулъ на раба.

— Она хочетъ бѣжать, написалъ Стефанъ на врученной ему таблицѣ.

Благородное лицо Хлодомара омрачилось, потомъ онъ медленно обнажилъ висѣвшій у пояса драгоцѣнный кинжалъ, и показалъ рабу сверкающую сталь; на ней было вырѣзано одно слово:

— Убить!

. . . .

Іоаннъ изъ Гишалы звалъ его.

Регуэль держалъ посланіе въ рукахъ и перечитывалъ его нѣсколько разъ сряду. Вероника съ тайнымъ безпокойствомъ смотрѣла на юношу; она опять рѣшилась на обманъ. Сказать теперь всю правду она не смѣла. Регуэль также ненавидѣлъ и презиралъ Веронику, какъ любилъ Дебору.

Слишкомъ скорое, не подготовленное открытіе истины могло бы потрясти его довѣрчивую душу. Вероника боялась, что онъ произнесетъ слово, которое ихъ навсегда разлучитъ.

Открытый лобъ Регуэля омрачился. Наступило время разлуки. Опьяненіе счастья нарушено зовомъ, который слышался ему изъ написанныхъ строкъ. Сведетъ-ли благосклонная судьба снова пути Регуэля и Деборы?

Онъ покраснѣлъ отъ своей эгоистичной мысли. Что значила теперь судьба отдѣльнаго человѣка, когда гибнутъ тысячи и погибнетъ, можетъ быть, цѣлый народъ! И все-таки у него было тяжело на сердцѣ.

— Прочти, сказалъ онъ глухо и далъ царицѣ письмо.

Она его не взяла. Даже если бы она не знала, что въ немъ было, она догадалась бы о содержаніи письма по глазамъ Регуэля.

Вероника слабо улыбнулась. Она видѣла, какъ ему трудно разстаться съ ней.

— Тебѣ нужно покинуть меня,—такъ уходи, сказала она небрежно, какъ бы шутя. Даже въ такую напряженную минуту она не могла удержаться отъ того, чтобы не проявить своей власти надъ нимъ.

— Почему же ты не идешь?—повторила она, видя его безмолвный, устремленный на нее взоръ.

— Такъ ты прощаешься со мной? взволнованно проговорилъ онъ. Безъ слова утѣшенія и сожалѣнія, Дебора?

Она пожала плечами.

— Ты мужчина!

Онъ вздрогнулъ.

— Ты права, проговорилъ онъ взволнованно и замолчалъ. Я чуть было изъ за тебя не забылъ этого. Благодарю тебя, Дебора... Благодарю за все дивное, навсегда исчезнувшее время!

Онъ не могъ продолжать и, медленно наклонившись, поцѣловалъ руку царицы. Потомъ онъ направился къ двери. Она глядѣла ему вслѣдъ, пока онъ дошелъ до выхода.

— Навсегда? спросила она тихо и глубокія ноты послышались въ ея до того задорномъ тонѣ. Почему навсегда? Зачѣмъ ты вообще уходишь?

Онъ остановился въ изумленіи.

— А родина?

— Родина? повторила она съ кажущейся насмѣшкой. Что она тебѣ дастъ, твоя родина? Ты принесешь ей въ

жертву все, что есть самаго дорогого для тебя, а она ничего не дастъ, кромѣ смерти. Ты забылъ, что выше всего— жить любовью?

Она медленно подошла къ нему, какъ бы для того, чтобы слѣдить по его лицу, какъ онъ борется съ собой, какъ у него разрывается сердце отъ сомнѣній.

Регуэль глядѣлъ на нее съ изумленіемъ.

Ея глаза горѣли и глядѣли на него съ пламеннымъ возмущеніемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ лежала какая-то нѣмая, полная ужаса мольба. Вероника, убѣждавшая его жить для себя, казалось, ждала отъ него слова, которое разрѣшитъ борьбу въ ея собственной душѣ и положитъ конецъ ея колебаніямъ, внушитъ ей окончательное рѣшеніе. Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ увидѣлъ Дебору, Регуэль почувствовалъ, что не знаетъ ея. Онъ отвѣтилъ ей болѣе рѣзко, чѣмъ хотѣлъ сначала.

— Родина для іудея самое великое— большее, чѣмъ для всѣхъ другихъ народовъ, ибо наша родина — Богъ. Когда опасность грозитъ родинѣ іудеевъ, она грозитъ Богу, тому Богу, который вселилъ въ наши сердца чувство любви. Защищая родину, я защищаю не только эту страну, ея лѣса и долины, рѣки и горы, не только Іерусалимъ, города и храмы, не только людей, населяющихъ святую землю; я вмѣстѣ съ тѣмъ защищаю и самое великое, все, что наполняетъ душу человѣка—Бога и конечную цѣль жизни. Счастье міра держится вѣрой въ Бога.

Онъ сказалъ это безъ всякой торжественности, не возвышая голоса. Казалось, что слова медленно поднимаются изъ внутренняго свѣтлаго источника души его, что въ нихъ простая и неприкрашенная истина, которую не нужно даже слишкомъ настойчиво доказывать.

Вероника отошла и съ изумленіемъ смотрѣла па него.

— Такъ вотъ что живетъ въ той части его сердца, которая ей не принадлежитъ? Она хотѣла разсердиться на юношу и не могла. У нея кровь закипѣла отъ мысли о соперничествѣ, но это было соперничество съ Богомъ. Никогда ранѣе она такъ ясно не понимала, что душа ея бѣдна высокими ощущеніями, что жизнь безпощадной рукой отняла у нея то, что составило бы святыню ея высокаго ума.

Среди роскоши, пышной жизни, могущества и мелкихъ интригъ она утратила то, что отличало іудеевъ отъ остальныхъ народовъ—мысль о великомъ призваніи человѣчества, о томъ, что выше временныхъ цѣлей.

Регуэль раскрылъ предъ ней бѣдность ея души, показавъ ей высоту своего духа. Регуэль былъ силенъ. Это не мальчикъ, каковымъ она его всегда считала, а возмужалый человѣкъ, совсѣмъ не похожій на тѣхъ, кого она до сихъ поръ знала и надъ кѣмъ властвовала. Она увидѣла границы своего могущества, но это не возбуждало въ ней страстнаго протеста. Въ ней проснулась нѣжная потребность женщины покорно прильнуть къ возлюбленному, какъ плющъ къ дубу и среди смутныхъ чувствъ поднять къ нему глаза съ довѣріемъ и восторгомъ. Рабство любви, которому она прежде подчиняла другихъ, настало теперь для нея и она отдавалась ему съ блаженнымъ чувствомъ счастья.

Она подошла къ Регуэлю, положила ему на грудь свою уставшую голову и заговорила шепотомъ, вся дрожа отъ волненія:

— Прости, возлюбленный, что я тебя испытывала. Ты великъ и силенъ. Не лишай меня этой опоры, не отталкивай меня. Ты видишь, я слабая женщина, подвластная движеніямъ вѣтра. Защити же меня, чтобы я не погибла въ вихрѣ, и поступи со мной по твоему желанію. Если ты останешься здѣсь, я буду сидѣть у ногъ твоихъ, я буду служить тебѣ. Если ты уйдешь, дай мнѣ слѣдовать за тобой — къ блестящей побѣдѣ или къ мрачной смерти. И то, и другое я съ блаженствомъ раздѣлю съ тобой,— Регуэль!

Она быстро наклонилась и поцѣловала руку Регуэля. Богъ и родина одержали въ ней побѣду надъ соблазномъ власти.

Долго Вероника помнила эту минуту. Никогда, ни ранѣе, ни позже, она не сознавала въ себѣ такого подъема духа,

какъ въ ту минуту, когда покорила свою гордость.

. . . .

Регуэль вернулся къ себѣ опьяненный счастьемъ. Будущность лежала предъ нимъ въ сіяющихъ краскахъ. Ему предстояла борьба за святыню своего народа, рядомъ съ отцомъ, благороднѣйшимъ изъ мужей Іудеи, и съ Деборой, благороднѣйшей изъ іудейскихъ женщинъ.

Дебора ему обѣщала на прощаніе, что она станетъ его женой, если Іоаннъ бенъ Леви одобритъ выборъ сына. Почему бы отцу не одобрить его? Прекраснѣе, чѣмъ Дебора нѣтъ женщины на свѣтѣ! Онъ поспѣшно собралъ немногія вещи, ему принадлежащія. Стефанъ, ихъ довѣренный рабъ, возьметъ ихъ и принесетъ къ мѣсту условленной встрѣчи.

Регуэль долженъ былъ согласиться съ Деборой—имъ не слѣдовало вмѣстѣ оставить городъ. Римское войско надвигалось, быть можетъ даже, воины Веспасіана рыщутъ въ окрестностяхъ. Какъ легко могъ найтись среди жителей или даже среди слугъ Деборы, предатель, который будетъ разсчитывать получить награду отъ римлянъ. Трудно предположить, что присутствіе Регуэля въ Цезареѣ Филиппійской осталось тайной, не смотря на всѣ предосторожности. Веспасіанъ, равно какъ и Агриппа не упустятъ случая захватить въ плѣнъ сына ихъ врага.

Условленнымъ мѣстомъ встрѣчи былъ іорданскій источникъ. Тамъ Дебора должна была ждать его. Стефанъ дастъ знакъ Регуэлю, когда оставитъ Бетъ-Эденъ. Имъ предстоитъ сказочно-прекрасная поѣздка ночью, вдоль Іордана, среди лѣсныхъ кущъ, такая же прекрасная, какъ и путешествіе изъ Птолемаиды въ Бетъ-Эденъ, можетъ быть, еще прекраснѣе. Тогда Дебора и Регуэль не были такъ близки другъ другу. А потомъ Гишала, привѣтливое серьезное лицо отца...

Согласно указаніямъ Деборы, Регуэль легъ отдохнуть. Отъѣздъ былъ назначенъ въ часъ по полуночи, нужно было собраться съ силами для предстоящаго путешествія. Регуэль заснулъ, мечтая о блестящихъ глазахъ Деборы, съ именемъ отца на устахъ, съ надеждой и любовью въ сердцѣ.

. . . .

На мечѣ Хлодомара было написано: убить!.

Агриппа же писалъ въ своемъ письмѣ: удали все подозрительное.

Стефанъ прочелъ и то, и другое. Наступилъ часъ, котораго онъ долго ждалъ. Онъ былъ обѣщанъ ему царемъ въ потайномъ покоѣ въ Птолемаидѣ.

— Убить! — Стефанъ убьетъ, но не мечомъ. Слишкомъ ничтожной и легкой казалась ему эта быстрая смерть. Онъ вѣдь сто разъ умиралъ отъ внутренняго всепожирающаго огня.

Огонь! Теперь, когда это въ его силахъ, Стефанъ тѣмъ же мученіемъ отомститъ своему врагу.

Глаза эѳіопа разгорѣлись при этой мысли и жестокая улыбка легла вокругъ его тѣсно сжатыхъ губъ.

Стефанъ только что вернулся отъ царицы. По ея приказу онъ принялся за ящики и сундуки, чтобы наполнить ихъ драгоцѣнными камнями и золотомъ. Вероника хотѣла примкнуть къ востанію со всѣмъ своимъ богатствомъ. Пусть Римъ узнаетъ, что онъ потерялъ въ ней одной!

Эѳіопъ равнодушно перебиралъ сокровища. Что ему до всѣхъ драгоцѣнностей въ мірѣ. Глаза его жадно слѣдили за тонкими пальцами, передававшими ему камни, и за ослѣпительно бѣлой рукой, которая терялась въ розоватой тѣни широкаго рукава. Царица не обращала на него вниманія, и не посмотрѣла на него, когда онъ уходилъ. Она не видѣла страннаго темнаго луча въ его глазахъ и полувызывающую полурабскую улыбку его рта. Она думала только о Регуэлѣ.

За дверью Стефанъ выпрямилъ свою покорно согбенную фигуру и облегченно вздохнулъ. Потомъ онъ безшумно пробрался черезъ переходы дворца къ комнатѣ Регуэля, осторожно пріоткрылъ ее и заглянулъ во внутрь.

Его соперникъ спалъ. На лицѣ его покоилось отраженіе счастливаго сна, и губы его шептали одно имя. Стефанъ не могъ его слышать, но онъ его все-таки узналъ. Онъ усмѣхнулся, потомъ снова

выскользнулъ изъ комнаты и по маленькой лѣстницѣ, ведущей внизъ, прошелъ въ узкій чуланъ гдѣ были сложены осмоленное дерево и пропитанныя масломъ вещества: топливо для зимы и свѣтъ для ночей.

Прежде чѣмъ войти туда, эѳіопъ еще остановился и посмотрѣлъ вверхъ. Онъ довольно кивнулъ головой: окно Регуэля находилось какъ разъ надъ этимъ мѣстомъ.

....

Они прибыли къ источнику Іордана—мѣсту условленной встрѣчи. На маленькомъ возвышеніи стояла царица, нѣсколько поодаль Стефанъ съ тремя лошадьми для бѣглецовъ.

Рабъ и царица оба глядѣли внизъ, въ долину, расстилающуюся предъ ними темной полосой въ серебряномъ свѣтѣ луны. Но Вероника вглядывалась только въ бѣлую извивающуюся дорожку, которая вела вверхъ изъ долины. По ней долженъ былъ пріѣхать Регуэль. Стефанъ же смотрѣлъ на свѣтлую мраморную крышу, выглядывавшую изъ за темныхъ деревьевъ, которые, казалось, двигались въ дрожащемъ лунномъ свѣтѣ.

Регуэля все еще не было.

Скользящій лунный свѣтъ надъ крышей все еще не смѣнялся другимъ красными сіяніемъ.

Первый часъ пополуночи давно прошелъ, Вероника начала тревожиться, и съ волненіемъ слѣдила за каждымъ движеніемъ на тропинкѣ. Но камни на ней все еще однообразно блестѣли свѣтомъ безъ тѣней,

Вдругъ Стефанъ вздрогнулъ и съ трудомъ подавленный крикъ торжествующей радости сорвался съ его устъ.

Надъ крышей, которая виднѣлась вдали, поднялось облачко, сначала незамѣтное, исчезающее въ тонкомъ свѣтовомъ покровѣ луны; но оно становилось постепенно мрачнѣе и мрачнѣе, темнѣе и темнѣе, и превратилось наконецъ въ рѣзко очерченный, поднимающійся вверхъ столбъ дыма. И вдругъ, въ ту минуту, когда у раба вырвался радостный звукъ, яркое пламя пробилось снизу, сквозь сѣрые клубы дыма, освѣщая ихъ кровавымъ заревомъ. И огненный языкъ такъ же быстро исчезъ, какъ и показался. За нимъ послѣдовалъ другой, третій, все съ болѣе короткими промежутками и наконецъ, сплошное пламя заслонило крышу—Бетъ Эденъ горѣлъ.

Стефанъ подошелъ къ царицѣ и коснулся ея руки. Она вздрогнула и обернулась къ нему, какъ бы очнувшись отъ сна. Онъ опустилъ глаза, чтобы сіявшая въ нихъ радость не выдала его, и протянулъ руку по направленію къ Бетъ Эдену. Вероника взглянула по указанному направленію и отшатнулась, блѣдная отъ ужаса.

Бетъ Эденъ горѣлъ! а Регуэль?

Быть можетъ, онъ борется съ падающими балками, въ шипящемъ дождѣ огня, зоветъ ее, задыхаясь отъ дыма. Быть можетъ, уже...Боже, только не это, только не это.

Она прижала дрожащія руки къ вискамъ и закрыла глаза, чтобы не видѣть губительнаго пламени. Но вдругъ у нея мелькнула мысль: быть можетъ, еще не слишкомъ поздно!

Въ одну секунду она очутилась около лошадей, отвязала поводья своей лошади, и взвилась на нее, ухватившись за гриву благороднаго коня. Сильный, безумный толчокъ ногой, и лошадь помчалась.

— Регуэль! — стонала она, несясь впередъ.

За ней погнался на другомъ конѣ рабъ Стефанъ. Глаза его были широко раскрыты и сіяли жуткимъ блескомъ; сквозь стиснутые зубы слышался страшный, жестокій, злорадный смѣхъ.

Левъ отважился на первый прыжокъ.

....

Регуэль проснулся. Ему казалось, что какая-то тяжелая рука схватила его за горло. Вѣки такъ отяжелѣли, что онъ едва ихъ поднималъ. Онъ не могъ очнуться отъ страшнаго сна, который еще теперь ясно стоялъ предъ его глазами.

Ему казалось, что возлѣ него Дебора—его жена. Она нагнулась къ нему, чтобы поцѣловать его, но ея прикосновеніе становилось все холоднѣе и холоднѣе, и вдругъ лицо ея странно измѣни-

лось. Мягкія черты сморщились, глаза съузились и горѣли, кожа покрылась пятнами и сверкала, ротъ сталъ огромнымъ и широко раскрылся; изъ глубины этой хищнической пасти высунулся кровавый длинный, раздвоенный языкъ, и сталъ пробираться къ сердцу жертвы, Это уже не была Дебора, а змѣя, страшное чудище, хитрый врагъ человѣческаго рода. Регуэль весь похолодѣлъ, волосы его отъ ужаса поднялись на головѣ, онъ тщетно пытался крикнуть, и лежалъ безъ жизни, не въ состояніи двинуться. Что-то душное окутывало его, странныя тѣни носились предъ его глазами, онъ не могъ ихъ разсѣять, и вдругъ, сквозь дымъ и удушье, прорвалось яркое пламя.

Онъ быстро вскочилъ и бросился къ окну, чтобы раскрыть его. Пламя поднялось оттуда ему на встрѣчу. Онъ отшатнулся.

Бетъ Эденъ горѣлъ!

А Дебора?

Первая его мысль была о ней. Въ смертельномъ ужасѣ онъ бросился къ двери. Но что это значило? Она не поддавалась его напору, она была заперта извнѣ. Онъ растерялся, взглянувъ еще разъ на пламя, которое поднималось за окномъ снизу. Смертельный ужасъ охватилъ его: если никто не придетъ спасти его, онъ погибъ.

Онъ снова бросился къ двери, напирая на нее всей тяжестью тѣла и громко взывая о помощи, но отвѣта не послѣдовало. Ничего, кромѣ треска пламени.

Онъ снова кинулся къ окну и выглянулъ изъ него; но пламенное море откинуло его назадъ. Было бы безуміемъ выпрыгнуть изъ окна,—онъ бы задохся въ дыму или разбился о камни внизу.

Полъ трещалъ подъ его ногами. Нечѣмъ было дышать и въ самомъ концѣ комнаты, куда Регуэль забился въ отчаяніи. На его крики не слышалось отвѣта.

Голосъ тоже скоро измѣнилъ ему, превратившись въ хрипъ. Адское пламя жгло ему внутренности и языкъ присыхалъ къ нёбу. Онъ схватился пальцами за волосы, глаза выкатились изъ орбитъ, холодный потъ покрывалъ все тѣло среди огня и дыма, и видѣнія терзали его мозгъ.

Потомъ вдругъ все сразу исчезло. Онъ упалъ на колѣни въ углу, у стѣны, и голова его свѣсилась на грудь. У него уже не было никакихъ мыслей; длинныя черныя призрачныя руки тянулись къ нему изъ пламени, поднимали его и баюкали навѣвая, безболѣзненную, блаженную дремоту. Манящіе голоса шептали ему слова счастья.

Регуэль!

Издалека проникалъ къ нему этотъ крикъ; онъ улыбался отъ счастья. Это Дебора шептала его имя, Дебора любитъ его.

Къ нему на мунуту вернулось сознаніе. Онъ, шатаясь, подошелъ къ окну; оконная рама была уже съѣдена пламенемъ... На минуту ворвалась свѣжая струя воздуха, и Регуэль увидѣлъ сквозь дымъ Дебору, соскочившую съ коня. Она крикнула, увидѣвъ его, и что-то приказала стоявшему около нея Стефану, но рабъ не двигался; тогда она бросилась сама къ входу. Дебора хотѣла сама его спасти, принести ему въ жертву свою жизнь. Эта мысль подняла его силы. Нужно помѣшать Деборѣ, она одна не справится съ пламенемъ. Онъ хотѣлъ крикнуть, но дымъ заглушилъ его голосъ. Онъ все-таки облегченно вздохнулъ, увидѣвъ, что Стефанъ наконецъ отважился и бросился за его возлюбленной, чтобы вернуть ее. Затѣмъ онъ исчезъ. Дебора осталась одна, и, стоя на колѣняхъ, поднимала съ мольбой руки къ небу.

Нѣтъ, она не одна. Кто это стоитъ рядомъ съ ней въ блестящемъ панцырѣ и шлемѣ? Его лицо, окаймленное широкой, озаренной пламенемъ, бородой вглядывается въ Регуэля. Онъ кого-то напоминаетъ Регуэлю.

Нѣтъ, это только показалось его воспламененной фантазіи. Какъ бы Хлодомаръ, сыщикъ Іосифа бенъ Матіи, очутился въ Бетъ Эденѣ?

Видѣніе разсѣялось. Вокругъ Регуэля было только пламя и удушливый дымъ; онъ отшатнулся и сталъ искать дверь.

Стефанъ сейчасъ придетъ—нужно быть на готовѣ... Дверь поддалась... Онъ судорожно ухватился за перекладину; ему казалось, что онъ все ниже и ниже опускается въ страшную, темную пропасть. Только искры мелькаютъ въ глубинѣ... Голова его упала на твердые камни.

Потомъ все исчезло.

Секунды казались Вероникѣ вѣчностью. Она хотѣла молиться и не могла. Почему не возвращался Стефанъ? неужели онъ не могъ попасть къ Регуэлю, или они борятся оба за стѣной пламени противъ безпощадной стихіи.

Она вздрогнула. Безумный, неописуемый крикъ раздался изъ пламени. Это былъ голосъ Стефана. Такъ онъ, вѣроятно, кричалъ, когда, по велѣнію Агриппы, ему вливали пламенный свинецъ въ уши и ротъ. Сердце ея остановилось отъ ужаса. Она попыталась подойти ближе къ дому, но остановилась, окаменѣвъ отъ ужаса. Кто-то выбѣжалъ изъ двери въ горящемъ платьѣ, съ безумнымъ воемъ и съ опаленнымъ чернымъ лицомъ.

Это былъ Стефанъ, а Регуэль?

Она бросилась къ рабу, который упалъ на землю и рвалъ съ себя платье. Она хотѣла разспросить его, но не могла произнести ни звука и, закрывъ лицо руками, дико захохотала. Со страшнымъ трескомъ обрушился павильонъ въ Бетъ Эденѣ, хороня все подъ своими горящими развалинами.

Огненный столбъ поднялся къ небу, затмевая свѣтъ мѣсяца.

Умереть въ любви?...

Глава XIV.

Два дня спустя Титъ вмѣстѣ съ Агриппой и нѣсколькими всадниками прибыли въ Цезарею Филиппійскую. Царь опередилъ войско, безпокоясь, поступила ли Вероника согласно его указаніямъ.

Титъ примкнулъ къ нему, подъ предлогомъ осмотра помѣщенія для войска. Веспасіанъ улыбнулся и шутя погрозилъ ему пальцемъ.

— Ты знаешь,—сказалъ онъ болѣе серьезно,—я не охотно исполнилъ твою послѣднюю просьбу. Марцію Фурнилу, дочь одного изъ знатнѣйшихъ римскихъ патриціевъ, нельзя бросить изъ каприза, какъ надоѣвшую пѣвицу или плясунью. Моя и твоя карьера еще не закончены, и не слѣдуетъ поэтому ненужнымъ образомъ создавать себѣ враговъ. Впрочемъ, я довѣряю твоей осмотрительности, Титъ, но помни: берегись дружбы Агриппы и прекрасныхъ глазъ Вероники. Оба они слишкомъ умны, чтобы дать что-либо безъ выгоды для себя.

Титъ гордо улыбнулся.

— Недаромъ вѣдь я выросъ на глазахъ Мессалины и Агриппины,—возразилъ онъ. Даже Поппея Сабина тщетно пускала въ ходъ всѣ свои чары, задумавъ отъ скуки соблазнить меня.

— И все-таки берегись, еще разъ предупреждалъ его Веспасіанъ на прощанье. У этихъ азіатокъ есть таинственныя чары, которымъ трудно противустоять. Вспомни Клеопатру.

— Я не Антоній, перебилъ Титъ отца со смѣхомъ и помчался за опередившимъ его царемъ.

Титъ говорилъ совершенно искренно съ отцомъ. Онъ примкнулъ къ Агриппѣ скорѣе изъ самолюбія, чѣмъ изъ любви; ему хотѣлось сложить у ногъ гордой царицы, надменной іудеянки, завоеванную Галилею. Онъ все еще не могъ забыть ея насмѣшливаго тона, когда она предложила ему на Кармелѣ обидный вопросъ: кто такой Титъ? Теперь Титъ завоеватель Галилеи. Въ его рукахъ судьба народа, къ которому принадлежитъ Вероника. Она уже не посмѣетъ больше надменно обращаться съ нимъ и оскорблять въ немъ самолюбіе мужчины и гордость римлянина.

Чѣмъ болѣе однако приближался онъ къ концу пути, тѣмъ болѣе это первоначальное намѣреніе исчезало. Образъ женщины затмилъ въ его воображеніи мысль о царицѣ; онъ только помнилъ дивную красавицу, на зеленомъ мху у журчащаго ручья, и горѣлъ страстнымъ желаніемъ снова увидѣть ее. Въ порывѣ нетерпѣнія онъ пришпорилъ коня и въ нѣсколько прыжковъ опередилъ Агриппу,

но все-таки ему казалось, что они ползутъ какъ черепахи.

Въ послѣдній день пути имъ на встрѣчу вышелъ Таумастъ, домоправитель царицы. Онъ сообщилъ царю о случившемся, сообразуясь въ своемъ разсказѣ съ присутствіемъ Тита. По его словамъ, Вероникѣ показалось слишкомъ шумнымъ пребываніе въ старомъ замкѣ великаго Ирода и она переселилась съ нѣсколькими слугами въ Бэтъ Эденъ, гдѣ жила среди своихъ любимыхъ занятій греческими философами. Причины пожара остались невыясненными; по всей вѣроятности, скопленная въ подвалахъ масса топлива сама воспламенилась. Изъ людей во время пожара погибъ Хлодомаръ, вѣстникъ Агриппы, а также одинъ изъ двухъ слугъ; Стефанъ же, другой слуга, опасно боленъ вслѣдствіе обжоговъ и едва ли выздоровѣетъ, хотя, согласно приказу царицы, за нимъ самымъ тщательнымъ образомъ ухаживаетъ врачъ Андромахъ. Веронику едва спасли. Она не пострадала отъ огня, но не можетъ оправиться отъ испуга, никого не пускаетъ къ себѣ, не выноситъ вида людей. Даже Андромахъ не можетъ добиться доступа къ ней, такъ же какъ и служанки; въ ея закрытыхъ покояхъ полная тишина, окна завѣшаны и не пропускаютъ ни одного солнечнаго луча, а ѣда, которую ей приносятъ, уносится нетронутой.

Титъ прерывалъ донесеніе домоправителя вопросами и восклицаніями ужаса. Агриппа же слушалъ молча и казался почти равнодушнымъ. Титъ былъ такъ взволнованъ, что не замѣтилъ, какъ при упоминаніи о погибшемъ слугѣ скрытая насмѣшливая и торжествующая улыбка показалась на устахъ царя.

Регуэль погибъ, и такъ удачно, не возбуждая никакихъ подозрѣній. О разрушенномъ Бетъ-Эденѣ горевать нечего. Вероника достаточно богата, чтобы не задумываться о потерѣ, а то, что страшная смерть возлюбленнаго омрачила на время умъ Вероники, не тревожило царя. Напротивъ того, за это время онъ успѣетъ выполнить свои планы. Нужно только умѣло воспользоваться угнетеннымъ состояніемъ Вероники. Она женщина, и въ своемъ горѣ будетъ искать опоры; нужно только, чтобы она считала Агриппу своимъ другомъ.

Въ то же время это давало случай овладѣть довѣріемъ Тита и заслужить его благодарность. Агриппа сможетъ устроить такъ, чтобы молодой легатъ только при его посредствѣ вступилъ въ тайный союзъ съ любимой женщиной, Титъ получитъ Веронику изъ рукъ Агриппы.

Ожиданія царя оправдались теченіемъ событій. Вероника долго не показывалась пріѣхавшимъ, и всѣ попытки Агриппы попасть къ ней были тщетны; дверь ея никому не отворялась, ѣда оставалась нетронутой. Наконецъ, самъ молодой легатъ, страсть котораго еще болѣе возбуждена была постоянными отказами, явился просить Веронику принять его; но онъ даже не получилъ отвѣта отъ царицы, и удалился взбѣшенный. Агриппа боялся, что оскорбленная гордость римлянина побѣдитъ страсть влюбленнаго; лукъ былъ натянутъ до крайности и каждую минуту могъ порваться и ранить самого стрѣлка.

Необходимо, чтобы Вероника наконецъ появилась и внезапнымъ видомъ своей красоты отняла послѣднюю тѣнь разсудительности у обезумѣвшаго отъ страсти легата. Агриппа рѣшилъ добиться свиданія съ Вероникой, хитростью или силой. Черезъ нѣсколько дней пріѣдетъ Веспасіанъ, а до него необходимо осуществить задуманный планъ. У полководца проницательный взглядъ и отъ него нельзя будетъ скрыть тайны. А это должно остаться тайной, потому что Веспасіанъ никогда не допуститъ...

Царь самъ не рѣшался додумать до конца своей мысли, но рѣшеніе его было твердо; онъ спѣшилъ повидаться съ Вероникой.

. . . .

Царица не сопротивлялась, когда Таумастъ увелъ ее съ мѣста катастрофы во дворецъ; рабыни уложили ее въ постель, она приняла лѣкарство, которое далъ ей Андромахъ. Ни одинъ звукъ, ни одно движеніе не выдавало того, что въ ней происходило. Она только все

время проводила рукой по лбу, какъ бы стараясь стереть что-то.

— Горе!.. горитъ, горитъ!..

Это были ея первыя слова.

Она не крикнула ихъ въ смертельномъ ужасѣ, а тихо прошептала, едва шевеля губами, и потомъ неустанно повторяла эти слова беззвучнымъ голосомъ, такимъ потрясающимъ, что служанки убѣгали, охваченныя ужасомъ; даже опытный Андромахъ мрачно молчалъ въ отвѣтъ на разспросы Тауваста.

— Если царица скоро не очнется,— сказалъ онъ наконецъ, то она не проснется совсѣмъ. Мозгъ ея страшно потрясенъ.

Это было вечеромъ перваго дня; слѣдующую ночь около нея провелъ домоправитель, потому что Андромахъ не могъ отойти отъ мечущагося въ бреду раба. Наконецъ, по утру царица впала въ глубокій сонъ; это былъ кризисъ, и послѣ него Вероника или должна была воскреснуть къ новой жизни, или впасть въ безнадежное безуміе.

Таумастъ пошелъ за врачомъ и Вероника осталась нѣсколько минутъ одна. Въ это время она проснулась, и когда Таумастъ вернулся съ врачемъ, дверь покоя была заперта извнутри. Усталый, но властный голосъ Вероники отвѣтилъ на ихъ стукъ, что она желаетъ быть одна.

Она лежала въ тупомъ полузабытіи, ни о чемъ не думая; одна только мысль терзала ея больной мозгъ: Регуэль погибъ, а съ нимъ все, что было въ ея жизни свѣтлаго, все, что составляло опору ея борющейся души, что влекло ее къ свѣту. Теперь ее ожидала пустая, ненужная жизнь, еще менѣе содержательная чѣмъ прежде, когда она не знала что счастье возможно. Послѣ первыхъ капель истиннаго наслажденія, завистливая судьба вырвала кубокъ изъ рукъ ея какъ разъ въ ту минуту, когда уста ея раскрылись для жаднаго глотка. Жизнь ей больше ничего не можетъ дать, и поэтому нужно покончить съ ней. Странное спокойствіе овладѣло ею при этой мысли. Она стала наблюдать за собой какъ будто со стороны, какъ будто бы не она сама холоднымъ, спокойнымъ движеніемъ принялась отвинчивать жемчугъ на своемъ кольцѣ, чтобы вынуть изъ потайнаго отверстія быстрый, легко умерщвляющій ядъ.

Но нѣтъ. Еще не время вкусить вѣчный сонъ. Женщина, которая собиралась умереть, была царица, одна изъ прекраснѣйшихъ царицъ на свѣтѣ; властители народовъ склонялись къ ногамъ ея и даже ревъ грубой толпы смирялся при видѣ ея красоты и переходилъ въ благоговѣйный шепотъ. Столь божественное существо не должно исчезнуть беззвучно и непримѣтно, какъ простые смертные.

Она подошла къ окну и отдернула тяжелую занавѣсь; дневной свѣтъ озарилъ комнату, но сіяющая картина дня не остановила ея взора; она отвернулась отъ свѣта и подошла оправить свое ложе. Пусть подумаютъ, что она умерла во снѣ; затѣмъ она подошла къ большому, гладко отполированному металлическому зеркалу и, вынувъ гребни, распустила золотистые волосы. Съ напряженіемъ вглядывалась она въ блѣдное лицо, выступавшее изъ рамы; она искала на немъ слѣдовъ ужаса предъ грядущимъ мракомъ, но ничего не увидала, кромѣ страннаго, оцѣпенѣвшаго выраженія покоя въ усталыхъ глазахъ.

Она улыбнулась, довольная собой. И въ смерти лицо ея сохранитъ царственное величіе, на немъ не видно будетъ боли, какъ у обыкновенныхъ людей.

Все было готово. Она медленно легла на подушки, спустила волосы на плечи и грудь, такъ что голова ея казалась окруженной золотымъ вѣнкомъ; она спокойно раздавила жемчугъ, заключающій въ себѣ ядъ, и поднесла драгоцѣнный порошокъ къ губамъ.

Она на минуту остановилась. Уже раньше ей казалось, что она слышитъ голосъ Агриппы, но она не обратила на это вниманія; теперь голосъ его раздался совсѣмъ близко; царь стоялъ у двери и молилъ впустить его.

Она ничего не отвѣтила и только насмѣшливо усмѣхнулась.

Вотъ человѣкъ, для котораго смерть ея будетъ невозвратимой утратой.

Но развѣ для него одного? А для дру-

гого, для римлянина—Тита? О, если бы Вероника хотѣла...

Въ этихъ тонкихъ пальцахъ, держащихъ смертоносный порошокъ, покоилась судьба цѣлаго народа, всего міра; однимъ движеніемъ руки она могла бы доставить счастье и радость тысячамъ людей, превратить великое кровавое всемірное царство Рима въ царство мира и улыбающагося счастья... если бы Вероника хотѣла.

Она горько засмѣялась. Зачѣмъ ей желать этого? Развѣ ея собственная жизнь не была загублена съ самаго начала. Нѣтъ, она не хочетъ радостной жизни, царства мира и улыбающагося свѣта.

Но эта слабая, тонкая рука можетъ превратить цвѣтущія рощи въ опустошенную пустыню, можетъ воспламенить къ уничтожительной борьбѣ людей противъ людей, братьевъ противъ братьевъ, дѣтей противъ родителей, и превратить сіяющій міръ въ первоначальный хаосъ... если Вероника захочетъ.

Вероника уже не смѣялась. Лицо ея окаменѣло подъ обаяніемъ великаго замысла; въ глазахъ вспыхнуло дикое, жгучее пламя; разрушительный демонизмъ увлекалъ ее упоительнымъ призракомъ могущества.

Какъ она была безумна! Развѣ достойно царицы поддаваться низменному будничному горю, бросать оружіе и щитъ и спасаться бѣгствомъ. Смерть Вероники была бы женскимъ безсиліемъ, такой же слабостью и глупостью, какъ вся ея дѣтская любовь къ глупому мечтательному мальчику. То была не Вероника, а жалкая деревенская дѣвушка, рабыня, пресмыкающаяся у ногъ своего господина.

Отъ этой мысли кровь прилила къ головѣ ея; она съ отвращеніемъ бросила въ уголъ раздавленную жемчужину, встала, выпрямилась и глубоко вздохнула, проведя рукой по лицу. Подъ прикосновеніемъ руки разгладились ея черты; она улыбнулась холодной, надменной и жестокой улыбкой.

Она встала, чтобы открыть дверь Агриппѣ.

. . . .

Вечеромъ слѣдующаго дня дворецъ Ирода въ Цезареѣ Филиппійской былъ ярко освѣщенъ. Рѣдкіе цвѣты украшали огромные столы, которые гнулись подъ массой яствъ и напитковъ; въ сосѣднемъ покоѣ цѣлая масса танцовщицъ и пѣвицъ, актеровъ и мимовъ, приготовлялась къ предстоящему празднеству, и на аренѣ, которую недавно выстроилъ Агриппа на большой площади, работали рабочіе и надсмотрщики, чтобы приготовить все для завтрашняго торжества.

Блестящее празднично разодѣтое собраніе римскихъ военачальниковъ и знатныхъ гражданъ города разсыпалось по дворцу, напряженно ожидая прибытія полководца и знатныхъ гостей Агриппы.

Веспасіанъ пріѣхалъ утромъ, раньше, чѣмъ его ожидали; его встрѣтилъ Агриппа и Титъ; взглянувъ въ лицо сына, Веспасіанъ понялъ, что онъ пріѣхалъ во время. Титъ хотя и научился притворству, живя при дворѣ цезаря, но все-таки не съумѣлъ скрыть неудовольствія по поводу неожиданнаго прибытія отца, Веспасіанъ мѣшалъ ему, значитъ, то, чего онъ опасался, еще не случилось.

Агриппа тоже съ трудомъ смогъ укрыть отъ остраго взгляда полководца снова возникшее въ немъ опасеніе. Въ Вероникѣ онъ теперь былъ увѣренъ, но кто знаетъ, не заставитъ ли вмѣшательство отца образумиться Тита.

Когда онъ признался сестрѣ въ своихъ опасеніяхъ, она насмѣшливо улыбнулась. Со времени пожара въ Бетъ Эденѣ она только такъ и улыбалась, но царь снова ободрился. Блескъ въ глазахъ Вероники показывалъ, что она увѣрена въ побѣдѣ; онъ понялъ ея планъ дѣйствія и внутренно одобрялъ ее.

Она уже не замыкалась въ своихъ покояхъ, но умѣла ловко избѣгать встрѣчи съ Титомъ, хотя это было очень не легко. По ея же требованію, Агриппа сообщилъ Титу между прочимъ, что сестра уже вышла изъ своего уединенія. Страстный римлянинъ съ тѣхъ поръ горячо стремился увидать обаятельную женщину, но, не смотря на всѣ его старанія, это не удавалось; когда онъ являлся во дворецъ, оказывалось, что царица только что отправилась кататься по Іордану, или уѣхала верхомъ, или отправилась

на прогулку въ долину. Когда же онъ мчался вслѣдъ за ней, она вдругъ мѣняла направленіе и нельзя было разыскать ея слѣдовъ! Титъ проводилъ время въ постоянныхъ тщетныхъ поискахъ и мучился отъ оскорбленной гордости и разгорѣвшейся страсти.

Въ готовящемся торжествѣ Вероника отказалась принять участіе и даже не присутствовала на пріемѣ Веспасіана. Титъ приходилъ въ отчаяніе; напрасно молилъ онъ Агриппу подѣйствовать на сестру и сломить ея упорство. Агриппа уступалъ его просьбамъ, отправлялся къ царицѣ, но всегда возвращался съ отрицательнымъ отвѣтомъ.

Въ послѣдній разъ это случилось, когда торжество было въ полномъ разгарѣ.

— Что же она тебѣ отвѣтила? взволнованно спросилъ Титъ,

— Она не хочетъ, отвѣтилъ Агриппа, пожимая плечами, а если Вероника не хочетъ...

— Но... чего же она хочетъ?—глухо спросилъ римлянинъ.

— Чего она хочетъ, я не знаю, серьезно сказалъ Агриппа, но чего она не хочетъ—это я могу тебѣ пояснить...

— Почему ты остановился?

Агриппа выпрямился и заглянулъ въ устремленные на него глаза молодого легата.

— Вероника ни хочетъ быть игрушкой въ рукахъ римлянина, — медленно сказалъ онъ.

Титъ раздраженно засмѣялся.

— Игрушкой? — воскликнулъ онъ громко, такъ что его даже могли услышать посторонніе.—Можно ли говорить объ игрушкѣ, когда...

Онъ не кончилъ: его блуждающіе глаза встрѣтили вопросительный взглядъ отца. Но этотъ скрытый вопросъ не образумилъ его, а еще болѣе воспламенилъ. Развѣ онъ не взрослый мужъ, не воинъ, одерживавшій побѣды. Неужели онъ все еще долженъ подчиняться отцовской волѣ.

Агриппа наблюдалъ за нимъ опытнымъ взглядомъ; онъ понялъ, отчего закипѣла теперь кровь у молодого легата, почему у него задрожали губы и руки сжались въ кулаки.

— Когда?.. — повторилъ Агриппа выжидающимъ тономъ.

Титъ откинулъ голову назадъ и твердо отвѣтилъ:

— Вероника должна стать моей.

— Твоей? Римлянина? притворно изумившись, сказалъ царь.

— Ты изумленъ? Конечно, я не іудей. Но Вероника сама сказала мнѣ однажды, что это не можетъ составить препятствія. Это она сказала мнѣ на прощаніе въ Птолемаидѣ, но съ тѣхъ поръ она странно измѣнилась. Мы тогда разстались почти друзьями, а теперь...

Агриппа задумался.

— Это мнѣ многое объясняетъ, почти все, медленно проговорилъ онъ. Вотъ почему она бѣжала изъ Птолемаиды, развѣ это не было похоже на бѣгство? Вотъ почему она скрытничаетъ сомной, отъ котораго она никогда не имѣла тайнъ, вотъ почему она живетъ въ одиночествѣ, мучитъ себя... она боится!

— Чего?

— Я тебѣ давалъ понять это раньше. Вероника царица изъ дома Ирода. Іудейка можетъ лишь подъ однимъ условіемъ полюбить римлянина.

— Подъ какимъ?

— Подъ тѣмъ, что она станетъ его—женой!

Онъ почти раскаивался, что произнесъ рѣшительное слово. Отъ него зависѣло исполненіе всѣхъ плановъ, судьба всего народа, всего міра. Онъ тревожно слѣдилъ за омрачившимся лицомъ Тита.

Молодой легатъ оперся головой на руку, нахмурилъ брови и закусилъ зубами нижнюю губу; онъ глядѣлъ, ничего не видя, на шумную картину пира. Вдругъ онъ вздрогнулъ, встрѣтивъ испытующій взоръ отца, Веспасіанъ поднялъ кубокъ и съ улыбкой кивнулъ сыну головой, Титъ увидѣлъ странную насмѣшку въ этомъ взглядѣ, тоже поднялъ кубокъ, кивнулъ и улыбнулся, но кубокъ зазвенѣлъ, когда снова опустилъ на мраморный столъ. Агриппа увидѣлъ, что пальцы Тита, выпустивъ кубокъ, оставили глубокія слѣды въ тонкомъ рѣзномъ металлѣ. Вдругъ, безъ всякой подготовки, римлянинъ нагнулся къ Агриппѣ и шепнулъ ему хриплымъ, трепещущимъ голосомъ:

— Хорошо. Вероника станетъ женой Тита.

Агриппа съ трудомъ удержался, чтобы не крикнуть отъ радости. Лицо его поблѣднѣло отъ внутренняго волненія; онъ долженъ былъ откинуться въ кресло и прикрыть глаза рукой, чтобы не выдать себя римлянину. Но его опасенія были напрасны. Титъ ничего не слышалъ и не видѣлъ изъ того, что происходило вокругъ. Только когда Агриппа, оправившись, заговорилъ съ нимъ, Титъ пришелъ въ себя и сталъ слушать съ горячимъ интересомъ то, что шепотомъ ему говорилъ Агриппа среди шума пиршества. Нетерпѣніе Тита было такъ велико, что онъ хотѣлъ вскочить и пройти съ царемъ въ другой покой, но Агриппа удержалъ его; онъ боялся возбудить подозрѣніе Веспасіана. Его намекъ на отца привелъ Тита въ себя.

— Онъ никогда не согласится на это, воскликнулъ молодой легатъ съ волненіемъ. Онъ слишкомъ боязливъ, чтобы допустить что-нибудь необычайное.

— Поэтому, поспѣшилъ прибавить Агриппа, онъ ничего не долженъ знать о твоемъ намѣреніи жениться на Вероникѣ. Впослѣдствіи...

— Впослѣдствіи?—прервалъ его Титъ. —Развѣ ты не видишь, что я сгораю отъ жажды обладать этой дивной женщиной, которая покорила всѣ мои мысли и чувства, какъ демонъ.

Царь тонко улыбнулся.

— Развѣ одно исключаетъ другое?— спросилъ онъ. Развѣ Вероника не можетъ стать супругой Тита безъ вѣдома Веспасіана?

Молодой легатъ вздрогнулъ и съ невыразимымъ изумленіемъ взглянулъ на собесѣдника; потомъ онъ глубоко вздохнулъ и такъ крѣпко сдавилъ ему руку, что Агриппа чуть не крикнулъ отъ боли.

— Если бы ты это могъ устроить, Агриппа,—пробормоталъ Титъ, дрожа отъ волненія,—то, клянусь Зевсомъ и всѣми богами Олимпа, ничто не было бы для меня слишкомъ дорогимъ, чтобы выразить тебѣ мою благодарность.

Царь закрылъ глаза, чтобы не выдать сверкавшаго въ нихъ торжества.

— Въ такомъ случаѣ будь готовъ,— шепнулъ онъ.

— Когда?

— Еще сегодня, послѣ пира.

Онъ не сталъ ждать взрыва восторга, вырвавшагося у легата вслѣдствіе внезапнаго исполненіяего самыхъ горячихъ желаній и поспѣшилъ обратиться съ нѣсколькими обдуманными словами къ Веспасіану, чтобы отвлечь его вниманіе отъ Тита.

Взоръ его при этомъ встрѣтился съ вопросительнымъ взоромъ Таумаста, который, стоя у дверей, управлялъ толпой служителей. Медленно, почти незамѣтно, царь сдѣлалъ ему знакъ, наклонивъ голову.

Таумастъ тотчасъ же исчезъ.

. . . .

Двумя часами позже величественный дворецъ Ирода погрузился въ полный мракъ. Только изъ-за тяжелыхъ завѣсъ у окна одного покоя проникалъ слабый лучъ свѣта въ ночную тьму.

Тамъ собралось нѣсколько людей. На низкихъ подушкахъ лежала Вероника, неподвижная, съ окаменѣлымъ выраженіемъ лица: около нея, почти у ея ногъ, сидѣлъ легатъ Титъ. Лучъ свѣта падалъ на его восторженное лицо, обращенное къ красавицѣ; нѣсколько въ тѣни стоялъ Агриппа и съ легкой насмѣшкой наблюдалъ за сценой; рядомъ съ нимъ, прислонившись къ колоннѣ, стоялъ Іосифъ бенъ Матія, плѣнникъ Веспасіана, тайно призванный Титомъ; еще далѣе у дверей стоялъ Андромахъ, врачъ царицы, и Таумастъ, ея домоправитель. Лучъ свѣта едва доходилъ до этого угла комнаты.

У маленькаго стола посрединѣ сидѣлъ Юстусъ бенъ Пистосъ, тайный писарь царя. Онъ только что кончилъ чтеніе лежащаго предъ нимъ документа, на которомъ Титъ, сынъ великаго Веспасіана, римскій легатъ, признавалъ себя законнымъ супругомъ Вероники, царицы Понтійской.

Глубокое молчаніе наступило послѣ чтенія, потомъ писарь медленно поднялся и приблизился къ легату и царицѣ за ихъ подписями.

Титъ подписался первый, за нимъ Вероника.

Ихъ лица представляли странный контрастъ. Титъ былъ взволнованъ, глаза

его сверкали и губы дрожали отъ страсти. Вероника была блѣдна, какъ мертвая, и вокругъ рта образовалась глубокая складка жестокаго презрѣнія. И такъ же различны, какъ лица ихъ, были и подписи. Титъ писалъ расплывающимся дрожащимъ торопливымъ почеркомъ, Вероника прямыми острыми, какъ обнаженное лезвіе меча, буквами.

Свершилось. Бумага быстро покрылась подписями свидѣтелей, потомъ Іосифъ бенъ Матія, священнослужитель, подошелъ къ супругамъ и произнесъ непонятное благословеніе надъ ихъ головами. Вскорѣ послѣ того они остались одни.

Титъ, гордый римлянинъ, завоеватель Галилеи, бросился на землю предъ іудейкой и, взявъ ея ногу рукой, поставилъ ее себѣ на шею.

Вероника улыбнулась неописуемо мучительной и все-таки торжествующей улыбкой; затѣмъ она его подняла, и въ первый разъ со времени ихъ прощанья въ Птолемаидѣ она сказала слово, относящееся лично къ нему.

— У тебя еще сохранился лавръ Кармельскій?

Онъ распахнулъ верхнее платье и вынулъ маленькую, украшенную жемчугомъ коробочку съ изображеніемъ амура верхомъ на львѣ.

Вероника подняла крышку и, вынувъ завядшій листъ, прикрѣпила его къ груди Тита.

— Побѣдителю.

Глава XV.

Извѣстіе о завоеваніи Іотапаты римлянами вызвало въ жителяхъ Іерусалима страшное волненіе и отчаяніе. Пока не были извѣстны подробности, и слухи называли однимъ изъ ревностныхъ защитниковъ крѣпости намѣстника галилейскаго, до тѣхъ поръ всѣ жалѣли Іосифа бенъ Матію и оплакивали его, какъ мученика. Когда же обнаружилась истина, жители Іерусалима возмутились противъ гнуснаго измѣнника и его семьи, жившей въ священномъ городѣ, такъ что власти города принуждены были заключить въ тюрьму отца намѣстника, съ которымъ были въ хорошихъ отношеніяхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ снова возродилась старая ненависть озлобленныхъ зелотовъ противъ аристократіи съ ея римскими симпатіями и противъ нерѣшительности трусливыхъ фарисеевъ. Ихъ считали причиной несчастія.

Толпы народа ходили по улицамъ; на каждомъ перекресткѣ къ нимъ присоединялись новые участники, и всѣ площади покрыты были народомъ. Толпа тѣснилась, главнымъ образомъ, предъ ратушей. Съ угрозами и проклятіями требовали удаленія всѣхъ подозрительныхъ людей изъ военнаго совѣта, требовали наказанія измѣнникамъ и рѣшительнаго удаленія отъ дѣлъ аристократіи, отстаивающей интересы Рима. Народъ требовалъ продолженія войны.

— Насъ предаютъ,—кричалъ одинъ служитель храма.— Наши вожди сговорились выдать насъ непріятелю.

— Смерть имъ, — кричалъ гигантскаго роста суконщикъ, грозно поднимая обнаженную мускулистую руку.— Долой аристократію! долой военный совѣтъ! въ нихъ гибель и смерть Израиля, они обираютъ бѣдный народъ; они живутъ нашимъ потомъ и кровью, утопаютъ въ роскоши, а мы умираемъ отъ голода.

Тысячи проклятій вторили словамъ суконщика изъ толпы. Руки съ угрозой поднимались къ окнамъ ратуши; огромное великолѣпное зданіе содрогалось отъ криковъ раздраженія. Волненіе народа росло по мѣрѣ прибытія многочисленныхъ бѣглецовъ. Они являлись изъ Галилеи и приносили грозныя вѣсти о новыхъ пораженіяхъ іудеевъ. Послѣ Іотапаты римляне завладѣли также Тиверіадой, Тарихеей и крѣпостью Гамалой. Воды Генисаретскаго озера стали красными отъ крови убитыхъ, его цвѣтущіе берега, разстилающіеся въ райской красотѣ, покрыты были трупами.

Только въ Гишалѣ крѣпко держался мужественный Іоаннъ бенъ Леви, но и онъ долженъ былъ, наконецъ, уступить большинству. Благодаря счастливой военной хитрости, ему удалось обмануть осаждающихъ и провести свою маленькую

армію нетронутой въ Іерусалимъ. Въѣздъ его туда, благодаря обстоятельствамъ, превратился въ торжество, какъ будто бы онъ являлся не побѣжденнымъ, а побѣдителемъ. Толпа двинулась ему на встрѣчу и привѣтствовала криками восторга испытаннаго служителя родины. Его многочисленные друзья окружили его и почти на рукахъ пронесли чрезъ городъ.

— Вотъ это герой,—кричалъ служитель храма, возбуждавшій народъ противъ аристократіи.—Такого второго нѣтъ во всемъ Израилѣ.

— Если бы наша знать походила на него,—прибавилъ одинъ левитъ, еще болѣе возбуждая толпу,—тогда бы римляне не завоевали въ Галилеѣ ни одной пяди земли.

— А Іосифъ бенъ Матія, низкій измѣнникъ, такъ гнусно отстранилъ его прежде.

— Смерть предателю! Долой военный совѣтъ! Да здравствуетъ народъ, да здравствуетъ Іоаннъ бенъ Леви!

Толпа направилась къ ратушѣ, гдѣ засѣдалъ синедріонъ подъ предсѣдательствомъ Симона бенъ Гамліеля. Приблизившись къ широкой лѣстницѣ, Іоаннъ поднялся на верхнюю ступень и, обернувшись къ народу, оглянулъ пламеннымъ взоромъ величественное зрѣлище, разстилавшееся предъ нимъ; огромный городъ съ его сіяющими дворцами, гигантскими стѣнами и священной кровлей храма, возбужденную любовью къ родинѣ, готовую на подвиги толпу сильныхъ людей, столпившихся вокругъ.

— Невозможно,—крикнулъ онъ, раскрывая объятія, какъ бы для того, чтобы прижать къ сердцу каждаго отдѣльнаго гражданина и все, что открывалось его взору.—Невозможно, чтобы Богъ осудилъ все это на гибель. Израиль будетъ жить вѣчно. Не унывайте друзья, несчастіе было только испытаніемъ, указаніемъ на необходимость единенія, которое насъ спасетъ. Не Іотапата, не Гамала и не Гишала были предназначены совершить подвигъ освобожденія! Іерусалимъ, священный, несокрушимый городъ сломитъ силы римлянъ. О стѣны храма, воздвигнутыя для вѣчности, разобьются римскіе снаряды, какъ слабыя соломинки; накопленные здѣсь запасы утомятъ терпѣніе осаждающихъ, а ваши руки и ваша вѣра въ Бога уничтожитъ ихъ воинство. Имя Божіе, произнесенное съ кровли храма, заставитъ ихъ отступить. Поэтому я говорю вамъ: пусть всякій, у кого сильна рука, вооружится для защиты Іерусалима, для славы Всевышняго. Римъ падетъ во прахъ предъ военнымъ кликомъ объединеннаго согласнаго племени—Богъ и отечество!

Снова какъ въ Гишалѣ, когда Іоаннъ обращался къ нѣсколькимъ вѣрнымъ союзникамъ, такъ и здѣсь, въ Іерусалимѣ, среди огромнаго собранія разбитой на партіи толпы, въ отвѣтъ ему послышался тотъ же общій крикъ воодушевленія—Богъ и отечество!

На блѣдномъ изможденномъ лицѣ Іоанна сіяла увѣренность въ побѣдѣ, заразившая всѣхъ стоявшихъ вокругъ него. Въ эту минуту забыты были всѣ междоусобные споры и личные счеты. Когда Іоаннъ бенъ Леви направился въ синедріонъ, въ душѣ его жило гордое убѣжденіе, что этотъ народъ послѣдуетъ за нимъ даже на смерть, и скорѣе дастъ себя похоронить подъ развалинами Іерусалима, чѣмъ оставитъ римлянамъ хотя бы одинъ камень священнаго города.

. . . .

Іоаннъ былъ встрѣченъ членами синедріона съ различными чувствами.

Симонъ бенъ Гамліель, предсѣдатель синедріона, ученикъ Гилеля, дружественно обнялъ его и привѣтствовалъ съ непритворной радостью.

— Въ такое тяжелое, опасное время намъ дорогъ всякій благоразумный и дѣятельный человѣкъ, а тѣмъ болѣе Іоаннъ бенъ Леви, доказавшій свою преданность отечеству. Какъ мы раскаиваемся, что слишкомъ поздно поняли, насколько ты былъ правъ относительно Іосифа бенъ Матія.

Гордое лицо бывшаго первосвященника Ананія вспыхнуло при этихъ словахъ.

— И я,—сказалъ онъ, подойдя къ Іоанну,—привѣтствую тебя, хотя и не согласенъ со словами высокочтимаго Симона бенъ Гамліеля. Іосифъ бенъ Матія принадлежитъ къ одному изъ нашихъ

знатнѣйшихъ родовъ и только обстоятельства заставили его измѣнить дѣлу народа. Прости, Іоаннъ, но я не могу не упрекнуть тебя въ томъ, что ты затруднялъ его дѣятельность въ Галилеѣ; если бы ты съ самаго начала сблизился съ нимъ, то весьма вѣроятно, что римляне сломили бы свои силы, подступивъ къ Галилейскимъ горамъ.

Іоаннъ съ удивленіемъ взглянулъ на него.

— Я, вѣроятно, тебя не вѣрно понялъ, благородный Ананій,—медленно произнесъ онъ.—Неужели я долженъ былъ спокойно смотрѣть, какъ Іосифъ дѣлаетъ все въ угоду Агриппѣ и Вероникѣ, съ которыми онъ находился въ тайномъ общеніи?

Ананій засмѣялся отрывисто и насмѣшливо.

— Вотъ видите,—сказалъ онъ съ горечью, обращаясь главнымъ образомъ къ группѣ людей, сидѣвшихъ у длиннаго стола поодаль.—Насъ опять обвиняютъ въ хитрости и предательствѣ; это всегда такъ бываетъ когда мы приходимъ въ столкновеніе съ народомъ. Ослѣпленные своей ненавистью зелоты съумѣли всѣхъ возстановить противъ насъ, и все потому что мы не позволяемъ нарушить святые законы нашихъ великихъ праотцовъ и уничтожить привилегіи знатнѣйшихъ родовъ, которыхъ Богъ поставилъ судьями надъ народомъ. Берегись, —закончилъ онъ обращаясь къ изумленному Іоанну,—берегись, выходецъ изъ Гишалы, быть за одно съ толпой зелотовъ. Мы не потерпимъ нарушенія законовъ и насмѣшекъ надъ высшей властью, и тяжко покараемъ за это.

Бурныя одобренія послышались въ отвѣтъ на его слова изъ группы людей, сидѣвшихъ у длиннаго стола по правую сторону предсѣдателя. Іоаннъ увидѣлъ, что тамъ собрались члены знатныхъ родовъ: казначей Антипасъ, происходившій изъ царственнаго рода, Софа бенъ Регуэль, Іоаннъ бенъ Гамала и Іошуа—бывшіе первосвященники, Іосифъ бенъ Горіонъ, Матіа бенъ Теофилъ и другіе, принадлежавшіе къ знатнымъ семьямъ первосвященниковъ. Они составляли большинство собранія и, очевидно, рѣшенія синедріона зависѣли отъ нихъ. Тѣмъ не менѣе, Іоаннъ бенъ Леви не устрашился ихъ; онъ уже собрался объяснять свое поведеніе относительно Іосифа бенъ Матіи разными неоспоримыми доказательствами, но его предупредилъ мрачный человѣкъ огромнаго роста, поднявшійся за маленькимъ столомъ, по лѣвую сторону Симона бенъ Гамліеля. Лишь немногихъ сторонниковъ увидѣлъ Іоаннъ около него, и все это были невѣдомые ему люди.

— Ты хочешь оправдываться предъ ними?—сказалъ онъ съ горькимъ смѣхомъ.—Не трать напрасно словъ, тебѣ не повѣрятъ, какъ не повѣрили мнѣ, когда я имъ уже много лѣтъ тому назадъ предсказывалъ то, что теперь случилось. А вѣдь я былъ однимъ изъ ихъ партіи, я—Элеазаръ бенъ Симонъ, начальникъ храма. Я говорилъ имъ, что народъ стонетъ подъ бременемъ налоговъ и проклинаетъ своихъ притѣснителей, такъ же какъ проклинаютъ ихъ левиты и служители храма которымъ имя легіонъ; страдая отъ бѣдности и лишеній, они съ гнѣвомъ смотрятъ на пышную жизнь знатныхъ. Я говорилъ имъ, что храмъ и все отечество погибнетъ, если знатные не будутъ опираться на отважный, готовый идти на смерть народъ. Но слова мои были напрасны. Народъ стали еще больше тѣснить и попирать, все назойливѣе становилась пышность и роскошь знати—врагъ завоевалъ городъ за городомъ, кровь тысячи единовѣрцевъ проливалась римскими мечами. Но слушайте, что я говорю вамъ, гордецы, презирающіе народъ. Настанетъ кровавый день для васъ. когда вы опомнитесь. Напрасно ты грозишь мнѣ, Ананій, и хватаешься за рукоять меча. Я и мои единомышленники не боимся вашихъ хитрыхъ замысловъ: вы можете умертвить нѣсколькихъ изъ насъ при помощи вашихъ слугъ, охраняющихъ входъ въ синедріонъ, но вы всѣ погибнете, когда разольется потокъ справедливаго народнаго гнѣва. Еще разъ повторяю я вамъ. Вотъ первое необходимое условіе для побѣды надъ римлянами: нужно уничтожить привилегіи знатныхъ родовъ, уничтожить налоги и улучшить положеніе низшаго духовенства, истребить аристократовъ, предавшихъ отечество.

Послѣднія слова Элеазара были заглушены взрывомъ возмущенія. Кроткій Симонъ бенъ Гамліель съ трудомъ сдерживалъ общее негодованіе съ помощью своего друга, Іоханана бенъ Сакаи. Дикій гулъ наполнилъ собраніе и лица людей, созванныхъ для того, чтобы управлять судьбами іудейскаго народа, горѣли гнѣвомъ и местью. Уже кое-гдѣ мелькали обнаженные мечи, Ананій уже убѣждалъ своихъ единомышленниковъ напасть на предводителя зелотовъ у маленькаго стола, заключить его въ тюрьму и въ случаѣ сопротивленія умертвить. Тогда Симонъ бенъ Гамліель поднялся со своего мѣста, разрывая дрожащими руками свои священническія одежды и горько плача: онъ предвидѣлъ тяжкую участь, которая ожидаетъ народъ израильскій изъ-за распри знатныхъ вождей.

Пораженный видомъ старика, Ананій опустилъ мечъ, который уже было поднялъ на Элеазара, и внезапная тишина наступила въ собраніи.

Симонъ, опираясь на руки Іоханана, подошелъ къ Іоанну изъ Гишалы, глядѣвшему въ ужасѣ на происходившее, взялъ его за руку и сказалъ глухимъ голосомъ:

— Идемъ, мой другъ, отсюда. Богъ отступился отъ своего народа.

Видъ благороднаго старца, одинаково почитаемаго знатью и зелотами за его кротость и благочестіе и на этотъ разъ произвелъ обычное впечатлѣніе на собраніе. Мечи опустились въ ножны и выраженіе лицъ смягчилось; но проницательный взоръ Іоанна увидѣлъ, что это спокойствіе было кажущимся, что это затишье предъ грозой. Душное напряженіе тяготѣло надъ священнымъ городомъ и воздухъ уже содрогался въ ожиданіи перваго опустошительнаго удара молніи изъ мрачныхъ, сгустившихся на небѣ облаковъ.

Въ такомъ настроеніи онъ послѣдовалъ за Симономъ, когда тотъ закрылъ собраніе синедріона. Они направились къ дворцу въ Акрѣ, предназначенному для пребыванія Іоанна его заботливымъ другомъ. По дорогѣ ихъ всѣ привѣтствовали возгласами любви и преданности, но это не разсѣяло мрачныхъ думъ Іоанна.

— То же, что и въ Гишалѣ. Отовсюду страшный призракъ распрей. Онѣ приведутъ къ погибели, если все не измѣнится какъ можно скорѣе.

У дворца ихъ ожидала густая толпа, привлеченная видомъ галилейскихъ воиновъ Іоанна. Приближеніе вождя вызвало громкіе клики радости у этихъ сильныхъ закаленныхъ воиновъ, и толпа стала вторить ихъ возгласамъ.

— Да здравствуетъ Іоаннъ бенъ Леви, противникъ Іосифа бенъ Матія, смертельный врагъ Рима! Да здравствуетъ тотъ, кто одержитъ побѣду и спасетъ отчизну!

Симонъ бенъ Гамліель грустно улыбнулся.

— Народъ тебя любитъ, Іоаннъ. Быть можетъ, твое прибытіе спасетъ насъ отъ злополучныхъ распрей. Можетъ быть, тебѣ удастся примирить непримиримыхъ. Это было бы великимъ подвигомъ, болѣе важнымъ, чѣмъ десять побѣдъ надъ Римомъ. Этому подвигу позавидовалъ бы даже твой лучшій другъ, Симонъ бенъ Гамліель, стоящій на порогѣ смерти.

— А развѣ ты самъ не въ состояніи этого сдѣлать?

Симонъ грустно покачалъ головой, и его лицо, сіявшее добротой и грустью, омрачилось тяжкимъ предчувствіемъ, закравшимся въ его душу.

— Столь тяжелое дѣло—сказалъ онъ,—требуетъ болѣе молодыхъ силъ и непреклонности, чѣмъ у меня; мнѣ даже трудно удержать враждующихъ отъ насилій, а между тѣмъ я вижу ясно, что такое положеніе дѣлъ невозможно. Искуственный миръ не можетъ длиться и наступитъ кровавая распря. А тогда...

Глаза Іоанна засверкали.

— А тѣмъ временемъ,—гнѣвно воскликнулъ онъ,—проходитъ день за днемъ, и ничего не дѣлается противъ внѣшняго врага. Горе людямъ, которые виноваты въ этомъ промедленіи. Они отвѣтятъ за несчастія Израиля, и потому чѣмъ скорѣе наступитъ рѣшительный день въ этихъ внутреннихъ распряхъ, тѣмъ лучше для всѣхъ. Кто бы ни одержалъ верхъ въ этой войнѣ гражданъ противъ гражданъ, хорошо будетъ уже то, что врагъ встрѣтитъ объединенный народъ, гото-

вый къ сопротивленію. Тогда онъ не отважится подступиться къ святынѣ израильскаго Бога.

Симонъ взглянулъ на него съ нѣкоторымъ изумленіемъ.

— Неужели ты серьезно говоришь, Іоаннъ, что тебѣ все равно, кто станетъ во главѣ государства, садукеи, фарисеи или зелоты?

Іоаннъ открыто взглянулъ въ устремленные на него глаза престарѣлаго друга.

— Развѣ утопающій смотритъ, чиста ли рука спасающаго его? На чью сторону, я стану, я еще не знаю: все это слишкомъ ново для меня, я не могу сразу понять всего; одно только могу уже теперь сказать тебѣ: я буду на сторонѣ тѣхъ, кто больше любитъ отечество. Только истинная любовь къ отчизнѣ даетъ силы, а только сила можетъ дать намъ побѣду.

Предсѣдатель синедріона мрачно опустилъ сѣдую голову.

— Въ такомъ случаѣ я боюсь...—пробормоталъ онъ.

— Чего ты боишься?

Симонъ не закончилъ фразы.

— Зачѣмъ намъ омрачать первый часъ свиданія послѣ долгой разлуки. Ты достаточно рано узнаешь, что меня тревожитъ.

Они прошли ко дворцу.

— Однако,—сказалъ Іоаннъ, съ изумленіемъ разглядывая зданіе.—Да вѣдь это скорѣе крѣпость, чѣмъ дворецъ, мой другъ. И ты хочешь, чтобы я здѣсь жилъ?

Снова Симонъ улыбнулся грустной улыбкой.

— Я хотѣлъ бы, чтобы мои предчувствія не оправдались. Но все-таки, ты, быть можетъ, поблагодаришь меня когда-нибудь за то, что я насколько могъ позаботился о твоей безопасности. Пойдемъ, я проведу тебя въ прохладную часть дома; здѣсь слишкомъ душно.

. . . .

Двадцать дней отдыха, которые Веспасіанъ назначилъ для себя и своего войска, промчались; для Тита они пролетѣли какъ на крыльяхъ, для Вероники протекли смертельно медленно: ее не занимали пиршества, пиры, празднества, состязанія и безпрестанныя увѣренія въ любви того, кто былъ ея тайнымъ супругомъ. Отъ Веспасіана скрывали истину; еще не наступило время объявить ее ему.

Вероника была неузнаваема для всѣхъ, кто зналъ ее въ прежнее время; съ ней произошла коренная перемѣна. Исчезла страшная жажда жизни царицы изъ дома Ирода, исчезли религіозные порывы іудейки, исчезла нѣжность женщины. Она холоднымъ, трезвымъ взоромъ смотрѣла на тѣхъ, кто добивался ея расположенія. Было очевидно для всѣхъ, что Титъ, могущественный сынъ великаго полководца, больше всего слушаетъ ея совѣтовъ, и что самъ Веспасіанъ руководится соображеніями ея остраго ума. Она вполнѣ заслуживала такого отношенія.

Если возможно было достигнуть могущества при помощи женщины, то это должно было болѣе чѣмъ кому-либо удасться Титу при помощи Вероники: для него ея соглядатаи рыскали по всей странѣ, ради него она нанимала развѣдчиковъ и подкупала измѣнниковъ въ Іерусалимѣ, чтобы имѣть свѣдѣнія о всѣхъ движеніяхъ іудеевъ, для него она вступала въ тайные союзы съ азіатскими правителями, и богатства ея текли въ охотно раскрываемыя руки римскихъ сенаторовъ и египетскихъ и сирійскихъ намѣстниковъ и солдатъ. Для него она очаровывала своей любезностью тѣснившихся вокругъ нея легатовъ и предводителей войскъ, для него придумывала новыя празднества, чтобы увеличить популярность Тита среди окружавшихъ его людей. Больше не могла бы сдѣлать женщина для того, кого она страстно любила бы.

Любила ли Вероника Тита?

Она часто задавала себѣ этотъ вопросъ, оставаясь наединѣ съ собой; но тотчасъ же смѣялась надъ собой. Вѣдь съ любовью она навсегда покончила. Другая страсть воспламеняла ее тайнымъ пожирающимъ огнемъ, не давая ей спать по ночамъ и не давая успокоиться днемъ.

Возвысится ли она сама съ возвышеніемъ Тита, поднимется ли такъ высоко, какъ только возможно для человѣка.

Ею овладѣла безумная, всепокоряющая страсть власти: она хотѣла стать первой на землѣ и видѣть всѣхъ у своихъ ногъ—быть можетъ, для того, чтобы

уничтожить ихъ сразу, въ одну минуту. Это заставляло ее принимать безъ сопротивленія горячіе поцѣлуи Тита; онъ былъ для нея воплощеніемъ ея стремленій, кумиромъ, предъ которымъ преклонялось ея честолюбіе. Забыта была ея прежняя ненависть къ римлянину, забыта блаженная любовь къ юношѣ, погибшему въ Бетъ Эденѣ, забыта тайная исторія Кармеля и Іорданскаго источника, забыта отчизна и Богъ... Сердце ея стало пустыней, спаленной удушливымъ вѣтромъ и пылающими лучами того солнца, которое зовется властолюбіемъ.

И надъ всѣмъ этимъ носился демонъ презрѣнія къ людямъ. Она презирала мужа, раба ея красоты, презирала великаго полководца, котораго можно было купить золотомъ, презирала брата, готоваго продать сестру изъ за выгоды, презирала и себя за то, что не умѣла всѣмъ этимъ людямъ бросить въ лицо свое презрѣніе, за то что не рѣшалась задушить своего супруга, когда онъ лежалъ предъ нею на колѣняхъ, за то, что въ тиши Бетъ Эдена не имѣла достаточно силы, чтобы покончить съ собой. Что, какъ не низкій страхъ и трусость удержали ее. Все ея кажущееся стремленіе къ мести и къ власти было только предлогомъ, чтобы обмануть себя въ истинной причинѣ, которая заставляла ее съ такой боязнью и жадностью держаться жизни.

Да, Вероника казалась себѣ самой жалкой и ничтожной, недостойной даже состраданія и все-таки она была выше, чѣмъ всѣ, кто ее окружали.

Противъ ожиданія, Веспасіанъ, послѣ отдыха въ Цезареѣ Филиппійской, не двинулся на Іерусалимъ. Онъ ограничился тѣмъ, что очистилъ Перею отъ мятежниковъ и этого ему удалось достигнуть въ теченіи трехъ мѣсяцевъ съ помощью дѣйствующей тамъ партіи мира. Потомъ онъ помѣстилъ свои войска на зимнія квартиры въ Баритѣ и Цезареѣ приморской.

Войска его были недовольны бездѣйствіемъ; ихъ возмущало, что покореніе Галилеи стоило столькихъ потерь, и они горѣли нетерпѣніемъ напасть на столицу и уничтожить народъ, который, не смотря на всю свою неопытность въ военномъ дѣлѣ, чуть не поколебалъ славу римской непобѣдимости. Но полководецъ, казалось, не замѣчалъ возрастающаго недовольства; не обращая вниманія на ропотъ солдатъ, онъ устраивалъ пробные марши, военныя упражненія, училъ метальщиковъ и стрѣлковъ пользоваться снарядами, заказывалъ рабочимъ пробные крѣпостные валы и разныя сооруженія для маневровъ, какъ будто бы дѣло происходило среди глубокаго мира. Казалось, что онъ или жалѣетъ іудеевъ, или боится пораженія.

Это послѣднее предположеніе всего болѣе оскорбляло римскія войска; длящаяся неопредѣленность положенія побудила подчиненныхъ военачальниковъ обратиться къ Веспасіану съ просьбой о немедленномъ продолженіи войны. Титъ тоже примкнулъ къ нимъ. Ни онъ, ни Агриппа не могли понять причину странной нерѣшительности полководца. Для Агриппы особенно важно было быстрое насильственное подавленіе возстанія; это было для него единственнымъ средствомъ осуществить свои надежды на іудейское царство, прежде чѣмъ оно будетъ совершенно обезсиленно и разбито партійными раздорами и гражданскими войнами.

Веспасіанъ принялъ военачальниковъ съ обычной спокойной вѣжливостью и выслушалъ, не мѣняя выраженія лица, слова своего сына, избраннаго говорить отъ имени депутаціи. Когда Титъ кончилъ, улыбка показалась на чертахъ Веспасіана.

— Титъ Флавій, легатъ,—сказалъ онъ съ легкой насмѣшкой въ голосѣ,—употребилъ, говоря о моей медлительности, столь рѣзкое слово, что оно нуждается въ моемъ прощеніи. Онъ сказалъ, что я поступаю, какъ женщина. Онъ правъ; сознаюсь, что если я подражаю великому Фабію Кунктатору, то дѣлаю это, слѣдуя совѣту женщины.

Волненіе прошло по всему собранію; всѣ догадывались, о комъ идетъ рѣчь. Титъ тоже угадалъ имя женщины и покраснѣлъ подъ проницательнымъ взглядомъ отца. Агриппа поблѣднѣлъ.

— Неужели ты говоришь о Вероникѣ,

моей сестрѣ?—спросилъ онъ полководца нетвердымъ голосомъ.

— Да,—сказалъ серьезно Веспасіанъ,—и клянусь, что всѣ мы могли бы поучиться у нея. Истинный римлянинъ долженъ быть въ настоящемъ случаѣ не только полководцемъ, но и государственнымъ человѣкомъ. Сознаюсь, я уже собирался двинуть войско на Іерусалимъ, но Вероника меня удержала вѳвремя...

— Я ничего не понимаю,—воскликнулъ молодой легатъ, обезпокоенный мыслью, что Вероника за его спиной вела переговоры съ отцомъ.—Какія основанія она представила тебѣ?

— Пусть она сама дастъ объясненія,—сказалъ Веспасіанъ и откинулъ тяжелую завѣсу, отдѣлявшую глубину комнаты.

Вероника поднялась съ кресла, на которомъ сидѣла, и приблизилась къ собравшимся.

— Тебя удивляетъ мое присутствіе здѣсь,—обратилась она къ невольно отступившему легату, и продолжала, тонко льстя Веспасіану:—Ты, вѣроятно, полагалъ, что то, о чемъ всѣ говорятъ, не доходитъ до ушей полководца. Веспасіанъ все видитъ и все слышитъ... Вы спрашиваете, какая причина промедленія, отъ котораго страдаетъ ваше самолюбіе,—обратилась она затѣмъ къ остальнымъ.—Вѣдь вы всѣ знаете, вѣроятно, что Риму угрожаютъ не одни только іудеи: въ Галліи Виндексъ поднялъ мечъ возстанія противъ цезаря, а въ Римѣ каждое утро приноситъ открытіе новаго заговора. Какъ знать, быть можетъ, близокъ день, когда Римъ, растерзанный междоусобіями, увидитъ свое единственное спасеніе, единственный утесъ среди дикой ревущей стихіи въ Веспасіанѣ и во всѣхъ васъ, собравшихся подъ его знаменами. Для проницательнаго взора ясно, что готовится страшный переворотъ, болѣе великій и опасный, быть можетъ, чѣмъ распря тріумвировъ. И тогда долженъ явиться новый Августъ, который сможетъ твердою рукой взять власть въ свои руки и успокоить умы.

Она на минуту остановилась какъ бы для того, чтобы дать время собранію усвоить то, что она сказала. Воины слушали ее съ нѣмымъ напряженіемъ, еще не совсѣмъ понимая, куда клонятся слова Вероники. Одинъ Титъ понялъ ее и слушалъ съ восторгомъ.

— А теперь представьте себѣ, римляне,—продолжала Вероника,—что буря разразится тогда, когда вы поглощены будете осадой Іерусалима. Не считайте слишкомъ легкой побѣду надъ этимъ городомъ и его обитателями. Борьба будетъ жестокая и трудная, и уже никакъ нельзя будетъ, оставивъ іудеевъ, идти на помощь расшатанной имперіи. Нельзя было бы избрать болѣе благопріятнаго для іудеевъ момента, чѣмъ теперешній, для начала войны. Конечно, они раздѣлены теперь на партіи, но еще ядъ междоусобныхъ распрей не проникъ достаточно глубоко въ ихъ сердца. Всѣ саддукеи, фарисеи, зелоты и сикаріи ополчатся на васъ, какъ одинъ человѣкъ. Ядъ междоусобія не сразу умерщвляетъ, а дѣйствуетъ медленно и тайно; должно пройти нѣкоторое время, пока онъ проникнетъ во всѣ части организма и ослабитъ его. Вотъ почему я Веспасіану не совѣтовала идти теперь на Іерусалимъ; я ему разсказала басню и онъ сразу одобрилъ ея смыслъ—надѣюсь, что и вы одобрите его. Хотите выслушать басню?

Напряженіе достигло вершины.

— Говори,—возбужденно крикнулъ Титъ, и всѣ повторили: говори.

Вероника начала разсказывать:

— Нѣкоему рабу его господинъ повелѣлъ бороться противъ цѣлой стаи волковъ, обѣщая ему въ случаѣ побѣды полную свободу. Всѣ слыхавшіе приказаніе считали несчастнаго погибшимъ; одни уговаривали его бѣжать, другіе совѣтовали ему испугать волковъ, бросившись на нихъ сразу, съ мечомъ въ рукахъ. Рабъ не сдѣлалъ ни того, ни другого. Одѣвъ на себя нѣсколько овечьихъ шкуръ и вооружась короткимъ кинжаломъ, онъ вышелъ на середину арены и притаился въ пескѣ. Когда раскрылись клѣтки съ дикими звѣрями, онъ сталъ издавать жалобные звуки, похожіе на блеянье овцы; въ первую минуту волки остановились въ недоумѣніи, потомъ дружно кинулись на мни-

мую овцу, чтобы растерзать ее и насытить свой голодъ. На это рабъ и разсчитывалъ: онъ выскользнулъ изъ подъ шкуръ, оставивъ ихъ на пескѣ, а самъ спрятался въ углу арены. Волки же бросились на добычу, чтобы растерзать ее. причемъ каждый старался выхватить кусокъ у другого; началась страшная борьба между волками и каждый разъ, когда одинъ изъ волковъ падалъ, другой бросался, чтобы съѣсть его, причемъ третій и четвертый начинали съ нимъ новую борьбу изъ за трупа павшаго. Рабу было очень легко воспользоваться удобнымъ моментомъ и убивать борющихся одного за другимъ. Остался только одинъ волкъ, самый сильный и страшный, но и онъ уже такъ ослабѣлъ отъ борьбы и ранъ, что не могъ оказать серьезнаго сопротивленія новому врагу. Такъ случилось, что одинъ человѣкъ побѣдилъ цѣлую стаю кровожадныхъ волковъ и все это потому, что онъ держался стараго но вѣчно новаго правила: раздѣляй и управляй.

Нескончаемыя рукоплесканія послышались въ отвѣтъ на рѣчь Вероники; она жесъ улыбкой указалана Веспасіана.

— Правда, иногда женщина можетъ найти средство распутать Гордіевъ узелъ, не разрубая его мечомъ; но исполненіе уже дѣло мужчины. Римъ счастливъ тѣмъ, что можетъ противупоставить іудеямъ и внутреннимъ врагамъ человѣка, соединяющаго рѣшительность полководца съ терпѣніемъ и пониманіемъ государственнаго дѣятеля. Если государство будетъ спасено, то оно этимъ будетъ обязано не жалкой хитрости какой-нибудь Вероники, а спокойствію Веспасіана. Вотъ почему—она выпрямилась и съ вызывающей отвагой взглянула на Веспасіана и военачальниковъ. и потомъ на молодого легата—вотъ почему, кто любитъ вѣчный Римъ и желаетъ, чтобы во главѣ государства былъ справедливый и достойный мужъ, пусть пойдетъ и поговоритъ съ ослѣпленными воинами. Нужно, чтобы они подчинились высшему разуму и замѣнили бы на знаменахъ своихъ имя кроваваго тирана именемъ единственнаго...

Она не кончила. Веспасіанъ съ испугомъ всталъ между нею и собраніемъ, чтобы помѣшать продолжать Вероникѣ. Она сама замѣтила, что зашла слишкомъ далеко и что теперь не время открывать истинныя намѣренія Но, несмотря на вмѣшательство полководца, невысказанная мысль Вероники уже воспламенила, какъ искра, духъ воиновъ Веспасіана, зажигая въ нихъ сначала тайный, но все болѣе и болѣе разгорающійся огонь.

Титъ первый провозгласилъ то, что таилось въ ея мысли.

— Да здравствуетъ вѣчный Римъ! Да здравствуетъ Веспасіанъ!

Всѣ вторили его восторженному клику, и онъ разнесся по всему лагерю, какъ по мановенію божественной руки.

Полководецъ не благодарилъ войска, а погрузился въ глубокое раздумье. Тѣ же мысли волновали его, какъ и послѣ жертвоприношенія на Кармелѣ, но теперь къ нимъ присоединилось новое чувство; на этотъ разъ привѣтствія легіоновъ не закончились обычнымъ кликомъ: да здравствуетъ цезарь! на этотъ разъ никто не вспомнилъ далекаго властителя. Въ сердцахъ воиновъ жилъ только присутствующій среди нихъ полководецъ. Будетъ ли его имя имѣть достаточную силу, чтобы покорить традиціи и заставить свершить путь отъ замысла до исполненія?

Онъ вздрогнулъ и черты его ожесточились. Но онъ вспомнилъ, какъ опасно играть въ такую игру, пока силенъ Неронъ. Онъ снова поднялъ руку, какъ бы отстраняя привѣтствіе, и дрожащими губами произнесъ третій забытый крикъ:

— Да здравствуетъ цезарь Неронъ!

Никто на отвѣтилъ, наступило долгое молчаніе, душное, жуткое, какъ молчаніе природы предъ грозой. Веспасіанъ не сразу пришелъ въ себя, и его обыкновенно спокойный голосъ звучалъ хрипло, когда онъ объявилъ пароль.

Улыбка мелькнула на лицахъ присутствующихъ; они переглянулись значительными взорами; пароль Веспасіана на этотъ день гласилъ «Divide et impera».

. . . .

Военачальники ушли изъ палатки; только Вероника, Агриппа и Титъ остались у Веспасіана.

Царь сидѣлъ мрачный у маленькаго стола, покрытаго свертками бумагъ. Вероника вытянулась на тяжеломъ коврѣ и съ улыбкой глядѣла на полководца, который, глубоко задумавшись, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Титъ прислонился къ деревянному столбу, поддерживающему палатку. Онъ, какъ всегда, съ восторгомъ и радостью глядѣлъ на обаятельную женщину, единственную, которая съумѣла привязать его къ себѣ навсегда.

— Вероника,—сказалъ Веспасіанъ,—ты объяснила своей басней, что нужно внести раздоръ въ среду нашихъ противниковъ; но какъ это сдѣлать? Чтобы пойти по этому пути нужно найти то, чѣмъ для раба были овечьи шкуры. Не приготовила-ли ты какой-нибудь приманки?

Вероника отрывисто и рѣзко засмѣялась.

— Я измѣнила моему народу,—сказала она, и глаза ея засвѣтились мрачнымъ свѣтомъ,—ты правъ поэтому, требуя, чтобы я предала моего бога. Все для Рима—не такъ ли? Хорошо, я согласна. Что самое святое для іудея?

— Богъ,—отвѣтилъ Веспасіанъ съ нѣкоторымъ суевѣрнымъ страхомъ.

Вероника замѣтила это и насмѣшливо улыбнулась.

— А послѣ Бога?

— Законъ.

— Я вижу, Веспасіанъ хорошо изучилъ характеръ своихъ враговъ. Да, для того, чтобы теперешняя распря между іерусалимскими іудеями перешла отъ мирныхъ ученыхъ споровъ къ опустошительному мятежу, нужно, чтобы былъ затронутъ законъ, а въ законѣ были затронуты велѣнія Бога. Но во всей этой обѣтованной странѣ одинъ только человѣкъ воплощаетъ собой законъ въ глазахъ народа. Его они считаютъ намѣстникомъ Бога и онъ стоитъ во главѣ народа.

— Вероника!

Агриппа окликнулъ ее. Съ измѣнившимся, поблѣднѣвшимъ лицомъ онъ подошелъ къ сестрѣ, но она даже не подняласъ и глядѣла на него торжествующимъ взглядомъ.

— Что?—спросила она небрежно.

— Понимаешь ли ты, что дѣлаешь?—мрачно сказалъ онъ.—Ты хочешь затоптать въ грязь санъ первосвященника. Этимъ ты оскверняешь самое священное въ народѣ и губишь основу его жизни. Израиль никогда не оправится отъ такого удара.

Она взглянула на него съ притворнымъ изумленіемъ.

— Я не понимаю тебя, Агриппа. Вѣдь ты первый загрязнилъ одежды первосвященника. Сколько заплатили тебѣ Евсей изъ Гамелы и Матія бенъ Теофиль за высшую государственную должность? Къ тому же, твои собственные интересы требуютъ полнаго подавленія возстанія—ты самъ это не разъ говорилъ Веспасіану. Радуйся поэтому, что мнѣ удалось найдти способъ воспламенить распрю въ Іерусалимѣ.

Агриппа, пораженный ея словами, отошелъ и закусилъ губы въ безмолвной злобѣ. Неужели Вероника забыла истинную цѣль его желаній? какъ же онъ сможетъ потомъ утвердить свою власть въ Азіи, если народъ будетъ обезсиленъ.

— Какой-же ты нашла способъ?—спросилъ Веспасіанъ Веронику.

Она вынула изъ складокъ платья исписанныя таблицы и передала полководцу.

Веспасіанъ прочелъ: «Какъ долго народъ еще будетъ покоряться губительному игу знатныхъ родовъ? Гдѣ сказано, что первосвященникъ долженъ избираться только изъ аристократическихъ родовъ? Все колѣно Леви имѣетъ по закону право на священничество, и можно найти въ низшемъ классѣ человѣка, болѣе достойнаго окропить голову священнымъ масломъ, чѣмъ Матія бенъ Теофиль. Дѣйствуй согласно съ этими словами».

— Страшное средство!—воскликнулъ Веспасіанъ съ суевѣрнымъ ужасомъ.—Что, если оно навлечетъ на насъ гнѣвъ вашего могущественнаго Бога?

Вероника снова рѣзко засмѣялась.

— Не бойся, полководецъ. Этотъ гнѣвъ

поразить только истиннаго виновника, и я готова взять на себя послѣдствія.

Римлянинъ съ ужасомъ отступилъ отъ нея. Она поднялась и гордо выпрямилась; на лицѣ ея лежало выраженіе глубочайшаго презрѣнія къ людямъ, къ Богу, ко всему.

— Черезъ кого ты пошлешь это воззваніе? — спросилъ Агриппа дрожащимъ голосомъ.

— Развѣ ты его забылъ своего посланника въ Гишалу?—насмѣшливо сказала она.—Оній слишкомъ уменъ, чтобы не попытаться служить двумъ господамъ. Да онъ совершенно правъ. Развѣ мое золото меньше вѣситъ твоего. Сегодня-же я пошлю вѣрнаго посла въ Іерусалимъ,—обратилась она къ полководцу.—Надѣюсь, ты останешься доволенъ.

Она взяла руку Тита и молодой легатъ, сіяя отъ восторга, увелъ ее изъ палатки.

. . . .

Полчаса спустя Агриппа вошелъ къ Вероникѣ съ мрачнымъ лицомъ. Она, казалось, ожидала его и не выказала никакого удивленія его приходу. Только грудь ея быстрѣе поднималась и опускалась, она глубоко вздохнула, какъ бы отъ тайнаго удовлетворенія.

Царь медленно подошелъ къ ней и остановился предъ ней, сдвинувъ брови.

— Раз ѣ ты забыла, Вероника,—спросилъ онъ рѣзкимъ голосомъ,—наше условіе въ Птолемаидѣ?

— Вероника ничего не забываетъ,—спокойно отвѣтила она,—Вероника не должна стать возлюбленной римлянина, она будетъ лишь вести съ нимъ веселую игру, ни къ чему не обязывающую. Цѣль всего—возвеличеніе дома Ирода и гибель Рима.

— А теперь ты дѣлаешь все, чтобы укрѣпить власть Рима. Никогда-бы Веспасіану не пришло въ голову воспользоваться учеными спорами между іерусалимскими глупцами. Ты выдала ему эту слабость Іерусалима.

Она опустила голову въ мрачномъ раздумьи.

— Да,—пробормотала она,—я всѣхъ выдала: народъ, отечество и Бога. И ради кого? ради тебя! почему же теперь мнѣ не предать и тебя—меня уже не связываетъ данное въ Птолемаидѣ слово. Ты самъ превратилъ игру въ нѣчто слишкомъ серьезное. Не думаешь же ты, что я люблю римлянина? Ты воспользовался моей слабостью, и теперь—я супруга Тита, благодаря моему честолюбію, порожденному тобой. Вмѣстѣ съ Титомъ я буду властвовать. Таинственное слово! власть не терпитъ никого около себя, даже тебя. Поэтому, Агриппа, откажись отъ тайной борьбы съ Римомъ. Въ тотъ день, когда въ Цезареѣ филиппійской Вероника стала супругой Тита, ты думалъ, что одержалъ блестящую побѣду; а между тѣмъ, знаешь-ли чѣмъ это было? величайшимъ пораженіемъ, отнявшимъ у тебя единственную союзницу, Веронику. Мечта о міровомъ царствѣ въ Азіи разбита. Теперь есть только одинъ тронъ для властителя міра—Римъ. А тамъ уже нѣтъ мѣста для Агриппы рядомъ съ Вероникой.

Она сдѣлала движеніе рукой, какъ бы удаляя что-то назойливое и мелкое. Царь отступилъ, смертельно блѣдный, и глядѣлъ на нее глазами, полными ужаса.

— Вероника!—крикнулъ онъ съ отчаяніемъ.—Карай меня, но не губи.— Онъ задыхался. Ея лицо оставалось неподвижнымъ.

— Съ того дня, какъ ты меня продалъ, у Вероники нѣтъ брата. Уходи.

Вытянувъ руку, она указывала ему на дверь. Онъ поднялъ руку съ мольбой и хотѣлъ броситься къ ея ногамъ.

— Уходи,—повторила она тѣмъ же жесткимъ голосомъ, и глаза ея были полны ненависти.—Не смѣй становиться на моемъ пути. Клянусь тебѣ памятью нашей матери, я раздавлю тебя, какъ отвратительнаго червя.

Агриппа боязливо вышелъ изъ комнаты, но за дверью онъ остановился, заскрежеталъ зубами, сжалъ кулаки, и глаза его засвѣтились коварствомъ. Онъ погрозилъ кулакомъ.

— Ты еще не Августа, Вероника! а до тѣхъ поръ...

Глава XVI.

Высоко на голубомъ небѣ смѣялось солнце, но внизу ревѣла буря въ ущельяхъ Дчаланскаго нагорья и въ голубомъ Генисаретскомъ озерѣ, покрывая его дикими пѣнистыми волнами. Въ скрытой пещерѣ было однако тише. Мощная, какъ бы исполненная руками исполиновъ, музыка бури разбивалась объ утесы у входа, и колебала воздухъ мягкими звуками, подобными аккордамъ далекой арфы; звуки смѣшивались съ тихимъ пѣніемъ молодой женщины, сидѣвшей въ глубинѣ пещеры, у очага; она глядѣла на слабое пламя большими синими, глубокими глазами; ея нѣжное, стройное тѣло одѣто было въ длинную поношенную, но блестящую бѣлизной одежду, напоминающую одежду египетскихъ жрицъ Изиды. По плечамъ и спинѣ дѣвушки спускался потокъ блестящихъ какъ серебро волосъ; они придавали ей странный чужеземный видъ; какимъ-то чудомъ у береговъ Галилейскаго моря очутилась германская женщина лѣсовъ, жрица Герты.

Ея пѣніе вдругъ оборвалось и перешло въ рыданіе.

Тотчасъ же изъ угла пещеры къ ней бросился одѣтый въ лохмотья карликъ; до того онъ дробилъ между двумя камнями ячменныя зерна.

— Мероэ плачетъ?—спросилъ онъ нѣжно, и лучъ глубокой любви въ его покраснѣвшихъ глазахъ дѣлалъ его безобразное лицо почти красивымъ.

— Мероэ ѣсть хочетъ,—жалобно отвѣтила дѣвушка. Она говорила дѣтскимъ голосомъ и дикіе непонятные глаза имѣли то же дѣтское выраженіе.

Карликъ Габба обращался съ Мероэ, какъ съ ребенкомъ; онъ ласково гладилъ ее по волосамъ и уговаривалъ ее; когда это не помогало, онъ приносилъ ей пестрыя раковины и блестящіе камни; тогда Мероэ успокаивалась, хохотала, какъ дитя, и весело хлопала въ ладоши.

Дикое безуміе, овладѣвшее ею послѣ жертвоприношенія Веспасіана, прошло; но вмѣсто этого она вернулась къ чувствамъ и представленіямъ ранняго дѣтства; и все-таки Габба не терялъ надежды на ея выздоровленіе. Только это оживляло его безрадостную, тяжелую жизнь.

Ихъ, какъ дикихъ звѣрей, преслѣдовали и гнали отовсюду. Странный, безумный видъ Мероэ и уродство Габбы возбуждали суевѣрный ужасъ. Никто не давалъ имъ пріюта, не хотѣлъ имъ помочь. Наконецъ, карликъ нашелъ эту никому не вѣдомую пещеру. Рѣдко заходили странники въ это мрачное ущелье, столь различное отъ плодородной Генисаретской долины; входъ въ пещеру Габба заложилъ камнями, чтобы никто не могъ догадаться, проходя мимо, что здѣсь человѣческое жилье. Днемъ Габба никогда не оставлялъ Мероэ, а ночью пробирался, какъ дикій звѣрь, въ генисаретскіе сады и кралъ тамъ фиги, виноградъ и дыни, а съ полей пшеницу и ячмень; когда счастье ему улыбалось, онъ прокрадывался въ хижины рыбаковъ или въ стада пастуховъ и добывалъ для Мероэ рыбы и молока. При этомъ онъ часто подвергался опасности и дрожалъ не за свою жизнь, а за Мероэ; она безъ него навѣрное бы погибла.

Онъ полюбилъ Мероэ такой исключительной, кроткой и преданной любовью, какъ можетъ полюбить только отверженный всѣми людьми человѣкъ. Для него Мероэ была всѣмъ—Богомъ, родиной, семьей; онъ надѣялся, что настанетъ блаженное время, когда она начнетъ понимать его и тогда его озаритъ лучъ ея солнцеподобнаго существа. Онъ былъ почти счастливъ, живя съ Мероэ въ скрытой хижинѣ. Война, бушевавшая вокругъ Генисарета, не доходила до высотъ. Только пламя сожженныхъ городовъ и деревень, указывавшее ему путь ночью, было знакомъ римскихъ побѣдъ. Почти на его глазахъ морская битва на озерѣ между іудеями и римлянами закончилась завоеваніемъ Тарихеи. Но онъ равнодушно глядѣлъ на сражавшихся. Что ему за дѣло до человѣческихъ распрей!

Онъ возвратился послѣ обычнаго обхода и приготовилъ для Мероэ, заснув-

шей надъ своими камешками и раковинками, деревянный горшокъ съ ячменной кашей и кусокъ дыни. Вдругъ онъ вздрогнулъ и сталъ прислушиваться. Человѣческіе голоса раздались въ непосредственственной близости пещеры—голоса мужчинъ. Весь дрожа, онъ бросился къ щели въ стѣнѣ пещеры и выглянулъ изъ нея, но выступъ утеса у входа заграждалъ ему видъ.

Тогда онъ рѣшился высунуться изъ отверстія, выползъ на животѣ и пробрался къ краю каменной насыпи; онъ осторожно нагнулся и взглянулъ внизъ.

Подъ нимъ, на маленькой горной полянѣ, свободной отъ камней, лежалъ молодой человѣкъ, вытянувшись на чахлой травѣ; его прекрасное благородное лицо было блѣдно и изможденно, глаза глубоко впали, губы жадно раскрылись; онъ лежалъ, не двигаясь; только его прозрачныя блѣдныя руки, дрожа, касались травы.

— Не заботься обо мнѣ, другъ мой,—услышалъ Габба его шопотъ; страдальческая улыбка пробѣжала по изможденнымъ чертамъ юноши, когда онъ обратился съ этими словами къ большому сильному человѣку съ рыжеватыми волосами и бородой. Шлемъ и панцырь обличали въ немъ воина. Онъ старался поднять и удобно уложить голову юноши.

— Ты бы еще одинъ разъ сдѣлалъ надъ собой усиліе, — отвѣтилъ онъ.—Пещера, куда я хочу тебя повести, здѣсь по близости; я отлично помню это мѣсто со времени одного похода Іосифа бенъ Матія; мы преслѣдовали разбойниковъ и какъ разъ здѣсь, на этой горной полянѣ, они сдѣлали послѣднюю попытку сопротивленія: ни одному изъ нихъ не удалось спастись; ихъ женщины тогда бросались съ пещеры, гдѣ онѣ жили вверху, на эту поляну, чтобы умереть вмѣстѣ со своими мужьями.

Черты лежащаго омрачились.

— Кровь и смерть, куда ни взглянуть, кого ни послушать. Несчастная родина! Нѣтъ, оставь меня, уходи, пока не слишкомъ поздно. Развѣ ты не знаешь, вѣдь на мнѣ тяготѣютъ проклятія — я забылъ свою отчизну, когда еще не было слишкомъ поздно спасти ее.

— Ты преждевременно приходишь въ отчаяніе,—ободрялъ его воинъ.—Іерусалимъ еще не сдался, еще не поздно вооружиться для его спасенія.

Юноша печально улыбнулся.

— У меня нѣтъ больше силъ—я ни на что не годенъ. Все, что было во мнѣ, вся сила моя осталась у той, которая умерла; я долженъ слѣдовать за ней, поэтому...

Голосъ его перешелъ въ невнятный шепотъ и глаза закрылись. Лицо покрылось смертельной блѣдностью.

Воинъ наклонился, приподнимая тѣло несчастнаго юноши; но глаза послѣдняго оставались закрытыми и голова безпомощно свѣсилась. Габба слышалъ отчаянныя слова воина: гдѣ взять каплю воды помочить ему губы?

Габба не двинулся съ мѣста, хотя въ душѣ его страхъ боролся съ жалостью. Вооруженный воинъ, очевидно, зналъ пещеру—если Габба покажется, то видно будетъ, что пещера обитаема и воинъ заставитъ впустить его туда съ умирающимъ юношей. Если же онъ не покажется, то юноша умретъ. Но развѣ самого Габбу не гнали отовсюду безпощадно? кто протягивалъ ему руку помощи? Теперь дѣло идетъ о безопасности Мероэ. Пусть умретъ бѣглецъ, лишь бы отвратить опасность отъ Мероэ.

Габба осторожно поднялся, чтобы прокрасться обратно въ пещеру, но черезъ минуту онъ весь задрожалъ—Мероэ стояла предъ нимъ.

Она проснулась въ его отсутствіе; лучъ свѣта, проникавшій черезъ незакрытую щель, увлекъ ее за собой. Она вышла изъ пещеры и очутилась около Габбы, не видя его, и радуясь, что вѣтеръ развѣваетъ ея волосы и освѣжаетъ лицо. Какъ дитя, она просовывала руку въ отверстія между камнями. Габба не двигался и не подавалъ голоса. Если Мероэ замѣтитъ его, она заговоритъ и странники внизу обратятъ на нихъ вниманіе. Но она стояла недвижимо. Вѣтеръ затихъ такъ же неожиданно, какъ поднялся—странное, но нерѣдкое яв-

леніе въ окрестностяхъ Генисаретскаго озера.

Свѣтлая синева неба засіяла по прежнему, солнечный лучъ упалъ на горную поляну и заигралъ на блестящемъ шлемѣ чужестранца.

Мероэ слѣдила за нимъ, потомъ громко засмѣялась, захлопала въ ладоши и закричала ликующимъ голосомъ:

— Золото, золото!

Габба вздрогнулъ, но рыжеволосый воинъ взглянулъ вверхъ и остановился въ ослѣпленіи.

— Фрея! — пробормоталъ онъ.—Неужели это твой божественный образъ носится надъ галилейскими горами.

Охваченный трепетомъ предъ божественнымъ явленіемъ, онъ поднялъ руку къ Мероэ и сталъ шептать непонятныя слова. Габбѣ они показались странно знакомыми. Когда Мероэ попала въ домъ Базилида въ Римѣ, она говорила нѣчто подобное.

Онъ, очевидно, не ошибся, и Мероэ, подавшись впередъ всѣмъ тѣломъ, стала прислушиваться. Въ глазахъ ея промелькнули медленно возвращающіяся воспоминанія и она стала отвѣчать такими же странными звуками.

Въ слѣдующую минуту чужестранецъ очутился наверху, рядомъ съ дѣвушкой и Габбой, который поднялся съ мрачнымъ видомъ.

— Кто бы ты ни былъ,—началъ воинъ съ мольбой въ голосѣ и опустилъ при видѣ людей свой мечъ въ ножны,— надѣюсь, ты не откажешь уставшимъ и гонимымъ путникамъ въ пріютѣ и пищѣ на одну ночь. Я прихожу къ тебѣ съ миромъ и прошу помощи для изнемогающаго друга. Грозныя парки обрѣжутъ нить его жизни, если ты не сжалишься надъ нимъ.

Габба взглянулъ на него съ нерѣшительностью.

— Могу ли я довѣрять тебѣ, когда здѣсь кругомъ братъ не довѣряетъ брату и отецъ сыну.

Вмѣсто отвѣта, чужеземецъ вынулъ мечъ и кинжалъ изъ-за пояса и бросилъ предъ Габбой на камни.

— Клянусь тебѣ памятью моихъ родителей, я не буду вопрошать, кто ты и куда ты насъ ведешь. Я уйду отъ тебя когда ты потребуешь. Дай только спасти несчастнаго юношу. Я Хлодомаръ и служилъ нѣкогда Іосифу бенъ Матіа, галилейскому намѣстнику; теперь я никому не служу и не хочу воевать. А спутникъ мой Регуэль, сынъ Іоанна изъ Гишалы, знаменитаго мужа въ Галилеѣ. Повѣрь, могущественный отецъ вознаградитъ тебя за помощь, оказанную сыну.

Габба съ волненіемъ приблизился къ воину.

— Теперь я знаю, кто ты,—сказалъ онъ.—Я видѣлъ тебя у царя Агриппы, когда ты приносилъ ему тайныя вѣсти изъ Галилеи. Я тоже служилъ ему прежде; я Габба, карликъ Габба, царскій шутъ. Какъ и ты, я принужденъ спасаться отъ враговъ и преслѣдованій; хотя я много разъ испыталъ измѣну, но все-таки еще разъ довѣрюсь тебѣ. Да развѣ бы я могъ,—заключилъ онъ съ грустной улыбкой,—противиться тебѣ. Если бы ты хотѣлъ, то и безъ оружія легко могъ бы свалить съ ногъ меня, жалкаго карлика, и войти въ мое убѣжище. Вноси же туда твоего спутника. Пусть то, что принадлежитъ Габбѣ, будетъ и твоимъ.

— А эта дѣвушка?—спросилъ Хлодомаръ, указывая на Мероэ, которая сѣла на землю и играла блестящей рукоятью меча.

— Божій духъ паритъ надъ ней!— торжественно сказалъ Габба.

Хлодомаръ отступилъ съ благоговѣніемъ. Онъ раздѣлялъ вѣру своего народа въ то, что устами безумныхъ говоритъ Богъ. Чрезъ нѣсколько минутъ бѣглецы нашли пріютъ въ пещерѣ Габбы.

. . . .

Партійные раздоры въ Іерусалимѣ все болѣе обострялись. Взаимныя обвиненія становились настойчивѣе, страсти разгорались. Іерусалимъ раздѣлился на два большихъ враждебныхъ лагеря, готовыхъ вступить въ открытую борьбу при первомъ удобномъ случаѣ. Ананій, старѣйшій изъ первосвященниковъ, сталъ во главѣ умѣренныхъ и осторожныхъ фарисеевъ; они больше всего стремились къ возстановленію мира, хотя бы цѣной

подчиненія Риму; партія зелотовъ включила въ себя всѣ революціонные элементы, которые требовали участія народа въ управленіи государствомъ. Къ нимъ примыкали всѣ самые нечистые элементы, туземные и пришлые, ибо по старому священному закону ворота Іерусалима были открыты для всѣхъ исповѣдующихъ іудейскую вѣру. Были среди нихъ бродяги, собравшіеся въ Іерусалимъ въ надеждѣ на добычу, всякаго рода преступники, даже тайные послы враговъ; они разжигали смуту и призывали къ насиліямъ, чтобы лишить іудейскій народъ установившейся за нимъ славы святости и справедливости.

Самымъ опаснымъ изъ такихъ пришельцевъ былъ Оній «послѣдній житель колоніи Клавдіевой». Во время своего пребыванія въ Гишалѣ онъ старался ни чѣмъ не возбудить подозрѣнія Іоанна, выдавалъ себя за врага римлянъ и завоевалъ полное довѣріе галилейскаго патріота, оказывая ему всякаго рода услуги. Въ Іерусалимѣ тоже Оній держался очень осторожно и заботился, казалось, только объ интересахъ Іоанна; а между тѣмъ въ его рукахъ были всѣ тайныя нити, руководившія какъ партіею зелотовъ, такъ и аристократіею. Онъ былъ довѣреннымъ лицомъ самыхъ подозрительныхъ людей каждой партіи. Мечта Базилида, кармельскаго пророка, исполнилась вполнѣ. Оній сталъ государственнымъ дѣятелемъ и отъ него зависѣла судьба цѣлаго народа. Одно его слово могло возбудить пагубную междоусобную войну. Онъ броситъ это слово въ лагерь враждующихъ, какъ горящій факелъ на соломенную кровлю.

Вероника, въ своемъ письмѣ, посланномъ чрезъ довѣренное лицо, произнесла это роковое слово: Затронь первосвященника.

Рѣшительный ударъ уже былъ подготовленъ; помощники Онія распространили въ народѣ слухъ о раскрытіи заговора, которымъ Іерусалимъ долженъ былъ быть преданъ въ руки римлянъ. Главой заговора называли Ананія, Матія бенъ Теофиля, правящаго первосвященника, и приверженцевъ дома Ирода. Волненіе дошло до высшихъ предѣловъ; когда же, наконецъ, были схвачены и отведены въ тюрьму казначей Антипасъ и различныя высокопоставленныя лица княжескаго рода, когда ихъ предали быстро составленному суду, то измѣна казалась доказанной. Народъ требовалъ казни измѣнниковъ и грозилъ самъ напасть съ оружіемъ въ рукахъ на тюрьму и убить предателей.

Вечеромъ того же дня Елеазаръ бенъ Симонъ, предводитель зелотовъ, самъ не одобрявшій необдуманную быстроту дѣйствій, созвалъ огромное собраніе во дворѣ храма. Этого только Оній и ждалъ для исполненія порученія Вероники. Онъ пустилъ въ толпу своихъ людей и огромный дворъ наполнился страннымъ наглымъ людомъ; предводитель зелотовъ понялъ опасность положенія и хотѣлъ тотчасъ же распустить собраніе; но одинъ изъ помощниковъ Онія вскочилъ на возвышеніе и сталъ требовать смѣщенія первосвященника и выбора новаго главы государства изъ народной среды. Поднялся страшный шумъ. Напрасно болѣе благоразумные старались умиротворить разсвирѣпѣвшую толпу, которая требовала жертвы; даже болѣе спокойные присоединялись къ требованіямъ толпы, одни изъ искренняго патріотизма, другіе изъ боязни предъ кинжаломъ бунтовщиковъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ составился народный комитетъ и, свергнувъ Матія бенъ Теофиля, уничтожилъ старинныя привилегіи аристократіи, изъ которой всегда долженъ былъ избираться глава государства. Брошенъ былъ жребій для выбора первосвященника изъ самаго народа.

Раздался оглушительный смѣхъ, когда выбраннымъ оказался невѣжественный крестьянинъ Пинхасъ бенъ Самуэль; онъ происходилъ изъ священническаго рода, но былъ совершенно неспособенъ понять значеніе и силу своего новаго сана. Его привели въ Іерусалимъ прямо изъ деревни, съ хохотомъ и насмѣшками нарядили въ одежды первосвященника и въ богохульственномъ тріумфальномъ шествіи привели въ храмъ, занятый зелотами. Такое глумленіе надъ святыней и дѣлало всякое примиреніе невозможнымъ.

Съ тѣмъ же гонцомъ, который доставилъ письмо Вероники въ Іерусалимъ, Оній смогъ сообщить царицѣ и черезъ нея Веспасіану о томъ, что святой городъ купается въ крови своихъ гражданъ.

Начались уже кровопролитныя схватки между знатными родами и зелотами. Оній же оплакивалъ вмѣстѣ съ Симономъ бенъ Гамліэлемъ и Іоанномъ изъ Гишалы несчастную родину, обреченную судьбой на погибель.

Іоаннъ сидѣлъ вмѣстѣ съ престарѣлымъ предсѣдателемъ синедріона въ одной изъ комнатъ дворца, когда вошелъ Оній съ выраженіемъ глубокаго волненія на лицѣ.

— Благословенъ Всевышній, что я васъ застаю! Вы одни можете остановить общую гибель. Нужно спѣшить и потому...

Они испуганно вскочили.

— Спѣшить! — воскликнулъ Іоаннъ. —Но что же случилось, говори!

— Страшное, небывалое должно свершиться въ эту ночь. Ананій рѣшилъ осадить храмъ ночью и безпощадно убивать всѣхъ, кто будетъ сопротивляться.

Симонъ бенъ Гамліэль поблѣднѣлъ.

— Но развѣ онъ не знаетъ,—крикнулъ старецъ дрожащимъ голосомъ,—что идетъ противъ іудеевъ, своихъ единовѣрцевъ и соотечественниковъ!

Оній пожалъ плечами.

— Онъ ослѣпленъ интересами своей партіи и не видитъ опасности, надвигающейся извнѣ.

На минуту наступило томительное молчаніе.

Іоаннъ ходилъ взадъ и впередъ съ омраченнымъ лицомъ. Оній съ кажущимся спокойствіемъ стоялъ у дверей, но глаза его неотступно слѣдили за движеніями Іоанна. Вероника требовала, чтобы Оній какъ можно болѣе отдѣлилъ Іоанна отъ всѣхъ партій.

Если онъ примкнетъ къ одной изъ нихъ, то, конечно, тотчасъ же получитъ высшую власть въ государствѣ и объединитъ народъ для сопротивленія римлянамъ. Нужно непремѣнно лишить его довѣрія и любви народа, сдѣлать его подозрительнымъ въ глазахъ толпы. Онію казалось, что наступила минута для выполненія этого замысловатаго плана и что ему удастся представить Іоанна виновникомъ смуты.

— Я знаю,—сказалъ онъ медленно, послѣ долгаго раздумья, и опустилъ глаза въ землю, чтобы скрыть коварное выраженіе лица.—Я знаю,какъ покончить эту несчастную распрю, но средство опасно для того, кто его будетъ примѣнять: онъ легко можетъ возбудить подозрѣніе всѣхъ партій.

Іоаннъ вспылилъ.

— Дѣло идетъ о спасеніи всѣхъ и нужно быть предателемъ, чтобы не пожертвовать личнымъ положеніемъ для общаго блага.

— Таково и мое убѣжденіе,—отвѣтилъ Оній горячо.—Поэтому я предлагаю тебѣ, Іоаннъ, любимцу своего народа, употребить свое вліяніе для возстановленія мира. Отправься къ первосвященникамъ, собравшимся теперь, я знаю, во дворцѣ Ананія. Убѣди ихъ отказаться отъ нѣкоторыхъ своихъ привилегій въ пользу низшихъ. И когда тебѣ это удастся, при помощи Симона бенъ Гамліэля, отправься въ храмъ, къ осажденнымъ зелотамъ и убѣди ихъ тоже, въ свою очередь, уступить и удовольствоваться добровольными уступками аристократіи.

Онъ кончилъ и пристально взглянулъ на Іоанна. Тотъ понималъ, какъ опасно послѣдовать совѣту Онія и какъ посредничество между двумя партіями можетъ возбудить ненависть обѣихъ и еще болѣе увеличить смуту.

Но когда Симонъ бенъ Гамліэль всталъ и подошелъ къ нему съ умоляющимъ видомъ, Іоанну показалось, что вся жизнь его великаго отечества сосредоточена въ фигурѣ согбеннаго старца. Онъ рѣшилъ отдать послѣднюю каплю крови за неприкосновенность этой священной главы. Онъ выпрямился, чтобы стряхнуть новый приступъ лихорадки и молча схватился за мечъ, чтобы опоясаться имъ.

— Что ты рѣшилъ Іоаннъ?—спросилъ Симонъ бенъ Гамліэль.

Кроткая улыбка показалась на истомленномъ лицѣ Іоанна; онъ положилъ руку

на согбенное плечо предсѣдателя синедріона и повелъ его, вмѣсто отвѣта, къ двери.

— Ты укажешь намъ путь къ дому Ананія, Оній?

Оній пошелъ впередъ и глаза его горѣли злобой.

. . . .

Наконецъ удалось устроить соглашеніе, благодаря краснорѣчію Іоанна и просьбамъ Симона бенъ Гамліэля. Партія знатныхъ согласилась, не смотря на сопротивленіе Ананія, войти въ переговоры съ зелотами въ храмѣ; рѣшено было послѣ долгихъ обсужденій уменьшить тяжесть поборовъ и допустить низшихъ служителей храма къ нѣкоторымъ высшимъ должностямъ; за это зелоты должны были свергнуть неправильно избраннаго первосвященника и назначить новые выборы для этой высшей государственной должности изъ среды знатныхъ родовъ. Переговоры были поручены, по предложенію Симона, Іоанну.

Одинъ только Ананій противился до конца этимъ рѣшеніямъ. Оній оставался молчаливымъ свидѣтелемъ споровъ, потомъ онъ тихо и осторожно пробрался за стулъ Ананія и наклонился къ уху старѣйшаго первосвященника.

— Ананій опасается тайныхъ честолюбивыхъ замысловъ Іоанна?—спросилъ онъ.—Нужно заставить его дать клятву, что онъ ничего не предприметъ противъ вашей партіи. Если бы онъ нарушилъ такую клятву, онъ заслужилъ бы смерть, какъ измѣнникъ, по закону божескому; весь вѣрующій народъ отвернулся бы отъ него, какъ отъ клятвопреступника, и проклялъ бы день, когда призналъ его своимъ любимцемъ.

Ананій былъ пораженъ мудрымъ совѣтомъ и, вскочивъ, потребовалъ слова. Оній облегченно вздохнулъ и незамѣтно отошелъ. Іоаннъ далъ клятву ничего не предпринимать противъ партіи знатныхъ и вернуться изъ храма согласно своему порученію, даже если зелоты не примутъ предложенія мира. Потомъ онъ вышелъ въ сопровожденіи Онія и направился къ храму.

Улицы были точно вымершія; жители прятались въ домахъ, опасаясь разсвирѣпѣвшей толпы. Іоаннъ и его спутникъ приблизились къ храму, вокругъ котораго горѣли сторожевые огни осаждавшихъ. Изъ узкой темной улицы къ нимъ подошелъ человѣкъ и старался разглядѣть Іоанна и Онія, укутанныхъ въ густыя покрывала. Іоаннъ не обратилъ на него вниманія, занятый возложеннымъ на него порученіемъ; онъ не замѣтилъ, что Оній нѣсколько открылъ лицо и подалъ знакъ подошедшему человѣку. Іоаннъ только тогда пристально взглянулъ на него, когда тотъ обратился къ нему на ломаномъ языкѣ, удерживая его за край одежды.

— Прости, господинъ,—сказалъ неизвѣстный сдавленнымъ голосомъ. — Я чужой въ Іерусалимѣ и вошелъ въ городъ только съ наступленіемъ ночи. Я не могу найти никого, къ кому бы обратиться съ вопросомъ: не знаешь ли ты, какъ мнѣ пройти во дворецъ Ананія, старѣйшаго изъ первосвященниковъ.

Іоаннъ хотѣлъ было уже дать требуемое указаніе, но Оній дернулъ его за рукавъ. Обернувшись, онъ увидѣлъ странный взглядъ своего спутника, и тогда у него самого мелькнуло подозрѣніе: съ кѣмъ это Ананій, котораго зелоты подозрѣваютъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ Римомъ, ведетъ сношенія внѣ Іерусалима, да еще при посредствѣ человѣка, который, очевидно, явился посломъ и даже не умѣетъ говорить на общемъ языкѣ.

— Ты іудей?—спросилъ Оній неизвѣстнаго.

Тотъ, очевидно, смутился.

— Конечно, господинъ,—проговорилъ онъ не твердо.

— Откуда же ты?

— Я изгнанникъ изъ Гишалы.

Іоаннъ вздрогнулъ и, подойдя къ незнакомцу, взглянулъ ему въ лицо.

— Ты лжешь. — крикнулъ онъ.—Я знаю всѣхъ жителей Гишалы; но ты...

— Право, господинъ,—отвѣтилъ тотъ заикаясь,—я клянусь тебѣ...

— Если ты говоришь правду,—вмѣшался Оній,—то ты долженъ знать самаго знаменитаго изъ жителей Гишалы—Іоанна бенъ Леви

Незнакомецъ вздрогнулъ въ смертельномъ испугѣ и отступилъ назадъ.

— Іоаннъ бенъ Леви!—съ ужасомъ проговорилъ онъ, стараясь высвободиться отъ Онія; когда же это ему не удалось, онъ сбросилъ темный плащъ, скрывавшій его высокую фигуру, и скрылся въ узкой боковой улицѣ.

— Измѣна! — крикнулъ Оній. — Это былъ шпіонъ! Позови стражу, Іоаннъ.

Но уже было поздно. Незнакомецъ исчезъ въ темнотѣ; явившаяся на крикъ Онія стража погналась за нимъ, но не могла найти слѣдовъ бѣглеца.

— Что же съ его плащемъ? — спросилъ Іоаннъ.

Оній опустился на землю, чтобы разглядѣть оставленную одежду, и быстро поднялся.

— Я, кажется, нашелъ нѣчто важное,—шепнулъ онъ Іоанну, показывая кусокъ матеріи, который онъ кинжаломъ вырѣзалъ изъ плаща. — Только молчи теперь. Не нужно показывать воинамъ Ананія. Насъ иначе не пропустятъ въ храмъ.

Іоаннъ кивнулъ головой въ знакъ согласія и пошелъ впередъ, одолѣваемый мрачными сомнѣніями.

Оній послѣдовалъ за нимъ. Прежде чѣмъ вступить въ храмъ, онъ еще разъ оглянулся на тихую улицу.

— Молодецъ,—пробормоталъ онъ съ торжествующей улыбкой.—Вероника наградитъ тебя по царски.

Зелоты, запертые въ храмѣ, встрѣтили Іоанна бенъ Леви криками восторженной радости. Нѣтъ сомнѣнія, онъ пришелъ помочь имъ; онъ понялъ предательство знатныхъ, ихъ лицемѣріе и властолюбіе и теперь примкнулъ къ зелотамъ.

Онъ едва могъ освободиться отъ тянувшихся къ нему съ привѣтствіями рукъ; его почти внесли на рукахъ на возвышеніе среди большого двора, служившее осажденнымъ мѣстомъ сбора.

Но радостное настроеніе смѣнилось противуположнымъ, когда Іоаннъ въ длинной рѣчи изложилъ планъ соглашенія съ противниками. Его прервали насмѣшливые возгласы. Когда же онъ потребовалъ сверженія невѣжественнаго первосвященника, волненіе перешло всякія границы.

— Никогда!—кричалъ огромнаго роста суконщикъ.—Никогда мы не уступимъ имъ ни въ чемъ.

— Мы не хотимъ мириться. Имена тирановъ стерты изъ исторіи Израиля. Ихъ смѣнилъ великій, всемогущій народъ. Пусть лучше обрушится на насъ кровля и колонны, алтарь и стѣны этого единственнаго храма, прежде чѣмъ ихъ осквернятъ руки этихъ предателей.

Іоаннъ бенъ Леви былъ безсиленъ противъ взрыва общаго негодованія; теперь онъ понялъ, какая бездна раздѣляетъ народъ отъ знатныхъ. И почему не сознаться, онъ самъ чувствуетъ влеченіе къ этому народу. — полному силъ и любви къ свободѣ. Эти люди вокругъ него правы. Въ самомъ дѣлѣ, аристократы во время опасности предавали народъ.

Но его связываетъ клятва. Онъ не имѣетъ права повиноваться внутреннему чувству. Ананій сумѣлъ лишить его всякой способности къ дѣйствію.

Погруженный въ мрачныя мысли, онъ отошелъ отъ возвышенія; не обращая вниманія на шумъ, онъ стоялъ прислонясь къ колоннѣ. Вдругъ чья то рука коснулась его плеча, и до слуха его дошелъ голосъ Онія.

— Хочешь знать, Іоаннъ, что я нашелъ въ плащѣ незнакомца.

Онъ передалъ ему клочекъ папируса; Іоаннъ схватилъ его и прочелъ написанныя на немъ латинскія слова.

«...Вероника шлетъ благородному Ананію пожеланія всего лучшаго. Будьте на готовѣ. Черезъ нѣсколько дней Веспасіанъ двинется съ войскомъ на Іерусалимъ. Ты помнишь условіе: когда воины полководца подожгутъ стѣну вокругъ Базета,— чтобы отвлечь подозрѣніе народа отъ вашей партіи—пусть ворота Акры и верхняго города охраняются лишь самыми слабыми и трусливыми воинами. Хорошо бы также, если бы засовы воротъ были сгнившими. Титъ и десятый легіонъ отблагодарятъ за это васъ всѣхъ. Дай мнѣ знать чрезъ моего гонца и поспѣши устроить скорое свиданіе въ нашемъ городѣ съ Вероникой, которая будетъ оказывать тебѣ содѣйствіе, чѣмъ только можетъ».

Іоаннъ кончилъ читать. Онъ стоялъ въ оцѣпенѣніи, уронивъ письмо изъ рукъ.

То, чему онъ бы никогда не повѣрилъ, теперь предстало предъ нимъ въ сухихъ дѣловитыхъ словахъ. Представители благородныхъ родовъ Израиля шли рука объ руку съ измѣннической семьей царя и готовы предать отечество и Бога.

Онъ выхватилъ мечъ изъ ноженъ, и страшная улыбка придала жестокость кроткимъ чертамъ его лица; мучительный стонъ вырвался изъ его груди.

Въ эту ночь въ душѣ Іоанна погибло самое священное и ненарушимое—вѣра въ людей.

Оній опытнымъ взоромъ слѣдилъ за выраженіемъ внутренней борьбы на лицѣ Іоанна. Теперь ясно—еще минута и Іоаннъ поступитъ такъ, какъ хотѣлось Вероникѣ.

— А твоя клятва? — шепнулъ онъ ему на ухо.

Іоаннъ вздрогнулъ и смертельно поблѣднѣлъ. Кому онъ далъ клятву? Тѣмъ, кто готовы были похоронить себя вмѣстѣ съ нимъ подъ развалинами города. А между тѣмъ эти люди хотѣли воспользоваться имъ, ничего не подозрѣвавшимъ, чтобы погубить и родину.

— Смерть знатнымъ родамъ!

Не помня себя, онъ крикнулъ эти слова, и красный туманъ застлалъ ему глаза. Въ одну минуту онъ очутился на возвышеніи и, потрясая мечомъ надъ головами присутствующихъ, обратился къ нимъ съ пламенной рѣчью.

— Ко мнѣ, несчастный, порабощенный народъ! Тебя предаютъ, но я спасу тебя. Всемогущій Богъ слышалъ клятву, которую я далъ тѣмъ людямъ; но клятва эта не имѣетъ силы предъ Богомъ—она дана была притѣснителямъ и предателямъ. Теперь добровольно: клянусь, я не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока предателей Господа не закроетъ земля. Всѣ вы, отшатнувшіеся отъ безбожниковъ и пришедшіе въ храмъ Бога вашего, слушайте и клянитесь вмѣстѣ со мной: пусть не будетъ мнѣ ни минуты покоя, пока нечестивцы не будутъ истреблены. Пусть лучше падутъ стѣны Іерусалима и все разрушатъ подъ собой, чѣмъ уступить презрѣннымъ одну пядь земли святого города. Клянусь въ этомъ именемъ Всевышняго, и да поможетъ намъ Богъ.

Всѣ окружающіе вынули мечи и смертоносный блескъ наполнилъ мѣсто собранія. Всѣ повторяли клятву: «да поможетъ намъ Богъ»!

Оній нагнулся къ лежавшему на полу куску папируса и поднялъ его; потомъ онъ тайнымъ ходомъ вышелъ изъ храма и очутился на безлюдной улицѣ, которая вела ко дворцу Ананія. Онъ громко расхохотался.

— Да поможетъ имъ Богъ!

Глухое эхо повторило его смѣхъ призрачнымъ, страннымъ звукомъ.

Казалось, весь Іерусалимъ смѣется надъ своей предстоящей гибелью.

. . . .

Извѣстіе объ измѣнѣ Іоанна изъ Гишалы и объ его переходѣ на сторону зелотовъ вызвало въ партіи знатныхъ дикое возмущеніе. Это Оній предвидѣлъ и на это разсчитывалъ. Онъ самъ постарался въ такомъ видѣ представить происшедшее въ храмѣ, чтобы еще болѣе разгорячить страсти и вызвать начало кровопролитной распри. Ему въ этомъ сильно помогалъ Ананій; онъ увлекалъ за собой даже колебавшихся членовъ партіи. Напрасно старался Симонъ бенъ Гамаліэль представить въ болѣе мягкомъ свѣтѣ непонятный ему самому поступокъ его друга. Слабый голосъ его исчезалъ среди расходившейся бури, началась открытая борьба вокругъ храма. Приверженцы знатныхъ родовъ осаждали его съ дикой яростью. Извнутри, подъ прикрытіемъ крѣпкихъ стѣнъ, сражались зелоты подъ начальствомъ опытнаго въ военномъ дѣлѣ Іоанна. Успѣхъ долго колебался, и побѣда переходила то на одну, то на другую сторону.

У Вероники не хватало терпѣнія выжидать; она горѣла желаніемъ какъ можно скорѣе возвеличить Тита. По вѣрнымъ вѣстямъ изъ Рима, паденіе цезаря Нерона было теперь только вопросомъ времени; нужно поэтому какъ можно скорѣе покончить съ іудеями, Іерусалимъ долженъ стать безвреднымъ, когда разразится катастрофа въ Римѣ. Ея изобрѣтательному уму удалось найти средство, еще болѣе губительное, чѣмъ выборъ первосвященника изъ народа. Тотъ же вѣстникъ, который передалъ въ ру

Іоанна поддѣльное письмо къ Ананію, снова прибылъ въ Іерусалимъ съ письмомъ Вероники къ Онію.

«Позови идумеянъ на помощь зелотамъ», — гласило краткое содержаніе письма, но эти немногія слова имѣли, очевидно, огромный смыслъ. Оній, никогда не останавливающійся ни передъ какимъ преступленіемъ, поблѣднѣлъ, прочтя его.

— Это начало конца,—пробормоталъ онъ и подумалъ съ какой-то дьявольской радостью:—сто умныхъ людей не придумаютъ того, на что способна женская хитрость.

Но онъ все-таки послѣдовалъ совѣту Вероники. Черезъ часъ отряженные имъ гонцы отправились къ предводителю идумейскаго племени, чтобы передать ему какъ бы отъ имени зелотовъ, что знатные роды предали святой городъ и отчизна близка къ гибели.

Уже со временъ царя Давида сосѣди и соплеменники Израиля, идумеи, жили въ непримиримой враждѣ съ потомками Іакова. Но, будучи вѣрующими и ревностными іудеями, они считали Іерусалимъ центромъ міра, изъ котораго долженъ изойти свѣтъ на нихъ самихъ, какъ и на весь міръ.

Гонцы Онія, люди опытные и хитрые, сумѣли притвориться фанатически преданными отечеству воинами.

Имъ легко удалось воспламенить духъ идумеянъ и уговорить воинственный по природѣ народъ вмѣшаться въ іерусалимскія дѣла.

Уже черезъ два дня Оній смогъ съ притворнымъ ужасомъ сообщить партіи знатныхъ, что онъ замѣтилъ въ окрестностяхъ города группы вооруженныхъ людей, идущихъ на Іерусалимъ. Въ самомъ дѣлѣ Ананій едва успѣлъ дать приказъ закрыть ворота, какъ идумейское войско подъ начальствомъ лучшихъ вождей своихъ, прибыло къ стѣнамъ Іерусалима требуя доступа. Старый священный законъ гласилъ, что Іерусалимъ долженъ быть открытъ для всѣхъ вѣрующихъ. Напрасно высланы были имъ на встрѣчу жрецы, чтобы уговорить ихъ вернуться, напрасно партія знатныхъ доказывала, что ихъ оклеветали, обвиняя въ измѣнѣ. Идумеяне охвачены были недовѣріемъ и возбужденіемъ зелотовъ; отвергая всякую попытку къ переговорамъ, они готовились насильственно вступить въ городъ. Партія знатныхъ, съ своей стороны, приняла мѣры, чтобы встрѣтить новыхъ враговъ надлежащимъ образомъ; произошло уже нѣсколько стычекъ у воротъ, и предвидѣлась большая битва, исходъ которой былъ во всякомъ случаѣ очень спорный.

Оній не былъ доволенъ такимъ оборотомъ дѣла; ему нужно было, чтобы событія быстро развивались; долгая осада могла повести къ совершенно непредвидѣннымъ осложненіямъ.

Онъ искалъ поэтому случая обречь Іерусалимъ на разгромъ его же собственными гражданами. Случай представился въ слѣдующую же ночь. Само небо благопріятствовало его предпріятію. Страшная гроза разразилась надъ городомъ, земля дрожала подъ напоромъ оглушительнаго дождя и ударами молніи, цѣлые ряды домовъ падали, погребая подъ своими обломками трупы бродившихъ въ отчаяніи жителей.

Подъ прикрытіемъ непроницаемой тьмы наемники Онія прокрались къ воротамъ, осажденнымъ идумеянами, распилили деревянные засовы и впустили заранѣе предупрежденное тайными знаками войско.

Озлобленный и дикій отъ природы народъ бросился на улицы Іерусалима, наполняя ихъ кровью и трупами тѣхъ, которые еще недавно правили святымъ городомъ. Около двѣнадцати тысячъ людей, принадлежащихъ къ знатнѣйшимъ родамъ Іерусалима, погибли въ эту ночь и въ слѣдующіе дни.

Ананій, Исаія, первосвященники, всѣ царской крови, пали жертвами разсвирѣпѣвшей толпы. Ихъ дворцы, ихъ сокровища и владѣнія стали легкой добычей шайки наемниковъ Онія; они вмѣшались въ толпу опьяненныхъ свободой идумеянъ и зелотовъ: ничто не останавливало ихъ кровожадности—ни возрастъ, ни положеніе, ни святость. Іерусалимъ купался въ крови своихъ гражданъ, и богатства Іерусалима гибли среди кровопролитія.

Іоаннъ бенъ Леви былъ совершенно

безсиленъ противъ безумствъ толпы. Онъ не раскаивался въ томъ, что нарушилъ данную имъ клятву, и поставилъ интересы родины выше своихъ собственныхъ; но имъ овладѣло чувство жалости о безполезно потраченныхъ цвѣтущихъ силахъ, и опасеніе о будущемъ мучило его душу.

Покинувъ кругъ друзей, онъ стоялъ одинъ на кровлѣ своего дворца, какъ вдругъ услышалъ привѣтные возгласы. Прежде, въ дни радостнаго служенія отечеству, привѣтствія всего народа поднимали его надъ распрями партій.

— Да здравствуетъ Іоаннъ изъ Гишалы, нашъ предводитель!

Съ сѣрымъ отъ ужаса лицомъ онъ отшатнулся и въ смертельномъ страхѣ вытянулъ руки, какъ бы отталкивая чудовище, которое хочетъ прижать его къ пропитанной ядомъ груди.

Онъ,—предводитель этихъ братоубійцъ? онъ—палачъ въ этомъ кровавомъ судьбищѣ?

— Нѣтъ, все, кромѣ этого. Руки мои чисты отъ этого преступленія!—хотѣлъ онъ крикнуть, но его блѣдныя дрожащія губы не могли произнести ни одного звука.

И тогда все вдругъ стало для него безпощадно яснымъ: онъ одинъ виноватъ въ томъ, что висѣвшій надъ Іерусалимомъ мечъ упалъ на головы грѣшниковъ, онъ одинъ виноватъ въ той крови, которая обагрила мостовыя и стѣны священнаго города.

Онъ ничего не смогъ возразить, когда Оній и другіе предводители зелотовъ и князей идумейскихъ пришли къ нему и преклонили предъ нимъ колѣна, принося ему въ знакъ своего повиновенія обнаженный мечъ, на которомъ еще блистали въ лучахъ заката капли свѣжей крови.

— Властителю Іерусалима!

Смертельный холодъ охватилъ его. Съ громкимъ рыданіемъ упалъ онъ на землю, поднимая руки къ вечернему небу и тогда само небо послало ему знакъ: странное, никогда не виданное блестящее чудеснымъ свѣтомъ созвѣздіе вдругъ загорѣлось на небѣ и освѣтило ночь яркимъ дневнымъ свѣтомъ.

Всѣ блестящія отдѣльныя точки слились въ огромный отчетливый образъ— на небѣ засіялъ огромный поднятый мечъ. Ужасъ охватилъ всѣхъ; и тѣ же люди, которые спокойно наносили смертельные удары братьямъ, бросились на землю, закрывая лицо руками.

Мечъ Господень.

Чей-то отдѣльный рѣзкій голосъ прозвучалъ среди душной ночной тишины. Одинъ изъ зелотовъ рвалъ на себѣ одежду, покрывалъ голову землей и внезапно охваченный безуміемъ, кричалъ:

— Горе, горе Іерусалиму!

Онъ захохоталъ хриплымъ голосомъ и, дико вращая глазами, сталъ плясать надъ грудой труповъ, сваленныхъ въ углу площади.

Всѣ остальные, охваченные смертельнымъ ужасомъ, бросились за нимъ и разбрелись во всѣ стороны. Іоаннъ изъ Гишалы опять остался одинъ на плоской кровлѣ дворца, и потухшими глазами глядѣлъ вверхъ, на страшное видѣніе.

Іерусалимъ подъ мечомъ Господнимъ!

Глава XVII.

Габба пересталъ недовѣрять Хлодомару и Регуэлю. Увидя, что они ему не сдѣлаютъ ничего злого, онъ, напротивъ того, сталъ чрезвычайно откровененъ. Юноша долгіе дни пролежалъ въ горячешномъ бреду, не переставая говорить о Деборѣ и о Бетъ Эденѣ; звуки голоса его были такъ смертельно печальны, что сердце карлика, смягчившееся среди заботъ о Мероэ, переполнилось состраданіемъ.

Жалость Габбы еще болѣе усилилась послѣ разсказа Хлодомара о судьбѣ юноши. Исторія поэтической любви Регуэля къ Вероникѣ будила отвѣтныя струны въ душѣ Габбы. Вероника лицемѣрно скрывалась подъ маской Деборы, чтобы овладѣть всей душой человѣка, который смертельно возненавидѣлъ бы ее, если бы узналъ, кто она. А развѣ душа Габбы тоже не скрывалась подъ маской его уродливаго тѣла? Только у Деборы маска была прекрасна, а внутренняя правда уродлива. А душа Габбы стремилась про-

явить свой внутренній свѣтъ сквозь безобразіе маски. Габба напряженно слушалъ разсказъ Хлодомара о событіяхъ въ Бетъ Эденѣ. Хлодомаръ подоспѣлъ въ послѣднюю минуту, когда Стефанъ какъ звѣрь бросился на тѣло безчувственнаго юноши, чтобы растерзать его зубами и ногтями; онъ оттащилъ Стефана и попытался вытолкнуть его въ открытую дверь, но тщетно: обезумѣвшій рабъ сопротивлялся съ гигантской силой; они нѣсколько минутъ отчаянно, дико боролись изъ-за безчувственной жертвы. Хлодомару, наконецъ, удалось посредствомъ одной изъ уловокъ, которыя онъ усвоилъ себѣ во время гладіаторства, отбросить своего противника сразу на средину комнаты. Онъ упалъ, ударившись головой о полъ, и остался лежать безъ чувствъ.

Хлодомаръ положилъ себѣ Регуэля на плечи и выбѣжалъ изъ горѣвшаго зданія никѣмъ не замѣченный. Онъ понялъ, что Регуэлю не слѣдуетъ болѣе видѣться съ Вероникой; близость этой женщины пагубно дѣйствуетъ на чуткаго довѣрчиваго юношу; пора ему проснуться отъ безумія, до котораго его довели чары Вероники. Хлодомаръ отлично понялъ характеръ царицы такъ же, какъ и планы Агриппы; онъ зналъ, что Регуэль погибнетъ, если вернется къ мнимой Деборѣ и очутится, благодаря ей, во власти Рима.

Хлодомаръ хотя и не былъ іудеемъ, но Римъ ненавидѣлъ больше всего на свѣтѣ. Римъ его разлучилъ съ женой и ребенкомъ, заставилъ, какъ дикаго звѣри, скитаться по міру. Онъ не могъ забыть своей далекой, давно покинутой родины; тамъ, подъ священными дубами Германіи, онъ подобно іудеямъ проникался мыслью о неземномъ, предчувствіемъ безконечнаго.

Мысль о родинѣ снова охватила его; ему казалось, что іудейскій юноша Регуэль его собственное дитя, которое онъ держитъ теперь въ объятіяхъ.

Собственное дитя! Онъ все еще вспоминаетъ въ безсонныя ночи Вунегильду, его маленькую дѣвочку; она такъ жалобно тянулась къ нему ручками, когда его связали и увели.

Что сталось съ Вунегильдой? Если теперь еще ноги ея касаются земли, то она навѣрное стала стройной цвѣтущей дѣвушкой съ глубоко голубыми глазами и серебристыми волосами, какъ мать ея; но онѣ уже навѣрное умерли и покоятся на родинѣ, отдаленной отъ него морями и землями.

Проникнутый этимъ грустнымъ сознаніемъ, Хлодомаръ также сосредоточилъ всю свою нерастраченную силу любви на Регуэлѣ, какъ Габба на Мероэ. Было много общаго между великаномъ германцемъ и уродливымъ карликомъ. Они сблизились и подружились въ короткое время совмѣстной жизни въ уединенной пещерѣ. Они стали понимать другъ друга съ первой минуты, и Хлодомаръ прочелъ въ обращенномъ на него добромъ взорѣ Габбы то же обѣщаніе, которое онъ самъ себѣ далъ. Регуэль никогда не долженъ узнать, что онъ отдалъ свою душу недостойной лицемѣрной женщинѣ. Пусть Вероника съ безумной святотатственной жаждой громоздитъ камень на камень, чтобы раздавить славу своей родины,— Дебора Регуэля похоронена на всегда въ развалинахъ Бетъ Эдена.

. . . .

Габба и Хлодомаръ вышли, чтобы при послѣднихъ лучахъ солнца оглянуть окрестности съ недалекой высоты. Въ послѣднее время часто въ уединенную пещеру проникали звуки копытъ и голоса людей, бродящихъ по лѣсу.

Розовый свѣтъ заходящаго солнца пробрался сквозь щель у входа въ темную пещеру, игралъ на стѣнахъ и покрылъ живымъ румянцемъ лицо спящаго больного.

Мероэ присѣла у ложа и съ дѣтскимъ любопытствомъ слѣдила за ровнымъ дыханіемъ Регуэля: онъ заснулъ спокойнымъ сномъ, предвѣстникомъ выздоровленія. Но Мероэ не знала, что онъ боленъ, не знала, что онъ чужой; для нея это прекрасное лицо, то внезапно вспыхивающее, то мертвенно неподвижное, окруженное черными кудрями, было ничто иное, какъ новая игрушка—гораздо лучшая, чѣмъ раковины и блестящіе камешки, чѣмъ бьющіяся о песокъ рыбы и пестрые плоды. Это была кукла,—

какъ та которую отецъ Мероэ купилъ ей, когда былъ работникомъ у римскаго торговца. Она была изъ пестрой глины и одѣта въ блестящіе лохмотья. Но глаза у куклы были неподвижны и стеклянные, а эти...

Когда Мероэ была ребенкомъ, она танцовала весенній танецъ подъ зеленой кровлей листьевъ, на солнечномъ благоухающемъ лугу, съ другими дѣвушками и юношами, съ сосѣдями и слугами, а теперь... Эти холодные мрачные своды надъ ней, кровавые языки пламени въ углу и странное мертвое молчаніе...

Она медленно провела рукой по глазамъ, вздрогнула и все-таки не могла прогнать смутнаго колеблющагося видѣнія прошлаго; оно казалось ей такимъ близкимъ, что каждый предметъ она могла бы схватить руками:

Вотъ журчитъ лѣсной ручей, головки тростниковъ нагибаются къ ней, бѣлка выглядываетъ сквозь листву, солнечный лучъ дрожитъ надъ танцующими дѣтьми и освѣщаетъ покрытый соломой деревянный домъ. Мероэ поднимается; волосы ея разсыпаются и съ крикомъ радости она несется на встрѣчу двумъ людямъ, которые, тѣсно обнявшись, стоятъ подъ навѣсомъ. Она поднимаетъ руку...

Хлодомаръ, только что вернувшійся въ пещеру, глядѣлъ ослѣпленный на странную фигуру Мероэ. Когда же дѣвушка приблизилась къ нему, танцуя на подобіе германскихъ женщинъ, онъ вдругъ все понялъ. Съ дикимъ крикомъ радости онъ сжалъ ея нѣжную фигуру въ объятіяхъ, покрывая странные серебристые волосы и синіе лучистые глаза безумными поцѣлуями и произнося одно имя: Вунегильда! Вунегильда!

Вунегильдой называли женщину, которую онъ любилъ въ молодости, и тѣмъ же именемъ названъ былъ ребенокъ, родившійся въ далекой родинѣ, подъ дубами у источника. Волосы Мероэ касались его щекъ подобно волосамъ Вунегильды. Изъ глазъ Мероэ глядѣли на него глаза Вунегильды.

Дѣвушка вздрогнула, услышавъ свое имя. Черты ея освѣтились свѣтлой улыбкой, подобно тому, какъ солнце привѣтствуетъ первыми лучами лѣсъ, охваченный ночной мглой. Въ глазахъ засвѣтилось воспоминаніе, и губы ея повторяли сначала неувѣренно, потомъ все болѣе твердо, слова пѣсни Хлодомара, той колыбельной пѣсни, которую Вунегильда мать пѣла у постели ребенка.

Мероэ опустила голову на грудь Хлодомара и заснула съ дѣтской улыбкой на устахъ; воинъ поднялъ ее, заботливо уложилъ вблизи очага и долго еще стоялъ на колѣняхъ, склонившись надъ ней и вглядываясь въ дорогія черты.

Движеніе въ передней части пещеры заставило его встать. Онъ увидѣлъ Габбу, блѣднаго и дрожащаго. Случилось нѣчто необычайное. Хлодомаръ бросился къ карлику, чтобы спросить его, но тотъ остановилъ его движеніемъ руки.

— Римляне!—пробормоталъ онъ испуганнымъ голосомъ.

Хлодомаръ задрожалъ. Неужели въ ту минуту, когда онъ нашелъ Вунегильду, пещера будетъ открыта врагами. Онъ осторожно пробрался изъ пещеры и нагнулся надъ утесомъ, чтобы видѣть то, что дѣлается на горной равнинѣ.

Габба былъ правъ. Десять римскихъ всадниковъ привязали къ утесамъ лошадей и разводили костеръ для ночлега.

Изъ ихъ рѣчей Хлодомаръ понялъ, что они со вторымъ большимъ отрядомъ посланы отыскивать скрывающихся въ горахъ бѣглецовъ.

Едва сдерживая волненіе, чтобы не выдать себя врагамъ, Хлодомаръ вернулся въ бѣшенствѣ къ своимъ; вмѣстѣ съ карликомъ и съ проснувшимся и подкрѣпленнымъ свѣжимъ сномъ Регуэлемъ они стали придумывать планъ дѣйствія.

Они рѣшили бѣжать въ ту же ночь въ горы и тамъ отыскать уединенную окольную дорогу, ведущую въ Іерусалимъ.

Они согласны были съ Регуэлемъ, что только въ Іерусалимѣ они будутъ въ безопасности, тамъ, гдѣ Іоаннъ изъ Гишалы пользуется общей любовью и поклоненіемъ.

Черезъ часъ пещера опустѣла. Бѣглецы молча шли впередъ, пока не нашли дорогу. Попавъ на прямой путь, они остановились для отдыха. Хлодомаръ и Габба разсказывали другъ другу о томъ.

что каждый изъ нихъ зналъ о жизни Мероэ. Габба говорилъ, какъ онъ спасъ Мероэ отъ Базилида и скитался съ ней по горамъ и утесамъ, по полямъ и вдоль рѣкъ, спасаясь отъ людской злобы и преслѣдованій. Великанъ Хлодомаръ, слушая его разсказъ, схватилъ руки Габбы и прижалъ ихъ къ губамъ въ нѣмой горячей благодарности.

Регуэль отвернулся; ему тяжело было видѣть счастье отца, нашедшаго дочь. Вѣдь и онъ снова окажется въ присутствіи отца. Сердце его сжалось отъ боли и стыда. Онъ возвращается какъ недостойный, забывшій самое святое—свою родину въ дни бѣдствій.

Такъ ли будетъ благодарить Хлодомара за спасеніе сына его отецъ, какъ Хлодомаръ Габбу за Мероэ?

О Дебора! Твоя любовь легла тяжелой виной на душу Регуэля, и цѣлая жизнь раскаянія и мукъ не изгладитъ его вины, не облегчитъ его совѣсть. — Онъ съ безконечной горечью думалъ о возлюбленной, погибшей въ Бетъ Эденѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ безгранично тосковалъ о ней.

Дебора!

. . . .

Ночь уже наступила, когда бѣглецы достигли Іерусалима. Когда Регуэль назвалъ имя своего отца, Іоанна изъ Гишалы, имъ тотчасъ же открыли ворота, уже запертыя на ночь. Вскорѣ воинъ, взявшійся быть ихъ проводникомъ, остановился вмѣстѣ съ ними у дворца, гдѣ жилъ Іоаннъ послѣ побѣды народной партіи. Бѣглецы медленно поднялись по лѣстницамъ, гдѣ толпился народъ, и пришли къ покою вождя Іерусалима. Имъ на встрѣчу вышелъ могучій вооруженный галилеянинъ, преграждая имъ путь. Взглянувъ въ лицо Регуэля, онъ отшатнулся въ ужасѣ.

— Регуэль бенъ Іоаннъ!—воскликнулъ онъ съ суевѣрнымъ ужасомъ, отступая отъ него, какъ отъ призрака.

Юноша узналъ одного изъ слугъ своего отца; онъ видалъ его предъ отъѣздомъ въ Птолемаиду за родственниками.

— Вѣдь я не умеръ, Барухъ,—отвѣтилъ онъ съ грустной улыбкой. — Я вернулся обнять колѣни отца.

Съ внезапной рѣшимостью онъ сдѣлалъ знакъ своимъ спутникамъ, прося ихъ подождать его, и вошелъ одинъ въ комнату отца.

Покой былъ освѣщенъ безчисленными свѣчами, какъ будто обитающій въ немъ человѣкъ боялся самой легкой тѣни. Яркій свѣтъ наполнялъ самые отдаленные углы, такъ что Регуэль, ослѣпленный, остановился у двери и закрылъ глаза.

Раздавшійся около него крикъ заставилъ его поднять ихъ. Среди комнаты стояло ложе у стола, покрытаго картами, планами и свитками писемъ.

Съ ложа поднялся исхудалый, старый человѣкъ. Онъ глядѣлъ на вошедшаго широко раскрытыми глазами.

Регуэль остолбенѣлъ отъ ужаса. Неужели этотъ хилый стирикъ съ дрожащими руками, съ лицомъ, изможденнымъ отъ скорби, былъ его отецъ, Іоаннъ бенъ Леви? Что долженъ былъ онъ испытать, чтобы такъ измѣниться. Сколько онъ долженъ былъ выстрадать изъ за него, своего сына?

Регуэль оттолкнулъ одного изъ бросившихся къ нему воиновъ и упалъ на колѣни предъ упавшимъ снова на подушки отцомъ; онъ съ мольбой поднялъ къ нему руки.

— Отецъ!

Нѣсколько минутъ прошло въ молчаніи. Іоаннъ изъ Гишалы лежалъ какъ мертвецъ, только блуждающій взоръ еще указывалъ, что въ немъ была жизнь.

— Неужели уже мертвецы встаютъ?—шепталъ Іоаннъ хриплымъ голосомъ.—И такъ, куда бы я ни взглянулъ, я вижу лица убитыхъ мною. Ночи мои проходятъ безъ сна и даже дневной свѣтъ не можетъ разсѣять призраковъ. А теперь и ты, Регуэль, приходишь обвинить меня. О Боже, развѣ преступно было послать его служить Тебѣ и отечеству?

Собственное горе Регуэля отступило предъ видомъ такихъ терзаній.

— Отецъ, приди въ себя,—молилъ онъ, и, взявъ руки лежащаго, прижалъ ихъ къ груди.—Смотри. Ты думалъ, что я погибъ, а я возвращаюсь къ тебѣ живой и молю прощенья за всѣ грѣхи. Не терзай же моего сердца, не отвращайся отъ меня. Позволь мнѣ разсказать тебѣ

и объяснить все, что кажется тебѣ загадочнымъ.

Наклонившись надъ нимъ, онъ, едва дыша, разсказалъ ему обо всемъ что пережилъ — о событіяхъ въ Птолемандѣ. о жизни въ Бетъ Эденѣ, о любви къ Деборѣ, умѣвшей держать его вдали отъ внѣшняго міра, и о томъ, какъ, спасенный Хлодомаромъ, онъ попалъ въ Іерусалимъ.

Отецъ и сынъ не обратили вниманія на присутствіе третьяго человѣка въ комнатѣ. Онъ все еще стоялъ у дверей, и упоминаніе имени Хлодомара заставило его вздрогнуть. Когда же Регуэль назвалъ имя Габбы, онъ съ поблѣднѣвшимъ лицомъ тихо вышелъ изъ комнаты. За дверью онъ остановился въ раздумьи, потомъ быстро направился къ той части зданія, которую Іоаннъ отвелъ Онію, послѣднему изъ Клавдіевой колоніи. Но при слѣдующемъ поворотѣ прохода онъ вздрогнулъ: рѣзкій звукъ знакомаго голоса достигъ его слуха.

— Мероэ!

Она стояла съ ужасомъ прижавшись къ стѣнѣ и въ безумномъ страхѣ протянула руки впередъ, обороняясь отъ него. Онъ уже хотѣлъ броситься на нее, чтобы ударомъ кулака остановить ея крики, но снова отшатнулся: рядомъ съ Мероэ показались лица Габбы и Хлодомара.

Съ бѣшенымъ проклятіемъ онъ бросился бѣжать.

— Вина твоя велика,—сказалъ Іоаннъ мягкимъ голосомъ, когда Регуэль кончилъ.—Но ты поступилъ, какъ юноша, и Богъ проститъ тебя, если ты отнынѣ посвятилъ себя только Ему.

— А ты, отецъ, простишь ли?—молилъ снова Регуэль, ставъ на колѣни и наклонивъ голову. Іоаннъ положилъ руки на кудрявую голову сыну, благословляя его.

— Я не сержусь на тебя, Регуэль,— прошепталъ онъ.—Твой теперешній приходъ кажется мнѣ милостью неба. Если бы я былъ такъ грѣшенъ, какъ мнѣ кажется въ минуты душевныхъ мукъ, справедливый судья не послалъ-бы мнѣ этой послѣдней радости.

Регуэль изумленно и съ обожаніемъ взглянулъ ему въ блѣдное лицо.

— Ты говоришь о своихъ преступленіяхъ, — воскликнулъ онъ, — ты — лучшій изъ отцовъ, всегда ставившій Бога и отчизну выше всего.

— Ты забываешь кровь двѣнадцати тысячъ жертвъ,—грустно отвѣтилъ Іоаннъ.—Она взываетъ къ небу о мщеніи.

— Богъ не внемлетъ предателямъ.

Іоаннъ закрылъ лицо руками.

— Какъ мнѣ знать навѣрное, что они предавали отчизну,—сказалъ онъ жалобнымъ голосомъ.—То письмо Вероники къ Ананію, можетъ быть, было ловушкой, чтобы усилить наши междоусобія; въ ту минуту я обезумѣлъ отъ бѣшенства и слѣпо вѣрилъ тому, что видѣлъ; потомъ наступили страшныя мучительныя сомнѣнія, но уже было поздно. Съ тѣхъ поръ...

Ледяной холодъ охватилъ его дрожащее тѣло, ослабленное приступами лихорадки.

— Но теперь будетъ лучше,—продолжалъ Іоаннъ, сжимая руки Регуэля въ своихъ, и слабая надежда засвѣтилась въ его взорѣ.—Теперь, когда ты около меня, ты мнѣ поможешь переносить тяжесть. Увы, муки мои не оставляютъ меня и вблизи того, кто былъ мнѣ самымъ лучшимъ другомъ. Мнѣ даже тяжело видѣть его. А между тѣмъ онъ, Оній, и передалъ мнѣ письмо Вероники къ Ананію.

Регуэль вздрогнулъ.

— Оній?—спросилъ онъ, пораженный смутнымъ воспоминаніемъ; ему казалось, что это имя онъ слышалъ уже отъ Хлодомара.

— Да. Оній—подтвердилъ Іоаннъ нѣсколько удивленный. — Нѣтъ, впрочемъ,—прибавилъ онъ подумавъ. — ты не можешь его знать. Онъ явился ко мнѣ въ Гишалу изъ Птолеманды долгое время послѣ того, какъ ты уѣхалъ. Это послѣдній изъ колоніи Клавдіевой.

Регуэль страшно поблѣднѣлъ. Вотъ то, чего онъ боялся. Оній, который съ помощью письма Вероники склонилъ отца къ убійству знатныхъ гражданъ, и тотъ Оній, котораго Хлодомаръ привелъ по порученію Агриппы въ Гишалу—одно и то же лицо.

Но пусть Іоаннъ никогда не узнаетъ

что онъ сталъ жертвою обмана. Онія нужно удалить незамѣтно, а Веронику... О, когда настанетъ день отмщенія всему царскому роду предателей, и прежде всего этой женщинѣ съ ея пагубной красотой и высокимъ умомъ! Ея дьявольская злоба обременяетъ совѣсть лучшихъ людей израильскаго племени неискупаемой виной и все болѣе приближаетъ отечество къ гибели. Если бы она теперь очутилась предъ нимъ, онъ бы радъ былъ убить ее, раздавить какъ ядовитую змѣю.

А теперь еще этотъ Оній! Регуэлю нужно посовѣтоваться съ Хлодомаромъ и Габбой, какъ удалить обманщика, не давая Іоанну замѣтить совершеннаго надъ нимъ вѣроломства.

— Позволь мнѣ, отецъ, — сказалъ онъ поднимаясь,—привести къ тебѣ моихъ друзей и защитниковъ. Они тоже вѣрно устали отъ долгихъ скитаній въ особенности Мероэ, она вѣдь...

Онъ не докончилъ своихъ словъ. Рѣзкій крикъ Мероэ, испуганной появленіемъ Онія, проникъ въ покой Іоанна; вслѣдъ за тѣмъ дверь быстро растворилась и дѣвушка вмѣстѣ съ Габбой и Хлодомаромъ бросились туда, прежде чѣмъ Регуэль могъ помѣшать имъ.

— Прости, повелитель, — задыхаясь проговорилъ карликъ, бросаясь къ ногамъ Іоанна.—Измѣна проникла въ эти стѣны.

— Измѣна?—крикнулъ Іоаннъ гнѣвно вскочивъ съ мѣста.—Кто говоритъ въ домѣ Іоанна объ измѣнѣ?

— Еще разъ, прости, господинъ—отвѣтилъ Габба, дрожащій отъ возбужденія.—На этотъ разъ негодяй попался намъ въ руки. Онъ не уйдетъ отъ меня, клянусь всѣми богами, которымъ онъ служилъ на Кармелѣ, когда называлъ себя Базилидомъ.

Іоаннъ вздрогнулъ и подошелъ ближе.

— Базилидъ? — спросилъ онъ, изумленный, какимъ образомъ гнусный лжепророкъ попалъ въ Іерусалимъ.

— И все таки это такъ,—возразилъ карликъ.—Я Габба, бывшій шутъ Агриппы. Я знаю всѣ гнусные поступки Базилида лучше, чѣмъ кто либо. Я ненавижу его—хотя эта ненависть и величайшій грѣхъ. Базилидъ мой отецъ, а эту дѣвушку, Мероэ, онъ мучилъ, пользуясь ею для своихъ дьявольскихъ жертвоприношеній. Теперь онъ снова встрѣтился намъ тамъ, за дверьми, гдѣ мы ждали возвращенія Регуэля. Онъ вышелъ отсюда, изъ этого покоя.

Недовѣрчивая улыбка показалась на устахъ Іоанна.

— Ты ошибся Габба—сказалъ онъ,—хотя намѣренія твои хороши. У меня былъ никто иной какъ одинъ изъ самыхъ близкихъ друзей моихъ,—бѣглецъ изъ Птолемаиды.

— Да вѣдь Птолемаида лежитъ у подошвы Кармеля, отвѣтилъ карликъ дрожа отъ волненія.—Спроси же Хлодомара, спроси Регуэля, сына твоего...

Снова Іоаннъ вздрогнулъ, и взоръ его обратился на присутствующихъ; всѣ они были смертельно блѣдны.

— Говори же, Хлодомаръ,—пробормоталъ онъ беззвучно.

— Я тоже нѣкогда служилъ Агриппѣ, — сказалъ германецъ медленнымъ торжественнымъ тономъ—и тогда, по его порученію, я провелъ Базилида, Кармельскаго пророка, въ Гишалу. Онъ долженъ былъ вкрасться въ довѣріе Іоанна изъ Гишалы и передавать царю и Вероникѣ рѣшенія ихъ опаснаго противника. Это происходило въ тотъ же день, когда намѣстникъ Іосифъ бенъ Матія объявилъ Іоанна внѣ закона и когда его галилейскіе союзники отпали отъ него. Базилидъ назвалъ себя съ этой цѣлью послѣднимъ изъ колоніи...

— Хлодомаръ, молю тебя, остановись.

Эти слова крикнулъ Регуэль. Онъ подбѣжалъ къ отцу, чтобы поддержать его, но Іоаннъ самъ съ нечеловѣческимъ напряженіемъ собралъ послѣднія силы и медленно направился къ двери. Глаза его сверкали.

— Благодарю васъ, друзья, вы спасли Іерусалимъ,—проговорилъ онъ глухо,—отъ большихъ невзгодъ. Пойдемте же теперь къ измѣннику, къ послѣднему изъ колоніи...

Іоаннъ не могъ продолжать и глухой стонъ вырвался изъ его груди. Но все-таки вышелъ изъ комнаты, держась прямо, и направился мимо стоявшихъ на стражѣ воиновъ къ той части дворца, гдѣ жилъ

Оній. Каждый разъ, когда по пути ему встрѣчался галилейскій воинъ, Іоаннъ давалъ ему знакъ, и воинъ примыкалъ къ шествію, которое двигалось впередъ медленно и тихо, какъ похоронная процессія.

Дверь въ комнату Онія была широко раскрыта. На столѣ посреди комнаты горѣла свѣча; пламя ея безпокойно колебалось и бросало дрожащіе отсвѣты на листъ бумаги положенный подъ подсвѣчникъ. Комната была пуста; только на полу валялись брошенныя въ попыхахъ части одежды.

Іоаннъ остановился на минуту на порогѣ, потомъ покачалъ головой, какъ будто ожидалъ случившагося; онъ вошелъ и вынулъ листъ бумаги изъ подъ свѣтильника.

Не заикаясь, онъ прочелъ написанное странно спокойнымъ, беззвучнымъ голосомъ.

«Ты слишкомъ поздно прозрѣлъ, Іоаннъ изъ Гишалы. Базилидъ ушелъ, закончивъ свое дѣло. Сила сопротивленія Іерусалима сломана, и въ этомъ виноватъ ты — защитникъ Іерусалима, умертвившій двѣнадцать тысячъ гражданъ. Если намъ суждено когда-нибудь свидѣться, то ты сможешь подтвердить Вероникѣ, что я поступалъ согласно ея приказаніямъ. Большаго не смогъ бы сдѣлать и самъ Неронъ: двѣнадцать тысячъ благородныхъ головъ были снесены при помощи нѣсколькихъ жалкихъ словъ, въ которыхъ не было даже намека на правду. Прости, Іоаннъ, что я растравляю твои раны, но я не могъ уйти, не внушивъ тебѣ нѣкоторое преклоненіе предъ заслугами твоего друга Онія, послѣдняго изъ колоніи Клавдіевой».

Наступила душная тишина, никто не говорилъ ни слова. Казалось, что вина одного сразу легла безконечной тяжестью на всѣхъ.

Іоаннъ повернулся къ выходу. Онъ все еще держалъ письмо въ поднятой рукѣ, но только ноги его двигались. Все замерло въ душѣ его. Воины отступили предъ нимъ, образуя проходъ; онъ шелъ впередъ и никто не осмѣлился взглянуть ему въ лицо. У двери Регуэль преградилъ ему путь.

— Отецъ!—крикнулъ онъ, простирая руки къ злополучному листу бумаги. Іоаннъ остановился и взглянулъ на сына остановившимся потухшимъ взоромъ.

Регуэль отшатнулся, какъ будто его остановила рука Господня или величіе вины, сіявшее на лицѣ его отца—безвинной вины.

Іоаннъ изъ Гишалы скрылся въ своемъ покоѣ. Напрасно Регуэль стучался въ дверь до поздней ночи—она оставалась запертой.

Вождь Іерусалима стоялъ у открытаго окна, не двигаясь и не произнося ни звука. Въ рукѣ его письмо Базилида трепетало въ ночномъ вѣтрѣ, а глаза Іоанна прикованы были къ свѣтилу, сіявшему на ночномъ небѣ.

Теперь онъ понялъ все, о чемъ думалъ среди несказанныхъ мученій на дворцовой башнѣ. Двѣнадцать тысячъ человѣческихъ душъ взывали къ Всевышнему объ отмщеніи и вотъ почему Іерусалимъ подъ мечомъ Господнимъ.

. . . .

Давно ожидаемая катастрофа въ Римѣ наступила. Неронъ палъ жертвой своихъ враговъ, и оставленный всѣми своими сторонниками, покончилъ жизнь самоубійствомъ. За нимъ послѣдовалъ Гальба, убитый на открытой площади. Вокругъ Оттона, выбраннаго въ цезари, начались нескончаемые партійные раздоры и смуты, тѣмъ болѣе опустошительные, что Вероника дѣйствовавшая согласно съ Титомъ, употребляла все, чтобы усилить раздоры. Она думала, что наступилъ надлежащій моментъ для вступленія Флавіевъ на цезарскій престолъ. Цѣлые потоки золота текли въ Римъ, въ Египетъ и среднюю Азію, чтобы повсюду создать сторонниковъ Флавіямъ. Въ войскѣ Вероника и Титъ съумѣли возбудить симпатію къ Веспасіану и возмущеніе противъ Вителія, полководца Оттона. Лизбійскіе легіоны первые провозгласили имя Веспасіана. Къ нимъ присоединились вслѣдствіе тайныхъ интригъ Вероники полководцы Египта и Сиріи. Солдаты окружили палатку Веспасіана, требуя чтобы онъ освободилъ Римъ отъ гибель

ныхъ смутъ, низвергъ порочнаго Вителія и возстановилъ въ имперіи спокойствіе и справедливость. Когда же полководецъ выказалъ колебаніе, отчасти изъ страха, отчасти изъ разсчета, низшіе военачальники обнажили мечи, угрожая Веспасіану смертью за сопротивленіе волѣ легіоновъ.

Онъ принужденъ былъ согласиться, и его тотчасъ же окружили солдаты, выражая ему свое повиновеніе и преклоненіе. Впереди всѣхъ шелъ Титъ—римскій легатъ. Какъ бы, повинуясь божественному вдохновенію, Вероника громко воскликнула въ то время, какъ Титъ наклонился поцѣловать руку отца:

— Да здравствуютъ цезари Веспасіанъ и Титъ!

Военачальники и легіоны, намѣстники и правители повторили ея кличъ.

Веспасіанъ снова вспомнилъ день, когда на Кармелѣ два орла мирно дѣлили добычу. Знаменіе іудейскаго Бога исполнилось. Онъ на яву услышалъ привѣтствіе, которое такъ часто наполняло его душу восторгомъ во снѣ, обѣщая ему власть надъ всей землей.

Да здравствуетъ цезарь!

Нужно повиноваться велѣнію Бога,— тогда осуществится предзнаменованіе счастья и торжества.

Веспасіанъ нагнулся къ сыну, съ улыбкой привѣтствія взглянулъ на Веронику, притянулъ Тита къ себѣ на грудь и поцѣловалъ его въ лобъ.

Такимъ образомъ Римъ получилъ въ этотъ день двухъ властителей, и оба они, казалось, подчинены были вліянію Вероники.

Это доказалъ первый поступокъ Веспасіана. Прежде всего онъ велѣлъ освободить отъ оковъ измѣнника Іосифа бенъ Матію, бывшаго галилейскаго намѣстника, и сдѣлалъ его своимъ приближеннымъ. Онъ помнилъ, что Іосифъ предсказалъ ему торжество. Кромѣ того, онъ считалъ его содѣйствіе необходимымъ для продолженія войны съ іудеями. Вероника настаивала на необходимости завоеванія Іудеи: оно возвеличитъ Флавіевъ надъ всѣми слабыми, ничтожными цезарями, которыхъ они смѣнили на римскомъ престолѣ.

Неронъ, Клавдій, Калигула довольствовались дешевой славой, добываемой чужими руками. На памяти живущихъ не было ни одной побѣды, въ которой празднующій ее былъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ и побѣдителемъ. Такое желанное зрѣлище должны дать Риму Веспасіанъ и Титъ; своими подвигами они заставятъ забыть свое низменное происхожденіе, и только тогда могущество ихъ будетъ прочнымъ и неоспоримымъ. Вотъ почему Іудея и Іерусалимъ должны быть уничтожены.

Агриппа глубоко вздохнулъ и опустилъ голову на грудь. Это рѣшеніе Веспасіана разбивало всѣ его тайныя намѣренія и надежды; разорванное когтями римскаго орла израильское царство никогда уже не воскреснетъ; имя Агриппы, правителя Іудеи, не станетъ великимъ въ исторіи народовъ.

И кто въ этомъ виноватъ? Только одна Вероника. Онъ готовилъ ее для содѣйствія своимъ планамъ; она же отплатила неблагодарностью за всѣ его заботы.

Агриппа забылъ, что онъ первый измѣнилъ всему, что свято для людей— чести, отечеству и Богу, и самъ толкнулъ Веронику на путь преступленія. Всѣ ея благородные инстинкты были имъ подавлены и превратились теперь въ неутолимую жажду отмстить ему. Ненависть Вероники чувствовалась во всѣхъ ея поступкахъ и будила и въ немъ такое же чувство. Отрѣшившись ото всѣхъ прежнихъ стремленій къ собственному величію и могуществу, онъ всецѣло отдался злобѣ и страстно мечталъ о томъ днѣ, когда сможетъ наказать Веронику.

Конечно, Веспасіанъ цезарь, Титъ его соправитель, а Вероника—жена цезаря Тита. Но этотъ союзъ пока тайный, и Вероника еще не имѣетъ титула Августы. Единственное стремленіе Агриппы съ этого дня—это, чтобы она никогда не стала Августой.

. . . .

Вероника казалась въ этотъ день настроенной чрезвычайно мягко и нѣжно.

— Когда же, о милый,—спросила она на прощанье, положивъ себѣ голову Тита на грудь, и глядя ему въ глаза,—

когда цезарь Титъ представитъ цезарю Веспасіану свою супругу?

Ароматъ ея волосъ опьянялъ его и огонь очей возбуждалъ его страсть.

— Когда Вероника прикажетъ,—сказалъ онъ, обнимая ея нѣжный станъ.— Завтра или еще сегодня.

Она улыбнулась и откинула его спутавшіеся волосы съ пылающаго лба.

— Какъ ты нетерпѣливъ!—льстиво сказала она.—Нѣтъ, Вероника не настолько любитъ почести, чтобы забывать благоразуміе. Я хотѣла только испытать твою любовь, а не торопить тебя. Веспасіанъ не можетъ взвести іудейку на престолъ Августы, пока не будетъ покорена Іудея. Вероника только тогда выступитъ рядомъ съ тобой, когда война будетъ покончена и Риму нечего будетъ опасаться Іерусалима. А до тѣхъ поръ, пусть я кажусь безсильной,—докончила она въ шутливомъ тонѣ, въ которомъ однако слышалась какъ будто угроза,— хотя, конечно, на самомъ дѣлѣ эга маленькая рука управляетъ вами всѣми, не правда ли?

— Конечно,—отвѣтилъ онъ съ легкимъ чувствомъ неудовольстія.—Я благодарю за это боговъ. Титъ не стоялъ бы у порога власти надъ всѣмъ міромъ, если бы Вероника не уготовила ему путь.

Онъ нагнулся и поцѣловалъ маленькую руку съ выраженіемъ признательности и преданности.

Вероника засмѣялась. Ей было пріятно постоянно ощущать въ себѣ презрѣніе ко всѣмъ этимъ будто бы великимъ, а въ сущности весьма маленькимъ людямъ. Это презрѣніе было ея единственнымъ оправданіемъ и единственной защитой противъ укоровъ совѣсти. Считая неблагоразумнымъ преждевременно раздражать своими требованіями честолюбіе возвеличенныхъ ею цезарей, она не могла однако удержаться отъ булавочныхъ уколовъ ихъ самолюбію; она не думала о томъ, что ихъ грубая сила ни за что не примирится съ духовнымъ превосходствомъ женщины. Уже то, что Титъ торопился всегда отдать ей должное, признать ея власть надъ собой показывало, что онъ начинаетъ тяготиться ея вліяніемъ, хотя все еще любовь заставляетъ его со всѣмъ мириться. Она не замѣтила, что въ этотъ день, когда, благодаря ей, исполнились его самыя гордыя желанія, онъ оставилъ ее слегка разстроенный. Она занята была только радостнымъ сознаніемъ своей силы и того, что власть ея должна подняться еще выше.

Передъ именемъ Августы Вероники исчезнутъ имена Мессалины, Агриппины и Поппеи Сабины. Новая эпоха настанетъ для міра, когда Вероника вступитъ на престолъ—быть можетъ, благодатное время, но возможно, что и пагубное. Она сама еще не знала, что̀ доставляетъ большую отраду—созиданіе или разрушеніе.

Она уже знала радость созиданія: въ Бетъ-Эденѣ она создала въ душѣ Регуэля сказочное зданіе любви—и оно погибло въ пламенномъ дыханіи жалкой стихіи. Въ Цезареѣ филиппійской она создала зданіе могущества для невѣдомаго темнаго рода, и зданіе это, быть можетъ, будетъ разрушено маленькимъ презрѣннымъ племенемъ. Нѣтъ, Іерусалимъ долженъ исчезнуть съ лица земли. Когда великій царственный городъ съ его блистающими дворцами и величественнымъ храмомъ, не имѣющимъ ничего равнаго себѣ на свѣтѣ, когда весь этотъ избранный Богомъ народъ будетъ зависѣть отъ ея воли, тогда Вероника испытаетъ радость разрушенія и сможетъ опредѣлить, что̀ выше—созиданіе или разрушеніе. Быть можетъ, и то, и другое вмѣстѣ: сначала созиданіе, потомъ разрушеніе.

Ея размышленія были прерваны внезапнымъ приближеніемъ человѣка, который подошелъ къ ней съ раболѣпными поклонами.

Вероника вздрогнула, узнавъ его.

— Оній!—воскликнула она.—Какимъ образомъ лучшій другъ Іоанна изъ Гишалы явился къ Вероникѣ? Скажи, что заставило тебя такъ неожиданно покинуть Іерусалимъ?

Въ короткихъ словахъ онъ разсказалъ ей, что случилось, не объясняя ей однако, какимъ образомъ Іоаннъ узналъ о совершенномъ относительно его предательствѣ. Оній не любилъ говорить о

своихъ планахъ и предавать себя этимъ въ чужія руки. Онъ сообщилъ только, что Іоаннъ какимъ-то непонятнымъ образомъ узналъ правду относительно писемъ Вероники.

— Теперь,—закончилъ пророкъ свое донесеніе,—я думаю, тебѣ слѣдуетъ позаботиться о моей безопасности. Если даже Іоаннъ будетъ молчать о случившемся, чтобы не возбудить въ своихъ сторонникахъ суевѣрнаго ужаса предъ небесной карой за несправедливое убійство, то все-таки въ Іерусалимѣ я уже не могу дѣйствовать; да тамъ теперь ничего нельзя сдѣлать.

— А распря между зелотами и идумейцами?—взволнованно спросила Вероника.—Развѣ нельзя разжечь ее?

— Она совершенно улеглась,—отвѣтилъ Оній.—Большая часть идумейцевъ вернулась на родину и предоставила Іоанну полную власть надъ городомъ.

Вероника вспыхнула.

— Да вѣдь это,—крикнула она въ гнѣвѣ,—совершенно уничтожаетъ нашъ планъ. Вмѣсто того, чтобы устранить Іоанна, мы его возвеличили. Мнѣ кажется, Оній, ты ведешь двойную игру. Ты виноватъ, если идумейцы...

Оній пожалъ плечами.

— Ты слишкомъ быстро судишь, повелительница,—отвѣтилъ онъ спокойно.—Я не виноватъ. Все уже было подготовлено, на улицахъ Іерусалима начались схватки. Іоанну ничего не оставалось, какъ или отказаться отъ роли предводителя, или выступить противъ своихъ друзей и начать новую смуту. Но тогда...

Онъ остановился на минуту, потомъ, нагнувшись къ Вероникѣ спросилъ ее настойчивымъ тономъ:

— Слыхала ли ты что-нибудь о Баръ Гіорѣ, начальникѣ вольныхъ отрядовъ?

Вероника вздрогнула и взглянула ему въ глаза.

— Ты говоришь о Симонѣ изъ Геразы?—спросила она,—о предводителѣ шайки разбойниковъ и бродягъ?

Оній улыбнулся и отрицательно покачалъ головой.

— На этотъ разъ у тебя невѣрныя свѣдѣнія. Этотъ предводитель разбойниковъ близокъ къ тому, чтобы стать на югѣ Іоанномъ изъ Гишалы. Онъ уже овладѣлъ крѣпостью Мазады, ему повинуется вся мѣстность Акрабатены, онъ уже близокъ къ воротамъ Іерусалима. Но онъ не грабитель; его считаютъ другомъ угнетенныхъ и пламеннымъ приверженцемъ іудейскаго Бога. Послѣ смерти Ананія онъ прежде всего объявилъ свободу всѣмъ рабамъ и затѣмъ, чтобы отомстить за опустошеніе Іерусалима и убійство знатныхъ родовъ, напалъ на идумейское племя и разгромилъ виновниковъ массоваго убійства. Вотъ почему идумейское войско оставило Іерусалимъ. Конечно, цѣль Симона та же, что у Іоанна изъ Гишалы. Онъ хочетъ возбудить весь народъ, богатыхъ и бѣдныхъ, свободныхъ и рабовъ, знатныхъ и низкихъ къ единогласному возстанію противъ Рима.

Вероника задумалась.

— Въ интересахъ Рима, — сказала она,—слѣдовало бы заставить этихъ двухъ вождей столкнуться на одномъ и томъ же полѣ дѣйствія. Не находя себѣ мѣста рядомъ, они должны будутъ ополчиться одинъ на другого.

— Конечно, это единственная возможность сдѣлать ихъ безвредными. До сихъ поръ Симонъ баръ Гіора еще не занялъ опредѣленнаго положенія относительно іерусалимскихъ событій, но я надѣюсь, что при нѣкоторой поддержкѣ...

Онъ остановился и съ улыбкой взглянулъ на Веронику.

Она презрительно сжала губы и бросила ему кошелекъ съ золотомъ. Оній ловко подхватилъ его и спряталъ въ складкахъ верхняго платья.

— Ты, значитъ, совѣтуешь,—сказала она медленно,—натравить Симона баръ Гіора на Іоанна и на временно объединенный Іерусалимъ, но какъ это сдѣлать? Ты говоришь, что онъ не доступенъ соблазнамъ честолюбія и корысти. Къ тому же, онъ вѣрующій іудей.

— Развѣ ты забыла, царица, свои собственные совѣты Веспасіану? Іерусалимская знать погибла, потому что зелоты затронули святость первосвященника. Почему бы Іоанну не погибнуть по той же причинѣ? вѣдь онъ виновникъ безвинной гибели знатныхъ родовъ.

— Я тебя не понимаю. Объяснись яснѣе.

— Симонъ баръ Гіоръ долженъ узнать, что обвиненіе знатныхъ въ измѣнѣ было клеветой.

Глаза Вероники загорѣлись.

— Ты думаешь, что Симонъ возмутится и направитъ свои войска на Іерусалимъ.

— Несомнѣнно.

— Кто же ему откроетъ правду?

Оній глубоко поклонился и сказалъ:

— Твой рабъ Оній къ твоимъ услугамъ.

— Ты?—съ изумленіемъ спросила Вероника,—какая смѣлость! Ты вѣдь ушелъ изъ Іерусалима уличенный въ предательствѣ.

— Ты забываешь, что Іоаннъ совершилъ неосторожность. Онъ не объявилъ о невинности погибшихъ жертвъ; я поэтому могу съ полной безопасностью явиться въ Мазаду, къ Симону баръ Гіора посломъ отъ оставшихся приверженцевъ знатныхъ родовъ, и призвать его для защиты храма. Я уже все приготовилъ на тотъ случай, если ты одобришь мой планъ.

Вероника съ изумленіемъ глядѣла на него.

— Въ чемъ эти приготовленія?

Оній вынулъ съ торжественной медленностью небольшой свертокъ. Въ немъ оказались загрязненныя смятыя письма; по внѣшнему виду ихъ, можно было думать, что они доставлены тайно, и что принесшій ихъ подвергался множеству опасностей. Одно изъ писемъ носило даже слѣды крови.

— Это нѣсколько капель крови знатнаго Ананія,—сказалъ Оній съ отвратительной усмѣшкой.—Я самъ его закололъ въ толпѣ, чтобы знать навѣрное, что партія знатныхъ лишилась самаго дѣятельнаго изъ своихъ вождей.

Въ глазахъ Вероники мелькнулъ лучъ безпощаднаго злорадства.

Она выхватила письмо изъ рукъ Онія и стала жадно глядѣть на красное, уже пожелтѣвшее отъ времени пятно.

— Такъ вотъ какъ выглядитъ кровь первосвященника,—сказала она рѣзкимъ голосомъ и захохотала.—Да въ сущности я не вижу никакой разницы между нею и всякой другой обыкновенной кровью.

— И вотъ это,—продолжала она, указывая на бумаги,—все, что ты придумалъ, чтобы погубить Іерусалимъ.

— Напрасно ты такъ презрительно говоришь,—сказалъ Оній.—Вотъ письмо къ Ананію, перехваченное Іоанномъ; вотъ сознаніе вѣстника, будто бы взятое съ него Маттіей бенъ Теофилемъ. Тамъ говорится, что ты поручила ему вручить письмо Іоанну. Вотъ твое посланіе къ нѣкоему Базилиду, приверженцу знатныхъ, погибшему вмѣстѣ съ ними во время рѣзни. Ты требуешь въ этомъ письмѣ, чтобы Базилидъ содѣйствовалъ вѣстнику. Очень подробное письмо, доказывающее невинность Ананія. Вотъ наконецъ рекомендательное письмо Маттіи бенъ Теофиля: онъ рекомендуетъ своего близкаго друга Онія Симону баръ Гіора и изъявляетъ согласіе на всѣ планы Онія для освобожденія святаго города отъ ига Іоанна изъ Гишалы. Это письмо,—закончилъ Оній, самодовольно глядя въ лицо Вероники,—настоящее.

Вероника встала и взглянула на него съ восхищеніемъ.

— Право же, Оній,—сказала она наконецъ,—изъ тебя вышелъ бы могущественный государственный человѣкъ.

Онъ опустилъ глаза, чтобы скрыть загорѣвшійся въ нихъ огонь.

— Я не стремлюсь,—сказалъ онъ,—къ тѣмъ опаснымъ высотамъ, вблизи которыхъ пропасти кажутся еще болѣе глубокими. Я мечтаю только о томъ, чтобы спокойно и пріятно провести старость. Къ тому же, эта игра за цѣлый народъ меня прельщаетъ. Есть какая-то дьявольская радость въ мысли, что моя, быть можетъ, презрѣнная рука управляетъ судьбой всего міра.

Онъ замолчалъ и съ жестокой улыбкой глядѣлъ на нее. На устахъ Вероники была та же улыбка, та же радость разрушенія. Долго стояли они безмолвно и не двигаясь. Наконецъ, Вероника овладѣла собой и глухимъ неувѣреннымъ голосомъ пробормотала:

— Будешь ты дѣлать всегда все, что я отъ тебя потребую, Оній?

— Повелѣвай.

— Еще не теперь. Быть можетъ, позже когда...

Губы ея сжались, чтобы удержать слово которое противъ воли просилось на уста. Потомъ она, какъ бы просыпаясь, провела рукой по лбу.

Когда же ты отправишься?

— Въ эту же ночь.

— Въ Мазаду?

— Въ Мазаду.

Она отпустила его движеніемъ руки. Когда онъ ушелъ ея глаза мрачно засверкали.

— Когда-нибудь, Титъ, когда-нибудь...

Глава XVIII.

Въ Мазадѣ у Мертваго моря жили Тамара, дочь Іоанна изъ Гишалы, и Флавій Сабиній, римскій префектъ.

Какъ они туда попали?

Они оставили вмѣстѣ съ проводникомъ Вероники Птолеманду и направились къ сѣверу, чтобы пробраться чрезъ Галилейскіе лѣса въ Гишалу. А оттуда Флавій намѣревался бѣжать къ Муціану, римскому намѣстнику. Но имъ не удалось далеко уйдти. На третій день бѣгства они услышали за собой топотъ приближающихся всадниковъ. Они поспѣшили укрыться въ недалекой лѣсной чащѣ, но было уже слишкомъ поздно. Сверкающее римское вооруженіе Флавія выдало бѣглецовъ. Всадники нагнали ихъ бѣшенымъ галопомъ, съ дикимъ крикомъ и обнаженными мечами. Это была шайка странныхъ, отважныхъ, одѣтыхъ въ лохмотья людей; лица ихъ носили разрушительные слѣды голода, несчастья и преслѣдованій.

Напрасно проводникъ подавалъ знаки миролюбиваго отношенія и заговаривалъ на галилейскомъ нарѣчіи: ненавистный видъ римлянина рѣшилъ участь бѣглецовъ. Началась короткая борьба сотни людей противъ двухъ. Проводникъ упалъ на землю съ раздробленнымъ черепомъ и предводитель уже занесъ мечъ надъ раненымъ префектомъ. Тогда Тамара забывая все предъ опасностью, грозящей возлюбленному, бросилась впередъ, покрывая его своимъ тѣломъ. Ее охватилъ смертельный ужасъ, и изъ устъ ея вырвалось имя, которое сразу заставило опуститься оружія нападавшихъ.

— Іоаннъ изъ Гишалы!

Начальникъ отряда смиренно подошелъ къ ней, прося разъясненій. Когда же онъ узналъ, что его плѣнница дочь галилейскаго защитника родины, онъ и его спутники привѣтствовали ее радостными криками. Всѣ они находились какъ разъ на пути къ Іоанну, чтобы подъ его предводительствомъ выступить противъ римлянъ и римскаго намѣстника Іосифа бенъ Маттіи. Такимъ образомъ Тамара и Флавій Сабиній примкнули къ этой кучкѣ бѣжавшихъ преступниковъ и бывшихъ рабовъ. Римлянину странно было видѣть среди нихъ такое братское единеніе, какого онъ давно уже не наблюдалъ у своего народа; его изумляла ихъ непоколебимая вѣра въ конечное торжество Бога. Никто изъ нихъ не стыдился своего прошлаго. Напротивъ того, они гордились лишеніями и страданіями, вынесенными за Бога и отечество.

Какой же это Богъ, который давалъ вѣрующимъ такую несокрушимую стойкость? Что это за отечество, которое зажигаетъ даже въ самыхъ презрѣнныхъ сынахъ своихъ пламенную всепокоряющую самоотверженную любовь. Во время вечернихъ прогулокъ подъ галилейскими деревьями Тамара разсказала напряженно слушавшему ее префекту исторію своего народа—этого страннаго легендарнаго племени. Ея дѣтская вѣра посвятила его въ таинственныя преданія и ученія. Освобождающая міръ идея Бога открылась ему болѣе ясной и величественной въ ея простыхъ словахъ, чѣмъ въ ученыхъ разсужденіяхъ и доказательствахъ. Розовыя уста Тамары открыли Сабинію божественную истину, освобожденную отъ всего подавляющаго и грознаго. Прелесть дѣвушки сообщала ея словамъ объ истинномъ Богѣ оттѣнокъ граціозности; культурному римлянину все это казалось знакомымъ по вѣроученіямъ его греческихъ учителей. Теплый любящій взоръ Тамары смягчалъ ученіе о строгомъ воздержаніи и въ ея присутствіи префектъ продолжалъ испытывать то высокое чувство, которое нѣкогда будила въ немъ Саломея. Дѣвичья прелесть Тамары вытѣснила понемногу изъ его души образъ Саломеи.

Отряду, среди котораго теперь находились Тамара и Сабиній, никакъ не удавалось пробраться въ Гишалу. Каждый день имъ заграждали путь воины Іосифа бенъ Матіи. Происходили кровопролитныя битвы, ослабляющія и безъ того колеблющіяся силы изгнанниковъ. Увидѣвъ наконецъ, что намѣстникъ окружаетъ ихъ непроницаемой стѣной, они рѣшились медленно отступать, и направились къ югу ночными маршами; они прошли окольными путями чрезъ всю Самарію и Іудею, мимо Іерусалима, который былъ еще въ рукахъ аристократической партіи и не открывалъ имъ воротъ, и пробрались къ Геброну. Тамара и Флавій принуждены были слѣдовать за ними, съ ними обходились какъ съ друзьями, но по нѣкоторымъ признакамъ ясно было, что ихъ продолжаютъ считать плѣнниками. Они были драгоцѣнными заложниками для этихъ отверженныхъ—Флавій по отошенію къ приверженцамъ Рима и аристократической партіи, а Тамара по отношенію къ зелотамъ, которые втайнѣ считали отца ея членомъ ихъ партіи.

У Геброна ихъ настигло воззваніе Симона баръ Гіора: онъ сзывалъ подъ свои знамена іудеевъ отовсюду. Уставшіе отъ скитаній воины послѣдовали его зову и нѣсколько дней спустя Тамара и Сабиній очутились въ крѣпкихъ стѣнахъ крѣпости Мазады. Съ ними обращались такъ же мягко, какъ и прежніе ихъ спутники, но они чувствовали, что за ними строго наблюдаютъ. Симонъ баръ Гіора, не смотря на свою молодость и горячность, не оставлялъ безъ вниманія ничего, что могло бы когда-нибудь оказать ему пользу,

Для бѣглецовъ наступила, казалось, послѣ долгихъ скитаній пора отдыха. Но это только казалось, на самомъ дѣлѣ каждый день приносилъ что-нибудь новое для Сабинія и дѣвушки. Постоянный видъ окружающей его мертвой природы будилъ въ римлянинѣ серьезныя, чуждыя міру мысли; одинокое море у ногъ его казалось ему похожимъ на его собственную судьбу. И онъ, подобно этому морю, оторванъ отъ всѣхъ радостей отчизны; онъ чужой между чужими, отдѣльная капля въ міровомъ океанѣ великой мрачной судьбы человѣчества. Тамара должна была употребить всю свою жизненную энергію, всю свою силу любви, чтобы бороться противъ отчаянія Сабинія. И даже любовь ея увеличивала его грусть. Тамара его любила. Онъ долженъ былъ признать это при всемъ своемъ уныніи, такъ несомнѣнно говорили о любви ея улыбка при встрѣчѣ по утрамъ, ея нѣжный взоръ при прощаньи, тонъ голоса, когда она наставляла его въ своей вѣрѣ, мягкое пожатіе руки, которымъ она пыталась пробуждать его отъ его мучительныхъ мыслей.

Тамара любила его, и онъ ее любилъ; она оживляла его душу своимъ чистымъ дыханіемъ. И все-таки онъ никогда не испытаетъ непостижимаго счастья обнять ея тонкій гибкій станъ, прочесть въ глазахъ полное признаніе ея любви, и назвать ее своей женой:

Никогда Тамара, дочь Іоанна изъ Гишалы, не будетъ принадлежать язычнику римлянину; эта мысль еще болѣе омрачала его духъ.

Однажды онъ ходилъ по крѣпостному двору, погруженный въ отчаяніе. Вдругъ до него дошли какіе то звуки голосовъ изъ маленькаго, лежащаго нѣсколько поодаль дома. Не зная самъ, что влекло его, онъ вошелъ туда. Онъ очутился въ простой, ничѣмъ не украшенной комнатѣ, раздѣленной на двѣ части: въ передней, болѣе низкой, стояло множество воиновъ, а въ глубинѣ виднѣлось возвышеніе въ родѣ алтаря; въ стѣнѣ, обращенной къ сѣверу былъ закрытый занавѣсью шкафъ, а вблизи него восьми-конечный, украшенный надписями, подсвѣчникъ. На возвышеніи стоялъ сѣдовласый старецъ и читалъ что то изъ свитка, только что вынутаго изъ льняныхъ покрововъ, украшенныхъ буквами и серебряными полосами. Онъ произносилъ еврейскія слова проникновеннымъ благочестивымъ голосомъ и присутствующіе стоя внимали ему.

Префектъ понялъ, что онъ попалъ въ молельню крѣпости и хотѣлъ уже удалиться, когда вдругъ взоръ его упалъ на Тамару. Она стояла вмѣстѣ съ другими женщинами на возвышеніи, поодаль

отъ читающаго, и привѣтствовала Сабинія легкимъ наклономъ головы... Какъ очарованный, онъ остановился и глядѣлъ на дѣвушку. Погруженный въ печальныя мысли, онъ только тогда очнулся, когда чья то рука легла ему на плечо.

Предъ нимъ стоялъ Симонъ баръ Гіора; онъ указывалъ ему движеніемъ руки на проходъ, освобожденный воинами въ передней части молельни. Въ концѣ прохода, вблизи читающаго, Флавій увидѣлъ группу благочестиво внимавшихъ людей. Это были его спутники во время бѣгства изъ Галилеи въ Мазаду; вѣдь они язычники, рабы, бѣжавшіе отъ своихъ жестокихъ господъ. Теперь же... Неужели язычники?

Взволнованный, онъ обратился съ этимъ вопросомъ къ вождю. Симонъ усмѣхнулся.

— Эти люди,—отвѣтилъ онъ ему, — были язычниками, когда явились въ Мазаду; но со вчерашняго дня они уже не прежніе. Посмотри на тѣхъ двухъ, которые стоятъ впереди: одинъ бывшій испанскій гладіаторъ, другой римлянинъ, какъ и ты; но вотъ увидишь; чрезъ нѣсколько времени они подымутся на возвышеніе въ глубинѣ; около нихъ на стульяхъ противъ того шкафа сядутъ ихъ друзья изъ іудеевъ, чтобы произносить обѣты за нихъ; они оставятъ молельню послѣ того не какъ чужіе, а какъ братья, не испанцемъ и риляниномъ, а іудеями.

Сабиній вздрогнулъ и еле дыша взглянулъ въ глаза говорившему.

— Что они сдѣлали,—проговорилъ онъ взволнованно,—чтобы удостоиться такого превращенія.

Снова Симонъ усмѣхнулся.

— Что они сдѣлали? Только признали единаго Бога израильскаго и согласились носить знакъ нашего союза.

Римлянину показалось, что небесный свѣтъ съ ослѣпительной яркостью проливается на него.

— Они признали единаго Бога... Но развѣ онъ самъ уже не призналъ его давно въ глубинѣ души. И все-таки душа его колебалась порвать со всѣмъ, давно привычнымъ, со всѣмъ, что ему было дорого, съ отечествомъ и семьей. Внутренняя борьба душила его, ему казалось, что крыша дома сейчасъ обрушится. Слова читающаго старца проникали ему въ глубину сердца. Онъ отшатнулся отъ баръ Гіоры, который глядѣлъ на него съ ожиданіемъ, и выбѣжалъ на воздухъ. Какъ долго онъ мчался впередъ, онъ самъ не зналъ. Онъ пришелъ въ себя лишь когда его окликнулъ голосъ часового. Поднявъ глаза, онъ увидѣлъ, что очутился на стѣнѣ крѣпости, окружающей Мазаду со стороны моря.

Тамъ, предъ потрясающимъ однообразіемъ моря, умолкла борьба въ его душѣ и странное блаженное спокойствіе наполнило его душу. На лицѣ его лежалъ отблескъ неземнаго свѣта, когда онъ снова вернулся въ молитвенный домъ и, проходя черезъ строй воиновъ, сталъ рядомъ съ испанцемъ и римляниномъ.

Въ этотъ день Флавій Сабиній, племянникъ Веспасіана, сынъ римскаго консула, сталъ іудеемъ, членомъ общины преслѣдуемыхъ и обреченныхъ на гибель израильтянъ.

Для Флавія Сабинія съ этого дня началась новая жизнь. Все вокругъ него приняло измѣненный и просвѣтленный видъ. Симонъ баръ Гіора и воины Мазады и прежде относились къ нему сочувственно. но все-таки, онъ чувствовалъ по разнымъ маленькимъ признакамъ, что ихъ раздѣляла пропасть. Теперь все это исчезло. Полководецъ посвящалъ новаго товарища въ самые тайные планы и относился къ нему съ уваженіемъ и довѣрчивой дружбой, которая была необыкновенно отрадна одинокому. вырванному изъ прежнихъ условій жизни римлянину. Вскорѣ Флавій Сабиній сталъ даже однимъ изъ главныхъ руководителей движенія на югѣ Іудеи. Онъ распредѣлилъ пеструю толпу воиновъ, сообразно со способностями каждаго, и для этого старательно знакомился съ каждымъ воиномъ. Онъ училъ ихъ всѣмъ тонкостямъ усвоеннымъ римлянами въ военномъ дѣлѣ, благодаря вѣковому боевому опыту. Онъ внушилъ имъ пониманіе военной дисциплины, далъ разнузданной волѣ каждаго сознательную

цѣль и возобновилъ въ ихъ умахъ представленіе объ истинномъ національномъ войскѣ. Только благодаря своей строго выдержанной арміи римляне возвысились отъ скромнаго начала своей исторіи до высоты могущества, утеряннаго ими потомъ среди разнузданнаго торжества страстей. Онъ съумѣлъ воспламенять своихъ слушателей разсказами изъ древней исторіи Рима, о подвигахъ непреклоннаго гражданскаго духа, о ненависти къ притѣснителямъ и о мужественномъ самопожертвованіи для спасенія другихъ.

— А Тамара?

И она измѣнилась съ того дня, когда тайно любимый ею римлянинъ вступилъ въ союзъ съ ея Богомъ. Все ея существо было по прежнему проникнуто дѣвственной сдержанностью, она все еще избѣгала Сабинія, но по временамъ въ ней вспыхивала женская потребность любви, и въ ней просыпалась душевная радость любящей и жизнерадостной женщины.

Такъ они жили рядомъ и въ постоянномъ общеніи другъ съ другомъ. Онъ щадилъ ея скромную сдержанность и все-таки читалъ въ ея глазахъ чистую тайну ея сердца. Она же пугливо и вмѣстѣ съ тѣмъ съ тайной радостью ждала словъ, готовыхъ сорваться съ его устъ. Это постоянное избѣганіе и исканіе другъ друга наполняло ихъ счастьемъ. Но однажды изъ Іерусалима пришли вѣстники, очевидно съ очень важными сообщеніями. Симонъ баръ Гіора принялъ ихъ наединѣ, безъ остальныхъ военоначальниковъ. Замокъ, нѣкогда построенный Иродомъ на укрѣпленной скалѣ, какъ защита противъ честолюбивыхъ замысловъ враждебной ему Клеопатры, и служившій теперь помѣщеніемъ для Симона и его свиты, былъ полонъ народа. Повсюду стояли кучками оживленно разговаривающіе воины. Группы ихъ видны были также и на большой площадкѣ внутри крѣпостной стѣны. Видно было волненіе на всѣхъ лицахъ, и когда Флавій Сабиній проходилъ мимо, до него долетѣло повторенное нѣсколько разъ имя Іоанна изъ Гишалы. Но Флавій не обратилъ на происходящее никакого вниманія. Его занимала стройная дѣвушка, только что вышедшая изъ западной дверцы въ крѣпостной стѣнѣ. Это была Тамара. Она, очевидно, отправлялась и на этотъ разъ, какъ всегда, къ песчаному холму у подошвы горы. Она любила сидѣть тамъ, погружаясь въ грустное и странное очарованіе Мертваго моря. Сабиній издали послѣдовалъ за нею тихими осторожными шагами, чтобы не испугать ее. Глаза его съ упоеніемъ глядѣли на благородную фигуру, выдѣлявшуюся на фонѣ бѣлыхъ камней. Она шла, какъ бы влекомая неземнымъ порывомъ, поднимаясь вверхъ, и едва касалась земли. До нея не доходилъ шумъ его шаговъ и ничто не нарушало торжественную тишину въ окружающей природѣ. Тамара вдругъ остановилась и нагнулась къ какому то предмету на вершинѣ дюны. Сабиній не могъ разглядѣть, что это было. Онъ остановился, выжидая, когда Тамара пройдетъ дальше. Но она присѣла на землѣ и затѣмъ вдругъ обратилась къ выжидавшему ее Флавію, не выказывая никакого удивленія, какъ будто бы она знала, что онъ тамъ.

— Смотри, что я нашла,—сказала она съ улыбкой и указала ему на землю среди песка и запустѣнія.

Сабиній подошелъ ближе и увидѣлъ, что изъ песчаной почвы поднимался низкій невзрачный кустикъ, съ тупыми сморщенными листьями и изсушенными, лишенными стебля, красноватыми цвѣтами, стянувшимися въ плотный клубокъ.

— Этотъ цвѣтокъ въ народѣ называютъ іерихонской розой, — сказала Тамара въ отвѣтъ на удивленный взглядъ Сабинія.—Это цвѣтокъ тайны.

Его глаза засвѣтились.

— Мнѣ кажется, что онъ похожъ на сердце дѣвушки,—сказалъ онъ задумчиво:—и оно тоже уходитъ въ себя, какъ лепестки этого цвѣтка, и закрываетъ отъ пытливыхъ взоровъ то, чѣмъ оно полно. И никогда нельзя проникнуть въ него,—прибавилъ онъ мечтательно.

— Никогда? — переспросила она, легкій румянецъ покрылъ ея нѣжное лицо. Потомъ она лукаво усмѣхнулась

кокетливо взглянула на него изъ подъ опущенныхъ вѣкъ.—Какъ знать? Передъ тѣмъ, кто проникъ въ тайну, цвѣтокъ не боится раскрыть себя.

Онъ взглянулъ глубоко въ обращенные на него съ дразнящей улыбкой глаза. Потомъ онъ вдругъ весь встрепенулся и покраснѣлъ. Неужели исполнится его завѣтная мечта? Если то, что онъ только что прочелъ въ глазахъ Тамары...

— Тамара,—попросилъ онъ, пытаясь взять ее за руку.

Она отняла отъ него руку и слегка улыбнулась, но онъ почувствовалъ легкое пожатіе.

— Не ранѣе,—отвѣтила она на невысказанный имъ вопросъ,—чѣмъ когда іерихонская роза откроетъ свою чашечку.

Странный цвѣтокъ сдѣлался для нихъ символичнымъ.

— А когда же это случится?—напряженно спросилъ онъ.

— Когда на нее упадетъ освѣжительная капля влаги,—отвѣтила она задумчиво.—Въ самомъ дѣлѣ, ты правъ, цвѣтокъ этотъ похожъ на человѣческое сердце. Одинъ только свѣтъ, сухой горячій свѣтъ солнца не даетъ распуститься цвѣтку, если заранѣе его не смягчитъ теплое и влажное дуновеніе весны, и не вернетъ ему мягкости и гибкости; цвѣтку и сердцу нужны дождь и любовь.

Она замолчала и взглянула на него мягкимъ дрожащимъ взглядомъ.

— Я не понимаю тебя, Тамара,—пробормоталъ онъ въ упоеніи.

Она засмѣялась прежнимъ свѣтлымъ, освѣжительнымъ смѣхомъ.

— Неужели же я должна объяснять тебѣ это, слѣпецъ?—весело сказала она, но въ голосѣ ея слышались теплые звуки взволнованнаго чувства.—Оглянись вокругъ себя, что ты видишь?

— Песокъ и солнце.

— Песокъ дѣло солнца,—прибавила она.—Чего не достаетъ этому песку, этой омертвѣлой почвѣ, чтобы вернулась къ ней творческая сила и чтобы все въ ней зацвѣло и зазеленѣло, какъ тѣ кипарисы въ Энгаддинѣ?

— Не достаетъ дождя и воды.

— Ну, такъ вотъ слушай же. Въ Іерихонѣ жила нѣкогда гордая величественная царская дочь, прекрасная какъ роза, когда она ночью открываетъ свои лепестки и наполняетъ воздухъ упоительнымъ ароматомъ. И многіе напрасно добивались руки ея. Сердце ея полно было строгости, и она никому не внимала. Наконецъ, сынъ солнца провѣдалъ про ея красоту и отправился взглянуть на нее. И онъ проникнулся горячей любовью къ ней. Но и его она оттолкнула отъ себя. Онъ впалъ въ безконечную грусть, захирѣлъ и исчезъ, ставъ облакомъ. Но когда его не стало, она увидѣла, что именно его и любила. А мать юноши, солнце, разгнѣванное холодностью царской дочери, послало свои самые палящіе лучи, чтобы уничтожить ее. И она изсушилась въ тоскѣ объ исчезнувшемъ, сдѣлалась жесткой и сморщенной и царство, въ которомъ она жила, превратилось въ песчаную пустыню. Но еще болѣе она замкнулась въ себѣ съ неумолимой гордостью, чтобы никто не коснулся ея красоты. Такъ она обречена стоять до тѣхъ поръ, пока не сжалится надъ ней душа солнечнаго бога и не спустится къ ней въ теплыя дождливыя лѣтнія ночи. Тогда она широко раскрываетъ свои объятія возлюбленному и, пылая стыдомъ, впиваетъ росу его очей. Потомъ она снова уходитъ въ себя, когда онъ прощается съ ней. Съ тѣхъ поръ люди прозвали ее іерихонской розой, цвѣткомъ тайны, символомъ нѣжной и кроткой любви.

Тамара начала разсказъ въ легкомъ шутливомъ тонѣ, но въ концѣ голосъ ея дрожалъ отъ волненія. Сабиній внимательно слушалъ ее, но она на него не глядѣла. Онъ нагнулся къ іерихонской розѣ и заботливо вынулъ ее вмѣстѣ съ корнемъ. Тогда она увидѣла, что онъ ее понялъ. Развѣ солнечный богъ могъ спуститься къ ней здѣсь, въ пустынѣ, лишенной дождя и воды? Развѣ Тамара не іерихонская роза, вырванная какъ тотъ цвѣтокъ изъ родной почвы, лишенная отеческаго дома? Она тоже стоитъ беззащитная среди чужихъ и должна ограждать себя строгой замкнутостью. Она должна защищаться противъ него, своего

возлюбленнаго, противъ своего собственнаго мятежнаго тоскующаго сердца. Придетъ ли когда-нибудь день, въ который обоимъ имъ возвращена будетъ свобода дѣйствія и они смогутъ открыто говорить о любви?

— Дай мнѣ розу,—попросила Тамара, когда они молча направились обратно въ крѣпость. Онъ удивленно взглянулъ на нее. Она улыбнулась ему сквозь влажный покровъ, застилавшій ея глаза.—Когда іерихонская роза...—пробормотала она и остановилась, отвернувъ свое вспыхнувшее лицо.

Онъ удержался отъ ликованія, увѣрившись, наконецъ, въ ея любви. Онъ далъ ей розу, не говоря ни слова. Но рука его при этомъ дрожала и его взоръ искалъ ея глазъ. Они обмѣнялись длиннымъ горячимъ привѣтомъ, взглянувъ другъ другу въ глаза.

— Когда іерихонская роза распустится для него...

Это было ихъ послѣднимъ свиданіемъ наединѣ на много дней и недѣль впередъ. Когда они вошли на крѣпостной дворъ, имъ навстрѣчу вышелъ Симонъ баръ Гіора, окруженный толпой воиновъ и женщинъ. Всѣ готовились сняться съ мѣста.

— Мнѣ глубоко жаль, Тамара, — обратился онъ къ дѣвушкѣ,—что я долженъ сообщить тебѣ дурныя вѣсти, но я не могу скрыть ихъ отъ тебя. Я узналъ отъ вѣрныхъ вѣстниковъ, что Іоаннъ изъ Гишалы, твой отецъ, нарушилъ клятву послушанія синедріону и погубилъ невинныхъ представителей знатныхъ родовъ Іерусалима. Невинно пролитая кровь взываетъ о мщеніи. Симонъ баръ Гіора, защитникъ праведнаго дѣла родины и не можетъ позволить, чтобы даже Іоаннъ изъ Гишалы запятналъ его знамя.

Дѣвушка поблѣднѣла и съ мольбой подняла руки.

— Ты говоришь, что отецъ мой нарушилъ клятву? — воскликнула она съ возмущеніемъ.—Онъ, для котораго Богъ выше любви къ людямъ и къ себѣ? Это не правда, Симонъ баръ Гіора. Или вѣстникъ твой лжетъ, или...

Предводитель остановилъ ее рѣзкимъ движеніемъ руки.

— Остановись,—прервалъ онъ мрачно. — Женщинѣ не подобаетъ судить о поступкахъ мужей. Но я прощаю тебя, ты дочь обвиненнаго. — Онъ обратился къ чужестранцу, стоявшему за нимъ и глядѣвшему съ ненавистью на дѣвушку.

— Скажи ей самъ, Оній.

Лицо Онія засвѣтилось торжествомъ.

— Я, Оній, другъ и довѣренный благороднаго первосвященника Маттіи бенъ Теофиля, еще разъ утверждаю это и готовъ сказать всякому въ лицо. Іоаннъ изъ Гишалы виновникъ смерти іерусалимскихъ знатныхъ родовъ, въ невинности которыхъ онъ былъ увѣренъ. Онъ хотѣлъ завладѣть Іерусалимомъ и дѣйствовалъ изъ преступнаго честолюбія, которое давно заглушило въ немъ мысль о родинѣ. Да погибнетъ измѣнникъ, Іоаннъ изъ Гишалы.

Возгласу его вторили воины, стоявшіе на площади и готовые отправиться въ путь. Всѣ они узнали страшную вѣсть о послѣднихъ событіяхъ въ Іерусалимѣ и возненавидѣли Іоанна изъ Гишалы за предательство.

Флавій Сабиній стоялъ ошеломленный несчастіемъ, обрушившимся на него и на его возлюбленную. Въ первый разъ онъ увидѣлъ призракъ раздора, который уже давно вступилъ въ стѣны Іерусалима; здѣсь, въ тихой Мазадѣ, онъ еще былъ скрытъ отъ глазъ. Имъ овладѣлъ страхъ и печаль за судьбу народа, къ которому онъ примкнулъ. Онъ понялъ, что Римъ сумѣетъ воспользоваться смутами въ лагерѣ враговъ.

— Ты сама понимаешь теперь, дѣвушка,—сказалъ Симонъ баръ Гіора холодно, но привѣтливо Тамарѣ, погруженной въ печальныя размышленія. — Дочь врага отечества становится для насъ не тѣмъ, чѣмъ была дочь союзника и друга. Поэтому, какъ это мнѣ ни горько, но ты будешь продолжать путь не вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, а рядомъ со мной и подъ стражей. Это тяжело для нѣжной дѣвушки, но я надѣюсь, — сказалъ онъ и съ улыбкой взглянулъ на стоящаго около него Флавія Сабинія,—что моимъ усиліямъ и помощи нашего друга удастся смягчить твою участь.

Она едва слышала его слова и очнулась лишь тогда, когда услышала глухой голосъ Сабинія:

— Что ты намѣренъ предпринять, повелитель?

Она взглянула съ трепетнымъ ожиданіемъ на полководца. Симонъ баръ Гіора поблѣднѣлъ, потомъ рѣзкая краска покрыла его лобъ и глаза сверкнули.

— Нужно освободить Іерусалимъ отъ присутствія убійцъ и очистить храмъ отъ преступно пролитой крови. Не возражай,—вскипѣлъ онъ, когда Сабиній поднялъ руку.—Это рѣшено.

Когда на слѣдующій день солнце взошло надъ зубцами крѣпости Мазады, оно уже не освѣтило обычной суеты просыпающагося военнаго стана. Оставленъ былъ лишь маленькій отрядъ для защиты крѣпости отъ внезапнаго нападенія. Но къ сѣверу, по направленію къ Геброну извивалась длинная линія вооруженыхъ людей съ Симономъ баръ Гіора во главѣ. Рядомъ съ нимъ шелъ Оній. Насмѣшливая улыбка искривила его губы, скрытыя бородой, когда онъ оглядывался на идущую за ними вооруженную массу.

«На этотъ разъ ты не уйдешь отъ меня, Іоаннъ», бормоталъ онъ про себя.

Носилки Тамары окружены были стражей. Сабиній ѣхалъ рядомъ съ ней. Она встрѣчала его грустной улыбкой каждый разъ, когда онъ нагибался, чтобы сказать ей нѣсколько словъ утѣшенія. Она касалась рукой іерихонской розы, которую носила при себѣ и глаза ея полны были слезъ. Когда же ты раскроешься, таинственный цвѣтокъ?

Снова вспыхнула въ Іерусалимѣ междоусобная распря. Симона баръ Гіора первосвященникъ бенъ Теофиль встрѣтилъ какъ спасителя и тотчасъ же послѣ его прибытія началась осада храма, защищаемаго извнутри Іоанномъ изъ Гишалы. Снова загорѣлись страсти и лилась кровь лучшихъ и сильнѣйшихъ гражданъ города. Оній уже полагалъ, что цѣль его достигнута, и Іерусалимъ совершенно обезоруженъ. Въ это время раздалась вѣсть, что Веспасіанъ завладѣлъ Египтомъ и послалъ Мукіана въ Италію противъ Вителія, что Вителій убитъ римской чернью, а Титъ направляется съ огромнымъ образцовымъ войскомъ въ Іерусалимъ, чтобы, покоривъ іудеевъ, окружить новымъ ореоломъ имя Флавія.

Понимая, до чего іерусалимскія распри опасны въ виду приближенія Тита, Іоаннъ изъ Гишалы принялъ рѣшеніе, которое давно уже обдумывалъ. Въ виду того, что все еще продолжалась осада храма, онъ попросилъ перемирія на одинъ день. Не смотря на сопротивленіе Онія, Симонъ баръ Гіора согласился, и Іоаннъ велѣлъ тотчасъ своимъ служителямъ понести его на носилкахъ въ лагерь враговъ. Напрасно друзья его старались удержать его. Даже Регуэль былъ безсиленъ. Іоаннъ мрачно качалъ головой и въ его лихорадочномъ взорѣ видна была тревожная поспѣшность.

— Пустите меня, друзья, — молилъ онъ.—Я уже давно чувствую, что слишкомъ слабъ, чтобы управлять Іерусалимомъ. Преступно пролитая кровь гнететъ меня, а коварный врагъ внутри,—онъ указалъ на грудь, изъ которой исходили хрипящіе звуки—застилаетъ мнѣ взоръ. Я разучился быть вождемъ. Молодая сила должна вытѣснить немощную старость. Малодушіе и раскаяніе пригодны въ кельѣ грѣшника, но имъ не мѣсто управлять отчизной, и потому...

Онъ вытянулъ исхудалую дрожащую руку по направленію къ палаткѣ Симона баръ Гіора. На его возбужденномъ лицѣ видно было непоколебимое рѣшеніе сдаться врагу.

— Это будетъ гибелью для всѣхъ насъ,—проговорили они, опустивъ головы.

— Лучше погибнуть намъ, чѣмъ Іерусалиму,—проговорилъ Іоаннъ и сдѣлалъ знакъ слугамъ нести впередъ носилки.

Симонъ баръ Гіора принялъ его, окруженный вооруженнымъ войскомъ. Онъ поднялся навстрѣчу больному Іоанну, и тотъ съ огромными усиліями всталъ изъ носилокъ и приблизился къ нему съ опущенной головой.

— Я пришелъ къ тебѣ, — сказалъ тихо Іаннъ и поднялъ пламенный взоръ

на мрачное лицо предводителя. — Старость пришла къ юности, прошлое къ будущему, Я хочу, чтобы ты понялъ, что отечество гибнетъ изъ-за нашей распри.

Симонъ баръ Гіора насмѣшливо разсмѣялся.

— Изъ-за нашей распри?—повторилъ онъ рѣзко.—Кто же виновникъ несчастья, кто навлекъ на Іерусалимъ гнѣвъ Божій? Я не былъ сторонникомъ знатныхъ родовъ, но я врагъ лжи, выдуманной твоимъ безграничнымъ честолюбіемъ. Не думай, что ты можешь меня обмануть, какъ ты обманулъ своихъ сторонниковъ. Въ моихъ рукахъ доказательства твоей измѣны, и потому, несмотря на перемиріе, я воспользуюсь возможностью расправиться съ тобой.

Онъ схватилъ руку стоявшаго передъ нимъ Іоанна и сильнымъ движеніемъ заставилъ его стать на колѣни среди уличной грязи.

— Я завладѣваю тобой, Іоаннъ изъ Гишалы, и требую возмездія за несчастіе Іерусалима и оскверненіе храма.

Высоко поднявшись, онъ произнесъ слова, которыя должны были поразить галилеянина до глубины сердца:

— Глядите, народъ іерусалимскій, народъ соединенныхъ племенъ, глядите на Іоанна изъ Гишалы, измѣнника своей родинѣ.

Крикъ негодованія послышался изъ группы сторонниковъ Іоанна, пришедшихъ съ нимъ. Они столпились вокругъ него, защищая его своими тѣлами отъ угрожающихъ мечей. Впереди всѣхъ былъ Регуэль, который спѣшилъ поднять отца съ земли. Но Іоаннъ не допустилъ этого.

— Оставь,—сказалъ онъ.—Это справедливая кара. Я давно хочу искупить свою вину предъ Богомъ. Ты не знаешь, до чего я страдаю по ночамъ. Для меня отрада лежать здѣсь въ пыли и чувствовать карающую руку Господа. Скорѣе бы конецъ.

Онъ опустился обезсиленный. Регуэль приходилъ въ отчаяніе. Смятеніе увеличивалось, галилеяне уже хватали камни, чтобы оборонятся отъ враговъ, а подъ предводительствомъ Хлодомара изъ храма спѣшила новая толпа зелотовъ. Дикая борьба казалась неизбѣжной. Кровопролитіе кончилось бы лишь уничтоженіемъ одной изъ партій. Но вдругъ среди рядовъ воиновъ показалась свѣтлая, несущаяся впередъ, женская фигура. Она опустилась на землю рядомъ съ Іоанномъ изъ Гишалы, все еще стоявшимъ на колѣняхъ и обняла голову старика обѣими руками.

Іоаннъ взглянулъ на нее съ оцѣпенѣніемъ и потомъ только узналъ ее.

— Тамара,—крикнулъ онъ внѣ себя.— Тамара, это ты?

— Да,—отвѣтила она, рыдая и цѣлуя его руки.—Это я, твоя Тамара, твое дитя. Но...

Она взглянула на баръ Гіору. Онъ только что обнажилъ мечъ и сталъ во главѣ своихъ людей, чтобы вести ихъ противъ галилеянъ и зелотовъ. Она быстро вскочила и откинула назадъ волосы, опустившіеся ей на лицо отъ рѣзкаго движенія. Глаза ея сверкнули и, вставъ посрединѣ между двумя партіями, она сказала свѣтлымъ, громкимъ голосомъ:

— Слушайте воины, это я, Тамара, дочь того, который здѣсь униженъ. Передъ всѣми тѣми, которые любятъ отечество не менѣе тебя, передъ лицомъ святого города и вѣчнаго храма, передъ лицомъ Всевышняго, спрашиваю я тебя, Симонъ баръ Гіора, почему ты обвинилъ Іоанна изъ Гишалы въ предательствѣ?

Настала глубокая тишина. Даже самые возбужденные поняли, что дѣвушка справедливо спрашиваетъ. Симонъ баръ Гіора облегченно вздохнулъ. Онъ видѣлъ, что и среди его приверженцевъ многіе не одобряютъ его поведенія относительно Іаанна изъ Гишалы.

— Ты спрашиваешь, дѣвушка,—отвѣтилъ онъ,—о вещахъ, которыя намъ всѣмъ извѣстны. Отецъ твой стремился къ власти и поэтому хотѣлъ удалить представителей знатныхъ родовъ. Онъ нашелъ средство лишить ихъ довѣрія народа. Онъ поддѣлалъ письма, по которымъ, будто бы, видно было, что противники его заключили союзъ съ Вереникой, Агриппой и римлянами. Эти ложныя письма онъ распространялъ въ на-

родѣ. Такъ онъ обманывалъ и проливалъ невинную кровь.

Іоаннъ изъ Гишалы вздрогнулъ, какъ отъ удара бича, и гордо поднялъ голову.

— Ты лжешь, Гіора, — крикнулъ онъ, — я никогда...

Онъ не кончилъ. Тамара мягко взяла его за руку.

— Погоди, отецъ, — сказала она, — не возмущайся. Я знаю Симона баръ Гіора. Онъ вспыльчивъ и нетерпѣливъ, но онъ добръ и честенъ. — Обращаясь затѣмъ къ предводителю, она продолжала: — Ты говоришь о письмахъ, но гдѣ же они? Принеси мнѣ доказательства, покажи намъ, какъ отецъ поддѣлывалъ письма и клянусь Всемогущимъ Богомъ, если твое обвиненіе справедливо, самъ отецъ отдастся тебѣ на судъ и никто изъ его людей не подниметъ меча противъ тебя.

— Клянусь въ этомъ, — подтвердилъ Іоаннъ и выступилъ впередъ, поддерживаемый своими дѣтьми. Онъ подошелъ совсѣмъ близко къ своему врагу.

Симонъ баръ Гіора былъ изумленъ твердостью человѣка, вина котораго была такъ очевидна. Потомъ онъ обернулся въ ту сторону, гдѣ до прибытія Іоанна стоялъ довѣренный его невинныхъ жертвъ.

— Оній! — позвалъ онъ.

Никто не отвѣчалъ. Никто не шелъ на его зовъ. Онъ позвалъ еще разъ.

Іоаннъ изъ Гишалы вздрогнулъ, и глаза его широко раскрылись.

— Оній, — пробормоталъ онъ. — Это онъ далъ тебѣ эти письма?

Симонъ баръ Гіора мрачно кивнулъ головой. Страшное подозрѣніе закралось въ его душу.

— Оній! — крикнулъ онъ въ третій разъ.

Изъ толпы воиновъ выступилъ одинъ человѣкъ.

— Я встрѣтилъ его на улицѣ, ведущей къ складамъ, — доложилъ онъ.

— Если это тотъ же Оній, — сказалъ Іоаннъ, — о которомъ я думаю, то читай...

Онъ распахнулъ верхнее платье и оттуда упала записка, которую нѣкогда Базилидъ оставилъ въ своей комнатѣ передъ бѣгствомъ.

Симонъ баръ Гіора поднялъ записку и сталъ читать. Онъ отступилъ и вдругъ упалъ къ ногамъ Іоанна, къ ногамъ того, который только что лежалъ передъ нимъ въ пыли...

— Прости! — крикнулъ онъ, — прости...

Іоаннъ наклонилъ голову къ потрясенному отчаяніемъ Симону и обнялъ его. Толпа безмолвно окружала ихъ и только рѣзкій жалобный голосъ нарушилъ вдругъ молчаніе, голосъ Ананія, безумнаго зелота.

— Горе, горе Іерусалиму...

Общій крикъ ужаса огласилъ площадь.

Съ трескомъ и грохотомъ поднялось надъ крышами кладовыхъ Іерусалима страшное пламя. Перебѣгая отъ балки къ балкѣ, отъ склада къ складу оно охватило въ одну минуту всѣ кладовыя.

Онію удалось исполнить свою послѣднюю цѣль — уничтожить самое крѣпкое средство защиты священнаго города. Въ складахъ хранились огромнѣйшіе запасы и если бы цѣлыхъ десять лѣтъ поля и деревни перестали носить плоды, Іерусалимъ все-таки не страдалъ бы отъ голода.

А теперь...

Напрасны были всѣ старанія объединенныхъ партій. Почернѣвшія стѣны съ трескомъ обвалились вокругъ накопленныхъ съ безконечнымъ трудомъ богатствъ Іерусалима, хороня все подъ собой въ пыли и пеплѣ.

Въ то время, какъ пламя возносилось къ небу надъ іерусалимскими кладовыми, по дорогѣ изъ Габатъ-Саула несся отрядъ чужеземныхъ воиновъ въ блестящемъ вооруженіи и со сверкающими копьями. Впереди отряда мчался воинъ на быстромъ конѣ и побѣднымъ движеніемъ простиралъ руку надъ городомъ и страной, виднѣвшимися вдали. Это былъ Титъ.

Глава XIX.

Наступило восьмое аба 1131 года со времени построенія перваго храма Соло-

мона. Что сталось съ Іерусалимомъ? Исчезла зелень садовъ и рощъ, тянувшихся на цѣлыя мили вокругъ города. Деревья пошли на постройку укрѣпленій, кустарники сожжены были римскими сторожевыми постами, а холмы, окружавшіе городъ, сравнены были съ землей подъ копытами легіоновъ, мчащихся на поле битвы.

Пали всѣ стѣны, защищавшія городъ, и битва сосредоточилась вокругъ самаго храма. Обѣ стороны сражались съ одинаковой храбростью и съ нечеловѣческимъ озлобленіемъ. Повсюду таилась смерть, безжалостно душившая и воиновъ, и мирныхъ гражданъ, мужчинъ и женщинъ, старцевъ и дѣтей, орудуя мечомъ и огнемъ, голодомъ и отчаяніемъ, предательствомъ и моромъ. Безчисленная толпа іудеевъ пала, защищая стѣны. Они погибли отъ желѣза, камней и стрѣлъ, или бросались въ пропасти, ища добровольной смерти. Другіе, малодушные, скрывшіеся въ стѣнахъ, умирали на крестахъ, которые тысячами воздвигались вокругъ Іерусалима, свидѣтельствуя о римскомъ владычествѣ. Въ городѣ царили голодъ, моръ и глубокое отчаяніе. Іерусалимъ сталъ походить на гнѣздо дикихъ звѣрей, раздиравшихъ другъ друга. Всѣ человѣческія связи были расторгнуты. Женщины отнимали послѣдніе куски у мужей, матери у дѣтей. Трупы гибнущихъ отъ голода тысячами загромождали улицы, распространяя заразу. А то, что щадилъ голодъ, гибло отъ меча. Шайки одичалыхъ людей ходили по улицамъ, врывались въ жилища, грабя все, что имъ казалось цѣннымъ и не останавливаясь ни предъ чѣмъ въ своей безумной жаждѣ разрушенія. Уничтоженъ былъ всякій стыдъ, всякая брезгливость, голодъ заставлялъ ѣсть самыхъ отвратительныхъ животныхъ, а потомъ кожу обуви и ремни щитовъ, испорченную солому и сѣно. Одна знатная женщина, пріѣхавшая въ Іерусалимъ на праздникъ Пасхи и попавшая въ осаду, задушила въ безуміи собственнаго ребенка и съѣла его.

И все-таки смерть и голодъ, отчаяніе и ужасы не сокрушили мужества іудеевъ. Римлянамъ приходилось цѣной крови отвоевывать каждый камень города. Паденіе городской стѣны и осада храма не уничтожила надеждъ іудеевъ. Пусть погибнетъ родина и граждане. Пока не сокрушенъ священный храмъ, Богъ не оставитъ своего народа,

---

Дворецъ Граптовъ въ нижней части города уцѣлѣлъ еще отъ враговъ, защищенный гигантскимъ зданіемъ храма. Утромъ девятаго аба глубокая тишина царила въ его длинныхъ проходахъ; изрѣдка только человѣческая тѣнь скользила по залитымъ солнечнымъ свѣтомъ комнатамъ. Въ покоѣ, обитаемомъ Іоанномъ изъ Гишалы, собралось нѣсколько людей. Симонъ баръ Гіора только что оставилъ смертельно больного предводителя войска. Габа стоялъ въ сторонѣ съ Мероэ, стараясь заслонить отъ дѣвушки видъ тяжело больного, чтобы не вызвать снова тяжелыхъ видѣній въ ея больномъ мозгу. Тамара сидѣла у постели отца и съ ужасомъ слѣдила за перемѣнами въ его лицѣ. Врачи уже давно осудили его на смерть, но духъ его все еще съ невѣроятной силой держался въ слабомъ тѣлѣ.

— Боже, — молился Іоаннъ,— если воля Твоя такова, что Іерусалимъ и храмъ Твой должны исчезнуть съ лица земли, то пусть послѣдній камень разрушенной святыни раздробитъ мою голову, чтобы я не попалъ въ руки римлянъ.

— Отецъ,—умоляла его Тамара, наклонясь къ нему, и положила ему руку на горячій лобъ.—Опомнись, храмъ вѣдь не тронутъ. Римлянинъ не осмѣлится наложить руку на святыню, онъ самъ преклоняется передъ ней.

Больной грустно покачалъ головой.

— И все-таки онъ разрушитъ ее,— проговорилъ онъ съ горечью. — Новый духъ овладѣлъ землей, духъ отрицанія. И онъ смететъ съ лица земли насъ, дѣтей Израиля, которые долго противились ему. Потомъ наступитъ второй потопъ, болѣе губительный и страшный, чѣмъ первый. Вчера было рѣшено въ римскомъ военномъ совѣтѣ, что храмъ будетъ сожженъ.

Тамара крикнула отъ ужаса.

— Невозможно, отецъ, на это бы не рѣшился самъ Неронъ, а Титъ...

— Титъ былъ противъ этого, но Вероника доказала ему, что всѣ силы Израиля сосредоточены теперь вокругъ храма, и разрушеніе его навсегда сломитъ могущество іудеевъ. Но,—прервалъ онъ себя,—ты слышишь шаги? Это Хлодомаръ, я послалъ его за Регуэлемъ и Сабиніемъ. Я многаго не исполнилъ въ своей жизни, но не могу умереть, не устроивъ дѣлъ дома своего.

Онъ съ трудомъ поднялся и подозвалъ къ себѣ входившихъ въ комнату. Хлодомаръ остановился почтительно у двери, Регуэль бросился на колѣни у постели отца, а Флавій Сабиній стоялъ въ нерѣшимости посреди комнаты, какъ бы опасаясь быть нескромнымъ. Но Іоаннъ ласково подозвалъ его.

— Подойди ближе, Сабиній, — сказалъ онъ. — Вѣдь ты теперь нашъ. Титъ и римляне не могутъ сказать, что іудеи неумѣло сражались,—имъ помогалъ Сабиній. Ты честно сдержалъ обѣтъ вѣрности, который далъ нашему народу,—честнѣе, чѣмъ многіе іудеи.

Глаза Іоанна съ кротостью взглянули на Тамару.

— Теперь же, сказалъ онъ — нужно тебя освободить отъ даннаго обѣта, тѣмъ болѣе, что скоро должно рушиться понятіе родины. Ея не станетъ для іудеевъ.

Флавій Сабиній въ изумленіи отступилъ на шагъ.

— Іоаннъ,—сказалъ онъ взволнованно,—неужели ты считаешь меня способнымъ бросить въ несчастіи тѣхъ, которые пріютили меня въ счастливые дни?

Іоаннъ грустно улыбнулся.

— Мнѣ кажется, что ты немного счастья видалъ у насъ. Но,—прибавилъ онъ—я хотѣлъ освободить тебя отъ однѣхъ узъ съ тѣмъ, чтобы связать тебя другими болѣе нѣжными. Тебя привела къ намъ рука Божія, но посредствомъ другой человѣческой руки и— вѣдь я угадалъ, Тамара?

Тамара покраснѣла и опустила глаза.

Флавій Сабиній радостно взглянулъ на Іоанна и, повинуясь внутреннему влеченію, опустился на колѣни около дѣвушки. Тамара еще болѣе покраснѣла. потомъ рыдая, бросилась къ отцу и прижала къ губамъ его руки.

Іоаннъ нѣжно обнялъ ее и притянулъ ея голову къ себѣ на грудь.

— Помнишь, ты мнѣ разсказывала о невзрачномъ стыдливомъ цвѣткѣ, который распускается только подъ влагой земной печали.

Флавій Сабиній вздрогнулъ.

— Іерихонская роза,— пробормоталъ онъ.

— Да, іерихонская роза,—задумчиво повторилъ онъ.—Она есть у тебя, Тамара? Принеси ее сюда. Это все, что я имѣю, — сказалъ онъ Сабинію когда дѣвушка быстро скрылась изъ комнаты— и что могу тебѣ дать въ награду за твою вѣрность, Сабиній. Больше у меня ничего не осталось. Вѣдь родина моя...— Голосъ его сталъ глубоко печальнымъ.— О, что они сдѣлали изъ моей родины!

Сабиній нагнулся къ больному, который глядѣлъ на него съ тревогой.

— Ты мнѣ далъ то, что есть у тебя лучшаго,—мягко проговорилъ онъ.— И я буду беречь величайшее изъ твоихъ сокровищъ.

Тамара вернулась и поставила передъ Іоанномъ іерихонскую розу и драгоцѣнный закрытый кувшинъ. Потомъ она опустилась на колѣни рядомъ съ Сабиніемъ и робко дала ему одинъ изъ стеблей степного цвѣтка, а сама взяла другой. Іоаннъ изъ Гишалы открылъ крышку кувшина и вылилъ воду на розу.

— Подобно розѣ іерихонской, ваша любовь выросла на знойной сухой почвѣ, среди горя и несчастія. Пусть святая вода Іордана, ставшая теперь водой печали, напоитъ ее, чтобы она распустилась и послѣ долгой ночи открыла свою душу солнечному лучу. Смотрите!

Іерихонская роза, цвѣтокъ тайны, распустилась и сіяла въ солнечномъ свѣтѣ. Флавій Сабиній смотрѣлъ на нее восхищеннымъ взоромъ, какъ на чудо. Онъ былъ въ полузабытьи, когда снова раздался голосъ Іоанна.

— Флавій Сабиній, я тебя вопрошаю: хочешь ли ты взять эту дѣвушку въ жены?

Ликующее «да!» вырвалось изъ его

груди и, притянувъ къ себѣ Тамару, онъ наклонился вмѣстѣ съ ней къ отцу, прося его благословенія.

— Боже, Боже!—проговорилъ Іоаннъ, и взоръ его устремился на солнечный лучъ, освѣщавшій комнату.—Будетъ ли солнечный свѣтъ сіять въ жизни этихъ двухъ дѣтой?

Когда Тамара и Сабиній ушли, нѣжно и грустно попрощавшись съ отцомъ, Іоаннъ долго еще глядѣлъ на солнечный лучъ, ворвавшійся въ комнату, и лицо его озарилось внутреннимъ свѣтомъ.

— Пришло время вернуть въ руки Создателя даръ его,—сказалъ онъ сильнымъ и яснымъ голосомъ.—Регуэль, помнишь ли ты свой обѣтъ служить дѣлу родины каждой своей мыслью, каждымъ движеніемъ?

— Помню, отецъ,—твердо отвѣтилъ Регуэль, — и въ часъ гибели я буду около тебя.

— Пѣтъ,—отвѣтилъ Іоаннъ.—Только слабымъ должно умирать. Ты же силенъ: твой святой долгъ—месть.

Взоръ Регуэля вспыхнулъ и онъ схватился за рукоять меча.

— Месть?

Изъ груди больного послышался глухой стонъ.

— Да, месть,—воскликнулъ онъ.—И развѣ ты не знаешь, кому нужно отомстить? Кто предалъ Бога и отечество врагу? Вероника. Кто попралъ стыдливость іудейки и отдался язычнику? Вероника. Кто поселилъ раздоръ въ Іерусалимѣ и вселилъ въ римлянъ духъ разрушенія? Вероника. Въ тотъ день, когда іерусалимская святыня будетъ сожжена, пламя это сдѣлаетъ Веронику владычицей міра. Но ей грозитъ месть, и она въ твоей рукѣ, Регуэль. Когда Вероника будетъ на вершинѣ власти и будетъ упиваться радостью разрушенія, ты долженъ будешь наполнить ей кубокъ торжества кровью ея собственнаго сердца. Месть должна быть столь же великой, какъ преступленіе. Вероника должна умереть на порогѣ къ торжеству.

Онъ наклонился къ взволнованному сыну и съ необычайной силой вынулъ у него мечъ изъ ноженъ. Свѣтлая сталь засверкала въ солнечномъ свѣтѣ.

— Поклянись мнѣ, Регуэль, чистотой этого меча, поклянись умирающей душой отца, поклянись именемъ Всевышняго, что ты исполнишь долгъ мести.

Регуэль трижды поднялъ руку и трижды поклялся мечомъ, отцомъ и Богомъ. Потомъ отецъ и сынъ обнялись долгимъ прощальнымъ поцѣлуемъ.

— На твою долю выпадаетъ самое тяжелое,—продолжалъ Іоаннъ спокойнѣе послѣ короткаго молчанія.—Тебѣ придется спокойно смотрѣть, какъ умираютъ братья, и ты не сможешь помочь имъ. Ты долженъ, какъ чужой, быть свидѣтелемъ гибели Іерусалима, и взоръ твой не посмѣетъ дрогнуть. Вотъ что ты долженъ сдѣлать. Изъ западной части дворца тайный подземный ходъ ведетъ далеко за большой крѣпостной валъ римлянъ къ масляничной горѣ. Когда пламя покажется надъ храмомъ, спустись въ проходъ, выйди съ противоположной стороны и тогда будь римляниномъ для римлянина, сирійцемъ для сирійца, арабомъ для араба, пока ты не исполнишь своего обѣта.

— А ты отецъ?

Іоаннъ изъ Гишалы ничего не отвѣтилъ. Послышался страшный оглушительный крикъ. Казалось, земля раскрыла свои бездны и собирается поглотить человѣчество со страшнымъ ревомъ.

Регуэль быстро подбѣжалъ къ окну и широко раскрылъ его. Онъ отшатнулся блѣдный и дрожащій.

Горѣлъ храмъ.

На лицѣ Іоанна показалась неземная улыбка.

— Онъ зоветъ, — прошепталъ онъ, широко раскрывъ глаза, и руки его протянулись къ пламенному столбу.—Всевышній зоветъ меня.

Вскочивъ съ постели, онъ направился къ столу, на которомъ лежало оружіе. Но онъ не вооружился щитомъ и мечомъ. Зачѣмъ? Пусть убьетъ его послѣдній камень разрушеннаго храма.

Не смотря на увѣщанія Вероник[и] и военачальниковъ, Титъ не рѣшал[с]я приступить къ уничтоженію храма. Он[ъ] благоговѣлъ передъ великимъ произ[...]

деніемъ искусства, равнаго которому не было даже въ самомъ Римѣ. Онъ самъ рано утромъ отдалъ приказъ тушить какъ можно скорѣе пожаръ, начавшійся въ храмѣ по винѣ одного изъ слишкомъ усердныхъ начальниковъ.

Вероника гнѣвно топнула ногой, когда Оній передалъ ей о нерѣшительности молодого цезаря, и на губахъ ея показалась презрительная улыбка. Но вдругъ лицо ея вспыхнуло и потомъ стало смертельно блѣднымъ.

— Гдѣ Титъ?—проговорила она отрывисто.

— Онъ уже вернулся къ себѣ въ палатку.

— А у храма еще продолжается бой?

— Да, продолжается, но безъ огня римляне не побѣдятъ.

— Я знаю и...

Какъ долго продолжится это невыносимое положеніе дѣлъ? Уже прошли длинные мѣсяцы, и жалкій народъ все еще не покоренъ. Вероника жаждала власти надъ Римомъ, какъ изнемогающій отъ жажды человѣкъ хочетъ капли воды. Здѣсь, въ лагерѣ грубыхъ, не понимающихъ ея красоту воиновъ, она была только сестрой Агриппы, слабаго, ничтожнаго царя. А въ Римѣ—о, когда удастся ей поднести къ губамъ опьяняющій кубокъ власти и выпить освѣжающій напитокъ? А между тѣмъ... здѣсь...

— Ты умѣешь быть отважнымъ, Оній?—спросила она вдругъ.

— Испытай меня.

— Я хочу... бросить горящій факелъ въ храмъ... Иди, возьми у когонибудь изъ моихъ тѣлохранителей вооруженіе для себя и пришли мнѣ сюда Стефана.

Глаза Онія вспыхнули. Онъ понялъ ее и быстро вышелъ изъ палатки.

Пришелъ Стефанъ. На лицѣ его еще были слѣды бедъ-эденскихъ ранъ. Въ глазахъ все еще горѣло мрачное пламя страстной любви къ царицѣ. Онъ все еще ждалъ.

Онъ покорно остановился у порога. Вероника подозвала его къ себѣ рукой и сдѣлала условный знакъ. Онъ быстро направился въ уголъ палатки. Тамъ онъ вынулъ изъ ящика драгоцѣнное вооруженіе и бросился къ царицѣ, чтобы помочь ей надѣть его.

Когда Оній вошелъ черезъ нѣсколько времени въ палатку, онъ былъ пораженъ видомъ царицы.

— Въ этомъ видѣ ты всегда будешь имѣть толпу тѣлохранителей,—сказалъ онъ.—Всякій приметъ тебя за Тита.

— Я заказала себѣ вооруженіе по точному образцу вооруженія Тита. Если работа удалась, то тѣмъ лучше. Римляне будутъ храбрѣе въ присутствіи полководца.

По дорогѣ къ храму они встрѣтили Агриппу.

— Осажденные сдѣлали новую вылазку, Титъ, — проговорилъ онъ взволнованно. — Боюсь, солдаты твои не устоятъ. Іудеи сражаются, какъ...

— Вероника, ты? — проговорилъ онъ.—Что ты задумала?

Вероника насмѣшливо взглянула на него.

— Вотъ все, что имѣетъ сказать царь іудейскій? И онъ убѣгаетъ, потому что бой опасенъ? Какое несчастіе для римлянъ, что всѣ іудеи не таковы, какъ ихъ царь. Спѣши домой, добрый Агриппа, не иди съ нами. Тамъ, гдѣ мы будемъ, опасно. Иди и ложись спать.

Она отвернулась и пошла дальше съ Оніемъ и Стефаномъ. Агриппа дрожалъ отъ гнѣва.

— Ты увидишь, что я...

— Что ты не трусъ? Въ такомъ случаѣ иди съ нами. Завтра ужъ будетъ поздно выказывать храбрость. Завтра Іерусалима больше не будетъ.

Агриппа поблѣднѣлъ.

— На что ты рѣшилась? Завтра?

— Иди съ нами и ты увидишь.

Она пошла впередъ и Агриппа послѣдовалъ за ней, влекомый тайной силой.

Бой продолжался у сѣверной стѣны храма. Іудеи воспользовались тѣмъ, что часть осаждавшихъ была занята тушеніемъ огня, и сдѣлали вылазку. Римляне уже намѣревались отступить, когда Вероника появилась на мѣстѣ сраженія со своими двумя спутниками. Появленіе ея подѣйствовало, какъ чудо.

— Титъ пришелъ намъ на помощь,—

кричали римляне съ торжествомъ, и съ новой силой бросились на враговъ. Вероника шла впередъ, держа высоко мечъ; рядомъ съ ней шли Стефанъ и Оній съ горящими факелами въ рукахъ.

— Титъ и легіоны!—крикнулъ Оній, а Стефанъ вторилъ ему страшными животными криками, возбуждая ужасъ у іудеевъ видомъ почти голаго черепа, налитыхъ кровью глазъ и вздутыхъ мускуловъ рукъ.

Іудеи готовы были уже обратиться въ бѣгство, но ихъ предводитель, сильный и храбрый воинъ, выступилъ впередъ противъ Вероники.

— Я уже давно жажду чести, — воскликнулъ онъ, — пасть отъ руки царя. Исполни же, Титъ, мое желаніе, если слава твоей храбрости справедлива.

Онъ бросился на царицу, обнаживъ мечъ. На минуту его спутники остановились и римляне тоже опустили мечи, чтобы смотрѣть на завязавшійся поединокъ. Стефанъ хотѣлъ броситься на іудея, но Вероника удержала его властнымъ взглядомъ. Лицо ея было странно блѣднымъ, но не отъ страха за жизнь. Въ ней что-то дрожало,—быть можетъ, ужасъ женщины передъ кровопролитіемъ. Она знала, что убьетъ этого великана,— она, Вероника, и не мечомъ, а своими тонкими, выхоленными женскими руками. Это ее и страшило и влекло, но желаніе превозмогло отвращеніе.

Когда іудей бросился на нее, она стояла неподвижно, разглядывая его широко раскрытыми глазами. Было что-то мягкое въ его возбужденныхъ гнѣвомъ глазахъ. Онъ навѣрное не созданъ былъ воиномъ, а былъ въ спокойное время однимъ изъ учениковъ въ храмѣ и сидѣлъ у ногъ своихъ учителей, впитывая съ жадностью истины Божественнаго ученія. Только война, разрушающая все великое, благородное и человѣчное, пробудила въ немъ звѣря.

Онъ уже поднялъ мечъ, чтобы опустить его ей на голову. На минуту все исчезло передъ глазами Вероники въ красномъ туманѣ. Бросивъ оружіе, она отскочила въ сторону, уклоняясь отъ его удара, и однимъ прыжкомъ бросилась къ нему, схвативъ его за шею, разрывая пальцами тѣло и впиваясь зубами ему въ горло, какъ кошка.

Іудей зашатался и упалъ. Голова ударилась о камень, изъ зіяющей раны полилась кровь. Она забрызгала лицо Вероники сквозь отверстія забрала, но ей уже было все равно. Она бросилась на тѣло умирающаго и все сильнѣе сдавливала его горло руками.

Передъ самой смертью у іудея выступило въ глазахъ прежнее выраженіе кротости и доброты; черты его освѣтились мягкой, почти дѣтской улыбкой. Потомъ онъ вытянулся на землѣ, и Вероника вскочила на ноги съ безумнымъ крикомъ.

Она въ первый разъ убила, въ первый разъ почувствовала опьяняющую радость разрушенія.

Она бросилась впередъ, и съ ужасомъ іудеи отступали передъ ней, бѣжали обратно въ храмъ, и закрыли за собой входы.

Что ей оставалось теперь? Зачѣмъ пришла Вероника? Ей нужно уничтожить этотъ народъ, уничтожить охраняющее его божество. Какъ это сдѣлать?—Огнемъ.

И теперь она вспомнила, что для этого она и пришла.

Она пристально осмотрѣла стѣну храма, обитую позолоченной жестью. Вотъ окно; за нимъ множество дерева, драгоцѣнная рѣзная работа,—самая лучшая пища для пламени. Окно не слишкомъ высоко. Она быстро поднялась на его высоту, ставъ на плечи Стефана, и по ея приказу солдаты подавали ей горящіе факелы. Она бросала ихъ черезъ окно въ домъ безсильнаго умолкнувшаго іудейскаго бога. Направо, налѣво, по срединѣ, вспыхивалъ огонь, зажигая то деревянную обшивку, то тяжелыя завѣсы, и распространяя повсюда гибель. Наконецъ, Вероника не могла больше вынести дыма и въ полубезсознательномъ состояніи спустилась со спины раба къ нему на руки.

Вероника не обратила вниманія на страстные дикіе крики раба, державшаго ее одну минуту въ объятіяхъ, и поспѣшила къ дверямъ храма, за которыми скрылись осажденные. За ней дви-

гались легіонеры съ факелами, направляя огонь на деревянныя двери. Пламя все болѣе распространялось, расплавляя серебро засововъ и крючковъ. Огромныя двери поддались, погребая подъ своими обломками іудейскую стражу.

Храмъ горѣлъ.

Весь Іерусалимъ огласился не человѣческимъ крикомъ ужаса. На стѣнахъ города столпились осажденные, направляя гаснувшіе взоры на гибель святыни; умирая отъ голода и мученій, они кричали теперь не отъ собственныхъ мукъ, а потому, что напрасны были ихъ страданія,—храмъ горѣлъ.

Крикъ проникнулъ въ римскій лагерь и легіоны, охваченные безуміемъ, бросили всѣ занятія и бросились въ храмъ, все уничтожая на своемъ пути. Началась рѣзня.

При первомъ крикѣ Флавій Сабиній съ ужасомъ подбѣжалъ къ окну.

— Храмъ горитъ!—воскликнулъ онъ съ ужасомъ.—Эти варвары подожгли его.

Онъ въ эту минуту не думалъ о томъ, что самъ былъ римляниномъ. Онъ быстро одѣвалъ оружіе.

Тамара поблѣднѣла отъ ужаса.

— Ты идешь?—крикнула она.

Онъ грустно кивнулъ головой.

— Мужъ твой не можетъ не идти, когда его зоветъ долгъ. Ты бы этого не позволила,—глухо проговорилъ онъ.

Она медленно поднялась.

— Иди!

Она помогла ему вооружиться и, подавая щитъ, горячо молилась:

— О Боже, защити, защити возлюбленнаго!

— Я скоро вернусь, — сказалъ Сабиній, притянувъ къ себѣ Тамару и цѣлуя ея блѣдный лобъ.

Она покачала головой.

— Нѣтъ, ты не вернешься,—проговорила она.—Я знаю. Ты останешься тамъ, какъ и всѣ другіе. Оттуда никто не вернется.

Онъ ужаснулся мрачнаго огня въ ея глазахъ.

— Ты безумствуешь, Тамара, — воскликнулъ онъ.—Опасность не такъ велика. Это навѣрное незначительный пожаръ, Его легко будетъ сейчасъ потушить. Лягъ отдохнуть, дорогая. Когда ты проснешься, я уже буду около тебя.

Она улыбнулась смертельно грустной улыбкой.

— Нѣтъ, ты не вернешься, Сабиній!— Она крикнула и лишилась чувствъ.

Сердце его было измучено. Слеза упала на блѣдное лицо, прислонившееся къ его плечу. Но онъ высвободился изъ обвившихъ его рукъ.

Тамара осталась одна. Онъ ушелъ. Погибло счастье іерихонской розы.

Она не помнила, какъ долго лежала такимъ образомъ. Ее пробудила ясная мысль. Флавій Сабиній не долженъ погибнуть вмѣстѣ съ племенемъ израилевымъ. Невинный не долженъ потерпѣть ту же судьбу, какъ виновные.

— Я должна пойти къ нему, должна его спасти, вырвать изъ общей гибели.

Она поднялась, обвязала голову платкомъ и вышла на улицу. Она шла какъ во снѣ, не слыша криковъ окружавшаго ее человѣческаго потока.

Ее подхватила волна, которая неслась къ храму, чтобы разбиться объ его стѣны. Вѣдь, когда погибнетъ храмъ, Іерусалимъ и народъ израильскій не можетъ больше жить.

Вблизи храма еще сражались. Римляне хотѣли окружить храмъ, чтобы отрѣзать сношенія съ городомъ, и часть толпы бросилась на врага, не защищаясь, безъ оружія — только для того, чтобы умереть, когда погибъ Іерусалимъ.

Тамара очутилась у стѣны и должна была долго стоять, объятая смертельнымъ ужасомъ. Она попала въ глухой уголъ и должна была ждать, пока ее снова подхватитъ человѣческая волна. Около нея въ стѣнѣ оказалась маленькая дверца, и нѣсколько ступеней вели вверхъ. Она поднялась по нимъ. Можетъ быть, Флавій Сабиній сражается наверху. Но тамъ происходилъ не бой, а рѣзня. Римляне стояли неподвижной желѣзной стѣной съ вытянутыми впередъ мечами и на эти мечи бросались люди съ безумными криками боли и блаженства. Когда же около римлянъ складывалась высокая стѣна изъ труповъ и заграждала доступъ, тогда подскакивали люди,

образуя цѣпь. Трупы переходили изъ рукъ въ руки, ихъ поднимали надъ головами толпы, образуя дождь крови, и бросали куда то внизъ—быть можетъ, въ огонь, быть можетъ, въ пропасть или ровъ. Тамара все это видѣла, но душа ея уже привыкла къ картинамъ смерти и окаменѣла. Она даже не вздрогнула, когда близъ нея промчался въ воздухѣ огромный горящій факелъ, сжигая людей по пути.

Движеніе толпы заставило ее спуститься внизъ. Она увидѣла, что произошла перемѣна на мѣстѣ битвы. Іудеи уже не бросались слѣпо на римскіе мечи, а сражались. Изъ узкой улицы устремился впередъ мощный потокъ воиновъ, стараясь опрокинуть воздвигнутое римлянами препятствіе. Во главѣ толпы шелъ, нанося страшные удары мечомъ и воспламеняя спутниковъ къ бою, Симонъ баръ Гіора и рядомъ съ нимъ—Флавій Сабиній.

Тамара вскрикнула и протянула къ нему руки. Тщетно—толпа раздѣляла ее отъ возлюбленнаго. Она должна была стоять недвижимо у стѣны и смотрѣть.

Вдругъ она крикнула отъ ужаса. Брошенный врагами камень сбилъ шлемъ съ головы ея мужа и его блѣдное благородное лицо обратилось къ римлянамъ непокрытое и беззащитное. Крикъ сотни голосовъ показалъ, что его узнали. Предводитель римскаго отряда вздрогнулъ и указалъ на него рукой. Обостреннымъ отъ ужаса слухомъ Тамара услышала слова полководца: «захватите живымъ предателя».

Нѣсколько добровольцевъ выступило изъ римскихъ рядовъ и бросилось къ Флавію Сабинію. Онъ защищалъ щитомъ голову, а Симонъ баръ Гіора ограждалъ его, защищая своимъ тѣломъ. Началась борьба двухъ людей противъ десяти, двадцати, тридцати.

Тамара уже болѣе не кричала. Съ широко раскрытыми глазами, она бросилась впередъ, въ толпу, къ Флавію Сабинію, чтобы умереть вмѣстѣ съ нимъ.

Новый горящій факелъ упалъ передъ нею въ сплоченную массу тѣлъ. На минуту ее откинула толпа спасавшихся бѣгствомъ, но она проскользнула, шагая черезъ трупы, задыхаясь отъ дыма и наконецъ очутилась на мѣстѣ битвы,—въ послѣдній моментъ. Флавій Сабиній еще сражался, но спутника его уже повалили на землею и тѣсный рядъ вооруженныхъ солдатъ окружалъ Флавія Сабинія, чтобы раздавить его тяжестью желѣзныхъ вооруженій. И Тамара услыхала теперь ясно слова римскаго вождя, которые прежде смутно доносились до нея:

— Взять живымъ предателя!

О этотъ голосъ! Гигантскій легіонеръ подскочилъ къ бывшему префекту, но еще разъ опустился мечъ Сабинія, солдатъ пошатнулся, разсѣченное желѣзо его панцыря зазвенѣло и солдатъ упалъ всей тяжестью своего тѣла на Флавія Сабинія, хороня его подъ собой. Тамара увидѣла, какъ рука римлянина схватила вырытый изъ земли камень и высоко подняла его, чтобы бросить въ лицо ея возлюбленнаго.

— Фотинъ!—крикнулъ Флавій Сабиній.

— Да, Фотинъ, почтеннѣйшій префектъ,—съ насмѣшкой сказалъ солдатъ. Теперь ужъ поздно наказывать меня за непослушаніе. Теперь ты самъ, благородный Флавій Сабиній...

Изъ устъ Тамары вырвался стонъ и она бросилась впередъ въ ряды легіонеровъ. Но ее охватили руки неуклюжаго солдата и держали ее въ тискахъ.

— Славная добыча,—съ хохотомъ сказалъ римлянинъ.—Хорошенькая іудейка! Я уже давно хотѣлъ имѣть такую. Да ты не отбивайся, голубушка, а то испортишь мнѣ хорошее платье, и Римъ будетъ смѣяться надо мной при тріумфальномъ шествіи нашего великаго цезаря Тита.

Онъ крѣпко прижалъ Тамару къ груди, и она едва могла дышать. Ей нельзя было шевельнуться, и она видѣла ужасъ того, что надвигалось на Флавія Сабинія. Чья то рука остановила сзади вооруженную камнемъ руку Фотина. И снова раздался голосъ, страшный голосъ Э[illegible]рнія Фронтона:

— Что это тебѣ вздумалось, Фотинъ? Развѣ это смерть, достойная предателя? Моя месть надъ нимъ должна быть

больше, чѣмъ твоя. Его преступленіе относительно меня большее.

Тяжелое черное облако застлало глаза Тамары. Она все еще тщетно отбивалась отъ державшихъ ее рукъ. Она услышала повелительный насмѣшливый голосъ Этернія Фронтона, слышала лязгъ срываемаго съ плечъ Флавія Сабинія вооруженія, и потомъ вдругъ облако разсѣялось и Тамара встрѣтила взоръ любимаго мужа, прощальный взоръ. И среди мукъ на чертахъ его показалась привѣтливая мягкая улыбка.

Тамара испустила дикій крикъ, оттолкнула ногами колѣна легіонера и впилась ногтями и зубами въ его руки. Онъ съ проклятіемъ выпустилъ ее и она побѣжала вслѣдъ за Сабиніемъ.

— Проклятая кошка,—крикнулъ солдатъ, стонущій отъ боли и бѣшенства. Разъяренный насмѣшками товарищей, онъ бросился за ней. Она охватила руками шею возлюбленнаго. Ея длинные волнистые волосы распустились по плечамъ и спинѣ. Легіонеръ схватилъ ее за волосы, оттащилъ голову и ударилъ кулакомъ по блѣдному лбу. Тамара упала на землю, потерявъ сознаніе.

Флавій Сабиній вскрикнулъ и хотѣлъ броситься къ ней. Но другой опередилъ его съ торжествующе насмѣшливымъ смѣхомъ—Этерній Фронтонъ.

— Дочь Іоанна изъ Гишалы?—сказалъ онъ.—Титъ никогда не проститъ намъ, если эта драгоцѣнная добыча не украситъ его торжества. И къ тому же...—мрачный огонь засвѣтился въ его глазахъ.

Тамара все это слышала сквозь оставлявшее ее сознаніе. Она ничего не видѣла изъ происходившаго вокругъ. Напрасно старалась она стряхнуть оцѣпенѣніе, ей это не удалось. Безумныя мысли тѣснились въ ея головѣ.

Издалека доходилъ до нея тысячеголосный крикъ:

— Да здравствуетъ цезарь, да здравствуетъ Титъ!

Больше она ничего не слыхала.

Жадное пламя проникало все дальше и дальше. Трескъ падающихъ балокъ, шипѣніе расплавленнаго металла, звонъ разбитаго стекла, звѣрскій ревъ римлянъ, рѣзкіе крики коршуновъ, слетающихъ внизъ, и непрерывные вопли іудеевъ наполняли воздухъ, насыщенный тяжелыми клубами дыма.

Вероника была какъ въ чаду. Запахъ крови, чадъ горѣвшихъ тѣлъ, дикіе хриплые предсмертные стоны опьяняли ее, какъ тяжелое вино. Она мчалась впередъ; ея спутники были тоже опьянены кровью. Позади всѣхъ былъ Агриппа. Лицо его было смертельно блѣдно отъ ужаса. Глаза выступили изъ орбитъ. Онъ весь дрожалъ, какъ будто его опустили въ ледяную воду, хотя все тѣло его было въ поту.

Они прошли сѣверную и среднюю часть храма, и повюду вслѣдъ за Вероникой вспыхивало пламя. Шлемъ упалъ съ ея головы; длинные, золотистые, освѣщенные пламенемъ волосы окружали ее пламеннымъ ореоломъ. И эти волосы, сіявшіе кровавымъ блескомъ, влекли къ себѣ борцовъ воздуха. Куда-бы она ни повернулась, на нее опускались черныя стаи коршуновъ, чтобы окунуться въ свѣжемъ кровавомъ источникѣ и потомъ снова взнестись для борьбы и опустошенія.

У южной части храма ее остановило неожиданное препятствіе. Небольшая группа галилеянъ защищала входъ и окружала безоружнаго старика, обороняя его своими тѣлами.

— Іоаннъ изъ Гишалы!—радостно воскликнула Вероника и бросила въ него широкій мечъ съ ловкостью, которую она пріобрѣла, упражняясь въ свободные часы съ Стефаномъ.

Одинъ изъ галилеянъ выскочилъ впередъ и мечъ попалъ ему прямо въ грудь. Начался бѣшеный бой. Стефанъ боролся съ Хлодомаромъ. Оній съ Габбой. Карликъ укрылъ обезумѣвшую отъ вида крови Мероэ за колонной, и поспѣшилъ къ Хлодомару, какъ только увидѣлъ Онія въ числѣ нападавшихъ.

Новый отрядъ легіонеровъ положилъ конецъ неравному бою, бросившись на кучку галилеянъ и одолѣвъ ее. Человѣческій потокъ отхлынулъ къ стѣнѣ и тогда только можно было обозрѣть случившееся.

На этотъ разъ побѣду одержалъ Стефанъ-эфіопъ надъ германцемъ. Хлодомаръ лежалъ связянный на землѣ, рядомъ съ нимъ Габба. Судорожно сжатые кулаки карлика держали еще клокъ черныхъ волосъ, вырванныхъ у отца его, Онія. Онъ глядѣлъ на пророка съ выраженіемъ неискоренимой ненависти. Оній усмѣхнулся, потомъ опрокинулъ движеніемъ ноги легкое тѣло своего сына, такъ что онъ очутился лицомъ къ землѣ. Габба снова перевернулся на спину и глаза его ясно говорили: «убей же меня скорѣе, обрати на меня свою месть, убей меня, какъ я бы убилъ тебя».

Но Оній не убилъ Габбу. Адская мысль возникла въ немъ при видѣ сына. Габба долженъ умереть отъ другой руки.

Мероэ притаилась за колонной. Она шептала непонятныя слова, и глаза ея широко раскрылись, глядя на происходящее вокругъ нея. Развѣ она не видѣла однажды уже нѣчто подобное, почти то же самое. Только тогда горѣло не это огромное, поднимающееся къ небу зданіе: горѣла хижина, построенная изъ бревенъ, и надъ соломенной кровлей высились сѣверные дубы и вязы. Все остальное было какъ теперь. Такіе же люди, закованные въ желѣзо, съ холодными жестокими лицами, та же рѣзня, и тотъ-же человѣкъ, лежалъ, какъ и тогда, связанный на землѣ. Онъ какъ разъ глядѣлъ на нее теперь большими, синими добрыми глазами.

Завѣса, окутывавшая больную душу Мероэ, вдругъ порвалась, истина освѣтила ее яркимъ свѣтомъ. Она выскочила изъ-за колонны, защищавшей ее, и бросилась къ лежащему на землѣ Хлодомару.

— Отецъ! крикнула она, прижимаясь къ его груди.

Хлодомаръ нѣжно поцѣловалъ свѣтлые серебристые волосы дочери и шепталъ съ горькой радостью:

— Вунегильда, Вунегильда!

Они горячо обнялись. Оній поспѣшилъ оттащить дѣвушку отъ отца.

На огромномъ возвышеніи посрединѣ зданія стояла тѣсно сплоченная толпа въ нѣсколько тысячъ людей. Они укрылись здѣсь съ твердой надеждой, что въ послѣднюю минуту небесный огонь уничтожитъ римлянъ и спасетъ святыню отъ полнаго разрушенія. Но пламя поднималось теперь къ нимъ, отрѣзая всякую возможность спасенія. Мертвая тишина послѣдовала за первымъ крикомъ и, широко раскрывъ глаза, несчастные увидѣли надвигавшееся на нихъ все ближе и ближе пламя.

Іоаннъ изъ Гишалы тоже былъ взятъ въ плѣнъ. Падающія балки и камни храма миновали голову старика. Его привязали къ колоннѣ и насильно подняли кверху лицо, окруженное длинными бѣлыми волосами. Каждый разъ, когда Вероника придумывала новую муку для его друзей, она искала въ его воспаленныхъ обезумѣвшихъ глазахъ слезъ, вызванныхъ страданіемъ.

— Израиль погибаетъ изъ-за женщины, кричала она ему. Женщина побѣдила Іоанна изъ Гишалы, героя іудеевъ, и женщина заставитъ плакать героя.

Но она не достигла своей цѣли. Глаза Іоанна утратили способность проливать слезы.

— Неужели ты въ самомъ дѣлѣ не можешь плакать, собака? крикнула она, бросаясь къ нему и ударяя его по лицу кулакомъ. Такъ заплачь хоть отъ боли...

Она остановилась. Толпа, стоявшая на возвышеніи, видѣла, какъ Вероника глумилась надъ сѣдовласымъ старцемъ. Изъ тысячи устъ раздался одинъ общій крикъ, заглушившій бушеваніе стихіи. Потомъ снова настала мертвая тишина. Всѣ стояли недвижимо, внимая чьему-то голосу. И вдругъ раздался вопль отчаянія.

— Горе, горе Іерусалиму!

Это было какъ-бы общимъ лозунгомъ. Поодиночкѣ, по двое, по трое, цѣлыми группами тысячная толпа бросалась съ высоты въ бушующее пламя. Сквозь облака дыма и пламени виднѣлись извивающіеся тѣла, дико сплетенные въ трепещущіе безобразные узлы. Удушливый чадъ горящихъ тѣлъ наполнялъ воздухъ, привлекая цѣлыя тучи коршуновъ. Они бросались въ огонь со стономъ и свистомъ и взвивались вверхъ съ оторванными клочьями человѣческаго мяса.

Это было послѣднее, что видѣлъ Агриппа. Онъ смогъ наконецъ произнести звуки,—похожіе на вой истерзаннаго звѣря. Потомъ все закружилось вокругъ него и онъ уже ничего не могъ видѣть. Онъ бѣжалъ черезъ трупы и камни, сквозь дымъ и пламя. За нимъ неслись стенанія человѣчества и онъ вторилъ имъ все тѣмъ же животнымъ трусливымъ воемъ. Минуя римскія укрѣпленія, онъ бѣжалъ дальше, черезъ поля и камни, и наконецъ, споткнувшись о камень, упалъ на землю. Но крики все еще раздавались въ его ушахъ. Земля и небо, казалось, кричали ему: «это ты, ты во всемъ виноватъ».

Чтобы больше ничего не слышать, Агриппа, послѣдній царь іудейскій, зарылся головой въ пыль и грязь поля, все глубже и глубже. Но земля дрожала подъ нимъ и шептала ему:

— Ты, ты во всемъ виноватъ!!..

Глава XX.

По улицамъ Рима, сіяющимъ золотомъ и пестрыми красками, среди тысячной толпы, говорящей на всевозможныхъ языкахъ, среди общаго крика и шума, ликованій, вдоль улицъ вѣчнаго Рима двигалось тріумфальное шествіе цезаря, возвращающагося послѣ покоренія Іерусалима. Регуэлю все было видно. Передъ его устрашеннымъ взоромъ проходили побѣдоносные легіоны съ орлами и знаменами. За ними слѣдовали въ огромныхъ клѣткахъ дикіе звѣри, которыхъ Титъ привезъ для игръ въ амфитеатрѣ. Пышно одѣтые рабы несли трофеи покоренныхъ галилейскихъ и іудейскихъ городовъ—остатки уничтоженныхъ національныхъ святынь. Канделябры и алтарныя украшенія изъ массивнаго золота, изображенія битвъ яркими грубыми красками. Слѣдомъ за рабами двигались, едва держась на ногахъ, раненые, полумертвые отъ голода люди, съ блѣдными изможденными лицами, потухшими или горящими ненавистью глазами. Они шли длиннымъ молчаливымъ рядомъ, скованные по двое. Это былъ остатокъ девяноста тысячъ военно-плѣнныхъ. Остальныя тысячи были казнены по приговору римскихъ военныхъ судовъ, тысячи погибли въ египетскихъ рудникахъ, тысячи разсѣяны были рабами по всей землѣ и еще тысячи погибли на праздничныхъ играхъ въ Беритѣ и Цезареѣ въ когтяхъ и зубахъ дикихъ звѣрей.

А эти послѣднія тысячи, эти знатнѣйшіе изъ плѣнниковъ, сохраненные для удовлетворенія римской страсти къ зрѣлищамъ и крови, что станется съ ними?

Холодныя, жестокія лица гладіаторовъ, окружавшихъ цезаря, и вой глядящихъ на толпу львовъ, тигровъ и леопардовъ, грозный ревъ медвѣдей и раздирающій крикъ слоновъ ясно говорили о судьбѣ, ожидавшей плѣнниковъ. Хлодомаръ и Габба, Тамара и Мероэ замыкали шествіе. Глаза Тамары блуждали неустанно по лицамъ зрителей. Флавій Сабиній не былъ въ числѣ захваченныхъ въ плѣнъ. Регуэль былъ уже достаточно долго въ Римѣ, чтобы понять, гдѣ онъ. Слава, окружавшая имя Флавіевъ, не допускала, чтобы среди носившихъ это имя былъ государственный измѣнникъ; Веспасіанъ отослалъ своего племянника въ далекую провинцію, гдѣ его держали подъ строгимъ надзоромъ.

Мероэ шла, высоко поднявъ голову. Она казалась выше всей толпы, окружавшей ее. Поднятое кверху лицо имѣло странное неземное выраженіе. Душа ея, казалось, отдѣлилась отъ земли; въ глубокой синевѣ итальянскаго неба она читала дальнѣйшую судьбу надменнаго всепоглощающаго чудовища Рима. Ноги ея двигались по камнямъ, пропитаннымъ кровью, какъ по цвѣтистому лугу.

Габба не отводилъ отъ нея взора и къ его восторженному преклоненію предъ дѣвушкой примѣшивалось грустное предчувствіе. Онъ тоже не обращалъ вниманія на окружающее, не видѣлъ насмѣшливыхъ взоровъ толпы и громкаго смѣха надъ своей уродливой фигурой.

На рукахъ Хлодомара были двойныя оковы. Онъ очевидно отчаянно сопротивлялся, онъ не хотѣлъ позволить водить себя на показъ ненавистному племени, послѣ того, какъ одинъ разъ онъ уже спасся бѣгствомъ изъ лапъ гигантскаго паука Рима.

Потомъ оставлено было нѣкоторое свободное пространство и... Регуэль вскрикнулъ и какъ безумный уперся о тѣла стоявшихъ передъ нимъ людей, чтобы пробраться впередъ. Напрасно! желѣзный поясъ солдатъ, образовавшихъ цѣпь, не размыкался и крикъ его заглушенъ былъ ликующими криками толпы. Онъ опомнился.

Отецъ ему сказалъ въ часъ прощанія:

— Ты долженъ будешь спокойно глядѣть, какъ будутъ умирать твои братья. Ты не будешь имѣть возможности помочь имъ, не имѣя права умереть вмѣстѣ съ ними.

— Месть! Онъ поклялся отомстить.

Регуэль съ ужасомъ оглянулся, чтобы убѣдиться, что за нимъ не слѣдятъ. Никто не обратилъ на него вниманія. Всѣ взоры устремлены были на величественную картину гибели цѣлаго народа, цѣлаго міра. И онъ сталъ глядѣть широко раскрытыми воспаленными глазами на страшное зрѣлище.

Съ двухъ сторонъ тріумфальнаго шествія шли глашатаи, повторявшіе громкимъ голосомъ одни и тѣ же слова:

— Римъ! погляди на вождей Іерусалима.

Вожди Іерусалима—Симонъ баръ Гіора и Іоаннъ изъ Гишалы шли въ грязныхъ разорванныхъ одеждахъ, въ цѣпяхъ. За ними слѣдовали исполинскіе легіонеры, держа въ рукахъ острое копье и бичи съ окованными наконечниками, чтобы ободрять къ дальнѣйшему шествію изнемогавшихъ отъ усталости плѣнниковъ.

Симонъ баръ Гіора шелъ медленно и не останавливаясь, не оглядываясь по сторонамъ, и только отъ времени до времени его взоръ, полный ненависти, обращался на толпу.

А Іоаннъ изъ Гишалы?

Какъ только Регуэль взглянулъ на благородное изможденное лицо съ потухшими глазами, на согбенную вздрагивающую фигуру отца, онъ понялъ, что Титъ показываетъ Риму умирающаго врага. Почти послѣ каждаго шага солдатъ, шедшій за нимъ, долженъ былъ дѣйствовать бичемъ. Съ каждымъ шагомъ Іоаннъ чуть не падалъ на колѣни. И каждый разъ изъ толпы поднимался злорадный звѣрскій хохотъ. Тысячи рукъ бросали камни, гнилые плоды, яйца и разбитую утварь въ умирающаго врага. Нѣжная улыбающая дѣвушка — почти ребенокъ—Регуэль ясно видѣлъ ее—бросила камень въ лицо Іоанна; онъ упалъ на грязную пыльную дорогу, покрытую отвратительными остатками пищи и острыми черепками. Весь Римъ снова захохоталъ.

— И ты долженъ будешь спокойно смотрѣть, какъ умираютъ твои братья.

Регуэль снова шепталъ про себя эти слова, стараясь найти въ нихъ силу. Рука его ухватилась подъ верхней одеждой за рукоять кинжала; онъ всегда держалъ его при себѣ съ тѣхъ, поръ какъ сталъ для римлянъ сирійцемъ, а не іудеемъ. Онъ вѣдь поклялся отомстить,—поклялся мечемъ, именемъ отца и Бога.

Мечъ былъ разбитъ, отецъ умеръ. а Богъ?

Шествіе, остановленное на минуту паденіемъ Іоанна изъ Гишалы, двинулось дальше. Черезъ трупъ побѣжденнаго врага переступили сначала рабы съ носилками Веспасіана, за ними лошади Тита и Домиціана, затѣмъ свита азіатскихъ князей и союзниковъ. Во главѣ ихъ ѣхалъ Агриппа, царь побѣжденнаго народа, съ лицемѣрно улыбающимся, но сѣрымъ лицомъ. За ними потянулось несмѣтное число пѣшихъ легіоновъ. Регуэлю казалось, что все это носится какъ призракъ въ воздухѣ, что это тріумфальное шествіе смерти, и ея желѣзная нога вталкиваетъ землю въ прежнее небытіе. И среди блеска оружія, изъ складокъ царственныхъ одеждъ, рева звѣрей и ликованья опьяненной черни, изъ стоновъ плѣнныхъ, изъ-за неподвижныхъ окаменѣлыхъ безкровныхъ лицъ торжествующихъ цезарей поднимался передъ нимъ образъ жестокаго ангела разрушителя міра,—картина Рима.

А вокругъ него раздавался ликующі крикъ тысячной толпы, поднимаясь к сіяющему надъ Римомъ небу.

— Слава Веспасіану, слава Титу. Jo triymphe! Jo triumphe!

Поднимая взоръ, Регуэль увидѣлъ большую колесницу. Наверху сидѣли люд одѣтые на подобіе жрецовъ храма; о

вынимали изъ мѣшковъ и бочекъ горсти золотыхъ монетъ и бросали ихъ въ толпу. И каждый разъ при этомъ они называли одинъ изъ завоеванныхъ городовъ.

— Золото Тарихеи, Гамалы и Гишалы, Эспереи и Іерусалима! золото, золото!

И гордая толпа Рима, побѣдители и властители міра ревѣли отъ восторга и хватали сіяющія монеты, толкаясь и борясь между собой, валяясь въ грязи передъ своимъ кумиромъ и побѣдителемъ, передъ кумиромъ золота.

Наконецъ раздался голосъ глашатая:

— Къ Тарпейской скалѣ! Симона баръ Гіора будутъ казнить.

Золото было забыто. Римъ бросился къ другому своему кумиру, крови. Чтобы увидѣть, какъ будутъ истязать вторую жертву на форумѣ и бросятъ съ тарпейской скалы на тѣ же камни, которые нѣкогда обагрялись кровью благороднѣйшихъ гражданъ.

Регуэль увидѣлъ передъ собой на землѣ монету. Онъ машинально поднялъ ее и прочелъ надпись: Iudaea capta! Iudaea devicta! Золото обожгло ему руку, какъ огонь. «Плѣнная Іудея! разрушенная Іудея».

По чьей винѣ? По винѣ Вероники.

Онъ не бросилъ монету. Когда его іудейская сталь пронзитъ сердце измѣнницы, тогда іудейское золото задушитъ ея послѣдній стонъ.

Онъ медленно возвращался къ городу. Все, что онъ видѣлъ страшнаго, объединилось въ одну преслѣдующую его мысль.

Плѣненная Іудея, разрушенная Іудея— по винѣ Вероники.

За нимъ, на разстояніи не болѣе двадцати шаговъ, шелъ тотъ человѣкъ съ желтовымъ лицомъ и острой бородкой, который стоялъ передъ нимъ, и котораго онъ толкнулъ при видѣ падающаго въ грязь отца.

Вероника безпокойно ходила взадъ и впередъ въ своихъ покояхъ во дворцѣ Тита, куда она переселилась по прибытіи въ Римъ. Напрасны были всѣ доводы и просьбы молодого цезаря, который уговаривалъ ее остаться въ домѣ Агриппы. Напрасно онъ указывалъ на неблаговидность ея пребыванія въ его домѣ въ глазахъ строгихъ римлянъ, не знавшихъ законности ихъ союза. Напрасно Титъ давалъ понять, что еще не побѣждено сопротивленіе Веспасіана противъ брака сына съ царицей изъ покореннаго и ненавистнаго Риму племени. Вероника не обращала ни на что вниманія. Со времени паденія Іерусалима она совершенно измѣнилась. Въ ней исчезла вся женственная кротость и спокойный умъ, заставлявшій ее считаться съ рѣшеніями Веспасіана для того, чтобы имѣть на него прочное вліяніе. Внезапное пробужденіе ея безъудержной натуры при разрушеніи Іерусалима, уничтожило всѣ преграды. Неограниченное честолюбіе и презрѣніе къ окружающему все болѣе выступало въ ней, и Титъ почувствовалъ инстинктивное, тайное, но глубокое желаніе освободиться отъ Вероники. Онъ ждалъ удобнаго случая, чтобы свергнуть иго, которое становилось несноснымъ и перестало быть полезнымъ послѣ окончанія войны и достиженія цѣли.

Когда Вероника очутилась въ Римѣ, гдѣ все ей говорило упоительнымъ языкомъ о могуществѣ богоподобныхъ цезарей, она совершенно потеряла всякое самообладаніе. Ей казалось, что она вознеслась высоко надъ землей и покоится на облакахъ. Ей казалось, что она можетъ придать всему существующему какую захочетъ форму, что все послушно ея безудержной волѣ. Ею овладѣла манія величія цезарей, и она съ безконечной жадностью стремилась проявить свою власть. Ей хотѣлось быть повелительницей безвольныхъ рабовъ, быть законной супругой Тита, признанной Римомъ и цѣлымъ міромъ, носить священный санъ Августы.

Молодой цезарь долго противился ей, говоря, что еще не наступилъ надлежащій моментъ; ненависть римлянъ противъ покоренныхъ іудеевъ еще слишкомъ велика, чтобы дать имъ властительницу изъ покореннаго племени. Всѣ эти убѣжденія не дѣйствовали на твердую волю царицы.

— Я такъ хочу, говорила каждый разъ Вероника ледянымъ тономъ.

Красота Вероники была еще велика—она съ годами скорѣе увеличивалась, чѣмъ ослабѣвала. И на этотъ разъ она опять одержала побѣду надъ гордостью Тита. Молодой цезарь пошелъ сообщить отцу о своемъ тайномъ бракѣ и попросить его открыто объявить о немъ.

Прошло уже нѣсколько часовъ, а Титъ еще не возвращался. Неужели Веспасіанъ отказалъ въ согласіи?

Вероника вспыхнула отъ негодованія. Если Веспасіанъ осмѣлится, тогда...

Въ комнату вбѣжалъ номенклаторъ *) и прервалъ ея мрачныя размышленія.

— Цезарь идетъ,—проговорилъ онъ запыхавшись.

Вероника едва пошевельнулась.

— Титъ? спросила она пренебрежительно.

— Не Титъ, госпожа, а самъ державный Веспасіанъ. Онъ только что вступилъ въ атріумъ дворца.

Вероника вскочила и лицо ея просвѣтлѣло. Онъ самъ является къ ней несомнѣнно для того, чтобы взять ее съ собой на засѣданіе сената и представить ее тамъ, какъ Августу. Наконецъ она у цѣли.

Вероника вышла навстрѣчу Веспасіану съ привѣтливой улыбкой.

— Слава великому, справедливому цезарю,—сказала она, зорко вглядываясь въ него.—Ты не погнушался снизойти къ скромнѣйшей изъ твоихъ вѣрныхъ служанокъ и признать святость права.

Лицо Веспасіана осталось неподвижнымъ. Сухо и съ дѣловитымъ спокойствіемъ онъ подвелъ Веронику обратно къ мѣсту, съ котораго она поднялась, и самъ сѣлъ рядомъ съ ней.

— Къ несчастью невсегда возможно,—медленно отвѣтилъ онъ,—осуществить всякое право. Иногда права частныхъ людей противорѣчатъ интересамъ государственнымъ, и я совѣтую тебѣ, Вероника, не слишкомъ заявлять о твоихъ правахъ теперь. Нельзя волновать умы теперь новыми замыслами, не слѣдуетъ возбуждать Римъ противъ насъ. Римляне совсѣмъ не то, что твой народъ. Изо всякаго пустяка могутъ возникнуть кровавыя смуты и пасть благородныя головы. Ради нашихъ общихъ интересовъ...

— Ты отказываешься,—прервала она его съ негодованіемъ, признать—мои справедливыя требованія и исполнить обѣщаніе твоего сына?

— Не о моемъ сынѣ идетъ здѣсь рѣчь,—холодно отвѣтилъ онъ.—Къ тебѣ пришелъ не отецъ, а цезарь, и какъ таковой, я не могу потерпѣть, чтобы недовольные обрѣли новый предлогъ для возмущенія противъ плебеевъ Флавіевъ, какъ они насъ зовутъ. Бракъ Тита съ іудейкой могъ бы стать причиной нашей гибели.

Вероника не слышала послѣднихъ словъ. Она съ возмущеніемъ вскочила и стояла передъ Веспасіаномъ, готовая открыто высказать ему свое презрѣніе:

— Ты забылъ, съ чьей помощью Флавіи достигли своего величія,—кричала она внѣ себя.—Кто облегчилъ имъ побѣду? кто разжегъ распри враговъ, и сдѣлалъ побѣду возможной? Кто привлекъ союзниковъ, азіатскихъ властителей, римскихъ правителей, даже вождей враждебной партіи? Чья рука вооружила тысячи рукъ, кто вознесъ Флавіевъ на престолъ цезарей?

Веспасіанъ спокойно взглянулъ на нее и на тонкихъ губахъ показалась насмѣшливая улыбка.

— Кто? Сознаюсь, что въ значительной степени Вероника.

Его хладнокровіе еще болѣе ее возбуждало.

— А теперь,—сказала она съ высокомѣрнымъ смѣхомъ, теперь—когда цѣль достигнута, Флавій не нуждается болѣе въ орудіи, поднявшемъ его на высоту.

— Я повторяю, рѣчь идетъ не о Флавіи, а о цезарѣ. Еслибы Веспасіанъ, полководецъ Нерона, отвергъ въ свое время твою помощь, это было бы преступленіемъ противъ государства. Еслибы Веспасіанъ, ставши цеэаремъ, возвелъ іудейку въ священный санъ августы, это было бы тоже преступленіемъ противъ государства. Веспасіанъ поклялся, что время преступленій миновало.

— Значитъ, ты не даешь согласія?

*) Слуга, докладывавшій о приходѣ гостей.

— Вероника можетъ быть возлюбленной Тита, но никогда его супругой.

Крикъ бѣшенства сорвался съ ея устъ.

— Никогда супругой? крикнула она. А между тѣмъ, Титъ навѣрное сообщилъ тебѣ то, что ты, вѣроятно, и самъ уже давно зналъ. Вероника уже стала супругой цезаря. Не думай, что я позволю безнаказанно оттѣснить себя. Въ Римѣ еще существуютъ законы, еще есть сенатъ, и я открыто заявлю о своемъ священномъ правѣ, подтвержденномъ подписью Тита.

Веспасіанъ снова усмѣхнулся и медленно поднялся.

— Конечно, Римъ еще имѣетъ законы,—равнодушно сказалъ онъ,—и есть еще сенатъ. Онъ былъ и при Неронѣ, а между тѣмъ его супруга Октавія, происходившая изъ знатнаго рода, сама дочь цезаря, была признана виновной въ супружеской измѣнѣ передъ закономъ и сенатомъ, хотя была невинна, какъ новорожденное дитя.

— Я не кроткая Октавія,—возразила Вероника хриплымъ голосомъ.—Меня нельзя отстранить, какъ Марцію. Веспасіанъ можетъ, конечно, велѣть умертвить Веронику, но до того Римъ узнаетъ, какъ цезари понимаютъ справедливость. Доказательства въ моихъ рукахъ.

— Доказательства?—спросилъ Веспасіанъ съ притворнымъ изумленіемъ.—У тебя есть доказательства?

— Да, собственноручная подпись Тита, сказала она съ торжествующимъ смѣхомъ:—контрактъ, составленный Юстомъ бенъ Пистосомъ, тайнымъ секретаремъ Агриппы, вскорѣ послѣ твоего прибытія въ Цезарею Филиппійскую. Титъ признаетъ себя въ контрактѣ законнымъ супругомъ Вероники, царицы Понтійской.

— Какъ?—Удивленіе Веспасіана, казалось, возростало.—У тебя есть этотъ контрактъ?

— Да, и я представлю его сенату.

— Неужели?—повторилъ Веспасіанъ еще настойчивѣе, и въ глазахъ его засвѣтилась жестокая насмѣшка.—У тебя есть этотъ контрактъ? Ужъ не ошибаешься ли ты?

Вероника вздрогнула, и съ ужасомъ взглянула на него. У нея мелькнуло подозрѣніе...

Однимъ прыжкомъ она очутилась у желѣзной шкатулки, которую всюду имѣла при себѣ. Дрожащими руками она нажала тайную пружину. Крышка отскочила.

— Пусто!

Вероника крикнула рѣзкимъ жалобнымъ голосомъ. Смертельно поблѣднѣвъ, она отшатнулась отъ стола. Красная завѣса застлала ей глаза.

— Ну что же,—медленно проговорилъ Веспасіанъ.—Гдѣ же контрактъ?

— Украденъ, крикнула она. Ты укралъ его у меня.

Веспасіанъ пожалъ плечами.

— Цезарь не крадетъ,—холодно отвѣтилъ онъ,—ибо цезарю все принадлежитъ. Конечно, я долженъ сознаться,—продолжалъ онъ съ холоднымъ ироническимъ тономъ,—что и до меня дошли слухи о бракѣ между Вероникой и Титомъ. Я никогда не вѣрилъ этому слуху. Титъ слишкомъ уменъ, чтобы преждевременно заковать себя въ цѣпи. Я понялъ сразу, что мнимое доказательство несомнѣнная поддѣлка. Подписи были очень похожи на настоящія, но все-таки это поддѣлка. Мнѣ было непріятно, что Вероника, наша безкорыстная союзница, могла необдуманно совершить поступокъ, который такъ жестоко карается законами. Поэтому я рѣшилъ избѣгнуть слѣдствія и проявилъ свою дружбу тѣмъ, что уничтожилъ ложный документъ.

Съ этими словами Веспасіанъ подошелъ къ раскрытому настежь окну. Онъ медленно вынулъ изъ тоги свертокъ и сталъ его рвать на мелкіе кусочки, которые потомъ бросилъ въ окно. Вѣтеръ схватилъ легкіе клочки бумаги и разсѣялъ ихъ по воздуху. Одинъ только клочокъ попалъ обратно въ комнату и упалъ къ ногамъ Вероники. Но она не обратила на это вниманія. Она опустилась на подушки, зарывая пальцы въ мягкій шелкъ, и лежала, уничтоженная, глядя на цезаря глазами, полными ненависти.

Такъ вотъ оно, страшное возмездіе! Вероника предала свое отечество и своего бога ради власти надъ людьми.

И теперь, когда она стояла на порогѣ могущества, предательство обратилось противъ нея самой. Око за око, зубъ за зубъ.

Но еще не все потеряно. Ея безудержная натура не могла покориться судьбѣ. Она будетъ бороться до конца, хотя бы все погибло вмѣстѣ съ ней.

И вдругъ она громко и насмѣшливо засмѣялась.

— Однако, несмотря на всю твою осмотрительность, ты нѣчто забылъ, цезарь,—надменно сказала она.—Ты забылъ о свидѣтеляхъ, подписавшихъ уничтоженную бумагу.

— О свидѣтеляхъ?—повторилъ Веспасіанъ съ ненарушимымъ спокойствіемъ. Ихъ показанія очень сомнительны. Я тщательно прочелъ всѣ имена. Кто они были? Ахъ да—Агриппа, царь іудейскій.... Почему же Агриппа сказалъ мнѣ теперь, когда я его спросилъ въ присутствіи другихъ, что онъ никогда не подписывалъ такой безразсудной бумаги. Я не знаю, Вероника, чѣмъ ты его прогнѣвила. Онъ слѣпо идетъ противъ интересовъ своей сестры.

— Онъ мститъ мнѣ, — глухо проговорила она.—Этотъ трусъ хочетъ свалить всю вину на меня.

— Я не настолько посвященъ въ ваши дѣла, равнодушно продолжалъ Веспасіанъ, чтобы возражать тебѣ. Но и другія подписи сильно оспариваются. Іосифъ бенъ Маттіа, напримѣръ...

Вероника горько засмѣялась.

— Онъ, конечно, другъ Флавіевъ, презрительно сказала она. Вѣдь Васпасіанъ подарилъ ему даже свой прежній дворецъ и далъ ему римское имя Флавія Іосифа. Этотъ предатель...

Она не докончила. Слово сорвалось у нея съ устъ противъ воли. Развѣ она имѣетъ право называть другихъ предателями?

— Онъ не помнитъ,—продолжалъ Веспасіанъ,—что когда-либо призывалъ благословеніе неба на бракъ между іудейкой и язычникомъ. Что касается другихъ — Андромахъ, твой придворный врачъ, уже умеръ; Юстъ бенъ Пистосъ сосланъ въ Тиверіаду и подъ страхомъ смертной казни не имѣетъ права оставить ее. Таумастъ, твой домоправитель, слишкомъ старъ. Поѣздка въ Римъ сломила бы его послѣднія силы, не говоря о томъ, что частному человѣку при теперешнихъ смутахъ слишкомъ опасно ѣздить по странѣ. Его могутъ убить по дорогѣ.

Веспасіанъ замолчалъ и разсматривалъ маленькую драгоцѣнную шкатулочку, украшенную жемчугомъ; на крышкѣ было изображеніе Амура, осѣдлавшаго льва. Наступила глухая тишина; Вероника прервала ее послѣдней попыткой сопротивленія.

— А Титъ?

— Титъ, конечно,—отвѣтилъ Веспасіанъ,—утверждаетъ то же, что и ты. Но если бы даже онъ имѣлъ смѣлость проявить свою любовь къ Вероникѣ открытымъ признаніемъ подлинности поддѣльнаго и даже исчезнувшаго документа, то это тоже принесло бы мало пользы Вероникѣ. Римскіе браки непохожи на іудейскіе. Въ Римѣ легко добиться развода безъ всякаго повода. Что бы напримѣръ, помѣшало Веспасіану признать Веронику, царицу покореннаго народа, военноплѣнной, и отдать ее Титу какъ рабыню? Титъ тогда будетъ имѣть право поступать съ рабыней по своему произволу. Онъ можетъ ее подарить, продать или, если хочетъ, сдѣлать своей наложницей. Одного только онъ не можетъ сдѣлать по нашимъ законамъ. Онъ не можетъ жениться на Вероникѣ, не лишая себя въ то же время всякихъ правъ на почести и на власть въ будущемъ. Не забудь вѣдь, что друзья Рима вмѣстѣ съ тѣмъ и рабы Рима. Говоря откровенно, я не думаю, чтобы Титъ принесъ такую жертву Вероникѣ. Онъ мнѣ далъ сегодня какъ разъ эту изящную бездѣлушку,—вѣроятно, даръ любви,—для передачи тебѣ.

Онъ открылъ шкатулочку и положилъ ее на столъ передъ Вероникой. Изъ шкатулки выпалъ сухой листъ. Вероника вскрикнула.

— Лавръ Кармеля!

Она оттолкнула шкатулку, полетѣвшую съ трескомъ на полъ.

Черезъ нѣсколько времени она вскочила съ мѣста съ безумнымъ страшнымъ

крикомъ. Веспасіана уже не было; она не замѣтила, какъ онъ ушелъ.

— Нѣтъ, она не покорится. Бороться до конца! Власть или смерть!

Когда четвертью часа позже къ ней вошелъ Оній съ очень важными вѣстями, она не дала ему выговорить ни слова.

— Не говорилъ-ли ты мнѣ однажды,— быстро сказала она ему,—что ты все сдѣлалъ-бы для меня, Оній?

Бывшій пророкъ съ изумленіемъ взглянулъ въ ея возбужденные глаза. Потомъ онъ смиреннно наклонилъ голову.

— Все, госпожа.

— Докажи это на дѣлѣ. Теперь пришло время. Веспасіанъ долженъ умереть.

Оній вздрогнулъ отъ неожиданности. Вероника усадила его рядомъ съ собой и изложила передъ нимъ свой планъ.

— Исполнишь это?—спросила она.

Его глаза тоже сверкали.

— Исполню.

Послѣ тріумфальнаго шествія Регуэль сталъ бродить безцѣльно по улицамъ Рима, не замѣчая, что происходитъ вокругъ него. Одна мысль наполняла его существо,—мысль о мщеніи.

Вероника должна умереть на вершинѣ достигнутаго ею могущества. Онъ поклялся отцу и теперь возобновляетъ клятву послѣ всего, что видѣлъ. Теперь Вероника достигла высоты. Побѣда Рима надъ Іерусалимомъ была ея собственной побѣдой. Завтра или, быть можетъ, даже сегодня она будетъ провозглашена властительницей надъ блестящимъ могущественнымъ Римомъ, надъ всѣмъ міромъ. Она уже держитъ въ рукахъ кубокъ, чтобы осушить его съ неутолимой жадностью.

Но прежде, чѣмъ ей это удастся, кинжалъ мстителя пронзитъ ее, кровь ея сердца смѣшается со священной кровью мучениковъ за родину. кровью, которая уже пролилась и еще должна пролиться.

Римъ требовалъ своей доли въ опьяняющемъ празднествѣ побѣды. На всѣхъ зданіяхъ, на мраморѣ дворцевъ и даже на могильныхъ плитахъ написано было багровой краской воззваніе цезарей приглашавшихъ населеніе семихолмнаго города на празднество.

«Въ деревянномъ амфитеатрѣ Нерона состоится завтра бой плѣнныхъ іудеевъ и звѣриная травля».

Регуэль зналъ, что заключается въ этихъ простыхъ холодныхъ словахъ. Онъ уже слыхалъ о пышности побѣдныхъ празднествъ, устроенныхъ Титомъ послѣ покоренія Іерусалима въ Беритѣ и въ Цезареѣ Филиппійской. Чѣмъ больше жертвъ, тѣмъ больше славы.

Конечно, для Рима было оставлено самое лучшее. Въ его умѣ мелькнулъ рядъ военно-плѣнныхъ: Тамара и Мероэ, Габба и Хлодомаръ въ ихъ числѣ.

Конечно, Вероника будетъ смотрѣть на жертвы съ высоты императорскаго подіума и будетъ наслаждаться блескомъ своего могущества. Она быть можетъ будетъ аплодировать, когда дикіе звѣри бросятся на дочь Іоанна изъ Гишалы.

— Придетъ-ли часъ мести? Забывая все вокругъ себя, Регуэль поднялъ кулаки къ небу.

Вдругъ его окликнулъ чей-то голосъ. Онъ испуганно оглянулся. Голосъ раздался изъ носилокъ, которые проносили мимо него рабы. По знаку сидѣвшей въ нихъ женщины носилки остановились около Регуэля. Онъ сначала растерянно взглянулъ на нарядную римлянку, лежавшую на пышныхъ подушкахъ; потомъ онъ вздрогнулъ и краска залила его лицо.

— Саломея! крикнулъ онъ.—Ты жива! И ты...—Онъ съ презрѣніемъ взглянулъ на ея драгоцѣнныя одежды,—и тебѣ не стыдно теперь, когда народъ твой униженъ,—тебѣ племянницѣ Іоанна?

Ея блѣдное лицо тоже покраснѣло.

— Ты все узнаешь, но не здѣсь. Я догадываюсь, зачѣмъ ты теперь въ Римѣ. Изъ-за пустяковъ не рискуютъ жизнью. Вѣдь каждый шагъ грозитъ тебѣ смертью. Иди за мной издали, непримѣтно. Иначе мнѣ не удастся укрыть тебя.

Прежде чѣмъ Регуэль успѣлъ ей возразить, она дала знакъ рабамъ, и носилки двинулись въ путь. Регуэль послѣ короткаго размышленія послѣдовалъ за ней. Встрѣча съ Саломеей показалась ему божественнымъ предзнаменованіемъ,

знакомъ того, что небо покровительствуетъ задуманному имъ дѣлу.

Но Саломея, ставшая римлянкой высшаго класса, навѣрное сможетъ доставить ему желанный случай.

У дверей великолѣпнаго дворца, въ которомъ скрылись носилки, Регуэля встрѣтилъ довѣренный рабъ Саломеи. Онъ обратилъ вниманіе юноши на проходившаго мимо человѣка съ сухимъ желтымъ лицомъ. Регуэль узналъ въ немъ незнакомца, который стоялъ около него во время тріумфальнаго шествія.

— Какъ-бы тамъ ни было, сказалъ рабъ,—ты можешь пробыть по крайней мѣрѣ до вечера въ полной безопасности во дворцѣ Этернія Фронтона. Едва-ли осмѣлятся обезпокоить друга и вольноотпущенника Тита.

— Во дворцѣ Этернія Фронтона?—прервалъ его съ ужасомъ Регуэль.—Такъ это?..

Рабъ усмѣхнулся.

— Не пугайся этого имени,—сказалъ онъ.—Фронтонъ распоряжается, по волѣ Тита, судьбой плѣнныхъ іудеевъ, но онъ совсѣмъ иной, когда онъ исправляетъ свою обязанность и посылаетъ на смерть юношей и старцевъ, чѣмъ, когда онъ дома. Тамъ онъ обязанъ уничтожать побѣжденный народъ, здѣсь онъ на него молится.

Рабъ ввелъ его въ ворота и тщательно замкнулъ ихъ. Регуэль шелъ за нимъ ошеломленный всѣмъ, что онъ слышалъ.

Рабъ говорилъ правду. Вліяніе Саломеи на Этернія Фронтона было безграничнымъ. Со времени страшныхъ дней въ Птолемаидѣ она напрягла всѣ силы, чтобы сдѣлать своимъ рабомъ того, кому принуждена была покориться. И она достигла власти не лестью и покорностью, а рѣзкимъ проявленіемъ гордости, строгой сдержанностью, тѣмъ, что увлекая Этернія, она была далека отъ разнузданности римскихъ женщинъ. Пресыщенный вольноотпущенникъ въ первый разъ очутился въ присутствіи чистой и твердой женщины. Ея настойчивое сопротивленіе довело его страсть до настоящей любви. Это не была капризная любовь юноши, которую убиваютъ неудачи, а послѣдняя любовь старѣющаго человѣка,—онъ зналъ, что когда она кончится, то настанетъ пустота. Всѣ его жизненныя силы сосредоточились на этой любви, вся тоска по ушедшей молодости и весь тайный ужасъ передъ одиночествомъ конца жизни.

— Такова любовь Этернія, Фронтона ко мнѣ, іудейкѣ,—закончила Саломея свой разсказъ; Регуэль внималъ ей съ мрачнымъ видомъ.—Этерній не отказываетъ мнѣ и въ самомъ трудномъ. Тамара въ числѣ другихъ плѣнныхъ обречена на гибель въ амфитеатрѣ, Фронтонъ долженъ освободить ее.

— Не знаю, отвѣтилъ Регуэль рѣзко и насмѣшливо,—хочетъ-ли Тамара остаться въ живыхъ послѣ гибели родины и смерти мужа. Всѣмъ намъ смерть кажется избавленіемъ.

Она почувствовала упрекъ въ его словахъ и сказала:

— Да жить гораздо труднѣе. Но жизнь драгоцѣнна,—она даетъ возможность отмстить. Неужели ты думаешь, что я перенесла-бы всѣ униженія и позоръ, еслибы не была одушевлена мыслью о мести?!

Она быстро поднялась, и въ глазахъ ея мелькнулъ мрачный лучъ.

— Мечъ приличествуетъ воину,—у женщины другое орудіе. Конечно, я уже давно-бы могла вонзить римлянину кинжалъ въ сердце, когда онъ лежалъ беззащитный у ногъ моихъ. Я могла влить ядъ въ его кубокъ вина.

— Почему же ты этого не сдѣлала? Ты дрожала?

— Женщина мститъ тѣмъ же орудіемъ, которымъ ее ранили. Этерній Фронтонъ убилъ во мнѣ любовь, и онъ самъ будетъ убитъ любовью. Въ тотъ день когда онъ съ бѣшеной тоскою будетъ звать Саломею, въ тотъ день онъ будетъ одинокъ.

— А ты?

— А я?..

Она медленно поднялась.

— Я буду тѣмъ же, чѣмъ была— потерянной песчинкой въ пустынѣ, еще одной каплей въ морѣ крови принесенной въ жертву. Не спрашивай. Быть можетъ, ты увидишь, какъ кончитъ Саломея. Завтра все должно рѣшиться.

— Завтра, въ день игръ?

— Да. Ты вздрогнулъ, Регуэль?

— Я пораженъ сходствомъ нашей судьбы,—глухо отвѣтилъ онъ.—У насъ почти однѣ и тѣ же мысли. Завтра, въ день игръ и я буду отомщенъ, или же меня самого не станетъ. Я охотно слѣдую за тобой, Саломея,—хотя въ началѣ не довѣрялъ тебѣ.

— Чего же ты желаешь?

— Этерній Фронтонъ руководитель игръ. Его рабы окружатъ амфитеатръ и будутъ имѣть свободный доступъ повсюду: въ ложи цезарей и Вероники. Покажи, имѣешь ли ты власть надъ Фронтономъ. Рабъ, который будетъ охранять Веронику, царицу іудейскую, долженъ быть Регуэль, сынъ Іоанна изъ Гишалы.

Она прервалъ его, и взоры ихъ встрѣтились.

— Довольно, Регуэль. Еслибы я знала больше, я бы уже не могла свободно дѣйствовать. Достаточно, что я догадываюсь о твоемъ предпріятіи. Мы должны каждый дѣйствовать за себя. Въ такомъ дѣлѣ не можетъ быть союза. Только тотъ, кто одинъ, силенъ. Ты будешь однимъ изъ рабовъ Фронтона. Это я устрою. А теперь удались въ сосѣднюю комнату, я слышу приближеніе Фронтона.

Іюньское солнце взошло въ полномъ блескѣ въ день, назначенный для игръ въ амфитеатрѣ Нерона, и освѣтило огромныя народныя толпы, которыя съ самаго разсвѣта устремились къ Марсову полю. Тамъ возвышалось деревянное зданіе, построенное послѣ большаго пожара 64 г.

Наканунѣ, Маркъ, одинъ изъ рабовъ Этернія Фронтона, попросилъ Регуэля примкнуть къ нему и взять на себя часть службы во время зрѣлища, устраиваемаго вольноотпущенникомъ Тита. Только на минуту Регуэлю удалось еще разъ увидать Саломею.

— Не выдай себя, — шепнула она ему.—Никто не долженъ знать, что ты іудей. Титъ приготовилъ для Вероники ложу, составленную изъ двухъ смежныхъ ложъ. Вѣроятно, она не рѣшится еще безстыдно показаться римской толпѣ, когда будутъ истязать ея единовѣрцевъ. Маркъ будетъ въ маленькой ложѣ ждать приказаній царицы. Будь около него и постарайся найти удобный моментъ...

Регуэль съ нѣмой благодарностью пожалъ ей руку.

— А ты?—спросилъ онъ.—А Тамара?..

Саломея сжала губы. Изъ груди ея вырвался стонъ смертельнаго ужаса.

Страшная участь ожидала ея любимицу, которая такъ часто утѣшала ее въ грустные дни въ Птолемаидѣ.

— Этернію Фронтону еще не удалось добиться освобожденія ея у Тита, отвѣтила она страннымъ, глухимъ голосомъ. Я боюсь... вѣдь, она дочь величайшаго врага этого кровожаднаго племени. Они не захотятъ отказаться отъ такого трофея.

Регуэль поблѣднѣлъ, не могъ выговорить ни слова. Онъ вѣдь зналъ, что старанія Саломеи ни къ чему не приведутъ, и духъ его, омраченный страшными картинами прошлаго, уже не могъ содрагаться при мысли о смерти. Іерусалимъ погибъ. Народъ израильскій разсѣялся по землѣ въ вѣчномъ рабствѣ,— смерть единственное избавленіе.

На разсвѣтѣ Регуэль пошелъ за своимъ провожатымъ по улицамъ, уже покрытымъ народной толпой. Онъ вошелъ въ огромное помѣщеніе амфитеатра. Безучастно глядѣлъ онъ, какъ постепенно наполнялись ряды амфитеатра сенаторами, знатными патриціями и одѣтыми въ пестрыя одежды чужеземными князьями и посланниками, занимавшими почетныя мѣста въ первыхъ рядахъ, прямо надъ ареной; тысячи людей низшихъ классовъ заполняли возвышающіеся ряды всего остальнаго пространства въ амфитеатрѣ. Всѣ одѣлись въ бѣлыя тоги и украсились вѣнками, какъ для радостнаго торжества; ослѣпительное солнце освѣщало амфитеатръ. На аренѣ били фонтаны благоуханной воды и освѣжали воздухъ. Упоительная музыка, то тихая и манящая, то страстная и ликующая, смѣшивалась съ многотысячнымъ гуломъ толпы.

Регуэль все это могъ видѣть сквозь узкую щель занавѣси, которая отдѣляла ложу отъ взора публики. Но онъ не

обращалъ вниманія на то, что происходило около арены. Все его вниманіе сосредоточено было на сосѣдней ложѣ. Онъ прислушивался къ всякому шороху. Онъ не могъ видѣть, что тамъ дѣлается. Туда вела маленькая дверь; черезъ нее онъ войдетъ, чтобы исполнить свою клятву. Но время еще не пришло. Звуки трубъ и ликованіе толпы возвѣстили о прибытіи Веспасіана и его сыновей. Вскорѣ послѣ этого Регуэлю показалось, что онъ слышитъ шелестъ женскихъ одеждъ въ сосѣдней ложѣ и слышитъ тихій голосъ. Вероника была тамъ.

Онъ быстро схватился за скрытое оружіе, но сдѣлалъ усиліе надъ собой. Вероника была не одна. Къ тому же Маркъ подошелъ къ Регуэлю. Нужно ждать.

Игры смерти начались.

Послѣ первыхъ состязаній гладіаторовъ, возбудившихъ страсти толпы, наступила короткая пауза. Арену густо посыпали пескомъ, чтобы скрыть слѣды крови. Раздались торжествующіе звуки трубъ. Первые іудейскіе военноплѣнные вошли на арену для борьбы другъ съ другомъ, отецъ противъ сына, братъ противъ брата. Наступило страшное, напряженное молчаніе въ огромномъ амфитеатрѣ. Плѣнники стояли другъ противъ друга; ихъ исхудалыя тѣла были обнажены, и по первому знаку цезаря они должны были вонзить другъ другу въ грудь короткія копья.

Веспасіанъ поднялся и далъ знакъ. Музыка заиграла и сразу прервалась, ибо сильнѣе трубъ и литавръ звучала величественная старинная пѣснь смерти и печали осужденныхъ на смерть, изгнанныхъ дѣтей Сіона.

«У водъ Вавилонскихъ мы сидѣли и проливали слезы, думая о Сіонѣ»...

Изъ глубины подземелья поднимались кверху звучащія какъ бы изъ безконечной дали голоса мужчинъ и женщинъ, оставленныхъ для втораго выхода борцовъ. И это таинственное, неземное мрачное пѣніе безконечной печали охватило сердца кровожадныхъ побѣдителей; они безмолвно и недвижимо ждали конца пѣнія.

«Забуду-ли я тебя, Іерусалимъ, то забуду свою правую руку»...

Мелодія разливалась все шире и шире. Плѣнные поднимали свои мечи къ солнцу, проникавшему разбитыми лучами черезъ ткань, протянутую надъ амфитеатромъ. Темные, широко раскрытые глаза мучениковъ устремились призывая мщеніе Всевышняго, на холодный, празднично украшенный Римъ,—и онъ содрогнулся отъ суевѣрнаго ужаса.

«Господи, вспомни дѣтей Эдома въ день гибели Іерусалима»...

Съ криками мести плѣнные бросили мечи на землю—они поклялись умереть только отъ руки враговъ. Римляне съ бѣшенствомъ вскочили съ мѣстъ, и съ дрожащими отъ гнѣва устами, дикими движеніями требовали смерти смѣлыхъ и дерзкихъ плѣнныхъ, презирающихъ римлянъ.

Крикъ дошелъ до ложи Вероники. Она вскочила съ подушекъ, на которыхъ лежала въ мрачномъ раздумьѣ. Повинуясь тайному влеченію, она подошла къ барьеру, и раздвинула занавѣсь, отдѣлявшую ее отъ арены и отъ зрителей. Она стояла, гнѣвно сдвинувъ брови, и робко озиралась вокругъ. Солнечный лучъ упалъ съ высоты, и ея золотистые волосы вспыхнули яркимъ свѣтомъ, среди котораго неподвижная блѣдность ея лица выдѣлялась какъ призракъ. Она быстро отступила назадъ.

Но изъ толпы іудеевъ на аренѣ поднялась рука, указывавшая въ ея сторону, и рѣзкій голосъ воскликнулъ:

— Взгляните на позоръ Израиля! Вотъ Вероника, предавшая Бога и отчизну, Вероника, презрѣнная любовница язычника. Проклятіе Вероникѣ!

И всѣ другіе вторили:

— Проклятіе Вероникѣ!

Она хотѣла бѣжать и не могла двинуться. Рука Всевышняго какъ бы приковала ее къ мѣсту, чтобы отдать е[illegible] на посмѣшище и оскорбленіе людей. Не одни только осужденные на смерт[illegible] іудеи осыпали ее проклятіями. Вес[illegible] Римъ, которому она доставила побѣд[illegible] примкнулъ къ ея оскорбителямъ. Р[illegible] торъ Діогенъ, знаменитый своимъ зль[illegible] языкомъ, вскочилъ съ мѣста и гро[illegible]

прочелъ циничные стихи, сочиненные про Веронику въ Римѣ. Со смѣхомъ и ревомъ толпа вторила ему.

— Проклятіе Вероникѣ!

На лицѣ Вероники показалась странная безумная улыбка. Она озиралась вокругъ, какъ бы ища помощи, и взглянула въ сторону сенаторовъ, среди которыхъ Титъ сидѣлъ рядомъ съ Веспасіаномъ. Она увидѣла, какъ покраснѣло лицо ея мужа, какъ руки его сжались въ кулаки. Но она увидѣла также, какъ Веспасіанъ удержалъ руку Тита и какъ онъ, бывшій быть можетъ виновникомъ всего, сочувственно кивнулъ Діогену. Потомъ онъ поднялся и, подозвавъ Этернія Фронтона, стоявшаго у входа въ помѣщеніе гладіаторовъ, далъ знакъ къ продолженію игръ.

Тотчасъ же толпы гладіаторовъ выпущены были на арену; потрясая копьями, они заглушили тысячеголосый крикъ:—Проклятіе Вероникѣ!

Отойдя въ глубину ложи, Вероника упала на подушки въ безумномъ волненіи. До сихъ поръ она еще не рѣшалась исполнить свой планъ при помощи Онія и надѣялась достигнуть цѣли другимъ путемъ. Но теперь все ясно. Во всемъ виноватъ Веспасіанъ. Онъ одинъ мѣшаетъ ей достигнуть власти. Веспасіанъ долженъ пасть.

Она выбѣжала изъ ложи мимо раба, робко отступившаго передъ ней,—и не подозрѣвая, что этимъ спаслась отъ меча мстителя: Маркъ въ это время отошелъ отъ Регуэля и подошелъ ближе къ барьеру, чтобы оттуда лучше разглядѣть кровавое зрѣлище. Регуэль за его спиной пробрался къ дверцѣ, раздѣлявшей обѣ ложи, и направился къ царицѣ. Но ея ложа оказалась пустой. Онъ увидѣлъ только край одежды ненавистной предательницы, которая исчезла у входа. Онъ хотѣлъ уже броситься за ней, но въ это время снова раздался шумъ въ амфитеатрѣ и онъ невольно вернулся взглянуть, что тамъ происходитъ.

Хлодомаръ и Габба стояли на аренѣ другъ противъ друга—великанъ и карликъ—и контрастъ ихъ фигуръ вызывалъ у публики безконечный смѣхъ. Толпа ревѣла отъ удовольствія.

Регуэль поблѣднѣлъ. Рука его державшая оружіе подъ платьемъ, опустилась. До этой минуты на аренѣ умирали тоже іудеи, его братья и единовѣрцы. Но онъ ихъ все-таки не зналъ лично. Теперь же онъ увидитъ смерть тѣхъ, кто ему былъ дороже всего на свѣтѣ.

Онъ упалъ на подушки, на которыхъ только что сидѣла Вероника и глядѣлъ лихорадочными глазами на страшное зрѣлище внизу.

«И ты долженъ будешь спокойно смотрѣть, какъ будутъ умирать братья».

Глава XXI.

Осужденные ждали наступленія казни въ маленькомъ темномъ помѣщеніи. Черезъ узкіе просвѣты въ глубинѣ подземелья падалъ солнечный лучъ и тянулъ за собой голубоватую, дрожащую полосу свѣта. Сверкающая бабочка впорхнула въ темноту съ волною свѣта и тщетно пыталась отяжелѣвшими отъ сырости крыльями снова вернуться на свѣтъ и свободу. Все стремительнѣе и все болѣе ослабѣвая, тянулась она, къ спасительному отверстію, но, отягощенная запахомъ гнили и ослѣпленная яркимъ свѣтомъ, среди окружающаго мрака, она безсильно упала на камень въ стѣнѣ, а передъ щелью сѣрый паукъ торопливо свивалъ серебристую сѣть. Бабочка никогда болѣе не вернется къ свѣту.

Тамара стояла, прислонившись къ прохладной каменной стѣнѣ, и съ горькимъ чувствомъ слѣдила за тщетными усиліями бабочки. Развѣ въ жизни не тоже самое? всѣ враги другъ другу, сильный всегда готовъ проглотить слабаго, уродство уничтожаетъ красоту. Хитрость и жестокость всѣмъ владѣютъ, война сокрушаетъ миръ, Римъ уничтожаетъ Іерусалимъ. Римъ и Іерусалимъ—паукъ и бабочка.

Посрединѣ подземелія на камнѣ сидѣлъ Хлодомаръ. У него на колѣняхъ лежала Мероэ. Солнечный лучъ падалъ на ея блѣдное лицо съ большими синими глазами и бѣлымъ лбомъ. Серебристые блестящіе волосы окружали ея

голову, какъ вѣнокъ весеннихъ цвѣтовъ.

— Весенніе цвѣты, которые завянутъ, едва распустившись,—подумалъ Габба и сердце его сжалось безграничной жалостью.

Наканунѣ, во время тріумфальнаго шествія, Мероэ, Габба и Хлодомаръ снова свидѣлись. Но они обмѣнялись лишь нѣсколькими словами. Теперь же милосердная судьба еще разъ свела ихъ, чтобы они могли проститься прежде чѣмъ...

Глухой громоподобный ревъ шестидесятитысячной толпы доходилъ до нихъ изъ арены надъ ихъ головами. Шумъ шаговъ отводимыхъ на смерть братьевъ, хриплый голосъ надсмотрщика, сосчитывающаго жертвы—все это говорило имъ, что у нихъ оставалось немного времени для прощанья.

Настала минута разлуки. Хлодомаръ и Габба должны были бороться въ числѣ послѣднихъ плѣнниковъ. Мероэ кротко проводила ихъ до дверей, ни одного звука жалобы не сорвалось съ ея устъ. Она еще разъ улыбнулась уходившимъ на смерть. Дверь глухо захлопнулась за ними.

Хлодомаръ и Габба стояли на аренѣ другъ противъ друга, среди неумолчнаго хохота толпы.

— Борись отважно, Габба,—шепнулъ ему Хлодомаръ.—Можетъ быть, если ты меня осилишь, это возбудитъ жалость толпы. Этотъ проклятый народъ имѣетъ странные капризы.

— А ты?

— Я хочу умереть. Такъ смотри же, когда ты увидишь, что я пошатнусь, ударь сильнѣй, слышишь?

Габба кивнулъ головой. Въ глазахъ его было выраженіе твердой загадочной рѣшимости.

Борьба началась. Римъ уже не смѣялся. Хотя Хлодомаръ былъ гигантъ по силѣ, но Габба умѣлъ съ блестящей легкостью уклоняться отъ ударовъ своего противника. Наконецъ, Хлодомаръ рѣшилъ, что пора привести въ исполненіе задуманный планъ.

— Прыгни въ сторону,—шепнулъ онъ, поднимая мечъ какъ бы для страшнаго удара. Потомъ самъ ударь,—чтобы никто ничего не замѣтилъ.

Габба приготовился. Мечъ Хлодомара тяжело упалъ, но Габба не отскочилъ. Онъ стоялъ неподвижно и шепталъ: «Мероэ».

Онъ упалъ на песокъ и его правая рука, державшая еще оружіе въ судорожно сжатомъ кулакѣ, далеко отлетѣла. Хлодомару едва удалось необычайнымъ усиліемъ отклонить падающій мечъ въ послѣднюю минуту отъ головы Габбы.

— Подними палецъ лѣвой руки, прошепталъ Хлодомаръ въ безумномъ ужасѣ. Но Габба не двигался. Онъ съ ненавистью глядѣлъ на толпу зрителей, осыпавшихъ его насмѣшками. Наконецъ глаза его остановились на чьемъ-то желтомъ лицѣ, окаймленномъ острой черной бородой. Онъ вздрогнулъ, и лѣвая рука сжалась въ кулакъ.

— Базилидъ, хрипло крикнулъ онъ.— Проклятый отецъ...

Онъ замолкъ. Ревъ толпы заглушилъ его слова. Его поднятую съ угрозой руку приняли за моленіе о пощадѣ и спорили, осудить ли его, или даровать жизнь. Хриплый голосъ одного изъ присутствующихъ возвышался надъ всѣми другими. Это былъ голосъ Базилида, голосъ отца:

— Они сговорились, проклятые,— кричалъ онъ. — Развѣ иначе карликъ могъ бы такъ долго противиться великану, который нѣкогда получилъ свободу отъ цезаря Клавдія за свои побѣды на аренѣ. Горе побѣжденнымъ!

И Габба увидѣлъ, какъ отецъ опустилъ палецъ внизъ. Другіе послѣдовали его примѣру. Габба усмѣхнулся съ торжествомъ.

— Не промахнись, Хлодомаръ!

Хлодомаръ отшатнулся.

— Я никогда не соглашусь тебя убить, еслибы даже меня пытали раскаленнымъ желѣзомъ.

— Но тогда другой нанесетъ мн смертельный ударъ. Это хуже,—молилъ Габба.—Неужели же Римъ увидитъ германца, малодушно отказывающагося занести мечъ?

Хлодомаръ крѣпко сжалъ губы и глаз его засвѣтились презрѣніемъ.

— Римъ не долженъ видѣть блѣдности на лицѣ германца.

— Прости мнѣ, Габба,—проговорилъ онъ, и поднялъ мечъ надъ лежащимъ.

Глубокая складка легла промежъ его густыхъ бровей. Широкій незажившій еще шрамъ на его лицѣ, тянущійся отъ корней волосъ черезъ весь лобъ и поблѣднѣвшія щеки до рыжей бороды, налился кровью. Глухой стонъ сорвался съ его устъ, а глаза блуждали въ мрачномъ ожиданіи по лицамъ зрителей. И то, на что онъ надѣялся, къ чему стремился, обезумѣвшій отъ пролитой крови, свершилось.

— Это Хлодомаръ,—крикнулъ Оній рѣзкимъ злораднымъ голосомъ.—Ему легко было сразить слабаго карлика. Нужно выслать противъ него гладіатора.

Толпа сочувственно встрѣтила предложеніе. Веспасіанъ съ улыбкой кивнулъ головой и подозвалъ къ себѣ Этернія Фронтона.

Тотчасъ же на аренѣ появился одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ борцовъ, любимецъ римскихъ женщинъ. При его видѣ Хлодомара охватило дикое бѣшенство; онъ съ яростью бросился на новаго противника. Напрасно тотъ пытался уклониться. Мечъ Хлодомара сразу опустился на его голову, поваливъ борца на земь. Не ожидая рѣшенія зрителей, онъ вонзилъ ему мечъ въ горло, какъ это сдѣлалъ противъ воли съ Габбой.

Толпа крикнула отъ бѣшенства, но Хлодомаръ отвѣтилъ только презрительнымъ движеніемъ руки. Пѣна выступила у него у рта, и онъ заскрежеталъ зубами.

— Такъ вотъ какова ваша храбрость, римляне!—крикнулъ онъ такъ громко, что его слышно было на весь амфитеатръ.—Теперь я начинаю вѣрить въ слухи, которые дошли до меня. Вы достигли побѣды надъ Іерусалимомъ только хитростью и предательствомъ.

Даже спокойное лицо Веспасіана покраснѣло отъ оскорбленія. Не дожидаясь требованія тысячной толпы, онъ самъ подозвалъ Фронтона. И опять на арену вскочилъ гладіаторъ, и снова началась борьба. За нимъ послѣдовалъ другой и третій, и наконецъ противники стали выходить противъ него попарно. Онъ защищался все съ тѣмъ же холоднымъ бѣшенствомъ и съ такимъ же успѣхомъ. Никто не могъ устоять противъ него. Каждая новая побѣда, казалось, увеличивала его силу. Неописуемое волненіе охватило толпу. Ничего подобнаго никогда не бывало. Лучшіе борцы Рима, увѣшанные знаками за храбрость, изъ честолюбія выходили сражаться съ Хлодомаромъ, и падали на песокъ отъ его неотразимыхъ ударовъ. Когда же двое изъ старѣйшихъ гладіаторовъ подъ вліяніемъ непобѣдимаго страха обратились въ бѣгство, гнѣвъ народа внезапно перешелъ въ восторгъ. Рукоплесканія и крики одобренія потрясали амфитеатръ, и изъ тысячи устъ раздался, обращенный къ Веспасіану крикъ о пощадѣ.

— Пощади его, цезарь, пощади!

Веспасіанъ поднялся, и движеніемъ руки возстановилъ молчаніе. Потомъ, обращаясь къ Хлодомару, онъ сказалъ:

— Свободолюбивые римляне рѣшили дать тебѣ свободу, о храбрый воинъ. Ты свободенъ; иди куда хочешь. Но если ты жаждешь почестей и славы, то совѣтую тебѣ—не уходи, а стань тѣмъ, чѣмъ ты уже былъ, центуріономъ александрійскаго легіона. Ты имъ недолго останешься. Въ римской арміи храбрый воинъ можетъ достигнуть самого высокаго положенія.

Новый взрывъ бѣшеныхъ рукоплесканій послѣдовалъ за этими словами. На лицѣ Хлодомара показалась презрительная улыбка. Онъ выпрямился, поднялъ руку, и среди наступившей тишины раздался его голосъ, какъ удары желѣзнаго молота о наковальню.

— Велика твоя милость, о цезарь, и твоя, римскій народъ. Но это милость не почетъ для германца, ибо она милость рабовъ. Да,—крикнулъ онъ еще громче среди вспыхнувшаго взрыва негодованія,—римляне рабы, и презрѣненъ тотъ человѣкъ, который приметъ даръ изъ ихъ рукъ. Вы были нѣкогда свободны и знали, что такое честь, но теперь вы жалкіе пресмыкающіеся псы, разбойники и нищіе. Вы заслуживаете, чтобы вамъ плюнуть въ распутное лицо,

какъ это дѣлаю я, Хлодомаръ, мужъ изъ племени хаттовъ.

Хлодомаръ плюнулъ, бросилъ мечъ на землю и захохоталъ, глядя на римлянъ глазами полными ненависти.

— Смерть ему! сжечь его!

Театръ дрожалъ отъ криковъ. Тысячи рукъ простирались къ дерзновенному, осмѣлившемуся раздразнить Римъ. Этерній Фронтонъ уже открылъ дверь, ведущую въ помѣщеніе гладіаторовъ, чтобы натравить на Хлодомара цѣлую толпу борцовъ, но въ это время раздался рѣзкій голосъ, голосъ Онія:

— Ad bestias, ad bestias! Бросить его на растерзаніе дикимъ звѣрямъ.

Это слово зажгло толпу, какъ ударъ молніи. Въ пламенныхъ, полныхъ гнѣва глазахъ, устремленныхъ на Хлодомара, искрилось торжество надъ близкимъ страшнымъ концомъ оскорбителя Рима, и всѣ уста вторили смертному крику:

— Ad bestias, ad bestias!

Хлодомаръ не сопротивлялся, когда его схватили. Онъ снова улыбнулся, но уже отъ счастья. Онъ умретъ вмѣстѣ съ Мероэ, вернется къ своей женѣ.

— Бѣдный Габба!

Этерній Фронтонъ спустился въ подземелье для приготовленій къ послѣдней и самой великолѣпной части зрѣлища. Въ полуосвѣщенномъ проходѣ передъ нимъ очутилась вдругъ Саломея. Лицо ея было странно блѣднымъ, и мрачный лучъ свѣтился въ глазахъ ея.

— Ты отъ цезаря?—коротко спросила она.—Что онъ отвѣтилъ?

Фронтонъ робко взглянулъ на нее.

— Онъ готовъ отдать кого угодно, только не дочь Іоанна изъ Гишалы. Народъ имѣетъ право на ея жизнь.

Саломея горько засмѣялась.

— Народъ! Конечно, онъ долженъ льстить толпѣ и это возможно въ Римѣ только посредствомъ крови и золота.

— Когда ты просилъ его?

— До начала игръ.

— Попроси его теперь еще разъ. Быть можетъ, когда онъ насытился кровью...

— Саломея, ты вѣдь знаешь... Это было бы напрасно.

— Все равно, нужно сдѣлать послѣднюю попытку. Если же и она будетъ неудачна, тогда...

Голосъ ея перешелъ въ невнятный шопотъ и взоръ потемнѣлъ. Этерній Фронтонъ съ ужасомъ глядѣлъ ей въ лицо.

— Тогда, Саломея?—дрожащимъ голосомъ молилъ онъ.—Ты вѣдь знаешь... какъ я люблю тебя. Для меня счастье исполнить каждое твое желаніе, но ты требуешь невозможнаго.

Она пожала плечами:

— Ты думаешь, что я не знаю. Я не потому требую, что надѣюсь на исполненіе. Я только буду болѣе спокойна, когда буду знать, что все было сдѣлано, чтобы отвратить чудовищное.

— Но... Уже въ послѣдній разъ, когда я просилъ его объ этомъ, Веспасіанъ грозно сдвинулъ брови.

— Да, конечно, если милость Веспасіана для тебя важнѣе, чѣмъ...

Этерній Фронтонъ ужаснулся увидѣвъ угрожающее выраженіе ея глазъ.

— Иду,—сказалъ онъ,—Иду.

Саломея взглянула вслѣдъ уходящему

— Я буду спокойнѣе,—повторила она страннымъ голосомъ,—спокойнѣе...

Фронтонъ вернулся. Саломея сразу увидѣла по его разстроенному лицу, что нѣтъ надежды. Тамара должна умереть въ когтяхъ дикихъ звѣрей.

— Гдѣ она?—спросила Саломея выпрямившись и оправляя спутавшіеся волосы.

Вольноотпущенникъ едва могъ говорить. Странный видъ Саломеи наполнялъ его мучительнымъ страхомъ.

— Тамъ,—пробормоталъ онъ, указывая на узкую желѣзную дверь по близости.

Саломея направилась къ двери. Онъ преградилъ ей путь.

— Что ты дѣлаешь, Саломея?—молилъ онъ, хватая ее за руку.

Она отшатнулась отъ его прикосновенія, какъ отъ чего-то противнаго. И все-таки она улыбнулась ему, какъ улыбалась въ Птолемаидѣ послѣ пляски во время пира.

— Ты въ самомъ дѣлѣ любишь меня, Этерній Фронтонъ?—спросила она.

— Ты еще спрашиваешь, Саломея? — отвѣтилъ онъ съ волненіемъ.—Развѣ я не исполняю во всемъ твою волю? Еслибы ты хотѣла мстить и не за причиненное тебѣ зло, ты не могла бы сдѣлать болѣе того, что сдѣлала. Ты превратила меня, твоего бывшаго господина въ дрожащаго раба.

— Еслибы я хотѣла отомстить тебѣ... задумчиво повторила Саломея. Разлука со мной доставила бы тебѣ страданія? Еслибы ты потерялъ меня, ты былъ бы несчастенъ?

Онъ поблѣднѣлъ, и губы его дрожали.

— Потерять тебя, Саломея? Я бы этого этого не перенесъ.

Она скрестила руки на груди и отвернула взоръ, чтобы Фронтонъ не увидѣлъ въ немъ торжества.

— Ты бы не перенесъ...—прошептала она. Затѣмъ, мѣняя тонъ, она прибавила, указывая на дверь тюрьмы Тамары:—Открой!

Онъ взглянулъ на нее съ изумленіемъ.

— Ты что-то скрываешь отъ меня, Саломея,—сказалъ онъ съ возростающимъ ужасомъ.—У тебя на умѣ что-то страшное.

Она улыбнулась принужденной улыбкой.

— Что страшнаго въ томъ, что мнѣ хочется облегчить послѣднія минуты Тамары? Подумай, она была мнѣ такъ близка, она мнѣ почти сестра. Я бы хотѣла утѣшить ее, ободрить. Ничего кромѣ этого я не могу вѣдь сдѣлать.

Онъ еще сомнѣвался.

— Ты клянешься мнѣ?

— Въ чемъ?

— Въ томъ... Часто случалось, что осужденные избѣгали послѣднихъ мукъ... не въ первый разъ имъ доставляли передъ казнью ядъ или кинжалъ.

Она гордо покачала головой.

— Іудейка не боится смерти, на которую идутъ ея братья.

— Но ты, ты, Саломея.

— Ты думаешь, что я могу покинуть тебя? О нѣтъ! Разъ попавши въ Римъ нельзя уйдти изъ него; поэтому... право, Фронтонъ, я начинаю вѣрить въ твою любовь. Она дѣлаетъ тебя ребенкомъ.

Она подозвала проходившаго мимо привратника, чтобы онъ открылъ ей дверь, и направилась къ входу. Этерній поспѣшилъ за ней.

— Саломея, еще разъ, молю тебя...

Она остановилась, улыбнулась ему и сказала то, что нѣсколько минутъ передъ тѣмъ Мерое шепнула Габбѣ:—Я люблю тебя, Фронтонъ, я люблю тебя

Но она сказала это шутливымъ почти насмѣшливымъ голосомъ, и рука, которая коснулась лба Фронтона, была холодной и влажной.

Черезъ четверть часа темницы всѣхъ оставленныхъ въ запасѣ жертвъ раскрылись. Толпы женщинъ, дѣтей и стариковъ потянулись оттуда связанные попарно и спустились на арену. Тогда взорамъ ихъ представилось занимавшее почти всю ширину арены углубленіе, гдѣ воспроизведенъ былъ видъ Іерусалима. И снова въ памяти побѣжденныхъ возродилась недавная скорбь, напоминающая римлянамъ о великомъ подвигѣ дома Флавіевъ.

При видѣ хорошо знакомыхъ башенъ и кровель, осужденные на смерть іудеи огласили воздухъ воплями безконечной скорби и простерли закованныя въ цѣпи руки къ сверкающему золотомъ храму.

— Іерусалимъ! храмъ!

Все было воспроизведено съ мельчайшими подробностями. Бѣлая досчатая постройка расположена была террасой, какъ мраморный храмъ. Воспроизведены были всѣ безчисленныя ворота, залъ Соломона съ мраморными колоннами, кедровой крышей и пестрымъ мозаичнымъ поломъ, царское мѣсто съ тремя входами, коринфскія колонны, между которыми въ Іерусалимѣ нѣкогда торговцы предлагали свои товары. Жертвенный алтарь высился среди отдѣленья для священнослужителей. Въ предверьи къ внутреннему храму воспроизведена была даже гигантская виноградная лоза — символъ власти жрецовъ. И какъ въ Іерусалимѣ, такъ и здѣсь святыня была завѣшена вавилонскимъ ковромъ, съ вытканными въ немъ четырьмя священными красками, символами четырехъ стихій.

Надъ крышей поднимались безконечныя золотыя острія. На храмѣ господ-

немъ они служили для того, чтобы отпугивать птицъ, а здѣсь... здѣсь къ нимъ привязали осужденныхъ и беззащитныхъ плѣнниковъ. Изъ глубины къ нимъ доносился глухой ревъ звѣрей.

Саломея оставалась у Тамары и Мероэ до послѣдней минуты. Но она не обмѣнялась ни единымъ словомъ со своей подругой изъ Птолемаиды. Только когда они встрѣчались глазами, у обѣихъ мелькала на лицѣ улыбка. Этерній Фронтонъ стоялъ рядомъ съ Саломеей и глядѣлъ на нее съ любовью и тревогой. Онъ все еще опасался тайнаго замысла.

Слуга принесъ условный знакъ цезаря. Народъ сталъ тревожиться. Слишкомъ долго ихъ заставили ждать новыхъ жертвъ и главнаго номера программы.

Фронтонъ схватилъ Саломею за руку и потащилъ ее за собой отъ помоста, на которомъ находились осужденные. Въ этотъ моментъ пришелъ самъ Домиціанъ справиться о причинѣ замедленія. Невольно Фронтонъ выпустилъ руку Саломеи и обратился къ сыну Веспасіана.

И картина храма вознеслась какъ на волшебномъ облакѣ кверху: на крышѣ между осужденными очутились Тамара и Мероэ, привязанныя къ золотому шпицу. Тамара держала въ рукѣ усталую бабочку, которую ей хотѣлось спасти отъ коварнаго паука и вернуть на свѣтъ.

Рядомъ съ ними былъ Хлодомаръ— полунагой, вооруженный короткимъ мечемъ. Онъ одинъ какъ бы для насмѣшки былъ освобожденъ отъ оковъ.

Нѣтъ, не онъ одинъ. Въ ногахъ у Тамары сидѣла фигура въ темныхъ одеждахъ—и тоже безъ цѣпей. Въ ту минуту, когда помостъ поднимали кверху, она тоже очутилась на немъ и съ крикомъ безумнаго восторга обняла нѣжный станъ Тамары. Это была Саломея.

Этерній Фронтонъ вздрогнулъ отъ звука знакомаго голоса, и взглянулъ вверхъ. Онъ отшатнулся весь блѣдный, и лобъ его покрылся холоднымъ потомъ.

Саломея кивнула ему, улыбаясь и шутя.

— Кто однажды видѣлъ Римъ, уже его не оставитъ. О, какъ я люблю тебя, Этерній Фронтонъ, какъ я люблю.

Онъ крикнулъ рабамъ, чтобы они остановили машину. Но было уже слишкомъ поздно. Храмъ іудейскаго Бога появился уже на аренѣ, привѣтствуемый оглушительнымъ безконечнымъ ревомъ толпы.

Изъ груди вольноотпущенника вырвался страшный стонъ: онъ не могъ двинуться въ теченіе нѣсколько минутъ. У него отнято было то, что онъ единственно любилъ долгіе годы. Жизнь его снова станетъ такой, какъ прежде, пустой и безрадостной. Еще болѣе безрадостной, чѣмъ прежде, когда онъ не зналъ любви и не ощущалъ въ ней потребности. Теперь онъ навсегда одинокъ...

Игры кончились. Смѣясь и болтая, толпа зрителей уходила изъ театра. Регуэль былъ среди нихъ.

Онъ ни о чемъ не думалъ и не зналъ, куда идетъ. Ему было безразлично, что бы ни случилось. Онъ даже не думалъ о мести. Все исчезло.

Онъ едва обернулся, когда чья-то рука легла ему на плечо. Передъ нимъ очутилось желтоватое лицо съ острой черной бородой. Онъ съ трудомъ припомнилъ, что гдѣ то видалъ его, и даже нѣсколько разъ. Сначала на тріумфальномъ шествіи цезарей, потомъ на улицѣ, когда встрѣтилъ Саломею. Когда это было—вчера? Одинъ день сталъ для него вѣчностью.

— Не останавливайся,—шепнулъ неизвѣстный, робко озираясь.—Шпіоны цезаря теперь повсюду. Пойдемъ рядомъ, какъ безпечные граждане, которые разговариваютъ о пышности и блескѣ недавняго зрѣлища.

Регуэль отвернулся.

— Я тебя не знаю,—сказалъ онъ механически.

Незнакомецъ улыбнулся и подошелъ къ нему совсѣмъ близко.

— А я слѣжу за тобой съ тѣхъ поръ, какъ увидалъ тебя вчера.

— Почему?

— Я знаю, кто ты. Я боюсь, что и ты можешь попасть въ руки римскихъ палачей. Особенно теперь, когда исчезла единственная твоя опора въ Римѣ—первая жертва звѣрей.

Рука Регуэля невольно ощупала спрятанный подъ платьемъ кинжалъ, и онъ съ недовѣріемъ взглянулъ пробуждающимся взоромъ на незнакомца.

— Я тебя не понимаю.

— Не бойся предательства, — отвѣтилъ незнакомецъ на іудейскомъ нарѣчіи.—Регуэль, сынъ Іоанна изъ Гишалы, священенъ для несчастныхъ дѣтей Израиля, даже еслибы Іегуда бенъ Сафанъ не былъ другомъ твоего великаго отца.

— Регуэль, сынъ Іоанна изъ Гишалы?— повторилъ Регуэль съ недовѣріемъ,—я не знаю, за кого ты меня принимаешь. Я Александръ, купецъ изъ Дамаска, и привезъ товары для...

— Хвалю твою осторожность,—прервалъ незнакомецъ. — Я бы самъ на твоемъ мѣстѣ поступалъ точно такъ же. Но такъ какъ я всетаки надѣялся повидать тебя, то я захватилъ съ собой одно письмо; твой отецъ написалъ мнѣ его изъ Гишалы, когда Іосифъ бенъ Маттіа обвинилъ его въ предательствѣ.

Онъ передалъ изумленному Регуэлю маленькій свертокъ папируса. Регуэль узналъ почеркъ отца. Іоаннъ извѣщалъ своего друга, Іегуду бенъ Сафана въ Тиверіадѣ, объ измѣнѣ галилейскихъ союзниковъ и о плѣненіи его родственниковъ Веспасіаномъ въ Птолемаидѣ. Онъ уговаривалъ его примкнуть къ возстанію въ Іерусалимѣ.

— Я тогда опасно заболѣлъ,—объяснилъ Іегуда Регуэлю,—и не могъ послѣдовать воззванію героя. А когда я выздоровѣлъ, было уже слишкомъ поздно: Іерусалимъ былъ былъ уже осажденъ Титомъ.

Онъ опустилъ голову, какъ-бы подавленный горемъ, и Регуэлю казалось, что глаза его были полны слезъ. Сомнѣнія исчезли.

— Что же теперь привело тебя въ Римъ?—спросилъ онъ.

Незнакомецъ ближе наклонился къ Регуэлю.

— Месть,—проговорилъ онъ подавленнымъ, но рѣзкимъ голосомъ. — Я надѣюсь отмстить осквернителямъ нашей святыни. Мазада, крѣпость у Мертваго озера, еще не взята римлянами, еще стоитъ Александрія, и въ городахъ Азіи цѣлыя тысячи храбрыхъ мужей ждутъ подходящей минуты, чтобы возобновить войну. Я выжидаю здѣсь подходящую минуту для поднятія мятежа. Какъ только Римъ затѣетъ новую войну, все равно гдѣ, въ Германіи, Британіи или Панноніи, іудейскіе воины объединятся, и наступитъ конецъ порабощенію Израиля.

Регуель съ изумленіемъ глядѣлъ на него, и грустно покачалъ головой.— Іерусалимъ погибъ, — сказалъ онъ со вздохомъ,—и никогда не возродится, Напрасныя мечты. То, чѣмъ Римъ завладѣлъ, онъ никогда больше не выпуститъ изъ рукъ.

Незнакомецъ вздрогнулъ, и глаза его засвѣтились мрачнымъ пламенемъ.

— Неужели же эти нечестивцы безнаказанно будутъ топтать все человѣческое? Неужели они безъ страха наказанія будутъ пользоваться наградой за свои преступленія? Никогда. Мщеніе ближе, нежели они думаютъ,—продолжалъ онъ, понижая голосъ.—Здѣсь, въ Римѣ, собралась уже кучка единомышленниковъ, мы имѣемъ доступъ къ ихъ дворцамъ, ихъ самымъ скрытымъ покоямъ, и довѣренные рабы ихъ выдаютъ намъ всѣ тайны. Измѣна погубила Іерусалимъ, измѣна возстановитъ его.

Онъ поднялъ съ угрозой руку къ огромному зданію, предъ которымъ они остановились. Регуэль поднялъ глаза и содрогнулся.

— Дворецъ Тита. Здѣсь живетъ Вероника.

Сознаніе священнаго долга, завѣщаннаго отцомъ, наполнило душу Регуэля. Здѣсь Вероника. Онъ долженъ добиться доступа въ эти стѣны.

— Вѣрно ли я тебя понялъ?—поспѣшно спросилъ онъ. Всякая осторожность становилась излишней относительно единомышленника и друга отца.— У тебя есть связи въ дворцахъ знатныхъ римлянъ? И въ этомъ также?

— Зачѣмъ ты спрашиваешь?—спросилъ Іегуда съ внезапнымъ недовѣріемъ. Вѣдь, ты же говоришь, что отчаялся въ въ спасеніи Іерусалима?

— Іерусалима? Да, Но я хочу мести. Да, Іегуда, я долженъ сознаться тебѣ. И я живу одной только мыслью и..

Онъ остановился и, послѣ короткой паузы, разсказалъ все о прощаніи съ

отцомъ, о всемъ что дѣлалъ для того, чтобы попасть къ Вероникѣ и свершить задуманное. Когда онъ сообщилъ, что ему удалось при помощи Саломеи попасть въ ложу царицы, Іегуда неодобрительно покачалъ головой.

— Никогда бы,—сказалъ онъ,—твое намѣреніе не могло быть исполнено тамъ, среди толпы, которая неустанно слѣдитъ глазами за ненавистной всѣмъ іудеянкой. Ее охраняетъ рабъ. Если бы раздался крикъ о помощи, въ одну секунду туда поспѣшили бы тѣлохранители Тита. Вероника дорога сыну Веспасіана, и онъ съумѣетъ защитить ее отъ возможныхъ убійцъ.

— Значитъ нѣтъ никакой надежды попасть къ ней?

— Могу ли я тебѣ довѣриться?

Регуэль не замѣтилъ, какъ они обмѣнялись ролями. Онъ клялся памятью отца, что не выдастъ ни звука изъ того, что ему скажетъ Іегуда.

— Въ такомъ случаѣ, хорошо, сказалъ наконецъ незнакомецъ. Я знаю одного домослужителя царицы. Онъ дѣлаетъ все, что я хочу. Сегодняшній вечеръ самый подходящій для исполненія твоего замысла. Титъ устраиваетъ пиръ въ честь своего отца; моему союзнику легко будетъ спрятать тебя въ одной изъ комнатъ Вероники, и ты сможешь потомъ свободно уйти подъ прикрытіемъ ночи. Теперь однако еще слишкомъ рано. Если ты подождешь меня гдѣ-нибудь въ тавернѣ...

Регуэль согласился и Іегуда провелъ его въ таверну одного іудея. Тамъ они разстались, чтобы встрѣтиться въ условленное время у входа во дворецъ Тита.

. . . .

Пиръ приближался къ концу. Часть гостей уже поднялась изъ-за стола и отправилась бродить по парку ярко освѣщенному факелами и пестрыми фонарями, около дома Тита. Рабы уже вносили изысканные плоды на серебряныхъ блюдахъ, что означало конецъ пира. Оній показался на минуту у дверей, противъ которыхъ сидѣла Вероника. Онъ подалъ ей условный знакъ, и быстро исчезъ.

Вероника поблѣднѣла, глаза ея широко раскрылись. Она съ безпокойствомъ взглянула на раба, который подавалъ Веспасіану на серебряной тарелкѣ яблоко изъ Матіи,—обычный дессертъ цезаря. Веспасіанъ, занятый шутливымъ разговоромъ, механически взялъ яблоко и сталъ его разрѣзать.

— Что съ тобой?—спросилъ озабоченно Титъ, наклоняясь къ Вероникѣ и глядя на нее восхищеннымъ взоромъ. Ты была такъ оживлена и остроумна, и вдругъ...

Она содрогнулась и опустила глаза.

— Здѣсь слишкомъ душно,—проговорила она, поспѣшно поднимаясь.—Пойдемъ лучше туда, къ фонтанамъ,—тамъ прохладнѣе.

Они были одни. Издали доносились до нихъ подавленные звуки смѣха и разговоровъ толпы.

У одного изъ фонтановъ стояла скамья. Вереника медленно опустилась на нее, подставляя блѣдное лицо тонкимъ брызгамъ воды, которые доносилъ до нея ночной вѣтеръ. Титъ въ молчаніи остановился передъ ней.

— Почему ты ничего не говоришь?—проговорила она послѣ нѣкотораго молчанія. Она вслушалась въ тишину. Что это—изъ дома донесся какой-то крикъ?.. Нѣтъ, все тихо.

— Ты на меня сердита?—спросилъ онъ въ отвѣтъ.—Если бы ты знала, какъ я боролся прежде чѣмъ покориться волѣ отца.

— Волѣ? — повторила она съ горечью.—Не волѣ, а тираніи. Не возражай,—сказала она, видя, что онъ хочетъ что-то сказать.—Все это напрасно. Веспасіанъ цезарь,—власть въ его рукахъ. Почему же ему не пользоваться ею? Я вѣдь іудеянка, безправная и беззащитная. Я за то должна быть благодарна, что ты не гонишь меня, когда я опротивѣла тебѣ.

Необычайно мягкій тонъ ея голо смутилъ его. Ея лицо и шея покры были розоватымъ отблескомъ свѣта о факеловъ, и волосы отливали золотом Какъ она хороша!

— Ты мнѣ опротивила? — прогоі рилъ онъ внѣ себя и бросился пере, нею въ росистую траву, привлекая і

себѣ въ объятія ея слегка согнутый отъ напряженнаго вслушиванія станъ. —Я никогда такъ ясно не сознавалъ, до чего я тебя люблю. Я только тогда убѣдился, что не могу жить безъ тебя, когда мнѣ угрожала опасность потерять тебя. О Вероника! Если я еще не имѣю возможности пока дать тебѣ мѣсто, на которое ты имѣешь право рядомъ со мной, то въ сердцѣ Тита ты всегда будешь полновластной властительницей.

— Еще не имѣешь возможности,—повторила она.—Еще не имѣешь? И никогда не будешь имѣть?

— Дай утихнуть гнѣву противъ іудеевъ.

— А если Веспасіанъ, и тогда еще будетъ сопротивляться?

Титъ гнѣвно выпрямился.

— И тогда еще? Тогда недалекъ будетъ день, когда Титъ станетъ единственнымъ властителемъ Рима.

Теперь и она вспыхнула.

— Ты рѣшишься на это?

— Клянусь всѣми богами. Цезарь Титъ прежде всего признаетъ Веронику Августой.

Она взглянула на него дикимъ взоромъ и стиснула руки, удерживая крикъ. Теперь она не ошиблась. Страшный крикъ раздался во дворцѣ и донесся до ея внимательнаго уха.

— Но вѣдь Веспасіанъ,—проговорила она задыхаясь,—силенъ и здоровъ. Веспасіанъ будетъ жить безъ конца.

Онъ глухо вздохнулъ.

— Безъ конца.

Они оба замолчали. Раздались чьи-то торопливые шаги. Вероника сидѣла неподвижно, она поблѣднѣла, и глаза съ мучительнымъ напряженіемъ вглядывались въ подходившаго къ нимъ человѣка.

— Титъ!—раздался испуганный голосъ.—Цезарь...

Титъ вскочилъ.

— Іосифъ Флавій? — сказалъ онъ, узнавъ подошедшаго.—Что случилось?

Бывшій намѣстникъ Іудеи тяжело дышалъ отъ поспѣшной ходьбы.

— Веспасіанъ... — проговорилъ онъ съ трудомъ, и ужасъ отразился на его лицѣ.—Веспасіанъ умираетъ. Его только что унесли домой. Спѣши!..

— Умираетъ? — проговорилъ Титъ, блѣднѣя, и невольно отступилъ отъ Вероники.

— Умираетъ?—повторила и Вероника беззвучно.

— Онъ опирался на руку Агриппы,—сообщилъ Іосифъ Флавій,—чтобы подняться изъ-за стола, когда вдругъ смертельно поблѣднѣлъ и зашатался. Агриппа едва удержалъ его отъ паденія. Нѣсколько врачей около него, но они не могутъ понять въ чемъ дѣло. Онъ лежитъ какъ мертвецъ, сердце едва бьется. Вѣроятно внезапный параличъ. Во всякомъ случаѣ, Титъ, поспѣши къ больному. Въ случаѣ его смерти сенатъ тотчасъ же принесетъ тебѣ присягу и ты покажешься народу. Ты вѣдь знаешь—Домиціанъ, твой братъ...

Онъ замолкъ. Титъ уже спѣшилъ ко дворцу... Домиціанъ! У Тита не было большаго врага, чѣмъ Домиціанъ, который завидовалъ его славѣ и стремился занять его мѣсто.

У большой лѣстницѣ Вероника нагнала его.

— Ты мнѣ дашь знать, Титъ,—настойчиво просила она,—еще въ эту ночь?

— Въ эту ночь,—подтвердилъ онъ и прибавилъ тихо, чтобы Іосифъ Флавій его не слышалъ: — Титъ умѣетъ быть благодарнымъ. Если Веспасіанъ умретъ, то Римъ завтра будетъ привѣтствовать Веронику именемъ Августы.

Іегуда бенъ Сафанъ вышелъ изъ воротъ дворца и сдѣлалъ условленный знакъ. Регуэль быстро вышелъ изъ-за угла.

— Счастье тебѣ улыбается, — прошепталъ Іегуда.—Веспасіанъ внезапно заболѣлъ. Поговариваютъ о ядѣ. Во дворцѣ величайшее смятеніе. Тебѣ легко будетъ попасть къ Вероникѣ.

Регуэль ничего не отвѣтилъ. Онъ только горѣлъ желаніемъ попасть къ предательницѣ. Онъ молча послѣдовалъ за своимъ проводникомъ черезъ темные безмолвные покои. Іегуда остановился у маленькой двери, осторожно открылъ

ее и сталъ вслушиваться, притаивъ дыханіе. Затѣмъ онъ увлекъ за собой своего спутника.

Они очутились въ темнотѣ. Черезъ дверь сосѣдней комнаты пробивался лучъ свѣта.

— Это свѣтъ изъ спальни царицы,— сказалъ Іегуда.—Въ этой комнатѣ хранятся ея наряды. Тамъ въ углу покрытое коврами возвышеніе. Спрячься за нимъ и обожди, пока Вероника отпуститъ своихъ служанокъ. Но, можетъ быть, — прибавилъ онъ испытующимъ тономъ, — ты откажешься отъ своего опаснаго замысла? Не скрою отъ тебя, что отсюда трудно будетъ выбраться. А если тебя схватятъ, то тебя ожидаетъ...

Регуэль остановилъ его спокойнымъ движеніемъ руки.

— Я только раздѣлю участь моего народа,—сказалъ онъ твердымъ голосомъ.

Онъ всталъ на свое мѣсто. Іегуда вышелъ изъ той же двери, черезъ которую ввелъ Регуэля. Душная тишина воцарилась въ комнатѣ.

Іегуда смѣялся, медленно проходя по темнымъ улицамъ Рима.

— Было бы безуміемъ,—думалъ онъ,— держаться за крылья умирающаго орла, надѣясь взлетѣть съ нимъ вверхъ.

Власть Вероники погибаетъ. Расшатанный домъ нужно срыть до основанія прежде, чѣмъ онъ обрушится на живущихъ въ немъ.

Онъ подошелъ къ дворцу Веспасіана, передъ которымъ замѣтно было оживленіе. Гонцы и сенаторы, астрологи и врачи, ходили и выходили, озабоченные болѣзнью цезаря. Іегуда обратился къ одному изъ придворныхъ.

— Царь Агриппа у Веспасіана?

Тотъ отвѣтилъ утвердительно.

— Позови его поскорѣе, или, лучше, проведи меня къ нему. Дѣло чрезвычайно спѣшное. Оно касается здоровья императора.

Придворный вздрогнулъ, и быстро исчезъ во внутреннихъ покояхъ. Іегуда послѣдовалъ за нимъ въ комнату больного. Оттуда поспѣшно вышелъ Агриппа.

— Это ты, Оній?—спросилъ онъ въ изумленіи.

Бывшій пророкъ поклонился съ улыбкой.

— Вспомни,—сказалъ онъ,—что ты до сихъ поръ не отпускалъ меня изъ твоей службы.

Царь нахмурилъ лобъ.

— Поздно вспомнилъ объ этомъ,— сказалъ онъ,—и, право, теперь не время.

— Теперь то именно и время,— прервалъ его Оній многозначительно.— Я пришелъ сообщить тебѣ тайну, которая навсегда упрочитъ тебѣ дружбу Флавіевъ. Выздоровленіе цезаря въ твоей рукѣ. Цезарь отравленъ.

Агриппа отшатнулся поблѣднѣвъ.

— Вероникой?.. — пробормоталъ онъ невольно выражая вслухъ свою догадку.

— Вероникой,—подтвердилъ Оній—Я могу дать тебѣ средство отмстить ей.

Царь съ угрозой поднялъ руку.

— Клянусь моимъ павшимъ могуществомъ,—воскликнулъ онъ, — я воспользуюсь этимъ средствомъ.

Онъ въ ужасѣ отступилъ. Чья-то рука легла ему на плечо. Передъ нимъ былъ Титъ.

— Отравленъ Вероникой? спросилъ сынъ Веспасіана, задыхаясь.—Докажи это.

Оній отважно выпрямился.

— Прости, благородный цезарь,— сказалъ онъ льстиво,—что я не самъ принесъ тебѣ это извѣстіе. Я хотѣлъ пощадить твое сыновнее чувство. Но это полная правда. По порученію Вероники я самъ напиталъ ядомъ яблоко, которое приготовлено было для обычнаго десерта Веспасіана. Но успокойся,— прибавилъ онъ, улыбаясь при видѣ волненія Тита.—Желаніе Вероники было, чтобы ядъ былъ смертельный, я же замыслилъ иное. Никогда бы я не посягнулъ на жизнь цезаря.

— Однако,—Веспасіанъ лежитъ неподвижимъ какъ мертвый. Сердце его едва бьется. Усилія врачей оживить его тщетны.

— Это потому, что они не знаютъ истины,—отвѣтилъ пророкъ.—Я выбралъ безвредное снотворное средство, и Веспасіанъ навѣрно встанетъ свѣжимъ и

здоровымъ завтра утромъ, даже если ты и не повелишь употребить раньше этого противоядіе. Я передаю его тебѣ въ руки, какъ доказательство моей честности. Ты можешь дать его врачамъ для изслѣдованія.

Оній передалъ Титу маленькую коробочку.

— Но почему,—спросилъ Титъ, глядя на него съ выразительнымъ презрѣніемъ,—почему ты не донесъ о покушеніи заранѣе?

Оній пожалъ плечами.

— Тогда бы стали допрашивать Веронику,—отвѣтилъ онъ,—и скорѣе повѣрили бы ея отрицаніямъ, чѣмъ моему доносу. Ты вѣдь знаешь, даже пытка не всегда заставляетъ говорить правду, а я слишкомъ слабъ, чтобы выдержать такое испытаніе. Да къ тому же это было бы напрасно. Царица несомнѣнно нашла бы другую менѣе совѣстливую руку для исполненія своей воли.

Титъ наклонилъ голову, соглашаясь съ доводами Онія, но взоръ его попрежнему оставался мрачнымъ.

Римъ не провозгласитъ его завтра единымъ цезаремъ.

— Жди здѣсь отвѣта,—сказалъ онъ послѣ короткаго раздумья и подозвалъ стражей, стоявшихъ внизу... Центуріонъ Фотинъ останется при тебѣ. Но берегись, при первой попыткѣ бѣжать, ты будешь немедленно казненъ.

Пророкъ самоувѣренно усмѣхнулся и отошелъ на нѣсколько шаговъ. Фотинъ сталъ около него, заграждая ему доступъ въ двери. Агриппа прислонился у дверей.

Прошло около часа, прежде чѣмъ вернулся Титъ.

— Ну, что же?—спросилъ царь.

— Онъ сказалъ правду,—холодно отвѣтилъ Титъ.—Веспасіанъ проснулся совершенно здоровый, онъ только еще слишкомъ слабъ, чтобы говорить о случившемся. Подойди ближе, Оній.

Оній подошелъ съ подобострастнымъ и смиреннымъ видомъ. Но глаза его горѣли жаднымъ ожиданіемъ. Теперь, наконецъ, онъ близокъ къ желанной цѣли. Онъ спасъ цезаря. Награда его будетъ несмѣтная.

— Что повелѣваешь, цезарь?—проговорилъ онъ съ напускнымъ благоговѣніемъ.

— Ты заслужилъ благодарность Флавіевъ,—отвѣтилъ Титъ съ холоднымъ спокойствіемъ.—Требуй себѣ милости.

Оній сдѣлалъ глубокій поклонъ.

— Да исполнится воля великаго цезаря. Вотъ все чего я желаю.

Жестокая улыбка промелькнула какъ молнія на мрачномъ лицѣ цезаря.

— Хорошо. Вотъ тебѣ.

Онъ подозвалъ раба, который несъ за нимъ два маленькихъ мѣшка. — Вотъ золото.

Выраженіе торжества исчезло съ лица Онія.

— Золото, только золото!

Рабъ вложилъ ему въ руку оба мѣшка. Еще разъ пророкъ взглянулъ на лицо Тита, но то, что онъ тамъ увидѣлъ, лишило его охоты просить большихъ милостей. Онъ медленно направился къ выходу. Фотинъ пошелъ за нимъ, а Титъ молча слѣдилъ за нимъ глазами. Потомъ онъ вдругъ окликнулъ его.

— Оній!

Оній радостно обернулся.

— Что велишь, цезарь?

— Ты состоялъ на службѣ у Вероники?

— Да, цезарь.

Титъ не могъ скрыть своего презрѣнія.

— Тѣмъ постыднѣе твоя измѣна. Ты получилъ награду за твою услугу. А наказанія за измѣну ты не боишься? Взять его, Фотинъ! Брось его на съѣденіе самому свирѣпому тигру, и не завтра, а сегодня, тотчасъ же. И не забудь дать ему съ собой мѣшки съ золотомъ.

Пророкъ отъ ужаса упалъ на колѣни, продолжая все-таки судорожно сжимать въ рукахъ мѣшки съ золотомъ.

— Пощади, цезарь,—молилъ онъ.—Пощади, подумай! Еслибы я не ставилъ жизнь твоего отца выше, чѣмъ волю Вероники, то...

Титъ прервалъ его, сдѣлавъ повелительный жестъ. Фотинъ и солдаты схватили предателя и потащили его за собой. Оній рыдалъ отъ страха.

Титъ стоялъ не двигаясь, и глаза его мрачно глядѣли въ пустоту. Агриппа поблѣднѣвшими губами спросилъ его:

— А Вероника? Хочешь, чтобы я...

Изъ груди Тита вырвался стонъ.

— Я самъ...—проговорилъ онъ,—и тотчасъ же!

Лучъ свѣта померкъ. Кто-то сталъ передъ дверью. Регуэль не обратилъ на это вниманія. Ожиданіе среди ночной тишины отвлекло его мысли. Онъ стоялъ на порогѣ смерти. Онъ не убѣжитъ, свершивъ свое дѣло. Безтрепетно и съ торжествомъ будетъ онъ ждать мщенія Тита. Ему казалось, что изъ темной пропасти у ногъ его къ нему поднимается съ мягкой улыбкой и бѣлыми руками чей-то образъ и манитъ его знакомымъ страстнымъ шопотомъ. Онъ чувствуетъ ароматъ золотистыхъ волосъ Деборы.

— Я иду къ тебѣ,—шепталъ онъ упоенный, протягивая руки, чтобы обнять за предѣлами жизни погибшую возлюбленную. Вдругъ онъ вздрогнулъ. Чей то голосъ долетѣлъ до него изъ сосѣдней комнаты. Сдержанные, неясные звуки,—но онъ почувствовалъ въ нихъ радость торжества и побѣды.

Это была Вероника. Теперь она стоитъ на высотѣ и подымаетъ побѣдный кубокъ къ надмѣннымъ устамъ.

— Нѣтъ, не жемчугъ, Харміона! Укрѣпи мнѣ въ волосахъ вотъ этотъ камень. Онъ не разъ возбуждалъ изумленіе и зависть римлянокъ своимъ блескомъ. Онъ блеститъ какъ капля росы на лепесткахъ розы... Одѣнь мнѣ вѣнецъ. Вѣдь сейчасъ придетъ Титъ, и Вероника должна предстать предъ нимъ Августой, властительницей міра. Ты изумлена, дѣвушка? Завтра ты увидишь весь Римъ и весь міръ у моихъ ногъ. Сдѣлай же меня прекрасной, если даже я и утратила красоту.

Она говорила какъ въ бреду, обрывками словъ, и нѣсколько разъ прерывала себя короткимъ смѣхомъ. И въ сладостномъ сознаніи торжества она легла на диванъ, протянула впередъ руки и полузакрыла глаза, такъ что лучъ свѣта проникалъ въ нихъ отдѣльными искрами.

Легкій шумъ послышался у двери въ сосѣднюю комнату отъ приближенія чьихъ то осторожныхъ шаговъ. Кто-то наклонился надъ ней, чья-то рука ощупывала ея одежду и теплое дыханіе коснулось обнаженной шеи. Она медленно поднялась и обратила къ вошедшему лицо, отуманенное сномъ. Она улыбнулась.

— Регуэль, прошептала она, я знала, что ты придешь!

Онъ отшатнулся съ дикимъ крикомъ, протягивая впередъ руки, какъ бы для обороны. Лицо его помертвѣло. Кинжалъ, который онъ только что вынулъ, чтобы пронзить имъ сердце предательницы, упалъ съ глухимъ звукомъ на тяжелый коверъ.

— Дебора, это ты?!..

Она не шевельнулась. Полуоткрытыми глазами она недвижимо глядѣла на него.

Голосъ его, казалось, не доходилъ до ея ушей, и она продолжала жить во снѣ. Она снова увидѣла передъ собой все, что случилось со времени пожара.

— Значитъ, все это была неправда, радостно шептала она.—Неправда. Стѣны Бетъ-Эдена не пали среди пламени, Вероника не стала женой римлянина язычника. Этого всего не было. Израиль могущественнѣе, чѣмъ когда либо. Видишь, какъ сверкаетъ священное золото на кровляхъ храма. Вероника все еще принадлежитъ одному только Регуэлю. И онъ къ ней вернулся. Ты здѣсь?

Она медленно поднялась и подошла къ нему, раскрывъ объятія и протягивая ему губы.—Развѣ я нехороша? Я нарядилась для тебя.

Онъ отшатнулся съ чувствомъ отвращенія и тайнаго ужаса. И все таки—какъ она прекрасна! И этой красотой она воспользовалась для предательской игры съ нимъ. Теперь онъ вдругъ все понялъ, всѣ нити сплелись, возстановляя коварную сѣть, въ которую онъ попался. Все въ ней было живо, каждое слово, каждая улыбка. И теперь, чтобы спастись отъ него, она притворяется безумной.

Она пошла вслѣдъ за нимъ. Длиннымъ волочащимся по полу платьемъ она потянула за собой кинжалъ. Когда Регуэль съ внезапной яростью бросился

на нее, кинжалъ очутился у его ногъ, сверкая на темномъ коврѣ. Онъ его быстро схватилъ.

— Теперь ты умрешь. Счастлива рука, которая положитъ конецъ твоей гнусной жизни.

Глаза ея широко раскрылись, но не отъ страха. Казалось, она хотѣла запечатлѣть въ нихъ образъ мстителя. И опять улыбка показалась на ея устахъ.

— Умереть въ любви! Убей меня!

Кровь возлюбленной сейчасъ прольется на него.

Онъ взялся рукой за кинжалъ. Вероника оставалась неподвижной, какъ бы окаменѣлой.

Снова охватилъ его ужасъ. Онъ крикнулъ и взглянулъ на красную волнистую линію рта, на которой покоились его губы.

— Убей меня!

Онъ долго стоялъ передъ ней на колѣняхъ. Потомъ онъ провелъ рукой по влажному лбу и медленно поднялся. Онъ думалъ только объ одномъ: рука его никогда не будетъ имѣть достаточно силы, чтобы остановить это бьющееся сердце—никогда.

— Дебора!

Дебора не шевельнулась. Она лежала, какъ спящая, но выраженіе ея лица все болѣе измѣнялось. Улыбка счастья исчезла, и рѣдкое упрямство образовало жесткую складку вокругъ рта. Дикіе гордые звуки срывались съ ея устъ.

Вдругъ въ комнату ворвалась рѣзкая струя воздуха. Открылась маленькая дверь изъ сосѣдней комнаты—та, черезъ которую вошелъ Регуэль.

Невольно онъ обернулъ глаза и отшатнулся.

— Іегуда бенъ Сафанъ?

— Нѣтъ, не Іегуда, а Стефанъ.

Онъ остановился у двери и пламеннымъ взоромъ озирался вокругъ. Онъ увидѣлъ Регуэля. Лицо раба налилось кровью до самыхъ бѣлковъ глазъ. Нечленораздѣльный, рѣзкій крикъ вырвался изъ его груди и руки его сжались.

Вероника тоже поднялась. Узнала-ли она его?

Съ крикомъ смертельнаго ужаса она къ нему бросилась, какъ бы ища у него помощи. Указывая рукой на Регуэля, она стала молить жалобнымъ голосомъ:

— Видишь, онъ хочетъ затоптать меня ногами! Защити меня отъ него, Оній, защити отъ Веспасіана! Онъ разорвалъ брачный контрактъ. Онъ надругался надо мной. Но вѣдь у тебя, Оній, есть ядъ, неправда ли. Ты его впустишь въ жилы его, чтобы онъ умеръ. Я перешагну черезъ его, трупъ, чтобы подняться на вершину—и ты со мной. Убей его, Оній, убей!

Регуэль содрогнулся, взглянувъ въ ея безумные глаза. Теперь онъ все понялъ.

Даже еслибы у него хватило силы, месть его пришла бы слишкомъ поздно. Вероника уже наказана судьбой.

Стефанъ не слышалъ словъ своей госпожи. Но онъ понялъ все по выраженію ея глазъ. И передъ нимъ стоялъ Регуэль, котораго онъ ненавидѣлъ со времени Бетъ Эдена.

Онъ бросился на него, вырвалъ кинжалъ и вонзилъ его быстрымъ твердымъ ударомъ въ грудь противника. Регуэль не сопротивлялся. Безъ крика боли принялъ онъ смертельный ударъ и упалъ на коверъ. Онъ еще разъ только поднялъ взоръ на прекрасный образъ, склоняющійся надъ нимъ. Онъ видѣлъ въ немъ не ту женщину, которая въ безуміи ухватилась за колонну и дрожала отъ страха, а величественный чистый обликъ другой женщины—женщины изъ Бетъ-Эдена.

Дебора!

Все кончено. Стефанъ поднялся, согнувъ спину и глядя жадными налитыми кровью глазами,—какъ звѣрь, готовый сдѣлать прыжокъ.

Онъ долго ждалъ,—цѣлые годы, онъ видѣлъ счастье Регуэля и Тита. Неужели теперь опять чередъ Регуэля?

Нѣтъ, не Регуэля, а Стефана. Левъ отважился на прыжокъ. Тихій жалобный стонъ его жертвы замеръ подъ его руками. Онъ припалъ къ ней губами, но не для того, чтобы цѣловать Веронику. Съ безумнымъ воемъ онъ впился сверкающими зубами ей въ лицо, и сталъ пить показавшуюся кровь. Еще, еще!

Отъ страшной боли къ Вероникѣ на минуту явилось сознаніе. Она вдругъ все

ясно видѣла и поняла. Какъ тогда, послѣ пожара въ Бетъ-Эденѣ, когда она хотѣла умертвить себя, такъ и теперь демонъ безумія протягивалъ къ ней руки и она теряла власть надъ собой.

Безуміе всего ея рода обрушилось на нее, подавляя ея разумъ. Оно охватило ее съ тѣхъ поръ, какъ она отдалась Титу. Измѣна отечеству, разрушеніе Іерусалима, гибель ея народа—все это произошло по винѣ ея отравленной, разлагающейся уже въ живомъ тѣлѣ крови.

— Проклятая кровь дома Иродовъ!

Съ послѣднимъ напряженіемъ сознанія она крикнула эти слова. Потомъ она лишилась чувствъ.

А кровь ея порождала такое же безуміе и бѣшенство въ жилахъ Стефана.

Эпилогъ.

Они медленно поднимались по камнямъ и грудамъ обгорѣлыхъ балокъ, свидѣтельствующихъ, что здѣсь нѣкогда стоялъ Іерусалимъ.

— Сіонъ, ты былъ нѣкогда вѣнцомъ въ рукѣ Божіей. А теперь?

Тамъ, гдѣ нѣкогда стоялъ храмъ, они остановились. Вероника опустилась на почернѣвшій кусокъ мрамора, а Стефанъ легъ у ногъ ея, какъ вѣрный песъ.

Теперь Вероника ему принадлежала. Они поднимались сюда вечеромъ въ туманѣ наступавшей ночи. А на разсвѣтѣ они возвращались туда, откуда пришли, къ заброшенному мѣсту у ручья. Римскіе солдаты, охранявшіе развалины, хорошо ихъ знали и часто смѣялись надъ ними.

Иногда они благоговѣйно склонялись передъ женщиной.

— Да здравствуетъ царица!—кричали они и хохотали.

Вероника гордо благодарила ихъ за поклоны.

Иногда они ее били, и теребили ея длинные золотистые волосы.

— Убирайся вонъ, дьяволица,—кричали они.

Тогда Стефанъ бросался передъ ними на колѣни и молилъ ихъ мрачными воспаленными глазами.

Была-ли Вероника безумной? Люди это ей говорили тысячу разъ, но она не вѣрила. Ночью, когда она сидѣла на мраморныхъ обломкахъ, передъ ней возставали знакомыя фигуры шести тысячъ людей, бросившихся въ пламя. Она видѣла Іоанна и Регуэля и погибшихъ въ когтяхъ у дикихъ звѣрей іудеевъ. Она зажимала уши, чтобы не слышать криковъ, и закрывала глаза руками, что бы не видѣть кровь, льющуюся изъ трепещущихъ тѣлъ. Она страдала отъ невыразимыхъ мукъ, и при первомъ дуновеніи утренней прохлады бѣжала прочь, съ крикомъ ужаса.

Но вечеромъ она снова возвращалась. Кто ее заставлялъ? Она чувствовала, что должна возвращаться, и каждый разъ снова глядѣть на страшные призраки убитыхъ единовѣрцевъ.

Наступилъ день, когда уже у ней не было силъ подняться вверхъ. Стефанъ охваченный смертельнымъ ужасомъ, поспѣшилъ за помощью. На развалинахъ онъ встрѣтилъ незнакомца, одного изъ іудеевъ, которые приходили ежедневно молиться у разрушенныхъ стѣнъ. Онъ послѣдовалъ за Стефаномъ, склонившись на его безмолвныя мольбы.

Когда они вошли въ пещеру, Вероника остановила ихъ на порогѣ властнымъ движеніемъ руки. Съ послѣднимъ напряженіемъ силъ она поднялась, устремила потухающій взоръ на іудея и съ усиліемъ произнесла вопросъ:

— А гдѣ сыны Божіи?

Іудей отвѣтилъ. Лицо Вероники помертвѣло. Застонавъ отъ горя, она упала на свое ложе. Когда Стефанъ нагнулся надъ ней, она уже была мертва.

Царица іудейская умерла, одинокая, забытая, въ горной пещерѣ.

Что сказалъ ей незнакомецъ?

. . . .

Дѣти Израиля скитаются по землѣ.

. . . .

Конецъ.

Digitized by Google